



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Cellar

13E1

*ACH

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῖς ἐτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυμνοῖσι οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТИЙ.

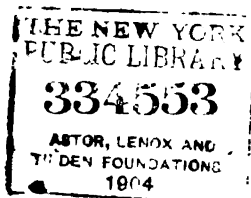
=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1847. ✓

15624



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ глѣзъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 іюля 1847.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ И. Ивановскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯГО ТОМА.

1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Поэтъ. <i>Юрія Волкова.</i>	61.
Падшей. <i>Его же.</i>	62.

ПРОЗА.

Помѣшанная. <i>Повѣсть Г. Г***.</i>	1.
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Вельт- мана. Часть десятая.</i>	65.
Спекуляторы. <i>Романъ П. Сухонина.</i>	131.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ Исторія бѣдныхъ родственниковъ. Кузѣнъ Понсъ, или Два Музыканта. Романъ де-Бальзака. Часть первая. . .	1.
Тоже — Часть вторая и послѣдняя.	79.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Практическія и физиологическія наблюденія надъ дѣйствіемъ паровъ зѣбра на животный организмъ. Профессора <i>Пирогова</i> . Статья первая.	1.
Тоже — Статья вторая и послѣдняя.	103.
Путешествіе и открытія лейтенанта <i>Л. Загоскина</i> въ Русской Америкѣ. Статья первая.	29.
Тоже — Статья вторая.	145.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О прядильныхъ и масляныхъ растеніяхъ. <i>Г. Н—на</i> . Статья первая.	1.
Тоже — Статья вторая.	33.

V.

КРИТИКА.

✓ Очеркъ Англійской литературы. Сочиненіе Томаса Ша. (Outlines of the English Literature; for the use of the Imperial Alexander Lyceum. By Thomas B. Shaw, adjunct-professor. St.-Petersburg, 1847.) Статья первая и вторая.	1.
Тоже — Статья третья и послѣдняя.	37.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Июль, 1847. Новыя книги и брошюры.	1.
— — Разныя извѣстiя	17.
Июль, 1847. Новыя книги и брошюры.	19.

VII.

С М Ъ С Ъ.

І Ю Л Ъ.

О новѣйшихъ открытіяхъ Фаредѣ.	1.
Несовершенство человѣческаго глаза. Замѣчанія, сообщенныя парижской академіи наукъ господиномъ Матиссе-номъ.	4.
Баронъ Дамоассо.	5.
О будущемъ появленіи большой кометы 1264 и 1556 года. Замѣчанія господина Гинда (Hinde).	6.
Новый счетчикъ, изобрѣтенный господиномъ Куммеромъ. Алмазь, превращенный въ уголь. Опыты господина Жа-лена.	7.
Судебныя приговоры животнымъ.	9.
Парія во Франціи и въ Испаніи.	11.
Замѣчанія Литтрова о Россіи.	13.
Церемоніаль по случаю похоронъ китайской императрицы. Рейнскіе разбойники.	18.
Французскій театръ въ Парижѣ	23.
Музыкальныя новости.	28.
Новыя французскія книги	33.
Новыя музыкальныя сочиненія	59.
Моды	60.
	63.

А В Г У С Т Ъ.

Открытие новой (четыринадцатой) планеты.	65.
Семнадцатое собраніе британскаго общества распростра-ненія наукъ, въ Оксфордѣ, въ іюль 1847 года.	66.
Важная находка для филологовъ.	68.

Военная сила и устройство германскаго союза. Статья К. Шторха.	69.
Мадридъ и нынѣшнее испанское общество.	86.
Марониты. Ливанскія сцены. Статья Жерара де-Нервала.	116.
Мексиканскіе водолазы. Статья Габріеля Ферри.	133.
Музыкальныя новости.	149.
Новыя французскія книги	181.
Новыя музыкальныя сочиненія	184.
Моды	187.

=

ПОМЪШАННАЯ.

=
ПОВѢСТЬ.
=

Дверь въ кабинетъ доктора Брандта отворилась, вошелъ Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ.

— Какъ! это ты, любезный Артуръ! вскричалъ съ восторгомъ хозяинъ: дай расцѣловать себя! наглядѣться на тебя. Наконецъ-то ты возвратился. Посмотримъ, милый искатель приключеній, какъ-то ты провелъ эти послѣднія пять лѣтъ?

— Тебѣ покажется страннымъ, однако это истинная правда: я выѣхалъ изъ Риги безъ цѣли, самъ не зная куда ѣду, и сколько времени продлится мое отсутствіе. Было холодно, когда я собрался въ дорогу. Единственно по этой причинѣ я отправился на югъ. Случай завезъ меня въ Марсель, откуда я сѣлъ на пароходъ и отправился въ Италію, которую почти всю кругомъ объѣхалъ, начиная съ Альпъ до Везувія. Такъ прошли два года. Въ Неаполѣ я познакомился съ однимъ туристомъ, Англичаниномъ. Онъ предложилъ мнѣ предпринять на общій счетъ путешествіе на Востокъ. Я согласился. Мы поплыли къ Мальтѣ, потомъ въ Александрію, объѣздили Египетъ и Сирію, потомъ посѣтили Константинополь и, наконецъ, Грецію. Однажды два парохода стояли у пристани въ Пиреѣ: одинъ отправлялся въ Триестъ, другой въ Гибралтаръ.

— У меня нѣтъ ни времени ни денегъ, сказалъ мой товарищъ: я могу ѣхать только въ Германію или въ Испанію. Надо выбрать.

— Я выбираю Испанію, отвѣчалъ я.

— Чтò же до меня касается, сказалъ Англичанинъ: мнѣ бы лучше хотѣлось полюбоваться на мечтательныхъ Нѣмочекъ, чѣмъ на пламенныхъ Испанокъ. Хотите бросить жребій? Пусть сама судьба рѣшитъ.

Принесли карты, я выигралъ. Вскорѣ мы пріѣхали въ Гибралтаръ. То пѣшкомъ, то сидя на мулахъ, вооруженные какъ бандиты, мы объѣхали всю Испанію. Нельзя жить долго вмѣстѣ, подвергаться одинъ для другаго опасностямъ, и не привязаться другъ къ другу. Въ минуту разставанья, товарищъ убѣдительно просилъ меня проводить его до Лондона и провести недѣлю въ его семействѣ: вмѣсто недѣли, я пробылъ цѣлый годъ въ Англіи: такъ я полюбилъ моего новаго друга и его родныхъ. Между-тѣмъ когда я однажды увидѣлъ на картинкѣ видъ Лиляндіи, сердце у меня затрепетало. На другой же день я простился съ моими добрыми, гостепріимными друзьями и возвратился въ Ригу, безъ цѣли, безъ причины, безъ надобности, такъ, случайно, — какъ уѣхалъ, такъ и пріѣхалъ.

— Всѣ тотъ же вѣтренникъ, тотъ же мечтательный юноша, который ничего по-людски не дѣлаетъ.

— Ты ошибаешься, мой другъ, и я тотчасъ докажу тебѣ это, потому что я виноватъ передъ тобою болѣе чѣмъ ты предполагаешь. Нечего дѣлать, надо признаться: я пріѣхалъ къ тебѣ съ выгодною для меня цѣлью: мнѣ хочется откровенно поговорить съ тобою и разспросить тебя кое о чемъ. Мать моя хочетъ женить меня: она на этомъ почти помѣшана. По ея мнѣнію, холостая жизнь — самое безбожное состояніе, и она изнываетъ, чтò единственный ея сынъ застоялся въ такой невоспроизводительной категоріи. Чтò же до меня касается, не имѣя особенной охоты жениться, я долго противился, наконецъ согласился быть представленнымъ родителямъ одной молодой дѣвушки, которая во всѣхъ отношеніяхъ годится въ невѣстки моей матери. Ктому же странническая жизнь неможно утомила меня. Я еще не люблю моей невѣсты, но она мнѣ очень нравится. И такъ, любезный другъ, если ты мнѣ дашь удовлетворительныя свѣдѣнія насчетъ ея семейства, то, можетъ-статься, мы скоро будемъ зятьями.

Лицо доктора Брандта вдругъ омрачилось.



— Какъ! ты хочешь жениться на Ильдегардѣ, сестрѣ моей жены? вскричалъ докторъ съ удивленіемъ.

— Да. Теперь, какъ другъ, расскажи мнѣ все откровенно про геррѣ Вангхамера, твоего тестя.

— Я не могу ничего сказать, любезный Артуръ, отвѣчалъ Брандтъ съ горестнымъ выраженіемъ: я въ ссорѣ съ моимъ тестемъ и дѣе вижу съ нимъ: на это я имѣю очень важную причину. Слѣдовательно, ты поймешь, что я могу быть пристрастнымъ, а въ такомъ дѣлѣ необходима истина....

— Какъ тутъ дѣло идетъ о выгодахъ женитьбы, то я полагаю, что ты можешь сказать мнѣ, въ самомъ ли дѣлѣ Вангхамеръ такъ богатъ, какъ кажется по наружности.

— Я думаю, онъ имѣетъ прочное и большое состояніе.

— Наконецъ, что это за человѣкъ?

— Что до этого, то двойная обязанность твоего друга и его зятя заставляетъ меня держать нейтралитетъ. Но у тебя въ рукахъ есть прекрасное средство, отвѣчалъ положительный и расчетливый докторъ. Когда женятся не по страсти, тогда дѣлаютъ аферу: это ясно доказывается тѣмъ, что всегда начинаютъ съ условій и, по моему мнѣнію, поступаютъ благоразумно, потому что жениться значитъ занять окончательное положеніе въ свѣтѣ, создать себѣ непрерывныя заботы, обязанности, взять на свою отвѣтственность благосостояніе и счастье всего своего семейства. Нѣжный супругъ, помни это, — прежде всего ставитъ себѣ въ обязанность прилично одѣвать, и хорошо кормить любимицу своего сердца; поэтический отецъ смотритъ на дѣтей своихъ, какъ на драгоценныя существа, которымъ необходимо навѣять вянку и платить за нихъ воспитаніе. Тутъ дѣло идетъ о твоихъ настоящихъ и будущихъ выгодахъ, о благосостояніи и счастьи всего твоего семейства. Я бы тебѣ совѣтовалъ самому не браться за это дѣло, а послать какого-нибудь свѣдущаго человѣка, — хоть напримѣръ здѣшняго нотариуса Бартельса, — потому что ты не имѣешь ни какого понятія объ условныхъ актахъ, между-тѣмъ какъ геррѣ Вангхамеръ, который выдалъ уже двухъ дочерей, имѣетъ большую опытность въ такихъ дѣлахъ. Я даю тебѣ дружескій совѣтъ, за который впоследствии, я думаю, ты поблагодаришь меня.

Артуръ фонъ-Мевенштейнъ послѣдовалъ совѣтамъ своего друга. Адвокатъ его торжественно представился къ отцу Ильдегарды. Вангхамеръ подробно спрашивалъ о состояніи Артура и о будущихъ его надеждахъ. Вотъ что отвѣчалъ Бартельсъ:

— Мой другъ и пріятель, фонъ-Лёвенштейнъ, имѣеть въ рижскомъ банкѣ капиталъ, который ему приносить пятнадцать тысячъ въ годъ; исключая того у него есть помѣстье въ дерптскомъ уѣздѣ, которое цѣнить въ осемьдесятъ тысячъ серебромъ. Я могу вамъ показать купчую крѣпость и банковый билетъ: они у меня въ карманѣ. Исключая того, мой другъ единственный наследникъ своей матери, у которой тридцать тысячъ въ годъ дохода. Теперь, милостивый государь, позвольте васъ спросить, что вы намѣрены дать за свою дочьрю.

Вангхамеръ взялъ шепотку табаку, подумалъ, помолчалъ немного и сказалъ отечески напыщеннымъ тономъ:

— Я не хочу, чтобъ говорили, что дочь Вангхамера обязана мужу своимъ благосостояніемъ: я дамъ дочери приданое, равное съ состояніемъ фонъ-Лёвенштейна.

— Слѣдовательно, мадамозель Вангхамеръ будетъ имѣть четыреста тысячъ приданаго?

— Я люблю ровный счетъ, поспѣшно перебилъ нѣжный отецъ: я дамъ за дочьрю сто тысячъ серебромъ.

— Сто тысячъ серебромъ, согласенъ! Какимъ образомъ вы намѣрены отдать ихъ?

— Я еще не рѣшился на этотъ счетъ. Ктому же у насъ есть время подумать. Позвольте мнѣ только сказать, милостивый государь, чего я желаю болѣе всего, чтобъ дочь моя была счастлива: я хочу увѣриться, что она и женихъ ея любятъ другъ друга. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и счастья. Пусть герръ фонъ-Лёвенштейнъ сначала заставитъ полюбить себя, а тамъ посмотримъ и условимся, иначе нельзя. Если онъ успѣеть, въ чемъ я не сомнѣваюсь, тогда я отдамъ ему приданое жены его, и надѣюсь, что онъ будетъ мною доволенъ. Если онъ захочетъ денегъ, ему дадутъ деньги. Кажется нельзя говорить яснѣе и лучше поступать.

— Мнѣ довольно вашего обѣщанія, милостивый государь.

— А когда вы меня короче узнаете, то увидите, что слово Вангхамера лучше самого золота.

Повѣривъ этому золоченому слову, Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ каждый день ѣздилъ въ домъ Вангхамера. Каждый вечеръ, въ осемь часовъ, видѣли какъ онъ проходилъ по Карльс-Штрассе, гдѣ жила его невѣста: чиновникъ, отправляющійся въ министерство, не могъ быть исправнѣе. Тотчасъ послѣ обѣда, съ семи часовъ вечера, Ильдегарда становилась у окна, чтобъ ждать же-

ника и увидеть его хотя одною минутой равнѣ другихъ. Голова ея мечтала о сладостномъ свиданіи, сердце билось отъ нетерпѣнія. И какъ-только завидитъ, бывало, Артура, отъ радости начинаетъ махать платкомъ: на такой милый и наивный привѣтъ онъ отвѣчалъ тѣмъ же.

Если случалось, что задержанный дѣлами или другими обязанностями Артуръ приходилъ позже обыкновеннаго или совсѣмъ не приходилъ, Ильдегарда, при первомъ свиданіи, вмѣсто упрека останавливала на немъ свои прекрасные, утомленные безсонницею глаза, исполненные тихой грусти. Въ такихъ, впрочемъ рѣдкихъ, случаяхъ мадамъ Вангхамеръ принимала будущего зятя довольно сухо.

— Для влюбленнаго, вы не слишкомъ-то угодливы, герръ фонъ-Лёвенштейнъ. Чтò жъ будетъ когда вы женитесь?

Молодой человѣкъ начиналъ извиняться, но съ первыхъ словъ его останавливали:

— Та, та, та, та! говорила мадамъ Вангхамеръ съ живостью: не вамъ говорить, и не мнѣ слушать такіа сказки! Вамъ хотѣлось повеселиться, вотъ и всё-туть. Впрочемъ, это не мое дѣло; вѣдь не я выхожу за васъ. Если это нравится Ильдегардѣ, то дѣлайте чтò хотите.

Оскорбленный такимъ образомъ въ своемъ достоинствѣ и самолюбіи, Лёвенштейнъ намѣревался тотчасъ уйтн, чтобъ избавиться отъ сомнительной чести имѣть такую милую маменьку, но умоляющій взглядъ Ильдегарды останавливалъ его.

Когда Вангхамеръ былъ дома, тотчасъ же по прибытіи жениха приносили карточный столъ и составляли партію. Отецъ Ильдегарды игралъ во всѣ игры, но предпочиталъ всѣмъ лансквехтъ, потому что тутъ можно скоро выиграть и скоро проиграть, и потому что эта игра доставляетъ бездну ощущений. Ежедневныя спекуляціи не утоляли жгучей жажды барыша, пожиравшей этого человѣка: вечеромъ, вмѣсто отдыха, ему хотѣлось еще въ картахъ наживать состояніе и пробовать свое счастье. Онъ былъ равнодушенъ ко всѣмъ удовольствіямъ, въ которыхъ нѣтъ надежды на выигрышъ. Единственною цѣлью его жизни было копить, наживать деньги. Всѣ его дѣйствія, даже самыя обыкновенныя по наружности, стремились къ барышу. Въ концѣ разговора вѣчно проявлялась, какъ неизбежное заключеніе, мысль о выигрышѣ. Даже въ голосѣ его было нечто металлическое.

Иногда бѣдный Артуръ проклиналъ судьбу и ланскнехтъ, за которымъ приходилось ему сидѣть четыре часа съ рядомъ изъ угожденія къ будущему тестю, который смѣялся надъ нимъ, когда онъ проигрывалъ, и считалъ воровъ, грабителемъ, если ему иногда случалось выиграть. Артуръ выходилъ изъ себя.

Но краткій взоръ Ильдегарды разогналъ тучи съ чела его.

Иногда Лёвенштейнъ возилъ въ театръ свою невѣсту и все ея почтливое семейство. Если погода была хороша, мадамъ Вангхамерь предлагала итти гулять. Медленными шагами тащились до публичнаго саду, гдѣ сажались и отдыхали. Идя въ садъ, мадамъ Вангхамерь безбожно вѣшалась на руку Лёвенштейну, но возвращаясь была снисходительнѣе, позволяла жениху итти подъ руку съ невѣстой, а сама шла сзади со всею компаніею. Это было единственною наградою за всѣ мученія, претерпѣваемыя Артуромъ.

Нѣсколько разъ Лёвенштейнъ приставалъ къ Вангхамеру, чтобы онъ назначилъ скорѣе день свадьбы. Но хитрый Нѣмецъ подъ различными предлогами избѣгалъ рѣшительнаго отвѣту. Онъ имѣлъ на то особенную причину.

Однажды вечеромъ, когда Вангхамерь былъ въ хорошемъ расположеніи духа, одинъ изъ его близкихъ знакомыхъ, герръ Бергенштрёмъ, вслухъ поздравилъ его съ большимъ счастьемъ.

Вангхамерь надѣлъ личину веселаго добродушія и отвѣчалъ:

— Правда, любезный Бергенштрёмъ, фортуна мнѣ улыбнется, но она знаетъ, что мнѣ оно кстати, потому что мамзель Ильдегарда намѣрена въ скоромъ времени вытащить изъ моего кошелька двѣсти тысячъ, а такой суммы не найдешь на дорогѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, хитрый старикъ пристально глядѣлъ на своего зятя, чтобы судить по выраженію его лица, какое дѣйствіе произведутъ на него эти слова, сказанныя какъ будто на вѣтеръ.

Молодой человѣкъ не поморщился.

— Славно! подумалъ старикъ: прокатилось.... какъ сыръ по маслу.

Вангхамерь не сомнѣвался болѣе въ любви Артура къ его дочери. Онъ видѣлъ, что птичка, захваченная имъ въ сѣти, не вылетитъ изъ рукъ его, то есть, что Лёвенштейнъ, любя Ильдегарду, не отступится по поводу уменьшенія приданаго, а можетъ быть даже женится и безъ приданаго. Оставалось только найти

удобный случай, чтобъ искусно нанести рѣшительный ударъ и возвѣстять Лёвенштейну свои намѣренія.

На другой день Вангхамеръ притворился ужасно разсерженнымъ, не въ духѣ.

— Кажется, вы разстроены, герръ Вангхамеръ? спросилъ Артуръ.

— Не кажется, а въ самомъ дѣлѣ я очень разстроенъ, отъчасть Нѣмецъ отрывисто, взявъ фамильярно подъ руку Лёвенштейна, и провелъ его два или три раза молча и медленно по комнатѣ.

— Ахъ! любезный мой зять, вскричалъ онъ, въ первый разъ и съ намѣреніемъ дѣлая удареніе на этомъ словѣ: не все такъ дѣлается, какъ намъ хочется, особенно въ дѣлахъ! Девять разъ ошибешься, а одинъ разъ только удастся: трудиться и терять время, ужъ и это прискорбно, потому что для насъ, трудящихся, время всё-равно что капиталъ; но трудиться, работать и вдругъ потерять время и деньги..... Это ужасно! Слава Богу, я не жадею къ барышу. Если я тружусь, такъ это для дѣтей; если я стараюсь, чтобъ состояніе мое увеличилось, такъ это для того, чтобъ окружающіе меня были счастливы, чтобъ они наслаждались жизнью. Чтò же до меня касается, мнѣ ничего не надо: я не честолюбивъ и не тщеславенъ и давно бы оставилъ дѣла, если бъ не семейство. Видите, любезный зять, повторилъ онъ съ намѣреніемъ: я олицетворенная откровенность, я говорю съ вами чистосердечно. Нѣтъ, я не умѣю притворяться. Это не хорошо, потому что откровенность моя вредитъ мнѣ иногда, но какъ быть! не могу съ собою сладить. Иногда бы и смолчалъ, да на лицѣ видно. Если я сегодня скученъ, даже сердитъ, такъ это отъ того, что я пустилъ въ обороты значительные капиталы..... Я боюсь, чтобъ спекуляція эта не лопнула, дѣло идетъ плохо. Я знаю, что впоследствии получу свои деньги; даже увѣренъ, что буду имѣть значительный барышъ, но на это надо время, надо ждать: вотъ чтò меня огорчаетъ.... разумѣется, не для меня, — какъ я уже говорилъ вамъ, — но для дѣтей моихъ.... и для васъ тоже, потому что для оборотовъ я принужденъ буду отщипывать отъ приданого моей милой Ильдегарды, и просить васъ подождать на мнѣ. Впрочемъ, когда настанетъ день свадьбы, я увѣренъ, что мы останемся другъ другомъ довольны, прибавилъ онъ, замѣтя съ какою холодною Артуръ принялъ это извѣстіе: вѣдь мы не Татары, чтò намъ торговаться!

— Герръ Вангхамерь, сказалъ Лёвенштейнъ, голосомъ выражающимъ глубокое недовѣріе, вы честный человѣкъ.....

— Названіе это льститъ мнѣ, поспѣшно перебилъ скупой старикъ, который чувствовалъ необходимость переменить разговоръ: признаюсь даже, что я пламенно желаю заслужить это лестное названіе, которымъ вы меня ошастливили. Мы часто видимъ, что иные желаютъ, ищутъ чиновъ, орденовъ, титуловъ. Я же, славу Богу! не имѣю этой слабости. Пустыя эти погремушки человѣческаго тщеславія не возбуждаютъ во мнѣ зависти; я не забочусь о славѣ. Пускай про меня говорятъ: Вангхамерь хитерь, скупъ, даже грубиянъ, мнѣ всё - равно: только бы я имѣлъ наслажденіе знать, что послѣ смерти па камнѣ моемъ вырѣжутъ: «Тутъ поконтся Вангхамерь: онъ былъ честный человѣкъ». Вотъ все мое честолюбіе. Ахъ! вы меня еще не знаете: я престранный человѣкъ!

Лёвенштейнъ, которому вся эта болтовня крайне надоѣла, отвѣчалъ очень сухо:

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей честности, и увѣренъ, что вы сдержите данное вами слово. Вѣря ему я сталъ ѣздить въ домъ вашъ какъ женихъ вашей дочери.

— Чортъ возьми! подумалъ Вангхамерь, кажется, дѣло плохо!

Артуръ такъ пристально глядѣлъ на Вангхамера, что старикъ принужденъ былъ понять, что Артуръ ждетъ отъ него рѣшительнаго отвѣта. Но хитрецу не хотѣлось понять этого взгляду, напротивъ того, выгоды его требовали отвлечь разговоръ отъ такого предмета. Онъ вдругъ вскричалъ:

— Ахъ, милый зять! вмѣсто трехъ дочерей, лучше имѣть шестерыхъ сыновей. Я никогда за это не упрекалъ мадамъ Вангхамерь. Однако мнѣ досадно, что она падѣлила меня одними наслѣдницами. Какая разница, если бѣ вмѣсто дочерей у меня было три мальчика. Я бы сдѣлалъ изъ моихъ молодцовъ трехъ работниковъ, какъ ихъ отецъ, и сказалъ бы имъ: «Любезные дѣти, убирайтесь отъ меня прочь. Я далъ вамъ воспитаніе, научилъ работать: такимъ образомъ я больше для васъ сдѣлалъ, чѣмъ для меня мой покойный батюшка. Такъ работайте, наживайте, если хотите денегъ, приобрѣтайте, что же до меня касается, я ограничусь впередъ одними желаніями вамъ всякаго благополучія. Больше не ждите отъ меня». И нажали бы, плуты! Твердостью и ласкою я сдѣлалъ бы изъ нихъ порядочныхъ людей. Но, увы! небо отказало мнѣ въ этомъ

счастіи: въ старости я лишенъ утѣшенія имѣть наследниковъ моего имени! Впрочемъ, я не ропщу на судьбу, что у меня дочери. Ктому же, кажется, немного поздно роптать, да я былъ бы и не правъ, потому что, слава Богу, всѣхъ успѣлъ хорошо пристроить. Старшая дочь, которую я имѣлъ несчастіе потерять, была замужемъ за очень извѣстнымъ архитекторомъ; вторая за искуснымъ докторомъ и, наконецъ, меньшая, Ильдегарда, которую я вамъ назначаю, не хуже другихъ будетъ пристраена, надѣюсь.

— Я употреблю всѣ силы, чтобъ вы не раскаялись, вѣривъ мнѣ счастье вашей дочери, отвѣчалъ нетерпѣливо Лёвенштейнъ. Съ этой цѣлью, продолжалъ онъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ возраженій, я пришлю къ вамъ моего повѣреннаго, съ которымъ вы сдѣлаете послѣднія условія насчетъ нашей свадьбы.

Поклонясь Вангхамеру, онъ простился съ дамами и ушелъ, оставивъ старика въ недоумѣніи.

II.

Докторъ Брандтъ, проходя въ девять часовъ вечера мимо дому гдѣ жилъ Артуръ, и увидѣвъ свѣтъ въ кабинетѣ, взошелъ къ нему. Онъ хотѣлъ-было изъявить свое удивленіе, что другъ его сидитъ одинъ дома, вмѣсто-того, чтобъ быть съ невѣстою, какъ-вдругъ безпокойство смѣнилось удивленіемъ.

— Ужъ не боленъ ли ты? спросилъ съ живостью докторъ, замѣтя перемѣну въ лицѣ молодаго человѣка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Артуръ: я только очень разстроенъ.

— Только-то? Ты сначала испугалъ меня. Ну, что съ тобой? Находя тебя одного и въ такое время, можно подумать, что на горизонтѣ любви твоей нависла дождевая туча.

— Полно, другъ, ты рассказываешь древнюю исторію.

— Развѣ ты разошелся съ Вангхамерами?

— Совершенно и невозвратно.

— Если мой вопросъ не покажется тебѣ нескромностью, можно спросить, отчего?

— Я не имѣю ни какой причины скрывать этого. Сначала Вангхамеръ обѣщалъ дать за своею дочерью сто тысячъ цѣлковыхъ. Разумѣется, это прекрасное состояніе, но я самъ богаче. Недавно онъ мнѣ далъ замѣтить мимоходомъ, что онъ не можетъ дать Ильдегардѣ болѣе двухъ-сотъ тысячъ. Наконецъ онъ

рѣшительно объявилъ мнѣ, что еще намѣренъ убавить. Когда же явился Бартельсъ и принудилъ его говорить по-яснѣе, онъ сдѣлалъ ему совсѣмъ новое и, право, пресмѣшное предложеніе. Тутъ я увидѣлъ, что Вангхамеръ, рассчитывая на любовь мою, хочетъ надуть меня и считатьъ за дурака. Достоинство мое не позволяло мнѣ разингривать такой роли. Я тотчасъ отвѣчалъ ему, недѣлю тому назадъ, что если онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній, я имѣю полное право взять назадъ свое слово, и что я считаю долгомъ прекратить мои посѣщенія. Между-тѣмъ прибавилъ, что почту себя счастливымъ, если мнѣ можно будетъ осуществить наши предположенія, то есть если онъ исполнитъ свое обѣщаніе на прежнихъ условіяхъ. Наконецъ я далъ ему недѣлю сроку, подумать и рѣшиться, и объявилъ, что послѣ этого я считаю себя совершенно свободнымъ располагать своею рукою. Я напрасно ждалъ отвѣту и, чтобъ знать, наконецъ, на чтѣ рѣшиться, сегодня утромъ просилъ Бартельса сходить за отвѣтомъ. Между прочими глупостями, онъ велѣлъ сказать мнѣ, что если бъ я истинно любилъ Ильдегарду, то такъ легко не отказался бы отъ нея, пзѣ-за какой-нибудь *бездѣльной суммы*. Чтѣ ты скажешь о такой настойчивости въ низости и о такой излишней самоувѣренности?

— Когда дѣло идетъ о деньгахъ, Вангхамеръ на все способенъ. Онъ еще до-сихъ-поръ не отдалъ приданого моей жены. Такой безчестный поступокъ съ его стороны испортилъ всю мою карьеру, погубилъ всю будущность, потому что, вѣдъ ты знаешь, я готовился въ профессору, но чтобъ прокормить семейство, я былъ принужденъ сдѣлаться докторомъ. Если я судомъ не заставилъ этого скригу выплатить мнѣ приданое, такъ это единственно изъ уваженія къ женѣ. Поэтому я несколько не удивляюсь его поступку съ тобою.

— Нечего дѣлать! хотя мнѣ трудно отказаться отъ Ильдегарды, но я это сдѣлаю, скорѣе чѣмъ позволить этому человѣку дурачить меня. Я не довольно еще люблю его дочь, чтобъ жениться на ея родителяхъ. Ктому же я не хочу краснѣть за нихъ. Въ такомъ расположеніи духа, любезнѣйшій другъ, я еще разъ рѣшаюсь оставить Лиляндію и снова начать странническую жизнь. Завтра же ѣду.

— Куда же ты намѣренъ ѣхать?

— И самъ не знаю. Куда глаза глядятъ, только чтобъ уѣхать стсюда.

— Однако же ты не можешь провести цѣлую жизнь на большихъ дорогахъ?

— Я то же думаю, однако долго не возвращусь въ Ригу. Наѣреніе мое непреклонно. Въ первомъ городѣ, гдѣ остановлюсь, я буду писать тебѣ.

На другой день, съ разсвѣтомъ, Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ, обнявъ мать свою, сѣлъ въ карету и поскакалъ на югъ.

Получивъ письмо молодого человѣка, Вангхамеръ подумалъ:

«Вѣдь это только на время, черезъ двѣ недѣли онъ вернется.»

Въ этой увѣренности онъ, записываясь, отвѣчалъ на безпокойные вопросы дочери и жены насчетъ отъѣзду Артура.

— Герръ фонъ-Лёвенштейнъ просить, чтобъ я сдѣлалъ для Ильдегарды нѣкоторыя пожертвованія, далъ ей болѣе чѣмъ ей слѣдуетъ. Миѣ жаль, но я не могу этого сдѣлать, особенно теперь. Подъ предлогомъ, что онъ богатъ, Лёвенштейнъ требуетъ отъ жены такого же состоянія. Тутъ нѣтъ здраваго смысла. Чортъ возьми! именно по причинѣ своего богатства онъ не долженъ такъ дорожить приданнымъ, въ которомъ не имѣетъ нужды: напротивъ того, онъ долженъ быть снисходительнѣе къ тестю. Впрочемъ, онъ умный малый. Онъ самъ пойметъ, какъ неблагоразумно его требованіе. Надо только дать ему время подумать. Не плачь же, милая Ильдегарда. Совѣтую вамъ обнимъ успокоиться: вы скоро увидите его.

Послѣднее посѣщеніе Бартельса еще болѣе удостовѣрило Вангхамера въ справедливости его ожиданій.

«Хорошій знакъ! подумалъ Вангхамеръ: нетерпѣніе это доказываетъ живость чувствъ его къ Ильдегардѣ. Въ самомъ дѣлѣ, меня нисколько не удивитъ, если упрямый любовникъ сегодня же придетъ самъ съ повинною головой. На что онъ можетъ жаловаться? Деньги, съ которыми не хочу теперь расстаться, ему же достанутся послѣ моей смерти? Ему стѣбитъ только подождать. Но я не скрою отъ него, что заставлю ждать какъ-можно долѣе.»

Вангхамеръ былъ въ совершенномъ спокойствіи, какъ-вдругъ извѣстіе объ отъѣздѣ Артура поразило его.

Онъ не сожалѣлъ о счастіи дочери, но о потерѣ времени, о томъ, что упустилъ изъ рукъ «хорошую аферу». Старикъ обвинялъ себя, что съ перваго взгляду не умѣлъ обсудить человѣка; злился, сердился, мучилъ свое семейство, особенно Ильдегарду, которую всегда не слишкомъ-то любилъ и которую теперь возненавидѣлъ.

— Экая дура! повторялъ онъ сто разъ въ день: даже не сумѣла заставить полюбить себя!

Бѣдное дитя долго не могло вѣрять ужасной истинѣ. Въ невинности своей, она не понимала, чтобъ Артуръ могъ жить далеко отъ нея. Она любила его такъ вѣжно. Ей казалось, что послѣ столькихъ предположеній, плановъ, составленныхъ вмѣстѣ, они навсегда принадлежать другъ другу; что они не имѣютъ права отказаться другъ отъ друга; что ни какая сила не могла разлучить ихъ, когда души ихъ навсегда сочetaлись. За что онъ покинулъ ее? Это казалось ей такъ страшно, невозможно. Она не вѣрила, что Артуръ изъ выгодъ измѣнилъ клятвѣмъ сердца. Вся жизнь его и благородство характера опровергали это живое и коварное обвиненіе. Ее обманываютъ и его тоже. Она хотѣла видѣть его. Иногда она требовала, иногда умоляла отца и мать позволить ей въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ ѣхать къ Лёвенштейну или по-крайней-мѣрѣ писать ему.

Особенно послѣ такихъ необдуманныхъ попытокъ, молодая дѣвушка оплакивала свое одиночество. Отвергнутая, оскорбленная, даже обруганная тѣми самими, которые обязаны были наставить, утѣшить ее, грустная Ильдегарда уходила въ свою комнату, запирала дверь, чтобъ страдать и плакать безъ свидѣтелей. Она боялась, чтобъ родные, которые не имѣли ни жалости къ ея страданіямъ, ни сочувствія къ слезамъ, не мѣшали ей плакать. Тогда она предавалась отчаянію, или стоя на колѣняхъ, обращалась къ Богу. Но вскорѣ голосъ ея замиралъ, слышны были только одни рыданія, между которыми она произносила одно только имя, — всегда одно, — имя Артура.

— Боже мой! что я сдѣлала? за что я страдаю? чѣмъ я провинила Тебя, что меня такъ внезапно покинули всѣ милые сердцу, особенно онъ, котораго я такъ люблю? За что такое жестокое одиночество? Я только начинаю жить. Господи! единственное мое прибѣжище, не отрицъ меня, услышь мою молитву; возврати мнѣ его, или возьми меня къ Себѣ!

Когда наставалъ часъ, въ которой обыкновенно приходилъ Артуръ, дѣвушка покидала свое уединеніе, легкою, робкою поступью проходила рядъ комнатъ и останавливалась у окна, у котораго имѣла милую привычку ждать его. Она знала, что Артуръ не прійдетъ, но всё-таки ждала его. Ей хотѣлось первой увидеть и поклониться Артуру. Воображеніе ея работало, сердце билось. При мерцающемъ свѣтѣ фонаря она молча спрашивала каждаго прохожаго, походку котораго принимала за поступь своего возлюбленнаго. Часто глаза ея дотогу уставали, что ей казалось, что она видитъ его. Тогда сердце ея замирало въ груди,

но вскорѣ разочарованная утирала слезы и продолжала упорно ждать и надѣяться. Настрадавшись, она уходила въ свою комнату и то очень поздно, почти привужденная домашними, которые, повторивъ разъ десять сразу, что ей пора спать, заставляли разстаться съ любимымъ мѣстомъ.

Физическія силы молодой дѣвушки не могли долго бороться съ столькими горькими испытаніями и душевными страданіями. Горячка овладѣла ею и дошла до мозга. Вскорѣ стали бояться за жизнь Шльдегарды и, что еще хуже, разумокъ ея былъ въ опасности.

Какъ-только показались нервныя болѣзненныя примѣты, мадамъ Вангхамеръ послала за зятемъ, докторомъ Брандтомъ, который иначе не ѣздилъ въ домъ тестя, какъ по болѣзни одного изъ членовъ семейства: онъ думалъ, что не долженъ отказывать въ помощи родителямъ жены своей. Вангхамеры же, съ своей стороны, совѣстились посылать за другимъ докторомъ, когда имѣли своего, въ семействѣ. Можетъ-быть изъ-подъ предлога родства выглядывала мысль о выгодѣ, потому что зять лечилъ даромъ. Чтò бы тамъ ни было, но докторъ Брандтъ отъ души занялся заботою о здоровьѣ своей свояченицы.

Одно уже присутствіе его имѣло счастливое вліяніе на больную душу страдалицы: она приняла его посѣщеніе за необыкновенное благодѣяніе. Коврадъ Брандтъ другъ Артура, слѣдственно и ея другъ.

Наконецъ она нашла сердце полное участія, въ которое могла перелить свои чувства; повѣреннаго, чтобъ высказать свои страданія. Зато она не переставала разспрашивать его такъ ясно и рѣшительно, что докторъ, сначала довольно ловко отдѣлывавшійся неясными, двусмысленными отвѣтами, былъ принужденъ сказать всю правду.

— Поэтому, сказала она съ раздрающимъ выраженіемъ горькости и грусти: онъ думаетъ, что если отецъ мой не сдержалъ даннаго слова, онъ тоже имѣетъ право измѣнить священнымъ обѣтамъ, даннымъ мнѣ? Если поступокъ отца моего неблагороденъ, какъ назвать тогда его поступокъ? Поэтому онъ не любить меня? Я сужу по собственному сердцу, и если бъ онъ былъ бѣденъ, несчастливъ, даже преступникъ, я раздѣлила бы съ нимъ его бѣдность, несчастіе, даже позоръ. Неужели расцѣть шеревьшиваетъ чувства? Неужели это правда, что на землѣ люди предпочитаютъ богатство любви? Ахъ! какъ я ошиблась!

— Да, милое дитя, отвѣчалъ положительный докторъ, не понимая горестнаго значенія послѣднихъ словъ Ильдегарды: да, ты обманулась, какъ обманываются многія дѣвушки, которыя подобно тебѣ основываютъ всѣ свои надежды и счастье на самомъ непрочномъ и скоропреходящемъ чувствѣ. Знай, добрая Ильдегарда, что замужество не имѣетъ цѣлью удовлетворить только обоюдную любовь супруговъ: неразрывный этотъ союзъ имѣетъ назначеніе, важнѣе всѣхъ чувствъ. Вообще женятся для того, чтобы имѣть положеніе въ свѣтѣ и окружить себя семействомъ. Тѣхъ можно назвать истинно счастливыми, кто взялъ себѣ за правило жепиться по сходству характеровъ, состоянія и воспитанія. Всѣми замѣчено, что дурные браки составились подѣ вліяніемъ любви. Напротивъ того, мы видимъ тысячи примѣровъ, что браки составленные подѣ вліяніемъ благо-разумнаго равнодушія, держатся прелюбополучно.

Изясняя странную свою теорію, докторъ вдругъ остановился: онъ замѣтилъ, что больная не слушаетъ его.

Съ этого дня, послѣ такого жестокаго и послѣдняго разочарованія, Ильдегарда наложила на себя совершенное молчаніе. Когда разсудокъ ея прояснялся, что было очень рѣдко, она говорила знаками, или отвѣчала однимъ наклопеніемъ головы, а во время продолжительныхъ часовъ безпамятства не произносила даже млага ей имени, въ которомъ такъ недавно еще заключалось столько слезъ и надеждъ.

Между тѣмъ искусство доктора и молодость побѣдили физическую боль. Черезъ три мѣсяца Ильдегарда выздоровѣла. Но докторъ помогъ только въ-половину. Разсудокъ вылетѣлъ изъ высокаго чела и прекрасныя черты дѣвушки, нѣкогда одушевленные живою игрой остроумной фizioноміи, представляли ужасный образъ безумія.

— Послушайте, Брандтъ, сказала мадамъ Вангхамеръ, теперь Ильдегарда, слава Богу, на ногахъ; кушаетъ за троихъ. Неужели она снова не заговоритъ? Неужели это глупое выраженіе лица не скоро перемѣнится?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ докторъ.

— Какъ! нѣтъ? вскричала она въ испугъ и удивленіи.

— Не надо льстить себѣ пустою надеждою, прибавилъ Брандтъ: Ильдегарда помѣшана, а отъ сумасшествія нельзя вылечить: крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

— Боже мой! неужели! вскричала мать въ отчаяніи.

— Можетъ быть, по временамъ она будетъ приходитъ въ себя,

чувствовать по инстинкту, но я не думаю, чтобы она могла совершенно выздороветь, продолжалъ докторъ. Впрочемъ, можно посоветоваться. Завтра я привезу къ вамъ одного изъ моихъ друзей, опытнаго доктора, который особенно изучалъ эту болѣзнь и имѣетъ глубокія свѣдѣнія. Его совѣты наставятъ насъ и научатъ, какъ поступать съ этою несчастною дѣвушкою.

— И впрямь несчастная! если правда, что она навсегда потеряла разумъ, сказала мать горько заплакавъ. Лучше бы было для нея и для насъ, если бъ она умерла при рожденіи. Боже! Боже, какое несчастіе!... помѣшанная! въ нашемъ семействѣ! Я никогда не осмѣлюсь объявить этого Ванхамеру: онъ можетъ умереть съ горя или отъ удара. Однако надо чтобы онъ зналъ, если не сегодня, такъ завтра, это всё равно. Я подожду рѣшенія вашего друга, чтобы объявить ему это несчастіе.

Не только ожидаемый докторъ, но и многіе другіе знаменитые врачи, посмотрѣвъ на помѣшанную, согласилась съ мнѣніемъ Брандта. Всѣ объявили, что Ильдегарда неизлечима.

Ванхамеръ очень скорбѣлъ о несчастіи дочери, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, сумасшествіе это кало пятно на весь домъ его. Онъ приказалъ своимъ ближнимъ хранить глубокую тайну насчетъ Ильдегарды и, чтобы избавиться отъ посторонняго любопытства, рѣшился навсегда удалить ее изъ родительскаго дому. Ильдегарда для окружающихъ сдѣлалась предметомъ ужасу. Днемъ, — хотя она была очень тиха, — они боялись подходить къ ней, а ночью мысль о ней мѣшала имъ спать или навѣвала страшныя грезы. Слѣдовательно, было необходимо безъ отлагательства принести Ильдегарду въ жертву общему спокойствію.

— Я не хочу, съ боязнію повторялъ разъ двадцать въ день Ванхамеръ: чтобы дочь мою называли сумасшедшей. Проклятый Лѣвенштейнъ! прибавлялъ онъ съ озлобленіемъ: не попадайся мнѣ въ когти!

Чтобы не дѣлать бесполезныхъ издержекъ, Ильдегарду не отдали въ домъ скорбящихъ, а помѣстили на небольшой дачѣ, въ двухъ верстахъ отъ Вольмара. Въ этомъ уединеніи радостно пролетѣли первыя десять лѣтъ жизни Ильдегарды. Когда она родилась ее послали туда съ кормилицей и тамъ она оставалась до вступленія въ націонъ. Ванхамеръ не любилъ дѣтскаго шума: это мѣшало ему думать, «спекулировать». Бѣдная Ильдегарда, подъ тѣнью самымъ кровомъ, приотвѣсившимъ ея колыбель, подъ тѣнями алей гдѣ начала ходить, посреди той живописной природы, гдѣ развернулись ея

умъ и воображеніе, должна была медленно ожидать физической смерти, потерявъ уже жизнь души.

Мадамъ Вангхамеръ сама хотѣла устроить новое жилище дочери. Но она боялась ѣхать съ сумасшедшей, хотя сумасшедшая эта была ея дочь. Она попросила одного изъ близкихъ своихъ знакомцевъ, Бергенштрёма, проводить ее.

— Мы пробудемъ только два дня въ Кронбергѣ, говорила спутнику мадамъ Вангхамеръ: если вы немного поскучаете, зато я васъ хорошо накормлю. Исключительнымъ занятіемъ мадамъ Вангхамеръ было поваренное искусство: она тщательно изучала желудокъ друзей своихъ и по этому судила о ихъ характерѣ. Разумѣется, у васъ тамъ не будетъ говядины, потому что въ деревнѣ, мы бьемъ скотъ только по субботамъ. Но всё-равно, я съ честью выйду изъ затрудненія и вы останетесь довольны мною. Не умремъ съ голоду, не правда ли? Разумѣется, что огородная зелень, яйца во всёхъ видахъ, и цыплята, не повраивались бы Вангхамеру, котораго желудокъ вѣчно требуетъ говядины, но мы будемъ всёми довольны. Въ деревнѣ, какъ на войнѣ, нужно умѣть довольствоваться тѣмъ, что есть.

Бергенштрёму не слишкомъ-то нравилось пробыть одиннадцать часовъ сряду, глазъ на глазъ съ мадамъ Вангхамеръ, но дѣлать было нечего: онъ не могъ отказаться, тѣмъ болѣе, что самъ былъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ ей, а именно наслаженіемъ ся стряпнею четыре или пять разъ въ недѣлю.

На другой день мадамъ Вангхамеръ, Ильдегарда и Бергенштрёмъ отправились въ Кронбергъ. Вдали отъ развлеченій, въ уединеніи и видя безпрестанно несчастье дочери, мать болѣе прежняго стала плакать и горевать. Отчаяніе это тронуло Бергенштрёма и одушевило внезапною мыслью: онъ совѣтовалъ употребить послѣднее средство для излеченія Ильдегарды, вѣрное по его мнѣнію. Предложеніе было странно и неожиданно: оно возбуждало любопытство, усиливало суевѣріе и заставляло надѣяться на чудное излеченіе. Многие съ пренебреженіемъ отвергли бы это средство, но могла ли мать отказаться отъ покушенія возвратитъ дочери болѣе чѣмъ жизнь, возвратитъ ей разумъ?

Простясь съ Ильдегардой, мадамъ Вангхамеръ въ сопровожденіи Бергенштрёма, и прежде чѣмъ заѣхала домой, отправилась на таинственное совѣщаніе, отъ котораго надѣялась спасенія своей дочери.

III.

Карлъ Бергенштрёмъ зналъ всего по-немножку, хваталъ верхи всего и ни к чему не былъ способенъ. Онъ прикидывался поэтомъ и мечтателемъ, бралъ на себя рѣшительный тонъ, говорилъ рѣзко и подавалъ самыя странныя мнѣнія. Напримѣръ, Наполеона онъ называлъ чудакомъ, а Жанъ-Жака Руссо дворянкомъ. Такое необыкновенное мнѣніе поразило своею новизною нѣкоторые умы, и заставило впоследствии назвать Бергенштрёма опытнымъ критикомъ. Бергенштрёмъ много мечталъ и можетъ-быть много критиковалъ, во публика, никогда не читая его произведеній, не могла судить о ихъ достоинствѣ. Незадаваемый этотъ поэтъ теперь выдавалъ себя за историка и основывалъ свою претензію на намѣреніи надѣлать свѣтъ новою исторією «Христофора Колумба». Если кто изъ пріятелей спрашивалъ о его занятіяхъ, онъ отвѣчалъ напыщеннымъ, трагическимъ тономъ:

— Я занимаюсь *моимъ* «Христофоромъ Колумбомъ», огромное твореніе, какъ гевій этого героя.

Безпрестанно повторяя эту фразу, и присвоивая себѣ нѣкоторымъ образомъ имя смѣлаго Колумба, Бергенштрёмъ и въ-самомъ-дѣлѣ сталъ почитать себя за историка, за *изобрѣтателя* Америки, какъ наивно выражалась мадамъ Вангамеръ.

Надо прибавить, что бывшій поэтъ и критикъ поддерживалъ эту новую роль съ необыкновенною самоувѣренностью, которая такъ хорошо прокладываетъ дорогу ко всѣмъ карьерамъ. Къ-несчастью, чтобъ сдѣлаться вполне великимъ человекомъ, Бергенштрёму недоставало двухъ вещей: настойчивости въ трудѣ и умѣнья, которое даетъ цѣну трудамъ.

Человѣкъ этотъ ни чему не учился и не имѣя способности размышлять, даже не будучи въ-состояніи правильно написать одной фразы безъ грамматическихъ и орфографическихъ ошибокъ, не менѣе того считалъ себя литераторомъ.

Мать Ильдегарды и спутникъ ея пріѣхали въ Ригу. Коляска ихъ остановилась въ узкой улицѣ, передъ домою прекрасной наружности. Они вошли на лѣстницу и едва достигли перваго этажа, какъ-вдругъ дверь растворилась, человѣкъ въ ливрѣѣ, не говоря ни слова, ввелъ ихъ въ пространную залу, гдѣ уже собралось около двадцати человѣкъ.

Собраніе это состояло почти изъ однихъ старыхъ и больныхъ женщинъ. Между ними были однако двѣ или три молодыя дѣвушки съ потухшимъ взоромъ и старикъ, который постоянно

вертѣлся на своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ нихъ разговаривали шопотомъ, вѣроятно, повѣряя другъ другу свои страданія. Желтоватый свѣтъ, проникающій сквозь пестрыя сторы, спущенныя съ пантроніемъ, разливалъ кругомъ какую-то грусть. Вся комната напоминала приемную больницы. Странно было видѣть здоровое лицо мадамъ Вангхамеръ посреди этихъ болѣзненныхъ и измученныхъ лицъ. Когда она садилась посреди больного собранія, сердце ея сжалось, дрожь пробѣжала по всему тѣлу, но мысль о дочери подкрѣпила духъ ея. Тѣмъ болѣе покорность ея была похвальна, что бѣдная мать принуждена была два часа ждать очереди войти въ сосѣднюю комнату.

Наконецъ и мадамъ Вангхамеръ могла проникнуть въ святилище.

Комната была убрана просто, по старинной модѣ и завалена фантастическими украшеніями: картины, рисунки, гравюры, медали, корзины съ поддѣльными цвѣтами, птички подъ стеклянными колпаками и другія вещи были разбросаны въ беспорядкѣ. У окна, за поупитромъ, сидѣла дѣвушка, которая возвѣщала о посѣтителяхъ и исполняла должность секретаря. Наконецъ, налѣво, въ высокой и мягкой бержеркѣ, въ магнетическомъ снѣ, лежала ясновидящая, съ которою мадамъ Вангхамеръ пріѣхала посовѣтоваться.

Ясновидящая была женщина лѣтъ около сорока, полная, высокая, съ пріятною наружностью, полною живости и остроумія. Выразительное это лицо, безъ сомнѣнія, очень милое въ добромъ состояніи, становилось страшнымъ во время магнетического сна, потому только что вѣки ея не были закрыты, а зрачки заворочены подъ лобъ, такъ, что только одинъ бѣлокъ видѣли. Ее можно было принять за дышащее и говорящее мраморное изваяніе.

— Маизель Баумъ, узнаете ли вы меня? спросилъ Бергенштрѣмъ, садясь напротивъ ея и подлѣ мадамъ Вангхамеръ, которая не могла говорить отъ волненія.

— Да, разумѣется, я знаю васъ, но такъ давно не видала, что забыла ваше гадкое имя. Подождите немножко, я сейчасъ вспомню это ужасное имя.

— Не трудитесь вспоминать, подхватилъ Бергенштрѣмъ, не слишкомъ довольный такою откровенностью: мы пріѣхали къ вамъ не для себя, а для отсутствующей особы.

— Привезли ли вы что-нибудь, къ чему она прикасалась?

— Вотъ ея волосы, отвѣчала трепещущая мадамъ Вангхамеръ,

подавая ясновидящей толстую тесму волосъ, отрѣзанную утромъ отъ длинной и шелковистой косы Ильдегарды.

Ясновидящая долго держала волосы въ рукахъ, потомъ приложила къ сердцу и вдругъ одушеваясь сказала:

— Волосы эти принадлежать помѣшанной!

Мадамъ Вангхамеръ и Бергенштрёмъ въ изумленіи посмотрѣли другъ на друга.

— Гѣ-несчастію, да, прошептала мать Ильдегарды.

— Дайте вашу руку, продолжала ясновидящая.

Взявъ руку, она ее ощупала, долго держала въ своихъ рукахъ, какъ передъ тѣмъ волосы Ильдегарды, и, помолчавъ немного, сказала:

— Помѣшанная эта дочь ваша?

— Да, да, сударыня, это дочь моя, вскричала мать въ порывѣ удивленія и ободренная такимъ удивительнымъ успѣхомъ. Вы уже отгадали ея недугъ. Научите меня теперь, какъ излечить его. Клянусь вамъ, что бы вы ни приказали, я все исполню.

— Сколько ей лѣтъ?

— Осьмнадцать.

— Давно ли она помѣшана?

— Недавно, не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

— Чему приписываете вы потерю ея разсудка? Намекните мнѣ немножко, хотя я стараюсь отгадать, но не могу, если вы мнѣ не поможете.

— Разсудокъ покинулъ ее во время продолжительной болѣзни, происшедшей отъ любви.

Помолчавъ не много, ясновидящая сказала:

— Если она помѣшалась отъ любви, одна любовь можетъ ее вылечить. Дочь вашу надо выдать за того, кого она любитъ.

— Это невозможно! Виножникъ нашего несчастія не довольно любилъ мою дочь, чтобъ жениться безъ приданого: какъ же вы хотите, чтобъ онъ женился на ней безъ разсудка.

Послѣдовательница Месмера довольно долго молчала. Можетъ-быть Бергенштрёмъ боялся, чтобъ ясновидящая изъ магнетическаго сна не перешла въ тихій сонъ простыхъ смертныхъ: она подошла къ ней и шопотомъ вымаливалъ отвѣта, котораго такъ нетерпѣливо ждала мадамъ Вангхамеръ.

Ясновидящая вышла тогда изъ задумчивости и тономъ, которому хотѣла придать всю торжественность, необходимую въ такихъ случаяхъ, сказала, обращаясь къ матери Ильдегарды:

— Надо стараться замѣнить въ ея сердцѣ эту привязанность,

другою привязанностью. Выберете изъ вашихъ знакомыхъ, друзей, хорошаго человѣка и отдайте за него дочь вашу. Она, вѣрно, полюбитъ своего мужа. Новая любовь восторжествуетъ надъ прежнему и тогда она спасена.

Дѣвушка, сидѣвшая у окна, встала и сдѣлала знакъ мадамъ Вангхамеръ, чтобъ она уступила мѣсто другимъ посѣтителямъ. Она повиновалась и, заплативъ за совѣщаніе, удалилась съ Бергенштрёмомъ.

— Ну, что вы скажете о моей ясновидящей? спросилъ Бергенштрёмъ, садясь въ коляску.

— Дайте мнѣ прежде опомниться, отвѣчала она: я такъ удивлена тѣмъ, что видѣла и слышала, что совсѣмъ одурѣла.

— Чудеса, чудеса! вскричалъ историкъ Колумба.

— Удивительно! прибавила мадамъ Вангхамеръ: я право не жалѣю, что дала этой разсказчицѣ двадцать рублей, и очень благодарю васъ, герръ Бергенштрёмъ, что вы меня съ нею познакомили. Что бы ни случилось теперь со мною или съ моими домашними, я бѣгу къ ней на совѣщаніе. Теперь я не удивляюсь, что у нея въ передней такая толпа посѣтителей. Право не понимаю, какъ доктора еще существуютъ.

Съ этого дня, школа Месмера не имѣла болѣе ревностной поклонницы, чѣмъ мадамъ Вангхамеръ.

Вангхамеръ не вѣрилъ магнетизму; онъ равнодушно выслушалъ разсказъ жены, которая не переставала повторять:

— Я слышала собственными ушами, видѣла ее собственными глазами. Развѣ ты хочешь, чтобъ дочь наша умерла въ сумасшествіи, когда есть еще средство спасти ее?

Мадамъ Вангхамеръ до того приставала къ мужу, который если и не раздѣлялъ ея мнѣнія, однако рѣшился выдать Ильдегарду замужъ. Оставалось только найти жениха.

Это было немножко трудно, потому что не каждый день можно встрѣтить человѣка, который бы имѣлъ довольно присутствія духу, чтобъ жениться на помѣшанной. Несчастливая мать тотчасъ же вспомнила о Бергенштрёмѣ, спросила согласія мужа, послала за другомъ ясновидящей, и сдѣлала ему странное предложеніе жениться на помѣшанной.

Бергенштрёмъ ждалъ предложенія, потому что въ некоторомъ образомъ самъ напросился на него. Онъ напередъ уже обдумалъ всѣ выгоды и невыгоды такого брака.

— Не слишкомъ-то пріятно; правда, человѣку съ воображеніемъ и талантомъ провести жизнь свою глазъ на глазъ съ существомъ

безмысленнымъ, думалъ Бергенштрёмъ: впрочемъ, есть ли на свѣтѣ хоть одна женщина, у которой бы не было въ мозгу, болѣе или менѣе, зародыша сумасшествія? Зато я буду хорошо жить. Поэзія не приноситъ мнѣ дохода, а отецъ Ильдегарды богатъ. Можетъ-быть онъ скоро умретъ, а Ильдегарда такъ молода, что можно надѣяться на ея выздоровленіе. Тутъ выгоды бездна. Попробую счастья.

Бергенштрёмъ согласился.

Оставалось условиться на счетъ приданого. По этому случаю однажды вечеромъ отецъ Ильдегарды увелъ жениха въ свой кабинетъ.

— Ну, любезный Бергенштрёмъ, сказалъ откупщикъ, снова взявшись за роль тестя: настала минута признанія. Скажите мнѣ откровенно, что вы имѣете, какіе ваши доходы?

Бергенштрёмъ не предвидѣлъ такого вопросу. Ему и въ голову не приходило, чтобы могли предполагать, что онъ имѣетъ что-нибудь. Историкъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Вангхамера, какъ-будто желая увѣриться, что тотъ не шутитъ.

— Вы должны понять, любезнѣйшій, что мнѣ необходимо знать ваше состояніе, для того чтобы, соображаясь съ нимъ, я могъ дать Ильдегардѣ такое же приданое.

— Исключая литературной собственности, я ничего не имѣю, снѣло отвѣчалъ Бергенштрёмъ.

— Какъ дорого цѣните вы ваши произведенія?

— Ихъ нельзя оцѣнить. Напримѣръ одна исторія Колумба принесетъ мнѣ большія выгоды, а послѣ моей смерти вдова моя въ продолженіи двадцати лѣтъ будетъ получать пенсію. Исключая того, книга эта откроетъ мнѣ дорогу во всѣ академіи, а правительство, замѣтя талантъ мой, вѣроятно дастъ порученія по ученой части и вознаградитъ труды мои. Поэтому, вы сами можете судить, что если я не богачъ, по-крайней-мѣрѣ меня ждетъ блестящая будущность.

— Я не спорю и не имѣю намѣренія оскорбить васъ. Между-тѣмъ, позвольте вамъ сказать, что если вы сегодня женитесь безъ приданого, завтра вы будете сидѣть голодомъ.

— Вы, право, говорите какъ ясновидящая, папащенъ Вангхамерь.

— Откровенность эта мнѣ нравится. Вотъ мои намѣренія. Я даю дочери пять процентовъ съ шестидесяти тысячъ капитала. Разумѣется, это не такъ блестяще, какъ ваши надежды, зато вѣрнѣе. Ну, что довольны ли вы мною?

Бергенштрёмъ поморщился и сказалъ:

— Вы меня спрашивали, что я имѣю, а забыли спросить чего у меня нѣтъ.

— Какъ! развѣ у васъ есть долги?

— Какъ не быть. Но прежде чѣмъ лезть, я хочу испр-виться, и чтобъ исполнить это похвальное желаніе, мнѣ необходимо ваше великодушное содѣйствіе, любезный батюшка.

— Кажется что такъ. Вы признаетесь въ долгахъ вашихъ для того чтобъ я заплатилъ, повиную.... Ну, много ли вы должны?

— Бездѣлицу.

— То есть сотни три, четыре? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ по-больше.

— Ну, говорите безъ обиняковъ, и сейчасъ же, сколько вы должны?

— Десять тысячъ ассигнаціями.

— Десять тысячъ! вскричалъ съ гнѣвомъ Вангхамерь: да это цѣлый капиталъ! Знаете ли, что когда я пустился въ откупа, у меня самого не было такой суммы.

— Я не имѣю надобности знать это.

— Я не могу бросить на вѣтеръ.... десять тысячъ.... бездѣлица! ворчалъ старикъ.

— Не сердитесь, герръ Вангхамерь. Ну, стѣнать ли объ этомъ говорить? Послѣ нашихъ предположеній я думаю, что имѣю право занять у васъ такую бездѣльную сумму. Вы отказываете.... такъ не о чемъ и толковать.

— Бездѣльная сумма! десять тысячъ! такъ можетъ только говорить человѣкъ, у котораго никогда не было гроша въ карманѣ! ворчалъ старикъ, сердито поглядывая на историка.

— Позвольте вамъ замѣтить, что наставленія ваши бесполезны, потому что я отказываюсь отъ вашего одолженія.

— Чѣмъ же вы заплатите долги, если я вамъ не дамъ денегъ.

— Тогда я не заплачу, это будетъ гораздо мороче.

— Кто долженъ, тотъ обязанъ заплатить, если не сегодня такъ завтра.

— Это правда, но мнѣ не куда слѣзнуть. Я преспокойно могу ждать. Если я вамъ сдѣлаю деликатное призваніе, такъ это единственно изъ одной цѣли очистить свою совѣсть.

— Говорите лучше откровенно: вы требуете отъ меня десяти тысячъ какъ награду, если женитесь на моей дочери?

— Если вамъ угодно приписывать къ расчетамъ упрекъ со-
вѣсти, то я не оспариваю васъ.

— Герръ Бергенштрёмъ! вскричалъ Вангхамеръ съ гнѣвомъ и
истерзѣніемъ лисцы, вырывающейся изъ западни.

— Герръ Вангхамеръ! сказалъ въ свою очередь историкъ Хри-
стофора Колумба съ спокойствіемъ охотника, который видитъ,
что добыча будетъ ему принадлежать.

— Требовать въ послѣднюю минуту такихъ необыкновенныхъ
вещей, значить приступать съ ножомъ къ горлу.

— Я не имѣю такихъ кровавадныхъ намѣреній. Впрочемъ,
ваша воля: вы можете поступать какъ вамъ угодно.

— Кажется, вы намѣрены отказаться, но я не хочу дать по-
водъ говорить, что Вильгельмъ-Эдуардъ-Отто Вангхамеръ для
счастія своей дочери пожалѣлъ десяти тысячъ ассигнаціями. При-
несите же мнѣ списокъ вашихъ долговъ: дѣлать нечего, я за-
плачу ихъ. Но только не теперь, я васъ предупреждаю, а послѣ
свадьбы.

— Не лучше ли мнѣ отдать эти деньги, я самъ расплачусь,
сказалъ Бергенштрёмъ, которому хотѣлось оставить ихъ у себя
въ карманѣ.

— Не встанявайте, сказалъ повелительно Вангхамеръ.

— Хорошо. Позвольте же теперь обнять себя.

Вмѣсто отвѣту, Вангхамеръ пожалъ плечами, взялъ свѣчку и
ушелъ къ себѣ въ спальню.

Черезъ мѣсяцъ, въ помѣстьи Кропбергъ, безъ шуму, безъ це-
ремоній, почти тайно, Ильдегарда была обвинчена. На свадьбу
приглашены были одни свидѣтели, требуемые закономъ. Присут-
ствующие чувствовали какос-то смущеніе, страхъ. Лица ихъ были
такъ мрачны, что церемонію эту скорѣе можно было назвать за-
похороны чѣмъ за свадьбу.

Бергенштрёмъ былъ болѣе удивленъ чѣмъ смущенъ. Оттого,
что по его мнѣнію недостаточно было благословенія священника.
Бергенштрёмъ ничего не дѣлалъ шо-людски, онъ ходилъ и гово-
рилъ торжественно, не умѣлъ просто даже здравствуй сказать. Въ
его глазахъ бракъ былъ верзалучей съ вѣвчии, съ широмъ и
шумомъ.... Ему не вѣрилось, чтобъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ
женать.

Что же касается до новѣсты, до новообрачной, она, молча, на-
ипимально повиновалась всему, чего отъ нея требовали. Она съ
убійственнымъ равнодушіемъ присутствовала при собственномъ
бракосочетаніи, не подала ни малѣйшаго знака согласія или бо-

лзни; она не понимала, что ее приносить въ жертву въ надеждѣ искупить ея разсудокъ и душу.

Послѣ объѣда, въ два часа по полудни, исключая новобрачныхъ, всѣ присутствующіе сѣли въ экипажи и отправились по домамъ.

Мадамъ Вангхамерь, прощаясь съ зятемъ и объщая ему пріѣхать на другой день, сказала :

— До-сихъ-поръ, любезный зять, мы заботились о Ильдегардѣ, теперь мы передаемъ ее вамъ. Замѣните же ей насъ и берегите это бѣдное дитя. Постарайтесь заставить полюбить себя и чтобъ она была счастлива, прибавила бѣдная мать бросивъ на него грозный взглядъ, который не ускользнулъ отъ зоркаго историка Христофора Колумба.

— А! а! мнѣ кажется, что любезная моя матушка не намѣрена отдать мнѣ приданого, если дочь ея не будетъ счастлива въ семейномъ быту. Но, слава Богу, у меня на нихъ есть вексель, я тогда всю полицію на ноги поставлю.

IV.

Впродолженіи двухъ первыхъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, мадамъ Вангхамерь акуратно ѣздилъ въ Кронбергъ три раза въ недѣлю. Выѣзжая изъ дому полная надежды, она возвращалась съ растерзаннымъ сердцемъ, потому что разсудокъ ея дочери не прояснялся: напротивъ, съ-тѣхъ-поръ какъ несчастная Ильдегарда была замужемъ, недугъ ея задумчивости переходилъ иногда въ бѣшенство. Часто она приходила въ такой гнѣвъ, что страшно было подойти къ ней. Въ минуты сильнаго раздраженія, она хватала все, что попадалось ей въ руки, и бросала въ тѣхъ, кто подходилъ къ ней. Особенно она терпѣть не могла своего мужа: увидѣвъ его, она приходила въ ярость.

Между-тѣмъ мадамъ Вангхамерь не могла думать, чтобъ ясно-видящая ошибалась. Она снова поѣхала къ своему оракулу, который, оставаясь при своемъ прежнемъ мнѣніи, совѣтовалъ ждать и надѣяться. Но терпѣніе и покорность не были знакомы матери Ильдегарды, которая приходила въ отчаяніе, что разсудокъ дочери всё болѣе и болѣе затмѣвался. Она не знала на комъ выместить свое горе и облегчить сердце и выбрала для этого своего зятя. Надо сказать къ ея извиненію, что она не безъ основанія обвиняла Бергенштрѣма. Напримѣръ, она упрекала его, что онъ часто оставляетъ Ильдегарду одну, а самъ ѣздитъ въ Ригу веселиться; что онъ не мѣшаетъ о ней попеченій и того милого вниманія, которое заключаетъ въ себѣ всю прелесть домашней жиз-

ни. Наконецъ она вмѣняла ему въ двойное преступленіе, что онъ не довольно любить дочь ея и не умѣлъ заслужить ея привязанности.

Сначала мадамъ Вангхамеръ была очень благосклонна къ Бергенштрѣму, даже питала дружбу, пока онъ былъ женихомъ. Но когда сдѣлался ея зятемъ, она вдругъ возненавидѣла его.

Мадамъ Вангхамеръ была однажды въ очень дурномъ расположеніи духа. Въ это время пріѣхалъ зять ея. Узнавъ, что у него нѣтъ въ Ригѣ ни какого дѣла, она обрадовалась случаю, чтобы побраниться съ нимъ.

— Для чего вы сюда пріѣхали? сказала она гнѣвно: ваше мѣсто не здѣсь, а въ Кропбергѣ, подлѣ моей дочери, которую вы уморите, потому что ни сколько не заботитесь о ея спокойствіи. Непростительно покидать жеву свою, особенно если всѣмъ обязаны этой женѣ. Однако прошу не уѣзжать, не повидавшись съ мужемъ, которому вы дадите отчетъ въ вашемъ гнусномъ поведеніи. Приходите къ обѣду. Теперь же я васъ не удерживаю, даже буду рада не видать васъ. Извините за откровенность: я не умѣю скрывать своихъ чувствъ.

Бергенштрѣмъ принялъ торжественный видъ, приличный въ такихъ обстоятельствахъ историку, и выходя трагическою поступью, сказалъ сухо:

— Я ухожу, гнедиге фрау: однако позвольте вамъ замѣтить, что выраженія ваши, по странности своей формы, приличіе могутъ относиться къ вашему приказчику, чѣмъ къ супругу вашей дочери. Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, я возвращусь, будьте увѣрены, и вмѣсто того чтобы отдавать отчетъ вашему мужу въ моемъ поведеніи, я потребую отъ него другаго рода отчетовъ, сказалъ онъ угрожающимъ и твердымъ тономъ, который удивлялъ мать Ильдегарды. Потомъ поклонясь низко и насмѣшливо, онъ вышелъ медленными шагами.

Простясь съ тещей, Бергенштрѣмъ пошелъ къ одному товарищу и на зло ей рѣшился по-крайней-мѣрѣ еще нѣсколько дней не возвращаться домой.

— Если вмѣсто радостей медоваго мѣсяца судьба ниспослала мнѣ горечь полынныхъ дней, говорилъ поэтъ-самозванецъ, то это значитъ, что я имѣю право искать утѣшенія въ дружбѣ. Ктому же я боюсь, что живя въ деревнѣ, умственные мои способности могутъ притупиться: я погибну какъ цвѣтокъ, лишенный воздуха и благотворной росы. Правда, что я веду спокойную жизнь, но орелъ не довольствуется матеріальной жизнью: онъ

жаждет свободы; ему необходимо парить въ пространствѣ, долетать до солнца... Чтобъ не умереть моральною смертью, я снова долженъ сойтись съ высокими, поэтическими существами.

Въ такомъ расположеніи духа, Бергенштрёмъ въ тотъ же вечеръ отправился въ трактиръ, гдѣ прибрѣлъ репутацію просвѣщеннаго критика и гдѣ былъ увѣренъ встрѣтить всѣхъ своихъ пріятелей. Возвращеніе это было принято съ восторгомъ. Бергенштрёму такъ понравилась эта веселая, беззаботная жизнь, что онъ совершенно забылъ, что женатъ, и болѣе мѣсяца пилъ, игралъ, веселился, ни сколько не заботясь объ Ильдегардѣ. Уступая порочнымъ привычкамъ холостой жизни, онъ промоталъ послѣднія деньги и тогда только вспомнилъ о женѣ и объ отцѣ ея, на кошелекъ котораго имѣлъ нѣкоторое право.

Не смотря однако на это право, храбрость оставила Бергенштрёма, когда онъ вспомнилъ, что прежде чѣмъ просить денегъ у Вангхамера, ему надо будетъ растолковать причину отсутствія своего изъ Кромберга. Однако дѣлать было нечего, онъ пошелъ къ Вангхамеру.

— А! наслы-то! Гдѣ это вы пропадали, господинъ вѣтренникъ? сказалъ Вангхамеръ съ насмѣшливо-благосклонною улыбкой, которой не ожидалъ трусливый посѣтитель. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ: намъ надо съ тобою долго потолковать кой о чемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, разговоръ продолжался нѣсколько часовъ сряду. Передавать его не стоитъ: скажемъ только, что тесть и зять остались довольны другъ другомъ, то есть, что Вангхамеръ далъ Бергенштрёму гораздо менѣе, чѣмъ ему слѣдовало, радовался, что оставался въ барышахъ, а историкъ Колумба, положивъ нѣсколько сотенъ рублей въ карманъ, не чувствовалъ отъ радости ногъ подъ собою и ничего болѣе не желалъ въ ту минуту. Вангхамеръ, выдавъ дочь замужъ, вообразилъ, что исполнилъ всѣ родительскія обязанности. Совѣсть его на этотъ счетъ была совершенно спокойна. И то правда, что родительская эта совѣсть была не слишкомъ совѣстлива. Счастлива или нѣтъ его дочь, Вангхамеру было всё-равно. Это не мое дѣло, говорилъ онъ, и всегда осуждалъ жену, что она вмѣшивалась въ дѣла молодыхъ супруговъ. Выдавъ Ильдегарду замужъ, я передаю отвѣтственность ея мужу, которому она принадлежитъ по законамъ, говорилъ старикъ. Разумѣется, онъ былъ бы радъ, если бы вдругъ покинулъ Ильдегарду, но потерявъ надежду на ея выдвореніе, онъ повернулся несчастію, даже привыкъ къ этой мысли.

Не мадамъ Вангхамеръ, любя дочь свою и надѣясь на ея выдво-

ровленіе, употребляла всё силы, чтобъ спасти ее; и видя бесполезность своихъ покушеній, приходила въ отчаяніе.

— Вѣрно, Господь не слышитъ моихъ молитвъ, говаривала она въ порывѣ материнскаго отчаянія: если бѣ Онъ услышалъ меня, бѣдная дочь моя не была бы помѣшана, между-тѣмъ какъ противный этотъ Бергенштрёмъ и ему подобные бродяги блаженствуютъ.

Однако жъ и горестъ матери тоже по-немногу утихла. Мы такъ же легко привыкаемъ къ страданіямъ ближняго, какъ скоро забываемъ собственныя, когда не страдаемъ болѣе. Мадамъ Вангхамерь по примѣру мужа свыкла съ несчастіемъ дочери и, видя бесполезность своихъ посѣщеній, только изрѣдка стала навѣщать несчастную.

Бергенштрёмъ, подъ предлогомъ, что роется въ городской библиотекѣ для своей исторіи, велъ самую беспорядочную жизнь.

Болѣе году Ильдегарда жила въ глубокомъ уединеніи, покинутая, почти забытая всѣми. Она видѣла только свою кормилицу, которой было поручена она и весь домъ. Кормилица эта любила и пеклась объ Ильдегардѣ болѣе родной матери, но и ее она не уважала. Несчастливая не подавала ни малѣйшаго знаку радости или неудовольствія, никогда не произносила ни слова и была ко всему равнодушна. Казалось, что Господь, по милосердію Своему, поразивъ умственныя ея способности, лишилъ въ то же время дара слова, избавляя ее отъ униженія говорить бессмысленныя слова или искушать звуки, не выражая смысла.

Хотя Ильдегарда не говорила и, повидимому, была въ томъ же положеніи, но если бы нашлся человѣкъ, который бы столько любилъ ее, чтобъ слѣдовать за ходомъ болѣзни, онъ бы замѣтилъ маленькое улучшение въ безпорядкѣ ея мыслей. Уединеніе, регулярная жизнь и нѣжная заботливость кормилицы, вѣроятно способствовали къ этому незамѣтному проблеску ума. Вотъ почему можно было замѣтить, что мысли ея проясняются. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду, когда наставалъ вечеръ, около семи часовъ бывала съ платкомъ въ рукѣ, котораго никогда не забывала, выходила изъ дому, потомъ проходя садъ и рошу останавливалась у стѣны саду.

Тутъ былъ пригорокъ, войдя на который можно было видѣть большую дорогу. Ильдегарда облакачивалась на стѣну, какъ бывало облакачивалась на окно родительскаго дому, въ ожиданіи своего возлюбленнаго. Казалось, она всё-еще поджидала его. Какъ, бывало, она вытягивала шею, устремляла къ даль взоръ свой,

спрашивала глазами каждого прохожаго и часто, обманутая сходствомъ , въ знакъ радости махала платкомъ. Когда настанетъ ночь, она прислушивалась къ малѣйшему шуму, устремляла упорно глаза на бездушные предметы, которые, въ ночной тѣни, и при помощи усталости и разстроеннаго воображенія, принимала человѣческой, милый сердцу ея образъ. Тогда она радостно снова махала платкомъ и, наконецъ, какъ бывало, не хотѣла разстаться съ любимымъ мѣстомъ, такъ, что кормилица принуждена была уводить ее силою. Только настоящее не походило на прошедшее. Бѣдная Ильдегарда съ разсудкомъ потеряла и способность плакать и молиться. Послѣ продолжительнаго мученія и тщетнаго ожиданія, она не могла уже болѣе прибѣгать къ Богу и облегчать свое сердце слезами. Ильдегарда была лишена послѣдняго утѣшенія страждущихъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, въ то время, когда солнце, закатываясь, отбрасываетъ на землю теплые и свѣтлые лучи свои, Ильдегарда стояла на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Посреди торжественной тишины природы, когда все, казалось, манило ее къ жизни и спокойствію, бѣдная Ильдегарда, вѣроятно, подъ вліяніемъ непреодолимаго предчувствія, не могла устоять на одномъ мѣстѣ, ходила взадъ и впередъ, перевѣшивалась черезъ стѣну, глядѣла въ даль и не находила покоя. Вдругъ она осталась недвижима.

Вдали показался всадникъ, который, медленно приближаясь и внимательно разглядывая всё дома, какъ-будто между ними хотѣлъ узнать тотъ, котораго искалъ. По-мѣрѣ-того какъ всадникъ приближался, сердце Ильдегарды билось всё сильнѣе и сильнѣе, грудь колыбалась, дыханіе становилось рѣже.... На лбу выступилъ крупный потъ, бессмысленное лицо вдругъ оживилось, глаза вспыхнули такимъ пламеннымъ огнемъ, какъ-будто метали громовыя стрѣлы. Въ эту минуту Ильдегарда была такъ хороша, что на нее глядѣть было страшно.

Наконецъ, когда всадникъ подѣхалъ еще ближе, она перевѣсилась черезъ стѣну и сильнѣе прежняго стала махать платкомъ.

Бѣлое это знамя привлекло вниманіе молодаго всадника. Онъ прищорилъ лошадь и очутился подъ стѣною саду.

— Артуръ! вскричала Ильдегарда.

Послѣ номѣнательства Ильдегарды, это было первое слово, вылетѣвшее изъ устъ ея, первый знакъ возвращающейся памяти, первое дѣйствіе разсудка.

V.

Прощаясь съ Ригой, Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ отправился прямо на Кавказъ, гдѣ другъ и сослуживецъ отца его командовагъ какой-то дивизіей. Артуръ вступилъ въ охотники. Лагерная жизнь нравилась пламенному и мечтательному его характеру. Впродолженіи года онъ исключительно, страстно предавался ей. Всегда на полѣ сраженія, убѣгая спокойствія, онъ принималъ на себя самыя опасныя порученія и, казалось, искалъ на полѣ чести славной смерти простаго солдата. Лицо его, выражающее задумчивость, сіяло радостію во время сраженія. Онъ былъ всегда въ первыхъ рядахъ: гдѣ была опасность, тамъ былъ и Лёвенштейнъ, дотого, что храбрость его вошла въ пословицу. Неустрашимость эта дорого ему стоила. Въ одномъ дѣлѣ, Черкесъ налетѣлъ на него, ранилъ кинжаломъ въ грудь и разбилъ голову. Для излеченія, Артура отправили въ Тифлисъ, гдѣ онъ нашелъ нѣсколько писемъ, изъ которыхъ два особенно привлекли его вниманіе: онѣ были отъ его друга, Конрада Брандта. Въ первомъ Конрадъ извѣщалъ о помѣшательствѣ Ильдегарды, а во второмъ о ея замужствѣ. Извѣстія эти, особенно первое, сильно встревожили раненаго.

Какъ-только Артуръ поправился, тотчасъ же возвратился въ Лилляндію и для совершеннаго излеченія раны ввѣрилъ себя попеченіямъ доктора Брандта. Лёвенштейнъ чувствовалъ благодарность къ доктору, но болѣе цѣнилъ бесѣду человѣка, который слышалъ тайную исповѣдь сердца Ильдегарды, понималъ всѣ его изгибы и принялъ послѣдній лучъ этого игриваго и милого ума. Несчастіе, котораго онъ былъ причиною, внушило молодому человѣку живое участіе, пробудило въ его памяти сладостное и уже дамакое воспоминаніе. Надо признаться, что несчастіе это устлило самолюбію Лёвенштейна. Въ глубинѣ самаго добраго сердца бываетъ всегда маленькая частица человѣческой желчи.

Ильдегарда дотого овладѣла воображеніемъ Артура, что ему захотѣлось видѣть ее. Онъ сталъ разспрашивать доктора объ образѣ жизни своей бывшей невѣсты и узналъ мѣсто ея пребыванія.

Чтобъ вѣрнѣе сохранить тайну, онъ отложилъ на время свои намѣренія. Наконецъ, когда силы его подкрѣпились, въ часъ, въ который имѣлъ привычку прогуливаться верхомъ, вмѣсто-того чтобъ направить путь, по своему обыкновенію, къ кокеухузен-

ской дорогѣ онъ поскакалъ къ Вольмару, пользуясь описаніемъ доктора, черезъ десять часовъ былъ уже въ Кронбергѣ, гдѣ жила Ильдегарда.

Одно чувство вѣжной жалости внушило ему это предпріятіе, онъ не имѣлъ намѣренія проникнуть въ жилище бѣдной страдалицы, не имѣлъ даже надежды видѣть ее: у него была одна цѣль: онъ хотѣлъ видѣть мѣсто ея пребыванія, разспросить людей о ея судьбѣ, ежедневныхъ привычкахъ, потомъ поклониться съ почтеніемъ и трепетомъ крову, прикрывавшему несчастіе, котораго онъ былъ невинною причиною и, наконецъ, хотя часъ подышать тѣмъ воздухомъ, гдѣ жило это ангельское и слабое созданіе, которому онъ внушилъ такую глубокую и безпредѣльную любовь.

Каково же было удивленіе Артура, когда онъ увидѣлъ знакъ, которымъ, бывало, пріветствовала его Ильдегарда! Какова была его радость, когда подѣхавъ къ ней, онъ услышалъ свое имя, вылетѣвшее съ чувствомъ изъ такъ долго онѣмѣлыхъ устъ молодой дѣвушки: это былъ крикъ пробужденія души, которую считали уже усопшею.

— Артуръ! повторила она съ тѣмъ же энергическимъ и страстнымъ выраженіемъ, бѣгая съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ по террасѣ, которая возвышалась между ею и ея возлюбленнымъ, какъ непреодолимая преграда.

— Ильдегарда! вскричалъ онъ въ свою очередь, придавая голосу какъ можно болѣе вѣжности и стараясь умоляющимъ жестомъ успокоить, остановить несчастную, которая повидному хотѣла къ нему броситься.

Онъ указалъ ей на уголъ стѣны, гдѣ была калитка. Любящія сердца бросились туда, но калитка была замкнута. Артуръ, привязавъ лошадь къ дереву, влѣзъ на него и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ саду.

Ильдегарда бросилась въ его объятія; долго плакала, безпрестанно произнося его имя, какъ-будто не могла вспомнить другихъ словъ. Потомъ она упала въ обморокъ. Артуръ, положивъ молодую женщину на дерновую скамью, схватилъ ея оледѣлыя руки и, согрѣвая ихъ поцѣлуями, ожидалъ въ нѣмомъ восторгѣ, чтобъ она успокоилась и пришла въ себя. Слезы покатались изъ глазъ его. Онъ съ горестнымъ участіемъ глядѣлъ на свою вѣрную и несчастную подругу, которая послѣ столькихъ жестокихъ испытаній и въ безуміи всё-еще была прекрасна. Наконецъ трепеть и боязнь овладѣли имъ. Уже цѣлый часъ Ильдегарда

лежала въ обморокъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться, и хотѣлъ было перенести больную въ домъ, какъ вдругъ она слова прошептала милое сердцу нмѣ. Радостный крикъ вылетѣлъ изъ груди молодого человѣка.

Вскорѣ Ильдегарда пришла въ себя; на нетерпѣливые вопросы молодого человѣка отвѣчала одними только знаками, милою улыбкою, нѣжнымъ взоромъ или произносила съ такою глубокою любовью нмѣ Артура, что одно это слово могло замѣнить всё ласки. Когда же Артуръ, стараясь заставить понять себя, требовалъ отвѣту, Ильдегарда съ нетерпѣніемъ проводила рукою по лбу, какъ-будто вызывая мысли и стыдясь своего молчанія. Потомъ, чтобъ избавиться отъ его вопросовъ, она склоняла прекрасное свое личико къ нему на плечо, повторяя всё одно и то же нмѣ.

Между-тѣмъ, во время этого свиданія, Ильдегарда снова подавала надежду на возвращеніе своего разсудка. Когда послышался голосъ кормилицы, она поспѣшно отскочила отъ него, и съ нѣжностью сказавъ: «До завтра!» взошла на террасу.

Артуръ каждый день навѣщалъ вѣрную свою подругу. Несчастіе Ильдегарды, ея одиночество, глубоко тронули молодого человѣка, который сначала изъ одного участія и сожалѣнія навѣщалъ больную: онъ хотѣлъ исполнить долгъ совѣсти, потому что присутствіе его облегчало недугъ страждущей, но увидавъ непродоленную любовь, которая переживала всё чувства, всё способности молодой дѣвушки, сердце его забилось нѣжною страстью. Онъ чаще прежняго сталъ навѣщать ея, потому что ему нравилась бесѣда помъшанной, потому что въ свою очередь онъ помогалъ се.

Артуръ, чтобъ еще чаще видѣться съ милою, нанялъ домикъ въ Кронбергѣ и каждый вечеръ приходилъ къ Ильдегардѣ, которая не покидала болѣе дерновой скамьи, гдѣ жила нмѣ воспоминаніемъ о вчерашнемъ днѣ, или сладостнымъ ожиданіемъ вечера.

Между-тѣмъ не видно было, чтобъ положеніе ея улучшалось: она, правда, радовалась его присутствію, но не старалась ничего высказать, ничего довѣрить.

Наконецъ, спустя мѣсяцъ послѣ этихъ долгихъ и нѣмыхъ свиданій, Артуръ сказалъ ей:

— До свиданія!

— Да, до свиданія, повторила она съ нѣжнымъ выраженіемъ: но какъ долго ждать до завтра?

Артуръ съ удивленіемъ и боязнію поглядѣлъ на Ильдегарду: онъ не хотѣлъ вѣрить своему счастью. Потомъ, бросясь на колѣни, онъ вскричалъ въ восторгѣ:

— Господи! благодарю Тебя! Ильдегарда! милая Ильдегарда! говори, говори! продолжалъ онъ, схвативъ ея руки. Я такъ давно не слышалъ твоего голоса! Скажи, что любишь и прощаешь меня.

— Да, я люблю тебя, очень люблю! повторила она голосомъ, которій выражалъ всю глубину ея чувства.

Въ это время надо было разстаться, потому что въ отдаленіи слышались шаги кормилицы. Молодой человѣкъ сказалъ тогда трепещущимъ голосомъ:

— Съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать завтрашняго дня! Мнѣ такъ много надо тебѣ высказать, объяснить, посоветоваться.

— Развѣ намъ нельзя видѣться завтра утромъ? спросила она тихо и медленно, какъ-будто бы ей стоило большого труда сдѣлать этотъ вопросъ.

— Если бъ я былъ увѣренъ, что найду тебя одну, я пришелъ бы черезъ нѣсколько часовъ, съ восхожденіемъ солнца.

— Я буду ждать тебя! сказала она съ восторгомъ.

Съ разсвѣтомъ дня они приходили на мѣсто свиданія, проводили вмѣстѣ цѣлое утро, наслаждались природой, слывая ароматы души съ ароматомъ цвѣтовъ; потомъ, разставаясь на нѣсколько часовъ, снова соединялись и до тѣхъ поръ оставались вмѣстѣ, пока голосъ кормилицы не возвѣщалъ роковой минуты.

Поглощенные любовью своей, возвышенные эти эгоисты въ цѣломъ мірозданіи видѣли только однихъ себя.

Ильдегарда любила Артура, какъ могутъ любить однѣ только женщины, то есть, безгранично, безумно. Онъ былъ для нее болѣе чѣмъ возлюбленный, болѣе чѣмъ супругъ. Это былъ человѣкъ, котораго она любила: въ этомъ словѣ все заключалось. За что любила его Ильдегарда? Она и сама того не знала и не старалась отгадывать.

Истинно возвышенная и благородная любовь не можетъ отдавать отчета въ своихъ чувствахъ. Любить человѣка за то, что онъ славенъ, хорошъ собою, богатъ, значитъ любить славу, красоту, богатство, а не человѣка.

Мужчина иначе любить. Лёвенштейнъ же любилъ въ Ильдегардѣ красоту, кротость, доброту, нѣжность, преданность, всѣ эти женскія качества и достоинства, которыя рѣдко соединяются въ одной [и той же] женщинѣ. Наконецъ, онъ любилъ ее зато,

что она изъ за него страдала, зато что она вѣрила благородству его характера и предавалась ему безусловно. Наконецъ, онъ любилъ ее потому тоже, что возвратилъ душу этому несчастному созданію и, какъ новый Пигмалионъ, вдохнулъ жизнь въ нее, освѣтивъ лучомъ разума чудную эту статую. Онъ любилъ въ ней собственное свое созданіе.

Молодая женщина, мысли которой всё болѣе и болѣе приходили въ порядокъ, узнавъ о своемъ прошедшемъ, понимала теперь всю великость своего положенія. Ей казалось безбожнымъ, безчеловѣчнымъ, что родители ея, вмѣсто того чтобъ окружить ее пощеченіями, забросали въ глушь деревни. Они имѣютъ на это право, говорила она съ горечью: но чтобъ располагать безъ ея вѣдома всею ея будущностью, выдать наконецъ замужъ, за кого? за пустого и недостойнаго человѣка, котораго никогда не могла любить и котораго увидавъ, она бы даже и не узнала.... Все это такъ ужасало ее, что она не хотѣла вѣрить такому преступленію. Изъ глубины скорбнаго сердца она зывала то къ человѣческимъ, то къ божескимъ законамъ. Наконецъ Ильдегарда рѣшила, что родители ея не имѣютъ ни какого права на ея благодарность и что она совершенно свободно можетъ располагать собою.

Ровно черезъ недѣлю, послѣ душевнаго ея пробужденія, прощаясь съ Артуромъ, Ильдегарда вынула изъ-за пояса надушенную записку и подавая ему, сказала съ робостью:

— Прочитай это, когда пріѣдешь домой.

Вотъ что было тамъ написано:

«Любезный Артуръ, дѣлай какъ-можно скорѣе необходимыя къ отъѣзду приготовленія и избавь меня отъ тюремнаго заключенія. Я хочу занять подлѣ тебя законное мое мѣсто и предаться всею душою твоему счастью. *Ильдегарда.*»

Въ этотъ вечеръ и противъ своего обыкновенія, Лёвенштейнъ долго не явился на мѣсто свиданія, молодая женщина начинала уже безпокоиться, какъ-вдругъ послышались вдали скорые и знакомые шаги друга.

— Готова ли ты? спросилъ онъ поспѣшно. Прости, что я не отгадалъ твоего желанія. Зато, я хочу удовлетворить его не недѣля ни минуты. Я прямо изъ Риги, все готово къ нашему отъѣзду. Ну, что, ты рада?

— Рада, отвѣчала трепетная Ильдегарда.

— Такъ, ѣдемъ.

— Позволь мнѣ проститься съ кормилицей и взять мой мадонский чемоданъ.

— Нѣтъ, душа моя. Прощаться съ кормилицей значить дать ей подозрѣніе, что же касается до вещей твоихъ, я рѣшительно не хочу, чтобъ ты взяла хотя бездѣлицу изъ этого неблагодарнаго дома, гдѣ тебя безжалостно бросили. Если хочешь, возьми съ собою воспоминаніе объ одиночествѣ, въ которомъ тебя оставили равнодушные твои родители, но судя по выраженію твоего лица, мнѣ, право, кажется, любезная Ильдегарда, что ты колеблешься ѣхать со мною.

— Нѣтъ, милый мой, только внезапная эта перемена взволновала меня, я улетаю мыслью къ давно уже прошедшему и думаю, что не ночью, не тайкомъ мы должны были соединиться съ тобою, а при солнечномъ сіяніи, въ присутствіи нашихъ двухъ семействъ я должна была войти къ тебѣ въ домъ. Если это удовольствіе, честь эта мнѣ мнѣ не даны, дай мнѣ по-крайней-мѣрѣ передъ отъѣздомъ вознестись душою къ Богу и просить Его покровительства. Онъ одинъ выслушалъ наши клятвы. Дай мнѣ помолиться, разставаясь, вѣроятно, навсегда съ этимъ убѣжищемъ, гдѣ я провела веселые годы моего дѣтства: я бы хотѣла мысленно проститься съ нимъ. Я не жалѣю о немъ, но я благодарна ему. Ты заставлялъ меня забыть, какъ долго я тутъ страдала. Въ эту рѣшительную минуту, не имѣя никого изъ родныхъ, кого могла бы прижать къ сердцу, я переношу нѣжность мою на неодушевленные предметы, на которыхъ съ самаго рожденія покоились глаза мои; посреди которыхъ я снова увидала тебя и воскресла душою.

Она встала на колѣни и нѣсколько времени молилась съ жаромъ и со слезами.

Артуръ, молча, съ почтеніемъ и восторгомъ глядѣлъ на нее: ему казалось, что молитвы Ильдегарды призывали на нихъ благословеніе Божіе.

— Артуръ! я готова! сказала наконецъ Ильдегарда вставая и опираясь на руку челоуѣка, который ей замѣнялъ все на свѣтѣ.

Они вышли изъ калитки, которую Артуръ выломалъ и снова притворилъ, изъ предосторожности. Взявшись за руки, молча, не говоря ни слова и волнуемые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, они дошли до опушки лѣсу, гдѣ ихъ ожидала карета. Черезъ два часа они были уже въ Ригѣ, гдѣ, сдѣлавъ нужныя приготовленія для дальняго путешествія, черезъ четыре дня выѣхали изъ заставы.

— Куда мы ѣдемъ? спросила съ любопытствомъ Ильдегарда.

— Туда, гдѣ тебя будутъ уважать, потому что ты будешь носить мое имя, и любить, потому что ты умна, добра и мила, и гдѣ мы

будемъ совершенно счастливы, потому что всегда будемъ вмѣстѣ.

— За чѣмъ же не отвѣчать тогда просто: мы ѣдемъ въ рай! радостно сказала Ильдегарда.

Бергенштрёмъ и Вангхамерь были поражены, узнавъ о бѣгствѣ Ильдегарды.

Всѣ попеременно и безпрестанно ѣздили въ Кронбергъ, въ надеждѣ узнать черезъ людей, куда дѣвалась помѣшанная.

Пока молодая женщина была у нихъ въ рукахъ, всѣ бросили, забывъ ее, а теперь мысль объ Ильдегардѣ всѣхъ мучила, занимала, хотя и различно.

— Дочь моя! Боже мой! гдѣ она? Кто будетъ любить ее, ухаживать за нею? говорила рыдая мадамъ Вангхамерь, материнская любовь которой, уснувъ послѣ столькихъ тщетныхъ покушеній и бесполезныхъ заботъ, вдругъ снова пробудилась.

— Надо, во что бы то ни стало, отыскать эту дуру! говорилъ въ свою очередь папахенъ Вангхамерь въ сердитомъ расположеніи духа. Я не хочу, чтобъ дочь мою, «рѣйлейшъ Вангхамерь, схватили и отправили въ смирительный домъ, какъ бродягу. Негодная! она родилась мнѣ на горе! Зато, если я отыщу ее, ей не будетъ отъ меня житья: я запру ее на замокъ; она не убѣжитъ отъ меня! Но прежде надо отыскать эту сѣумасшедшую.

— Куда дѣвалась жена моя? спрашивалъ Бергенштрёмъ съ тѣмъ участіемъ, которое арендаторъ принимаетъ въ вѣренномъ ему имѣніи. Онъ боялся, что съ пропавшею женой пропадетъ и приданое.

Всѣ усилія, чтобъ отыскать Ильдегарду, остались бесполезны. Такимъ образомъ прошла недѣля, мѣсяцъ, нѣсколько мѣсяцевъ, а объ Ильдегардѣ всё не было слуху. Тогда Вангхамеры, не теряя надежды отыскать убѣжище своей дочери, стали привыкать къ ея отсутствію и снова зажили своею обыкновенною жизнью. Къ чему не привыкаютъ человѣкъ? Привыкаютъ къ страданіямъ, къ несчастію, къ стыду, даже къ мысли о смерти.

Никто не подозрѣвалъ и не могъ подозрѣвать Лёвенштейва въ похищеніи Ильдегарды: семейство ея было увѣрено, что молодой человѣкъ искалъ руки ея только изъ-за приданого, не дорожа ею. Ктому же никто не зналъ о его возвращеніи.

Такимъ образомъ пролетѣли два года.

Въ это время молодые наши счастливицы жили въ Крыму, наслаждались тѣмъ безграничнымъ счастіемъ, которое даетъ только взаимная любовь. Они тѣмъ болѣе были счастливы, что обладали

независимымъ состояніемъ, не имѣли надобности заботиться о будущности.

Артуръ и Ильдегарда могли умереть спокойно. Они взяли у жизни все что есть только лучшаго, прекраснаго и возвышеннаго. Жизнь истощила для нихъ свои роскошныя обѣщанія, которыя сулить намъ въ юности. Горькая опытность не пугала ихъ болѣе, потому сердца ихъ были наполнены сладкими и неизгладимыми воспоминаніями. Въ лѣта, когда будущность болѣе не улыбается намъ, она всё-еще исполнена благоуханіемъ для того, у кого остались свѣтлыя воспоминанія. Свѣтлое сердце освѣщаетъ своими радужными лучами блѣдный горизонтъ настоящаго и будущаго. Любовь дѣйствуетъ не на одну только душу, которую живить и возвышаетъ: она имѣетъ благотворное вліяніе и на умственные способности.

Въ эти два года, Артуръ старался дать своей подругѣ то второе и необходимое воспитаніе женщины, которое не походитъ на первое воспитаніе молодой дѣвушки и которое совершенствуетъ ее. Онъ обогащалъ ея умъ, просвѣщалъ вкусъ, развивалъ врожденныя способности, иногда восхищалъ воображеніе разсказомъ своихъ путешествій, какъ Отелло привлекалъ Дездемону разсказомъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

Лёвенштейнъ отдалъ Ильдегардѣ весь домъ въ полное ея распоряженіе, желая, чтобъ она сама выучилась быть милою и любезною хозяйкою. Кругъ знакомства ихъ былъ не великъ, но состоялъ изъ образованныхъ и хорошаго тона людей. Молодая женщина дѣлала быстрые успѣхи въ трудныхъ наукахъ сдѣлать домъ свой пріятнымъ для гостей и способствовать къ счастью окружающихъ. Артуръ скоро замѣтилъ и оцѣнилъ всё достоинства своей милой спутницы.

Между тѣмъ денежныя дѣла требовали присутствія Лёвенштейна въ Ригѣ, откуда онъ намѣревался ѣхать въ Петербургъ, чтобъ вступить въ службу, потому что сдѣлавшись отцомъ семейства, ему недоставало собственныхъ доходовъ. Наконецъ ему хотѣлось разсказать Ильдегарду новостью петербургской жизни, а можетъ-быть и самому пожить въ свѣтѣ. И такъ съ общаго согласія было рѣшено ѣхать въ Ригу, а оттуда въ Петербургъ.

Они жили въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ, такъ долго и спокойно, что совершенно забыли странность своего положенія въ свѣтѣ. Имъ даже не пришло въ голову скрываться. Въ Ригѣ между тѣмъ жили два семейства, которыя по законамъ хотѣли по-

вратить ихъ счастье и разлучить на вѣкъ. Какъ это они за-
были?

Тотчасъ по прїѣздѣ, Лёвенштейнъ отправился къ матери. Продолжительное отсутствіе сына и внезапное его возвращеніе не удивило фрау фонъ-Лёвенштейнъ: она давно уже привыкла къ проказамъ своего наследника, но была крайне удивлена, что молодой человекъ остановился не у нея. Мать стала приставать съ вопросами, а сынъ заикался. Наконецъ желая получить полное прощеніе и доказать свое довѣріе, онъ признался строгой богомолкѣ, что женатъ тайно.

— Безъ моего согласія? сказала она строго, но вдругъ опомнилась: ей хотѣлось воротить упрекъ сорвавшійся съ языка: она вспомнила, что сынъ ея не могъ быть женатъ безъ ея согласія. Слѣдственно, тутъ была какая-нибудь интрига. Она знала по опыту, что упрекать или выговаривать Артуру было вѣрнымъ средствомъ ничего отъ него не узнать. И такъ материнская ея заботливость и женское любопытство, пробужденныя въ одно и то же время и такъ внезапно, требовали скорого удовлетворенія. Чтобъ достигнуть цѣли, она призвала на помощь притворство.

Мадамъ Лёвенштейнъ вдругъ перемѣнила лицо и обхожденіе, и такъ поддѣлалась къ сыну, что онъ, обманутый ея притворствомъ и радуясь, что нашелъ ее въ такомъ снисходительномъ расположеніи духа, признался во всемъ.

Прощаясь съ сыномъ, мадамъ Лёвенштейнъ спросила его благо-
склонно:

— Когда же привезешь ты ко мнѣ эту молодую даму? Я уже знаю ее: вѣдь мы прежде видались довольно часто. Но мнѣ бы хотѣлось по-ближе познакомиться съ женщиною, которая умѣла привлечь и удержать тебя.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ, вскричалъ съ чувствомъ молодой человекъ. Нильдегарда слишкомъ устала съ дороги и слишкомъ слаба чтобъ прїѣхать завтра, но она будетъ къ вамъ на-
дняхъ. Вы ее скоро увидите: она часто будетъ ѣздить къ вамъ, добрая милая мамашка. Чѣмъ ближе вы познакомитесь съ нею, тѣмъ сильнѣе полюбите ее.

— Такъ назначь мнѣ день: я буду ожидать васъ, сказала мадамъ Лёвенштейнъ съ тайнымъ намѣреніемъ и серьезнымъ выраженіемъ лица, котораго молодой человекъ не замѣтилъ.

— Такъ если вы позволите, мы прїѣдемъ къ вамъ въ воскресенье, обѣдать.

— Буду васъ ждать въ воскресенье, въ два часа, послѣ обѣда. Но я не удерживаю тебя къ обѣду, милое дитя, потому что въ эти дни у меня обыкновенно собираются набожныя особы, которыя не имѣютъ ни какой надобности знать тайны твоихъ любовныхъ похождения. Не онойдѣй, прибавила она провожая сына: и если какое-нибудь непредвидимое препятствіе лишитъ меня твоего посѣщенія, то ты очень одолжишь меня, заблаговременно предупредивъ меня. Ты знаешь, что я не люблю ждать напрасно, особенно радость, сказала она ласково улыбаясь: хитрая мать замѣтила, что послѣднія слова ея произвели непріятное впечатлѣніе на Артура: чтобъ изгладить его, она крѣпче обыкновеннаго поцѣловала его при прощаньи.

Мадамъ Лёвенштейнъ любила своего сына и знала, что была истинно любима, но характеры ихъ не были сходны: они ни въ чемъ не согласовались, такъ, что чувствуя самую прочную и самую естественную изъ всѣхъ привязанностей, они не могли ужиться. Они не осорились отъ того только, что рѣдко видѣлись. Властолюбивая мать не имѣла ни какого вліянія на молодого человѣка, который выслушивая съ почтеніемъ ея совѣты, поступалъ всегда по своей головѣ, какъ выражалась съ горечью мадамъ Лёвенштейнъ. Ослабленіе родительской власти крайне огорчало властолюбивую женщину. Она никакъ не хотѣла покориться бездѣйствию. Ей всё хотѣлось хлопотать, совѣтовать, приказывать. Не будучи въ состояніи дѣйствовать явно на судьбу Артура, она интересовалась тайно и ставила преграды исполненію тѣхъ предпріятій сына, которыхъ не одобряла. Такими пролоками ей удавалось иногда торжествовать надъ сыномъ, который думалъ въ такихъ случаяхъ, что покоряется обстоятельствамъ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ оставался передъ искусно составленными сѣтями.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ мадамъ Лёвенштейнъ считала сына погибшимъ для здѣшняго и того свѣта, если она не успеетъ немедленно расторгнуть преступной связи его съ Ильдгардой. Жить холостымъ казалось ей неприличнымъ, но жить счастливымъ и «беззаконно», съ любимой жандивною, было по ея мнѣнію стыдомъ и несчастіемъ. Ни чтò не внушало ей болѣе презрѣнія, какъ «беззаконная» любовь. И такъ должно было какъ-можно скорѣе вырвать Артура изъ такого опаснаго положенія, даже противъ его воли. Въ такомъ расположеніи духа, хитрая мать, призвавъ на помощь изобрѣтательное свое воображеніе, велѣла подать карету и отправилась къ мадамъ Вангхамеръ.

Мадамъ Лёвенштейнъ вовсе не походила на мать Ильдегарды. Эта блѣдная, худая и больная женщина провела первую половину своей жизни въ жалобахъ на мужа, который по милости жены былъ самымъ несчастливѣйшимъ человекомъ, а вторую половину своего существованія посвятила сожалѣнію о покойникѣ. Мадамъ Лёвенштейнъ была олицетворенный типъ тѣхъ холодныхъ и положительныхъ женщинъ, глядя на которыхъ можно возненавидѣть самую добродѣтель. Ханжа кончила жизнь въ одиночествѣ. Но не она удаллась отъ свѣта, какъ она всѣмъ рассказывала, а свѣтъ бѣгалъ ея.

Послѣ первыхъ восклицаній и слезъ со стороны мадамъ Ванхамерь, мать Артура въ двухъ словахъ рассказала все, что знала объ Ильдегардѣ. Потомъ прибавила:

— Выслушайте меня: мадамъ Ильдегарда мнѣ очень нравилась; я сама желала, чтобъ Артуръ на ней женился, но для вѣхъ общей пользы я не могу допустить, чтобъ она была его любовницей; чтобъ сынъ мой подавалъ собою дурной примѣръ молодымъ людямъ. Я его хорошо знаю, поэтому и увѣрена, что онъ никогда не согласится жениться, пока будетъ думать, что честь его заставляетъ защищать Ильдегарду, а я хочу чтобъ онъ непременно женился. Умирая, я хочу имѣть утѣшеніе и знать, что единственное мое дитя вышелъ изъ ослѣпленія и продолжаетъ свою карьеру, какъ всѣ честные люди, съ почтеніемъ соблюдая общественныя правила и законы. Я думаю, что съ вашей стороны вы тоже постараетесь вывести дочь вашу изъ заблужденія: честь вашего семейства этого требуетъ. У нея есть мужъ: она должна съ нимъ жить. Мы должны стараться общими силами привести дочь вашу на путь добродѣтели и возвратитъ свободу моему сыну.....

— Все это очень хорошо, любезная мадамъ Лёвенштейнъ, сказала мать Ильдегарды: но не можете ли вы меня увѣдомить о моей бѣдной дочери? Я думаю она очень перемѣнилась?

— Вѣрно, у васъ память коротка, я уже десять разъ повторяю, что не видала еще вашей дочери.

— Это правда. Извините меня. Ильдегарда не выходитъ у меня изъ головы. Я право, не замѣчаю, что спрашиваю одно и то же: гдѣ это натурально? Вы, вѣрно, поймете, что происходитъ у меня въ сердцѣ: вы сами мать. Найти такъ неожиданно дитя свое, узнать, что изъ помѣщенной она сдѣлалась мыслящая; думать, что она въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда и не можъ видѣть и обить ее: право, отъ этого можно помѣшаться. Такъ не сердце

теть же, если я вамъ сдѣлаю еще одинъ, послѣдній вопросъ. Выросла ли она, похорошѣла ли? Скажите мнѣ все, что вы о ней знаете, однимъ словомъ, говорите мнѣ о ней, умоляю васъ.

— Вмѣсто того, чтобъ тратить время на пустые рассказы, мы гораздо лучше сдѣлаемъ, если займемся ея спасеніемъ.

— Располагайте мною: я вся въ вашей волѣ.

— А мужъ вашъ? Могу ли я на него надѣяться?

— Вангхамеръ честный человѣкъ, но не слишкомъ кроткаго характера. Такъ довольно трудно представить его рѣшеніе и отвѣчать за него. Однако, я думаю, онъ согласится вывести дочь свою изъ затруднительнаго положенія. Что бы ни случилось, всё-таки надѣйтесь на меня.

— Сегодня вечеромъ я остаюсь дома, въ ожиданіи отвѣта, сказала уходя мадамъ Лёвенштейнъ: если вашъ мужъ не будетъ, такъ это значить, что онъ согласенъ помогать мнѣ.

— Хорошо, отвѣчала мадамъ Вангхамеръ.

Какъ-только Вангхамеръ узналъ отъ жены своей причину сообщенія мадамъ Лёвенштейнъ, онъ тотчасъ же отправился къ ней и оба рѣшили разлучить молодыхъ людей.

Скупой старикъ не могъ простить Артуру, что онъ не позволилъ надуть себя. Что же касается до чести дочери, то ему было всё-равно.

Вангхамеръ не вѣрилъ, что Лёвенштейнъ любитъ дочь его: онъ предпологалъ, что молодой человѣкъ для того только похитилъ Ильдегарду, чтобъ насмѣяться надъ его скупостью.

Оскорбительное самолюбіе требовало скорого удовлетворенія.

Вангхамеръ былъ такъ золъ на Артура, что охотно бы пожертвовалъ милліономъ, чтобъ только отмстить врагу за его оскорбленіе.

Въ такомъ мстительномъ расположеніи духа отецъ Ильдегарды вспомнилъ, что у него есть зять, который въ подобномъ случаѣ и въ первый разъ съ-тѣхъ-поръ какъ они были знакомы, могъ быть ему полезенъ своимъ присутствіемъ и содѣйствіемъ. Тестъ написалъ зятю, чтобъ немедленно явился. Къ-несчастію, Бергенштрёма не было дома.

VII.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Ильдегарда исчезла, положеніе Бергенштрёма было невыносимо. Мадамъ Вангхамеръ бранила его, а старикъ пересталъ давать на содержаніе. Сначала онъ жаловался, но замѣтя что жалобы его не имѣютъ ни какого дѣйствія,

рѣшился подать вексель ко взысканію. Съ-тѣхъ-поръ они не видались.

Если Бергенштрёмъ не приводилъ въ исполненіе своихъ угрозъ, такъ это отъ того только, что боялся хлопотъ, необходимыхъ въ процессахъ. Дѣятельность, письма, пугали его. Ктому же у него всегда водились деньги, которыя занималъ безъ отдачи у своихъ пріятелей.

Письмо Вангхамера до субботы лежало нераспечатаннымъ въ квартирѣ Бергенштрёма, который въ это время игралъ, кутилъ, веселился. Пришедши домой, онъ не могъ въ такомъ видѣ явиться къ старику, слѣдственно, отложилъ визитъ свой до воскресенья.

— А! наконецъ-то вы изволили явиться! сказалъ Вангхамеръ съ дружескимъ тономъ, котораго не ожидалъ посѣтитель.

— Признаюсь, я колебался, отвѣчалъ Бергенштрёмъ.

— По какой причинѣ? если осмѣлюсь спросить.

— Послѣ всѣхъ оскорбленій, достоинство мое не позволяетъ мнѣ имѣть съ вами сношеній, развѣ только черезъ магистратъ. Какъ вамъ правится моя откровенность?

— Мнѣ кажется, что ты глупъ, сказалъ съ безпокойствомъ и удивленіемъ Вангхамеръ, который въ первый разъ видѣлъ, что злѣе осмѣливается съ нимъ разговаривать такимъ развязнымъ тономъ.

— Глупъ? Кажется, это названіе вовсе нейдетъ ко мнѣ.

— А я говорю, что ты глупъ, потому что не умѣлъ понять, оцѣнить меня. Мы должны относиться прямо, дружелюбно другъ къ другу, а не черезъ магистратъ: развѣ можно судить отца съ дѣтьми? Ну, что? тебѣ надо денегъ, не такъ ли? Говори, сколько тебѣ надобно? я тотчасъ отсчитаю. Это избавитъ насъ отъ магистратскихъ издержекъ, господина крючокъ.

Бергенштрёмъ въ свою очередь былъ удивленъ: онъ предчувствовалъ, что старикъ ласкаетъ его не даромъ, потому что въ первый разъ такъ разшедрился.

— Неужели, папахенъ Вангхамеръ, вы не шутя предлагаете мнѣ денегъ? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Что жъ тутъ удивительнаго? Кажется тебѣ нечего сомнѣваться: я очень ясно выразился.

— Извините меня, но такое предложеніе такъ не сходно съ вашими образомъ мыслей и съ вашими привычками, что я принялъ его за шутку. Можетъ-быть, вы нездоровы.

— Что толковать! Сколько тебѣ надобно? Вѣроятно, когда

деньги будутъ у тебя въ карманѣ, тогда ты убѣдишься, что я совершенно здоровъ и вовсе не шучу.

— Я не хочу вѣрить глазамъ и ушамъ своимъ! Герръ Вангхамеръ предлагаетъ денегъ! Чтò за чудеса? Не будетъ ли у насъ скоро преставленіе свѣта?

— Перестань вздоръ молоть. Кончимъ скорѣе это дѣло: мнѣ надо съ тобою еще кой о чемъ переговорить, а время не терпѣть.

— Безъ шутокъ, я въ самомъ дѣлѣ удивленъ. Но вы еще болѣе будете удивлены.

— Чтò это значить?

— Я отказываюсь отъ вашихъ денегъ.

Пророчество Бергенштрёма облылось, Вангхамеръ дотога былъ изумленъ, что соскочилъ со стула, стулъ отлетѣлъ на нѣсколь-ко шаговъ. Потомъ, съ безпокойствомъ остановивъ на историкѣ вопрошающій взоръ, онъ вскричалъ: вѣрно проклятый Лёвенштейнъ подкупилъ этого мерзавца.

— Не говорилъ ли я! вскричалъ Бергенштрёмъ помирая со смѣху: не говорилъ ли я, что вы такъ удивитесь, что сами повѣрите скорому преставленію свѣта!

Чтобъ не измѣнить тайнѣ, хитрый старикъ скрылъ свои оасенія, и обращаясь къ зятю съ спокойнымъ видомъ, сказалъ:

— Отказъ твой страненъ. Скажи по-крайней-мѣрѣ причину.

— Вы предупреждаете мои желанія, потому что я пришелъ къ вамъ для объясненій: выслушайте меня. Вы обѣщали дать за вашей дочерью шестьдесятъ тысячъ, съ которыхъ хотѣли давать проценты; обѣщали научить меня дѣламъ, чтобъ я тоже имѣлъ часть въ барышахъ, и ничего не выполнили. Какъ нищій, я долженъ былъ вымаливать маленькую пенсію, на которую имѣлъ право. Зять получаетъ обыкновенно изъ рукъ тестя двѣ вещи, жону и приданое, если одна исчезаетъ, у него остается по-крайней-мѣрѣ другое. Чтò я нашелъ въ женитьбѣ? одиѣ неспріятности. Я хочу вознагражденія за потерянную свободу; я не могу востать утѣшенія въ брачной жизни, такъ по-крайней-мѣрѣ хочу имѣть матеріальныхъ выгоды. Однимъ словомъ я хочу капитала. Понимаете ли вы теперь, отъ чего я не принялъ отъ васъ денегъ? Я отказался отъ маленькой суммы, чтобъ получить большую. Теперь скажите мнѣ откровенно, хотите ли вы добровольно отдать мнѣ шестьдесятъ тысячъ, или хотите, чтобъ я прибѣгнулъ къ посредничеству магистрата? Отвѣчайте.

— Хорошо, я буду отвѣчать и надѣюсь, что ты будешь до-

велось мнѣ отвѣтомъ, сказалъ старикъ съ притворною благосклонностью. Но прежде мнѣ хотѣлось бы знать, зачѣмъ ты именно теперь, а не прежде требовалъ капитала? Ну, отвѣчай откровенно.

— Во-первыхъ, я очень добръ; во-вторыхъ, я думаю, что мнѣ легче будетъ вырвать душу изъ вашего тѣла, чѣмъ приданое изъ вашей шкатулки. Ктому же мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ, я хочу имѣть какую-нибудь собственность, успокоиться. Занятія измучили меня.

— Такъ завтра въ двѣнадцать часовъ приходи въ контору, я отдамъ тебѣ женينو приданое.

— Неужели? вскричалъ Бергенштрёмъ въ изумленіи.

— Какъ честный человѣкъ, сказалъ Вангхаморъ торжественно. Это еще не все, прибавилъ старикъ, я хочу для тебя болѣе сдѣлать.

— Я ничего болѣе не прошу у васъ, любезный батюшка, перебилъ Бергенштрёмъ въ припадкѣ радости.

— Я хочу тоже отдать тебѣ жену.

— Чортъ возьми! вскричалъ неволью Бергенштрёмъ. Такъ вы знаете что-нибудь о нашей возлюбленной сьумасшедшей? продолжалъ онъ придавая голосу нѣжное участіе, на которое надѣялся, чтобъ изгладить первое свое восклицаніе.

— Она болѣе не сьумасшедшая, сказалъ старикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскричалъ онъ. Мнѣ кажется, любезный папашень, что у насъ сегодня день сюрпризовъ: мы поочередно удивляемъ другъ друга.

— Я долженъ сказать тебѣ, продолжалъ старикъ, что насъ съ тобою обезчестили и что мы....

— Я не люблю подробностей, любезный батюшка, говорите коротко и ясно.

— Намъ надо соединиться и общими силами требовать удовлетворенія.

— То есть, я вамъ теперь понадобился?

— Да, удовлетвіе твое мнѣ необходимо, потому что отцовская моя власть уничтожена твоими правами мужа.

— Теперь я понимаю ваши ласки и предложенія.

— Могу ли я на тебя надѣяться? спросилъ отрывисто Вангхаморъ.

— Вы сегодня были такъ милы, такъ любезны, что я ни съ чѣмъ не могу отказывать вамъ: иначе это было бы неблагоприятно съ моей стороны.

— Такъ ѣдемъ! надо наставить ее на путь истины и принудить возвратиться домой.

— Согласенъ. Однако я не долженъ скрывать, что мнѣ некуда принять жену мою: вся квартира моя состоитъ изъ одной плохо убранной комнаты.

— Я велѣлъ приготовить во второмъ этажѣ этого дома квартиру, въ которой ты будешь жить съ женою.

— Вы догадливый и предусмотрительный отецъ. Чтобы впоследствии между нами не было ни какихъ ссоръ и недоумѣній, позвольте мнѣ сказать еще одно слово, прибавилъ Бергенштрёмъ. Я буду радъ, если Ильдегарда возвратится, однако не надѣйтесь, чтобы послѣ такого продолжительнаго отсутствія, я могъ любить ее по-прежнему.

— Вы будете жить какъ вамъ угодно: это не мое дѣло.

Черезъ полчаса Ванхамерь, жена его и Бергенштрёмъ отправились къ мадамъ Лёвенштейнъ. Не было еще двухъ часовъ, когда они пріѣхали. Въ это самое время Артуръ съ Ильдегардой сѣдлись въ карету, чтобы тоже ѣхать къ мадамъ Лёвенштейнъ, которую изъ благодарности молодая женщина съ почтеніемъ и любовью называла матерью.

VIII.

Мадамъ Лёвенштейнъ собрала всѣхъ родныхъ, надѣясь, что совѣты ихъ устыдятъ Ильдегарду и возвратятъ свободу ея сыну. Хитрая ханжа въ-особенности надѣялась на слабость молодой женщины, на доброту ея сердца, на деликатность ея чувствъ и преданность къ Артуру. Между-тѣмъ, исключая Ванхамеровъ, она хотѣла окружить себя въ такихъ обстоятельствахъ людьми, которые имѣли вліяніе на молодаго человѣка. Ей было досадно, что она сама не имѣла на него ни какой власти.

И такъ въ воскресенье, въ два часа по полудни, въ назначенный день и часъ для принятія Ильдегарды, мадамъ Лёвенштейнъ казалась предсѣдателемъ семейнаго совѣта. Она сѣдѣла въ гостиной посреди дивана. Съ правой ея стороны сѣдѣлъ Ванхамерь, а съ лѣвой герръ фонъ-Лёвенштейнъ, дядя Артура, старый холостякъ, слѣдовательно богатъ, который общалъ своей невѣсткѣ угрожать племяннику лишеніемъ наслѣдства, если онъ не согласится разстаться съ Ильдегардой. Подлѣ дяди сѣдѣлъ докторъ Брандтъ, жена его, — сестра Ильдегарды, — и, наконецъ, бывший наставникъ Артура, оставшійся другомъ своего воспитанника.

Изъ всѣхъ присутствующихъ только двѣ особы желали вре-

дѣть счастливымъ: отецъ Ильдегарды и мать Артура. Другіе же смотрѣли на это происшествіе свиходительными глазами. Всѣ они пріѣхали потому только, что не могли отказаться отъ убѣдительныхъ просьбъ мадамъ Лёвенштейнъ. Старикъ-дядя видѣлъ во всемъ этомъ смѣшную продѣлку.

— Племянничекъ мой отличается, говорилъ онъ обращаясь къ матери. Право, онъ совсѣмъ не такъ виноватъ. Тутъ нечего пугаться. Вы сами говорите, что Дульцинея его замужемъ, стало-быть, онъ не можетъ на ней жениться. Милый ребенокъ этотъ веселится, тѣмъ лучше для него! обманываетъ женщинъ, тѣмъ хуже для нихъ! Ахъ! чего не дѣлывали мы, бывало, съ отцомъ его! Теперь можно признаться, его уже пѣтъ на свѣтѣ, любезная невестушка: достойный отецъ его и я то восхищали то приводили въ отчаяніе красавицъ. Онъ слѣдуетъ нашему примѣру. Да всё-равно.... Чтобъ сдѣлать вамъ удовольствіе, я прочитаю такую рачею, что любо будетъ слушать.

Докторъ Брандъ съ своей стороны, явился для того только, чтобъ защитить Артура и помирить враждующія партіи. Жена же его пріѣхала съ нимъ для того, чтобъ не упустить удобнаго случая повидаться съ матерью и сестрою, которыхъ любила всей душою.

Наконецъ наставникъ слишкомъ любилъ своего воспитанника, чтобъ, въ случаѣ нужды, не вступить за него.

Въ ожиданіи пріѣзду виновныхъ, Вангхамеръ шопотомъ разговаривалъ съ мадамъ Лёвенштейнъ, которая съ горечью жаловалась на испорченность нравовъ нашего столѣтія, на низверженіе родительской власти и неблагодарность дѣтей; наконецъ до того расчувствовалась, что съ нею сдѣлалась истерика, разумѣется притворная. Всѣ засуетились. Черезъ пять минутъ она пришла въ себя.

— Боже мой! сколько шуму изъ-за пустяковъ! сказалъ старикъ дядя глядя на мадамъ Лёвенштейнъ и пожимая плечами.

У подѣзду послышался стукъ кареты. Чувствительная мать подошла къ окну, приподняла занавѣску и сказавъ вполголоса « это они », спова сѣла на свое президентское мѣсто. Всѣ послѣдовали ей примѣру.

Настало глубокое молчаніе.

Дверь отворилась, вошла Ильдегарда, за нею Артуръ.

Молодая женщина первая увидала многочисленное собраніе, ожидавшее ихъ, и, узнавъ своихъ родителей, не могла удержаться,

чтобъ не закричать отъ ужасу и удивленія. Лицо Ильдегарды вспынуло. Она быстро отвортила голову и кричало прижалась къ своему покровителю.

Артуръ принялъ ее въ объятія и, прижимая къ сердцу, окинулъ все собраніе гнѣвнымъ взоромъ, который останавливался поочередно на каждомъ изъ его членовъ съ выраженіемъ угрозы.

Волненіе и гнѣвъ придали мужественному лицу его такое страшное выраженіе, что всѣ присутствующіе онѣмѣли.

Послѣ минутнаго и тягостнаго молчанія молодой человекъ наконецъ вскричалъ съ выраженіемъ горькаго упреку:

— Ахъ! матушка! какая ужасная измѣна!....

— Слово это неумѣстно, сынъ мой, отвѣчала мать съ достоинствомъ: знай, что здѣсь нѣтъ измѣнниковъ: здѣсь два семейства, которыя соединились, чтобъ вырвать дѣтей своихъ изъ ностыдной жизни, возвратитъ ихъ на путь истины, избавитъ отъ угрызений совѣсти, раскаянія и неизбѣжныхъ несчастій.

— Никогда! сказалъ съ негодованіемъ Артуръ: я не прошу вамъ такого безчестнаго постука. Вы низко обманули мое доверіе.

— Не тебѣ приходится прощать, сынъ мой, а самому слѣдуетъ просить моего прощенія. заслужи его сперва умѣренностью въ своихъ словахъ, а потомъ приличнымъ поведеніемъ. Сперва прошу садиться, сказала она указывая на кресла: вы тоже, сударыня, прибавила она съ презрѣніемъ, произившимъ сердце Ильдегарды.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ Артуръ матери: нѣтъ, мы не сядемъ на эту скамью подсудимыхъ, и тѣмъ менѣе, что я не намѣренъ ни оправдываться, ни объясняться.... ни съ кѣмъ, ни вамъ, ни съ другими, я вамъ напередъ это объявляю.

— Если это твоя воля, сынъ мой, пусть будетъ по-твоему. Я не могу заставить тебя быть учтивымъ съ друзьями, почтительнымъ къ матери и дядѣ. Я полагаюсь однако на деликатность твоихъ чувствъ и думаю, что ты не осмѣлишься долѣе развращать эту несчастную женщину: ты погубилъ ея молодость, испортилъ всю будущность; я имѣю о тебѣ еще довольно хорошее мнѣніе и думаю, что ты не заставишь ее слѣдовать твоему примѣру, дашь свободу выслушать голосъ отца и совѣты своихъ родственниковъ. Мы знаемъ уже твое рѣшеніе, слѣдовательно тебя нечего болѣе спрашивать, но намъ остается еще узнать намѣренія этой дамы. Пусть она сама ихъ объявитъ, прибавила

она тѣмъ сухимъ тономъ, который придаетъ самымъ простымъ словамъ оскорбительное значеніе.

Лёвенштейнъ тотчасъ же опустилъ руку, которою до-тѣхъ-поръ окружалъ свою возлюбленную, какъ-будто желая доказать, что даетъ ей полную свободу: но Ильдегарда осталась на своемъ мѣстѣ и не отвѣчала на вопросъ мадамъ Лёвенштейнъ.

Тѣмъ болѣе неподвижность и молчаніе это имѣли значенія, что каждый могъ видѣть и судить по блѣдности лица молодой женщины и нервическому дрожанію губъ и всего ея тѣла, какъ сильно была она огорчена и взволнована.

Мадамъ Брандтъ поняла смущеніе Ильдегарды и, раздѣлая ея волненіе, поспѣшно встала съ своего мѣста. Увлеченная непреодолимымъ порывомъ участія, она бросилась къ сестрѣ, осыпала ее пламенными поцѣлуями и радостными слезами.

Бѣдная мать Ильдегарды, съ тѣхъ-поръ какъ пріѣхала дочь ея, не переставала плакать. Она не имѣла претензій на добродѣтели, особенно на стоическія. Во время дороги, Вангхамеръ совѣтовалъ женѣ своей не вмѣшиваться въ разговоръ, не поддерживать Ильдегарды, однимъ словомъ держать нейтралитетъ. Хорошая и простая эта женщина, исключая многихъ добрыхъ качествъ, имѣла рѣдкое достоинство безпрекословно, во всемъ слушаться мужа. И такъ она только плакала, не говоря ни слова. Однако, когда услышала, что мадамъ Лёвенштейнъ стала довольно сурово обходиться съ Ильдегардой, она съ нетерпѣніемъ стала соскакивать съ своего мѣста. Наконецъ, увидѣвъ дочерей своихъ въ объятіяхъ другъ друга, она рѣшительно не могла усидѣть на стулѣ. Материнскія чувства восторжествовали надъ покорностью супруга.

— Что за вздоръ, всѣ эти замѣчанія! вскричала она прерывающимъ голосомъ съ рѣшительнымъ видомъ: пусть будетъ, что угодно Богу, но я хочу поближе поглядѣть на моихъ дочерей, прибавила она подходя поспѣшно и бросаясь къ нимъ въ объятія. Милыи, ненаглядныя мои! говорила бѣдная мать почти задыхаясь отъ восторгу и рыданія: дайте наглядѣться на себя, расцѣловать себя, но прежде меньшую, несчастную, покинутую, которую я такъ давно не видала и не цѣловала.

Послѣ первыхъ восторговъ, мать и дочери, чтобъ свободнѣе высказать свои чувства, отдѣлились отъ общества и какъ-будто желая спрятаться, встали въ углубленіе окна.

Глядя на нихъ, Вангхамеръ сверкалъ глазами и по временамъ изъ подлюбья посматривалъ на Артура. Потомъ обращаясь къ

мадамъ Лёвенштейнъ, вполголоса сталъ выхвалять краснорѣчивую ея твердость, которою, говорилъ онъ, она такъ ловко поразила сына.

Порывъ чувствительности мадамъ Брандтъ и материнскій восторгъ мадамъ Вангхамеръ, изгнали принужденность и холодность, тяготившія маленькое общество. Дядя, докторъ и гувернеръ встали, составя между собою кружокъ, между-тѣмъ какъ Вангхамеръ и мадамъ Лёвенштейнъ, сидя одинъ подлѣ другаго, предавались разговору, въ который Бергенштрёмъ, чтобъ избавиться отъ смущенія вмѣшался безъ церемоній. Артуръ стоялъ одинъ, въ отдаленіи. Всѣхъ занимало рѣшеніе Ильдегарды. Всѣмъ хотѣлось, чтобъ непріятное это совѣщаніе по-скорѣе кончилось.

Дядя первый подошелъ къ племяннику. Послѣ легкихъ необходимыхъ упрековъ, сказанныхъ вслухъ на которые Лёвенштейнъ, погруженный въ мысли, не обратилъ ни какого вниманія, даже не отвѣчалъ ему, веселый старикъ продолжалъ шопотомъ:

— Послушай, Артуръ, я не имѣю намѣренія огорчать тебя: молодость должна взять свое, но ты не такъ взялся. Ты самъ знаешь, что я служилъ полковникомъ въ гусарскомъ полку, слѣдовательно я не изъ платониковъ. Вѣдь я не говорю тебѣ, какъ мать твоя, что поведеніе твое постыдно: напротивъ того.... По моему мнѣнію, вѣрность никому не годится. Проживши три четыре года съ одною жепщиною, трудно будетъ впоследствии отъ нея отдѣлаться. Послушайся опытнаго совѣта, отдай эту молодую даму ея семейству, воспользуйся свободой: можетъ-быть долго не представится такого удобнаго случая.

— Благодарю за совѣты, отвѣчалъ разсѣянно молодой человѣкъ, пожимаая руку дяди, чтобъ не взять руки Брандта, который подошелъ къ нимъ въ это время.

— Такъ-то ты встрѣчаешь самаго стариннаго и самаго преданнаго изъ друзей. Это не хорошо, Артуръ, сказалъ до слезъ тронутый докторъ.

— Я не знаю еще другъ ли ты или недругъ, потому что я встрѣчаю тебя здѣсь.

— Ты не видалъ бы меня здѣсь, если бъ я зналъ, гдѣ отыскать тебя.

— Съ какою цѣлью наконецъ, я застаю тебя вмѣстѣ съ моими врагами?

— Ты вѣрно не предполагаешь, чтобъ я хотѣлъ тебѣ вредить?

— Когда родная мать такъ коварно обманула меня... а ягъю право не вѣрить ни чьей дружбѣ...

— Исключая моей... Ты заставляешь напоминать себѣ, что я раздѣлялъ съ тобою самыя трудныя минуты твоей жизни.

Чтобъ изгладить впечатлѣніе упреку, докторъ Брандтъ дружески взялъ Артура за руку. Друзья и товарищи бросясь въ объятія другъ друга, зажились радостными слезами.

Между-тѣмъ Вангхамерь и мадамъ Лѣвенштейнъ нашли, что всё эти нѣжности слишкомъ долго продолжаются. Они было снова принялись мучить бѣдную Ильдегарду, какъ-вдругъ мадамъ Вангхамерь предупредила ихъ неожиданною выходкою.

Молодая женщина окруженная матерью и сестрою робко подошла къ упрямому старику.

— Ну, Вангхамерь, поцѣлуй дочь свою, сказала трепещущимъ голосомъ мать Ильдегарды.

— Я хочу знать сперва, могу ли я надѣяться на ея покорность?

— Отвѣчай сама, дитя мое, сказала мать опустивъ глаза передъ недовольнымъ взглядомъ своего мужа.

— Чего жъ вы отъ меня требуете? спросила съ почтеніемъ и боязнію Ильдегарда.

— Чего я отъ тебя требую? сказалъ немного смѣшавшись Вангхамерь. Вѣроятно мать твоя изъявила наши желанія. Ктому же, развѣ ты сама не догадываешься?

— Я не могу вѣрить, чтобъ отецъ приказывалъ дочери забыть самыя священныя обязанности и жертвовать даже честью, сказала она кротко и рѣшительно.

— Тебѣ ли говорить объ обязанностяхъ, о чести, когда ты поправа свою собственную, мою и всего нашего семейства.

— Умоляю васъ, не оскорбляйте меня такъ жестоко, не унижайте при незнакомыхъ людяхъ, если хотите, чтобъ я имѣла силы отвѣчать вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я не правъ, что предался гнѣву, потому что проступокъ твой извинителенъ, ты была въ помѣшательствѣ, когда сообщникъ твой вырвалъ тебя изъ-подъ моего покровительства. Поэтому я не слишкомъ строго осуждаю тебя. Но теперь ты, слава Богу, въ умѣ, слѣдовательно можешь сказать намъ свое рѣшеніе, отъ котораго будетъ зависѣть мое прощеніе. Вотъ моя непремѣнная воля. Выслушай меня внимательно и отвѣчай ясно: да или нѣтъ: ты знаешь что я не люблю длинныхъ речей.

Вайтхамеръ замолчалъ, потому продолжалъ посреди глубокаго молчанія:

— Но силѣ моихъ правъ и для твоей пользы, я выдалъ тебя замужъ. Я пристроилъ тебя и сдѣлалъ въ твою пользу значительныя пожертвованія. Такъ я требую, чтобъ изъ уваженія къ моей отцовской власти и благодарности къ моимъ благодѣлителямъ, ты тотчасъ же возвратилась въ семейный кругъ и жила съ мужемъ, котораго я тебѣ назначилъ. Я заплачу даже твоему политителю за твое содержаніе съ того самаго дня, когда ты такъ неблагодарно убѣжала изъ родительскаго дому: я не хочу, чтобъ ты была обязана этому человѣку. Наконецъ я хочу, чтобъ ты вышла изъ такого унижительнаго положенія и покорила скромной, но честной и независимой участи, ожидающей тебя въ семейномъ кругу.

— Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ я не могу такъ скоро отвѣчать, сказала Ильдегарда съ трогательнымъ выраженіемъ достоинства: прежде чѣмъ рѣшиться, позвольте мнѣ объяснить мое астоящее положеніе и оправдать прошедшее. Вы позволете?

— Хорошо! согласенъ, только говори коротко и ясно.

Слезы навернулись на глазахъ Пльдегарды, помолчавъ немного, она продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Во-первыхъ, я объявляю, что въ жизни моей нѣтъ ни одного дѣйствія, отъ котораго бы я хотѣла отказаться. Я не намѣрена ставить себя въ примѣръ, однако увѣрена, что имѣю полное право на почтеніе и уваженіе ближняго. Надѣюсь, что вы сами раздѣляете это мнѣніе, если только не положили себѣ за правило обвинять меня. И такъ я зываю къ вашей справедливости. Помните ли приказанія ваши, когда Лёвенштейнъ въ первый разъ пріѣхалъ къ намъ въ домъ?

«Вотъ женихъ твой, сказали вы мнѣ: онъ честный и благородный человѣкъ: я хочу чтобъ ты обходилась съ нимъ ласково и предупредительно. Постарайся полюбить его, а главное — заставь его любить себя.

— Я послушалась васъ. Впродолженіи года, по вашей волѣ, въ глазахъ матери, въ присутствіи всѣхъ родныхъ и друзей, я обходилась съ Артуромъ какъ съ человѣкомъ, которому должна была посвятить всю жизнь мою. Наконецъ чувства мои согласились съ вашими желаніями, я полюбила его. Я съ намѣреніемъ не упоминаю объ отъѣздѣ Артура, такъ жестоко поразившемъ мои умственные способности, потому что вспоминая все это, я

должна буду сказать причины этого ужаснаго разрыва, а обязанности дочери не позволяют мнѣ осуждать поступки отца.

Вангхамеръ захмурился.

Если бь Артуръ не возвратился, я бы оплакивала его до самой смерти и никогда бы рука моя, которую вы ему обѣщали, не принадлежала другому. Судите же сами, какъ я была удивлена и огорчена, когда воскреснувъ душою я узнала, что вы выдали меня за неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Сначала я не хотѣла вѣрить жестокой истинѣ; даже разумокъ мой не допускалъ такого святотатства, отъ котораго одного можно сойти съ ума. Во всѣхъ отношеніяхъ недостойное это замужство до того оскорбляло меня, что я почла себя свободною не выполнять наложенныхъ на меня обязанностей. Съ другой стороны, видя, что меня забросили въ глушь деревни, гдѣ я была въ совершенномъ одиночествѣ, покинута всѣми вами, лишена всѣхъ радостей, пожеланій,—даже некому было утѣшить меня. Я видѣла, что семейство мое, вмѣсто того чтобъ ласкою и заботливостью стараться возвратить мнѣ разумокъ, безжалостно выбросило изъ среды своей, какъ безполезнаю вещь. Удаливъ меня, вы хотѣли отъ меня отдѣлаться; думали что исполнили всѣ свои обязанности, не уморивъ съ голоду. Я думала, что вы уже забыли о моемъ существованіи и что я имѣю полное право, по желанію сердца располагать собою. Тогда я добровольно предалась человѣку, которому вы сами меня назначили.

— Кажется она всё-еще не въ своемъ умѣ! прервалъ съ гнѣвомъ Вангхамеръ: развѣ ты забыла, что человѣкъ этотъ отказался отъ тебя, что безъ большаго придаваго онъ не хотѣлъ на тебѣ жениться. Развѣ ты не видишь, какъ мало онъ имѣетъ къ тебѣ уваженія, что рѣшился сдѣлать изъ тебя свою любовницу?

Ильдегарда приподняла голову и сказала гордо:

— Я не любовница, а жена Артура и даже больше: я дитя его, я его созданіе! Онъ мой второй отецъ, онъ возвратилъ мнѣ разумокъ и жизнь, уничтоженныя моимъ первымъ отцомъ. Я все принадлежу Артуру, я его собственность и я пользуюсь всѣми правами супруги: онъ любитъ и уважаетъ меня, какъ вѣрную жену и какъ мать его дѣтей.

— Его дѣтей? сказалъ Вангхамеръ соскочивъ со стула.

— Какъ! у тебя есть дѣти? спросила съ кротостью мать, болѣе удивленнымъ чѣмъ недовольнымъ видомъ, глаза ея наполнились сладостными слезами.

— Его дѣтей! прошептала съ презрѣніемъ мадамъ Лёвенштейнъ.

Оскорбленная Ильдегарда, не обращая никакого вниманія на всё эти усиленія, продолжала твердымъ голосомъ:

— Если мы не обвѣчаны, такъ это не наша, а ваша вина; если бѣ вы исполнили ваши обвѣщанія, я не была бы теперь въ такомъ неловкомъ положеніи. Я не жалуясь и не упрекаю васъ, но думаю, что имѣю право на вашу снисходительность. Я понимаю, что вамъ не нравится мое положеніе, но этому вы сами были причиною. По моему мнѣнію я была бы самая презрѣнная женщина, если бѣ рѣшилась бросить Артура. Я спрашиваю всѣхъ васъ, сказала Ильдегарда обращаясь къ присутствующимъ: развѣ я не обязана посвятить себя дѣтямъ? Развѣ мѣсто мое не при отцѣ ихъ?

— Мѣсто твое при мужѣ, а не при чужомъ человѣкѣ! вскричалъ Вангхамерь съ возрастающимъ гнѣвомъ.

— Исключая Артура фонъ-Лёвенштейна, отвѣчала съ твердостью Ильдегарда: у меня нѣтъ другаго мужа.

— Право, мнѣ кажется что она всё-еще помѣшана! вскричалъ снова Вангхамерь. Развѣ ты не понимаешь, что мужъ твой и я можемъ по закону принудить тебя къ покорности? Въ послѣдній разъ, подумай хорошенько. Чтѣ же до меня касается, то я употребляю всѣ средства и преодолѣю твое упрямство: я не хочу чтобъ дочь мою, Фрейлейбъ Вангхамерь называли распутною женщиной. Я не пожалѣю ни трудовъ, ни денегъ: если надо будетъ, истрочу все состояніе, но достигну цѣли. Ты знаешь мое рѣшеніе; подумай теперь, какъ ты намѣрена поступать. Если сегодня же ты не покорилась добровольно, завтра тебя принудитъ полиція. Выбирай.

Бѣдная Ильдегарда, потерявъ силы и присутствіе духа, закрыла лицо руками и залилась слезами.

Тогда Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ, который до-тѣхъ-поръ безмолвно стоялъ въ отдаленіи, выступилъ впередъ. Лицо его пылало гнѣвомъ. Онъ посмотрѣлъ презрительно на безжалостнаго старика и сказалъ голосомъ исполненнымъ негодованія и рѣшимости:

— Милостивый государь, теперь я въ свою очередь объявляю вамъ, что дочь ваша, а жена моя, не выйдетъ живая изъ моего дому. Я убью ее, если иначе не могу избавить отъ постыднаго ярма вашей власти. Да, у меня на это станетъ духу; рука моя не дрогнетъ. Такъ знайте же, всѣ, кто тутъ есть, что если вы

захотите отвѣтъ Ильдегарду у дѣтей ея; вырвать ее изъ моихъ объятій, я отдамъ вамъ только трупъ Ильдегарды. Это не пустягъ угрозы, клянусь честью, что я это сдѣлаю.

Потомъ, обращаясь къ матери, онъ сказалъ:

— Вы меня хорошо знаете, скажите этому человѣку, который только носитъ названіе отца, не исполняя родительскихъ обязанностей: скажите ему, что я скорѣе умру, чѣмъ откажусь отъ своихъ клятвъ. Я не слѣдую его примѣру.

Вангхамеръ съ ненавистью поглядѣлъ на Лёвенштейна.

Настало глубокое молчаніе.

Лёвенштейкъ, обращаясь къ Вангхамеру и поглядѣвъ на него съ отвращеніемъ и презрѣніемъ, сказалъ:

— Вы напрасно обвиняете меня въ корыстолюбіи: если я отказался тогда отъ Ильдегарды, это было единственно потому, что я не хотѣлъ позволить себя дурачить, надуть какъ вы надули Брандта, мужа вашей старшей дочери. Если бъ Ильдегарда добровольно вышла замужъ, я покорился бы этому несчастію. Но она была такъ несчастлива, что я имѣлъ полное право избавить ее отъ тюремнаго заточенія. Впрочемъ, мы можемъ узаконить нашъ бракъ. Мы сдѣлаемъ это, если не для себя, такъ для дѣтей. Изъ уваженія къ вамъ мы не хотѣли начинать процесса, но вы сами насъ заставляете. Завтра же Ильдегарда подастъ просьбу генералъ-губернатору и будетъ требовать развода.

— Вы осмѣливаетесь зачинать со мною процессъ? вскричалъ Вангхамеръ.

— Такъ не преслѣдуйте насъ, продолжалъ Артуръ успокоясь немного. Выслушайте меня: не обвиняя васъ мы будемъ требовать развода и легко получимъ согласіе консисторіи, потому что бракъ такого рода недѣйствителенъ, даже незаконенъ: тогда я обѣнчаюсь съ Ильдегардою и вы всѣ будете довольны.

— Никогда! вскричалъ мстительный старикъ.

— Такъ мы безъ васъ обдѣлаемъ это дѣло! отвѣчалъ Артуръ твердымъ голосомъ. Когда узнаютъ всю гнусность вашего поступка, не найдется человѣка, который бы оправдалъ васъ. Поѣдемъ, сказалъ онъ Ильдегардѣ и глядя на мать свою, прибавилъ: насъ привлекли сюда обманомъ и такъ извѣщательно предали, и потому сегодня я въ послѣдній разъ переступилъ порогъ этого дому.

Ильдегарда поцѣловала мать и сестру свою, потомъ ушла.

тѣмъ непреодолимымъ чувствомъ, которое привязываетъ дѣтей, особенно дочерей, къ родителямъ, она съ покорностью преклонилась передъ Вангхамеромъ.

— Папенька! сказала она трепещущимъ и умоляющимъ голосомъ.

— Не называй меня болѣе отцомъ, я не хочу этого! сказалъ онъ сурово отталкивая отъ себя Ильдегарду. Я стыжусь такой дочери.

— Я не заслуживаю такого жестокаго обхожденія, сказала она все въ слезахъ: будьте справедливы.....

— Не показывайся мнѣ на глаза! вскричалъ онъ въ припадкѣ гнѣву, потомъ съ яростью поглядѣвъ на дочь свою, вскричалъ задыхающимся голосомъ:—Я лишаю тебя наслѣдства!

— Лишайте, если хотите, но не проклинайте меня по-крайней-мѣрѣ! зарыдавъ сказала Ильдегарда.

Она была такъ глубоко огорчена, что несмотря на всѣ усилія, не могла успокоиться; нервическая дрожь пробѣжала по всѣмъ ея тѣлу, губы посинѣли, лицо приняло страшное выраженіе помѣшательства. При видѣ такого состоянія возлюбленной, сердце Артура облилось кровью. Онъ сталъ опасаться, чтобъ разумокъ снова не покинулъ молодой женщины.

Взволнованный Артуръ подошелъ къ Ильдегардѣ и, взявъ ее за руку, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Поѣдемъ, душа моя; здѣсь уморять тебя.

Они вышли; а за ними и всѣ разѣхались.

IX.

Вангхамеръ и Бергенштрёмъ пошли пѣшкомъ. Во время дороги зять спросилъ тестя.

— Ну, что, папахенъ, довольны ли вы мною?

— Да, да, надѣйся на меня, отвѣчалъ глухимъ голосомъ старикъ, съ осторожностью озираясь во всѣ стороны. Я беру на себя всѣ хлопоты и издержки, а прошу только твоего присутствія, оно мнѣ необходимо. Такъ приходи завтра къ двѣнадцати часамъ. Я долженъ предупредить сперва начальство, тогда мы начнемъ дѣйствовать. Смотри, не опоздай.

— Я и безъ того хотѣлъ быть у васъ. Вы, вѣрно, забыли, что хотѣли разсчитаться со мною.

— Послѣ сегодняшняго происшествія, отвѣчалъ откупщикъ: ты самъ поймешь, любезный другъ, что мы сперва должны за-

вѣться твоею женою? Какъ-только она возвратится, я тотчасъ же отдамъ тебѣ деньги.

— Берегитесь, господинъ Вангхамерь, не выводите меня изъ терпѣнія, отвѣчалъ Бергенштрёмъ съ недоувѣрчивымъ и грознымъ видомъ: я не хочу болѣе даромъ угождать вамъ. Хоть сегодня вапримѣръ, чтобъ сдѣлать вамъ удовольствіе, сколько оскорбленій я принужденъ былъ проглотить. Смотрите, не обманывайте меня, это плохо будетъ.

— Положись на меня, Бергенштрёмъ. Чтобъ совершенно успокоить тебя, я снова предлагаю тебѣ денегъ. Говори сколько тебѣ надобно?

Бергенштрёмъ молчать.

— Что жъ ты молчишь? Хочешь, я дамъ тебѣ банковый билетъ въ тысячу цѣлковыхъ! вскричалъ внезапно Вангхамерь и вдругъ остановился.

Бергенштрёмъ посмотрѣлъ на тестя съ такимъ страннымъ выраженіемъ, что тотъ не понялъ его удивленія и продолжалъ воспѣшно:

— Если мало одного, я дамъ два, три?

— Три тысячи цѣлковыхъ! вскричалъ Бергенштрёмъ, пораженный значительностью суммы и щедростью откупщика. Я принимаю ваше предложеніе, — это дурно, я самъ знаю, что не выдержалъ характера, но что жъ дѣлать? вѣдь я человѣкъ, не могу питаться однимъ воздухомъ.

Вангхамерь остановился, вынулъ изъ кармана бумажникъ, далъ зятю три банковыхъ билета по тысячѣ цѣлковыхъ каждый, Бергенштрёмъ схватилъ ихъ дрожащею рукой.

— И такъ, до завтра. Смотри, не опоздай, сказалъ откупщикъ прощаясь съ зятемъ.

Бергенштрёмъ тотчасъ же отправился въ любимый свой трактиръ, гдѣ съ радости выпилъ въ десять разъ болѣе обыкновеннаго. Пріатели увѣнчали его розами и прокутили до шести часовъ утра.

Мстительный старикъ всталъ съ разсвѣтомъ и поѣхалъ съ жалобою въ консисторію. За болѣзнію президента разсмотрѣніе дѣла отложилъ на нѣсколько дней. Возвратясь домой Вангхамерь былъ крайне удивленъ, что Бергенштрёма еще нѣтъ. Онъ тотчасъ же написалъ ему.

Подождавъ еще полчаса, онъ сталъ сердиться на зятя, что онъ осмѣливается заставлять ждать человѣка, который дорожитъ сво-

нивъ временемъ. Наконецъ выйдя изъ себя, Вангхамерь велѣлъ подать карету и отправился на квартиру историка.

Вышедъ на лѣстницу, онъ увидалъ множество народу и полицейскихъ чиновниковъ. Всѣ суетились.

Дверь комнаты Бергенштрёма была заперта. Вангхамерь постучался. Отвѣту не было. Явился квартальный и приказалъ выломать двери. Всѣ отскочили съ ужасомъ: Бергенштрёмъ лежалъ на полу, мертвый, съ бутылкою въ рукѣ.

— Мерзавецъ! сказалъ сердито Вангхамерь: зачѣмъ я далъ ему денегъ? Доброта моя всегда вредитъ мнѣ.... Проклятый Лёвенштейнъ! продолжалъ онъ съ яростью: такъ я не могу отомстить тебѣ!

Черезъ полгода Артуръ фонъ-Лёвенштейнъ женился на Ильдегардѣ, которая просила, чтобъ ихъ вѣнчали въ Кронбергѣ. Лёвенштейнъ купилъ у Вангхамера эту дачу и записалъ за женою, вмѣсто свадебнаго подарка. Каждое лѣто они ѣздятъ въ Кронбергъ, который Ильдегарда любитъ по воспоминаю.

Г. Г***.

=

ПОЭТЪ.

Огнями яркими сіяетъ Вожій храмъ,
Толпа безмолвствуетъ полна благоговѣнья
И ароматный дымъ несется къ небесамъ.

И въ слѣдъ ему летать моленья!...

Тотъ проситъ золота, тотъ власти и чиновъ,
Иной бѣднякъ, быть-можетъ, только хлѣба....

Но — среди ихъ — одинъ не проситъ тѣхъ даровъ:

Другаго молить онъ у неба!...

О чемъ онъ молится? Онъ проситъ чувствъ живыхъ,

Давно родныхъ ему. Ему не нужно злата,

Не нужно почестей его душѣ чужихъ:

Она — познаніемъ богата!...

Онъ проситъ у небесъ любви, любви святой.

Вотъ цѣль души его, предметъ его моленья.

Онъ проситъ у небесъ одной любви земной,

Но безъ границъ и безъ забвенья....

Пусть нищета ему достанется въ удѣлъ,

Пусть.... онъ любить умѣлъ бы съ нищетою....

И, ею оживленъ, онъ долго бы горѣлъ

Звѣздою яркой надъ толпою!...

Т. LXXXIII. — Отд. I.

И стройно къ небесамъ летѣлъ хвалебный гласъ
 И жарко плакалъ онъ и слезъ искалъ для битвы....
 Онъ забывалъ весь міръ, вся жизнь его слѣдась
 Въ предѣлъ надежды и молитвы....
 ЮРІЙ ВОЛКОВЪ.

==

ПАДШЕЙ.

Скажи, ужель ты рождена
 Быть вѣчной жрицею порока?
 И безъ сомнѣнья, безъ упрека,
 Ужели ты по волѣ рока
 На эту жизнь осуждена?
 Неужто, Божіе созданье,
 Ты пасть глубоко такъ могла
 И на позоръ и поруганье
 Себя на вѣки отдала?...

Не вѣрю я, чтобъ создавала
 Природа — душу для страстей;
 Чтобъ такъ глубоко упадала
 И назначенье забывала
 Ты, покоряясь только ей!
 Чтобъ жертвой тайнаго порока
 Свою весну ты провела
 И безъ малѣйшаго упрѣка
 Для лучшей жизни умерла!

Неужто вѣчное призванье
 Намъ для порока жизнь даетъ
 И — безъ суда и воздаянья,
 Какъ смутное воспоминанье,
 Всѣ съ нами жившее умрѣтъ?...
 Быть-можетъ голосъ тайной мести
 Или отвергнутой любви
 Тебя лишилъ на вѣки чести,
 Зажегъ огонь въ твоей крови?

Быть-можетъ, нужды и страдашь,
 Тебя въ вучину зайзекли
 И изъ прекраснаго земли
 Ты стала — язвою созданья!...
 Но вѣтъ! любовь и даже месть
 Такъ исказить души не властны.
 Когда мы бѣдны или несчастны,
 То утѣшенье наше — честь.

Но ты — святую позабыла
 Себя разврату обрекла,
 Ты недостойно полюбила,
 Ты безвозвратно отдала
 Всё, что имѣла, чѣмъ могла
 Пожертвовать земному счастью, —
 Всё принесла въ даръ сладострастью;
 Отвергла правственность, законъ;
 Не слыша тайнаго упрѣка
 Осталась на пути порока
 И — овладѣвъ тобою онъ!

Зато погубишь ты какъ чолнъ,
 Игрушка несмиримыхъ волнъ,
 И на закатъ грѣшныхъ дней
 Твой Ангелъ свѣта не прійдетъ,
 Какъ чистой дѣвы къ изголовью;
 Въ часъ смертной муки онъ съ любовью
 Не утолитъ тоски твоей,
 Отрады въ душу не прольѣтъ.

Припомни: страшно умирать
 И добродѣтели прекрасной;
 А какъ на судъ небесъ предстать
 Съ душой испорченной?... Ужасно!...
 Когда ты шла въ часъ тѣмной ночи,
 Скажи, ужель когда-нибудь
 Тоска не западала въ грудь,
 И слезы не вступали въ очи?

Ужель тягостный упрекъ,
 Не волновалъ души порочной
 И голосъ правды въ часъ полночной
 Былъ сердца грѣшнаго далекъ!...

Ужель тебя безъ состраданья
Твой геній кинулъ на всегда
И ты — не знала никогда
Жены высокаго призванья,
Ни сладкихъ слезъ, ни уюванья....
И никогда въ душѣ твоей
Заря спасенья не всходила
И — безотвѣтно, какъ могла,
Ты умерла для лучшихъ дней?

ЮРІЙ ВОЛКОВЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.
=

— Такъ вотъ, братъ, Борисъ Игнатьичъ, какой казусъ!

— Да, вотъ оно; подико-сь, разбирай.

— Да!

— Охо, хо!

— Ну, а онъ-то что?

— Онъ-то? постояль-постояль, да и пошелъ, а теперь и ва-
ладайся съ нимъ.

— Ахъ, ты, Господи!... Ну, а она-то что?

— А ей-то что? она ничего.

— Э, чу! звонять баринъ.

— Слышу....

— Ступай!

— Такъ, братъ, надоѣло ступать, что и не приведи Господи...
Что, кажется, за служба: эй! Борисъ! — Чего прикажете, ваше пре-
восходительство? — Ну, что, какъ? — Да ничего, славу Богу. А
потомъ опять: эй Борисъ! — Ну какъ, что?... Вотъ-те и вся не-
долга. А поди-ко, вскочи съ мѣста разъ сто въ день, да столько
же въ ночь, да помайся маятникомъ, такъ и узнаешь, какъ ука-
тали бурку крутыя сивки.... пѣфу! какъ укатали горку.... Ну! за-
молола!... Чего изволите?

— Что, какъ здоровье Эрнетины.... Петровны?

— Я вамъ сейчасъ изволю докладывать.... Охъ, бишь, ваше
превосходительство изволили спрашивать.

— Что спрашивать?

— Да о здоровьи госпожи мадамы.

— Когда жь ты докладывалъ?

— Да вотъ, сейчасъ только.

— Сейчасъ!... Ахъ, глупецъ!... Въ часъ Богъ знаетъ какія могутъ быть переменны! Поди!... узнай.... разспроси подробно.... разспроси какъ, что.... да что жь докторъ? а?

— Я докладывалъ, что Жули говоритъ, что дескать вчера былъ ихъ собственной докторъ и прописалъ лекарство, порошки, а сегодня имъ не угодно доктора.

— Не угодно доктора?... какъ же это можно!...

— Да такъ, вѣрно, просто нездоровы, а не то чтобы болѣны.

— Просто, нездоровы! Ахъ глупецъ!... Ее надо уговорить.... я ее уговорю.... Это невозможно!... Давай.... ну!

— Что прикажете?

— Дай.... руку.... пойдѣмъ.

— Къ чему жь ваше превосходительство беспокоиться-то вамъ: вѣдь ужь сколько разъ вы вчера пзволили беспокоиться, а она и принимать васъ не хочетъ.

— Не хочетъ! Какъ не хочетъ?... врешь! Не можетъ принять: это дѣло другое.

— Я такъ и доложилъ.

— Врешь, не такъ. Поди, узнай: лучше ли; да скажи Жули, чтобъ она.... уговорила ее.... уговорила.... повинаешь?... что нельзя.... лекарство необходимо.... слышишь? лекарство необходимо.

— Слышу, ваше превосходительство; вѣдь, я ужь, какъ зволили приказывать, раза три говорилъ.... какое три, разъ пять говорилъ, а Жули говоритъ, что онѣ не хотятъ, то есть не могутъ принимать лекарства.

— Не могутъ? какъ не могутъ? проговорилъ съ испугомъ Платонъ Васильевичъ, приподнявъ голову съ подушки волтеровскихъ кресель.... Не могутъ? Что жь это значить!... Что сдѣлалось съ ней?... Отъ меня, вѣрно, скрываютъ опасность.... вѣрно, скрываютъ!...

— Кто жь скрываетъ, сударь! Я такъ точно, акуратно докладывалъ, какъ все есть, безъ утайки. Что жь и таятъ-то: извѣстно, что онѣ не Русскія, такъ у нихъ стало быть своя обычай. Вотъ, вѣдь я по чести доложу вашему превосходительству, что съ роду не видывалъ, чтобъ какая-нибудь мадамъ лечилась. Примѣрно сказать, у Мускатовыхъ была мадамъ: съ роду не лечилась; да и больна-то никогда не бывала; да отъ чего и боль-

кой-то быть: кушаютъ, такъ сказать, для виду, только слава, что кушаютъ; а сидятъ все дома, при дѣтяхъ; а на дѣтей-то вытерокъ не нахнй; такъ и простудиться-то нельзя....

Платонъ Васильевичъ смотрѣлъ на Бориса и, казалось, внимательно слушалъ его.

— А ужъ сами изволите знать, продолжалъ Борисъ, что всѣ Французанки на одну статью: здоровье-то и здоровьемъ нельзя назвать; а вся болѣзнь-то ихъ—дуршота. Пошхокають спирту—и прошло; не то, что у насъ: ужъ если заболѣлъ, такъ и слѣгъ; а какъ слѣгъ, такъ не скоро подымешь....

Подъ говоръ Бориса Платонъ Васильевичъ забылся. Борисъ на цыпочкахъ выбрался изъ спальни.

Только что Борисъ за дверь, вдругъ снова колекольчикъ.

— Ахъ, ты, Господи! проговорилъ Борисъ, воротившись въ спальню.

— Чтò прикажете?

— Что, какъ?... справлялся?

— Эхъ, ваше превосходительство, заговорилъ Борисъ съ досадою, вотъ когда вы принимали пилюльки-то, такъ спокойнѣе и здоровѣе изволили быть, а какъ перестали принимать, такъ вотъ оно и не совсѣмъ хорошо, часто и не по себѣ. Ей Богу, изволили бы принять пилюльку, или за докторомъ бы послать, чтобы прислалъ свѣжихъ: тѣ-то стали какъ сухой горохъ.

— Да, да, послать за докторомъ, послать скорѣй!... она должна быть опасно больна!...

— Больна! разсуждалъ Борисъ, выходя въ переднюю, видншь какую болѣзнь нагнала! Известное дѣло: просто раскапризалась; что-нибудь не по ней. А ужъ чего баринъ не накупилъ: одна шляпка съ плюмажемъ чего стоитъ! двѣсти рублей! Господи ты, Боже мой! Шляпка двѣсти рублей! Пьфу!... Платокъ—муха вразломъ пробыть, пять сотъ рублей!... Туфли—пятьдесятъ! Фу, ты пропасть! провалился она сквозь землю! шнурки, булавки, все брилліантовые!... Вотъ она, старость-то!... Спустия гдѣто въ лѣсъ по малину!... Ступай братъ, Вася, къ нашему доктору; скажи, что дескать, баринъ очень нездоровъ, такъ, чтобы пожаловалъ скорѣе.

Покуда пріѣхалъ докторъ, Платонъ Васильевичъ успѣлъ раздѣсь десять взболтать въ Борисѣ всю внутренность депросами о здоровьѣ мадамъ Эрнестяны.

— Божеское наказанье! Господи, когда это кончится! измѣниши

Барон. Маленька ето была умышленна: тогда яра оны изъ двери, а докторъ изъ двери.

— Батюшка, Иванъ Федоровичъ! крикнулъ съ радости Бо-
рина.

— Что баринъ? болѣнь?

— Болѣнь, сударь, вѣрно.

— Опасно?

— А Богъ его знаетъ, опасно ли, нѣтъ ли; обстоятельство то такое, что Богъ его знаетъ!... Извольте посмотреть.

— Когда онъ заболѣлъ?

— Да вотъ ужъ дванеделю, все такъ, не въ себя, словно безъ памяти.

— Хмъ! Давнешко! Для чего жъ за мной тотчасъ не при-
ехали?

— А какимъ же образомъ послать безъ господской воли? При-
кажеть, такъ и шлѣмъ.

— Чтò жъ онъ теперь чувствуетъ?

— А Богъ его знаетъ!... Тутъ вѣдь выходятъ такія обстоя-
тельства!... чтò не приходится говорить!...

— Говори, говори.

— Вѣдь вамъ, извѣстно, чай, что у насъ на пансіонѣ ма-
леньки?

— Ну! прозвесь докторъ улыбувшись, такъ что жъ та-
кое?

— Хмъ! Какъ что? Вѣдь оно ужъ извѣстно что!...

— Нтò жъ такое? говори.

— Извѣстно, что баринъ вздумалъ на ней жениться.

— Нуужель?

— Да-съ, жениться; что жъ бы, кажется, батюшка Иванъ Фе-
доровичъ, желиться не штука; да женись онъ на Русской, такъ
оно бы и ничего: знаешь, какъ за все приняться, и поговорить
и объяснить можно; а то, сударь, вздумалъ желиться на Фран-
цужанку!... Ну, признательно вамъ сказать, тутъ ужъ не до маду,
а какъ бы не до мату.

— Чтò жъ такое сдѣлалось?

— Что сдѣлалось? оно, кажись, и ничего: все мирно, ни шуму,
ни брани, гильма гробовая; да чтò жъ изъ этого-то?... Ты ду-
маешь маду, а она попереги, ты такъ, а она такъ!... и объеде-
нїя никакого нѣтъ!... Будь она хоть мужичка, да Русская, такъ и
сказъ бы дакъ за все вадиться; а то!... чертъ, просто Господи, се
знаеть!... Вчера съ, примѣрно, назначили свадьбу; слѣдовало бы

уны въ дерюжку бѣхала; а она, вдруга: Ахъ! мнѣ дурно! не могу!.. Ахъ, ты, Господи! Известное дѣло: какой невѣсть передъ дамужскими дурно не бѣхаетъ, а она; не могу, да и не могу! Вотъ тебѣ и разъ!.... Въ дерюжку не поѣхала, барина къ себѣ на глаза не пускаетъ, больна не больна — уперлась, да и кончено; а баринъ-то.... да извольте посмотрѣть; сами увидите. Такой стасть, что жалостно взглянуть. Если бы еще пилюльки принимала, что бы прощадилъ прощадывать, такъ оно бы можетъ быть и ничего; а то и на пилюльки смотрѣть не хочетъ. Говорили, говорили: ваше превосходительство! вы кушать-то кушаете, а пилюльки-то не предълагаете; а еще сами двоюмца сказать, что желудокъ кашъ не варить, а пилюльки-то способствуютъ сваренію желудка, — куда!...

Докторъ, считая необходимыми знать обстоятельства, отъ которыхъ произтекали недуги пациента, терпѣливо выслушалъ Бориса, и наконецъ вошелъ въ спальню Платона Васильевича.

Платонъ Васильевичъ сидѣлъ въ волтеровскихъ креслахъ въ какомъ-то ошѣивѣнн, положивъ руки на бошки. Онъ уже готовъ былъ взяться за колокольчикъ, когда вошелъ докторъ.

— Борисъ! началъ было онъ: ахъ, это вы, Иванъ Федоровичъ! Что? бывае? Лучше?... Прошла опасность?

— Здравствуйте, Платонъ Васильевичъ, сказалъ докторъ амѣлю спѣте, садясь подлѣ старика и всматриваясь въ него.

— Прошла опасность? повторилъ Платонъ Васильевичъ.

— Какая опасность?

— Стало-быть, и не было опасности?

— Никакой.... будьте спокойны.

— Ну, слава Богу, слава Богу!

— Вы нѣсколько встревожены, сказалъ докторъ, взявъ руку Платона Васильевича и шупая пульсъ.

— Очень натурально; нельзя же.... Сонъ меня очень одолеваетъ.... Тутъ совсѣмъ бы не до снанья.... а такъ и клонить....

— Это маленькая слабость. Я пропишу вамъ порошокки.

— Да, да, хорошо.... крѣпительные.... въ мои лѣта не мѣшается подкрѣпиться иногда.... мнѣ же силы еще нужны....

— Конечно, конечно.

— Такъ ни какой опасности нѣтъ, вы говорите?

— Ни малѣйшей.

— Слава Богу; а меня такъ перепугало.... Скажите, я по-сигнору не понимаю, что за припадокъ.... вѣдь это просто припадокъ былъ?

Докторъ посмотрѣлъ на старика и отвѣчалъ: да, просто при-
надокъ.

— Однако жъ я боюсь, чтобъ онъ не возвратился.... Пожалуй-
ста, Иванъ Федоровичъ, вы побудьте при ней....

— А вотъ, я посмотрю ее, сказалъ Иванъ Федоровичъ, кото-
раго подстрекало любопытство взглянуть на невесту Платона Ва-
сильевича. Старикъ, думалъ онъ, живють вкусъ въ выборѣ.

— Да, да, да, посмотрите, сказалъ Платонъ Васильевичъ, да
прійдите сказать мнѣ.

— Непремѣнно.

И докторъ, сопровождаемый Борисомъ, пошелъ въ домъ.

Подлѣ подъѣзду стояла карета. Докторъ не обратилъ на это
вниманія, но Борисъ спросилъ у кучера:

— Ты, братъ, съ кѣмъ пріѣхалъ?

— Ни съ кѣмъ.

— Какъ ни съ кѣмъ?

— Да такъ ни съ кѣмъ.

— Да ты чей?

— Да ничей; экономической.

— Экая собака! Слова-то молвить добромъ не умѣеть! сказалъ
Борисъ сердито, торопясь за докторомъ, который, дорожа вре-
менемъ, ходилъ, всходилъ и нисходилъ не такъ, какъ тѣ, кото-
рые растягиваютъ свои шаги, слова и дѣйствія, для сокращенія
времени.

— Пожалуйте сюда, — сказалъ Борисъ, отворяя дверь, кото-
рая вели въ комнаты, занимаемыя Саломеей.

Докторъ вошелъ.

Подлѣ великолѣпнаго столка, уставленнаго всѣми принадлеж-
ностями дамской канцелярїи по департаменту сердечныхъ сооб-
щеній, сидѣла дама въ шляпкѣ съ перомъ, въ бархатномъ бур-
нусѣ, перчатки на рукахъ: по всему было видно что она собра-
лась уже куда-то ѣхать, но пріѣхала только затѣмъ, чтобъ черк-
нуть коротенькую записочку — и маршь по важному дѣлу.

— Жюли!.... крикнула она, вложивъ записку въ конвертъ, и
вставая съ мѣста.

Докторъ поклонился ей.

— Чтѣ вамъ угодно?.... спросила она нѣсколько смутясь:

— Я докторъ. Мосѣ Турецкій просилъ меня посѣтить боль-
ную.... можно къ ней войти?

— Здѣсь никого нѣтъ кромѣ меня, а я не нуждаюсь въ домъ-

торѣ, отвѣчала сухо Саломея. — Жули, ты отдашь письмо господину Туруцкому. Проводи меня до кареты.

Поклонясь доктору, она вышла.

— Чтѣ жъ это значить? спросилъ изумленный докторъ у Бориса.

— А Богъ ее знаетъ, чтѣ! Извольте видѣть сами? отвѣчалъ Борисъ. Вотъ она, француженка-то; извольте видѣть? Дѣлаетъ что хочетъ: здоровехонька, а говорить, что больна — и ничего, какъ съ гуся вода. Я говорилъ барини: какая, дескать, это болѣзнь, ваше превосходительство,— это просто причуда. Вотъ оно такъ и вышло. А баринъ съ ума сходитъ, гоняетъ узнавать о здоровьѣ. Ахъ, ты, Господи! Вотъ барыня-то!.... Жули! Куда жъ это поскакала госпожа-то твоя?

— А я почему знаю!.... отвѣчала Юлія, вбѣгая на лѣстницу: она только велѣла мнѣ отдать это письмо генералу и сдать ему всѣ вещи въ цѣлости и сохранности. — На, отдай барини.

— Вотъ тебѣ разъ!.... Это чтѣ за штука? сказалъ Борисъ.

— Стало быть она совсѣмъ уѣхала, прибавилъ докторъ.

— Да если бы совсѣмъ, чортъ съ ней! Надо доложить барини....

— Постой, постой, вскричалъ докторъ: это невозможно!.... Онъ не перенесетъ; надо его приготовить къ этой неожиданности....

— Дай сюда письмо.

Слабо палоченная облатка, сама собою отстала, и докторъ прочелъ:

« Милостивый Государь! Благодарю васъ за оказанное мнѣ вниманіе, и еще больше за честь, которую вы хотѣли мнѣ сдѣлать, предлагая мнѣ супружество съ вами. Но я не нахожу въ себѣ довольно силъ, принять эту честь, а потому не могу долѣе и оставаться въ вашемъ домѣ; потому что это уже будетъ касаться до личной моей чести.

« Эрвестина де Мильвуа. »

« NB. Юлія вручитъ вамъ и деньги и вещи, которыми вы предлагали мнѣ пользоваться. »

— Это необыкновенная женщина! вскричалъ докторъ: это рѣдкій поступокъ! Имѣть всю возможность воспользоваться безуміемъ старика и не желать воспользоваться!....

— Чтѣ жъ это такое, батюшка Иванъ Федоровичъ? спросилъ Борисъ.

— Она уѣхала совсѣмъ изъ дому, отвѣчалъ докторъ: она бла-

городно отказалась отъ предложенія Платона Васильевича жениться на ней.

— Что вы говорите?

— По твоимъ разсказамъ я, Богъ знаетъ, за кого принялъ эту женщину, а теперь я видѣлъ и понимаю ее. Какая благородная гордость! какое достоинство и въ поступкѣ и въ самой ея наружности!

— А кто жъ ее зналъ, сударь; какъ отгадать: вѣдь не поймешь ее; явилась сюда, Богъ знаетъ, откуда; смотреть съ выскока, словно настоящая госпожа; распоряжается и баринномъ и всѣмъ барскимъ.... а тутъ вдругъ: на! пѣфу! чортъ съ тобой! ничего мнѣ не надо!.... Какъ тутъ понять-то что-нибудь?

— Нѣтъ, братъ, Борисъ; это скорѣе все были причуды самого Платона Васильевича.

— А Богъ его знаетъ! И его-то вотъ съ нѣкоторой поры не поймешь: все пошло у него на иностраннѣй манеръ.

— Послушай же, Борисъ; ты не проговорись Платону Васильевичу, что она уѣхала, избави Боже! Онъ не въ такомъ положеніи. Я его przygotowю къ этой новости: иначе онъ не перенесетъ.

— Слушаю, сударь; мнѣ что говорить.

Докторъ пошелъ къ старыку, который, казалось, дремалъ и стараясь переломить дремоту.

— Что? Какъ здоровье Саломен Петровны? спросилъ онъ.

— Онъ въ бреду, подумалъ докторъ. — Ей лучше; но нужно, чтобъ никто не беспокоилъ ее.

— Слава Богу!.... А я могу теперь навѣстить ее?

— О, нѣтъ! невозможно: это взволнуетъ ее и припадокъ можетъ возобновиться.

— Припадокъ? У ней припадки?.... Ахъ, Боже мой! Что жъ это мнѣ не сказали? Какіе припадки?....

— Нервическіе; это ничего.

— Можетъ-быть, отъ горькихъ воспоминаній.... потеря родителей.... и другія несчастія; она много перенесла несчастій.... Я это все знаю, хоть она и старается скрывать.... я все знаю.

— Вы засните, Платонъ Васильевичъ, не принуждайте себя бодриться: это не хорошо, это васъ расслабитъ.... Вотъ вамъ, черезъ часъ по порошку.... Вы теперь прилягте....

— Прилягу, прилягу.... теперь я спокойнѣе, отвѣчалъ Платонъ Васильевичъ.

Докторъ прописалъ рецептъ, наставилъ Бориса, когда и какъ давать лекарство барину, и уѣхалъ.

Платонъ Васильевичъ прилегъ; казалось, уснулъ.

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ Борисъ, выходи.

Но вдругъ снова звонокъ.

— Ахъ, ты, Господи! Что еще тамъ? крикнулъ опять Борисъ. Чего изволите?

— Борисъ!.... Что? Какъ здоровье Эрнестины Петровны?

— Да вѣдь самъ докторъ сказалъ вашему превосходительству, что гораздо лучше.

— Лучше? Ну, слава Богу!.... проговорилъ Платонъ Васильевичъ: слава Богу!.... повторилъ онъ, я усну.... встомился не множо. А ты, Борисъ, навѣдайся.... и чуть что-нибудь — тотчасъ же разбуди меня.... слышишь? Тотчасъ же!

— Слышу, сударь.

— Тѣ-то.

Проговоривъ это, Платонъ Васильевичъ въ самомъ дѣлѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

— Слава Богу! повторилъ опять и Борисъ, сосну и я.... мочи нѣтъ!.... Ну, ужъ, была тревога!.... Экая вещь! Смотри пожалуй: въ генеральши не пошла!.... Вотъ казусъ! Гордыня какая! Пава!.... Добро бы госпожа была.... а то что?.... Ну, да чортъ съ ней!.... и генералу спокойнѣе будетъ; да и мнѣ.... а то, поди, бѣгай, да докладывай.... Что? какъ?....

Разсуждая такимъ образомъ, Борисъ, въ надеждѣ, что избавился отъ хлопотъ справляться о здоровьѣ мадамы, сладко задремалъ, еще слаще заснулъ; вдругъ—дннь-дннь-дннь!

— Ахъ ты, Господи! Что тамъ еще?.... — Чего изволите?

— Борисъ! Что? какъ здоровье?.... проговорилъ Платонъ Васильевичъ, приподнимая голову....

— Владыко ты мой, царь небесный!.... Да долго ли это будетъ!.... Да помилуйте, долго ли это будетъ? повторялъ онъ; на другой день, на третій, на четвертый, на пятый, на десятый, доктору,—долго ли мы будемъ обманывать барина?

— Что жъ дѣлать, любезный! На этомъ обманѣ висить его жизнь, какъ на волоскѣ.

— Охъ, ужъ вы, господа!... проговорилъ Борисъ съ сердцемъ.

— Ну, скажи ему, убей его, сказалъ докторъ:

— Господи, да что вы это! Что я за злодѣй такой своему барину!.... Мнѣ что: плюю-то давать черезъ часъ, не лучше: все равно десять разъ барина спросить: не пора ли? да десять разъ

самъ побѣжишь посмотрѣть на часы.... Что жъ будешь дѣлать: наше дѣло холопское: благо, что теперь въ домъ-то тысячу разъ на день не побѣжишь справиться, здорова ли. Позвонить баринъ, спросить: что? какъ?.... Ну, сказалъ, что лучше дескать, ваше превосходительство, да и кончено.

— Ты-то же, самъ ты умная голова, да и сердце-то у тебя доброе, сказалъ докторъ.

— А съ чего жъ ему и злымъ-то быть: вѣдь что жъ, если подумаешь: всѣ люди, всѣ человѣки.... прости, Господи, согрѣшенія, вольныя и невольныя.

Этимъ здравымъ разсужденіемъ кончились жалобы Бориса на тяготу докладывать барину тысячу разъ на день объ одномъ и томъ же. Ему стоило только понять, что для здоровья Платона Васильевича звуки: «Слава Богу, получше» замѣняли самую благотворную пилюлю.

Такимъ образомъ, предоставивъ Платона Васильевича заботамъ и попеченію искуснаго доктора и вѣрнаго слуги, мы обратимся къ Чарову.

II.

На другой день послѣ полученнаго отъ Эрнестивы де-Мильвуа пригласительнаго письма, знакомые и пріятель Чарова выбили всю мостовую у подъѣзду его дома, поминутно останавливаясь съ вопросомъ: а что, дома Чаровъ?.... Никакъ пѣтъ-съ!.... отвѣчалъ всѣмъ швейцарь.— На третій день этотъ отвѣтъ замѣнился болѣе положительнымъ: не принимаетъ-съ, нездоровы.

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Не могу знать-съ.

Прошло нѣсколько дней. Домъ Чарова какъ будто обратился въ коконъ червя въ человѣческомъ образѣ.

Посмотримъ, какъ онъ тамъ измѣняется въ бабочку.

Вотъ онъ въ кабинетѣ, развалился на диванѣ и жетъ сигару. Не въ духѣ. Но языкъ его какъ будто развязался, во всѣхъ членикахъ какое-то движеніе, глаза смотрять не наружу, а внутрь.

— У-у-родина!.... бормочетъ онъ сердито: навязалъ себѣ на шею воплощенную добродѣтель!.... Недотрога, sensitive проклятая!....

Въ гостиной послышался звукъ рояля. Меланхолическіе аккорды, какъ-будто потрясли душу Чарова. Онъ вскочилъ, бросился изъ кабинета прямо въ гостиную къ роялю.

— Эрнестина! Ange!.... помирися!

— Я съ вами не осорилась; кѣму же мнѣ?

— Ты такая страшная!.... Голова идетъ кругомъ! Знаешь что? Поѣдемъ прогуляться со мной, въ кабриолетъ, за городъ.

— Это что значитъ? Миѣ; ѣхать съ вами?

— Ну да, ну что жъ такое?

— Нѣтъ!

— Чортъ!.... проговорилъ Чаровъ отвернувшись: это не выносно!

— Точно не выносно, отвѣчала вставая съ мѣста Саломея; и потому мы лучше разстанемся.

— Ни-ни-ни!.... Не сердись! Прости меня, не буду!.... Ну, stibkasse!

Саломея презрительно поначала головой.

— Если любишь?

— Вы прежде извѣстите свои собственные чувства, что они въ состоянн сдѣлать для того, кого любить.

— Я? я все въ состоянн сдѣлать для тебя; все, что только хочешь: говори, приказывай.

— Приказывай! приказываютъ рабу. Вы не рабъ мой; но я и не буду наемной вашей рабыней!

— А! Такъ вамъ угодно!.... Понимаю!....

— Ничего, ровно ничего миѣ не угодно!.... Я въ васъ ошибась и вижу, что вы еще ребенокъ, для котораго каждая женщина кукла!.... Позвольте миѣ послать вашего человѣка.

— Куда-съ?

— Нанять миѣ домъ.

— Домъ? Вамъ угодно меня оставить.

— Непремѣнно!

— Нѣтъ-съ, я васъ не вышущу отсюда!

— Хмъ!.... произнесла Саломея съ презрительной улыбкой.

— Не вышущу и конечно!

— Страшно! Кажется я свободна, не жена ваша, чтобъ позволить вамъ такъ располагать мною!

— Эрнестина!

— Monsieur!

— Фу, демонъ какой!.... проговорилъ Чаровъ по-русски, заходя по комнатѣ.

— Я повторяю вамъ мою просьбу, сказала Саломея.

— Какую-съ?

— Я не желаю здѣсь оставаться!....

— А я желаю. Я жениусь на васъ.

— Я не могу переносить ваших шутокъ, увольте меня отъ нихъ!... О, какое несчастное созданіе женщины!...

Саломея бросилась на диванъ и закрыла глаза платкомъ.

— Ну, виновать, виновать! вскричалъ Чаровъ, припасть передъ ней и схватить ея руку.

— Оставьте меня, сударь!

— Эрнестина!... я право не понимаю тебя: чего жѣ ты хочешь?... Предлагаю все, все, что угодно, предлагаю себя.... Ну, возьми!

— Миѣ ничего не нужно!

— Но я не могу безъ тебя жить.... какъ хочешь, не могу!... Миѣ, чортъ знаетъ, все надоѣло!... Только ты одна нужна миѣ....

— Позвольте, оставьте меня!... Я не могу быть жертвой вашей прихоти....

— Ну, убей меня, а потомъ иди куда хочешь!... Живой Чаровъ не пуститъ тебя отъ себя ни шагу!... Слышишь?... Ну, дай миѣ руку, дай Эрнестина!

— Вы оскорбляете меня!... вы злобно смѣетесь надо мною!... Вы думаете, что меня льститъ ваше богатство?

— Ничего не думаю, ей-Богу ничего. Миѣ только нужна твоя любовь, любовь твоя.

— Любовь покупается только любовью.

— Но вѣдь я люблю тебя.

— Это любовь! проговорила Саломея съ усмѣшкой.

— Да какую же еще любовь тебѣ нужно?... Чортъ знаетъ, право, женщины что-то воображаютъ себѣ сверхъестественное въ этой любви.... Какая-то фантазія въ головѣ; ну, не понимаю! Какъ тутъ понять?

— Кто не способенъ любить, тотъ и не способенъ понимать любовь.... Для васъ нужна не любовь, а женщина.... и всѣ женщины для васъ равны: вы привыкли только утолять свои чувства, привыкли покупать наслажденіе.... Вы не способны любить!

— Я не способенъ любить?!... Нѣтъ, я прошу васъ это доказать! вскричалъ Чаровъ, вскочивъ съ полу и заходявъ взадъ и впередъ.

— Доказать! Любовь не требуетъ доказательствъ, проговорила спокойно Саломея.

— Ah, Dieu! вскричалъ снова Чаровъ изступленно, остановясь передъ Саломеей: если я буду угождать женщинѣ, ухаживать за нею, ни о чемъ не думать кромѣ ея, — что это значить?

— Волокитство, отвѣчала Саломея равнодушно.

— Если я отдамъ ей все, что у меня есть, что это будетъ значить?

— Это будетъ значить, что вы думаете купить ея любовь цѣною вашего состоянія.

— Только? А если я буду считать ее божествомъ, изтязаться, исполнять всѣ женскія ея причуды? Что это будетъ значить?

— Вашу собственную, мужскую причуду....

— Больше ничего?

— Ничего.

— А если я предложу ей себя, свое имя, все, все, все, душу, жизнь.... Ну, еще что?

— И все это будетъ значить, что вы хотите добиться только дѣла, сказать бѣдной женщинѣ: «Ступай! довольно! надоѣла!»

— Ууу! вскрикнулъ Чаровъ, схвативъ себя за волосы и бросивъ на диванъ ничкомъ.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Что жъ, продолжайте ваши доказательства любви, сказала Саломея насмѣшливымъ голосомъ.

— Довольно! крикнулъ Чаровъ, вскочивъ съ дивана.

Саломея вздрогнула.

— *Grégoire!* произнесла она тихимъ, смягченнымъ голосомъ.

Чаровъ не отвѣчалъ. Съ какою-то стонческою твердостью онъ всталъ сгари, закурилъ и сталъ протнвъ окна.

— Теперь, я думаю, вы поняли себя и какъ отзываются въ васъ мои слова и чувства, проговорила Саломея обиженнымъ тономъ, вставая съ мѣста: теперь вы, надѣюсь, позволите исполнить мое желаніе.

Ни слова не отвѣчая, Чаровъ продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Я васъ просила, позволить мнѣ послать человека нанять мнѣ домъ.

— Извините, у меня нѣтъ человека для подобныхъ разсылокъ въ городу.

— Въ такомъ случаѣ.... я обойдусь и безъ этого одолженія....

И Саломея вышла изъ гостиной.

Чаровъ пошелъ слѣдомъ за ней въ уборную.

Теропливо надѣла она шляпку, накинула на себя бурнусъ.

— Эриестина! вскричалъ Чаровъ, схвативъ ее за руку.

— Позвольте мнѣ идти?

— Ни за что!... Ты моя!...

— Я не ваша!

— Моя, во что бы ни стало!... Ну, помирися.

— Я не ссорилась.

— Ну, повтори, какъ ты меня назвала, повтори тѣмъ же то-лосомъ: «Grégoire!»

— К чему это?

— Ну, повтори, умоляю тебя.

— Довольно того, что я одинъ разъ забылась!

— Какая ты странная: сомнѣваться въ моей любви!... Послушай! я не люблю долго думать; завтра же мы ѣдемъ въ деревню.

— Для чего?

— Для чего!... проговорилъ Чаровъ, смотря страстно Саломей въ глаза и цѣлуя ея руку: для того, чтобы ты не сказала, что тебѣ не прилично ѣздить со мной прогуливаться.

— Grégoire, произнесла иѣжно Саломей, велите запрягать кабриолетъ.

— Для чего? спросилъ и Чаровъ въ свою очередь.

— Поѣдемъ въ паркъ; мнѣ нуженъ воздухъ; у меня болитъ голова.

— Эрнестина! вскрикнулъ въ восторгѣ Чаровъ.

Извѣстно, что въ природѣ, все, что живетъ, что молодо, то растетъ; что въ зрѣломъ возрастѣ, то *добрѣетъ*. Москва по-сво-пору растетъ и добрѣетъ, хоть нѣкоторые приращенія и похе-жи на tuberculia, грибы и тому подобные наросты, неизбежныя при сгущеніи и застоѣ соковъ. Напримѣръ, недавно еще, между Тверской Заставой и Петровскимъ Дворцомъ было чистое поле, и вдругъ, посмотрите, какъ паркъ приросъ къ Москвѣ.

Лѣтомъ въ городѣ душно, жарко, невыносимо. Пойдемъ поды-шать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, пойдѣмъ отъ пыли страстей подышать прохладой благодати. Да ты, душа моя, не утомишься ли отъ похода за деревенскимъ воздухомъ? Вѣдь онъ теперь за три-девять поприщъ отъ города: десять поприщъ надо пройти по раскаленной каменкѣ, да три въ вихрѣ пыли отъ тысячи колес-ницъ, наполненныхъ *легкими*, жаждущими свободного дыханія. Гдѣ жъ деревенской-то воздухъ? Въ Сокольникахъ? что-то пах-нетъ лазаретомъ. Въ Останкинѣ? въ Кунцовѣ? въ Петровскомъ, Разумовскомъ? что-то пахнетъ городомъ. Здѣсь еще не ходи на распашку, душа моя, не раскидывайся на лужокъ: неприлично, лужковъ мять не приказано: читала ты, что на доскѣ написано? Здѣсь не деревня, а дача. До деревни къ восходу солнца не дой-дешь, а намъ къ закату надо ужъ дома быть. Устала? Не хо-дять-было изъ огня въ поляны. За то будетъ, что поразсказать;

«Экипажей-то, экипажей! народу тьма-тьмушая! а пыль-то, пыль, Господи! Дохнуть нельзя; роднаго передъ носомъ въ лицо не узнаешь!... И музыка была, трубили, трубили... а какъ пошелъ дождикъ — ну! барыни-то всё съ славной фалбарой домою поѣхали — хохочутъ, и мы хохочемъ.

А какая пыль отъ Тверскихъ Воротъ до парка и въ паркѣ. Вотъ пыль! такой пыли нигдѣ нѣтъ, развѣ въ Сахарѣ, когда поднимется Самумъ. И что за роскошная картина смотрѣть вдоль шоссе на заходящее солнце. Точно въ Питеръ катить на паровозѣ, само воду въ котлѣ кипятить, раскалилось какъ уголь, мчится себѣ, а слѣдомъ огненная туча.

Въ одинъ прекрасный вечеръ число пользующихся пылью парка было необыкновенно велико. Два ряда экипажей тянулись мимо воксала. Тамъ раздавались пѣсни цыганъ. Около перилъ, по тротуару, толкалась публика; преклонныя лѣта сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ подъ деревьями; цвѣтущее юношество болталось и болтало. Иной мудрецъ сказалъ бы, что все это глупость, безобразіе, и въ справедливомъ гнѣвѣ, отправилъ бы публику, гуляющую подъ Самумомъ Сахары, за лунный хребетъ на сѣденіе африканскимъ львамъ, тиграмъ и шакаламъ; но страшенъ мудрецъ, который ропщетъ на *большой свѣтъ*. Гдѣ жъ меньше простоты и больше мудрости, какъ не въ *большомъ свѣтѣ*?

Вотъ ѣдущая публика глазѣтъ на идущую, идущая на ѣдущую, и удивляются другъ на друга: для чего одна ѣдетъ, а другая идетъ? Это удивленіе продолжалось бы непрерывно до окончанія гулянья; но вдругъ въ ряду экипажей явилась неожиданность: конь мчѣтъ одноколку, въ одноколкѣ Чаровъ, съ Чаровымъ дама, на дамѣ шляпка, на шляпкѣ воаль.

Это такъ поразило многихъ, что многіе остановились, а за многими и всё.

— Чаровъ! Чаровъ! раздалось бѣглымъ огнемъ по стезѣ гуляющихъ.

— Съ кѣмъ это онъ?

— Кто это такая дама?

— Что за чудеса! Чаровъ съ дамой!

— Странно! Это кажется... да нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

— Regardez, mon cher, вѣдь это Чаровъ.

— Вижу.

— Экой шутъ! Кого это онъ посадилъ съ собой?

— Понять не могу!

— Bonjour, Чаровъ! Bonjour, mon cher! «Soyez heureux, mais ne m'oubliez pas!»

— Bonjour, скаатина!

— Что это вы кричите! проговорила Саломея вспыхнувъ: я не могу слышать этого!

— Виноватъ, ma chère, право, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ скаатина. Я ему дамъ такую oubliez въ рожу, что онъ будетъ знать.

— Хороши у васъ пріятели!

— Что жъ дѣлать: все избранная, образованная молодежь.

— Это кто такая дама, которая не отвѣчаетъ на вашъ поклонъ?

— Это Нильская; она безъ памяти влюблена въ меня и надѣялась выйдти замужъ. Мнѣ очень пріятно ее побѣсить.... Что ты, ma chère, закрылась воалью? откнижь пожалуйста.

— Вотъ прекрасно! пріятно дышать пылью.

— Ну, пожалуйста, сдѣлай одолженіе; посмотри, всё безъ воали.

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ; притомъ же я сюда пріѣхала не на показъ!

— Ахъ, какая ты! Ну, сдѣлай милость, откнижь воаль!

— Сдѣлайте милость, поѣдьте назадъ.

— Вотъ забавно!

— Я васъ прошу; я не могу выносить ни этой толпы, ни этой пыли.

— Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, мы объѣдемъ нѣсколько разъ кругъ.

— Надѣюсь, что вы насильно не будете меня возить.

— Ну, только одинъ разъ проѣдемъ паркъ.

— Если вамъ угодно; но это будетъ и первый и послѣдній разъ.

— Ахъ, какая ты несносная, Эрнестина! крикнулъ Чаровъ съ досадою, остановивъ вдругъ лошадь и поворачивая назадъ, но такъ неосторожно, что дышло ѣхавшаго позади экипажа ударило въ кабріолетъ; лежащая рессора, несмотря на то, что на ней былъ англійскій штемпель, лопнула. Саломея вскрикнула, Чаровъ потерялся, испуганная лошадь взбѣленилась, но въ-счастію какой-то мужикъ, проходившій мимо, остановилъ ее и помогъ Саломеѣ выйдти изъ кабріолета.

— Чаровъ! вотъ не ожидалъ! сказалъ онъ.

— Ахъ, Карачевъ?... это ты? Вотъ снѣгательная встрѣча!... Перепугалась, ma chère?

— Ничего, отвѣчала тревожно Саломея.

— Вотъ бѣда! какъ же тутъ быть? кабриолеть сломанъ. У тебя здѣсь есть экипажъ, топ оверъ?

— Я здѣсь живу на дачѣ. Зайдите ко мнѣ, отсюда не далеко; а между-тѣмъ я велю заложить коляску.... Вамъ же необходимо успокоиться отъ испугу, прибавилъ Карачеевъ, обращаясь къ Саломеѣ.

Она кивнула головой въ знакъ благодарности за участіе; а Чаровъ, отдавая жокею лошадь, вскричалъ: и прекрасно! такимъ благодѣяніемъ нельзя не воспользоваться. Такъ пойдете.

— Кто эта дама? спросилъ Карачеевъ Чарова на ухо.

— Это.... Мадамъ-де-Мильвуа, отвѣчалъ Чаровъ, подавая руку Саломеѣ.

— Что за мадамъ де-Мильвуа, подумалъ Карачеевъ, всматриваясь въ черты Саломеи, сколько позволяла прозрачность вуаля. Черты какъ-будто знакомы; но когда, гдѣ видалъ, онъ не могъ припомнить. Чудакъ! Вѣрно какая-нибудь актриса! Почти молча подошли они къ дачѣ.

— Вотъ мой эрмитажъ, сказалъ Карачеевъ. А вотъ мой наследникъ, продолжалъ онъ, подходя къ палисаднику прекраснаго домика, гдѣ на крыльцѣ сидѣла кормилица съ ребенкомъ на рукахъ. Каковъ молодець?

— Славной, славной! Я также хочу позаботиться о наследникѣ, сказалъ Чаровъ.

— Хмъ! Вы еще не женаты? спросилъ Карачеевъ.

— Думаю скоро жениться.

Саломея отвернулась въ сторону и прошла не обративъ ни малѣйшаго вниманія на ребенка.

— Madame! проговорилъ Карачеевъ, довольно сухо, досадуя на себя, что пригласилъ Богъ знаетъ кого. А гдѣ Катерина Петровна?

— Вѣрно въ саду, отвѣчала кормилица.

— Пожалуйста, стаканъ воды, мнѣ дурно, сказала Саломея Чарову, входя въ залу и садясь на соломенный стульикъ.

— Сей часъ, я прикажу, сказалъ Карачеевъ, но вамъ здѣсь неудобно; не угодно ли сюда въ диванную.... Тутъ вась никто не будетъ беззаконять.

— Отдохни, та сѣге, сказалъ Чаровъ, проводивъ Саломею въ боковую комнату.

— Пожалуйста, скорѣй домой!... Какая здѣсь духота!... прогово-

шла она утомленнымъ голосомъ, припавъ на диванъ и откинувъ воаль.

Между тѣмъ изъ саду вбѣжала въ залу молоденькая женщина, хорошенькая собою, съ простодушнымъ веселымъ лицомъ.

— Какъ ты скоро воротился, сказала она, взявъ за руку Карачеева и приклонивъ голову къ его плечу; я думала, что ты будешь гулять до самаго чаю.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ онъ, обвиняя ее.

— Я рада, что ты пришелъ; татапа такая грустная, разговорила о прошломъ, вспомнила о сестрицѣ.....

— Пстой, Катенька; надо велѣть запречь скорѣе коляску.

— Зачѣмъ?

— Съ однимъ моимъ знакомымъ въ паркѣ случилась бѣда! сломался экипажъ.... Онъ съ какой-то дамой; я пригласилъ ихъ къ намъ и общалъ коляску доѣхать до Москвы.

— А гдѣ жъ они?

— Въ диванной.

— А кто такіа?

— Позволь, другъ мой, я сей часъ прійду....

— Да скажи прежде.

— Ахъ, какая ты!.... Одинъ петербургскій знакомецъ, Чаровъ.

— Пстой же, я прикажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ; а ты вели подать этой дамѣ воды. Она немного перепугалась, ей дурно.

— Ахъ Боже мой, дурно! Что жъ ты не сказалъ давно!

И молоденькая женщина бросилась было по порыву добраго чувства въ диванную.

— Пстой, пстой, Катенька, не ходи.... Чортъ знаетъ, кто она такая.... можетъ-быть какаа-нибудь дрянъ.... Вѣдь этотъ Чаровъ безпутная голова.

— Моп снер, нѣтъ ли сигары? Да воды бы скорѣй.... Ахъ, извините! сказалъ Чаровъ, выходя изъ боковой комнаты, и увидя даму.

— Сей часъ, сей часъ, велѣлъ подать, отвѣчалъ Карачеевъ. Катенька, это мосье Чаровъ. Рекомендую вамъ мою жену.

— Съ вами случилось несчастіе? привѣтливо спросила она.

— Дышломъ разбило кабріолеть и чуть чуть не убило мою даму, отвѣчалъ Чаровъ.

— Ахъ Боже мой! Гдѣ жъ она?

— А вотъ здѣсь.

— Не нужно ли ей чего-нибудь? спирту, или одеколону?

— Воды, если можно.

— Воды? сей часъ!

И миленькая хозяйка побѣжала сама за водой. Возвратясь съ стаканомъ, она вошла въ диванную.

Чаровъ вышелъ осмотрѣть разбитый свой кабриолетъ. Саломея была одна въ комнатѣ; запрокинувъ голову на спинку дивана и свѣсивъ руки, она лежала въ какомъ-то изнеможеніи.

— Вамъ дурно, проговорила молоденькая хозяйка, подходя къ ней осторожно.

— О, Боже мой! Катя! вскрикнула Саломея, приподнявъ голову и взглянувъ на нее.

Всѣ члены ея затрепетали.

— Сестрица! вскричала и молоденькая дама. Сестрица!

И она радостно бросилась было къ Саломеѣ, но Саломея удержала этотъ порывъ, схвативъ ее за руку.

— Молчи! проговорила она шопотомъ, но повелительно.

— Сестрица! неволью повторила испуганная Катенька.

— Молчи, безумная!.... О, она меня погубить!.... молчи! Поди прочь!.... И никому ни слова, что я здѣсь, что ты меня видѣла!...

Катенька, сложивъ руки, стояла передъ сестрой, не зная что говорить, что дѣлать. На глазахъ ея навернулись слезы.

— Поди, поди! Или ты меня погубишь! повторила Саломея въ себя, задушивъ голосъ свой, и ни слова обо мнѣ, слышишь?...

— Сестрица.... маменька здѣсь, произнесла Катенька, отступивъ отъ нее.

— О, какая мука! она меня убьетъ!

— Сей часъ коляска будетъ готова, раздался въ залѣ голосъ Карачева.

— Ты слышала, что я тебѣ говорю! прошептала Саломея изступленно, бросивъ страшный взглядъ на сестру.

Катенька вздрогнула и вышла изъ комнаты блѣдная, встревоженная.

— Что съ тобой, другъ мой, Катенька? спросилъ ее мужъ, замѣтивъ что-то необыкновенное во взглядахъ и движеніяхъ.

— Я.... перепугалась, проговорила она тихо, дрожащимъ голосомъ....

— Чего ты перепугалась?

— Она.... ей дурно!....

— О, Боже мой! кто тебя просилъ входить туда! Что за заблужденность, Богъ знаетъ, о комъ! Какал-то мерзавка, а ты ухаживаешь!....

— Ахъ, Боже мой, какъ тебѣ не стыдно.... такъ бранить.... мою.... сестру—хотѣла сказать Катенька, но опомнилась и у ней брызнули изъ глазъ слезы.

— Да что съ тобой! душа моя, повторилъ Карачеевъ, обнявъ ее. Чего тебѣ пугаться?....

— Сама.... не знаю.... я вошла; а она вдругъ вскринула; я такъ и затряслась....

— Дрянь эта перепугала ее!....

— Ахъ полно!.... Пойдемъ.... она услышитъ.

— Вотъ бѣда!.... Ты знаешь ли, кто она?

— Ахъ не говори....

— Да ты почему же знаешь эту Француженку?

— Какую Француженку?....

— Вотъ эту....

— Я ее не знаю....

— Да, это какая-то Француженка.... Жюкей Чарова сказалъ мнѣ, что она за птица.... Вотъ приглашилъ!

— Ахъ.... перестань!.... татап идетъ....

— Что жъ за бѣда?

— Я боюсь.... чтобъ и она не перепугалась.... пожалуйста не выпускай ее къ ней....

— Да что ты, Катя, съ ума что ли сошла?

Катенька бросилась на встрѣчу матери.

— Пойдемте, маменька....

— Постой. Гдѣ эта дама? Мнѣ сказала кормилица, что лошади разбила экипажъ, ушибли какую-то даму, и что она у насъ....

— Нѣтъ, маменька, нѣтъ, не ушибли.... у ней такъ дурнота только.... припадокъ.... пожалуйста, не входите туда....

— Что ты меня держишь! Ахъ, Боже мой, вѣрно до смерти убили!

— Нѣтъ, не беспокойтесь, особеннаго ничего, сказалъ Карачеевъ: дышломъ разбило кабріолетъ одного моего знакомаго.... Певъса ужасный! вообразите, пріѣхалъ на гулянье съ какой-то Француженкой....

— Съ Француженкой? Ахъ, бѣдная! Гдѣ она? я, хочу ее видѣть.

— Маменька! проговорила Катенька, едва переводя духъ отъ ужасу.

— Да пусти меня! Вы что-то отъ меня скрываете!.... сказала Софья Васильевна и хотѣла уже войти въ диванную, но дикій крикъ дочери остановилъ ее.

Катенька упала на руки къ мужу; перепуганная мать бросилась къ ней.

— Боже мой, что съ ней сдѣлалось? повторялъ Карачеевъ.

— Маменька.... душенька, произнесла Катенька, схвативъ руку матери.... дайте мнѣ руку.... дурно!

— Что съ тобой, Катя?

— Не знаю сама... боль страшная.... доведите меня въ спальню.....

— Пошлите скорѣе за докторомъ! сказала Софья Васильевна, придерживая дочь.

— О, Боже, Боже, ее какъ будто ослышала эта проклятая!.... Скорѣй отправите ихъ и сказать, чтобъ коляска заѣхала за докторомъ.

И Карачеевъ побѣжалъ самъ въ конюшню.

Между-тѣмъ Саломея, припавъ лицомъ къ шитой подушкѣ дивана, судорожно вздрагивала и взволнованная грудь ее издавала глухой стонъ.

Вдругъ раздался въ залѣ голосъ Софьи Васильевны и болѣзненное восклицаніе сестры.

Саломея вскочила съ ужасомъ, бросилась къ двери, но какъ будто полыня обожгло ее, и она, окинувъ испуганнымъ блуждающимъ взоромъ комнату, выпрыгнула въ открытое окно, подъ навѣсъ крыльца, и сбѣжала на дорожку будущей аллеи, которую покуда замѣняли тумбы и зеленые столбики огородки тротуаровъ. Удаляясь отъ гуляющихъ въ сторону, она скоро очутилась около пруда, и утомленная бросилась на скамью.

Осмотрѣвшись кругомъ съ боязнію и не видя никого, она свободно перевела дыханіе.

За деревьями вдругъ вослышались голоса. Саломея вздрогнула, хотѣла снова бѣжать; но это были двое молодыхъ людей. Она успокоилась и склонила голову на руку.

— Уединеніе отъ печали, сказалъ одинъ изъ нихъ, проходя мимо ея.

— Нѣтъ, это, кажется, печаль отъ уединенія, сказалъ другой. Ступай, пожалуйста, убирайся отъ меня.

— Ну полно, оставь; это что-то порядочное.

— Тѣмъ лучше; мнѣ и хочется чего нибудь *comme il faut*. Ступай, ступай! *mon cher*.

— Дудки, любезный! сказалъ первый, удаляясь.

Оставшійся молодой человекъ, очень пріятной наружности, но съ плутовскими глазами, подѣлъ къ Саломей. Digitized by Google

— Какъ пріятно уединеніе, сказалъ онъ, вздохнувъ: ахъ, какъ пріятно!

Саломея приподняла голову, взглянула на молодаго человѣка и духъ ея замеръ.

— Георгій! проговорила она; но безъ звука, такъ тихо, что казалось только дыханіе ея разрѣшилось этимъ именемъ.

— Но совершенное уединеніе—несчастіе, сказалъ молодой человѣкъ, какъ будто самъ себѣ, бросивъ на Саломею страстный взоръ.

— Георгій! повторила Саломея столь же тихо, и это онъ!

— Вы позволите мнѣ раздѣлить съ вами здѣсь уединеніе? спросилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ ней.

— О, какіе скверные мушны, даже въ эти лѣта! и это онъ! подумала Саломея, удаляясь.

— Куда вы бѣжите отъ меня? Чего вы испугались?

Саломея пошла по дорожкѣ, выходящей на шоссе.

Молодой человѣкъ слѣдовалъ за ней.

— Барыня, а барыня! подавать, что ли? крикнулъ съ шоссе извозчикъ Ванька, пріостановивъ свою клячу. Ась? извольте садиться!

Кровь закипѣла въ Саломеѣ.

— Боже, проговорила она сама себѣ, что мнѣ дѣлать! куда и пойду!

— Что жъ барыня? повторилъ извозчикъ, подавать что ль?

Саломея остановилась въ отчаяніи.

— Вы кажется заблудились? сказалъ молодой человѣкъ, подходя къ ней, позволите васъ проводить?

— Georges! вскричала Саломея внѣ себя.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, оробѣвъ отъ недоумѣнія.

— Кто это такая? подумалъ онъ, — она меня знаетъ!

— Georges!.... повторила Саломея смягченнымъ голосомъ, откинувъ воаль: не стыдно ли тебѣ?

— Это вы, вы! вскричалъ молодой человѣкъ, бросаясь къ ней.

— Это я.... Какая встрѣча!.... Какъ ты перемѣнился!.... сказала взволнованная Саломея. И она забылась, обняла юношу, того самаго Георгія, котораго хотѣла образовать въ примѣръ всѣмъ мужчинамъ.

«О, милый другъ! Теперь съ тобою радость;

А я одинъ—и мой печалень путь...»

раздался голосъ товарища изъ-за куста.

— Ахъ, пусть! проговорила Саломея, отталкивая отъ себя Георгія.

— Не бойтесь, это мой товарищъ.

— Мнѣ всё-равно; Богъ знаетъ, что подумаетъ онъ обо мнѣ... Но.... что мнѣ дѣлать? подумала Саломея: послушай, другъ мой Георгій.... Ты самъ, Богъ знаетъ, за кого меня принялъ.... Дай мнѣ руку.... я не знаю гдѣ я найду теперъ мужа....

— Вы за-мужемъ?.....

— За-мужемъ, произнесла Саломея: но, Боже мой, найдетъ ли меня мужъ?.... У насъ сломался экипажъ, лошади понесли.... во мнѣ замерло сердце и я не помню.... Не знаю какъ очутилась здѣсь одна.... Георгій, ты меня проводишь.

— Какъ угодно. Ахъ, какъ вы перемѣнились, какъ вы похорошѣли!

— Я утомилась, пойдёмъ, съедемъ; покуда разъѣдутся всѣ и покуда смеркнется.... мнѣ совѣстно идти пѣшкомъ, съ тобой.

— Какъ-можно пѣшкомъ такую даль, надо взять извозчика.

— Это страшно!.... Погодимъ.... Расскажи мнѣ какимъ образомъ очутилась ты здѣсь.

— Исторія не долга: батюшка прислалъ меня сюда къ одному знакомому на руки, съ тѣмъ, чтобъ онъ озаботился приготовить меня къ университетскому экзамену для поступленія на службу. Вотъ я и готовлюсь; но толку будетъ мало: я чувствую въ себѣ призваніе къ музыкѣ. Душа проситъ гармоническихъ звуковъ, чтобъ высказать чувства свои, отвѣчать голосу природы! Вы открыли во мнѣ это призваніе....

— О, Георгій! какъ ты хорошъ! Я предвидѣла въ тебѣ страстную душу, для которой нѣтъ нѣмыхъ выраженій.

— А вы? скажите мнѣ, куда вы исчезли вдругъ? Это по-сію-пору тайна для всѣхъ насъ. Батюшка сталъ еще угрюмѣе, привязчивѣе, скупѣе: только и знаетъ, что считаетъ деньги, а жалуется, что скоро принужденъ будетъ идти по міру.... мнѣ не высылаютъ даже на необходимое и я живу на чужой счетъ....

— Бѣдный!

— Право, мнѣ совѣстно, я падѣлалъ кучу долговъ.... Скажите же, куда вы пропали?

— Мнѣ невозможно было оставаться.... А тебя это огорчило?

— Ахъ, если бъ вы знали!

— Бѣдный Георгій, мнѣ только тебя одного и было жаль!

Георгій схватилъ руку Саломеи.

— Вы любили меня?

- О, любила!
- А теперь?
- Теперь?.....
- Обнимите меня, какъ прежде обнимали.
- Я тебя любила и обнимала, какъ сына.
- Ну, хоть какъ сына.
- Полно, Георгій, полно!

— О, милый другъ! Теперь съ тобою радость;
А я одинъ—и мой печальнъ путь!

раздался снова наивѣвъ товарища въ кустахъ.

Саломея оттолкнула отъ себя Георгія.

- Не бойтесь, это мой товарищъ....
- Это всё-равно для меня!
- *Quousque tandem abutere, o Catilina, patientia nostra!* крикнулъ Георгій.
- *Mea res agitur, paries cum proximi ardet,* отвѣчалъ товарищъ, уходя.

Между-тѣмъ совершенно уже смерклося.

— Боже мой, ужъ темно, сказала Саломея: пойдёмъ, ты долженъ меня проводить до дому..... Ты знаешь Чарова?

— Нѣтъ.

— Какъ же мы отыщемъ его домъ?

— Трудно узнать! отвѣчалъ Георгій, взявъ Саломею подъ-руку.

И они вышли на шосеѣ.

За извозчиками дѣло не стало.

— Прикажете подавать, господа, что-ли? крикнулъ одинъ.

— Ахъ, поѣдемъ скорѣй! Я не знаю, что обо мнѣ подумають..... Что я скажу мужу?

— Что жъ, господа, садитесь, доведу!

— Помелъ ты, Ванька! крикнулъ Георгій.

— Обозначись! отвѣчалъ извозчикъ.

— Какъ быть, пролетокъ нѣтъ; придется ѣхать на Ванькѣ.

— Ахъ, ужъ всё-равно, отвѣчала Саломея.

— Эй! давай!

Георгій вскочилъ на калиберъ верхомъ.

— Подвинься дурень.

— Да и то почти на хвостѣ у коня, отвѣчалъ извозчикъ, прижавшись какъ пласть къ передку.

Съ трудомъ усадилъ Георгій Саломею въ ущелье между собой и Ванькой.

— О, Боже мой, я упаду! вскрикнула она, когда извозчикъ хлыстнулъ возжей по клячѣ.

Помчалась чахая къ Тверской заставѣ.

— Держи меня, держи Георгій, я упаду! раздавалось в по-
шессе и по мостовой.

III.

Что дѣлаетъ Чаровъ?

Когда запрягли и подали коляску, Чаровъ вбѣжалъ въ диван-
ную комнату.

— Бѣдемъ, та сѣгѣ!.... Гдѣ жъ она?.... Ты не видала лилая,
куда вышла дама? спросилъ онъ у проходившей горничной дѣ-
вушки.

— Не видала-съ.

— Что за чудеса!.... Моп cher Карачеевъ!....

— Ахъ, извините, пожалуйста, что я васъ оставилъ на минуту,
отозвался Карачеевъ, выходя въ залу: женѣ моей дурно.

— Да что дурно, прервалъ Чаровъ: я не знаю, куда дѣвалась
надамъ Мильвуа?

— Можетъ-быть она въ саду?

— Можетъ-быть.

Они пошли въ садъ.

— Нѣтъ!.... Пропала!.... повторялъ Чаровъ, обходя въ всѣ до-
рожки небольшого сада.

— Кто видѣлъ, куда пошла дама? допрашивалъ Карачеевъ у
людей.

Никто не видалъ.

— Что за чудеса!

— Вѣрно, она вышла въ паркъ.

— Не можетъ быть! сказалъ Чаровъ.

Но послѣ долгихъ поисковъ и распросовъ, онъ побѣжалъ въ
паркъ, околесилъ всѣ дорожки, всматривался во всѣ лица....

— Нѣтъ!

— Чаровъ, Чаровъ! кричали встрѣчные пріатели: куда ты?

— Ахъ, пошелъ, скаатина! отвѣчалъ онъ толкая отъ себя и
пріателей и знакомыхъ и незнакомыхъ:

— Кого ты ищешь?

— Не тебѣ уу-родъ!

А Саломѣи нѣтъ.

Чаровъ въ отчаяніи.

— Ахъ, проклятая! повторялъ онъ сначала, съ трудомъ пере-

вода духъ отъ усталости; но скоро его взяло горе. Смерклось уже, а онъ ходилъ взадъ и впередъ по всему парку, остававшавался и чуть завидитъ вдали какое-нибудь уединенное существо, торопится къ нему и всматривается въ лицо, какъ-будто забывъ и наружность и одежду Саломен, и подозревая, не приняла ли она на себя чужой образъ.

Гуляющая публика стала рѣдѣть, разѣзжаться; истомленный Чаровъ, какъ опьянѣлый, возвратился на дачу Карачеева.

— Что? Здѣсь она?

— Нѣтъ.

Чаровъ свиснулъ и бросился на крыльцѣ на стулъ.

— Вамъ не нуженъ уже экипажъ? спросилъ Карачеевъ: мнѣ необходимо послать скорѣе за докторомъ.

— Что такое? спросилъ Чаровъ.

— Коляска вамъ нужна?

— Коляска? Чортъ ли мнѣ въ коляскѣ, когда ея нѣтъ!

— Такъ я отправлю, сказалъ Карачеевъ.

— Кабриолетъ мой уѣхалъ? спросилъ вдругъ Чаровъ.

— Давно.

Ну, такъ! вѣрно она удрала въ изломанномъ кабриолетѣ!.... Нелѣпыя женщины!.... Одолжите пожалуйста коляски, я поѣду.

— Я коляску отправилъ за докторомъ, жена больна.... и потому нельзя было ждать!....

— Да что, кого ждать, сказалъ Чаровъ, совершенно растерянный.

— Я пошлю за извозчикомъ.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ.

Карачееву было не до гостя. Къ-счастію его, извозчика скоро нашли, Чаровъ вскочилъ на дрожки и велѣлъ гнать и въ хвостъ и въ голову.

— Пріѣхала домой, эта дама?

— Какая-съ?

— Дуракъ! Какая! спрашиваетъ!....

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Какъ нѣтъ съ.

— Никто еще не изволилъ пріѣзжать.

— Вотъ тебѣ разъ!.... Что теперь дѣлать?

И Чаровъ въ отчаяніи ходилъ по комнатамъ, свѣтилъ, расстилалъ, закуривалъ сигару, бросалъ снова, прислушивался къ стуку экипажей, смотрѣлъ въ окно; но на улицахъ все притихло.

— Пропала! проговорилъ онъ наконецъ: ну, чортъ съ ней! Авось сама отъищется.

Но безпокойное чувство одолевало Чарова; онъ велѣлъ запречь коляску, бранился за медленность и, наконецъ, вскочилъ въ нее и крикнулъ: въ парк!

Подъѣзжая уже къ Тверскимъ воротамъ, онъ какъ-будто очулся и потеръ голову.

— Куда жъ меня чортъ несетъ?... Пошелъ къ Аносову.

Поэтъ уже поконился крѣпкимъ сномъ. Чаровъ поднялъ тревогу у воротъ, перебудилъ весь домъ, пробрался въ спальню къ козту, крикнулъ: Скаатина! спить! Вставай, уууродъ!

Испуганный поэтъ вскочилъ.

— Чтò такое? вскричалъ онъ съ просонокъ.

— Вставай, скаатина! Читай какіе-нибудь стихи! Ну!

— Ахъ, Чаровъ, это ты?...

Аносовъ всталъ, надѣлъ халатъ, а Чаровъ бросился на его постель, растянулся и—ни слова; а наконецъ захрапѣлъ.

Часу въ девятомъ утра, по улицѣ, на которой красовался домъ Чарова, окрашенный модной краской, подъ цвѣтъ глины, ѣхала закрытая коляска. Не доѣзжая до дому, коляска остановилась.

— Прощай мой Георгій! Боже мой, какъ я тебя люблю!

— Когда жъ мы увидимся?

— Я тебя увѣдомлю.

— Прощай!

— Au revoir!

Молодой человекъ выскочилъ изъ коляски, поцѣловалъ свои вальцы, сдунулъ поцѣлуй и исчезъ. Коляска продолжала путь къ дому Чарова; изъ нея вышла Саломея.

Вскорѣ и Чаровъ возвратился домой. Онъ проспалъ до поздняго утра у Аносова.

Какъ-будто послѣ тревожнаго сна, въ которомъ онъ ловилъ за хвостъ счастье, въ видѣ очаровательнаго существа, и не понималъ, Чарову тяжело зѣвалось.

— Барышня изволила пріѣхать, сказалъ ему швейцаръ.

— Какая барышня?

— Манзель-то-съ, или мадамъ, то есть-съ.

— Пріѣхала? вскричалъ Чаровъ, очнувшись отъ ошывивнаго чувства: гдѣ она?

И онъ вбѣжалъ на лѣстницу, шагая противъ обыкновенія черезъ три ступеньки на четвертую.

— Эрнестина! раздалось по всему дому. Эрнестина! гдѣ ты была?

— Ахъ, оставьте меня! Дайте мнѣ отдохнуть, отъ всего, что я перенесла!

— Ну, отдохни, и я отдохну въ ногахъ у тебя!

Чаровъ бросился на коверъ, припалъ головой къ колѣнямъ Саломеи.

— Истомился! Всею ночь проискалъ тебя по парку продолжалъ Чаровъ: да снажи же пожалуйста, гдѣ ты пропадала?

— Пропадала!.... Вы не понимаете, какому страху вы меня подвергали!.... Для васъ честь женщины ничто!

— Да чѣмъ же я виноватъ, Эрнестина? Я виноватъ, что какой-то чортъ наѣхалъ дышломъ на кабриолетъ?.... Но вѣдь только маленькій испугъ.... Но какво мнѣ было, когда я хватился тебя, а тебя вдругъ нѣтъ!.... Ищу, ищу, нѣтъ!.... Гдѣ ты была?

— Да, я бѣжала оттуда; если бы вы слышали, что говорили про меня безъ васъ, въ залѣ, хозяева....

— Чтò?

— Странно! Вы спрашиваете!.... Я не могла перенести этого, я ушла.... Я бѣжала не помня себя, не знаю куда.... упала безъ памяти.... подлѣ какого-то дому, на дорогѣ.... Къ-счастію, хозяйка дома приняла во мнѣ участіе... Иначе Богъ знаетъ, чтò бы могло со мной случиться....

— Мерзавецъ этотъ Карачеевъ!....

— Онъ, кажется, женатъ.... я слышала въ залѣ женскіе голоса, спросила Саломею.

— Женатъ на Бронной. Да! постой! надо приказать, чтобъ никого не принимали.... Я было съ отчаянія поручилъ звать къ себѣ всѣхъ пріятелей!... А лучше всего поѣдемъ сейчасъ же въ деревню.... нечего медлить! Правда, Эрнестина? ты на меня не сердись?

Саломея подала въ знакъ примиренія руку.

Нѣсколько часовъ спустя, у подъѣзду дома Чарова, напрасно звонили и стучали въ двери его пріятели и знакомцы. Никто не отзывался. Чаровъ былъ уже въ дорогѣ. — Въ спокойной дорожной спальнѣ, Саломея, закрывъ глаза, загнула голову въ уголъ на подушку; а Чаровъ, приклонясь къ ней, рассказывалъ исторію про Петра Григорьевича Бронна.

Саломея безмолвно слушала, но часто содрогалось въ ней серд-

не и судорожный вѣдохъ тѣснилъ грудь; особенно при расказѣ про старшую дочь Бронниа.

— Это, говорятъ, такой былъ звѣрь-дѣвка, что ужасъ; съ зубами родилась; у кормилицы отгрызла груди, а у няньки носъ.... Je vous assure, ma chère!... Говорятъ, ма chère, что мать ея въ беременнности испугалась бѣшенаго волка.... и это имѣло вліаніе на характеръ дочери. Она, говорятъ, не могла смотрѣть на людей безъ остервенѣнія, такъ и скакала зубы, чтобъ укушить.

— Какіе пустяки вы разсказываете!

— Кромѣ шутокъ. Грызла, грызла отца и мать и наконецъ вышла за-мужъ за какую-то собаку, перѣѣла ему горло, да и бѣжала! Просто въ лѣсъ ушла, и ни слуху, ни духу.... Я видѣлъ ея мужа: нянюга, таскается по улицамъ да просить то на родину, то на похороны жены.

— Ахъ, полноте, пожалуйста! Какія вы страшныя вещи разсказываете! вскрикнула снова Саломея.

— Je vous assure, ma chère; вотъ еще недавно, докладываютъ мнѣ, что пришелъ какой-то отставной офицеръ....

— Перестаньте! Я не могу слушать такихъ ужасовъ!...

— Какая ты, ма chère, слабоверная, право!

Не нужно говорить, что Чаровъ не Дмитрицкій, не смотря на то, что точно также, какъ Дмитрицкій, вѣхалъ въ дормезъ вдвоемъ съ Саломеей. Дмитрицкій былъ счастливъ въ любви, а Чаровъ въ картахъ и это составляло ихъ главную разницу; между-тѣмъ, какъ по свойствамъ страсти каждаго, надо бы было имъ помѣняться счастіемъ.

Имѣнье Чарова было верстахъ въ полутора отъ Москвы. Въ немъ еще не такъ давно жилъ его старый отецъ, вдовецъ. Построивъ себѣ домъ со всѣми удобствами для старческой вѣги, тотъ сѣдой филинъ оставилъ по себѣ память. Главнымъ его занятіемъ и заботой были свадьбы. Онъ ужасно какъ любилъ свадьбы: въ деревняхъ его не было ни одного парня, ни одного паренька.

Когда этому сѣдому филину случалось догадываться, что ему желаютъ всё отъ чистаго сердца смерти, воображая, что дряхлому старнику жизнь уже въ тягость, тогда онъ твердилъ всѣмъ: «Врете вы, собаки, не тогда умру, когда вамъ хочется, а тогда умру, когда самъ захочу».

И дѣйствительно жилъ-жилъ, и дотянулъ канитель жизни почти до ста лѣтъ, сохранивъ всё чувства, память, и любовь къ свадьбамъ. Наконецъ волею или неволею умеръ.

Сынъ Чарова, какъ мы видѣли, былъ сѣтеной человѣкъ, не занимался устройствомъ наследственнаго имѣнія; и вотъ въ селѣ Притычнѣ, расплодился и старая дѣвка и молодой парни. Бывало въ году было двѣнадцати медовыхъ мѣсяцевъ; а тутъ вдругъ ни одного; вѣрно надоли свадьбы. Барскій дворъ опустѣлъ. Сторожа стерегли домъ снаружки, а внутри все само собою было въ цѣлости и сохранности; и управляющій и Трифонъ, на рукахъ котораго былъ домъ—боялись входить въ него: хозяинъ умеръ; но хозяйскій страхъ все еще какъ будто разхаживалъ по пустымъ комнатамъ и грозилъ, чтобъ никто ни до чего не смѣлъ дотрогиваться.

Прошло нѣсколько лѣтъ; а известно, что все живо только духомъ человѣческимъ. Безъ него тля изтлѣла бы земной шаръ, не только что домъ отца Чарова со всѣми принадлежностями. Неожиданно пріѣхалъ сынъ и вдругъ все зажило новой жизнью.

— Баринъ, баринъ молодой пріѣхалъ! кричали по селу отъ мала до велика; и вотъ ребятнишки, бабы, дѣвки, парни, мужики, десятскіе, староста, бѣгутъ во дворъ боярскій.

Тамъ управляющій стоялъ уже подлѣ кареты и помогалъ молодому барину выходить изъ нея, молодой баринъ высаживалъ молодую барыню, а домохранитель Трифонъ, запылавшись, отпиралъ домъ, ставни....

— Это то батюшкины палаты? спросилъ Чаровъ посмотрѣвъ на посѣдѣлый домъ. Крыша заросла мохомъ и мѣстами березовымъ кустарникомъ, стѣны нѣсколько похлябались.

— Это развалины! проговорила Саломея, смотря на все съ отвращеніемъ: — куда вы меня привезли?...

— Это все нямомъ устроится, та сѣбе, отвѣчалъ Чаровъ.

— Боже мой, какая сырость, духота, мертвенность! Все истлѣло!... Это гробъ; тутъ недостаетъ только труна! повторила Саломея: нѣтъ страшно!

Люди бросались вытирать пыль съ мебели; но увы, вмѣстѣ съ пылью стирается, какъ прахъ, и изтлѣвшая шелковая матерія. Дотронулись до занавѣсей — занавѣси распались клочками.

Но новая жизнь, хотя съ ужасомъ и отчаяніемъ, а водворилась все-какъ на развалинахъ старой.

Отказавшись на вѣки отъ своего имени, званія и своей собственной судьбы, Саломея какъ-будто вѣкъ была Эрнестивной де-Мильвуа, несчастной вдовой, которая имѣетъ право располагать своею рукою. Никогда и никто не внушалъ ей никакихъ правилъ и закововъ, которые бы связывали и обуздывали ея волю. Слѣ-

доказательно: воля ея была вполнѣ свободна; а въ слѣдствіе этого также свободно и независимо ни отъ какой любви сердце. Въ отношеніи отдали руки она также не затрудчилась: у ней было двѣ руки. Отдала которую-то изъ нихъ Янкову, она рѣшилась отдать другую Чарову, и.... но оставимъ покуда эту дѣль разсказа и обратимся къ другой, которая также входитъ въ основу нашей узурчатой и волнистой ткани.

IV.

За нѣсколько времени до пріѣзда Чарова въ свое помѣстье, въ селеніи Притычинѣ стоялъ полковой штабъ. Штабъ по новому росписанію былъ переведенъ на новыя квартиры, а полковой медикъ и хирургъ Иванъ Даниловичъ Увалень по болѣзни остался на старой. Чтобы дать понятіе о человѣкѣ, который впоследствии избавитъ нашу героиню отъ спазмовъ, мы почеркнули изъ моря житейскаго слѣдующія объ немъ свѣденія.

По собственной охотѣ или по волѣ родительской, или такъ, или съ того, или съ сего, Иванъ Даниловичъ Увалень, какъ говорится, прошелъ по медицинѣ. На казенный конштъ изучилъ онъ тѣмъ кормить и поить человѣка, провинившагося противъ искусства быть здоровымъ; какъ *отнимать* у него все, что мѣшаетъ ему существовать на бѣломъ свѣтѣ, и былъ опредѣленъ въ полковые медики. Тутъ было ему житье. Его «гигіена для военныхъ» явилась всѣмъ: онъ говорилъ, что такъ какъ вредная сырость въ воздухѣ происходитъ отъ недостатка электричества, то и необходимо пополнять его въ организмѣ пріемомъ алкоголя въ чистой водѣ. Во время же жаровъ, для уравновѣшиванія внутренняго жара съ наружнымъ, тотъ же пріемъ, но въ обратномъ приготовленіи, и именно: не напоеніе алкоголя водой, но насыщеніе воды алкоголемъ.

При операціяхъ, онъ эвровалъ субъектъ свой, для притупленія чувствительности нервовъ, стаканомъ чистаго алкоголя. Онъ говорилъ: «чтобы удачно *отнять* чтонибудь у человѣка, отними сперва у него память» и всѣ операціи его были необыкновенно счастливы. Субъектъ, которому онъ отнял, напримѣръ, ногу, очнувшись, думалъ, что нога тутъ, а только на нее Иванъ Даниловичъ наложилъ успокоительный пластырь.

Дѣйствуя предохранительными средствами, онъ ввелъ въ употребленіе, чтобы каждый больной, кромѣ халата, имѣлъ непремѣнно ларецъ, съ уравновѣшивающимъ температуру лекарствомъ. — Здоровье, говорилъ онъ каждому изъ своихъ паціентовъ,

есть самая лучшая вещь въ свѣтѣ, а болѣзнь самая скорбная, и потому надо избѣгать болѣзни. Если заболѣешь — и не при- емлей за мной; залечу, ой Богу, залечу. Медицина не дошла еще до совершенства; самъ Гуландъ за нее не ручается; а я то съ какой стати буду за нее ручаться?

Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Даниловичъ терпѣть не могъ боль- ныхъ и жестоко бранилъ ихъ.

— Эхъ, братъ, подлинно дрянъ! Отъ болѣзни не умѣлъ пре- достеречь себя; а кажется простое дѣло: соблюдай температуру. Ну, чтó проишу я тебѣ изъ латинской кухни, когда и русскую- то желудокъ не варитъ?

Иванъ Даниловичъ славная былъ душа; но когда залажетъ спать, то ужъ не проси у него помощи. Отъ кого бы ни пришелъ, ни прибѣжали, ни прѣхали за нимъ, девицкѣ Филатъ, смотря по своему благоусмотрѣнью, отвѣчалъ: «дома нѣтъ!... Уѣхалъ, да не бывалъ еще; и самъ не знаю гдѣ». Или: «нездоровъ Иванъ Даниловичъ; самъ на лекарствѣ». Исключеніе было только для полковаго командира, или лучше сказать для полковницы. Въ та- комъ случаѣ и Филатъ, не только не сердился, но будилъ его безъ церемоній: «Отъ полковника вѣстовой. Извольте вставать, Иванъ Даниловичъ!»—Когда же Иванъ Даниловичъ сердился, что его беспокоятъ изъ какихъ-нибудь пустяковъ, тогда Филатъ уговаривалъ его и смиралъ его сердце здравымъ разсужденіемъ, что «нельзя же, Иванъ Даниловичъ, вѣдъ это полковница. При- слалъ бы хоть адъютантъ полковой, или баталіонный командиръ, да я и самъ развѣ бы только съ боку на бокъ перевернулся. Ну, а тутъ нельзя.»

Филатъ заведывалъ не только всѣмъ хозяйствомъ Ивана Да- ниловича, но даже домовою аптекой. — Подай-ко сюда, скажетъ баринъ, какъ бишь ее.... — Что? акву сатурновну?—спрашивалъ онъ, такъ только по привычкѣ спрашивать, и чтобъ показать что мы, дескать, знаемъ, чтó кому изъ больныхъ потребно. Онъ въ самомъ дѣлѣ приѣхалъ къ обычнымъ недугамъ каждаго изъ больныхъ.

Филатъ былъ золотой человекъ: славно стряпалъ, славно умѣлъ зачистить дырочку, безподобно штоналъ чулки, отлично стиралъ бѣлье. — Велика мудрость стирать! говорилъ онъ; что, хуже и какой-нибудь прачки выстираю?... Взять, отнарилъ въ щелоку, выстиралъ въ корытѣ, выполоскалъ на прудѣ, выжалъ хоро- шенько, да развесилъ, и правъ; а выкатать не штука!»

Изъ всего этого следовало, что имѣя такого денщика, Ивану

Данилову существовало не нужно было ни жены, ни дворца. Филату и въ голову не приходило никогда, чтобъ баринъ его дождался; да и Ивану Данилову не шла на умъ женитьба, тѣмъ болѣе, что ему съ роду не случилось лечитъ дѣвушекъ. Отъ дамскихъ болѣзней онъ также отказывался, частью по природной застѣчивости, а главное потому, что, Богъ знаетъ, съ чего воображалъ онъ, что «женскія болѣзни не суть болѣзни; слѣдовательно и неизлечимы: слабость нервовъ, напирѣвъ», говорилъ онъ, какия жъ это болѣзни? Это не болѣзни, а просто слабость нервовъ. Отъ раздражительности, отъ причуды, отъ выны - да - выложи, также въ медицинѣ нѣтъ лекарствъ: медицина не отецъ, не мать, не мужъ и не возлюбленный: ни платя не сошьеть, ни дрянки не купитъ, ни на базъ не повезеть, не приласкаетъ и не прижметъ къ пламенному сердцу. Что жъ тутъ дѣлать?»

Такъ разсуждалъ часто Иванъ Даниловъ самъ съ собою, вслухъ, возвращаясь домой отъ полковницы, и, боясь женскихъ болѣзней, закалялся жениться. Но такъ какъ клянутся и заклинаются всегда люди, которые ни за что бы не клялись, если бѣ оковы, балагаемыя клятвами, были не мношко по желѣзѣ, и не такъ легко разрывались и сбрасывались, то настала же таковъ моментъ, что и Иванъ Даниловъ поклялся бы снова, что онъ пошутитъ, что глупо давать клятвы въ томъ, въ чемъ самъ отъ себя не завнесишь, словомъ, онъ «умно отрекся отъ глупаго отреченія, и такимъ образомъ возвратился въ самого себя.»

Это происходило слѣдующимъ образомъ:

Полковой штабъ, при которомъ состоялъ Иванъ Даниловъ, расположенъ былъ въ одной коалиціи деревянныхъ строеній, получившей названіе города, но не вступившей еще на степень конкретированія городской особы. Въмѣсто колесъ, тамъ служили еще ноги, на улицахъ раздавалась еще національная поэзія; но праздникамъ можно было водить хороводъ и выходить на кулачный бой, а весной и осенью охотиться на главной площади за дикими утками и куликами, потому что моментъ потребленія дичи еще не насталъ для этого города, носившаго всѣ признаки захолустья. Въ невѣжественномъ состояніи, тамъ не знали еще болѣзней, но знали только «голова болитъ, худо можетъ, нездоровится» и утѣшали другъ друга словами: «велика бѣда, что голова болитъ: поболитъ, поболитъ, да и пройдетъ.» Прикинется ногтеѣда, обрѣжетъ ктонибудь палецъ, — ну, не плачь, до свадьбы заживетъ!..... У женщинъ проявлялась одна только больсть,

да и то, говоря словами Ивана Даниловича, не болѣзнь, а вселенный моментъ органическаго развитія.

Первый моментъ неизвѣстныхъ дотола болѣзней, требующихъ медицинскихъ пособій, проявился у Машеньки, дочери одного мелкопомѣстнаго отца огромнаго семейства, который прїѣхалъ въ городъ на ярмарку.

Причиною болѣзни Машеньки былъ чисто-правственный моментъ сильнаго, необычнаго впечатлѣнія на чувства, привыкшія къ обычному. Прїѣхавъ совершенно здоровою въ городъ, здоровонька легла почивать Машенька, вдругъ разбужена была по утру страннымъ стукомъ и какими-то чудными звуками. Съ испугомъ вскочила она съ постели, а въ это самое время, къ несчастію, вбѣжала въ комнату ея старая няня и вскрикнула: «Барышня, барышня! посмотри-ко, сударыня, чтѣ на улицѣ-то дѣется!

Машенька бросилась къ окну, взглянула и всѣ жилки ея затрепетали, кровь приступила къ сердцу, дыханіе заняло: это былъ печальный, безотчетный моментъ *инфлюэнціи* гражданственности на нѣжныя чувства и на національное неопытное еще сердце; первый моментъ страха видѣть убійственное оружіе не въ рукахъ какихъ-нибудь чудовищъ, а въ рукахъ какихъ-то нѣжныхъ существъ, которыя, проходя мимо окна, такъ умышленно глядѣли на Машеньку, и какъ-будто говорили ей: «Душенька! ангельчикъ! Какъ ты хороша! Позволь тебя убить!»

Просвѣщенные читатели безъ сомнѣнія догадаются, что на улицѣ было ученье и разводъ. Вещи очень обыкновенныя; но для такого нѣжнаго и неопытнаго существа, какъ Машенька, которая не только съ роду не видывала солдатъ, но и не слыхивала даже сказки про солдатскую душу, — все это показалось ужасомъ.

Грохотъ барабановъ, трескъ трубъ, блескъ и темпъ оружія, возгласы волшебныхъ словъ: Маршъ! Стой! Стройся! которыми приводилась въ движеніе толпа людей, ихъ особенная походка, особенные приемы, стройный ставъ, такъ поразили Машеньку, что она *взяла да и покатила*. Никто не замѣтилъ этого, кромѣ нянюшки. Смотри въ окно черезъ головы сбѣжавшей толпы домашнихъ и восклицая: «Господи! страсти какія! вѣдь это они на войну идутъ!» она обратилась къ своей барышнѣ съ предостереженіемъ отъ недобраго глаза офицера, который построилъ свой взводъ противъ окна, взялъ на перевѣсъ шпагу, устремилъ глаза на Машеньку, и ожидалъ команды. Барышня, вскричала няню, поди ты отъ окна! Что онъ уставился на тебя! Но Машенька была уже почти безъ чувствъ.

— Господи! Что съ тобой!... проворчала съ испугомъ няня и, схвативъ ее на руки, отнесла отъ окна. Но шептаниця уже совершилась. Машенька слезла. Вѣтъ, казалось бы, здорова, но слабость такая во всѣхъ членахъ, что не можетъ встать съ постели, да и только.

— Богъ ее знаетъ, чтѣ съ ней дѣлалось? говорилъ отецъ и мать.

— Сглазиль, сглазиль! кричала няня, вотъ этотъ, какъ его, солдатской то офендеръ сглазиль!

Сглазиль, сглазиль! И водица съ уголька не помогла. Противъ новой болѣзни старын средства нѣхалъ надежда. И вотъ, послѣ долгихъ споровъ съ няней и сбѣжавшимися смотрѣть эту болѣзнь бабани, Машенькина маменька рѣшила наконецъ послать за полковымъ лекаремъ, несмотря на то, что маменька говорила, что такъ пройдетъ. И послали просить Ивана Даниловича, пожаловать къ Ивану Абрамовичу. Филать, какъ-будто предчувствуя, что чтѣ нибудь да не такъ, долго стоялъ на томъ, что барыня нѣтъ дома; потомъ, когда прислали въ десятый разъ, сказалъ, что барыня почиваетъ; но наконецъ умылился на слезную просьбу посланнаго слуги: доложи братъ, сдѣлай милость доложи! Вѣдь меня загоняють, да еще и прибьютъ, что не привезъ лекаря. Цѣлый день вотъ бѣгаю къ вамъ, говорю, что, дескать, нѣтъ дома; такъ барыня говорить: хоть умри, да жди покуда прѣдетъ домой.

Филать доложилъ, что вотъ, такъ и такъ, просить пожаловать.

— Скажи, что дома нѣтъ.

— Я сто разъ говорилъ; да такъ пристапи, что не отдѣлаешься. Сидитъ тутъ, плачетъ, а нейдетъ домой, да и все тутъ. Говорить, барышня умираетъ.

— Дзъ! Эхъ, терпѣть не могу!.... сказалъ Иванъ Даниловичъ.

— Да что жъ дѣлать-то, Иванъ Даниловичъ, побывайте; жалко на человѣка то глядѣть; всю ночь здѣсь ждалъ, да вотъ и день прошель; а у него еще во рту куска не было; ужъ я скалился, да накормилъ его; а дома и ѣсть не дають, покуда докторъ не прѣдетъ; а барышня, говорить, такая распрекрасная.

— Ну, ужъ эти мнѣ распрекрасныя!.... сказалъ Иванъ Даниловичъ: я знаю, что какіе-нибудь пустяки; а если не пустяки, такъ ужъ вѣрно послали за мной тогда, какъ нужно посылать за дѣткомъ нѣтъ отходящую.

— Ну, да вы пробуйте, да и скажите просто, что со смертного одра и кровомъ не подымеши на ноги.

— Терять не могу!.... повторилъ Иванъ Даниловичъ. Давей мундиръ!.... Надѣлъ мундиръ, воткнулъ шагау и отразился съ человѣкомъ въ домъ родителя Машеньки.

Она забылась легкимъ сномъ, когда привели Ивана Даниловича къ ея постели.

— Помогите, пожалуйста; Богъ знаетъ что съ ней приключилось,—шптала ему мать; а отецъ и вся семья и всѣ люди и вса дворня, стояли тутъ же толпой, въ какомъ-то ожиданіи чуда.

Чудо дѣйствительно совершилось, но невидимо, въ нѣдрахъ Ивана Даниловича.

Когда онъ, пораженный субъектомъ, дрожащими руками пощупалъ пульсъ Машеньки, Машенька открыла глаза, взглянула на Ивана Даниловича, вздрогнула, лицо обдалось пламенемъ, проговорила едва слышно самой себѣ: Ахъ, Боже мой! ошцерь!.... хотѣла закрыть лицо одѣломъ: въ эту минуту рефлексія, или воздѣйствіе пораженныхъ ея чувствъ совершило обратную иллюзію на Ивана Даниловича, и онъ, какъ окаменѣвшій, безмолвно, бездыханно держалъ руку Машеньки.

Всѣ окружающіе смотрѣли и благоговѣнно молчали въ ожиданіи отъ него слова; но Иванъ Даниловичъ еще думалъ; возмущенныя мысли его перемѣшались, и онъ продолжалъ стоять неподвижно, въ положеніи медика, наблюдающаго пульсъ....

— Что батюшка?.... спросила мать.

— Я женюсь на ней, отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ, не помня самъ себя и посмотрѣвъ на мать взоромъ показывающимъ, что болѣзнь опасна.

— Что такое батюшка?.... спросила мать, не понявъ словъ Ивана Даниловича.

— Пожалуйста поскорѣй бумажки, продолжалъ Иванъ Даниловичъ, медлить опасно.... пожалуйста скорѣй бумажки.

— Господи!.... проговорила мать, что жъ это такое значитъ? Иванъ Абрамовичъ, есть у тебя бумага?

— Нѣтъ, матушка, какая жъ у меня бумага!

— Какъ же быть-то! никакой бумаги у насъ нѣтъ.

— Послать скорѣе ко мнѣ, сказалъ Иванъ Даниловичъ: или позвольте, я самъ припесу.

И Иванъ Даниловичъ, схвативъ свою треугольную шляпу, побѣжалъ домой. А между-тѣмъ смущеніе лекаря, его торопливость

перепутали нить. Выбранивъ въ другую нитицу, она лопала со-
бѣ руки.

— Господи! Чтѣ такое сказалъ онъ, я право не расслышала;
Иванъ Абрамовичъ, чтѣ онъ сказалъ о болѣзни-то Машеньки?

— Право не расслышала; Богъ его знаетъ, вѣрно, что ивбудъ
не латыль.

— Да ужъ я тебѣ говорю!... Вотъ те Христось!... раздалось
въ тѣлѣ бабъ у дверей.

— Чтѣ, чтѣ такое? Лукерья, чтѣ такое? крикнула Машенькина
мать.

— Да вотъ сударыня, Фетинья говоритъ, что слышала будто
лекаръ-то сказалъ, что я, говоритъ, женюсь на Марѣ Ивановнѣ.

— Что-о?....

— Ей-ей такъ, сударыня, отвѣчала Фетинья, такъ такъ и ска-
зала! Чтѣ мнѣ лгать-то, уши-то у меня не чужію.

— Женится?

— Охъ ты, вострое ухо! проговорила няня, все-то ты слы-
шишь!

— Да съ чего жъ это ему вдругъ сказать такъ!

— Ни съ того, ни съ сего, вдругъ: женюсь! Скажи, пожалуйста.

— Да ужъ я и не знаю, какъ это вы не изволили слышать.

— Охъ, право, и мнѣ чтѣ-то теперь сдается, сударыня, что
онъ это сказалъ: а ужъ къ чему, Богъ его вѣдаетъ,— проговори-
ла, вздыхая, ирчка Наеасья.

— Сказала, сказала, прибавила баба съ сосѣдняго двора, да я
все думала, не облыжшала ли я? Съ чего жъ это, думаю, вдругъ
говорить-то ему!

— Иванъ Абрамовичъ, слышишь, что бабы говорятъ?....

— Чтѣ, душа?

— Говорять, будто лекаръ-то сказалъ, что онъ женится на
Машѣ.

— Экой задоръ!

— Нѣтъ, не задоръ, сударь; я истинную правду говорю, мнѣ
чтѣ выдумывать.... чтѣ мнѣ клеветать-то на человѣка!... Извольте,
я хоть у него самого спрошу при васъ....

— Ахъ ты дура, пошла вонъ!...

Иванъ Абрамовичъ разгнѣвался, но дѣло не рѣшилось. При-
ходъ Ивана Даниловича заставилъ всѣхъ замолчать.

— Вотъ, сказалъ онъ запыхавшись, я привезъ изъ полковой
аптеки лекарства: пожалуйста рюмочку.

— Ахъ, мать моя мать благодарны, задрожала мать, поблещив сама за рюмкой.

— Водичку пожайдите, да ложечку.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Когда Ивану Даниловичу подали все, — по пятнадцати капель черезъ два часа, сказалъ онъ, отсчитавъ дрожащею рукою эти пузырьки изъли и подошелъ къ больной.

Она лежала, закрывъ глаза, румянецъ тѣмъ и лихорадка щекахъ:

— Уснула, сказала няня шопотомъ: не трогать бы ее.

— Мы подождемъ, отвѣчалъ тихо Иванъ Даниловичъ.

Рюмка тряслась у него въ рукахъ.

— У нея сильный жаръ, прошептала мать ему на-ухо.

Онъ кивнулъ головой и приложилъ руку къ пульсу.

Горячая его рука какъ-будто обожгла Марью Ивановну: она вздрогнула, взглянула, закрыла снова глаза и еще больше разгорялась.

— Машенька, прими, душенька, лекарство.

Машенька вздохнула и закрыла лицо рукою.

— Выпейте, сударыня, сказалъ Иванъ Даниловичъ, поднося къ ея губамъ рюмку.

Она приподняла немного голову.

— Господи, благослови! проговорила мать.

Принимая лекарство, Машенька взглянула мелькомъ на Ивана Даниловича, Иванъ Даниловичъ вздрогнулъ и чуть-чуть не выронилъ изъ рукъ рюмки, такъ этотъ взоръ, наситанный электричествомъ, встряхнулъ его, несмотря на то, что стекло не проводникъ живой силы. Машенька опустила голову и казалось снова забылась.

— Пожалуйста, чтобъ никто не безпокоилъ ее, сказалъ Иванъ Даниловичъ.

— Ступайте, ступайте отсюда, сказала мать Машеньки шопотомъ, махнувъ рукою на бабъ. Скажите, батюшка, Иванъ Даниловичъ, продолжала она, выходя въ другую комнату: что жъ это за болѣзнь такая у Маши?

— Разстройство нервическое, отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ.

— Что жъ это за разстройство такое, Иванъ Даниловичъ? Желудокъ что ли разстроены.

— Нѣтъ, нервы, вообще.

— Нервы.... Иванъ Абрамовичъ, подоио сюда... и ужь пока-

мир: это означать для внутренности? Ахъ ты, Господи! да отчего же это?

— Машенька-быть какой-нибудь испугъ, сказалъ Иванъ Даниловичъ.

— Испугъ! да какой же? Она жадается ничего не испугалась; да и чего же ей пугаться-то....

— Ахъ, матушка, Анна Федоровна, а наперед-то, какъ воть они изволили проходить по улицѣ, отозвалась няня, которая во утерѣла чтобъ не прислушаться, что говоритъ докторъ барынь встаетъ ея вешечка Машеньки.

— Ахъ, да въ самомъ дѣлѣ, вѣрно, вдругъ что-то ей померещилось, что ли....

— Съ самаго того воть времени, какъ вы, батюшка, проходили мимо нашего дому-то, продолжала няня, она такъ и обомлѣла.

— Я проходилъ? подумалъ Иванъ Даниловичъ въ недоумѣніи: когда же это я проходилъ?... и не замѣтилъ....

И онъ глубоко вздохнулъ отъ сладостнаго ощущенія.

— Такъ обомлѣла, продолжала няня, что я на рукахъ ее донесла до постельки!... говорю: родное ты мое дитятко, что съ тобою?...

— Ну, ну, ну, ступай ужъ, крикнула Анна Федоровна: сама я обумѣю разсказать какъ слѣдуетъ.... Ты поди садь подлѣ Машеньки, да не отходи и прибѣги сказать, какъ ответятъ.

Няня не охотно повиновалась приказанію барыни: ей хотѣлось послушать что скажетъ докторъ.

Она присѣла подлѣ постели Машеньки и начала что-то бормотать про себя.

Машенька глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Ахъ, сударыня, а мы думали, что ты соснула.

— Няня, проговорила Машенька: какой это офицеръ здѣсь былъ?

— Это, сударыня, вишь, докторъ.

— Докторъ? какой же это докторъ, это офицеръ со шпагой.

— При шпагѣ, при шпагѣ; у полковыхъ-то вѣрно такой обычай: кому-нибудь изъ нихъ надо править докторскую должность-то....

— Ахъ, какъ страшно, плююшка! Онъ меня шпагой-то не убьетъ?

— Храпится съ тобой! воть еще придумала. Ты посмотрѣла бы что за добрыйшій человекъ, да какой ласковый, тихой: я

не знаю для чего онъ и швагута носить? развѣ что возъ противъ Французовъ, чтобъ не напали.... Ахъ, да, вѣдь барыня велѣла мнѣ доложить какъ ты проснешься, сударыня; докторъ-то хочетъ посмотрѣть на тебя.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, няня! не говори!... вскрикнула Машенька обычнымъ своимъ звонкимъ голоскомъ.

— Боже мой, что съ ней! вскрикнула Анна Федоровна и побижала къ дочери.

Иванъ Даниловичъ бросился вслѣдъ за ней, воображая, что съ больной сдѣлался припадокъ. Но когда онъ вошелъ въ дверь, Машенька лежала уже спокойно, закрывъ глазки.

— И не думала кричать, сударыня, шептала няня на вопросъ Анны Федоровны, отчего вскрикнула Машенька: и не думала

— Охъ, врешь!

— Ей-ей! она спросила только про доктора.

Анна Федоровна присѣла подлѣ постели и знакомъ просила садиться и Ивана Даниловича.

Онъ сѣлъ противъ нея; ему хотѣлось бы, не сводя глазъ, смотрѣть на больную, наблюдать какъ она вдыхаетъ обыкновенный душный воздухъ комнаты, а выдыхаетъ изъ себя какъ-будто благовонія счастливой Аравіи; но странно, что-то мѣшаетъ ему взглянуть на нее. Иванъ Даниловичъ не могъ отдать себѣ отчета, что мѣшаетъ ему смотрѣть на больную, но наконецъ понялъ.

— Зачѣмъ она тутъ сидитъ, мѣшаетъ только мнѣ! подумалъ онъ.

Иванъ Даниловичъ усѣлся и сидѣть, молчать, забыть о своей обязанности посѣтить полковницу и двухъ больныхъ офицеровъ, забыть о квартирѣ, о деньщикѣ, о всемъ забыть, у него въ головѣ одно: «Хоть бы на одну минуточку вышла она!...»

Анна Федоровна совсѣмъ другое думаетъ: «Какой попечательный человѣкъ!»

Но ей ужасно какъ хотѣлось поговорить съ Иваномъ Даниловичемъ, какъ съ повымъ человѣкомъ, о разныхъ разностяхъ, а какъ съ докторомъ о нѣкоторыхъ своихъ недугахъ.

— Она, кажется, уснула, прошептала она: не оставить ли ее? Пойдемте въ залу.

— Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ тихо: я посижу тутъ; вы извольте идти, можетъ-быть вамъ нужно, по хозяйству...

— Ни сколько, сказала Анна Федоровна: а ужъ всѣмъ съ утра распорядилась.

Иванъ Даниловичъ глубоко вздохнулъ.

— Приготовить бы свѣжешьей водички, сказалъ онъ.

— Есть; вотъ только сейчасъ привесли.

Иванъ Даниловичъ еще тяжелѣе вздохнулъ.

— Да позвольте, сказалъ онъ: это какая вода? сырая?

— Какъ сырая?

— То есть, не отварная?

— Нѣтъ.

— Такъ, пожалуйста, прикажите отварной принести изъ самотара.

— Сейчасъ, сейчасъ всею вскипятить.

Анна Федоровна вышла приказывать, а Иванъ Даниловичъ съ трепетнымъ сердцемъ устремилъ-было пытательный взоръ на больную, но Машенька вдругъ взглянула.

Иванъ Даниловичъ задрогнулъ, смутился, схватилъ стекляночку съ лекарствомъ, началъ отсчитывать въ пустую рюмку капли; но нѣтъ возможности: одна, двѣ, три.... и вдругъ какъ шлюкнетъ.

— Ахъ, Господи! кажется тутъ будетъ десять! думаетъ онъ; вплыла глазами въ горлышко пузырька, чтобъ отсчитать еще нѣтъ капель. Но передъ глазами какъ-будто залетали мухи, руки дрожать, капли какъ-будто исчезли изъ пузырька; перелились въ него самого и каплютъ съ лица.

— Господи! думаетъ онъ: зачѣмъ я прописалъ капли!...

И Иванъ Даниловичъ опять съ усміемъ смотритъ на горлышко пузырька, но руки ослабли отъ напряженія, опустылись.

— Вода, вода, шепнула подъ ухо ему Анна Федоровна.

Онъ задрогнулъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, сказалъ онъ: я пойду привесу пилульки....

И онъ забывъ свою шляпу, бросился почти бѣгомъ домой. Къ счастью у калитки навстрѣчу ему Филать.

— Ахъ, барниъ, это вы! крикнулъ Филать, котораго онъ сблизъ было съ ногъ: полковница прислала, пожалуйста!... А шляпа-то, сударь?

— Ахъ!... проговорилъ Иванъ Даниловичъ, схватившись за голову: я и забылъ.

Заботливый Филать вбѣжалъ въ домъ и добылъ барскую шляпу.

Иванъ Даниловичъ стоялъ у воротъ и думалъ, въ какомъ видѣ прописать лекарство вмѣсто капель.

— Пилульки? думалъ онъ: нѣтъ! избави. Боже! остановится еще

въ горлѣ... Порошечки? гортаней, неспрѣтнѣйшій... Министурку? еще хуже: неравно подниметь рвоту...

Взявъ шляпу изъ рукъ Филата, Иванъ Даниловичъ ни съ мѣста, продолжаетъ думать, какое бы лекарство прописать больной, чтобы оно было ей пріятно.

— Лучше всего въ видѣ прохладительнаго питья...

— Что жъ вы, сударь, къ полковницѣ-то?

— Охъ, ужъ эта мнѣ... надоѣла! крикнѣтъ Иванъ Даниловичъ: «не хочу, ну, не пойду! чертъ съ ней!»

— Да какъ же это можно, Иванъ Даниловичъ! сказала Филатъ: «вѣдь это невозможно, сударь: полковница требуетъ все къ себѣ, а вы не пойдете.»

— Причуды только одиѣ! Брось больныя для нея, да бѣги!.. Да, я не хочу, ну, не хочу, вотъ и все! продолжалъ Иванъ Даниловичъ, идя задумавшись къ себѣ на квартиру.

— Да вѣдь что жъ, Иванъ Даниловичъ, хоть бы и причуда, вамъ-то что за дѣло! продолжалъ Филатъ: въ службѣ-то, говорить, не разсуждай. Если полковница требуетъ лекарства, что вамъ жалъ что-ли его? Да хоть всю полковную аптеку выпей, эка бѣда!... Да куда жъ вы идете? Извольте идти къ полковницѣ.

— А! произнесъ Иванъ Даниловичъ съ сердцемъ, махнувъ рукою и пошелъ на квартиру полковаго командира.

Полковница въ самомъ дѣлѣ была неспособна въ своихъ причудливыхъ болѣзняхъ. Кромѣ настоящей тягости у нея коипутно проявлялись какія-то побочныя тягости; то тягость въ головѣ, то подъ ложечкой, то тягость въ рукахъ и въ ногахъ, то тягость во всей; то какія-то тягостныя мысли мучили ее, словомъ, она тяготилась всѣмъ; то «какъ это несносно, поминутно въ глазахъ офицеры!» то «какъ это скучно, никто не хочетъ прійти! своихъ офицеровъ надо звать! ни какой преданности!...» то «кѣму это все на вытязку!» то вдругъ «какая вольность! садятся безъ приглашенія!...»

Полковникъ былъ славный человекъ, по жена и его сбѣла съ толку, и онъ сталъ какъ маятникъ: то добръ, ласковъ и внимателенъ, то угрюмъ, привязчивъ и грубъ.

По наружности полковница была пренемленькое существо, воплощенная доброта и пріятность, какъ говорится: невозможно не любить такого ангела! Но, хорошъ конь, конь какихъ мало бываетъ, да съ норовомъ: прямо, ровнымъ шагомъ идетъ, славно идетъ; но чуть возжей на-право, а онъ на-дѣво; чуть нук-

нось, и опира на дыбы, какъ стало? Архимедовымъ рычагомъ съ мѣста не сдвинешь. Такова была и полковница: противъ всякаго побужденія и желанія она не умѣла ходить; ни обстоятельства, ни приличіе, ни дружба, ни любовь, ни необходимость, ничто не смѣло ей позукать, тотчасъ на дыбы, а потомъ въ слезы и въ постылю.

И вотъ сбѣгутъ за Иваномъ Даниловичемъ. Бывало, Иванъ Даниловичъ сбѣжитъ самъ, а теперь Филать наслу огу уговорилъ.

Приходить. Видитъ, лежитъ полковница почти безъ чувствъ, бѣдная, страждущая, тяжело дышетъ.

— Что такое-съ? спрашиваетъ онъ у полковника.

— А Богъ ее знаетъ, отвѣчаетъ полковникъ, пожимая плечами.

Иванъ Даниловичъ щупаетъ пульсъ — пульсъ такъ и колотитъ.

Но вотъ вылетѣлъ глубочайшій вздохъ, вотъ открыла глаза.

— Что вы чувствуете? спрашиваетъ Иванъ Даниловичъ. Страждущая молчитъ, тяжело дышетъ, прикладываетъ руку къ голове.

— Вы чувствуете боль въ головѣ?

— Да! отвѣчаетъ она паковецъ.

— Подъ ложечкой у васъ не болитъ?

— И подъ ложечкой... произноситъ полковница слабымъ голосомъ и вдругъ слезы, всхлипыванье.

— Хмъ! подумалъ съ досадою Иванъ Даниловичъ, торопливо выходя въ другую комнату писать рецептъ.

— Что? спросилъ полковникъ.

— Ничего, полковникъ; это маленькой нервный припадокъ, спазмы. Я пропишу капельки....

— Да выслушайте, все ничего, крикнулъ полковникъ. Это ничего всякой день повторяется! Нервное разстройство! да вѣдь это болѣзнь?

— Конечно-съ.

— Ну, такъ что жъ тутъ ваши капельки? Чорта ли въ вашихъ капелькахъ! Вы мнѣ лечите ее фундаментально.

Иванъ Даниловичъ зналъ полковника; разсуждать съ нимъ въ минуты сердца нельзя, всё-равно что на огонь лить масло. Капельки не нравились полковнику, капельки пустяки, сказалъ онъ. И Иванъ Даниловичъ прописалъ порошокъ.

— Вотъ-съ, черезъ часъ по порошокъ.

— Да это до меня не касается, сказалъ полковникъ, вы какъ знаете, такъ и дѣлайте.

— Ахъ, ты Господи! подумалъ Иванъ Даниловичъ, сиди тутъ какъ привязанный.

— Вотъ-съ, легонькіе порохечки, сказалъ онъ, подходя къ страдающей: когда принесутъ, сдѣлайте одолженіе принимайте черезъ часъ; а я сейчасъ возвращусь.

— Куда вы? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ....

— Миѣ нужно навѣстить одну опасно больную.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Сядьте!... Понуда я приѣду въ себя.... Здѣсь.... нѣтъ человѣка, который бы позаботился обо мнѣ.... Все думаютъ только о самихъ себѣ, да о своемъ спокойствіи. Я хоть умирай!

— Не разстройвайте себя такими мыслями.... началъ было увѣщавать Иванъ Даниловичъ.

— Не разстройвайте!... По неволѣ разстройшья!... Никто не хочетъ принять участія!...

— Помните, возможное ли это дѣло.... какъ не принимать участія....

— Ахъ, не говорите, пожалуйста!... Женщина несчастное созданіе! на ея долю только страданія да болѣзни.... и больше ничего! Мужчина свободенъ, мужчина что хочетъ дѣлаетъ, никому не даетъ отчету, живетъ, да наслаждается жизнью.... а женщина, я, наиримѣръ, что я такое? прикованная невольница.... поить, кормить.... и будь довольна, считай это счастіемъ!

— Помните, зачѣмъ же такъ думать.

— А какъ же по вашему думать?

— У мужчины свои обязанности; служба, отвѣтственность....

— Служба! Ахъ какая трудная вещь!

— Помните-съ, началъ было Иванъ Даниловичъ.

— Да нѣтъ, полноте, не противорѣчьте мнѣ! Я не могу переносить пустыхъ противорѣчій!... Ахъ, Господи, какая боль!... За лекарствомъ цѣлый день проходятъ! И приказать некому, чтобы прибавили шагъ!... Только учебный шагъ и въ головѣ!...

Иванъ Даниловичъ закусмилъ языкъ и молчалъ. И отъ нетерпѣнія скорѣе отдѣлаться отъ полковницы, думалъ: Господи, что не несуть такъ долго лекарство!

Но вотъ принесли. Онъ схватилъ порошокъ, всыпалъ въ рюмку воды, размѣшалъ.

— Не угодно ли выкушать?

— Ахъ, терпѣть не могу лекарства! проговорила полковница,

приподымая голову.... Фу! какая гадость!... я этого не могу принимать!... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Подите вы прочь съ этимъ!... тошно!... Дайте скорѣй воды!... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Никакого нѣтъ участія къ человѣку!...

— Вотъ, поди, лечи фундаментально! говорилъ самъ себѣ Иванъ Даниловичъ, стоя подлѣ полковницы и не зная, что говорить, что дѣлать. Такъ позвольте, я принесу капельки, проговорилъ онъ наконецъ.

— Тѣ, горькія-то?

— Нѣтъ-съ, я пропишу сладенькія, въ родѣ сиропцу.

— Сладкое лекарство, фу!... Служать, такъ тошно!...

— Такъ какое-нибудь наружное средство!...

— Катаплазмы, нѣтъ пожалуйста избавьте отъ нихъ!

— Нѣтъ, просто можно!... припарки!... согрѣть полотенце.

— Ну, хорошо.

— Слава тебѣ Господи! подумалъ Иванъ Даниловичъ.

Онъ думалъ этимъ отдѣлаться. Но припарки то горячи, то холодны; вотъ и сиди, слушай докучную сказку, да пригоняй теплоту.

Терпѣніе Ивана Даниловича лопнуло. Ой-ой-ой! подумалъ онъ, повадетъ такая жена! нѣтъ! Избави Богъ, не женюсь!

И съ этой мыслью вдругъ исчезла въ немъ сила тяжести и ему стало легко. Невидимая нить, которою тянуло его къ большой Машенькѣ, какъ-будто порвалась, онъ вздыхалъ, зѣвалъ, но по обычаю терпѣливо уже сидѣлъ, какъ сестра милосердія у причудливой полковницы.

Поздно уже его отпустили. Утомленный, онъ отправился домой. Только что онъ въ двери —

— Иванъ Даниловичъ, сказалъ ему Филатъ, отъ Волнныхъ разъ десять прислали, я все говорилъ, что полковница при смерти больна, такъ вамъ нельзя; такъ и барышня-то, говоритъ челоуѣкъ, умираетъ.

— Нѣтъ, спасибо! Эти мнѣ умранья вотъ здѣсь сидятъ.

И Иванъ Даниловичъ показалъ на затылокъ.

— Ну, какъ изволите, въ самомъ дѣлѣ не растянуться: отъ полковницы то вы всегда приходите словно въ мылѣ. Жаль только эту барышню-то, говорятъ, что такая ангельская душа... да что жъ дѣлать: на то воля Божья. Умереть такъ умереть.

— Постой!... сказалъ Иванъ Даниловичъ Филату, который уже насилу стянулъ съ него одишь, точно смоченный водою рукавъ мундира, — постой!... я пойду.

— Да вы хоть бы отдохнул сперва.

— Нѣтъ, пойду.

— Эге, вотъ онъ стучитъ опять.

— Скажи, что я сейчасъ прійду.

И Иванъ Даниловичъ натянулъ снова рукавъ, схватилъ шляпу и бросился въ двери.

— Батюшка, сударь, пожалуйста.... началъ было умоляющимъ голосомъ присланный челоуѣкъ.

— Иду, иду, любезный!

Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Даниловичъ утиралъ уже лице платкомъ, входя въ покой, гдѣ лежала Машенька.

— Иванъ Даниловичъ! прошептала мать, встрѣтивъ его, умерла было безъ васъ.

Иванъ Даниловичъ подошелъ къ больной, взялъ ее за руку и всѣ жилки забились въ немъ, когда она вздохнула, очулась и взглянула на него.

— Чтѣ вы чувствуете? спросилъ онъ.

— Ахъ.... теперъ ничего, произнесла тихимъ чуднымъ голосомъ Машенька.

— Не противно ли вамъ лекарство, я пропишу другое?... сказалъ Иванъ Даниловичъ, напуганный неугодой вкусу полковницы.

— Ахъ нѣтъ, оно такое пріятное, отвѣчала Машенька, не сводя томнаго взора съ Ивана Даниловича, какъ приму, такъ и лучше мнѣ....

У Ивана Даниловича забилося сердце: въ Машенькѣ встрѣтилъ онъ перваго пациента, которому угодилъ вкусомъ лекарства. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ медку видѣть какъ морщатся, да еще и плюютъ на подносимую чашу здравія. Въ словахъ: лекарство пріятно, по душѣ, заключалось торжество Ивана Даниловича, его профессіи и всей науки.

— Ангелъ! произнесъ онъ невольно, про себя: но извѣстно, что при напряженіи нервовъ чувства ужасно чутки; Машенька слышала, что онъ сказалъ, взглянувъ на нее съ умилениемъ сердца.

И вотъ Иванъ Даниловичъ почти не отходитъ отъ ложа Машеньки. Ей все лучше и лучше; ей только дурно тогда, когда долго задерживаетъ его у себя полковница.

— Ахъ, какъ васъ долго не было, говоритъ она ему, я было безъ васъ умерла.

Въ самомъ дѣлѣ болѣзнь Машеньки была особеннаго роду:

рѣдкому медикъ случается понимать ее. Каждый сталъ бы печатать лекарствомъ, но Иванъ Даниловичъ понялъ, что болѣзнь ея есть именно та болѣзнь, которую изъ пассивной должно обращать въ хроническую, и постоянно, неутомимо, неотлагаемо, наблюдать за нею.

Эта болѣзнь по глазамъ виднѣе всего. Иванъ Даниловичъ и не сводилъ своихъ глазъ съ глазъ Машенькиныхъ. Ей какъ-будто самой хотѣлось, чтобъ онъ проникъ по глазамъ въ глубину ея души и понялъ, чѣмъ она страдаетъ. Взаимное строгое молчаніе и взаимная неподвижность были бы непрерывны, еслибъ никто не мѣшалъ своимъ присутствіемъ, участіемъ и бесѣдою не кстати. Иногда только и Иванъ Даниловичъ и Машенька глубокимъ вздохомъ переводили духъ.

Право свидѣть въ этомъ положеніи по цѣлымъ днямъ казалось Ивану Даниловичу такимъ правомъ, котораго ни одна профессія, кромѣ профессіи мужа не можетъ доставить.

Онъ благословилъ уже медицину, что она доставила душѣ его блаженство постигать болѣзнь Машеньки. Вдругъ приказъ: имѣть такой-то полкъ выступить немедленно въ походъ. Это просто ужасъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Иванъ Даниловичъ пришелъ, какъ убитый, ни слова не говорить.

Машенька, взглянувъ на него, затрепетала.

— Чтò съ вами, Иванъ Даниловичъ? спросила мать ея.

— Полкъ идетъ въ походъ.... Завтра выступать, проговорилъ онъ.

— Машенька вскрикнула и обмерла.

— Машенька! вскричала и мать, бросаюсь къ ней.

— Марья Ивановна! проговорилъ и Иванъ Даниловичъ: о, Господи! скорѣй.... Чего бы? Что тутъ есть?... Ахъ, она умираетъ!

И онъ схватилъ ея руку, сталъ на колѣни и голова его, какъ срубленная, упала на руку Машеньки.

Вошелъ отецъ: Что такое? Вбѣжала няня, сплеснула руками и обѣмѣла.

— Машенька! вскрикнула снова мать.

— Чтò такое, душа моя? что съ ней? проговорилъ отецъ.

— Матушка, голубушка ты моя! завопила няня, бросаюсь на постелью къ ногамъ Машеньки.

Но вотъ она стала приходить въ себя.

— Спирту!... воды! проговорилъ ошпылымъ голосомъ Иванъ Даниловичъ.... выпейте, Марья Ивановна.

— Не хочу! Я умру! проговорила измолкшимъ голосомъ больная.

— Иванъ Даниловичъ, помогите! вскричала мать, схвативъ его за руки.

— Чтò я теперь сдѣлаю! Завтра походъ! проговорилъ Иванъ Даниловичъ.

Машенька вдругъ тяжело задышала, спазматическое рыданіе стѣснило ей грудь, слезы катились градомъ.

— Иванъ Даниловичъ, чтò мы будемъ дѣлать, какъ вы уйдете? сказала, залившись слезами и мать.

— Я не поѣду! я хоть въ отставку! Миѣ нельзя оставить Марьи Ивановны, отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ, не помня себя.

— Марья Ивановна, выпейте воды.

— Ахъ, дайте! произнесла оца....

Хлѣбнувъ воды, она схватила руку Ивана Даниловича и всхлипывая отъ волненія въ груди, проговорила: не уѣзжайте, я умру безъ васъ.

— Не уѣзжайте, Иванъ Даниловичъ, повторила и мать.

Отецъ, стоявшій, повѣся голову, подлѣ кровати, какъ будто очнулся; заложивъ руки назадъ и задумавшись, онъ прошелся по комнатѣ.

— Глупо выходить въ отставку, сказалъ онъ самъ себѣ. Послушай, душа моя, продолжалъ онъ, позвавъ жену, ну, какимъ образомъ Иванъ Даниловичъ выйдетъ для насъ въ отставку?... Онъ по добротѣ пожалуй на все готовъ, да чѣмъ же мы заплатимъ?

— Ахъ, мои батюшки, да чтò жъ дѣлать-то? уморить Машу? Онъ самъ видитъ, что нельзя ее оставить такъ.

— Да чѣмъ же мы заплатимъ-то за это?

— Чѣмъ? Ужъ онъ будто такой человѣкъ, что будетъ съ насъ требовать платы.

— Хмъ! Изъ какихъ же доходовъ онъ броситъ службу?

— Изъ какихъ!.... Охъ ужъ не люблю, какъ такія вещи говорить!.... Да и дотога ли теперь; дочь умираетъ, а онъ думаетъ чѣмъ расплачиваться съ докторомъ! Право!

— Охъ, вы!

Машенька поуспокоилась. Но отецъ ея всё-еще продолжалъ безпокойно ходить по комнатѣ. Онъ вызвалъ потихоньку Ивана Даниловича и откашлянувшись, сказалъ ему:

— Иванъ Даниловичъ, я вамъ признательно, впередъ долженъ сказать, что миѣ не чѣмъ платить за заботы ваши о Машѣ.... Вы же сказали, что готовы и службу оставить, лишь бы не оставить ея безъ помощи....

— Нельзя оставить ее въ такомъ положеніи, сказалъ смущенный Иванъ Даниловичъ.

— Чѣмъ же мы заплатимъ вамъ за такую жертву?

— Мнѣ ничего не надо.

— Ну, мое дѣло было сказать.

На другой день полкъ выступилъ; а Иванъ Даниловичъ взялъ на двѣ недѣли отпускъ.

Онъ спокоенъ и Машенька спокойна, встаетъ уже съ постели весела; но время отпуска прошло. Иванъ Даниловичъ задумался.

Машенька что-то опять припала.

Несмотря на материнскую прозорливость, мать ея нисколько не понимала ея болѣзни. Она думала, что, слава Богу, Машенькѣ гораздо лучше и Иванъ Даниловичъ можетъ уже отправиться, но отецъ, спроста, понялъ въ чемъ дѣло.

— Иванъ Даниловичъ, сказалъ онъ ему: вы подняли Машу изъ гроба.... а мы вамъ обязаны по гробъ.... чѣмъ заплатить вамъ за добро!... Маша у насъ одно богатство.... берите хоть ее, если по сердцу.

У Ивана Даниловича слезы выступили изъ глазъ, отъ радости онъ бросился на шею къ отцу.

Въ это время вошла мать Машеньки.

— Душа моя, я говорилъ тебѣ, что съ Иваномъ Даниловичемъ придется расплачиваться за вылечку Машин.... онъ проситъ много.... словомъ, все, что у насъ есть за душой.

Она испугалась.

— Иванъ Даниловичъ, проговорила она.... вы знаете, что Мы не имѣемъ состоянія, рады отдать вамъ все, да вѣдь у насъ дочь невѣста....

— Вотъ то-то и есть, что дочь и невѣста, сказалъ отецъ.

— Такъ вы самъ подумайте....

— Онъ ужъ думалъ объ этомъ.

— Что думалъ?

Иванъ Даниловичъ, смущенный, безгласный, бросился къ рукѣ.

— Осчастливьте!

— Господи!

И такъ далѣе. Машенька вспрыгнула отъ радости три раза: на шею отца, на шею матери и на шею Ивана Даниловича. Девяцникъ Филатъ надулся: онъ думалъ, что вотъ тебѣ разъ! Пойдетъ хозяйство! Да какова-то еще!

V.

Женитьба—прекрасная вещь: спросите у всѣхъ, которые женились и вышли замужъ по душѣ и живутъ-себѣ припѣваючи въ любви и согласіи. Но это, говорятъ, просто счастье: чужая душа, говорятъ, потемки. Ну, засвѣтите фонарь: друга и посреди бѣлаго дня надо искать со свѣчой.

Иванъ Даниловичъ женился. Марья Ивановна, несмотря на страшное впечатлѣніе, которое производила на нее шпага, висѣвшая у боку его, вышла за него замужъ съ условіемъ, чтобы онъ никогда не обнажалъ этого убійственнаго орудія и не ходилъ на войну.

— Помилуй Машенька, чего ты боишься! говорилъ ей Иванъ Даниловичъ: вѣдь это больше ничего, какъ оффиція.

— Ну, ну, ну, оффиція! Богъ съ ней! Поставьте ее въ уголъ, Иванъ Даниловичъ, я боюсь ея.

— Эхъ, сударыня, барынька, вотъ этимъ только вы и изволите быть не хороши, что шпагу не любите, замѣтилъ Филать, который всегда вмѣшивался въ бесѣду молодыхъ супруговъ: сами вы посудите, какъ же барыню быть безъ шпаги?.... Не приходится, сударыня: вѣдь онъ не арестованной..... Видите ли что...

— Ну, разговорился, ступай-себѣ! прервалъ его Иванъ Даниловичъ, который однако же привыкъ къ радушной безцеремонности Филата.

— А вотъ какъ пошлете за чѣмъ, такъ и пойду. Чтò жъ мнѣ такъ-то ходить, отвѣчалъ Филать: на кухнѣ у меня все въ исправности; тамъ я самъ за собой хожу; а вотъ здѣсь барынька-то еще порядковъ не знаетъ, такъ и надо присмотрѣть, не равно что спросите.

Ивану Даниловичу надоѣдаетъ присутствіе Филата, а Марья Ивановна рада ему; ей все кажется какъ-будто опасно оставаться одной съ мужчиной.

— Не гоните его, Иванъ Даниловичъ, спрашиваетъ она, когда Иванъ Даниловичъ скажетъ: ну, ступай, ступай-себѣ!

Женившись и отправляясь на новоселье полка, Ивану Даниловичу неудобно было взять съ собою женскую прислугу, и потому рѣшили до пріѣзда на мѣсто обойтись безъ нея.

— Да и затѣмъ, говорилъ Иванъ Даниловичъ: у меня Филать и кухарка и прачка; вотъ только развѣ дѣвка будетъ нужна одѣвать Машеньку.

— Вотъ какіе пустяки! возражала Машенька: какъ-будто я са-на не могу одѣться!

— Она у меня съ малолѣтства такъ приучена, что уходовъ большихъ за ней не нужно, прибавляла мать.

Такимъ образомъ молодые супруги и отправились въ полкъ, въ сопровожденіи только одного Филата, а *Филатъ тому и радъ*; потому что онъ уже начиналъ горевать и задумывать: ужъ какъ заведутся гдѣ, думалъ онъ, бабы, такъ тамъ порядка не ожидай!.... Это ужъ такая порода. Удостоверившись, что всѣ должности остаются при немъ, да еще сверхъ должностей кухарки и прачки возлагается и должность горничной, Филатъ ожилъ.

— Да что они думаютъ, бормоталъ онъ подь носъ: великъ трудъ прислужить барыни? Подать умыться, или на шею платочекъ-то подать? Подико-сь! Нѣтъ ужъ сударыня-барынька, вы не извольте насчетъ меня беспокоиться; я видѣлъ всю прислугу-то дѣвичью; вотъ только развѣ мавишечекъ не разглажу.... Не разглажу, такъ выкатаю, такъ еще и лучше будетъ, ей Богу, сударыня.

— Мавишечку я сама разглажу, говорила Марья Ивановна.

— Такъ вотъ оно и все. А вотъ чтò я скажу вамъ по долгу обязанности. У барина-то теперь вы будете справлять, чтò и справлялъ; примѣрно: чай разливать, вы, сударыня-барынька, взяли на свою отвѣтственность, а не знаете еще какъ распорядиться. Давича изволили налить и барину въ чашку; онъ и нилъ ни слова не сказалъ вамъ, вѣрно посоветился сказать на первыхъ порахъ, что онъ терпѣть не можетъ пить въ чашкѣ. Такъ ужъ вы извольте ему въ стаканъ наливать. Да и сливокъ-то простыхъ онъ не любитъ, а вы налили ему.

— Ахъ, Боже мой, вскричала Марья Ивановна: чтò ты мнѣ давеча не сказалъ?

— Думалъ, что самъ баринъ скажетъ, а онъ, вѣрно, посоветился.... Да еще, вотъ давеча, я побѣжалъ за щеткой, а вы подали барину сами мундиръ; а порядку-то не знаете, мундиръ-то онъ надѣлъ, а портуцею-то вы не подали. Вотъ я и отвѣчай; сами слышали, какъ онъ прикрикнулъ: чтò жъ ты, говорить, шнагу подаешь, а портуцей-то гдѣ? а?

— Ахъ, Боже мой, я, право, этого не знала.

— Тò-то же, сударыня-барынька. Такъ вы не извольте не за свое дѣло браться; а я ужъ свое знаю: слава Богу, не кака-нибудь служанка—орѣшки на умѣ.

Такимъ образомъ Филатъ училъ свою барыньку порядкамъ въ

домъ и былъ такъ неправиленъ и по части горничной, что не только Иванъ Даниловичъ, но и Марья Ивановна, прѣхавъ на мѣсто, забыли о женской прислугѣ: ни малѣйшей необходимости.

Такъ прошелъ годъ. Ивану Даниловичу Богъ далъ наследника. Вы подумаете можетъ-быть, что прислуга неизбежно увеличилась? Что завелся на квартирѣ Ивана Даниловича — няньки и кормилицы? Ни мало! этихъ должностей Марья Ивановна не уступала сама никому. Она довольствовалась только помощью Ивана Даниловича и Филата. Честолюбіе и способность Филата распространялись и на обязанность няньки.

— Экой трудъ, говорилъ онъ, нянчиться съ ребенкомъ; да еще какъ весело-то: агу! Васенька!.... вишь какого славнаго молодца далъ намъ Богъ!.... Пеленочка-то, сударыня-барынька, немножко мокренька, надо посушить, позвольте-ко я сбѣгаю посушу передъ печкой.

— Нѣтъ, лучше чистую; посмотри-ко, чтобъ не упалъ!

— Не беспокойтесь ужъ, Васенька! агу!.... Право, спать-то ему не хочется..... не сварить ли кашки?....

На другой годъ Ивану Даниловичу Богъ далъ дочку. Васенька поступалъ на полное попеченіе Филата. Филатъ и на базаръ сбѣгай, и сварь, и подай, и вычисти, и вымой, и убаюкай Васеньку, и накорми его кашкой, и поняньчи его, и вездѣ Филатъ, и на все ему время: Васенька, какъ-будто по шучьему велѣнью спитъ-себѣ крѣпко, покуда Филатъ сбѣгаетъ за провизіей, пока исправляетъ прочія должности.

Иванъ Даниловичъ Увалень, просто блаженъ и женой и дѣнщикомъ. Прійдетъ отъ должности, жена бѣжитъ на встрѣчу съ Лизанькой.

— На-ко поиграй этой игрушечкой.

— Нѣтъ ужъ, извините, мой то Васенька получше, говоритъ Филатъ, сидя на разостланномъ коврѣ подлѣ Васеньки. Извольте-ко посмотрѣть, какъ мы будемъ маршировать, да выиндывать темпъ.

И онъ возьметъ красное деревянное ружьецо, начнетъ выиндывать темпъ; Васенька, подражая ему взмахнетъ рученками и заляется смѣхомъ.

— Ну-ко, ну, самъ.

И Филатъ дастъ Васенькѣ въ руки ружье; Васенька схватитъ — хлопъ по головѣ учителя и снова захохочетъ.

— Молодецъ!.... Славно!.... Извольте-ко, Иванъ Даниловичъ, посмотрѣть за нимъ, а я подамъ кушать.

Еще не съ большимъ черезъ годъ, въ команду Филата посту-пила и Лизанька. Иванъ Даниловичъ на службѣ, Марья Иванов-на кормить, нянчить и убаюкиваетъ Леночку; Филатъ обло-жить Васеньку на коврѣ подушками и игрушками, дать въ ру-ки морковку, а самъ укачиваетъ на рукахъ Лизаньку. Тольно-что она уснула, онъ ее въ люльку, да и маршъ.

— Извольте, сударыня-барынька, смотреть, чтобъ не убился Васенька, а я сбѣгаю за моломомъ.

И сбѣгаетъ.

Проходить еще годъ, семья Ивана Даниловича увеличивается, то же самое жалованье растягивается на всѣ потребности; все надо прикрыть; а между-тѣмъ, то тамъ, то сямъ голо. Но что жъ дѣлать!

Къ-счастію или къ-несчастію Ивана Даниловича, или ни ктому, ни къ другому, полкъ былъ переведенъ на новыя временныя квар-тиры. Подъ штабъ назначено было село Притычино. Иванъ Да-ниловичъ съ семействомъ своимъ также прибылъ въ село При-тычино и вскорѣ заболѣлъ-было горячкою. Полкъ отправился въ походъ, а онъ остался на нѣсколько дней на мѣстѣ, чтобъ собраться съ силами.

Въ это-то время прибылъ въ свое имѣніе Чаровъ. Такъ какъ это событіе нисколько, казалось бы, не касалось до Ивана Дани-ловича, то онъ, поднявшись на ноги, тотчасъ же сказалъ Марьѣ Ивановнѣ.

— Поѣдемъ, душа моя, пора!

Марья Ивановна убѣдительно просила подождать денька два-три, покуда посаженная ею курица на яйцы высидеть цыплятъ; Иванъ Даниловичъ согласился.

— Эхъ, сударыня-барынька, болтуны будутъ, а не цыплята: и высидѣтъ-то не сидится что-то на мѣстѣ, сказалъ Филатъ, какъ-будто по знамену-то предчувствію.

Прошли три дня. Оказалось, что Филатъ правъ, вышли бол-туны.

— Ну! ѣдемъ, Господи благослови! сказалъ Иванъ Даниловичъ, усаживая жену и дѣтей въ бричку.

Да ужъ поздно.

Только-что Филатъ уѣхалъ на козлы, а Иванъ Даниловичъ занесъ ногу на подножку брички, вдругъ бѣжитъ дворовый че-ловѣкъ, сломя голову.

— Стой! стой!

— Чтѣ такое?

— Сдѣлайте милость, сударь, пожалуйте въ домъ. Баринъ приказалъ просить васъ Христомъ Богомъ: госпожа заболѣла.

— Да, братецъ.... видишь.... сказалъ Иванъ Даниловичъ.

— Сдѣлайте милость, хоть на минутку! Ужъ тамъ не моя будетъ вина, какъ вы сами откажетесь.

— Ахъ, ты, Господи! проговорилъ Иванъ Даниловичъ съ досадой.

— Чтò жъ дѣлать, душа моя! сказала Марья Ивановна: нельзя, же, люди помощи просятъ.

— Ужъ конечно, пробормоталъ съ досадой и Филать, какъ поймали за хвостъ, такъ не уйдешь!

— Ну, нечего дѣлать, схожу на минуту, сказалъ Иванъ Даниловичъ.

На встрѣчу ему другой посланецъ, третій, наконецъ самъ Чаровъ.

— Сдѣлайте одолженіе, помогите женѣ моей, сказалъ онъ взявъ руку Ивана Даниловича и ведя его въ покой, гдѣ Саломея лежала въ постелѣ и стонала.

— Ernestine!.... вотъ докторъ.

— Иванъ Даниловичъ посмотрѣлъ на нее, взялъ руку, считаетъ бѣшеніе пульса, качнулъ головой.

Чаровъ испугался.

— Пустяки! думаетъ Иванъ Даниловичъ.

— Сдѣлайте милость, помогите, я вамъ буду благодаренъ по гробъ.

— Я принесу лекарства изъ своей аптечки, это ничего, пройдетъ, сказалъ Иванъ Даниловичъ.

Нечего дѣлать, надо было вытаскивать изъ брѣвчѣкѣ чемоданъ, изъ чемодана аптечку, изъ аптечки пузырекъ.

— Подожди, душа моя, я сей часъ.... сказалъ Иванъ Даниловичъ женѣ; между тѣмъ уложите опять все въ брѣвчѣкѣ.

— Да, сейчасъ! сказалъ Филать: чтò у барыни-то вѣрно спазмы?

— Спазмы.

— Ну, будетъ такой же часъ, какъ у полковницы.

Филать отгадалъ. Капли поуспокоили чуть-чуть Саломею; но Чаровъ рѣшительно сказалъ Ивану Даниловичу, что онъ его не пуститъ, покуда жена его не почувствуетъ себя вполне здоровою, и тутъ, что называется, съ *оника* далъ ему сто рублей серебромъ. Иванъ Даниловичъ не изъ денегъ, но по добротѣ сердца и по усиленной просьбѣ далъ слово остаться еще на день,

увѣряя, что *это пройдетъ само-собою*. Но когда Иванъ Даниловичъ возвратился на квартиру, объявилъ женѣ, что остается до завтра, вынулъ изъ кармана ассигнацію и развернулъ — Машенька ахнула, а онъ остолбенѣлъ.

Деньги... но кто не знаетъ, что только дай деньги въ руку, воображеніе тотчасъ же начинаетъ писать бюджетъ необходимыхъ расходовъ, и такъ займется этимъ дѣломъ, что все забыто.

Филать повѣсилъ голову.

— Чтò жь, сударь, кушать, чтò ли готовить? спросилъ онъ Ивана Даниловича, поутру, когда тотъ торопился навѣстить больницу.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы поѣдемъ сейчасъ же! отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ, уходя.

— Да! поѣдемъ! Барынькѣ-то голодомъ просидѣть покуда поѣдемъ.

И онъ началъ готовить супъ, изъ той самой курицы, которая высидѣла болтуновъ.

— Чтò, какъ чувствуетъ себя ваша супруга?

— Не совсѣмъ еще.... вотъ не угодно ли войти.

— Чтò, сударыня?

— Скажите ему, что спазмы утихли.... но вотъ здѣсь болитъ, отвѣчала Саломея по-французски, указывая на бокъ.... И голова очень дурна.

— Хмъ! придется составить микстурку.... подумалъ Иванъ Даниловичъ. Я пришлю вамъ микстурку, такъ извольте давать черезъ часъ по ложкѣ, и все пройдетъ; а ужъ меня извините, мнѣ сѣ Богу надо ѣхать.

— Нѣтъ, какъ вамъ угодно, я васъ убѣдительно прошу пожертвовать мнѣ нѣсколькими днями, сказалъ Чаровъ.

— Онъ хочетъ ѣхать? спросила Саломея, пожалуйста же отпущай, я здѣсь умру безъ помощи.... Я чувствую страшное ослабленіе.

— Я ни за чтò не пушу его, отвѣчалъ Чаровъ, и уговорилъ Ивана Даниловича остаться еще на день, потомъ еще на день.

— Да помиуйте, я не могу, сказалъ наконецъ рѣшительно Иванъ Даниловичъ, я служу, остался здѣсь безъ отпуса, мнѣ надо непременно ѣхать.

— Скаатина! сказалъ по привычкѣ Чаровъ, но про себя. Послушайте, Иванъ Даниловичъ, угодно вамъ будетъ принять мое предложеніе?

— Какое?

— Быть медикомъ при мѣнхъ имѣннѣяхъ, съ двумя тысячами рублей жалованья. Квартира здѣсь въ домѣ, во флигелѣ, экипажъ, прислуга, провизія и, наконецъ, все, что вамъ угодно?

Иванъ Даниловичъ задрожалъ отъ неожиданнаго счастья. Прослуживъ опредѣленный срокъ въ полку, онъ давно уже разсуждалъ съ женой о затрудненіяхъ походной жизни съ семействомъ и желалъ получить какое-нибудь осѣдлое мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ.

— Я поговорю съ женой, сказалъ онъ Чарову, и тотчасъ же побѣжалъ на квартиру, и вмѣсто всѣхъ разговоровъ и совѣщаній, крикнулъ: Маша! Я выхожу въ отставку.

Марья Ивановна поблѣднѣла, не понимая, что это значить.

— Поздравь, душа моя, и меня и себя: двѣ тысячи рублей жалованья, квартира, прислуга, экипажъ, провизія!....

Марья Ивановна всплеснула руками отъ радости. Онъ разсказалъ ей о сдѣланномъ предложеніи, и тутъ же вмѣстѣ сочинили они счастливую свою будущность; рѣшили и Иванъ Даниловичъ пошелъ въ домъ, объявилъ Чарову, что онъ согласенъ и тотчасъ же подастъ въ отставку.

— Очень радъ, сказалъ Чаровъ.

Филать, готовя кушанье въ задней избѣ, ничего не зналъ и не вѣдалъ объ этомъ рѣшеніи.

— Филать! Филать! закричала Марья Ивановна, когда онъ пришелъ накрывать на столъ, знаешь ли что?

— Что, сударыня?

— Вѣдь мы остаемся здѣсь.

— Какъ?

— Иванъ Даниловичъ выходитъ въ отставку.

— Владыко ты мой, Царь небесный! что это онъ вздумалъ?

— Да какъ же, продолжала Марья Ивановна, онъ будетъ медикомъ при этомъ имѣннѣ, будетъ получать двѣ тысячи въ годъ жалованья, квартиру, экипажъ, прислугу....

— Ооо! Господи ты мой! завопилъ Филать, хлопнувъ тарелку объ землю.

— Что это ты Филать, Богъ съ тобой! вскрикнула Марья Ивановна, вздрогнувъ, ты испугалъ Леночку.

— Ничего, отвѣчалъ Филать, выходя изъ комнаты.

Вышелъ онъ, остановился посреди двора и зарыдалъ. Это были первыя слезы Филата послѣ того, какъ ему забрили лобъ. Солдатская душа даромъ не плачетъ.

Выплакался, постоялъ на мѣстѣ, задумавшись, вздохнулъ, по-

шелъ, споткнулся на камень.... Пьфу!.... да какъ схватить его, хлопъ объ стѣну....

— Собака проклятая!

Снова вздохнулъ и побрелъ на кухню. Но тутъ словно какъ запретили ему заботиться обо всемъ, словно какъ не его ужъ дѣло быть *кухмистеромъ*, чумичкой, прачкой, слугой. Постоаялъ, постоялъ: пошелъ къ воротамъ, сѣлъ на завалинку.

Вотъ Иванъ Даниловичъ торопится что-то домой.

Филать и не думаетъ вставать передъ нимъ.

— Филать! кричить издали Иванъ Даниловичъ.

Филать не отвѣчаетъ.

— Филать! повторяетъ Иванъ Даниловичъ, озабоченный какимъ-то душевнымъ довольствіемъ, собирай сей часъ все, да переносить въ домъ.... тамъ покажутъ тебѣ комнаты....

— А обѣдать-то когда? спросилъ Филать, вставая.

— Не нужно, тамъ будетъ у насъ и столъ поварской.

— Иванъ Даниловичъ! протворилъ Филать упрекающимъ голосомъ и качая головой.

— Ну?

— Иванъ Даниловичъ! Богъ съ вами! Чтò вы дѣлаете?

Какъ ни крѣпился Филать, а слезы брызнули, и онъ, закрывъ лице руками, зарыдалъ.

Иванъ Даниловичъ, какъ будто вдругъ очнулся отъ очарованія, понявъ упрекъ, остановился, смотритъ на Филата, задумался.

— Иванъ Даниловичъ! началъ снова Филать, кого вы это слушаетесь, сударь, такіа дѣла дѣлать!... Барыньки что ли послушались? Молода еще Марья-то Ивановна, совѣты вамъ давать выходить въ отставку.... На деньги польстались: жалованья стало мало.... Подяко-сь! много челоуѣку нужно: до сей поры жили же!.... а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего.... Ну, мало, возьмите и мое, какое ни на есть, все-таки дѣткамъ-то нашимъ на молочко, да на кашку достанетъ.... Съ меня и пайка довольно....

— Иванъ Даниловичъ! раздался изъ окна голосъ Марьи Ивановны.

Филать умолялъ. Иванъ Даниловичъ, повѣсивъ голову, вошелъ въ избу. Марья Ивановна сидѣла у окна и заливалась слезами.

— Машенька, душа моя, о чемъ ты плачешь? спросилъ Иванъ Даниловичъ, испугавшись.

Онъ привыкъ къ слезамъ полковницы, и всегда смотрѣлъ на

нихъ равнодушно, но слезы Марьи Ивановны, какъ-будто капнули ему на сердце.

— О чемъ ты плачешь, другъ мой? повторилъ онъ.

— Ни о чемъ, проговорила Марья Ивановна, и еще горчѣе заплакала слезами.

Не понимая причины, Иванъ Даниловичъ, насилу унялъ слезы ея.

— О чемъ же ты плакала?

— Мнѣ показалось, что вы передумали.... Филать вамъ, Богъ знаетъ, что наговорилъ....

— Помилуй, я буду слушать Филата! Вотъ тебѣ разъ!.... Что я Вася, что ли, которому онъ сказки рассказываетъ.... Филать! крикнулъ Иванъ Даниловичъ, укладывая! Да переносить все въ домъ!

— Да что, Иванъ Даниловичъ, я ужъ вамъ не слуга: я служилъ вамъ, покуда вы на царской службѣ были; а теперь у васъ тамъ чай есть цѣлая дворня....

— Какъ ты смѣешь грубиянить?

— Я не грубияню, а правду говорю.

Иванъ Даниловичъ вспыхнулъ гнѣвомъ и заходилъ по комнатѣ.

— Я сама уложу все, сказала Марья Ивановна, и бросилась все прибирать.

— Ужъ не извольте беспокоиться, сударыня, сказалъ Филать, не ваше дѣло.

Въ это время вошелъ человекъ, присланный отъ Чарова.

— Барыня приказала просить васъ поскорѣе къ себѣ, сказалъ онъ, а если что нужно переносить изъ поклажи, такъ я привелъ съ собой двухъ человекъ.

— Вотъ кстати, сказалъ Иванъ Даниловичъ, распорядись, душа моя, а я пойду.

— Хорошо, отвѣчала Марья Ивановна съ веселымъ взоромъ и велѣла было пришедшему человеку нести чемоданъ.

— Куда нести? крикнулъ Филать, нѣтъ ужъ я не дозволю чужому человеку дотронуться до господскаго: я за все отвѣчаю. Ступай братъ! на рукахъ-то тебѣ ничего не достанется нести: у насъ есть бричка. Всякое дѣло хозяйина знаетъ. Ступай!

— Какъ прикажете? спросилъ лакей у Марьи Ивановны, воображая, что Филать, вѣрно, пьянъ.

Затронутое самолюбіе взволновало ее, но боясь грубаго Филата, она проговорила: ступай! онъ самъ уложитъ и перевезетъ.

Ни слова не говоря, надутый, какъ мышь на крупу, Филать

вспомнилъ свое дѣло; уложилъ все въ бричку, запрегъ лошадей и донесъ Марьѣ Ивановнѣ, что все готово.

Перѣздъ былъ не далекъ. Флигель по ветхости неудобенъ былъ для жительства. Ивану Даниловичу съ семьей отвели двѣ комнаты въ домѣ; двѣ комнаты, проникнутыя насквозь тлѣніемъ; во потолокъ еще держался, стѣны стояли; обои прикрывали смертные недуги ихъ; по гипсу проросло грибамъ изъ-за подполья. Ихъ очистили, и комнаты, уставленныя прочной старинной мебелью, показались для Марьи Ивановны, послѣ черныхъ и душныхъ избъ, роскошью, какой лучше желать нельзя.

Для прислуги данъ былъ дворникъ и его единородная дочь Татьяна. О завтракѣ, обѣдѣ, ужинѣ, самоварѣ, нечего было беспокоиться: въ определенное время все это являлось, какъ въ волшебныхъ сказкахъ. Толстый буфетчикъ придетъ, молча раскинетъ скатерть, поставитъ приборы, принесетъ кушанье, доложитъ: готово кушать, самоваръ готовъ! и дай Богъ только хорошій аппетитъ.

Филату негдѣ уже приткнуться, не о чемъ похлопотать. Ходитъ, повѣся голову, посмотреть на все, да вздохнетъ. Ивану Даниловичу нѣкогда обращать на него вниманіе. Иванъ Даниловичъ написалъ уже прошеніе объ отставкѣ, по болѣзни, отослалъ съ нарочнымъ въ городъ на почту, и стережетъ здоровье Саломей, которая что-то расхворалась. Марья Ивановна и позабыла о Филатѣ. Она еще восхищается всѣми удобствами новой жизни.

Ходитъ Филатъ, какъ убитый; сначала звали его на кухню обѣдать; убирайтесь вы, съ вашимъ обѣдомъ! отвѣчалъ онъ. Оставался еще запасъ чернаго хлѣба, испеченнаго имъ для господъ и для себя. Отрѣжетъ ломтикъ, съестъ, запьетъ водицей и сядетъ на крылечкѣ, или пойдетъ къ воротамъ, какъ дождевая туча. Тамъ никто не видитъ, какъ онъ утираетъ слезы.

Пройдетъ мимо его Иванъ Даниловичъ, онъ встанетъ и стоитъ, повѣся голову, покуда онъ пройдетъ. Но что-то у него на душѣ, что-то онъ сказалъ бы ему, да языкъ не поворотится. Вотъ, вышелъ запасъ хлѣба, провіанту нѣтъ, не откуда получать; а просить куска хлѣба Филатъ не станетъ. Денегъ у него ни копейки.

Думаетъ Филатъ думу, и надумался. Вошелъ къ Ивану Даниловичу, который занятъ былъ составленіемъ лекарства.

— Иванъ Даниловичъ, сказалъ онъ тихо.

— Что тебѣ?

— Извольте ужъ отпустить меня въ полкъ, что мнѣ здѣсь дѣлать?....

И съ этими словами, Филать утеръ рукой слезу, выступившую изъ глазъ.

Иванъ Даниловичъ взглянулъ на него и хрустальная ступочка выпала у него изъ рукъ, разлетѣлась на двое; невольнымъ движеніемъ, столикъ, на которомъ онъ разложился съ своей аптечкой, грохнулся; стеклянки, пузырьки, разлетѣлись въ дребезги.

Марья Ивановна вскрикнула отъ испугу.

— Иванъ Даниловичъ, что вы надѣлали! вскричалъ и Филать, бросаясь подбирать все съ полу.

Иванъ Даниловичъ всплеснулъ руками и ошмѣлъ.

— Это все ты, проклятый! крикнулъ онъ наконецъ: пришеги тутъ толковать мнѣ подъ руку!

— Да, кто жъ какъ не я.... Я, Иванъ Даниловичъ!.... До-сей-поры служилъ вѣрой и правдой, худаго слова отъ васъ не слышалъ; а тутъ.... ну, да ужъ что говорить! Позвольте мнѣ идти въ полкъ.

— Ступай, убирайся!.... Вотъ тебѣ и все.... Что я теперь буду дѣлать безъ аптеки?.... Господи!....

— Такъ такъ-то, Иванъ Даниловичъ, на прощанье-то.... Богъ съ вами!.... Прощайте, Марья Ивановна.... Васенька!... И Филать зарыдалъ, выбѣжалъ вонъ, схватилъ свою амиуннцію, накинулъ сумку на плечи, перекрестился, и пошелъ.

Въ это самое время Саломея лежала на диванѣ и охала. Чаровъ ходилъ въ какомъ-то недобромъ духѣ по комнатѣ.

— Долго ль я буду ждать его? этого коновала!

— Послалъ, та сѣге.... Самъ пойду.

И Чаровъ, нахмуривъ брови и плюнувъ, такъ, чтобъ больная не слышала, пошелъ къ Ивану Даниловичу. Иванъ Даниловичъ сидѣлъ, повѣся голову, а Марья Ивановна, приклонивъ голову къ нему на плечо, утирала слезы. Перебитая въ дребезги аптечка стояла передъ ними на столикѣ, какъ ящикъ Пандоры, изъ котораго вышли все ихъ несчастія.

— Что жъ, Иванъ Даниловичъ, крикнулъ Чаровъ, входя, скоро ли вы?

Иванъ Даниловичъ и Марья Ивановна вздрогнули отъ неожиданнаго его появленія и строгаго голоса.

— Бѣда случилась, проговорилъ робко Иванъ Даниловичъ, вставая со стула.

— Что такое?

— Вотъ.... разбилась..... отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ, приподнявша съ полу отбитое горлышко пузырярка.

— Что жъ вы будете дѣлать теперь? лечить безъ лекарства?

— Я напишу рецептъ.... можно послать въ аптеку. ..

— Въ какую аптеку? въ городъ: почти сорокъ верстъ? Черезъ часъ понадобится новое лекарство—опять посылай? Десять разъ на день будете перемѣнять лекарство и все посылай?

— Что жъ дѣлать.... свойство болѣзни такое...

— Скажите пожалуйста! Больной виноватъ, что вы не отыщите въ своей медицинѣ чѣмъ его вылечить! ..

— Нѣтъ-съ. это не то.... Еслибы собственно болѣзнь.... такъ на болѣзнь есть лекарство.... началъ было Иванъ Даниловичъ, но доброе сердце его и робость не договорили правды.

— Позвольте, сказалъ онъ, я самъ съѣзжу въ городъ, пополню аптечку.... поутру я возвращусь....

— Уродъ! проговорилъ Чаровъ про себя, извольте вхвать! да ирошу васъ скорѣй!...

Приказавъ запретъ немедленно же тройку въ повозку, Чаровъ, задумавшись и въ тревожномъ духѣ, самъ отправился на конюшню, простоялъ безмолвно покуда запрягали лошадей, потомъ началъ ходить по двору; казалось, что онъ боялся войти къ Саломей до возвращенія доктора изъ города.

— Охъ ужъ мнѣ эти болѣзни! проговорилъ онъ наконецъ, направивъ стопы къ дому: оханья, стопы, жалобы.... уродъ! говорить, что это не болѣзнь!.... Здоровая скаатина! По немъ всѣ притворяются страждущими, выдумываютъ разныя боли, чтобъ только имѣть удовольствіе пить его поганое лекарство!.... Какая скука!.... Фу! чортъ! Навязалъ на шею тоску!....

Между тѣмъ Саломея очень граціозно лежала на диванѣ. Когда Чаровъ вышелъ торопить доктора, боли какъ-будто утихли въ ней; она о чемъ-то задумалась.

Сильное впечатлѣніе боязни быть узнанной матерью и въ то же время возгорѣвшаяся страсть къ Георгію, который такъ хорошо, такъ вполне созрѣлъ для любви, подѣйствовали болѣзненно на Саломею. Пріѣхавъ въ Притычино съ Чаровымъ и рѣшаясь на полную роль мадамъ де-Мильвуа, Саломея не могла покорить въ себѣ тяжкихъ впечатлѣній собственной судьбы. Нервы ея были потрясены, дряхлый домъ и мрачныя комнаты, наводящія уныніе и думу о невозвратномъ прошедшемъ, о бренности настоящаго и неизвѣстности будущаго, развили въ ней страхъ

и отвращеніе ко всему. Присутствіе Чарова ей было тягостно; ласкъ его она не могла переносить; рѣшительность упрочить судьбу свою въ лицѣ мадамъ де-Мильвуа, исчезла. И вотъ къ разстроенному духу присоединилось притворное страданіе то головной болью, то внутреннимъ жаромъ, то разстройствомъ желудка. Притворство входитъ въ привычку, мнимая болѣзнь обращается въ настоящую: воображаемую бѣду можно накликать; и все это обращается въ боязнь за себя, а медицина за все отвѣчай. Въ этомъ положеніи была Саломея по пріѣздѣ въ Притычно. Желая возстановить въ себѣ духъ, она потребовала доктора. Докторъ на бѣду его нашелся родъ руками. Назначилъ діету, далъ лекарства. А лекарства, говорятъ, изъ притворной болѣзни рѣшительно рождаютъ настоящую, или по крайней-мѣрѣ по системѣ Ганемана, всѣ признаки. Саломея больна, имѣетъ уже все право жаловаться на болѣзнь. Но она чувствуетъ, что отъ лекарства Ивана Даниловича, все хуже и хуже.

Когда слышались шаги Чарова, который, не зная какъ сказать ей о несчастіи, постигшемъ аптечку Ивана Даниловича, шелъ медленно, придумывая успокоительныя рѣчи вмѣсто успокоительныхъ лекарствъ, Саломея вдругъ почувствовала снова боль и заохала.

— Боже мой, я страдаю, проговорила она, и никто не поторопится подать помощь!....

— Ма сѣге, сказалъ Чаровъ, успокойся, сейчасъ привезутъ лекарство.... Вотъ видишь, что: этотъ Иванъ Даниловичъ думалъ продовольствоваться своей глупой аптечкой.... но я послалъ его въ городъ за лекарствомъ, необходимымъ для тебя.... онъ сей часъ же возвратится....

— Ахъ, онъ меня уморитъ!.... Я это чувствую!....

— Такъ лучше всего ѣхать въ Москву, ма сѣге Ernestine, поѣдемъ въ Москву, тамъ всѣ лучшіе доктора къ твоимъ услугамъ. Въ самомъ дѣлѣ я также не очень полагаюсь на этого полковаго лекаришку.

— Въ Москву!.... проговорила Саломея, задумавшись.

— Когда твое здоровье поправится, мы возвратимся тотчасъ же сюда; а между-тѣмъ здѣсь все будетъ возобновлено къ нашему пріѣзду и мы проведемъ лѣто въ блаженномъ уединеніи.... сказалъ Чаровъ, взявъ руку Саломеи.

Саломея, не отвѣчая ни слова, глубоко вздохнула.

— Такъ ли?

— Ахъ, постойте! Я не могу переносить принужденій.

Чаровъ всталъ съ мѣста, также вздохнулъ и началъ ходить по комнатѣ.

Между тѣмъ Иванъ Даниловичъ распростился съ Марьей Ивановной и помчался въ городъ пополнять свою аптечку.

Марья Ивановна была въ отчаяніи. Она не испытала еще горя разлуки. Ей страшно было отпустить Ивана Даниловича въ дорогу безъ себя: Богъ знаетъ что можетъ случиться. Со слезами на глазахъ, она проводила Ивана Даниловича, простояла до сумерекъ на крыльцѣ, смотря на дорогу, возвратилась въ комнату, какъ убитая, не спала цѣлую ночь, просидѣла цѣлое утро у окна и въ этомъ положеніи забылась, не смотря на крикъ и шумъ дѣтей.

Но вотъ около полудня возвратился благодатный. Соскочивъ съ повозки, Иванъ Даниловичъ вбѣжалъ въ комнату, крикнувъ: Машенька! бросился къ женѣ и такъ перепугалъ ее, что она, очнувшись, задрожала, насилу пришла въ себя и вмѣсто радости залилась слезами.

Успокоивъ ее, Иванъ Даниловичъ принялся составлять микстуру; составилъ и побѣжалъ на другую половину. Двери заперты, никого нѣтъ.

Онъ въ переднюю, и въ передней пусто. Онъ опять къ дверямъ, постучалъ легонько, никто не отвѣчаетъ.

— Что жъ это значитъ?

Вышелъ на крыльцо. Видитъ, что Трифонъ запираетъ ставни.

— Трифонъ, гдѣ люди?

— Какіе?

— Да вотъ.... ваши, проговорилъ Иванъ Даниловичъ.

— Какіе ваши? Господскіе-то? Уѣхали съ баринномъ.

— Какъ уѣхали?

— Да такъ, какъ уѣзжаютъ. Баринъ поѣхалъ въ Москву и они за нимъ.

— А госпожа?

— А госпожѣ-то здѣсь, что ли, остаться одной?

— Да вѣдь она больна.

— Ага; ее такъ-таки самъ баринъ подъ руки въ карету посадилъ.

— Да скажи пожалуйста.... Какъ же это.... продолжалъ разстроенный этой новостью Иванъ Даниловичъ.

— Какъ, какъ?

— Да скажи пожалуйста.... вѣдь.... да что жъ баринъ сказалъ, уѣзжалъ?

— Ничего не сказалъ. Онъ такой былъ, что-то не въ духѣ.

Чуть-чуть было не прибилъ кучера за то, что лошади дернули, какъ онъ сажалъ госпожу-то въ карету.

— Хмъ! произнесъ Иванъ Даниловичъ, задумавшись и возвращаясь въ свои комнаты. Машенька, помѣщикъ-то уѣхалъ въ Москву; чтò жъ ты мнѣ ни слова не сказала?

— Да и я не знала, мнѣ только сейчасъ сказала Татьяна: я спросила, чтò жъ не подаютъ чай, а она говоритъ: да кому жъ подавать-то: буфетчикъ уѣхалъ съ баринномъ.

У Ивана Даниловича руки опустылись.

— И всѣ уѣхали, и поваръ уѣхалъ, и обѣда не готовили.... я не знаю, чтò жъ мы будемъ обѣдать?... сказала смущенная Машенька, смотря на Ивана Даниловича.

— Чтò жъ это такое, проговорилъ онъ, я ужъ этого и не принимаю.... Вѣрно она опасно заболѣла.... онъ, вѣрно, сдѣлалъ какія-нибудь распоряженія.... Пошли Татьяну за управляющимъ Васильемъ.

— Охъ, подите вы! пойду я къ этому озорнику! отвѣчала Татьяна.

Иванъ Даниловичъ отправился самъ.

Управляющій Василій былъ не что иное какъ дворовый человекъ, которому поручено было собирать и доставлять къ барину оброкъ съ имѣнья.

— Баринъ уѣхалъ? спросилъ Иванъ Даниловичъ.

— Уѣхалъ, отвѣчалъ Василій, который привыкъ только съ баринномъ и при баринѣ говорить по человѣчески.

— Онъ... говорилъ на счетъ меня что вибудь? продолжалъ Иванъ Даниловичъ.

— Чтò такое-съ?

— На счетъ положенья.... обо мнѣ?

— Объ васъ? Никакъ нѣтъ, ничего не говорилъ, отвѣчалъ Василій, посмотрѣвъ изъ коса на Ивана Даниловича.

— Это странно!

— Да вамъ подводу, что ли, ѣхать отсюда?

— Какую подводу, когда баринъ твой предложилъ мнѣ быть медикомъ при этомъ имѣньи.

— При этомъ имѣньи? повторилъ Василій подозрительно: ему тотчасъ же пришло въ голову опасеніе, чтобъ Иванъ Даниловичъ не сдѣлался въ имѣньи господскимъ глазомъ.

— Да, при этомъ имѣньи. Онъ сказалъ, что мнѣ будетъ доставлено здѣсь все необходимое.

— Не знаю; тутъ у насъ ничего нѣтъ.

— Какимъ же это образомъ? Мнѣ нужна провизія, и по-крайней-мѣрѣ кухарка.

— Этого ужъ я не знаю.

— Но вѣроятно баринъ забылъ отдать тебѣ приказъ.

— Не знаю; у насъ провизія никакой тутъ нѣтъ, ни заведеній нѣтъ ни какихъ.... пробормоталъ Василій, подъ носъ себѣ, зѣвая.

— Я напишу къ барину, а между тѣмъ мнѣ нужно что нибудь ѣсть, сказалъ взволнованный Иванъ Даниловичъ.

— Этого ужъ я не знаю, повторялъ Василій, съ убійственнымъ равнодушіемъ.

Въ отчаяніи и недоумѣніи что дѣлать, Иванъ Даниловичъ возвратился въ домъ.

— Забылъ распорядиться на счетъ меня! Это ни на что не похоже! крикнулъ онъ, хлопнувъ фуражку на столъ... что мы будемъ дѣлать?... Это ужасъ!... Наконецъ, что-нибудь ѣсть надо, а тутъ никакой даже провизіи!...

Но Марья Ивановна кое какъ распорядилась уже о чаѣ и объѣдѣ. Сама поставила чайникъ, Татьяну послала купить на селѣ курицу, масла, молока, какихъ-нибудь овощей.

— Что жъ ты беспокоишься, что за бѣда такая, что забылъ, говорила Марья Ивановна въ утѣшеніе мужу, и ты, я думаю, забылъ бы все, еслибъ я, избави Богъ, опасно заболѣла. Напиши къ нему, вотъ и все. Онъ и пришлетъ приказъ управляющему отпускать намъ все, что нужно.

— Напишу, проговорилъ Иванъ Даниловичъ, да это.... всё-таки неприятно.... сѣсть на мели!... Еслибъ зналъ.... чортъ бы меня принудилъ подавать въ отставку..... да еще и Филата отпустили....

— Полно, пожалуйста, какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи!...

— Да, говорить!...

Утоливъ свой голодъ стряпаньемъ Марьи Ивановны, Иванъ Даниловичъ успокоился.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, съ такимъ капризнымъ чортомъ, какъ его жена, не трудно все забыть. Я ему напишу.

Иванъ Даниловичъ написалъ что слѣдуетъ къ Чарову, послалъ письмо къ управляющему, чтобъ отправить къ барину, но управляющій отвѣчалъ, что ему не съ кѣмъ посылать.

Иванъ Даниловичъ принужденъ былъ нанять посланца.

Ждетъ отвѣта недѣлю, двѣ. А между-тѣмъ, настали сильныя

дожди. Стѣны отсырѣли, текутъ, холодъ въ комнатахъ ужасный.

— Любезный, здѣсь жить нельзя, сказалъ Иванъ Даниловичъ, призвавъ Трифона: отведи пожалуйста другія комнаты.

— Объ этомъ ужъ извольте написать барину: безъ его приказу я не смѣю, отвѣчалъ Трифонъ.

И вотъ новое письмо къ Чарову.

Проходитъ мѣсяцъ, ни отвѣта, ни привѣта. А между тѣмъ деньги на исходѣ, а жалованья не изъ полку ждать.

Иванъ Даниловичъ и Марья Ивановна въ отчаяніи. Начинаютъ уже припоминать счастливое житье бытѣ въ полку, вспоминать Филата и его слова.

— Вотъ оно, душа моя, повторяетъ Иванъ Даниловичъ, Филатъ-то правду сказалъ, что выйдетъ болтунъ.

У Марьи Ивановны часто ужъ слѣзки на глазахъ.

Написалъ Иванъ Даниловичъ еще и еще письмо къ Чарову, но Чарову не до него: у Чарова на рукахъ вещечко Саломея. Къ тому же въ докторѣ ему ужъ нѣтъ необходимости.

— Скаатница! Что онъ тутъ городить? Вѣдь я далъ ему сто рублей серебромъ за визитъ, чего жъ ему больше?... Написать къ нему, что медикъ при имѣньи ужъ не нуженъ: можетъ опять поступить на службу, въ полкъ.

СПЕКУЛЯТОРЫ.

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

Часовая стрѣлка на шпицѣ петербургскаго Адмиралтейства показывала три часа ночи.

Бельэтажъ одного изъ домовъ Большой Морской былъ освѣщенъ, у подъѣзду стояло нѣсколько рядовъ каретъ, нѣкоторые уже разъѣзжались.

Человѣкъ, довольно высокаго росту, почти сѣдой, что, разумѣется, было незамѣтно ночью, выстриженный подъ гребенку, въ сѣрой довольно поношенной шинели, шелъ по другую сторону улицы и остановился противъ освѣщенныхъ оконъ.

Онъ постукалъ каблуками своихъ калошъ, потеръ руки, и прошелъ еще вдоль по улицѣ, — потомъ повернулъ назадъ, и остановился опять противъ освѣщеннаго дому.

Было видно что онъ кого-нибудь ждетъ.

Черезъ минуту съ подъѣзда сошелъ барнижъ, завернутый въ дорогую шубу. — Закричали: карету Перханова!

Подъѣхала двухъ-мѣстная карета на лежачихъ ресорахъ.

Т. LXXXIII. — Отд. I.

11

Баринъ не сѣлъ въ нее. Онъ махнулъ кучеру, а самъ пошелъ скорыми шагами по тротуару.

Карета за нимъ слѣдовала.

— Это онъ! сказалъ человекъ въ сѣрой шинели, по виду котораго никакъ нельзя было полагать, что онъ имѣетъ какую-нибудь связь съ гордымъ баринномъ.

Вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ незнакомецъ сталъ поспѣшно перебираться на другую сторону улицы.

Между-тѣмъ и баринъ, сперва уменьшилъ свой шагъ, потомъ обернулся.

Луна проглянула сквозь свѣжные облака, мелкій снѣгъ, который до того покрывалъ туманомъ сырую, осеннюю ночь Петербурга, разсѣялся, и два незнакомца встрѣтились.

— А! ты здѣсь? сказалъ баринъ прохожему въ сѣрой шинели.

— Здѣсь, Иванъ Павловичъ, и давно уже жду васъ. Ну что какъ дѣла?

— Худы, не беретъ! Я ему тридцать тысячъ серебромъ предлагалъ, — не беретъ.

— *Три-дцать ты-сячъ сере-бромъ!* вскрикнула сѣрая шинель съ явнымъ выраженіемъ безпокойства.

— Я предложилъ бы и тридцать-пять, да видно что онъ и поеть не на тотъ голосъ.

— Батюшка Иванъ Павловичъ! а вѣдъ хорошо что вы не предложили, онъ и такъ не возьметъ.

— Какъ не возьметъ, когда уже почти за нимъ!

— Да! да у него не будетъ залоговъ, такъ по-неволѣ откажется.

— Какъ не будетъ? у него....

— Да такъ, Иванъ Павловичъ, ему залоги давалъ Савельевъ, да князь Рахмановъ, — они не дадутъ.

— Чтò ты говоришь! Отчего не дадутъ?

— Князь уже условился про свои залоги со мной, они въ нашихъ рукахъ.

— Быть не можетъ, онъ давалъ по семи процентовъ.

— А я взялъ по шести, и онъ отдалъ мнѣ.

— Чтò это значитъ? спросилъ баринъ съ нѣкотораго рода сомнѣніемъ: за чѣмъ тебѣ такіе залоги и почему князь промѣнялъ Анатолия на тебя?

— Саликовъ померъ и вашъ Анатолій теперь банкротъ!

— Анатолій *банкротъ!* Не съ ума ли ты сошелъ? Съ его кре-

«это́мъ банкротъ?... Я тебя совершенно не понимаю. Какая связь между Анатолиемъ и Саликовымъ?»

— А вотъ я вамъ разскажу.... вы увидите, что я съ ума еще не сходилъ. Поѣдемте къ вамъ: на улицѣ холодно!

И двое разговаривавшихъ сѣли въ карету и покатали по Невскому къ Аничкину мосту.

— Вотъ изволите ли видѣть, говорила сѣрая шинель, которую назовемъ мы хоть Сорокинымъ: вашъ модникъ Анатолий немножко ошибся въ расчетѣ. Вы знаете Саликова?

— Московскаго богача?

— Онъ самый! Изволите ли видѣть, Семель Петровичъ Саликовъ — старый холостякъ, лѣтъ осьмидесяти, а у него въ сундукѣ лежить тридцать миллионовъ чистыхъ денегъ.

— Знаю, но у него есть племянникъ....

— Котораго дядюшка и взялъ къ себѣ, содержалъ въ лицѣ, потомъ опредѣлилъ на службу, и давалъ по шести тысячъ въ годъ на мелкіе расходы, кромѣ содержанія.

— Ну!...

— Ну, а племянничку показалось этого мало. Онъ одной танцовщицѣ платилъ пятнадцать тысячъ въ годъ.

— Чтò жъ далѣе?

— Далѣе ясно, когда племянникъ прожилъ осемь лѣтъ такимъ образомъ, у него стало безъ малаго полмилліона долгу. Векселя подали ко взысканію и племянничка за долги тянули уже въ тюрьму.

— Да вѣдь онъ служить?

— То-то и бѣда что нѣтъ. Передъ этимъ онъ какъ-то поздорилъ съ своимъ директоромъ.

— Чтò жъ директоръ?

— Директоръ сказалъ ему, что многихъ нетишь нельзя говорить откровенно. Тутъ было много хлопотъ, кончилось тѣмъ что его отставили.

— Чтò жъ онъ послѣ отставки?

— Послѣ отставки его и хотѣли было посадить въ тюрьму.

— А богатый дядюшка?

— Дядюшка и до-сихъ-поръ думаетъ, что онъ служить, потому что его племянникъ акуратно каждый день, въ девять часовъ утра, уходитъ къ должности, — къ своей танцовщицѣ.

— А долги?

— Долги! Да ежели бы дядюшка узналъ что его племянникъ

долженъ, то прогналъ бы его со двора и лишилъ бы наследства.

— Такъ кредиторы подождутъ! глубокомысленно замѣтилъ Иванъ Павловичъ.

— То-то и бѣда что не ждутъ. Векселя молодого Саликова перешли въ руки его двоюроднаго брата, племянника Семена Петровича по сестрѣ, которому давно уже пригладуется дядушкино наследство. Молодой Саликовъ давалъ процентъ на процентъ, чтобы только выпутаться изъ бѣды.

— И до-сихъ-поръ старикъ ничего не знаетъ объ этихъ ша-шняхъ?

— Разумѣется ничего, иначе дѣло было бы въ другомъ видѣ.

— Какъ же тутъ замѣшался Анатолий?

— А вотъ изволите ли видѣть: у Анатолия въ Москвѣ есть корреспондентъ. Этотъ корреспондентъ и увѣдомилъ его обо всемъ. Анатолий еще написалъ къ своему пріятелю доктору, который лечитъ старика.

— Чтò жъ докторъ?

— Докторъ завѣрилъ Анатолия что старикъ не проживетъ долѣе двухъ мѣсяцевъ; съ нимъ же тутъ сдѣлался припадокъ, и старикъ почти лишился памяти.

— А завѣщаніе написано?

— Какъ же, гдѣ уже шесть какъ написано. По этому завѣщанію, въ случаѣ послушанія племянника, Семенъ Петровичъ дѣлаетъ его полнымъ и единственнѣйшимъ своимъ наследникомъ. Докторъ самъ подписался и копія отправлена въ гражданскую палату.

— Гм! хорошее дѣло.... замѣтилъ Иванъ Павловичъ.

— И даже очень хорошее, отвѣчалъ Сорокинъ.... за четыреста тысячъ взять миллионъ. Анатолий и взялся быть опекуномъ молодого человѣка, далъ четыреста пятьдесятъ тысячъ на уплату долговъ, за вексель въ миллионъ.

Для читателей моихъ, незнакомыхъ съ техническими терминами аферистовъ, я поясню что здѣсь слово опекувъ имѣетъ особое значеніе. Это человѣкъ, который за большіе проценты даетъ въ долгъ деньги богатому наследнику и помогаетъ проматывать ихъ, въ счетъ будущаго наследства.

— Можно дать и не четыреста-пятьдесятъ тысячъ за миллионъ.... раздѣлить хоть на пять долей....

— То-то и есть что Анатолий взялъ всё на свою долю... по-крайней-мѣрѣ не слышать чтобы у него были дольщики.

— Быть не может! А если старикъ уличитъ завѣщаніе,— онъ банкротъ.

— Этого не можетъ быть, потому что Анатолій далъ займы тогда, когда старикъ уже былъ почти въ безпамятствѣ и не узнавалъ никого. Ктому же они окружили его своими олятами.

— Стало-быть дѣло вѣрное!..,

— На взглядъ-то, кажется бы, вѣрное. Да и другой-то племянникъ покупалъ этотъ вексель у Анатолія и давалъ ему шесть-сотъ-тысячъ.

— Анатолій разумѣется не согласился?

— Да! онъ говоритъ, что лучше черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получить милліонъ; да и ктому же ломаетъ изъ себя честнаго, говоритъ что онъ взялъ вексель съ тѣмъ, чтобы ждать смерти Семена Петровича.

— Это онъ дѣлаетъ хорошо, потому что молодой Саниковъ ему надежда и впередъ. Да не обманулъ ли его докторъ?

— Напротивъ, всѣ свѣденія самыя точныя, старикъ едва ли проживетъ и мѣсяцъ.

— Слѣдовательно дѣло вѣрное, и князь дастъ ему залоги.

— Да! но племянникъ умеръ.

— Какъ, племянникъ?!

— Да, умеръ, прежде старика. Онъ стрѣлялся, убить, и Анатолій теперь банкротъ.

— Быть не может!

— А вотъ письма изъ Москвы.... когда прїедемъ, прочтите.

И Сорокинъ подалъ два письма изумленному Ивану Павловичу. Карета въ это время подъѣхала къ квартирѣ Перханова.

Они вышли.

Чтобъ вы могли разгадать таинственный смыслъ этого совѣщанія, мнѣ нужно вамъ разсказать, что за люди тѣ, которыхъ мы сейчасъ подслушали.

Иванъ Павловичъ Перхановъ, Статскій Совѣтникъ, служить въ какомъ то департаментѣ, человѣкъ лѣтъ съ небольшимъ пятидесяти, женился на бѣдной, молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, которую наряжалъ, любилъ, баловалъ, какъ балуютъ всѣ старые мужья молодыхъ жепъ. Жена его кокетничала, смѣялась надъ нимъ, называла своимъ папашей, какъ дѣлаютъ всѣ молодые жены у старыхъ мужей.

Иванъ Павловичъ съ малолѣтства чувствовалъ въ себѣ страсть къ спекуляціямъ. Эта страсть поддерживалась въ немъ теперь необходимостію, проживать болѣе чѣмъ получалъ.

Какъ помѣщикъ пяти сотъ душъ крестьянъ, Иванъ Павловичъ входилъ въ разные подряды, которые исполнялъ помощію крестьянъ своихъ, и вообще занимался различными оборотами по всѣмъ отраслямъ спекуляцій.

Ни одного аукціона не проходило безъ того чтобъ тамъ не явился Иванъ Павловичъ. Нельзя было никому дать займы денегъ значительнаго куша, чтобъ Иванъ Павловичъ этого не зналъ.

Домъ его былъ наполненъ различнаго рода прожектерами, аферистами, оборотливыми людьми, которые со всѣхъ сторонъ свѣта стеклись на нѣгерманландскія болота искать счастья.

Впрочемъ домъ ихъ былъ одинъ изъ порядочныхъ домовъ средняго общества; вечера ихъ по четвергамъ, оживленные молодой хозяйкой, и украшенные превосходнымъ шампанскимъ, привлекали иногда людей, съ которыми вездѣ пріятно встрѣчаться.

Собесѣдника его, сѣрую шинель, мы назвали Сорокинскимъ.

Происхожденіе этого человѣка теряется во мракѣ неизвѣстности, но его помнятъ повѣреннымъ по виннымъ откупамъ, гдѣ онъ, раздавая деньги подъ ручные залоги, процентовъ по семи въ мѣсяць, нажилъ себѣ небольшой капиталъ.

Онъ обыкновенно пояснялъ своему *заимобрателю* (противоположность слову заимодавецъ), что онъ беретъ проценты самыя христіанскіе, только однимъ процентомъ больше законныхъ. А что онъ даетъ деньги только на мѣсяць, то у него ужъ такая манера, а что проценты платить все равно.... и прочее.

Какимъ-то образомъ онъ втерся въ довѣренность Перханова и былъ теперь душою, повѣреннымъ и дольщикомъ во всѣхъ предпріятіяхъ послѣдняго.

Разница между двумя этими дольщиками была та, что Иванъ Павловичъ говорилъ Сорокину *ты*, а Сорокинъ ему *вы*; за то Иванъ Павловичъ въ оборотахъ своихъ иногда проигрывалъ, Сорокинъ никогда. Онъ всегда находилъ средство выпутаться изъ того предпріятія, которое шло не такъ вѣрно, какъ онъ ожидалъ.

Карета уже давно подъѣхала къ крыльцу Перханова, и они вошли въ кабинетъ.

Тамъ Перхановъ развернулъ письмо и прочиталъ слѣдующее извѣстіе.

«Послѣдняя наша новость, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ (такъ звали Сорокина) новость, о которой говорить вся Москва, это дуэль молодого

Саликова съ госпожиной Д... Саликовъ, какъ я думаю, вамъ извѣстно, содержалъ танцовщицу. Однажды онъ приходитъ къ ней вечеромъ, тогда какъ обыкновенно приходилъ по утру, и застаётъ госпожину Д... Они дрались. Чѣмъ это кончилось, не знаю, только надѣюсь, что вы не оставите своихъ привѣтовъ всегда готоваго исполнять ваши приказанія,

— нижайшаго слугу

— Авраама Водянскаго.

— Почему жъ ты думаешь, что онъ убить? спросилъ Перхановъ.

— Да если, батюшка Иванъ Павловичъ, и не убить, такъ его упрячутъ въ доброе мѣсто: а тогда и дядюшкины денежки уйдутъ изъ рукъ, и векселя пропадутъ сами собою. Но прочтите другое письмо!

Перхановъ прочиталъ:

«Всеочтеннѣйшій молостивецъ

— Иванъ Ивановичъ!

— Не безызвѣстно было мнѣ кормилецъ нашъ, что вы изволили интересоваться о здѣшнемъ благотворителѣ господинѣ Саликовѣ. Я почелъ своею обязанностію уведомить васъ, что онъ волею Божіей помрѣ. Когда и какъ, вамъ не могу написать ничего, затѣмъ что и самъ ничего не знаю. Толкуютъ много, но всѣхъ толковъ не переслушаешь, — похоронъ еще не было.

— Припадая къ стопамъ вашимъ и прося не забыть и прочее, и прочее.

— Да вѣрны ли извѣстія эти? спросилъ Иванъ Павловичъ.

— Непремѣнно! одно отъ стараго товарища повѣреннаго, горькаго пьяницы, другое, тоже отъ страшнаго пьяницы, приходскаго дьячка. Саликовъ въ ихъ приходѣ.

Иванъ Павловичъ снова перечиталъ письма, потомъ сказалъ:

— Послушай, вѣдь это письмо о дядѣ.

— Какъ о дядѣ? спросилъ Сорокинъ въ свою очередь изумленный.

— Да такъ! отвѣчалъ Иванъ Павловичъ: дьячекъ пишетъ о ихъ благотворителѣ... не былъ же племянникъ ихъ благотворителемъ.

Сорокинъ задумался. И точно, значить и дядя умеръ, сказалъ онъ, ну, дѣло запутывается.

— Надобно узнать чѣмъ кончилась дуэль молодого Саликова, сказалъ Перхановъ.

— Убить, Иванъ Павловичъ, меня уведомилъ объ этомъ Рахановъ еще прежде чѣмъ я получилъ письма.

— А какъ бы узнать, кто изъ нихъ умеръ прежде, дядя или племянникъ?

— Да это все равно, Иванъ Павловичъ... все Налову на откупа никто не дастъ залоговъ.

— А ежели Анатолий далъ деньги племяннику, и все свои, и племянникъ убитъ прежде дядя, то Анатолий....

— Чисто похороненъ! отвѣчалъ Сорокинъ съ усмѣшкой. Вы велѣли мнѣ прийти и принести къ вамъ ломбардные билеты, чтобы дать ему отступное. Получивъ письма со вчерашнимъ дилижансомъ часовъ въ десять вечера, я было не пошелъ. Но потомъ подумалъ: что я дѣлаю глупости! вѣдь вы, не дождавшись меня, заключите на слово, или возьмете у кого-нибудь денегъ.... бѣгомъ къ вамъ! Вы не выходили... что дѣлать? Вызвать васъ.... вы именно говорили, чтобы у Лурна никто не выдалъ тебя.... я и не смѣлъ. Побѣхалъ къ повѣренному Рахманова условиться насчетъ залоговъ, и опять сюда... васъ все еще нѣтъ! Я думалъ что все уже кончено, однако, славу Богу, Наловъ самъ не взялъ, теперь дѣло это наше: надобно только ошеломить его ударомъ.

— Да ты увѣрешь ли что Анатолий далъ деньги Саликову и все отъ себя?

— А вотъ, мы узнаемъ! Какъ ужъ ни хитри, само дѣло покажетъ, сколько онъ далъ. И знаете, что я думаю? отъ откупа взять отступное, пускай ихъ тянутъ! А мы лучше снимемъ подрядъ на матеріалы, это по вѣрнѣе. Залоги же при насъ.

— А князь Рахмановъ даетъ тебѣ залоги?

— Даетъ, Иванъ Павловичъ, даетъ! Онъ узналъ о дуэли Саликова прежде меня и присылалъ за мной часовъ въ шесть вечера. Но только я вамъ менѣе семи процентовъ не отдамъ.

— Помилуй братецъ, полный процентъ!....

— Какъ угодно, Иванъ Павловичъ, самъ сниму, а не отдамъ! Вѣдь подумайте! это повыгодиѣе откупа будетъ, а главное по спокойнѣе. Отступное же само собой.

— Ну хорошо, теперь объ Анатолий.... онъ будетъ у меня послѣ затра.....

И они стали условливаться, какъ имъ попользоваться банкротствомъ человѣка.

Но я долженъ познакомить читателей моихъ съ Анатолиемъ, о состояніи котораго такъ интересуются теперь Перхановъ и Сорокинъ. Начнемъ съ его родословной.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, секретарь одного дѣзъ присутственныхъ мѣстъ какого-то губернскаго города воротился изъ

Петербургу въ самомъ деприватномъ расположеніи духа. Онъ былъ отставленъ отъ службы за взятки.

Отправляясь въ Петербургъ, секретарь оставилъ жону свою беременною и просилъ ее принести ему дочь, за тѣмъ что уже у него былъ сынъ, и дочь его назвать Аленой, говоря: «у меня будетъ своя Алена прекрасная.»

Вообразите же себѣ его досаду, когда ему при возвращеніи, съ отставкой въ рукахъ, подали, вмѣсто прекрасной Алены, сына, названнаго Александромъ.

— За чѣмъ же Александръ? вскричалъ онъ.

Чтобъ пояснить вамъ его возгласъ, я скажу что общій говоръ называлъ помощника секретаря, занимавшаго теперь его мѣсто, Александра ***, помощникомъ его и въ его супружескихъ обязанностяхъ. Секретаря теперь мучила ревность. Не потому ли сыну его дали имя Александръ, чтобы напомнить ему имя, для него неизвестное. Еще, бывають странныя сдѣленія обстоятельство: начальника секретаря, черезъ котораго онъ получилъ отставку, и который первый отказался отъ добровольныхъ приношеній, звали тоже Александромъ.

Сынъ секретаря теперь носить тоже имя.

Вообразите же бѣшенство обиженнаго чиновника, обманувшагося отца и оскорбленнаго мужа.... Гнѣву его не было предѣловъ.

Секретарь, бывши секретаремъ, нажилъ себѣ хорошее состояніе, стало быть увольненіе его было не совсѣмъ несправедливо. Но мы такъ привыкли жаловаться на судьбу, на людей, что секретарь почиталъ себя не иначе какъ жертвою ябеды.

Онъ поселился въ своемъ имѣніи, состоявшемъ слишкомъ изъ тысячи душъ.

Безъ образованія, безъ правилъ, съ огрубѣлыми чувствами; отставной секретарь не могъ быть ни чѣмъ инымъ какъ тираномъ своихъ людей и своего семейства. Одиночество еще болѣе разжигало въ немъ раздражительность, желчь; ему скучно было безъ кляузъ, безъ клеветы, безъ крючковъ и онъ мучилъ окружающихъ придирчивостію и несноснымъ истолкованіемъ поступковъ каждаго.

Каково же тутъ было Александру, когда одно имя его вывело отца изъ терпѣнія?

Рожденіе Александра напоминало секретарю его отставку, его униженіе въ обществѣ, и слухи безчестившіе его семейную жизнь,

подтвержденію которыхъ онъ видѣлъ въ самомъ имени «Александръ.»

И старый секретарь не терпѣлъ своего втораго сына.

Старшаго сына отставнаго секретаря звали Дмитріемъ, и на немъ соединилась вся нѣжность отца.

А мать? Мать тоже любила Дмитрія. Она какъ будто боялась приласкать Александра, чтобы мужъ ея, въ этой материнской ласкѣ, не видѣлъ продолженія того преступнаго чувства, въ которомъ ее нѣкогда упрекали.

Къ этому надобно прибавить, что Александръ былъ не хорошъ собою.

Его лицо, продолговатое, сухое, неправильное, было изуродовано оспой, которую тогда еще не прививали. При маленькомъ ростѣ, Александръ ходилъ всегда согорбившись. Все это вмѣстѣ, уничтожало самолюбіе матери. А мать всегда любитъ видѣть дѣтей своихъ красавцами, чтобы въ нихъ находить продолженіе своей увядающей красоты.

Не любимый въ своемъ семействѣ, Александръ росъ съ самаго дѣтства какъ сирота, какъ отверженный....

Онъ видѣлъ, какъ ласкали брата его Дмитрія: но вѣдь онъ хорошъ собой; видѣлъ какъ дарили ему конфеты, игрушки, но вѣдь онъ умный мальчикъ; а Александръ? онъ не хорошъ, онъ дурень, онъ уродъ.

Это ему говорили безпрестанно.

Каждое его движеніе критиковалось грубыми выходками отца; ласки принимались за жадность, за выпрашиваніе; молчаливость за глупость. И Александръ въ самомъ дѣлѣ, грубылъ и глупѣлъ.

И слыша какъ все безпрестанно говорили ему, что онъ ни къ чему не способенъ, онъ сталъ почитать себя дѣйствительно неспособнымъ ни къ чему.

Онъ невольно убѣгалъ отца и матери, потому что видѣлъ отъ нихъ только брань и угрозы; боялся людей, потому что каждая ихъ жалоба на него, справедливая и не справедливая, на немъ строго взыскивалась.

Подарки и похвалы, безпрестанно расточаемыя его брату, возбуждали въ немъ зависть.

Еще не зная, что такое зависть, онъ уже завидовалъ.

Онъ говорилъ: зачѣмъ ему, а не мнѣ?

А братъ привыкъ къ своему превосходству, и почиталъ Александра не братомъ, даже не человѣкомъ, а существомъ низшаго разряда, созданнымъ для его прихоти, и безпрестанно обижалъ его.

Родители всегда держали сторону Дмитрія.

Удивительно ли, что Александръ, завидуя брату, ненавидѣлъ его.

Такъ росъ бѣдный Александръ, не слышавъ пріятнаго слова со дня рожденія, и всюду встрѣчая только отращеніе къ себѣ. Онъ невольно сталъ грубъ, застѣнчивъ и завистливъ. Тѣ пороки, въ которыхъ родители безпрестанно упрекали его, образовались и окрѣпли.

Онъ сталъ такимъ, какимъ предполагали его видѣть.

Но ни какіе нападки родительской власти, ни какое насильственное обхожденіе, не могли истребить въ немъ душевной доброты, теплоты чувства, глубоко сохранившихся въ груди его. Александръ былъ добръ до чрезмѣрности; при одномъ ласковомъ словѣ брата онъ отдавалъ ему и то небольшое, что ему доставалось какъ остатокъ послѣ него же.

— Твое рожденіе составляетъ мое несчастіе, говорилъ часто ему отецъ, вспоминая о своей отставкѣ. И Александра прозвали въ домѣ «несчастливымъ». Иначе и не кликали его какъ «несчастливый». Слово это глубоко отзывалось въ его чувствительной душѣ, но онъ привыкъ къ нему, какъ привыкаютъ ко всему на свѣтѣ.

Дѣтей стали учить. Александръ дѣлалъ успѣхи въ наукахъ: въ занятіи имъ онъ находилъ даже отраду. Учитель не гналъ его, видя его прилежаніе. Онъ учился. Но отецъ не утѣшался имъ, не спрашивалъ, каково учится Александръ? Ему было все-равно, что бы ни дѣлалъ сынъ его бывшего помощника.

Дмитрія записали въ гвардію, а Александра ни куда.

Дѣти подросли. Дмитрій отправился въ Петербургъ.

По отъѣздѣ Дмитрія, съ Александромъ стали обходиться еще хуже: онъ молчалъ.

Ни одного упрека жестокому отцу и недоброй матери, не вырвалось изъ его устъ. Онъ только про себя говорилъ: «Я несчастный».

Одной отрадой его стало чтеніе. Но чтеніе, развертывая его способности и распаяя мечтательность, открывало ему другой міръ, не похожій на тотъ, въ которомъ жилъ онъ. Міръ этотъ былъ полонъ счастья и любви.... И чѣмъ болѣе Александръ понималъ свои отношенія, тѣмъ болѣе чувствовалъ свое одиночество и тѣмъ болѣе желалъ возбудить въ родителяхъ хоть искру той привязанности, которой былъ лишенъ съ дѣтства.

Онъ думалъ про себя, что былъ бы счастливъ, ежели бы кто-нибудь полюбилъ его, и мучился общей къ нему нелюбовью;

искалъ причину этому и не находилъ; хотѣлъ угодишею возбудить къ себѣ хоть сколько-нибудь расположенія родителей, и возбуждалъ только упреки. Жизнь его такъ текла со дня на день, и каждый кусокъ хлѣба былъ орошаемъ его слезой.

И все это, можетъ быть, отъ одного *пустаго* нечета его матери....

Между-тѣмъ съ лѣтами повятія Александра развились. Онъ болѣе и болѣе чувствовалъ потребность чьей-нибудь любви. Сердце его требовало какой-нибудь привязанности.

Но его не любилъ ни кто. «Несчастный!»

Сколько слезъ стоило бѣдному Александру это слово. Бывало когда отецъ громко кликалъ его этимъ именемъ, сердце его обливалось кровью, и онъ сквозь слезы говорилъ: да, я несчастный, несчастный!....

И вмѣстѣ съ тѣмъ откликался: «что вамъ угодно, батюшка?»

— «Батюшка! какою я тебѣ батюшка!» ворчалъ про себя оставшій секретарь, и браня, упреки, иногда даже побои, почти всегда незаслуженные, сыпались на бѣднаго Александра.

Дмитрія произвели въ прапорщики гвардіи, что тогда много значило, и онъ пріѣхалъ порадовать собой батюшку и матушку, и показать въ провинціи свой шитый золотомъ мундиръ.

Представьте себѣ радость отца и матери, когда рогожевая выбитка съ любезнымъ сыномъ, остановилась передъ ихъ *краснымъ* крыльцомъ.

Объятія, поцѣлуи, вопросы сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и потомъ опять поцѣлуи, опять объятія.

— Здравствуй братецъ, сказалъ Дмитрію Александръ, найдя свободную минуту между возгласами отца и матери.

— А! это ты, несчастный, отвѣчалъ тотъ... видишь какъ выросъ.

— Ты запачкаешь брата! грозно замѣтилъ отецъ.

И Александръ отошелъ всторону. Только слезинка упала отвѣтомъ на холодное привѣтствіе брата.

Дмитрій былъ молодецъ собой: усы придавали мужественное выраженіе его лицу, а щеголеватый мундиръ — граціозность его таин. Онъ былъ ловокъ, присмотрѣлся къ щепетильному обхожденію тогдашнихъ франтовъ, подражателей французскихъ пети-метровъ, и — имъ любовался.

Это подало поводъ къ невыгодному сравненію съ Александромъ.

Когда Дмитрій уѣхалъ, отецъ безпрестанно говорилъ:

— Таковъ ли Дмитрій? Похожъ ли ты на Дмитрія? Вотъ мой

смыслъ, а ты что? Дмитрій слушать, а ты что? только дарить глѣбъ тѣмъ!

— Если бы вы меня записали, то и я бы также служилъ, батюшка!

— Ты бы служилъ! да кто тебя возьметъ, кому ты надобенъ? Уродъ, и еще смѣетъ говорить!

И за этимъ слѣдовалъ потокъ ругательства, иногда и удары.

— Правда, кто возьметъ меня!... думалъ про себя несчастный.

Россия готовилась къ войнѣ, войска шли въ Италию, вступая подъ команду незабвеннаго Суворова.

Какой-то полкъ проходилъ уѣздъ, въ которомъ жилъ старый секретарь. Александръ спросилъ у одного изъ офицеровъ: примутъ ли его, если онъ будетъ проситься въ военную службу.

— Какъ же, братецъ, принять! Славный солдатъ будешь, отъичалъ поручикъ.

Это слово зашло въ душу Александра. Что жъ! и онъ можетъ служить, заслужить офицерскій чинъ, перейти въ гвардію и быть не хуже Дмитрія. Одно обстоятельство превратило эту мечту въ дѣйствительность.

Разсказывая послѣдній кризисъ, которымъ былъ доведенъ Александръ до отчаянія, я долженъ напомнить читателямъ, что это было лѣтъ пятьдесятъ назадъ.

Однажды у стараго секретаря были гости. Подавали чай. Вынули новый сервизъ изъ прекраснаго фарфора, поднесенный когда-то секретарю, и вынимаемый только при особенныхъ случаяхъ.

Александръ какъ-то печально задѣлъ поднось съ чашками; поднось упалъ, — фарфоръ разбился.

Глаза отставнаго секретаря налились кровью; онъ закричалъ гнѣвомъ: «На комошню!» закричалъ секретарь. И несмотря на просьбы гостей, Александръ былъ наказанъ.

Александру было тогда осьмнадцать лѣтъ. Отъ чтенія его понятія были довольно развиты.

Оскорбленное самолюбіе, боль отъ наказанія, природная гордость, униженная до послѣдней степени въ присутствіи постороннихъ, — все это вмѣстѣ, довело Александра до послѣдняго предѣла рѣшимости.

— Если ты не перемѣнишься, я буду съѣдъ тебя каждый день, сказалъ отецъ.

— Въ чемъ мнѣ мѣняться? думалъ несчастный.

Страхъ будущаго придалъ ему волю, которую отнимало до-

внѣ-перѣ нисколько не обходяще, и тогда ему пришла мысль бѣжать.

— Что жъ! ноги не далеко ушли, подумалъ онъ.

Эта мысль охватила его, заставила забыть все, и рисовала ему одну будущность, — для него завидную, — будущность солдата.

Онъ забылъ самъ себя.

А отецъ бранилъ его, мать утѣшала за сардоръ.

Завидный своей идеей, Александръ печально наступилъ на хвостъ собачки: мать закричала за его неловкость, а отецъ ударилъ по щекѣ.

Эта пощечина рѣшила его участь.

Онъ надѣлъ шинель, схватилъ бумаги о своемъ рожденіи, которыя отецъ недавно выправилъ, думая отдать его въ приказные, — и побѣжалъ къ лѣсу.

Было поздно; Александръ бѣжалъ. Ему казалось будто за нимъ гонятся, и онъ увеличивалъ усилія. Въ ухахъ у него звенѣли слова отца: «На конюшню», и слышался свистъ влети.

Александръ бѣжалъ куда у него были силы; наконецъ силы совершенно оставили его, и посреди лѣсу, на небольшой полянѣ, онъ упалъ истощенный своимъ бѣгомъ.

Вѣтеръ свистѣлъ въ деревьяхъ, которыя съ шумомъ качались. Ночь была темная. Собирался дождь.

Александръ, понуждаемый боязнию что его поймутъ, хотѣлъ встать и идти, но силы, доведенныя до послѣдней степени изнеможенія, бѣгомъ и жестокимъ наказаніемъ, совершенно оставили его, — и онъ снова упалъ на траву.

Въ первый разъ въ жизни одинъ въ лѣсу, ночью, и не въ силахъ сдвинуться съ мѣста.... А вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ, иногда громъ раздастся надъ его головой.... Ему стало страшно.

Роса и мелкій дождь промочили его до костей, — онъ озябъ.

Движеніе возбудило въ немъ аппетитъ. Александръ не ѣлъ съ самаго обѣда, и теперь былъ голоденъ.

И тутъ ему безпреставно мерещилось, что ему говорятъ: «Несчастный! несчастный! куда ты? Ты всюду несешь съ собой свои несчастія».

Боль, страхъ, холодъ, голодъ и усталость, все соединилось на Александрѣ. Онъ заплакалъ какъ ребенокъ и молилъ себя смерти, но такъ легко не умираютъ.

Вдругъ онъ слышитъ что кто-то ѣдетъ. Собравъ послѣдній остатокъ своихъ силъ, онъ вскочилъ-было, пробѣжалъ нѣсколь-

ко наговѣ, и одурелая на трезву почти безъ чувствъ, будучи по въ-стояніи сдѣлать ни одного шагу. Александру представался уже разсвѣтлившійся отецъ, повоинныя и шавараніе.

Онъ закрылъ глаза.

Бѣжалъ крестьянинъ. Александръ увидѣвъ, что онъ не изъ тѣхъ кого можетъ послать за нимъ отецъ, умолялъ мужика довести его до города, обѣщая за это отдать ему все, что имѣлъ на себѣ.

Крестьянинъ посадилъ его на телегу, и черезъ сутки ротный фангельманъ обучалъ Александра военной выправкѣ. Онъ былъ солдатъ.

Это происходило болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Тогда всѣ поступали на службу солдатами.

Передъ побѣгомъ своимъ Александръ увѣдомилъ отца о своемъ поступленіи на службу. Но мы приведемъ здѣсь обоюдныя ихъ письма.

«Почтеннѣйшій родитель батюшка!

— Не имѣлъ счастья въ чемъ-нибудь угодить вамъ и слыша только одни упреки и даже снося побои, я рѣшился идти по той же дорогѣ, которую вы сами выбрали моему брату Дмитрію. Я не жалуясь, батюшка, на ваше обхожденіе со мной; только молю васъ простить меня въ томъ, что безъ вашего *соизволенія* я рѣшился испробовать свою судьбу, которая гнала меня со дня моего рожденія; испытать, дѣйствительно ли я несчастный, какъ вы извоили всегда называть меня.

— Простите меня, батюшка! Я постараюсь не принести безчестія фамиліи, которую ношу; только не оставьте вашихъ благословеніемъ вашего

«Несчастливаго *Александра*».

Отецъ отвѣчалъ очень оригинально:

— Ты смѣлъ убѣжать отъ меня и опредѣлиться въ полкъ! Служи же какъ хочешь, а отъ меня не жди ни копейки и не смѣй называться сыномъ моимъ, потому что я не могу быть отцомъ такого негодяя какъ ты! Ты просилъ моего благословенія, — тебѣ оно не нужно; иди своей дорогой: а я лишаю тебя какъ наслѣдства такъ и благословенія!

«Тотъ, кого ты называлъ отцомъ.»

Александръ, прочитавъ письмо, занялся слезами. Полку ихъ вольно было выступать и онъ пошелъ вслѣдъ за другими.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Александръ былъ поручикъ.

Онъ храбро дрался подъ Нови и Требией, подъ командой Суворова; потомъ подъ Пултускомъ и Преишншъ-Элау, подъ коман-

домъ Бенксена, и ходить на Александскіе Острова въ войнѣ со Шведами.

И только поручить! въ эти шатнадцать лѣтъ почти постоянной войны!

Между-тѣмъ Александръ былъ прекрасный офицеръ, известный своею храбростію, любимый солдатами и уважаемый товарищами. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые впоследствии, — въ отечественную войну, — вызывали за собой изъ груди русскихъ солдатъ то громкое ура, подъ Краснымъ или Бородинымъ, которое осталось прекраснымъ преданіемъ русскому войску. Вслѣдъ за этимъ ура, они, эти офицеры, обыкновенно первые бросались на неприятеля и возвращались побѣдителями, или умирали.

Почему жъ такъ мало получилъ Александръ, когда его товарищи, даже и съ меньшими достоинствами, такъ же какъ и онъ не имѣющіе протекцій, были давно уже штабъ-офицерами? Виной тому была его несчастная судьба.

Порученія, исполняемые имъ съ полной добросовѣстностію и исправностію, всегда или не удавались, или поглощались чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе важнымъ, болѣе блестящимъ.

И повѣрять ли, что слово «несчастный», прозвище, данное ему отцомъ его отъ воспоминанія своихъ несчастій при его рожденіи, — осталось при немъ и въ полку.

Александръ какъ-то рассказывалъ, что его никто не любилъ, что ни одна женщина не ласкала его, не расправляла его волюсь нѣжной ручкой въ порывѣ увлеченія.

— Ни даже сестра? спросилъ его.

— У меня нѣтъ сестры!

— Ни даже мать?

— Ни даже мать! отвѣчалъ Александръ.

— Ты, братецъ, несчастный! сказалъ ему одинъ изъ его товарищей.

Это слово будто ударило его въ голову; за нимъ мгновенно пробѣжало въ его воображеніи воспоминаніе его дѣтства, безрадостнаго, горькаго, одинокаго.

— Да, я несчастный! несчастный! сказалъ онъ вслухъ, забывая себя отъ полноты душевнаго волненія.

Эти слова остались въ памяти его товарищей, потомъ перешли къ солдатамъ; къ нимъ присоединилось воспоминаніе о его неудачахъ во всемъ, и слово «несчастный», составило какъ-бы родовое прозвище Александра.

Я сказалъ, что прошло пятнадцать лѣтъ какъ Александръ убѣжалъ изъ родительскаго дому, что онъ былъ поручикъ, — не много, но все же поручикъ. Грудь его украшали два Георгія: одинъ солдатскій, надѣтый на него самимъ Суворовымъ, другой онъ получилъ уже офицеромъ.

Пятнадцать лѣтъ прошло, — много отношеній измѣнилось въ это время, но для Александра все было то же, онъ былъ все одинъ. Одинъ — грустное слово! — безъ семейства, безъ родины; не зная, кого порадовать своими знаками отличія, съ кѣмъ раздѣлить одиночество и куда преклонить голову.

Отецъ и мать его умерли, отказавъ имѣнiе въ пользу старшаго сына. Братъ его Дмитрій, въ отставкѣ штабъ-ротмистръ, жилъ холостой въ своемъ имѣнiи помѣщикомъ, и даже не потрудился узнать, не умеръ ли съ-голоду тотъ, кого въ дѣтствѣ своемъ звалъ несчастнымъ.

Въ службѣ Александръ былъ *уважаемъ*, слишкомъ мало для того, кто хочетъ любви. Онъ никогда не имѣлъ друга.

Слѣдствiемъ увѣренности, что его никогда никто не полюбитъ, онъ убѣгалъ женщинъ; изрѣдка только позволяя себѣ любоваться ими изъ-дала, какъ дорогимъ цвѣткомъ бережно хранимымъ въ теплицѣ. И онъ никогда не имѣлъ любовницы.

Товарищи его, счастливые въ своихъ волокитствахъ, возбуждали его зависть. Онъ завидовалъ имъ, какъ завидовалъ нѣкогда брату въ любви родительской.

Но эта зависть тонула въ его добротѣ и иначе не выражалась какъ минутной холодностью.

Можетъ-быть. Александръ самъ виноватъ во всемъ этомъ. Отъ дружбы онъ можетъ-быть требовалъ слишкомъ много и для друга самъ не умѣлъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ чтобъ былъ для него другъ. Передъ женщинами виноватъ, что не искалъ въ нихъ. Какъ бы то ни было, только никогда ни дружба, ни женская любовь, не разиживали этого сердца обреченнаго одиночеству. Его никогда не любили.

Много разъ онъ обзывалъ людей, думая привязать ихъ къ себѣ благодѣянiями, но судьба какъ-будто наложила на него свою руку и всѣ, кому онъ благодѣтельствовалъ, оказались неблагодарными.

Человѣкъ, котораго онъ спасъ отъ наказанiя *сквозь-строй* и взялъ въ деньщики, — обокралъ его.

Офицеръ промоталъ казенныя деньги. Онъ умолялъ Алексан-

дра спасти его отъ военнаго суда, говорилъ ему:—«У меня есть мать, ее убьютъ вѣсть, что сынъ ея разжалованъ».

— А у меня нѣтъ матери, сказалъ Александръ, и отдалъ ему не только всѣ свои, но и ротныя деньги, въ которыхъ ему была скорая нужда и за которыя онъ самъ могъ попасть подъ судъ.

Офицеръ заплатилъ ему за это только одной клеветой и ругательствами.

Одному онъ спасъ жизнь въ сраженіи.

Этотъ тоже заплатилъ ему за его подвигъ черной неблагодарностью и насмѣшками.

Было одно существо, которое, повидному, любило его и къ которому онъ привязался со всею силою первой привязанности, даже съ какой-то дѣтской раздражительностью.

Это его собака.

Въ сраженіи подъ Аустерлицомъ, подлѣ него пробѣжала прекрасная лягавая собака, у нея въ зубахъ былъ щенокъ.

Возлѣ самаго Александра, ядро оторвало заднія ноги у собачки; собака издохла, а щенокъ Александръ взялъ себѣ, воспиталъ его лелѣялъ, училъ.... И собака стояла этихъ заботъ: вся была съ коричневыми пятнами на ухахъ, она была красавицей въ своемъ родѣ. Она привязалась и привыкла къ Александру, такъ, что почти вполне понимала каждое его движеніе.

Впродолженіи одного года, собака выучилась звать его дещица, подавать ему фуражку, караулить его квартиру и его вещи; даже она ложилась въ грязь, чтобы Александру было на что положить свою голову когда ему приходилось почевать въ грязи. Она смотрѣла въ глаза ему.... И Александръ любилъ ее; онъ не бралъ въ ротъ куска хлѣба не подѣлывшись съ собакой, беречь ее болѣе чѣмъ себя, она замѣняла ему друга, семейство, все....

И эту собаку у него украли, сманили....

Александръ плакалъ по ней какъ ребенокъ, тосковалъ будто въ самомъ дѣлѣ потерялъ друга или невѣсту.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, подлѣ Пултускомъ, онъ увидѣлъ свою собаку по другую сторону непріятельской цѣпи.

Забывая опасность, онъ бросился къ непріятелю, зоветъ собаку къ себѣ; собака узнала его, замахала-было хвостомъ, побѣжала.... потомъ вдругъ бросилась всторону, и скрылась изъ глазъ.

«И она меня не любитъ!» сказалъ Александръ.

Въ это время его замѣтили на непріятельскихъ аванпостахъ, открыли огонь и онъ воротился раненый.

Его встрѣтилъ полковникъ, первый разъ въ жизни съ выговоромъ и съ заслуженнымъ: «К чему заводить напрасную перестрѣлку?»

Такъ протекли пятнадцать лѣтъ. Я приступаю къ разсказу важнѣйшаго случая въ жизни Александра.

Войска собирались къ границамъ Польши, чтобы отразить нашествіе на Россію Европы, подъ предводительствомъ великаго генія войны, не ожидая еще, впрочемъ, ее такъ близко.

Полкъ, въ которомъ служилъ Александръ, проходилъ черезъ одинъ уѣздный городъ. Сдѣлавши ротъ привалъ и намѣреваясь тутъ дневать, Александръ, отъ нечего дѣлать, пошелъ гулять по пустымъ улицамъ этого города.

Въ одномъ домѣ, онъ слышитъ плачь и стоны, входитъ... ему первымъ представился старикъ лѣтъ шестидесяти, возлѣ него старуха и двое дѣтей; всѣ плакали. У окна, облокотясь на столикъ сидѣла дѣвушка, она тоже горько плакала.

По комнатѣ ходилъ квартальный надзиратель, запечатывая комоды и сундуки. Два инвалида стояли у дверей для исполненія его приказаній. Еще всторонѣ стоялъ какой-то толстякъ.

Это семейство выгоняли изъ дому за тысячу рублей должныхъ старикомъ какому-то богачу, знатному господину, который, разумѣется, и не зналъ объ этой тысячѣ. Толстякъ былъ вольноотпущенный и повѣренный этого господина. Онъ влюбился въ дѣвушку, дочь старика, и хотѣлъ свататься.

Старикъ обидѣлся сватовствомъ вольноотпущенника.

Дочери могъ ли понравиться человекъ лѣтъ пятидесяти, круглый, съ рыжими короткими волосами, лакейскими ухватками.

И въ отищеніе за отказъ, онъ выгналъ семейство изъ дому, а старика тащилъ въ тюрьму.

Александръ едва успѣлъ взглянуть на эту сцену полную горести, какъ дѣвушка встала съ своего мѣста, бросилась въ ноги къ отцу и съ усміемъ твердой воли сказала: «Батюшка, благословите, я иду». Александръ взглянулъ на нее.

Марія была далеко не красавица, но ея глаза, полные чувства; ея волосы, густые въ развивавшихся пучкахъ; окладъ лица, полный выразительности; матовый цвѣтъ кожи и, наконецъ, ея горькая рѣшимость, — все это тронуло Александра за живую струну и онъ почувствовалъ въ груди своей новое чувство, однимъ словомъ, онъ влюбился.

Дрожащимъ голосомъ онъ спросилъ: — Великъ долгъ? Ему сказалъ:—тысяча рублей. Александръ бросился домой, сосчиталъ даже всю мелочь, насчиталъ девятьсотъ двадцать рублей, плодъ его пятнадцатилѣтней экономіи, занялъ восемьдесятъ рублей въ ротъ, принесъ къ старику, отдалъ квартальному, и убѣжалъ отъ благодарнаго взгляда Маріи.

На другой день, Александръ послалъ своего деньщика занять изъ артели гречневой крупы чтобы сварить кашу, а самъ ушелъ бродить по городу. Чувства его волновались чѣмъ то невѣдомымъ, онъ не могъ дать себѣ въ нихъ отчету: кровь кипѣла и ему безпрестанно представлялся взглядъ Маріи.

«Неужели я влюбленъ? подумалъ онъ: Боже! не пошли мнѣ этого несчастія... ну, кто полюбитъ меня несчастнаго урода!» И онъ шелъ далѣе отъ города въ лѣсъ, чтобы убѣжать отъ мыслей своихъ.

Дѣвушка также объ немъ думала.

Она уловила въ сіяніи его сѣрыхъ глазъ ту доброту, ту искренность, которыя представляли ей Александра красавцемъ. Она оцѣнила благородство его души и думала: вотъ человѣкъ, за которымъ можно быть счастливой.

Старикъ отецъ пошелъ отыскивать Александра благодарить его. Онъ засталъ только его деньщика съ мѣшкомъ гречневой крупы.

— Богатъ ли твой баринъ? спросилъ старикъ у деньщика.

— Какое богатъ! Вотъ у артельщика насылу выпросилъ крупки, а то бы хоть съ-голоду умри.

— Какъ? у него совсѣмъ нѣтъ денегъ.

— Было слишкомъ девятьсотъ, да еще занялъ у фельдфебеля восемьдесятъ, да и увесъ куда-то, теперь и щелкай зубами.

Старикъ ушелъ, рассказалъ дома, Марія еще болѣе стала цѣнить доброту Александра; она стала думать объ немъ и, наконецъ, полюбила въ своемъ воображеніи.

Вечеромъ полкъ ушелъ, и семейство, которое Александръ облагодѣтельствовалъ изъ своихъ послѣднихъ крохъ, не имѣло случая даже поблагодарить его.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полкъ опять проходилъ этотъ городъ, и опять по маршруту приходилось имъ здѣсь дневать.

Александръ ходилъ по берегу небольшой рѣчки.

Марія, и благодарный взглядъ ея брошенный на него, были постояннымъ предметомъ думъ Александра. Воображеніе рисовало ему Марію въ томъ положеніи въ какомъ онъ ее видѣлъ,

на колѣняхъ передъ отцомъ умоляющую благословить ее, пожертвовать собой для спокойствія семейства.... Иногда Александръ предлагалъ себѣ вопросъ: «К чему онъ такъ много думаетъ о Маріи?»

Но какъ и не думать ему о ней, она была первая, которая взглянула на него съ чувствомъ, хотя это чувство была благодарность.

Но Александръ никогда не мечталъ о взаимности: она и онъ эти слова слишкомъ далеко стояли въ его понятіи. Чтò я для нея? думалъ Александръ.

Всплескъ воды прервалъ его размышленія, вслѣдъ затѣмъ крикъ: «помогите! тонетъ!»

Въ рѣкѣ мелькнула черная точка, Александръ бросился въ рѣку, вынесъ ребенка лѣтъ пяти, и подавъ его — Маріи.

Она гуляла съ своимъ маленькимъ братомъ и замечтавшись объ Александрѣ, выпустила его изъ виду.

Мальчикъ, играя на берегу рѣки, какъ-то поскользнулся и упалъ въ воду.

Марія совершенно обезпаятъла отъ испугу и когда Александръ подавъ ей маленькаго шалуна, она въ волненіи чувствъ бросилась къ нему.... «Это вы! и всегда когда я въ несчастіи».

Потомъ опомнившись, Марія отскочила, не зная, чтò сказать отъ радости и стыда.... она потерялась....

— Марія! сказалъ Александръ: вы меня помните?

.....

Довольно ли я скажу, что Александръ, первый разъ въ жизни, отпросился въ отпускъ, и женился на Маріи.

И вотъ судьба, кажется, сжалась надъ Александромъ. Онъ женатъ на дѣвушкѣ, которая его любитъ; которая видитъ въ немъ свою жизнь, свое счастье, предана ему совершенно, и исполнѣтъ умѣетъ цѣнить доброту его; женатъ на дѣвушкѣ, которая любитъ его взглядъ чтòбъ предупреждать его желанія, и себя любить только для него; на дѣвушкѣ, для которой безобразіе Александра кажется красотой.

Да! онъ былъ счастливъ въ это время, совершенно счастливъ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, жена объявила ему, что она надѣется быть не только любящей супругой, но и доброй матерью.

Вскорѣ открылась война, отечественная война 1812 года. Александръ бросилъ свою молодую жену, чтобы отправиться въ

армію, что бы вызвать изъ груди солдатъ то громкое ура, съ которыми такъ охотно умираютъ русскіе солдаты.

Судьба, уставши испытывать падъ нимъ всѣ бѣдствія, какъ будто хотѣла потѣшить его в дарами своими. Александръ получилъ чинъ, получилъ крестъ, ему было уже кого радовать.

Марія разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ; его назвали Анатоіемъ. Этотъ Анатоій тотъ самый, о которомъ такъ много разсуждалъ Иванъ Павловичъ съ сѣрой шинелью Сорокинымъ въ началѣ нашего разсказа.

Александръ прислалъ, на зубокъ новорожденному, восемь тысячъ рублей.

Анатоій былъ рѣдкій ребенокъ.

У него были черные глаза и черные волосы,—рѣдкость въ ребенкѣ при необыкновенной вѣжвости и бѣлизнѣ кожи.

Однимъ словомъ Анатоій былъ ребенокъ такой хорошенькой, такой миленькой, в такой умненькой, что привлекалъ къ себѣ ласки чужихъ, даже тѣхъ, которые не любятъ дѣтей; что, по моему мнѣнію, показываетъ эгоиста.

Понятія его скоро развились: онъ полутора года былъ, по понятливости своей, точно трехлѣтній ребенокъ.

Мать любовалась на него и любила его безъ памяти. Безъ мужа она жила для него.

Съ какимъ бывало восторгомъ Марія учила его говорить папа! папа!... и первый разъ, когда Анатоій произнесъ это слово, она съ молитвой на устахъ, заплакала отъ радости.

Она съ умилениемъ слушала какъ ея сынъ произноситъ имя того, кого любить она болѣе сына.

Александръ былъ уже маіоръ.

Марія радовалась его успѣхамъ, и грустила о немъ; но слухи о скоромъ мирѣ возвратили ей надежду на скорое свиданіе; какъ-вдругъ, ядро на высотахъ Монмартрскихъ вырвало Александра изъ списка живыхъ.

И Александръ умеръ, испытавъ ровно столько счастья, сколько нужно было чтобы онъ зналъ, что люди иногда могутъ быть счастливыми.

Представьте себѣ горестъ Маріи: она потеряла его, потеряла того, кого любила болѣе жизни, болѣе всего въ мирѣ.

И вся любовь ея къ Александру сосредоточилась на Анатоіѣ, а эта любовь къ сыну была для нея необходима какъ воздухъ: безъ нея она не могла бы существовать.

Марія посвятила жизнь свою счастью сына.

II.

Сергѣй Макаровичъ Салонскій былъ одинъ изъ тѣхъ дворянъ, которые, проживая послѣднее въ своемъ раздробленномъ имѣніи, всё-еще думаютъ, что они богаты и важны, какъ были богаты и важны предки ихъ.

По женской линіи потомокъ князей, нѣкогда гремѣвшихъ на политическомъ горизонтѣ нашей исторіи, со стороны отца, Сергѣй Макаровичъ былъ потомокъ тоже древнихъ бояръ, нѣсколько разъ поименованныхъ въ разрядныхъ книгахъ по своимъ спорамъ о имѣстничествѣ.

Огромное состояніе давало возможность, предкамъ Сергѣя Макаровича, равняться съ самыми древними и богатыми фамиліями, и Салонскіе всегда были въ числѣ близкихъ къ особѣ государя, и были любимы и жалуемы.

Сергѣй Макаровичъ былъ представителемъ обѣихъ фамилій, гордился своими предками и былъ бѣденъ.

А еще такъ недавно только дѣдъ Сергѣя Макаровича занималъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, при довольно значительномъ состояніи, — до шести тысячъ душъ.

Роскошная жизнь нѣсколько поуменишила это состояніе, однако кромѣ доли, которую старикъ далъ въ приданое своей дочери, четыремъ сыновьямъ его досталось слишкомъ по тысячѣ душъ.

Отецъ Сергѣя Макаровича женившись взялъ триста душъ приданого, наградилъ дочь четырьмястами душъ, двумъ сыновьямъ оставилъ по четыреста-пятидесяти душъ, которыя Сергѣй Макаровичъ, однимъ изъ первыхъ, заложилъ въ московскій опекунскій совѣтъ, а деньги «прокутилъ съ лхими товарищами», — его собственное выраженіе.

Когда имѣніе пришло въ упадокъ и готово было къ продажѣ съ аукціоннаго торга, Сергѣй Макаровичъ женился, взялъ за женой четыреста душъ, заложилъ ихъ, заплатилъ педоннику и на остальные передѣлалъ заново свой домъ, экипажи и прочее. И эти деньги ушли вслѣдъ за первыми какъ-то незамѣтно.

Послѣ того онъ жилъ въ долгъ.

И вотъ потомокъ князей, и не болѣе какъ внукъ богатаго человѣка, имѣетъ только четыреста душъ, и долгу въ двое противъ того что стоитъ имѣніе.

Конечно онъ могъ бы и не имѣть долгу, могъ бы и не про-

мотать, но шесть тысяч и четыреста душ довольно значительная разница, и это только во втором колѣнѣ.

И такъ всё, рѣшительно всё!

Этотъ примѣръ не заставитъ ли насъ подумать о будущихъ потомкахъ нашихъ?

Но Сергѣй Макаровичъ всё-еще воображалъ себя обладающимъ состояніемъ, равнымъ состоянію своего дѣда, и хотѣлъ жить вельможею по преданіямъ, по разрядной книгѣ.

Но мы лучше познакоимся съ нимъ, если войдемъ въ этотъ старыи домъ, носящій на себѣ всё признаки прошедшей пышности, и черезъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ съ полинявшей позолотой пройдемъ въ кабинетъ Салонскаго.

Кабинетъ этотъ былъ полукруглая комната, оклеенная полосатыми обоями, продававшимися тогда по дорогой цѣнѣ, и обитая по карнизу золотымъ багетомъ. Полъ былъ устланъ богатымъ ковромъ, по которому, утромъ, Сергѣй Макаровичъ любилъ прохаживаться безъ всякой обуви.

Въ огромныхъ креслахъ, любясь новымъ скюртукомъ-халатомъ, только-что привезеннымъ отъ моднаго портнаго, сидѣлъ Сергѣй Макаровичъ. Передъ нимъ на столикѣ, уставленномъ всеми заѣмами челоуѣка, который забылъ счетъ деньгамъ и все забираетъ въ долгъ, лежалъ реэстръ кушаньямъ для предполагаемаго обѣда. Этотъ реэстръ принесъ Сергѣю Макаровичу его поварь.

Поварь, въ чистомъ передникѣ, стоялъ какъ автоматъ, не смѣя мигнуть, и смотрѣлъ на спину своего барина, ожидая его приказаній.

Сегодня Сергѣй Макаровичъ дѣлаетъ званый обѣдъ.

А между-тѣмъ кредиторы ждутъ въ передней уплаты множества мелкихъ долговъ. Сергѣй Макаровичъ вчера получилъ извѣстіе что имѣніе у него описываютъ,—но обѣдъ поправить все.

У Сергѣя Макаровича есть дочь. Говорятъ, что дочь его красавица; даже когда она была еще ребенкомъ, то и тогда засматривались на нее. Ея свѣтлыя волосы, кораловыя губки, миленькая улыбка и дѣтская веселость, заставляли называть ее херувимчикомъ.

Она росла и хорошеѣла со дня на день, такъ что всё говорили: «Что это, Сергѣй Макаровичъ, дочь-то у васъ какая красавица!»

— Вся въ меня, какъ вылитая, обыкновенно отвѣчалъ Сергѣй Макаровичъ.

Сегодня день рожденія его дочери: ей минуло шестнадцать лѣтъ

и Сергѣй Макаровичъ хочетъ показать Евгенію, своимъ знакомымъ во всемъ блескъ ея красоты.

Между ними много есть богатыхъ людей, можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ и.... А тутъ какъ парочно прѣхалъ изъ Москвы его бывший сослуживецъ, богатъ, милліонеръ; они съ нимъ старые знакомые; Сергѣй Макаровичъ ему даже обязанъ чѣмъ-то.... А чѣмъ? Сергѣй Макаровичъ этого никогда не говоритъ и старается вовсе не упоминать объ этомъ обстоятельстве.

— Хорошо, ка-бы Иванъ Ильичъ, подумалъ Сергѣй Макаровичъ. И ему представилось: какъ это хорошо имѣть зятемъ своимъ милліонера, какъ зажилъ бы тогда Сергѣй Макаровичъ на денежки будущаго сына. Правда, говорятъ будто эти деньги выиграны въ карты, да какое до того дѣло, были бы они, вотъ главное.... Онъ вдовецъ, что жъ за бѣда, отъ чего жъ и не выходить за вдовца? И на вдовахъ женятся! а онъ до-сихъ-поръ, говорятъ, крѣпокъ, молодецъ, даже можно сказать хорошъ собой, и помоложе меня будетъ, думаетъ Сергѣй Макаровичъ. Ему пятидесяти лѣтъ нѣтъ, а Евгеніи шестнадцать.... Ну что жъ? тѣмъ лучше, онъ человѣкъ опытный, будетъ умѣть управлять женой, а ей нуженъ руководитель.... Говорятъ будто за нимъ водились кое какіе грѣшки, ну да кто же нынче безъ грѣховъ живетъ? Они будутъ счастливы!... А между-тѣмъ долги уплатятся, нѣвніе поправятся, и Сергѣй Макаровичъ Салонскій будетъ опять Сергѣй Макаровичъ Салонскій, а у него зять будетъ милліонеръ....

И Сергѣй Макаровичъ готовъ былъ выдать дочь свою за пятидесяти-лѣтняго мужчину, вдовца, игрока. И рѣшился на это Сергѣй Макаровичъ безъ грустной необходимости, безъ внутренней борьбы чувствъ. Онъ въ умѣ своемъ рѣшилъ, что дочь его будетъ счастлива, потому что будетъ богата, и опять проговорилъ со вздохомъ: «хорошо бы!»

Въ передней раздался звонокъ.

Анатолій Александровичъ Наловъ!... проговорилъ офиціантъ.

Вошелъ молодой человѣкъ.

Узнали ли вы Анатолія, этого ребенка, котораго мать плакала отъ радости, когда онъ начиналъ говорить папа. Ему было теперь двадцать-два года. Онъ былъ довольно высокаго росту и статенъ, не смотря на то что формы его не имѣли ни какой округлости.

Анатолій былъ худощавъ. У него была широкая грудь, тонкая талія и сильные мускулы. Лице его, бѣлое какъ у ребенка, нѣжное какъ у дѣвушки, было слишкомъ молодо для его лѣтъ. Но

въ выраженіи лица Анатолія, вы бы уловили силу характера, которая любить все подчинять своей волѣ.

Легкій пухъ отдѣлялъ верхнюю губу Анатолія, и придавалъ мужественное выраженіе его фizioноміи.

Пробивающіеся усы всегда интересны въ глазахъ женщинъ, которыя по нимъ угадываютъ въ молодомъ человѣкѣ и начало страсти, и развитіе мужественности.

Глаза Анатолія, то блестящіе то нѣжные, подъ густой бровью, были прекрасны; носъ нѣсколько римскій; ротъ довольно большой, съ тонкими губами, на которыхъ замѣчалась по временамъ саркастическая улыбка; русые волосы обстриженные въ кружокъ и завитые буками, падали на его плеча.

Но почему вы сейчасъ бы замѣтили Анатолія, что составляло его личность, его особенность, на которую вы непременно обратили бы вниманіе, это оригинальная рѣзкость движеній, рѣшительность поступковъ, опредѣлительный тонъ и настойчивость.

Нѣжность матери, не умѣющая обуздать даже капризы ребенка, позволила Анатолію управлять собой почти съ трехлѣтняго возраста. Это-то вѣроятно и доставило ему ту особенность, о которой я говорилъ.

Прибавьте еще пропитательный взглядъ, увѣренность въ себя, довольно блестящее воспитаніе, привычку обдумывать свои дѣйствія, и вмѣстѣ пылкость,—и вы составите себѣ довольно вѣрный портретъ Анатолія.

Анатолію было около двухъ лѣтъ когда онъ потерялъ своего отца.

Марія, посвятивъ счастію сына жизнь свою, не хотѣла тратить что-нибудь изъ денегъ, присланныхъ покойнымъ мужемъ на зубокъ Анатолію. Она положила деньги въ ломбардъ, а сама, продавъ что можно было продать, уѣхала въ Петербургъ, думая найти здѣсь мѣсто гувернантки или компаніонки, и этимъ средствомъ содержать себя и воспитать сына.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, она услышала, что какой-то пожилой человѣкъ ищетъ себѣ такую женщину, и даетъ хорошее жалованье, если она согласится на отъѣздъ.

Марія отправилась къ нему.

Ей сказали номеръ квартиры въ трактирѣ, а не сказали его фамилію; и потому она чрезвычайно испугалась, когда на дощечкѣ прочла: отставной штабъ-ротмистръ Дмитрій Наломъ.

Она думала, не воротится ли ей? Приметь ли ее братъ ея мужа, который никогда брату своему не оказывалъ ни малѣйшаго

вниманія. Въ это время дверь отворилась, и вышелъ самъ отставной штабъ-ротмистръ. Старшій братъ несчастнаго Александра былъ старый холостякъ. Послѣ смерти отца онъ вышелъ въ отставку и жилъ принимаячи въ своемъ имѣніи. Онъ былъ весельчакъ, кутяла, однако не промоталъ своего состоянія, слишкомъ тысяча душъ, да тысячъ до двухъ сотъ денегъ, оставленныхъ ему отцемъ, старымъ секретаремъ.

Это потому что онъ въ деревнѣ не умѣлъ прожить болѣе того что получалъ. Дмитрій на службѣ былъ, что называется, славный товарищъ, въ отставкѣ добрякъ; онъ позабылъ совсѣмъ о несчастномъ братѣ, имѣніемъ котораго пользовался, и давно уже не считалъ его въ числѣ живыхъ.

Увидѣвъ у своихъ дверей хорошенькую даму въ траурѣ, одну, онъ по старой привычкѣ обратился къ ней довольно дерзко.

— Что тебѣ угодно, миленькая? спросилъ онъ у Маріи.

— Извините меня, мнѣ сказали что здѣсь господинъ ищетъ гувернантки для дѣтей.

— Не совсѣмъ такъ, душечка; компаніонки для себя, сказалъ Дмитрій, улыбаясь отъ своей двусмысленности.

— Въ такомъ случаѣ я ошиблась, и жена Александра хотѣла было уйти.

— Да скажи мнѣ по-крайней-мѣрѣ, какъ зовутъ тебя, хорошенькая, спросилъ отставной штабъ-ротмистръ, оставивъ ее и принимая на себя тонъ волокиты, который вовсе не присталъ его сорокалѣтнему помѣщичьему лицу.

— Меня! Вамъ угодно знать это? сказала, остановившись Марія съ такою гордостію, что Дмитрій невольно попятился отъ ея словъ.

— Да, васъ! прекрасная дама, сказалъ онъ, не ниѣя духу сказать ей ты.

— Марія Дмитриевна Налова, отвѣчала она, смотря прямо въ глаза.

— Налова! отвѣчалъ Дмитрій, какъ Налова? Наловыхъ больше нѣтъ.

— Я жена вашего брата Александра.

— Александра! гдѣ же братъ мой?

Марія указала на небо.

Дмитрій былъ тронутъ. Онъ просилъ ее зайти къ нему и рассказать о братѣ; просилъ со всею вѣжливостію, со всею родственной любовью.

Марія рассказала ему про Александра, рассказала какъ онъ по-

слѣдними деньгами спасъ ея семейство отъ безчестія, отъ тюрьмы; какъ спасъ ея брата, какъ она любила его, была счастлива съ нимъ, и какъ онъ умеръ, сражаясь за отечество; умеръ въ ту минуту, когда судьба начинала улыбаться ему, окруживъ его преданнымъ ему семействомъ.

Марія плакала, рассказывая о своемъ мужѣ, и у Дмитрія на глазахъ выступили слезы. Ему стало жаль брата, терпѣвшаго крайность въ то время, какъ самъ онъ жилъ въ довольствѣ, и Дмитрій говорилъ вполголоса:

— Несчастный! несчастный!....

Марія кончила.

— Я совсѣмъ не зналъ о братѣ, сказалъ Дмитрій, и думалъ что его давно уже нѣтъ въ живыхъ. Я много виноватъ среди нимъ, но по-крайней-мѣрѣ постараюсь вознаграждать его семейство. Вы сказали что послѣ брата остался сынъ?

— Да! Анатолій, отвѣчала Марія, для него-то я и готова идти въ воспитательницы.

— Онъ будетъ моимъ сыномъ, отвѣчалъ Дмитрій: простите меня сударыня, простите сестрица, позвольте мнѣ называть васъ этимъ именемъ. Вашъ Анатолій мнѣ родной племянникъ, у меня дѣтей нѣтъ, и кажется я никогда не женюсь; позвольте же мнѣ устроить его участь, онъ же мой прямой наследникъ. А вы!.... я предложилъ бы вамъ мой домъ; но мы оба еще довольно молоды и клевета насъ не пощадитъ. Тѣнь брата для меня священна и я не хочу чтобы она была оскорблена даже клеветой. Онъ и такъ былъ довольно несчастливъ.

— Я васъ пристрою гдѣ нибудь и дамъ приличное содержаніе; такъ, что вы, получая пенсіонъ послѣ моего покойнаго брата, будете въ-состояніи жить безъ нужды. Разумѣется, для пользы вашего сына вы согласитесь, чтобы онъ жилъ тамъ гдѣ можетъ образоваться себя.

Какъ сказано такъ и сдѣлано. Маленькаго Анатолія дядя-взятъ себя, потомъ когда ему не было еще пяти лѣтъ, по усиленной просьбѣ своей компаніонки, которую Дмитрій тогда скоро нашелъ, отдалъ его въ лучший пенсіонъ, откуда Анатолій долженъ былъ поступить въ лицей.

Марія, успокоенная на счетъ участи сына, жила хорошо.

Вскорѣ она уѣхала въ свой городъ, гдѣ Дмитрій купилъ ей небольшой домикъ.

Анатолій, какъ я сказалъ, воспитывался въ пенсіонѣ съ пяти лѣтъ. Дядя требовалъ, чтобы онъ былъ отличный наѣздникъ, слав-

но умѣлъ стрѣлять, фехтовать и любезничать съ женщинами. Мать—чтобъ Анатолій былъ музыкантъ, однимъ словомъ, чело-вѣкъ изящно воспитанный. Содержатель пенсіона, даримый съ обѣихъ сторонъ, старался согласить обоюдныя желанія.

Привычка быть съ дѣтства между чужими, сообщила ему ту рѣшительность и рѣзкость, которыми Анатолій отличался. Ранній успѣхъ въ наукахъ развилъ его самолюбіе; а способность, даже склонность къ математикѣ и логикѣ, дали ему расчетъ, который вы бы замѣтили во всякомъ словѣ и движеніи.

Когда Дмитрій уѣзжалъ, то поручилъ Анатолія своему другу и товарищу по службѣ, Сергѣю Макаровичу Салонскому.

Сергѣй Макаровичъ Салонскій, такъ гордый своими предками, другъ Назова, сына оставленнаго за взятки секретаря! съ удивленіемъ скажете вы.

Но Сергѣй Макаровичъ, вовсе и не подозрѣвалъ, что Дмитрій Назовъ, дворянинъ не болѣе какъ въ третьемъ колѣнѣ. Зная его офицеромъ гвардіи, которому отставной секретарь присылалъ довольно денегъ, чтобы кутить, онъ предполагалъ его видѣть тоже обломкомъ какой-нибудь древней фамиліи.

Дмитрій не выводилъ его изъ заблужденія. Дружба ихъ скрѣпилась одолженіями.

По этому Дмитрій при отъѣздѣ и поручилъ своего племянника Сергѣю Макаровичу.

Тогда Сергѣй Макаровичъ жилъ хорошо, проживая деньги, полученныя изъ опекунскаго совѣта за жену и дѣтей.

Вскорѣ у Сергѣя Макаровича родилась дочь Евгенія, и онъ схоронилъ жену свою.

Я сказалъ уже, что Евгенія была хорошевькій ребенокъ.

Она и Анатолій росли вмѣстѣ, и это была прекрасная парочка какою только можно себя представить; они были будто созданы другъ для друга. Лѣта, положеніе въ свѣтѣ, а болѣе всего ихъ взаимная дружба, заставили думать, что они могутъ быть связаны нѣживыми, неразрывными узами.

Такъ думалъ иногда и Сергѣй Макаровичъ.

Почему жъ не такъ?... думалъ онъ. Анатолію дядя оставляетъ тысячу душъ, а я Евгенія восемьсотъ пятьдесятъ. Правда, у Дмитрія много денегъ, говорятъ тысячъ двѣсти въ ломбардѣ, а у меня много долговъ. Но за то я потомокъ древнихъ князей, а онъ только простыхъ бояръ, правда древнихъ, но все же бояръ.... Къ тому же Евгенія красавица.

— А молодые люди?

Довольно значительная разница лѣтъ, (Анатолій былъ старѣе Евгеніи шестью годами) полагала имъ въ молодости преграду къ свободному изліянію чувствъ между собою. Но когда способности Евгеніи стали развиваться, когда женщина догоняла мужчину, тогда Анатолій невольно любовался этой хорошенькой головкой, безпрестанно теряющей свой дѣтскій отпечатокъ, но за то принимающей выразительность чувства и мысли, которыя сообщали ей личику особенную прелесть. Волосы ея темнѣли, окладъ лица становился правильнѣе, формы развивались.

Анатолій былъ бы камень, если бъ въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ, не замѣчалъ этой красоты, развитіе которой онъ могъ слѣдить, какъ слѣдятъ разцвѣтъ розовой почки.

И Евгенія не могла не любоваться огнемъ темно-карихъ глазъ Анатолія, его оригинальностью и рѣзкостью, его мужественной красотой и вмѣстѣ дѣвственной нѣжностью, его братской любовью къ ней, и мелкими угожденіями, которыми онъ предупреждалъ ея желанія. Ей нравилась его ловкость въ верховой ѣздѣ, его острога въ разговорѣ, и его гордая независимость характера.

Никто такъ хорошо не танцевалъ какъ Анатолій, и ни съ кѣмъ не танцевалъ онъ такъ охотно какъ съ Евгеніей. Это льстило самолюбію тринадцатилѣтней дѣвушки.

Сергѣй Макаровичъ почиталъ ихъ обоихъ дѣтьми.

Анатолій часто смотрѣлъ на Евгенію, и подмѣчалъ какъ ея глаза, пораженные тѣмъ-нибудь, останавливались на немъ, ожидая объясненія. И онъ говорилъ ей, толковалъ; она слушала его со вниманіемъ, съ самозабвеніемъ.

Вообще можно сказать, что Анатолій любилъ Евгенію, какъ онъ никогда бы не любилъ своей младшей сестры.

Евгенія любила Анатолія не болѣе какъ старшаго брата, который ее любить и тѣшить. Чего же ожидать отъ дѣвушки въ тринадцать лѣтъ! Однако былъ одинъ случай, который показалъ, что этотъ ребенокъ будетъ когда-нибудь умѣть любить.

Вышедши изъ лица, Анатолій, отчасти по предписанію дяди, но больше по своему желанію, отправлялся путешествовать.

Онъ прощался съ Евгеніей.

— Ты забудешь меня, Евгенія, говорилъ Анатолій: вырастешь, и холодно встрѣтишь своего брата.

— Я не умѣю забывать, отвѣчала Евгенія улыбаясь, и показывая два ряда жемчужныхъ зубовъ.

— Научишься Евгенія, на это не много надо времени, чтобы

забыть тѣхъ, кто истинно тебя любить; какихъ-нибудь два-три года. Ты же скоро невѣста, и потому узнаешь многое, о чемъ теперь не имѣешь понятія.

— Вы не добрый человѣкъ, Анатолій, сказала она, имѣя улыбку со слезами, которыя невольно показывались на ея глазахъ. Вы говорите это нарочно, чтобы помучить меня. Скажите, чѣмъ мнѣ доказать, что я не забуду васъ, потому что сестры братьевъ не забываютъ?

— Ангелъ Евгенія, отвѣчалъ Анатолій, неужели это правда?

— Ты сомнѣваешься, но сомнѣніе грѣхъ. Ну, скажи, пожалуйста, что бы, по твоему, я любила болѣе всего кромѣ папеньки?

— Мнѣ кажется, Евгенія, что послѣ батюшки ты любишь болѣе всего, вотъ этого соловья.

Соловей въ это время пѣлъ. Его голосъ то раздавался громкими трелями, то дребезжалъ, то тихой гармоніей переливался, или, если можно такъ выразиться, струился въ нѣжныхъ мотивахъ.

— Этого соловья! сказала тринадцатилѣтняя дѣвушка, ты думаешь, что я люблю его болѣе чѣмъ тебя? смотри.... И она отворила кѣтку; соловей выпорхнулъ и улетѣлъ въ отворенное окно.

Анатолій не успѣлъ опомниться.

— У меня не будетъ другаго, сказала Евгенія, покуда ты не привезешь мнѣ соловья изъ чужихъ краевъ.

— Евгенія! чѣмъ я заплачу тебѣ за твою жертву, спросилъ ее Анатолій, дѣйствительно тронутый.

— Вѣрой! отвѣчала Евгенія, вѣрой, что я васъ никогда не забуду, господишь невѣрующій, смѣясь сказала дѣвушка, пародируя слово, означавшее прошлыхъ модниковъ.

Анатолій простылъ и уѣхалъ.

Евгенія была постоянной мечтой его, его идеаломъ. Онъ создавалъ себѣ ея портретъ съ тѣми измѣненіями, которыя должны были произойти въ дѣвушкѣ, въ продолженіи его путешествія.

Черезъ два года съ половиною онъ воротился, и теперь пріѣхалъ съ визитомъ къ Сергѣю Макаровичу.

Вы помните что Сергѣй Макаровичъ сидѣлъ за проэктомъ званнаго объѣда, когда ему доложили объ Анатолій.

Онъ сначала съ удивленіемъ повторилъ имя молодого человѣка. Сергѣй Макаровичъ, увлекаясь мечтами о милліонахъ, и позабылъ что у него въ домѣ съ дѣтства былъ человѣкъ, о которомъ онъ съ удовольствіемъ думалъ, какъ о будущемъ сынѣ своемъ, и

сперва съ вѣкотораго рода досадою, опустил шелковые свурки своего халата, оборотился.

Анатолій стоялъ передъ нимъ.

Сергѣй Макаровичъ вдругъ вспомнилъ о тысячѣ душахъ его дядюшки, своего пріятеля, о двухъ-стахъ тысячахъ чистыхъ денегъ. Онъ сообразилъ, что нельзя упускать одного, когда другой еще и въ виду не имѣется, когда о другомъ онъ еще смѣетъ только мечтать. По этому Сергѣй Макаровичъ быстро всталъ, обнялъ Анатолія по родственному, тутъ же пригласилъ обѣдать и потомъ сталъ разсматривать его наружность.

— Да ты молодецъ, братецъ, просто красавецъ, утѣшилъ, подарилъ! и прочее... Восклипанія слѣдовали одни за другими.

Потомъ слѣдовали рассказы, объясненія. Анатоліій съ минуты на минуту болѣе нравился Сергѣю Макаровичу, особливо когда послѣдній вспоминалъ про денежки его дядюшки, и про свои собственные долги.

— Позвать Евгенію! закричалъ Сергѣй Макаровичъ.

— Евгенія Сергѣевна еще помнитъ меня, позвольте васъ спросить Сергѣй Макаровичъ, сказалъ Анатоліій: почти три года отсутствія, не измѣнили ея ко мнѣ расположенія?

— Помнить! да еще и какъ помнить, спитъ и видитъ твое возвращеніе! Ну, да теперь, слава Богу, увидитъ и па яву.

Въ это время вошла Евгенія и восклицаніемъ радости привѣтствовала возвращеніе Анатолія.

— Вы меня не забыли, Евгенія? сказалъ Анатоліій...

Гости собрались къ обѣду.

Сергѣй Макаровичъ, довольный собою, переходилъ отъ одного къ другому и принималъ ихъ съ гордымъ видомъ покровительствующаго барина. Гости отвѣчали вѣжливостію на вѣжливость, а сами внутренно смѣялись надъ нимъ, и надъ его желаніемъ казаться богатымъ, значительнымъ.

Всѣ знали что этотъ обѣдъ—послѣднія крохи умирающаго кредита и состоянія, этотъ обѣдъ былъ какъ бы похоронное пршество упадающей фамиліи. И всѣ невольно были скучны какъ на похоронахъ, разговоръ не вязался, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали обѣда.

Половина седьмага, обѣда не подаютъ.

Гости съ жадностію поглядываютъ на дверь, изъ за которой по временамъ слышится стукъ тарелокъ, но дверь не отворяется.

— Который часъ на вашихъ часахъ? спрашивали гости другъ у друга.

— Сорокъ минутъ седьмого!

— Кажется пора бы!

Да, долго не подаютъ.

— Ужъ поварь не убѣжалъ ли съ кухни?

— Что жь! можетъ-быть! Можетъ-быть, ему года два не платили жалованья, онъ и вздумалъ, за свое долготерпѣніе, наказать и васъ терпѣніемъ.

— Можетъ-быть серебра не достало, такъ хозяинъ послалъ искать на прокатъ?

— Ужъ стерлядь, которую Сергѣй Макаровичъ досталъ за большую сумму въ долгъ, и хотѣлъ ею удивить своихъ гостей, ужъ эта стерлядь, не полетѣла ли съ готового блюда на полъ, и теперь, можетъ-быть, не знаютъ чѣмъ замѣнить ее?

— Можетъ-быть, а обѣдать все-таки не подаютъ, а я признаться съ утра ни чего не ѣлъ.

Не было бы конца толкамъ гостей, если бы Сергѣй Макаровичъ не сказалъ, что онъ еще ждетъ одного миллионера.

— Миллионера! въ одинъ голосъ вскрикнули гости. Кого это?

— Это одинъ мой старшій сослуживецъ, также и вашего дядюшки, сказалъ Сергѣй Макаровичъ, оборотясь къ Анатолю. Онъ недавно пріѣхалъ изъ-за границы, путешествовалъ для собственнаго своего удовольствія, потомъ жилъ въ Москвѣ. Человѣкъ оборотливый, нажилъ себѣ огромное состояніе. У него домъ въ Большой Морской.

— Какъ его фамилія?

— Иванъ Ильичъ Луринъ.

— Луринъ! у васъ будетъ Луринъ? и гости перестали толковать объ обѣдѣ, какъ-будто ихъ аппетитъ утолился словами: здѣсь будетъ Луринъ.

— Кто этотъ Луринъ? спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Какъ! вы не знаете Ивана Ильича Лурина? отвѣчалъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ всезнающими.

Почти все слышали о Луринѣ и потому осыпали вопросамъ говорившаго: Кто онъ? Правда ли что онъ отлично стрѣляетъ? Правда ли что онъ игрокъ? Правда ли, говорятъ, что Луринъ обладаетъ секретомъ на вѣрную угадывать карты?....

— Что касается до секрета на вѣрную угадывать карты, и до прочихъ исторій, которыя про него рассказываютъ, то я не вѣрю въ колдовство, но Луринъ дѣйствительно былъ игрокъ, то есть просто *шутеръ*, простите за тривіальное выраженіе. Только онъ

не беретъ картъ въ руки съ-тѣхъ-поръ какъ они составили ему состояніе. Впрочемъ Луринъ человѣкъ дѣйствительно не обыкновенный.

— Теперь онъ вовсе не играетъ?

— Нѣтъ, не играетъ!

— Вотъ, говорятъ, нельзя отвыкнуть отъ игры: не служить ли Луринъ примѣромъ противнаго?

— Имѣйте для этого волю Луринна. Да и онъ, не играетъ, а не можетъ отстать отъ игры. Ночи просиживаетъ у игроковъ, смотреть на игру, наблюдать за обманами, которые тамъ употребляются. И это онъ называетъ: слѣдить за ходомъ науки.

— Хороша наука!

Послѣ этого начались рассказы о Луринѣ.

— Говорятъ будто Луринъ совершенный космополитъ?

— Правда ли, что онъ имѣетъ рѣдкій даръ разсчитывать всякую спекуляцію и никогда не ошибается въ разсчетѣ.

— Говорили будто онъ бросился въ спекуляціи, но теперь объ этомъ ничего не слышно...

— Рассказываютъ, будто Луринъ изъ пистолета и до сихъ-поръ разбииваетъ голову летящей ласточкѣ.

— Это не возможно!

— Почему жь?

— А мнѣ говорили, что когда Луринъ былъ молодъ, то на шпагахъ бился одинъ противъ троицхъ...

Къ крыльцу подъѣхала щегольская карета, на плоскихъ ресорахъ. Прекрасныя лошади и прочіе атрибуты богатства заставили обратить на нее вниманіе.

Луринъ вошелъ, гости замолчали.

Въ это время Лурину былъ около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ высокаго росту, красиво сложенный мущина и чрезвычайно любезный во всѣхъ пріемахъ.

Бѣлая кожа и черныя волосы съ просѣдью, прекрасно соединялись съ блескомъ его глазъ, которые до сихъ лѣтъ сохранили свою силу. Огромныя сѣдые усы придавали особенное выраженіе его восточному лицу; это выраженіе можно назвать отпечаткомъ ранней старости.

Сергій Макаровичъ встрѣтилъ Луринна чрезвычайно обязательно, но какъ человѣкъ жившій въ свѣтѣ, умѣлъ не уронить и своего собственного достоинства. Онъ хотѣлъ въ глазахъ всѣхъ быть аристократомъ Салонскимъ, но также хотѣлъ быть вѣжли-

вынѣ, пріятливымъ хлѣбосоломъ, который помнитъ и старую пріязнь, и старое одолженіе.

Луринъ съ своей стороны отвѣчалъ Сергѣю Макаровичу очень любезно, даже у него вырвалось нѣсколько словъ, которыя можно было назвать изысканно любезными, но когда онъ говорилъ эти пріятствія Сергѣю Макаровичу, лицо его было такъ блѣдно, такъ холодно, улыбка такъ неподвижна, что Луринъ казался сдѣланнымъ изъ бѣлаго мрамора. Только одни глаза сверкали.

Онъ успѣлъ окинуть взглядомъ присутствующихъ и всѣ преклонили головы передъ могущественнымъ взглядомъ миллионеровъ.

Только Анатолій съ Евгеніей не замѣтили этого общаго стремленія къ новому лицу.

— Иванъ Ильичъ, позвольте познакомить васъ съ моею дочерью сегодня ея рожденіе сказалъ Сергѣй Макаровичъ. Евгенія!

Евгенія подошла.

Луринъ хотѣлъ сказать ей какое-то пріятствіе, взглянулъ и невольно остановилъ свой пронизательный и сильный взглядъ на свѣтломъ обликѣ дѣвушки.

Онъ задумчиво смотрѣлъ на Евгенію и свѣтскій комплиментъ замеръ на его губахъ прежде чѣмъ Луринъ сказалъ его; въ груди своей онъ чувствовалъ знакомое ощущеніе, кровь волновалась и краска выступила на блѣдныя щеки, такъ давно не покрывавшіяся краской....

Что взволновало Лурина? чтó заставило его измѣнить свою ледяную фигуру? увлекся ли онъ юной разцвѣтающей красотой, или эта красота напомнила ему что-нибудь прошлое, напомнила другую красоту, когда-то любимую имъ, когда-то волновавшую всю его гордую душу. Можетъ-быть эта красота вызвала изъ груди завѣтное воспоминаніе; можетъ-быть, ему казалось, что онъ въ ней находитъ замѣну того, чтó почиталъ незамѣнимымъ....

Наконецъ Луринъ сказалъ что-то.

А хороша ли собой Евгенія?

Не знаю! Посмотрите сами. Ей уже не тринадцать, а шестнадцать лѣтъ.

Евгенія, опустивъ глаза, стояла передъ Луринимъ съ гармоническимъ пріятствіемъ на своихъ хорошенькихъ губахъ.

Двѣ вещи я отличаю въ красавицѣ, и эти два отличительныя признака составляютъ по моему красоту: взглядъ и улыбка.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы замѣтили улыбку Евгеніи. Эта улыбка такъ эфирна, такъ измѣнчива, что вы едва успѣваете

уловить ея выраженіе, но всегда мила, всегда привлекательна. Она даритъ счастіемъ окружающихъ, смѣется вашей радости. Такое счастливое соединеніе коралловыхъ губокъ сообщаетъ особенную прелесть всему облику Евгеніи и можетъ сравниться только съ ея взглядомъ.

Есть русская поговорка: что ни взглянетъ, рублемъ подарить. Эта поговорка какъ нельзя болѣе идетъ къ Евгеніи.

Взглядъ ея, то свѣтлый, блестящій, то нѣжный, томный, полный участія къ вамъ, полный любви ко всему, заставляетъ васъ или долго любоваться темно-карими глазами Евгеніи, или невольно потупить свои глаза, не выносящіе лучей этого взгляда.

Темнорусые ея волосы, назвать ихъ шелковыми слишкомъ старо, но они были мягки какъ шелкъ и падали локонами на округленные, будто искусной рукой Кановы, плеча.

Я понимаю что волосы Евгеніи могутъ возбуждать восторгъ.

Вѣрно ли я выражусь, ежели скажу, что цвѣтъ ея кожи былъ болѣе свѣту? Нѣтъ! я бы тогда слишкомъ много отнял у Евгеніи.

Жизнь, которая играетъ подъ кожей дѣйствительно, блѣлой какъ свѣтъ, сообщаетъ и самой кожѣ цвѣтъ, не имѣющій названія, неуловяемый живописцами, но такъ хорошо замѣчаемый нашимъ зрѣніемъ.

— Да! Евгенія очень хороша собой. Ей было теперь шестнадцать лѣтъ, самая поэтическая пора, когда дѣвушка становится прекрасною, будучи еще ребенкомъ. Она стояла передъ Луринимъ и такъ мило опустила глаза свои передъ его взглядомъ.

Звали обѣдать. Луринъ подалъ свою руку Евгеніи и повелъ ее въ столовую.

Сергѣй Макаровичъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Евгенія произвела нѣкоторое впечатлѣніе на милліонера.

Съ обѣда Иванъ Ильичъ Луринъ воротился очень скученъ. «Неужели я влюбленъ? думалъ Луринъ.... Странная вещь, мнѣ влюбляться! и въ кого же? въ шестнадцати-лѣтняго ребенка. Въ мои лѣта, и мнѣ, полюбить,—когда любовь моя давно уже прошла и улетѣла, какъ и моя молодость.... Нѣтъ, вздоръ! Я теперь живу для мести, и до-тѣхъ-поръ пока этотъ.... (у Луринна мускулы сдѣлали судорожное движеніе). О! до-тѣхъ-поръ я не буду думать ни о чемъ, кромѣ мести. И моя любовь — мечь».

А что такое мечь? Убить человѣка значить ли отмстить ему? Нѣтъ! это развѣ пародія мести. Мучить его, вотъ мечь, и не день, не годъ, а цѣлую жизнь. Заставить его наконецъ при-

ти во мнѣ жаловаться на свою судьбу, и тогда уже нанести послѣдній ударъ, который заставилъ бы его проклинать часъ своего рожденія. Вотъ мечь! И я посвящу жизнь свою мечь!

За чтѣ же я не буду знать семейной радости? За чтѣ роковая судьба лишила меня всего, что я цѣню дорого!...

Неужели я долженъ умереть? а я не испыталъ радости, не испыталъ счастья, какъ я представляю его себѣ.

Почему жъ, развѣ я старикъ? развѣ я не могу еще увлечь кого-нибудь? Говорятъ, Мазепа увлекалъ шестидесяти лѣтъ, а мнѣ только пятьдесятъ.... Евгенія прекрасное дитя. Какой огонь въ ея глазахъ, полныхъ души, чувства! сколько въ ней граціозности, прелести. Я невольно люблюсь на нее.... Она похожа на жену мою, у ней столько же прелести, любящаго страданія.... нѣтъ, она вовсе не похожа! у нея нѣтъ той мягкости, того дѣтскаго простосердечія... за то въ Евгенинъ есть возвышенность, сила души, непонятная, но увлекающая, чарующая.... Но я не люблю Евгенинъ! Смѣшно сказать, что я думаю о ней. А я невольно о ней думаю, но это не любовь! Я не такъ любилъ! я не долженъ любить и не люблю.

И Сергѣй Макаровичъ напрасно ждалъ предложенія Луринъ. Луринъ молчалъ.

Между-тѣмъ Анатолій говорилъ Евгенинъ, какъ онъ думалъ за границей о днѣ ихъ свиданія, какъ онъ представлялъ себѣ Евгенинъ, какъ она была его постоянной мыслью, его идеаломъ, — говорилъ много и его слушали.

Анатолій былъ счастливъ.

Кредиторы не давали покоя Сергѣю Макаровичу. Луринъ не сдѣлалъ даже и намекъ и потому Сергѣй Макаровичъ думалъ: Анатолій женихъ очень, очень и очень выгодный....

Однажды, когда Сергѣй Макаровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, особенно озабоченный какими то счетами, къ нему вошелъ Анатолій.

Разговоръ ихъ кончился тѣмъ, что чрезъ посредство Анатолій и Евгенинъ были сговорены.

Сергѣй Макаровичъ говорилъ, что онъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ другѣ Дмитрѣ, чтобы сомнѣваться въ его согласіи.

Поэтому онъ писалъ къ нему послѣ сговора, хвалилъ Анатолія и просилъ пріятеля-свата поторопиться пріѣхать на свадьбу, чтобы не остановить счастья молодыхъ людей и писалъ, что свадьба назначена черезъ мѣсяцъ, въ самое заговѣнье, и что онъ будетъ ждать отъ Дмитрія извѣстія съ часу-на-часъ и, наконецъ,

очень тонко замѣчать, что имѣніе, которое онъ отдаетъ дочери, имѣетъ на себѣ нѣсколько долгу, который Дмитрій, вѣроятно, очиститъ для своего племянника. Главное же, Сергій Макаровичъ просилъ поспѣшить, чтобы не разстроить ихъ приготовлений, тѣмъ болѣе, что наступающій постъ заставляетъ торопиться, и что вѣрно Дмитрій не захочетъ томить своего Анатоія.

Въ самомъ же дѣлѣ, причина поспѣшности Сергія Макаровича заключалась въ боязни потерять выгоднаго жениха для своей дочери и въ крайней необходимости уплатить нѣкоторые долги, которые уже поступили ко взысканію.

Сергій Макаровичъ готовилъ приданое; онъ хотѣлъ чтобы оно хоть по-крайней-мѣрѣ соответствовало знаменитости его предковъ.

Влюбленные, — какъ всегда бываетъ съ влюбленными, — любовались другъ на друга, мечтали о будущемъ блаженствѣ, о днѣ своего соединенія.

Наконецъ время пришло. Свадьбѣ быть завтра.

III.

Не знаю, съумѣю ли я вамъ рассказать, о чемъ мечтаетъ дѣвушка наканунѣ своего брака.

Головка этой дѣвушки наполнена множествомъ идей, которыя безпрестанно смѣняются одна другой и рисуютъ ей такіе разнообразные виды счастья, что нѣтъ ни какой возможности уловить ихъ. Я могу только сравнить ихъ съ камешками калейдоскопа пересыпающимися между собою, такъ, что они едва успѣваютъ сдѣлать впечатлѣнія на наши чувства.

Чего не передумаетъ въ это время дѣвушка? Общество и удивленіе, по-очереди представляются ей въ самыхъ обольстительныхъ положеніяхъ. Мечта рисуетъ ей то богатство, роскошь, съ новой каретой, дорогими брилліантами, нѣгой моднаго будоара; то бѣдность, пужду, но бѣдность съ нимъ, съ другомъ, съ которымъ она готова слить свое существованіе.

Иногда дѣвушка какъ-будто сердится за то, что она богата, что онъ богатъ, что ей нельзя доказать всей силы любви своей къ нему, — слово очень понятное для нея. Но опять міръ роскоши съ своимъ блескомъ, своимъ удовольствіями, плѣняетъ ея умъ, очаровываетъ ея воображеніе.

Три жизни представляются ей со всѣми ихъ подраздѣленіями: жизнь супруга, жизнь любовницы и жизнь матери. Каждое изъ этихъ словъ рождаетъ тысячи идей, каждая идея дробится на

свои отъѣнки и все сливается въ одномъ словѣ: «завтра». Завтра она узнаетъ эти жизни, сольетъ въ одну и выпьетъ изъ нихъ все наслажденіе.

Видѣли вы на выставкѣ картину Моллера, «Невѣста?»

Невѣста, задумавшись о своей будущей участи, повертывается на своемъ пальцѣ обручальное кольцо.

Сколько чувства, сколько думы въ этомъ движеніи! Какимъ выраженіемъ, можно сказать святымъ, исполнено лицо невѣсты, подернутое ожиданіемъ чего-то, покорностью своей судьбѣ и безотчетной грустью, естественной при этой перемѣнѣ ея жизни. Художникъ, искусно сохранивъ на полотнѣ своемъ выраженіе лица невѣсты наканунѣ брака, возбуждалъ желаніе угадать, какіи мыслями волнуютъ въ это время дѣвушку.

Мое воображеніе слишкомъ слабо для того, чтобъ я взялся отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ. Но прежде чѣмъ я скажу что-нибудь, прошу взглянуть со мною на невѣсту.

Она, опершись на маленькую ручку свою и перебирая локоны другою, задумавшись сидитъ и мечтаетъ о завтра. Завтра измѣнится судьба ея.

Евгенія Салонская сидѣла въ этомъ положеніи. Она мечтала.

Евгенія не помнила матери, а Сергѣй Макаровичъ, занятый всегда собственной своей персоной, мало занимался дочерью. Можетъ-быть, потому молодая дѣвушка предоставленная самой себѣ, развилась ранѣе обыкновеннаго и, не зная любви матери, скоро почувствовала потребность другой любви и сердце ея отдалось тому, кого съ дѣтства почитала братомъ. Евгенія чувствовала къ Анатолю ту братскую любовь, ту родственную привязанность, которую всегда рождаетъ привычка съ младенческихъ лѣтъ; и когда отецъ ея указалъ ей на Анатоля, какъ на будущаго супруга, о! съ какимъ чувствомъ благодарила она отца за этотъ выборъ! Свадьба назначена завтра и теперь Евгенія строить воздушные замки будущей своей жизни, однимъ словомъ, мечтаетъ.

Въ комнату вошелъ Анатолий. Онъ подошелъ къ Евгеніи и поцѣловалъ ее въ плечо, которое сквозилось черезъ пелеринку, и такъ манило къ себѣ поцѣлуй.

Евгенія обернулась, ей было немножко досадно за поцѣлуй, похищенный женихомъ безъ ея вѣдома. И она старалась состроить изъ улыбки сердитую гримаску.

— Ты разсердилась Евгенія? сказалъ молодой человѣкъ.

— Вы слишкомъ дерзки, сударь, сказала Евгенія.

Я, разумѣется, не стану описывать разговора между любовниками, не стану описывать нѣжность ихъ выраженій. А сколько любви было въ ихъ ласкѣ: каждое слово было полно любовью.

— Если я не составлю твоего счастья, сказалъ Анатолій, то я не буду достоинъ милости судьбы, потому что я созданъ для тебя, Евгенія.

— А я изъ тебя, милый Анатолій, отвѣчала Евгенія.

И Анатолій, сжимая обѣ руки дѣвушки въ своихъ рукахъ, любовался ея глазами. Отъ его дыханія развѣвались локоны дѣвушки.

Вошелъ Сергій Макаровичъ.

Взволнованный, взбѣшенный, онъ, можно сказать, не вошелъ, а влетѣлъ въ комнату.

Глаза его сверкали отъ гнѣва, когда онъ увидѣлъ дѣтей своихъ.

Анатолій Александровичъ! сказалъ онъ: кто вамъ далъ право быть такъ близко къ моей дочери.

Анатолій оборотился, онъ увидѣлъ Сергія Макаровича въ грозномъ положеніи, съ бѣшенствомъ въ глазахъ.

— Я ласкаю не дочь вашу, а мою будущую супругу, отвѣчалъ Анатолій.

Сергій Макаровичъ вспыхнулъ, но какъ человѣкъ привыкшій жить въ обществѣ, слѣдовательно владѣть своими чувствами, онъ только сказалъ дочери: «Евгенія, ступай въ свою комнату.»

Евгенія повинувалась. Она въ первый разъ видѣла отца своего въ этомъ состояніи изступленія, которое однакожъ онъ укрощалъ. Сердце Евгеніи жалось; она чувствовала что въ этой бесѣдѣ отца съ женихомъ, рѣшится ея будущая участь. Слезы сверкали на рѣсницахъ бѣдной дѣвушки, но Евгенія безмолвно удалялась, подавляя свои слезы.

Анатолій остался одинъ противъ Сергія Макаровича; онъ тоже понималъ что дѣло идетъ о его бракѣ, и поблѣднѣлъ отъ мысли, что Сергій Макаровичъ разстроитъ его. Въ это время Евгенія казалась ему дороже жизни; она казалась ему его ангеломъ, его гениемъ хранителемъ, безъ котораго жить значить не существовать. Сергій Макаровичъ молча подалъ ему пакетъ съ письмами. Анатолій прочиталъ:

«Любезный племянникъ

«Анатолій Александровичъ!

«Ты у меня просилъ позволенія вступить въ законный бракъ съ дочерью друга моего, Сергія Макаровича, и просилъ чтобъ я благословилъ тебя.

Не только благословляю, но сердечно радуюсь.... И потому ты, судя по себѣ, не станешь винить меня, что итѣ тоже надобна жизнь стараго холостяка, и я женюсь на дѣвушкѣ благороднаго происхожденія, жившей у меня въ домѣ. Попрѣчь что расположеніе мое къ тебѣ и прочая....»

— Дядюшка женится въ шестьдесятъ лѣтъ! вскричалъ съ удивленіемъ Анатолій.

— Прочтите письмо его ко мнѣ, сказалъ Сергій Макаровичъ. Анатолій прочелъ:

—Любимый другъ

«Сергій Макаровичъ!

—Ты меня очень обрадовалъ извѣстіемъ, что отдаешь дочь свою за моего Анатолія, котораго я иначе не почитаю какъ своимъ сыномъ. И я, братецъ, женюсь, на той, которую, помнишь, взялъ изъ Петербурга по твоему же совѣту, Каролинѣ Карловнѣ. Что же касается до твоихъ долговъ, то съ большиною бы удовольствіемъ заплатилъ, ежели бы не боялся, что Каролина Карловна, узнавъ объ уменьшеніи моего состоянія, откажетъ мнѣ. Что же дѣлать, мой другъ, надобно покоряться обстоятельствамъ, и я теперь въ зависимости отъ женщины, и прочая....»

— Что вы скажете на это? спросилъ Сергій Макаровичъ голосомъ человѣка, который старается скрыть состояніе своихъ чувствъ. Вѣроятно дядюшка вашъ, свое имѣніе отдастъ супругѣ.

— Анатолій молчалъ. Онъ видѣлъ что Сергію Макаровичу нужны были деньги его дяди, а не онъ самъ, и видѣлъ, что тутъ ни какія убѣжденія не помогутъ. Однако, какъ бы для успокоенія своей совѣсти, онъ сказалъ:

— Вы правы, Сергій Макаровичъ, дядюшка отдастъ, или лучше сказать, его заставятъ отдать имѣніе той, на которой онъ женится, и изъ этихъ писемъ я вижу что я лишился наслѣдства, и потому уже не богатый женихъ. Но если вы ищете счастья вашей дочери, а не богатства, если ищете не мѣшка съ золотомъ, а человѣка который умѣлъ бы быть ей другомъ и путеводителемъ, то я вамъ скажу, что я тотъ же, что былъ и до полученія этихъ писемъ.

— И вы удалитесь съ ней въ пустыню.... прервалъ его Сергій Макаровичъ съ насмѣшкой, въ которой было видно бѣшенство обманутаго ожиданія. Станете съ пей ходить за коровами, овцами, не правда ли? Очень мило,—барашекъ на розовой ленточкѣ. Будете счастливы, кормя голубковъ. Однимъ словомъ, жить аркадскими пастушками, наслаждаться природой, играть на свирѣли и быть счастливыми съ кускомъ хлѣба. Завидное счастье двухъ любовниковъ! Но моя Евгенія не привыкла къ подобному.

Она простудится отъ вашей мягкой муравы, играть на свирѣли она не умѣетъ, ей нуженъ флигель, а съ кускомъ хлѣба она умирать съ голоду.

Всѣ это Сергѣй Макаровичъ проговорилъ скороговоркой, потомъ остановился и тихимъ голосомъ прибавилъ:

— Не скрою отъ васъ, что положеніе моихъ дѣлъ требуетъ *выгоднаго* жениха моей дочери.

Анатолій не могъ собраться съ мыслями, что отвѣчать. Состояніе, въ которомъ онъ находился, было для него такъ ново, что онъ не понималъ себя. Съ дѣтства онъ почиталъ Евгенію своею, завтра его мечта должна была осуществиться. Это завтра уже близко, а тутъ Сергѣй Макаровичъ съ своими эконимическими разсчетами....

Анатолій не отвѣчалъ.

Что жъ вы ничего не говорите? началъ снова Сергѣй Макаровичъ. Я вамъ говорю, что мнѣ нуженъ выгодный женихъ....

— Сергѣй Макаровичъ! сказалъ Анатолій, у меня есть двадцать тысячъ, оставшіяся мнѣ послѣ покойнаго отца.

Эти двадцать тысячъ составились въ продолженіи двадцати лѣтъ изъ восьми присланныхъ Александромъ.

Двадцать тысячъ! съ досадою и проніей отвѣчалъ Сергѣй Макаровичъ: есть на что купить кусокъ хлѣба и для барашка розовую ленточку! Двадцать тысячъ! когда нужно заплатить болѣе ста тысячъ долгу....

— Сергѣй Макаровичъ! началъ говорить Анатолій. Вы сами располагайте вашимъ состояніемъ для уплаты вашихъ долговъ: а я ничего не требую за Евгеніей. Эти двадцать тысячъ обезпечать нашу участь и мы будемъ въ состояніи жить не богато, но и не аркадскими же пастушками. Какъ-будто не живутъ одной службой? И я буду служить. Какъ-будто только въ золотѣ все счастье? Повѣрьте, что я съ-умѣю заработать столько, сколько нужно будетъ, чтобы доставить удовольствіе жемъ моей. Спросите Евгенію и она согласится на это. Между-тѣмъ, какъ я уже сказалъ вамъ, что я буду служить, буду работать и, можетъ-быть.... здѣсь много примѣровъ что люди имѣютъ милліоны, а свое поприще начали гривной мѣды. Можетъ-быть и мнѣ удастся! Вы сами нѣсколько разъ хвалили мои способности, мой разсчетъ; можетъ-быть, лѣтъ черезъ десять, и у меня будетъ состояніе, которое позволитъ мнѣ исполнять всѣ возможныя прихоти Евгеніи.

— Рассказывайте другимъ о вашемъ будущемъ состояніи, от-

вѣчалъ съ сердцемъ Сергѣй Макаровичъ. Повѣрьте, что Евгенія, моя дочь никогда не будетъ женой бѣднаго чиновника. Что же касается до вашего будущаго богатства, то предоставляю вамъ имъ пользоваться. Составить себѣ состояніе не такъ легко, какъ вы думаете....

— Но я составлю его! клянусь вамъ! прервагъ его Анатолій: я буду богатъ, такъ богатъ, какъ только вамъ будетъ угодно, только отдайте мнѣ Евгенію.

— Когда будете богаты, другое дѣло, тогда я съ удовольствіемъ обниму васъ какъ зятя, съ усмѣшкой сказалъ Сергѣй Макаровичъ. А теперь, позвольте мнѣ просить васъ уволить отъ своихъ посѣщеній.

— Сергѣй Макаровичъ! умоляющимъ голосомъ сказалъ Анатолій: не губите меня! Я люблю дочь вашу, пожалѣйте о вашей дочери. Не уже ли вы хотите продавать ее съ молотка, кто больше дастъ? Составьте наше счастье, заставьте уважать васъ какъ отца, согласитесь!...

Сергѣй Макаровичъ вспыхнулъ.

— Я долженъ съ ума сойти! чтобъ я согласился! Моя дочь не стара, она найдетъ себѣ жениха, которому не будетъ нужды итти просить милостыню.

— Сергѣй Макаровичъ, вы хотите обидѣть меня, сказалъ гордо Анатолій. Хорошо; вы продаете вашу дочь за золото. Не она, я увѣренъ въ чувствахъ Евгенія, — а вы найдете жениха ей, и продадите ее. Но я клянусь, я пайду денегъ, и заставлю пожалѣть васъ, что вы такъ дерзко мнѣ отказываете.... Я добуду хотя бы кровью этотъ миллионъ, въ который вы цѣните Евгенію.

Сергѣй Макаровичъ улыбнулся; ему было смѣшно какъ молодой человѣкъ, смотря на будущее съ надеждой, покрывающей все розовымъ флеромъ, такъ утвердительно говорилъ объ миллионѣ, какъ будто миллионъ достается такъ легко.—Миллионъ! въ этомъ словѣ много сказано, Анатолій Александровичъ, много бессонныхъ ночей стоитъ миллионъ.

— У меня онъ будетъ! въ какой-то восторженности сказалъ Анатолій. Клянусь прахомъ моего отца, умершаго за родину; клянусь честію, что всё,—радость, удовольствіе, жизнь, совѣсть, честь, все забуду чтобы приобрѣтать. Мысли мои будутъ направлены къ одному предмету, этотъ предметъ будетъ миллионъ, а за нимъ Евгенія, тогда Евгенія.... не правда ли?

— О! да, смѣясь сказалъ Сергѣй Макаровичъ: какъ я смѣю

отказать миллионеру. Но какой же вы спекуляцией составите изъ двадцати тысячъ миллионъ?

— Я буду спекуляторомъ, сказалъ Анатолий. Не смотря на отвращеніе, которое я питаю къ занятіямъ спекулятора, я буду имъ. Прощайте! И Анатолий взялъ шляпу и пошелъ. Въ это время вышла Евгенія; она бросилась къ Анатолию, но Сергій Макаровичъ удержалъ ее. Евгенія упала безъ чувствъ. Анатолий взглянулъ на обмершую невѣсту свою, повторилъ опять про себя: Клянусь, я наживу миллионъ, я буду спекуляторомъ!

И если бы вы въ это время взглянули на его черные глаза, въ которыхъ сверкала спокойная рѣшимость, подмѣтили бы его движенія, рѣзкія, но спокойныя, — вы бы сказали: «Да! онъ будетъ спекуляторомъ.»

Онъ въ-состояніи быть всѣмъ, чѣмъ захочетъ...

Анатолий написалъ къ дядѣ письмо, въ которомъ въ сильныхъ выраженіяхъ упрекалъ его за женитбу на любовницѣ. Дядя въ отвѣтъ написалъ ему, чтобы Анатолий не почиталъ себя его племянникомъ.

IV.

У Ноэльскаго былъ балъ.

Ноэльскій занималъ квартиру, въ одной изъ лучшихъ частей города.

Залы были освѣщены, лѣстница убрана лимонными и помаранцовыми деревьями. Зеркала во всю стѣну, отражали блескъ тысячи свѣчей. Мебель, люстры, по всей амфиладѣ компать сіяли золотомъ. Гостиная была устлана дорогимъ ковромъ. Однимъ словомъ, все было приготовлено, чтобы балъ былъ блестящій.

Гости начали съѣзжаться. Хозяйка, — то есть, вовсе не Ноэльская — Ноэльскій, не былъ женатъ, хозяйку звали madame Лохсель, но она имѣла полное право и честь называться хозяйкой квартиры Ноэльскаго, — хозяйка принимала гостей.

Сперва я вамъ расскажу о madame Лохсель.

Это женщина высокаго росту, брюнетка, съ черными италианскими глазами и очень не дурная собой, особенно когда карминъ подкраситъ ей исхудалыя щеки.

Ей лѣтъ подъ тридцать, но страсти оставили глубокой слѣдъ на лицѣ ея и рано состарѣли ея красоту.

А она слыла красавицей. Это замѣтно еще и теперь, по огню ея пламенныхъ глазъ, по стройности ея стана. Вотъ все, что

оставило ей время отъ ея красоты. Но гибкость ея ума, тонкость ея кокетства, заставляютъ невольно увлекаться и увядшей красотой madame Лохсель.

Старый, заслуженный генералъ Лохсель, выходя въ отставку, женился на молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ.

Старикъ былъ влюбленъ по-уши въ свою молоденькую супругу, и она, казалось, посвятила жизнь свою его спокойствію; ухаживала за нимъ, берегла его старость. Старикъ болѣлъ, она почей не спала во время его болѣзни, предупреждала малѣйшія его желанія.

Мужъ не остался неблагодарнымъ за такую любовь: онъ предался вполне женѣ своей, жилъ только для нея и заботясь о ея существованіи послѣ своей смерти. (онъ не могъ передать ей родового имѣнія) далъ ей вексель на ту сумму, которая обезпечивала ей имѣніе это.

Въ это время Лохсель сошлась съ Ноэльскимъ.

Ноэльскій, человекъ обогащающійся слабостями другихъ, уговорилъ ее передать ему вексель этотъ съ уступкою двадцати процентовъ и подалъ его ко взысканію.

Мужу, разумѣется, показалось неприятно лишиться всего имѣнія, онъ сталъ выговаривать женѣ, она придралась къ случаю, и разошлась съ нимъ.

Имѣніе генерала было продано съ аукціона по протесту Ноэльскаго. Мадамъ Лохсель купила это имѣніе, уплачивая векселями взятыми у Ноэльскаго взамѣнъ векселей ея мужа. Такимъ образомъ Ноэльскій и мадамъ Лохсель завладѣли имѣніемъ старика, и за помощь Ноэльскому при этомъ случаѣ, она отдала ему свое сердце. Теперь квартиры ихъ были разныя только по наименованію и по подъѣздамъ, въ самомъ же дѣлѣ, оставя стыдъ и совѣсть, они жили вмѣстѣ и она была главной помощницей во всѣхъ операціяхъ, какія только предпринималъ Ноэльскій.

Я сказалъ, что Лохсель принимала гостей.

Бѣдная родня Ноэльскаго поневолѣ должна была сносить и принимать за милость комплименты его любовницы. Это потому что кто сталъ богатъ независимо отъ своего семейства, тотъ непременно становится главой его. Таковъ ужъ вѣкъ, въ которомъ деньги цѣнятся дороже всего. Ужимки дамъ и намеки ихъ на Лохсель, стоило бы записать. Каждая умѣла замѣтить и найти новую дурную сторону въ ея поведеніи, не вспоминая своего... Хозяинъ Ноэльскій, мужчина довольно высокій и плотный, въ очкахъ и съ такимъ выраженіемъ глазъ, что они кажутся хру-

стальными, подошелъ къ Лохсель и сказалъ ей нѣсколько словъ. Лохсель приняла на себя невинную физиономію.

Въ комнату вошелъ Анатолій. Нозльскій встрѣтилъ его у дверей; шопотъ пробѣжалъ между дамами, нѣсколько мужчинъ значительно переглянулись.

Лохсель сидѣла съ кисло-сладкой улыбкой. Нозльскій подвѣлъ Анатолія къ ней. Слишкомъ было замѣтно, что ей хотѣлось очаровать неопытнаго юношу, и она, окрыленная эфиромъ желаніемъ, при свѣтѣ тысячи лампъ, скрывающихъ ея мозаичный цвѣтъ лица, съ глазами, лучи которыхъ возбуждали чувственность, — могла нравиться. Лохсель подмѣтила чувствительную струну Анатолія и притворилась земнымъ ангеломъ.

Анатолій позабылъ, что онъ сидитъ съ той, поведеніе которой извѣстно цѣлому свѣту,

Она говорила о низости клеветы.

И онъ думалъ: «не въ самомъ ли дѣлѣ люди клеветуютъ на бѣдную, которой нѣтъ средствъ оградить себя отъ ихъ злобы».

— И на меня много клеветали люди, сказала она: пусть судитъ ихъ Богъ, я готова за зло ихъ—платить добромъ, и желаю всѣмъ имъ счастья.

«Неужели это Лохсель?» подумалъ про себя Анатолій.

— Одинъ только человекъ принялъ во мнѣ участіе. Я цѣню этого человека какъ друга. Люди, клеветой своей, хотѣли разрушить и этотъ союзъ дружбы, но тутъ бессильна ихъ злоба.

— Вы говорите о Нозльскомъ?

— Да, я объ немъ говорю. Онъ одинъ принялъ меня, когда я, оставленная мужемъ, не знала куда приклонить голову. Я вамъ говорю, потому что по вашимъ глазамъ, по вашей физиономіи, я вижу, что вамъ можно вѣрить. Однако пары уже становятся, вы со мной танцуете кадрили.

Анатолій взялъ ея руку и поставилъ Лохсель въ кругъ французской кадрили.

И къ концу кадрили онъ былъ увѣренъ, что мадамъ Лохсель земной ангелъ, котораго люди забрызгали грязью, не умѣя оцѣнить красоту его.

«Бѣдняжка! думалъ онъ: нѣкому защитить тебя, никто тебя не понялъ. О! если бъ я могъ, я строго бы наказалъ клеветниковъ, смѣющихъ своимъ дерзкимъ языкомъ преслѣдовать женщину».

Лохсель казалась ему жертвой людскаго злословія, и онъ ви-

нательностью своею старался залечить раны, нанесенные ей другими.

Между-тѣмъ заглянемъ въ кабинетъ хозяина.

Кабинетъ—довольно большая комната, съ шкапами и коммодами по стѣнамъ. У окна стоялъ письменный столъ покрытый бумагами; посерединѣ комнаты — другой столъ, большой, круглый, съ зеленымъ сукномъ посерединѣ. Этотъ столъ предназначенъ для банковской игры. Карселева лампа сверху освѣщала сукно.

Трое мужчинъ, двое пожилыхъ лѣтъ, третій молодой человекъ, сидѣли съ хозяиномъ.

— Гдѣ ты это досталъ птицу, которую мы надѣемся сегодня ощипать? спросилъ одинъ изъ нихъ у Ноэльскаго.

— Случай, счастливый случай. Ему вдругъ захотѣлось разбогатѣть, онъ и сталъ разспрашивать, на какой бы оборотъ лучше ему было пустить свои двадцать тысячъ. Ему рекомендовали меня, я пригласилъ его сегодня поговорить между тапцами, да позовалъ и васъ.....

— Да играетъ ли онъ? спросилъ одинъ изъ стариковъ.

— Въ преферансъ играетъ я знаю, отвѣчалъ хозяинъ.

— Онъ играетъ и въ банкъ, сказалъ молодой человекъ. Только какъ мы обыграемъ его, онъ только мечетъ, и то съ прокладкой, темныхъ не бьетъ..... остороженъ чрезвычайно.

— Э! что до этого, я придумалъ, сказалъ Ноэльскій: моя Дашинька ужъ обворожила его, она возьметъ у него перетасовывать карты и подсуветъ другую колоду; онъ изъ вѣжливости будетъ метать на ея тасовку, а подсунутая колода будетъ уложена по ключу. Вотъ вамъ и ключъ.

Ноэльскій подалъ каждому по бумажкѣ, на которой было написано какъ будутъ положены карты.

— Въ эту талию сорвемъ весь банкъ.

— А если онъ перемѣшаетъ карты?

— Ну, тогда возьмемъ на чтò-нибудь другое, неужели мы уступимъ такого профана. Да онъ такой дамской угодникъ, что не перемѣшаетъ.

Кадриль, кажется, кончилась; пойду позову его, — пора за дѣло.

Съ этими словами Ноэльскій вышелъ, три его товарища остались.

— Ну, чтò если все это комедія! спросилъ одинъ изъ стариковъ, и Ноэльскій насъ продастъ.

— Я обезпечилъ себя, взялъ у него двѣ тысячи рублей на

повторку. Я сказалъ, что у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Да какая же ему выгода насъ обманывать, что онъ съ насъ возьметъ!

— Ну, что ваша исторія? спросилъ одинъ старикъ другаго.

— Я сказалъ ему, отвѣчалъ другой, что я на своемъ вѣку проигралъ двѣсти душъ крестьянъ, да тысячь триста денегъ и — не жаловался, — и что теперь у меня нѣтъ другихъ средствъ жить.

— И онъ?

— Онъ сказалъ, чтобъ я былъ осторожнѣе. Хорошо если бы обдѣлалось сегодняшнее дѣло, мнѣ теперь двѣ тысячи дороже двадцати.

— Тсъ, Позельскій плетъ....

Хозяинъ вошелъ подъ-руку съ Анатоіемъ.

— Вотъ вамъ и партія, господа, сказалъ Позельскій. Анатоіи Александровичъ согласился оставить дамъ, которыхъ онъ однимъ своимъ появленіемъ оковалъ цѣпями, чтобы угодить старикамъ, обыгравъ ихъ хорошенько.

Анатоіи слерка поклонился. Позельскій прежде сказалъ ему, что это нужные люди.

Усылись за преферансъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ хозяину.

— Довольно ему—вистъ на семь безъ двухъ на разность, и игра съ прикупкою безъ трехъ?

— Довольно! сказалъ хозяинъ: не ошеломите его слишкомъ на преферансъ.

Покуда играютъ въ преферансъ, Позельскій приготовилъ колоду картъ, уложилъ ее по ключу розданному игрокамъ.

Колоду эту онъ отдалъ Лохселя, а самъ отправился ходить по другимъ комнатамъ, наблюдая за всѣми дѣйствіями.

Длинный рядъ комнатъ, вплоть до гостиной и танцевальной залы, былъ уставленъ карточными столами.

И во всей этой игрѣ, хозяинъ имѣлъ своихъ кліентовъ.

Первый столъ, куда подошелъ Позельскій, былъ значительный вистъ; гдѣ трое, сговорившись, обигрывали одного помѣщика, прѣхавшаго на зиму въ Петербургъ, прожить свои деревенскіе доходы и познакомить дочерей съ прелестью Петербургской жизни. Покуда онъ проигрывалъ, его дочери подъ присмотромъ мадамъ Лохсель, танцевали въ залѣ. Одна была довольно плотная дѣва лѣтъ двадцати четырехъ. Она очень нравилась одному гвар-

дейскому офицеру, съ-тѣхъ-поръ какъ мадамъ Лохсель сказала ему, что за ней семь сотъ душъ приданаго. Онъ напѣвалъ ей разныя вѣжности, и деревенская дѣва думала: какая разница этотъ офицеръ и нашъ уѣздный судья Курочкинъ!

Другая дочь лѣтъ шестнадцати, только что выпущенная изъ пансіона, веселилась просто, безъ затѣй, какъ веселятся только въ ея лѣта. Она премило галопировала въ то время, какъ батюшка ея проигралъ grand-ehleme.

Хозяинъ подошелъ къ другому столу. Здѣсь двое играли въ палки.

Жертвой игры былъ офицеръ не высокаго росту, съ примѣчательными глазами; онъ былъ сухъ какъ скелеть; страсти рано изсушили его. Съ перваго взгляда видно было, что онъ игрокъ; но на игрока нашли игрока болѣе искуснаго. И офицеръ, несмотря на свою тонкость, свой расчетъ, проигрывалъ болѣе и болѣе; чѣмъ болѣе проигрывалъ, тѣмъ болѣе горячился, такъ, что игра дошла впослѣдствіи до невѣроятной марки. Офицеръ можетъ-быть оставилъ бы тутъ свое состояніе, но судьба выше расчетовъ плутовства, одна счастливая талия, прокинутая имъ самимъ, поправила его дѣла, и онъ забастовалъ, проигравъ около двѣнадцати тысячъ, что было не много по величинѣ игры.

Противъ офицера игралъ человѣкъ, котораго по обращенію можно было принять за кучера. Но сила игры уравниваетъ и званіе, и степень образованности, такъ, что офицеръ, человѣкъ чрезвычайно образованный, постыдился бы въ другомъ случаѣ сказать что онъ знакомъ съ нимъ, а тутъ сѣлъ играть, разумѣется, надѣясь выиграть.

Нозльскій подошелъ къ расчету, и незамѣтно получилъ свои шесть тысячъ, долю его въ игрѣ противъ офицера. Отсюда онъ подошелъ къ составленному имъ преферансу противъ одного поставщика, проигрывающаго все то, что ему доставляли поставки.

Далѣе экарте, гдѣ одинъ изъ игроковъ безпрестанно вскрываетъ королей; и другое экарте, гдѣ зеркало показывало одному играющему, съ чего должно ходить, и прочая и прочая.

Со всего хозяйнѣ имѣлъ свои условленные проценты, такъ, что не бравъ картъ въ руки, онъ выигрывалъ, безъ особеннаго случая, отъ пяти до десяти тысячъ въ вечеръ.

Да тѣмъ ли еще занимался Нозльскій! Онъ не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ отъ одного карточного стола, какъ къ нему подошелъ нѣкто Чернинъ.

Я познакомлю васъ съ Чернинымъ.

При первомъ взглядѣ на Чернина можно было сказать «онъ не дурень». И точно онъ нравился въ некоторымъ женщинамъ, которыя любятъ эти *московскія физиономіи*.

Вы спросите у меня, что это за московская физиономія? Я вамъ сейчасъ расскажу. Это типъ, созданный Москвой и которымъ гнушается сама Москва.

Нашу древнюю столицу выбралъ себѣ жительствою особый классъ людей, которые гдѣ-то служили безъ году недѣлю, вышли волею неволею въ отставку и теперь проматываютъ батюшкино наследство въ Москвѣ.

Ими болѣею частію содержатся цыганскіе пѣсепики, они законодатели партера въ балетахъ московскаго театра, и вѣчные председатели Яра.

Они болѣею частію незнакомы никогда съ порядочными людьми, потому что не могутъ быть терпимы въ порядочномъ обществѣ за свой тонъ, за свою наглость. Они вѣчно хвастаются богатствомъ, котораго не имѣютъ, а если и имѣютъ, то живутъ для вѣшной жизни; проматываютъ большія деньги на своихъ любовницъ и у Яра, а у нихъ все такъ грязно.... Хотя правда иной нанимаетъ огромную квартиру, мебель выписана изъ Петербурга, а у него не съищешь чистой салфетки, чтобы вытереть руки.

Отличительные признаки этихъ московскихъ физиономій — усы, взбитые, всклокоченные; кучерская прическа волосъ, иногда венгерка, всегда нахальный видъ и манера, безпрестанное я въ разговорахъ. Походка увальчивая, жеманная, развалистая; сидитъ московская физиономія всегда развалившись, въ трактирахъ во все горло кричитъ: шампанскаго!.... У него вѣчно бездна пиртня, хотя нѣтъ ни одной, и онъ никогда не дорожитъ тѣми, которыя ему отдадутся. Онъ старается быть невѣжею вообще, говоря: я презираю общественное мнѣніе, всегда ругаетъ большою свѣтъ, куда его не пускаютъ; бранитъ князей и графовъ, потому что самъ ни князь ни графъ; презираетъ протекцію, потому что у него нѣтъ никакой; нападаетъ на ордепа и знаки отличія, «а и теперь бы крестикъ взялъ, только бы безъ службы».

Изъ этого-то сословія, бесполезнаго, губительнаго своимъ приѣмомъ, обыкновенно проявляются московскіе игроки. Таковъ былъ и Чернинъ.

Онъ могъ служить образцомъ для московскихъ физиономій. Его

нахальство, низость, заставляли даже говорить объ немъ его товарищей. Къ этому онъ былъ игрокъ и аферистъ. Последними качествами онъ составилъ было себѣ значительное состояніе, но такія деньги всегда какъ прійдутъ, такъ и уйдутъ, а Чернинъ болѣе всего на свѣтѣ любилъ деньги.

Говорятъ, будто мать его имѣла интригу съ жидомъ и потому родила Давыда Семеновича.

Но Чернинъ вовсе не былъ похожъ на жида по роскошной жизни своей. Онъ жилъ богато, любилъ хорошихъ лошадей, нанималъ прекрасную квартиру, за то бралъ ужъ истинно жидовскіе проценты, съ тѣхъ, кто у него занималъ деньги подъ вѣрные залогн. Впрочемъ это одна изъ общихъ московскимъ фюзіоніямъ чертъ характера. Они оберутъ нишаго, заставятъ умереть съ-голоду цѣлое семейство, для того чтобъ въ тотъ же вечеръ, поить до полусмерти шампанскимъ знакомаго и незнакомаго.

Они заботятся только о томъ, какъ бы задать тому, — выраженіе московскихъ фюзіоній.

— Миѣ нужны деньги, — тысячь шестьдесятъ, сказалъ онъ, остановивъ Ноэльскаго. Я вамъ дамъ подъ залогъ брилліанты, которые всегда можно продать за осемьдесятъ.

— Брилліанты! откуда ты братецъ взялъ брилліанты?

— За тѣмъ-то миѣ и нужны деньги, чтобы ихъ взять. Вотъ въ чемъ дѣло. Брилліантщикъ Б. обанкрутился. Онъ уговорилъ одного добраго человѣка подѣлаться унесенными изъ конкурса брилліантами; продать ихъ здѣсь нельзя, потому что почти всѣ брилліантщики кредиторы. Они и предлагаютъ миѣ купить ихъ. Брилліантовъ тысячь на сто, они уступаютъ за шестьдесятъ. Считаю, что я спущу ихъ въ Москвѣ по дешевой цѣнѣ за осемьдесятъ, я буду имѣть, за исключеніемъ процентовъ, которые вамъ заплачу, двадцать тысячь чистаго барыша.

— А сколько дашь процентовъ?

— Столько, сколько самъ съ васъ беру, копѣйку серебромъ съ рубля ассигнаціями въ мѣсяць.

— Чтó жъ это выйдетъ? Шесть сотъ рублей серебромъ въ мѣсяць? мало! Семь сотъ рублей серебромъ, такъ и быть, на два мѣсяца, тысячу четыреста рублей серебромъ, проценты впередъ.

— Нельзя, миѣ нужно сполна шестьдесятъ тысячь?... тѣмъ же я заплачу проценты?

— Ну, такъ ужъ и быть, тысячу пятьсотъ рублей серебромъ на два мѣсяца, у тебя останется пятнадцать тысячь... по рукамъ

что ли? Завтра приѣду посмотрѣть брилліанты и привезу съ собою деньги.

— А вы дадите мнѣ оборотиться, если я найду покупателей?

— Разумѣется, вѣдь мы съ тобой свои люди.

— Такъ по рукамъ, завтра, въ двѣнадцать часовъ утра, жду.

Только что Нозльскій оставилъ Чернина какъ его остановилъ Ліановъ.

— Мнѣ привезли новую мебель, не хотите ли перекупить, — чудная мебель, а какъ дешево, сорокъ процентовъ вѣрныхъ.

— Посмотрю завтра, отвѣчалъ Нозльскій и пошелъ отъ него. Ліановъ былъ торгошъ, игрокъ и ростовщикъ.

Бездна мебели, мѣховъ, различныхъ вещей, наполняли квартиру Ліанова. Это былъ почти всеобщій магазинъ, куда даже торговцы отдавали свои товары, вышедшіе изъ моды, — разумѣется за безцѣнокъ.

Нозльскій не успѣлъ отъ Ліанова сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ къ нему подошелъ Мерледерскій, главный товарищъ его по подрядамъ.

Мерледерскій хвалится тѣмъ, что онъ платитъ однихъ процентовъ за залоги представляемые имъ къ подрядамъ, около осмидесяти тысячъ въ годъ.

— Нозльскій! сказалъ Мерледерскій, ты не уговорилъ полковника?

— Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ, «лѣзетъ въ гору».

— А завтра послѣдняя переторжка.

— Чтò жъ дѣлать, придется уступить.

— Нѣтъ, это не дѣло; знаешь что? убытокъ по-поламъ, спускаемъ до сорока двухъ и даемъ десять тысячъ отступнаго.

— Да тутъ вѣрныхъ тысячъ тридцать убытку.

— Ну, чтò жъ, на другомъ, Богъ дастъ, воротимъ.

— Да, я знаю полковника, онъ изъ горячихъ. Увидѣвъ, что мы такъ торгуемся, подумаетъ, что тутъ можно взять горы золота, рассчитаетъ: вѣдь изъ чего-же-нибудь мы даемъ отступное, спустить еще — мы и отступимъ. Подрядъ-то и съедеть къ нему на шею.

— А если онъ возьметъ отступное?

— Чтò жъ! по пятнадцати тысячъ съ брата, куда не шло! За то если возьметъ, то его похоронимъ; у него и такъ залоговъ-то чуть хватило. А онъ можетъ быть намъ и впередъ опасенъ.

Такъ до сорока двухъ рублей?

— Идетъ!.... идетъ!.... И Ноэльскій съ Мерледерскимъ ударилъ по рукамъ.

Мерледерскій пошелъ толковать съ какимъ-то Костромьякомъ, о выгодахъ отдавать свои имѣнія подъ залогъ подрядовъ, ловкимъ подрядчикамъ. А Ноэльскаго остановили опять.

— Ну что? спросилъ у него одинъ молодой человекъ, недавно женившійся на купчихѣ: вы у меня покупаете векселя богача G**?

— Котораго брата?

— За подписью обоихъ.

— Да вы слишкомъ дорожитесь, сказалъ Ноэльскій, ну, кто нынче дастъ по девяносто чистыми деньгами. И кромѣ того, признаюсь денегъ мало, — запутался въ оборотахъ. Если же уступите, я подумаю.

— Мнѣ деньги нужны на этой недѣлѣ: иначе бы я и не сталъ продавать. Рѣшитесь теперь же.

— Я болѣе семидесяти-пяти копѣекъ за рубль не дамъ.

— Это невозможно. Я вамъ говорилъ, что обоихъ братьевъ, а и младшаго дороже ходять.

— Какъ хотите.... и Ноэльскій пошелъ въ сторону.

— Послушайте! закричалъ молодой человекъ по осьмидесяти.

— Нѣтъ больше семидесяти пяти не дамъ.

— Богъ съ вами, вы меня прижимаете, но мнѣ крайность. Идетъ. Когда прикажете пріѣзжать за деньгами?

— На много ли у васъ векселей.

— На двѣнадцать тысячъ рублей серебромъ.

— Значить, вамъ нужно заплатить девять, пріѣзжайте послѣ-завтра.

Молодой человекъ отошелъ.

А Ноэльскій подошелъ къ Мерледерскому.

— Послушай, Владиміръ, сказалъ онъ, дай мнѣ завтра девять тысячъ рублей серебромъ, я тебѣ дамъ за нихъ векселя G*** обоихъ братьевъ по осьмидесяти пяти копѣекъ за рубль.

— На много ли это будетъ векселей?

— Почти на десять съ половиной тысячъ серебромъ, полторы серебромъ тебѣ выгоды.

— Хорошо, завтра я съ тобою увижусь на торгахъ, такъ привезу деньги.

А я къ тебѣ привезу послѣ завтра векселя.

— Мнѣ тутъ прійдется на тысячу двѣсти рублей серебромъ векселей даромъ, подумалъ про себя Ноэльскій.

Ужъ онъ взялся за ручку двери кабинета, какъ другую руку его схватилъ вновь выпущенный прапорщикъ.

На васъ только и надежда, продулся въ нухъ.... хоть сколько-нибудь.

— Пріѣзжайте завтра вечеромъ, поговоримъ.... И съ этимъ словомъ Ноэльскій вошелъ въ кабинетъ.

Преферансъ только кончился. Анатолій проигралъ триста рублей по пятидесяти копѣекъ. Хозяинъ подошелъ къ Анатолію, пожалѣлъ о его проигрышѣ, и когда увидѣлъ, что Анатолій не сѣлъ на другую пульку, пригласилъ его поговорить о дѣлахъ.

Онъ отвелъ его въ сторону. Трое игроковъ успѣлись играть между собой, чтобы замаскировать себя предъ Анатоліемъ.

— Вы хотите разбогатѣть, Анатолій Александровичъ! сказалъ Ноэльскій, нынче дѣлый свѣтъ хочетъ этого. Вы счастливы тѣмъ, что у васъ есть небольшой капиталецъ, съ котораго вы можете начать. Вы говорили, у васъ двадцать-тысячъ?

— Да! они со мной, сказалъ Анатолій, вынувъ изъ кармана пачку ассигнацій и депозитокъ.

— Хорошо! продолжалъ Ноэльскій. Вы еще молоды, съ этими деньгами вы легко можете сдѣлать сорокъ, пятьдесятъ, сто тысячъ, миллионъ. Для этого нужны только смѣлость, расчетъ и — довѣренность.

— Потому-то я и обратился къ вамъ, какъ къ человѣку, который составилъ себѣ состояніе оборотами. Примите меня подъ свой кровъ и научите этому расчету, безъ котораго не можетъ быть вѣрныхъ спекуляцій. Я прошу васъ, распорядитесь моими деньгами, возьмите за хлопоты по моимъ оборотамъ себѣ процентъ, и употребляйте мои деньги туда, гдѣ бы была выгода, хоть не слишкомъ большая, зато вѣрная.

Въ этомъ вы положитесь на меня. Я не знаю, почему я такъ полюбилъ васъ, Анатолій Александровичъ! Я готовъ сдѣлать все для вашего счастья и ручаюсь.... Но что ручаться за будущее! Вотъ я вамъ предлагаю подрядъ. Этотъ подрядъ я снялъ для себя, но желая и вамъ доставить выгоду, уступлю въ немъ вамъ четвертую долю. Выслушайте меня:

Дѣйствуютъ на счетъ залоговъ несостоятельнаго. Я взялся поставить на работу осемьсотъ человѣкъ людей на осемь мѣсяцевъ, по сорока осми рублей въ мѣсяць съ человѣка. И тутъ же сдать подрядъ по тридцати по три рубля мелкимъ подрядчикамъ, слѣдовательно я получаю съ cadaго человѣка по двѣнадцати рублей, съ осемисотъ человѣкъ въ мѣсяць девять тысячъ шестьсотъ,

а въ осемь мѣсяцевъ, семьдесятъ шесть тысячь осемьсотъ безо всякихъ хлопотъ. И залогу-то нужно положить всего тридцать шесть тысячь. Вы положите своихъ двадцать тысячь въ лонбардныхъ билетахъ, значить проценты съ нихъ не пропадутъ, а ваши деньги удвоятся.

Анатолий сдѣлалъ движеніе.

Не торопитесь благодарить меня, сперва узнайте, разспросите, выгодно ли? а потомъ, пріѣзжайте послѣ-завтра утромъ, мы и заключимъ все форменно.

— Вы такъ добры!

— По-крайней-мѣрѣ стараюсь быть добрымъ. Это такъ рѣдко удается. Вы такъ еще молоды что невольно заставляете помогать вамъ. Однако пойдите къ игрокамъ.

Съ этимъ словомъ онъ подвелъ Анатолія къ играющимъ.

Только что Ноэльскій подошелъ къ столу, какъ контирующий старикъ спросилъ у него:

— Неужели ты уступаешь ему подрядъ на людей?

— Э, братецъ! это шутка, общипайте его такъ, чтобъ ему не съ чѣмъ было снимать подряды.

Ноэльскій опять ушелъ наблюдать за ходомъ игры въ другихъ комнатахъ.

— А вы не играете въ горячую, спросилъ молодой человѣкъ Анатолія, не любите сильныхъ ощущений?

— По-крайней-мѣрѣ не понтирую, чтобъ отъ нихъ удерживаться.

Въ это время таія кончилась.

— Такъ не прикажете ли, сказалъ банкотъ, подавая карты Анатолію; вамъ и книги въ руки: я не охотно мечу, моя игра понтировка.

Пожалуй, сказалъ Анатолий, сколько же вамъ заложить?

Вы отвѣтите, сказалъ игрокъ.

Господа, банкъ, съ прикладной одного абнуга! сказалъ Анатолий. Онъ сталъ метать. Черезъ нѣсколько минутъ вошла мадамъ Лохсель. Въ лѣвой рукѣ ея былъ большой черныи бархатный ридикюль и колода картъ, которую она скрывала ридикюлемъ. Правая рука была свободна.

Надобно замѣтить, что Анатолий сидѣлъ спиной къ дверямъ, и потому не замѣтилъ какъ вошла Лохсель.

— Я его ищу, а онъ? Прошу покорно, изволеть тутъ заниматься. Не стыдно вамъ, сударь, оставить дамъ? По-крайней-мѣрѣ счастливы ли вы въ игрѣ?

— Это вы! Дарья Алексѣвна, извините, я занялся игрой.

— И счастливо?

— Не совсѣмъ!

— Дайте я вамъ стасую колоду, такъ вѣрно будетъ счастливо,— хотите?

— Я почту себя одолженнымъ, отвѣчалъ Анатолій, подавая ей колоду, вы припрсите во всемъ счастье собой.

Она взяла карты въ правую руку, и подняла у груди къ лѣвой, въ которой былъ ридикюль; незамѣтно опустила въ него, взятую у Анатолія колоду, и подавая другую, подобранную изъ лѣвой руки, сказала.

— Вотъ вамъ оружіе на вашихъ противниковъ.

— О! съ этимъ оружіемъ я непобѣдимъ; на вашу тасовку, Дарья Алексѣвна!

И Анатолій, не перетасовавъ, далъ снять. Лохсель упорхнула.

Нозльскій между-тѣмъ обходилъ своихъ гостей, которые довольно дорого платили за угощеніе.

Вистъ всё-еще продолжался. Помѣщикъ изъ двѣнадцати роберовъ выигралъ одинъ отъ двухъ, и удивлялся, что ему въ Петербургѣ вовсе нейдутъ карты. Въместо оконченнаго экарте, откуда Нозльскій получилъ уже свою долю, составилъ бостонъ втроемъ. Далѣе метали банкъ два товарища, изъ которыхъ одинъ спускалъ другаго, товарищамъ хозяина.

Это уже становится скучно, пойдѣте лучше въ танцовальную залу.

Лохсель танцевала съ офицеромъ, которому чрезвычайно понравилась старшая дочь играющаго въ вистъ помѣщика, когда онъ узналъ что за ней семьсотъ незаложенныхъ душъ.

Это такой кладъ, который не всегда достанется и полковнику, думалъ поручикъ.

Дѣвушка танцевала съ нимъ, vis-à-vis. Офицеръ дожидалъ Лохсель, которая едва успѣла прійти къ кадрили изъ кабинета.

— Нравится ли вамъ дѣвушка vis-à-vis? спросила Лохсель офицера.

— Чтò, если я вамъ скажу, что она мнѣ нравится! отвѣчалъ офицеръ, такъ, что слова его можно было принять какъ угодно.

— Ничего, я вамъ пожелаю счастья.

— Благодарю за желаніе, но мнѣ нечего здѣсь искать.

— Отчего жъ нечего?

— Говорятъ, она очень богата.

— А вамъ ея состояніе кажется лишнимъ; вамъ бы хотѣлось взять ея безъ всего, какъ голубку? Это новость.

— Нѣтъ, вы не такъ повяли, отвѣчалъ офицеръ: я хочу сказать, что ея не отдадутъ за меня.

— Чтò вы мнѣ общаете, ежели я васъ сосватаю? сказала смѣясь Лохсель, и сказала такъ что ни какой злой духъ не подумалъ бы, что дѣло идетъ о корысти.

Но офицеръ зналъ Лохсель.

— Вы знаете, что я не богатъ, сказалъ онъ, но я пожертвовалъ бы десятью тысячами; чтобы жениться на той, которая мнѣ нравится.

— Э! такъ всегда говорятъ молодые люди, а какъ женятся....

— Я бы наканунѣ своей свадьбы.... началъ было офицеръ. Лохсель перебила его.

— Пойдите, сказала она, я придумала: подарите мнѣ карету, которую я выберу, съ упряжью и парой лошадей, это будетъ стоить тысячь десять, какъ вы хотѣли, и подарите мнѣ наканунѣ вашей свадьбы.

— Такъ я лучше привезу вамъ деньги, а вы выберите карету какую хотите.

— Пожалуй!

— И вы меня сватаете?

— Это ужъ рѣшено.

Офицеръ такъ обрадовался, представляя въ умѣ своемъ семьсотъ душъ, что повернулъ Лохсель три раза вмѣсто одного.

Кадриль кончилась.

— Позвольте, я познакомлю васъ, сказала Лохсель: не позабудьте, что она главное лицо въ семействѣ, значитъ, вамъ нужно ей понравиться.

— Александра Алексѣевна, позвольте рекомендовать вамъ москѣ Задорскаго, который уже совершенно очарованъ вами.

Дѣвушка покраснѣла какъ ракъ и поклонилась. Задорскій усмѣя подлѣ нея и сталъ продолжать тѣже глупости, которыя говорилъ, танцуя съ ней кадрили.

Ощипанный въ вистъ старикъ вышелъ въ это время въ залу.

Старшая дочь его безъ церемоніи сказала:

— Папа! вотъ москѣ Задорскій, онъ искалъ случая съ вами познакомиться.

Старикъ въ это время думалъ: «Король, вадеть, самъ четверть

козырей и большой племъ.... чортъ возьми!» Однако пригласилъ Задорскаго къ себѣ.

Задорскій поклонился.

Младшая дочь старика-помѣщика прошлую кадрили танцевала съ студентомъ.

Студентъ, продолжая съ ней разговоръ и послѣ кадрили, спрашивалъ:

— Вѣрите ли вы въ симпатію?

— Скажите мнѣ прежде, чтѣ такое симпатія? спросила она.

— Симпатія есть сочувствіе душъ, невольное стремленіе одной души къ другой....

— Ахъ! право, я не знаю, чтѣ такое душа, сказала смѣясь дѣвушка.

— Душа!... хотѣлъ-было пояснить студентъ, но дѣвушка прервала его.

— Оставьте этотъ разговоръ, сказала она: это точно нашъ учитель психологіи. Мы всѣ его ненавидимъ. Лучше скажите чтѣ вамъ лучше нравится: опера или драма?

Студентъ смѣшался.

Заиграли вальсъ. Недавно выпущенный прапорщикъ подхватилъ дѣвушку и полетѣлъ съ ней въ два такта.

Я люблю смотрѣть на молодыхъ людей, только-что начавшихъ жить самобытно, когда они кружатся въ вихрѣ вальса.

Съ какимъ увлеченіемъ, съ какой легкостью несутся они по паркету залы! Полные удовольствіемъ движенія, они забыли весь міръ.

Всѣ заботы, всѣ горести, которыми обильна бываетъ молодость, остались вѣнъ круга ихъ объятій: нѣтъ жизни кажется безконечнымъ вальсомъ.

Дѣвушка, взволнованная движеніемъ и удовольствіемъ, сѣла на мѣсто. Она пошла бы теперь, если бы офицеръ спросилъ ее: «Вѣрите ли она въ симпатію?»

Но посмотримъ чтѣ дѣлаетъ Аватолій.

Мы оставили его въ ту минуту, когда онъ колоду картъ, уложенную по ключу Нозльскимъ, далъ снять играющимъ.

Первый изъ повторовъ записалъ кушъ пятьсотъ ассигнаціями; второй сто рублей серебромъ; третій сто пятьдесятъ рублей серебромъ. Игроки попросили позволенія посмотрѣть нижнюю карту, — слѣдовательно знали и верхнюю, — потомъ четвертую, шестую, осьмую и такъ далѣе; вторая имъ была не нужна, потому что Аватолій металъ съ прокладкой.

Анатолій сталъ играть: по второму абцугу отдалъ ему пятьсотъ рублей. «Attende!» сказалъ партнеръ и поставилъ транспортъ и сто рублей серебромъ назу. Онъ поставилъ ту карту, которая должна отдаться по осьмому абцугу. По третьему абцугу Анатолий отдалъ сто рублей серебромъ. Тотъ тоже поставилъ транспортъ съ значительнымъ мазомъ.

Но плутамъ потому худо, что иногда плутни ихъ, кажутся совершенно вѣрно рассчитанныя, не удаются.

По четвертому абцугу Анатолий отдалъ и третью карту сто пятьдесятъ рублей серебромъ и, въ то время какъ партнеръ тоже сказалъ «attende», чтобы гнуть транспортъ, вошелъ человекъ съ чаемъ.

Онъ подошелъ къ подпирющему молодому человеку, который былъ занятъ отыскиваніемъ карты, которой отдаться ему по шестому абцугу, и не подлил себѣ въ чай рому.

Человекъ подошелъ къ Анатолию.

Анатолій положилъ на столъ карты и сталъ брать чай.

Молодой человекъ потянулся черезъ столъ къ подносу за ромомъ и нечаянно столкнулъ карты со стола. Карты разсыпались.

— Господа! я не виноватъ! сказалъ Анатолий.

Надо было посмотреть косые взгляды товарищей молодого человека.

Анатолій поднималъ упавшія карты и стасовалъ ихъ.

Игроки грызли губы съ досады.

Они считали уже своими двадцать тысячъ Анатолія, только еще по одной картѣ — и деньги принадлежать имъ, и вдругъ... все они изъ транспортовъ перегнули на ле, и Анатолий перебилъ ихъ всѣхъ.

Старикъ пошелъ къ Нозьскому извѣстить о неудачѣ; Нозьскій пошелъ къ Лохсаль. Она танцевала кадрили и когда кончила, то съ новой подобранной колодой пошла въ кабинетъ.

Но она вошла въ ту минуту, когда Анатолий, увидѣвъ, что онъ отыгралъ свой преферансовый проигрышъ и еще выигралъ рублей осемьсотъ, — забастовалъ.

Надобно вамъ сказать, что свидѣтелемъ всѣхъ продѣлокъ игроковъ съ Анатолиемъ, былъ Иванъ Ильичъ Луринъ, который пріѣхалъ къ Нозьскому, когда Анатолий закладывалъ банкъ.

Онъ подошелъ тихонько къ Анатолию и ударилъ его по плечу.

— Имѣю честь поздравить васъ! сказалъ онъ Анатолию: пожмите мнѣ, есть съ чѣмъ. Мы съ вами увидимся.

Анатолій удивился этому приходу незнакомаго. Онъ, занятый Еленею, совсемъ и позабылъ что видѣлъ Луринъ у Сергѣя Макаровича и не успѣлъ отвѣчать, какъ Луринъ уже исчезъ.

Анатолій не долго послѣ этого оставался на балѣ. Разсчитывая, что день этотъ не провалъ, что онъ приобрѣлъ осемьсотъ рублей и въ надеждѣ на послѣ-завтра, — какъ обѣщаль Ноэльскій, — Анатолій отправился на свою квартиру.

II. СУХОНИНЪ.

=

II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,
=
ИСТОРИЯ
БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

=
РОМАНЪ ДЕ-БАЛЬЗАКА.

=
КУЗНЕЦЪ ПОНОСЪ,
ИЛИ
ДВА МУЗЫКАНТА.

=
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
=
=

Часу въ третьемъ по полудни, въ октябрѣ 1844 года, худенькій старичокъ лѣтъ шестидесяти торопливо шелъ по Итальянскому Бульвару, съ самодовольнымъ видомъ, какъ у торговца, которому удалось совершить выгодное дѣло, или какъ у юноши, котораго благосклонно приняли въ будоарь.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ одежды старикъ сохранялъ вѣрность модамъ 1806 года и напоминалъ имперію: на немъ, поверхъ свѣтло-зеленаго фрака съ бѣлыми металлическими пуговицами, былъ надѣтъ орѣховаго цвѣту *спенсеръ*. Недоставало только косички и сапоговъ съ желтыми отворотами.

Изъ-подъ ветхой шелковой шляпы, которая уже явно клонилась,
Т. LXXXIII. — Отд. II.

лась къ упадку и сохраняла на себѣ только слѣды немощныхъ усилій экономіи, выдвигавалась одна изъ тѣхъ забавныхъ рожей, какія только Китайцы умѣютъ изобрѣтать для своихъ болванчиковъ. Обширная плоскость этого лица, похожаго на сплюснутую тынву, была испещрена дырками какъ терка; возвышенія и впадины на немъ не подчинялись никакимъ законамъ анатоміи: гдѣ рисунокъ требовалъ кости, тамъ глазу представлялись лоснящіяся плоскости; гдѣ нужно углубленіе, тамъ являлись мягкіе бугры и посреди этихъ мелкихъ бугровъ и ямъ уединенно торчалъ огромный донъ-кихотовскій носъ, какъ валунъ посреди поля. Уморительная дурнота этого старика однако жъ не возбуждала смѣху: въ блѣдно-сѣрыхъ глазахъ его, угнечанныхъ лугообразными крашеватыми полосками, вмѣсто бровей, постоянно выражалась такая тоска, что у всякаго, кто на нихъ посмотритъ, самая идивотная насмѣшка замирала на губахъ. Видя этого старика, всякій долженъ былъ подумать, что природа запретала бѣднягѣ выражать нѣжность, подъ опасеніемъ возбудить въ женщинѣ хохоть или отвращеніе.

Если бы вы прежде видывали этого старика, съ обыкновеннымъ его выраженіемъ, холоднымъ и печальнымъ, какъ выраженіе всей его одежды, — очень истертой, но очень бережно и аккуратно надѣтой, — вы не безъ удивленія спросили бы, что значить его самодовольная улыбка. Примѣтивъ материнскую осторожность, съ какою онъ что-то держалъ подъ полой своего спенсера, и торопливую походку, вы стали бы догадываться, что это что-нибудь чрезвычайно драгоценное, — по-крайней-мѣрѣ пропавшая болонка, которую любезный кавалеръ отыскалъ и съ торжествомъ несетъ къ шестидесяти-лѣтней дамѣ своего сердца.

Глядя на наружность, вы, конечно, не почли бы этого костляваго старика за художника, между-тѣмъ онъ вышелъ первымъ ученикомъ изъ Римской Академіи по возстановленіи ея и кромѣ многихъ извѣстныхъ романсовъ и неизвѣстныхъ партитуръ сочинилъ кантату, которая удостоилась большой преміи. Словомъ, это былъ маэстро Сильвій Понсъ, который оканчивалъ свое музыкальное поприще въ качествѣ капельмейстера на одномъ изъ бульварныхъ театровъ. Сверхъ этого онъ, благодаря своему лицу, имѣлъ уроки въ нѣкоторыхъ дѣвичьихъ пансіонахъ.

Будучи посыланъ на казенный счетъ въ Римъ, затѣмъ чтобы сдѣлаться великимъ музыкантомъ, москѣ Сильвій Понсъ воротился съ великою страстью къ древностямъ и ко всякимъ художествен-

нынѣ произведеніямъ. Онъ сдѣлался неистовымъ любителемъ картинъ, бронзъ, ираморовъ, статуй, статуэтокъ, барельефовъ, камеръ, вазъ, горшковъ и всякой утвари, лишь бы она отличалась или художественностью, или старинною, или рѣдкостью, и потратилъ на это все небольшое наслѣдство, которое получилъ послѣ отца и матери. Нельзя сказать однако жъ, чтобы и Понсъ совершенно забылъ музыку. Будучи отъ природы одаренъ чувствомъ изящнаго, — что доказывалось впрочемъ и самою антикварскою его страстью, — онъ скомпоновалъ нѣсколько прелестныхъ вещей, которыя доставили ему даже извѣстность, — года на четыре, около 1814,—но въ 1844, въ ту пору, о которой мы рассказываемъ, о маэстро Понсъ уже не зналъ ни одинъ музыкальный торговецъ, хотя онъ еще оставался хорошимъ исполнителемъ и ловко дирижировалъ оркестромъ. При всемъ томъ, Понсъ-антикварій находилъ столько наслажденій посреди своего кабинета рѣдкостей, что вполнѣ утѣшался въ паденіи музыкальной славы,—до того, что если бы ему предложили ния Россіи въ обмѣнъ за его коллекцію, онъ бы не задумавшись отказался.

Слѣдуя теоріи извѣстнаго собирателя рѣдкихъ гравюръ, Шенавара, который утверждаетъ, что нѣтъ никакого наслажденія смотрѣть на какого-нибудь Рюндаля, Гоббему, Гольбейна, Рафаэля, Мурильо или Грѣза, когда за вещь дано дороже пятидесяти франковъ, Понсъ не покушался ни на какой торгъ выше ста франковъ. Будь вещь самая рѣдкая и самая прекрасная въ мірѣ, если стѣить двѣсти или триста франковъ, — она для него не существуетъ. Страсть къ дешевому была у него почти равносильна страсти къ изящному и рѣдкому. Случаи къ приобрѣтеніямъ, въ которыхъ бы соединялись эти два условія, конечно, не могли представляться часто, но Понсъ обладалъ тремя самыми необходимыми средствами къ успѣху: онъ имѣлъ ноги оленя, досугъ праздншатающаго и терпѣніе Еврея.

Эта система, втеченіи сорока лѣтъ, въ Римѣ и въ Парижѣ, принесла богатые плоды. Истрачивая около двухъ тысячъ франковъ ежегодно, Понсъ набралъ скрытую въ величайшей тайнѣ коллекцію художественныхъ произведеній, которой каталогъ простирался до баснословной цифры 1,907.

Многими вещами Понсъ былъ обязанъ обмѣну, величайшему счастью антикваріевъ: наслажденіе купить рѣдкость — наслажденіе второстепенное; главное, первое — вымѣнять.

Понсъ не былъ знаменитъ въ торговлѣ рѣдкостями, потому что не ходилъ на большія торжища и не знался съ знамениты-

ми торговцами. Отъ этого онъ и самъ не зналъ настоящей цѣны своимъ сокровищамъ. Понсъ устроивалъ музей, для того, чтобы самому наслаждаться имъ каждый часъ, каждую минуту. Души, созданныя на то чтобы восхищаться великими произведеніями, обладаютъ дивною способностью истинныхъ любовниковъ: они находятъ сегодня столько же удовольствія, сколько вчера, и никогда не утомляются, а мастерскія произведенія, къ-счастью, всегда остаются молоды.

При первыхъ чертахъ этого біографическаго эскиза, всякій, конечно, закричитъ: — «Вотъ самый счастливый человекъ въ мірѣ, несмотря на то, что дурень собой!»

И въ самомъ дѣлѣ, ни какая скука, ни какая хандра, ни какой сплинъ не устоятъ противъ *моксы*, которую человекъ накладываетъ себѣ на душу, обзаведая какою-нибудь страстью, маніей. О, вы! которымъ все на свѣтѣ пріѣлось, вы, которые уже не находите вкусу въ чашѣ удовольствій! попытайтесь собирать коллекцію, — какою-нибудь, хоть, напримѣръ, коллекцію афишъ или перочинныхъ ножичковъ, — и вы обрѣтете счастье.

Однако жъ не завидуйте Понсу: это чувство, какъ и всѣ подобныя, можетъ основываться только на заблужденіи. Понсъ, человекъ съ эстетическимъ чувствомъ, человекъ, котораго душа жила въ неутомимомъ удивленіи чудесамъ человѣческаго творчества, былъ въ то же время рабомъ того изъ семи смертныхъ грѣховъ, за который Богъ, конечно, будетъ карать съ наименьшею строгостію: Понсъ былъ лакомка. Ограниченное его состояніе и страсть къ антикварству предписывали ему діету, такую неспособную для его разборчивой губы, что холостякъ съ-разу рѣшилъ вопросъ и сталъ ежедневно обѣдать въ гостяхъ. Такъ какъ вопросъ этотъ рѣшался въ пору славы музыканта, то за средствами, то есть за приглашеніями, дѣло не стало. Въ четырехлѣтній періодъ этой славы, когда музыканта-композитора таскали изъ дому въ домъ, Понсъ составилъ себѣ губительную привычку хорошо обѣдать, на хорошемъ обѣдѣ выпирать кусочки и пить отличное вино. Воспитанный такимъ образомъ желудокъ необходимо дѣйствуетъ обратно на голову и развращаетъ разумъ по мѣрѣ высокой кухонной мудрости, каковую самъ пріобрѣтаетъ. Слостолюбіе, угнѣздившись во всѣхъ изгибахъ сердца, господствуетъ самодержавно и требуетъ удовлетворенія, во чтѣ бы то ни стало. Никто еще, кажется, не описывалъ страстей глотки и потому не многіе, быть-можетъ, въ-состояніи представить себѣ

число людей, разоренныхъ столомъ: оно почти такъ же велико, какъ и число разоренныхъ любовницами.

Когда Понсъ, по упадкѣ своей артистической славы, изъ дорогаго, всюду приглашеннаго гостя, постепенно перешелъ въ званіе блюдолиза, дармоѣда, прихлебателя, ему стало уже невозможно обойтись безъ роскошныхъ обѣдовъ и лакомыхъ кусочковъ и промѣнять ихъ на кухмистерскій столъ. Увы! онъ затрепеталъ, когда увидѣлъ, что его независимость держится на такихъ великихъ пожертвованіяхъ, и вдругъ почувствовалъ себя способнымъ къ величайшимъ низостямъ, ради хорошихъ блюдъ. Къ-счастью, отъ него никто еще не требовалъ низости: требовали только учтвости и маленькихъ услугъ, за которыя, впрочемъ, нныя дамы называли его иногда *милымъ человѣкомъ*. Далѣе, у Понса сношенія съ дамами никогда не простирались. Для любви онъ былъ одаренъ слишкомъ несчастною физиономіей.

Второй періодъ существованія за чужими столами, періодъ еще довольно спосный, продолжался лѣтъ десять. Понсъ исправлялъ тѣмъ комиссіей, замѣнялъ подѣ-часъ разсылныхъ, лакеевъ и дворняжковъ, однимъ словомъ, умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Но и эта пора миновала. Понсъ сталъ старѣть и на комиссіонерствѣ сталъ не совсѣмъ исправенъ. Вокругъ него образовалась холодная атмосфера, обыкновенно окружающая стариковъ и особенно рѣзкая, когда старикъ дуренъ собою и бѣденъ: вѣдь это тройная старость! Понса не только перестали приглашать, но и принимали уже только такъ, какъ подчиняются закону о налогахъ. Въ счетъ ему не ставили ничего, ни даже истинныхъ его услугъ. Семейства, составлявшія сѣру, въ которой старыи музыкантъ періодически обращался около столовъ, не питали никакого уваженія къ искусствамъ и понимали высокое только въ звонкой монетѣ и чинахъ. Понсъ, не имѣя достаточной силы ума, чтобы внушить невѣждамъ страхъ, не внушилъ также никакого почтенія и мало-по-малу совершенно превратился въ ничто, хотя и нельзя сказать, чтобы его презирали. Какъ человѣкъ смиренный, онъ часто и много страдалъ, однако жъ молчалъ. Будучи постоянно обязанъ угождать всѣмъ и каждому, онъ постепенно привыкъ подавлять свои чувстваванія и находить въ своемъ сердцѣ святилище, куда укрывался для отдыха. Это явленіе многіе поверхностные люди означаютъ словомъ «эгоизмъ». Впрочемъ, сходство между искателемъ удивленія и эгоистомъ такъ велико, что клеветники, повидному, бываютъ правы противъ людей съ душою. Кузень Понсъ подпалъ подѣ обвиненіе

въ эгонизмъ, потому что былъ смиренъ. Кто знаетъ, сколько незаслуженныхъ бѣдствій переносятъ смиреные, и кто вопли опишетъ ихъ страданія!

Это положеніе объясняетъ печальное выраженіе на лицѣ музыканта, который жилъ ежедневными унижительными уступками. Но уступки, требуемыя всякою страстью, въ то же время болѣе и болѣе скрѣпляютъ связи съ предметами страсти. Выдержавъ наглый покровительственный взглядъ какого-нибудь мѣщанина, набитаго дурака, Понсъ какъ-будто мщеніемъ упивался, смакуя доброе вино и устрицы за его столомъ, и говорилъ себѣ.

— Всѣ-таки еще не дорого заплатилъ!.....

Однако жъ, въ глазахъ моралиста, эта жизнь имѣла свои извѣщающія обстоятельства.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ существуетъ только удовлетвореніемъ какой-нибудь страсти. Человѣкъ безъ всякой страсти — уродъ, чудовище. Понсъ, исключая не многихъ и довольно пошлыхъ приключеній во время своего путешествія по Италіи, никогда не видывалъ, чтобы женщина улыбалась ему. Такая участь не рѣдкость, а Понсъ былъ осужденъ на нее со дня рожденія. Артистъ, одаренный душою нѣжною, мечтательною и разборчивою, принужденъ былъ принять характеръ, наложенный на него несчастною наружностью. Онъ отчаялся когда-либо найти любовь и остался безсемеинымъ не столько по расположенію, сколько по необходимости. Обжорство простерло къ нему объятія и онъ повергся въ нихъ, какъ повергся въ поклоненіе произведеніямъ искусствъ. Хорошій столъ въ гостяхъ и антикварскій музей дома замѣнили ему все. Музыка составляла его ремесло, а человѣкъ, любящій ремесло, которымъ живешь, большая рѣдкость.

Въ 1835 году случай вознаградилъ Понса за равнодушіе къ нему прекраснаго пола. Онъ нашелъ, что называется, опору въ старости, — онъ нашелъ друга, такого же старика и такого же музыканта, каковъ былъ самъ.

Этого друга звали Шмукъ. Онъ бы піанистъ-учитель и Нѣмецъ, какъ и всѣ почти піанисты.

Въ одну недѣлю оба музыканта сблизились какъ братья и стали необходимы другъ другу. Шмукъ хотя былъ хорошій композиторъ, однако жъ умѣлъ только преподавать и объяснять, потому что у него не доставало смѣлости, необходимой производителю. Онъ сохранилъ свое дѣтское простодушіе, такъ же какъ Понсъ сохранялъ въ одеждѣ остатки временъ имперіи, — самъ того не зная. Шмукъ сочинялъ музыку про самого себя. Онъ

жилъ въ Парижѣ, какъ соловей живетъ въ лѣсу, и нѣлъ одиноко двадцать лѣтъ, покуда не встрѣтилъ Понса, свое второе я, своего двойника.

Различались друзья между собою только тѣмъ, что Шмукъ былъ разсѣянъ, а Понсъ внимателенъ; Понсъ былъ собиратель, Шмукъ — мечтатель; тотъ изучалъ прекрасное нравственное, тотъ спасалъ прекрасное матеріальное; Понсъ разсматривалъ и покупалъ фарфоровую чашку, тѣмъ временемъ какъ Шмукъ утиралъ носъ и обдумывалъ какой-нибудь бетховенскій или моцартовскій мотивъ и въ мирѣ чувствованій отъыскивалъ источника или отвѣту на поразившую его музыкальную фразу. У Шмука экономкою была разсѣянность, у Понса — антикварская страсть и обѣ достигали одного результата: наканунѣ cadaго новаго года въ карманахъ музыкантовъ оказывался нуль.

Безъ этой дружбы Понсъ, быть-можетъ, изнемогъ бы подъ бременемъ своихъ страданій, но онъ нашелъ сердце, въ которое могъ излить свое, и жизнь его снова стала сносною. Въ первый разъ когда онъ пожаловался другу на свое горе, добрый Нѣмецъ посовѣтовалъ ему питаться такъ, какъ онъ питался, — хлѣбомъ и сыромъ, у себя дома, лучше нежели чужими обѣдами, купленными цѣною оскорбленій и униженій. Увы! Понсъ не посмѣлъ признаться Шмуку, что сердце и желудокъ у него враги; что желудокъ безъ зазрѣнія совѣсти пользуется жертвованіями и страданіями сердца, и что ему необходимъ хорошій столъ, во чтѣ бы то ни стало.

Со временемъ, мало-по-малу Шмукъ сталъ понимать Понса. Съ разу онъ не могъ разгадать его: на это Шмукъ былъ слишкомъ истинный Нѣмецъ, неспособный къ быстрымъ соображеніямъ. Узнавъ друга короче, онъ однако жъ не разлюбилъ его: напротивъ, полюбилъ еще больше. Никогда дружба не скрѣпляется тѣснѣе того, когда одинъ изъ друзей почитаетъ себя сильнѣе и выше другаго.

Открывъ въ другѣ сластолюбивую страсть, добрый Нѣмецъ Шмукъ на другой же день устроилъ экстренный завтракъ и съ восхищеніемъ потиралъ руки, воображая, какъ угостить друга Понса лакомыми кусочками, которыхъ самъ лично закупилъ.

Надобно не знать Парижа, чтобы вообразить, будто старики друзья могли избѣжать насмѣшекъ. Шмукъ и Понсъ, сочетавъ свои богатства и свою нищету, очень естественно взбрѣли на экономическую мысль жить вмѣстѣ и наняли на общій счетъ

квартиру на Болотѣ. Они очень часто выходили вмѣстѣ прогуливаться и зубоскалы-сосѣди прозвали ихъ *клещами*.

Въ самомъ дѣлѣ, со времени сочетанія двухъ стариковъ, ихъ занятія, почти совершенно одинаковыя, приняли характеръ братства, какимъ отличается пара извозчичьихъ лошадей, припряженныхъ къ одному дышлу. Вставая въ семь часовъ утра, какъ лѣтомъ такъ и зимою, и дома позавтракавъ вмѣстѣ, оба отправлялись на уроки, на которыхъ, въ случаѣ нужды, замѣняли одинъ другаго. Около полудня Понсъ отправлялся на репетицію, а всѣ свободныя минуты посвящалъ своему музею. Вечеромъ друзья опять сходились въ театрѣ, гдѣ Шмукъ по протекціи Понса, занималъ мѣсто музыканта для случайныхъ инструментовъ, каковы арфа, фортепіано, англійскій рожокъ, касстаньеты, и такъ далѣе. Сверхъ этой должности, на попеченіи Шмука была также переписка нотъ и инструментовка новыхъ увертюръ, водевильныхъ куплетовъ и оперетокъ, для которыхъ музыкальныя идеи подавалъ Понсъ. Всѣ музыканты скоро полюбили добраго, простодушнаго Нѣмца столько же, сколько добраго и скромнаго Понса, а дирекціи онъ оказался даже очень полезенъ. Никто изъ принадлежащихъ театру никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшей мистификаціи, ни грубой шутки съ Понсомъ или его другомъ. Впрочемъ, это было бы даже трудно исполнить. Понсъ еще иногда показывался въ фойѣ и въ буфетѣ, но Шмукъ зналъ только подземный проходъ изъ корридора въ оркестръ.

Только въ антрактахъ старый Нѣмецъ, осмѣливался иногда посмотрѣть на собраніе въ залѣ и разспросить у первой флейты кое-что о ближайшихъ къ оркестру ежедневныхъ посѣтителяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ театраловъ. Первая флейта была молодой человѣкъ, по имени Швабъ, — Нѣмецъ родившійся въ Страсбургѣ. Разспросы эти впрочемъ не имѣли ни какой цѣли: Шмукъ слушалъ рассказы и смотрѣлъ на лица, какъ на китайскія арабески: они не принадлежали къ его сферѣ, не имѣли ничего общаго съ его жизнью.

Двойственная жизнь Понса и Шмука протекала бы совершенно спокойно и мирно, если бы ее не возмущалъ порокъ, которому служилъ Понсъ, — неистовая страсть къ обѣдамъ въ гостяхъ. Всякій разъ, когда Шмукъ бывалъ дома, во время сборовъ Понса на чужой обѣдъ, добрый Нѣмецъ сѣтовалъ на эту пагубную привычку.

— Если бы онъ по-крайней-мѣрѣ толстѣлъ отъ этого! говорилъ нерѣдко Шмукъ со вздохомъ.

Добрый Нѣмецъ замышлялъ исцѣлить своего друга отъ этого унижительнаго пороку, тѣмъ болѣе, когда въ грустномъ выраженіи лица сталъ открывать возрастаніе затрудненій въ тягостномъ ремеслѣ дармоѣда.

Въ октябрѣ, 1844 года, число домовъ, гдѣ Понсъ обѣдалъ, было очень ограниченное. Бѣдный капельмейстеръ былъ принужденъ обращаться уже только въ кругу родныхъ, но и значеніе этого слова онъ распространилъ слишкомъ далеко.

Понсъ доводился двоюроднымъ братомъ — первой женѣ мосьё Камюзò, богатаго торговца шелковыми товарами, который, въ 1844 году, былъ мануфактуръ-совѣтникомъ и депутатомъ. Пользуясь дружбою поколѣнія Камюзò, Понсъ почиталъ себя двоюроднымъ братцемъ и тѣхъ дѣтей, которыхъ мануфактуръ, совѣтникъ имѣлъ отъ втораго брака, хотя между ими не было родства ни на волосъ.

Вторая мадамъ Камюзò, была урожденная мадмоазель-Кардò. Понсъ, въ качествѣ кузена вступилъ и во многочисленное семейство Кардò.

Нотариусъ Кардò, братъ второй мадамъ Камюзò, женился на мадмоазель Шифрвилъ, родственницѣ мосьё Ансельма Попинò, бывшаго москотильника, котораго июльская революція забросила въ политическій міръ и наконецъ въ палату перовъ.

Держась за Камюзò и за Кардò, Понсъ вошелъ въ домъ къ Шифрвилямъ, а оттуда и къ Попинò, — всё въ качествѣ кузена кузеновъ.

Этимъ простымъ обозрѣніемъ послѣднихъ отношеній стараго музыканта объясняется, какимъ образомъ онъ, въ 1844 году могъ быть принятъ какъ родственникъ.

1) у графа Попинò, пера Франціи и бывшаго министра земледѣлія и торговли;

2) у мосьё Кардò, бывшаго нотариуса, нынѣ мера и депутата одного изъ округовъ Парижа;

3) У стараго мосьё Камюзò, депутата; члена парижскаго муниципальнаго совѣта, мануфактуръ-совѣтника и будущаго пера.

4) У мосьё Камюзò де-Марвиля, сына стараго Камюзò отъ перваго брака, единственнаго истиннаго брата мосьё Понса и то брата троюроднаго. Этотъ Камюзò, для отлучія отъ отца и отъ брата втораго брака, прибавилъ къ своему имени прозваніе имѣнія де-Марвилъ. Въ 1844 году онъ былъ президентомъ парижскаго королевскаго суда.

Когда бывшій нотариусъ Кардò, выдалъ дочь за своего преем-

ника, мосьё Бертъё, Понсъ пошелъ въ видѣ приданого и завоевалъ еще обѣдъ.

Всю эту компанію Понсъ называлъ родней, съ трудомъ сохраняя и защищая свое право застольника. Домъ президента Камюздъ, въ которомъ для артиста заключался главный узелъ родства, былъ у него предметомъ самыхъ внимательныхъ угожденій, но увы, президентша никогда не бывала ласкова къ троюродному братцу своего мужа и Понсъ напрасно тратилъ время, когда старался умилостивить эту страшную родственницу. Самая главная попытка не удалась ему: онъ даромъ давалъ рыжей дочкѣ ея уроки въ музыкѣ, но ни какъ не сумѣлъ образовать изъ мадамозель Камюздъ музыкальнаго гения.

Понсъ, котораго вы видѣли идущаго по улицѣ съ какою-то драгоценностью подъ полюю, отправлялся въ эту минуту къ своему кузену-президенту.

Поворачивая за уголъ Ганноверской улицы, Понсъ затрепеталъ при мысли, какъ приметъ его президентша. Ничтожный вѣтъ, какимъ пользовался Понсъ въ семействѣ Камюздъ и беззребренное его состояніе, разумѣется, дѣйствовало и на слугъ. Они хотя и оставались въ границахъ вѣжливости, однако жъ всё-таки обращались съ Понсомъ какъ обращаются съ человѣкомъ, съ котораго нечего взять. Капитальнымъ врагомъ его была горничная президентши, Маделена Вивё, старая, сухая и довольно злая дѣвка, которой однажды какъ-то вздумалось приобрѣсть званіе мадамъ Понсъ и сдѣлаться кузиною своихъ господъ. Но она напрасно поманивала стараго холостяка двадцатью тысячами франковъ, которые успѣла прикупить. Понсъ отказался отъ этого счастья, за то ему житья не стало въ домѣ президентши.

Горничная вела тайную безнаказанную войну и наносила несчастному тысячи мелкихъ обидъ, на которыя онъ не смѣлъ и не могъ никому жаловаться. Самою слабою и ничтожною изъ всѣхъ этихъ обидъ было прозваніе блюдолизомъ, прихлебателемъ, дармоѣдомъ. Когда кузень-Понсъ являлся, Маделена всегда умѣла сказать это такъ, чтобы онъ слышалъ. Когда же бывала зла на свою госпожу, въ-особенности за скупость, — что случалось не рѣдко, — то при ней говорила о Понсѣ: «вашъ кузень». Въ другихъ случаяхъ она не называла его такъ, потому что президентша не любила вспоминать о родствѣ съ Понсомъ.

На этотъ разъ Маделена докладывала, сказала:

— Вашъ кузень, мосьё Понсъ, идетъ, сударыня.

И въ то же время въ залѣ слышались мужскіе шаги. Мадамъ Камюзò посмотрѣла на дочь и съ досадою вздернула плечи.

— Ты всегда докладываешь такъ ловко, Маделена, сказала она: не уснѣешь ли на что рѣшиться.

— Жанъ усталъ со двора, сударыня. Я одна. Москѣ Понсъ позвонилъ, я отворила ему и, какъ онъ почти свой человѣкъ въ домѣ, не могла оставить его.

— Ну, нечего дѣлать, бѣдная моя Лили: мы захвачены въ распутье и должны обѣдать дома, но чтó же это въ самомъ дѣлѣ, продолжала она, увидѣвъ отчаянно-кислое лицо дочери: развѣ мы не можемъ отдѣлаться отъ этихъ несносныхъ посѣщеній: я бы желала отдѣлаться однажды навсегда.

— О, какъ можно! возразила Сесилія: лишить бѣдняжку Понса двухъ обѣдовъ въ недѣлю!

Въ гостиной слышался притворный кашель человѣка, который хотѣлъ сказать: я здѣсь, я слышу.

— Ну, проси, отрывисто сказала мадамъ Камюзò горничной. Вы такъ рано пришли, кузенъ, сказала мадамозель Сесилія Камюзò съ лицемѣрною лаской: мы съ маменькой только-что хотѣли одѣваться.

Кузенъ-Понсъ дѣйствительно слышалъ почти весь разговоръ за дверью и такъ оторопѣлъ, что ставъ лицомъ къ лицу предъ президентшей и ея дочерью, не нашелъ ни одного приличнаго привѣтствія. Онъ ограничился только глубоко-значущимъ выраженіемъ:

— Вы всегда очаровательны, кузина Сесилія.

Потомъ оборотясь къ матери, онъ прибавилъ: любезная кузина, вы не прогнѣвайтесь, что я пришелъ немножко раньше обыкновеннаго. Я исполнилъ порученіе, которое имѣлъ счастье получить отъ васъ.

И бѣдный Понсъ, — который пилъ на-двое президента, президентшу и Сесилію всякій разъ, когда называлъ ихъ кузенкомъ или кузиной, — досталъ изъ боковаго кармана деревянный футляръ удивительной рѣзной работы.

— Ахъ, я совсѣмъ забыла, отвѣчала президентша.

Это варварское слово, сказанное съ безчеловѣчною сухостью, напередъ отнимало у несчастнаго кузена всякую заслугу.

— Вы очень добры, кузенъ, прибавила она потомъ: много ли денегъ я должна вамъ за эту бездѣлку?

Кузенъ затрепеталъ въ душѣ. Онъ рассчитывалъ этимъ подаркомъ заплатить за всѣ прошедшіе и будущіе обѣды.

— Я думалъ, вы позволите поднести вамъ это въ подарокъ, сказалъ онъ съ смущеніемъ.

— Какъ! что! возразила президентша: пожалуйста не станемте церемониться. Мы такъ хорошо знаемъ другъ друга, что это былъ бы напрасный трудъ. Вы не такъ богаты, чтобы дѣлать расходы на прихоти: довольно того, что вы потратили время, бѣгая по магазинамъ.

— Вы не захотѣли бы имѣть это опакало, если бы вамъ пришлось заплатить, что онъ стоить, возразилъ оскорбленный бѣднякъ: это мастерское произведеніе Ваттò, который расписалъ его на обѣихъ сторонахъ. Но будьте спокойны, кузина: я не заплатилъ и сотой доли того, что стоить эта работа.

Сказать богачу «ты бѣдень»—смертная обида. Президентша слишкомъ гордилась положеніемъ своего мужа, имѣніемъ де-Марвиль и правомъ бывать при дворѣ, такъ, что подобное замѣчаніе не могло не задѣть ее за живое, особенно, когда это замѣчаніе сдѣлано жалкимъ музыкантомъ, передъ которымъ она становилась въ позицію благотворительницы.

— Стало-быть, очень глупы тѣ, у которыхъ вы купили эту вещь, сказала она съ живостію.

— Можно быть очень не глупымъ и продать вещь за безцѣнокъ.

— Стало-быть, вы очень ловкій покупатель, замѣтила Сесилія, чтобы прекратить войну.

— Милая кузина, отвѣчалъ Понсъ: у меня конечно достанетъ ловкости, чтобы отличить работу Ланкрè, Патера, Ваттò или Грèза, но въ настоящемъ случаѣ я желалъ только угодить вашей матушкѣ.

Мадамъ де-Марвиль не хотѣла подать виду, что пользуется хотя самымъ ничтожнымъ одолженіемъ кузена-Понса, и невѣжество ея въ искусствахъ превосходно помогло ей: она не знала имени Ваттò. Если есть что-нибудь способное выразить, до чего можетъ довести самолюбіе собирателя коллекцій,—одно изъ самыхъ сильныхъ самолюбій,—то это смѣлость, съ которою Понсъ выдерживалъ борьбу съ президентшей въ первый разъ втеченіи двадцати лѣтъ. Но потомъ, изумившись собственной дерзости, Понсъ скоро принялъ миролюбивое положеніе и сталъ объяснять Сесиліи красоты рѣзной работы спиць опакала.

Президентша, мадамъ Камюзò де-Марвиль, бывъ прежде небольшого росту, бѣлокурою, полною и бѣлою дѣвушкой, стала при томъ же ростѣ сухощавою.

Ея выпуклый лобъ, и свалившійся ротъ, прежде украшенный цвѣтомъ молодости, послѣ надѣннаго выраженія, естественно приняли выраженіе угрюмости и презрѣнія. Привычка къ безусловному властвованію въ домѣ придава ея физиономіи непріятную суровость. Волосы ея изъ бѣлокурыхъ обратились въ пепельно-рыжіе. Глаза еще, живые, быстрые, выражали смѣсь зависти и снѣси, потому что богатая президентша оказывалась почти бѣдною въ кругу вышедшихъ въ дворянство мѣщанъ, у которыхъ обѣдалъ Понсъ. Отношеніе бѣднаго Понса къ этому бѣсу въ юбкѣ, было отношеніе школьника къ учителю, вооруженному розгой: поэтому мадамъ Камюзò не могла понять мгновенно родившейся дерзости своего кузена. Она не знала цѣны подарку.

— Гдѣ же вы нашли это? спросила Сесилія, разсматривая драгоценное опахало.

— У одного барышника, торгующаго случайно мебелью. Онъ скупилъ нѣкоторую старую мебель на аукціонѣ, въ замкѣ Ольнѣ, гдѣ нѣкогда жила мадамъ Помпадуръ. Тамъ въ числѣ разныхъ вещей, были очень дорогія художественныя произведенія, настоящія сокровища. Это опахало барышникъ нашелъ въ ящикѣ туалетнаго столика, мозаичной работы, который самъ по себѣ стоить тысячи три или четыре.

— Вы шутите!

— Ни сколько. Мебель работы Рейзейнера не падаетъ, а возвышается въ цѣнѣ.

Сесилія снова посмотрѣла на опахало и оно показалось ей очень старымъ.

— Но, скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы пошли въ мебельный магазинъ искать опахала? спросила она.

— Когда ваша матушка осчастливила меня порученіемъ, купить ей опахало, я, натурально, не пожалѣлъ погн и обѣгалъ всѣ магазины, но не нашелъ ничего удовлетворительнаго. Вчера я случайно зашелъ къ Монистролю,—барышнику, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ показалъ мнѣ свои покупки и между прочимъ туалетный столикъ, дивную вещь: мозаичная работа по рисункамъ Бушѣ, такая работа, что должно на колѣни встать!... Монистроль призывалъ слесаря, чтобы отворить ящикъ, отъ котораго ключъ былъ потерянъ, и нашелъ въ ящикѣ это опахало.... опахало мадамъ Помпадуръ, подаренное, вѣроятно, Людовикомъ Пятнадцатымъ!... Но Монистроль не знаетъ ему цѣны. Я очень хладнокровно развернулъ и осмотрѣлъ эту драгоценность и опять сложилъ, по правдѣ сказать, для того чтобы неподражаемая работа

Ваттò не ослѣпила меня и не заставила измѣнить себя. Мониторь попросилъ меня найти покупателя на столикъ, и говорилъ, что тысячу франковъ ему уже даютъ. Я принялся любоваться на рѣзную работу футляра и предложилъ ему цѣну, съ замѣчаніемъ, что покупаю опахало ради футляра. Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза и я увидѣлъ, что мой барышникъ попался на удочку. Чтобы озадачить его еще больше, я тотчасъ же обратился къ столику и объяснилъ, что на этой вещи можно выручить гораздо болѣе тысячи франковъ,—тысячи четыре, даже пять. Барышникъ обрадовался и, въ знакъ благодарности за такое открытіе, отдалъ мнѣ опахало за безцѣнокъ.

Старый антикварій съ жаромъ и восхищеніемъ рассказывавшій о своей побѣдѣ надъ барышникомъ, былъ достоинъ фламандской кисти, но для президентши и ея дочери весь эффектъ этой картины пропадалъ даромъ. Онѣ находили только, что кузенъ-Понсъ оригиналь.

— Такъ это занимаетъ васъ? спросила мадамъ де-Марвилъ.

Понсъ вздрогнулъ отъ этого вопроса, ему захотѣлось прибѣгнуть къ президентшѣ.

— Помилуйте, любезная кузина, да вѣдь это охота за мастерскими произведеніями! Тутъ встрѣчаешься лицомъ къ лицу съ противниками, которые защищаютъ добычу. Это борьба хитрости, противъ хитрости. Художественное произведеніе въ рукахъ Нормандійца, Жида или Овернца, то же, что въ волшебныхъ сказкахъ принцесса въ рукахъ злаго колдуна.

— Но почему же вы знаете, что это работа Ват... какъ вы его называете?

— Ваттò, любезная кузина, одного изъ знаменитѣйшихъ французскихъ живописцевъ семнадцатаго вѣка. Мнѣ его кисть очень хорошо знакома, впрочемъ вотъ его подпись. И какъ это сдѣлано! какъ это исполнено! какой колоритъ! какая жизнь! говорилъ съ восхищеніемъ антикварій, указывая на группы пляшущихъ поддѣльныхъ пастушекъ и щеголей-пастушковъ. А вотъ, на другой сторонѣ, посмотрите, балъ въ залѣ. Съ одной стороны зима, съ другой лѣто! какіе орнаменты, и какъ все это сохранилось! Спицы, какъ видите, золотыя, въ каждую на концѣ вставленъ маленькій яхонтъ. Все это было черно: я вычистилъ.

— Но если это такъ, кузенъ, то эта вещь очень дорога и я не могу принять ея отъ васъ: лучше продайте ее кому-нибудь, сказала президентша, которой однако жъ очень захотѣлось имѣть такое великолѣпное опахало.

— Пять, сдѣлайте одолженіе, любезная кузина, вѣдь вы знаете, что мнѣ эта вещь досталась почти даромъ. Притомъ, будьте увѣрены, что при дворѣ ни одна принцесса не имѣетъ ничего равнаго этому опухалу.

— Хорошо, я принимаю, сказала смѣясь президентша: Сесилія, мой ангель, поди, посмотри съ Маделеной, чтобы обѣдъ былъ достоинъ нашего кузена.

Президентша хотѣла уравновѣсить счетъ. Это порученіе данное вслухъ противъ всѣхъ правилъ хорошаго тону, такъ походило на выдачу жалованья, что Понсъ покраснѣлъ, какъ мальчикъ пойманый на шалости.

Сесилія вышла, Понсъ остался наединѣ съ президентшей и съ горькою пилюлей, которую еще не успѣлъ проглотить. Но президентша помирилась съ кузеномъ и стала ласкова. Будучи же ласкова, она всегда говорила о своей Лили, которую пора было выдать замужъ. Понсъ у всѣхъ своихъ покровителей служилъ чѣмъ-то въ родѣ лоханки, въ которую, подъ откровенный чашъ, выливались семейныя тайны. За скромность его всегда можно было поручиться: она была необходима ему самому, потому что одно неосторожное слово могло вдругъ запереть ему входъ въ десять домовъ. Притомъ Понсъ былъ такой слушатель, который все одобрялъ, всему поддакивалъ, всему улыбался, никто не обвинялъ, никого не оправдывалъ. Передъ нимъ всѣ были правы. Онъ, по примѣру хорова въ древнихъ трагедіяхъ, только повторялъ мысли дѣйствующихъ лицъ. Самъ онъ уже былъ не лицо, не человѣкъ, а желудокъ.

Президентша, не безъ осторожности впрочемъ, призналась своему кузену, что расположена почти слѣпо согласиться на всякую партію, какая представится ея дочери. Она сказала даже, что сочтетъ хорошею партіей, человѣка лѣтъ поды пятьдесятъ, лишь бы онъ имѣлъ двадцать тысячъ доходу.

— Сесилія двадцать-третій годъ, говорила она: если, къ-несчастью, дойдетъ до двадцати-пятаго, или двадцати-шестаго, выдать ее замужъ будетъ чрезвычайно трудно. О нашемъ положеніи и то уже толкуютъ слишкомъ много. Мы уже истощили всѣ обыкновенныя отговорки: мы довольно часто повторяли, что она слишкомъ молода, слишкомъ любить отца и мать, почитаетъ себя счастливою въ родительскомъ домѣ, не хочетъ разстаться.... Мы становимся смѣшными, я очень хорошо понимаю это. Сама Сесилія соскучилась въ ожиданіи. Она страдаетъ, бѣдняжка.

— Чѣмъ? глупо спросилъ Понсъ.

— Какъ, чѣмъ! съ удивленіемъ возразила президентша: се огорчается, что всѣ подруги вышли замужъ прежде ея.

— Но вѣдь, кажется, у васъ уже было въ ходу сватовство? скромно замѣтилъ Понсъ: развѣ обстоятельства переѣмбились съ-тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе обѣдать у васъ?

— Да, у насъ было назначено свиданіе съ семействомъ одного совѣтника при дворѣ. У того совѣтника сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ хорошимъ состояніемъ. Мой мужъ доставилъ ему мѣсто въ контролѣ и дѣло было почти вѣрное, но вдругъ намъ сказали, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлалъ глупость, уѣхалъ въ Испанію вслѣдъ за какого-то герцогиней. Это замаскированный отказъ. Они, вѣроятно, нашли невѣсту по-богаче. Поэтому вы, любезный кузень, не взыщете съ насъ за угрюмое расположеніе духа: вы пришли въ самую пору кризиса.

Понсъ не успѣлъ отвѣчать, какъ вошла Маделена, которая подала президентшѣ записку и ждала отвѣту.

Записка эта была слѣдующаго содержанія:

« Милая мамà, если мы предположимъ, что эта записка при-
« слана намъ изъ палаты, отъ папеньки, который, предположимъ,
« велитъ тебѣ отправиться со мной обѣдать къ его другу, что-
« бы снова поговорить о моемъ замужствѣ, тогда кузень уйдетъ
« и мы можемъ ѣхать къ Поппинь.»

— Кого же прислалъ москѣ де-Марвилъ? съ живостью спросила президентша.

— Сторожа, бойко отвѣчала Маделена, которая устроила всю эту интригу.

— Скажи, что мы будемъ въ полдень шестаго, сказала президентша.

Когда Маделена вышла, мадамъ де-Марвилъ очень ласково посмотрѣла на Понса, и сказала:

— Любезный кузень, у насъ обѣдъ уже заказанъ и скоро будетъ готовъ, но вы пообѣдаете безъ насъ: мужъ пишетъ мнѣ, что дѣло о сватовствѣ снова подвигается и мы отправляемся на обѣдъ къ совѣтнику. Вы понимаете, что въ такомъ случаѣ нельзя отказаться. Пожалуйста, будьте здѣсь какъ дома. Вы видите какъ откровенно я поступаю съ вами: вѣдь у меня нѣтъ тайны отъ васъ, а вы, конечно, не захотите разстроить свадьбу моей Лили.

— Я, кузина? помилуйте! напротивъ, я хотѣлъ бы найти ей жениха, но въ томъ кругу, гдѣ я живу...

— Да, конечно, вы не найдете, нагло перебила президентша.

Такъ вы останетесь, прибавила она. Сесилія посидитъ съ вами, пока я одѣнусь.

О! помилуйте, кузина, я могу пообѣдать гдѣ-нибудь въ другой мѣстѣ, отвѣчалъ Понсъ, который хотя былъ уже довольно увлеченъ обращеніемъ президентши, однако жъ еще болѣе ужасался мысли остаться наединѣ со слугами.

— Отчего же? обѣдъ готовъ: вѣдь съѣдятъ же слуги.

При этой страшной фразѣ Понсъ всталъ и выпрямился, какъ будто его поразила ударъ гальванической батареи, холодно поклонился кузинѣ и пошелъ надѣвать свой спенсеръ.

Дверь Сесилииной спальни была не притворена, такъ, что Понсъ, взглянувъ въ противоположное зеркало, увидѣлъ дѣвушку, которая за нимъ подсматривала и съ трудомъ удерживалась отъ хоту.

Бѣдный капельмейстеръ медленно спускался съ лѣстницы, глотая слезы: его выгнали изъ дому и онъ не зналъ, за что.

— Я слишкомъ старъ сталъ, говорилъ онъ себѣ: люди не любятъ старости и бѣдности, это двѣ гадкія вещи. Не пойду куда больше безъ приглашенія.

Геройское слово!

Дверь изъ кухни въ корридоръ, по которому проходили на подъѣздъ, часто стояла настежь. Понсъ могъ слышать хохотъ кухарки и лакея, которымъ Маделена рассказывала шутку, съиграниую съ блюдолизомъ.

Въ минуту самаго веселаго смѣху, Понсъ закричалъ придвернику:

— Потрудись отворить!

И въ ту же минуту въ кухнѣ воцарилась глубокая тишина.

— Онъ подслушалъ! тихонько замѣтилъ лакей.

— Ну, тѣмъ лучше! возразила Маделена: скорѣе пойметъ и впередъ избавитъ насъ отъ своихъ посѣщеній. Вѣдь онъ давно надобѣлъ господамъ хуже горькой рѣдки, и намъ тоже.

Бѣдняжка Понсъ, проходя корридоромъ, засталъ рассказъ и не проронилъ ни одного слова изъ послѣдняго замѣчанія горничной. Онъ воротился домой въ состояніи старухи, которая выдержала отчаянную борьбу съ убійцами: онъ говорилъ съ самимъ собой, всѣ движенія его были судорожны. Было уже пять часовъ, а Понсъ еще не думалъ, гдѣ будетъ обѣдать: у него въ первый разъ въ жизни пропалъ аппетитъ.

Нормандійская улица — одна изъ тѣхъ, посреди которыхъ можно вообразить, что находишься въ провинціи: тамъ растутъ

трава, тамъ проходій составляетъ событіе, тамъ всё обитатели знаютъ другъ друга.

Домъ, въ которомъ жили два музыканта, когда-то носилъ званіе отеля, или дворца, и стоялъ, какъ въ Парижѣ говорятъ, между дворомъ и садомъ. Впослѣдствіи его по фасаду загородили новымъ флигелемъ и чрезвычайно стѣснили дворъ. Друзья занимали второй этажъ бывшаго отеля.

Этотъ двойной домъ принадлежалъ осмидесяти-лѣтнему старику, который все управление поручилъ дворнику Сибѣ и его жевѣ. Они и управляли уже двадцать шесть лѣтъ сряду. А какъ жалованье дворника на Болотѣ не очень пышное, и доходъ съ жильцовъ не великъ, то Сибѣ, въ досужее время, занимался портвейномъ и чинилъ старое платье на весь околотокъ. Досугу же у него было довольно, потому что дворникомъ и домоправителемъ собственно не онъ былъ, а его жена. О жизни супруговъ Сибѣ можно сказать, что они пользовались всеобщимъ уваженіемъ и слыли самую счастливою четой между дворниками всего квартала. Они и сами почитали себя счастливыми. Только одно горе иногда тайнѣ тревожило ихъ: они вздыхали, что у нихъ нѣтъ обезпеченныхъ доходовъ. Старику Сибѣ было уже подъ шестьдесятъ и онъ часто жаловался, что кости болятъ, — долго не можетъ свдѣть на верстахъ, — и глаза плохи, — стезковъ не различаютъ, — а мадамъ Сибѣ скучала, что всю жизнь доводится хлопотать и стеречь чужое добро и имѣть въ виду подъ старость не отдыхъ, а нищету. Это горе стало посѣщать счастливую чету особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ однажды сосѣдки рассказывали другъ другу исторію одной извѣстной имъ кухарки, которая по смерти своего барина получила въ наслѣдство пожизненной доходъ съ тридцати тысячъ франковъ. Одна исторія вызвала другую и подобныхъ случаевъ было рассказано множество. Всѣ они заронили въ душу почтенной мадамъ Сибѣ неистребимую, неотвязную мысль: ей смертельно захотѣлось попасть въ какое-нибудь завѣщаніе и она стала жалѣть, зачѣмъ не опредѣлилась съ молодую въ кухарки, вмѣсто того, чтобы влечить жизнь въ дворничкой.

Въ 1836 году, два друга, поселившись во второмъ этажѣ стараго дому, на дворѣ, произвели родъ революціи въ хозяйствѣ супруговъ Сибѣ. Шукъ, такъ же какъ и Понсъ, имѣлъ привычку поручать управленіе своимъ хозяйствомъ дворничихамъ тѣхъ домовъ, гдѣ жилъ. Поселившись вмѣстѣ, въ Нормандійской улицѣ, друзья, естественно, согласились вручить правленіе домашними дѣлами почтенной мадамъ Сибѣ, за двадцать пять франковъ въ мѣсяцъ,

во двѣнадцать съ половиной съ брата, и мадамъ Сибѣ стала у старыхъ холостяковъ полновластною хозяйкой, — дотога полновластною, что почти перестала завидовать участи кухарокъ. Она вазывала Шмука и Понса не иначе какъ «мон жильцы» и ухаживала за простодушными, кроткими стариками, какъ за своими дѣтьми. За двадцать пять франковъ въ мѣсяць друзья приобрѣли мать. Зато они умѣли и оцѣнить это счастье и вознаграждали вочтенную мадамъ Сибѣ по мѣрѣ своихъ средствъ подарками и похвалами.

На второй годъ союзъ второго этажа съ дворницкою скрѣпился еще тѣснѣе. Шмукъ заключилъ съ мадамъ Сибѣ условіе, которое вполнѣ удовлетворяло его лѣности и желанію жить совершенно беззаботно: за сорокъ пять франковъ въ мѣсяць, мадамъ Сибѣ взялась давать ему обѣдъ и завтракъ. Повсѣ нашель, что завтракъ его друга довольно порядоченъ, и заключилъ подобное же условіе насчетъ завтрака, за осьмнадцать франковъ въ мѣсяць.

Эта система поставки провіанту, естественно, вѣсколько приумножила доходъ въ дворницкой и зато старикки-жилыцы стали особами неприкосновенными, ангелами.

Мадамъ Сибѣ оторопѣла, когда увидѣла, что мосьѣ Понсѣ воротился домой въ пять часовъ по полудни, во время совсѣмъ необыкновенное, и въ такомъ состояніи, что даже не отвѣчалъ на ея привѣтствіе, чего съ нимъ никогда еще не случалось.

— Видѣлъ ты, Сибѣ, каковъ нашъ жилецъ прошелъ? сказала она мужу: съ нашимъ мосьѣ Понсомъ случилось что-нибудь необыкновенное: онъ или миллионеромъ сталъ или съ ума сошелъ.

Шмукъ тоже изумился.

— Чтѣ съ тобой, добрый другъ мой? спросилъ Нѣмецъ, испуганный искаженнымъ лицомъ Понса.

— Послѣ все скажу. Я пришелъ обѣдать съ тобою.

— Обѣдать! обѣдать со мною! вскричалъ Шмукъ съ восхищеніемъ: но вѣдь это невозможно! прибавилъ онъ потомъ съ уныніемъ, вспомнивъ гастрономическія привычки своего друга.

Въ эту минуту на порогѣ явилась мадамъ Сибѣ съ готовымъ обѣдомъ, котораго одна половина уже стояла на столѣ въ дворницкой, передъ старикомъ Сибѣ, а другая предназначалась жильцу.

Въ головѣ Шмука родилась блестящая мысль. Онъ схватилъ мадамъ Сибѣ за руку, увлекъ въ корридоръ и приказалъ взять у ресторатѣра самый лучшій обѣдъ, какой окажется въ палачности; дополнить его кондитерскимъ пирожнымъ и бутылкою хо-

рошаго портвейну и вообще не жалѣть денегъ, чтобы на славу угостить друга Понса. Шмукъ былъ внѣ себя отъ радости.

Но сіяющее лицо его опять постепенно омрачилось, когда онъ воротился въ комнату и выслушалъ повѣсть бѣдствій, постигшихъ его друга.

Шмукъ пытался утѣшить Понса, описывая ему свѣтъ съ своей точки зрѣнія.

— Отъ людей можно требовать только того, что касается внѣшности, говорилъ онъ, а внутрь, въ душу, не надобно заглядывать. Я тоже знаю нѣсколькихъ очень хорошихъ и добрыхъ людей, и также могъ бы ходить обѣдать: мнѣ были бы рады. Но я предпочитаю оставаться дома, съ моимъ другомъ Понсомъ, котораго я знаю лучше всѣхъ.

Понсъ взялъ Шмука за руку и пожалъ съ такимъ движеніемъ, въ которомъ передавалась вся душа. Друзья нѣсколько минутъ пробыли въ этомъ положеніи, какъ два любовника, свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки.

— Обѣдай дома всегда, продолжалъ Шмукъ, который внутренно благословляя жестокость президентши и ея челяди: право, брось ты эти знакомства. Мы съ тобой вмѣстѣ будемъ антикварствовать....

Чтобы читатель могъ вполне оцѣнить это истинно геройское слово, «мы вмѣстѣ будемъ антикварствовать», пужно сказать, что Шмукъ былъ круглый невѣжда въ антикварствѣ. Требовалось все могущество его дружбы, на то чтобы онъ не разбилъ чего-нибудь въ залѣ и въ кабинетѣ, предоставленныхъ Понсу подъ музей.

Принадлежа всей душой музыкѣ, Шмукъ смотрѣлъ на старый хламъ своего друга, какъ рыба на цвѣты. Онъ уважалъ всѣ эти рѣдкости только по тому почтенію, съ какимъ Понсъ обметалъ пылъ съ своихъ сокровищъ.

Поэтому не должно удивляться, что великое слово Шмука имѣло столько силы, что могло утѣшить Понса въ отчаяніи: «мы вмѣстѣ будемъ антикварствовать», значило, «я буду употреблять деньги на музей, если ты будешь обѣдать дома».

— Пожалуйте кушать! доложила вошедшая мадамъ Сиббъ съ изумительною ловкостью.

Мадамъ Сиббъ въ молодости служила въ гостинницѣ, гдѣ была известна подъ прозваніемъ «красавицы устричницы» и откуда вынесла манеры въ обращеніи, которыя сохранились такъ, какъ и главныя черты ея здоровой, мужественной красоты, сколько

можетъ сохраниться красота въ сорокъ восемь лѣтъ. Злоязычныя собесѣдники оклеветали почтенную мадамъ Сиббъ, прозвавъ ее «толстою выдюшкой»: мадамъ Сиббъ, не смотря на свое дородство и колоссальный ростъ, всегда была проворна и ловка.

Легко представить себѣ удивленіе Понса при видѣ роскошнаго обѣда, приготовленнаго дружбою Шмука. Этому роду чувствованія, столь рѣдкія въ жизни, происходятъ не отъ постоянной преданности двонхъ людей, которые безпрестанно говорятъ другъ другу: «я люблю тебя, ты имѣешь во мнѣ другаго самаго себя,» — къ этому мы привыкаемъ: нѣтъ, они происходятъ только отъ сравненія счастья жизни сердечной, домашней, съ жестокостями жизни въ свѣтѣ. Самый этотъ свѣтъ и его жестокости безпрестанно связываютъ тѣснѣе и тѣснѣе двонхъ друзей или двонхъ любовниковъ, двѣ великія души, способныя сочетаться въ любви или въ дружбѣ.

Понсъ отеръ двѣ крупныя слезы. Видя это, Шмукъ также припужденъ былъ осушить глаза. Они ничего не сказали, они только крѣпче полюбили другъ друга и развеселились. Подъ конецъ обѣда, Шмука что-то стало подергивать: онъ потиралъ руки, облизывался.

— Понсъ! сказалъ онъ наконецъ почти со слезами.

— Я понимаю тебя, отвѣчалъ Понсъ: ты хочешь сказать, чтобы я всякій день обѣдалъ съ тобою...

— Ахъ! я желалъ бы быть столько богатымъ, чтобы каждый день угощать тебя такими обѣдами, съ упыніемъ продолжалъ добрый Нѣмецъ.

Тутъ мадамъ Сиббъ, которой Понсъ отъ времени до времени дарилъ билеты въ театръ, — что ставило его въ ея сердцѣ въ уровень съ Шмукомъ, — сдѣлала слѣдующее предложеніе:

— За три франка въ день, безъ вина, я могу готовить такой обѣдъ, что тарелки и пальцы оближете.

— Да, надобно правду сказать, прибавилъ Шмукъ: мадамъ Сиббъ готовить такъ, что я обѣдаю лучше чѣмъ на королевскомъ ипру.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? возразилъ Понсъ: ну, я попробую завтра.

Шмукъ вскочилъ, повлекъ за собою скатерть съ приборомъ, со вѣвизъ, бросился къ другу и крѣпко сдвинулъ его въ объятія.

— Какое счастье! вскричалъ онъ.

— Мосье Понсъ ежедневно будетъ обѣдать у насъ! сказала съ гордостью тронутая мадамъ Сиббъ.

Невѣдая событія, которому была обязана осуществленіемъ своей мечты, достойная мадамъ Сиббъ прибѣжала въ дворничкую, какъ Берта, въ Вильгельмъ Телль, выходить на сцену, и, бросивъ блюда и тарелки, вскричала.

— Сибб! сбѣгай въ Кафѣ-Тюркъ, принеси двѣ чашки кофе, да не забудь сказать мальчику, что это для меня!

Потомъ она сѣла, уперла руки на могучія колѣна и, глядя въ окно, сказала:

— Сегодня вечеромъ я схожу посоветоваться съ мадамъ Фонтенъ.

Мадамъ Фонтенъ гадала на картахъ всѣмъ кухаркамъ, горничнымъ, лакеямъ и дворникамъ на Болотѣ и далѣе.

— Съ тѣхъ-поръ, какъ наши жилицы переѣхали къ намъ, у насъ въ сохранной кассѣ набралось двѣ тысячи франковъ. Въ осемь лѣтъ! А на обѣдѣ мосье Понса неужели ничего не выгадывать.... стараться только привязать его къ дому?... Послушаемъ, что скажетъ мадамъ Фонтенъ и ея курочка.

Не видя навѣдниковъ, ни у Понса, ни у Шмука, мадамъ Сиббъ льстила себя надеждою увидѣть современемъ въ завѣщаніи музыкантовъ хоть одну строчку въ ея пользу. Эта надежда удвоивала ея усердіе. Обѣдая ежедневно въ гостяхъ, Понсъ дотогѣ избѣгалъ совершеннаго порабощенія, въ какомъ дворничиха желала держать своихъ господъ. Кочевая жизнь стараго трубадура-антикварія разсѣивала смутные замыслы, которые дотогѣ зарождалась въ мозгу почтенной мадамъ Сиббъ, но со-времени досто-памятнаго обѣда, устроеннаго Шмукомъ для своего друга, эти замыслы приняли видъ страшнаго плана.

Черезъ четверть часа потомъ мадамъ Сиббъ снова явилась въ столовой съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки превосходнаго кофе и двѣ рюмки киршвассеру.

— Ура! да здравствуетъ мадамъ Сибб! вскричалъ Шмукъ: она угадала мою мысль, она предупредила меня!

Послѣ нѣсколькихъ тоскливыхъ вздоховъ блюдолиза, которые Шмукъ побѣдилъ ласками, какія осядлый голубокъ находилъ для голубка-странствователя, друзья вышли вмѣстѣ со двора. Шмукъ не хотѣлъ покинуть Понса въ состояніи, въ которое тотъ былъ приведенъ поступкомъ президентши Камюзд и ея домашнихъ. Онъ зналъ Понса, онъ зналъ, что печальныя размышленія могли овладѣть капельмейстеромъ въ оркестрѣ и уничтожить все благодѣтельное дѣйствіе возвращенія въ родное гнѣздо.

Около полуночи, Шмукъ провожалъ Понса домой, ведя подъ-

руку и, какъ любовникъ обожаемой любовницѣ, указывалъ мѣста, гдѣ оканчивался и гдѣ начинался тротуаръ, — гдѣ ступень, гдѣ ухаба. Ему хотѣлось, чтобы мостовая была изъ хлопчатой бумаги и чтобы небо было голубое. Онъ завоевалъ послѣдній край Понсова сердца.

Мѣсяца три Понсъ ежедневно обѣдалъ съ Шмукомъ. Онъ принужденъ былъ отнимать по осьмидесяти франковъ въ мѣсяць отъ расходовъ на музей, потому что, сверхъ сорока-пяти франковъ на обѣдъ, ему требовалось около тридцати-пяти на вино. Но и кромѣ прискорбія объ ущербѣ музея, Понсъ, несмотря на всѣ старанія и ласки Шмука, не могъ забыть художественно отдѣланныхъ обѣдовъ, какими наслаждался прежде. Отъ тридцати-шести-лѣтней привычки трудно отстать, особенно подъ старость.

Однимъ изъ величайшихъ наслажденій Понса въ прежней жизни, счастьемъ бывшаго блюдолиза, было пріятное изумленіе, гастрономическое впечатлѣніе необыкновеннаго блюда, лакомства, торжественно приготавлиаемыя хозяйками, когда онѣ хотятъ придать обѣду видъ праздничный. Этого блаженства недоставало желудку Понса: мадамъ Сибѣ, изъ гордости, напередъ рассказывала весь составъ обѣда. Все очарованіе въ жизни Понса исчезло: обѣдъ его проходилъ безъ печальностей.

Старый музыкантъ хотя старался скрывать свою глубокую тоску, однако жъ очевидно было, что онъ страдаетъ и что причина его страданій—нравственная. И Шмукъ не понималъ Понса, а Понсъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы жаловаться.

Если есть на свѣтѣ что-нибудь болѣе плачевное нежели неузнанный гевій, такъ это — непонятый желудокъ. Страданія отвергнутаго сердца,—эта драма, уже слишкомъ часто употребляемая во зло,—основывается на ложной, мнимой потребности: когда созданіе покидаетъ насъ, мы можемъ еще кого-нибудь любить, у кого довольно найдется сокровищъ сердца, чтобы вознаградить насъ за потерю. Но желудокъ!.... Что можетъ сравниться съ страданіями покинутаго желудка? Что для него можетъ быть важнѣе жизни? Понсъ съ тоскою вспоминалъ о нѣкоторыхъ кремахъ,—истинныхъ поэмахъ! — о нѣкоторыхъ бѣлыхъ соусахъ, — мастерскихъ произведеніяхъ! — о нѣкоторыхъ птицахъ съ трюфлями,—глубокихъ источникахъ наслажденій!

По временамъ Понсъ восклицалъ: «О, Софія!» когда вспоминалъ о кухаркѣ графа Попинѣ.

Прохожіи, услышавъ этотъ вздохъ, могъ бы подумать, что

онъ относится къ милой любовницѣ, тогда какъ дѣло шло о предметѣ гораздо болѣе рѣдкомъ: о жирномъ карпѣ подъ удивительнымъ соусомъ, — подъ соусомъ, который прозраченъ въ соусникѣ и густъ на языкѣ, — подъ соусомъ, который достоинъ монтюповской преміи, какъ произведеніе, въ высокой степени благотворное человѣчеству.

Старый капельмейстеръ значительно похудѣлъ отъ воспоминаній о съѣденныхъ обѣдахъ и отъ желудочной тоски по родинѣ.

Вначалѣ четвертаго мѣсяца, въ исходѣ января 1845, первая флейта, Вильгельмъ Швабъ, счелъ нужнымъ предупредить своего земляка Шмука насчетъ состоянія капельмейстера, о которомъ ужъ тужилъ весь оркестръ.

— Съ нашимъ мосьё Понсомъ что-то худо становится! Видите, какіе у него туманные глаза, какъ слабы его движенія! говорилъ молодой человѣкъ указывая Шмуку на капельмейстера, который съ видомъ похороннаго гостя взбирался къ своему пюпитру.

— Въ шестьдесятъ лѣтъ всегда такъ бываетъ! отвѣчалъ Шмукъ.

Шмукъ былъ такъ счастливъ неразлучною жизнью съ Понсомъ, что вовсе не примѣчалъ слѣдствій этой жизни.

— Весь театръ тревожится объ немъ, продолжалъ Швабъ: мамзель Стефанда, наша первая танцовщица, сдѣлала замѣчаніе, что мосьё Понсъ нынче чихаетъ совсѣмъ безъ шуму.

Прежде, бывало, старый музыкантъ, одаренный большимъ звонкимъ носомъ, чихая, точно въ литавры и тарелки ударялъ. За этотъ шумъ президентша постоянно нападала на бѣднаго кузена Понса и никакъ не могла отъучить.

— Да, онъ, бѣдняжка, скучаетъ! сказалъ со вздохомъ Шмукъ: я дорого бы далъ, чтобы развеселить его.

— Хотъ не развеселить, такъ по-крайней-мѣрѣ немножко развлечь бы его.... Вотъ, мнѣ хочется пригласить его на свадьбу, да боюсь, откажетъ.

— Вы женитесь, герръ Швабъ?....

Первая флейта не успѣла отвѣчать: раздался звонокъ режиссера, капельмейстеръ постучалъ палочкой по пюпитру и окинулъ взглядомъ свою команду.

Давали волшебный балетъ, который имѣлъ двѣсти представленій. Температура достигала тридцати-двухъ градусовъ по Реомюру.

Въ антрактѣ Шмукъ опять обратился къ первой флейтѣ.

— На комъ же вы женитесь, герръ Швабъ? спросилъ онъ.

— О, это длинная исторія, герръ Шмукъ!

— Ну, расскажите, герръ Швабъ, если это не секретъ.

— Нисколько. Вотъ посмотрите..... видите вы этого молодого человѣка, чтò сидитъ въ первомъ ряду.... въ томъ углу..... Вы узнали его?

— Нѣтъ не знаю.

— Это оттого, что у него теперь желтыя перчатки; оттого, что онъ сіяетъ всѣми лучами богатства. Но это мой другъ, Фрицъ Бруннеръ, изъ Франкфурта-на-Майнѣ.

— Тотъ, который приходилъ сюда въ оркестръ, чтобы посмотреть на новыя пьесы?

— Тотъ самый. Не правда ли, что онъ до невѣроятности преобразовался?

Физиономія молодого человѣка, на котораго указывалъ Флейтштетъ, представляла нѣчто въ родѣ смѣси Мефистофеля съ Вертеромъ. Блѣдное лицо и совершенно рыжіе усы и бакенбарды носили на себѣ отпечатки насмѣшки и пресыщенія, тоски и простодушія. Нѣкогда голубые глаза его посѣрѣли и помутнились отъ борьбы съ нищетою. Рѣдкіе бѣлокурые волосы едва прикрывали преждевременную лысину, которую новый богачъ еще не позаботился прикрыть парикомъ. Одѣтъ онъ былъ великолѣпно, какъ банкиръ.

Гедсонъ Бруннеръ, отецъ Фрица, одинъ изъ знаменитыхъ трактирщиковъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, одинъ изъ тѣхъ, которые производятъ дозволенные всѣми гражданскими законами и самыя чувствительныя опустошенія въ карманахъ туристовъ, честный кальвинистъ, женился на обращенной Жидовкѣ, приданому которой былъ обязанъ основаніями своего состоянія.

Жидовка умерла, оставивъ двѣнадцатилѣтняго сына, Фрица, подъ опекою отца и дяди Вирласа, торговавшаго мѣхами въ Лейпцигѣ. Дядя Вирласъ былъ человѣкъ по жесточе своихъ мѣховъ: онъ принудилъ Бруннера-отца, положить капиталъ Фрица въ банкъ и даже процентовъ не велѣлъ трогать. Чтобы отомстить за это жидовское требованіе, Бруннеръ женился вторично, подъ предлогомъ невозможности содержать обширную гостиницу безъ глазу хозяйки. Онъ женился на дочери другага трактирщика, на дѣвушкѣ, которая показала ему перломъ. Но Бруннеръ еще не зналъ, чтò такое единственная дочка, избалованная матушкой и батюшкой.

Вторая мадамъ Бруннеръ оказалась женщиной злою и вѣтреной.

Она принялась проматывать состояніе и сдѣлала мужа несчастнѣйшимъ изъ мужей на всемъ протяженіи Майна. Своего пасынка, Фрица, она возненавидѣла съ перваго дня и притѣсняла въ-особенности съ тѣхъ поръ, какъ обманулась въ надеждѣ имѣть своихъ собственныхныхъ дѣтей. Несчастный мальчикъ страдалъ неописанно въ когтяхъ безчеловѣчной мачихи, а дядя Вирла съ заботился только о сохраненіи ему материнскихъ банковыхъ билетовъ. Наконецъ, не удовольствовавшись мелкими преслѣдованіями, неустоявая баба задумала истребить Фрица и приступила къ дѣлу съ сатанинскимъ искусствомъ: она посредствомъ тайныхъ сообщниковъ и сообщницъ вовлекла молодаго человѣка въ мотовство, пьянство и развратъ. Она рассчитывала, что Фрицъ скоро погибнетъ въ такой жизни и отецъ наслѣдуетъ его имѣніе, а она переживетъ своего мужа и, слѣдовательно, одна получитъ все. Однако жъ этотъ дальновидный расчетъ удался только съ одной стороны: Фрицъ успѣлъ правда, сдѣлаться примѣромъ блуднаго сына для всего честнаго города Франкфурта-на-Майнѣ, но зато успѣлъ и промотать все имѣніе своей матери. Отецъ проклялъ его и выгналъ не только изъ дому, но и изъ городу. Вторая мадамъ Брунверъ умерла отъ разлитія желчи и мужъ не плакалъ: онъ давно уже былъ изсушенъ. Весь Франкфуртъ указывалъ на него пальцами, какъ на примѣръ, до чего можетъ довести человѣка жена мотокъ и сынъ воспитанный по-французски.... у Нѣмцевъ и у Италіянцевъ всякому злу причиною Французы. Это ужъ ископѣ такъ водится.

Изгнанникъ и нищій Фрицъ пришелъ пѣшкомъ въ Страсбургъ и нашелъ большую рѣдкость,—друга, который разбогатѣлъ и всё-таки остался другомъ нищаго. Этотъ другъ былъ Вильгельмъ Швабъ, который печально получилъ въ наслѣдство сто тысячъ франковъ. Коротко сказать, имена Фрица и Вильгельма должны упоминаться вмѣстѣ съ именами Кастора и Поллукса, Ореста и Пилада, Шмукъ и Понса. Было время, когда Фрицъ Вильгельмъ дѣлили вмѣстѣ нищету, и Вильгельму казалось очень естественнымъ раздѣлить съ Фрицемъ богатство. Друзья зажили весело,—глупо, пошло и даже грубо,—но всё-таки весело, такъ весело, что прожили все наслѣдство до тла. Нельзя сказать, чтобы они бросились кутить совершенно безсмысленно, очертя голову: нѣтъ, у нихъ были планы, предположенія: они хотѣли заняться дѣломъ; положить капиталъ въ основаніе торговаго дому; пуститься въ предпріятія, работать, нажиться, какъ слѣдуетъ разсудительнымъ и порядочнымъ людямъ. Но нужно же было сначала «спрыснуть»

находку, повеселиться немножко, отдохнуть отъ понесенныхъ невзгодъ, чтобы приняться за работу съ свѣжими силами. Повеселившись и отдохнувъ, они принимались толковать, совѣтоваться, какъ бы начать дѣлать что-нибудь. Потомъ нужно было отдохнуть отъ этихъ совѣщаній и опять повеселиться. Каждый день друзья говорили себѣ: завтра начнемъ, завтра пріймемся за дѣло..... и такъ дѣло дошло до послѣдней тысячи франковъ. Тутъ молодцы опомнились, тѣмъ болѣе, что на эту послѣднюю тысячу франковъ явились нечаянные мелочные претенденты, которые требовали расплаты. Однимъ словомъ, остатковъ хватило только нато, чтобы взять билеты въ конторѣ дилижансовъ и доѣхать до Парижа, поискать средствъ къ наживѣ состоянія.

Такъ и сдѣлали друзья. Пріѣхали въ Парижъ и остановились въ Рейнской Гостиницѣ, у бывшаго Бруннера буфетчика, Графа.

Фрицъ, черезъ Графа, нашелъ себѣ мѣсто конторщика съ шестьюстами франковъ жалованья, у банкира Келлера, а Вильгельмъ опредѣлился на такое же жалованье бухгалтеромъ къ брату трактирщика, знаменитому портному Графу.

Такимъ образомъ оба блудные сына были пристроены по милости своего земляка: Нѣмцамъ надо отдать справедливость: они другъ друга выручаютъ и не утрачиваютъ этого благороднаго свойства ни въ какомъ климатѣ.

Однако жъ друзья скоро примѣтили, что въ Парижѣ жить шестьюстами жалованья трудно. Вильгельмъ обладалъ хорошими музыкальными способностями, которыми умѣлъ воспользоваться, и, сверхъ бухгалтерской должности, опредѣлился музыкантомъ въ оркестръ къ Пювсу. Фрицу, для улучшенія своего состоянія оставалось только одно средство,—развернуть природныя финансовыя дарованія потомка Вирласовъ. Но несмотря на всѣ усилія, онъ добился до двухъ тысячъ франковъ жалованья не прежде 1843 года.

Нищета, эта дивная мачиха, сдѣлала для молодыхъ людей то, чего не могли сдѣлать матери: она научила ихъ бережливости и научила понимать людей и жизнь. Она дала имъ то высокое и надежное воспитаніе, которое посредствомъ щедрыхъ ударовъ плетью расточаетъ великимъ людямъ, болѣею частью бѣднымъ и несчастнымъ въ дѣтствѣ. Фрицъ и Вильгельмъ были люди очень обыкновенные и потому не поняли и не послушались всѣхъ уроковъ нищеты и не могли сдѣлаться великими, однако жъ они

узнали цѣну богатству и дали себѣ слово обрубить счастьею поги, если оно еще разъ подойдетъ къ нихъ порогу.

Оно подошло. Старикъ Бруннеръ скоропостижно умеръ не успѣвъ еще ни на что рѣшиться касательно сына, котораго прежде грозился лишити наслѣдства. Старикъ былъ однимъ изъ основателей баденской желѣзной дороги и приобрѣлъ огромное состояніе. Фрицу достались четыре милліона. Онъ въпятеро возвратилъ Вильгельму то, что они вмѣстѣ прокутили, и Вильгельмъ женится на дочери трактирщика Графа, у котораго они жили на единственной наслѣдницѣ своего дяди, портнаго Графа. Сверхъ того Фрицъ съ однимъ милліономъ капитала вступаетъ въ торговую компанію съ Вильгельмомъ, которому тестъ позволяетъ употребити на это пятьсотъ тысячъ изъ приданого невѣсты, такъ, что банкирскій домъ Бруннера, Шваба и компаніи имѣтъ два милліона основнаго капитала.

Вильгельмъ игралъ въ оркестрѣ въ послѣдній разъ, и то только потому, что не хотѣлъ поставити своего почтеннаго капельмейстера въ затрудненіе лишеніемъ первой флейты до принсканія другой.

Всю эту исторію молодой человѣкъ разсказалъ Шмуку очень подробно по-нѣмецки.

— Но вы какъ-то странно смотрите на вашего друга, замѣтилъ Шмукъ: вы завидуете ему?

— Завидую?..... да; почему же не позавидовать, но я вмѣстѣ съ тѣмъ и радъ счастию моего друга. Я только нѣсколько боюсь.... мнѣ страшно за него. Его щегольство беспокоитъ меня. Во всемъ его нарядѣ слишкомъ явно видно намѣреніе блеснуть. Притомъ онъ слишкомъ много посматриваетъ на красавицъ въ ложахъ.... У него легко можетъ пробудиться старинная склонность къ мотовству, потому что, правду сказать, голова у него не такъ окрѣпла какъ у меня. Его непременно нужно женить, но это ужасно трудно. Его нужно какъ-нибудь разомъ скрутити и накинуть петлю на шею. Семейная жизнь остепеняла бы его совершенно, я знаю, потому что онъ человѣкъ съ благородною душой.

Во время сумятицы, какою обыкновенно оканчиваются большіе спектакли, Швабъ пригласилъ капельмейстера къ себѣ на свадьбу и Понсъ съ радостью принялъ приглашеніе. Это озадачило стоика Шмука и ужасно опечалило: онъ увидѣлъ, что Понсъ невзлечимъ и что нужно отказатся отъ надежды совершенно.

привязать его къ дому. Эта мысль приводила добраго Нѣмца въ отчаяніе.

Гордое молчаніе, какое Понсъ хранилъ въ своемъ убѣжищѣ, въ Нормандійской Улицѣ, необходимо должно было поразить президентшу Камюзò де-Марвилъ. Она была рада, что кузеньъ появлялъ шутку ея милой Лили. Но президентъ думалъ иначе.

Низенькій толстякъ Камюзò де-Марвилъ припялъ очень торжественную и величественную осанку съ-тѣхъ-поръ какъ сталъ президентомъ. Онъ удивлялся Цицерону; предпочиталъ театръ Комической Оперы Итальянцамъ; сравнивалъ авторовъ, которыхъ читалъ; шелъ съ толпою шагъ за шагомъ; повторялъ слова всѣхъ министерскихъ газетныхъ статей, какъ свои собственные, и, подавая голосъ, всегда парафразировалъ рѣчь послѣдняго совѣтника, который говорилъ до него.

Будучи по своему званію, обязанъ смотрѣть на всякую вещь съ серьезной стороны, онъ въ особенности очень уважалъ родственныя связи. Какъ и всѣ мужья, совершенно порабощенные женами, онъ твердо стоялъ за свое независимое господство въ мелочахъ и жена поддерживала эту твердость.

Втеченіи одного мѣсяца онъ довольствовался пошлыми объясненіями касательно отсутствія Понса, но потомъ ему показалось странно, какъ такой точный посѣтитель, сорокалѣтній другъ, могъ такимъ образомъ вдругъ отстать отъ дому, не сказавъ никому ни слова, и отстать притомъ послѣ того какъ сдѣлалъ значительный подарокъ.

Опахало мадамъ Помпадуръ было признано графомъ Попинно за мастерское произведеніе, ходило по рукамъ у дамъ при дворѣ и президентшѣ давали за него шесть тысячъ франковъ. Президентша изъ тщеславія не согласилась уступить.

Сесилія однако жъ не могла понять, какъ-можно давать такую цѣну за подобное старье. Она замѣтила только, что кузень-Понсъ, вѣроятно, знатокъ въ старомъ хламѣ.

— Старье! старый хламъ! вскричалъ президентъ: да знаешь ли ты, что правительство даетъ триста тысячъ франковъ за коллекцію покойнаго Дюсоммерара, которая вся состоитъ изъ того, что ты величаешь старымъ хламомъ! И для этого стараго хламу очищаютъ клюнійскій дворецъ!.....

Президентъ всегда защищался и нападалъ посредствомъ ироніи и это оружіе въ его рукахъ обыкновенно было тяжелое и грубое.

Продолжая въ такомъ тонѣ, онъ успѣлъ доказать жепѣ и до-

чери, что кузень-Понсъ не только знатокъ и антикварій, но и ученый археологъ и, слѣдовательно, историкъ. Но онъ всё-таки не узналъ; отчего кузень-Понсъ не приходитъ обѣдать.

Несмотря на осторожность, съ какою Понсъ избѣгалъ встрѣчи съ старинными знакомцами, онъ, однажды, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ былъ приглашенъ на свадьбу, — столкнулся носомъ къ носу съ графомъ Попиню.

— А, любезнѣйшій! вскричалъ графъ: что жъ это васъ не видать? Вы насъ совѣмъ покинули! Мадамъ Попиню не знаетъ, что подумать!

— Извините, графъ, отвѣчалъ старый музыкантъ: въ одномъ домѣ, у родственниковъ, мнѣ дали замѣтить, что человекъ въ мои лѣта лишній въ свѣтѣ. Меня никогда не принимали особенно привѣтливо, но по-крайней-мѣрѣ меня не оскорбляли.... Я никогда ничего не просилъ у людей. За нѣкоторыя учтивости я часто старался быть полезнымъ тѣмъ, кто принималъ меня. Но кажется, что я ошибся: родственники подавали мнѣ милостыню, когда приглашали къ обѣду, и зато полагаютъ позволительнымъ поступать со мною, какъ съ нищимъ.... Я подалъ въ отставку отъ званія блюдолиза. Дома я каждый день нахожу то, чего еще ни одинъ великолѣпный обѣдъ не доставлялъ мнѣ: я пахожу истиннаго друга.

Эти слова, произнесенныя съ выраженіемъ горечи въ тонѣ и движеніяхъ, такъ поразили пера Франціи, что онъ отвелъ стараго музыканта къ сторонѣ.

— Что съ вами, старый другъ мой? что съ вами случилось? Довѣрьтесь мнѣ. Кто оскорбилъ васъ? Позвольте замѣтить вамъ по-крайней-мѣрѣ, что у меня вы всегда были приняты съ должнымъ уваженіемъ.

— Вы единственное исключеніе, какое я могу сдѣлать, отвѣчалъ капельмейстеръ.

Понсъ покоренный дипломатическою ловкостью, приобретенною графомъ Попиню въ управленіи дѣлами и людьми, кончилъ рассказомъ своего злословія въ домѣ президентши де-Марвилъ. Попиню принялъ такое живое участіе въ жертвѣ, что тотчасъ же рассказалъ объ этомъ женѣ, прекрасной, достойной женщинѣ, которая при первой же встрѣчѣ представила дѣло президентшѣ. Бывшій министръ, съ своей стороны, также сказалъ нѣсколько словъ президенту и въ семействѣ Камюзю де-Марвилъ произошло объясненіе по этому предмету.

Хотя Камюзю и не могъ похвалиться господствомъ въ своемъ

домъ, однако жъ, во-первыхъ, дѣло было по его части, — касалось родственныхъ связей, — во-вторыхъ, доводы его были слишкомъ справедливы и ясны, такъ что жена и дочь не могли не устыдиться. Они свалили всю вину на слугъ. Призвали людей и президентъ, съ торжественною важностью судьи, сбѣгалъ имъ строгій выговоръ, приказалъ просить прощенія у его кузена-Понса и грозился всѣхъ согнать со двора, если кузень-Понсъ не проститъ.

На другой день изъ дому президентши къ Понсу явилась торжественная депутація, — состоявшая изъ мамзель Маделены, двухъ лакеевъ, кучера и кухарки. Только швейцаръ не могъ прійти съ повинною, потому что не кому было стеречь домъ.

Понсъ удивился и сконфузился. Добродушный старикъ попалъ въ неприятное положеніе: ему трудно было принять лицемѣровъ ласково, — онъ зналъ, что извиненія ихъ лицемѣрны, — а торжествовать и явиться падышнымъ онъ не хотѣлъ и потому торопился отдѣлаться отъ нихъ, объявивъ, что давно все забылъ и всѣмъ простилъ. Въ душѣ онъ однако жъ торжествовалъ. Какъ человѣкъ истинно добрый, онъ радъ былъ миру. Притомъ, въ перспективѣ ему представлялся снова приглашенія къ обѣдамъ, о которыхъ онъ такъ долго вздыхалъ напрасно, и приглашенія, конечно, болѣе убѣдительныя и ласковыя чѣмъ прежде. Самое пораженіе необходимо должно было послужить ему къ побѣдѣ, къ упроченію своего прибора за столами у *родныхъ*.

Въ заключеніе своей рѣчи, Маделена, какъ главная виновница, и глава депутація, почтительнѣйше представила мосьё Понсу, просьбу его кузины-президентши и кузины-Сесилин о позволеніи побывать у него въ музеѣ. Понсъ, разумѣется, отвѣчалъ очень учтивымъ приглашеніемъ и назначилъ время черезъ три дня. Ему хотѣлось приготовить, чтобы показать роднѣ свой музеѣ въ полномъ блескѣ.

Понсъ торопился отпустить депутацію еще и потому, что собирался на свадьбу..... Это случилось утромъ, въ самый день свадьбы Вильгельма Шваба. Это обстоятельство, конечно, еще болѣе располагало стараго капельмейстера къ миру: его въ тотъ же день ожидалъ большой званый обѣдъ. Понсъ былъ въ очень веселомъ расположеніи духа.

Шмукъ смотрѣлъ на сборы своего друга съ глубокимъ отчаяніемъ въ сердцѣ. Наканунѣ онъ пытался было отклонить блюдолиза отъ искушенія, которое считалъ гибельнымъ, но тотъ доказалъ, что не пойти значило бы поступить и невѣжливо и не-

умѣстно спѣсиво: «лействъ могъ бы подумать, что Понсъ, какъ капельмейстеръ, считаетъ себя слишкомъ важнымъ, чтобы прійти къ своему подчиненному, къ простому музыканту.

— Понсъ! ты всё-таки идешь на эту свадьбу? сказалъ Шмукъ почти со слезами на глазахъ, когда Понсъ началъ одѣваться.

— Нельзя, мой другъ, ты знаешь, что я долженъ итти, отвѣчалъ блюдолизъ.

Шмукъ вздохнулъ и отворотился. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, что другъ его низвергается въ пропасть, поддается соблазну, который можетъ погубить несчастнаго невозвратно: добрый Нѣмецъ предвидѣлъ, въ какую неисцѣлимую тоску долженъ впасть другъ его, когда снова отвѣдаетъ сладкой отравы и снова лишится ея. Но Понса увлекало предопредѣленіе и Шмуку оставалось только плакать о погибающемъ.

На свадьбѣ Понсу было очень весело. Онъ познакомился съ Фрицомъ Бруннеромъ, котораго исторію уже зналъ черезъ Шмука и въ которомъ, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ знатока искусствъ. Новые знакомцы очень долго бесѣдовали между собою и Бруннеръ такъ полюбился Понсу, что старый музыкантъ сталъ жалѣть, зачѣмъ Бруннеръ не Шмукъ, или зачѣмъ Шмукъ не Бруннеръ: какое бы это было наслажденіе, имѣть въ одномъ лицѣ и задушевнаго друга и собесѣдника знатока по части археологій и художествъ!

Вильгельмъ Швабъ разговоривая съ Понсомъ о Бруннерѣ, намекнулъ о своемъ сердечномъ желаніи женить друга. Это подало Понсу блестящую мысль ввести знатока въ кругъ своихъ родныхъ, женить его на Сесиліи. Для окончательнаго пристыженія президентши, Понсъ за оскорбленіе хотѣлъ подарить семейству Камюзѣ уже не опахало, а жениха миллионера. Благородіе этого отмстить было невозможно. Понсъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости при мысли, какъ бы онъ послѣ этого сталъ торжествовать за обѣдами у родныхъ, которыхъ кругъ самъ увеличилъ бы миллионеромъ. Онъ тутъ же сообщилъ Швабу, что у него есть въ виду невѣста для Бруннера, и объяснилъ всѣ главныя статьи приданого. Швабъ чуть не расцѣловалъ Понса и они условились устроить свиданіе въ музей, куда напросилась президентша съ дочерью.

Чтобы дѣйствовать навѣрное, Понсъ сдѣлалъ нѣсколько намековъ Бруннеру и нашелъ, что новый банкиръ не прочь отъ женитьбы, хотя не ищетъ случая, а очень хладнокровно ждетъ, пока случай самъ представится.

Понсъ, несмотря на доброту своего сердца, сначала хотѣлъ было насладиться маленькимъ торжествомъ гордости и обождать, пока президентша сама прійдетъ къ нему, однако жъ перемѣнилъ намѣреніе и напередъ отправился самъ съ визитомъ, для того чтобы предупредить насчетъ возможности устроить для Сесиліи партію.

Примиреніе, разумѣется, было самое трогательное.

Насталъ день, назначенный для обозрѣнія музея. Понсъ былъ съ утра въ лихорадочномъ движеніи.

Наконецъ дамы пріѣхали и антикварій повелъ ихъ въ свое святилище.

Будучи заняты четырехъ-милліоннымъ женихомъ, мадамъ де-Марвилъ и Сесилія обращали очень посредственное вниманіе на археологическія и художественныя объясненія кузена - Понса. Онъ равнодушно смотрѣли на эмали и картины и торопились пройти мимо статуй. Однако жъ, изъ учтивости къ хозяину, отъ времени до времени приходили въ восторгъ отъ рѣдкихъ бронзъ и древнихъ вазъ. Чаще всего они посматривали на дверь.

Наконецъ мадамъ Сибѣ доложила:

— Мосё Бруннеръ!

Дамы не оборотились. Онъ воспользовался большимъ венеціанскимъ зеркаломъ, чтобы посмотрѣть на феникса изъ жениховъ.

Фрицъ, предупрежденный Вильгельмомъ, тщательно припомадилъ остатки своихъ волосъ и одѣлся очень богато. Выраженіе лица его было задумчивое, мечтательное.

Сесилія сочла себя самою счастливою изъ невѣстъ, когда Бруннеръ при видѣ великолѣпной коллекціи, собранной сорока-лѣтнимъ терпѣніемъ, пришелъ въ восторгъ и, къ удовольствію Понса, оцѣнилъ рѣдкости и художественныя произведенія по настоящему изъ достоинству.

— Онъ поэтъ! подумала мадамъ де-Марвилъ: онъ видитъ здѣсь милліоны.

Поэтъ — человѣкъ, который не считаетъ, который женѣ предоставляетъ владѣть ивѣніемъ; человѣкъ, которымъ легко управлять, котораго можно занять всякимъ вздоромъ.

Со времени приходу Бруннера, Сесилія стала гораздо любознательнѣе. За всѣми объясненіями она обращалась къ нему.

Она была такъ простодушна въ своемъ восхищеніи; она казалась такою счастливою; она съ такимъ удовольствіемъ училась понимать красоту живописи, ваянія и рѣзбы, что Ницшецъ

расталъ. Съ той и съ другой стороны зашли гораздо далѣе, чѣмъ предполагали на первый разъ.

Обозрѣніе продолжалось три часа. Бруннеръ предложилъ Сесиліи руку, чтобы сойти съ лѣстницы. Спускаясь по ступенямъ съ благоразумною медленностью, Сесилія продолжала разговаривать объ искусствахъ и удивлялась богатству своего кузена-Понса.

— Такъ вы полагаете, что тутъ много денегъ, — въ томъ, что мы видѣли? спросила она.

— Да, если бы вашъ кузень захотѣлъ продать мнѣ свою коллекцію, я сегодня же далъ бы ему пять сотъ тысячъ франковъ и заключилъ бы не дурную сдѣлку: одни картины его дороже продадутся съ публичнаго торгу.

— Вамъ я должна повѣрить, отвѣчала она: вы очень внимательно разсматривали эти картины; вы только ихъ и видѣли.

— Помните, сударыня! вскричалъ Бруннеръ: вмѣсто отвѣту на вашъ упрекъ, я попрошу у вашей матушки позволенія представиться въ вашемъ домѣ, чтобы имѣть счастье еще разъ увидѣть васъ.

— Какъ остроумна моя Лили! подумала президентша, которая шла по слѣдамъ дочери. Съ большимъ удовольствіемъ попрошу васъ, мосье Бруннеръ! прибавила она громко. Надѣюсь, что вы съ нашимъ кузеномъ-Понсомъ пожелаете къ обѣду. Де-Марвиллю очень пріятно будетъ познакомиться съ вами.... Благодарю васъ, кузень.

И она пожала Понсу руку съ такимъ многозначимъ выраженіемъ, что, казалось, заключала союзъ на жизнь и на смерть.

Дамы уѣхали. Бруннеръ и Понсъ продолжали разговаривать, — Бруннеръ о рѣдкостяхъ, Понсъ о жемчужинахъ.

— Ну, что? спросилъ Понсъ: нравится?

— Не могу сказать вамъ ничего опредѣленнаго. Дочка не далека. Мать, кажется, женщина острая. Увидимъ.

— Въ будущемъ у нея хорошее состояніе, — около милліона.

— До понедѣльника! сказалъ Бруннеръ. Если вы хотите продать вашу коллекцію картинъ, я дамъ шесть сотъ тысячъ франковъ.

— Неужели! вскричалъ старый музыкантъ, который самъ не зналъ своего богатства: но мнѣ трудно разстаться съ тѣмъ, что составляетъ мое счастье. Я могу продать мою коллекцію не иначе какъ съ условіемъ, чтобы она перешла во владѣніе покупщика по шортн моей.

— Ну, хорошо, увидимъ.

Разговоръ этотъ происходилъ на крыльцѣ передняго флигеля, подлѣ дворницкой и подлѣ входу въ лавку Овероца Ремоненка, который торговалъ старымъ желѣзомъ.

Бруннеръ простился съ Понсомъ, сѣлъ въ свой великолѣпный кабриолетъ и уѣхалъ. Понсъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, не обращая вниманія на Ремоненка, который на порогѣ своей лавки курилъ трубку.

Въ тотъ же вечеръ президентша де-Марвиль отправилась къ своему тестю за совѣтомъ и застала тамъ все семейство графа Пониннѣ. Въ невинномъ и позволительномъ всякой матери желаніи насладиться маленькимъ мщеніемъ, мадамъ де-Марвиль дала уразумѣть, что Сесилія составляетъ себѣ превосходную партію.

— За кого же она выходитъ? спросили почти всѣ разомъ.

Президентша, не открывая своей тайны, набросала столько отрывчатыхъ словъ, столько намековъ, что во всей сферѣ, въ которой Понсъ совершалъ свое гастрономическое круговращеніе, на другой день рассказывали слѣдующее:

— Сесилія де-Марвиль выходитъ замужъ за молодаго нѣмецкаго банкира, у котораго четыре милліона денегъ и очень доброе сердце; за молодаго человѣка, который на своемъ вѣку уже пошалилъ и который до безумія влюбился въ Сесилию съ перваго взгляду.

На третій день нѣкоторыя особы пришли поздравить президентшу, единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, дѣйствительно ли существуетъ золотой зубокъ, и президентша искусно разиграла нѣсколько варіацій на ту же тему.

— Свадьба, говорила она госпожѣ де-Шифрвиль: оканчивается тогда, когда поѣздъ возвращается изъ церкви, а мы дошли покуда еще до свиданій, и потому, я надѣюсь на вашу дружбу, вы не станете разглашать о нашихъ надеждахъ.

— Вы счастливица, мадамъ де-Марвиль! Свадьбы нынче такъ трудно устрояются!...

— Мы всѣмъ обязаны случаю, но браки вѣдъ очень часто такъ устрояются!...

— Такъ вы выдаете Сесилию замужъ, спросила мадамъ Кардѣ такимъ двусмысленнымъ тономъ, какъ-будто хотѣла сказать: неужели это возможно?

— Да, отвѣчала президентша: мы были требовательны, отъ того и замедлилось замужство Сесилин. Но мы нашли все, и бо-

гатство, и любезность, и добрый нравъ. Впрочемъ, моя дочь за служиваетъ этого. Мосё Бруннеръ прекрасный человекъ. Онъ любитъ роскошь, умѣетъ жить и, главное, онъ безъ ума отъ Сесиліи, несмотря на то, что обладаетъ четырьмя милліонами. Мы не имѣли такихъ большихъ претензій, но...

— Выгоды ничего не портятъ, дополнила мадамъ Кардѳ.

— Конечно. Мосё Бруннеръ очень спѣшитъ свадьбой. Мы не знаемъ какъ управиться...

На четвертый день — опять другія варіаціи. Наслаждение, съ какимъ семейство Камюзѳ трубило о своихъ надеждахъ, явно доказывало, что надежды эти были неожиданныя.

Тотчасъ послѣ свиданія у кузена Понса, президентъ де-Марвилль, побуждаемый женою, просилъ министра юстиціи и королевскаго прокурора къ себѣ на обѣдъ въ тотъ день, когда долженъ былъ представиться Фейнксъ изъ жениховъ. Приглашенные, очень хорошо понимая роль, какую должны были разыграть на обѣдѣ президента, безпрекословно согласились помочь ему. Отцу и матери семейства, которые ловятъ богатаго жениха, никто не откажетъ въ содѣйствіи. Графъ и графиня Поппидѳ также явились, чтобы дополнить пышность представленія. Всѣхъ было одиннадцать человекъ.

— Сегодня нашъ обыкновенный пріемный день, сказала съ мастерскою простотою президентша тому, котораго уже считала своимъ зятемъ: у насъ все свои. Это отецъ моего мужа. Его скоро произведутъ въ перы.... Это графъ и графиня Поппидѳ, которыхъ сынъ оказался недостаточно богатымъ для нашей дочери, но это не мѣшаетъ нашей дружбѣ.... Это нашъ министръ юстиціи, это королевскій прокуроръ.... все наши друзья.

Бруннеръ посмотрѣлъ на Понса и Понсъ потеръ руки съ выраженіемъ, которымъ хотѣлъ сказать: «Да! все это наши друзья! мои друзья!»

Президентша, какъ женщина ловкая, нашла сказать своему кузену вѣчто очень нужное, для того чтобы оставить Сесилію на минуту вдвоемъ съ Бруннеромъ. Сесилія много болтала и устроилась такъ, чтобы Фрицъ примѣтилъ вѣмецкій лексиконъ, вѣмецкую грамматику и томъ сочиненій Гёте, которые она прятала.

— А! вы учитесь по-вѣмецки? спросилъ Бруннеръ съ удивленіемъ.

Вѣмецъ попался въ ловушку.

— Ахъ, какъ вы злы! вскричала Сесилія. Не хорошо, сударь, от-

кашывать такимъ образомъ чужія тайны. Миѣ захотѣлось прочитать Гёте въ оригиналѣ и я уже два года учусь по-нѣмецки.

— Стало быть, вамъ грамматика очень трудно дается, потому что у васъ всего десять листочковъ разрѣзано, простодушно заштыль Бруннеръ.

Сесилія отворотилась, чтобы скрыть свою краску. Шѣмецъ взялъ ее за руку, оборотилъ къ себѣ и посмотрѣлъ въ глаза такъ, какъ смотрятъ другъ на друга женихи въ романахъ стыдливой памяти Августа Лафонтена.

— Вы обожанія достойны! сказалъ онъ.

Сесилія сдѣлала движеніе, которое означало: «А вы? развѣ можно противиться вамъ.»

— Идетъ хорошо, мамà! шепнула она на ухо матери, когда та воротилась съ Понсомъ.

Видъ семейства въ продолженіи такого вечера не описывается. Всякому пріятно было смотрѣть, какъ мать устроиваетъ для дочери хорошую партію. Всякій умѣлъ сказать что-нибудь двусмысленное или обоуду-острое. Бруннеръ притворялся, что ничего не понимаетъ; Сесилія также.

Президентъ ловилъ всякое слово и жадно принималъ поздравленія.

Вся кровь съ звономъ бросилась Понсу въ уши, передъ глазами у него сверкнули всѣ газовые рожки его оркестра, когда Сесилія, вполголоса, съ самою замысловатою осторожностью объявила ему, что президентъ намѣренъ назначить своему кузену тысячу двѣсти франковъ пожизненнаго дохода. Музыкантъ рѣшительно отказался, опираясь на богатство, которое открылъ у него Бруннеръ.

Паршество кончилось. Посторонніе разошлись. Остались только Камюзо, бывший нотаріусъ Кардъ и его зять, Бертьё.

Увидя себя въ кругу семейства, Понсъ очень неловко принялся благодарить президента и президентшу за предложеніе, которое ему сдѣлала Сесилія. Добродушные люди всѣ таковы: они все дѣлаютъ по первому движенію сердца. Бруннеръ увидѣлъ въ этомъ предложеніи родъ награды за сватовство, вдругъ какъ будто опомнился и принялъ положеніе чловѣка, который разсчитывается.

— Мой музей или его цѣнность, во всякомъ случаѣ будетъ принадлежать вашему семейству, — продамъ ли я его Бруннеру или оставлю у себя, говорилъ Понсъ, объявляя изумленной родитѣ, какими обладаетъ богатствами.

Бруннеръ замѣтилъ движеніе, какое произошло отъ этого открытія между невѣждами въ пользу чело́вѣка, который на ихъ глазахъ нѣзъ мнимаго нищаго обращался въ богача. Прежде этого онъ замѣтилъ уже, какъ отецъ и мать балуютъ Сесилію, вдова цѣлаго дому, и ему пришла охота изумить всѣхъ этихъ господъ.

— Я говорю мадамъ Сесиліи, что я готовъ дать за картины москѣ Понса пять сотъ тысячъ франковъ, сказалъ онъ, но никто не можетъ предсказать до какой цѣны дошли бы эти мастерскія произведенія въ продажѣ съ публичнаго торгу. Эти шестьдесятъ картинъ можно продать за миллионъ: я видѣлъ нѣсколько такихъ, которыя стоятъ по пятидесяти тысячъ.

— Не худо быть вашимъ наслѣдникомъ, сказалъ Понсу бывший нотаріусъ.

— Моя наслѣдница — кузина-Сесилія, отвѣчалъ старшій музыкантъ.

И кузень-Понсъ сдѣлался предметомъ всеобщаго восхищенія.

— Богатая будетъ наслѣдница, сказалъ смѣясь Кардъ, который собирался уйти.

Онъ рассчиталъ, что нужно еще тѣснѣе ограничить семейный кругъ, предполагая, что Бруннеръ въ тотъ же вечеръ будетъ просить руки Сесиліи. Въ самомъ дѣлѣ Бруннеръ началъ съ вопросу, который всей роднѣ показался очень благопріятнымъ.

— Мадамъ Сесилія ваша единственная дочь? спросилъ онъ.

— Да, единственная, отвѣчала съ гордостью президентша.

— Вы ни съ кѣмъ не будете имѣть затрудненій, замѣтилъ Понсъ, чтобы заставить Бруннера по-скорѣе высказаться.

Бруннеръ нахмурился и вдругъ наступившее молчаніе произвело самую странную холодность: казалось, какъ-будто президентша призналась, что дочь ея подвержена падучей болѣзни.

Президентъ разсудилъ, что дочери не слѣдуетъ присутствовать, и сдѣлалъ ей знакъ. Сесилія поняла и тотчасъ вышла.

Бруннеръ продолжалъ молчать. Родня переглянулась. Положеніе было затруднительное.

Старикъ Камюздъ, чело́вѣкъ опытный, увелъ Нѣмца въ будоаръ президентши, подъ предлогомъ показать опахало, которое кузень-Понсъ подарилъ ей.

— Вотъ мастерское произведеніе, сказалъ старикъ, развернувъ опахало.

— Да, тысячь пять стѣптъ, сказалъ Бруннеръ, посмотрѣвъ на живопись.

— Вы кажется пришли съ намѣреніемъ просить руки моей внучки, продолжалъ будущій перъ Франціи.

— Да, правда, отвѣчалъ Бруннеръ, и я прошу васъ повѣрить, что ни какой союзъ не можетъ быть для меня лестаѣе. Я никогда не найду молодой особы, болѣе достойной любви, нежели мадамъ Сесилія.... но....

— Чтò за но! возразилъ старикъ, или скорѣе объясняйте, чтò вы разумѣете подъ вашимъ но, любезный мосье Бруннеръ.

— Я очень радъ, что мы ни съ которой стороны еще не обязались, продолжалъ съ важностью Нѣмецъ: это было бы непріятно, потому что качество единственной дочери, такое драгоценное для всякаго другаго, для меня — непреодолимое препятствіе.

— Какъ, сударь? вскричалъ озадаченный старикъ: въ огромномъ преимуществѣ вы видите недостатокъ! Вашъ поступокъ право странный. Я желалъ бы знать причину....

— Милостивый государь, спокойно отвѣчалъ Нѣмецъ: я пріѣхалъ сегодня съ намѣреніемъ просить у президента руки его дочери. Я хотѣлъ приготовить мадамъ Сесилию блестящую участь, предложивъ ей все мое состояніе, но единственная дочь — такое дитя, которое снисходительностью родителей приучено къ своеволію и которое никогда не терпитъ противорѣчій. Въ этомъ домѣ, какъ и во многихъ другихъ, гдѣ я имѣлъ случай наблюдать подобныхъ идиотовъ, все дѣлается по волѣ вашей внучки и для нея. Это мнѣ не нравится. Я вамъ скажу отъ чего. Домъ моего отца единственно по этой причинѣ обратился въ адъ. Моя мачиха, виновница всѣхъ моихъ несчастій, была единственною обожаемою дочерью и самою очаровательною невѣстой. Она обратилась въ воплощеннаго дьявола. Я не сомнѣваюсь, что мадамъ Сесилія составляетъ исключеніе изъ моей системы, но я уже не молодой человѣкъ: мнѣ сорокъ четыре года и разность нашихъ лѣтъ можетъ повести къ затрудненіямъ, которыя не дадутъ мнѣ возможности осчастливить особу, привыкшую къ безусловнымъ угожденіямъ отца и матери. По какому праву я могу потребовать у мадамъ Сесилии совершенной перемѣны ея понятій и привычекъ? Въмѣсто снисходительности отца и матери, она нашла бы во мнѣ только эгоизмъ сорока-пяти-лѣтняго мужа. Если она воспротивится, побѣжденнымъ останется мужъ. Поэтому я отступаю. Вы видите, что я дѣйствую честно. Впрочемъ, я желаю, чтобы вся вина была введена на меня, если нужно будетъ объяснить, почему я былъ здѣсь только одинъ разъ.

— Доводы ваши хотя страшны, милостивый государь, отвѣчалъ будущій перъ Франціи, однако жъ я долженъ признаться, что они не лишены основательности.

Наступило молчаніе. Бруннеръ воротился въ гостиную, вѣжливо раскланялся съ президентомъ и президентшей и ушелъ.

Сесилія вышла изъ гардероба, блѣдая какъ смерть. Она все подслушала.

— Отказъ! шепнула она на ухо матери.

— Отчего же? спросила та смущеннаго тестя.

— Подъ тѣмъ предлогомъ, что единственные дочери — избалованныя дѣти, отвѣчалъ старикъ. И въ этомъ онъ, можетъ быть, не совсѣмъ неправъ, прибавилъ старикъ, пользуясь случаемъ кольнуть свою невестку, которая очень надѣдала ему втеченіи двадцати лѣтъ.

— Дочь моя умереть и вы будете виноваты! вскричала президентша Понсу, поддерживая Сесилію, которая нашла нужнымъ подтвердить слова матери обморокомъ.

Отецъ и мать потащили дочку на диванъ. Дѣдъ позвонилъ людямъ.

— Это вы устроили, сударь вскричала съ бѣшенствомъ мать.

Понсъ встрепенулся, какъ будто труба страшнаго суда прозвучала у него надъ ушами.

— Вамъ угодно было на невинную шутку отвѣчать оскорбленіемъ, продолжала президентша, у которой глаза налились кровью. Кого можно увѣрить, что этотъ Нѣнецъ въ здоровомъ разсудкѣ? Или онъ сообщникъ страшнаго ищенія, или онъ сумасшедшій. Надѣюсь, моеё Понсъ, что вы избавите отъ своихъ пощещеній домъ, куда внесли стыдъ и безчестіе.

Остолбенѣвшій Понсъ устремилъ глаза на коверъ и вертѣлъ пальцами.

— Ну, что же? Вы еще здѣсь, чудовище неблагодарности? закричала президентша, обернувшись: ни меня, ни де-Марвилля, не будетъ никогда дома для этого господина, сказала она слугамъ, указывая на Понса. Бѣги за докторомъ, Жакъ. Подай еще спирту, Маделона!

Для президентши, доводы Бруннера казались только предлогомъ, за которымъ окрылялись другіе, неизвѣстныя. Но сватъба тѣмъ не менѣе должна была разстроиться. Съ быстротою соображенія, отличающею женщинъ въ важныхъ обстоятельствахъ, мадамъ де-Марвилль нашла, что единственное средство поправить бѣду было — приписать ее умысленному ищенію Понса. Вѣрная своей

неизвестности къ бѣдному блюдолизу, она привязалась къ первому своему подозрѣнiю обратила его въ непреложную истину. Вообще, женщины имѣютъ свою особенную вѣру, свою собственную мораль. Онѣ вѣрятъ въ дѣйствительность всего, чтó служитъ ихъ интересамъ или страстямъ. Президентша пошла еще дальше. Она весь вечеръ убѣждала президента въ справедливости своего мнѣнiя и судья, на слѣдующее утро, былъ увѣренъ, что его можно виновать. Всѣ найдутъ, конечно, поступокъ президентши ужаснымъ, но, въ подобныхъ обстоятельствахъ, всякая мать послѣдуетъ примѣру мадамъ Камюзэ. Всякая рѣшится лучше принести въ жертву честь посторонняго, нежели честь своей дочери. Измѣнятся средства — цѣль останется та же.

Музыкантъ быстро спустился съ лѣстницы и медленными шагами шелъ по бульвару до самаго театра, машинально вошелъ, машинально сталъ передъ своимъ пюпитромъ, машинально началъ управлять оркестромъ. Во время антрактовъ онъ такъ неопредѣленно отвѣчалъ на вопросы Шмука, что тотъ встревожился. Онъ подумалъ, что Повець потерялъ рассудокъ. Для такой младенческой матуры, какова была Повцова, происшествiе у президентши принимало размѣры катастрофы. Онъ возбудилъ зависть тамъ, гдѣ хотѣлъ поселить только счастье... Это произвело совершенный переворотъ въ его существованiи. Онъ увидѣлъ наконецъ въ глазахъ, въ жестахъ и въ голосѣ президентши смертельную неприязнь.

На другой день мадамъ Камюзэ де-Марвиль приняла важное рѣшенiе, вынужденное впрочемъ обстоятельствами, и президентъ изъявилъ согласiе. Въ приданое Сесилии положено было дать Марвильскую землю, домъ въ Ганноверской Улицѣ и сто тысячъ франковъ. Утромъ президентша отправилась къ графинѣ Поппинэ. Она понимала, что подобный промахъ должно загладить готовою сватьбой. Она рассказала объ ужасномъ мщенiи и страшной мистификаци, приготовленныхъ Повецомъ. Все показалось вѣроятнымъ, когда узнали, что предложенью къ такому разрыву послужило то обстоятельство, что Сесилия была *единственная* дочь. Наконецъ президентша упоминала о томъ, какъ прiятно называться госпожею Поппинэ де-Марвиль, и о значительности приданого. По настоящей цѣнѣ имѣнiй въ Нормандiи, это недвижимое выражало собою сумму десяти сотъ тысячъ франковъ и отелъ въ Ганноверской Улицѣ цѣнился въ дѣвети пятьдесятъ тысячъ. Никакое благоразумное семейство не могло отвергнуть подобнаго союза. Графъ Поппинэ и жена его согласились. Потому

какъ люди принимающіе участіе въ чести семейства, въ которое вступаютъ, они обѣщали свое содѣйствіе къ объясненію происшествія, которое случилось наканунѣ.

Вслѣдствіе этого у старика Камюздъ, дѣда Сесилъ, передъ тѣми же самыми лицами, которыя находились здѣсь за нѣсколько дней и которымъ президентша пѣла свою оду — Бруннеръ, — эта же самая президентша, храбро начала объясненія.

— Право, говорила она, нынче не знаешь, какъ предостеречься, когда дѣло идетъ о бракѣ, въ-особенности если свяжешься съ иностранцами....

— Отчего такъ? Развѣ съ вами что нибудь случилось? спросила мадамъ Шлорвиль.

— А вы не знаете нашего приключенія съ этимъ Бруннеромъ, который осмѣлился пскать руки нашей дочери? Это сынъ нѣмецкаго трактирщика, племянникъ продавца стараго мѣху?

— Неужели!.... Вы, съ вашей провинительностью.... замѣтила одна дама.

— Эти искатели приключеній такъ хитры! Но мы все узнали черезъ Бертьё. У этого Нѣмца есть другъ, какой-то нищій, который играетъ на флейтѣ! Онъ въ сношеніяхъ съ содержателемъ гостиницы, съ портнымъ.... Мы узнали, что онъ велъ жизнь самую распутную, и ни какого состоянія не достало бы негодяю, которой уже промоталъ материнское....

— Мадмоазель Сесилія могла бы быть очень несчастливою! сказала мадамъ Бертьё.

— А какъ вамъ его представили? спросила старая мадамъ Лебѣ.

— Это мщеніе москѣ Понса! Онъ представилъ намъ этого красавца, чтобы предать насъ посмѣянію.... Этотъ Бруннеръ, то есть, по нѣмецки: *колодезь* (намъ выдавали его за аристократа) — довольно печальнаго здоровья; плѣшивъ, съ испорченными зубами.... Признаюсь, онъ съ перваго взгляду показался мнѣ подозрительнымъ.

— Но это огромное богатство, о которомъ вы говорили.... робко спросила одна молодая женщина.

— Не такъ значительно какъ говорили.... Портной, трактирщикъ и онъ, всё выскребли свои сундуки, чтобы составить капиталъ банкирскаго дому. Нынче что такое банкиръ? Затѣять — это значить разориться. Жена ложится спать миллионеркой, а встаетъ нищею. Съ перваго взгляду, съ перваго слова мы составили свое мнѣніе объ этомъ господнѣ, который не имѣетъ

понятія о нашихъ обыкновеніяхъ. По перчаткамъ, по жилету видно, что это мастеровой, — сынъ какого-нибудь харчевника.... безъ благородства въ чувствахъ!.... онъ тянетъ пиво и курить.... И какъ курить! Вообразите, по двадцати пяти трубокъ въ день! Какова же участь ожидала мою бѣдняжку Дили! Я до-сихъ-поръ трепещу.... Подлинно Богъ спасъ! Сесиліи, впрочемъ, этотъ господинъ очень не понравился.... Могли ли мы ожидать подобной мистиѳикаціи, отъ родственника, который впродолженіи двадцати лѣтъ обѣдаетъ у насъ по два раза въ недѣлю!.... котораго мы осыпали благодареніями и который такъ искусно игралъ комедію, что провозгласилъ Сесилію своей наслѣдницей при министрѣ и при прокурорѣ.... Этотъ Бруннеръ и москѣ Понсъ согласились приписывать другъ другу миліоны!.... Нѣтъ, увѣряю васъ всѣхъ, mesdames, что и вы поддались бы этой артистической мистиѳикаціи!

Въ нѣсколько недѣль, соединенныя семейства Попиндъ и Камюзъ и ихъ приверженцы, легко восторжествовали, потому что никому не пришло въ голову защищать несчастнаго Понса, хитреца, скрягу, блюдолиза, человѣка задавленнаго общимъ презрѣніемъ, змѣю согрѣтую добрымъ семействомъ, существо рѣдкой злости, фигляра, котораго должно по-скорѣй забыть.

Мѣсяць спустя послѣ отказа ложнаго Вертера, бѣдный Понсъ, вставъ въ первый разъ съ постели, въ которую уложила его нервическая горячка, гулялъ вдоль бульваровъ на солнышкѣ, поддерживаемый Шмукомъ.

Никто болѣе не смѣялся на бульварѣ надъ *кляццами*, при видѣ разрушенія одного старика и трогательной заботливости другаго о своемъ выздоравливающимъ другѣ.

Когда они достигли до бульвара Пуассоньеръ, у Понса отъ вліянія свѣжаго воздуха краска показалась на лицѣ. Можетъ-быть, на больнаго дѣйствовало и это зрѣлище шумнаго Парижа, которое онъ любилъ видѣть, каждый день. Противъ театра Понсъ оставилъ руку друга, потому что столкнулся носъ къ носу съ графомъ Попиндъ, которому поклонился очень почтительно.

— А! это вы, сударь! произнесъ строго перъ Франціи.... Я не понимаю, какъ это у васъ такъ мало такту, что вы рѣшаетесь кланяться человѣку, принадлежащему къ семейству, на которое вы изъ мщенія хотѣли навлечь стыдъ и посмѣяніе; знайте, сударь, что съ вышшняго дня мы должны быть другъ другу совершенно чужды. Графиня Попиндъ раздѣляетъ негодованіе, внушенное всему обществу, вашимъ поведеніемъ у Марвилей.

Бывшій министр ушелъ, оставивъ Понса пораженнаго. Государственный человекъ, побуждаемый семейными интересами уничтожить Понса, не замѣтилъ физической слабости этого опаснаго непріятеля.

— Чтò съ тобой, бѣднякъ другъ? воскликнулъ Шмукъ, поблѣдѣвшій не менѣе самого Понса.

— Я получилъ еще ударъ ножомъ въ сердце, отвѣчалъ бѣднякъ, опираясь на руку Шмука.

— Вижу, отвѣчалъ наввно Шмукъ.

На Итальянскомъ Бульварѣ Понсъ встрѣтилъ Кардò. Послѣ сцены съ перомъ Франція, Понсъ не рѣшился остановить мера, у котораго въ прошломъ году обѣдалъ по два раза въ мѣсяцъ. Онъ ограничился поклономъ. Меръ, парижскій депутатъ, презрительно посмотрѣлъ на Понса и не отвѣчалъ на поклонъ.

— Поди спроси ихъ, чтò они всё вооружились противъ меня? сказалъ бѣднякъ Шмуку, который зналъ всё подробности происшествія.

— Милостивый государь, сказалъ тонко Шмукъ меру: мой другъ, Понсъ, только-что оправился отъ болѣзни, и вы, конечно, не узнали его.

— Напротивъ, очень хорошо узналъ.

— Чтò же вы имѣете противъ него?

— Вашъ другъ — чудовище неблагодарности. Если онъ живетъ еще, то это, видно, потому что худое зелье неистребимо. Свѣтъ очень хорошо дѣлаетъ, что опасается артистовъ: они хитры и злы какъ обезьяны. Вашъ другъ хотѣлъ обезчестить своихъ родственниковъ, уронить репутацію прекрасной дѣвушки, чтобы отплатить за невинную шутку. Я не хочу имѣть съ нимъ никакихъ сношеній и постараюсь забыть, что зналъ его когда-нибудь. Я, сударь, раздѣляю эти чувствованія со всѣми моими родными и со всѣми тѣми, которые дѣлали честь моему Понсу, принимая его у себя....

— Но, милостивый государь, вы человекъ разсудительный; позвольте же мнѣ растолковать вамъ, въ чемъ дѣло.

— Оставайтесь его другомъ, если онъ вамъ по сердцу, возразилъ Кардò: воля ваша, сударь.... но не трудитесь объяснять, потому что я долженъ предъувѣдомить васъ, что, въ моихъ глазахъ, равнаго порицанія заслуживаетъ всякій, кто вздумаетъ защищать или извинять его....

— Или оправдывать?

— Да... потому что его поведеніе не можетъ быть оправдано.

Сказавъ это, депутатъ повернулся и пошелъ своею дорогою.

— Обѣ палаты противъ меня! улыбаясь сказалъ бѣдный Понсъ, когда Шмукъ передалъ ему свой разговоръ съ Кардò.

— Всѣ противъ васъ! грустно возразилъ Шмукъ: пойдѣмъ отсюда, чтобы не встрѣтить еще какихъ-нибудь скотовъ.

Въ первый разъ жизни, Шмукъ произносилъ подобныя слова. Ни когда его кротость не была возмущена. Онъ съ улыбкою встрѣчалъ всѣ несчастія, которыя посѣщали его. Но при видѣ оскорбленій, нанесенныхъ его возлюбленному Понсу, этому невѣстному артисту, этому смренному гению, этой душѣ безъ желчи, этому сокровищу доброты, этому чистому золоту.... онъ ощущалъ негодованіе Альцесты и называлъ амфитріоновъ Понса — скотами! У мрснаго Нѣмца такое движеніе равнялось всѣмъ нешествованіямъ Роланда.

По благоразумной предусмотрительности, Шмукъ повелъ Понса къ бульвару Тампля и Понсъ позволялъ вести себя. Онъ находился въ положеніи тѣхъ бойцовъ, которые ужъ не считаютъ ударовъ. Случай хотѣлъ, чтобы все вооружилось на бѣднаго музыканта.... Глыба, падавшая на него, должна была содержать въ себѣ все.... и палату перовъ, и палату депутатовъ, и родныхъ, и постороннихъ, слабыхъ, сильныхъ, невинныхъ....

На бульварѣ Пуассоньеръ, возвращаясь домой, Понсъ увидѣлъ дочь того самаго Кардò, молодую женщину, которая испытала довольно несчастій и могла бы быть снисходительною. Виновая въ проступкѣ, скрытомъ отъ всѣхъ, она сдѣлалась рабой своего мужа. Изъ всѣхъ жещинъ, у которыхъ обѣдалъ, Понсъ одну мадамъ Бертьѣ называлъ просто по имени. Онъ называлъ ее Фелиціей и думалъ иногда, что она понимаетъ его. Но и тому кроткому созданію, казалось, непріятно было встрѣтиться съ *кузеномъ* Понсомъ. Несмотря на отсутствіе всякаго родства съ семействомъ второй жены своего двоюроднаго брата, стараго Камюзò, Понсъ всё считался тамъ кузеномъ.

Видя, что нельзя избѣжать встрѣчи, Фелиція Бертьѣ остановилась передъ больнымъ.

— Я не считала васъ злымъ, братецъ, сказала она, но если изò всего, чтò я про васъ слышала, справедлива хотя четвертая доля, то вы человекъ очень хитрый. О, не оправдывайтесь! прибавила она, видя что Понсъ сдѣлалъ движеніе, не оправдывайтесь.... по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я не имѣю права ни обвинять, ни судить, ни осудить никого, зная по себѣ, что и тѣ, которые кажутся наиболѣе виновными, могутъ предста-

вить извиненія; во-вторыхъ, оправданія ваши ни къ чему бы не повели. Бертье, писавшій контрактъ Сесилии и виконта Поппио, такъ разсерженъ на васъ, что если бы онъ зналъ, что я съ вами перемолвила хоть одно слово, онъ разбранилъ бы меня. Всё противъ васъ.

— Я это вижу, сударыня, отвѣчалъ растроганнымъ голосомъ музыкантъ, и почтительно поклонился женѣ нотариуса.

И онъ грустно побрелъ въ Нормандійскую Улицу, опираясь на руку Шмука съ тяжестью, которая обличала его физическое изнеможеніе.

Друзья дошли до дому не говоря ни слова. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни можно только чувствовать подѣ себя друга. Утѣшеніе словесное раздражаетъ рану, обнаруживаетъ глубину ея. Старый пианистъ понималъ дружбу. Онъ обладалъ нѣжностью людей, которые сами страдали и знаютъ привычки страданія. Эта прогулка должна была быть послѣднею для бѣдняка Понса. Онъ былъ темперамента сангвинико-желчнаго. Желчь перешла въ кровь и въ печени оказалось сильное воспаление. Какъ эти двѣ болѣзни, послѣдовавшія немедленно одна за другой, были единственными въ его жизни, то онъ не зналъ докторовъ, и добрая, преданная Сибб, повинаясь внушенію своего превосходнаго сердца, привела къ больному квартальнаго доктора.

Въ Парижѣ, въ каждомъ кварталѣ есть докторъ, котораго ния и жилище извѣстны только нижнему классу, мелкому мѣщанству и дворникамъ. Этотъ докторъ, въ то же время и акушеръ и фельдшеръ. По-неволѣ добрый съ бѣдными и довольно опытный отъ долгой практики, онъ вообще бываетъ любимъ.

Докторъ Пуленъ, призванный къ больному дворничихой и узнавній Шмукомъ, слушалъ безъ вниманія жалобы стараго музыканта, всю ночь чесавшаго себѣ кожу, которая оттого совершенно одеревенѣла. Состояніе глазъ, окаймленныхъ желтымъ, согласовалось съ этимъ признакомъ.

— Вы ниѣли какія-нибудь сильныя огорченія? спросилъ докторъ своего больного.

— Ахъ!... да! отвѣчалъ Понсъ.

— У васъ та же болѣзнь, которую едва не получилъ вашъ другъ, сказалъ докторъ Пуленъ показывая на Шмука: желтуха.... Но это ничего, пройдетъ, прибавилъ онъ, прописывая рецептъ....

Несмотря на утѣшеніе, докторъ бросилъ на больного одинъ изъ тѣхъ гипократическихъ взглядовъ, въ которыхъ смертный приговоръ, хотя и замаскированный сожалѣніемъ, слишкомъ ясенъ

для глазъ, ищущихъ правды. Потому-то мадамъ Сибѣ, которая устремляла на доктора орлиный взоръ шпиона, не ошиблась ни въ тонѣ фразы, ни въ выраженіи лица доктора и вышла вслѣдъ за нимъ.

— Вы думаете что это пройдетъ? сказала она ему на крыльцѣ.

— Любезная мадамъ Сибѣ.... вашъ жилецъ погибъ!... не по причинѣ разлитія желчи въ крови, но вслѣдствіе нравственной слабости. Впрочемъ, съ помощью большихъ попеченій, онъ еще можетъ поправиться.... если послать его путешествовать....

— А съ чѣмъ? сказала привратница. У него только и средствъ, что его мѣсто.... Другъ его живетъ небольшими доходами, которые получаетъ отъ нѣсколькихъ знатныхъ дамъ, за старые уроки.... Это два ребенка, и я хожу за ними вотъ уже девять лѣтъ....

— Я вею жизнь свою, смотрю какъ умираютъ люди, — не отъ болѣзней, а отъ этой неизлечимой, огромной язвы, — денегъ нѣтъ. Въ сколькихъ хижинахъ долженъ я, — вмѣсто того, чтобы лечь, — оставлять нѣсколько су.

— Добрый, бѣдный мосьё Пуленъ, сказала мадамъ Сибѣ съ чувствомъ: если бы вы имѣли сто тысячъ дохода, которыми владѣютъ нѣкоторые скряги нашего квартала.... вы были бы истиннымъ благодѣтелемъ....

Докторъ, составившій себѣ, вслѣдствіе уваженія къ нему господъ привратниковъ его округа, небольшую практику, которая едва удовлетворяла его нужды, поднялъ глаза къ небу и поблагодарилъ мадамъ Сибѣ съ миной, достойной Тартюфа.

— Такъ вы говорите, любезный мосьё Пуленъ, что при большихъ попеченіяхъ, больной нашъ можетъ поправиться?...

— Да, если огорченіе, которое онъ испыталъ, не слишкомъ по дѣйствуетъ на его нравственное состояніе....

— Бѣдный! Кто это могъ такъ огорчить его? Это честный человѣкъ, который имѣетъ только одного равнаго на землѣ — въ мосьё Шмукъ.... Я посмотрю, что съ нимъ будетъ.... и.... приложу всѣ старанія....

— Послушайте, моя любезная мадамъ Сибѣ, сказалъ докторъ, стоя уже на крыльцѣ: одно изъ главныхъ свойствъ болѣзни вашего жильца—постоянное нетерпѣніе. А какъ по всей вѣроятности онъ не можетъ навѣять женщины, которая бы за нимъ ходила, то развѣ вы сами будете....

— Вы говорите о мосьё Попѣ, спросилъ продавецъ желѣзнаго лому, вышедши изъ своей лавки, чтобы выѣшаться въ разговоръ привратницы и доктора....

— Да, мосьё Ремоненкъ, отвѣчала Сибѣ!

— Ну, такъ онъ по-богаче нежели вы думаете.... я кое-что знаю... и могу сказать вамъ, что у него есть сокровища....

— Въ-самомъ-дѣлѣ! А я думаю, что вы надо мной смѣялись, когда я намеренъ, пользуясь отсутствіемъ моихъ господъ, показывала вамъ все это старье.

Въ Парижѣ, гдѣ мостовыя одарены ушами, двери языками, окна глазами, ничего не можетъ быть опаснѣе разговору у воротъ. Последнія слова, которыя относятся къ разговору какъ приписки къ вѣсьму, часто содержатъ въ себѣ вещи столь же опасныя для тѣхъ, которые ихъ говорятъ, какъ и для тѣхъ, которые ихъ слушаютъ. Паша исторія — одинъ изъ тысячи примѣровъ, подтверждающихъ эту истину.

Овернецъ подслушалъ послѣднія слова, сказанныя Бруннеромъ Понсу, въ день свиданія жениха-феникса съ Сесиліей, и возниѣлъ желаніе проникнуть въ музей Понса. Какъ Ремоненкъ, жилъ въ дружбѣ съ мадамъ Сибѣ, то она вскорѣ доставила ему случай войти въ комнаты двухъ друзей, во время ихъ отсутствія. Ремоненкъ, пораженный такими сокровищами, тотчасъ смекнулъ, что тутъ можно поживиться, и не переставалъ думать объ этомъ цѣлую недѣлю.

— Я советѣмъ не шучу, отвѣчалъ онъ дворничихѣ и доктору: мы поговоримъ объ этомъ.... и если этотъ господинъ согласится получать пятьдесятъ тысячъ франковъ пожизненнаго дохода, то я готовъ привести вамъ корзину лучшаго вина....

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ, пожизненно! сказалъ докторъ.... Не если онъ такъ богатъ.... то при заботахъ мадамъ Сибѣ и моихъ.... онъ можетъ вылетѣться.

— Чтò я говорю — пятьдесятъ! прервалъ Овернецъ. Недавно одинъ господинъ предлагалъ ему шесть-сотъ тысячъ франковъ.... только за картины....

Услышавъ это, мадамъ Сибѣ невольно посмотрѣла на доктора Пулена.... Глаза его горѣли.

— Полно слушать эту болтовню, возразилъ докторъ, счастливыи тѣмъ, что влізеть въ состояніи влатить ему за визиты.

— Господинъ докторъ, сказалъ Овернецъ, пока мосьё Понсъ въ постелѣ, пускай мадамъ Сибѣ позволитъ мнѣ привести одного моего покупателя.... Я надѣюсь въ два часа достать деньги, если бы нужно было даже семьсотъ тысячъ франковъ.

— Хорошо, любезный, отвѣчалъ докторъ. Послушайте же мадамъ Сибѣ, постарайтесь никогда не противорѣчить вашему боль-

вону.... Нужно вооружиться терпѣніемъ, потому что все будетъ раздражать, утомлять его, даже ваши заботы.... Ожидайте, что ему ничто не будетъ нравиться....

— Ну, плохо, если такъ.

— Мадамъ Сибб, повелительно произнесъ докторъ: жизнь мосѣ Понса въ рукахъ тѣхъ, которые будутъ ходить за нимъ, и потому мнѣ придется навѣщать его, можетъ быть, раза по два на день. Я буду начинать съ него мои визиты....

Глубокая безпечность доктора относительно къ судьбѣ его бѣдныхъ паціентовъ, превратилась въ самую нѣжную заботливость.

— За нимъ будутъ ходить какъ за королемъ! воскликнула съ жаромъ мадамъ Сибб.

Дворничиха не хотѣла продолжать разговоръ съ Ремоненкомъ, пока докторъ не поворотилъ въ улицу Шарль.

Торговецъ докуривалъ трубку, прислонясь спиной къ стѣнѣ своей лавки. Онъ съ намѣреніемъ принялъ это положеніе, желая, чтобы мадамъ Сибб подошла къ нему. Этотъ человекъ ласкалъ пріятную мечту. Онъ желалъ переселиться на бульвары, сдѣлаться богатымъ продавцомъ рѣдкостей, имѣть непосредственныя сношенія съ аматѣрами. Овернецъ, сверхъ торговли желѣзнымъ хламомъ, занимался также мѣною и продажей рѣдкостей, однако жъ большею частію служилъ въ этихъ дѣлахъ только коммиссіонеромъ. Онъ обладалъ качествами опаснаго негоціанта:— Лицо его, загрубѣлое отъ пыли и поту, было непроницаемо, тѣмъ болѣе, что привычка къ физическому труду дала ему стойческую непоколебимость стараго солдата.

Ремоненкъ былъ человекъ малорослый, худощавый, съ маленькими сѣрыми глазами, въ которыхъ сосредотчивались жадность, и пронырство Жидовъ, только безъ ихъ униженности.

Отношенія Сибб къ Ремоненку и его сестрѣ, были отношенія благодѣтелей къ одолженнымъ.

Мадамъ Сибб, убѣжденная къ чрезмѣрной бѣдности Овернецъ, продавала имъ за баснословную цѣну объѣдки послѣ Шмука и Сибб. Ремоненки платили за фунтъ сухихъ корокъ по два сантима съ половиной, за тарелку картофелю по полтора сантима, и такъ далѣе. Хитрый Ремоненкъ никогда не дѣлалъ спекуляцій отъ своего имени. Онъ увѣрялъ, что его терзаютъ богатые купцы, которые по его милости наживаются, зато Сибб искренно сожалѣла о Ремоненкахъ.

Въ одиннадцатъ лѣтъ Овернецъ не износилъ еще бархатной куртки, бархатныхъ панталонъ, и бархатнаго жилета, которыми

обзавелся вмѣстѣ съ желѣзною лавкой. Но эти три принадлежнoсти овернского костюма были усѣяны заплатами, которыя Сибб вставлялъ даромъ.

— Не смѣетесь ли вы надо мной, Ремоненкъ? сказала дворничиха. Можетъ ли москѣ Понсъ имѣть такія богатства, и жить какъ онъ живетъ? У него вѣтъ и ста франковъ въ карманѣ.

— Любители всѣ таковы, отвѣчалъ Ремоненкъ.

— Такъ вы думаете, что мой молодецъ имѣетъ на семь сотъ тысячь франковъ....

— Только картинъ! У него есть одна, за которую, если онъ захочетъ взять пятьдесятъ тысячь франковъ, я съищу ему покупателя, хоть бы нужно было повѣситься. А знаете маленькія, мѣдныя рамки съ эмалью, въ которыхъ портреты.... Они стоятъ по тысячь эку каждая....

— А ихъ тридцать! вскричала дворничиха, у которой глаза расплылись.

— Судите же о его сокровищахъ!

Мадамъ Сибб, въ восторгѣ, сбѣлала скачокъ. Она тотчасъ же рѣшилась втерѣться въ завѣщаніе добряка Понса, по примѣру всѣхъ служавокъ, которыхъ *пенсіи* возбудили столько зависти въ кварталѣ Бюлота. Мысленно живя въ окрестностяхъ Парижа, она уже отдыхала въ загородномъ домѣ, ходила за садомъ и спокойно доканчивала дни свои, окруженная попеченіями и довольствомъ вмѣстѣ съ своимъ бѣднымъ Сибб, который, конечно, заслуживалъ такого счастья, — какъ образецъ добродѣтельнаго мужа. Въ простодушномъ движеніи дворничихи Ремоненкъ увидѣлъ возможность успѣху. Въ должности *ищейки*, — какъ называютъ повѣренныхъ въ дѣлахъ торговли рѣдкостями, — главное затрудненіе — проникнуть въ домъ. Нельзя вообразить всѣхъ Скапировскихъ плутней, всѣхъ Сганарелевскихъ уловокъ, всѣхъ обольщеній, какія употребляютъ ищейки, для того чтобы забратъся въ жилища обладателей такихъ сокровищъ: это комедіи, достойныя сцены, и всегда основанныя на жадности слугъ. Слуги, особенно въ деревнѣ или въ провинціи, за тридцать франковъ, — деньгами или товарами, — заключаютъ съ ищейками торги, въ которыхъ тѣ получаютъ отъ тысячи до двухъ тысячь франковъ барыша.

— Я славно поджегъ почтенную мадамъ Сибб, сказалъ Ремоненкъ сестрѣ, сидѣвшей на худомъ соломенномъ стулѣ.... Теперь нужно посоветоваться съ нашимъ Евреемъ.... нашимъ добрымъ Евреемъ, который бралъ съ насъ только по пятнадцати со ста.

Ремоникъ прочелъ въ сердцѣ мадамъ Сибб. У женщины этого разряду хотѣтъ—значить дѣйствовать. Онѣ не остановятся ни передъ какими средствами, чтобы достигнуть своей цѣли. Онѣ въ одну минуту отъ самой строгой честности переходятъ къ глубочайшему мошенничеству. Честность впрочемъ, какъ и всѣ наши чувства, должна бы раздѣлаться на два вида: на честность отрицательную и на честность положительную. Первая — честность людей въ родѣ Сибб, которые честны пока не представится случай обогатится. Вторая та, которая находится всегда въ искушеніи и не падаетъ.... какъ, на примѣръ, честность казначеевъ, на которыхъ не бываетъ вачету.

Тысячи дурныхъ намѣреній наполнили умъ и сердце дворничихъ при дьявольскихъ словахъ хитраго Овернца.

Мадамъ Сибб, чтобы быть аккуратной, побѣжала изъ своей кануры къ двумъ музыкантамъ, и съ поддѣльной нѣжностью на лицѣ, остановилась въ дверяхъ комнаты, гдѣ томились Понсъ и Шмукъ.

— Увидя ее, Шмукъ сдѣлалъ знакъ, чтобы она не пересказывала ни слова изъ того, что говорилъ докторъ. Она отвѣчала другимъ знакомъ, выражая глубокую горестъ.

— Ну что, мой добрый господинъ? Каково вамъ, сказала Сибб.

Она стала возлѣ кровати, облокотилась на спинку ея, и устремила взоръ на больного.... какой пламенный взоръ! Для наблюдателя онъ былъ бы страшень, какъ взоръ тигра.

— Да, очень худо.... отвѣчалъ бѣдный Понсъ! У меня нѣтъ ни малѣйшаго аппетита. О! свѣтъ, свѣтъ! воскликнулъ онъ, сжимая руки Шмука, который сидѣлъ у изголовья: я лучше бы сдѣлалъ, если бы послѣдовалъ твоимъ совѣтамъ, мой добрый Шмукъ; объѣдалъ бы здѣсь каждый день, со времени нашего соединенія, и бросилъ бы это общество, которое хочетъ раздавить меня.... а за что?... Богъ знаетъ!

— Полноте, полноте, что за жалобы, произнесла Сибб. Шмукъ дернулъ еѣ за платье.—Вы можете поправиться.... только нужны большія попеченія! Но будьте спокойны! Вы имѣете во мнѣ женщину, которая будетъ ходить за вами какъ мать за первымъ ребенкомъ. Я вылечила моего Сибб отъ болѣзни, которая, какъ говорятъ — поставила его одной ногой въ гробъ.... Докторъ Пулень приговорилъ-было его къ смерти.... А вы еще, слава Богу, не въ такомъ положеніи.... Положитесь на меня! Я васъ выручу.... я одна. Успокойтесь же.... не тревожьтесь такъ....

Она закрыла руки больного одѣяломъ.

— Не бойтесь! Мы съ мосьё Шмукомъ всё ночи будемъ сидѣть у вашей постели.... За вами будутъ ходить какъ за принцемъ.... При томъ вы довольно достаточны, чтобы не отказывать себѣ ни въ чемъ, во время болѣзни. Я сейчасъ уговорила своего Сибб.... онъ согласился, чтобы я ночь проводила здѣсь. А для такого человѣка какъ онъ.... это большая жертва! Онъ любитъ меня, какъ въ первый день свадьбы.... Вотъ супруги! всегда одинъ подлѣ другаго, всегда!...

— Да не раскрывайтесь такъ, сказала она, бросившись къ изголовью постели и закрывая грудь Понса откинутымъ одѣяломъ: если вы не будете послушны, не будете исполнять приказаній мосьё Пулена, который,— я вамъ скажу, сама добродѣтель.... то я отступлюсь отъ васъ. Нужно слушаться меня....

— Да, мадамъ Сибб, онъ будетъ слушаться васъ, отвѣчалъ Шмукъ: онъ будетъ слушаться, потому что онъ хочетъ жить для своего друга Шмука.... я ручаюсь вамъ....

— Въ особенности не будьте нетерпѣливы.... ваша болѣзнь и безъ того побуждаетъ васъ къ этому. Не увеличивайте же недостатокъ терпѣнія.... Богъ посылаетъ на насъ болѣзни, мой добрый господинъ; онъ наказываетъ насъ за наши проступки.... за вами, видно, водятся кое-какіе грѣшки!....

Больной отрицательно покачалъ головой.

— Подите! Не бойсь, любили же въ молодости.... дѣлали шашни.... еще, можетъ-быть, у васъ есть гдѣ-нибудь плодъ вашей любви.... у котораго теперь, можетъ-быть, нѣтъ ни хлѣба, ни пристанища! Мужчины — чудовища! День любятъ, а потомъ и конецъ.... Ни о чемъ не подумаютъ; даже и о кормилицѣ.... не вспомнить!.... Бѣдныя женщины!

— Но меня любили только Шмукъ, да моя бѣдная мать! печально отвѣчалъ Понсъ.

— Полноте! Не святой же вы. Вы были молоды.... и, должно-быть, красивы! Въ двадцать лѣтъ, я полюбила бы.... такого добраго, какъ вы!

— Я всегда былъ дурень какъ жаба, произнесъ Понсъ.

— Вы говорите это изъ скромности.... я знаю васъ: вы очень скромный человѣкъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, добрая мадамъ Сибб. Повторяю вамъ, я всегда былъ очень дурень собой и никогда не былъ любимъ.

— Вы! вскричала дворничиха: вы хотите увѣрить меня, что вы, въ ваши лѣта, чисты какъ ягненокъ! Другихъ увѣряйте!

Музыкантъ!... театральнѣй! Да скажи мнѣ это женщина, такъ я бы не повѣрла.

— Мадамъ Сибб, вы разсердите его, вскричалъ Шмукъ, видя что Понсъ корчится на постелѣ какъ червякъ.

— Молчите и вы! Оба вы старые волокиты! Дурны собою, видите ли! Будто я не знаю, что нѣтъ такого дряннаго горшка, который бы не нашелъ себѣ крышки! Сибб умѣлъ жѣ понравиться одной изъ самыхъ хорошенькихъ парижскихъ устричицъ.... а вы ни чѣмъ не хуже его! Вы добры! Полноте же! Водились вѣдь и за вами грѣшны-то! Вотъ Богъ и наказываетъ, зато что покинули дѣтей своихъ....

Измученный Понсъ нашелъ еще столько силы, чтобъ сдѣлать слова отрицательное движеніе.

— Но будьте спокойны, продолжала мадамъ Сибб: это не погѣшаетъ вамъ прожить дольше Маоусанла.

— Но оставьте меня въ покоѣ! вскричалъ Понсъ: я никогда не зналъ, что такое быть любимымъ! Я не имѣлъ дѣтей! Я одинъ на землѣ!

— Полно, правда ли? спросила дворничиха съ лукавою улыбкой: вы такъ добры, а женщины любятъ доброту! Это ихъ привязываетъ.... и мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы вы, въ молодые годы....

— Уведи се.... она терзаетъ меня! сказалъ Понсъ на-ухо Шмуку.

— Ну, такъ у мосѣ Шмука есть дѣти! Вы всѣ такіе.... старые холостяки!

— Я? вскричалъ Шмукъ, вскочивъ. Я? но....

— Ну, что? Не бойсь, и у васъ тоже нѣтъ ни наслѣдниковъ, ни предковъ?.... а? Не такъ ли? Вы оба вышли, какъ грибы изъ земли.

— Ступайте вонъ, матушка мадамъ Сибб, пожалуйста, ступайте вонъ! говорилъ жалобнымъ голосомъ добрый Нѣмецъ и храбро взявъ мадамъ Сибб за талію, вывелъ ее въ залу, не обращая вниманія на ея крики.

— Что вы, что вы это, мосѣ Шмукъ!.... какъ вамъ не стыдно!.... въ ваши лѣта!.... вы хотите соблазнить бѣдную женщину! кричала мадамъ Сибб, выбиваясь изъ рукъ стараго Нѣмца.

— Не кричите, мадамъ Сибб, пожалуйста, не кричите!

— Вы! лучшей изъ двухъ, отвѣчала Сибб. Дернуло же меня говорить о любви со стариками, которые никогда не знали женщинъ! и зажгла въ тебѣ страсть, чудовище! вскричала она, увидя,

что глаза Шмука блестяли отъ гнѣву. Караулъ! караулъ! мѣдѣ похищаютъ!

— Вы глухы! отвѣчалъ Нѣмецъ. Ну, что же! что говорилъ докторъ?

— И вы такъ поступаете со мной! говорила освобожденная Лукреція, сквозь слезы. Со мной, которая готова была броситься въ огонь за васъ обоихъ! которая ухаживала за вами какъ за собственными дѣтьми... Да! у меня нѣтъ дѣтей и я вчера еще говорила моему Сибѣ: Господь зналъ, что дѣлалъ, отказывая намъ въ дѣтяхъ, потому что я имѣю двухъ дѣтей, тамъ, на верху.... Клянусь Господнимъ крестомъ и душой моей матери, я ему сказала это!

— Но что докторъ-то говорилъ? строго спросилъ Шмукъ, въ первый разъ въ жизни топнувъ ногой.

— Онъ сказалъ, что нашъ голубчикъ, нашъ милый больной, не умретъ.... если только за нимъ будутъ ходить хорошенько. Но я тутъ, несмотря на ваши грубости.... Да! вы грубиянъ, а я считала васъ тихонькимъ! хорошъ тихонькій!.... старый волокита!

— Волокита! я? Стало-быть, вы не понимаете, что я люблю одного Понса!

— Такъ вы оставите меня въ покоѣ? спросила дворничиха съ улыбкой: и хорошо сдѣлаете, потому что мой Сибѣ переломаетъ ребра всякому, кто вздумаетъ покуситься на его супружескую честь.

— Ходите только за Понсомъ хорошенько, голубушка, мадамъ Сибѣ! сказалъ Шмукъ, взявъ дворничиху за руку и не обращая вниманія на ея опасенія.

— Опять!.... оставьте мою руку, мосьѣ Шмукъ, или я закричу.

— Послушайте.... душенька, мадамъ Сибѣ, все, что есть у меня, будетъ ваше, если мы спасемъ его.

— Хорошо! теперь я схожу къ аптекарю, взять, что докторъ прописалъ. Эта болѣзнь дорого обойдется. Гдѣ вы достанете....

— Я буду работать! я хочу, чтобы Понсъ ни въ чемъ не нуждался.

— Такъ и будетъ! мой добрый мосьѣ Шмукъ. Вы ужъ не беспокойтесь. Сибѣ и я, мы накопили двѣ тысячи франковъ.... они ваши.... я еще, пожалуй, приложу своихъ собственныхъ....

— Добрая женщина! вскричалъ Шмукъ, утирая глаза, какое сердце!

— Отрите слезы, которыми я горжусь.... Вотъ моя награда!

драматически произнесла мадамъ Сибб. Я самое безкорыстное существо въ мірѣ. Но не входите со слезами на глазахъ: это Понсъ подумаетъ, что положеніе его опаснѣе чѣмъ въ самомъ дѣлѣ.

Шмукъ, тронутый этой заботливостью, взялъ наконецъ руку мадамъ Сибб.

— Избавьте! сказала дворничиха, нѣжно взглянувъ на стараго Нѣмца.

— Понсъ, сказалъ Шмукъ, входя къ больному, мадамъ Сибб просто ангелъ! немножко болтливый, но все-таки ангелъ!

— Ты думаешь? отвѣчалъ, покачивая головой, Понсъ сдѣлавшійся съ нѣкотораго времени недовѣрчивѣе. Послѣ всѣхъ мнѣхъ несчастій можно только вѣрить въ Бога, да въ тебя!

— Выздоровливай! и мы заживемъ всѣ трое какъ принцы, произнесъ Шмукъ.

— Сибб, вскричала привратница, вбѣжавъ въ свою комнату: Сибб, мой дружокъ, наше состояніе составлено! У мнѣхъ жильцовъ нѣтъ наследниковъ!... ни побочныхъ дѣтей, никого... никого... О! я схожу къ мадамъ Фонтенъ, погадать на картахъ, сколько у насъ будетъ дохода.

— Жена, отвѣчалъ Сибб, не будемъ рассчитывать на обувь покойника, чтобы самимъ хорошо обуться.

— Ужъ ты не учи меня! сказала она, дружески ударяя по плечу мужа: я знаю, что знаю! Мосѣ Пулень приговорилъ Понса... и мы будемъ богаты. Меня поставятъ въ завѣщаніи... я берусь за это. Шей знай, да сиди въ своей дворничихѣ: не долго осталось... мы поѣдемъ въ деревню, въ Бативоль. У насъ будетъ хорошій домъ, садъ, за которымъ ты будешь смотрѣть... У меня будетъ служанка!

— Ну что, сосѣдка, каково тамъ наверху? спросилъ Ремонекъ: узнали ли вы, что стоитъ эта коллекція?

— Нѣтъ еще. Нельзя же вдругъ, мой почтеннѣйшій. Я начала съ вещей болѣе важныхъ.

— Болѣе важныхъ! вскричалъ Ремонекъ. Да что же еще важнѣе этого?

— Ну, дружокъ, ужъ оставь меня управлять рулемъ! повелительно сказала мадамъ Сибб.

— Но однихъ процентовъ съ семиеотъ тысячъ франковъ вамъ бы достаточно было, чтобы провести остатокъ жизни въ роскоши....

— Будьте спокойны, папá Ремоненкъ: когда нужно будетъ узнать что стоятъ всѣ эти вещи, мы узнаемъ....

Привратница, по выходѣ изъ аптеки, отложила визитъ свой къ мадамъ Фонтенъ до другаго утра, думая, что гораздо удобнѣе явиться къ гадальщицѣ раньше, когда у нея нѣтъ народу. У мадамъ Фонтенъ часто бывала толпа.

Послѣ сорока-лѣтняго соперничества съ знаменитой Ленорманъ, которую она однако же пережила, мадамъ Фонтенъ сдѣлалась оракуломъ квартала на Болотѣ.

Вы не знаете, что такое гадальщица для низшихъ классовъ въ Парижѣ и какое огромное вліяніе имѣетъ она на намѣренія людей безъ образованія. Кухарки, привратницы, женщины на содержаніи, работники, всѣ тѣ, которые живутъ сомнительными надеждами, совѣтуются съ этими избранными существами, одаренными сверхъ-естественной непонятной властью — читать въ будущемъ.

Вѣра въ таинственныя науки распространена гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ ученые, адвокаты, нотаріусы, доктора, судьи и философы. Въ народѣ есть инстинкты незаглушенные, и между этими инстинктами то, что обыкновенно называютъ *суперприемъ*, живетъ какъ въ крови народа, такъ и въ высшихъ классахъ. Въ Парижѣ не одинъ государственный человѣкъ совѣтуется съ картами.

Мадамъ Сиббъ вошла къ гадальщицѣ, какъ обычные посѣтители англійскаго кафѣ входятъ въ него позавтракать. Мадамъ Сиббъ, старинная знакомка гадальщицы, часто приводила туда молоденькихъ дѣвушекъ и кумушекъ, терзаемыхъ любопытствомъ.

Старая служанка отворила дверь святилища, не предъувѣдомивъ свою госпожу.

— Это мадамъ Сиббъ. Войдите, прибавила она: никого нѣтъ.

— Ну, что, моя мпая? отчего такъ раненько? сказала колдунья.

— Кровь моя волнуется.... погадайте мнѣ! Дѣло идетъ о моемъ состояніи: я требую *большой колоды*.

И она объяснила обстоятельства, заставившія ее прибѣгнуть къ гаданью.

— Вы не знаете, что такое *большая колода*? торжественно произнесла мадамъ Фонтенъ.

— Нѣтъ, потому что я не довольно богата, чтобы видѣть такую штуку. Она стоитъ сто франковъ, а гдѣ мнѣ было взять ихъ! Но нынче у меня чрезвычайный случай: мнѣ нужна большая колода!

— Я рѣдко прибѣгаю къ этому, отвѣчала гадальщица: я дѣлаю это именно только въ чрезвычайныхъ случаяхъ для богатыхъ и мнѣ платять по двадцати-пяти лундоровъ, потому что это утомляетъ меня, разстраиваетъ....

— Но когда я говорю вамъ, моя добрая мадамъ Фонтенъ, что дѣло идетъ о моей будущности.

— Для васъ, впрочемъ, — за то что вы доставляете мнѣ практику, — я готова призвать духа! отвѣчала мадамъ Фонтенъ, на лицѣ которой изобразился ужасъ.

Она встала съ своей старой и грязной бержерки, стоявшей въ углу у камня, и подошла къ столу, накрытому зеленой скатертью, которая была дотога истерта, что можно было сосчитать всѣ нитки. На столѣ лежала жаба необыкновенной величины и стояла открытая клетка, гдѣ обитала черная курица съ встрепанными перьями.

— Астароть! сынъ мой, сюда! сказала гадальщица, ударивъ слегка чулочной спицей по спицѣ жабы, которая посмотрѣла на гадальщицу съ понятливымъ видомъ. А вы, мамзель Клеопатра, будьте внимательны! прибавила она, ударивъ курицу по клюву.

Нѣсколько минутъ мадамъ Фонтенъ молчала. Она походила на мертвую. Глаза у нея закатились. Потомъ она очнулась и пробормотала: «Я здѣсь!» Разсыпавъ своей Клеопатрѣ проса, она наконецъ взяла большую колоду, судорожно стасовала ее и съ глубокимъ вздохомъ дала мадамъ Сибѣ снять.

Когда эта худощавая фигура, въ грязной чалмѣ, въ темномъ казакинѣ, взглянула на просо, которое клевала курица, и позвала свою жабу, чтобы заставить ее пройти по разложеннымъ картамъ, мадамъ Сибѣ задрожала: страхъ обуялъ ее. «Быть или не быть богатой! вотъ въ чемъ состоятъ вопросъ», какъ говоритъ Шекспиръ.

Спусти семь или восемь минутъ, колдунья, прочтя нѣсколько строкъ въ какой-то книгѣ, разсмотрѣвъ оставшееся просо и путь, по которому уходила жаба, начала свое гаданье:

— Вамъ удастся! Хотя дѣло пойдетъ совсѣмъ не такъ, какъ вы думаете. Вамъ предстоитъ много хлопотъ, но старанія ваши принесутъ плоды. Вы будете вести себя очень дурно, какъ и всѣ люди, окружающіе больныхъ, отъ которыхъ они ждутъ своей доли наслѣдства. Васъ будутъ побуждать къ этимъ дурнымъ поступкамъ лица значительныя.... Вы раскаетесь передъ смертью, потому что васъ зарѣжутъ два бѣглыхъ каторжника: одинъ малорослый, рыжій; другой плѣшивый, старикъ. Это случится въ

деревнѣ, куда вы удалитесь съ вашимъ вторымъ мужемъ и гдѣ будете слыть богачихой. Ступайте, дочь моя. Вы вольны дѣйствовать или оставаться въ покоѣ.

Когда гороскопъ былъ произнесенъ, мадамъ Фонтенъ встрепенулась какъ лунатикъ, котораго разбудили, посмотрѣла на мадамъ Сибб и, казалось, была очень удивлена, увидя на лицѣ ея страхъ.

— Ну, что, дочь моя? спросила она: довольны ли вы?

Мадамъ Сибб смотрѣла на колдунью какъ помѣшанная, не говоря ни слова.

— Вы желали большой колоды! Я поступила съ вами какъ съ старой знакомой. Дайте мнѣ сто франковъ, только....

— Сибб умереть! вскричала привратница.

— Видно, я наговорила вамъ страшныхъ вещей? простодуш-но спросила мадамъ Фонтенъ.

— Еще бы! сказала мадамъ Сибб, вынимая изъ кармана сто франковъ и кладя ихъ на столъ: умереть зарѣзанной!

— А! вотъ вамъ и большая колода! Впрочемъ, утѣштесь: не всѣ люди, зарѣзанные въ картахъ, умираютъ.

— Однако же, это возможно?

— Милая моя, я, право, ничего не знаю. Вы постучали въ дверь будущаго.... я отперла, и онъ пришелъ вотъ и все....

— Кто, онъ? спросила мадамъ Сибб.

— Ну, кто? разумѣется, духъ! отвѣчала истерпѣливо колдунья.

— Прощайте, мадамъ Фонтенъ! вскричала дворничиха. Я не знала большой колоды. Вы меня напугали!

Выйдя на улицу, мадамъ Сибб поступила какъ и всѣ, которыя прибѣгаютъ къ гаданью.... Она повѣрила всему, что карты говорили въ ея пользу, и усомнилась во всѣхъ несчастіяхъ, предсказанныхъ колдуньей.

Съ этой минуты Сибб начала обдумывать свой планъ, твердо рѣшившись овладѣть частью музея Понса.

Однажды, часовъ въ семь утра, увидя Ремоненка, отворившаго свою лавку, она подошла къ нему.

— Какъ же бы это узнать, что стоятъ вещи, наваленныя въ комнатахъ этихъ господъ? спросила она его.

— О! это очень легко, отвѣчалъ Овернецъ. Если вы захотите имѣть со мной сдѣлку, я вамъ найду оцѣнщика, честнаго человѣка, который узнаетъ цѣну каждой картѣны, копѣйка въ копѣйку....

— Кого?

— Моисей Магуса, Жида, который занимается дѣлами только для своего удовольствія....

Илья Магусъ жилъ въ собственномъ домѣ, въ узкой, грязной улицѣ, которая ведетъ на Королевскую Площадь. Жида купилъ этотъ домъ въ 1831 году, какъ говорится, за ломоть хлѣба. Зданіе было превосходное, убранное внутри со всѣмъ великолѣпіемъ вѣка Людовика-Пятнадцатаго. Если Жида рѣшился, вопреки израильскимъ законамъ, сдѣлаться домовладѣльцемъ, то его побуждала къ этому особенная страсть, дошедшая у него до крайности. Удалившись отъ торговли картинами и рѣдкостями, онъ продолжалъ добывать ихъ какъ аматёръ. Вкусъ его очищался всё болѣе и болѣе и, наконецъ, превратился въ мацію, позволятельную только герцогамъ, которые богаты и которые любятъ искусство. Илья Магусъ не пропускалъ ни одного аукціона, посѣщалъ всѣ рынки, путешествовалъ по всей Европѣ и холодная душа его, преданная расчету, воспламенялась при видѣ гениальнаго созданія искусства, которое проницательный глазъ Жида научился различать съ перваго взгляду. Онъ останавливался въ восторгѣ передъ картиной какъ человѣкъ просвѣщенный женщиною, останавливается передъ совершенной красотой дѣвушки. Этотъ домъ Жуанъ писаннаго полотна, этотъ поклонникъ идеальнаго, находилъ въ подобномъ созерцаніи наслажденія выше тѣхъ, которыя ощущаетъ скупецъ при видѣ золота. Онъ жилъ въ сералѣ прекрасныхъ картинъ.

Художественныя произведенія занимали въ домѣ Магуса весь бель-этажъ, отдѣланный сѣрдкой роскошью. Паркетъ былъ устланъ дорогими коврами, на окнахъ висѣли занавѣсы изъ лучшей венеціанской парчи. Картины, числомъ около ста, вставлены были въ рамы, великолѣпно позолоченныя. Что же касается до самаго Еврея, онъ помѣщался на чердакѣ, въ тѣсной, бѣдно меблированной каморкѣ, гдѣ все пахло Жидамъ. Низъ дому занимали картины, которыми Жида еще торговалъ, и ящики, привезенные изъ чужихъ краевъ. Тамъ же находились: мастерская Морё, искуснаго возобновителя картинъ, работавшаго исключительно для Магуса, и комната дочери стараго Жида, прекрасной какъ всѣ Жидовки, когда въ нихъ сохраняется чистый и благородный азіятскій типъ. Красавицу Ноэми сторожили двѣ горничныя, также Жидовки, и польскій Жида Абрамка, которому Магусъ спасъ когда-то жизнь.

Абрамко, привратникъ этого мрачнаго, пустаго, и молчаливаго дома, жилъ въ своей дворницкой съ тремя страшными со-

бюками. Одна была изъ Нью-Фондленда, другая изъ Пиреней, третья — англійскій бульдогъ.

На этотъ приемотръ Магусъ вполне полагался. Онъ спокойно спалъ, спокойно путешествовалъ и не боялся ни какихъ злыхъ умысловъ ни противъ дочери, — его перваго сокровища, — ни противъ картинъ, ни противъ золота. Абрамко получалъ каждый годъ двумястами франковъ болѣе чѣмъ въ предъидущій, и не долженъ былъ ожидать ничего по смерти Магуса и Абрамко обожалъ Магуса, какъ Санхо Панса обожалъ дона Кихота.

Магусъ, которому было семьдесятъ-пять лѣтъ, могъ прожить до ста. Богачъ жилъ какъ Ремоненки. Три тысячи франковъ, включая сюда издержки на Ноэми, покрывали его расходы.

Никакое существованіе не могло быть аккуратнѣе Магусова. Вставая съ разсвѣтомъ, онъ завтракалъ хлѣбомъ и пивомъ. Обѣдъ отличался монастырской умѣренностью. Время между завтракомъ и обѣдомъ. Еврей употреблялъ на прогулку по комнатамъ, гдѣ находились его сокровища. Тамъ онъ сметалъ пыль съ мебели и картинъ, восхищался, потомъ сходилъ къ дочери, упиался отцовскимъ счастьемъ, и наконецъ отправлялся рыскать по Парижу, сторожить аукционы и выставки.

Когда гениальное произведеніе удовлетворяло его требованіямъ, жизнь этого человѣка оживлялась, и къ какимъ средствамъ не прибѣгалъ онъ, чтобы добыть новую султаншу! Онъ употреблялъ всѣ возможныя хитрости, содержалъ шпионовъ, которые дѣйствовали въ его пользу, и почти всегда достигалъ своей цѣли. Галерея его заключала въ себѣ самыя рѣдкія сокровища въ Парижѣ.

Таковъ былъ человѣкъ, къ которому Ремоненкъ таинственно привелъ мадамъ Сибб.

— Вы увидите, сказалъ Ремоненкъ, богатѣйшаго изъ всѣхъ продавцевъ рѣдкостей, лучшаго парижскаго знатока.

Мадамъ Сибб очень удивилась, когдашла маленькаго старика, въ плащѣ, котораго мосьё Сибб не взялъ бы въ починку. Жидъ въ это время смотрѣлъ, какъ живописецъ возобновлялъ для него картину, въ холодной залѣ нижняго этажа.

— Чтѣ вамъ нужно, Ремоненкъ, спросилъ онъ.

— Дѣло идетъ объ оцѣнкѣ картинъ.... вы одинъ можете сказать мнѣ, сколько бѣдный человѣкъ долженъ дать за нихъ.

— Гдѣ это?

— Вотъ привратница дома, которая ходитъ за владѣтелемъ, ихъ, и съ которою я уговорился....

— Какъ зовутъ хозяйина?

— Мосьё Понсъ, произнесла Сибб.

— Я не знаю его, равнодушно отвѣчалъ Жидъ и слегка толкнулъ ногой живописца, который быстро поднялъ голову.

Жиду, такъ же какъ и живописцу, имя Понса было не безызвѣстно: два любителя завидовали другъ другу, соперничали между собой, и потому старшій Жидъ былъ внутренне пораженъ этой вѣстью. Однако онъ тщательно скрылъ свою радость отъ дворничихи и Оверица. Магусъ давно желалъ, но не надѣялся проникнуть въ музей Понса. Понсъ и Магусъ имѣли одну ревность въ сердцахъ. Ни тотъ ни другой не хотѣли знаменитости, которой обыкновенно такъ ищутъ обладатели музеевъ. Разсмотрѣть превосходную коллекцію бѣднаго музыканта было для Магуса такимъ же счастьемъ, какъ для любителя женщинъ проникнуть въ будоаръ хорошенькой любовницы, которую прячеть отъ него другъ.

Почтеніе, которое Ремоненкъ оказывалъ этому странному лицу, сдѣлало дворничиху покорною и скромною. Она покинула аристократическій тонъ, который употребляла въ обращеніи съ своими жильцами, согласилась на всѣ условія Магуса и обѣщала ввести его въ музей Понса въ тотъ же день.

Это значило вознѣтъ ножъ въ сердце Понса. Десять лѣтъ мадамъ Сибб выполняла запретъ своего жильца и даже сама не входила въ музей, потому что раздѣляла мнѣніе Шмука и питала къ старому жламу полное презрѣніе, такъ, что сокровища стараго музыканта оставались безопасны отъ всякаго вторженія.

Со времени болѣзни Понса, Шмукъ замѣнялъ его въ театрѣ и въ пансіонахъ. Бѣдный Нѣмецъ, видѣвшій своего друга лишь утромъ, да за обѣдомъ, старался сохранить общую практику и поспѣть всюду. Горестъ Шмука была такъ велика, что всѣ, даже самые равнодушные люди, желали показать при немъ участіе въ судьбѣ его друга и осведомлялись о здоровьѣ Понса. Шмукъ страдалъ и своей печалью и болѣзнию своего друга. Цѣлую половину всякаго урока онъ проводилъ въ разговорахъ о Понсѣ. Между двумя уроками, онъ бѣжалъ домой, чтобы провести хоть четверть часа съ больнымъ. Когда какая-нибудь ученица, тронутая положеніемъ друзей, спрашивала Шмука, какъ онъ можетъ оставлять Понса одного, онъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— О! сударыня, у насъ есть мадамъ Сибб! Сокровище, перлъ! О Понсъ заботятся какъ о князѣ.

Видя пустоту общественной кассы и безпрестанныя издержки

на болѣзнь, издержки, которыя мадамъ Сиббъ увеличивала съ каждымъ днемъ, профессоръ музыки трудился вдвое, чтобы только въ дошѣ не было ни въ чемъ недостатку.

Когда Шмукъ выходилъ на улицу, мадамъ Сиббъ становилась полною хозяйкой комнаты больного. Какъ могъ усмотрѣть за этимъ ангеломъ-хранителемъ Понсъ, который не ѣлъ цѣлыя двѣ недѣли, котораго мадамъ Сиббъ должна была сама укладывать въ постель? Естественно, мадамъ Сиббъ сбѣгала къ Магусу во время завтраку Шмука, и возвратилась, когда Нѣмецъ прощался съ больнымъ, потому что, съ той минуты какъ она узнала о богатствѣ Понса, она не покидала своего холостяка ни на минуту, она погружалась въ покойныя кресла, у его изголовья и, если онъ не спалъ, рассказывала ему сцены, на которыя женщины этого роду такія мастерицы. Сдѣлавшись внимательной, тихой, заботливой, она мало-по-малу вкрадывалась въ душу Понса съ макіавелевской ловкостью.

Испуганная предсказаніемъ колдуньи, мадамъ Сиббъ рѣшилась дѣйствовать тихими мѣрами, мошенничествомъ чисто моральнымъ:

— Ну, чтò нашъ херувимчикъ: какъ вы находите? Лучше ли ему? сказала она Шмуку.

— Не хорошо, моя добрая Сиббъ. Не хорошо! отвѣчалъ Нѣмецъ отирая слезу.

— Не печальтесь такъ, мой любезный мосьё Шмукъ! Потерпимъ, подождемъ. Если бъ Сиббъ былъ при смерти, я бы такъ не горевала какъ вы. Полноте! нашъ голубчикъ хорошаго сложенія. И притомъ онъ былъ воздерженъ, а воздержные люди живутъ долго. Онъ очень боленъ, это правда, но я его выручу... непременно выручу своими заботами. Подите къ своимъ занятіямъ. Я посижу съ нимъ, дамъ ему лекарства....

— Еслибъ не вы, я умеръ бы отъ безпокойства, сказалъ Шмукъ съ чувствомъ пожавъ руку доброй мадамъ Сиббъ.

Она вошла въ комнату Понса, отирая глаза.

— Чтò съ вами, мадамъ Сиббъ? сказалъ Понсъ.

— Мосьё Шмукъ разрываетъ мнѣ сердце! онъ плачетъ объ васъ, какъ о покойникѣ. Вы хоть и не въ хорошемъ положеніи, но всё-таки еще и не въ такомъ, чтобы оплакивать васъ. Меня это терзаетъ! Глупая я, что привязываюсь такъ къ людямъ.... что полюбила васъ не меньше Сиббъ. Вѣдь чтò вы мнѣ? Мы родивъ только по Адамовой жемѣ! А если дѣло коснется до васъ, кровь такъ и хлынетъ у меня къ сердцу! ей Богу! Я бы руку отдала на отсѣченіе, — конечно лѣвую, — чтобы увидѣть васъ

здоровья. Если бы у меня были дѣти, я бы, кажется, любила ихъ такъ же, какъ васъ любила. .. Выпейте, мой дорогой! Мосѣ Пуленъ сказалъ: если мосѣ Понсъ не хочетъ отправиться къ отцу Ламезу, такъ долженъ пить воды по полу-ведру въ день. Пейте же.

— Но я сегодня ужъ столько пила, добрая мадамъ Сибб, что у меня желудокъ полонъ....

— Вотъ такъ! сказала дворничиха, принимая пустой стаканъ. Такъ вы спасетесь. У мосѣ Пулена была больная, за которой никто не ходилъ, которую дѣти покинули. Она умерла, оттого что не хотѣла пить. Видите ли, стало-быть нужно пить. Ее двѣ недѣли какъ схоронили.... А вы знаете, если вы умрете, Шмукъ не переживетъ васъ. Онъ точно ребенокъ: не ѣсть, не пить! Ей Богу! Вотъ любить-то васъ! Никогда женщина такъ не любить. Я ревную его.... потому что я къ вамъ тоже привязана, но всё не такъ.... Я не теряю аппетита: напротивъ! по бѣгая безпрестанно изъ этажа въ этажъ, я чувствую такую тяжесть въ ногахъ, что вечеромъ падаю на постель какъ свинецъ. Я оставила для васъ своего Сибб, который каждый день ворчитъ, что обѣдъ не хорошъ.... оттого что ему теперь прислуживаетъ мамзель Ремоненъ. Ну, да что дѣлать! Я говорю ему: нужно потерпѣть! Вы такъ больны, что васъ покинуть грѣшно! Я не потерплю, чтобы за вами смотрѣли наемныя женщины; я десять лѣтъ хожу за вами.... Наемныя сидѣлки ѣдятъ за десятирыхъ, вина требуютъ, а ходить за больнымъ не ходятъ. Только обкрадываютъ.... если больные не поставятъ ихъ на заѣщаніи. Приведите нынче сидѣлку, такъ завтра же какой-нибудь картины не досчитаетесь.

— О! мадамъ Сибб! вскричалъ Понсъ, видя себя: Не покидайте меня.... не пускайте никого!....

— Я здѣсь! откуда у меня есть силы, я здѣсь! отвѣчала Сибб. Мосѣ Пуленъ, можетъ-быть, имѣлъ виды на ваши сокровища: онъ совѣтовалъ нанять сидѣлку. Да я его отдѣлала славно! Я сказала ему: кромѣ меня мосѣ Понсъ никого не потерпитъ! У него свои привычки, какъ у меня свои! И замолчалъ, небойсь!.... Сидѣлку! Да всё онъ воровки! Ненавижу я этихъ женщинъ!

Тутъ мадамъ Сибб привела для подтвержденія своихъ словъ страшную исторію плутней какой-то сидѣлки, рассказанную будто бы мосѣ Пуленомъ, и заключила слѣдующими словами:

— Я не знаю, какъ это можно дѣлать добро изъ интересу.... это ужъ не значить дѣлать добро. Не такъ ли, мосѣ Понсъ?

Не мечитесь такъ, мой голубчикъ! Господи! какъ вы пожелтъ-ли.... точно лимонъ!.... Честность — сокровище бѣдныхъ людей. Нужно же что-нибудь имѣть и имъ! Я первая вамъ скажу, что вы должны все ваше имѣние оставить мосьѣ Шмуку.... Это долгъ вашъ! потому что онъ одинъ составляетъ все ваше семейство. Онъ любить васъ какъ собака своего господина!

— Да! сказалъ Понсъ.... меня никто не любилъ кромѣ его!

— Никто! Хороши же вы!.... а я-то?.... развѣ не люблю васъ.

— Я не говорю этого, любезная мадамъ Сибѵ.

— Развѣ вы считаете меня за простую служанку или кухарку, у которой нѣтъ сердца! Господи, Боже мой! Ходи, послѣ этого, одиннадцать лѣтъ, за двумя старыми холостяками! Будь для нихъ матерью! Она, въ благодарность, скажутъ тебѣ: *любезная мадамъ Сибѵ!* которое доказываетъ, что въ сердцѣ этихъ господъ нѣтъ ни капли любви къ тебѣ! Вы неблагодарны! Оттого что я бѣдная привратница, вы считаете меня за собаку....

— Но, любезная мадамъ Сибѵ.

— Вы ученый! Растолкуйте же мнѣ, почему такъ обращаются съ нами, бѣдными людьми? почему въ насъ не хотятъ признать чувства.... смѣются надъ нами.... Не стою я, что ли, другая женщина! Да я была изъ первыхъ красавицъ въ Парижѣ. Не даромъ меня называли: прекрасною устричницей. Я по семи или по восьми объясненій въ день выслушивала.... Да еще если бы и теперь захотѣла.... Вы знаете того Овернца, что у нашихъ воротъ торгуетъ старымъ жезломъ.... Овдовѣя я, онъ зажмурившись на мнѣ женится. Онъ то и дѣло твердить: — «Что это у васъ, за руки.... мадамъ Сибѵ! я сегодня видѣлъ во снѣ, что это булка и что я масло....» Посмотрите ка, сударь, на мои руки.... а? Она засучила рукавъ и показала руку столько же бѣлую и свѣжую, сколько красна и груба была кисть ея.

— Они поразили столько же сердцецъ, сколько я вскрыла устрицъ. Жалѣю же, что я для васъ оставила бѣднаго Сибѵ, который по одному слову моему готовъ броситься въ огонь! Прошу покорно! *Любезная мадамъ Сибѵ!* Тогда какъ я для васъ....

— Послушайте, сказалъ больной.... я не могу называть васъ ни матерью, ни женой....

— Нѣтъ! съ этихъ поръ, ни къ кому не привязываюсь....

— Да, позвольте мнѣ сказать слово! прервалъ Понсъ: я говорилъ о Шмуку....

— Мосьѣ Шмуку, вотъ это сердце! Мосьѣ Шмуку дѣйствительно любить меня! потому что онъ бѣденъ: богатство дѣлаетъ не-

чувствительнымъ.... а вы богаты! Ну, найдите судыку! увидите—какъ она будетъ васъ мучить. Докторъ скажетъ — давать только пить, а она будетъ давать только ѣсть, и похоронитъ васъ нѣгомъ! не стойте вы мадамъ Сибб! Когда мосьё Пуленъ прійдетъ, просите, чтобы онъ прислалъ вамъ судыку!

— Да, выслушайте же меня наконецъ! вскричалъ возбужденный больной. Я не говорилъ о женщинахъ: я говорилъ только о моихъ другѣхъ, о Шмуцѣ.... Я знаю, что только два сердца искренно любятъ меня—ваше, да Шмуково....

— Не горячитесь, не горячитесь же! вскричала мадамъ Сибб перомыши въ токъ и кинувшись къ больному.

— Какъ же мнѣ не любить васъ, произнесъ добрый Понсъ.

— Вы любите меня! полно правда ли? Ну, простите же, простите, сударь: сказала она отирая слезы. Да, вы любите меня, какъ лакея, которому бросать пенсію въ шесть сотъ франковъ, кусокъ хлѣба въ собачью кануру.

— О! мадамъ Сибб! вскричалъ Понсъ, за кого вы меня принимаете? Вы не знаете меня!

— Такъ вы любите меня еще лучше! вы любите свою добрую, толстую Сибб какъ мать! Вотъ это дѣло! Да! я мать ваша: вы оба дѣти мои. Ахъ! если бъ мнѣ удалось узнать того, кто огорчилъ васъ, я бы его потащила въ судъ. Я бы ему глаза выцарапала! Повѣствъ мало такихъ мошенниковъ! Огорчать такого добраго господина, который рожденъ, кажется, для того чтобы сдѣлать женщину счастливой! Да! вы можете составить счастье женщины! Я сейчасъ, какъ увидѣла ваше обращеніе съ мосьё Шмукомъ, сказала: — Нѣтъ! мосьё Понсъ произведенъ на свѣтъ чтобы быть хорошимъ мужемъ!

— Увы!... я никогда не зналъ, чтò такое любовь женщины!

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Сибб, подойдя къ Понсу и взявъ его за руку. Вы не знаете чтò такое любовница, которая готова на все для своего друга! Возможно ли! я бы на вашемъ мѣстѣ не разсталась съ миромъ, не испытавъ величайшаго счастья на землѣ! Бѣдняжка! будь я теперь, чѣмъ была.... я бы, ей Богу, оставила для васъ моего Сибб!.... А я еще думала, что вы дюжинами считаете любовницъ!... что у васъ есть танцовщицы... васъ никогда не было дома.... Бывало, когда вы уходите, я говорю моему Сибб: Вотъ, пошелъ опять рыскать нашъ повѣса! честное слово, я говорила это. Небо создало васъ для любви: я увидѣла это въ тотъ день, какъ вы обѣдали здѣсь въ первый разъ. Какъ вы были тронуты удовольствіемъ мосьё Шмука.... а онъ-то какъ

радъ былъ! На другой день со слезами говорилъ мнѣ: *мадамъ Сило—онъ опеталъ съдѣсь!* И я расплакалась какъ дура! А когда вы перестали обѣдать дома, онъ опять сдѣлался печаленъ! Бѣднѣй! Никогда я не видала такой грусти!

Да! вы правы, дѣлая его наследникомъ. Это для васъ цѣлая семья, этотъ добрый человекъ! Не забудьте же! Иначе Богъ васъ не пуститъ къ Себѣ въ рай, куда попадутъ только тѣ, которые были благодарны къ своимъ друзьямъ.... оставилъ имъ доходы....

Понсъ напрасно хотѣлъ отвѣчать: мадамъ Сибѣ болтала безъ умолку. Въ наше время нашамъ средство останавливать паровую машину, но зажать ротъ парижской дворничихѣ не удалось еще ни какому изобрѣтателю.

— Я знаю, что вы хотите сказать, продолжала она: напрасно! Приготовленная духовная не убиваетъ человека. На вашемъ мѣстѣ я бы на всякій случай, не оставила эту бѣдную головушку, это доброе существо.... Онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ: зачѣмъ же предавать его на жертву разнымъ крючкамъ, да родственникамъ. Эти люди, извѣстно, какіе! Посмотрите, кто пришелъ навѣстить васъ въ три недѣли? А вы имъ отдадите ваше имѣніе! Говорятъ, что всѣ эти вещи чего-нибудь стоятъ?

— Конечно, отвѣчалъ Понсъ.

— Ремоненкъ, который знаетъ васъ за любителя, и который самъ торгуетъ, говоритъ, что онъ охотно далъ бы вамъ тридцать тысячъ франковъ пожизненнаго дохода, чтобы получить послѣ васъ картины.... На вашемъ мѣстѣ я бы рѣшилась. Но я думала, что онъ смѣется надо мной, когда онъ говорилъ мнѣ это. Вы бы сказали мосѣ Шмуку о цѣнѣ этихъ вещей, а то вѣдь его обмануть какъ ребенка. Онъ отдастъ ихъ за ломоть хлѣба... если онъ изъ любви къ вамъ не сохранитъ ихъ на всю жизнь.... если только онъ переживетъ васъ.... потому что онъ умретъ вашей смертью.... Но я здѣсь.... и я защищу его отъ всѣхъ и противъ всѣхъ.... я и Сибѣ.

— Милая мадамъ Сибѣ, отвѣчалъ Понсъ, испуганный этой болтовней: что было бы со мной безъ васъ и безъ Шмука?

— Да! мы единственные друзья ваши на землѣ. Это правда! Но два добрыхъ сердца стоятъ всѣхъ возможныхъ семействъ.... Да гдѣ же ваши родные? Есть ли они у васъ? Я ихъ никогда не видала?

— Они-то и уложили меня въ гробъ! съ горечью отвѣчалъ Понсъ.

— А! такъ у васъ есть родные? вскричала мадамъ Сибѣ, вско-

чѣвъ съ мѣста, какъ-будто попала на горячіе уголья. Хороши же ваши родные! нечего сказать! Вотъ ужъ скоро двадцать дней, а ни одинъ не набѣдается. На вашемъ мѣстѣ я скорѣй бы завѣщала все свое состояніе воспитательному дому, чѣмъ дать имъ хоть полушку....

— Вотъ видите, мадамъ Сибб, я хотѣлъ оставить все чтò я имѣю, моей кузинѣ.... дочери президента Камюзд.... знаете, того, который приходилъ, мѣсяца два тому назадъ....

— А! тотъ маленькій толстякъ, чтò присылалъ къ вамъ своихъ слугъ, просить у васъ извиненія.... въ глупости жены, которой горничная разспрашивала меня объ васъ.... старая жеманница! ходить въ бархатной мантильѣ!... Ну, прилично ли горничной носить бархатную мантилью!... Горничная всё-таки горничная, какъ я привратница! Всякому свое! Нѣтъ! ужъ гдѣ горничныя ходятъ въ бархатныхъ мантильяхъ, тамъ люди бездушные!

— Бездушные! правда, отвѣчалъ Понсъ.

И Понсъ разсказалъ всѣ свои огорченія мадамъ Сибб, которая разсыпалась въ ругательствахъ на родныхъ его и послѣ каждой фразы этого печальнаго разсказу изъясняла глубочайшее сожалѣніе. Наконецъ она заплакала.

Чтобы понять эту внезапную задушевность между старымъ музыкантомъ и дворянкой, нужно представить себѣ положеніе стараго холостяка, который былъ боленъ въ первый разъ въ жизни, лежалъ одинъ-одинёхонекъ и проводилъ весь день самъ съ собой. Это одиночество, эти горести, имѣли еще больше вліянія на его моральную сторону чѣмъ на физическую.

Имѣя уже довольно слабый характеръ и сердце чувствительное, довѣрчивое, онъ, естественно, долженъ былъ привязаться къ существу, которое за нимъ ухаживало; долженъ былъ схватиться за него какъ утопающій за бревно. И Понсъ слушалъ сплетни мадамъ Сибб съ восхищеніемъ. Шмукъ, мадамъ Сибб и докторъ Пуленъ были для него человѣчествомъ, какъ его комната была для него вселенною.

— А вотъ и докторъ, вскричала Сибб, услышавъ звонокъ.

И она оставила Понса одного. Она знала, что пришли Ремоненгъ и Жидъ.

— Не шумѣть, господа! сказала она: чтобы онъ ничего не замѣтилъ.... онъ такой бѣшенный, когда дѣло коснется до его сокровищъ...

— Простой прогулки будетъ достаточно, сказалъ Жидъ, вооруженный лорнетомъ и зрительною трубкой.

Задѣ, гдѣ находилась главная часть Понсова музея, имѣла футовъ двадцать пять ширины, тридцать длины и футовъ тридцать высоты. Картины Понса, числомъ до шестидесяти висѣли на всѣхъ четырехъ стѣнахъ этого покоя; четырнадцать статуй возвышались на колоннахъ, въ углахъ или между картинами; шкафы изъ чернаго дерева, съ великолѣпною рѣзбой, украшали нижнюю часть стѣнъ и были наполнены рѣдкостями. По середнѣйшій комнаты, длинный рядъ маленькихъ деревянныхъ столбковъ, представлялъ взорамъ величайшія рѣдкости человѣческой работы изъ бронзы, слоновой кости, дерева, эмали, серебра, фарфора и прочаго.

Едва Жидъ вошелъ въ это святилище, какъ прямо направилъ шагъ свой къ четыремъ великимъ произведеніямъ, которыя онъ призналъ за лучшія въ коллекціи. Первая картина была Себастьяна дель Піомбо, вторая фра-Бартоломео дела Порты, третья — пейзажъ Гоббеми и, наконецъ, послѣдняя — женскій портретъ Альберта Дюрера. Всѣ четыре принадлежали мастерамъ, которыхъ не доставало въ музей Магуса. Слезы показались на глазахъ стараго Жиды при видѣ этихъ гениальныхъ созданій.

— Я даю каждому изъ васъ по двѣ тысячи награжденія, если вы мнѣ доставите эти картины за сорокъ тысячъ франковъ, сказалъ онъ на-ухо мадамъ Сибб, остолбенѣвшей отъ удивленія.

— А я чтѣ могу дать? спросилъ Ремоненкъ, не знавшій толку въ картинахъ.

— Все здѣсь одинаковаго достоинства, отвѣчалъ Жидъ: возьми десять картинъ, — любыхъ, на такихъ же условіяхъ, и твое состояніе составлено.

Три вора еще смотрѣли другъ на друга, съ лицами, сіявшими отъ удовольствія, какъ-вдругъ раздался голосъ больнаго.

— Кто тамъ! кричалъ Понсъ.

— Зачѣмъ вы встали! вскричала Сибб бросившись къ Понсу и укладывая его насильно. Хотите убить себя! Это не мосѣ Пуленъ, это добрый Ремоненкъ, пришелъ узнать о васъ.... Весь домъ о васъ беспокоится, такъ васъ всѣ любятъ.... Чего же вы бонетесь.

— Да, кажется, васъ тутъ нѣсколько!

— Нѣсколько! Чтѣ вы бредите? ей Богу, вы скоро съ ума сойдете.... Ну, вотъ, посмотрите.

Мадамъ Сибб быстро отворила дверь, сдѣлавъ Магусу знакъ удалиться, а Ремоненку приблизиться.

— Да, любезный господинъ, сказалъ Овернецъ. Всѣ жильцы

толкуеть про васъ.... Никто не любитъ, чтобы въ домѣ были покойники... И наконецъ Министръ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что если вамъ нужны деньги, то онъ къ вашимъ услугамъ....

— Онъ прислалъ васъ взглянуть на мои вещи? сказалъ больной съ недовѣрчивостію.

— Ваша коллекція, довольно хороша и можетъ обратить на себя вниманіе любителей и ищущихъ, отвѣчалъ Ремоненкъ. Я ничего не смыслю въ рѣдкостяхъ, но вы имѣете репутацію такого знатока, что я готовъ купить у васъ, зажмуря глаза.... если вамъ нужны будутъ деньги.... Ничто не побѣдетъ такъ много денегъ, какъ эти болѣзни! Моя сестра въ десять дней издержала тридцать су на лекарство, когда у ней была лихорадка, которая и безъ того бы прошла. Доктора — грабители: они пользуются нашимъ страхомъ.

— Прощайте... благодарю васъ, отвѣчалъ Понсъ Овернцу, смотря на него съ безпокойствомъ.

— Я провожу его, шепнула мадамъ Сиббъ на ухо больному: какъ бы не стащилъ чего....

— Да, да, отвѣчалъ больной, поблагодаривъ дворничиху взоромъ. Мадамъ Сиббъ затворила дверь спальни. Это снова пробудило недовѣрчивость Понса. Дворничиха нашла Магуса стоящимъ неподвижно передъ четырьмя картинами.

— Уходите тихонько, сказала она ему.

Жидъ пошелъ медленно и, оборачиваясь, глядѣлъ на картины, какъ любовникъ глядитъ на любовницу, съ которою прощается.

Когда Жидъ сошелъ на лѣстницу, мадамъ Сиббъ, которой это созерцаніе внушило разныя идеи, ударила по сухой рукѣ Магуса.

— Даете мнѣ по четыре тысячи франковъ за картину? Если нѣтъ, ничего не получите....

— Я такъ бѣденъ, сказалъ Магусъ. Если я желаю имѣть эти картины, то чисто изъ любви къ искусству, моя красавица, изъ одной любви.

— Ты такъ сухъ, что я понимаю эту любовь, сказала Сиббъ: но если ты сегодня не общаешь мнѣ шестнадцать тысячъ франковъ, передъ Ремоненкомъ, завтра картины будутъ стоить двадцать тысячъ.

— Общаю шестнадцать, отвѣчалъ Жидъ, испуганный жадностію привратницы.

— Чѣмъ Жидъ можетъ поклясться? спросила мадамъ Сиббъ у Ремоненка?

— Положитесь на него, отвѣчалъ жельзничикъ: онъ такой же честный человекъ, какъ и я.

— Ну, а вы? Если бѣ я вамъ поручила продать, что бы вы мнѣ дали?

— Выгоды по поламъ! проворно отвѣчалъ Ремоненкъ.

— Нѣтъ! по-мнѣ лучше получить теперь сумму....

— Вы знаете толкъ въ дѣлахъ! сказалъ Илья Магусъ, улыбаясь: вы были бы славною торговкой.

— Я предлагаю ей вступить со мной въ товарищество, сказалъ Овернецъ, взявъ руку мадамъ Сиббъ и сильно ударивъ по ней. Я не требую отъ нея другихъ фондовъ, кромѣ красоты ея.... Напрасно вы такъ привязались къ своему Турку Сиббъ и къ его иголкѣ. Можетъ ли дворникъ осчастливить такую прекрасную женщину какъ вы? А какъ бы къ вамъ шло сидѣть на бульварѣ, въ лавкѣ рѣдкостей, и толковать съ знатоками. Бросьте же вашу должность, когда нагрѣете здѣсь руки, и посмотрите, что мы сдѣлаемъ вдвоемъ!

— Нагрѣть руки! вскричала мадамъ Сиббъ. Я не способна взять здѣсь ни булавы! Слышите ли, Ремоненкъ! Меня весь кварталъ знаетъ за честную женщину. Да!

Глаза ея блестѣли.

— Успокойтесь, сказалъ Магусъ. Этотъ Овернецъ кажется такъ любить васъ, что вѣрно не желалъ огорчить.

— Какъ бы она приманивала практику! вскричалъ Овернецъ.

— Будьте справедливы, сказала укрощенная мадамъ Сиббъ, и судите сами о моемъ положеніи здѣсь? Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ я порчу свое здоровье, ухаживая за этими двумя холостяками; а никогда не видала отъ нихъ ничего кромѣ словъ. Ремоненкъ вамъ скажетъ, что я кормила ихъ, что я всѣ свои деньги на нихъ потратила. Теперь одинъ умираетъ, — самый богатый изъ двухъ,—и что же вы думаете? Я каждый день толкую ему, что онъ умретъ.... такъ москѣ Пуленъ говорить.... а онъ и не думаетъ ничего завѣщать мнѣ: какъ-будто не знаетъ меня! Вы не повѣрите, они мнѣ должны около трехъ тысячъ, а я по своей глупой застѣчивости не смѣю и сказать имъ... Вы свѣдуши въ дѣлахъ, скажите, не пужно ли обратиться къ адвокату?....

Въ это время, изъ залы послышался шумъ, какъ-будто на полъ упало что-то тяжелое....

— Ахъ, Господи! что такое случилось? вскричала мадамъ Сиббъ. Вѣрно, мой больной опять что-нибудь напроказилъ.

Она протолкала сообщниковъ съ лѣстницы, и бросилась въ за-

лу. Помѣсь, лежалъ на полу, въ рубашкѣ, безъ памяти. Сибѣ взяла стараго холостяка на руки, подняла какъ перышко и принесла къ постели. Уложивъ больнаго, она начала тереть ему виски о-де-колономъ, дала попохотъ жженого пера и наконецъ привела въ чувство. Когда Помѣсь открылъ глаза, Сибѣ оперлась на кровать и сказала:

— Безъ твоей, въ рубашкѣ! не трудно убить себя! А зачѣмъ вы подозрѣваете меня? Если такъ, прощайте, сударь. Десять лѣтъ я хожу за вами, смотрю за вашимъ хозяйствомъ, трачу на васъ свои деньги, чтобъ только не тревожить бѣднаго мосьѣ Шмука, который плачетъ какъ ребенокъ.... И что жъ? Какая награда? Онъ изволить за мной подсматривать! Зато Богъ и наказалъ! А я еще тащу его на рукахъ, не боюсь изувѣчить себя на всю жизнь!.... Ахъ, Боже мой.... да и дверь отперта!

— Съ кѣмъ вы разговаривали?

— Вотъ еще! вскричала Сибѣ: да что я, раба что ли ваша? Отчетъ, что ли я должна вамъ давать? Да если вы будете мнѣ надѣяться, такъ я все кину. Берите себѣ сдѣлку?

Помѣсь ужаснулся этой угрозы и жалобно произнесъ:

— Это болѣзнь моя!

— Тѣ-то же! сухо отвѣчала мадамъ Сибѣ.

Она оставила Помѣсь, смущеннаго, въ раскалаи.

Помѣсь упрекалъ себя, удивлялся преданности дворничихи, и не чувствовалъ, какъ много вреда причинилъ себѣ падевіемъ на холодный полъ залы.

На лѣстницѣ мадамъ Сибѣ встрѣтила Шмука.

— Ступайте, сударь. Печальныя новости! Мосьѣ Помѣсь сходитъ съ ума. Вообразите, онъ поднялся ногой, пошелъ въ залу... и растянулся тамъ.... Спросите его, зачѣмъ—онъ ничего не знаетъ! Онъ плохъ. Я не подавала ему поводу къ такому поступку.... Можетъ-быть пробудила въ немъ кое-какія мысли, тѣмъ что напомнила ему о его любовныхъ шашняхъ?.... Кто ихъ узнаетъ, этихъ мужчинъ! Всѣ они волокиты! напрасно я показала ему свои руки! Глаза у него заблестѣли на нихъ, какъ раскаленные угли.

Шмуку слушалъ мадамъ Сибѣ съ такимъ видомъ, какъ-будто она говорила по-китайски.

— Я взяла его на руки, продолжала она, и потащила на мѣсто. Теперь только я начинаю чувствовать утомленіе. Охъ! Мнѣ дурно! Я пойду къ себѣ. Посмотрите за больнымъ.... Я пошла

Сибб за Пуленовъ, для себя.... Я лучше хотчу умереть чѣмъ остаться калѣкой!

Мадамъ Сибб дѣйствительно почувствовала маленькую усталость въ мускулахъ и рѣшилась обратиться это обстоятельство въ свою пользу. Она пошла по лѣстницѣ съ такими ужасными стонами, что всѣ жильцы вышли изъ своихъ квартиръ. Шмукъ, въ слезахъ, поддерживалъ больную и объяснял самопожертвованіе добродѣтельной дворничихи. Вскорѣ весь кварталъ узналъ о героическомъ подвигѣ мадамъ Сибб, которая употребила смертельное усиліе, чтобы поднять на руки одного изъ *клещей*. Шмукъ, возвратившись къ Понсу, сообщалъ ему о несчастномъ положеніи ихъ домоправительницы.

— Чтѣ съ нами будетъ безъ нея? произнесли они оба, грустно посмотрѣвъ другъ на друга.

— Проклятый хламъ! я лучше бы согласился сжечь его, чѣмъ потерять моего друга.... говорилъ Шмукъ, когда Понсъ рассказывалъ ему, чтѣ случилось. Подозрѣвать мадамъ Сибб, которая отдаетъ намъ взаймы послѣднее! Это не хорошо. Но это болѣзнь!

— Ахъ! каная ужасная болѣзнь! Я совсѣмъ переищился, я чувствую это, сказалъ Понсъ. Я не хотѣлъ бы мучить тебя, мой добрый Шмукъ.

— Брани меня! сказалъ Шмукъ: но оставь въ покоѣ мадамъ Сибб!....

Докторъ Пулень скоро вылечилъ недугъ дворничихи и слава его, въ кварталѣ Болота, еще болѣе выросла вслѣдствіе этого исцѣленія, которое считали рѣшительнымъ чудомъ.

У Понса онъ приписывалъ такой успѣхъ крѣпкой организаціи больной, которая, спустя недѣлю, вступила въ свою прежнюю должность, къ величайшему удовольствію двухъ друзей. Это происшествіе увеличило на сто процентовъ тиранію дворничихи и влияніе ея на дѣла *клещей*, которые въ эту недѣлю много задолжали. Мадамъ Сибб заплатила и воспользовалась случаемъ заставить Шмука признать, что они должны ей двѣ тысячи франковъ.

— Чтѣ это за докторъ, этотъ мосьѣ Пулень! говорила Понсу мадамъ Сибб. Онъ спасетъ васъ, непременно спасетъ. Онъ и меня воскресилъ! Мой Сибб считалъ меня совсѣмъ умершею!.... Мосьѣ Пулень, вѣрно, рассказывалъ вамъ, что я и на смертномъ одрѣ думала всё о васъ. Господи, говорю, возьми меня, но дай пожить мосьѣ Понсу!

— Бѣдная, милая мадамъ Сибѣ! Вы изъ-за меня могли сдѣлаться калѣкой!

— Да, если бъ не мосьѣ Пуленъ, я давно была бы въ сосновой рубашкѣ, что ждетъ всѣхъ насъ! Ну! какъ вы безъ меня обходились?

— Шмукъ ходилъ за мной... отвѣчалъ больной, но наша касса и наша практика пострадали.... Не знаю, какъ онъ сдѣлалъ...

— Будь спокоенъ, Понсъ! отвѣчалъ Шмукъ, мы имѣемъ банкира въ лицѣ мадамъ Сибѣ!

— Не говорите объ этомъ, мой голубчики! Вы мнѣ дѣти, возразила Сибѣ. Мои деньги хорошо у васъ.... вы вѣрнѣе банка. Пока у насъ будетъ кусокъ хлѣба, половина его — ваша! Не стоить толковать объ этомъ....

— Добрая мадамъ Сибѣ! сказалъ Шмукъ, уходя.

Понсъ молчалъ.

— Повѣрите ли, мой херувимчикъ, сказала мадамъ Сибѣ больному: передъ смертью.... вѣдь я вблизи видѣла старую-то!... передъ смертью всего болѣе меня тревожило то, что вы остаетесь одни, и что у моего Сибѣ ни денежки. Наши доходы такъ малы! А какъ онъ ходилъ за мной! И ревѣлъ какъ теленокъ.... Но я полагаюсь на васъ, честное слово! Я говорила.... Не бойся, Сибѣ: мой господа тебя не оставятъ безъ хлѣба....

Понсъ не отвѣчалъ. Дворничиха ждала отвѣту.

— Я поручу васъ Шмуку, сказалъ наконецъ больной.

— Все, что ни сдѣлаете, будетъ хорошо! вскричала мадамъ Сибѣ: я полагаюсь на ваше сердце. Но не станемъ говорить объ этомъ.... думайте о своемъ выздоровленіи.... вы проживете больше насъ....

Сильное безпокойство овладѣло сердцемъ дворничихи. Она твердо рѣшилась заставить больного объясниться насчетъ наслѣдства, которое онъ думалъ отказать ей, и для начала пошла къ доктору Пулену, вечеромъ, послѣ обѣда Шмука, который со времени болѣзни своего друга садился обѣдать подлѣ его постели.

Докторъ Пуленъ жилъ въ Орлеанской Улицѣ. Онъ занималъ нижній этажъ, состоявшій изъ передней, залы и двухъ спаленъ. Кухня, людская и погребъ, принадлежали къ этой квартирѣ и вмѣстѣ съ нею составляли флигель огромнаго дома, выстроеннаго во времена имперіи на мѣстѣ стараго отеля, котораго садъ еще существовалъ. Мадамъ Пуленъ, шестидесятилѣтняя мать доктора, доживала жизнь свою въ одной изъ спаленъ. Она работала для бандажиста, которому продала мастерскую своего по

койнаго мужа. Занятая хозяйствомъ и будучи единственною служанкой своего сына, она никуда не выходила и только гуляла иногда въ своемъ саду. Докторъ, несмотря на то, что ему было за тридцать, оставался холостякомъ. Въ десять лѣтъ онъ не встрѣтилъ въ семействахъ, куда его званіе давало ему доступъ, ни малѣйшаго предлога къ роману. Онъ лечилъ въ сферѣ, гдѣ существованіе походило на его собственное. Самые богатые изъ его пациентовъ были мясники, булочники, лавочники и вообще люди, которые любили приписывать свое изцѣленіе натурѣ, чтобы имѣть возможность платить доктору какъ-можно по-меньше. Въ медицинѣ экипажъ нужнѣе знанія. Монотонная, стоячая жизнь безъ волненій не могла не подѣйствовать на умъ доктора. Онъ принималъ въ себя всю пошлость этой жизни и послѣ десяти лѣтъ практики, продолжалъ свое ремесло уже безъ того отчаянія, которое овладѣвало имъ въ первые горькіе дни. Однако жъ и онъ лелѣялъ одну мечту..... Онъ мечталъ пасть на богатаго пациента, черезъ котораго могъ бы получить выгодное и спокойное мѣсто. И то мѣсто, которое онъ занималъ теперь, досталось ему подобнымъ же образомъ. Мадамъ Сибѵ привела его однажды къ хозяйкѣ дома, гдѣ она была привратницей, къ мосьѣ Пильрѵ. Этотъ мосьѣ Пильрѵ, дядя графини Поппѵѵ, жены министра, принималъ участіе въ бѣдѣномъ молодомъ человѣкѣ, и рекомендовалъ его своему племяннику, министру, который очень уважалъ Пильрѵ и не замедлялъ доставить Пулену мѣсто частнаго доктора.

Докторъ Пулень, какъ мы уже говорили, не лишень былъ опытности. Смерть его больныхъ не производила скандаловъ и потому онъ могъ изучать всѣ болѣзни безъ стѣсненій. Лицо его, длинное и меланхолическое, иногда принимало злобное выраженіе. Вставьте въ желтый пергаментъ горячіе глаза тартюфа; вообразите походку человѣка, который, находя себя врачомъ не менѣе искуснымъ чѣмъ знаменитый Біаншонъ, чувствовалъ, что желѣзная рука удерживаетъ его въ мрачной сферѣ, и вы будете имѣть понятіе о наружности мосьѣ Пулена. Послѣ излеченія стараго Пильрѵ, ни одинъ богатый пациентъ не представлялся. Пулень бѣгалъ по всему Бодоту пѣшкомъ, какъ тощая кошка, и на двадцать визитовъ, едва получалъ за три по два франка. Пациентъ хорошій плательщикъ былъ для него какимъ-то утопическимъ, идеальнымъ существомъ.....

Теперь легко понять, отчего докторъ такъ хорошо сыгралъ свою роль въ комедіи болѣзни мадамъ Сибѵ. Видя, что пульсъ дворничихи бьется ровно, что движенія ея свободны, но что,

несмотря на то, она испускаетъ провзительные вопли, онъ сейчасъ догадался, что ей вужно, для какихъ-нибудь цѣлей, представиться умирающей. Быстрое излеченіе важной болѣзни могло заставить говорить о немъ въ округѣ и потому онъ самъ превеличилъ мнимыя страданія Сибѣ и даже подвергъ ее какой-то фантастической операціи, которая, разумѣется, увѣнчалась успѣхомъ. Онъ выискалъ въ арсеналѣ необыкновенныхъ леченій Делпена, странный случай, примѣнилъ его къ мадамъ Сибѣ, скромно приписалъ успѣхъ великому хирургу и выдалъ себя за его по-дражателя.

Мадамъ Сибѣ застала доктора за столомъ.

Мать доктора, добрая старушка, страстно любила своего сына, но лишенная всякаго образованія и говорившая какъ простыя работницы, не хотѣла, чтобъ сынъ красилъ за нее при постороннихъ, и, при появленіи посѣтителя, обыкновенно удалялась въ свою комнату. На этотъ разъ докторъ удержалъ ее.

— Оставайтесь, матушка! это мадамъ Сибѣ, о которой я говорилъ вамъ.

— Мое почтеніе, сударыня; мое почтеніе, докторъ! сказала мадамъ Сибѣ, садясь на стулъ, придвинутый ей Пуленомъ: такъ это ваша матушка? Какъ она счастлива, что имѣетъ сына, съ такимъ талантомъ.... Это мой спаситель, сударыня. Онъ вырвалъ меня изъ когтей смерти.

Вдова Пулень нашла, что мадамъ Сибѣ очень любезная женщина.

— Я пришла поговорить съ вами, любезный мосьё Пулень, о нашемъ больномъ.... Онъ кажется очень плохъ!

— Перейдемте въ залу, сказалъ докторъ.

Зала, гдѣ докторъ принималъ посѣтителей, была меблирована очень скромно: диванъ, обитый желтымъ утрехтскимъ бархатомъ, нѣсколько стульевъ и чайный столъ. Бронзовые часы въ видѣ лпы, накрытые стеклянныиъ колпакомъ, составляли единственную роскошь.

Мадамъ Сибѣ подробно сообщила доктору о приключеніи съ Понсомъ, повторила съ прибавленіями исторію своего займа и рассказала о значительныхъ услугахъ, которыя оказывала втеченіи девяти лѣтъ Повсу и Шмуку. Она такъ хорошо сыграла роль ангела, такъ натурально плакала, что глубоко тронула сердце вдовы Пулень.

— Вы поймете, любезный мосьё Пулень, сказала мадамъ Сибѣ въ заключеніе: вы поймете, что мнѣ должно звать, сколько мосьё

Понсъ думаетъ оставить мнѣ въ случаѣ своей смерти. Хотя я ни сколько не желаю ему смерти.... ходить за нимъ—это жизнь моя, сударыня: не будетъ одного, я стану ходить за другимъ! Ужъ я такъ создана.... если мнѣ не о комъ заботиться, я не знаю, чтѣ съ собой дѣлать! И потому, если бы москѣ Пулень поговорилъ обо мнѣ москѣ Понсу.... Господи! тысячу франковъ пожизненно, ну, много ли это? спрашиваю васъ! Нашъ больной сказалъ мнѣ, что поручить меня этому бѣдному Нѣмцу, котораго онъ хочетъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ.... Да чтѣ толку въ человѣкѣ, который не умѣетъ трехъ словъ сказать по-французски?... Онъ, можетъ еще, пожалуй, уѣдетъ въ Германію, съ отчаяніемъ!...

— Любезная мадамъ Сибѣ, отвѣчалъ докторъ съ важностью: эти дѣла не касаются до докторовъ.... Мнѣ бы запретили лечить, если бы узнали, что я вмѣшиваюсь въ распоряженія моихъ кліентовъ.... Законъ запрещаетъ доктору принимать наслѣдство отъ своего больного.

— Вотъ глупый законъ! Да кто мнѣ помѣшаетъ отказать свое наслѣдство вамъ! отвѣчала мадамъ Сибѣ.

— Я скажу болѣе: моя совѣсть, совѣсть врача, запрещаетъ мнѣ говорить съ москѣ Понсомъ о его смерти. Во-первыхъ, онъ не такъ еще опасенъ; во-вторыхъ этотъ разговоръ могъ бы причинить ему дѣйствительный вредъ, сдѣлать его болѣзнь смертельною.

— А я не церемонюсь же съ нимъ и говорю, что онъ долженъ подумать о завѣщаніи.... однако же ему не становится хуже отъ этого.... Онъ привыкъ къ этому! Не бойтесь!

— Ни слова болѣе, мадамъ Сибѣ. Эти дѣла не входятъ въ область медицины.... они касаются до нотариуса.

— Но, любезный москѣ Пулень, если больной самъ спроситъ у васъ о своемъ положеніи? Если онъ хочетъ взять свои предосторожности.... Неужели вы не скажете ему, что лучшее средство поправить свое здоровье, — все устроить.... Потому вы замолвите словечко обо мнѣ....

— Да, если онъ скажетъ мнѣ, что онъ желаетъ сдѣлать завѣщаніе, я не стану отговаривать.

— Ну вотъ! только мнѣ и нужно! вскричала мадамъ Сибѣ. Я пришла поблагодарить васъ за ваши заботы, прибавила она, сузувъ въ руку доктора три золотыя монеты, завернутыя въ бумажку. Вотъ все, чтѣ я могу дать теперь.... Ахъ! если бы я была богата, и вы разбогатѣли бы, москѣ Пулень. Вы — подобіе ангела на землѣ!... У васъ сынъ просто ангелъ, сударыня!

Мадамъ Сиббъ встала, вдова Пуленъ дружески простилась съ нею, а докторъ проводилъ ее до крыльца.

Здѣсь адская мысль озарила умъ этой уличной леди Макбетъ: она поняла, что докторъ долженъ быть ея сообщникомъ, если онъ беретъ деньги за ложную болѣзнь.

— Неужели, мой добрый москѣ Пуленъ, сказала она: избавивъ отъ смерти, вы захотите оставить меня въ бѣдности.... и не замолвите обо мнѣ словечка?....

Докторъ почувствовалъ, что далъ дьяволу взять себя за одинъ волосокъ и что этотъ волосокъ ужъ наматывается на рога нечистаго. Боясь утратить свою честность, изъ-за *такой бездѣлицы*, — онъ отвѣчалъ на сатанинскую мысль, мыслью не менѣе сатанинскою.

— Послушайте, добрая мадамъ Сиббъ, сказалъ онъ, воротивъ ее назадъ и введя въ кабинетъ: я заплачу вамъ свой долгъ благодарности за мѣсто, которое вы мнѣ доставили.

— Мы подѣлимся! быстро сказала она.

— Чѣмъ? спросилъ докторъ.

— Наслѣдствомъ, отвѣчала дворничиха.

— Вы не знаете меня, возразилъ докторъ, принявъ позу Валерія Публиколы. Не стаемъ говорить объ этомъ. Я хотѣлъ только сказать вамъ, что у меня есть другъ, мой школьный товарищъ, такой же бѣднякъ какъ и я. Связь наша тѣмъ тѣснѣе, что мы шли почти однимъ путемъ, хотя онъ изучалъ права, а я — медицину. Будучи сыномъ башмачника, такъ же какъ я сынъ бандажиста, онъ по выходѣ изъ училища не нашелъ сочувствія, не нашелъ и капиталовъ. Онъ жилъ долгое время въ провинціи, въ Нантѣ, но наконецъ интриги провинціаловъ и непріятности, которыя они ему дѣлали, заставили его сдать свою контору и удалиться въ нашъ округъ.... Этотъ бѣдный адвокатъ называется Фрезье.... Онъ живетъ близко отсюда, въ улицѣ Перль. Ступайте въ номеръ девятый. Въ третьемъ этажѣ вы увидите на дверяхъ надпись: «Кабинетъ Фрезье.» Фрезье преимущественно беретъ за дѣла господъ привратниковъ, мастеровыхъ, и всѣхъ бѣдныхъ нашего округа, за самую умѣренную плату. Это честный человекъ, потому что, — будь онъ плутъ, онъ со своими способностями давно ѣздилъ бы въ каретѣ. Я увижу моего друга Фрезье нынче вечеромъ. Вы слодите къ нему завтра по-раньше, утромъ. Онъ знаетъ Лушара, Таборо, Вителя, Троньона, и вообще трѣтся между

дѣловыми людьми.... Если онъ возьмется за ваше дѣло, — если вы можете его рекомендовать мосьё Понсу, — вы найдете въ немъ друга. Только, смотрите, не дѣлайте ему, какъ мнѣ, ни какихъ предложеній, оскорбительныхъ для чести: онъ умёнъ и вы поймете другъ друга... Что же касается до благодарности за его хлопоты, то я буду вашимъ посредникомъ.

Мадамъ Сиббъ лукаво посмотрѣла на доктора.

— Не онъ ли выручилъ изъ бѣды мадамъ Флоримонъ, лавочницу, что хлопотала о наслѣдствѣ своего дружка....

— Тотъ самый.

— Не гадко ли это! вскричала мадамъ Сиббъ, что получивъ двѣ тысячи франковъ доходу, она отказалась выйти за него, и отдѣлалась, какъ говорятъ, дюжиной голландскихъ рубашекъ, да двумя дюжинами платковъ!

— Любезная мадамъ Сиббъ.... Бѣлье стоило тысячу франковъ, а Фрезье тогда начиналъ нуждаться въ немъ.... Притомъ же она заплатила за всѣ издержки, безъ возраженій.

— Ну, благодарю васъ, добрый мосьё Пулень! Прощайте. Наградъ васъ Богъ!

Они разстались.

Здѣсь начинается драма или, если хотите, страшная комедія — смерть человѣка, преданнаго силой обстоятельствъ на жертву алчнымъ созданіямъ, которыя окружаютъ смертный одръ одинокаго холостяка; здѣсь начинается настоящая исторія, къ которой все, что вы прочитали, служить введеніемъ или прологомъ.

=

ИСТОРІЯ БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

РОМАНЪ ДЕ-БАЛЬЗАКА.

КУЗНЕЦЪ ПОНЕЦЪ, ИЛИ ДВА МУЗЫКАНТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Мадамъ Сибѣ по указанному адресу пошла отыскивать отставнаго нотаріуса, котораго докторъ Пулень совѣтовалъ ей избрать въ повѣренныя. Она пришла въ улицу Перлы, взобралась по грязной лѣстницѣ въ третій этажъ и дернула за засаленный шутокъ у неменѣе засаленной двери, на которой былъ прибитъ жестяной билетъ съ надписью: «Контора Фрезье».

Послышались грузные шаги и тяжелое дыханіе существа, по всей вѣроятности, очень толстаго.

Дверь со скрипомъ отворилась и на порогъ явилась домоправительница или, лучше, хозяйка законника, баба дѣйствительно очень колоссальная и очень усатая, — колоссальнѣе и усатѣе мадамъ Сибѣ, — оборванная, грязная, встрепанная, — настоящая вѣдьма.

— Чтѣ вамъ угодно? спросила мадамъ Соважъ, мѣряя гостью грознымъ взглядомъ.

— Мнѣ нужно видѣть мосьё Фрезье. Меня послалъ докторъ Пулень.

Т. LXXXIII. — Отд. II.

— А! войдите.

Это было сказано съ выраженіемъ, которое показывало, что докторъ Пулень уже предупредилъ законника о посѣтительницѣ.

Мадамъ Соважъ посторонилась и, отворивъ настежь дверь въ слѣдующую комнату, прибавила:

— Вотъ мосье Фрезье.

Мосье Фрезье, небольшого росту, тощій человекъ, съ красивымъ, но болѣзненнымъ лицомъ и съ преждевременною лысиною кирпичнаго цвѣту, всталъ съ соломеннаго стула и, стараясь придать дребезжащему голосу приятное выраженіе, спросилъ:

— Вѣроятно, имѣю честь видѣть мадамъ Сибѣ?

Мадамъ Сибѣ испугалась этого сладенькаго выраженія, какъ будто наступила на гладенькую, красивую змѣю.

— Точно такъ, отвѣчала она, машинально опускаясь на предложенный стулъ и пристально глядя будущему свосму повѣренному въ зеленые глаза, обрамленныя влажными красными вѣками.

— Докторъ Пулень говорилъ мнѣ о васъ, сударыня, продолжалъ законникъ, оправляя на остроугольныхъ колѣняхъ засаленный ситцевый халатъ, изъ котораго вата во многихъ мѣстахъ порывалась на свободу.

Онъ подалъ своему тѣлохранителю знакъ, чтобы вышелъ. Мадамъ Соважъ повинувалась, однако жъ дверь осталась не плотно притворенною. Фрезье всталъ, прихлопнулъ и заперъ на задвижку.

— Ну, извольте, сударыня, объяснить ваше дѣло, сказалъ онъ, снова усѣвшись противъ гостя: особа, рекомендовавшая мнѣ единственнымъ другомъ, какого я имѣю на землѣ, можетъ вполне положиться на меня... совершенно.

Мадамъ Сибѣ говорила съ полчаса и законникъ нв разу не позволилъ себѣ прервать потокъ ея рѣчи. Онъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни и склонивъ голову на сторону, и слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Когда Сибѣ замолчала и стала ждать совѣту, дѣлецъ вдругъ закашлялся и ухватился за большую чашку съ лекарственнымъ питьемъ.

— Сударыня, сказалъ онъ съ важностью, медленно осушивъ чашку, въ дѣлахъ о наслѣдствѣ прежде всего нужно знать двѣ вещи: во-первыхъ, стоитъ ли наслѣдство того, чтобы хлопотать объ немъ; во-вторыхъ, есть ли наслѣдники и кто они.

Сибѣ рассказала, что Ремоненкъ и Магусъ цѣнятъ коллекцію Понсовыхъ картинъ въ шесть сотъ тысячъ франковъ.

— А купить ли они ее по этой цѣнѣ? спросилъ дѣлецъ: вы знаете, сударыня, какая вещь картина: въ ней цѣнится или холстъ — два франка, или живопись сто тысячъ. Миѣ нужно повидаться съ этими господами. Но поговоримте о наслѣдникахъ.

И Фрезье опять принялъ положеніе слушателя.

При имени президента Камюзѣ бывшій мантскій нотаріусъ невольно пошатнулся и сдѣлалъ гримасу, которая возбудила въ болтуны недобѣрчивое вниманіе. Она попыталась прочесть что-нибудь на злобщемъ лицѣ своего повѣреннаго, но нашла, что называется, деревянную башку.

— Да, сударь, продолжала дворничиха: мой плець Понсъ доводится кузеномъ президенту Камюзѣ де-Марвилю. Опъ миѣ объ этомъ родствѣ напоминаетъ по два раза въ день. Первая жена Камюзѣ, — торговца шелковыми товарами...

Ныѣшняго пера Франціи...

— Была урожденная мамзель Понсъ, двоюродная сестра мосьѣ Понса.

— Значить, президенту опъ доводится троюроднымъ....

— Теперь, правду-то сказать, ужъ ня какимъ не доводится: они поссорились....

И мадамъ Сибѣ опять на полчаса отворила шлюзы своего неистощимаго резервуара краспорѣчія.

— А знаете ли, сударыня, замѣтилъ потомъ дѣлецъ, что вы будете имѣть дѣло съ противникомъ, который можетъ положить человѣка на плаху?

Дворничиха припрыгнула на стулѣ какъ волчокъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, сударыня, продолжалъ дѣлецъ: очень натурально, что вы не знали, что значить президентъ уголовного суда, но вамъ слѣдовало бы знать, что мосьѣ Понсъ имѣеть родоваго законнаго наслѣдника. Президентъ Камюзѣ де-Марвиль — единственный и законный наслѣдникъ вашего большаго, но опъ родня въ третьей степени, и то только по женѣ, слѣдовательно Понсъ можетъ на законномъ основаніи сдѣлать съ своимъ имѣніемъ, что ему угодно. Однако жъ вы забываете еще, что дочь президента, шесть недѣль тому назадъ, вышла замужъ за старшаго сына пера Франціи и графа Попивѣ. Черезъ эту связь съ сильнымъ человѣкомъ, съ бывшимъ министромъ, президентъ уголовного суда становится еще страшнѣй.

При словѣ уголовный судъ мадамъ Сиббъ каждый разъ вздрагивала.

— Да, прибавилъ Фреззё, уголовный судъ, вы знаете.... не шутка! а съ министромъ шутить еще хуже. Если вы видите меня теперь, разореннаго, лысаго, больнаго, такъ это только оттого что я, невзначай, неосторожно столкнулся, просто съ провинціальнымъ королевскимъ прокуроромъ. Меня принудили сдать нотаріальную контору, я лишился всего состоянія и почелъ себя еще счастливымъ, что дешево отдѣлался. Если бы я вздумалъ сопротивляться, Богъ знаетъ, куда упекил бы! А съ кѣмъ я не поладилъ? Просто съ прокуроромъ. Судите же, что могутъ сдѣлать президентъ уголовного суда и перъ, графъ, министръ!... Да еще надо вамъ знать, что пусть бы былъ одинъ президентъ, кое-какъ управился бы, — а то вѣдь у него есть жена, президентша!... Сойдитесь-ко лицомъ къ лицу съ этой женщиной, волосы дыбомъ встанутъ, задрожите, точно ступите на первую ступень эшафота!... Президентша женщина такая мстительная, что не завтра, такъ черезъ десять лѣтъ, а ужъ возьметъ свое и погубитъ, если захочетъ погубить. Она на своемъ вѣку ужъ не одного сгубила: она была причиною самоубійства одного молодого человѣка, — въ арестанской удавился, несчастный; отъ нея какъ лушь посядѣлъ одинъ графъ, котораго обвинили въ поддѣлкѣ ассигнацій; черезъ нее сослали одного изъ знатнѣйшихъ придворныхъ Карла-Десятаго; она своими интригами ссидила съ мѣста генераль-прокурора Гранвиля.... Да мало ли, что она натворила!...

Мадамъ Сиббъ едва дышала отъ страху и трепету.

— Если ей вздумается отдать насъ съ вами подъ уголовный судъ и отправить въ каторгу, продолжалъ дѣлецъ, я добуду себѣ паспортъ и улизну въ Америку, потому что я тутъ хотя и чистъ и безвиненъ, какъ только что родившійся ребенокъ, однако жъ.... вѣдь я знаю, что значитъ связываться съ правосудіемъ. Президентша не легко откажется отъ наслѣдства, особенно послѣ того какъ отдала почти все свое состояніе въ приданое за дочьерю.

— Но вѣдь они съ Понсомъ поссорились, замѣтила Сиббъ.

— Шутка вѣтъ! Тѣмъ хуже.... то есть, тѣмъ больше удовольствія доставитъ ей наслѣдство.

— Да, но мой жилецъ ненавидитъ свою родню: онъ говоритъ, что она его раздавила, уничтожила....

— Такъ вамъ хочется, чтобъ и васъ также раздавили, уничтожили?

— Сохрани, Господи! вскричала дворничиха, прыгнувъ и

завертѣвшись на стулѣ. Ахъ! прибавила она потомъ: мадамъ Фонтенъ правду говорила, что мнѣ придется преодолѣть большія препятствія.... но всё-таки я преодолѣю.

— Выслушайте, любезная мадамъ Сибб.... Вы изъ этого наслѣдства добудете себѣ тысячъ тридцать.... можетъ статься.... но о цѣломъ и не думайте лучше.... Мы съ Пуленомъ вчера уже разсуждали о вашемъ дѣлѣ....

Мадамъ Сибб опять припрыгнула.

— Что съ вами, сударыня?

— Да какъ же!... Вы уже знаете все мое дѣло, такъ зачѣмъ же заставили меня болтать какъ сороку?

— Я зналъ ваше дѣло, но я не зналъ васъ, почтеннѣйшая мадамъ Сибб. Что человекъ, то нравъ, — вы знаете.

Дворянчика устали на своего повѣреннаго глаза со всею подозрительностью и страхомъ нечистой совѣсти.

— Пулень, вы знаете, продолжалъ дѣлецъ, черезъ васъ же вошелъ въ домъ къ старуку Пильерд, которому графиня Поппинд доводится внучатною племянницей. Пулень бываетъ у него каждую недѣлю разъ и отъ него подробно знаетъ всѣ отношенія семейства Камюзд къ семейству Поппинд и къ Понсу. Самая свадьба-то состоялась, говорятъ, оттого что вашъ жилецъ хотѣлъ осрамить дочку президентши. Вся родня смотритъ на него какъ на изверга.

— Я этому нисколько не удивляюсь, отвѣчала дворянчика: онъ дѣйствительно извергъ: представьте себѣ, я вотъ уже десять лѣтъ хожу за нимъ, стерегу, берегу его, трачу свои кровныя деньги на его столъ и на его лекарство; онъ знаетъ это и, что жъ вы думаете?.... помыслилъ ли онъ хоть одинъ разъ упомануть обо мнѣ въ духовной? Какъ бы не такъ! Нѣтъ, сударь, онъ и думать не хочетъ. Да чего! пусть бы никто не напоминалъ, а то вѣдь я ужъ пыталась говорить.... не понимаешь! понять не хочетъ! Упрямъ какъ лошакъ, сударь. На дняхъ онъ только и изволилъ наконецъ сказать мнѣ, что поручить меня своему другу Шмуку, и все тутъ.

— Такъ онъ намѣренъ отказать свое имущество этому Шмуку?

— Все ему отдаетъ!...

— Послушайте, любезнѣйшая мадамъ Сибб, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ этомъ дѣлѣ и начертить опредѣленный планъ, мнѣ нужно познакомиться съ Шмукомъ; увидѣть вещи, изъ которыхъ состоитъ наслѣдство; посоветоваться съ

Жидомъ, о которомъ вы мнѣ говорили, и тогда уже я, съ вашего позволенія, буду руководить васъ.

— Хорошо, увидимъ, любезнѣйшій мосьё Фрезье, отвѣчала дворничиха, которой очевидно захотѣлось поискать другаго повѣреннаго.

— Какъ, увидимъ? вскричалъ бывший нотаріусъ обыкновеннымъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, бросивъ на гостью змѣнный взглядъ: развѣ я не повѣренный вашъ? Объяснитесь, пожалуйста.

Дворничиху обдало холодомъ: она увидѣла, что попалась волку въ когти.

— Я совершенно довѣряюсь вамъ, отвѣчала она.

— Ну, не прогибайте, за вопросъ, сударыня, продолжалъ дѣлецъ: мы, адвокаты, привыкли къ измѣнамъ нашихъ кліентовъ. Разсмотрите ваше положеніе: оно прекрасное. Если вы послѣдуете моимъ совѣтамъ въ точности, вы получите тысячу тридцать изъ этого наслѣдства: за это я могу поручиться.... Но эта прекрасная медаль имѣетъ оборотную сторону. Предположите, президентша узнаетъ, что наслѣдство ея кузена стѣнитъ около милліона и что вы хотите пожить въ имѣ.... вѣдь могутъ же найтись люди, которые сообщать ей такое свѣденіе, прибавилъ дѣлецъ въ скобкахъ.

Сибѣ затрепетала. Она догадалась, что Фрезье самъ легко приметъ на себя этотъ трудъ.

— Тогда, любезнѣйшая мадамъ Сибѣ, продолжалъ повѣренный, васъ въ десять минутъ выгонятъ изъ дому старика Пильеръ; вы лишитесь вашего мѣста.

— Велика бѣда! гордо возразила Сибѣ: я управляю хозяйствомъ моихъ жильцовъ и останусь при нихъ. Кто смѣетъ выгнать меня изъ квартиры моихъ хозяевъ, если они не захотятъ?

— Въ такомъ случаѣ, васъ, конечно, гнать не станутъ, любезнѣйшая мадамъ Сибѣ. Вамъ просто поставятъ ловушку и въ одно прекрасное утро вы проснетесь въ тюрьмѣ; взведутъ такое обвиненіе, что не оберетесь.

— Меня въ тюрьму! меня? вскричала Сибѣ: меня!.... когда я изъ чужаго денежкой не попользовалась во всю жизнь мою.... меня!...

Она говорила въ продолженіи пяти минутъ и Фрезье наблюдалъ за великою артисткой, воспѣвавшей хвалу своему безкорыстію. Онъ былъ холоденъ, насмѣшливъ и насквозь пронизывалъ дворничиху глазами, какъ двумя копьями.

— Это какимъ образомъ? за что? подъ какимъ предлогомъ? кричала дворничиха.

— Вамъ угодно знать, какимъ образомъ васъ можно укоротить немножко на гильотинѣ? насмѣшливо спросилъ дѣлецъ.

Сибѣ замертво опрокинулась на стулъ. Она уже ощущала на шеѣ холодное лезвие топора. Глаза помутнились и неподвижно уставились на повѣреннаго.

— Выслушайте меня, любезнѣйшая мадамъ Сибѣ, продолжалъ Фрезье, скрывая свое восхищеніе дѣйствіемъ, какое произвелъ на довѣрительницу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше все повиனு...! ото всего откажусь, отвѣчала дворничиха и хотѣла встать.

— Сидите, возразилъ Фрезье повелительно: вы должны знать опасность, которой подвергаетесь. Вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ и я обязанъ сказать вамъ все, что знаю. Пильерѣ васъ гонить съ мѣста, это вамъ не велика бѣда, говорите вы: вы можете остаться домоправительницей Понса и Шмука. Прекрасно. Это значитъ объявить президентшѣ открытую войну. Вы напѣрены, во что бы то ни стало, употребить ваше вліяніе на большаго и добыть, если не все наслѣдство, такъ оторвать или крыло или ножку отъ этой птицы....

Сибѣ сдѣлала движеніе.

— Я не осуждаю васъ, возразилъ дѣлецъ на это движеніе: мое дѣло не осуждать, а совѣтовать. Ваше предпріятіе такая война, въ которой можно зайти дальше чѣмъ предполагаешь... жажда побѣды замечетъ, затянетъ....

Сибѣ опять движеніемъ выразила оскорбленное достоинство.

— Полно, полно, матушка! продолжалъ Фрезье съ ужасающею вольностью: вы далеко зайдете....

— Да что жъ вы въ самомъ дѣлѣ, сударь, за воровку что ли принимаете меня? вскричала дворничиха съ яростью.

— Полноте, матушка, горячиться. Вы получили съ Шмука росписку, которая стоила вамъ очень не дорого.... Вы здѣсь на пашовѣди, милая. Не обманывайте же вашего духовника, особенно, когда духовникъ и безъ-того умѣетъ читать въ вашемъ сердцѣ.

Сибѣ ужаснулась провидательности своего повѣреннаго и получила вниманіе, съ какимъ онъ слушалъ ея рассказы.

— Вы можете положить за вѣрное, что президентша не захочетъ уступить вамъ это наслѣдство, продолжалъ законникъ: въ за вами стануть наблюдать, подстергать. Вамъ удастся попасть записчаніе Понса, въ этомъ я не сомнѣваюсь.... Но, въ одинъ прекрасный день, полиція печально явится и захватитъ какую-нибудь чашку съ пѣтьемъ и найдетъ на днѣ немножко мышьяку.

Вась и мужа вашего отдадутъ подъ уголовный судъ и приговорятъ какъ убійцъ, которые хотѣли извести стараго музыканта, чтобы поскорѣе воспользоваться наслѣдствомъ.... Я въ Версали защищала одну бѣдную женщину, которая въ такомъ дѣлѣ была столько же невинна какъ вы теперь, но дѣло именно такъ было и все, что я тогда успѣла сдѣлать для нея, состояло въ спасеніи жизни. Несчастную, вмѣсто смертной казни, сослали на двадцать лѣтъ въ каторгу.

Мадамъ Сибѣ задыхалась отъ ужасу. Ей казалось, что пальцы уже хватаютъ ее за волосы.

Повѣренный улыбнулся, она отдохнула.

— Такъ вы говорите, любезнѣйшій мосьё Фрезье, что довѣрившись вполне и руководствуясь вашими совѣтами, я могу получить долю изъ этого наслѣдства безъ опасности? спросила она потомъ съ самымъ кроткимъ выраженіемъ.

— Я отвѣчаю вамъ за тридцать-тысячъ франковъ, отвѣчалъ Фрезье съ убѣжденіемъ.

— Вы знаете, какъ я люблю почтеннаго доктора Пулена, продолжала дворничиха нѣжнымъ голосомъ: онъ послалъ меня къ вамъ за совѣтомъ и я пришла, конечно, не для-того чтобы выслушать угрозу тюрьмой и плахой....

И мадамъ Сибѣ заплакала, такъ мысль о гильотинѣ потрясла ее нервы и сдавила сердце.

Фрезье наслаждался своимъ торжествомъ. Примѣтивъ колебаніе довѣрительницы и опасность лишиться интереснаго дѣла, онъ хотѣлъ укротить, испугать, озадачить дворничиху и связать ее по рукамъ и ногамъ. Онъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ не простую наживу отъ безкорыстной мадамъ Сибѣ, а гораздо больше. Наканулъ онъ цѣлый вечеръ провелъ въ совѣщаніи съ своимъ другомъ Пуленомъ, развѣдалъ всѣ подробности и составилъ великолѣпный планъ для себя и для друга. Упустить изъ рукъ дворничиху Сибѣ значило упустить воплощенное счастье, рычагъ огромной машины, которую предстояло выдѣлать благосостоянію на цѣлую жизнь себѣ и другу.

— Успокойтесь, успокойтесь, любезнѣйшая мадамъ Сибѣ, сказалъ законникъ, взявъ дворничиху за руку.

Но его рука, холодная какъ кожа змѣи, произвела ужасное впечатлѣніе на довѣрительницу: волненіе ея вдругъ прекратилось, какъ-будто подъ гальваническимъ ударомъ. Ей показалось, что гораздо пріятнѣе дотронуться до жабы, которую мадамъ Фонтенъ называла Астаротомъ.

— Не подумайте, чтобы я напрасно пугалъ васъ, продолжалъ Фрезье: правосудіе такъ же какъ и медицина имѣетъ свои жертвы. Въ одномъ случаѣ челоуѣкъ умираетъ для науки, въ другомъ для общества. Я обязанъ былъ предупредить васъ насчетъ возможной опасности, тѣмъ болѣе что я самъ разоренъ правосудіемъ. Моя опытность дорого стоила мнѣ. Она вся къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, право, нѣтъ.... благодарю васъ, отвѣчала Сибб: я ото всего отказываюсь... Я лучше хочу быть жертвою неблагодарности чѣмъ жертвою правосудія. Пусть мнѣ выдадутъ только мои собствѣнные деньги, которыя я потратила. Я тридцать лѣтъ честно служила чужимъ людямъ, сударь. Обо мнѣ никто не смѣетъ сказать, что я поживилась незаконнымъ добромъ. Понсъ сказалъ, что поручить меня своему другу Шмуку. Ну, и хорошо. Я доживу мой вѣкъ у этого добраго Нѣмца.

Дѣлецъ загналъ свою довѣрительницу дальше чѣмъ хотѣлъ и принужденъ былъ поскорѣ стерѣть неприятое впечатлѣніе, которое произвелъ на нее.

— Полноте, любезнѣйшая мадамъ Сибб, не отчаявайтесь, сказалъ онъ: ступайте себѣ спокойно домой. Мы ужъ обдѣлаемъ ваше дѣло.

— Чтò же вы мнѣ присовѣтуете дѣлать, чтобы получить долю наслѣдства.... безъ....

— Безъ укора совѣсти? перебилъ Фрезье: вотъ на этотъ-то конецъ вѣдъ и избобрѣтены повѣренныя, знающіе толкъ въ законахъ. Довѣрившись мнѣ, вы можете быть спокойны. Все обдѣляется безъ малѣйшаго отступленія отъ законнаго порядка. Законный порядокъ въ такомъ дѣлѣ важнѣе всего. Ужъ обдѣлаемъ, будьте совершенно спокойны. Только не забудьте доставить мнѣ свиданіе съ Ремонеткомъ и съ тѣмъ Жидомъ; да, если у Понса нѣтъ своего нотаріуса, такъ постарайтесь внушить ему, чтобы онъ взялъ Тромбона: онъ мнѣ хорошій пріятель.

— Понимаю, постараюсь.

— Ну, до свиданія, любезнѣйшая мадамъ Сибб. Положитесь на меня. Если я челоуѣку врагъ, такъ ужъ врагъ; если другъ, такъ ужъ другъ. Вотъ у меня какой нравъ.

— Прощайте, любезнѣйшій москò Фрезье; прощайте; дай Богъ вамъ здоровья.

Уходя дворничиха услышала шерохъ женскаго платья и тяжелую поступь, которой напрасно старалась придать быстроту и легкость.

Мадамъ Слббъ была совершенно поработана вліяніемъ законника, покуда находилась у него въ квартирѣ, такъ, что и умъ у нея отказывался отъ работы, и легкія дышали не свободно. Она тогда только пришла въ себя, когда поверотила въ другую улицу, хотя и тутъ ей не переставали мерещиться уголовный судъ и гильотина.

— Да что же въ самомъ дѣлѣ! сказала она себѣ: развѣ мнѣ такая нужда въ ихъ помощи?... развѣ я не могу сама себѣ добыть кое-что?...

И тутъ вдругъ созрѣла мысль, которая давно уже ворочалась въ умѣ дворничихи, — сложный, злодѣйскій планъ, котораго исполненіе ускорило смерть бѣднаго музыканта, какъ мы увидимъ далѣе.

— Ну, что любезный москѣ Шмукъ, каковъ вашъ больной? спросила дворничиха, воротившись домой.

— Плохъ, отвѣчалъ Нѣмецъ: всю ночь пробредилъ.

— Что же онъ говорилъ?

— Разумѣется, глупости. Хотѣлъ, чтобы я наслѣдовалъ все имущество, съ условіемъ — ничего не продавать.... Со слезами просилъ, чтобы я ничего не продавалъ.... бѣдный мой Понсъ!... Я самъ тоже плакалъ.... сердце сжимается, глядя на него.

— Ну, еще поправится, не бойтесь, добрый мой москѣ Шмукъ. Я долго заставила васъ прождать завтрака.... ужъ девять часовъ... Но не сердитесь, пожалуйста. Ваши же дѣла задержали. Денегъ нужно было добыть....

— Какъ же вы достали?

— А тѣтка-то на что?

— Какая тѣтка?

— Ахъ, какъ это мило! какая невнимательность! какая простота! Да вы изъ дѣтей-то ребенокъ, дорогой мой москѣ Шмукъ!... Вы двадцать-девять лѣтъ живете въ Парижѣ и не знаете Монъ-Піетѣ, не знаете заведенія для залога громоздкихъ движимостей, — заведенія, гдѣ берутъ подъ залогъ посуду, мебель, одежду, все, что вамъ угодно?... Да я тамъ уже половину моего добра заложила.... Я только не хочу, чтобы нашъ голубчикъ Понсъ зналъ объ этомъ.... Онъ такъ раздражителенъ, это его встревожить. Прежде всего нужно спасти его, а потомъ ужъ поправимся какъ-нибудь....

— Добрая женщина! удивительное сердце! вскричалъ бѣдный Нѣмецъ, съ чувствомъ прижимая руку дворничихи къ своей груди.

Удивительное сердце возвело глаза къ небу и глаза прослезнились.

Нѣмецъ рѣшительно заплакалъ.

— Вы жертвуете собою, вы разоряетесь для насъ! продолжалъ онъ: а между-тѣмъ мы не спасемъ Понса... и поблагодарить васъ никому будетъ: я чувствую, что я не переживу моего Понса... его смерть убьетъ меня.

— Полноте, папà Шмукъ! какъ вамъ не грѣхъ говорить такія вещи? Если вы такъ станете продолжать, станете горевать да отчаяваться, у меня на рукахъ скоро будетъ двое больныхъ вмѣсто одного. Дайте мнѣ только волю и слушайте моихъ совѣтовъ, тогда увидите, что все пойдетъ хорошо. Послушайте-ка, чтò я вамъ скажу. По моему малому разуму, вамъ теперь нельзя больше ходить по городу, давать уроки: это утомляетъ васъ, такъ, что вы дома ни на чтò не годны, а мы должны разделить трудъ: Понсу съ каждымъ днемъ почти становится хуже; по ночамъ нельзя уже отходить отъ него, — нужно стеречь. Я сегодня же пойду, обойду всѣ ваши мѣста и скажу, что вы не можете бывать, пока вашъ другъ не выздоровѣетъ и пока вы сами не поправитесь, потому что и вы вѣдь больны, не правда ли?... А потомъ мы съ вами такъ устроимъ что вы будете сидѣть ночь у нашего бѣдняжки больного, а съ утра, часовъ съ пяти, будете спать хоть до двухъ пополудни. Я приму на себя, разумѣется, то, чтò потрудище: я буду смотрѣть за нимъ впродолженіи дня и буду исправлять всѣ дѣла по хозяйству. Если же мнѣ придется и днемъ-то работать, — вамъ готовить завтракъ и обѣдъ, за больнымъ ходить, понтъ его лекарствомъ, да за домомъ смотрѣть, — да и ночь-то тоже опять не спать, такъ я и десяти дней теперь не выдержу. Чтò же будетъ съ вами, когда я я слягу? Вѣдь вы посмотрите-ка на себя, на чтò вы похожи... только одну ночь не спали....

Она подвела Шмука къ зеркалу и Нѣмецъ нашелъ въ себѣ значительную перемѣну.

— Если вы согласны, что я говорю дѣло, продолжала Сибò, такъ посидите еще часовъ до двухъ у больного, я схожу на ваши мѣста и вы будете свободны на двѣ недѣли. Я какъ-разъ обдѣлаю это, потомъ ворочусь и вы отдохнете до вечера....

Предложеніе было такое благоразумное, что Шмукъ безпрекословно согласился.

— Только, смотрите же, ни слова Понсу: вы знаете, какъ онъ встревожится, когда узнаетъ, что его дѣла оставились.

Онъ теперь, разумѣется, не способенъ разсудить, что ваши силы могутъ истощиться, что вы не можете долѣе работать за двоихъ и сверхъ-того сидѣть почи у его постели.

— Да, вы правы, я совершенно изнемогаю....

Мадамъ Сиббъ подала Шмуку завтракъ, потомъ вырядилась по-праздничному, чтобы достойнымъ образомъ явиться представительницею «клевшей», съѣла въ фіакръ и отправилась во всѣ пансіоны и частные дома, гдѣ два музыканта давали уроки. Не нужно описывать церемоніи, съ какими она входила и выходила во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Довольно сказать, что она обобрала всѣ деньги, какія музыкантамъ слѣдовало получить. Сверхъ-того, директоръ театра приказалъ своему кассиру выдать ей на имя капельмейстера Понса тысячу франковъ, въ видѣ награжденія. Весь этотъ сборъ мадамъ Сиббъ утаила въ надеждѣ довести хозяйство даже въ случаѣ выздоровленія Понса до того, что необходимо будетъ продать нѣсколько картинъ Жиду Магусу и барышнику Ремоненку. Чтобы выполнить этотъ планъ, нужно было усмирить страшнаго повѣреннаго, Фрезье, и приобрести полную довѣренность Жида и Овернца. Увлечь Ремоненка было не трудно: Овернецъ почти столько же мечталъ объ обладаніи массивными прелестями мадамъ Сиббъ, сколько о магазинѣ на бульварѣ, — столько, что эта мечта обратилась у него въ незаглушимую страсть, — столько, что онъ съ глубокою ненавистью смотрѣлъ на стараго дворника-нортнаго, какъ на единственную преграду своему счастью. Мадамъ Сиббъ не могла не видѣть этой страсти, потому что Овернецъ недумалъ скрываться, а у людей такого класса даже тонкіе намеки достаточно бросаются въ глаза.

— Ну, что, несравненная мадамъ Сиббъ, каково идутъ дѣла? спросилъ Ремоненкъ, выходя изъ своей лавки, когда дворничиха воротилась изъ путешествія вокругъ ненеионовъ.

— Хорошо, отвѣчала она, входя въ лавку: но только вы, почтеннѣйшій мосѣ Ремоненкъ, тревожите меня. Сосѣди наконецъ вѣдь могутъ примѣтить, какъ вы вѣчно тарашите на меня глаза.... словно тарелки!... Будьте, пожалуйста, по-осторожнѣе.

— Вотъ еще!... На вашемъ мѣстѣ, обожаемая мадамъ Сиббъ, я бы наплевалъ на всѣхъ: пусть примѣчаютъ и говорятъ, что хотятъ....

— Ну, оставьте, оставьте это, Ремоненкъ; послушайте лучше, что я вамъ скажу. Понсовы наследники начинаютъ пошевеливаться. Они намъ могутъ помѣшать. Богъ знаетъ, что выйдетъ, если они нашьютъ къ намъ повѣренныхъ да полицейскихъ чи-

новиковъ.... Я только въ такомъ случаѣ могу уговорить Шмука продать нѣсколько картинъ, когда вы мнѣ покланяетесь сохранить это въ тайнѣ.... да въ такой тайнѣ, чтобы на плахѣ, подъ топоромъ не сказать, ни откуда эти картины, ни кто ихъ продалъ.

— О! что касается до меня, никто ничего не узнаетъ. Но Магусъ захочетъ получить правильную квитанцію: иначе онъ не согласится купить.

— Квитанцію-то и вамъ тоже выдадутъ, не беспокойтесь: Шмукъ выдастъ квитанцію, но только вы должны молчать, да и Магусъ тоже. Вы оба должны дать мнѣ слово.

— Я и за него поручусь: мы будемъ нѣмы какъ рыбы.... Да вотъ и Магусъ, кетати....

— Ну, что, мадамъ Сибъ? спросилъ Магусъ, который почти черезъ день приходилъ узнавать, когда ему можно будетъ купить картины: скоро ли наше дѣло обдѣляется?

— А вы никого не видали, кто бы говорилъ вамъ о Повсѣ и его старомъ хламѣ?

— Я получилъ письмо отъ какого-то адвоката, отвѣчалъ Жидъ, но мнѣ показалось, что это какой-нибудь голодный молодецъ, который ищетъ, гдѣ бы что сорвать, и я не разсудилъ отвѣчать. Для черезъ три потомъ онъ приходилъ самъ и оставилъ карточку, но я сказалъ моему слугѣ, что для этого господина меня никогда не будетъ дома.

— И прекрасно! Вы мудры какъ Соломонъ, мосьё Магусъ. Погодите еще нѣсколько дней, я уговорю Шмука продать семь или восемь картинъ.... или десять, но ужъ ни какъ не больше. Только главное, вотъ что: смотрите, чтобы никто не зналъ, что я въ это дѣло мѣшаюсь: за вами послалъ Шмукъ, представилъ и привелъ васъ мосьё Ремоненкъ. Вы дадите сорокъ-шесть-тысячъ франковъ за четыре картины?

— Сорокъ-шесть!... Ну, пожалуй, дамъ! отвѣчалъ Жидъ со вздохомъ.

— Хорошо. Сорокъ-три-тысячи вы отдадите мнѣ, а въ трехъ-тысячахъ возьмете росписку съ Шмука. Ремоненкъ тоже купить картины четыре и возьметъ росписку въ двухъ тысячахъ, а остальное также отдастъ мнѣ. Вамъ обонимъ вещи-то всё-таки достанутся за безцѣнокъ, я знаю: такъ падо же и мнѣ что-нибудь за хлопоты. Да и сверхъ-того я доставляю вамъ случай сдѣлать выгодную спекуляцію: вы можете всю коллекцію приобрести. Я вамъ приведу этого адвоката, или онъ и самъ придетъ

сюда. Вы оцѣните все, что здѣсь есть, и скажете объ этомъ адвокату. Только нужно, чтобы онъ узналъ цѣну не прежде заключенія нашей продажи.

— Понимаю, отвѣчалъ Жидъ: но чтобы все оцѣнить, нужно время.... нужно все рассмотретьъ.

— Я вамъ дамъ полдня времени. Послѣ-завтра мы дѣло кончимъ. Я пойду къ Фрезье: нужно успокоить его. Онъ черезъ доктора Пулена все знаетъ, что здѣсь дѣлается....

На половинѣ дороги дворничиха встрѣтила Фрезье.

— А я къ вамъ! сказала она.

Фрезье жаловался, что не нашелъ доступу у Магуса, но дворничиха успокоила пробуждавшуюся подозрительность законника, объяснивъ, что Жидъ только что воротился изъ путешествія и потому, вѣроятно, его трудно застать въ благопріятномъ расположеніи къ посѣтителямъ. Наконецъ она черезъ три дня обѣщала доставить ему свиданіе.

— Дѣйствуйте со мною откровенно, замѣтилъ между-прочимъ Фрезье: очень вѣроятно, что я буду повѣреннымъ въ дѣлахъ наследниковъ Понса, и въ этомъ положеніи, конечно, лучше всего могу услужить вамъ.

Это было сказано такъ сухо, что Сибѣ затрепетала.

Законникъ, очевидно, маневрировалъ съ своей стороны, точно такъ же какъ она съ своей. Она рѣшилась поспѣшить продажей картинъ.

Фрезье дѣйствительно не рассчитывалъ быть только повѣреннымъ дворничихи. Онъ при пособіи доктора Пулена и въ счетъ будущихъ благъ заказалъ себѣ новое платье и только портной былъ виноватъ, что адвокатъ еще не могъ представиться президентшѣ Камюзѣ де-Марвилъ.

Простившись съ Сибѣ, Фрезье отправился къ портному и, къ великой радости, нашелъ платье готовымъ.

Фрезье у себя дома, въ томъ видѣ, какъ его застала Сибѣ, походилъ на грубый ножъ или топоръ нишаго-разбойника, а въ новомъ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ новомъ парикѣ и въ желтыхъ перчаткахъ, походилъ на изящный кнжаль въ великолѣпныхъ ножнахъ или въ дамскомъ зонтикѣ.

Президентша съ перваго взгляду узнала въ немъ законовѣдца.

— Сударыня, началъ Фрезье, если я осмѣлился обратиться къ вамъ по дѣлу, которое касается собственно до господина президента, то это только по убѣжденію, что господинъ де-Марвилъ, занятый своими важными обязанностями, можетъ оставить это

дѣло въ небреженіи и лишиться семи или осьмисотъ-тысячъ франковъ, которыми дамы часто лучше знаютъ цѣну нежели мужчины.

— Вы говорите о какомъ-то наслѣдствѣ? перебила президентша.

Фрезье предупредилъ ее запиской, что имѣеть сообщить очень важныя свѣдѣнія касательно нѣкотораго наслѣдства и, конечно, не сказалъ отъ кого, а президентша, ослѣпленная огромною суммой, хотѣла скрыть свое изумленіе, свое счастье, и подражала нетерпѣливымъ читателямъ, которые спѣшатъ заглянуть въ конецъ романа, чтобы скорѣе увидѣть развязку.

— Да, сударыня, о наслѣдствѣ, которое могло бы совершенно погибнуть для васъ, по которое я берусь доставить вамъ....

— Говорите, сударь, холодно сказала президентша, устремивъ на законника проникательный взоръ.

— Прежде всего, сударыня, вамъ, конечно, нужно знать, кто я. Я изъ Манты. Президентъ тамошняго суда, Лебёа, бывший товарищъ и другъ господина де-Марвиля, можетъ сообщить вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія обо мнѣ....

Камюзё де-Марвиль, до перемѣщенія въ Парижъ, лѣтъ пять былъ президентомъ суда въ Мانتѣ и не только оставилъ тамъ память по себѣ, но сохранилъ и связи. Рекомендаціи Лебёа Фрезье не боялся, потому что пользовался его благорасположеніемъ и даже удержался бы на мѣстѣ, если бы это зависѣло отъ одвого президента.

— Я былъ адвокатомъ въ Мانتѣ, продолжалъ Фрезье: контора моя составляла все мое имущество. И того я лишился, потому что имѣлъ несчастіе не понравиться королевскому прокурору, или, лучше сказать, его сыну, который нашелъ во мнѣ соперника у нѣкоторой вдовы.... Я не хочу утомлять васъ подробностями.... Однимъ словомъ, меня выжили, придравшись, разумѣется, совѣтъ съ другой стороны. Открыли, что я, въ одной тяжбѣ, дѣйствовалъ вмѣстѣ и за истца и за отвѣтчика. Въ нашемъ несчастномъ ремеслѣ это бываетъ.... Иногда вѣдь случается такъ, что и радъ бы не согрѣшить, да не можешь удержаться.... Люди неблагодарны: мой же клиентъ, которому я выигралъ дѣло, измѣнилъ мнѣ. Меня очернили хуже Богъ знаетъ чего. Я долженъ былъ выѣхать изъ Манты и лишиться всякихъ средствъ къ пропитанію. Въ Парижѣ я не могъ найти мѣста патентованнаго адвоката и занимаюсь покуда только дѣлами по частной довѣренности. Но и по этой части кліенты у меня мелкіе, а здоровье

такое разстроенное, что я изъ двадцати-четырёхъ часовъ въ сут-ки только два могу работать. Самое задушевное мое желаніе очень ограниченное. Вы, сударыня, современемъ будете называться супругою канцлера, или перваго президента, или министра юстиціи. Я человѣкъ мелкій: я желаю только пайти скромное мѣстечко, гдѣ бы можно было спокойно дожить вѣкъ. Мнѣ бы хотѣлось быть мирнымъ судьей въ Парижѣ. Вамъ и господину президенту бездѣлны стѣнитъ опредѣлить меня.... Это еще не все, сударыня, поспѣшно прибавилъ адвокатъ, примѣтивъ, что президентша собирается отвѣчать: у меня есть другъ, докторъ того старика, послѣ котораго господину президенту слѣдуетъ получить наслѣдство. Содѣйствіе этого доктора по этому наслѣдству чрезвычайно важно, а онъ между-тѣмъ находится почти въ такомъ же положеніи какъ и я: есть способности, да средствъ нѣтъ. Черезъ него-то я и узналъ, что это наслѣдство можетъ миновать господина президента, потому что есть люди, которые хлопчуть о завѣщаніи.... можетъ-быть, это завѣщаніе уже и сдѣлано.... Мой другъ, докторъ, желаетъ получить мѣсто главнаго доктора въ какомъ-нибудь госпиталѣ, однимъ словомъ, ему нужно положеніе въ Парижѣ, такъ же какъ и мнѣ. Онъ, впрочемъ, человѣкъ съ большими познаніями: онъ спасъ господина Пильеро, двоюроднаго дѣда вашего зятя, виконта Поппио..... Извините, что я васъ занимаю вещами, которыя, со стороны глядя, какъ-будто не касаются до наслѣдства, но..... если вы обѣщаете доставить мѣсто мнѣ и моему другу, я обязываюсь доставить вамъ наслѣдство почти неприкосновенное. Я говорю почти неприкосновенное, потому что нѣсколько нужно будетъ уступить волѣ завѣщателя въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ содѣйствіе намъ совершенно необходимо. Ваши обѣщанія, разумѣется, вы исполните тогда, когда мои будутъ исполнены.

Президентша, которая подъ конецъ рѣчи скрестила руки и начала обнаруживать нетерпѣніе, перемѣнила положеніе и сказала:

— Милостивый государь, вы выражаетесь удивительно ясно во всемъ, что касается до васъ и вашего друга, что жъ до меня.....

— Двухъ словъ будетъ достаточно, сударыня, чтобы уничтожить всякую неясность. Вашъ супругъ—единственный родственникъ въ третьей степени канцельмейстеру Понсу. Мосье Понсъ трудно болѣвъ и готовится составить завѣщаніе, — если еще не оставилъ,—въ пользу своего друга, нѣкотораго Нѣнца, но име-

ни Шмука, и сумма цѣнности наслѣдства составляетъ семь или осемьсотъ тысячъ франковъ, если не болѣе. Для черезъ три и надѣюсь получить совершенно точное свѣдѣнiе насчетъ этой цѣнности.....

— Глупо же я сдѣлала, что поссорилась съ моимъ блюдоливомъ, подумала президентша, вспомнивъ, что и Бруннеръ называлъ Понса богачемъ.

— Вы понимаете, сударыня, что подобное дѣло не обойдется безъ нѣкоторыхъ темныхъ и даже неможно грязныхъ интригъ, ни безъ столкновения съ чернымъ народомъ, такъ, что ни вамъ, ни господину президенту не прилично было бы входить самнчъ. Это можетъ обработать только такой бѣдный человекъ какъ я. Если вы окажете мнѣ свое милостивое покровительство, я....

— Вы увѣрены, что Лебѣвъ хорошо отзовется о васъ? спросила президентша.

— Совершенно увѣренъ, сударыня; тѣмъ болѣе, что ни моего личнаго врага, ни отца его уже нѣтъ въ Мавтѣ.

— Ну, хорошо, если наслѣдство столько стѣнтъ, — въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь, — такъ я общаю опредѣлить васъ и вашего друга, — въ случаѣ успѣха, разумѣется.

— За успѣхъ я ручаюсь. Вы только потрудитесь дать мнѣ формальную довѣренность и приказать вашему нотаріусу слѣдовать въ этомъ дѣлѣ всѣмъ моимъ указаніямъ.

— Да, это нужно, потому что вы одинъ за все отвѣчаете. Но развѣ нашъ кузень-Понсъ въ самомъ дѣлѣ трудно болѣнъ?

— Очень трудно, сударыня. Докторъ Пуленъ человекъ дотого совѣстливый, что совершенно способенъ спасти его во вредъ себѣ, но тутъ есть женщина, домоправительница, дворничиха, которая вовсе не столько человеколюбива: тысячь за тридцать она вгонитъ Понса въ гробъ.... Не безпокойтесь, она не отравитъ его и не зарѣжетъ: она просто надобѣсть ему, замучаетъ досадными мелочами, — для него, страждущаго желтухой и болью въ печени, самое убійственное — раздраженіе, то есть, именно то, кчему онъ всего болѣе расположенъ.

— Но, стало-быть, эта женщина — мегера, чудовище! сказала президентша такимъ голосомъ, въ которомъ Фрезье узналъ свое, родное, и улыбнулся.

Голосъ ся былъ въ эту минуту такой же вѣжливый какъ и у него самого, когда онъ говорилъ вѣжливымъ голосомъ. Онъ вспомнилъ о героѣ повѣсти, которую когда-то читалъ, — о судѣ, который, будучи обладателемъ жены въ родѣ Сократовой, не обла-

дая однако жъ философією этого мудреца; накормилъ своихъ лошадей соевымъ сѣномъ; не далъ пить и потомъ, когда они понесли жену въ рѣку и утопили, благодарилъ Провидѣніе, что оно избавило его отъ злой бабы такимъ естественнымъ образомъ. Фрезье видѣлъ, что и президентша въ душѣ очень рада видѣть своего кузена въ рукахъ жевщины, отъ которой онъ умретъ естественною смертію.

— Къ-сожалѣнію, мы въ ссорѣ съ кузеномъ, сказала она: но вашъ другъ долженъ бы объяснить своему больному.... прогнать эту женщину.....

— Во-первыхъ, сударыня, Шмукъ и Понсъ совершенно увѣрены, что мадамъ Сибб—ангелъ, и скорѣе прогонятъ моего друга; во-вторыхъ, докторъ Пуленъ много обязанъ ей: она доставила ему много мѣстъ и въ-особенности мѣсто у Пильерд. Онъ совѣтуетъ ей быть какъ-можно осторожнѣе съ больнымъ, но всѣ его совѣты только указываютъ этой коварной женщинѣ средства къ усилению болѣзни.

— Чтѣ же вашъ другъ думаетъ о нынѣшнемъ состояніи моего кузена?

— Недѣль черезъ семь можно будетъ вскрыть завѣщаніе, отъвѣчалъ довѣренный.

Президентша потупила глаза, такъ мѣтко Фрезье попалъ на ея мысль.

— Бѣдняжка! сказала она, напрасно старалась придать лицу печальное выраженіе.

— Какое чудо! говорила себѣ президентша, когда повѣренный ушелъ съ обѣщаніемъ черезъ три дня доставить точное свѣдѣніе о цѣнности наслѣдства: мы снова будемъ богаты! мой мужъ будетъ депутатомъ!

Камюзд де-Марвилъ, отдавъ за дочерью все свое имѣніе, такъ, что не сохранилъ ни какихъ доходовъ кромѣ жалованья по должности, принужденъ былъ отказаться отъ надежды попасть въ депутаты. Съ полученіемъ наслѣдства препятствіе уничтожилось и сверхъ-того Фрезье, будучи поставленъ въ мирные судьи, могъ служить превосходнымъ орудіемъ для завоеванія избирателей цѣлаго округа. Это мадамъ де-Марвилъ тотчасъ сообразила.

— Какое чудо! какой быстрый успѣхъ! говорилъ въ то же время Фрезье, сходя съ лѣстницы: и какая тонкая, ловкая баба мадамъ Камюзд!.... Вотъ бы мнѣ такую жену!....

Черезъ три дня потомъ Понсъ опять озлился, — какъ говорила мадамъ Сибб, — и озлился такъ, ни изъ чего: она только раска-

зала несчастному капельмейстеру, что директоръ театра поставилъ на его мѣсто другаго,—притомъ такого человѣка, котораго онъ, Понсъ, не хотѣлъ принять даже флейтистомъ въ оркестръ. Мысль, что его отставили отъ должности, такъ поразила бѣдняка, что онъ чуть не умеръ на мѣстѣ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Шмуку могло прійти въ голову отказаться за него отъ этого мѣста. Онъ выходилъ изъ себя, кричалъ, бѣсновался. Тогда Сибб опять вдругъ ударилась въ вѣжности и стала унимать и усовѣщивать раздражительнаго больнаго.

— Если мой добрый другъ рѣшился на такую мѣру, говоритъ потомъ съ уныніемъ Понсъ, значитъ, мое положеніе хуже нежели я думалъ.... Значитъ, я долженъ проститься съ моими картинами, со всѣмъ, что мнѣ дорого, прибавилъ онъ обводя тоскливымъ взоромъ окружавшія его художественныя произведенія: со всѣмъ, и даже съ несравненнымъ моимъ Шмукомъ.... о! неужели это правда!

Безчеловѣчная комедіянтка Сибб закрыла глаза концомъ передника. Этотъ вѣмой отвѣтъ повергъ больнаго въ мрачную думу. Видя, что больной уже не въ состояніи разгорячиться, Сибб сказала:

— Для пользы вашего друга вамъ бы слѣдовало теперь послать за нотариусомъ нашего квартала.... Мосё Троньонъ хорошій, честный человѣкъ.

— Вы все твердите мнѣ объ этомъ Троньонѣ! возразилъ больной съ досадою.

— А мнѣ-то что! Мнѣ всё-равно, онъ или другой кто запишетъ то, что вы мнѣ дадите, сказала дворничиха, презрительно пожавъ плечами.

Наступило молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Шмукъ, который выпался и намѣревался вступить въ отправленіе обязанностей сидѣлки на ночь. Шмукъ издали смотрѣлъ на Понса, не говоря ни слова, потому что Сибб сдѣлала ему знакъ, чтобы не шумѣлъ. Потомъ она подошла и шепотомъ сказала:

— Слава Богу, онъ заснулъ. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ опять озлился.... ужасъ! Но что дѣлать, такая ужъ болѣзнь!....

— Нѣтъ, я совсѣмъ не сплю, сказалъ Понсъ слабымъ голосомъ, въ которомъ выражалось все его истощеніе: какъ же мнѣ было не горячиться.... вообрази, Шмукъ, она ходила въ театръ... лишила меня мѣста....

У него не стало силъ продолжать. Сибб воспользовалась вре-

моясь и знакомъ изобразила Шмуку голову, въ которой умъ за разумъ заходитъ.

— Не спорьте съ нимъ, это убьетъ его.

— И она утверждаетъ, что ты послалъ ее! прибавилъ Попсъ.

— Это правда, мужественно отвѣчалъ Шмукъ: такъ слѣдовало поступить. Молчи, ради Бога.... Дай намъ только спасти тебя!... Полно тебѣ работать.... Глупо истощать силы на старости, когда имѣешь сокровища.... Вотъ, поправившись, мы продадимъ что-нибудь изъ твоей коллекціи и спокойно доживемъ вѣкъ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ съ мадамъ Сибб.... Она у насъ такая хорошая хозяйка!....

— Она испортила тебя, Шмукъ! возразилъ Попсъ съ прискорбiемъ,

Большой думалъ, что она ушла, а она только встала за изголовьемъ, такъ, что могла подавать Шмуку знаки.

— Она убиваетъ меня! прибавилъ Попсъ.

— Какъ! я убиваю васъ? вскричала Сибб, выскочивъ изъ за-сады и устремивъ на несчастнаго сверкающіе отъ гнѣву глаза: я убиваю васъ!.... Такъ вотъ награда за собачью вѣрность!.... Господи, Боже мой, до чего я дожила!....

Она залилась слезами и обрушилась на кресло. Это трагическое движеніе проявило еще одинъ гибельный поворотъ въ крови Понса.

— Хорошо же, сударь! сказала она потомъ, вскочивъ: я не желаю больше вредить вашему здоровью, ухаживая за вами день и ночь какъ купленная раба какая-нибудь.... Мнѣ мое собственное здоровье тоже чего-нибудь да стоить. Прощайте, возьмите себѣ сидѣлку!....

Друзья съ ужасомъ переглянулись.

— Да! можете попросить доктора Пулена, чтобы съислалъ вамъ сидѣлку. А мы съ вами посчитаемся немножко. Вы изволите отдать мнѣ деньги, которыя я здѣсь потратила и которыхъ никогда не думала требовать.... Я еще недавно заняла пять-сотъ франковъ у мосьё Пиллерд....

— Это его болѣзнь! сказалъ Шмукъ съ умоляющимъ видомъ, стараясь унять раздраженную дворничиху: будьтенисходительны, простите....

— Вы.... о, вы ангель! Я готова цѣловать слѣды ногъ вашихъ. Но мосьё Попсъ никогда не любилъ меня, всегда ненавидѣлъ.... Притомъ онъ, пожалуй, подумаетъ, что я хочу попасть къ нему въ завѣщаніе....

— Молните, ради Бога! вы убьете его....

— Прощайте, сударь, продолжала Сибб, снова обращаясь къ Понсу: будьте здоровы. Я вамъ зла не желаю за вашу злость ко мнѣ. Когда вы одумаетесь и найдете, что я вамъ нужна и полезна, можете прислать за мною: я приѣду. Но до тѣхъ-поръ я остаюсь дома.... Нѣтъ, нѣтъ, мосьё Шмукъ, я слышать ничего не хочу.... Вамъ я буду приносить вашу обѣду, вамъ я буду служить, но для вашего друга возьмите сидѣлку; попросите доктора Пулева, онъ вамъ доставитъ.

Она вышла и такъ хлопнула дверью, что все въ комнатѣ холодно заходило: нѣкоторыя дорегія фарфоровыя вещицы съ звономъ застучали одна о другую. Это для больного, въ пытку его, было то же, что послѣдній смертельный ударъ въ колесованіи.

Черезъ часъ потомъ Сибб, не входя къ больному, немощно отворила дверь и сивозъ щель сказала Шмуку, что обѣдъ ждетъ его въ столовой. Бѣдный Нѣмецъ вышелъ блѣдный, со слезами на глазахъ.

— Мой бѣдный Понсъ бредитъ, сказалъ онъ: онъ утверждаетъ, что вы мошенница, любезная мадамъ Сибб.... Что жъ дѣлать! Это его болѣзнь! прибавилъ онъ, чтобы умилостивить дворничку, не обвиняя Понса.

— Ну, ужъ съ меня довольно его болѣзни! отвѣчала дворничиха: онъ мнѣ вѣдь не отецъ, не мать, не мужъ, не братъ и не сынъ. Онъ на меня взѣлся, ну, и ладно, довольно! Я навязываться не стану! Для васъ, мосьё Шмукъ, я готова на все.... Съ вами я пойду на край свѣта. Но.... когда жертвуешь своею жизнью, своимъ здоровьемъ, всемъ своимъ имуществомъ.... когда покидаешь своего мужа, когда Сибб у меня захворалъ и когда послѣ всего этого называютъ мошенницей.... то это ужъ черезъ-чуръ крѣпкій кофе?

— Кофе?

— Да, кофе. Но оставимъ остроты. Обратимся къ положительному. Во первыхъ, вы должны мнѣ за три мѣсяца по сто-девяносто франковъ. Это составитъ пятьсотъ-семьдесятъ. Потомъ за квартиру два раза платила, — шестьсотъ франковъ: это тысяча-двѣсти, безъ малаго. Потомъ двѣ-тысячи, которыя вамъ даны на вексель безъ процентовъ, какъ вы знаете. Всего, стало-быть, три-тысячи-сто-девяносто-два франка. Потомъ вы должны подумать, что вамъ нужно имѣть въ запасъ тысячи двѣ, — на сидѣлку, на доктора, на лекарство, на прокормленіе сидѣлки.... Вотъ, для чего я заняла у мосьё Пильерд тысячу франковъ, прибавилъ

она, показывая деньги, которые получила отъ директора театра.

Шмукъ выслушалъ этотъ счетъ съ остоумбѣннѣемъ, которое очень понятно, потому что онъ въ финансахъ смыслилъ столько же, сколько кошка въ музыкѣ.

— Милая мадамъ Сибѣ! сказалъ онъ съ умоляющимъ видомъ: Понсъ вѣдь не въ своемъ умѣ! Простите ему! Не покидайте насъ.... Чтѣ мы безъ васъ станемъ дѣлать?.... Вѣдь мы совсѣмъ пропадемъ!....

И Нѣмецъ чуть не упалъ на колѣни передъ дворничихой.

— Выслушайте меня, любезный мой носѣ Шмукъ, продолжала она: Сибѣ у меня заболѣлъ и слегъ. Я послала за Пуленомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ нужно привести дѣла въ порядокъ. Притомъ, Сибѣ, увидѣвши, что я пришла съ заплаканнымъ лицомъ, такъ взбѣсился, что не хочетъ, чтобы нога моя здѣсь была.... Онъ требуетъ своихъ денегъ. Это я его деньги издержала на васъ.... его деньги, которые онъ накопилъ въ двадцать-шесть лѣтъ, съ величайшими лишеніями и трудами въ потѣ лица. Мы должны завтра же представить ему эти деньги: тутъ нечего разсуждать. Вы еще не знаете Сибѣ: когда озлится, такъ онъ готовъ убить человѣка. Когда мы отдадимъ ему деньги, я успѣю, можетъ-быть, уговорить его, такъ, что онъ позволитъ мнѣ продолжать ходить за вами и за Понсомъ. Будьте спокойны, я буду кладнокровно слушать все, чтѣ ему взбрѣдетъ въ голову. Я выдержу эту пытку изъ любви къ вамъ, носѣ Шмукъ, потому что вы ангель....

— Нѣтъ, я бѣдный грѣшный человѣкъ. Я только люблю моего друга и отдалъ бы жизнь, чтобы спасти его....

— А съ деньгами-то какъ же быть? Знаете ли, чтѣ бы я сдѣлала на вашемъ мѣстѣ? Я не стала бы долго думать, продала бы семь или осемь дрянныхъ картинъ и дѣло съ концомъ. Вѣдь нельзя же вамъ жить безъ денегъ.

— Я не могу располагать вещами, которые не мнѣ принадлежатъ, простодушно возразилъ честный Нѣмецъ.

— Ну, такъ я подамъ вексель ко взысканію.

— Помилуйте! это значить убить Понса.

— Отчего же? Я это только для того сдѣлаю, чтобы вы могли потомъ доказать вашему другу, что продали его вещи по необходимости. Вы скажете ему это, разумѣется, тогда, когда онъ совсѣмъ поправится.

— Ну, хорошо; подайте ко взысканію: это будетъ служить

монизъ оправданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что жъ намъ дѣлать, когда денегъ совсѣмъ нѣтъ.

Въ семь часовъ утра Сибб вызвала Шмука въ столовую, гдѣ его ожидалъ полицейскій комиссаръ съ гербовою бумагою въ рукахъ. Эти двѣ страшныя вещи привели бѣднаго Нѣнца въ такой трепетъ, что онъ уже не сталъ болѣе прекословить.

— Ну, ужъ продайте, продайте картины, мадамъ Сибб, сказалъ онъ со слезами на глазахъ.

На другой день, въ шесть часовъ утра, Илья Магусъ и Ремоненкъ сняли каждый свои картины, получили двѣ квитанціи на пять-тысячъ франковъ, подписанныя Шмукомъ отъ имени Понса, и вставилъ въ тѣ же рамы другія картины, изъ тѣхъ, которыя за недостаткомъ мѣста были поставлены въ комнату Шмука, на полу. Это было сдѣлано по распоряженію Сибб, для того чтобы Понсъ, если, неравно, вздумаетъ заглянуть въ музей, не нашелъ пустыхъ мѣстъ на стѣнахъ.

Получивъ пять-тысячъ въ руки, Шмуку съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя на разныя коллекціи музея и сказалъ:

— Послѣ этого можно подумать, что этотъ хламъ въ-самомъ-дѣлѣ стоить чего-нибудь.

Проданныя картины Сибб отвесла къ себѣ, въ дворницкую, для окончательнаго расчета съ покупателями. Но вмѣсто сорока-трехъ-тысячъ, Жидъ принудилъ барышницу взять тридцать-три. Она долго не соглашалась, однако наконецъ привлекательный видъ большаго пучка банковыхъ билетовъ и страхъ одержали побѣду. Взяла. Ремоненкъ доплатилъ около того же, деньгами, которыя подъ залогъ картинъ одолжилъ ему Магусъ.

На другой день Магусъ принесъ Оверницу шесть тысячъ барыша, чтобы тотъ отступился отъ картинъ, такъ онѣ ему понравились.

У мадамъ Сибб оказалось благопріобрѣтеннаго шестьдесятъ-осемь-тысячъ, на которыя она по совѣту Магуса намѣревалась купить акцій желѣзныхъ дорогъ.

— Ахъ, если бы она овдовѣла! говорилъ Ремоненкъ Магусу: какъ бы мы съ нею зажили! Я могъ бы приняться за торговлю въ большомъ размѣрѣ и для магазина какая бы у меня была лхадъ жена!...

— Здравствуйте, любезнѣйшій москѣ Фрезье, сказала мадамъ Сибб, входя къ своему повѣренному: что это мнѣ говорятъ вашъ дворникъ? Вы выѣзжаете?

— Да, переѣзжаю въ тотъ домъ, гдѣ живетъ Пулепъ. Посе-

ляюсь надъ нимъ, во второмъ этажѣ. Да вотъ, ишу, гдѣ бы за-
нять тысячъ двѣ или трѣ, чтобы прилично меблировать кварти-
ру. Миѣ, какъ я уже говорилъ вамъ, дана довѣренность отъ пре-
зидента де-Марвиля, точно такъ же какъ и отъ васъ. Я покидаю
должность частнаго повѣреннаго и записываюсь въ корпорацію
патентованныхъ адвокатовъ. Для этого нужно и жить въ прилич-
ной квартирѣ. Притомъ же, вѣдь я докторъ правъ и теперь, слава
Богу, имѣю сильныхъ покровителей.... Ну, а наши дѣла каковы?

— Если вамъ угодно принять, что у меня есть въ сохранной
казнѣ, извольте, сказала Сибб: у меня не много, всего три тыся-
чи франковъ, плодъ двадцати-пяти-лѣтней бережливости и лише-
ній.... Вы дадите миѣ вексель, какъ, кажется, называется Ремо-
ненкъ.... Я вѣдь въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслю: я говорю
только, что миѣ добрые люди скажутъ.

— Нѣтъ, уложеніе нашей корпораціи запрещаетъ адвокату да-
вать отъ своего имени векселя. Я дамъ вамъ заемное письмо, ко-
торое будетъ приносить вамъ по пяти процентовъ и которое вы
миѣ возвратите, когда я доставлю вамъ тысячу-двѣсти франковъ
дохода изъ наслѣдства отъ Понса.

Сибб молчала. Она чувствовала, что попалась въ западню.

— Кто молчитъ, тотъ соглашается, продолжалъ Фрезье. Такъ
привнесите миѣ завтра ваши три-тысячи.

— Ахъ! я съ удовольствіемъ заплачу вамъ впередъ за труды:
это вѣдь значитъ быть увѣрену въ полученіи доходовъ.

— Конечно. Ну, что же вы хотѣли сказать миѣ? Я вчера, ве-
черомъ, видѣлъ Пулсиа. Кажется, вы везете вашего большаго
въ-скачъ. Еще одна такая схватка, какъ вчера, и онъ тутъ же
Богу душу отдастъ. Будьте кротки съ нимъ, любезная мадамъ
Сибб: не навивите себѣ угрызѣній совѣсти: хуже будетъ....

— Сдѣлайте милость, оставьте меня въ покоѣ съ вашею со-
вѣстью! Не опять ли вы хотите рассказывать миѣ о гильотинѣ?
Мосье Понсъ упрямятъ какъ лошакъ и золъ какъ.... я не знаю,
что! Злѣе его на свѣтѣ нѣтъ и родственники его совершенно
правы, что не хотятъ ни какого дѣла имѣть съ нимъ.... Не угод-
но ли вамъ пожаловать къ Магусу: онъ ждетъ васъ.

Черезъ часъ потомъ, между-тѣмъ какъ Понсъ крѣпко спалъ
отъ нѣсколькихъ капель опиуму, Фрезье, Ремоненкъ и Магусъ
внимательно разсматривали тысячу-семьсотъ вещей, изъ кото-
рыхъ состоялъ музей стараго музыканта. Сибб только предосте-
регала каждую минуту, чтобы не шумѣли, когда Магусъ и Ремо-
ненкъ начинали разсуждать о цѣнѣ.

Оцѣнка продолжалась три часа.

— Круглымъ счетомъ, сказалъ наконецъ Жидъ, каждая вещь здѣсь стѣитъ тысячу франковъ.

— Это значитъ всего миллионъ-семь-сотъ-тысячъ! вскричалъ съ изумленіемъ Фрезье.

— Да, но только, разумѣется, не для меня, возразилъ Магусъ: я болѣе осьми-сотъ-тысячъ не дамъ, потому что вѣдь не знаешь, сколько времени продержишь каждую вещь въ магазинѣ. Тутъ есть вещи, которыхъ въ десять лѣтъ не продашь, а вы знаете, что значитъ капиталъ, который десять лѣтъ не приноситъ процентовъ.

— Въ спальнѣ есть еще миніатюры, каменъ, эмалъ и табакерки, замѣтилъ Ремоненкъ.

— Можно ихъ видѣть? спросилъ Фрезье.

— Пойдите, я посмотрю, крѣпко ли онъ спитъ, отвѣчала Сибѣ.

И по знаку дворничихи оцѣнщики, какъ воры, тихонько прокрались въ спальню къ больному.

Магусъ обратился къ миніатюрамъ и къ камнямъ и каждый волосокъ сѣдой бороды его трепеталъ отъ удовольствія. У Ремоненка глаза какъ угли разгорѣлись при видѣ множества золотыхъ и серебряныхъ табакерокъ. Фрезье съ мѣнестофелевскою холодною стоялъ, вытянувъ змѣнную шею съ приплюснутою головой, и внимательно слѣдилъ за выраженіемъ на лицахъ торгашей, алчныхъ столько же, сколько самъ онъ. По временамъ всѣ поглядывали на спящаго больного, котораго по-видимому тревожили сны.

Вдругъ, быть-можетъ, отъ дѣйствія этихъ самыхъ злокачественныхъ взглядовъ, Понсъ проснулся и страшно закричалъ:

— Воры! Помогите, помогите! Воры! душегубцы!.... грабятъ!

Онъ вскочилъ и сѣлъ. Глаза были дико вытаращены.

— Магусъ здѣсь!.... Измѣна!

Магусъ и Ремоненкъ хотѣли-было выскочить за дверь, но оторопѣли.

— А это кто? спросилъ больной указывая пальцемъ на Фрезье.

Сибѣ смѣшалась.

— Я пришелъ отъ имени президента и президентши де-Марвилъ, бойко отвѣчалъ Фрезье: они черезъ меня изъясняютъ вамъ свое сожалѣніе, что слишкомъ поздно узнали о вашей болѣзни. Они желаютъ сами принять на себя попеченіе о васъ и предлагаютъ вамъ отправиться въ ихъ марвилское имѣніе, гдѣ вы скорѣе можете по-

правиться. Виконтесса Сесилія Поппид, которая такъ любить васъ, сама будетъ вашею сидѣлкой.... Она же вступилась за васъ передъ матерью и уничтожила существовавшее противъ васъ предубѣжденіе.

— А! они, мои наслѣдники прислали васъ! вскричалъ Понсъ: и дали вамъ въ проводники самаго искуснаго, самаго опытнаго знатока! Вы пришли оцѣнить мои картины, мои рѣдкости.... Хорошо! хорошо!.... очень хорошо!.... Мадамъ Сибб, вы назывались моею матерью и вы же привели ко мнѣ, во время моего сна, оцѣнщиковъ, барышниковъ, — моего завистника, жидъ, — и повѣреннаго моихъ жадныхъ наслѣдниковъ, которые не могутъ дожидаться моей смерти!.... Вонъ!.... подите вонъ всѣ!....

И несчастный, вдвойнѣ раздраженный ужасомъ и гнѣвомъ, поднялся на ноги какъ страшное привидѣніе.

Сибб бросилась къ нему, чтобы онъ не упалъ, а оцѣнщики и повѣренный поспѣшно вышли.

Нѣжная сидѣлка принялась унимать, успокоивать и укладывать больного.

— Я хочу видѣть мой музей! твердилъ Понсъ.

Сибб, не обращая вниманія на крикъ, подняла его на руки и положила на постель. Потомъ, видя, что онъ совершенно истощенъ, пошла запереть дверь.

— Ушли они? спросилъ Понсъ, когда она воротилась.

— Кто, они?

— Эти люди?

— Какіе люди?... Полноте! чтò вы!... Вамъ опять пригрѣзилось чтò-нибудь. У васъ сейчасъ такая опять была горячка, что я перепугалась. Вы хотѣли выскочить изъ окошка.... Да и теперь еще говорите о какихъ-то людяхъ.... У васъ все такой бредъ....

— Какъ! развѣ сейчасъ, вотъ тутъ, не былъ человекъ, посланный отъ моихъ родныхъ....

— Полноте! какая это опять дурь лезетъ вамъ въ голову!... Знаете ли, куда бы слѣдовало отправить васъ? Въ домъ ума лишенныхъ! Вамъ все мерещатся какія-то привидѣнія....

— Илья Магусъ и Ремоненкъ....

— Да, Ремоненка вы, можетъ-быть, видѣли: онъ приходилъ сказать мнѣ, что моему мужу худо стало, и я уйду отъ васъ. Нужно присмотрѣть за нимъ. Когда мой Сибб болѣлъ, такъ ужъ извините, я никого знать не хочу. Постарайтесь уснуть часа два, три. Я пошлю за докторомъ и послѣ, вѣстѣ съ нимъ, приѣду навѣстить васъ. Пейте ваше лекарство и будьте благоразумны.

— Такъ здѣсь никого не было, когда я проснулся?

— Разумѣется, никого! Вы, можетъ-быть, видѣли нѣсколькихъ Ремоненковъ въ вашихъ зеркалахъ.

— Да, вы правы.... можетъ-быть, сказалъ больной, становясь кроткимъ какъ барашекъ.

— Ну, вотъ такъ-то лучше; успокойтесь; прощайте, голубчикъ мой, сказала Сибб, поправляя одѣяло: черезъ часъ я, можетъ-быть, ворочусь къ вамъ.

Удостоверившись, что мадамъ Сибб ушла, больной собралъ послѣднія силы и всталъ.

— Меня обманываютъ, говорилъ онъ себѣ: меня обкрадываютъ! Шмукъ ребенокъ: его самого можно спрятать въ мѣшокъ....

Онъ доташлся до дверей залы, съ усиліемъ отворилъ ее и, стоя на порогѣ, сталъ поводить глазами по своимъ сокровищамъ. Видъ милыхъ сердцу картинъ, статуй и бронзы снова пробудилъ въ немъ жизненныя силы: онъ могъ даже пройти двѣ улицы, образованныя въ залѣ разставленными по серединѣ низенькими шкапами. Голова его горѣла, ноги и руки дрожали подъ тонкимъ халатомъ, но онъ былъ доволенъ, не найдши ни какой убыли, и уже хотѣлъ воротиться на постель, какъ вдругъ его поразилъ видъ Грѣзева портрета на мѣстѣ мальтійскаго кавалера Себастьяна дель-Піомбо. Рама была та же, только картина не та. У бѣднаго антиварія потемнѣло въ глазахъ, ноги подкосились, онъ упалъ на полъ.

Обморокъ Понса продолжался два часа. Въ этомъ положеніи нашелъ его Шмукъ, когда, выспавшись, пришелъ на дежурство.

Когда больной, послѣ отчаянныхъ усилій и множества пособій своего друга, пришелъ наконецъ въ себя, первымъ его словомъ было:

— Меня обокрали!...

Шмукъ вообразилъ, что это горячечный бредъ, и поспѣшилъ унять друга.

— Молчи, не говори, Понсъ! Я пойму тебя и безъ словъ, ты знаешь. Отдохни; отдохни, другъ мой.

— Выслушай меня, Шмукъ, добрый, вѣрный другъ мой. Время дорого; дай мнѣ досказать, что нужно..... Я умираю....

Добрый Нѣмецъ зарыдалъ и не могъ ничего возразить.

— Выслушай меня, продолжалъ Понсъ: послѣ поплачешь. Ты христіанинъ: нужно смириться и вооружиться терпѣніемъ. Я долженъ объяснить тебѣ, научить, какъ съ людьми и жизнью упра-

витья. Меня обкрадывают, а тебя совершенно ограбят. Мадамъ Сибб обокрала насъ, у меня похитили восемь картинъ, самыхъ дорогихъ....

— Прости мнѣ, Понсъ, я продалъ ихъ, сказалъ Нѣмецъ.

— Ты?

— Я самъ. На насъ подали ко взысканію.

— Ко взысканію?... кто же?

— Погоди....

Шмукъ пошелъ въ свою комнату за повѣсткою, которую получилъ изъ полиціи, и принесъ.

Понсъ внимательно прочиталъ, уронилъ бумагу и задумался. Великій знатокъ искусствъ человѣческихъ, недавно только-что начавшій узнавать толкъ въ природѣ чловѣка, быстро успѣлъ въ новомъ ученіи и увидѣлъ всѣ петли сѣти, которою оплела его дворничиха.

— Послушай, Шмукъ, сказалъ онъ наконецъ рѣшительнымъ тономъ: исполни все, что я тебѣ скажу, да сметри, исполни по военному. Ступай въ дворничью и скажи этой отаратительной бабѣ, что я желаю видѣть того господина, который приходилъ отъ имени моего кузена, президента; скажи, что дѣло идетъ о составленіи завѣщанія; что, если онъ не придетъ, я завѣщаю мою коллекцію королевскому музею.

Шмукъ исполнилъ порученіе, но на первое же слово Сибб отвѣчала съ улыбкой:

— У нашего большого голубчика сегодня утромъ былъ припадокъ горячки: ему мерещились все какіе-то люди, которыхъ онъ называлъ по именамъ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что никто не приходилъ отъ президента.

Шмукъ воротился и слово въ слово пересказалъ этотъ отвѣтъ Понсу.

— Ну, хитра! сказалъ Понсъ съ улыбкой: вообрази, сегодня утромъ она привела сюда Жида Илью Магуса, барышника Ремоненка и еще одного господина, котораго я не знаю. Они воспользовались моимъ сномъ, чтобы оцѣнить наслѣдство. Но я проснулся и видѣлъ, какъ они взвѣшивали на рукахъ мои табакерки. Я говорилъ съ незнакомцемъ, который назвался посланцомъ отъ Камюзэ, а мерзавка Сибб хотѣла увѣрить меня, что я бредилъ во снѣ!... Я не спалъ и горячки у меня не было, другъ мой: я разговаривалъ съ незнакомцемъ и выгналъ торгашей. Теперь я полагаю, что Сибб запутается.... Она наставается на своей жи... хорошо, я поставлю ей другую западную, такую, что она навѣрное

попадется. Бѣдный другъ мой, ты видишь въ этой женщинѣ антага, а она въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ медленно убивала меня изъ своихъ корыстныхъ видовъ. И я тоже не хотѣлъ вѣрить, чтобы женщина, которая нѣсколько лѣтъ служила намъ честно, могла быть столько зла. Это сомнѣніе погубило меня. Сколько тебѣ дали за эти восемь картинъ?

— Пять тысячъ франковъ.

— Боже мой!... Они стоятъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ больше: это цвѣтъ моеѣ коллекціи! Мнѣ уже нѣкогда заводить тяжбы, притомъ это значило бы впутать и тебя.... Тяжба убила бы тебя: ты не знаешь, что такое судъ! Мнѣ уже ничего не нужно; я стою на краю гроба, а ты... у тебя еще довольно останется. Не станемъ думать о томъ, что у насъ похитили съ такимъ дьявольскимъ искусствомъ: подумаемъ лучше объ остальномъ. Все, что я имѣю, принадлежитъ тебѣ. Я не хочу чтобы тебя ограбили. Нужно остерегаться людей, а у тебя никогда не бывало осторожности. Прежде всего я хочу показать тебѣ, кто Сибб. Ты воображаешь, что она воплощенная добродѣтель, — она воровка, она чудовище: я докажу тебѣ это. Поди, попроси ее, чтобы указала тебѣ нотариуса, который бы составилъ мнѣ завѣщаніе.

Шмукъ слушалъ Понса съ такимъ видомъ, какъ-будто тотъ толковалъ ему тайны черной магіи. Пѣмецкая голова его неспособна была такъ быстро перейти отъ неограниченной довѣренности къ подозрѣнію.

— Мой бѣдный другъ такъ болѣнъ, что хочетъ сдѣлать завѣщаніе, сказалъ онъ, прійдя къ мадамъ Сибб: потрудитесь сходить за нотариусомъ.

Это было сказано въ присутствіи нѣсколькихъ человекъ, потому что дворникъ-портной Сибб также находился въ отчаянномъ положеніи. Ремонекъ, его сестра, двѣ дворничихи съ сосѣднихъ дворовъ и трое слугъ отъ жильцовъ стояли, кто у дверей, кто въ каморкѣ.

— Сходите сами за нотариусомъ и составляйте ваше завѣщаніе какъ вамъ угодно! вскричала Сибб всхлипывая: неужелъ вы думаете, что я отойду отъ умпрающаго мужа?

Шмукъ остолбенѣлъ и не зналъ, что дѣлать.

Ремонекъ съ участіемъ оспѣдомился о состояніи большого антикварія и вызвался сходить за нотариусомъ.

Ремонекъ въ эту минуту былъ радъ служить всѣмъ на свѣтѣ. Одна изъ самыхъ задушевныхъ надеждъ его пачинала осуществляться: старикъ Сибб, человекъ хилый и изнуренный сидячею

жизнью, однажды позволилъ себѣ неосторожно обременить желудокъ, да сверхъ того простудился и въ нѣсколько дней свернулся такъ, что избавляя Овернца отъ труда насильственнымъ образомъ похитить бывшую красавицу-устриичницу.

Мадамъ Сибѣ плакала. Она любила щеголять чувствительнымъ сердцемъ и всегда разыгрывала роль вѣжной супруги такъ естественно, что никто не думалъ сомнѣваться въ ея глубокой привязанности къ мужу. Можетъ-быть, она и въ самомъ дѣлѣ любила его, но только при встрѣчѣ съ Шмукомъ, въ которомъ угадала орудіе Понсовой хитрости, она зарыдала еще сильнѣе, вѣроятно потому что увидѣла себя въ необходимости разыграть двѣ роли вдругъ.

Въ числѣ любопытныхъ или сострадательныхъ, которые осаждали дворничью, находился и Фрезьѣ.

— Я ворочусь къ тому времени, когда будутъ составлять завѣщаніе, шепнулъ онъ на ухо дворничихѣ, по уходѣ Шмука: плачьте, да только, смотрите, не прозвѣайте дѣла.

Повѣренный ускользнулъ съ легкостью тѣни и встрѣтился на улицѣ съ Пуленомъ, который шелъ навѣстить своихъ паціентовъ.

— А! Пулень, здравствуй! вскричалъ Фрезьѣ: все идетъ чудесао. Мы можемъ поздравить другъ друга. Вечеромъ расскажу подробности. Выбирай себѣ любое мѣсто: получишь. Я буду мирнымъ судьей.

Черезъ десять минутъ потомъ Фрезьѣ былъ уже у президентши де-Марвиля, изъ ласковаго приему которой видно было, что мантскій президентъ Лебѣѣ отозвался о Фрезьѣ не невыгодно. Когда же повѣренный показалъ бумагу, подписанную Ремоненкомъ и Магусомъ, которые вызывались купить Понсовъ музей цѣлкокомъ за девять-сотъ-тысячъ франковъ на чистыя деньги, она чуть не обняла его.

— Мой мужъ поручилъ мнѣ пригласить васъ на завтра къ обѣду, сказала она: у насъ будутъ только свои. Послѣ обѣда мы поговолимъ о дѣлѣ. Я пригласила также нотаріуса Бертьѣ и нашего повѣреннаго, Дероша. Они будутъ вполнѣ слѣдовать вашимъ совѣтамъ и наблюдать, чтобы все шло, какъ слѣдуетъ. Полномочіе отъ де-Марвиля вы получите, какъ только оно понадобится вамъ.

— Оно мнѣ будетъ нужно въ день кончины.

— Хорошо, мы приготовимъ. До свиданія, любезнѣйшій мосьѣ Фрезьѣ; до завтра.

Фрезье раскланялся съ президентшей уже не такъ раболѣпно, какъ въ первый разъ.

— Я завтра обѣдаю у президента де-Марвиля! говорилъ себѣ Фрезье, поспѣшно идя по улицѣ: они мои, эти господа!... они у меня въ рукахъ!... Только, чтобъ быть совершеннымъ господиномъ дѣла, нужно сдѣлаться также повѣреннымъ стараго Нѣмца. нужно дать ему повѣреннаго. Подошлемъ Табаро, экзекутора мирнаго судьи. Табаро не хотѣлъ выдать своей дочери за меня. Отдастъ, когда я буду мирнымъ судьей. У его рыжей чахоточной дочки есть домъ отъ матери. Послѣ отца тоже кое-что получить. Сама-то она, правда, не красавица, но когда отъ нуля переправляешься на осьмнадцать-тысячъ доходу, такъ можно и не смотрѣть на мостъ.

Возвращаясь домой по бульвару, Фрезье вполнѣ предался теченію этого золотого сна, и пришелъ очень скоро, потому что на свѣтѣ нѣтъ бульвара, который бы показался длиннѣе, когда удовлетворенное самолюбіе верхомъ на воображеніи гонится за будущими надеждами.

Когда Шмукъ пришелъ къ больному другу и сказалъ, что Ременекъ пошелъ за нотариусомъ Троньономъ, это имя поразило Понса такъ, что онъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ, что Сиббъ часто подтверждала ему совѣтъ обратиться къ этому нотариусу и выхваляла его честность. Тутъ ему пришла блестящая мысль, которая дополнила и опредѣлила его планъ, подшутить надъ мадамъ Сиббъ и совершенно изобличить ее передъ доверчивымъ Шмукомъ.

— Шмукъ, сказалъ онъ другу, который совсѣмъ оторопѣлъ отъ множества событій, совершившихся около него въ одинъ сутки: садись въ фіакръ, съѣзди къ нашимъ друзьямъ, Швабу и Бруннеру, и попроси ихъ прійти сюда завтра утромъ, въ девять часовъ. Скажи имъ однако жъ, чтобы они подали видъ, будто мимоходомъ зашли, осведомиться о моемъ здоровьѣ. Да попроси, чтобы они указали тебѣ честнаго, хорошаго нотаріуса, и ему тоже вели прійти къ тому же времени.

Съ пропницательностію, свойственною почти всѣмъ умирающимъ, Понсъ совершенно разгадалъ окружающихъ. Ему самому уже не нужно было убѣждаться въ основательности своихъ подозрѣній на Сиббъ: онъ хотѣлъ только дать урокъ своему другу и придумалъ употребить того самаго Троньона, котораго Сиббъ; вѣроятно, не безъ умыслу рекомендовала ему. Планъ его былъ таковъ: онъ хотѣлъ написать съ нотариусомъ записку

ніе, запечатать и положить въ свое бюро, полагая, что Сибѣ провѣдаетъ, гдѣ оно, достанетъ и прочтаетъ. Потомъ онъ хотѣлъ на другой же день составить другое завѣщаніе съ другимъ нотариусомъ, при свидѣтеляхъ, по всей формѣ, и уничтожить первое.

Чтобы не оставлять Понса долго въ одиночествѣ, Шмукъ исполнилъ порученіе съ величайшею поспѣшностью и воротился въ то самое время, когда прішелъ призванный Ремоненкомъ нотариусъ Тропшонъ.

Мадамъ Сибѣ, несмотря на смертное томленіе вѣжко любимаго супруга, сама проводила нотариуса до дверей Понсовой спальни, которую притворила не плотно, такъ, что при помощи маленькаго зеркальца, которымъ заранѣе запаслась, могла не только слышать, но и видѣть все, чтѣ происходило у больнаго.

Совѣщаніе было непродолжительное: нотариусъ указалъ требуемую закономъ форму, Понсъ написалъ свою волю и черезъ десять минутъ завѣщаніе запечатали въ конвертъ и положили въ бюро. Завѣщатель взялъ ключъ, завязалъ въ конецъ носоваго платка и положилъ къ себѣ подъ подушку.

Нотариусъ, изъ вѣжливости назначенный исполнителемъ завѣщанія, откланялся и вышелъ. Въ столовой его ожидала мадамъ Сибѣ.

— Ну, чтѣ? спросила она: завѣщатель вспомнилъ обо мнѣ?

— Не думаете ли вы, сударыня, что я выскажу вѣрными мнѣ тайны, измѣню моей присягѣ? отвѣчалъ нотариусъ: я могу только сказать вамъ, что мосьѣ Понсъ сдѣлалъ завѣщаніе чрезвычайно великодушное и патриотическое, притомъ такое, что оно уничтожитъ много корыстныхъ надеждъ у людей, жадныхъ до чужаго.

Можно себѣ представить до какой степени дошло у Сибѣ любопытство, подоженное этими словами. Она предположила себѣ на утро непременно узнать содержаніе завѣщанія, во чтѣ бы то ни стало.

Въ полночь старый Пѣмсецъ, подавленный скорбью, сидѣлъ на креслахъ и смѣтрѣлъ на Понса, у котораго на лицѣ уже показывались признаки смертнаго томленія.

— У меня, кажется, только-только хватитъ силъ, чтобы дожить до завтрашняго вечера, сказалъ Понсъ съ философскимъ спокойствіемъ. Завтра ночью, вѣроятно, наступитъ томленіе, послѣдняя моя борьба съ жизнью. Завтра утромъ, когда новое за-

вѣщаніе будетъ сдѣлано и когда цотаріусъ и друзья наши уйдутъ, ты сходишь за моимъ духовникомъ....

Наступило продолжительное молчаніе.

— Богу не угодно было даровать мнѣ такую жизнь, о какой я мечталъ, продолжалъ Понсъ: я такъ любилъ бы жену, дѣтей, семейство!... Величайшее счастье мое я поставлялъ въ томъ, что бы быть любимымъ нѣсколькими родными мнѣ существами.... Но жизнь горька для всѣхъ: я видѣлъ многихъ людей, которые ни-ли все, чего я такъ пламенно желалъ и которые всё-таки не находили счастья.... Подъ конецъ жизни Богъ послалъ мнѣ неожиданное утѣшеніе, далъ мнѣ друга, тебя, мой добрый Шмукъ!.... Зато и я не могу упрекнуть себя въ неблагодарности; не могу сказать, что не признавалъ тебя или худо оцѣнилъ: я отдалъ тебѣ все мое сердце и всѣ силы моей любви.... Не плачь, Шмукъ, или я замолчу!.. Мнѣ такъ отрадно говорить о нашей дружбѣ! Если бы я послушался тебя, я былъ бы живъ и здоровъ: я пощадилъ бы свѣтъ и мои привычки и не понесъ бы смертельныхъ ранъ. Но полно объ этомъ: я хочу теперь заниматься только тобою....

— Другъ мой, оставь это....

— Не противорѣчь мнѣ, выслушай меня, Шмукъ. Ты простодушенъ и невиненъ какъ пяти-лѣтній ребенокъ, который еще не разставался съ матерью. Это — рѣдкость достойная уваженія, и мнѣ кажется, что самъ Богъ въ особенности заботится о существахъ, подобныхъ тебѣ, однакожъ люди такъ злы, что я долженъ предохранить тебя отъ нихъ. Ты утратишь свою благородную довѣрчивость, эту красоту чистыхъ душъ, свойственную только людямъ гениальнымъ, избраннымъ. Ты скоро увидишь, какъ мадамъ Сиббъ придетъ за этимъ завѣщаніемъ. Выслушай меня и исполни мои предписанія буквально, слышишь?

Шмукъ въ сильномъ волненіи опрокинулъ голову на спинку креселъ и казался въ обморокѣ.

— Да, слышу, отвѣчалъ онъ, но слышу такъ, какъ будто бы ты находишься въ двухъ стахъ шагахъ отъ меня: мнѣ кажется, какъ-будто я погружаюсь въ могилу съ тобою.

Онъ всталъ, подошелъ къ Понсу, сжалъ въ обѣихъ рукахъ его руку и сталъ что-то шептать.

— Что ты дѣлаешь, спросилъ Понсъ?

— Я молился, чтобы Богъ призвалъ насъ обоихъ вмѣстѣ, просто отвѣчалъ Нѣмецъ, кончивъ молитву.

Щесть привлекъ его къ себѣ и, поцѣловавъ въ лобъ, какъ-будтодохнулъ благословеніемъ.

— Выслушай меня, мой добрый Шмукъ, сказалъ онъ потомъ: должно повиноваться умирающимъ.

— Я слушаю.

— Нужно отворить эту дверь: она ведетъ въ альковъ твоей спальни.

— Да, но она оттуда загромождена картинами.

— Опростай мѣсто тотчасъ же, только не шуми.

— Хорошо.

— Потомъ пріотвори дверь. Когда Сибѣ прійдетъ, смѣнить тебя, ты, какъ обыкновенно, отправишься спать. Притворись очень утомленнымъ, соннымъ. Но какъ только она усядется на свое мѣсто, ступай въ альковъ и встань у двери: увидишь, что будетъ. Понимаешь?

— Понимаю. Ты думаешь, она уничтожитъ завѣщаніе?

— Я не знаю, что она съ нимъ сдѣлаетъ, но увѣренъ, что ты уже не станешь называть ее ангеломъ.

Въ четыре часа утра явилась мадамъ Сибѣ. Услышавъ ея шаги, больной бросилъ на друга значительный взглядъ, которымъ подтверждалъ всѣ прежнія паставленія, и принялъ положеніе человѣка крѣпко спящаго. Сибѣ такъ твердо вѣровала въ дѣтскую невинность Шмука, что не могла подозрѣвать лжи, когда онъ подошелъ къ ней и изъяснилъ радость, что можетъ отправиться на отдыхъ.

Когда люди откровенные и прямодушные принимаются за притворство, то они могутъ доходить до ужаснаго.

— Ну хорошо, ступайте, ступайте спать, дорогой мой мосѣ Шмукъ, сказала Сибѣ: глаза у васъ въ самомъ дѣлѣ утомлены.

Шмукъ отправился на свой постъ для наблюдений. Входя, Сибѣ оставила дверь съ лѣстницы не затворенною: ее заперъ за собою тихонько вошедшій Фрезье, въ то самое время, когда Шмукъ запираема у себя. Повѣренный остался въ столовой, гдѣ Сибѣ засвѣтила для него свѣчу.

Дворничиха очень легко вынула изъ подъ подушки платокъ съ ключемъ: больной самъ облегчилъ ей этотъ трудъ. Она пошла прямо къ бюро, осторожно отперла ящикъ, вынула завѣщаніе и ушла въ столовую. Шмукъ на своемъ постѣ трепеталъ, какъ будто самъ совершилъ преступленіе.

Фрезье съ жадностію вырвалъ конвертъ изъ рукъ своей доверительницы, искусно распечаталъ и, можно себѣ представить

изумленіе хищниковъ, когда они прочтали, что Понсъ завѣщаль весь свой музей, все свое имущество королю, королевскому луврскому музею, съ условіемъ, чтобы правительство выдавало пожизненной пенсін его другу Шмуку по двѣ-тысячи-четыреста франковъ въ годъ, и мадамъ Сибб по двѣсти франковъ въ годъ.

— Да это разореніе! вскричалъ Фрезье: всѣ мои планы, всѣ мои надежды разрушены! Я начинаю вѣрить всему, что президентша говорила мнѣ о коварствѣ этого старичишки.

— Это ужасно! это ни на что не похоже! повторила Сибб.

— Вашъ больной просто чудовище. Все завѣщаль государству, королю! Съ королемъ тягаться не станешь. Завѣщанія ни чѣмъ не уничтожишь. Насъ обокрали, ограбили, убили....

— Двѣсти франковъ! двѣсти франковъ! повторила Сибб.

Въ эту минуту въ спальнѣ что-то скрипнуло.

— Посмотрите, что тамъ, сказалъ Фрезье: я запечатаю конвертъ вашего благодѣтеля.

Сибб подошла къ двери, послушать. Фрезье воспользовался этимъ и въ одно мгновеніе спряталъ завѣщаніе въ карманъ, а въ конвертъ вложилъ бѣлый листъ бумаги, потомъ снова запечаталъ и отдалъ своей доверительницѣ. На печати не осталось ни малѣйшаго слѣда воровской продѣлки.

Сибб взяла конвертъ, ощупала, что онъ полонъ и глубоко вздохнула: она надѣялась что Фрезье самъ сожжетъ роковую бумагу.

— Ну, что теперь дѣлать? спросила она.

— Это ужъ ваша забота. Я не наслѣдникъ. Если бы я имѣлъ какое-нибудь право на наслѣдство, я зналъ бы, что сдѣлать.

— Ну, вотъ объ этомъ-то я васъ и спрашиваю.

— Въ спальнѣ, въ каминѣ, вѣроятно есть огонь, холодно отвѣчалъ Фрезье вставая, чтобы идти.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ни кто кромѣ меня и васъ не будетъ знать объ этомъ.

— Конечно. Чѣмъ послѣ можно будетъ доказать, что завѣщаніе существовало?

— А вы?

— Я?... Если Понсъ умретъ безъ завѣщанія, я ручаюсь вамъ за сто-тысячъ франковъ.

— Да, знаемъ мы! общаются-то горы золота, а когда дойдетъ до расплаты, обсчитаютъ какъ....

Она чуть-чуть не заговорила съ Фрезье о томъ, какъ ее обсчиталъ Илья Магусъ, однако жъ вовремя спохватилась.

— Пора мнѣ убираться, сказалъ Фрезье. Не хорошо вамъ будетъ, если меня здѣсь застанутъ. Приходите въ вашу комнату, я васъ подожду.

Сибб пошла въ спальню съ непремѣннымъ намѣреніемъ бросить завѣщаніе въ каминъ. Но только-что она ступила черезъ порогъ, ее схватили за обѣ руки. Понсъ и Шмукъ подстергали ее у дверей.

Сибб вскрикнула и упала лицомъ на земь съ страшными корчами, — дѣйствительными или притворными, неизвѣстно.

Это зрѣлище произвело на Понса такое впечатлѣніе, что онъ затрепеталъ и ослабѣлъ совершенно. Шмукъ успѣшилъ уложить его въ постель. Онъ и самъ былъ въ страшномъ волненіи: оба они совершили подвигъ, который далеко превосходилъ ихъ силы.

Уложивъ Понса и вздохнувъ свободнѣе, Шмукъ услышалъ рыданія. Сибб стояла на коѣняхъ и съ выразительнымъ, умоляющимъ видомъ простирала къ друзьямъ руки.

— Я сдѣлала это просто изъ любопытства! сказала она: вы знаете, что любопытство — порокъ всѣхъ женщинъ. Я взяла завѣщаніе, но всё-таки не могла прочесть: вѣдь оно запечатано.

— Ступайте вонъ! закричалъ Шмукъ, выпрямившись во весь ростъ своего негодованія: вы чудовище! вы пытались убить моего Понса. Онъ правъ: вы хуже нежели мошенница: вы злодѣйка.... проклятая!

И на добродушномъ, кроткомъ лицѣ стараго Нѣмца выразился ужасъ. Сибб показала ему еще страшнѣе, когда онъ закричалъ ее проклятіемъ.

Дворничиха встала съ гордостію Тартюфа и, выходя, ловко утащила небольшую картину, о которой Магусъ въ восхищеніи говорилъ: это алмазь.

Въ дворничкой Сибб нашла Фрезье, который дождался ее въ надеждѣ, что она сожгла конвертъ съ бѣлою бумагой. Встревоженное лицо кліентки пугило его.

— Чтò случилось? спросилъ онъ.

— То случилось, любезнѣйшій мосё Фрезье, что вы своими добрыми совѣтами на всегда лишили меня наслѣдства и довѣрія моихъ жильцовъ.

И она разразилась ливнемъ краснорѣчія, на которое была такая мастерица.

— Перестаньте, пожалуйста, вздоръ болтать, съ сердцемъ перебилъ ее Фрезье: рассказывайте, какъ было дѣло.

— Извольте.

И она рассказала всю сцену, какъ ее схватили.

— Не я виноватъ, если вы лишаетесь чегонибудь, сказалъ Фрезье. Ваши жильцы, вѣроятно, сомнѣваются въ вашей честности, когда ставятъ вамъ такіе силки. Они подстерегали васъ. Вы не все открываете мнѣ, прибавилъ законникъ, устремивъ на дворничиху испытующій змѣнный взглядъ: вы скрываете что-нибудь.

— Я! я скрываю послѣ того, что мы сдѣлали? сказала она съ трепетомъ.

— Я, любезнѣйшая мадамъ Сибб, не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, возразилъ Фрезье, обнаруживая такимъ образомъ намѣреніе отрѣчься отъ своего ночнаго посѣщенія.

У Сибб волосы на головѣ горѣли, а сердце обдало холодомъ.

— Какъ! вы ничего не сдѣлали?

— Ну, вотъ уголовное дѣло и на лицо, продолжалъ Фрезье. Васъ могутъ обвинить въ утаеніи завѣщанія.

Сибб съ ужасомъ отскочила.

— Успокойтесь, вѣдь я вашъ повѣренный. Я хотѣлъ только доказать вамъ, какъ легко вы можете попасть подъ судъ. Скажите, что вы сдѣлали, что этотъ простодушный Нѣмецъ вздумалъ подстерегать васъ?

— Ровно ничего. Это съ того дня, когда вы приходили оцѣнивать картины и когда я принуждена была увѣрить Понса, что онъ брѣдилъ въ горячкѣ. Съ того дня они оба совершенно измѣнились въ отношеніи ко мнѣ.

Этотъ доводъ казался столько убѣдительнымъ, что Фрезье принужденъ былъ удовольствоваться.

— Успокойтесь, сказалъ онъ: я обѣщалъ доставить вамъ доходъ и сдержу слово. До-сихъ-поръ все въ этомъ дѣлѣ было не вѣрно: можно было составлять только предположенія. Теперь оно стѣбитъ чистыхъ денегъ: вы можете навѣрное рассчитывать на тысячу-двѣсти франковъ пожизненнаго дохода, но нужно съ точностію исполнять мои распоряженія.

— Я готова, отвѣчала Сибб съ покорностію и уныніемъ.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ Фрезье, уходя и унося съ собою опасное завѣщаніе.

Фрезье воротился домой въ веселомъ расположеніи духа. Завѣщаніе могло служить ему страшнымъ оружіемъ.

— Этимъ, думалъ онъ, я могу обезпечить себѣ вѣрность слова президентши де-Марвилль. Если она вздумаетъ отрѣчься отъ

своего обѣщанія, я погрожу ей совершеннымъ лишеніемъ наслѣдства.

Часовъ около семи Ремоненкъ, отворивъ лавку, пришелъ осѣдомиться о здоровѣе своего добраго друга Сибѣ и засталъ дворничиху въ раздумѣ надъ похищеною картиною. Мадамъ Сибѣ съ удивленіемъ спрашивала себя, какъ возможно чтобы маленькій клочекъ разкрашеннаго полотна стоилъ большихъ денегъ.

— Ахъ! вотъ объ этой одной картинѣ Магусъ еще жалѣеть, сказалъ Ремоненкъ, заглядывая дворничихѣ черезъ плечо: ему очень хотѣлось купить эту вещьцу. Онъ говоритъ, что былъ-бы совершенно счастливъ, еслибъ ему удалось приобрести ее.

— А что онъ дастъ? спросила Сибѣ.

— Да если вы обѣщаете выйти за меня замужъ, отвѣчалъ Ремоненкъ, я берусь взять за нее съ Магуса двадцать-тысячъ франковъ. Если же вы не хотите быть моею женою, вы никогда не получите за эту картину болѣе тысячи франковъ.

— Это отчего?

— Оттого что у васъ потребуютъ росписки, какъ у законной владѣлицы, и тогда наслѣдники заведутъ съ вами тяжбу. Когда же вы будете моею женою, я съумѣю обдѣлать дѣло безъ расписокъ. Поставьте картину у меня. Если вашъ мужъ умретъ, у васъ могутъ найти ее. Меня вы, кажется, очень хорошо знаете. Впрочемъ, если хотите, я вамъ дамъ росписку.

Пойманная на преступленіи корыстолюбивая дворничиха согласилась на предложеніе, которое навсегда связывало ее съ барышникомъ.

— Вы правы, сосѣдъ, сказала она, убирая картину въ комодъ. Принесите вашу росписку.

— Любезная мадамъ Сибѣ, продолжалъ въ полголоса барышникъ, увлекая дворничиху въ сѣни: я вижу, что намъ не удастся спасти нашего бѣднаго друга Сибѣ. Докторъ Пулень вчера вечеромъ говорилъ, что ему одного дня не прожить. Жаль мнѣ вашего мужа, но что вы говорите, а вы здѣсь не на своемъ мѣстѣ: ваше мѣсто было бы въ богатомъ магазинѣ рѣдкостей, на бульварѣ....

Рѣчь соблазнителя прервали пронзительные стоны дворника, у котораго начиналось смертное томленіе.

— Пойдите, пойдите, сказалъ Сибѣ. Вы чудовище! Какъ вамъ не стыдно говорить мнѣ такія вещи, когда мой мужъ лежитъ на смертномъ одрѣ!....

Сибѣ побѣжала къ умирающему мужу, а Ремонскъ воротился въ лавку въ полной увѣренности, что будетъ мужемъ бывшей красавицы-устричницы.

Около десяти часовъ, у дверей дворника Сибѣ тѣснилась толпа: всѣ сосѣдніе дворники и сторожа собрались посмотрѣть какъ умирающій Сибѣ причащается. Ни кто не привѣтилъ, какъ Швабъ и Бруннеръ съ нотариусомъ Ганнекемомъ прошли къ Понсу. Понсъ формально уничтожилъ первое завѣщаніе и назначилъ Шмука своимъ единственнымъ наследникомъ.

Окончивъ это дѣло и поблагодаривъ друзей, больной впалъ въ такое разслабленіе, что нужно было поспѣшить приглашеніемъ духовника.

Когда аббатъ Дюпланти пришелъ, докторъ Пуленъ, приходившій также навѣстить своего больнаго, встрѣтилъ его на лѣстницѣ и, рассказавъ съ нѣкоторыми упущеніями о ссорѣ двонхъ друзей съ дворничихою, представилъ необходимость найти для нихъ другую женщину, которая бы взялась присмотрѣть за хозяйствомъ холостяковъ, предложилъ призвать жену церковнаго сторожа, мадамъ Кантиннѣ. Отвращеніе Понса отъ наемныхъ сидѣлокъ было извѣстно и докторъ, также по извѣстнымъ причинамъ, не брался уговорить больнаго, взять такую женщину. Дѣло это поручили духовнику, который, разумѣется, нашелъ предложеніе совершенно основательнымъ и безъ труда уговорилъ больнаго принять услуги мадамъ Кантиннѣ. Это придумалъ Фрезе, которому нужно было приставить къ старикамъ соглядатая. Но на мадамъ Кантиннѣ, женщину ограниченную и до-крайности болтливую, онъ не могъ положиться и для того, черезъ Пулена, далъ ей въ помощницы свою кухарку Соважъ. Эти двѣ женщины хотя не назывались пріятельницами, однако жъ были знакомы между собою и потому не трудно было согласить ихъ.

Мадамъ Кантиннѣ и мадамъ Соважъ пришли въ ту самую минуту, когда Понсъ издавалъ послѣдній вздохъ. Шмукъ не привѣтилъ ни того ни другаго. Онъ держалъ друга за руку, изъ которой мало-по-малу уходила теплота. Обернувшись потомъ и привѣтивъ приходившихъ, онъ сдѣлалъ знакъ чтобы не шумѣли, но солдатская наружность мадамъ Соважъ такъ поразила его, что онъ чуть самъ не вскрикнулъ.

— Это моя помощница, тихо сказала мадамъ Кантиннѣ: она будетъ у насъ кухаркою. Она женщина добрая и честная: за все ручается аббатъ Дюпланти.

— О! вы можете говорить громко, вскричала дикая Соважъ: бѣдняжка ужъ умеръ.

Шмукъ произительно вскрикнулъ и, не выпуская руки друга, устремилъ на него глаза со страхомъ и сомнѣнiемъ. Соважъ, вѣроятно, привычная къ сценамъ такого рода, взяла небольшое зеркало и подвеса ко рту покойника. На стеклѣ не оказалось ни какого слѣда дыханiя.

— Отпустите руку, сказалъ Соважъ: нужно обмыть покойника и уложить, него послѣ, когда совсѣмъ остынетъ, не спрашиваясь,—нужно будетъ кости переломать.

И Соважъ страшная, грубая мужичка, закрыла бѣдному музыканту глаза и принялась обмывать его, укладывать, одѣвать и завертывать съ равнодушiемъ и расторопностию лавочнаго сидѣльца, увязывающаго кипу товаровъ.

Шмукъ на всю эту операцію смотрѣлъ съ ужасомъ. Недавно еще онъ видѣлъ какъ церковно-служитель съ почтенiемъ къ разумному созданiю напутствовалъ его друга къ царствiю небесному, а теперь съ этимъ же другомъ обращались какъ съ вещью.

Мадамъ Кантинѣ приступила къ нему съ требованiями разныхъ вещей по хозяйству,—посуды, столоваго бѣлья, денегъ на провiзiю и такъ далѣе.

Шмукъ обратилъ на нее глаза, наполненные слезами, и вмѣсто отвѣту на все, указалъ на блѣдное, холодное лицо покойника.

— Возьмите все и дайте мнѣ плакать и молиться, сказалъ онъ становясь на колѣни.

Мадамъ Кантинѣ въ недоумѣнiи продолжала доказывать Нѣнду, что ей нужна провiзiя, нужна посуда, дрова и что въ кухнѣ ничего этого нѣтъ. Шмукъ не отвѣчалъ.

— Э! помилуйте, чтѣ тутъ разсуждать, сказала Соважъ. Вотъ я вамъ покажу, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

Она окинула комнату взглядомъ, чтобы угадать, гдѣ хранятся деньги; подошла прямо къ бюро, отворила, выдвинула первый ящикъ и вынула мѣшокъ, въ который Шмукъ положилъ остатокъ денегъ отъ продажи картинъ, и показала его Шмуку. Тотъ, въ знакъ согласiя, машинально кивнулъ головой. Онъ весь былъ погруженъ въ созерцанiе смерти на лицѣ друга. Онъ самъ надѣялся умереть и ничего не хотѣлъ знать объ окружающахъ. Если бы крыша загорѣлась надъ его головой, онъ не тронулся бы съ мѣста.

— Тутъ тысяча-двѣсти-пятьдесятъ франковъ, сказала Соважъ, пересчитавъ деньги и обращаясь къ Шмуку.

Нѣмецъ не отвѣчалъ.

Соважъ принялась хозяйничать и прежде всего озабочилась состригать обѣдъ для Шмука, для мадамъ Кантинѣ и для себя, обѣдъ на славу, — обѣдъ, въ которомъ всѣ приправы были преувеличенны до крайности, такъ, что въ супѣ ложка торчала.

Шмуку отказался отъ обѣда. Онъ не отходилъ ни на шагъ отъ покойника. Пришелъ докторъ Пулень и началъ увѣщать его.

— Вамъ нужно подкрѣпить силы, сказалъ докторъ: вамъ предстоитъ теперь много хлопотъ: во-первыхъ, вы должны ѣхать къ меру съ какимъ-нибудь свидѣтелемъ, чтобы объявить о кончинѣ мосьѣ Понса.

— Мнѣ? вскричалъ Нѣмецъ съ ужасомъ.

— Разумѣется. Вѣдь у покойнаго никого нѣтъ ближе васъ. Вотъ вамъ докторское свидѣтельство. Попросите кого-нибудь изъ сосѣдей въ свидѣтели и поѣзжайте.

Докторъ ушелъ. Шмуку опять сталъ на колѣни подлѣ покойника.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Ремоненкъ, который повторилъ замѣчаніе доктора, что нужно увѣдомить мера, и вызвался быть провожатымъ и свидѣтелемъ.

Полицейскія формы, хлопоты и распоряженія, сопровождающія въ образованныхъ обществахъ переходъ человѣка изъ земной жизни въ царство небесное, легли на бѣднаго Нѣмца страшнымъ, ужасающимъ бременемъ и давили, леденили ему сердце. Добродушный старикъ въ первый разъ видѣлъ покойника и этотъ покойникъ былъ Понсъ, его другъ, единственный другъ, единственное существо, которое понимало и любило его. Ему хотѣлось лечь въ одинъ гробъ съ этимъ другомъ, а его заставляли думать о полиціи; онъ лишился всего, что ему было дорого, а съ него требовали формальнаго свидѣтельства, что Понса дѣйствительно вѣтъ на свѣтѣ.

Но этимъ еще не кончилось. На бѣднаго нагрянула цѣлая толпа разныхъ промышленниковъ, которые живутъ покойниками, — гробовщики, могильщики, мраморщики, церемоніймейстеры, оффиціанты, — явился даже господинъ, который предлагалъ набальзамировать покойника по новому усовершенствованному способу.

Шмуку былъ въ невыразимомъ отчаяніи.

Ремоненкъ присовѣтовалъ взять повѣреннаго и предложилъ эскутора мирнаго судьи, Табаро. Шмуку съ радостью согласился.

— Я отдамъ все, что имѣю, только бы меня оставили въ покое, говорилъ несчастный.

На Табаро указалъ также Фрезье, который посредствомъ невидимыхъ нитей издали управлялъ всѣмъ.

Табаро явился, получилъ довѣренность, которую Шмукъ подписалъ не читая, и распоряженія о погребеніи пошли необыкновенно быстро, правильно и безъ всякой тревоги убитому горемъ Шмуку.

Табаро, будучи уполномоченъ и со стороны Фрезье наставленъ, какъ слѣдуетъ, хоронилъ Понса какъ богатаго человѣка, съ приличнымъ великолѣпіемъ. Все было приготовлено, хорошіе дроги, балдахинъ, факельщики, все, что нужно для «богатыхъ» похоронъ. Только, когда нужно было поднять гробъ, оказалось, что некому снести его на дроги, некому проводить покойника. Уполномоченный забылъ объ этой статьѣ церемоніала, а Шмуку и въ голову не приходило пригласить кого нибудь. Вся родня Понса состояла въ Шмукъ, всѣ друзья въ повѣренномъ, котораго завязали Шмуку.

Кромѣ ихъ только одинъ человѣкъ вспомнилъ о Понсѣ и пришелъ отдать ему послѣдній долгъ. Это былъ сторожъ при оркестрѣ, Топинарь, которому Понсъ отъ себя давалъ на водку, въ видѣ жалованья, по пяти франковъ въ мѣсяцъ.

— Топинарь! вскричалъ Шмукъ, увидѣвъ его: ты любишь Понса, благодарю тебя.

— Да я, сударь, каждый день приходилъ справляться о его здоровьѣ....

— Каждый день?

— Да, но, Богъ знаетъ, почему, меня принимали очень дурно и ни за что не хотѣли впустить, повидаться съ добрымъ нашимъ господиномъ капельмейстеромъ.

— Негодница Сибб! сказалъ Шмукъ: это она не пускала тебя.... Ахъ, если бы ты зналъ, что мы съ Понсомъ переспели!..

— Бѣдный мосё Понсъ!... Золотой былъ человѣкъ... истинно добрый человѣкъ: всякому готовъ былъ помочь.... Мнѣ давалъ пять франковъ каждый мѣсяцъ.... Опъ зналъ, что у меня жена и дѣти.... Жена моя пошла въ церковь.

— Я раздѣлю мой хлѣбъ съ тобою! Ты одинъ любилъ Понса, ты будешь моимъ другомъ, говорилъ Шмукъ пожимая сторожу мозолистыя руки.

По улицѣ, за великолѣпнымъ гробомъ, только шли три человѣка, Шмукъ, Топинарь и Табаро,—да тянулось вѣскольکو пу-

стныхъ извозчичьихъ каретъ, нанятыхъ церемоніймейстеромъ для виду, какъ это дѣлается впрочемъ довольно часто.

По странному случаю похоронный поѣздъ Сибѣ составлялъ поразительную противоположность съ Поисовымъ: тогда какъ за пышнымъ гробомъ музыканта-антикварія, вдругъ прослышшаго миллионеромъ, владѣтелемъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, шло всего только три человѣка, изъ которыхъ одинъ наемный, — за простымъ сосновымъ бѣднаго дворника валила толпа народу. Сибѣ тридцать лѣтъ прожилъ въ одномъ кварталѣ, въ одномъ домѣ и сверхъ-того составилъ себѣ репутацію, дешеваго и исправнаго портнаго. Поэтому его и провожалъ почти весь кварталъ.

Шмукъ, на минуту оживленный чувствомъ признательности и радостью, что нашелъ хоть одного человѣка, который любилъ Поиса, скоро опять впалъ въ глубокое уныніе и шелъ за гробомъ друга какъ убитый.

По дорогѣ къ тремъ провожатымъ страннаго покойника присталъ четвертый. Шмукъ не притѣтилъ его, а Топинаръ не зналъ, кто это, и не обращалъ вниманія на разговоръ его съ повѣренными, тѣмъ болѣе, что они шли въ нѣсколькихъ шагахъ сзади. Но вдругъ Топинаръ разслышалъ слово тюрьма и сталъ вслушиваться.

— Онъ далъ вамъ довѣренность отъ своего имени? спрашивалъ Фрезье Табардъ.

— Отъ своего.

— Ну, и прекрасно. Такъ пусть его самъ заплатитъ всѣ издержки за похороны, а не тѣмъ, такъ въ тюрьму его и конецъ. Онъ распорядился какъ единственный наследникъ, но онъ забылъ, что есть другіе, которые захотятъ, такъ дадутъ ему что-нибудь на память, а пѣтъ, такъ и такъ обойдется. Неужели онъ думаетъ тягаться съ президентомъ Камюзо?...

Топинаръ догадался, что рѣчь идетъ о Шмукѣ, только не понималъ, какимъ образомъ и за что наследника можно посадить въ тюрьму. Однако жъ онъ рѣшился предупредить стараго музыканта и для того старался не проронить ни одного слова. Но напряженіе его было напрасно: Фрезье заговорилъ тише и скоро отсталъ совсѣмъ.

Дорогою, возвращаясь съ кладбища, добрый Топинаръ не хотѣлъ тревожить удрученнаго горемъ. Онъ думалъ сообщить ему свои предостереженія дома и для того проводилъ домой. Но тамъ Соважъ имѣла инструкцію не пускать никого влп, если нельзя не пустить, не оставлять никого наединѣ съ Шмукомъ. Соважъ

исполняла это предписание буквально и не отходила от Нѣмца ни на шагъ, такъ, что Топяваръ ничего не могъ сказать, особенно человѣку, которому нужно было толковать очень ясно, чтобы только привлечь его вниманіе. Онъ пришелъ на другой день и его не пустили.

Фрезье былъ у вдовы Сибд, когда Соважъ пришла сказать ему что выпроводила навязчиваго театральнаго сторожа, который, какъ видно, хочетъ поживиться чѣмъ-нибудь около наследника.

— Хорошо, мадамъ Соважъ, отвѣчалъ Фрезье: продолжайте служить вѣрно и васъ не забудутъ награждать по заслугамъ.

Соважъ ушла и Фрезье продолжалъ прерванный разговоръ съ Сибд.

— Да, любезнѣйшая моя довѣрительница, говорилъ онъ: вы не на чистую играли съ нами и мы ничѣмъ не обязаны въ отплату къ союзницѣ, которая обманываетъ насъ.

— Въ чемъ же я васъ обманула, позвольте спросить? возразила Сибд, подпершись кулаками въ бока: чтѣ вы думаете, вы испугаете меня вашими вытаращенными кошачьими глазами? Вы придираетесь, Богъ знаетъ, къ чему, чтобы отдѣлаться отъ общавій.... а еще называете себя честнымъ человѣкомъ! Знаете ли вы, кто вы?.... Вы-то и есть обманщикъ.... да, да! обманщикъ!

— Пожалуйста, не бранитесь, любезная мадамъ Сибд, сказалъ Фрезье сладкимъ голосомъ: выслушайте меня.... Я съ вами говорю всегда откровенно, вы знаете.... Табард, котораго мы съ вами приставили къ мосью Шмуку, между бумагами на столѣ нашелъ каталогъ картинамъ, писанный рукою самого Понса, и изъ любопытства да и по обязанности вздумалъ повѣрить. Оказалось что описанія осьми картинъ въ каталогѣ совсѣмъ не соответствуютъ нумерамъ, которыя выставлены на рамахъ, потому что они подмѣнены, а всѣхъ недостааетъ девяти штукъ и притомъ изъ лучшихъ, изъ первыхъ во всей коллекціи.

— Развѣ я обязывалась стеречь картины? надменно возразила Сибд.

— Нѣтъ, но вы были ключницею, хозяйкою у Понса и если случилась покража....

— Покража!.... Знайте, сударь, что эти картины проданы мосью Шмукомъ съ согласія Понса, по нуждѣ въ деньгахъ.

— Кому проданы?

— Иль Магусу и Ремоненку.

— За сколько?

— Я почему знаю.... я не помню!

— Послушайте, любезнѣйшая мадамъ Сибб, продолжалъ Фрезье: вы нагрѣли руки, и хорошо нагрѣли!.... Я все знаю и легко могу скрутить васъ, если захочу. Будьте смиренны и слушайте меня, такъ я смогу. Во всякомъ случаѣ, вы понимаете, что уже не можете рассчитывать на получение чего-нибудь отъ моего довѣрителя, президента Камюзэ, съ той минуты какъ разсудили обобрать его сами.

Сибб присмирѣла, потому что не видѣла другаго средства заставить своего повѣреннаго молчать. Въ душѣ она однако жъ была рада, что догадалась сама обезнечить себя. Она разсуждала довольно правильно и вѣроятно, что Фрезье во всякомъ случаѣ надугъ бы ее.

Черезъ часъ послѣ этого Фрезье явился къ Шмуку, вооруженный довѣренностью президента Камюзэ и въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ, которымъ приказано было описать и запечатать все имущество покойнаго и объявить Шмуку, что на сдѣлаемое въ его пользу завѣщаніе, какъ на незаконное, невольными средствами вынужденное, поданъ протестъ.

Прочитавъ повѣстку, которою ему объявляли, что его обвиняютъ въ противузаконномъ посягательствѣ на чужое добро, — въ томъ, что онъ злоумышленно держалъ своего товарища въ заперти, не допускалъ къ нему родныхъ и, пользуясь его болѣзнью и слабоуміемъ, вынудилъ несправедливое завѣщаніе, — Шмукъ опустился на кресло, передъ которымъ стоялъ. Роковая бумага упала на полъ.

Полицейскіе чиновники пошли въ залу, описывать и опечатывать музей. Занятые этимъ дѣломъ, они не обратили ни какого вниманія на несчастнаго, у котораго голова опрокинулась на спинку кресла и лицо начинало багровѣть.

Черезъ часъ потомъ пришелъ Табард, которому поручено было внушить Пѣицу, чтобы онъ во избѣжаніе тяжбы, которой успѣхъ всегда сомнителенъ, согласился на любовную сдѣлку и принялъ бы пожизненнаго дохода двѣ-тысячи-четыреста франковъ въ годъ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что умѣренный и некорыстолюбивый старикъ остался бы совершенно доволенъ этимъ благодѣяніемъ президентши Камюзэ де-Марвиля, но было уже поздно.

Шмукъ умеръ отъ апоплексическаго удару.

Этимъ, конечно, можно бы и кончить разсказъ, но читатели, вѣроятно, захотятъ знать, что стало съ остальными героями.

Понсовъ музей достался графу Попиво, который, собравшаясь съ оцѣнкою Магуса, далъ за него миллионъ.

Фрезье получилъ мѣсто мирнаго судьи и очень хорошо принять у президентши, которая купила дочери новое имѣніе, а марвилское удержала за собою. Президентъ, сдѣлавшись опять владѣльцемъ недвижимаго имѣнія, безпрепятственно избранъ въ депутаты и совершенно счастливъ. Онъ только не можетъ забыть, что, не получивъ во-время извѣщенія, не былъ на похоронахъ своего кузена и тѣмъ неволью оказалъ неуваженіе къ родственнымъ связямъ.

Докторъ Пуленъ получилъ мѣсто главнаго врача при значительной больницѣ и нашелъ хорошую партію.

Мадамъ Сибо вышла замужъ за Ремоненка, но опасаясь, чтобы предсказаніе мадамъ Фонтенъ не сбылось до конца, не рѣшилась переселиться въ деревню, какъ мечтала прежде, а осталась въ великолѣпномъ магазинѣ рѣдкостей, на бульварѣ.

Это окончаніе нѣкоторымъ покажется, можетъ-быть, не совсемъ утѣшительнымъ, потому что тутъ добродѣтели и преступленія награждаются и наказываются не такъ, какъ бы слѣдовало въ благонаравномъ романѣ, но зато вѣдь это и не романъ, а исторія.

Отпустите автору прегрѣшенія его.... и переводчику тоже.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ПРАКТИЧЕСКІЯ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ ДѢЙСТВІЕМЪ ПАРОВЪ ЭОИРУ НА ЖИВОТНЫЙ
ОРГАНИЗМЪ,

ПРОФЕССОРА ПИРОГОВА.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Опыты, произведенные мною надъ больными и здоровыми людьми, надъ самимъ собою и надъ животными, даютъ мнѣ право произнести сужденіе о практическомъ достоинствѣ и способѣ дѣйствія эоира на животный организмъ, какъ болеутолятельнаго средства при хирургическихъ операціяхъ.

Быть-можетъ благоразумнѣе было бы отложить произнесеніе приговора до тѣхъ поръ, когда набралось бы болѣе значительное число опытовъ, но, какъ доказано, что опытъ болѣе зрѣлый всегда дополнялъ, измѣнялъ и даже иногда вовсе уничтожалъ результаты предшествовавшихъ наблюденій, то я рѣшаюсь, въ настоящую минуту, сдѣлать извѣстными результаты пятидесяти хирургическихъ операцій, почти сорока опытовъ надъ людьми здоровыми и многихъ наблюденій моихъ надъ животными, въ надеждѣ, что мои изысканія надъ приложеніемъ эоира къ хирургической практикѣ и надъ дѣйствіемъ этого средства вообще, принесутъ пользу врачебной наукѣ.

Признаюсь, несмотря на блистательные успѣхи употребленія эфиру въ хирургическихъ операціяхъ, о которыхъ было такъ много писано во французскихъ и англійскихъ журналахъ, я долго не рѣшался употребить это средство и приступилъ къ первымъ опытамъ надъ введеніемъ паровъ эфиру въ легкія не безъ внутренняго сомнѣнія, — не потому, чтобы я не вѣрилъ въ снотворное его дѣйствіе, но мнѣ были извѣстны его другія, именно раздражающія свойства, которыя обнаруживаются послѣ вдыханія его паровъ. Вотъ причина упорства моего предубѣжденія.

Какъ я всѣмъ моимъ собратамъ, мнѣ было извѣстно, что человекъ, упившійся виномъ, обыкновенно очень слабо, даже почти не чувствуетъ травматическую боль (боль отъ ранъ). Неразъ случилось мнѣ замѣчать, при вправленіи застарѣлыхъ вывиховъ, что больные, которыхъ я заставлялъ передъ операціей выпить порядочную порцію простой воды, не обнаруживали никакого сопротивленія и не чувствовали ни малѣйшей боли. (Смотри мой Apparen.) Мнѣ также случалось видѣть людей, которые, въ припадкѣ пьяной горячки (*delirium tremens*), имѣя изувѣченные члены, вскакивали съ постели и принимались плясать, не чувствуя ни какой боли. Въ госпиталѣ, гдѣ я служу, мнѣ удалось быть свидѣтелемъ такого случая: одинъ больной, въ припадкѣ *delirium tremens*, выскочивъ въ окно, вывихнулъ себѣ ногу. Вывихъ этотъ былъ сложный, *tibia* вышла наружу. Ни мало не обращая вниманія на мучительную боль, этотъ несчастный тутъ же принялся отчаянно плясать, ступая на больную ногу. Давно извѣстно, что винныя пары, проникая въ легкія, приводятъ человека въ полное опьяненіе: случаи такого опьяненія нерѣдко были замѣчаемы въ погребахъ, гдѣ хранились запасы старыхъ напитковъ.

Я зналъ также, что извѣстный *liquor apodynus*, — гофманскія кашаи, — издавна считаются необходимою принадлежностью всякой, сколько-нибудь важной операціи. Всего этого однако жъ было недостаточно для внушенія мнѣ окончательной довѣренности къ безвредности эфиру, потому что мнѣ были извѣстны, съ одной стороны ничѣмъ не отвратимое вліяніе его на чувствительность, съ другой мгновенное почти исчезновеніе этихъ его дѣйствій. Впослѣдствіи, кромѣ-того, еще одно обстоятельство сильно поддерживало мое предубѣжденіе противъ эфиру.

Для хирурга, который въ видахъ пользы своего пациента, силою воли, разсудка и, наконецъ, привычкою успѣлъ единожды побѣдить въ себѣ чувства невольнаго ужасу, производимаго стона-

ни и другими выраженіями боли, — производить операцію надъ человѣкомъ, лишеннымъ чувствъ и воли — занятіе тяжкое и отвратительное. Кромѣ-того, известно, что при нѣкоторыхъ важныхъ операціяхъ встрѣчаются иногда случайности совершенно непредвидимыя; больные, за минуту передъ операціею бодрые и исполненные силы и жизни, лишаются вдругъ чувствъ, и иногда умираютъ отъ нервной аполексіи или отъ выдренія въ открытыя жилы воздуху. Спрашивается, какъ замѣтить такія явленія въ человѣкѣ лишенномъ чувствъ? какъ остановиться во-время и въ-пору поспѣшить подать ему необходимую помощь?

Далѣе, развѣ въ хирургической практикѣ не встрѣчается множества такихъ обстоятельствъ, гдѣ совершенное присутствіе въ больномъ чувствъ и даже разума — необходимое условіе для успѣшнаго выполненія операціи; обстоятельствъ, гдѣ хирургу необходимо пособіе доброй воли его пациента; гдѣ эта воля нужна врачу, для того, чтобъ заставить оперируемый членъ принять именно такое, а не другое положеніе, чтобъ при перерѣзываніи сухихъ жлъ (*tenotomia*), напримѣръ, вытянуть сухую жилу, или на оборотъ, остаться на минуту въ покоѣ во время того или другаго акта операціи, — чтобъ втянуть въ себя обильную струю воздуха для воспроизведенія останавливающагося въ жилахъ кровообращенія, или чтобы, напротивъ-того, задержать на нѣскольکو секундъ дыханіе? Больной, находящійся въ безчувствіи, разумѣется, не въ состояніи исполнить всѣ эти требованія.

Послѣ всего этого, кто рѣшится упрекнуть въ нерѣшительности хирурга, который приучилъ себя смотрѣть на крики больнаго, обыкновенно сопровождающіе операцію, какъ на неизбежное условіе оперирования, и видѣть въ этихъ мѣкахъ не болѣе какъ естественное, правильное противодѣйствіе организма: акушеры, сами родильницы, наконецъ всѣ мы развѣ не считаемъ и теперь еще мукъ, сопровождающихъ освобожденія матки отъ бремени, за вѣрный, благонадежный признакъ, благополучнаго хода родовъ, признакъ освященный, такъ сказать, уставомъ природы для акта родотворенія?

Когда я побѣдилъ въ себѣ это отвращеніе къ зэиру, отвращеніе, которое, безъ-сомнѣнія, раздѣляли со мною и многіе другіе врачи, я убѣдился, что пары зэира — средство, заслуживающее полного вниманія врачей, въ одномъ отношеніи общающее даже совершенно преобразовать всю хирургию. Въ хирургіи есть особые роды операцій, которыя, въ настоящее время допускаются врачами единственно въ незначительныхъ случаяхъ и малоаж-

ныхъ недуговъ,—говорю о такъ-называемыхъ палліативныхъ операціяхъ.

Довыпѣ хирурги обыкновенно съ отвращеніемъ приступали къ операціи въ случаяхъ, гдѣ все убѣждало въ томъ, что она, не уничтоживъ совершенно недуга, можетъ продлить на пѣкоторое время жизнь больного или облегчить его мѹки, устранивъ на неопредѣленное время тѣ страданія, которыя еще ожидаютъ больного, или отбѣливъ, наконецъ, пѣкоторыя поврежденные части, можетъ сдѣлать существованіе больного способѣе и для него самого и для лицъ его окружающихъ. Сомнительность операціи хирургъ долженъ былъ сохранять втайнѣ не только отъ больного, но даже и отъ его ближнихъ: у какого больного достало бы твердости и разсудка, рѣшиться вынести мучительную операцію, въ простой надеждѣ, что она только облегчитъ его страданія, уничтожить болѣзнь только на извѣстный срокъ, можетъ-быть очень кратковременный? Между-тѣмъ, подобныхъ случаевъ не мало, въ-особенности въ больницахъ. Каждый совѣтливый операторъ чистосердечно можетъ признаться, что есть множество обстоятельствъ, гдѣ приходится рѣшиться на операцію, имѣя въ виду одну эту цѣль, напрямѣръ, при вырѣзываніи частей, поврежденныхъ ракомъ.

Если кому случалось видѣть какъ бываетъ худъ, изнуренъ, чело-вѣкъ страждущій открытымъ ракомъ; до какого отчаянія иногда доводятъ его невыносимыя боли, при обильномъ изліяніи гнойной матеріи, — и кому удалось увидѣть того же больного послѣ операціи, когда эта боль уничтожилась (хотя не на долго, много года на два), довольнымъ, покойнымъ, свѣжѣе прежняго; тотъ, конечно, согласится, что въ такого рода обстоятельствахъ всякая операція, какъ бы ни было кратковременно принесенное ею облегченіе, всегда будетъ дѣломъ благимъ, святою обязанностию врача.

Кто изъ госпитальныхъ врачей не знаетъ, что обширныя неизлечимыя язвы, отбѣляющія множество вонючаго гноя, бываютъ иногда невыносимы и даже чрезвычайно вредны для самого страдальца и для больныхъ, лежащихъ въ одной съ нимъ палатѣ?

Признаюсь, въ такихъ случаяхъ, внимая просьбамъ самихъ большихъ, я иногда прибѣгалъ къ операціямъ, имѣя въ виду только облегченіе ихъ страданій, и устраненіе явнаго вреда для другихъ больныхъ. Я помню, напрямѣръ, одинъ случай, гдѣ язва проказы, соединенная съ костоѣдою въ ногѣ, сопровождалась от-

дѣленіемъ чрезвычайно вонючаго гною въ такомъ ужасномъ количествѣ, что матрацъ, на которомъ лежала больная, въ нѣскольکو часовъ промокалъ насквозь. Зловоніе гноя приводило въ ужасъ и самую больную и всѣхъ ея окружавшихъ; она сама просила меня отрѣзать ей ногу, и хотя я видѣлъ ясно, что болѣзнь неизлечима, однако жъ не могъ отказать ей въ пособіи: она прожила еще нѣсколько недѣль послѣ операціи, не чувствуя прежнихъ мученій.

Наконецъ, какъ въ большей части подобныхъ случаевъ невозможно сказать впередъ навѣрное, что операція, произведенная при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ, непременно останется безуспѣшною, и какъ каждый хирургъ, если только онъ не гонится за пустою славою слыть счастливымъ операторомъ, вѣрно не однажды имѣлъ удовольствіе собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ Гипократовой аксіомы: «Сомнительная помощь лучше нежели никакая», то я считаю себя вправѣ заключить, что предпринимаемая чисто въ палліативныхъ видахъ операція, также можетъ иногда спасти больнаго. Изъ этого видно, что если число такого рода операцій до-сихъ-поръ было очень ограничено и если большая часть хирурговъ обыкновенно довольствовалась небольшими пастѣчками и маловажными уколами (какъ наиримѣръ, въ водяной болѣзни яичка), то причину этому надобно искать въ опасеніяхъ и филантропическихъ чувствахъ врачей, которые думаютъ, будто большой искупецъ временное облегченіе слишкомъ для себя дорогою цѣною и будто между такимъ облегченіемъ и неразлучными съ операціей страданіями, далеко нѣтъ равновѣсія. Эти опасенія потеряли всякое для себя основаніе съ-тѣхъ-поръ, какъ мы приобрѣли средства совершенно уничтожать чувство боли, производимой операціею, вслѣдствіе чего, число показаній для палліативныхъ операцій, должно отнынѣ постепенно увеличиваться.

Первая, довольно важная операція, въ которой я употребилъ энэру, была слѣдующая:

Женщина, тридцати-пяти лѣтъ отъ-роду, слабого сложенія и перваго темперамента, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, примѣтила у себя въ правой груди, твердый, подвижной желвакъ, который со времени послѣднихъ родовъ увеличился въ объемъ и сильно воспалился. Опухоль имѣла всѣ признаки мозговиднаго рака (*cancer medullaris*), вмѣстѣ съ тѣмъ распухла и подмышечная желѣза, и обнаруживали явное расположеніе къ изъязвленію

Вскорѣ объ эти опухоли, то есть, на груди и въ подмышечныхъ же-

лѣзяхъ вскрылись, и на обѣихъ этихъ мѣстахъ образовались настоящія раковыя язвы. Лихорадка была сильная; больная — очень изнурена и чрезвычайно раздражительна. До появленія язвы, она ни за что не хотѣла согласиться на операцію, которой потомъ не было уже возможности сдѣлать. Гной, просочившійся въ мышечное пространство, произвелъ рожистое воспаленіе и ознобы. Когда эти припадки были уничтожены, я съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что язва подъ мышкою вдругъ начала поправляться и наконецъ совсѣмъ зажила, оставивъ послѣ себя затвердѣлую, величиною съ яйцо, опухоль, которая совершенно срослась съ близлежащими частями; ракъ на груди оставался въ прежнемъ положеніи; вагносіе, боли и лихорадка очевидно изнуряли больную. Наконецъ она сама стала умолять меня сдѣлать ей операцію. Вырѣзать совершенно подмышечныя желѣзы было невозможно, по причинѣ сращенія ихъ съ близлежащими кровеносными трубками и нервами, которые были покрыты затвердѣшею клетчаткою. Впрочемъ, эти желѣзы ни причиняли большой особенной боли и не обнаруживали склонности къ новому размягченію и вагносію. Я приступилъ къ операціи чисто въ однихъ *палліативныхъ* видахъ, а возможность ослабить чувство боли, неизбежной при операціи, еще болѣе укрѣпила мою рѣшимость. Но прежде всего мнѣ хотѣлось испытать сначала, какое дѣйствіе произведетъ эфиръ на эту ослабѣвшую и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайно раздражительную женщину. Пробная этеризація больной пакануѣ операціи, убѣдила меня въ томъ, что ее легко усыпить. Когда она пришла въ себя, ей стала стыдно и она чуть не заплакала. Ей сналось, будто она прощалась съ своими родственниками и оставляла госпиталь. Кажется, что сновидѣнія ея были нѣсколько эротическія, потому что проснувшись она схватила меня за полу пальто, закрыла имъ себѣ глаза и сказала: «Мнѣ стыдно!»

Приведеніе въ усыпленіе передъ самою операцію продолжалось всего около осьми минутъ. Самая операція состояла единственно въ изсѣченіи (*extirpatio*) груди, и продолжалась двѣ минуты. Больная находилась въ совершенномъ безчувствіи. Въ верхнемъ углу раны я нашелъ скопленіе вѣтвенныхъ болѣзней подмышечныхъ желѣзъ, которыя я оттянулъ щипцами Мюзо (*pince de Museaux*), а на основаніе ихъ наложилъ лигатуру. Во время этой части операціи, такъ же какъ и при перевязываніи кровеносныхъ трубокъ, изъ которыхъ вѣны срослись съ мышечными и нервными волокнами, больная не обнаружила ни малѣйшаго признаку страда-

ніа. Она очнулась черезъ осемь минутъ, и первый ея вопросъ былъ: «Зачѣмъ не сдѣлали операцію?» Какъ будто во снѣ, у нея оставались въ памяти послѣднія произнесенныя мною слова, но послѣ этого она всё-еще оставалась въ забытьи, потому что рѣшительно не чувствовала боли, когда я наложилъ еще двѣ лгатуры. Небольшая боль въ головѣ и тошнота, вотъ всё послѣдствіа этеризаціи. Они продолжались до вечера. Ни въ лгхорадочной реакціи, ни въ результатахъ хода травматическаго поврежденія я не замѣтилъ ни малѣйшаго уклоненія отъ обыкновеннаго. Я употребилъ нары энпра съ такою же палліативною цѣлью надъ одною дѣвушкой, чрезвычайно истомленной, у которой, послѣ отнятія голени (по причинѣ органическаго разстройства колѣна), образовалось воспаленіе вень съ расположеніемъ къ нагноенію. Лоскутъ мяса съ кожей, который оставляется для того чтобъ прикрыть обнаженныя части, былъ такъ чувствителенъ и перевязка каждый разъ сопровождалась такими раздражающими криками, что я рѣшился при каждой новой перевязкѣ энпровать мою несчастную больную. Первый разъ она вдыхала энпръ посредствомъ шарьерскаго прибора, а два слѣдующіе она вдыхала въ носъ, прямо изъ простой ста.клянки. Каждый разъ она впадала въ усыпленіе необыкновенно скоро и не обнаруживала ни малѣйшей чувствительности къ боли, хотя и увѣряла, будто каждый разъ слышала, какъ ей дѣлали перевязку.

Чтобъ распространить употребленіе энпра и внушить полное довѣріе къ его пользѣ въ хирургической практикѣ, по моему мнѣнію, необходимо обратить вниманіе какъ врачей, такъ и больныхъ, въ первый разъ прибѣгающихъ къ этому средству:

1) На дѣйствіе этого средства, обнаруживающееся въ чрезвычайно различныхъ формахъ, и доходящее наконецъ до совершеннаго усыпленія; 2) на устройство, и способъ употребленія прибора, отъ котораго зависитъ не только успѣхъ, но, что всего важнѣе, самая безвредность этеризаціи.

Въ этомъ отношеніи, несмотря на недавнее свое появленіе въ медицинѣ, процессъ энпрванія, благодаря множеству опытовъ и наблюденій, можетъ быть основанъ на очень полезныхъ правилахъ, которыми можетъ руководиться желающій употребить это средство.

Что касается до различныхъ степеней вліянія энпра на организмъ, то, основываясь на собственныхъ своихъ опытахъ надъ больными и надъ людьми совершенно здоровыми, я думаю, что эти степеня могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Гдѣ зѣпру обнаруживается непосредственно уснителинне дѣйствіе. Послѣ нѣсколькихъ вдыханій зѣпрныхъ паровъ человѣкъ незамѣтно погружается въ тихій сонъ, безъ спонидній; ощущение пріятной теплоты пробѣгаетъ по всему тѣлу, преимущественно въ направленіи отъ наружи внутрь, начиная съ конечностей; руки опускаются, вѣки упадаютъ; какое-то чувство истомы, похожее на чувство усталости, предшествуетъ засыпанію; пульсъ, прежде частый и порывистый, постепенно переходитъ въ медленный и тихій; дыханіе, сначала тяжкое и немного ускоренное, становится глубокимъ: большой, такъ-сказать, съ жадностью поглощаетъ пары зѣпру; лицо покрывается легкимъ румянцемъ, а на лбу выступаютъ крупныя капли поту.

Чувствительность или совершенно исчезаетъ, или въ больномъ остается, послѣ зѣпрванія, смутное воспоминаніе о минувшихъ послѣднихъ ощущеніяхъ. Точно такое же дѣйствіе я два раза испыталъ на самомъ себѣ и въ той же степени оказалось оно на одномъ изъ моихъ сослуживцевъ и на молодой и слабой дѣвочкѣ, у которой, какъ я замѣтилъ выше, была отнята голень. Всѣ трое мы тѣлосложенія нервнаго, а мой товарищъ, кромѣ того, еще подверженъ небольшимъ приливамъ крови къ головѣ. На меня пары зѣпру подѣйствовали скоро и мгновенно, и что особенно любопытно, произвели невыразимо пріятное ощущеніе тепла въ самыхъ даже пальцахъ ногъ, которые у меня обыкновенно бываютъ холодны.

Въ первый разъ, когда мнѣ не хотѣлось довести себя до совершеннаго усыпленія, я долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобы разстаться съ трубкою прибора. Я ясно чувствовалъ, что—еще нѣсколько вдыханій, и всѣ связи мои съ міромъ будутъ на нѣсколько времени разорваны; я склонился совершенно истомленный, однако жъ ясно понималъ, что это не было обыкновеннымъ опьяненіемъ, а какое-то среднее состояніе между опьяненіемъ и обморокомъ. У товарища моего, сверхъ того, обнаружилось чрезвычайно скоро судорожное морганіе векъ (pupstagma), чего самъ онъ однако жъ не замѣчалъ.

Еще недавно я пылъ случай наблюдать такое же дѣйствіе надъ однимъ пятидесяти-лѣтнимъ, довольно слабого тѣлосложенія больнымъ, который уже три дня страдалъ ущемленною грыжею. Зѣпрваніе продолжалось около осьми минутъ. Старикъ погрузился въ глубокій сонъ; пульсъ, сначала очень слабый, какъ это всегда бываетъ при всѣхъ острыхъ педугахъ брюшной полости, немного возвысился; впродолженіи всей операциіи больной не одычалъ

ни одного почти движенія: онъ не чувствовалъ ни какой боли. На все разпросы мои о томъ, какое дѣйствіе производилъ на него паръ зэпру, онъ отвѣчалъ только: «Я вдыхалъ, вдыхалъ, да и за-снулъ.»

Во всехъ этихъ случаяхъ, усыпленіе происходило отъ вдыханія зэпрныхъ паровъ ртомъ, безъ сжатія ноздрей. Эту методи я нахожу столько же причиною для цѣли, какъ и пріятною для больного.

2) Пары зэпру производятъ то же спотворное дѣйствіе, но въ болѣе сильной степени, сопровождаемое болѣе сильнымъ приливомъ крови къ головѣ, болѣшимъ расширеніемъ зрачка и припадкамъ катаlepsis. Такое усыпленіе, какъ и въ первомъ случаѣ, сопровождается совершеннымъ или почти совершеннымъ безчувствіемъ, но всегда одинаково безъ виднѣній. Къ этой группѣ должно отнести одного больного, очень крѣпкаго тѣлосложенія, которому я сдѣлалъ обрѣзаніе крайней плоти, съ разрѣзомъ внутренней пластинки.

Послѣ пяти минутнаго вдыханія паровъ зэпру, лицо его поспѣло: пульсъ, вначалѣ ускоренный, сдѣлался медленнымъ, глаза стали неподвижны, а зрачки необыкновенно расширились; вытянутыя впередъ руки и пальцы оставались въ неизмѣнномъ положеніи. Боль, которую онъ ощущалъ, казалась ему слабымъ уколомъ. Какъ бы очнувшись послѣ глубокаго обмороку, онъ обвелъ все съ насъ удивленными глазами, сдѣлалъ крестное знаменіе, и послѣ того велъ себя такъ, какъ-будто ему операции вовсе не было сдѣлано.

Другой, въ высокой степени любопытный примѣръ представилъ намъ молодой студентъ, челоуѣкъ очень худощавый и блѣдный, страдавшій небольшимъ раздраженіемъ спиннаго мозгу, и у котораго, слѣдовательно, легко можно было возбудить движенія души. Онъ всегда замѣчалъ, что послѣ всякаго волненія у него начинала трестись нижняя губа. Пары зэпру привели его въ настоящую катаlepsis. Неподвижные глаза выступили изъ своихъ впадинъ и закатились, зрачки расширились; лицо слегка поспѣло; изъ открытаго рта вытекала слюна; пульсъ, до того довольно сильный, становился все слабѣе и слабѣе; на лбу выступилъ холодный потъ; пальцы вытянулись. Пальцы, ручныя кисти, вся рука, оставались въ томъ положеніи, какое мнѣ угодно было дать имъ. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я ужасающій образъ челоуѣка съ выкатившимися глазами, отъ которыхъ выдавались одни бѣлки, съ неподвижно вы-

тянутыми въ воздухъ руками, какъ у мраморной статуи. Чувствительность совершенно почтала. Прийдя въ себя, этотъ молодой человѣкъ ничего не помнилъ о томъ, что съ нимъ случилось.

3) Вдыханіе эфиру производитъ усыпленіе, съ сновидѣніями болѣе или менѣе явственными, болѣе или менѣе рѣзкими, не уничтожая вовсе чувствительности, или мало ослабляя ее. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ. Молодыхъ лѣтъ и здороваго сложенія солдатъ, не бывъ закоренѣлымъ пьяницей, однако же издавна сдѣлавшій привычку къ спиртнымъ напиткамъ, два раза былъ подвергаемъ вліянію эфирныхъ паровъ, потому что у него должно было уничтожить нѣсколько довольно обширныхъ кандиломовъ. Онъ вдыхалъ эфирные пары около четверти часа. Лицо его сильно покраснѣло, пульсъ необыкновенно возвысился и зрачки расширились; черты лица принявъ веселое выраженіе и онъ, освободясь усильнымъ движеніемъ отъ прибора, разразился при всѣхъ насъ громкимъ смѣхомъ, крича: «Зачѣмъ зашли сюда эти кролики, что бѣгаютъ передо мной?» Ему еще чудилось, будто онъ стоитъ на крышѣ и счищаетъ снѣгъ; въ другой разъ, когда эфированіе доведено было до болѣе сильной степени, эти видѣнія, какъ кажется, прервались ощущеніемъ боли отъ операціи: онъ сильно застоналъ и послѣ увѣрилъ меня, будто «боль проняла его до самаго сердца», однако жъ судя по его другимъ словамъ, должно полагать, что у него чувство боли далеко не было такъ сильно, какъ это бываетъ при операціяхъ этого рода.

Одинъ изъ студентовъ, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, желавшій испытать на себѣ въ моемъ присутствіи дѣйствіе эфиру, имѣлъ силу письменно отвѣчать мнѣ на мои вопросы. Сначала онъ чувствовалъ пріятный жаръ въ конечностяхъ, потомъ, продолжая вдыхать въ себя пары втеченіи сорока минутъ, онъ написалъ мнѣ твердымъ почеркомъ, что ему кажется, будто онъ летаетъ на облакахъ и въ то же время видитъ какой-то сонъ, въ которомъ играетъ первенствующую роль, по сюжета этого сна онъ не могъ припомнить. Пульсъ у него поднялся, лицо покраснѣло, но чувствительность не исчезала, онъ чувствовалъ самый незначительный уколъ въ ногу и почти безъ ошибки могъ указать мнѣ всѣ мѣста, гдѣ я его укалывалъ. Небольшая боль въ головѣ и маленькій катарръ, можетъ-быть, не отъ эфиру, а отъ простуды, продолжавшіеся до слѣдующаго дня, были единственными слѣдствіями этеризаціи.

4) Полное опьяненіе, сопровождаемое разными видѣніями, при

совершенною уничтоженіи чувствительности послѣ вдыханія зэпру — явленіе, замѣчаемое всего чаще. Изъ числа зэпруемыхъ мною особъ, какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ, почти всѣ приходили въ состояніе, вполне похожее на опьяненіе отъ вина. Но это опьяненіе происходило различными образомъ: иногда ему предшествовало сильное возбужденіе, иногда же оно наступало нечувствительно и постепенно, безъ малѣйшихъ признаковъ возбужденія.

Въ первомъ случаѣ замѣчаются всѣ признаки прилива крови къ головѣ; глаза сверкаютъ и источаютъ слезы; бѣлки глазъ наливаются кровью; зэпруемый, находясь въ полной памяти, хохочетъ, громко вскрикиваетъ, ругается, поетъ, принимаетъ комическія или угрожающія позы, бьетъ въ тактъ руками и ногами, словомъ, ведетъ себя какъ настоящій пьяный человѣкъ, до тѣхъ поръ пока не упадетъ въ совершенное усыпленіе.

У другихъ такое возбужденіе доходить до восторженности (экстаза): мнѣ случилось видѣть, что зэпруемые больные прыгали, плясали, били себя кулаками. Одинъ изъ нихъ съ такимъ неистовствомъ бросился на своего оператора, что заставилъ его убѣжать въ другую комнату. Хирургъ, держа инструменты, неосторожно прикоснулся къ пораженному болѣзнію члену (*glans penis*).

Во второмъ, послѣ нѣсколькихъ вдыханій, глаза становятся неподвижны и мутны, зрачки расширяются, вѣки мало-по-малу опадаютъ и закрываются, дыханіе дѣлается медленнымъ и глубокимъ. Тѣ изъ моихъ больныхъ, которые внимательно слѣдовали за всѣми постепенными измѣненіями своего положенія, утверждали меня, будто, передъ самымъ усыпленіемъ, имъ слышались звонъ колоколовъ, звуки музыки, всѣ окружающіе ихъ предметы представлялись имъ свѣтлѣе, и вообще въ какомъ-то желтомъ, необыкновенномъ свѣтѣ. Присутствовавшіе казались имъ въ большемъ или меньшемъ видѣ противъ обыкновеннаго, что заставляло ихъ невольно смѣяться, и за тѣмъ очерки, какъ стороннихъ лицъ такъ и собственнаго ихъ тѣла, становились все неяснѣе и наконецъ постепенно исчезали.

Всѣ эти видѣнія можно подраздѣлять на слѣдующія категоріи:

а) Видѣнія ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ грезъ опьянѣвшаго человѣка, и въ такомъ случаѣ, зэпруемый тотчасъ послѣ устраниенія отъ него трубки прибора, начинаетъ вести себя какъ настоящій пьяный, дѣлая различныя жесты, ру-

глась, смѣлась и говоря о вещахъ, не выходящихъ изъ быта обыкновенной жизни, поэтому объ нихъ не стоить и говорить.

б) Видѣнія имѣютъ высшее психологическое значеніе. Нѣкоторые, выйдя изъ опьяненія, хотя очевидно находясь еще подъ вліяніемъ эопру, говорили твердымъ и обыкновеннымъ своимъ голосомъ; въ словахъ ихъ была жизнь, огонь; подожженіе духъ скорѣе слѣдовало бы принять за обманъ чувствъ, галлюцинацію, чѣмъ за бредъ соннаго.

Такіе обманы чувствъ находились въ связи съ окружающими предметами, съ присутствовавшими лицами, съ обыкновенными занятіями больного, или перенесенныя въ высшую сферу, они принимали веселые, смѣющиеся образы. Нѣкоторые студенты мечтали о докторскомъ дипломѣ; любителю музыки слышались звуки знакомаго марша. Въ людяхъ, которые подвергались операціямъ, я замѣчалъ нѣкоторую, впрочемъ неясную, связь между видѣніями и ощущеніемъ боли отъ операціи. Видѣнія въ этомъ случаѣ бывали то горестныя, то радостныя.

Я не знаю ничего любопытнѣе въ этомъ отношеніи какъ разсказъ десятилѣтняго мальчика, котораго въ семи мѣстахъ искуса бѣшеная собака. До прижиганія рапъ раскаленнымъ желѣзомъ, я его наэопировалъ. Во все продолженіе операціи ребенокъ, по видимому ничего не чувствовалъ, но лишь-только мы отняли у него трубку прибора, то онъ сталъ тереть себѣ глаза кулаками, посмотрѣлъ въ удивленіи на всѣхъ насъ и сказалъ: «Что бы это значю? Я сплю, а всѣхъ васъ вижу! Что это, вы всѣ стали такіе большіе; неужели вы выросли до самаго потолка? Куда дѣлись мальчишки, мы, вѣдь, въ бабки играли!» Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ того какъ сталъ чувствовать боль въ прижженныхъ ранахъ, и завидѣлъ одну изъ нихъ у себя на рукѣ, онъ прибавилъ: «А! теперь знаю: это мальчишки изщипали меня!» и тутъ же сталъ горько плакать: «Нѣтъ я знаю, я все знаю и все видѣлъ: это вы меня сожгли, изщипали, благо я одинъ, сиротка.... Я сейчасъ уйду!» И въ самомъ дѣлѣ, онъ соскочилъ съ постели и хотѣлъ убѣжать. Другой мальчикъ, которому я вырѣзалъ камень изъ мочевого пузыря, увѣрялъ, будто ему снилось множество цвѣтовъ, и будто онъ по нимъ гулялъ. Солдату, которому я вырѣзалъ на шеѣ лимфатическія желѣзы и который во время операціи страшно ругался, видѣлъ во еиѣ, будто дерется съ товарищами. Другому солдату, которому была сдѣлана операція обрѣзанія, пригрезилось, что черти стокнули его въ какую-то ужасную пропасть. (Напротивъ, женщина, оперирован-

или Ватманой въ Вѣнѣ, рассказывала, что пошла въ рай). Наконецъ

с) Приходя въ себя изъ усыпленія, нѣкоторые совершенно забываютъ свои грезы, но помнятъ, что видѣли что-то во снѣ, или по пробужденіи втеченіи нѣкотораго времени остаются безглазными, одурѣлыми, не умѣя отдать отчета въ томъ, что съ ними дѣлалось. Одинъ студентъ, нѣсколько разъ подвергавшій себя дѣйствию зонрихъ паровъ, съ памѣреніемъ описать потомъ свои видѣнія, каждый разъ послѣ пробужденія забывалъ всѣ грезы.

Три челоѣвка, которымъ я отнял нѣкоторые члены, при сдѣйствіи паровъ зонру, также не могли задержать въ памяти своихъ видѣній, и ни одинъ изъ нихъ ничего не зналъ о сдѣланной ему операціи. Они даже не умѣли сказать, сплюсь ли имъ что-нибудь, или нѣтъ.

5) Чрезвычайно любопытное явленіе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ людяхъ, опьяненныхъ парами зонру, — совершенная утрата чувствительности, сопровождаемая появленіемъ автоматическихъ сильныхъ движеній тѣла. Я часто примѣчалъ, что въ самомъ началѣ наркотизаціи, зонруемые дѣлались безпокойны, схватывались руками за трубку прибора, и употребляли усилія, чтобъ отъ нея всячески освободиться. Одинъ студентъ, которому четверо его товарищей не могли воспрепятствовать отбросить отъ себя приборъ, прійдя въ память упрекалъ ихъ за то, что они отняли у него трубку. Другой, у котораго подъ вліяніемъ зонру была вырѣзана мѣшеччатая опухоль за ухомъ, дѣлалъ такія сильныя автоматическія движенія во снѣ тѣломъ, что пятеро челоѣкъ не могли удержать его въ надлежащемъ положеніи. По пробужденіи онъ ничего не помнилъ ни объ операціи, ни о томъ, что съ нимъ происходило въ это время. Точно такія же движенія, сопровождаемыя стонами, при совершенномъ отсутствіи чувства боли, были замѣчены мною у челоѣвка, которому я сдѣлалъ операцію обрѣзанія.

Въ моихъ глазахъ обстоятельство, когда зонруемый невольно старается схватить рукою трубку прибора, всегда есть признакъ начавшейся уже у него наркотизаціи.

6) Назонренныя сохраняютъ болѣе или менѣе сознаніе и употребленіе своихъ чувствъ, утрачивая однако же вполне, или въ нѣкоторой степени, чувствительность къ боли. Одинъ больной, во время операціи фистулы прямой кишки и мочевого пузыря, безпрерывно разговаривалъ съ нами. Онъ все слышалъ и все видѣлъ; стиснулъ себѣ бедра, но не чувствовалъ ни какой

болѣ. Другой большой, очень трусливый, которому я разрезалъ фистулу, втеченіи всей операціи не сдѣлалъ ни одного движенія, ни разу даже не крикнулъ, несмотря что видѣлъ все, что мы съ нимъ дѣлали. Но когда, по окончаніи операціи, я вложилъ въ руку палецъ, онъ сталъ испускать страшные крики.

Должно думать, что больные, увѣряющіе будто они ощущали боль во время операціи, ощущали однако жъ ее или не вполнѣ или очень слабо, потому что оставались впродолженіи ея совершенно спокойными или несравненно спокойнѣе противъ обыкновеннаго. Это я имѣлъ случай наблюдать надъ одною дамою, которой отдѣлилъ часть пластинки малой берцовой кости. Будучи раздражительна до крайности, она однако жъ оставалась совершенно спокойною втеченіи всей операціи, испуская отъ времени до времени болѣзненные стоны. По окончаніи операціи, она увѣряла, будто все чувствовала.

Впрочемъ, я совершенно увѣренъ,—хотя принадлежащіе къ этой категоріи люди подвергались эфироваію столько же времени, какъ и всѣ другіе,—что въ болѣе части случаевъ такая особенность происходитъ отъ недостаточной наркотизаціи, то есть, что если бы эти лица вдыхали въ себя пары эфира дольше, то они, такъ же какъ и другіе, могли бы быть доведены до окончательнаго усыпленія.

7) Наконецъ, въкоторыя особы, несмотря на долгое время и глубокое вдыханіе паровъ эфира, вовсе не приходятъ въ опьяненіе. Къ этой категоріи я отношу людей мнительныхъ, которые слишкомъ заботятся о своемъ болѣзненномъ состояніи; боязливыхъ, недовѣрчивыхъ и въ-особенности тѣхъ, которые сдѣлали сильную привычку къ спиртнымъ напиткамъ.

Одинъ врачъ и одинъ студентъ, оба люди очень сильнаго тѣлосложенія, желавшіе наблюдать надъ собою всѣ ощущенія, чтобы потомъ подробно описать ихъ, почувствовали, послѣ трехъ усиленныхъ вдыханій, пріятную теплоту, усталость, въкоторый родъ головокруженія и веселое настроеніе мыслей, однако же вполнѣ сохранили и сознаніе и употребленіе органовъ чувствъ, несмотря на то что вдыхали эфиръ впродолженіи трехъ четвертей часу, изъ прибора Шарьера. Такое же явленіе я имѣлъ случай наблюдать надъ двумя другими врачами, которые, будто въ опьяненіи отъ какого-нибудь крѣпкаго напитка, не могли прямо ходить и шатались, но говорили твердо и все чувствовали.

Къ этому нужно еще прибавить, что, по моему мнѣнію, для приведенія себя въ опьяненіе, необходима извѣстная степень

размышленія и спокойствія духа. Вотъ почему у людей 'недовѣрчивыхъ, боязливыхъ и невѣжественныхъ, устранныхъ разными приготовленіями и отсутствіемъ зрителей, эоэровка не всегда удавалось. Давно извѣстно, что страхъ—лучшее средство противъ опьяненія. Чтобы совершенно привести себя въ опьяненіе, должно дѣлать глубокія и медленныя вдыханія. Большой недовѣрчивый и робкій обыкновенно торопится, втягиваетъ пары небольшими количествами; будучи постоянно занятъ мыслью о своемъ положеніи, онъ, при первомъ появленіи новаго и для него необыкновеннаго ощущенія, начинаетъ употреблять всѣ усилія, чтобы выйти изъ-подъ вліянія прибора. Это я могу доказать многими примѣрами.

Одинъ Чухонецъ страдалъ застарѣлою фистулою прямой кишки и въ то же время истонченіемъ на значительномъ протяженіи стѣнокъ гесті. Онъ боялся операціи и согласился на нее не безъ отвращенія: послѣ нѣсколькихъ вдыханій, лишь-только стали обнаруживаться первые признаки дѣйствія эоэру, онъ рѣшительно отказался продолжать вдыханія; онъ то силлся оттолкнуть приборъ руками, то отдергивалъ отъ него свою голову и умолялъ меня сдѣлать ему операцію безъ усыпленія. Всего мучительнѣе онъ находилъ вдыхать эоэръ черезъ ноздри. Онъ дрожалъ, метался, и несмотря на всѣ наши усилія, мы рѣшительно убѣдились, что довести его до безчувственности—невозможно.

Точно такъ же велъ себя одинъ солдатъ, которому я долженъ былъ вырѣзать поврежденныя лимфатическія желѣза на шеѣ. При эоэрованіи его въ первый разъ, онъ необыкновенно взволновался, усиленнымъ движеніемъ освободился отъ прибора и сталъ просить меня сдѣлать ему операцію безъ помощи эоэру. Я успокоилъ его, впрыснувъ холодною водою и отложилъ операцію до другаго времени. Спустя нѣсколько дней, вдыханіе эоэру не показалось ему уже столь страшнымъ: онъ очень спокойно приступилъ къ вдыханію и хотя опытъ продолжался на этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго, большой былъ доволенъ до усыпленія и рѣшительно ничего не зналъ потомъ объ операціи: «Хоть убейте, ничего не знаю, что такое со мною дѣлал!» сказалъ онъ послѣ операціи.

Одинъ чиновникъ, которому я вырѣзалъ небольшой величины опухоль на щекѣ, также ни какъ не могъ дойти до усыпленія. Послѣ нѣсколькихъ вдыханій, произведенныхъ со всѣми признаками страху и отвращенія, онъ наконецъ объявилъ намъ, что хочетъ лучше чтобы операція была сдѣлана безъ эоэру.

Одна дама, лѣтъ сѣмидесяти, рѣшилась позволить изслѣдовать у себя, подъ вліяніемъ эфира, мочевоі пузырь. Эфирный приборъ дотогѣ напугалъ ее, что она не позволила мнѣ даже дотронуться рукою до болящей части: она безпрестанно стонала, беспокоилась, хотя боли при этой операціи были несравненно слабѣе противъ обыкновеннаго. Вообще она не дошла до полной наркотизаціи: неминуемо мнѣ мѣшала, судорожно ловя и схватывая мою руку.

Хотя я теперь имѣю надежду, что послѣ изобрѣтеннаго мною новаго способа эфировація, эта операція не будетъ находиться въ зависимости отъ произволу больнаго, однако, при всемъ томъ, сила воли и настроеніе ума, по моему мнѣнію, всегда будутъ оказывать большое вліяніе на успѣхъ опыта, особенно въ людяхъ здороваго и еще не ослабленнаго болѣзнію тѣлосложенія. Вотъ причина, почему моя метода эфировація черезъ гестумъ должна имѣть явное преимущество передъ методою вдыханія: тутъ успѣхъ опыта не можетъ уже зависѣть ни отъ согласія, ни отъ движеній больнаго.

Мнѣ остается теперь разсмотрѣть въ подробности нѣкоторыя явленія, производимыя эфиромъ на человѣческой организмъ, явленія заслуживающія по моему мнѣнію, особеннаго вниманія по связи своей съ хирургическою практикой.

1. Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ признаковъ начинающейся наркотизаціи составляетъ расширеніе зрачка. Когда лицо больнаго не совершенно прямо обращено къ свѣту, то передъ расширеніемъ зеницы едва можно уловить минутное суженіе зрачка. Одинъ только разъ замѣтилъ я постоянное суженіе зеницы (у Чуховца, котораго намъ не удалось наэфирить). Напротивъ того, я много разъ имѣлъ случай наблюдать расширеніе зеницы до такой степени сильное, что не оставалось почти слѣда радужной оболочки. Такое измѣненіе формы зрачка всегда бываетъ соединено съ особымъ, чрезвычайно страстнымъ выраженіемъ взгляда: онъ становится или веселымъ и пасмѣшливымъ, возбуждающимъ смѣхъ или дѣлается неподвижнымъ и вѣдетъ безжизненнымъ.

Есть случаи, гдѣ такое состояніе глазъ бываетъ очень благоприятно для нѣкоторыхъ операцій надъ этимъ органомъ: глазъ остается неподвижнымъ, вѣки бываютъ открыты. Если усиленіе совершенно, глазъ не измѣняетъ своего положенія, или выдается изъ своей впадины; передній сегментъ его напрягается и поднимается къ верху. Но есть также случаи, гдѣ дѣлается косоглазіе: иногда глазъ начинаетъ дотогѣ скоро и судорожно дви-

гаться со стороны всторону, что исполненіе операціи становится, если не совершенно невозможнымъ, то по-крайней-мѣрѣ чрезвычайно затруднительнымъ. Постоянное явленіе—совершенное расслабленіе вѣкъ. Изъ этого видно, что ээированіе устраняетъ очень важное препятствіе въ глазныхъ операціяхъ, именно судорожное заворачиваніе вѣкъ. Но въ то же время приливъ крови къ соединительной оболочкѣ глазъ — феноменъ очень неблагоприятный для успѣху важной глазной операціи.

2. Не во всѣхъ случаяхъ чувствительность можетъ быть приглушена до такой степени, чтобы операція могла быть произведена безъ выраженія со стороны больного боли, криковъ, стоновъ, движеній, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ оператора. Хотя въ этомъ отношеніи, устройствомъ прибора и лучшею методою его употребленія, можно побѣдить множество препятствій, однако жъ я знаю множество и примѣровъ, что больные, несмотря на полное усыпленіе и увѣренія, что операція имъ не причинила страданія, чувствовали боль, или по-крайней-мѣрѣ неприятное ощущеніе, которое однако жъ скоро забыли. Совершенно особаго роду стоны, очень похожіе на стоны, обыкновенно замѣчаемые у людей подверженныхъ кошмару, и даже настоящіе крики, сопровождаемые движеніями тѣла, явно обнаруживающими намѣреніе больныхъ освободиться отъ хирурга оперируемые члены, вполне доказали мнѣ, что наээированные люди сохраняютъ нѣкоторую степень чувствительности. Всѣ описанныя здѣсь явленія я замѣтилъ напримѣръ, у того больного, которому произвелъ операцію ущемленной *грыжи*: несмотря на глубокое усыпленіе и совершенную безчувственность, онъ всё-таки старался защитить рукою страдающія части своего тѣла, каждый разъ когда я къ нимъ прикасался. Впрочемъ, такія ощущенія такъ же скоро забываются, какъ сны и видѣнія: больные, которые нисколько не кричали и не стонали во время операціи, увѣряли меня потомъ, будто выслѣдили весь ходъ операціи, но не имѣли силъ вскрикнуть. Многіе изъ здоровыхъ людей, которыхъ я ээировалъ, рассказывали потомъ, что совершенно чувствовали малѣйшій уколъ иглы, но, что какая-то особеннаго роду лѣнность и равнодушіе къ боли мѣшали имъ выразить свое ощущеніе.

Относительно признаковъ, которые показываютъ, что ээированіе доведено до нужной степени силы, надобно замѣтить, что въ большей части случаевъ лучшимъ знакомъ уничтоженія чувстви-

тельности может служить прекращение дѣйствія органовъ чувствъ и чувствительности къ уколамъ иглою, — особенно выраженіе глазъ, расслабленіе тѣла, медленность движеній и пульса. Впрочемъ, мнѣ часто случалось замѣчать, что особы, не обнаруживавшія никакого движенія при самомъ глубокомъ уколѣ иглою, кричали и стонали во время разрѣза кожи ножомъ, и обратно, тѣ, у которыхъ при уколѣ иглою происходили судорожныя движенія, были совершенно безчувственны къ операціи.

3. Чрезвычайно любопытно дѣйствуетъ зонтъ на мышечную систему: когда чувствительность совсѣмъ исчезнетъ, то мускулы расслабляются или начинаютъ дѣйствовать совершенно неправильнымъ образомъ.

Въ бѣльшей части случаевъ, произвольныя и сжимающія мышцы ослабѣваютъ, не теряя своей природной сократимости; напротивъ, непроизвольныя сохраняютъ полную свою силу. Впрочемъ и расслабленіе сжимающихъ мышцъ (сфинктеровъ) иногда не доходитъ до такой степени, чтобы происходили непроизвольныя испраженія: до-сихъ-поръ по-крайней-мѣрѣ мнѣ ни разу не случалось это видѣть. При извлеченіи камня у одного мальчика, моча и испраженія правда быстро пзилились наружу, но эти явленія всегда замѣчаются и у людей не наэопранныхъ.

Такое расслабленіе мышцъ, при совершенномъ уничтоженіи чувствительности, само собою разумѣется, очень благопріятно при вправленіи застарѣлыхъ вывиховъ, сложныхъ переломовъ и ущемленныхъ грыжъ. При вправленіи одного застарѣлаго, три мѣсяца продолжавшагося вывиха передняго плеча, я посредствомъ погруженія члена въ горячую ванну на цѣлые два часа и посредствомъ ээированія довель мышцы до чрезвычайнаго расслабленія. Цѣлыя пять минутъ безъ отдыху, я вытягивалъ членъ, потомъ согнулъ переднее плечо, разорвалъ, съ замѣтнымъ трескомъ, неправильно образовавшіяся сращенія п, наконецъ, далъ члену согнутое положеніе. При всѣхъ этихъ мученіяхъ больной не чувствовалъ ни малѣйшей болн.

Отраженныя движенія обыкновенно не уничтожаются даже у весьма сильно наэопранныхъ. У десятилѣтняго мальчика, страдавшаго каменною болѣзнію, во время совершеннаго усыпленія, каждый разъ, какъ-только я легонько дотрогивался до отверзтія прямой кишки, обнаруживались судорожныя сотрясенія въ нижнихъ конечностяхъ. У наэопранныхъ животныхъ также при

каждомъ прикосновеніи къ отверзтію ani обыкновенно происходили тотчасъ сильныя сжатія sphincteris ani.

Даже произвольныя мышцы не всегда расслабляются во время зэпрованія. Поэтому операторъ долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ съ конвульсивными сокращеніями мышцъ и съ автоматическими движеніями. Я не говорю здѣсь о конвульсіяхъ во всемъ тѣлѣ, какъ это иногда оказывалось у людей, доведенныхъ дѣйствіемъ зэпру до экстаза: такіе симптомы можно еще побѣдить продолженнымъ вдыханіемъ паровъ зэпру. Конвульсія, автоматическія движенія и катаlepsія, напротивъ, легко могутъ появиться у человѣка впольнѣ усыпленнаго и эти припадки, возможности появленія которыхъ, разумѣется, никакъ нельзя предвидѣть, необыкновенно затрудняютъ оператора. Во всѣхъ четырехъ случаяхъ такого рода мнѣ гораздо труднѣе было дѣлать операцію, которая, слѣдовательно, и продолжалась дольше.

У одного больного, который страдалъ fistuloю recto-vesicalis, два сильныхъ помощника ни какъ не могли раздвинуть ногу: такъ сильно они были сжаты. Въ другомъ случаѣ, при операціи надъ завороченными внутрь вѣсками, больной, несмотря на усиліе многихъ помощниковъ, безпрестанно закидывалъ назадъ голову и все тѣло.

Операція, требующая большой осторожности въ обращеніи съ пораженнымъ членомъ, — напимѣръ перевязка артерій или вырѣзываніе глубоко лежащихъ опухолей, — поэтому можетъ сдѣлаться рѣшительно невозможною. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, необходимо, до приступленія къ операціи, если только для этого есть время, подвергнуть больного предварительному зэпрованію, чтобъ испытать индивидуальное противодѣйствіе его организма. Самаго взбалмошнаго и упорнаго больного, если онъ въ памяти, можно еще кое-какъ образумить, увѣщаніями, страхомъ, что онъ потеряетъ много крови, и тому подобнымъ. Человѣкъ же, находящійся въ усыпленіи, натурально, не можетъ ни изъявить согласія, ни внимать убѣжденіямъ и просьбамъ. Физическая сила окружающихъ не всегда можетъ быть достаточна и удобно употреблена для удержанія въ покоѣ всѣхъ членовъ: напимѣръ можно ли постороннему удержать шею больного въ положеніи, какое требуется для операціи.

Впрочемъ, такія автоматическія движенія я замѣчалъ въ вѣкоторой степени у большей части зэпрованныхъ мною животныхъ. Я нахожу, что самый вѣрный признакъ начинающагося усыпленія — усиліе больного, схватить трубку прибора:

въ эту-то минуту всего важнѣе наблюдать за состояніемъ больного, потому что въ это именно время рѣшается вопросъ, совершенно ли ослабнуть мышцы или придуть въ какое-нибудь особенное, не нормальное возбужденіе.

4. Чтò касается до послѣдствій вдыханія паровъ ээпру, то должно сказать, что онѣ не всегда одинаковы. Безчувственность обыкновенно остается нѣкоторое время послѣ операціи и совершенно проходитъ, послѣ того какъ большой придетъ въ память. Большая часть оперированныхъ припоминаетъ тѣ ощущенія, которыя непосредственно предшествовали пробужденію: напримѣръ, многіе припоминали слова, произнесенныя окружающими передъ окончаніемъ усыпленія, помнили послѣдніе моменты операціи, прибавляя всегда, что время, проведенное въ забытіи, показалось имъ очень долгимъ. У трехъ больныхъ, напримѣръ, которымъ были отрѣзаны члены, я перевязалъ нѣсколько артеріальныхъ вѣточекъ, захвативъ вмѣстѣ съ ними нѣсколько тоненькихъ нервныхъ янтей, отрѣзалъ ножницами испорченныя мышечныя волокна и остатки синовоальной сумочки, и не замѣтилъ у больного рѣшительно ни какой чувствительности къ боли. Равнымъ образомъ, наэиренные больные переносятъ безъ всякой боли прикосновеніе къ ихъ ранамъ воды, чтò обыкновенно сопровождается мучительною болью. Замѣчательную безчувственность я наблюдалъ у одного больного, которому сдѣлалъ вылущиваніе. Прикосновеніе къ ранѣ губки, наптанной ээвромъ, не произвело никакой боли. Знаю, что ээпръ, приложенный къ голымъ нервамъ также унимаетъ боль, но дѣло въ томъ, что у другихъ больныхъ, которые не были подвержены ээированію, приложеніе губки наптанной ээвромъ къ кровавымъ ранамъ всегда сопровождается мучительною болью.

Расширеніе зрачка, блѣдность въ лицѣ и усталость, съ чувствомъ какой-то пустоты въ головѣ, или даже головной боли, вотъ обыкновенныя, болѣе или менѣе долго остающіяся, послѣдствія опьяненія посредствомъ ээпру. У меня, напримѣръ, когда я однажды ээировалъ многихъ особъ и даже самъ сдѣлалъ нѣсколько вдыханій, зрачокъ цѣлый день оставался расширеннымъ, меня клонилъ сонъ, болѣла голова, и сверхъ того, — чтò я послѣ замѣтилъ еще на двухъ больныхъ, — чувствовалъ боль въ желудкѣ и въ ободочной кишкѣ. У многихъ больныхъ я замѣчалъ послѣ ээированія, печальное, плаксивое расположеніе духа и нѣчто въ родѣ истерическаго припадка. Часто однако жъ послѣ ээированія у больныхъ дѣлается совершенно

противоположное расположеніе духа: тотъ напримеръ, больной, которому я вправилъ застарѣлый вывихъ, послѣ операціи былъ необыкновенно живъ и веселъ, бойко разговаривалъ и даже пѣлъ. У одного офицера, которому я, вырѣзалъ мѣшеччатую опухоль на лбу, веселость дошла почти до безумія. Но бывали случаи, что больные, прійдя въ себя, были въ некоторое время очень блѣдны, безстрастны, безсмысленны, и наконецъ заливались слезами безъ всякой причины.

Кромѣ того, у нѣкоторыхъ появлялись тошнота и рвота. Одинъ больной, плакалъ и рыдалъ во время вдыханія, послѣ чего его нѣсколько разъ вырвало. Очень сильная рвота замѣчена была у двухъ человѣкъ, приступившихъ къ эопрованію вскорѣ послѣ обѣда.

Я не замѣтилъ ни въ одномъ случаѣ, чтобы при эопрованіи, лихорадочные припадки были сильнѣе, нежели послѣ обыкновенныхъ операцій: въ большей части случаевъ боль въ ранѣ, у эопрованныхъ больныхъ, была нѣсколько слабѣе обыкновеннаго.

Равнымъ образомъ, ни разу не замѣтилъ я особеннаго раздраженія въ дыхательныхъ органахъ, хотя многіе изъ эопрованныхъ больныхъ имѣли довольно сильное расположеніе къ бугорчатой чахоткѣ. Ни у того больного, у котораго было застарѣлое накопленіе гною въ грудной полости, ни у другаго, у котораго находились бугорчатые отложенія въ лимфатическихъ желѣзахъ шеи и у котораго, безъ сомнѣнія, были повреждены также и желѣзки вѣтвей дыхательнаго горла, я послѣ эопрованія не замѣтилъ раздраженія ни въ вѣтвяхъ дыхательнаго горла, ни въ легкихъ. Двое другихъ больныхъ, изъ которыхъ у одного при наружномъ, совершенно чахоточномъ тѣлосложеніи, и крайне подозрительномъ звукѣ въ верхнихъ доляхъ лѣваго легкаго, цѣлая половина нижней челюсти была поражена омертвѣніемъ, и у другаго, тоже чахоточнаго человѣка, у котораго находилось отложеніе подъ надкостною плевою большаго вертлюга, эопрованіе не произвело раздраженія въ дыхательныхъ органахъ.

Это даетъ мнѣ право думать, что раздраженіе дыхательнаго горла, которое многіе врачи во Франціи и Германіи обыкновенно считаютъ слѣдствіемъ вдыханія эопру, вовсе не составляетъ необходимаго условія эопрованія: по-мнѣ это скорѣе результатъ неправильнаго и вреднаго употребленія способа,—именно чрезъчуръ напряженнаго вдыханія паровъ, особенно въ началѣ. Впрочемъ, такое неудобство вполне устраивается при эопрованіи чрезъ rectum.

Почти всегда и пдтъ и моча пахнутъ эвромъ, даже черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ эвирования. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оцѣпеніе и раздраженіе, послѣ эвирования, продолжались долѣе обыкновеннаго, мнѣ всегда удавалось уничтожить эти припадки обливаніемъ головы и вспрыскиваніемъ лица больныхъ холодною водою: этимъ средствомъ я всегда мгновенно выводилъ изъ оцѣпенія животныхъ.

1. Хотя вдыханія паровъ эвру должны быть употребляемы во всѣхъ важныхъ операціяхъ, однако жъ, какъ его дѣйствія на мышечную систему, степени которыхъ нѣтъ возможности предвидѣть, очень разнообразны, то необходимо всегда прибѣгать къ предварительному испытанію, сколько для изслѣдованія вліянія этого средства въ каждомъ частномъ случаѣ, столько же для того, чтобъ робкимъ, неразсудительнымъ и непросвѣщеннымъ больнымъ внушать къ нему довѣренность.

2. Въ случаяхъ, гдѣ предстоитъ не столько мучительная для больного, сколько тонкая для искусства операція, и гдѣ притомъ предварительный опытъ обнаружилъ въ больномъ особенно сильное расположеніе къ раздражительности въ мышечной системѣ, къ конвульсіямъ, катаlepsis, автоматическимъ движеніямъ, — разумѣется, гораздо лучше не прибѣгать къ пособию эвру.

3. Въ глазныхъ операціяхъ, когда глазъ открытъ и неподвиженъ, а зрачокъ расширенъ, оператору легче работать. Напротивъ, онъ встрѣчаетъ болѣе затрудненій, если глазъ закатывается къ верху, если дѣлается приливъ крови къ бѣлку и появляются автоматическія движенія въ головѣ.

4. Въ операціяхъ, производимыхъ во рту и въ-особенности надъ зѣвомъ, затрудненія увеличиваются вслѣдствіе спазмодическаго сжатія челюстей, потому что, въ такомъ случаѣ, трудно приладить надлежащимъ образомъ эврный аппаратъ и очищать ротъ отъ крови и слюны, которой отдѣленіе обыкновенно усиливается вслѣдствіе вдыханій эвру. Припадокъ кашля, которые возбуждаются легче вслѣдствіе болѣе легкаго доступа жидкостей къ гортанной щели, должно также бояться болѣе нежели при операціяхъ безъ помощи эвру.

5. Эвированіе, по моему мнѣнію, можетъ быть приложено къ камнебѣженію, какъ и къ другимъ операціямъ. Несмотря на возраженіе, что необходимо предварительно изслѣдовать степень раздражительности мочеваго пузыря, чтобъ по ней опредѣлить, какъ долго могутъ быть продолжительны литотрические сеансы, оче-

видно, однако жъ, что степень раздражительности этого органа легче можно опредѣлить посредствомъ предварительнаго введенія литотрическихъ инструментовъ, разведеніемъ ихъ коновъ, и, наконецъ, вырыскиваніемъ холодною водою передъ ээированіемъ.

6. При камнещеченіи, ээированіе облегчаетъ самый трудный моментъ операціи, то есть извлеченіе камня, потому что мышцы брюшныя и срамнопроходныя промежности всегда чрезвычайно ослабляются, что я замѣтилъ у двухъ мальчиковъ и одного крестьянина, которымъ произвелъ такую операцію. У ээированныхъ родильницъ тоже можно посредствомъ ээиру предотвратить разрывъ ретінаеі. Но судорожныя сжиманія пузыря не всегда устраняются ээированіемъ, какъ я въ томъ убѣдился опытомъ надъ больнымъ, страдавшимъ камнемъ.

7. Ээированіе, особенно по методу, каковую я предлагаю, обѣщаетъ много полезнаго при операціи ущемленной грыжи и при вправленіяхъ застарѣлыхъ вывиховъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, не говоря уже объ уничтоженіи боли, успѣхъ обезпечивается ослабленіемъ мышечной системы. Въ случаѣ застарѣлаго вывиха, о которомъ я говорилъ выше, кость была вправлена послѣ пяти минутнаго вытяженія, хотя больной былъ человѣкъ очень сильный и мускулистый. То же самое замѣчается при косвенныхъ переломахъ бедра, которые обыкновенно, у людей мускулистыхъ сопровождаются чрезвычайно сильнымъ судорожнымъ сокращеніемъ мышцъ. При насильственномъ растяженіи сведенныхъ членовъ, ээированіе, сдѣланное послѣ предварительнаго сѣченія сухихъ жнлъ, можетъ произвести очень выгодное для операціи расслабленіе мышцъ.

8. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ предварительное испытаніе лучше всего можетъ рѣшить, дозволяетъ ли индивидуальность организма употребленіе ээированія, или нѣтъ, однако жъ, если больной имѣетъ сильное расположеніе къ приливанію крови въ голову, или къ кровохарканію, то лучше не прибѣгать къ ээированію.

9. Наконецъ, пары ээиру съ терапевтическою цѣлью могутъ быть вдыхаемы вмѣстѣ съ различными другими лекарственными веществами, способными растворяться въ ээирѣ. Вдыханіе вмѣстѣ съ ээиромъ камфоры должно обѣщать самое дѣйствительное пособіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Я рѣшился испробовать эту методу вдыханія надъ однимъ тифознымъ больнымъ, которому впрочемъ никакое лекарство не могло уже привести пользы: онъ страдалъ сверхъ того огромною инфильтраціею гною въ передней части

брюшной полости. Камфора подѣйствовала удивительнымъ образомъ. Сухость во рту уменьшилась, пульсъ поднялся, но, разумѣется, все это продолжалось не долго.

Я два раза пробовалъ вводить такимъ образомъ въ организмъ хининъ. Прежде всего нужно было однако жъ рѣшить вопросъ, возможно ли это. Замѣтивъ, что пары эиру, смѣшанные съ сѣрнико-кислымъ хининомъ, имѣютъ чрезвычайно горькій вкусъ, я приступилъ къ опыту, успѣхъ котораго былъ очень сомнителенъ, потому что болѣзнь имѣла характеръ простой перемежающейся лихорадки. Черезъ нѣсколько дней послѣ эирированія, больной сталъ жаловаться на сильную боль въ груди, и наконецъ у него вполне обнаружилась бугорчатая чахотка. Я остаюсь въ убѣжденіи, что въ этомъ случаѣ предшествовавшіе эирированію ознобы были признакомъ таившагося уже у больного поврежденія легкыхъ и, вѣроятно, также и печени, — недуга, который, при господствовавшей въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года эпидемической конституціи, быстро принялъ дурное направленіе. Навѣрное можно однако жъ замѣтить, что посредствомъ паровъ эиру есть возможность гораздо вѣрнѣе дѣйствовать на пораженные дыхательные органы, и что этимъ способомъ гораздо удобнѣе ввести въ тѣло большую часть лекарственныхъ веществъ.

Чтобъ достигнуть главной цѣли эирированія, именно чтобъ уничтожить чувствительность и ослабить мышцы, не причиняя притомъ больному неприятностей, необходимо обратить самое тщательное вниманіе на два обстоятельства: на устройство прибора и, на точное примѣненіе его къ дѣлу, какъ бы устройство прибора ни казалось просто. Въ отношеніи къ первому изъ этихъ условій, замѣтимъ, что можно легко усыпить себя, вдыхая ноздрями пары эиру изъ стеклянки. Два врача сдѣлали уже надъ собою подобный опытъ: сперва они вдыхали пары одною ноздрю. Другою они втягивали атмосферный воздухъ, слѣдовательно въ легкое поступило равное количество эиру и воздуху. Этимъ они избавляли себя отъ кашля и перхоты. Послѣ, привыкнувъ мало-по-малу къ эиринымъ парамъ и закрывая себя одну изъ ноздрей рукою, они другою ноздрю втягивали пары эиру. Для усиленія испаренія этой жидкости, они потрясали стеклянку. Такимъ образомъ они продолжали вдыханіе около часу. Одинъ изъ нихъ дошелъ до совершеннаго усыпленія. Другой, котораго вино вообще трудно приводило въ опьяненіе, не могъ довести себя до усыпленія. Но оба втеченіи цѣлаго часу чув-

ствожали себя совершенно пьяными, не замкаясь однако жъ во время разговору, какъ это бываетъ у пьяныхъ, и не шатались ходили по одной доскѣ. Послѣдствіемъ этихъ опытовъ на другой день было странное чувство пустоты въ головѣ, которое и заставило ихъ отказаться отъ повторенія испытанія. Сверхъ того, у одного изъ нихъ, втеченіи цѣлыхъ осьми дней пищевареніе было разстроено. Такой простой способъ зонрованія не можетъ быть всегда успѣшенъ по слѣдующимъ причинамъ:

1. Не на всѣхъ зонръ дѣйствуетъ такъ скоро.

2. Не всѣ достаточно разсудительны, для того чтобъ глубоко втягивать въ себя пары зонру просто, изъ сткланки, и чтобъ умѣть и выдыхать его: есть много разсудительныхъ больныхъ, но дотога робкихъ, что заставить ихъ пазонроваться можно не иначе, какъ угрозами.

3. Если усыпленіе уже обнаружилось, то, сколько можно, слѣдуетъ помогать усыпленнымъ производить вдыханіе и выдыханіе. Вотъ почему прибору Шарьера и вообще приборамъ съ клапаномъ должно отдать предпочтеніе, но и эти далеко еще не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ хирургической практики.

Главнѣйшіе ихъ недостатки заключаются въ слѣдующемъ:

1. Для удержанія намордника около рта больного и для зажатія ему ноздрей нужно много рукъ. Иногда за дѣйствіемъ такого прибора приходится надзирать тремъ и даже четверымъ помощникамъ: напримѣръ, одинъ придерживаетъ обѣими руками намордникъ трубки у рта больного; другой долженъ смотрѣть, чтобы онъ не отталкивалъ отъ себя прибору; третій держитъ резервуаръ, и прочая, и прочая, а между-тѣмъ этого мало, если у больного появятся автоматическія движенія, прежде или продолженія наркотизаціи. Въ такомъ случаѣ, нѣтъ возможности приладить инструментъ корту больного такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ дышать иначе какъ зонромъ. Тотъ, кто самъ пробовалъ вдыхать зонръ, конечно, согласится, какъ непріятно и тяжело дышать, если ноздри зажаты. Для нѣкоторыхъ людей зажимать ноздри вовсе не нужно; другихъ невозможно привести въ усыпленіе иначе, какъ заставляя ихъ дышать съ закрытыми ноздрами.

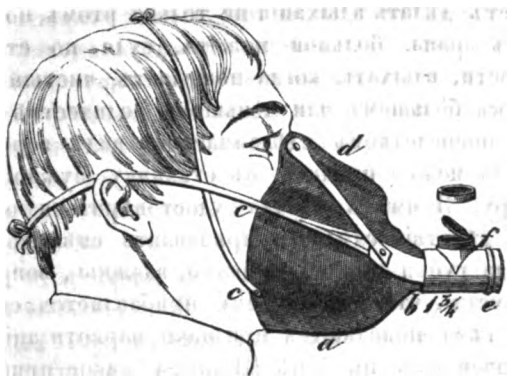
2. Еще одно, не менѣе важное, неудобство приборовъ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что эластическая трубка, соединяющая намордникъ прибора съ резервуаромъ и очень длинна:

и очень узка: отъ этого вдыхать пары тяжело, да и зѣреть дѣйствуетъ не скоро. Кроме того, нельзя распорамачивать подлежащимъ образомъ зѣрными парами. Я нахожу все неумѣстнымъ, чтобъ большой втягивалъ пары при помощи открытыхъ трубкавъ Шарьеровскаго прибора: очень многіе никакъ не могутъ съ перваго разу втягивать въ себя пары зѣпру; другіе начинаютъ чихать, кашлять, задыхаются, такъ, что потомъ нѣтъ уже возможности уговорить ихъ, особенно недоувѣрчивыхъ, снова приняться за вдыханія. Обыкновенно я заставляю своихъ больныхъ вдыхать зѣрные пары медленно и по-немногу: для этого я оставляю открытымъ выдыхательный клапанъ, не закрываю ноздри и открываю кранъ не болѣе какъ на одну треть или даже на четверть. Если этеризируются люди недоувѣрчивые и боязливые, то сначала я заставляю ихъ втягивать черезъ выдыхательный клапанъ, чистый воздухъ, потомъ, по-немногу начиная отворять кранъ и закрывая клапанъ; ноздри же закрываю не вдругъ и не прежде какъ уже замѣчу, что у пациента появились первые ясные признаки начинающейся наркотизаціи: вводимые съ такими предосторожностями пары зѣпру вообще не производятъ въ больномъ ни какого особенно-непріятнаго ощущенія. Смѣшанные въ началѣ съ воздухомъ, пары производятъ довольно даже пріятное впечатлѣніе на послѣдніа развѣтвленія дыхательнаго горла; большой по-немногу приучается производить болѣе и болѣе глубокія вдыханія и съ такою же постепенностью впадаетъ въ усыпленіе. Для лучшаго достиженія этой цѣли, я употребляю приборъ съ краномъ, придуманнымъ здѣшнимъ механикомъ Рохомъ, посредствомъ котораго можно, по произволу, проводить чистый струи воздуху или же въ смѣси съ парами зѣпру.

Мнѣ кажется, что сдѣланный по моему указанію аппаратъ — самый полный: онъ состоитъ:

1. Изъ каучуковой полумаски, охватывающей подбородокъ, ротъ и носъ до самаго его корня (а). Къ этой полумаскѣ прикрѣпляется жестяная воронка (b), которая посредствомъ идущихъ въ разныхъ направленіяхъ двухъ ремней (cc) прикрѣпляется къ макушкѣ головы; двойная стальная пружина крѣпко удерживаетъ полумаску надъ переносею (d). Металлическая верхка въ два длиною трубка, съ которою помощію вѣнта (e) соединяется воронка (b), такъ же какъ и въ приборѣ Шарьера, имѣетъ два клапана, — одинъ для вдыханія (f), а другой для выдыханія (g) паровъ зѣпру, съ тою только разницею, что оба

клапаны, у меня лежать одинъ возлѣ другаго. Эти клапаны вынуклыя, сдѣланы изъ металлическихъ пружинъ, обтянутыхъ кожей.



2. Изъ крана (i), который, какъ показываетъ фигура, устроенъ такимъ образомъ, что чрезъ его боковое отверстіе (h) можетъ входить одинъ чистый воздухъ; изъ поворота же его въ ту или въ другую сторону, черезъ него можетъ проходить воздухъ, смѣшанный съ парами эопру, — черезъ отверстіе, устроенное внизу (k).



3. Изъ стеклянки (m), горлышко которой соединяется подъ прямымъ угломъ (n) съ краномъ, и сверхъ того снабжено двумя боковыми отверстиями: верхнее (o) назначено для соединенія съ трубкою, чрезъ которую въ стеклянку входитъ воздухъ; нижнее (p), въ видѣ воронки, для приливанія въ стеклянку эопру.



Преимущества этого прибора состоятъ въ томъ, что съ нимъ не требуется присутствія особаго человѣка для поддерживанія трубки у рта пациента. Автоматическія движенія больнаго также не могутъ разстроить процесса вдыханія. Число помощниковъ, необходимое для нѣкоторыхъ операцій, въ-особенности подъ шею, перестаетъ быть условіемъ, стѣсняющимъ хирурга, а въ случаѣ операцій на дому, эти помощники совершенно становятся ненужными, потому что приборъ безъ помощи рукъ можетъ быть прикрѣпленъ ко рту больнаго.

Вслѣдствіе уменьшенія длины трубки, а также потому что ноздри остаются открытыми, дыханіе производится гораздо свободнѣе, а эфиръ дѣйствуетъ скорѣе и сильнѣе, по той причинѣ, что больной будетъ дѣлать вдыханія не только ртомъ, но и ноздрами. Посредствомъ крана, больной можетъ, судя по степени своей воспріимчивости, вдыхать, когда пожелаетъ, чистый воздухъ или смѣшанный въ большемъ или меньшемъ количествѣ съ эфиромъ.

Наконецъ, посредствомъ сдѣланнаго въ видѣ воронки отверстія (р) всегда можно прилить въ стеклянку нужное количество чистаго эфиру. Я имѣлъ случай удостовѣриться опытомъ, что для усиленія дѣйствія слѣдуетъ прибавлять свѣжаго эфиру даже и тогда, когда губки еще совершенно влажны, эфируемый тотчасъ чувствуетъ, что въ стеклянку прибавляется свѣжій эфиръ, и вслѣдъ за тѣмъ появляются признаки наркотизаціи.

Въ обыкновенномъ приборѣ Шарьера такое прибавленіе свѣжаго эфиру соединено съ нѣкоторою трудностью: жидкость обыкновенно брызжетъ какъ струя фонтана, вслѣдствіе давленія воздуха и эфирныхъ паровъ, образовавшихся въ стеклянкѣ.

При употребленіи моего прибора, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: полумаска прикрѣпляется къ подбородку и къ носу больного; потомъ открывается отверстіе, назначенное для прохода атмосфернаго воздуха, и больной сперва вдыхаетъ чистый воздухъ; затѣмъ, открывъ кранъ, присоединяютъ къ воздуху небольшое количество паровъ эфиру. Количество это постепенно увеличивается, а между тѣмъ въ стеклянку постоянно подбавляютъ много свѣжаго эфиру.

ПУТЕШЕСТВІЕ

И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА

ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Цѣль частныхъ обществъ, существовавшихъ до составленія вѣдѣннѣйшей Россійско-Американской Компаніи, не была основана исключительно на обогащеніи. Духъ завоеваній, не угаснувшій въ потомкахъ спутниковъ Ермака, управлялъ дѣйствіями первыхъ обрѣтателей Алеутскихъ Острововъ: казаки не умѣли, не были свѣдѣны, не чувствовали себя сродными пользоваться тѣмъ, что не было приобрѣтено ихъ кровью и потомъ. Полагала ли компанія Лебедева-Ласточкина, учреждая заселенія на островѣ Нучекъ, въ Ке-наѣ, на озерѣ Иланиѣ, дѣлая посылки къ верховью Кускоквима, что по истребленіи пушнаго звѣря въ тѣхъ мѣстахъ, она оставитъ все свои заведенія? Конечно нѣтъ. Самое приволье пунктовъ, ею избранныхъ, служить тому явнымъ доказательствомъ. Эта компанія была сильна, цвѣтуща, но въ пору образованія общей Россійско-Американской Компаніи у нея не случилось чело-вѣка съ гибкимъ, изворотливымъ умомъ Шелихова и твердымъ, предпріимчивымъ характеромъ Баранова: иначе весь материкъ

съверо-западной части Америки, принадлежащей нынѣ Россіи былъ бы давно открытъ, описать и заселенъ.

Барановъ, предоставленный самому себѣ, не виѣлъ людей, чтобъ дѣйствовать въ одно и то же время на западѣ, югѣ и сѣверѣ; во все время своего управленія колоніями, онъ ни разу не посѣщалъ Алеутскихъ Острововъ,—исключая однажды Увалашку. Николаевскій редутъ въ Кенайскомъ Заливѣ, оставался въ управленія того же передовщика Малахова, который основалъ это заселеніе, служа въ компаніи Лебедева-Ласточкина.

Давыдовъ, сохранилъ намъ экстрактъ записокъ, одной изъ многихъ партій, посылаемыхъ отъ компаніи Лебедева внутрь материка, для развѣдываній. Доселѣ кусковльмскіе старожилы помнятъ военное хозяйничанство Косяковъ *, приходившихъ къ нимъ съ Илямпы. Въ верховьяхъ этого озера, близъ выѣшпей одиночкѣ ** Слатицъ и теперь, по рассказамъ туземцевъ, видны ерубы избу, построенныхъ въ тѣ времена промышленниками. Но собственно съ основанія александровскаго редута, въ 1820 году, мы стали знакомиться съ внутренними жителями материка. Неусыпный, дѣятельный, съ духомъ временъ Барановскихъ и его сподвижникъ Ѡ. Колмаковъ распространилъ торговыя операціи редута, утвердилъ вліяніе наше надъ окружающими племенами, обратилъ многихъ туземцевъ въ христіанство, но не могъ сообщить колоніальному начальству вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи мѣстъ. Въ 1829 году бывшимъ главнымъ правителемъ колоніи, капитаномъ перваго ранга П. Е. Чистяковымъ (нынѣ контръ-адмиралъ, военный губернаторъ въ Астраханн), снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ корпуса флотскихъ штурмановъ, прапорщика Васильева, которому порученъ былъ обзоръ страны между Александровскимъ редутомъ и заливомъ Нортонъ. Васильевъ, проведя два лѣта въ изысканіяхъ, успѣлъ выполнить только половину того, что на него было возложено: въ первое лѣто

* Испорченное слово казакъ, подъ которымъ Русскіе извѣстны вообще всѣмъ дикимъ народамъ Сѣверо-Западной Америки.

** Боясь быть не поняту въ колоніяхъ, удерживаю это и нѣкоторыя другія вовсе несообразныя названія, а пора бы, кажется, и такъ исключать изъ употребленія слова, въ настоящее время вовсе невыражающія смысла, какъ то: байдарщакъ, одиночка, кекуръ, креомъ и прочая. Собственно одиночкой называютъ въ колоніяхъ артель, состоящую изъ пяти, семи и десяти человекъ служителей, которыхъ староста по управленію и кругу торговыхъ операцій, зависить отъ ближайшаго редута.

онъ описалъ астрономически рѣку и озеро Нушагакъ и другія ближайшія къ Александровскому редуту; во второе, перейдя съ вершины Ильгаяка на Хулитну, вышелъ по ней на Кускоквинъ, которымъ спустился до устья и возвратился въ редутъ по приморью.

Обозрѣніе Васильевымъ Кускоквина не точно: по журналу его видно, что постоянные дожди не позволяли ему опредѣлить ни одного пункта астрономически. Будучи часто въ опасности быть убитымъ туземцами, онъ плылъ по Кускоквину какъ на ночтовыхъ, не означая даже главнѣйшаго ея направленія. Свѣдѣнія, собранныя имъ о бытѣ и обычаяхъ жителей—поверхностны, смѣшаны и во многомъ не вѣрны, но въ ту пору они были достаточны*. описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей въ топографическомъ отношеніи весьма опредѣлительны, а собранныя имъ данныя о богатствѣ страны пушными промыслами и торговыхъ сношеніяхъ туземцевъ послужили колоніальному начальству краеугольнымъ камнемъ для основанія другихъ заселеній. Васильевъ первый предложилъ мысль объ основаніи редута въ заливѣ Нортонъ, близъ острова Стюартъ.

Свѣдѣнія относительно дѣйствій экспедиціи Васильева извлечены мною здѣсь, въ Санктпетербургѣ, изъ копій его журнала, находящейся въ гидрографическомъ департаментѣ морскаго министерства. Весьма жаль, что въ архивахъ Новоархангельскаго пор-

* Нѣкоторые этнографическіе матеріалы, о туземцахъ рѣки Кускоквинъ и обитающихъ по прибрежью залива Бристоль, помѣщены въ Сынѣ Отечества 1839 года, въ статьѣ, составленной адмираломъ Ф. П. фонъ-Врангелемъ. Весьма было бы полезно, если бь изслѣдователи народныхъ обычаевъ означали мѣсто или селеніе, на которомъ замѣчено или что-либо особенное въ туземномъ бытѣ. Васильевъ въ своихъ этнографическихъ замѣткахъ смѣшиваетъ два совершенно различныхъ племена. Канг-юльтъ,—одноязычныхъ,—и Ттынай'евъ или Ттынайцевъ. Въ своемъ журналѣ онъ отзывался, что ничего не слышалъ о племени Югъ-ельвуть, которое, какъ видно указано ему было инструкціей главнаго правителя колоній. Однако жь Васильевъ имѣлъ сношенія съ этимъ племенемъ. Оно принадлежитъ къ великому семейству народа Ттынай, занимающему внутренность материка нашихъ колоній и извѣстному намъ подъ различными прозваніями,—Югъ-ельвуть, Тутна, Голцаиъ или Кылчаиъ,—по выговору промышленниковъ—Кевайцевъ, Инкалитовъ, Инкалхлюатовъ и прочая,—прозваніями издаваемыми ему смежными съ нимъ приморскимъ народомъ, какъ о томъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

та, не находится ни журнала изслѣдованій Васильева, ни нѣкоторыхъ другихъ частныхъ обзорѣній внутренности материка, какъ со стороны Нортонова Залива, такъ изъ Кеная, рѣки Мѣдной и прочая. Такіе документы, какъ бы они ни были несовершенны и поверхностны, часто могутъ быть полезны другимъ изыскателямъ. Самая карта общности осматрѣнныхъ мѣстъ различными партіями, въ которой я пуждался для соображеній при началѣ своихъ операцій, была мнѣ доставлена Малаховымъ, который сохранилъ у себя единственную копію съ генеральной карты колоній, карту, на которую положены были все пути отрядовъ, обзорѣвавшихъ материкъ Америки, во все пять лѣтъ управленія колоніями капитана пераго ранга (нынѣ контръ-адмирала) И. А. Купреянова.

Ф. П. Врангель, въ бытность свою главнымъ правителемъ колоній, разрѣшилъ въ 1832 году Колмакова, учредить заселеніе на Кускоквимѣ. Этотъ доблестный старикъ, дѣйствовалъ по Барановски: выбравъ мѣсто при впаденіи Хулитпака въ Кускоквимъ, онъ оставилъ тамъ на житье кресла Лукина, бывшаго толмачомъ у Васильева, съ тремя человекѣми туземцевъ Бристольскаго Залива, извѣстныхъ намъ подъ видовымъ названіемъ Аглемютъ, и сборъ пушныхъ промысловъ превзошелъ ожиданіе. Колмаковъ, помогая новоучрежденному заселенію въ перевозкѣ товаровъ и скупаемыхъ мѣховъ, лично осматривалъ Кускоквимъ вверхъ, на протяженіи слишкомъ ста миль; имѣлъ свиданіе съ туземцами тѣхъ мѣстъ, произвелъ одного изъ нихъ въ *наболышія* и наградилъ медалью *; не оставилъ также осмотромъ мѣстностей и къ низовью рѣки; на четырехъ ближайшихъ къ Хулитѣ туземныхъ селеніяхъ утвердилъ тойоновъ, поставилъ заказчиковъ и десятскихъ, окрестилъ нѣкоторыхъ туземцевъ и видя удобства къ основанію прочнаго заселенія при рѣчкѣ Кыгыгымъ, перенесъ на ея берега свою хулитновскую заимку **. Ревностный Лукинъ

* Медали, которыя Россійская Американская Компанія продолжаетъ выдавать туземцамъ Америки, — серебряныя, имѣютъ на одной сторонѣ двухглаваго орла съ изображеніемъ въ среднѣхъ вензела Государя Императора Александра Благословеннаго, 1821 года, на другой, рельефная надпись: «Союзный Россіи.»

** Да позволено мнѣ будетъ помѣстить здѣсь выписку изъ предписанія Ф. Колмакова Лукину, относительно нѣкоторыхъ наставленій въ управленіи краемъ и сношеній съ туземцами: въ этихъ немногихъ строкахъ выказы-

продолжать начатое: онъ осмотрѣлъ на нѣсколько десятковъ миль главнѣйшіе притоки Кускоквима, — Тхальхукъ, Чагванактули,

ваются весь духъ русскаго человѣка, въ какихъ бы концахъ вселенной онъ ни находился.

Пунктъ седьмой. На четырехъ селеніяхъ ближайшихъ къ Хулетей, по моему назначенному расположенію избѣсти избранныхъ моихъ знакомцевъ и друзей, что на оныхъ жилахъ желаю имъ быть тоѣвами и получать честь и славу отъ Бога и любезнаго нашего главнаго начальства. — Я просилъ принять ихъ какъ друзей своихъ вѣрныхъ и усердныхъ на пользу компаніи, съ вѣрными своими родственниками и прочими товарищами и исходатайствовать имъ медали и быть имъ вѣроноданными нашему Государю Николаю Павловичу. Я увѣренъ и буду на нихъ надѣяться, что онѣ меня послушаютъ и заслужатъ мою благодарность, будутъ со своими командами промышлять бобровъ въ компанію по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ этого звѣря наиболѣе водится. Каждому изъ нихъ посылаю нынѣ въ подарокъ, въ знакъ искренности и любви нашего главнаго начальника (писано девятнадцатаго февраля 1839 года, въ бытность главнымъ правителемъ колоніи капитана перваго ранга Купреянова), по одной камени тиковою и по фуражкѣ краснаго сукна.

Тебѣ я разрѣшаю просить у господъ тоѣновъ двухъ или трехъ человѣкъ имѣть при себѣ гребцами, а за таковыя нужныя временныя работы, дѣлать имъ достойную плату, на счетъ компаніи, и доносить подробно мнѣ о вашихъ расходахъ. Равно ты имъ напомнишь, что въ бытность мою въ той странѣ, по просьбѣ ихъ мужиковъ и дѣвокъ, опредѣлилъ я имъ плату, за восемьдесятъ юколъ сушеной рыбы, — одну пеколку желѣзную съ барашкомъ (пеколкой называется кусокъ листоваго желѣза, употребляемый Алеутами и туземками материка Америки, вмѣсто ножницъ; «барашекъ» особой фигуры желѣзная душка замѣняющая ручку), то и прошу оныхъ дѣвокъ ихъ усердія.

Я увѣренъ, что у васъ и у работниковъ, по словамъ вашихъ, имѣете временныхъ дѣвокъ на содержаніи. (Тѣ опибутся, которые это слово примутъ въ буквальный смыслъ. На Кускоквимѣ Колмаковъ и Лукинъ крестили многихъ туземцевъ, но какъ освященіе брачныхъ союзовъ таинствомъ есть принадлежность служителя Божія, то онѣ соединявшихся безъ благословенія священника, продолжали называть колоніальнымъ выраженіемъ «имѣть на содержаніи». Въ 1843 году посѣтилъ Кускоквимъ въ первый разъ миссіонеръ А. Петелинъ и всѣхъ такихъ соединилъ по чину нашей Церкви.) И приказываю, чтобы напрасно хлѣбъ небесный не ѣли тунно, а трудились въ потѣ лица своего и тѣмъ же бы занимались два твои сына. Надѣюсь, что они не уступятъ работникамъ своего природнаго руководія на пользу компаніи, оная всѣхъ питающая мать.

Талъ-Гвискоакъ; вошелъ въ торговля сношенія съ проживающими по Тхальхукъ племенемъ Кенайцевъ и приохотилъ верховныхъ жителей Кускоквима спускаться для расторжекъ въ хулитновскую одиночку. П. Колмаковъ, сынъ Федора, въ 1839 году съ рѣчки Точотно, притока Кускоквима, перешелъ на Тлѣгонъ, промежуточную между Квихпакомъ и Кускоквимомъ, собралъ множество бобровъ у тамошнихъ жителей и располагалъ-было выплыть на Квихпакъ, какъ узнавъ объ истребленіи нашего заселенія на той рѣкѣ, принужденъ былъ возвратиться. Такимъ образомъ кругъ дѣйствій хулитновской одиночки, расширивъ, превзошелъ операціи самого редута, съ которыми по смерти Колмакова отца сношенія сдѣлались сложнѣе и затруднителнѣе. Колоніальное начальство, получая чертежи путей нашихъ проходивцевъ, безъ всякихъ описаній и изъясненій, не могло извлечь изъ нихъ ни какихъ данныхъ относительно упрощенія въ подвозѣ товаровъ къ мѣстамъ, уже осматрѣннымъ, или занятымъ, и къ основанію другихъ постовъ во внутрепности материка. Да и грѣшно было бы требовать ясныхъ, удовлетворительныхъ свѣдѣній отъ людей не получившихъ ни какого научнаго образованія. Довольно, что они съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ пользу отечеству приносили на жертву служенія компаніи и силы свои и здоровье.

Со стороны Михайловскаго редута были также производимы съ 1835 года, постоянныя обследованія внутрепности материка; такъ Глазуновъ, прошель въ 1835 и 1836 годахъ Квихпакомъ отъ впаденія въ него рѣки Анвигъ до сѣвернаго устья, называемаго туземцами Апхунъ; посѣщала кускоквимскую одиночку и рѣку Тхальхукъ, съ намѣреніемъ пробраться въ Кенайскій Заливъ, гдѣ едва не погибъ отъ голоду. Малаховъ открылъ вѣрныя и легчайшія сообщенія съ туземцами, проживающими въ среднихъ странахъ Квихпака, но несмотря на то, что въ 1836 году мы заселились на этой рѣкѣ, при туземномъ жилѣ Икогмютъ, и съ 1839 года стали посѣщать Нулато, сборъ пушныхъ промысловъ, собираемыхъ въ пзобилии съ основанія Михайловскаго редута, годъ-отъ-году началъ уменьшаться. Туземцы Квихпака обратились къ первому источнику въ приобрѣтеніи необходимыхъ имъ вещей, — къ Малейг-мютамъ, племеню, состоящему въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Чукчамъ. Слѣдовало помыслить объ учрежденіи постоянныхъ постовъ или артелей, которые во всякое время года имѣли бы достаточное количество товаровъ, потребныхъ для туземныхъ жителей. Мѣстность Квихпака и самое

богатство края оставались загадочными: нѣсколько пунктовъ, определенныхъ по широтѣ Малаховымъ въ сахарную патоку вместо ртути, не вели ни къ чему.

Причины, по которымъ главное правленіе російскихъ колоній въ Америкѣ рѣшилось отправить особую экспедицію для обзора бассейновъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима, выражены слѣдующими словами въ отчетахъ правленія за 1842 годъ :

«Колоніальное начальство не имѣло вѣрныхъ данныхъ для разрѣшенія слѣдующихъ, весьма важныхъ, вопросовъ: гдѣ выгоднѣе и удобнѣе основать редуты и посты, такъ, чтобы одинъ не мѣшалъ другому въ торговыхъ оборотахъ съ туземцами? Какіе выбирать пути въ этой изобильной рѣками странѣ для удобнѣйшей коммуникаціи между редутами и морскимъ берегомъ? Какія принять мѣры для того, чтобы промыслы изъ этой части материка не переходили на азіатскій берегъ, а попадали бы въ руки компаній?»

Цѣль возложеннаго на меня порученія обозначена въ томъ же отчетѣ такъ :

«Лейтенанту Загоскину поручено: во-первыхъ, изслѣдовать течение рѣки Букландъ (такъ названной капитаномъ Бичи), впадающей въ Коцебу-Зундъ. Вершина этой рѣки, по удостовѣренію туземцевъ, находится въ близкомъ разстояніи отъ вершины другой рѣки, Куюкакъ, впадающей въ рѣку Квихпакъ. По этому водному пути идетъ ежегодно весьма значительное количество мѣховъ въ Котцебу-Зундъ, а тамъ переходитъ въ руки пріѣзжающихъ туда Чукчей. Для обращенія этой торговли въ пользу компаній, слѣдуетъ пріискать на мѣстѣ дѣйствительныя мѣры и, если будетъ нужно, опредѣлить удобнѣйшее мѣсто для учрежденія въ Коцебу-Зундѣ новаго редута. Во-вторыхъ, изслѣдовать изъ михайловскаго редута теченія, до самыхъ вершинъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима и текущей въ параллели обѣихъ, неизвѣстной намъ рѣки, Чагелюкъ, которая, по свѣдѣніямъ, весьма изобилуетъ рѣчными бобрами. Составить, по-возможности, удовлетворительное описаніе страны, орошаемой этими рѣками, и опредѣлить удобнѣйшіе и ближайшіе переносы изъ одной рѣки въ другую.»

Снабженіе экспедиціи заключалось по колоніальнымъ цѣнамъ на сумму 3,051 рублей 83¼ копѣекъ серебромъ по слѣдующему раздѣленію:

Астрономическихъ инструментовъ на *	561 руб. 56 $\frac{3}{4}$ к. сер.
Товаровъ. **	340 — 00 — —
Оружія, състныхъ припасовъ, одежды и различныхъ матеріаловъ.	2,150 — 27 $\frac{1}{4}$ — —
По окончаніи экспедиціи поступило въ складъ къ Ново-архангельскому порту, редуту Святого Михаила и другимъ мѣстамъ: инструментовъ, товаровъ, оружія и матеріаловъ на	1,466 — 94 $\frac{1}{4}$ — —
Пушныхъ промысловъ, приобретенныхъ черезъ подарки, охоту и мѣну, по средней цѣнности въ 1844 году.	2,240, — — — —
	<hr/>
	3,706 — 94 $\frac{1}{4}$ — —
Дефицитъ въ пользу экспедиціи.	655 — 10 $\frac{3}{4}$ — —
Но если выключить въ общій расчетъ: ***	
Жалованья начальнику экспедиціи за два года и четыре мѣсяца.	4,000 — — — —
Жалованья шести человѣкамъ служителей за то же время.	1,333 — 42 $\frac{3}{4}$ — —
Награда выданная начальнику экспедиціи отъ главнаго правленія компаніи.	1,714 — 28 $\frac{3}{4}$ — —
Награда выданная командѣ отъ главнаго правленія колоній.	182 — 85 $\frac{3}{4}$ — —
	<hr/>
	7,130 — 57 $\frac{1}{4}$ — —
Полныя издержки по экспедиціи.	6,475 — 46 $\frac{3}{4}$ — † —

* Экспедиція была снабжена слѣдующимъ: хронометръ карманный одинъ; часы серебряные одні; морскихъ календарей за 1842, 1843, 1844 годы; транспортиръ одинъ; пель-компасъ карманный одинъ; такой же путевой, артифициальный горизонтъ одинъ; секстанъ Franghton, дѣленія черезъ десять секундъ, термометровъ ртутныхъ, раздѣленія реомюра четыре и двѣ запасныя стрѣлки къ компасамъ.

** Главнѣйшіе товары заключались въ крупномъ бѣломъ и красномъ бисерѣ, табакѣ и цукляхъ (особый видъ улитковыхъ раковинъ, добываемыхъ на южной оконечности острова Королевы Шарлотты).

*** Впрочемъ эти издержки не должны быть относимы, собственно къ экспедиціи, потому что вмѣсто начальника и людей отряда, измѣнились въ колоніяхъ, что называется хозяйственно. Выдачи выданныя, въ видѣ награды, не превышаютъ той суммы, которую получаютъ офицеры и другіе, оставляющіе свое служеніе въ колоніяхъ, въ видѣ полденныхъ, за исправленіе особыхъ должностей, и сообразно съ общимъ положеніемъ чиновниковъ, служащихъ въ Охотскѣ и Камчаткѣ.

† Сверхъ этого начальникомъ экспедиціи издержано изъ собственнаго содержанія свыше тысячи рублей серебромъ, на награды командѣ, подарки туземцамъ, покушку пищи и различныхъ этнографическихъ предметовъ.

ПЛОДЫ ЭКСПЕДИЦИИ.

По географіи. Описана южная и западная часть Нортонова Залива; въ этой мѣстности опредѣлены астрономически: редутъ Святаго Михаила, устье рѣки Уналаклина и туземное жилище Кикх-тагукъ, отъ котораго пролегаетъ ближайшій переносъ (portages) къ низовью Квихпака; отъ устья Аухуна въ верховью, осмотрѣна рѣка Квихпакъ на протяженіи близъ шестисотъ миль *; опредѣлено по ней астрономически шестнадцать промежуточныхъ пунктовъ; рѣки Юнъ-à ка и Иттегè, Главнѣйшіе притоки Квихпака осмотрѣны каждая на сто миль отъ своихъ устій; по первой опредѣлено пять, а по второй четыре пункта астрономически; осмотрѣнъ переносъ съ рѣки Юнъ-à-ка къ Коцебу-Зунду; съ рѣки Квихпака два переноса на Кускоквимъ, съ Кускоквима на рѣку Иттегè; .осмотрѣна рѣка Кускоквимъ къ верховью на протяженіи двухъ-сотъ-пятидесяти миль и опредѣлены по ней астрономически четырнадцать пунктовъ; собраны различныя свѣдѣнія о дальнѣйшей внутренности материка въ предѣлахъ квихпакскаго и кускоквимскаго бассейновъ.

По естественнымъ наукамъ. *По зоологіи.* Собрано тридцать осемь видовъ птицъ въ семидесяти-двухъ экземплярахъ и до семидесяти видовъ насѣкомыхъ.

По ботаникѣ. Собраны травники мѣстностей Михайловскаго редута и заселенія при Нулато.

По геогнозіи. Собраны въ пятидесяти видахъ главныя горнокаменныя породы южной части Нортонова Залива и рѣкъ Квихпака и Кускоквима.

По этнографіи. Собраны различныя матеріалы для статистики и этнографіи племенъ, обитающихъ по побережью Нортонова Залива, рѣкамъ Квихпаку и Кускоквиму и ихъ притокамъ; представлено нѣсколько оружія, одежды и домашнихъ утварей этихъ племенъ.

НАЗНАЧЕНІЕ И СНАРЯЖЕНІЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

ПЛАВАНІЕ КЪ РЕДУТУ СВЯТАГО МИХАИЛА, ЗАХОДЫ НА ОСТРОВА УНГУ, УНАЛАШКУ И ПАВЕЛЬ.

8 марта 1842 года мнѣ была предложена экспедиція, для обо-

* Мили считаются морскія или итальянскія, которыхъ шестьдесятъ въ градусъ. Здѣсь разумѣются однѣ главныя, прямыя направленія.

зрѣнія части материка Сѣверо-Западной Америки, какъ то видно изъ приложенной инструкціи. Главный правитель, предоставляя мнѣ выборъ необходимыхъ инструментовъ, запасовъ и матеріаловъ, изъявилъ желаніе, чтобы назначенное мною число команды, шесть, состояло изъ креоловъ, въ томъ предположеніи, что это сословіе болѣе привычно къ перенесенію трудностей бродячей жизни и недостатковъ въ пищѣ. На дѣлѣ это не оправдалось, потому что существуетъ великая разность между креолами Новоархангельска и тѣми, которые вырастаютъ въ отдалѣхъ. Последніе, точно, съ врожденною всему сословію креоловъ беззаботностью, переносятъ всякаго рода лишения, довольствуются всѣмъ, что ни попадетъ, и съ отвагой, опять общей всѣмъ креоламъ, соединяютъ опытъ, приобретаемый ими съ дѣтства: креоль изъ отдаловъ, умѣетъ шить себѣ одежду и обувь, выслѣдить и добыть звѣря, сплести сѣть, поставить мережи и прочее. Креолы вырастающіе въ метрополиі колоній, довольствуясь всѣмъ готовымъ отъ отцовъ или отъ компаній, становятся хорошими работниками въ портѣ и матросами на судахъ, но совершенно чужды познаній собственнаго содержанія и прокормленія: ни одинъ изъ новоархангельскихъ креоловъ не умѣетъ ѣздить на байдаркѣ, а тѣмъ менѣе ее построить; ни одинъ изъ нихъ не смыслитъ сдѣлать себѣ стрѣлку, нарту или лапки; никто изъ нихъ не видалъ употребленія мережъ, рыболовной сѣти и тому подобнаго.

Со мной вызвались охотники креолы: Николай Шмаковъ, Тимоѣй Глазуновъ, Прокопій Вертопраховъ и Павелъ Акляюкъ. Матросъ 15 флотскаго экипажа Яковъ Маховъ, поступившій ко мнѣ въ день шики при отправленіи моемъ изъ колоніи, не рѣшился отстать и при этомъ случаѣ. Кадьякскаго креола Григорья Курочкина, поступавшаго къ экспедиціи въ толмачи, я долженъ былъ взять въ редутъ святаго Михаила.

1-го мая я получилъ инструкцію и переѣхалъ на судно; четвертаго бригъ Охотскъ вступилъ подъ паруса. Высказать ли, что я чувствовалъ при оставленіи Новоархангельска! Я зналъ трудность предпринятаго мною подвига; зналъ и лишения, которыми подвергались наши прежніе проходивцы въ тѣхъ краяхъ; слышалъ и о непріязненности туземцевъ, однако жъ съ внутреннимъ удовольствіемъ оставлялъ столицу нашихъ колоній: я какъ-то былъ увѣренъ въ благополучномъ возвращеніи. Здѣсь не лишнее прибавить, что осмотрѣвъ въ Ситхѣ и познакомясь съ цѣлью службы морскаго офицера въ колоніяхъ, я просилъ

письменно, въ 1840 году, господина предѣдательствующаго въ главномъ правленіи Россійско-Американской Компаніи о назначеніи меня начальникомъ экспедиціи, при описи неизвѣстныхъ намъ странъ, если то сочтется полезнымъ по соображеніямъ главнаго правленія.

Исключая насъ, пассажировъ до Уналашки паходился преосвященный Иннокентій, отправлявшійся впервые, въ этомъ санѣ, для обозрѣнія своей паствы. Плаваніе было успѣшное. 14 мая къ вечеру мы увидѣли восточные острова Шумагинской группы: намъ слѣдовало зайти на одинъ изъ нихъ, островъ Унгу, для сдачи товаровъ и приѣма пушныхъ промысловъ, но тутъ въ началѣ грѣпкій ость, потомъ зюйдъ, наконецъ свѣжій нордъ-вестъ задержали насъ четверо сутокъ, такъ, что только къ разсвѣту 19 мая, мы положили якорь въ небольшой бухтѣ при заселеніи.

Нѣтъ словъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыми были преисполнены туземные жители при встрѣчѣ своего владыки. Управляющій, Гомзяковъ, сподвижникъ въ изгнаніи дванадцати языкъ изъ отечества, и съ 1815 года находящійся въ колоніяхъ, видаль архіереевъ, прочіе знали этотъ санъ только по наслышкѣ. Преосвященный Иннокентій въ 1836 году оставилъ священникомъ свое стадо, и, казалось, навсегда, и вдругъ нынѣ является посреди его, облаченный высшею духовною властію. Все народонаселеніе острова жаждало привести благодареніе Всевышнему, и вотъ на другой день, также нежданно, пріѣзжаетъ священникъ этого отдѣла * съ походной церковью. Преосвященный служилъ обѣдню и молебень. Не было слушателя, который бы не прослезился отъ умпленія и радости, при краткомъ пріѣвтственномъ словѣ святителя.

Не пмѣя дѣла на бригѣ, я съѣхалъ на берегъ и провелъ два дня въ обозрѣніи острова.

Шумагинскіе Острова открыты капитаномъ Берингомъ во второе его путешествіе, а описаны съ достаточною астрономическою подробностью корпуса флотскихъ штурмановъ штабъ-капитаномъ Воронковскимъ. Очеркъ наружнаго ихъ виду вѣрно переданъ от-

* Острова Шумагинскіе, два селенія на полуостровѣ Алякса: Моржовское и Павловское, и острова Прпбылова, составляютъ приходъ церкви Увалашкинскаго Отдѣла. Священникъ посѣщаетъ обыкновенно въ одно лѣто острова Прпбылова, въ другое островъ Унгу.

цомъ Веѣямшиновымъ (нынѣ епископъ камчатскій, курильскій и алеутскій), въ запискахъ Уналашкинскаго Отдѣла. Вся группа кажется отдѣленною отъ материка сильнымъ землетрясеніемъ. Впрочемъ на Унгѣ, какъ и на прочихъ островахъ этой группы, не видно скалъ, оканчивающихся никами или иглами, нѣтъ также и сопокъ съ котловинами, которые бы вели къ заключенію о присутствіи вулкановъ. Утесы, обставляющіе такъ-называемую Гаванскую Бухту, исключительно состоятъ изъ различныхъ скученныхъ валуновъ и скрѣпленныхъ глинисто-песчанымъ цементомъ; другіе окружные утесы представляютъ попеременно пласты изъ горизонтальныхъ слоевъ глинистыхъ и песчаныхъ земель. На сѣверо-западной сторонѣ острова близъ Захарьевской Бухты, въ обсыпающемся утесѣ, на высотѣ слишкомъ двухъ сотъ футовъ отъ поверхности моря, находятся между глиною и пескомъ четыре пласта лигнита, толщиною отъ одного до двухъ футовъ. Въ Ново-Архангельскѣ механикъ, Сѣверо-Американецъ Мурръ, пробовалъ этотъ уголь при литіи чугуна, но на это дѣло онъ оказался негоднымъ. Давно примѣчено, что островъ Унга предъ всѣми окружными островами имѣетъ свойство окаменять всѣ произведенія растительнаго царства: такъ на возвышенностяхъ находятъ пни и цѣлыя окаменѣлыя лѣсны; въ другихъ мѣстахъ острова попадаются окаменѣлыя куски дерева съ явнымъ признакомъ обтески ихъ желѣзнымъ топоромъ, обозначающимъ эпоху посѣщенія этихъ острововъ Русскими. Въ Захарьевской Бухтѣ, по лайдѣ, въ валунахъ выбираютъ молочнаго и оранжеваго цвѣтовъ ониксы, а изъ щелей утесовъ отламываютъ сталактиты, кварцевыя щетки, кристаллы горнаго хрустала, замѣчательной величины зерна цеолита и большіе куски удвоющаго известковаго шпату. Въ Очерединской Бухтѣ на южной оконечности острова прибрежные утесы состоятъ изъ глинистыхъ породъ, окрашенныхъ окисломъ желѣза. Изъ нихъ жители, промывкою и пережиганіемъ, добываютъ для домашняго употребленія различныхъ оттѣнковъ охры и кровавикъ.

Образцы горно-каменныхъ породъ этого острова и всѣхъ другихъ мѣстъ, собранныя мною въ экспедицію, и прибрѣтеныя во время пребыванія моего въ колоніяхъ, я удостоился имѣть честь представить Его Императорскому Высочеству, начальнику горной части въ Россіи.

22 мая мы оставили Унгу и взяли курсъ къ острову Уналашкѣ чрезъ Унимакскій проливъ. Преосвященному весьма хо-

тѣлось въ день Вознесенія Господня, 28 числа, принести благодареніе Богу въ церкви, основанной имъ въ бытность священникомъ Уналашкинскаго Отдѣла. Тихіе попутные вѣтры привели насъ къ полдню 25 мая на меридіанъ острова Угамокъ. При штлгѣ, но попутнымъ теченіемъ, быстро несло насъ по проливу; вдругъ въ исходѣ втораго заряблго съ навѣтра. Сначала сочли это за переѣну теченія и сулой, но глазъ преосвященнаго, знакомаго съ мѣстностью, разгадалъ шквалъ. Едва успѣли убрать божьбрамсели, какъ налетѣлъ крѣпкій порывъ отъ сѣверо-запада, море побѣгло, накрыло пасмурностью, бригъ положило бортомъ, но вскорѣ все было приведено въ порядокъ. Подъ тремя рѣвами, ночь и слѣдующія сутки мы держались въ проливѣ и, пользуясь различными струями теченія, не потеряли своего мѣста. 27, поутру, обогнули сѣверную оконечность острова Акуиъ и спустились къ гавани Иллююкъ; вечеромъ отслушавъ всенощное бдѣніе, а въ осемь часовъ утра, 28 мая, колокольный звонъ огласилъ шествіе преосвященнаго въ основанную и освященную имъ церковь. Удивленіе и потомъ восторгъ туземцевъ невыразимы. И здѣсь, какъ на Унгѣ, мы не нашли еще ни какой растительности: не только утесы, обставляющіе гавань, но и прибрежные лайды были покрыты снѣгомъ. Русскіе старожилы и старпки Алеуты сказывали, что на памяти ихъ только зима 1821 года равнялась суровостью съ прошедшей: всего за двѣ недѣли до нашего прихода, льды отъ острова отнесены были въ море; періодическая рыба только начала показываться.

Въ главнѣйшихъ нашихъ заселеніяхъ въ колоніяхъ, какъ и въ столицахъ, типъ народности сглаженъ. Алеуты ходятъ въ курткахъ и сюртукахъ, жены ихъ и дочери въ ситцевыхъ платьяхъ и камлехъ, то есть, длинныхъ тиковыхъ или китайчатыхъ рубашкахъ, обшитыхъ по во рту и подолу краснымъ сукномъ; замужнія, подъ опасеніемъ грѣха, всегда съ покрытою головою; дѣвушки съ распущенными волосами, перевязанными у затылка лентою. Сильнѣйшая страсть послѣднихъ выйти замужъ за Русскаго или даже креола или, иными словами, выйти изъ родового своего сословія. Несмотря на грамоту, Алеуты Уналашкинскаго Отдѣла, прежде своихъ собратій утратить народность. Особое составленіе словосочиненія языка, благодѣтельное въ настоящемъ, не можетъ быть упрочено въ будущности: христіанская вѣра сблизила Алеутовъ по духу съ нами; наши обычаи съ жадностью перенимаются ими; введеніе обученія русскому языку доставило

бы имъ болѣе источниковъ къ образованности и облегчило бы непосредственныя съ ними сношенія колоніальнаго начальства*.

Уналашка и особенно остальные острова алеутской гряды, включая пункты опредѣленныхъ астрономически, доселѣ не осмотрѣны подробно. Шамиседъ, Постельсъ, Мертенсъ, Лангсдорфъ можно сказать только пристравали къ нимъ. Внутренность острововъ, остается неизвѣстною самимъ туземцамъ. Совсѣмъ тѣмъ, судя по тому, что объ нихъ писано естествоиспытателями, должно предполагать, что они очень богаты желѣзомъ, мѣдью и, можетъ быть, драгоценными металлами. Изъ записокъ объ Уналашкинскомъ Отдѣлѣ видно, что на островѣ Уналашкѣ, въ трещинахъ утесовъ, находятъ аметистовыя щетки хорошихъ цвѣтовъ. Мнѣ ни одной такой не привозили, но съ острова Георгія, группы Прибылова, я получилъ нѣсколько кристалловъ циркона и гяццита.

Шамиседъ писалъ объ Алеутскихъ Островахъ въ геологическомъ отношеніи, но онъ посѣщалъ всего одинъ островъ Уналашку.

Мнѣ кажется наступастъ время заняться подробной описью этихъ острововъ. Морскіе и земляные звѣри просятъ запусковъ, и чѣмъ лучше занять Алеутовъ въ такое время, какъ не розьинскомъ и добываніемъ произведеній своего края. Въ настоящее время годъ, два, пять полнаго запуска цѣлаго отдѣла, при распорядительности, ни сколько ни уменьшатъ сбора опредѣленнаго количества пушныхъ промысловъ. Въ странѣ, мною осмотрѣнной, нѣтъ морскихъ бобровъ, но число шкуръ землянаго звѣря и лучшей противъ островныхъ шерсти, зависить получить по требованію; но опять прибавлю, при должной распорядительности.

5 іюня съ попутнымъ восточнымъ вѣтромъ, мы оставили Уналашку; 7, около полудня, видѣли въ пасмурности островъ Святаго

* Собственно школъ для обученія Алеутовъ грамотѣ, и мастерствамъ ни когда на счетъ компаніи не существовало, развѣ во времена, Баранова на Кадьяхъ. Въ новоярхангельской школѣ обучаются креолы, то есть, дѣти приказчиковъ и промышленныхъ женатыхъ на туземкахъ. Въ атхивской и уналашкинской школахъ, упраздненныхъ съ 1842 года, въ бытность мою на этихъ островахъ я также не видалъ ни одного собственно Алеута. Они одолжены грамотою священникамъ, которые безвозмездно обучаютъ ихъ въ такъ-называемыхъ приходскихъ школахъ, но какъ священники проживаютъ всегда въ главномъ заселеніи отдѣла, въ которомъ всего менѣе находится туземцевъ мужскихъ, то пользуются этими благодѣяніемъ изъ алеутскихъ дѣтей мужскаго пола весьма немногіе.

Георгія, а къ шести часамъ вечера подошли къ острову Святаго Павла; вѣтеръ не переставалъ дуть отъ оста съ насмурностью: флага, означающаго возможность сообщенія, не поднимали въ селеніи, и мы поворота назадъ принуждены были малыми галсами держаться подъ островомъ. Наконецъ, 8, къ вечеру, вѣтеръ отошелъ къ сѣверо-востоку, вѣсколько выяснѣло, выкинули флагъ. Бригъ, обрѣзавъ вплоть камни юго-западнаго мыса, стагъ на якорь на такъ-пазываемомъ западномъ рейдѣ. Огромныя массы льду носились у прибрежья. Къ закату прибылъ управляющій островомъ и байдара для принятія товаровъ и припасовъ. Надобно было поднимать грузъ съ кля, принять или передать колоніальныя повости, запастись водой и свѣжимъ сіучьимъ и котовымъ мясомъ, яицами морскихъ птицъ и прочимъ, и все это было сдано и принято втеченіи пяти часовъ. Зато какой хаосъ представлялся на бригѣ, когда, въ одиннадцатъ часовъ ночи, мы вступили подъ паруса. На островѣ Святаго Павла я взялъ вѣсколько паръ сіучьихъ горловъ для торбасовъ команды *.

Управляющій, почтенный старикъ креолъ Шашниковъ сказывалъ, что прошло только четверо сутокъ, какъ оторвало льды отъ острова. Нельзя было и думать идти на сѣверъ: отойдя тридцать миль къ юго-западу командиръ привелъ къ вѣтру и десять сутокъ мы лежали въ дрейфѣ, въ непронцаемомъ мокромъ туманѣ, развлекаясь ловлею на удъ трески и падениемъ на палубу морскихъ птицъ, ударявшихся съ налету о паруса.

На Улаашкѣ я отвѣдывалъ китовое мясо, которое вкусомъ и видомъ, показалось мнѣ, подходитъ къ говядинѣ. Здѣсь на бригѣ угощали насъ ежедневно студенемъ и соусомъ изъ сіучьихъ ластовъ. Изъ рукъ повара художника, конечно, сіучій ласть займетъ не послѣднее мѣсто на столѣ гастронома, но приготовленный полу-алеутомъ не теряетъ той особенности, которая свойственна мясу всѣхъ животныхъ, питающихся произведеніями моря.

20 іюля, при западномъ вѣтрѣ, мы обошли съ павѣтра островъ

* Сверхъ комлеекъ изъ горловъ сіуча, — морскаго льва, Алеуты выдѣлываютъ непромокаемыя голенища къ сапогамъ или, какъ здѣсь называютъ по-камчадалски — торбасамъ; на мѣсто подошвенной кожи подшиваютъ шкуру изъ ластовъ того же звѣря; такія подошвы, шнѣя естественныя морщины не скользятъ и потому весьма удобны для ходьбы по прибрежнымъ камнямъ, покрытымъ морскою капустой.

Святого Матѣя и взяли курсъ на юго-восточную оконечность Святого Лаврентія; къ полдню, 21, вѣтеръ зашелъ къ сѣверу и принудилъ насъ лавировать; въ четыре часа за полдень, находясь въ шестидесяти миляхъ отъ мыса графа Румянцева и въ семидесяти отъ южной оконечности острова Святого Лаврентія мы увидѣли необозримыя равнины неподвижнаго льду. Плавающія отдѣльныя глыбы попадались намъ еще съ полдня. Это обстоятельство заставило командира повернуть и вторично нѣсколько дней продержаться въ морѣ. 27, къ вечеру, получа юго-западный вѣтеръ, мы пошли между островомъ Святого Лаврентія и Чукотскимъ Носомъ и на утро, обогнувъ сѣверную оконечность острова, спустились къ острову Азіакъ. При ясномъ небѣ, термометръ до двухъ часовъ за полдень показывалъ -4 15° по Р. Казалось, мы распрощались со льдами: съ полночи накрылъ туманъ, а когда къ осьми часамъ утра, 29, я вышелъ на верхъ, то нашелъ, что бригъ штыкуетъ въ густомъ льду. Мпожество моржей съ своими малютками, оглушая насъ ревомъ, то царапались на судно, то кувыркались, то вылѣзая на ближнія льдины, какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на чуждаго сосѣда. Мы не имѣли времени заниматься ими, иначе могли бы настрѣлять и наколоть штукъ до сотни. Къ шести часамъ вечера съ помощію весель и легкаго вѣтру отъ юга, бригъ выбрался на вольную воду.

Девять сутокъ, болъшею частію при пасмурной погодѣ, мы проходили между островомъ Святого Лаврентія и материкомъ Америки, подходя почти ежедневно къ сплошному ледяному полю, протягивающемуся отъ мыса Азагачьякъ (мелей капитана Кука) черезъ весь заливъ Нортонна къ мысу Родней, наконецъ 9 іюля, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ и ясной погодѣ, замѣтя множество несомато сплаваго лѣсу, заключили, что ледяную гряду прорвало и точно, въ четыре часа пополудни намъ удалось вступить въ Нортонновъ Заливъ. Всю ночь мы шли между разсѣянными глыбами льду и поутру, 10, опредѣлясь по мысу Дерби, спустились къ редуту Святого Михаила. Въ шесть часовъ вечера я кончилъ свое морское плаваніе.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РЕДУТѢ СВЯТОГО МИХАИЛА, ПОВЪЗКА КЪ РЪКѢ УДАКАКІНЪ.

По инструкціи мнѣ надлежало, распорядясь отправкою на Кви́нпакъ припасовъ и матеріаловъ экспедиціи, самому слѣдовать въ Зундъ-Коцебу, для обзорѣнія въ губѣ Этольца удобнаго мѣста къ основанію заселенія. Какъ ни щекотило мое ученое самолюбіе

такое порученіе, но проживя недѣлю въ редутѣ, я принужденъ былъ отказаться отъ этого. Весь порядокъ снаряженія экспедиціи, изъясненный на письмѣ, не могъ составиться на дѣлѣ: одинъ былъ занятъ сдачей редута, другой едва таскалъ ноги отъ хроническаго ревматизму, третій какъ толмачъ, былъ необходимъ при отправленіи команды къ основанію заселенія въ Нулато: туземецъ Утуктакъ, ходившій толмачомъ при экспедиціи Кашеварова и опредѣляемый инструкціей ко мнѣ въ ту же должность, какъ человекъ вольный, на-чисто отказался, отозвавшись, что въ ту пору былъ холостъ, а теперь имѣетъ двухъ женъ красавицъ и черезъ нихъ, живя въ сосѣдствѣ съ Русскими, ни въ чемъ не нуждается. Ктому же мнѣ предстояло озаботиться изготовленіемъ зимней одежды для себя и команды, закупкою лавтаковъ для байдары, постройкою нартъ, осмотромъ и прикупкою собакъ, которыхъ виѣсто шестидесяти штукъ, какъ мнѣ было сказано въ Новоархангельскѣ, я нашелъ всего на лицо девятнадцать; словомъ, мнѣ предстояло создать экспедицію, а проживя недѣлю въ редутѣ я ничего не посмѣлъ довѣрить управляющему, человѣку, такъ же какъ и я, новому въ этомъ краѣ.

Въ отчетахъ главнаго правленія компаніи за 1842 годъ значится, что изслѣдованій въ Зундѣ-Коцебу я не могъ совершить по множеству льда, встрѣченнаго въ Беринговомъ Проливѣ. Увидя, что походомъ въ Зундѣ-Коцебу я потеряю время, необходимое на своевременное изготовленіе къ экспедиціи на рѣку Квихпакъ, я извѣстилъ командира брига «Охотскъ», что остаюсь въ редутѣ Святаго Михаила, и въ то время, когда бригъ ходилъ въ Мечигменскую Губу и къ Гвоздевымъ Островамъ, я дѣлалъ повѣзку къ рѣкѣ Уналакликъ. Самый бригъ возвратился къ редуту 6 августа, то есть, въ то время, когда поларныя моря становятся доступными мореплавателю. Со стороны сѣверо-западныхъ береговъ Америки это доказывается плаваніями Кука, Коцебу, Васильева, Бича и, наконецъ, компанейскаго судна «Полюсь», въ 1838 году. Правда, зима на 1842 годъ по свидѣтельству всѣхъ туземцевъ Алеутскихъ Острововъ и Берингова Моря, была пзъ самыхъ жестокихъ, что подтверждалось и позднимъ отнсомъ льдовъ отъ острововъ Уналашки, Прибыловыхъ и Нортонова Залива, но изъ этого о непроходимости между льдовъ при слѣдованіи къ Зунду-Коцебу я ни какихъ заключеній не представлялъ. Командиръ брига «Охотскъ» на слѣдующій годъ отозвался въ неуспѣхъ своего предпріятія касательно

осмотра Зунда-Коцебу, тѣмъ же льдами, по въ 1843 году онъ возвратился отъ мыса Эспенбергъ 16 іюля: это время можно почесть точно довольно раннимъ для выноса льдовъ изъ глубины залива. Коцебу, въ путешествіи своемъ 1815 года, вышелъ только изъ Петропавловскаго порта 15 іюля, а въ Зундъ-Коцебу вступилъ 1 августа. Бичъ производилъ опись этого залива и обзоръ устья рѣки Букландъ тоже въ августѣ. Впрочемъ, весьма любопытно было бы въ точности изслѣдовать, бывають ли годы, въ которые льды не выносятся изъ Зунда-Коцебу: это послужило бы разрѣшеніемъ того, почему знаменитый Кукъ прошелъ мимо этого залива, вовсе его не замѣтя. Для Россійско-Амеріканской Компаніи это изслѣдованіе важно тѣмъ, что рано ли, поздно ли, а она вынуждена будетъ основать свое заселеніе въ томъ краѣ. Выясненіе послѣдняго мнѣнія показано при поискахъ, произведенныхъ мною относительно существованія сообщенія между бассейномъ Квипака и Зундомъ-Коцебу.

Для такихъ изслѣдованій, по опыту удобѣйшимъ считаю учреждать подвижной редутъ, то есть, посылать прямо человекъ пятнадцать способныхъ людей, снабдя ихъ срубленной избой, по пембѣнню стоячаго лѣсу по прибрежью, выше Бернигова пролива, мукой или сухарями на годъ и достаточнымъ количествомъ соленой рыбы и юколы, которую, смотря по надобности, всегда можно запасти на островѣ Кадьякъ въ Карлукъ. Оставшись на годъ и нѣтъ при себѣ три трехъ-лучныя байдарки, начальникъ отряда съ половинной команды осмотрять по осени окружныя мѣста по приморью, а зимой и въ слѣдующее лѣто, сдѣлаетъ поиски во внутрь материка по направленію протекающихъ рѣкъ. На суднѣ, по краткости полярнаго лѣта, никогда не достанетъ времени для собранія надлежащихъ свѣдѣній касательно богатствъ материка: экспедиція Кашеварова, тому доказательство*. Начальникъ отряда долженъ быть понимающій свое дѣло и свое назначеніе. Разночищцы, весьма короткимъ сближеніемъ съ туземцами, какъ-то всегда роняли себя въ ихъ мнѣніи; притомъ и отъ своей команды не могли пріобрѣсть должнаго уваженія, а слѣдствія того неуспѣхъ, потери и превратныя свѣдѣнія, получаемыя колоніальнымъ начальствомъ.

* Впрочемъ, экспедиція господина Кашеварова имѣла и совершенно особое назначеніе, именно: обзоръ прибрежья Ледовитаго Моря между мыса Барро и Поворотнымъ, или Возвратнымъ капитана Франклина.

Безъ хлѣба оуществуютъ милліоны людей, и если бы на слѣдующій годъ не удалось судну прійти за отрядомъ или прирести новыхъ запасовъ, то отъ начальника отряда будетъ зависѣть или выйти совоёмъ въ Нулато, или открыть съ нимъ сообщеніе черезъ переносъ осмотрѣнный мною. Втеченіи года существованіе команды въ будущности, безъ сомнѣнія обезпечится птицей, оленнвой, морскими животными и прочими туземными произведеніями. Нечего распространяться, что издержки на содержаніе такого отряда покроются приобрѣтеніемъ пушныхъ мѣховъ, только бы товары для мѣны соответствовали потребностямъ туземцевъ.

Чтобъ познакомить читателя съ моимъ житьемъ бытемъ въ редутѣ, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

11 июня мы перебрались на берегъ. Команду редута составляли двадцать девять человекъ, включая управляющаго и двухъ старостъ, или, какъ называютъ въ колоніяхъ, байдаршиковъ *. Сверхъ этого числа со мною прибыло въ дополненіе шесть человекъ, изъ которыхъ четверо семейные. Ко времени обѣда прибытіе и моя команда явились ко мнѣ съ объясненіемъ, что исключая хлѣба имъ ѣсть нечего. Въ утреннемъ рапортѣ я видѣлъ, что при редутѣ два повара. Зову управляющаго. Вотъ его отвѣтъ изъ слова въ слово: «Одинъ, ваше благородіе, изъ числа означенныхъ въ поварахъ, — хлѣбопекъ и сушитъ сухари для от-
« правляющихся въ походъ; другой таскаетъ воду, варитъ лав-
« тани или что попадо собакамъ, смотритъ за ними и прислуживаетъ ему, управляющему. Варитъ командѣ нечего: морской
« рыбы нейдетъ, покупать вахню (навагу) у туземцевъ дорого,
« да и сами тѣ едва достаютъ себѣ на пропитаніе, команда реду-
« та не голодуеть, потому что каждый или запасся птицей во
« время весенняго ея пролету, или имѣетъ на жилѣ шнугу, —
« пріятеля или пріятельницу; посылать стрѣлять оленей онъ
« не имѣетъ разрѣшеній ** и боится чтобъ чего не сдѣлали ту-

* То есть, кормищникъ байдары. Множество камчатскихъ словъ, какъ-то: байдара, баробара, лахтакъ, хайко, чайыча и прочая, первыми русскими заселенцами Америки, казаками, перенесены въ общее употребленіе въ Россійско-Американскія Колоніи. Изъясненіе всѣхъ такихъ словъ находится у Крашенинникова въ описаніи Камчатки.

** Потому что, какъ я послѣ справился, онъ никогда и не представлялъ объ этомъ начальству.

«земцы». У насъ не было ни птицы, ни шнягъ, голодовать или заставлять голодовать безъ нужды не приходилось, и я тогда же отрядилъ стрѣльца съ своей винтовкой, который на утро и возвратился съ оленемъ. Втеченіи остальныхъ дней іюля мы приобрѣли еще четырехъ и такимъ образомъ относительно продовольствія были совершенно обезпечены.

18 іюля бригъ «Охотскъ» ушелъ для выполненія данныхъ ему порученій по торговлѣ въ Мичигменскую Губу и Беринговъ Проливъ.

Оставшись въ редутѣ, я прежде всего позаботился отправить въ Нулато съ посылаемыми туда на заселеніе, различные запасы экспедиціи. Я имѣлъ въ виду примѣръ, что 19 сентября 1840 года, посланные въ Нулато на зимовку, были задержаны рѣкоставомъ, не достигнувъ своего назначенія. Для приведенія въ исполненіе этого предпріятія была прислана изъ Новоархангельска лодка, но по скорости отправленія брига на нее не успѣли сдѣлать въ портѣ ни руля, ни весель, ни парусовъ. Во время пути лодка разохлась: слѣдовало окончатить и осмолить. На все это съискалися мастера и, къ 19, изготовились совершенно. Казалось бы, что оставалось нагрузить, да и отправить, не тутъ-то было: предстоялъ важный подвигъ выполнить командѣ редута: осушить боченокъ рому, посылаемый ежегодно изъ Новоархангельска. Вино веселитъ сердце человѣка и командѣ редута присылается точно столько, чтобъ быть на-весель не болѣе трехъ дней въ году. Одинъ управляющіе веселились черезъ мѣру и то потому только, что въ ихъ рукахъ содержались мѣрила *.

22 іюля принялись-было грузить лодку, но вскорѣ увидѣли, что не умѣщались въ нее не только запасы экспедиціи, но и припасы и товары для заселяемыхъ и для расторжекъ съ туземцами. Это принудило управляющаго редутомъ изготовить въ помощь байдару, а какъ команды редута не было достаточно для отправленія двухъ судовъ, то изъ числа людей экспедиціи я отрядилъ трехъ человѣкъ, приказавъ двоимъ изъ нихъ по первому пути выйти на устье Уналаклика, такъ чтобъ при моемъ слѣдованіи на Квихнакъ, онѣ могли служить проводниками.

25 іюля съ утра лодка отправилась по назначенію.

Имѣя въ виду осмотрѣть собакъ, содержащихся въ Уна-

* Съ 1 января 1846 года уничтожена въ колоніяхъ всякая продажа крѣпкихъ напитковъ.

завидѣвъ, и зачастилъ отъ туземцевъ лавтаками и оленьими шкурами, я, первого августа, къ вечеру, оставилъ редутъ. Байдара, на которой мы поѣхали, предназначалась къ отвозу товаровъ въ наше временное заселеніе въ Икогмиутъ. Байдарщикъ этого поста или одиночки, какъ величаютъ въ колоніяхъ, довезлъ о гнилости на ней лавтака, но сообразиться по этому предмету новый управляющій не имѣлъ времени.

Отъ редута прямой курсъ до первого мыса сравнительно предъ другими выдававшегося къ сѣверу, есть ZO осемьдесятъ семь градусовъ праваго компаса *. Служители компаніи прозвали его *паленымъ*. Въмѣсто ужина мы на немъ напилься чаю и, пользуясь тихостью моря, къ полночи прибыли на туземное жилище *Кикхтагукъ* **. Изъ жителей нашли всего обезноженную старуху и молодого туземца: прочіе, видя неуловъ рыбы при жигѣ, разѣхались на болѣе притонныя мѣста. Введя байдару въ родъ мокраго дока, устроеннаго туземцами, сами расположились на травѣ между камнями, гдѣ кому приглянулось.

Отъ редута до Кикхтагука, берегъ состоитъ изъ поздреватаго базальту, и такой же обгорѣлой лавы; на мысахъ такіе камни, отъ одного до десяти квадратныхъ футовъ величиною, нагроможденные одинъ на другой безъ всякаго порядку, представляютъ довольно страшныя фигуры. Самый берегъ утесистъ, футовъ до двадцати высоты. Только въ глубинахъ нѣсколькихъ открытых бухтъ есть небольшие, узкія, песчаныя лайдочки, удобныя для байдарочной прпстанп. При такихъ мѣстахъ видны развалины туземныхъ лѣтниковъ, — Мхатъ, Чюпюг-пакъ, Кыгали и Кебахлюкъ. Всѣ онѣ опустѣли по разбродѣ или смерти туземцевъ во время оспы, свирѣпствовавшей здѣсь въ 1838 году. Прибрежные отлогіе холмы отъ ста-пятдесяти до двухъ-сотъ футовъ высоты, весьма разнообразятъ мѣстоположеніе и служатъ пастбищемъ оленей. За ними, мняхъ въ тридцати отъ берегу, возвышается настоящій хребетъ горъ. Отдѣльныя сопки отъ пяти-

* Склоненіе компаса при редутѣ Святаго Миханла опредѣлено наблюденьями господъ Тебенъкова, Чернова и моиими 30° восточное.

** Русскіе, служащіе въ Россійско-Американской Компаніи, селенія туземцевъ называютъ жилами. Безъ логики и этимологін простой народъ какъ-то всегда удачно, не выковывалъ словъ, дасть приличныя названія. Я удержалъ это и нѣкоторыя другія слова, вѣрно выражающія обозначаемые ими предметы.

сотъ до тысячъ футовъ высоты имѣютъ всё на своихъ вершинахъ котловины. Но словаиъ туземцевъ, на нѣкоторыхъ описанъ нахдѣ дется озера.

2 августа, около четырехъ часовъ утра, часовой поднялъ небъ на ноги. Поднявшійся западный вѣтеръ произвелъ прибой и байдари слѣдовало тащить на берегъ. Тутъ мы увидѣли, что дно оя совершенно сопрѣло, а на бокахъ, по узкости приотани, нѣсколькo потерялось. Старуха исправляла поврежденія.

Жило Кикхтагукъ расположено на небольшомъ выдавшемся къ сѣверу мысѣ, имѣющемъ футовъ до тридцати высоты надъ поверхностью моря. По обѣ стороны мыса находятся двѣ большія бухточки, закрывающія — западная отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, а восточная отъ вѣтровъ противныхъ румбовъ. На жилѣ четыре зимника и двадцать осемь душъ обоого пола. Мѣсто это въ торговомъ отношеніи важно какъ пунктъ ближайшаго сообщенія прибрежья съ квихпакскимъ бассейномъ, посредствомъ рѣчекъ Ныгвильпукъ и Анвигъ.

По меридиальной высотѣ солнца широта жила опредѣлена 63° 29' 03" долгота по хронометру 161° 11' 19" къ западу отъ Гринича.

Въ три часа пополудни, волненіе и прибой улеглись и мы отвалили. Прямое направленіе отъ мыса Кикхтагукъ до слѣдующаго называемаго *Ныгвильпукъ* сестъ NO. пятьдесятъ одинъ градусъ *. За мысомъ Кикхтагукъ, берегъ образуетъ довольно обширную, по открытую и отмелую бухту. Въ глубинѣ ея находится устье небольшого горнаго ручья, обсыхающаго въ лѣтнее время. Мы шли на-прямки. Берегъ за бухтою утесистъ, отъ сорока до шестидесяти футовъ высоты. Достойно замѣчанія, что въ нѣкоторыхъ изъ прибрежныхъ утесахъ лежалъ снѣгъ и, какъ говорили мнѣ старожилы редута, никогда не таетъ. Проѣзжая близъ такихъ природныхъ ледниковъ, чувствуешь особую прохладу. За милю до мыса Ныгвильпукъ, саженьхъ въ двухъ стахъ отъ берега, находятся два небольшіе скалистые островка, служащіе прибѣжищемъ морскимъ птицамъ. Противъ нихъ на матеромъ берегу проживааетъ семья туземцевъ. Старикъ вездѣ неохотно разстаетъ съ мѣстомъ своей родины. Такъ проживающій здѣсь старикъ, судя по виду лѣтъ семидесяти, потерявъ въ оснѣ всѣхъ своихъ

* Гдѣ не означено именно, по которому компасу румбъ, вездѣ должно разумѣть правый.

дѣтей, не оставляя родового угла и проживаетъ съ внуками. Мѣсто привольно: у островковъ ловится во множествѣ вахня; въ рѣчкѣ Ныгвильнукъ водятся огромныя гольцы; близлежащія горныя пади способны къ оленьей охотѣ.

Мысъ Ныгвильнукъ — футовъ до осьмидесяти высоты, состоитъ изъ гранитныхъ породъ. По обходѣ его, на восточной сторонѣ, есть небольшая круглая бухта, въ которой гребному судну можно укрываться отъ всѣхъ вѣтровъ. Впрочемъ на большой водѣ можно входить и въ устье рѣчки Ныхвильнукъ, находящейся въ полумилѣ къ югу отъ мыса. Для ночлега мы вошли въ ея устье и были такъ счастливы, что встрѣтили одного туземца, съ котораго купили нѣсколько гольцовъ *.

Въ круглой бухтѣ въ осыняхъ песчано-глинистыхъ яровъ паходятъ кости ископаемыхъ слоновъ и мастодонтовъ, нѣкоторыя кости реберъ, берцовая кость и нѣсколько такъ-называемыхъ клыковъ, была привезены пынѣшнюю весною въ редуть. Я просилъ сохранить ихъ до моего востребованія, но два клыка взяты для Императорской Россійской Академіи Наукъ, посѣщавшимъ редуть въ 1843 году зоологомъ-преператоромъ Вознесенскимъ, остальное куда дѣвалось, я не могъ разузнать при возвращеніи моемъ въ редуть, въ 1844 году.

На второй годъ основанія редута Святаго Михаила, въ 1834 году, креоль, помощникъ мореходства Глазуновъ, былъ посланъ для ознакомленія съ туземцами рѣки Квихпакъ и обзоренія всей стороны до Кенайскаго Залива. На Квихпакъ онъ вышелъ Анвягскимъ переносомъ, который, какъ показано мною выше, протекаетъ отъ жиля Кикхтагукъ. Вотъ сводъ описи всего переноса.

Отправясь, 1 января 1835 года, изъ Кикхтагука къ юго-востоку, Глазуновъ въ тотъ же день, послѣ шести-часоваго ходу, считая по двѣ мили на часъ, вышелъ на рѣчку Ныгвильнукъ, протекающую отъ юга съ горъ, называемыхъ туземцами Ынгихлюатъ, — дальними горами. Рѣчку Ныгвильнукъ составляютъ три горныя ручья. Проводникъ провелъ его по во-

* Гольцовъ два вида въ Сѣверо-Западной Америкѣ. Одинъ видъ, который входитъ въ рѣки съ моря вѣстѣ съ горбушкою по веснѣ, другой постоянно проживающій въ рѣчкахъ и озерахъ. Такъ въ Ново-Архангельскѣ, въ озеркѣ, находящемся близъ селенія, водятся гольцы, величиною въ два фута. Здѣсь, по приморью Нортонава Залива, въ рѣчкахъ въ него впадающихъ, попадаются также оба вида гольцовъ, но тѣ, которыхъ Крашенниковъ называетъ «каменными», проживаютъ наиболѣе въ верховьяхъ.

сточиному, съ вершины котораго пролегаетъ удобный перевалъ * на рѣчку Чавгахчигагакъ, — одинъ изъ притоковъ рѣки Аввигъ. Аввигомъ до Квихпака Глазуновъ шелъ двадцать два дня, потому что, не имѣя свѣдущаго проводника, принужденъ былъ слѣдовать по всѣмъ изгибамъ рѣки и, по неопытности, нерѣдко попадалъ въ полыньи. Онъ много видѣлъ бобровыхъ жилищъ и называетъ на туземномъ языкѣ многія кувы мѣстныхъ горъ. По описанію Глазунова, рѣчка Ныгвильнукъ окаймлена таловымъ и ольховымъ кустарниками и мелкимъ тополевымъ и еловымъ лѣсомъ, по со стороны квхпакскаго бассейна по берегамъ Аввига растутъ крупныя еловые, березовыя и тополевые лѣса и только вершины горъ не представляютъ ни какихъ слѣдовъ растеній.

Въ обратный путь къ редуту, Глазуновъ, съ надежными проводниками, въ апрѣлѣ того жъ года, перешелъ въ три дня съ устья Аввига въ Квихтагукъ.

3 августа, до девяти часовъ, лежалъ непроницаемый туманъ, потомъ, когда онъ осѣлъ, мы пошли вдоль берега по главному направленію къ NO 26° къ мысу, прозванному Русскими Толстымъ. Берегъ при рѣчкѣ Ныгвильнукъ низменный, къ мысу постепенно возвышается, такъ что самый мысъ составляетъ утесъ до ста пятидесяти футовъ высоты. Отъ него, почти на протяженіи десяти миль, тянутся вдоль берега утесы отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ футовъ, состоящіе изъ глинистыхъ шиферныхъ породъ. Изъ четырехъ падей, прерывающихъ однообразность утесовъ, изливаются въ море горныя потоки, устья которыхъ то замечаются, то размываются приливами. По склонамъ падей растутъ не крупныя еловыя и березовыя лѣса, а по берегамъ потоковъ таловыя и ольховыя кустарники. Пади эти считаются туземцами лучшими притонными мѣстами для ловли олсвей петлями.

На Толстомъ Мысѣ служители компаніи собираютъ красную смородицу. Туземцы этой ягоды не ѣдятъ: мы нашли ее совершенно спѣлою.

На неширокой лайдѣ, прилегающей къ утесамъ и состоящей изъ гольшеваго и дресвянаго камня, попадаются зерна кварцу, кругляки яшмы кирпичнаго цвѣту и округленныя водою куски лгвиту. По лайдѣ мы шли бечевой, но въ четыре часа за полдень, уславившійся западный вѣтеръ, разведя буруль, принудилъ насъ вытащить байдару. При всей осторожности, употребленной для этого дѣла, прѣлый лавтакъ расползся. Туземецъ, ѣхавшій съ

* Раздѣлъ воле.

нами изъ Квихтагука, взялся исправить поврежденіе, а мы остальное время дня, чтобъ въ точности не сидѣть у моря въ ожиданіи погоды, бродили, кто за оленями, кто за грибами или ягодами.

4 августа, съ утра, начало стихать и къ четыремъ часамъ за полдень бурунъ улегся. Мы собрались въ путь, но на нашу бѣду при спускѣ байдары, лавтакъ опять лопнулъ, а съ нимъ и мое терпѣніе: мимо насъ бѣжалъ одинъ туземецъ, я далъ ему записку въ Уналакликъ о присылкѣ барказа, который къ полуночи и прибылъ.

5 августа, съ шести часовъ утра, при тихомъ западномъ вѣтрѣ, отправя барказъ, я съ однимъ человѣкомъ изъ команды пошелъ въ Уналакликъ пѣшкомъ, для прогулки. Прямое направленіе отъ Толстаго Мыса до устья Уналаклика $NO\ 30^\circ$, но берегъ простирается небольшою огибью. Миляхъ въ четырехъ отъ рѣки утесы кончаются и пѣсь прибрежныхъ горъ, отклоняясь къ востоку, замѣняется низменной тундрой, усѣянной небольшими озерами. Отлогая песчаная приморская лайда завалена сплошь выкиднымъ лѣсомъ, потому что господствующими здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы западными и сѣверо-западными вѣтрами всѣ лѣса, выносимые изъ устій Квихпака, прибываются къ этому берегу. Черезъ три съ половиною часа ходу я пришелъ въ Уналакликъ.

Рѣчка Уналакликъ впадаетъ въ море по румбу нордъ-вестъ праваго компаса. Устье ея не шире 60-ти сажень. На взморьѣ, въ отливъ, по срединѣ оказывается каменистый середокъ, но гребное судно двухъ футовъ въ грузу можетъ обходить его по обѣ стороны. Грунтъ—мелкій песокъ, мѣстами съ ракушкой. Далѣе въ море глубина постепенно увеличивается: въ 1837 году въ двухъ съ половиною миляхъ отъ берега, нѣсколько сѣвернѣе устья, стоялъ бригъ «Квихпакъ» на трехъ саженьяхъ.

Заведенія компаніи, состоящія въ одной избѣ и вѣшалыхъ для сушенія рыбы, расположены на правомъ берегу рѣки, не вдалекѣ отъ устья. Не вывезенные по осени рыбные запасы, подъ присмотромъ одного туземца, сохранялись здѣсь до зимы 1841 года довольно исправно, но неуловъ рыбы на Квихпакѣ прошлаго лѣта заставилъ туземцевъ, проживающихъ въ окрестностяхъ Нулато, покуситься на грабежъ и около трехъ тысячъ юколы и до 500 штукъ соленой рыбы было ими растаскано.

Сколько для обезпеченія заготовляемыхъ здѣсь провизій отъ

подобныхъ похлещеній, такъ особенно по важности, которую занимаетъ Уналакликъ въ сношеніяхъ съ Квихпакомъ у жителей сѣверной части Нортонова Залива, я рѣшился учредить здѣсь постъ изъ четырехъ человѣкъ служителей компаніи и перевести сюда на постоянное содержаніе собакъ, употребляемыхъ на перевозку товаровъ въ наши заселенія на Квихпакѣ.

Собакъ я нашелъ въ тѣлѣ, но весьма въ недостаточномъ числѣ. Это обстоятельство заставило меня имѣть въ виду прикупить отъ туземцевъ. Но и тутъ надлежало ожидать времени, потому что при ранней закупкѣ опасался израсходовать юколу, которой, по малому ходу рыбы и въ нынѣшнее лѣто, запасено всего около шести тысячъ хайка и трехъ тысячъ горбуши. Впрочемъ это зависить отъ своевременной отправки людей изъ редута: такъ въ рѣдкіе годы рыболовы застаютъ на устьѣ ходъ горбуши, да болѣею частью и хайко, справедливо сравниваемый Крашенниковымъ съ хлѣбомъ всѣхъ поморскихъ жителей Восточнаго Океана и Берингова Моря, ловится не на устьѣ, но миляхъ въ пяти и семи выше. По отнесеніи льда отъ береговъ, первая изъ морскихъ рыбъ бросается въ Уналакликъ горбуша, потомъ черезъ недѣлю слѣдуетъ не столь густымъ руномъ хайко. Съ августа попадаетъ въ неводъ по одиночкѣ кижучъ. Во весь періодъ хода красной рыбы ловятся въ небольшомъ количествѣ такъ называемые морскіе сига. Чавыча никогда въ Уналакликъ не заходитъ. Гольцы и харюсы водятся въ изобиліи въ верховьѣ.

До осы многолюдное туземное жилище находилось на лѣвомъ берегу рѣки. Нынче оно замѣтно только по ямамъ огнищъ, которыя пахотлись въ зимникахъ и кажимахъ. Оставшіеся жители, въ числѣ тринадцати душъ, перешли на правый берегъ и поселились въ двухъ небольшихъ зимникахъ, въ четверти мили отъ компанейскихъ строеній.

7 августа, въ ночь, выпалъ впервые иней, а поутру на дальнихъ южныхъ горахъ увидѣли снѣгъ: Вчера я послалъ одного туземца въ губу Тшахтоль, къ Малейгмютамъ, съ объявленіемъ моего желанія купить у нихъ оленьихъ шкуръ для зимней одежды. Въ ожиданіи ихъ пріѣзду, я намѣревался на двухъ байдаркахъ осмотрѣть верховье Уналаклика, но нынче въ вечеру прибылъ изъ редута посланный съ извѣщеніемъ о возвращеніи брига. Мнѣ слѣдовало на немъ отправить свои доверенія.

8 августа. По meridианальной высотѣ солнца определены широта устья рѣки $63^{\circ} 59' 36''$; долгота по хронометру $160^{\circ} 32' 00''$ къ западу отъ Гринича, впоследствии въ зимнее мое пребываніе въ Уналаклинкѣ долгота мѣста найдена по расстояніямъ Луны отъ Солнца $160^{\circ} 30' 16''$ которая и принята за истинную.

Мѣстоположеніе при устьѣ Уналаклинка имѣетъ всѣ выгоды предъ настоящимъ мѣстомъ редута. Песчаный грунтъ способствуетъ къ разведенію большихъ огородовъ, въ особенности картофеля, распространеніе котораго между туземцами было бы для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ. Стоячій и выкидной лѣсъ, рыба, вода, наконецъ, ближайшее сообщеніе съ Квикпакомъ и Маллеймиутами, которыхъ доселѣ мы вовсе не знаемъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, то есть когда уже существуютъ у насъ заселенія внутри материка, заставляютъ желать перевесенія редута на это мѣсто *.

9 августа, взявъ съ собою грузъ соленой рыбы и юколы, съ утра я оставилъ Уналаклинкѣ, но и обратный путь въ редутъ былъ для насъ не весьма счастливъ: постоянный вѣтеръ изъ юго-западной четверти съ дождевыми шквалами принудилъ насъ одну ночь укрываться въ кустахъ, другую провести на жиѣ Квиктагукъ. На немъ мы встрѣтили двухъ туземцевъ съ рѣки Авигъ, пришедшихъ для промѣна пушныхъ промысловъ: овин, рѣдко, и то въ небольшомъ числѣ, приходятъ по зимамъ въ редутъ. Имѣя большую надобность въ туземныхъ произведе-

* Туземцы весьма хорошо понимая удобства мѣстности, имѣютъ свои лѣтніки, то есть, хутора или дачи, на которые переселяются въ лѣтнее время. При переводѣ редута, на настоящемъ его мѣстѣ достаточно содержать постъ изъ пяти человѣкъ команды. Пристойнѣе управяющему наказать наждогодно на время прихода судна и слала пушныхъ промысловъ съ низовья Квикпака и Кускокима, нежели постоянно занимать двадцать человѣкъ служителей, доставкою къ редуту дровъ, рыбы, воды и прочаго. Къ настоящему состоянію Михайловскаго редута, можно приложить слѣдующую быль, рассказываемую старожилани Ситхи. М. И. Муравьевъ, при вступленіи своемъ въ должность главнаго правителя колоніи, приходитъ какъ-то въ кузницу и видитъ огромный ворохъ углей. Зная, что въ кузницѣ не производится ни какихъ важныхъ работъ, онъ обращается къ старшему кузнецу и спрашиваетъ: — Это для чего? — Топоры ковать, ваше высокоблагородіе. — А топоры зачѣмъ? — Дрова рубить, ваше высокоблагородіе. — А дрова зачѣмъ? — Угли жечь, ваше высокоблагородіе. Долго потомъ разбавляи, существовать ли Новоархангельску для углей, и угли поревѣли.

нѣхъ, они получаютъ все имъ потребное съ этого жила, котораго торговцы снабжаютъ ихъ и европейскими товарами.

15 августа бригъ «Охотскъ» отправился въ Новоархангельскъ.

До отправленія моего на Квихпакъ оставалось по крайней мѣрѣ три мѣсяца. Правда, я имѣлъ довольно хлопотъ и затрудненій при укомплектовкѣ команды зимнею одеждою, при покупкѣ собакъ, постройкѣ нартъ и прочемъ, но какъ все это успѣло ко времени довольно въ сноскомъ видѣ, хотя не сообразномъ, какъ впоследствии показалъ мнѣ то опытъ, то почитаю излишнимъ распространяться о производствѣ самаго дѣла. Замѣчу только, что я былъ новичокъ въ походахъ такого роду и дѣлалъ такъ, какъ дѣлалось до меня.

Время, оставшееся отъ надзора за работами, я посвящалъ частію на обзоръ страны, частію на астрономическія вычисленія и на собираніе свѣдѣній относительно быта туземцевъ, ихъ обыкновеній, образа жизни, а въ особенности торговыхъ сношеній между собою.

Вотъ собранные мною различные матеріалы.

*Историческій и топографическій очеркъ редута Святаго
Михаила.*

Редутъ Святаго Михаила основанъ въ 1833 году и такъ названъ въ честь имени господина Тебенъкова *, которому порученъ былъ за годъ до того осмотръ мѣстности, удобной къ основанію нашего заселенія въ Нортоповомъ заливѣ. Редутъ находится по моимъ наблюденіямъ въ широтѣ 63°, 28', 45" N долготѣ 161°, 44' 01" западной отъ Гринича, на юго восточной сторонѣ острова. Съ основанія редута островъ этотъ на нашихъ картахъ получилъ названіе острова Святаго Михаила. Съверо-западный его мысъ названъ знаменитымъ Кукомъ мысомъ Стефенса.

Въ началѣ основанія, двадцать пять человѣкъ служителей, составлявшіе команду редута, и товары для расторжекъ съ туземцами, помѣщались въ одной казармѣ, срубленной и нарочно привезенной изъ Новоархангельска. Съ каланчи, устроенной надъ казармою, часовые могли обозрѣвать всю окрестность. Въ настоящее время въ редутѣ находятся слѣдующія строенія: домъ для управляющаго редутомъ, казарма для служителей, два мага-

* Нынѣ главный правитель русскихъ колоній въ Америкѣ.

зна, — товарный и провіантскій, — анбаръ для складки туземныхъ запасовъ, баня и кухня въ одной связи. Всѣ эти строенія, на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ сажень, обнесены деревяннымъ глухимъ заборомъ въ пять аршинъ вышины: двѣ будки, на юго-западной и сѣверо-восточной оконечностяхъ ограды, вооруженные шестью трехъ-фунтовыми пушками, назначены къ защитѣ такъ-называемой крѣпости. Въ оградѣ находятся кузница, каменный для прѣзжающихъ туземцевъ и часовня, основанная 4-го октября 1842 года. При посылкѣ въ 1845 году особаго священника для христіанъ туземцевъ, при редутѣ Святаго Михаила опредѣлена церковь.

Редутъ имѣлъ свою годную испытаній и славы русскаго имени: американскіе туземные торговцы, извѣстные намъ подъ общимъ именемъ Азыг-мютъ, то есть, проживающихъ на островѣ Азіякъ, вида что съ водвореніемъ Русскихъ на берегахъ Нортонова Залива съ каждымъ годомъ падаетъ ихъ вліяніе на край, съ котораго онѣ испоконъ вѣка собирали обильную дань пушныи мѣхами, въ 1836 году вздумали уничтожить редутъ. Пріѣхавъ на мысъ Стефенсъ, въ числѣ десяти байдаръ, подъ видомъ торговли, при помощи пристращенныхъ ими туземцевъ, они высматривали, когда команда редута раздѣлится для различныхъ въ то время, производившихся работъ. Вскорѣ представился къ тому случай. Девять человекъ служителей компаніи посланы были на барказъ для набора лѣсу. Не ожидая нападенія, но по заведенному порядку, имѣя при себѣ ружья, боевые патроны и дробь на стрѣльбу гусей, 10 августа за противнымъ вѣтромъ барказъ съ набраннымъ буксиромъ остановился въ проливѣ между островами Стюарта и Святаго Михаила. Азыг-мюты положили уничтожить сначала эту горсть людей, а потомъ обратиться на редутъ. Но не такъ предопредѣлено было свыше. При сдѣланномъ нападеніи одинъ изъ служителей положенъ на мѣстѣ, а семеро раненыхъ одолжены жизнью мужественному поступку архангельскаго мѣщанина Курепанова. Смѣливый и одаренный физическою силою, въ пылу дѣйствія онъ замѣтилъ, что единственнымъ средствомъ къ спасенію оставалась вытащенная на берегъ непріятельская байдара: эта байдара была единственная, на которой пріѣхала отборная молодежь Азыг-мютъ, прочіе до двухъ сотъ душъ подкрались изъ за холмовъ берегомъ. Когда отъ нашихъ выстрѣловъ кругъ нападающихъ нѣсколько расширился, Курепановъ со словами: «За мной, ребята!

Богъ намъ на помощь!» одинъ сдвинулъ байдару на воду. Оставшие бросились за нимъ и байдара съ расходу отвалила. Дикари акнули, увидя такой отчаянный поступокъ, пустили тучу стрѣлъ, но было поздно, байдару накрѣнили и моржовый лавтакъ отразилъ костяные носки: вывалившіяся изъ подъ «алюбортовъ» весла, дали способъ удалиться на безопасное разстояніе. Велоры трое обезпамятели отъ истеченія крови. Спасшіеся полагали редутъ уничтоженными. Курепановъ привалъ на себя разузнать о его состояніи и близъ полночи явился у воротъ. Тотчасъ приняты были всѣ мѣры къ подаванію помощи страждущимъ: всѣ они выздоровѣли. Редутъ спасенъ и съ той поры Азъяг-мюты не смѣютъ показываться на южномъ берегу Нортопова Залива.

Редутъ расположенъ на склонѣ небольшого мыса, имѣющаго болѣе 30 футовъ высоты надъ поверхностью моря. Самый мысъ, да и всѣ прочіе, какъ острова Святаго Михаила, такъ и Стюарта, состоятъ изъ такого же воздреватаго базальту и лавы, какъ и прилежащій материкъ. Колодезь, вырытый при редутѣ въ 21 футъ глубины, представляетъ попеременно ряды пластовъ глинисто-илюватой почвы и чистаго льду; толщина каждаго пласта до 1½ фута *. Верхній слой острова и прибрежнаго материка составляетъ тундра **, на которой растутъ различныя мхи и свойственныя всѣмъ тундрамъ растенія. По холмамъ и болѣе сухимъ мѣстамъ собирается изобильно шикша, морощка, голубика и брусника ***. Княженица въ небольшомъ количествѣ растетъ по берегамъ озеръ. Изъ съѣдомыхъ травъ служители компаніи употребляютъ дикую петрушку, дикій шавель и крапиву. Туземцы въ весеннее, то есть, голодное время, роютъ корни,

* Глину, отдѣлая промывкою отъ пла и смѣшивая съ пескомъ, употребляютъ въ редутѣ для кладки печей.

** На островѣ Святаго Михаила подъ тундрою почва оттаиваетъ не болѣе какъ на 3 или 4 дюйма, напротивъ въ Унадаликѣ песчаный грунтъ, на которомъ расположены строения компаніи, отходитъ слѣшкомъ на 2 фута. Глубже не пробовалъ.

*** Изъ первыхъ ягодъ выпѣваетъ голубика, къ 15 іюля. Запасаются въ прокъ морощку также начинаютъ собирать ее около этого числа. Туземцы для прочности перекадываютъ ее листьями кислицы или дикаго шавеля. Шикша собирается съ половны августа; брусника съ начала сентября. Последнія ягоды получаютъ нѣжѣйшій вкусъ, прозимовавъ подъ снѣгомъ.

называемые или Улюг-нагъ-ягъ, запасаютъ макаршу и изъ мышиныхъ норъ достаютъ черные орѣшки кытхыгъ, величиною съ ноготь мизинца, образующіеся у корня гусиной травы. Травникъ; собраный мною по скатамъ холмовъ и берегамъ озеръ, во время моего отсутствія изъ редута взятъ для доставленія въ російскую Императорскую Академію Наукъ, зоологомъ-преparatorомъ господиномъ Вознесенскимъ. Стелющийся березнякъ и тальникъ толщиною въ гусиное перо попадаетъ по побережью въ падахъ и на склонахъ холмовъ особенно въ обращенныхъ къ полудню. Кустарники ольховника и тальника достигаютъ пяти футовъ высоты.

Проливъ, отдѣляющій островъ Святаго Михаила отъ материка, состоитъ изъ многихъ каналовъ, изъ которыхъ главнѣйшій, при малой водѣ, не шире пятидесяти саженъ. Всѣ каналы при впадѣніи въ море на обѣихъ устьяхъ соединяются въ одинъ, такъ, что восточное ихъ устье противъ редута образуетъ родъ бухты въ двѣ съ четвертью мили ширины. Эта-то часть пролива извѣстна на нашихъ картахъ подъ именемъ залива Тебенкова. Наибольшая въ ней глубина три съ половиною сажени, грунтъ пловатыи, мѣстами съ ракушкой, мѣстами съ пескомъ. Приливъ и отливъ въ каналахъ дѣйствуетъ противно, то есть, на обѣихъ устьяхъ вмѣстѣ то приливъ, то отливъ.

Положеніе береговъ, направленіе и сила вѣтру, суть причины неправопности приливовъ и отливовъ въ михайловскомъ редутѣ. Въ лѣтніе мѣсяцы не замѣчается болѣе одного прилива. Въ сентябрѣ 1842 года изъ поверхностныхъ наблюденій мнѣ удалось вывести среднее возвышеніе воды осемь футовъ пять дюймовъ *. Но 13 октября того же года, при весьма крѣпкомъ южномъ вѣтрѣ наговяло воды близъ шести футовъ сверхъ обыкновеннаго прилива. Сказываютъ, что при основаніи редута одна изъ туземокъ прилежашато жила не совѣтовала селиться на настоящемъ мѣстѣ, утверждая, что будто на ея памяти, оно было дважды потопляемо. Слова ея приняты за басню, но справедливость быва-

* Въ 1841 году былъ присланъ въ редутъ фукштокъ для изобрѣненія приливовъ и отливовъ и приставленъ для наблюденій за этимъ грамотей печорскій мѣщанинъ, промотавшій все свое достояніе на тамошнихъ поспѣлкахъ или вечерникахъ, пѣвецъ и разказчикъ великій. Я любопытствовалъ видѣть его черновой журналъ. Не зналъ румбовъ компаса, онъ означалъ вѣтры, по замѣтнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ редута: какъ-то съ рѣки, съ каавы, со Стефенса; высоту приливовъ писалъ: семь съ верхомъ, шесть по марку, безъ пальца шесть и прочая.

лаго можетъ быть подтверждаема крупными полусгнившими бревнами, находящимися на возвышеннѣйшихъ частяхъ острова, въ удаленіи отъ берега болѣе нежели на милю. Впрочемъ это явленіе можно отнести и къ тому, что весь островъ на исторической памяти народовъ поднялся отъ дѣйствія подземныхъ вулканическихъ силъ.

Островъ Святаго Михаила имѣетъ самое большое протяженіе отъ юга къ сѣверу семь съ половиною и отъ востока къ западу осемь съ половиною миль. Узкую низменную полосу земли сажень пятидесяти ширины, протягивающуюся къ юго-западу на милю, я не включаю. Возвышеннѣйшій холмъ, находящійся среди острова, не превышаетъ трехъ-сотъ футовъ. Озерами усѣянъ весь островъ. Многіе изъ нихъ соединяются между собою канавками, чрезъ которыя легко перескочить человѣку, но не мудрено и завязнуть, потому что такія мѣста весьма топки. Въ нѣкоторыя прибрежныя мѣста приливами вывастся морская вода; другія, на нѣтъ истоковъ, наполнены въ лѣтнее время различными водными насѣкомыми. Служители редута пользуются водою, скопляющеюся въ ямкахъ отъ таенія снѣговъ и дождей. Чистую здоровую воду можно получать изъ родниковъ, находящихся на матеромъ берегу прямо противъ редута.

Выкидовъ строеваго лѣсу на островѣ Святаго Михаила весьма мало, такъ, что для необходимыхъ построекъ ѣздить набирать на островъ Стюартъ и материкъ, иногда миля за двадцать. Дровяной лѣсъ собираютъ тотчасъ послѣ отнosa льдовъ, ставятъ въ кучи и зимою перевозятъ на собакахъ, смотря по надобности.

Мѣсто редута для пропитанія команды не имѣетъ никакихъ выгодъ. Въ лучшей рыбный годъ во время ея хода, сверхъ ежедневнаго употребленія засаливается въ прокъ до трехъ сотъ хайка. Заглазное дѣло запасовъ, производимыхъ въ Уналакликѣ, вынуждаетъ управляющаго покупать отъ туземцевъ свѣжую рыбу и юколу, а выпуски товаровъ на эти предметы подрываютъ нашу мѣновую торговлю пушныхъ промысловъ *.

* При постоянномъ содержаніи двухъ стрѣльцовъ, можно надѣяться добывать въ годъ по сту оленей, то есть, близъ пятисотъ пудовъ мяса. Въ 1842 году, посланный мною стрѣлецъ въ двѣ недѣли добылъ пять, а 1844 года, въ три недѣли десять оленей. При правильномъ занятіи этою охотой, опытный стрѣлецъ воспользуется и туземнымъ способомъ, ставить въ различныхъ мѣстахъ петли и самострѣлы, какъ-то дѣлаютъ Тунгусы. Добытые олени шкуры по высокой своей цѣнѣ въ мѣнѣ съ туземцами далеко вознаграждать содержаніе стрѣльцовъ.

Изъ рыбъ лососняго роду, какъ то горбуши, хайка и камуча, которыя, какъ я сказалъ, промышляются при редутѣ въ небольшомъ количествѣ, попадется въ лѣто, штуки по три чавычи *, сверхъ того туземцами ловятся на уду: вахня или навагъ **, терпуги, быки, рогатка, камбала, корюшка и зубатка или морскіе налимь: послѣдняя цѣнится высоко туземцами по шкурѣ чернаго цвѣта, употребляемой для оторочекъ нарядныхъ камлей. За пять такихъ шкуръ жители Квихпака, платятъ бобра перваго сорту. Сельдь, являясь ежегодно въ заливъ съ исхода апрѣля, проходитъ подъ льдомъ и потому мало добывается. Сиги трехъ видовъ: морскіе, горбоносые и *простые*, какъ здѣсь ихъ называютъ служители компаніи, не доходятъ до редута, но на протяженіи берега отъ Апхупа, то есть, сѣвернаго устья Квихпака, до мыса Стеенсъ, добываются во множествѣ туземцами, начиная съ первыхъ чиселъ августа и до покрытія залива льдомъ. Нельма, болѣе пуда вѣсомъ, идетъ съ моря на прѣсныхъ воды Квихпака съ половины іюля, и потому на приморьѣ добывается только жителями Пастоля.

Изъ морскихъ звѣрей, туземцы добываютъ сѣтками и бьютъ на льду нерпъ и макляковъ. Въ заливъ Тебенькова съ начала іюля входятъ стада бѣлугъ, но на глубинѣ промышлять ихъ туземцы не имѣютъ ловкости. Главнѣйшій ловъ бѣлугъ производится въ Паштолѣ на отмеляхъ, лежащихъ противъ устья Апхупа.

Все побережье Нортонова Залива питаетъ неисчислимые стада оленей ***, которые забѣгаютъ и на островъ Святаго Михаила.

* Штеллеръ, описывая, что чавыча не показывается выше 54° сѣверной широты, вѣроятно, разумѣлъ берега Азіи: въ сѣверо-западной Америкѣ, чавыча ловится въ 65° на рѣкѣ Квихпакъ, почти въ семи-стахъ миляхъ отъ ея устья, а что еще любопытнѣе, первый уловъ ея замѣченъ мною въ верховьѣ около тѣхъ же чиселъ, какъ эта рыба стала ловиться на приморьѣ въ Паштолѣ.

** Вахня ловится круглый годъ, но рунами въ несмѣтномъ числѣ идетъ по веснѣ предъ отходомъ льдовъ и осенью вскорѣ по замерзаніи бухты.

*** Олень худо видать, но въ замѣнъ того весьма чутокъ и потому опытный стрѣлокъ никогда не ходитъ за большимъ табуномъ. Съ однимъ изъ ново-пришедшихъ со мною въ команду редута служителемъ случилось по осени довольно забавное происшествіе, которое однако могло быть для него гибельнымъ: въ одинъ изъ шабашныхъ дней онъ отправился за оленями и ввечеру того же дня возвращается безъ ружья, шапки и рукавицъ

Волкъ, высоко уважаемый туземцами, довольно многочисленъ. Лисицы красныя годомъ появляются во множествѣ на островѣ редута, но промышляются только Русскими изъ засядокъ. Норки и горностан рѣдки. Выхухоль * водится во многихъ озерахъ острова, но и на нее приходитъ годъ. По замѣткамъ туземцевъ, она появляется въ изобиліи чрезъ четыре лѣта въ пятое. Выдры живутъ въ озерахъ, по низменному прибрежью отъ редута къ Анхуну. Бобры добываются по рѣчкѣ Пихмихталикъ.

Изъ перелетныхъ птицъ ** лебеди, гуси, журавли появляются

при 20° мороза—Гдѣ ты, братецъ, это растерялся? спросилъ я его: видалъ ли оленей? — Мой не знаетъ, какъ пришло: олень скакасть, мой прятантъ голову и послѣ ничего не находить. Дѣло въ томъ, что когда онъ скрадывалъ голову большаго табуна, остальные, будучи кѣмъ-то испуганы, бросились въ ту сторону, на которой былъ охотникъ. Тотъ, увидя несущуюся са него массу, оторопѣлъ, бросилъ ружье и самъ едва успѣлъ спрятаться за колоду.

* Этого звѣрка я такъ называю потому, что подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ въ нашихъ колоніяхъ. Собственное его имя есть *mus zibethicus* или Канадская мускусовая мышь.

** Вотъ роды и виды птицъ, которыя я видѣлъ въ редутѣ Святаго Михаила и по южному прибрежью Нортонова Залива: журавль, подобный ситхинскому; лебедь, (*Anas sygnus* Linn.); гуси, шести видовъ: гусеники, бѣлые, лайденные, *Anser pictus* или царскій, какъ его называютъ Русскіе въ колоніяхъ; казарки и немки. Какимъ путемъ послѣдніа возвращаются съ сѣвера, не извѣстно. Утки морскія семи видовъ: гага или пестрякъ трехъ видовъ; морской турпакъ (черный, носъ горбомъ съ дырочкою и ноги красныя, мясо красноватое). Утки рѣчныя и озерныя десяти видовъ, селезень, острохвостка, чирокъ, савка, камелушка, озерная черпачь (носъ плоскій, голубоватый, ноги изсиня, брюхо бѣлое, спинка и крылья чернопеленыя), озерный турпанъ съ плоскимъ носомъ, крохаль-рѣдокъ, утка, штеллена; клаунъ (ноги и носъ желтые, длинный въ родѣ совка, у самца крылья красныя съ синимъ, самъ вообще красивъ). Птицы морскія: пеликанъ, уриль, топорокъ, ипатка, рыболовъ бѣлоперый (*Larus leucopterus* Faber) и зеленоперый (*Larus glaucopterus*); мартышка сѣверная (*Sterna glacialis* или *Sterna hirundo*) и разбойникъ; куликовъ шесть видовъ изъ которыхъ одинъ малой величины съ красно-желтымъ ошейникомъ и перепонками на ногахъ, плаваетъ въ лѣтнее время стадами по бухтѣ. Изъ береговыхъ птицъ: сѣверный воробей (*Passer arctons* Pallas); синица (*Pyrrhula nit-garia*), красно-бурая ласточка (*Hirundo rufa*, Wicellot); сорочка съ сѣрымъ хохломъ, весьма рѣдка, — видѣлъ всего одну; куропатка подгородная, филинъ бѣлый съ черными пятнами и сычъ дычатый.

надъ редутомъ съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля и до исхода мая тинутся къ сѣвернымъ берегамъ Ледовитаго моря безчисленными вереницами. Многіе изъ стадъ остаются лннять на привольныхъ низменностяхъ устьевъ Квихпака. Съ августа птица садится на озера острова Святаго Михаила: въ оба періода ловкій стрѣлокъ набиваетъ штукъ по пятидесяти въ день изъ засядокъ или на перелетахъ. Утокъ можно имѣть въ небольшомъ количествѣ во все лѣто.

Колчедановъ, рудъ и металлондовъ по прибрежью южной части залива мнѣ не попадалось, не видно также, чтобъ были какія-нибудь красильныя земли. Но изъ сѣверной части Нортонова Залива Малейг-мютами привозится для различныхъ туземныхъ украшеній желѣзныи колчеданъ. Нѣсколько зеренъ ятарю не хорошихъ цвѣтовъ удалось мнѣ достать отъ туземцевъ одного изъ устій Квихпака, называемаго Квихлюакъ.

Въ редутѣ Святаго Михаила четыре времени года, потому что, невзирая что снѣгъ остается въ оврагахъ иногда до исхода мая, а ледъ держится въ бухтѣ и того долѣе, съ марта начиваются оттепели и съ половины апрѣля наступать вообще ясная хорошая погода. Прилагая таблицы метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ мною съ 11 іюля по 4 декабря 1842 года, могу сказать, что въ тотъ годъ лѣто кончилось въ редутѣ 7 числомъ сентября, то есть, первымъ заморозомъ: первый снѣгъ выпалъ съ 28 на 29 сентября. Бухта покрылась сплошнымъ льдомъ 20 октября. По журналамъ редута прежнихъ лѣтъ видно, что снѣгъ выпадалъ съ 14 сентября и болѣе не сходилъ. Бухта становилась окончательно 23 того же мѣсяца. Ледъ относится въ море между первыми числами іюня и іюля.

Во время пребыванія моего въ михайловскомъ редутѣ осенью 1842 года большихъ сѣверныхъ сіяній не замѣчено. Явленіе это начиналось съ половины августа и ярчайшіе сполохи случались втеченіи октября и первой половины ноября. Кругъ явленія по горизонту занималъ обыкновенно румбы между 0 и NNW праваго компаса. Зачало изъ NO четверти. Высота чернаго сегмента восходила отъ горизонта до девяти съ половиною градусовъ.

По причинѣ тундрвстой почвы, хлѣбопашество на Островѣ Святаго Михаила и по прибрежью заводить невозможно; но на островѣ безъ тягости можно запасты сѣна на сорокъ или пятьдесятъ штукъ рогатаго скота. Порода якутскихъ лошадей, выгребавшихъ кормъ изъ-подъ снѣгу, мнѣ кажется, усвоилась бы съ клматомъ. Опыты въ посѣвѣ огородныхъ овощей, именно капу-

сты, рѣдки и рѣпы, удавались хороши. Можно того же ожидать отъ разведенія картофеля, въ-особенности на песчаной почвѣ Уналакка.

При заселеніи Русскими этого края, изъ домашнихъ животныхъ найдены только собаки. Служащіе компаніи не заводятъ никакого хозяйства. По множеству съдѣмыхъ кореньевъ съ успѣхомъ разводились бы свиньи.

На островѣ Святаго Михаила находятся два туземныя жилища: близъ редута и на Мысѣ Стеенсъ. Первое до оспы было многочисленно, но нынче состоитъ всего изъ девятнадцати душъ обоего пола. Оно называется Тачикъ * или Агахлякъ, то есть полезное или способное къ заселенію мѣсто. И точно, встарь на этомъ жилѣ бывалъ съѣздъ Азягъ и Квихпак-миотовъ, для мѣны взаимныхъ произведеній. Для туземцевъ и въ настоящее время это мѣсто не безъ выгодъ: сосѣдство съ Русскими доставляя возможность имѣть легкими способами европейскіе товары, обезпечиваетъ всѣ нужды ихъ домашняго быта. Второе жилище называется Атхвикъ: въ немъ сорокъ пять душъ обоего пола. Жители занимаются исключительно продовольствіемъ и избытки запасовъ продаютъ въ редутъ.

При посѣщеніи священника въ 1843 и 1844 годахъ, всѣ туземцы острова Святаго Михаила безпрекословно приняли христіанство.

Торговля сношенія туземцевъ съ Русскими и между собою.

Русскіе, при водвореніи своемъ въ Нортонномъ Заливѣ, нашли многолюдныя жилища туземцевъ: въ Паштолѣ, Пихмихталикѣ, на Мысѣ Стеенсъ, въ Квихтагукѣ, Уналаккѣ и Тачикѣ. Въ приложенной статистической таблицѣ видно настоящее народонаселеніе означенныхъ мною мѣстъ. Куда дѣвался народъ? Вымеръ отъ оспы, говорятъ туземцы, и слова ихъ подтверждаютъ старожилы редута. Тяжка была кара, ниспосланная на нихъ Провидѣніемъ, но велика и благодать — оставшіеся всѣ христіане.

Въ Нортонномъ Заливѣ Русскіе, при водвореніи, нашли туземцевъ на той же степени просвѣщенія, на которой они и понынѣ находятся. При основаніи редута туземцы знали употребленіе табаку, желѣза; имѣли котлы, ножи, копыя, огнивы. Откуда? Частью съ юга, изъ нашего Александровскаго редута, въ заливѣ Бристоль, но большею частью изъ Колымы, чрезъ посредство Чукчей и послѣдовательную передачу.

* Собственно Тачикъ на туземномъ языкѣ означаетъ заливъ или бухту.

Между туземцами, проживающими на островахъ Азьякъ, Укивокъ и берегамъ Берингова Проліва и населяющими приморье южной части Нортонова Залива, существовали искони торговлыя сношенія в родственныя связи; было нѣсколько и сборныхъ пунктовъ для мѣны мѣстныхъ произведеній. Главнѣйшими считались Паштоль и Тачикъ. Сверхъ-того, островные жители и сами нерѣдко посѣщали низовья жила Квихпака: такъ сказываютъ старики-туземцы. Ежегодно послѣ прохода чавычи, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали появленія азьяг-мютскихъ байдаръ. Тутъ, прибавляютъ они, всѣ вдоволь нанюхивались табаку и старые и малые; каждый не жалѣлъ ни жены, ни дочери для дорогихъ гостей. Времена эти прошли. Самыя жила, до которыхъ доходили по Квихпаку, Азьяг-мюты истреблены междуособіями или оставлены. Наконецъ, съ 1837 года, Азьяг-мюты или правильнѣе Малейг-мюты, опасаясь Русскихъ, вовсе перестали посѣщать южную часть Нортонова Залива, по сношенія съ соплеменниками не прекратились, потому, что редутъ не содержитъ тѣхъ предметовъ, безъ которыхъ туземцамъ Квихпака, по мѣстности и климату, существовать невозможно.

Туземцы поморскихъ жилъ южной части Нортонова Залива доставляютъ на Квихпакъ изъ первыхъ жизненныхъ потребностей жиры морскихъ животныхъ и оленины въ шкурахъ и одеждѣ, а изъ домашнихъ предметовъ готовые байдары и байдарки, лавтаки, оленинныя петлы и жилы, частию табакъ и европейскія мѣдныя и желѣзныя издѣлія. Взамѣнъ получаютъ деревянную посуду и пушныя мѣха, именно: рѣчныхъ бобровъ, выдръ, соболей, волковъ, росомахъ и лисицъ разныхъ цвѣтовъ.

Всѣ сорта оленіи, поступающихъ на Квихпакъ изъ Уналаклика, Кикхтагука и Паштоля, среднимъ числомъ до тысячи шкуръ, слѣдуютъ отъ Малейг-мютъ. Вотъ цѣны платимыя Малейг-мютами за пушныя промыслы и за нѣкоторыя изъ европейскихъ издѣлій: за черную выходную лисицу двѣнадцать зимнихъ оленіи и десять выпоротковъ * или двадцать папушъ ** чукотскаго та-

* Домашнихъ оленей у американскихъ туземцевъ нѣтъ и потому выпоротковъ они приобрѣтаютъ охотой за оленями тогда, когда самки на износѣхъ: испуганныя животныя выкидываютъ маленькихъ нѣсколькими днями ранѣе нежели слѣдуетъ. Впрочемъ, къ выпороткамъ причисляются и тѣ шкурки молодыхъ оленей, которые въ первые три дня своей жизни пойманы собаками.

** Якутскими купцами привозится въ Калыму табакъ одинаковаго вѣсу, такъ, что три папушки или связки, составляютъ фунтъ.

ку и на байдару лавтакъ; за сиводушку шесть зимнихъ оленей и осемь выпоротковъ; за красную, простую или огневку, одну зимнюю оленю; за росомаху отъ десяти до пятнадцати оленей зимнихъ и два пыжика *; за двадцать два соболя одиннадцать оленей; за волка то же что и за росомаху; за бобра первого сорту двѣ оленьи; за выдру первого сорту три или четыре оленьи; за котель, смотря по величинѣ, пять и пятнадцать оленей; за зеленовато-голубые корольки чистой воды три или четыре оленьи за пару.

Приморскіе торговцы, прїѣзжающимъ съ Квихпака, передаютъ оленьи по слѣдующимъ цѣнамъ, прибавляя на каждую шкуру пушного звѣря по одному листу или болѣе табаку. Одна оленья матка или зимній быкъ за два бобра первого сорту; два пыжика за шесть бобровъ; одинъ быкъ или матка за выдру первого сорту; весенній быкъ или матка, смотря по близости лапъ за одного и двухъ бобровъ; шесть зимнихъ оленей и два пыжика за тулунъ (двадцать двѣ штуки) соболей; одинъ зимній быкъ, — изъ чукотскихъ одѣялъ, употребляемыхъ на палатки, — за красную лисицу; четыре зимнихъ оленьи за одну сиводушку; шесть, осемь и десять оленей за черно-бурую и черную.

Цѣнность оленьихъ шкуръ на рѣчные бобры, на Кускоквинѣ и Квихпака до Нулато, слѣдующая: лучшая осевья матка стодѣтъ три бобра первого сорту; лучшій быкъ четыре бобра; пара хорошихъ пыжиковъ шесть, осемь и десять бобровъ; зимній быкъ и матка два и три быка, смотря по добротѣ шкуръ.

Маклячьи и нерпичьи лавтаки, шкуры и жиры: бѣлужій, маклячій и нерпичій, есть собственная промышленность туземцевъ поморья. Большой маклячій лавтакъ принимается на Квихпакѣ въ двухъ и трехъ бобрахъ; средній въ одномъ и двухъ, но на Квихпакѣ и Кускоквинѣ, смотря по времени года и мѣстности, цѣна ихъ возвышается: жиры, бѣлужій и маклячій, спускающимся къ приморью, идутъ изъ Паштоля; для прѣходящихъ черезъ Анвигскій и Уналакликскій переносы, жиры маклячьи добываются на устьѣ Упалакпа, въ губѣ Тшахтоль и вершинѣ Нортонъ. Среднее число бѣлужьяго жиру, вытапливаемого въ Паштолѣ, можно положить близъ тысячу пудовъ. Эти жиры продаются въ маклячьихъ пузыряхъ и, смотря по ихъ величинѣ, платится отъ четырехъ до пятнадцати бобровъ первого сорту за пузырь; выдрами менѣе; другими промыслами сравнительно цѣнности бобра,

* Пыжкомъ называются осенніе олени, шкуры первыхъ двухъ годовъ

принимаемаго за единицу. Бѣлужій жиръ , по чистотѣ и безвкусію, считается лучшимъ.

Сношенія свои туземцы южной части Нортонова Залива съ сѣверными совершаютъ двояко, — или лѣтомъ на байдарахъ вокругъ залива, или, какъ то дѣлаютъ жители Паштолика и Пихмихталика. Съ половины апрѣля они отправляются прямо съ мыса Стефенсъ въ Зундъ Головина на нартахъ, везя съ собою и байдары, на которыхъ и переѣзжаютъ чрезъ встрѣчаемыя польня. Проживающіе въ Кикхтагукѣ и Уналакликѣ ѣздятъ въ губу Тшхатоль за оленинами, вскорѣ послѣ отхода льда отъ береговъ. Жиры привозятъ оттуда же и по первому зимнему пути. Три или четыре байдары малейг-миотовъ пріѣзжаютъ ежегодно въ Уналакликъ съ оленями, но въ числѣ ихъ рѣдко кто бываетъ изъ дальновскихъ, то есть, проживающихъ по берегамъ Берингова Пролива.

Торговля сношенія туземцевъ съ редутомъ, ограничиваются требованіями табаку, европейскихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій и небольшого числа мануфактурныхъ бездѣлицъ. Втеченіи года скопляется въ редутѣ отъ трехсотъ пятидесяти до пятисотъ бобровъ, за сто выдръ, и близъ ста пятидесяти лисицъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что и учрежденныя нами заселенія на материкѣ, по рѣкѣ Квихпаку, частью какъ-бы подорвали обороты редута.

Чтобъ пользоваться дѣйствительными богатствами материка нашей Америки и остановить столь невыгодный переходъ пушныхъ промысловъ изъ владѣній коловій въ Колыму, независимо отъ введенія правильной торговли, полагаю необходимымъ: первое, неупустительно скупать всякій сортъ и родъ пушныхъ мѣховъ, будь то лисица, выдра, песецъ, выхухоль, заяцъ, лебедь и прочая. Второе, стараться имѣть, какъ въ редутѣ такъ и въ-особенности на Квихпакѣ, всѣ нужные товары для туземнаго быта жителей, состоящіе, какъ пояснено выше, въ мѣстныхъ произведеніяхъ страны, и скупая у одного одно и передавая другому, принять на себя посредничество въ мѣшѣ между жителями поморья и Квихпака. Наконецъ, упрочить вліяніе Русскихъ надъ туземцами утверженіемъ на жилахъ старшинъ, какъ то сдѣлано между Аглегмиотами и на нѣкоторыхъ жилахъ по рѣкѣ Кукоквиму. Сверхъ-того почтитаю не излишнимъ и слѣдующее замѣчаніе:

Предпочтительно одна грамотность доставляла доселѣ рабочему классу въ Новоархангельскѣ преображеніе изъ англійской длинной куртки въ сюртукъ и рангъ приказчика. Мѣсто управляю-

щаго редутомъ Святаго Михаила доставалось также одной грамотности. Не мое дѣло разбирать вопросъ : полезна ли грамотность безъ образованности? Здѣсь довольно пояснить, что истинно грамотными людьми, которымъ было бы можно довѣрить не только управленіе краемъ, но которые порядочно знали бы счетоводство, колоніи весьма бѣдны.

До 1840 года управленіе сѣверомъ, заключавшееся единственно въ редутѣ Святаго Михаила, могло быть довѣрено просто грамотному торгашу. Не выходя изъ-за стѣнъ редута, скупались привозимые туземцами промыслы; подавались простые отчеты объ остаткахъ и нуждахъ тѣхъ общихъ товаровъ, которые расходятся между дикарями всего свѣта; конторскія дѣла текли и вершались заочно. Но въ промежуткахъ времени, отъ основанія редута до означеннаго мною года, дальповидныя предположенія главныхъ правителей, барона Ф. П. Врангеля и И. А. Купріянова, выполнялись своимъ чередомъ : три посылки креоловъ Глазунова, двѣ Малахова, одна П. Колмакова, не громкіе, но полезные разъѣзды С. Лукина, наконецъ совершенная мною экспедиція, раскрыли общпрныя источники богатствъ этого края. Болѣе пяти тысячъ туземцевъ, считая проживающихъ по изовью Кускоквина и рукавамъ Кввхпака, готовы принять преобразование и пятьсотъ человекъ изъ нихъ пріобщены уже къ лону христіанства. Въ настоящее время, чтобъ пользоваться и новыми подданными и произведеніями страны, по тѣмъ условіямъ, которыя раскрыты современнымъ просвѣщеніемъ, торгашъ долженъ замѣниться человекомъ образованнымъ, который пользовался бы высшею довѣренностью колоніальнаго начальства; должна быть опредѣлена система какъ относительно сбора пушныхъ промысловъ, такъ и вообще внутренняго управленія краемъ, при чемъ драйне беречься, чтобъ введеніемъ въ бытъ туземцевъ новыхъ элементовъ жизни не истребить тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, которыми руководствуются все народы, напутствуемые естественнымъ свѣтомъ, свѣтомъ добра.

Матеріалы для этнографіи и эстетики.

Путешественнику, посѣщающему неизвѣданную страну, естественно представляется первымъ, узнать, чтò за люди, съ которыми онъ вступаетъ въ сношенія. Но для удовлетворенія любопытства ему не къ кому иначе обратиться, какъ къ мѣстнымъ жителямъ. Такъ сдѣлалъ и я съ окружающими меня туземцами.

Кто вы? былъ первый мой вопросъ. — Юг-гыгъ, люди, отвѣчали

они. — Такъ, но откуда? — Я Тачиг-миоть, я Паштолиг-миоть, я Ат-хвиг-миоть, и такъ далѣе: каждый рассказывалъ о своемъ жилищѣ или селеніи. — Хорошо, но какъ вы все себя называете? — Чнаг-миоть, береговыми жителями. — Прекрасно. Я понялъ, что Чнагъ-миоть есть ихъ мѣстное или областное прозваніе. — Ну, а тѣ, которые живутъ съ вами по сосѣдству, какъ тѣ люди называются? — На полвочь отъ насъ живутъ Малейг-миоты или по другому произношенію Налейг-миоты *, прозвищное названіе; къ полудню, Квихлюаг-миоты, Магъ-миоты, Агуль-миоты, Кускоквиг-миоты, — все названія мѣстныя; Ахкуг-миоты **. — Все такъ, но какъ вы считаете соплеменными ли себя тѣ народы? — Да, вотъ и твой толмачъ *** нашъ: онъ говоритъ одинакимъ съ нами языкомъ, у него и складъ лица и глаза и волосы все наше. Вотъ и этотъ, указывая на Тунгуса, поступившаго въ команду экспедиціи и этотъ бронець, тюменскій мѣщанинъ, одинъ изъ числа команды редута, все наши, но они забыли свой языкъ. Видя что мои этимологисты занесли въ выспрь, я обратилъ разговоръ на настоящій предметъ, спрося: — А къ востоку какія названія вашихъ сосѣдей? — Тамъ, отвѣчали мнѣ, живутъ Инкалки-Улукаг-миоты, Инкалки-Такаякса, Инкалиты-Анвиг-миоты, а за ними Инкалх-люаты, дальніе Инкалиты; вообще всѣхъ ихъ мы зовемъ Югъ-ельнукъ, — чужіе, Нѣмцы. — А развѣ онѣ съ вами не одного языка? — Нѣтъ, у нихъ свой особый. — А какъ

* Жители одѣяльныхъ юртъ. По всему прибрежью Берингова Моря и Ледовитаго Океана, столчій лѣсъ растетъ только въ глубинѣ собственно названнаго Кукомъ Нортоноваго Залива, образуемаго мысомъ Дерби и Денбичъ. Выкидовъ выше Берингова Пролива также не много и потому всѣ тамошніе жители имѣютъ юрты обтягиваемыя оленьими шкурами. Есть ли у нихъ на зimu землянки или землянки, о томъ никто изъ путешественниковъ не упоминаетъ.

** Такъ вообще называютъ туземцы Нортонова Залива, соплеменниковъ своихъ, проживающихъ на югѣ, то есть Аглег-миотовъ и Кадыакцевъ. Собственно Ахкуг-миоть въ переводѣ означать житель теплой стороны.

*** Толмачомъ находился при мнѣ кадыакскій грамотный креоль Григорій Курочкинъ. За шесть лѣтъ до поступленія его въ эту должность, онъ служилъ дячкомъ при кадыакской церкви. Свѣдѣнія эти приложить почитаю потому нужнымъ, чтобъ по образованности толмача, можно было судить о вѣрности передаваемыхъ имъ свѣдѣній. Впрочемъ во время пребыванія моего въ Иког-миоть и редутъ Колмакова, многіе матеріалы сообщены мнѣ чрезъ посредство тамошнихъ управляющихъ Глазунова и Луккина, людей знакомыхъ со всѣми низовыми варъчліями племенъ народа Канъ-юаитъ.

они сами себя называютъ?—Не знаемъ.—А что значить Икалиты? — Гвидые, вшивые, было мнѣ отвѣтомъ: мы ихъ прозвали такъ потому, что онѣ не стригутъ волосъ.— Какъ же вы зовете своихъ одноплеменниковъ?—Кан-жултъ, отвѣчали мнѣ приморскіе. Кан-юлтъ, туземцы рѣки Квихпакъ; Кангъ-ельнутъ, туземцы Кускоквима.— Что же значать эти слова въ переводѣ? — Одноязычные.

Всѣ туземцы посѣщенныхъ мною колѣвъ племени народа Кан-юлтъ согласно отзываются, что предки ихъ пришли отъ Сѣвера. Сарычевъ въ приложеніи словарей сѣдлчихъ Чукчей,—Намолловъ и Кадьякцевъ, первый наводитъ на одноплеменность этихъ народовъ. Э. П. Литке, опытомъ удостовѣрившійся въ тождественности ихъ языка, указываетъ на сходство его съ Эскимосскимъ. Приводя въ доказательство одинаковость быта этихъ народовъ, онъ заключаетъ о ихъ одноплеменности, но вопросъ: Намоллы-ли перешли на Азіятскій берегъ, или отъ нихъ отдѣлились племена Эскимосовъ и Канъ-юлтъ предоставляетъ двоякому рѣшенію.

Двояко рѣшеніе и лингвистовъ относительно родоначалія прибрежнаго народа Сѣверо-западной Америки. Одни причисляютъ ихъ къ семейству монгольскихъ языковъ, другія къ гренландскому племени. Которое мнѣніе право, которое ошибочно, окажется только тогда, когда будетъ собрано и критически разсмотрѣно достаточное число надлежащихъ матеріаловъ.

Никто изъ путешественниковъ къ Сѣверо-Западнымъ берегамъ Америки, отъ Кука до послѣднихъ обозрѣній Кашеварова, Динца и Симсона не представляетъ намъ словарей, для сличенія нарѣчій проживающихъ тамъ племенъ, но корень языка признается всѣми за одинъ. Кашеваровъ только а priori принимаетъ четыре нарѣчія, но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о томъ, чтобы по нарѣчіямъ, восходя до корня, опредѣлить самое происхожденіе народа, такое раздѣленіе не имѣетъ мѣста; притомъ и оно ошибочно. Чугачи усвоивъ множество словъ туземцевъ Кенайскаго Залива, говорятъ особливимъ нарѣчіемъ отъ Кадьякскаго, Кадьякцы отъ Аглег-мютъ, Аглег-мюты отъ Кускоквима и Квихпаг-мютовъ, эти отъ поморцевъ южной части Нортонова Залива, наконецъ послѣдніе отъ сѣверныхъ жителей, то есть Малейг-мютовъ. Какъ далеко къ сѣверу по прибрежью простирается нарѣчіе Малейг-мютоцъ, мнѣ неизвѣстно. Кашеваровъ отзывается, что оно со словъ дикарей есть

господствующее у самыхъ сѣверныхъ племенъ, что кажется подлежащимъ сомнѣнію *.

И я не посвящалъ особеннаго времени на собраніе словарей племенъ, между которыми проживалъ **, но въ походахъ проводя для долгіе вечера въ разговорахъ съ туземцами въ ихъ зимникахъ, для собственнаго употребленія записывалъ нѣкоторыя общепотребительныя.

Изъ слыхеній, собранныхъ мною словъ со словами нарѣчій Кадьякцевъ и Намолловъ, виднѣе выказывается ихъ средство, и это то самое побуждаетъ меня приложить сравнительный словарь этихъ племенъ. Не безъ основанія полагаю, что онъ пригодится и для лингвистовъ и для тѣхъ, которые будутъ продолжать изслѣдованіе материка нашихъ колоній.

Туземцы южной части Нортонова Залива, болѣею частію роста средняго, большаго, то есть за десять вершковъ я ни одного не видалъ. Держать себя прямо, вольно, въ движеніяхъ быстрѣ Алеутовъ, сложеніемъ довольно складны, тѣломъ смуглы, которое отъ частаго паренья и трѣнія урипой лоснится; окладомъ лица сходны съ сѣверо-азіатскими народами, въ-особенности съ Чукчами и Камчадалами, какъ то видно изъ рисунковъ Крашенинникова и Постельса; у нѣкоторыхъ пожилыхъ вырастаютъ довольно

* Признавая туземцевъ прибрежья сѣверо-западныхъ береговъ Америки за племена одного семейства, мы знаемъ, что всѣ эти племена или въ нѣчтой враждѣ между собою, или во всегдшнемъ опасеніи: такъ Квихпаг-мюты не предпринимаютъ никогда поѣздокъ къ низовью Кускоквима, развѣ подь охраною извѣстныхъ почетныхъ тѣхъ мѣсть. Эти же Квихпаг-мюты и поморцы Нортонова Залива не имѣютъ прямыхъ сношеній и боятся Маг-мютовъ, которые въ давнія времена разорили у нихъ нѣсколько поселеній; Кускоквима до водворенія Русскихъ въ заливѣ Бристоль постоянно враждовала съ Аглег-мютами. Не суть ли это доказательства отличій поколѣній. Самъ Кашеваровъ, въ живописныхъ отрывкахъ своего дневника, помѣщенныхъ въ прибавленіяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ, М. Мотъ 190 до 193, въ нѣсколькихъ мѣстахъ напѣкаетъ на вражду и разность нарѣчій племенъ, проживающихъ отъ Зунда-Коцебу къ сѣверу.

** Признаюсь, если бы я имѣлъ руководство, составленное Палласомъ для господина Робена, то постарался бы выполнить по тому образцу во всѣхъ племенахъ материка Америки, мною посѣщенныхъ, но, къ несчастію отправляясь въ экспедицію я не заглянулъ въ путешествіе Белинга, къ которому приложены собранныя господиномъ Робеномъ словари.

густыя бороды *; многіе носятъ усы; но по тѣлу безволосы исключая присвоенныхъ природою мѣстъ; рты и губы имѣютъ довольно большіе, зубы вообще ровные и бѣлые, нкры среднія, ноги прямыя, ступни ногъ замѣчательно малыя. Мужчины на оконечностяхъ рта подъ нижнею губою прокалываютъ отверстія, въ которыя вставляютъ корольки и другія костяныя и каменныя украшенія; носовой хрящъ продѣтъ у немногихъ.

У женщинъ я не видалъ, чтобъ борода была шита, какъ у туземокъ Кадыка и Квихпака. Также весьма не многія носятъ бисера или стеклярусъ въ носу или подъ нижнею губой. Рано, чтобъ тому можно было полагать вліяніе Русскихъ, изъ которыхъ охотники до прекраснаго пола мало и обращаютъ на то вниманія.

Мужчины вообще все или стригутся, что называется подъ гребенку, или просто брѣютъ головы. Женщины расчесываютъ рядъ по срединѣ головы и задніе волосы вмѣстѣ съ передними заплетая въ косы, обвиваютъ вокругъ уха. Чтобъ косы не распались, ихъ прикрѣпляютъ костяной или китоваго уса иглой, къ вершинѣ которой привязываютъ небольшіе обрѣзки волка или россомахи. Такимъ образомъ мѣха замѣняя пукли, придаютъ отцвѣтъ лицу. Женщина и на сѣверѣ умѣла пайти, чѣмъ себя выказать.

Подчиненности, основанной на признавной или присвоенной власти, между туземцами не существуетъ, но нѣкоторыя считаются семейства почетными, и если старшина рода почетныхъ, *умюаликъ*, опытный торговецъ, искусный охотникъ и человекъ благодѣтельный для своихъ собратій, то его при общественныхъ совѣщаніяхъ предпочтительнѣе слушаютъ. Не на всякомъ жилѣ туземцевъ находятся такіе роды: изъ приморскихъ на двухъ, въ Паштоликѣ и Киххтагукѣ. Трудъ не по волѣ имъ тягостенъ. При заселеніи редута Святаго Михаила мы зачастую имѣли нужду или въ проводникахъ или въ другихъ какихъ пособіяхъ. Охотники не выискивались и управляющій принужденъ былъ вносить дѣла въ общее собраніе стариковъ, которые обсудя, назначали кого-нибудь изъ молодыхъ, и тотъ не смѣлъ болѣе отговариваться.

* Мнѣ кажутся снѣ потомками выходцевъ народа, проживающаго во внутреннихъ материка: какъ-тѣ, они имѣютъ прямыя или горбатыя носы, открытый лобъ, глазоу уголь не столь наклонный и глаза болѣе на выкатѣ; но они сухощавѣе и выше ростомъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ начальниковъ и закона, нѣтъ и наказаній. Русскіе при встрѣчавшихся непріятностяхъ наказывали слегка виновныхъ тѣлесно. Окружавшіе туземцы приговаривали: Хорошенько, онъ стѣбитъ того: такой онъ и есть, не слушается стариковъ. Слѣдственно, въ глазахъ ихъ побой за проступокъ не приносятъ безчестія роду или семьѣ. Между собой у нихъ не случается ни дракъ, ни бранныхъ ссоръ. Бранныхъ словъ и не существуетъ въ ихъ словарѣ. Обида платится смертью обидчика или кровью въ потомствѣ, если роды не помирятся какимъ-либо соглашеніемъ.

Характеръ туземцевъ ложно оцѣнивается по ихъ первоначальнымъ поступкамъ съ чужестранцами. Добродѣтели ихъ и пороки ни какъ не могутъ быть сравнимы съ пороками и добродѣтелями просвѣщенныхъ народовъ, христіанъ. Дикарь, какъ человѣкъ сотворенный по образу и подобію Божию — добръ; дикарь, какъ человѣкъ падшій, золъ. Но и добродѣтели его и злоба младенческія. Кто привязалъ его къ себѣ ласковымъ обращеніемъ, открылъ или показалъ употребленіе какой-нибудь вещи, полезной для домашняго быта, согрѣлъ, одѣлъ, накормилъ во время, при нуждѣ, того онъ никогда не забудетъ, но не разсыплется въ благодарностяхъ, не знаетъ прिवѣтственныхъ словъ, потому что взаимная помощь считается у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Мы нѣкоторымъ образомъ сами виноваты, что въ настоящее время туземцы народа Канг-юлитъ кажутся намъ своскорыстными и неблагодарными: въ первые годы, желая привязать ихъ къ себѣ, мы дѣлали подарки безъ разбору заслугъ, а между тѣмъ сами не умѣли пріобрѣсть ихъ уваженія. Они очень скоро смѣтили, что мы не дорожимъ нашими вещами, и оттого быстро возросла дѣйность на туземныя произведенія. Замѣтя, что Русскіе не гнушаются ихъ дражайшими половинами и не будучи отъ природы ревнивы, онѣ тотчасъ начали извлекать изъ этого свои выгоды*. Замѣтя что Русскіе любятъ вкусно поѣсть и красиво одѣться, они начали доставлять имъ рыбу, яйца, ягоды, птицъ, мясо, всякую одежду и получая за все это плату европейскими товарами, поставили редуть въ нѣкотораго рода зависимость отъ себя. Не

* Изъ записокъ объ Уналакинскомъ Отдѣлѣ и путешествія Давыдова мы видимъ, что въ былые годы жены Алеутовъ и Кадьякцевъ содержали по два мужа, изъ которыхъ второй, побочный, назывался *половинщикомъ*. Сомнѣваюсь, чтобъ то было ихъ древннй обыкновеніемъ, — развѣ несоразмѣрное членство мужскаго пола относительно женскаго было въ началѣ основаніемъ такой терпимости.

имѣя случая испытать ихъ умственныхъ способностей при систематическомъ ученіи, надобно отдать справедливость, что они смѣтливы, перепмчивы, положительны въ соображеніяхъ, зорки и одарены свѣжею памятью.

Гостепрѣимствомъ славятся необразованные народы; эта добродѣтель составляетъ самую отличительную черту характера народа Канг-юльтъ. Между ними нѣтъ бѣдныхъ, зажиточные, имущество свое употребляютъ на пользу общую: дѣлая обороты, получая прибыли, они все честолюбіе свое заключаютъ въ раздачу собраннаго на празднествахъ въ честь умершихъ. Не одинъ, не двое, но цѣлое жило, истрата свои запасы какимъ-бы то ни было образомъ, на игрушкахъ, вечеринкахъ, продажей, наковецъ, не успѣвъ запасти, переселяется на ближайшее жило, въ увѣренности, что пока тамъ что есть, съ ними подѣлятся сосѣди. Отсюда обыкновеніе приносить небольшіе подарки тѣмъ, которые посѣщаютъ ихъ въ первый разъ.

Народъ, имѣющій въ главѣ нравственнаго своего ученія помощь ближнему, не завистливъ, не жаденъ къ прибытку, не жестокъ сердцемъ. И точно, такія качества мы замѣчаемъ въ общности характера тѣхъ племенъ народа Канг-юльтъ, которые проживаютъ по южному побережью Портоцова Залива, Квихпака и Кускоквима. Составляя небольшія племена, различіяся нарѣчіемъ, духъ народа боязливъ и вслѣдствіе этого скрытенъ и мстителенъ: не имѣя смѣлости стать противъ врага грудью, тактика ихъ основана на нападеніи въ располхъ. Страсти, волнующія туземца этихъ племенъ, какъ бы онъ ни старался ихъ скрыть, всегда выкажетъ его лицо и движенія,—что одно доказываетъ его невоинственность.

Туземцы приморья, составляя классъ исключительно торговцевъ, хитрѣе, оборотливѣе своихъ соплеменниковъ, проживающихъ по Квихпаку, но обоюдныя ихъ сношенія основаны на честности и нѣтъ примѣровъ, чтобъ одинъ обманулъ другаго. Между туземцами воровство презрительно, но стянуть что-нибудь у Русскаго и не быть пойманымъ, стаповилось въ удалство. Довѣрчивость также составляетъ принадлежность ихъ характера. При заселеніи редута, полагая наши рубахи столь же теплыми какъ свои парки, они охотно мѣнялись ими съ служителями. Отрядные начальники партій, имѣя при себѣ часы и компасъ, выдавали эти инструменты за духовъ и отъ туземцевъ считаемы были за шамановъ*. Наковецъ, безпрекословное принятіе христі-

* Считая такое обращеніе съ туземцами ошибочнымъ, я никогда не по-

янской религіи что же выражаетъ, какъ не чистоту нравовъ и народную довѣрчивость! Мы приняли ихъ отъ купели и на нашей совѣсти лежитъ обязанность утвердить ихъ въ духѣ истины.

Несмотря на единоплеменность народа Канъ-юлитъ, занимающаго островъ Кадьякъ, Чугацкій Заливъ и все побережье Берингова Моря и Ледовитаго Океана, въ домашнемъ ихъ быту есть весьма много особеннаго и замѣчательно то, что племя чѣмъ юнѣе, тѣмъ было найдено развращеннѣе въ нравахъ, искусствѣ въ рукодѣліяхъ, приверженнѣе и совершеннѣе въ идолопоклонствѣ.

Приморскимъ туземцамъ не извѣстна полигамія. Въ этомъ отношеніи у нихъ нѣтъ ничего подобнаго ни на кадьякскихъ Ахпучиковъ, ни на Коекчучей камчадалскихъ. При бракахъ я не замѣтилъ, чтобъ были какіе обряды, условія, купля или *свадьба*: все зависитъ отъ отца и матери, которые изъ любви къ своимъ дѣтямъ не согласятся отдать дочери, не узнавъ о ея склонности. Состоянія мужа и жены раздѣлены: чаще, мужъ безъ жены не рѣшится ничего продать, особенно изъ съѣстныхъ припасовъ, состоящихъ вполнѣ въ ся веденіи. При разводахъ, которые впрочемъ весьма рѣдки, дѣти остаются при матери. Съ мужчиною, отъ котораго отошли двѣ или три жены, не согласится жить четвертая: такой находится въ посмѣяніи или презрѣніи за худой нравъ или преждевременное истощеніе. Бракъ съ кровными не въ обычаѣ. Хорошіе торговцы или ловкіе промышленники содержатъ по двѣ и по три жены, но изъ нихъ всегда первая считается старшею. Иные мужчпы берутъ себѣ на воспитаніе въ жены сиротокъ дѣтъ съ семи; спятъ съ ними, но полное дѣло любви оставляется до времени, показаннаго на то природою. Какъ потребность природы, нарушеніе цѣломудрія дѣвушки не

аволялъ себѣ подобнаго. Показывая часы, компасную стрѣлку, силу пороха и прочее, я старался, сколько то было возможно, ознакомить туземцевъ съ устройствомъ и употребленіемъ этихъ предметовъ, объявляя имъ, что все это есть дѣло хитрости человѣка, и что сами онѣ, если захотятъ, могутъ научиться дѣлать то же. Бывали и мнѣ, какъ прежнимъ путешественникамъ вопросы. Почему ночью одинъ изъ насъ не спитъ. Я не прибѣгалъ къ уловкамъ и отвѣчалъ прямо такими словами: Вы люди добрые, но сами говорите, что часто бываете наущаемы злымъ духомъ на худыя дѣла. Что, если вы всё успеете, а васъ злой духъ подучитъ убить насъ? Впослѣдствіи сами вы будете сожалѣть, что убили людей, не сдѣлавшихъ вамъ вреда, а между-тѣмъ другіе Русскіе станутъ мстить и у васъ будетъ не спокойно. — Да, такъ, отвѣчали бывало туземцы, пожалуйста, держи караульщика: ты и насъ охраняешь отъ худаго дѣла.

выявляется ей въ безчестіе, но обыкновенно такое дѣло оканчивается соединеніемъ любящихся. За нарушение супружескаго долга, туземцы между собою взыскательны.

Мнѣ не удавалось видѣть дракъ, ссоръ или браней между мужемъ и женою: такое обращеніе считается предосудительнымъ. Говорятъ, случается, что мужъ въ тихомолку щиплетъ жену; та, если къ нему столько привыкла, что не захочетъ отойти,—смолчать, если вздумаетъ—отойдетъ, но никогда не покажетъ или не доверитъ другой своихъ размолвокъ и печалей.

Гдѣ и кому не правится чужое? Такъ здѣсь и между Квихпагмютами мужчины увлекаютъ чужихъ женъ, но на этомъ основаніи: не красота, но досужество женщины считается обаяніемъ. Соблазнитель переманиваетъ чужую жену къ себѣ на то же ложе, но какъ отъ такого поступка легко могла бы возгорѣться вражда, требующая крови, то исконно существуетъ обычай надѣвать при такихъ случаяхъ на себя и любезную соболями парки. Оставленный мужъ, догнавъ бѣглецовъ и увидя обѣихъ въ соболевыхъ паркахъ, убѣждается, что похититель столько богатъ, что въ состояніи одѣвать жену всегда въ соболя, и дѣло остается окончательнымъ безъ ссоры.

Туземки приморья не плодородны: я не видалъ ни одной, у которой было бы четверо дѣтей: по большей части одинъ или двое. Причину этого слѣдуетъ приписать сколько образу домашней ихъ жизни, столько и усиленному поклоненію богинѣ любви, въ первыхъ годахъ юности. Рѣдкая туземка въ двадцать пять лѣтъ не старуха.

Дѣти воспитываются на совершенной свободѣ: нѣтъ вещи, которую пожелалъ бы малютка и отецъ или мать не постарался бы ему доставить. Кормятъ грудью до трехъ или четырехъ лѣтъ; съ возрастомъ мальчикъ обучается стрѣлять изъ лука, сначала въ куликовъ, потомъ въ выхухоль и наконецъ въ оленей; приучается ѣздить въ байдаркѣ, дѣлать нарты, ставить сѣти на маляковъ и нерцѣ. Дѣвочка плететъ изъ оленьихъ жилъ сѣти, удитъ рыбу, собираетъ ягоды, шьетъ одежду, и помогаетъ матери въ хозяйственныхъ работахъ.

При родинахъ, при первоначальной стрижкѣ головы мальчику, при дозволеніи ему надѣть впервые лапки—родъ лыжъ—или сѣсть въ байдарку; при прокалываніи дыръ подъ нижнюю губою—лѣтъ пятнадцати и шестнадцати,—въ обычай, отцу и матери дѣлать на своемъ жилѣ различныя угощенія. По бѣдности многое проходитъ и такъ, но прокалываніе губъ откладывается иногда до того

времени, пока самъ молодой человѣкъ промыслить что-либо и сдѣлавъ угощеніе изъ собственной добычи, тѣмъ докажетъ, что онъ точно мужчина. Окончательно мужемъ признается только тотъ, кто промыслилъ нѣсколько волковъ, поймалъ столько оленей, что изъ переднихъ ихъ челюстей имѣеть полясъ для подарка своей невѣстѣ; приобрѣлъ много бѣлугъ, макляковъ, выдръ, бобровъ и все это роздалъ, такъ, что самъ остался въ одной худой шкурѣ: общее уваженіе туземцевъ сопутствуетъ ему на всю жизнь. Совсѣмъ тѣмъ такихъ мужей по всему приморью, я зналъ только одного.

Повивальныхъ бабокъ замѣняютъ или мать родильницы, или какая-нибудь знающая старуха. Шаманы, находящіеся при родахъ, даютъ новорожденному наговоренную ладонку, въ которой зашиты или небольшой ремешекъ или камешекъ, и такая ладонка считается талисманомъ благополучія во всю жизнь. Туземецъ не разлучается съ нею и носитъ на шеѣ или на рукѣ у плеча. Именно даютъ въ честь знаменитыхъ предковъ родившагося или, какъ Калмыки, по первому брошенному въ глаза предмету.

Втеченіи жизни туземецъ мѣняетъ нѣсколько разъ свое имя, смотря потому, сколько онъ сдѣлалъ большихъ поминковъ по умершимъ: многие съ охотой удерживаютъ данныя имъ отъ русскихъ прозвища. Сосѣди съ редутами всѣ помнятъ и называютъ себя именами, полученными при Святомъ крещеніи.

Родильница двадцать сутокъ послѣ разрѣшенія своего отъ бремени не употребляетъ ни какой свѣжей пищи, не выходитъ изъ бараборы, сидитъ въ углу задомъ ко входу и не должна обрачиваться; черезъ каждые пять дней обмывается: послѣднее исполняютъ и всѣ ея родственники.

Всѣ племена Канг-юнитъ, боясь заразы, боятся и покойниковъ, но уважаютъ ихъ память. Случается, что безнадежно больного живо одѣваютъ въ лучшую одежду и выносятъ въ пустую барабору, гдѣ ему приходится голодомъ разстаться съ жизнью. Приморскіе нѣкоторыхъ покойниковъ жгутъ, другихъ просто, завернувъ въ травяную рогожу, относятъ на кладбище и заваливаютъ дровами. Предъ могильной кучей ставятъ оленью голову, втыкаютъ стрѣлы или кладутъ сломанную байдарку покойника. Прочія его вещи разбираются жителями на память.

Жена послѣ мужа или мать послѣ сына, и наоборотъ, обрѣзываютъ себѣ передніе волосы. Впрочемъ, этотъ обрядъ исполняется по желанію и другими. Втеченіи двадцати сутокъ близъ

кіе родственники покойника питаются кислымъ или прошлогоднимъ.

Поминки по умершемъ совершаются ежегодно по три раза: весною, осенью и зимою. Сверхъ того мужчины во время ежедневнаго паренья съ воємъ и плачемъ вспоминають о своихъ умершихъ иредкахъ и ихъ славныхъ дѣяніяхъ. Но главное, окончательное помпповеніе близкихъ родственниковъ, послѣ котораго ихъ уже перестаютъ поминать на годичныхъ поминкахъ, дѣлается туземцами лѣтъ черезъ десять или пятнадцать, смотря потому, какъ соберутся съ достаткомъ. При такихъ-то случаяхъ нѣкоторые роздаютъ все свое имѣніе.

Обыкновеннѣйшія болѣзни туземцевъ—вередъ, глазная болѣзнь и сухотка. Съ заселеніемъ Русскихъ между приморскими открылись и первичныя степени сифилитической: благотѣльно было бы назначать на службу въ дальніе отдѣлы людей совершенно здоровыхъ. Штурманъ Васильевъ замѣчаетъ, что этотъ бичъ народовъ занесенъ и къ Аглег-мютамъ. На Кускоквинѣ и Квихпакѣ любовоострастная болѣзнь доселѣ не извѣстна. Всѣ недуги пользуют шаманы, или наговорами или травами, а былъ такъ счастливъ, что втеченіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ походахъ, куда мы ни приходили не встрѣчали опасно больныхъ. Рассказъ толмачей, какимъ способомъ шаманы лечатъ наговорами или колдовствомъ, сюда не вношу, потому что всякое имъ непонятное обстоятельство они объясняютъ по своимъ понятіямъ, слѣдственно, болѣею частію ошибочно. Впрочемъ, нѣсколько словъ о леченіи шаманствомъ помѣщены въ матеріалахъ о туземцахъ Квихпака и Кускоквина.

Русскіе промышленники переняли у туземцевъ и отъ ревматизма и грудныхъ болей пользуют съ успѣхомъ, принимая настоенную на водѣ или ромѣ бобровую струю, но я видѣлъ одного изъ нихъ, который такъ неосторожно ею пользовался, что получилъ желтуху. Увѣряютъ, будто тертый высушенный репісъ бобра прекращаетъ гоноррею.

У приморцевъ накальваніе большого мѣста столь же употребительно, какъ у Алеутовъ и Кадьякцевъ. Васильевъ пишетъ, что къ отмороженнымъ членамъ Кускоквинцы прикладываютъ свѣжее сорочье мясо; порѣзы обсыпаютъ жженой шерстью,—не упоминаетъ какого звѣря. Каломъ выдры лечатся отъ сыпи или коросты. Онъ также присовокупляетъ, что у одного изъ его гребцовъ, во время плаванія по Кускоквину распухли яичники до такой степени, что отчаялись за жизнь человека. Шаманъ за три листа табаку

возрастъ большому здоровью, наколовъ и высосавъ изъ большаго мѣста, при глазахъ Васильева, какую-то тягучую жидкость.

Одежда приморскихъ туземцевъ состоитъ изъ звѣриныхъ шауръ, въ особенности изъ оленьихъ. Собольи, выхуольи и евраччи парки получаютъ съ Квихпака. Норка по рѣдкости употребляется на перчатки и женскіе парадные штаны. Покрой парокъ сходенъ съ камчатскими и ижигинскими кухляками, только не столь просторны и у приморскихъ Американцевъ рукава шьются узкіе, а сама парка не имже колѣнъ. Мужская имѣетъ круглый подолъ; женская по бокамъ съ выемками, такъ, что по произволу женщины бываетъ видна вся нога, единственная красота, которую она можетъ выставить безъ опасенія раскрыть или заморозить. Мужчины носятъ одиѣ штаны, всегда шерстью внизъ; женщины двое, одиѣ короткіе якутскіе, то есть выше колѣнъ шерстью внизъ, другіе длинныя шерстью наружу. Какъ мужскіе такъ и женскіе ошкурковъ не имѣютъ и штаны на поясицѣ затягиваются ремнемъ. Зимніе торбасы или сапоги шьются изъ оленьихъ лапъ или камасовъ, длиною до половины икры: голенища нарядныхъ торбасовъ ставятся изъ россомахи и сверху отарачиваются въ узоръ выдрой и бѣлой оленьей шкурой. Лѣтніе торбасы шьются изъ перпячьихъ и малячьихъ горлъ до колѣнъ и выше. Подошвы вообще подшиваются изъ малячьихъ лавтаковъ и собираются на передкѣ и пяткѣ такъ правильно, что это принесло бы честь любому сапожнику. Зимнія парки обыкновенно шьются съ башлыкомъ или кулемъ, который замѣняетъ шапку. Подолъ, обшлага и кулъ обшиваются волкомъ. Такая опушка на парку изъ хребта лучшаго выходнаго волка, цѣнится въ два и три бобра. Лучшія парки, какъ по достоинству шкуръ, такъ и по красотѣ узоровъ, получаютъ отъ Малейг-мютовъ: тѣ, имѣя возможность доставать отъ Чукчей шкуры домашнихъ оленей *, отдѣлываютъ одежду съ большимъ вкусомъ. Женщина въ чукотскихъ шитыхъ торбасахъ, бѣлыхъ изъ домашняго оленя штанахъ, малейгмютской паркѣ, узоръ которой весьма сходенъ съ латами древнихъ рыцарей, и въ свѣжемъ туземномъ головномъ уборѣ, не покажется отвратительною и глазу ко всему приглядывающаго Европейца. Портить одно: поясомъ изъ оленьихъ челюстей онѣ подвизываются несравненно ниже, нежели показавъ графъ Нулинъ Натальѣ Павловнѣ. Рукавицы рѣдко употребляются туземцами, развѣ въ большіе холода; перчатки шьютъ

* Дикій олень одноцвѣтенъ, напротивъ, домашніе бываютъ различныхъ шерстей, исключая чернаго.

ся довольно правильно изъ оленьихъ и норотыхъ шкуръ и оторачиваются выдрой, волкомъ или росомахой.

Выхухоль, соболь, норка, лебедь и прочія небольшія шкуры выдѣлываются женщинами, которыя просто-на-просто высасываютъ приставшій къ мездрѣ жиръ. Такая работа въ голодное время замѣняетъ имъ пищу. Оленьи шкуры приготовляются мужчинами по камчадалскому способу, то есть намазывая квашеной икрой и вымывая передъ огнемъ руками: крашеные вообще не въ употребленіи.

Море и тундра составляютъ постоянное богатство туземцевъ Нортонова Залива. Вотъ что придумалъ питомецъ сѣвера, для удовлетворенія своихъ нуждъ, прихотей и вкуса: зимою, когда волкъ становится выходнымъ и глубокіе не слегшіеся снѣга не дозволяютъ ему гоняться съ успѣхомъ за оленями, онъ приближается къ жиламъ и для своего пропитанія высматриваетъ собакъ. Туземецъ, считая собаку членомъ своего семейства и высоко уважая волчій мѣхъ, беретъ нѣсколько тонкихъ, плоскихъ китоваго уса прутиковъ, около двухъ футовъ длиною, заостряетъ ихъ концы, свиваетъ оборота въ три и обмотавъ мажлячьимъ жиромъ, бросаетъ въ разныхъ мѣстахъ близъ своего жилища. Волкъ падохъ на жиръ: съ-голоду глотаетъ два, три комка цѣлякомъ: жиръ варится скоро, усъ выпрямляясь колетъ его желудокъ и приводитъ къ вѣрной смерти. На-утро охотникъ по слѣдамъ доходитъ до пронавшего звѣря.

Оленей промышляютъ или петлями, или изъ лука, или наконецъ, какъ сказано мною выше, добываютъ выпоротковъ, гоня стада матокъ собаками. Петлями ловятъ слѣдующимъ образомъ: замѣтя въ падахъ тропу, по которой олени ходятъ пить къ ручью, или нарочно для того, прорубая узкую просѣку въ густомъ кустарникѣ, на ближайшія вѣтви настораживаютъ ремешныя петли, другіе концы которыхъ привязываютъ къ самымъ деревьямъ; при проходѣ табуна тѣмъ бы олень ни задѣлъ, петля затягивается. Такимъ образомъ случается, что одинъ промышленникъ добываетъ въ ночь два и три десятка оленей. Стрѣльное, удавленное, падаль, во всемъ этомъ туземецъ видитъ только нищу. Голодъ не разборчивъ. Не однажды и намъ случалось отнимать у волка зарѣзаннаго имъ оленя. Совсѣмъ тѣмъ туземцы племени Камюлетъ не всебѣдшіе, — эпитетъ, справедливо приданный Алеутамъ. Охота за оленями съ лукомъ и стрѣлами требуетъ особой ловкости и искусства. Какъ олень раненный не по мѣсту не-

остъ много не только стрѣль, но и пуль, то такіе оленные промышленники особенно уважаются туземцами.

Нѣтъ ничего утомительнѣе въ оленьей охотѣ, какъ отыскивать его слѣдъ, и нѣтъ пріятнѣе какъ скрадывать его: забываешь жестокость стужи и неотвязчивость комаровъ. Олень лѣнливо переступаетъ, оглядывается, щиплетъ мохъ тамъ и сямъ, ложите не шевелясь, олень ѣсть прилежно, ползете, но всегда съ подвѣтра. Табувъ въ ходу, бѣгите къ нему смѣло; табувъ всталъ, будьте какъ вкопанные, нѣтъ ружье у ноги: васъ легко сочтутъ за нень или кокору. Скрали въ мѣру, выпалили, повалили или нѣтъ—не ваше дѣло: патронъ въ дуло, будьте готовы: табувъ сдѣлавъ кругъ и желая разсмотрѣть, часто набѣгаетъ на человѣка, опять выстрѣль и случилось изъ десятка перепятнать или повалить на половину прежде нежели остальные пойдутъ на утекъ. Олень дикуеть, говорятъ русскіе промышленники, когда тотъ начинаетъ бѣгать кругомъ.

Промыселъ рыбы производится сѣтками и на уду. Макляковъ * и тюленей добываютъ тремя способами: во-первыхъ, изъ лука стрѣлой, это охота удалыхъ промышленниковъ; во-вторыхъ, ременными сѣтями, которыя ставятъ у береговъ точно такъ же какъ и на рыбу. Главнѣйшій промыселъ сѣтями производится весной и осенью, то есть въ то время, когда тюлени, гоняясь за вахней и сельдями, подходятъ близко къ берегамъ; и въ-третьихъ макляковъ вышедшихъ на ледъ колятъ стрѣлами. Чтобъ скрыть себя вѣрнѣе отъ звѣря, туземцы близъ ихъ продушивъ громоздятъ кучи льду и сами одѣваются или въ бѣлыя оленьи парки или въ нарочно для этой охоты покупаемыя полотняныя рубахи.

Въ сонныхъ макляковъ и бѣлугъ смѣльчаки кидаютъ стрѣлки съ наутами. Но главнѣйшій бѣлужій промыселъ производится отгонами въ Паштолъ. Въ половинѣ іюля въ паштоликѣ собираются всѣ приморцы южной части Нортонова Залива. Выбравъ тихій день на приливѣ, выѣзжаютъ въ море, въ закрой берега, байдарокъ до ста и болѣе. Бѣлуги съ іюля мѣсяца съ своими маленькими ида вслѣдъ за рыбой, появляются во множествѣ передъ устьями Квихпака. Во все время своего слѣдованія впередъ, туземцы сохраняютъ совершенную тишину и молчаніе, но отъѣхавъ на опредѣленное разстояніе, по знаку одного изъ избранныхъ стариковъ поднимаютъ всевозможный шумъ: бьютъ въ бубны,

* Крашенниковъ въ описаніи Камчатки называетъ этотъ видъ тюленей лахтакани. Шкура макляка по плотности предпочитается даже сіучей. Макляки къ Алеутскимъ Островамъ не подходятъ.

колотят веслами по байдаркамъ, не кричатъ, а режутъ и тихо, осмотрительно, при началѣ отлива, подаются къ берегу, стада бѣлугъ, оставленные въ покоѣ при проѣздѣ въ море, какъ-бы оцѣпленные шумомъ, спѣшатъ къ берегу, отмелому на значительное разстояніе; вода сбываетъ; сначала животное перестаетъ вырять, потомъ выказываетъ хребетъ, велѣдъ за тѣмъ лишается способности двигаться; наконецъ вовсе обсыхаетъ. Въ хорошій годъ болѣе ста штукъ бѣлугъ приходитъ къ рукамъ охотниковъ за одинъ выѣздъ. Во время этого промысла остающіеся на берегу отъ мала до велика стараются также сохранить возможнѣйшую тишину. Собакъ отводятъ далѣе внутрь материка.

Несмотря, что туземцы приморья оставили многія свои суевѣрія и во многомъ обрусѣли, колотъ бѣлугъ еще не рѣшились желѣзомъ. Металлъ этотъ считается нечистымъ, потому что идетъ отъ Русскихъ.

Если не во время погромки удастся кому бросить въ бѣлугу стрѣлку и это случится въ виду жила, то всѣ жители обязаны ему помогать. Первый подѣхавшій на помощь получаетъ правую лопатку, второй лѣвую, третій и четвертый бока съ задними лапами, прочія ничего. Промышленнику остается голова, хвостъ и пузырь.

Какъ въ бѣлугѣ жиръ, мясо и кожа, по достоинству своему, считаются лучшимъ для пищи, такъ маклякъ важенъ по пользѣ, которую доставляетъ туземцамъ въ ихъ домашнемъ быту: байдары, байдарки, чавычьи и маклячьи сѣти, олении петли, подошвы,—вотъ предметы, на которые идутъ шкуры этого земноводнаго. Способъ ихъ приготовленія слѣдующій: сырую шкуру макляка намазываютъ по шерсти квашеной икрой и, завернувъ, оставляютъ сутокъ на трое и болѣе въ тепломъ мѣстѣ, для того чтобы шерсть отопрѣла; потомъ, обмывъ икру, шкуру растягиваютъ на палки, вывѣшиваютъ на воздухъ и смачиваютъ кислой уриной до-тѣхъ-поръ, пока шкура не пропитается насквозь, что примѣчается по ея прозрачному красноватому цвѣту.

Жиръ отъ шкуръ морскихъ звѣрей обрѣзывается пеколкою, обточеннымъ кускомъ листового желѣза, всаженымъ въ деревянную ручку. Сталь для этого дѣла не годится,—скользитъ или зарѣзываетъ мездру.

На морскіе промыслы старикки выѣзжаютъ какъ Алеуты, въ деревянныхъ шапкахъ, украшенныхъ рѣзбою изъ моржевой кости, королькамъ, стеклярусомъ и прочимъ. Форма шапокъ одинакова съ употребляемыми на островѣ Кадыякъ.

Жиры вытапливаются туземцами въ желѣзныхъ котлахъ и плавляются въ маклячи и тюленьи кожи, которыя нарочно для того снимаются, такъ, чтобъ сохраняли свой натуральный видъ. Бѣлужій рѣдко топится, но вмѣстѣ со шкурою, которая считается лакомымъ кускомъ, рѣжется на полоски и плавляется въ пузыря.

Туземцы Нортопова Залва имѣютъ лѣтнія жилища особо отъ зимнихъ; постройка и устройство какъ тѣхъ такъ и другихъ слѣдующая: на избранномъ для зимника мѣстѣ вынимается земля на аршинъ и болѣе; по угламъ ставятся приличной толщины столбы отъ одного съ половиной до двухъ саженъ высоты; стѣны набираются изъ колотыхъ плахъ, которыя также ставятся стоймя и вровень съ угловыми столбами; сверху, въ разстояніи саженъ и болѣе отъ угловъ, смотря по величинѣ зимника, пакатываются на стѣны толстыя бревна, которыя составляютъ первый вѣнецъ горизонтальныхъ стропилъ; сверху ихъ врубается второй вѣнецъ параллельно стѣнамъ жилища, но нѣсколько отступя отъ нихъ внутрь; далѣе опять вѣнецъ параллельный первому, но также нѣсколько отступя внутрь. Такимъ образомъ пирамидально возводится вся крыша: Въ отверстіе оставшесся на серединѣ вставляется особый небольшой люкъ или рама, которая обтягивается кишками морскихъ животныхъ и замѣняетъ окно. Стропила снаружи обставляются досками или карбаспкомъ, потомъ все строеніе засыпается землею такъ, что издали зимники туземцевъ представляются путнику въ видѣ небольшихъ холмовъ. Для входа въ зимники выкапывается въ землѣ узкій и низкій корридоръ, саженъ въ полторы или двѣ длиною. Корридоры, или, вѣрнѣе, сѣни, обставляются тыномъ и также обваливаются землею. Проходъ въ зимникъ черезъ такія сѣни не иначе возможенъ, какъ ползкомъ по нечистотѣ, невообразимой для просвѣщеннаго человѣка и невыразимый словами: тутъ собачій калъ, замерзшая человѣческая уршиа, пепель, кости, шерсть и прочее, и прочее, и прочее.

Внутреннее расположеніе зимниковъ очень просто и одинаково у всѣхъ туземцевъ. Выползя изъ сѣней черезъ продолговатую дыру, завѣшанную кускомъ медвѣжьей или какой другой шкуры, если поторопишься, попадешь на огнище, — квадратную яму, находящуюся прямо противъ свѣтлаго люка. Остальное пространство застилается досками, составляющими полъ. По обѣимъ сторонамъ отъ входа въ полутора футахъ отъ полу, во всю длину зимника настланы нары, не шире четырехъ футовъ. Это столы,

диваны, кровати туземцевъ. Травяныя рогожи или церелы, развѣшенные поперегъ наръ, указываютъ на отдѣленія семействъ одного отъ другаго. Въ передней сторонѣ, на полкахъ и подъ ними, сохраняются пузыри съ жиромъ, котлы, кондаки, калуги и всякій домашній скарбъ. Нѣсколько дыръ въ половыхъ доскахъ передъ нарами, означаютъ мѣста сошекъ, на которыя ставятся жирники.

Лѣтники строятся прямо на почвѣ. Наружная ихъ форма сходна съ нашей деревянной избой, то есть передняя и задняя стѣны сведены къ вершинѣ угломъ; бока крыши застилаются сплошнымъ карбасникомъ и засыпаются землею. Въ лѣтникахъ огня не разводятъ и потому онѣ сверху не имѣютъ оконъ, свѣтъ самопроизвольно входитъ черезъ щели и дверь, — эллиптическое отверстіе, дѣлаемое на передней сторонѣ жилища. Чтобы знать, что дѣлается въ окружности или не быть захвачену врасплохъ, съ передней и боковыхъ сторонъ прорѣзываютъ небольшія окна, затыкаемые или лоскутомъ шкуры или задвигаемыя ставеньками. Половъ въ лѣтникахъ не настилаютъ. Остальное внутреннее расположеніе одинаково съ зимними жилищами. Пространіе трехъ сажень въ квадратѣ на зимнихъ, на лѣтнихъ жилищѣ у туземцевъ прибрежья мнѣ не удавалось видѣть.

Кладовыя или кормовыя бараборы всѣхъ племенъ народа Капюкитъ утверждаютъ на четырехъ столбахъ, футахъ въ десяти отъ поверхности земли, въ предохраненіе отъ лисицъ, волковъ, мышей и собакъ. Передняя стѣна кладовой разбирается по надобности, и потому доеки этой стороны ставятся стоймя. Обшивка остальныхъ стѣнъ набирается лежачими плахами. Плоскій потолокъ, засыпанный землею, замѣняетъ крышу. Длина и ширина кладовыхъ не бываетъ болѣе осьми футовъ, вышина пяти футовъ. Отверстіе, замѣняющее дверь, заставляется особой доской или закладывается полѣньями. Отправляясь съ жила, туземцы складываютъ въ кладовыя всѣ свои пожитки и итъ примѣровъ чтобъ кто другой чѣмъ-нибудь воспользовался.

На каждомъ туземномъ жилищѣ есть общественное зданіе, известное намъ по кадьякскому произношенію подъ названіемъ кажима. Кажимы строятся сходно съ зимниками, но въ большихъ размѣрахъ: ивыя по десяти сажень въ квадратѣ и четыре или пять высоты; вмѣсто наръ и полокъ, по всѣмъ ихъ сторонамъ протягиваются лавки и въ нѣкоторыхъ кажимахъ на Квишпакѣ и Кусковинѣ въ два и три яруса; сверхъ обыкновеннаго хода изъ сѣней такихъ же узкихъ и низкихъ какъ у зимниковъ, въ

кажинахъ устраивается особый, изъ подполья черезъ яму огнища, которая бываетъ до четырехъ футовъ глубиною. Кажимы свидѣлствуютъ давнее заселеніе туземцевъ этого края: плахи лавокъ, часто слишкомъ два съ половиною фута шириною едва замѣтно, что были колоты и обтесаны каменными топорами такъ онѣ слажены и выложены нѣсколькими поколѣніями жителей.

Въ кажимахъ мужчины производятъ всѣ свои домашнія работы: выдѣлываютъ шкуры, плетутъ морды, связываютъ парты; въ кажимахъ производятся и рѣшаются всѣ совѣщательныя дѣла жителей; кажимъ замѣняетъ гостиную при приѣмѣ гостей, столовую при угощеніи ихъ, залу при общественныхъ игрищахъ, спальни вообще всего мужескаго народонаселенія, исключая младенцевъ, наконецъ бани, которыя составляютъ одно изъ первѣйшихъ наслажденій всего племени народа Канг-юльтъ.

Ни одинъ изъ путешественниковъ не упоминаетъ, чтобъ пища усвоенная туземцами вредила бы ихъ здоровью: такъ всѣ племена приполюсныхъ странъ въ главѣ своей кухни помѣщаютъ жиры морскихъ животныхъ, которыми, сверхъ отдѣльнаго употребленія, приправляютъ всѣ свои кушанья. Россъ, въ четырехъ-лѣтнее свое пребываніе между льдами опытомъ убѣдился въ грѣющемъ свойствѣ жировъ. Я не могу сказать о себѣ, чтобъ нужда заставляла прибѣгать къ этому роду пищѣ, но всѣ Русскіе, служащіе въ сѣвернѣйшихъ нашихъ заселеніяхъ Америки, удостовѣряютъ, что жиръ не только грѣетъ, но употребленный въ толкушѣ освѣжаетъ силы: «Какъ чарка рому, только въ голову не бросается», говорилъ мнѣ одинъ изъ числа команды экспедиціи, который долго крѣпился, не желая *опоганиться* туземной пищею, но наконецъ принужденъ былъ уступить времени и привычкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда войти простудѣ къ человѣку, у котораго всѣ норы замазаны масломъ, или, какъ у приморца Сѣверной Америки, залиты жиромъ и сверхъ того продублены уриной. Въ хорошую погоду, то есть при безвѣтріи и морозѣ до 20° P., сколько разъ и мнѣ удавалось видѣть, какъ до меня другимъ путешественникамъ, что туземцы спятъ мертвымъ сномъ, а на обнаженной ихъ спицѣ налегло мнею на пол-пальца.

Кухня туземцевъ не разнообразна. Сыраго, исключая мороженой нельмы и другой бѣлой рыбы, они ничего не употребляютъ и то всегда съ юколою; мясной отваръ или рыбную уху своего приготавленія отдаютъ собакамъ; нашу шербу, приготовленную

съ зеленью и солью, весьма любить. Вообще мяса варятъ мало; какъ Камчадалы и Тунгусы любятъ варить оленину въ его желудкѣ не вычищая калъ; отъ такого приготовленія мясо не разваривается, становится терпче и сочнѣе; толкуши любимое свое кушавье, сбиваютъ изъ различныхъ жировъ, оленьяго сала или крови, съ приправой свѣгу, свѣжей рыбы, кореньевъ и ягодъ.

Квашеная рыба и икра составляютъ непрѣмную потребность зимнихъ туземныхъ запасовъ; первая запасается въ ямахъ, вторая въ берестянныхъ коробахъ. Замѣчательно, что кислая двух-годовая рыба несравненно сноснѣе одолѣтней, можно сказать, выкиснувъ, она становится крѣпче и нѣсколько теряетъ свой ѣдкій запахъ. Въ числѣ лакомыхъ туземныхъ блюдъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ кислыя головки рыбъ лососинаго рода, наиболѣе чавычи и молодая откормленная собака. Мясо или рыбу люди походные плавъ тѣ, которымъ вздумается ѣсть не въ урочное время, жарятъ на палкахъ.

Степень чистоты приготовленія пищи туземцами можно выразить словами Крашенинникова о Карякахъ: «Котлы и лотки у нихъ, вмѣсто мытья, собаки лижутъ. Бабы и собакъ бьютъ уполовникомъ и въ котлѣ мѣшаютъ». Впрочемъ опрятность здѣсь понимаютъ: посуду и руки женщина передъ страпаньемъ моетъ въ квашеной человѣческой уринѣ, потомъ обливаешь водою или обтираешь слѣгомъ. Мы не научили ихъ готовить и употреблять мыло и потому не можемъ осуждать, что отъ грязи они очищаются по-свѣдому.

Приморцы кухонную посуду, состоящую въ мѣдныхъ и желѣзныхъ котлахъ, кружкахъ, ковшахъ и прочая, ввели у себя во всеобщее употребленіе со времени основанія михайловскаго редута, до того лѣпили горшки, какъ то и теперь ведется на Квхпакѣ и Кускоквимѣ. Деревянную посуду, состоящую въ различной величинѣ и формахъ чашъ и лотковъ, получаютъ отъ близкихъ Квхпах-миотовъ, потому что по непрочности выкиднаго лѣсу, пропитаннаго морскою солью, сами этимъ производствомъ завятыся не могутъ.

Всѣ племена народа Канг-юантъ ѣдятъ весьма умѣренно. Между ними не ведется обычай хвастаться обжорствомъ, какъ о томъ упоминаетъ Давыдовъ въ своихъ замѣткахъ о Кадьякахъ.

Поутру мужу, отцу или брату жена или кто другой изъ родственниковъ, а за непмѣніемъ ихъ, какая-нибудь старуха, приносятъ въ кажимъ по кандаку холодной воды, которая замѣняетъ

чай; затѣмъ на лѣдкахъ подается каждому особо по куску юкелы и мороженой или вареной рыбы вѣсомъ всего не болѣе полутора фунта. Позавтракавъ, мужчины отправляются по своимъ дѣламъ и предъ закатомъ, послѣ бани, такимъ же порядкомъ получаютъ обѣдъ, въ количествѣ нѣскольکو болѣе, потому что сверхъ означеннаго, прибавляется или горсть толкушки или кусокъ квашеной рыбы или икры. Мужчины ѣдятъ сидя на лавкахъ, а женщины, чтобы не смотрѣть въ глаза, садятся на полъ задомъ къ тому, которому принесена пища. Гости получаютъ отъ женъ и дочерей тѣхъ, къ которымъ пріѣхали. Таково обыкновеніе ихъ обѣдовъ, впрочемъ многіе изъ мужчинъ на вечерней обѣдъ уходятъ къ себѣ на домъ. Женщины и дѣти вообще обѣдаютъ въ своихъ зимникахъ.

Байдарка и собака, вотъ средства употребляемыя туземцами при переездахъ. Не имѣя надобности пускаться далеко въ море за добычей, они не искусные ѣздоки въ байдаркахъ, морскія качества которыхъ несравненно ниже алеутскихъ: байдарка жителей устья Квихпака и Кусковпа устойчива, вмѣстительна, но тяжела на ходу; напротивъ, ихъ байдары и особенно Малеймютовъ, совершающихъ перѣдко переезды изъ Нортонова Залива къ Беринговому Пролivu и островамъ Азіяку и Укивоку, отличаются длиною и качествомъ скорого ходу. Мнѣ удалось видѣть одну такую байдару въ пятьдесятъ два фута длиною, съ двумя мачтами и фалшбортами, которые опускаются или поднимаются, смотря по надобности: на большомъ волненіи къ обонимъ бортамъ байдары привязываются надутые маклячьи пузыри, которые предохраняютъ ее отъ валкости.

Искусство ѣзды на собакахъ у сѣверо-американскихъ племенъ—въ младенчествѣ: они не имѣютъ ни передовыхъ собакъ ни пріученыхъ своръ и сами никогда не сидятъ на нартахъ. У приморцевъ собаки припрягаются къ копыльямъ; мужчина идетъ впереди въ лямкѣ, женщина помогаетъ, толкая нарту сзади, дѣти лѣтъ съ семи слѣдуютъ за нартою въ лапкахъ; совершая свои переходы по убитой вѣтромъ тундрѣ или по льду. Для легкости, полозья подшиваются моржевыми или мамонтовыми костями. Общее устройство нарты подробно описано Крашенинниковымъ и Ф. П. фонъ-Врангелемъ, но въ частности есть много особеннаго: такъ вмѣсто настоящихъ прямыхъ копыльевъ вставляются въ полозъ кривые, которые приготавливаются изъ корь. Передніе концы полозьевъ головками прикрѣпляются къ тонкимъ шестамъ, которые вложены по всей длинѣ нарты и

прикрѣплены къ конорамъ, чтобъ тѣ не раздвигались. Для составленія верхней части нарты, въ промежутокъ между коныльцевъ вдалбливаются въ полозъ тонкія наложки, соразвѣрной вышины. Шесть, который привязывается къ ихъ верхнимъ концамъ, пригибается и скрѣпляется и съ головками полозьевъ. Къ задку нарты придѣлываются креслы. *Баранъ* вовсе не употребителенъ.

Собачій хомутъ или алыкъ, употребляемый туземцами приморья, во всемъ сходственъ съ описаннымъ Крашенинниковымъ при объясненіи способа ѣзды Камчадаловъ, то есть состоитъ изъ двухъ петель, которыя надѣваются на собаку чрезъ правую или лѣвую лопатки переднихъ ногъ, наблюдая, чтобъ нахвостникъ, которымъ собака привязывается къ нартѣ, всегда былъ между ею и нартою.

Длина нарты приморцевъ бываетъ отъ осьми до двѣнадцати футовъ, но у Квихпах-мютовъ строятъ нарты слишкомъ за двадцать футовъ: на нихъ онѣ перевозятъ свои байдары и байдарки при отправленіи на весенніе промыслы.

Лапки, — родъ лыжъ, но только лыжи дѣлаются изъ тонкой выгнутой доски, подшитой снизу тюленьей шкурой или камосами, а лапки сгибаются изъ четырехъ трехъгранныхъ брусковъ, связанныхъ по парно; передній конецъ лапокъ разводится отъ семи до десяти дюймовъ шириною и сверху загибается, а задніе концы парныхъ брусковъ связываются вмѣстѣ безъ развода и выгиба; къ срединѣ лапки вставляются двѣ распорки, разстояніемъ одна отъ другой въ мѣру ноги и пространство между ними оплетается оленьими петлями, для надѣванія на ногу. Изъ оленьихъ же петель привязываются путцы. Чтобъ слѣдъ оставляемый на снѣгу болѣе умирался, остальное пространство лапокъ переплетается тонкими съточными наклеяными ремнями. Длина лапокъ у приморцевъ болѣе трехъ футовъ, у соплеменныхъ имъ Кусюковимъ и Квихпах-мютовъ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною футовъ. Лапки и нартенные полозья выдѣлываются изъ березоваго дерева.

Сверхъ стрѣлъ, употребляемыхъ при промыслѣ бѣлугъ и наляковъ, и выдаваемыхъ съ руки, поморцы имѣютъ особия стрѣлы для птицъ и оленей, которыми стрѣляютъ изъ луковъ. Птичьи стрѣлы дѣлаются съ тупыми носками различной формы, съ цѣлюю, если не убить, то оглушить птицу. Наконечникъ оленьій бываетъ изъ моржевой кости съ зазубринами на одной сторонѣ; самое же копьецо вставляется нынче желѣзное, а прежде вставля-

лось обточеное изъ асннда. Для легкости полета стрѣлы, къ противному наконечника концу привязываются астробинныя или орлиныя перья, которыми очень дорожатъ туземцы, такъ, что за пару крыльевъ и хвостъ платятъ по цѣнѣ двухъ бобровъ. Стрѣлы выдѣлываются наиболѣе изъ ливляничнаго лѣсу, добытаго съ Квихвака или изъ глубины Нортонова Залива. Длина древка близъ двухъ футовъ; косякаго наконечника—шести и семи дюймовъ; коныца—два дюйма. Луки выгибаются изъ ливляницы или словой крени. Для болъшей упругости въ сгибы наружной ихъ стороны подвязываютъ пластинки моржевой кости и перетягиваютъ по днгиѣ нитовыми кручеными нитками. Тетивы натягиваютъ изъ круто свитаго малячяго ремня.

Независимо отъ большихъ празднествъ, принадлежащихъ къ религіознымъ обрядамъ, на которые собираются все жители окружающихъ селеній, туземцы поморя коротаютъ вечера глубокой осенью и начала зимы на такъ называемыхъ игрушкахъ или вечерникахъ. Какъ во всей поднебесной, такъ и у нихъ, пѣсни, пляска и угощенія составляютъ предметъ такихъ увеселеній, но все это въ своемъ родѣ: здѣсь не семья семью приглашаетъ къ себѣ на вечернику, но или все народонаселеніе жила участвуетъ въ игрушкѣ, или женщины приглашаютъ мужчинъ и потчуютъ ихъ изъ своихъ запасовъ, или тѣ угощаютъ женщинъ своими. Для разнообразія бываютъ переряжанья или своего роду маскарады. Въ такомъ случаѣ женщины, дѣлая вечернику, являются въ мужскихъ паркахъ, усахъ, съ подвязанными подъ нижнюю губу корольками и пляшутъ по мужскому; мужчины на оборотъ представляютъ женщинъ.

По разности повода игрушекъ, и пляски бываютъ различны, но напѣвъ пѣсенъ, равно какъ и тактъ ихъ единственнаго инструмента, бубна, всегда одинаковы, именно: одинъ ударъ или возгласъ, пауза, потомъ два удара второй сильнѣе или выразительнѣе перваго, пауза; опять два удара; пауза и такъ далѣе, что весьма утомительно для уха.

Пѣсни въ общихъ игрушкахъ поются женщинами и бубенщиками, впрочемъ и нѣкоторые изъ плясуновъ имъ подтагиваютъ, особенно уставщикъ пляски, который къ избранной пѣснѣ нерѣдко примѣшиваетъ речитативомъ свои импровизаціи. Уставщиками бываютъ или шаманъ или уважаемый всѣми старикъ или промышленникъ.

Все общественныя или частныя увеселенія устроятся въ кажимахъ. Въ общихъ игрушкахъ плясуны, мужчины и

женщины, становятся вокругъ дыи огня, и подъ звуки бубенъ и пѣсенъ мужчины дѣлають различныя тѣлодвиженія съ припрыгиваніемъ съ ноги на ногу, но не перемѣняя мѣста: искусство пласуна выражается гибкостью и подвижностью мускуловъ. Женщины съ потушенными и нѣрѣдко вовсе зажмуренными глазами, тихими, плавными движеніями рукъ, представляютъ куколъ или какъ бы раму движущейся картины, и чѣмъ менѣе пласунья показываетъ въ себѣ жизни, тѣмъ она считается совершеннѣе въ искусствѣ. Въ пляскахъ туземцевъ поморя ничего нѣтъ сладострастнаго.

Толмачи Михайловскаго редута, отзываясь непонятіемъ словъ, не могли мнѣ передать содержанія которой либо изъ туземныхъ пѣсенъ. И точно необходимы совершенное познаніе языка и особый даръ, чтобъ изъ туземной пѣсни сложить что либо подобное нашей. Они такъ вытягивають слоги, что при пѣніи слышится только однообразное Ай.... ай.... Ай.... ай.... ай, протягиваемая отъ одного ударенія въ бубенъ до другаго. Туземцы сказываютъ, что сами они нѣкоторыхъ своихъ старинныхъ пѣсенъ или переиатыхъ отъ другихъ племенъ не понимаютъ, и я этому вѣрю; они наиболѣе усвоивають пляску, то есть тѣлодвиженія, для каждой пѣсни особенныя, и которыя только человѣку, не изучившему тайны ихъ искусства, могутъ казаться однообразными.

Русскій человѣкъ съ своими нравами, привычками, вѣрованіемъ, занесъ на сѣверъ и русскую пѣсню. Нѣсколько разъ мнѣ удавалось слышать молодыхъ туземокъ, распѣвающихъ чисто «Я по сѣпюшкамъ гуляла», «Въ темномъ лѣсѣ», или «Въ осемьсотъ третьемъ году, на Кадьякѣ острову», пѣсню сложенную промышленниками былыхъ годовъ, на возвратъ Баранова изъ Ситхи. Конечно, онѣ не все понимаютъ, что поють, но тѣмъ обыкновеняются ихъ музыкальныя наклонности. Нѣкоторыя мастерски отпрыгивають и казачка, но такъ, частно, не въ обществѣ.

Мужской плясовой нарядъ состоитъ въ узкихъ короткихъ штанахъ изъ шкуръ бѣлыхъ оленей и чукотскихъ легкихъ узорчатыхъ торбасахъ; женщины, сверхъ нарядныхъ своихъ парокъ, надѣвають всѣ кольца, перстни, браслеты ибсера *, такъ что на щеголихѣ всѣхъ европейскихъ издѣлій бываетъ фунтовъ

* При описаніи туземной одежды, я не помѣтилъ европейскихъ нарядовъ, усвоенныхъ вкусомъ женщины. Ни что блестящее, но ломкое не прельщаетъ ихъ, можетъ быть и потому, что все такое предлагается имъ по весьма высокой цѣвѣ. Увидя, что обрѣзками нѣди ны не дорожатъ, онѣ

но пятнадцати и болѣе.

Незирая ни на какой жаръ, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни въ кажимѣ, ни у себя въ зимникѣ, я не видалъ женщинъ въ натуральномъ костюмѣ. Напротивъ, мужчины за-просто въ кажимахъ, или при пляскахъ, наиболѣе являются совершенно въ природномъ видѣ, но соблюдая условное приличіе.

Маски или личины ни при частныхъ игрушкахъ, ни въ общественныхъ празднествахъ между туземцами приморья не въ употребленіи; лица мараютъ графитомъ или углемъ только при религиозныхъ играхъ, какъ о томъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Чтобъ познакомить читателя съ порядкомъ обыкновенныхъ туземныхъ вечеринокъ, я здѣсь прилагаю описаніе двухъ, мужской и женской, въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны мною въ дневникѣ.

Вечеринка женская. 11 октября 1842 года на жилѣ Агаххлякъ, близъ редута Святаго Михаила.

Когда мы пришли въ кажимѣ, обыкновеннымъ путемъ изъ сѣней, гости, то есть мужчины и женщины съ другихъ жилъ, пахотились въ сборѣ. Хозяекъ не видали ни одной. По тремъ лавкамъ, передней и боковымъ, горѣло по жирнику. Яма огнища была застлана досками, во въ среднѣ оставалось незакрытымъ небольшое круглое отверстіе, чрезъ которое надлежало выходить хозяйкамъ. Предъ нимъ на полу горѣло еще два жирника. Гости, составляющіе хоръ, подъ звукъ двухъ бубенъ, пѣли различные припѣвы. Двое туземцевъ содержали порядокъ, давая размѣръ или тактъ небольшимъ палочками, къ которымъ привязаны были волчій хвостъ и крылья чайки. Такъ прошло добрыхъ полчаса. Изъ припѣвовъ толмачи перевели мнѣ, что одинъ изъ уставщиковъ подсмѣивается надъ женщинами, сказывая, что видно у нихъ ничего нѣтъ, когда онѣ такъ долго не показываются; въ первое время по заселеніи редута, скупали ихъ и напивали на парки, но скорѣ бросили или передали во внутрь материка. Гнутыя спирально металлическія ручки къ ящикамъ и комодамъ, предложенныя туземкамъ вмѣсто браслетовъ, по неудобности, также потеряли скоро свою цѣну. Въ настоящее время въ модѣ, или какъ выражаются въ колоніяхъ, въ ходу, гладкіе браслеты красной мѣди, вѣсомъ въ $\frac{1}{4}$ фунта пара, и то только потому, что сосѣдки Михайловскаго редута имѣютъ возможность доставать ихъ независимо отъ мѣны на пушные промыслы. Изъ бисеровъ принимаютъ поморцами единственно голубаго цвѣта, крупныхъ сортовъ, который, наизянный на нитки изъ оленьихъ жилъ, они падаютъ на шею вмѣсто шарфа.

другой, напротивъ, выхвалялъ досужество своей жены, ожидать съ нетерпѣніемъ ея появленія съ толкушей изъ оленьяго сала и морошки, которой ему весьма хотѣлось отвѣдать. Наконецъ, когда жена его появилась изъ-подъ полу въ оставленное отверстіе, онъ съ энтузіазмомъ припѣвалъ, что исполняются его ожиданія; что вскорѣ всё убѣдится въ мастерствѣ его жены. Жена его точно показалась первая, но силась выказаться болѣе, по причинѣ своей дородности, завязла, — всё захохотали, и та со стыдомъ скрылась и болѣе не показывалась. Вслѣдъ за нею явилась другая. Бубны забили спльнѣ, голоса затянули свое однообразное яй...я...яй, но слова пѣсни были ныны: выставясь по поясъ, въ пантомимахъ и мимикѣ, легко, понятно, выразительно, она показывала, какъ сбивала жиръ, какъ клала въ него различные приправы, потомъ, поднявъ надъ головой кандакъ съ желаннымъ кушаньемъ, приглашала жестаи всѣхъ присутствующихъ приблизиться; продолжая пляску, внятно изображала пышность, сладость толкуши; наконецъ, деревянной ложкой начала одѣлять ею всѣхъ мужчинъ, окружившихъ подполье, кладя прямо на полъ, на которомъ выросло близъ $\frac{1}{4}$ дюйма грязи; по окончаніи раздачи, наклонясь вторично, достала чавычью юколу, похвалила ея вкусъ, запахъ, свѣжесть, потомъ вышла изъ подполья, подала юколу мнѣ и отошла къ прочимъ женщинамъ.

Появилась другая, и у этой была толкуша, но съ ныныи приправами; третья имѣла кандакъ съ брусничкой; наконецъ послѣдняя одѣляла табакомъ; слова въ ея пѣснѣ содержали похвальное слово Русскимъ, что они даютъ приморскимъ жителямъ много табаку. Плясунья съ большимъ искусствомъ представляла всѣ степени упоенія или, вѣрнѣе, одуренія куращихся и нюхающихъ. По окончаніи дѣлежа одинъ принялся за ужинъ, другія продолжали пѣть, но собственно вечерника была окончена. Всѣ женщины хозяйки были въ мужскихъ паркахъ.

Вечерника мужская, 12 октября 1842 года, на томъ же жилѣ.

Порядокъ убранства и освѣщеніе кажима было одинаково со вчерашнимъ. Одна изъ женщинъ, шаманьша, управляла хоромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ припѣвахъ поминали русскихъ своихъ знакомыхъ, вызывая ихъ дѣлить табакъ, кольца и прочее со всѣмъ тѣмъ, между ними, какъ и вездѣ между женщинами, примѣтна была разладица: то не такъ сидятъ, то бубенъ бьетъ не въ надлежащую мѣру. Предъ началомъ игрушки мужчины въ подпольи пѣли хоромъ: «Что ловы, промысла и торговля худыя, что дѣлить имъ вечѣмъ, и что развѣ пляскою онѣ могутъ

потѣшить своихъ женъ». На это женщины возражали имъ, «что онѣ за раше знали, что мужья ихъ лѣтятъ, только парятся, да трубки курятъ, но ни какъ не ожидали, чтобъ они были такіе сидни, что и на первую вечеринку не припасли ничего для угощенія, что поэтому не лучше ли разойтись всѣмъ спать*». — Мужчины отвѣчали, что отправляются на промыслы, и вслѣдъ за отвѣтомъ появился одинъ изъ подполья. Мимика туземцами приморья доведена до *pes plus ultra*. Плясунъ, одѣтый въ женскую парку, съ продѣтымъ сквозь носовой хрящъ бисеромъ, въ пукляхъ изъ россомашьяго мѣху, въ браслетахъ, съ неподражаемымъ искусствомъ и комизмомъ передразнивалъ женщинъ, какъ тѣ сбиваютъ толкушу, какъ производятъ различныя женскія работы и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развлекаются посторонними предметами. Гости шушукались отъ удовольствія. Наконецъ тотъ, сбросивъ съ себя парку и прочія маскерадныя украшенія, весьма ловко началъ представлять, какъ промышленяютъ макляковъ и какъ перевернувшись справляются съ опрокинутой байдаркой. Угощеніе его заключалось въ цѣломъ варевомъ маклякѣ. Я на свою долю получилъ горло. Другіе представляли охоту за оленями, птицею и прочимъ, и дѣлили бѣлужій жиръ, выдѣланныя маклячьи кишки для камлеекъ, оленьи жилы, подошвы. Одному молодому сиротѣ совершенно не чѣмъ было угощать, онъ вынесъ кондакъ воды, напился и покусился было остатками окатить женщинъ, но былъ тѣмъ остановленъ. Впрочемъ случается, что ловкіе любезники во время дѣлежки изъ спрятаннаго пузырька обливаютъ женщинъ или жиромъ или жидкостью, которую туземцы употребляютъ вмѣсто мыла. На такіе фарсы никто не сердится.

Такъ дикарь сѣвера проводитъ время, ненужное ему для снисканія пищи и одежды. Это же время посвящено имъ на выполнение своихъ религіозныхъ обрядовъ: человекъ сотворенъ съ понятіемъ своей духовности. Нѣтъ ни одного племени на земномъ шарѣ, которое не сознавало бы своего безсмертія. Одинъ раше, другіе позже узнаютъ божественное откровеніе. Туземцы приморья признаютъ верховное существо, сотворившее небо и землю и море; сознаютъ безсмертіе душъ въ поминкахъ своихъ покойниковъ, въ громѣ и другихъ небесныхъ явленіяхъ. Но какъ просвѣщенный міръ преклоняется передъ духомъ истины, такъ они

* Всѣ такія пѣсни — импровизаціи; слова даетъ уставщикъ, прочіе если не поймутъ начального смысла, тявутъ одинъ напѣвъ.

почитають духовъ міроправителейъ. Въ каждой стихіѣ, у каждаго народа онѣ разумѣють особаго главнаго духа. Русскіе и въ мѣстностяхъ и въ путешествіяхъ своихъ оставили замѣтки, что Сѣверо-Американцы поклоняются и призываютъ дьяволовъ. Дьяволъ, какъ духъ тьмы, неизвѣстенъ язычникамъ. Не вѣдая, что внутри насъ бываетъ и адъ и царствіе Божіе, но чувствуя, что человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ встрѣчаетъ чаще помѣхи нежели удачу, туземецъ обращается къ духамъ жизни, или прося ихъ посредства въ своихъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ, или молятъ, чтобъ тѣ не мѣшали ему въ исполненіи предпріятого дѣла, какъ-бы вѣруя, что съ устраненіемъ зла, должно произойти одно доброе, или наконецъ благодарить ихъ какими-нибудь жертвами, но собственно религіи у нихъ не существовало: мы едва имъ предложили откровеніе и всѣмъ оно принято въ простотѣ сердца. Невозможно требовать, чтобъ дикарь сразу постигъ всю высоту почитанія истиннаго Бога; невозможно требовать, чтобъ съ первой проповѣдью слова Божія онъ оставилъ всѣ свои суевѣрія, вѣрованія, обычаи, несвойственные съ духомъ христіанства, но любить Бога и дикарь можетъ. Русь, при Святомъ Владимірѣ, конечно, не была столь же тверда въ вѣрѣ во Христа, какъ въ 1812 году, когда отцы наши грудью отставали престолы Божіи и отечество, или когда католичество тѣсно налегло на вѣрныя православію Малороссію и Бѣлоруссію!.....

Вѣра въ Искупителя посѣлана между туземцами приморья, роски взошли, Царь православія далъ отдаленнѣйшимъ подданнымъ мудраго, неутомимаго вертоградара въ лицѣ преосвященнѣйшаго Иннокентія, плодъ съ упованіемъ предоставимъ самому Домуладыки.

Племена народа Канг-юлтѣ считаютъ посредниками между собою и невѣданнымъ міромъ тунгаконъ или духовидцевъ. Но существуетъ ли истинная связь тунгаконъ съ бесплотными духами, кто на это можетъ сказать утвердительно, «да» или «нѣтъ»? Мнѣ они показались ловкими обманщиками. Сами тунгаконъ не пользуются особеннымъ уваженіемъ, развѣ который изъ нихъ съ качествами духовидца соединяетъ способности искусства торговца или хорошаго промышленника. Тунгаконъ, сверхъ собственнаго духа, генія, называемаго «нхчингаконъ», переманиваетъ къ себѣ духовъ племенныхъ. Такъ многіе изъ нихъ, при заселеніи Русскихъ въ Михайловскомъ редутѣ, хвастались своимъ землякамъ, что вошли въ сношенія съ духомъ Русскихъ, который съ-тѣхъ-поръ почитаетъ-

са сильнѣйшимъ. Духъ жизни, «нальхлюагуиъ», призывается во всѣхъ случаяхъ, а наиболѣе при леченіи: онъ, по мнѣнію туземцевъ, является въ пяти различныхъ видахъ, называемыхъ «нюхта.» Богъ, Творецъ, по-приморски «Нунальюхта», по-квяхпакски и нускоквински «Нуналишта», въ переводѣ — Творецъ міра.

Здѣсь помѣщаю празднества, видѣнные мною у приморскихъ жителей и отправляемыя ими ежегодно въ честь духовъ земли и моря и въ память умершихъ своихъ родственниковъ.

Двадцать-второго октября 1842 года, на жилѣ Агаххлякъ.

По-утру меня увѣдомили, что у туземцевъ будетъ вечеромъ играшка, представленіе дьяволовъ, какъ выразился толмачъ. Съ закатомъ солнца мы отправились въ кажимъ. Мужчины только-что выпарились и принимались разрисовывать другъ у друга на спинѣ различныя фигуры. Двумъ мальчикамъ, по именамъ ихъ, намазевали ворона и ястреба. Въмѣсто краски они употребляли толченый уголь, разведенный на квашенной уринѣ. Когда совершенно смерклося, то намазавъ себѣ окончательно лица, послали насъ къ женщинамъ въ зимники. Минуть десять спустя послышались глухой вой, гуканье, мычанье, и вскорѣ съ тяжкимъ храпѣніемъ встались оборотни, поднимая головы, нюхая и фыркая какъ тюлени. Повстинѣ невозможно-было отличить полной человѣческой фигуры: иной тащился ногами впередъ, другой ползъ вверхъ брюхомъ, голова третьяго выказывалась промежъ ногъ слѣдующаго: всѣ перевились какъ груда змѣй въ зимнее время. Лица выражали зѣбрство. Оборотни хватились за все, но болѣе старались торжешить женщинъ, которымъ предстояло только одно средство, — отпунуться подарками: сидя передъ жирниками, онѣ имѣли при себѣ кондаки, толкуши, бѣлужьяго жиру и другихъ съѣстныхъ принасовъ. Каждому подползающему клали въ калуги, которыя она таскали съ собою. Собравъ дань, ватага духовъ поумалася, разведилася и начала мазать другъ друга *posteriorem*, полученными кушаньями. Дѣти и прежде того забыли свои роли и, чтобъ скорѣе воспользоваться лакомою толкушей, подходили прямо къ матерямъ и сестрамъ. Такія продѣлки производились въ каждомъ зимникѣ минутъ по пятнадцати, потомъ мужчины возвратились въ кажимъ, вымылись и принялись доѣдать остатки. Между ними, во время играшки, находилася дѣвочка лѣтъ тринадцати, дѣвственница, которая ради этой причины и была допущена къ представленію духа.

Изъ путешествія Давыдова * мы видимъ, что онъ не досмо-

* -Путешествіе Хвостова и Давыдова-, часть I, стр. 207.

трѣль подобнаго роду представленія, бывшаго въ обычаѣ у Кадьяковъ. Въ «Запискахъ объ Увалашкинскомъ Отдѣлѣ» * описано также одно изъ игрищъ Алеутовъ, которое производили они до принятія христіанства и прозванное отъ Русскихъ явленіемъ дьяволовъ или злыхъ духовъ. Я обращался къ туземцамъ, прося изъясненія видѣннаго мною представленія, и получилъ въ отвѣтъ: «Почему мы это дѣлаемъ, сами не знаемъ: такъ приняли отъ стариковъ. Женщины представляютъ все наше племя, потому что онѣ рождаютъ и мужчинъ и женщинъ. Подарки или приношенія, которыя онѣ дѣлаютъ, это не намъ, духамъ. Мажемъ posteriorem для того, чтобъ показать изобиліе кормовъ, приобретенныхъ нами въ прошедшее лѣто.»

Годичныя поминки умершихъ, семнадцатаго ноября 1842 года, на жилѣ Агахлякъ.

За день до праздника, въ ближайшихъ жилахъ собрался гости, числомъ до семидесяти человекъ, исключая дѣтей. Въ день игрища справлятели поминковъ ходили на свое кладбище, подновляли памятники и отвесли туда оленью голову съ рогами, нѣсколько крашевыхъ калугъ и другихъ вещей въ память покойниковъ. Вечеру, когда мы пришли, кажимъ былъ полонъ народу, но глубокое молчаніе не нарушалось. По числу поминующихъ семей, вокругъ ямы огня, на сошкахъ, горѣло семь жирниковъ. Дѣйствіе началось тѣмъ, что совершавшіе поминки, мужчины и женщины, одѣтые въ лучшую свою одежду, принесли вещи, назначенныя для раздачи въ память своихъ родственниковъ. Предметы эти состояли въ стрѣлахъ различныхъ видовъ; кишечныхъ камлейкахъ, байдарочныхъ лавтакахъ, веслахъ и обтяжкахъ, ножахъ, топорикахъ, кольцахъ, табакѣ, церелахъ и другихъ туземныхъ рукодѣліяхъ. Каждый поминующій по очереди выкликалъ громогласно того, кому предназначена была вещь и подавалъ ее при общемъ молчаніи. По окончаніи раздачи, празднователи поминковъ раздѣлились на четыре группы по угламъ кажима: одинъ изъ пріѣзжихъ стариковъ съ женщинами-гостями затянулъ на особый голосъ рюмованную пѣсню, нарочно для этого случая составленную шаманшей, совершающей поминки. Голосъ пѣсни былъ заунывный, въ бубны не былъ. Поминатели, не сходя съ мѣста и не приподнимая ногъ, въ тихой, плавной, разиѣренной шавтомимвой пляскѣ представляли души своихъ родственниковъ. Я забылъ на ту пору грубые обычая дикарей, видѣлъ въ нихъ людей и что-то грустное невольно западало въ душу. Послѣ

* «Записка объ Увалашкинскомъ Отдѣлѣ», часть II, стр. 309.

пляски, продолжавшейся съ четверть часа, поминатели вторично удались. Еще черезъ четверть часа весь полъ кажима заставленъ былъ различными яствами: тутъ были горы толкуши, цѣлые варенные макляки, ворохи различной юколы, но чтò особенно обратило мое вниманіе, это были небольшія калужки съ чистой водой и различными кушаньями. Предъ нѣкоторыми изъ поминавоющихъ такихъ калужекъ было до пятнадцати. Вскорѣ все объяснилось. Осмотрясь и найдя въ числѣ присутствующихъ имя одинакое съ умершимъ своимъ родственникомъ, совершающій поминки подавалъ ему калужку воды, тотъ взявъ и обмакнувъ пальцы, три раза стряхивалъ капли всторону въ щель пола, приговаривая тихо: «Пейте, наши умершіе»; потомъ, когда подавали ему другую калужку съ пищей, то взявъ по частицѣ отъ каждаго кушанья, также бросалъ въ подполье, съ приговоромъ: «Примите, умершіе изъ запасовъ нашихъ и помогайте намъ тайно въ слѣдующее лѣто»; послѣ чего началъ ѣсть самъ и подчивать другихъ. Оспа обезлюдила край и малыя калужки наиболѣе подаваемы были дѣтямъ. Умпыно было смотрѣть, съ какимъ попеченіемъ одна женщина ухаживала за едва начинающимъ ходить ребенкомъ. По окончаніи этой церемоніи, началось общее угощеніе изъ большихъ калужъ, потомъ обыкновенная пляска.

Выше мною объяснено, что нѣкоторые при такихъ поминкахъ раздають все свое имѣніе. Случается, что на подобное празднество приглашаютъ гостя, съ самыхъ дальнихъ жилъ, лишь бы онъ носилъ имя поминяемаго; одѣвають его съ ногъ до головы, дарятъ бобрами, выдрами и всѣмъ, чтò ни есть драгоценнѣйшаго для туземцевъ.

Празднество въ честь морскаго духа, «югъякъ», справляется жителями поморья втеченіи цѣлаго мѣсяца. Приготовленіе къ этому празднеству я видѣлъ на жилѣ Агаххлякъ, начало въ Кикхтагукъ, конецъ въ Увалакликъ. Здѣсь представляю сводъ всей игрушки.

Каждый промышленникъ впродолженіи года изъ всякаго животнаго, добытаго исключительно стрѣлкою, старается сохранить пузырь: мать съ заботливостью прячетъ всѣ пузыри куличковъ, мышей и другихъ звѣрьковъ, которые застрѣлены ихъ малолѣтними дѣтьми. Въ началѣ декабря всѣ пузыри надуваются, раскрашиваются различными красками и узорами и вѣшаются въ кажимѣ. Между ними туземцы размѣщаютъ рѣзныя фантастическія фигуры птицъ, звѣрей и рыбъ. Фигуры эти, какъ нѣкоторые автоматы-куклы, поводятъ глазами, киваютъ головой, хлопа-

ють крыльями и прочая что доказываетъ способность туземцевъ къ механическимъ искусствамъ. Предъ ямой огня ставится колъ, обвязанный сухою травою, *Superoïdes*. Во весь день фигуры не оставляются безъ движенія, а вверху послѣ обычной пляски, одинъ изъ туземцевъ беретъ нѣсколько обвитой около кола травы и дымомъ ея окуриваетъ пузыри и фигуры, которыя послѣ того до слѣдующаго утра остаются въ бездѣйствіи и самый колъ отставляется къ сторонѣ. Вечеромъ, въ день настоящаго празднества, послѣ обыкновенной пляски передъ пузырями, они снимаются и несутся мужичками въ нарочно для того приготовленные проруби. Женщины съ зажженными лучинами и поглошительнымъ воемъ имъ сопутствуютъ. Передъ прорубью привязываются къ пузырямъ камни и по опущеніи ихъ въ воду, туземцы прислушиваются и смотрятъ, какъ и съ какою скоростью тѣ пойдутъ ко дну. По пузырькамъ и кругамъ на водѣ замѣчаютъ объ успѣхахъ улова морскихъ звѣрей на слѣдующее лѣто.

Вотъ все, что собственно мнѣ удалось замѣтить изъ религиозныхъ обрядовъ туземцевъ приморья Портонова Залива. Настоящее поколѣніе не помнить и не имѣетъ преданій, что было ихъ основаніемъ.

Народъ, проживающій въ патриархальной простотѣ, не вѣдающій существительныхъ — господинъ и слуга, не можетъ считать себя въ подчиненности у другаго народа, и потому туземцамъ приморья не приходитъ въ голову обсудить, въ зависимости ли они отъ Русскихъ или нѣтъ. Съ 1844 года, нѣкоторые изъ молодежи начали занимать работниковъ въ компанію. Достаточно кратко, отеческаго обращенія управляющихъ редутомъ, чтобы число такихъ охотниковъ умножалось. Нравственное вліяніе укореняется исподоволь. Распространеніе христіанской вѣры послужитъ дѣйствительнѣйшимъ къ тому средствомъ.

Топографическіе матеріалы прибрежья Сѣверо-Западной Америки.

Въ проживаніе мое въ Михайловскомъ редутѣ въ 1840 и 1844 годахъ, я имѣлъ свиданія съ туземцами сѣвернаго берега Портонова Залива и проживающими на островѣ Увивокъ. Нѣкоторые изъ нихъ и въ томъ числѣ Утуктакъ, толмачъ экспедиціи Кашеvaroва, посѣщали прибрежье Ледовитаго Моря до Мыса Барро. Свѣдѣнія, собранныя мною о топографіи того края, съ пользою могутъ послужить руководствомъ тому, кто первый будетъ избранъ для основанія сношеній нашихъ съ племенами, занимающими берега къ сѣверу, отъ послѣдняго нашего заселенія въ

Увазакликъ. Не ручаюсь, что съ показанія туземцевъ, я окончательно вѣрно помѣстилъ мѣста туземныхъ жилищъ, по ихъ географическому положенію, но убѣжденъ опытомъ, что путнику весьма важно знать заранее, въ какомъ многочислѣнствѣ и при какихъ пунктахъ онъ встрѣтитъ туземцевъ: поэтому располагаешь и ходомъ, и провизіею, и бдительностію. Къ сѣверу отъ Коцебу-Зунда я руководствовался картой, составленною туземцемъ Утук-такомъ и провѣренною Кашеваровымъ, во время обзора берега Полярнаго Моря въ 1838 году.

По берегамъ значительнаго полуострова, образуемаго заливами Нортонъ и Коцебу-Зунда, обитаетъ многочисленное племя народа Канг-юмать, называемое отъ южныхъ ихъ соплеменниковъ Малейг-или Налейг-мютами, то есть жителями одѣяльныхъ юртъ. Къ устройству такихъ жилищъ повело безлѣсье прибрежья, но внутри полуострова и особенно въ южной его сторонѣ, сосредѣльной Нортоновой Заливу, растутъ крупный еловый лѣсъ, береза, тополь, осина и кустарниками ольха, различныхъ видовъ тальники, рябина и калина. Тонкая лиственъ, преимущественно употребляемая туземцами на стрѣлки и дротики, составляетъ отрасль мѣнновой торговли между южными и сѣверными Малейг-мютами.

Южная сторона полуострова изобильно орошена небольшими рѣчками, при устьяхъ которыхъ расположены туземныя жилища. Нѣкоторыя изъ нихъ судоходны для байдары: такъ по рѣчкѣ *Икалихвикъ* туземцы, подымаясь до вершины, перетаскиваютъ свои суда въ другую, которая вливается въ глубину залива Кавьякъ: этотъ путь они считаютъ кратчайшимъ и удобѣйшимъ при переходахъ изъ залива Головинна къ Берингову Проливу; въ вершины другихъ рѣчекъ, какъ-то: Квыгук'а и Квынхак'а, туземцы ѣздятъ на байдаркахъ для охоты за оленями и бобрами. Первые при наступленіи осени, возвращаясь отъ сѣвера въ лѣсистыя мѣста, окружающія сѣверо-восточную часть Нортонова Залива, добываются во множествѣ туземцами на плавежахъ, посредствомъ нарочно устраиваемыхъ загородъ, близъ мѣстъ ихъ переправы. Болѣе нежели тысячею шкурами оленей разныхъ сортовъ, Малейг-мюты снабжаютъ жителей средины и низовья Квиш-пака. Море, съ своей стороны, представляетъ имъ изобильныя заловы морскихъ бѣлугъ и моржей, жиръ и шкуры которыхъ, за излишествомъ въ домашнемъ употребленіи, передаются за пушчыя промысла Улукаг-мютамъ и жителямъ южной части Нортонова Залива, по цѣнамъ, которыя показаны мною выше.

Малейг-мюты отличающаея отъ южныхъ своихъ соплеменниковъ особымъ нарѣчіемъ, отличны и наружнымъ видомъ. Охота и торговая дѣятельность развивають въ нихъ тѣлесное сложеніе и умственныя способности, а трудъ и часто опасности, которымъ они подвергаются при плаваніяхъ на своихъ утлыхъ кожаныхъ судахъ, способствуютъ къ пріобрѣтенію ловкости, смѣлости и самоувѣренности. Малейг-мюта ниже средняго роста и не выдалъ. Всѣ быстры въ взглядѣ и движеніяхъ, смѣтливы и любознательны.

Противъ насъ Малейг-мюты питають вражду, зато что мы отстранили ихъ отъ непосредственныхъ сношеній съ Кввхпакомъ. Но если чрезъ правильную торговлю дать имъ средства къ удовлетворенію своихъ нуждъ нашими европейскими произведеніями, то можно быть увѣрену, что въ нихъ мы найдемъ надежнѣйшихъ помощниковъ при собираніи промысловъ отъ туземцевъ, проживающихъ къ сѣверу отъ Берингова Пролива. Я очень сожалѣю, что не могъ принять на себя подробнаго обзору мѣстности, занимаемой этимъ племенемъ, когда одинъ изъ ихъ старшинъ, въ 1842 году, приглашалъ меня посѣтить его на жилѣ Кавьякъ, вызываясь быть туда проводникомъ.

Здѣсь прилагаю, съ нѣкоторыми замѣчаніями, списокъ туземныхъ жилъ по прибрежью къ сѣверу отъ рѣки Уналакликъ до мыса Барро.

1. *Тшахтов-мютъ*, въ губѣ Тшахтоль, мильхъ въ десяти къ сѣверу отъ рѣки Уналакликъ. Жило не многочисленное.
2. *Нуклеть*, на сѣверной сторонѣ перешейка небольшого полуострова, котораго юго-западный мысъ названъ Кукомъ мысъ Дебни. Туземцы обыкновенно перетаскивають свои байлары чрезъ песчаный перешеекъ и тѣмъ избѣгаютъ обхода вокругъ утесистаго мыса.
3. *Танхамикхуаг-мютъ*, большое жилище на восточной сторонѣ Нортонова Залива, при небольшой вдавшея къ сѣверу-востоку бухтѣ; на день хода отъ жила Нуклеть.
4. *Унаштулив-мютъ*, при рѣчкѣ того же имени, лѣтники предъидущаго селенія.
5. *Квыгук-мютъ*, при рѣчкѣ того же имени. Многочислнѣйшее. При осеннемъ переходѣ оленей чрезъ рѣку производится главнѣйшій ихъ промыселъ. Въ двухъ дняхъ ходу на нартахъ отъ жила Нуклеть.
6. *Квыг-мютъ*, при горнохъ ручьѣ того же имени. Одиночка.
7. *Квыгхак-мютъ*, въ самой вершинѣ Нортонова Залива, при рѣчкѣ того же имени, въ одномъ днѣ хода отъ жила Кыгук-мютъ. Посредствомъ удобнаго переноса съ вершины рѣки Кыгхакъ на Куа-

лють, впадающую въ Коцебу-Зундъ въ губу Спафарьева южные Малейг-мюты имѣютъ сообщеніе съ сѣверными. По рѣкѣ поднимаются довольно высоко и на байдаркахъ, и по берегамъ ставятъ загоры для ловли оленей.

8. *Тубустулг-мюта* «Сиговое». Многолюдное. На западной сторонѣ Нортонова Залива.
9. *Атмиле-мюта*, лѣтники того же жила.
10. *Икалихонг-мюта* «Рыбное». Въ глубинѣ Зунда Головинна. Многолюдное, съ этого жила отправляются въ зимнее время главнѣйшіе караваны пушныхъ промысловъ къ заливу Кавьякъ.
11. *Чиниг-мюта*. При входѣ въ Зундъ Головинна, на восточной его сторонѣ. Одиночка туземца Ивана, крещенаго въ Ново-архангельскѣ, въ 1838 году.
12. *Клыгтак-мюта* «Огневое». На западной сторонѣ того же залива. Лѣтники жила Чиниг-мюта.
13. *Чукакъ* «Щучье».
14. *Чай-мюта*.
15. *Укмихтулг-мюта*. } Не многолюдные. По сѣверной сторонѣ Нортонова Залива.
16. *Азагавлег-мюта*, близъ Толстаго Мыса. Многолюдное.
17. *Чигтак-мюта*. Одиночка отъ того же жила.
18. *Азыл-мюта*, на островѣ того же имени. Многолюдное.
19. *Кавьял-мюта* «Лисье» въ глубинѣ залива Кавьякъ. Многолюдное.
20. *Укивоке-мюта*, на островѣ того же имени. Многолюдное.
21. *Ныхтаг-мюта*, на Мысѣ Принца Валлійскаго. Лѣтники послѣдующаго жила.
22. *Имаклите-мюта*, на главномъ островѣ Святаго Диомида, лѣтники послѣдующаго жила.
23. *Тантак-мюта*, на среднѣ между Мысомъ Принца Валлійскаго и губою Шншмарева. Одно изъ главнѣйшихъ жилъ.
24. *Кубовъ*, при рѣчкѣ того же имени. Въ западной части Коцебу Зунда. Жило не многолюдное.
25. *Буалюг-мюта*. Коцебу-Зунда, въ губѣ Спафарьева, при рѣчкѣ того же имени. Многолюдное. Туземцы этого жила вырѣзали у К. Бичи, осемь человекъ гребцовъ, за что онъ выместилъ на соплеменникахъ ихъ, разореніемъ Кавьяка. Мы убили у нихъ одного старшину, при покушеніи Азыл-мютовъ истребить Михайловскій редутъ, въ 1836. Слѣдствіи крѣбра Клиновскаго одолжены жизнью людей со шлюпки Россійской Американской Компаніи брига «Полифентъ», посланныхъ за водою на устьѣ рѣки, во время пребыванія брига въ Коцебу-Зундѣ, въ 1838 году.
26. *Камык-мюта*. Многолюдное. По рѣчкѣ того же имени, названной Т. LXXXIII. — Отд. III.

капитаномъ Бичи, «рѣкою Букланда», и извѣстной у Инкиликовъ, проживающихъ по рѣкѣ Юнна-ка, подъ именемъ Коцохотона.

27. *Чилманкъ*, по рѣкѣ того же имени. Многолюдное. Устье рѣки, значительной по словамъ туземцевъ, означено на картѣ капитана Бичи, «не изслѣдовано», туземцы рѣки Юнна-ка называютъ ее Тыше-кахотана, и сказываютъ, что въ вершинѣ ея проживающіе нѣ соплеменники передаютъ свои промыслы прииорскимъ жителямъ.
28. *Кубокъ*, при рѣкѣ того же имени, не многолюдное.
29. *Кикизта-юкъ*. На сѣверной сторонѣ полуострова Хориса. Многолюдное. Съ туземцами имѣлъ сообщеніе бригъ «Полюкъ», въ 1838 году.
30. *Кисуалина-ютъ*, при рѣкѣ того же имени, близъ мыса Гопъ, довольно многолюдное.
31. *Тыгиллакъ*, многолюднѣйшее близъ мыса Лизбургъ.
32. *Утукак-ютъ* при рѣкѣ того же имени. Въ широтѣ 70° • лѣтники.
33. *Калкин-виль*. Многолюдное, на сѣверной сторонѣ Ледяга Мыса.
34. *Кыллямита-земль* въ широтѣ 70°, 33'. Не многолюдное.
35. *Кыль* или *Атыныкъ*, не большое у мыса Бельчеръ.
36. *Камаликъ*. У Ледяга Мыса, многолюдное **.
37. *Уткеевиль*. У мыса Ситъ многолюдное.
38. *Нузум-ютъ*, на восточной сторонѣ мыса Барро.

* Отъ этого жила, для точнѣйшаго ихъ опредѣленія я сообразовался съ экстрактомъ журнала господина Кашеварова, помѣщеннымъ въ январской книжкѣ Сына Отечества за 1840 годъ, и самыя названія туземныхъ жилищъ оставлены по орографіи такъ, какъ были нѣ передавы Малейг-мютомъ Утукакомъ, находившимся толмачомъ при его экспедиціи. Весьма сожалѣю, что поздно спохватился собраніемъ переводныхъ значеній туземныхъ прозвищъ, которыя, какъ видно, часто могутъ служить къ поясненію мѣстности края.

** Объ этомъ селеніи господинъ Кашеваровъ не упоминаетъ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ и ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ ДѢЙСТВИЕМЪ ПАРОВЪ ЭИРА НА ЖИВОТНЫЙ
ОРГАНИЗМЪ,

ПРОФЕССОРА ПИРОВОА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Мнѣ остается теперь изложить результаты моихъ наблюдений надъ механизмомъ дѣйствія паровъ эира на животную экономію, но считаю нужнымъ прежде подробно описать опыты, произведенные мною съ этою цѣлью надъ живыми животными. Быть можетъ, нѣкоторые изъ моихъ читателей найдутъ такое изложеніе предмета слишкомъ многословнымъ, но подробнымъ описаніемъ моихъ опытовъ я хочу доказать, что не имѣю ни какого предубѣжденія къ тому или другому мнѣнію о дѣйствіяхъ эира. Сверхъ-того извѣстно, что опыты надъ животными не доставляютъ обыкновенно ясныхъ и удобообъяснимыхъ результатовъ: при каждомъ опытѣ замѣчаются различныя явленія, не рѣдко противорѣчащія одно другому, и потому наблюдатель, обращающій свое вниманіе исключительно на одни результаты, легко можетъ впасть въ заблужденіе, особенно если онъ имѣетъ въ виду подтвердить опытомъ одну изъ любимыхъ своихъ идей. Поэтому я хочу

описать всѣ свои опыты, одинъ за другимъ, и изъ нихъ уже выведу заключенія.

1. Опыты надъ мѣстнымъ дѣйствіемъ эвира на нервную ткань.

Опытъ первый. У собаки средней величины я обнажилъ подкрыльцевый нервъ: гальванизмъ и механическое раздраженіе нерва произвели сильныя судороги и боль.

Къ обнаженному нерву я приложилъ губку, напитанную эвиромъ: гальваническій токъ сталъ дѣйствовать на этотъ нервъ слабѣе, а механическое раздраженіе вовсе перестало оказывать на него свое вліяніе.

Я обнажилъ у этой же собаки спинной мозгъ: самое легкое механическое раздраженіе задняго пучка производило судороги. Отъ прикосновенія проволокъ гальваническаго прибора просто къ твердой мозговой оболочкѣ произошли сильнѣйшія судороги.

Я перерѣзалъ поперечно, почти по срединѣ, спинной мозгъ.

Нижній конецъ перерѣзаннаго спиннаго мозга. Дѣйствіе гальваническаго тока произвело въ заднихъ пучкахъ судороги безъ боли, въ переднихъ сильнѣйшія судороги.

Верхній конецъ. Механическое и гальваническое раздраженіе произвели въ заднихъ пучкахъ судороги и боль; въ переднихъ, только судороги. При повтореніи опыта обнаружился тѣ же явленія.

Послѣ смачиванія спиннаго мозга губкою съ эвиромъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, я замѣтилъ въ нижнемъ концѣ, что при механическомъ раздраженіи заднихъ пучковъ, судороги были слабѣе. Механическое раздраженіе произвело въ переднихъ пучкахъ судороги болѣе сильныя, нежели въ заднихъ. Гальваническое раздраженіе заднихъ и переднихъ пучковъ произвело судороги такія же сильныя какъ и до употребленія эвира.

Верхній конецъ. Механическое раздраженіе заднихъ и переднихъ пучковъ не произвело ни судорогъ, ни боли.

Гальваническое раздраженіе заднихъ и переднихъ пучковъ производитъ въ нихъ тѣ же явленія какъ и до употребленія эвира.

Я вскрылъ дыхательное горло и заставилъ животное вдыхать эвиръ черезъ сдѣланную въ горлѣ рану: наркотизмъ, расширеніе зрачка, автоматическія движенія. Гальваническое раздраженіе спиннаго мозга произвело судороги; отъ механическаго раздраженія судороги были слабѣе. Животное чувствительно къ раздраженію гальванизмомъ; механическія раздраженія тоже вызы-

вали нѣсколько судорогъ. Я повторилъ этотъ опытъ: результаты были такіе же.

Опытъ второй. У собаки средней же величины я обнажилъ спинной мозгъ, вскрылъ твердую оболочку, впрыснулъ подъ нее около ста сорока пяти гранъ зэпру: жидкость вспузырилась и выступила наружу. Я впрыснулъ еще около двухсотъ девяноста гранъ зэпру: животное околѣло, какъ-будто пораженное молніею, безъ судорогъ. Біеніе сердца продолжалось еще нѣсколько минутъ по вскрытіи грудной полости.

Гальванизация спиннаго мозга не произвела судорогъ, хотя раздражительность мышцъ была еще весьма значительна; въ сердцѣ однако жъ раздражительность совершенно исчезла. Заднюю часть легкихъ я нашелъ покрытою темными пятнами: подъ легочною плевою — воздушную опухоль (emphysema) въ видѣ маленькихъ пузырьковъ.

Опытъ третій. Маленькая собачка. Я обнажилъ у ней спинной мозгъ и впрыснулъ три четверти малаго сѣюпа воды въ полость твердой оболочки: животное впало въ сопорозное состояніе, зрачекъ расширился, переднія окопечности спазмодически вытянулись; но черезъ нѣсколько времени оно оправилось. Два впрыскиванія зэпру (нѣсколько болѣе девяноста-пяти гранъ) сначала не произвели особенныхъ явленій, потомъ обнаружилось глубокое сопорозное состояніе. Во все продолженіе опыта (и даже послѣ смерти) спинной мозгъ оставался воспріимчивымъ къ гальваническому раздраженію. Я обнажилъ подкрыльцевый нервъ, приложилъ къ нему губку напѣтанную зэпромъ: нервъ потерялъ воспріимчивость къ механическимъ раздраженіямъ, но сохранилъ ее къ гальванизму. Пониже мѣста смоченнаго зэпромъ нервъ оставался воспріимчивъ и къ механическимъ раздраженіямъ. По вскрытіи я нашелъ буро-зеленоватыя пятна въ легкихъ, а въ правомъ сердцѣ кровь, содержащую въ себѣ зэпрный газъ (въ видѣ пузырей); кровь вообще была жидка. Я повторилъ опытъ, результаты были тѣ же.

Опытъ четвертый. Я обнажилъ луковицу обонятельнаго нерва (bulbus olfactorius), разрѣзалъ пазуху твердой оболочки мозга у маленькой собачки, она была чрезвычайно чувствительна; при самомъ осторожномъ дотрогиваніи до нерва дѣлались судороги и крикъ. Мѣстное приложеніе зэпра къ обнаженному нерву въ продолженіи пятнадцати и шестнадцати минутъ съ разставками не произвело безчувственности: собака часто и сильно вздрагивала, бѣгала по комнатѣ, отъ времени до времени тер-

лась носомъ о полъ; спотыкалась передними ногами, потеряла голосъ; щипаніе и укальваніе пальцевъ не вызывало у ней криковъ, но боль обнаруживалась другими признаками. Она совершенно потеряла обоняніе; самыя острыя пахучія вещества, какъ-то дымъ табуку и сѣры, не производили на нее ни какого дѣйствія. Вдыханіе эонра чрезъ рану дыхательнаго горла произвело усыпленіе и расширеніе зрачка. Я обнажилъ у ней спинной мозгъ, и не нашелъ въ немъ ни малѣйшей воспримчивости къ механическимъ раздраженіямъ, исключая двухъ, трехъ легкихъ сокращеній въ мышцахъ; воспримчивость къ гальваническимъ раздраженіямъ сохранилась какъ и прежде. По прекращеніи вдыханій эонра воспримчивость вполнѣ возвратилась. *Вскрытіе*: легкія какъ въ третьемъ опытѣ.

Опытъ пятый. Большая собака вдыхала эонръ (впродолженіи двухъ минутъ) чрезъ разрѣзъ въ дыхательномъ горлѣ; у ней сдѣлалось расширеніе зрачка; судорожныя автоматическія движенія. По истеченіи четырехъ минутъ я обнажилъ сѣдалищный нервъ (n. ischiaticus): онъ совершенно утратилъ чувствительность; но отъ механическихъ раздраженій происходили судороги; я намочилъ нервъ эонромъ и чрезъ нѣсколько мгновеній судороги прекратились. Я обнажилъ подкрыльцевый нервъ, онъ былъ нечувствителенъ, но судороги продолжались во все время вдыханія эонра. Я отнял приборъ отъ дыхательнаго горла. Дыханіе было весьма ускорено: скоростью оно превышало число ударовъ сердца; зрачекъ былъ суженъ съ той стороны, на которой вначалѣ опыта была сдѣлана перевязка сонной артеріи, съ другой зрачекъ былъ расширенъ; трясеніе тѣла, сильная жажда, онемѣніе задней ноги, въ которой былъ обнаруженъ нервъ.

Опытъ шестой. Я обнажилъ у кролика лѣвое полушаріе мозга, прикладывалъ къ нему эонръ помощью губки втеченіи двѣнадцати и пятнадцати минутъ: явленій одурѣнія не было, но каждый разъ при обливаніи губки эонромъ являлись признаки раздраженія: животное прыгало и старалось уйти; черезъ полчаса, животное совершенно оправилось, мозгъ нѣсколько разбухъ и выдался изъ раны. Губку напитанную эонромъ я приложилъ къ мозгу на столько же времени какъ и прежде: животное стало вполнѣ безчувственно, дыханіе сильно пахло эонромъ; вскорѣ животное оправилось; видны были признаки сильнаго раздраженія. Бѣгая изъ угла въ уголъ по комнатѣ, животное прожило сорокъ осемь часовъ.

Опытъ седьмой. Небольшая собака. Я вскрылъ у ней ды-

хательное горло, ээпировала ее чрезъ эту рану: она совершенно потеряла чувствительность. Я обнажилъ подкрыльцевый нервъ и спинный мозгъ: она не обнаруживала боли. Механическое раздраженіе твердой мозговой оболочки и заднихъ пучковъ спиннаго мозга производило судороги. Послѣ мѣстнаго приложенія ээпра къ спинному мозгу впродолженіи трехъ — четырехъ минутъ, механическое раздраженіе ээпированной части, глубокіе проколы и даже поперечный разрѣзь этой части спиннаго мозга не произвели судорогъ; отъ слабого гальваническаго тока также не было судорогъ; отъ сильнаго гальваническаго тока произошли сильныя судороги. Разсматривая чрезъ микроскопъ, шарики крови и волокна спиннаго мозга, подвергнутые дѣйствию ээпра, я не нашелъ въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія. Отъ введенія ээпрныхъ паровъ подъ твердую мозговую оболочку, собака околѣла съ быстротою молніи.

Опытъ осьмой. Я обнажилъ у маленькой собачки спинный мозгъ: дотрогиваніе къ заднимъ пучкамъ произвело боль безъ судорогъ. Я разрѣзалъ твердую оболочку и впрыснулъ ээпръ въ ея полость; животное очень скоро впало въ усыпленіе и безчувствіе, дыханіе не пахло ээпромъ. Когда животное пришло въ себя, то явились судороги, безпокойство, безпрестанныя движенія тѣла, постоянный стоиъ, дрожаніе всего тѣла. Безчувственность въ нѣкоторой степени осталась.

II. Опытъ надъ дѣйствиемъ ээпра, внесеннаго въ массу крови.

Опытъ девятый. Я взялъ весьма раздражительную собаку, впрыснулъ около одной драхмы ээпру въ периферическій конецъ бедренной артеріи: впродолженіи нѣсколькихъ мгновеній животное сильно кричало. Я обнажилъ бедренный и сѣдалищный нервы: они были чрезвычайно воспримчивы къ механическимъ раздраженіямъ. Мѣстное употребленіе ээпра впродолженіи нѣсколькихъ минутъ совершенно уничтожило въ этихъ нервахъ чувствительность къ механическимъ раздраженіямъ. Я сильно сдавилъ эти нервы пинцетомъ: чувствительности не было въ нижней части ээпированнаго нерва, даже въ пальцахъ ногъ. Гальваническій токъ, направленный на нервъ поперечно, произвелъ судороги; при гальванизированіи части нерва, раздавленной пинцетомъ, животное очень кричало. Чувствительность выше ээпированнаго мѣста въ нервѣ сохранилась. Я повторилъ этотъ опытъ надъ сѣдалищнымъ нервомъ другой стороны — тѣ же результаты: потеря чувствитель-

ности; судороги отъ раздраженія гальванизмомъ; часть нерва, лежащая выше ээированнаго мѣста, сохранила чувствительность. Я впрыснулъ чайную ложечку ээиру въ верхній (головной) конецъ сонной артеріи: животное пронзительно закричало, у него сдѣлался столбнякъ (*opisthotonus*), голова при конвульсіяхъ одной стороны откинулась въ противоположную сторону; зрачекъ былъ неподвиженъ; одинъ глазъ покосился внизъ; отъ каждаго прикосновенія судороги усиливались; сердце билось скоро; чувствительность въ сдѣланнымъ нервѣ сохранилась; глазъ на той сторонѣ, гдѣ я обнажилъ и перевязалъ сонную артерію, былъ неподвиженъ; конечности этой стороны также окоченились и сдѣлались мѣтѣ чувствительны; чувствительность къ раздраженію гальванизмомъ продолжалась.

Опытъ десятый. У собаки средней величины мы обнажили грудную часть спиннаго мозга: при самомъ осторожномъ прикосновеніи къ твердой оболочкѣ и задней части спиннаго мозга происходили судороги безъ крику. Отъ сильнаго раздраженія этихъ же частей гальванизмомъ (положительный полюсъ былъ приложенъ къ верхнему концу нерва) — судороги и крикъ. Отъ выриванія ээиру въ центральный конецъ яремной вены зрачекъ расширился. Гальванизмъ, направленный на передніе пучки спиннаго мозга, вызывалъ сильныя судороги безъ боли; но въ то же мгновеніе животное околѣло. При *вскрытіи* я нашелъ, правое сердце сильно раздутое ээирнымъ газомъ, кровь створоженную, легкія покрытыя темными экхимотическими пятнами; воздушную опухоль въ видѣ маленькихъ пузырьковъ подъ легочною плевою. При дотрогиваніи какъ къ переднимъ такъ и къ заднимъ пучкамъ обѣихъ концовъ перерѣзаннаго спиннаго мозга происходили сильныя судороги.

Опытъ одиннадцатый. На собаку средней величины, вдыханіе ээира (изъ аппарата) долгое время не производило дѣйствія; я вскрылъ у ней дыхательное горло и заставилъ ее вдыхать ээиръ: тотчасъ произошло усыпленіе, и нечувствительность къ механическимъ раздраженіямъ. Сильное раздраженіе обнаженнаго спиннаго мозга (ножъ глубоко проникалъ въ его массу) не причинило ни малѣйшихъ судорогъ. Гальванизированіе переднихъ и заднихъ пучковъ сопровождалось судорогами и крикомъ. Впрыскиваніе ээиру (около полудрагмы) въ верхній конецъ лѣвой сонной артеріи причинило смерть съ быстротою молніи, безъ судорогъ. Біеніе сердца продолжалось еще нѣсколько минутъ. По

вскрытіи, въ кровеносныхъ сосудахъ мозга оказалось нѣскольکو пузырьковъ газу; гипереміи не было.

Опытъ двѣнадцатый, надъ большою собакою. Введеніе съ большою осторожностію паровъ эофра въ центральный конецъ бедренной вены сопровождалось особеннымъ шумомъ; послѣдовало одурѣніе и безчувствіе; когда животное пришло въ себя, то начало издавать особенный тоскливый, пронзительный крикъ и дѣлать движенія, какія обыкновенно замѣчаются при стѣсненіи дыханія. Животное не кричало при разсѣченіи дыхательнаго горла (*tracheotomia*). Впрыскиваніе эофра (три четверти малаго сифона) въ дыхательное горло произвело внезапную смерть. *При вскрытіи* я нашелъ маленькія изліянія крови (экхимотическія пятна) въ легкихъ; въ сердцѣ не было эофраго пару.

Опытъ тринадцатый. Собака средней величины. Я ввелъ пары эофра въ желудокъ; безчувствія не замѣтилъ, хотя собака, судя по походкѣ и взору, была совершенно пьяна. Введеніе паровъ эофра въ бедренную вену, съ большою осторожностію, сопровождалось также особеннымъ шумомъ и пронзительнымъ крикомъ, выражающимъ внутреннюю тоску; дыханіе пахло эопромъ, зрачекъ расширился. Не смотря на то, что пары эофра были впускаемы въ вену долгое время, чувствительность не уничтожилась: крики продолжались; животное шаталось стоя на ногахъ; мало по малу оно однакожъ совершенно оправилось.

Опытъ четырнадцатый. Такая же собака. Надъ нею я повторилъ опытъ тринадцатый: тотъ же пронзительный, тоскливый крикъ; дыханіе пахнетъ эопромъ; расширеніе зрачка; безчувствіе, однакожъ безъ прекращенія отраженныхъ движеній. Вслѣдствіе случайной остановки эофрования, оттого что трубочка была нечаянно извлечена изъ вены наружу, возстановилась чувствительность. Я повторилъ опытъ: результатъ былъ тотъ же. Послѣ этого трубочка была нечаянно облита горячею водою: собака издала сильнѣйшій тоскливый крикъ. Послѣ опыта у собаки — шаткая походка; умноженное теченіе слюны. Животное оправилось.

Опытъ пятнадцатый надъ маленькою собачкою. Введеніе паровъ эофра Эj—Эjј посредствомъ сифона, облитаго горячею водою, въ бедренную вѣну: производитъ весьма быструю смерть съ сильнымъ расширеніемъ зрачка; *при вскрытіи* я нашелъ: пары эофра въ видѣ газа въ правомъ сердцѣ; правое сердце содержитъ черную, лѣвое алую кровь; на легкихъ темно-фіолетовыя пятна.

Опытъ шестнадцатый. Я ввелъ пары эофра (почти цѣлый

сифовъ) тѣмъ же способомъ въ бедренную вену теленка. Пары, вѣроятно, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ жидкаго эоэра, съ шумомъ, сами собою, безъ давленія на поршень, вступаютъ въ кровь: дыханіе мгновенно получаетъ запахъ эоэра, животное впадаетъ въ безчувствіе и издаетъ тоскливый крикъ. Расширеніе зрачка, судороги, смерть. Въ трупѣ найдены: эххимотическія пятна на легкихъ; задняя ихъ поверхность темнаго цвѣту; въ правомъ сердцѣ нѣтъ паровъ эоэра, а одна жидкая кровь.

Опытъ семнадцатый. Я ввелъ трубку прибора въ центральный конецъ бедренной вены; пары эоэра были смѣшанны съ воздухомъ; чрезъ десять минутъ животное околѣло. Изъ праваго сердца, по вскрытіи его подъ водою, поднимались пузыри эоэрныхъ паровъ; кровь не была створожена, долгое время оставалась жидкою; въ легкомъ — апоплектическія крововизліянія и пятна; пузыри эоэрныхъ паровъ въ печеночной венѣ и въ поверхностныхъ венахъ покрововъ. Я повторилъ этотъ опытъ, но употребилъ трубочку, закрытую тонкою перепонкой, приготовленною изъ брыжейки собаки; результатъ тотъ же, смерть однакоже медленнѣе; можетъ быть, потому что кожа была нѣсколько разорвана. Употребленная трубочка была тонѣ нежели въ предыдущемъ опытѣ.

Опытъ осьмнадцатый. Я вставилъ тонкую трубочку въ периферическій конецъ бедренной артерій; вприснулъ отчасти жидкій эоэръ, отчасти пары эоэра: у животнаго сдѣлалась сильная боль, безпокойство, околѣлость, потеря чувствительности въ ногѣ съ этой стороны и мѣстныя сокращенія мышцъ въ видѣ поперечныхъ морщинъ. Дыханіе пахло эоэромъ; только послѣ вырыскиванія третьяго сифона появилась совершенная потеря чувствительности въ другихъ частяхъ тѣла: расширеніе зрачка; впрочемъ не было полнаго безчувствія. Въ трупѣ найдены: отекъ легкаго съ черными пятнами; оба сердца наполнены свернушеюся кровью, которая не содержала въ себѣ газу; мышцы конечности, служившей для опыта, напхты кровью, цвѣтомъ темнѣе другихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть крововизліянія въ клетчатую ткань.

Опытъ девятнадцатый. Черезъ периферическій конецъ правой сонной артерій, у большой собаки я ввелъ смѣшанные пополамъ съ воздухомъ 90 гранъ эоэра, превращеннаго въ паръ. Кровь, выходя изъ трубки наружу, воспрепятствовала поступленію эоэра въ артерію; около минуты спустя, животное тоскливо закричало; зрачки у него расширились, члены вытянулись, дыха-

ніе пресѣлось. Смерть, угрожавшая собакѣ, была отвращена отплатіемъ трубки, выпусченіемъ большаго количества крови изъ артерій и холодными обливаніями; животное мало по малу оправилось; появились автоматическія движенія, какъ при плаваніи; крикъ и стоны продолжались цѣлый часъ. Животное лежало постоянно на одномъ боку; слабость и сонливость продолжались на другой день.

Опытъ двадцатый. Большая собака, въ кровь которой, чрезъ стволъ воротной вены, я ввелъ пары зэпра, очень скоро околѣла. Явленія, предшествовавшія смерти, были такія же какъ и при смерти другой собаки, въ которую пары зэпра были введены черезъ бедренную вену. Въ крови нижней полой вены и правой вѣтви воротной я нашелъ множество пузырьковъ; правое сердце было растянуто кровью и парами зэпра; легкія усыяны бурозеленоватыми пятнами.

Опытъ двадцать-первый. Въ стволъ воротной вены небольшой собаки я ввелъ пары зэпра: собака мало тревожилась; не издавала тоскливаго крика; въ дыханіи былъ слышенъ сильный запахъ зэпра; чувствительность совершенно утратилась. Я зашилъ отверстіе брюшной полости; черезъ полчаса чувствительность возстановилась. Животное было убито посредствомъ вскрытія грудной полости. Въ легкіхъ представлялись обыкновенныя измѣненія: въ печени найдены темныя пятна.

III. Опыты надъ дѣйствіемъ вдохнутыхъ паровъ зэпра, при перерѣзанномъ и при неповрежденномъ состояніи десятой пары нервовъ.

Опытъ двадцать-второй я произвелъ надъ большою собакою, которая была употреблена для пятаго опыта. Животное было усталое и ослабѣвшее; оно не кричало при обнаженіи блуждающихъ нервовъ; при гальванизированіи этихъ нервовъ сдѣлались судороги въ зѣвѣ, въ груди и во всей верхней части тѣла. Я перерѣзалъ у ней оба блуждающіе нерва и заставилъ ее вдыхать зэпръ чрезъ разрѣзъ, сдѣланный предварительно въ дыхательномъ горлѣ, въ продолженіи трехъ четвертей часа (зэпръ подливали три раза); я обнажилъ сѣдалпщный и крыльцевый нервы: они сохраняли свою чувствительность; у собаки сдѣлались жестокіе припадки одышки почти до задушенія, наконецъ, — потеря чувствительности; я прекратилъ вдыханіе зэпра и холодными обливаніями не могъ уже исполнѣ возстановить чувствительности. Раздраженіе гальванизмомъ продолжало дѣйствовать на мышцы.

Опытъ двадцать-третій. У большой собаки были обнажены блуждающіе нервы: при гальванизированіи ихъ появились судороги въ зѣбѣ, какъ въ предъидущемъ опытѣ. Я разрѣзалъ дыхательное горло; перерѣзалъ блуждающіе нервы и заставилъ животное вдыхать эфиръ помощью большого прибора: весьма быстро послѣдовала смерть. — *Вскрытіе* обнаружило большія темныя пятна отъ кровоизліянія на поверхности нижней доли праваго легкаго. Отъ раздраженія гальванизмомъ нижняго конца блуждающаго нерва показались спазмы въ правомъ предсердіи въ двухъ мѣстахъ, въ ушкѣ и на основаніи; при гальванизированіи другаго блуждающаго нерва не было спазмовъ, отъ гальванизированія предсердія произошло сокращеніе ушка.

Опытъ двадцать-четвертый. Небольшая собака вдыхала эфиръ съ роздыхомъ чрезъ разрѣзъ въ дыхательномъ горлѣ: она пришла въ бѣшенство; зрачки весьма сильно расширились; я замѣтилъ совершенную потерю чувствительности какъ при раздраженіи крыльцеваго нерва, такъ и при различныхъ раздраженіяхъ пальцевъ. Я перерѣзалъ блуждающіе нервы — припадки одышки: животное безпрестанно раскрывало ротъ, чтобы втянуть въ себя воздухъ. Вліяніе эфира замѣтно развивалось: появилось сокращеніе зрачка, судорожный поворотъ головы на-право; но чувствительность сохранилась, даже въ первое время была возвышена; послѣ каждаго раздраженія дыханіе вдругъ ускорялось и животное издавало особенный крикъ. Лѣвая сторона казалась чувствительнѣе правой. Судорожные припадки исчезли совершенно. Животное оставалось въ томъ же состояніи, какъ и до употребленія эфира. Вдыханіе эфира продолжалось цѣлый часъ: смерть, черезъ двѣнадцать часовъ. При *вскрытіи* я нашелъ нѣсколько темныхъ пятенъ отъ кровоизліянія (*ecchymoses*) на нижнемъ краю нижней доли лѣваго легкаго; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воздушныя опухоли. Кровь была жидка какъ въ правомъ, такъ и въ лѣвомъ сердцѣ; не было и слѣда сгущенія. Желудокъ былъ пустъ, мозгъ казался болѣе малокровнымъ, нежели переполненнымъ кровью.

Опытъ двадцать-пятый. Большая сильная собака, у которой я разрѣзалъ дыхательное горло, въ продолженіи двадцати минутъ съ разстановкамъ вдыхала эфиръ: у ней произошли сильныя автоматическія движенія; расширеніе зрачка; но не было полной потери чувствительности, особенно при раздраженіи мышцы сжимающей задній проходъ (*sphincter ani*). Я отнял при-

боръ: дыханіе было весьма ускоренное. Я далъ отдохнуть животному, потомъ вприснулъ (два съ половиною малыхъ сифона) эоира въ дыхательное горло, частью прямо, частью посредствомъ трубки: зрачки расширились, появилось сильное безпокойство, кажущаяся потеря чувствительности; кровь взятая изъ крыльцевой артеріи была темная, почти черная. Животное скоро пришло въ себя. Я перерѣзалъ бродящіе нервы, оставивъ трубку прибора въ дыхательномъ горлѣ; сдѣлался сильный припадокъ одышкой почти до задушенія; животное съ силою извергло большое количество слизи изъ дыхательнаго горла; опасность задушенія. Я вырѣзалъ кусокъ передней стѣнки дыхательнаго горла: животное медленно оправилось, но начало кашлять. Я вприснулъ два сифона эоира въ дыхательное горло: животное каждый разъ падало на бокъ, приходило въ безчувствіе, зрачекъ расширялся; чувствительность утрачивалась; каждый разъ животное быстро приходило въ себя; зрачки сильно суживались и чувствительность весьма скоро восстанавливалась. Собака умерла около десяти часовъ спустя. *Вскрытіе:* оба легкія были переполнены кровью, правое покрыто темными пятнами различной величины и формы; лѣвое — пятнами буро-зеленоватого-цвѣта; внутренняя поверхность дыхательнаго горла представляла красноту (въ видѣ точекъ и полосокъ), и была покрыта красноватою слизью; нѣсколько темныхъ пятенъ отъ прилива крови на нижней поверхности печени; мозгъ переполненъ кровью. Скопленіе черной свернувшейся крови въ томъ и другомъ сердцѣ, особенно въ правомъ.

Опытъ двадцать-шестой. Небольшая собака вдыхала эоиръ чрезъ разрѣзъ въ дыхательномъ горлѣ: весьма быстрое дѣйствіе эоира сопровождалось расширеніемъ зрачковъ и совершенною потерею чувствительности. Я перерѣзалъ бродящіе нервы: сильныхъ припадокъ удушья не было. Новое вдыханіе эоира: зрачекъ расширился, чувствительность вскорѣ потерялась; судороги. Несмотря на продолжительное вдыханіе эоира, мышца сжимающая задній проходъ сокращалась при каждомъ раздраженіи.

Опытъ двадцать-седьмой. У большой крѣпкой собаки я обнажилъ подкрыльцевый нервъ и намочилъ его жидкимъ амміакомъ: сдѣлались сильныя боли; притупленіе чувствительности наступило только послѣ продолжительнаго употребленія амміака; и продолжалось менѣе нежели при намачиваніи эоиромъ нерва на другой сторонѣ, гдѣ оно притомъ и наступило быстрѣе. Вдыханіе

эяра чрезъ разрѣзъ дыхательнаго горла почти впродолженіи минуты не произвело дѣйствія. Я впрыснулъ эяръ въ дыхательное горло (одинъ сиѳонъ) зрачки расширились; чувствительность прекратилась. Я перерѣзалъ блуждающіе нервы; впрыснулъ эяръ по-прежнему: дѣйствіе было тоже. Я впрыснулъ разведенный водою аміакъ въ поздри животнаго: припадокъ бѣшенства; зрачекъ оставался расширеннымъ.

Опытъ двадцать-осьмой. У небольшой величины беременной суки, вдыхавшей эяръ, сдѣлалось расширение зрачка; безчувствіе, автоматическія движенія (передняя нога поднялась на головѣ). Когда автоматическія движенія прекратились, я сдѣлалъ цезарское сѣченіе и вынулъ четыре выношенныхъ зародыша; вскрылъ грудную полость у всѣхъ четырехъ зародышей: сердца ихъ не бились, равнымъ образомъ не было біенія въ трубкахъ пуповинъ; не было также движеній въ тѣлѣ, впрочемъ нигдѣ въ системѣ кровеносныхъ трубокъ не замѣчалось сильнаго накопленія крови.

Опытъ двадцать-девятый. У небольшой собаки я обнажилъ грудную часть спиннаго мозга: дотрогиваніе пинцетомъ до обнаженнаго нервнаго узла заднаго корешка произвело судороги въ окружающихъ мышцахъ безъ малѣйшаго обнаруженія боли. Я вскрылъ твердую оболочку, смочилъ обнаженный спинной мозгъ растворомъ стрихнина (gr. β cum amyl. gr. v) посредствомъ губки: тотчасъ появились судороги въ близлежащихъ мышцахъ; полминуты спустя сдѣлались припадки столбняка, протягиваніе конечностей, особенно заднихъ, сведеніе челюстей. Я употребилъ вдыханіе эяра чрезъ дыхательное горло въ одно время съ введеніемъ эярныхъ паровъ чрезъ прямую кишку и мѣстнымъ смачиваніемъ спиннаго мозга эяромъ: появились признаки дѣйствія эяра: расширение зрачка; потеря чувствительности: но я не замѣтилъ очевиднаго вліянія его на появленіе судорогъ, исключая того что каждый разъ послѣ внесенія паровъ эяра въ прямую кишку судороги дѣлались сильнѣе. Спустя полчаса послѣ этого онѣ еще продолжались и были особенно сильны въ заднихъ конечностяхъ. Нечувствительность также продолжалась. По перерѣзаніи спиннаго мозга, судороги скорѣе ослабли, нежели усилились; раздраженіе спиннаго мозга усиливало ихъ. Смерть. Въ легкомъ, какъ обыкновенно, нашлись пятна отъ кровоизліянія (ecchymoses). Внутренности грудной и брюшной полости и моча не пахли эяромъ.

Опытъ тридцатый. У большой собаки былъ обнаженъ спин-

ной мозгъ; быстрое усыпленіе послѣдовало отъ вырыскиванія эоира въ дыхательное горло. Къ спинному мозгу я приложилъ растворъ полуграна стрихнина: когда животное пришло въ себя, то явились легкія судороги въ заднихъ конечностяхъ. *Вскрытіе:* въ легкихъ значительныя темныя пятна отъ изліянія крови; микроскопическихъ измѣненій ни въ шарикахъ крови, ни въ волокнахъ нервовъ не было замѣчено.

IV. Опыты надъ дѣйствіемъ эоира, впущеннаго въ прямую кишку.

Опытъ тридцать-первый. Пары эоира (изъ одной неполной драхмы), смѣшанные съ воздухомъ, были впущены въ прямую кишку кролика: сдѣлалось полное безчувствіе, потеря движенія и чувства, взоръ былъ неподвиженъ, зрачекъ расширенъ, дыханіе и бѣнія сердца весьма ускорены, кишки вздуты воздухомъ. Послѣ обильнаго обливанія холодною водою и нѣсколькихъ душей, животное мало по малу пришло въ себя.

Опытъ тридцать-второй. Въ прямую кишку большой собаки, наполненную густымъ каломъ, я впустилъ болѣе двухъ унцій эоира въ парахъ: дыханіе пахло эоиромъ; отдѣленіе слюны умножилось; чувствительность притупилась, но не до полного безчувствія. Животное, бѣгая, дѣлало большіе круги.

Опытъ тридцать-третій. Двѣ драхмы эоира въ парахъ, впущенныя въ прямую кишку большой собаки, произвели у нея расширеніе зрачка, крикъ отъ испуга, безпокойство, бѣшенство, безъ потери чувствительности; выдыхаемый воздухъ пахнулъ эоиромъ; изъ прямой кишки вышли твердыя испраженія. *Вскрытіе:* въ толстыхъ кишкахъ большое количество жидкихъ нечистотъ; въ мозгу я не замѣтилъ измѣненій.

Опытъ тридцать-четвертый. Въ прямую кишку кролика вмѣстѣ съ парами попало нѣкоторое количество жидкаго эоира: полная потеря чувства и движенія; черезъ пять минутъ смерть. *Вскрытіе:* толстыя кишки растянуты большимъ количествомъ твердыхъ испраженій; въ легкихъ темныя пятна отъ изліянія крови.

Опытъ тридцать-пятый. Надъ кошкою. Пары эоира были впущены чрезъ прямую кишку: черезъ нѣсколько минутъ животное впало въ безчувствіе; животъ тимпанически раздулся. Отраженные движенія вѣкъ и мышцы сжимающей задай проходятъ все еще продолжались; спустя нѣсколько минутъ эти движенія исчезли; появилась высшая степень ослабленія мышцъ, такъ, что тѣ-

лу, совершенно вялому, можно было безъ малѣйшаго сопротивленія дать какое угодно положеніе. Мышица сжимающая задній проходъ нисколько не сокращалась около введеннаго въ кишку пальца. Сердце билось слишкомъ сто-осемьдесятъ разъ въ минуту; дыханія почти вовсе не было замѣтно. Холодные обливанія, души, амміякъ къ воздрямъ, произвели сначала отраженныя движенія въ одной ногѣ при раздраженіи раны, на ней находящейся, затѣмъ въ вѣкахъ; дыханіе сдѣлалось явственнѣе, появилась дрожь, послѣ ооченъніе, наконецъ признаки опьянѣнія: животное каталось, вытлгивалось и падало какъ пьяное; но наконецъ оправилось.

Опытъ тридцать-шестой, надъ тою же кошкою, на другой день. Пары зѣбра и небольшого количества его въ жидкомъ видѣ, впущенныя въ прямую кишку, причинили совершенное безчувствіе, вялость мышницъ, вздутіе живота, смерть. *Вскрытіе*: на легкомъ небольшія пятна отъ кровозливія (ecchymoses); кровь жидка, свѣтлоалая въ лѣвомъ, темная въ правомъ сердцѣ.

Опытъ тридцать-седьмой. Кролику данъ приѣмъ стрихнина внутрь (около полу-грамма): столбнякъ (opisthionus); пары зѣбра, впущенныя въ прямую кишку произвели сильное вздутіе живота и смерть. При вскрытіи я нашелъ на легкомъ небольшія пятна отъ кровозливія; кровь была жидка, свѣтло-алая въ лѣвомъ, темная въ правомъ сердцѣ; малокровіе мозга, недостатокъ крови въ пазухахъ.

Опытъ тридцать-осьмой, тоже надъ кроликомъ. Въ прямую кишку были впущены пары зѣбра: полное безчувствіе; отсутствіе отраженныхъ движеній. На рану животнаго я насыпалъ стрихнину ($\frac{1}{8}$ грамма): оно оправилось; потомъ сдѣлался судороги; кроликъ лежалъ въ безчувствіи болѣе часу, дышалъ слабо; отъ каждаго дотрогиванія вздрагивалъ, наконецъ околѣлъ.

Опытъ тридцать-девятый. Кролику я насыпалъ на языкъ сухаго стрихнина и въ слѣдъ за тѣмъ немедленно наэпровадь его: — безчувствіе; совершенная вялость. Мало-по-малу животное пришло въ себя (приѣмъ стрихнина былъ, можетъ-быть, недостаточно великъ); ночью оно околѣло.

Опытъ сороковой. У собаки средней величины я вскрылъ брюшную полость въ лѣвой сторонѣ, отступя на дюймъ отъ бѣлой линіи, непосредственно выше таза, предварительно опороживъ кишечный каналъ клистирами; потомъ перевязалъ прямую кишку, отступя на ладонь кверху отъ задняго прохода. Вправить

внутренности въ полость живота было почти невозможно. Я впустилъ пары эопра въ прямую кишку: черезъ нѣсколько минутъ выдыхаемый воздухъ сталъ пахнуть эопротъ. Долгое время спустя, щипаніе ноги и носа не вызывало движеній, зрачѣкъ не былъ расширенъ; животное лежало покойно. Я прекратилъ введеніе эопра; и вправленіе внутренностей стало возможно. — *Вскрытіе* трупа на другой день показало пятна отъ изліянія крови въ ткани легкаго.

Опытъ сорокъ-первый. У небольшой собаки я вскрылъ животъ съ большою осторожностью; перевязалъ прямую кишку близъ задняго прохода (операція удалась безъ значительнаго выпаденія внутренностей); впустилъ пары эопра въ прямую кишку: черезъ нѣсколько минутъ запахъ эопра появился въ дыханіи, но слабо ощущался до конца опыта; потери чувствительности не произошло, хотя эопротъ продолжалось цѣлый часъ. Подъ конецъ животное было совершенно бодро, по-крайней-мѣрѣ сколько то позволяло поврежденіе. — *При вскрытіи* я нашелъ пятна отъ изліянія крови на поверхности легкихъ, какъ обыкновенно бывало; брюшина была воспалена. Прямая кишка перевязана на полутора или не болѣе какъ на два дюйма выше сжимающей проходъ мышцы (sphincter).

Опытъ сорокъ-второй. У большой собаки въ двухъ мѣстахъ я перевязалъ и разрѣзалъ прямую кишку на два дюйма выше задняго прохода и соединилъ края раны. Собака была не очень чувствительна. Послѣ впусценія паровъ эопра въ прямую кишку, выдыхаемый воздухъ сталъ довольно сильно пахнуть эопротъ; потери чувствительности не было, не смотря на продолжительность (полчаса) попытки; не были также признаковъ одурѣнія. — Пущенная на волю, собака бѣгала. — *При вскрытіи* я нашелъ обыкновенное измѣненіе въ легкихъ, воспаленіе брюшины и изліяніе крови въ ея полость.

Опытъ сорокъ-третій. У собаки средней величины, я въ двухъ мѣстахъ перевязалъ тонкую кишку; между лигатурами пространство было въ полтора фута: пары эопра были впусчены въ полость кишки между двумя перевязками: спустя десять минутъ появился явственный запахъ эопра въ дыханіи; потери чувствительности не произошло, не смотря на то, что употребленіе эопра продолжалось три четверти часа. Выпущенная на волю собака бѣгала довольно бодро. *Вскрытіе*: обыкновенное измѣненіе въ легкихъ, именно, правое легкое покрыто большими темными пят-

нам; воспаление брюшины; перевязанный кусок принадлежалъ къ подвздошной кишкѣ (ileum) и былъ тимпанически вздутъ; на внутренней поверхности его сильное отдѣленіе слизи и значительныя разъяденныя (erosiones).

Опытъ сорокъ-четвертый падъ кроликомъ. Я эмпровизировалъ его чрезъ прямую кишку: онъ совершенно потерялъ чувствительность; я вскрылъ спинной каналъ: употребленіе эмпра продолжалось до совершеннаго прекращенія отраженныхъ движеній; судороги происходили отъ гальваническаго и даже механическаго раздраженія спиннаго мозга; я обнажилъ головной мозгъ, отнял его вплоть до продолговатаго мозга; небольшія судороги происходили отъ механическаго и сильныя отъ гальваническаго раздраженія. Животное все еще дышало правильно. Я вскрылъ грудную полость: движенія сердца услабились отъ дѣйствія гальванизма, направленнаго на продолговатый мозгъ; въ сердцѣ находился эмпрный паръ; легкое было покрыто черными пятнами и впрочемъ представляло обыкновенныя измѣненія; біенія сердца, такъ же какъ и судорожныя сокращенія всѣхъ другихъ мышцъ, продолжались еще долгое время послѣ смерти животнаго при вліяніи гальванизма.

Опытъ сорокъ-пятый. У небольшой собаки я перевязалъ петлею кишку на пространствѣ отъ двухъ до двухъ съ половиною дюймовъ; соединилъ рапу покрововъ живота и впустилъ пары эмпра въ перевязанную кишку: животное сильно закричало и пришло въ безпокойство, которое уменьшалось при выпускѣ эмпрныхъ паровъ изъ другаго конца перевязанной петли. Спустя десять минутъ выдыхаемый воздухъ сталъ пахнуть эмпромъ; позже, запахъ этотъ сдѣлался весьма силенъ; двадцать-шесть минутъ спустя, чувствительность притупилась; едва послѣ пятидесяти минутъ, животное впало въ полное безчувствіе; но тутъ еще помощью сильнаго растяженія кишки парами эмпра удавалось вызывать крики, утихавшіе тотчасъ по выпускѣ паровъ. По приостановленіи опыта животное лежало слабое и утомленное: введеніе пальца въ брюшную полость причиняло крики, хотя впрочемъ отсутствіе чувствительности было совершенное, даже въ обнаженномъ подкрыльцевомъ нервѣ. Вскрытіе черезъ шесть часовъ спустя показало: измѣненіе въ легкихъ незначительное; въ кишечной петлѣ разбухлость слизистой оболочки съ кровавыми подтеками и обильнымъ отдѣленіемъ слизи. Слизь эта образовала толстый слой, плотно прилежавшій къ слизистой оболочкѣ.

Ясно что одурѣніе и слѣдующее за нимъ безчувствіе послѣ эоировапія могутъ происходить при двухъ условіяхъ: 1) когда пары эоира войдутъ въ кровообращеніе и 2) когда насыщенная эоирными парами кровь прійдетъ въ прикосновеніе съ органами нервной системы.

I. Опыты надъ животными убѣдили меня въ томъ, что не все равно, будетъ ли эоиръ введенъ въ кровообращеніе въ видѣ жидкости или въ видѣ паровъ; далѣе, не все равно, будутъ ли пары эоира непосредственно введены прямо въ кровь, или чрезъ легкія, или же чрезъ прямую кишку. Результаты будутъ различны, смотря по тому, будутъ ли пары эоира введены въ периферическую волосную систему или прямо въ центральный органъ кровообращенія, и будетъ ли для опыта избрана волосная система которой-нибудь конечности или волосная система мозга. Эоиръ, врыснутый въ видѣ жидкости въ *центральный* (сердечный) *конецъ вены*, если даже она будетъ находится въ такомъ же отдаленіи отъ сердца, какъ и бедренная вена, производитъ мгновенную смерть (опытъ десятый и шестнадцатый). Такой же результатъ мы получимъ, вводя эоиръ въ *головной* (окружный) *конецъ шейноголовной артеріи* (опытъ одиннадцатый). Явленія при жизни и вскрытіе трупа показываютъ, что смерть въ этихъ обоихъ случаяхъ происходитъ отъ быстрого превращенія жидкаго эоира въ пары; отъ быстрого и мгновеннаго распростращенія этихъ паровъ въ крови; и отъ сжатія и сморщиванія кровяныхъ шариковъ; но въ *первомъ случаѣ* эоирный паръ убиваетъ подобно атмосферному воздуху, если этотъ воздухъ вдругъ войдетъ въ вену (опытъ десятый), то есть, расширяя правое сердце и прекращая въ немъ кровообращеніе; во *второмъ случаѣ* (опытъ одиннадцатый) онъ убиваетъ сдавливая головной и преимущественно продолговатый мозгъ. Напротивъ, совсѣмъ иное происходитъ, если *чистые пары эоира* будутъ введены съ надлежащею осторожностію въ центральный (сердечный) *конецъ вены*: тогда животное можетъ быть паркотизировано такъ же хорошо какъ и чрезъ вдыханіе эоира. Особенный, тоскливый крикъ однако же доказываетъ, что прохожденіе веной кровц, разбѣженной эоирными парами, чрезъ легкія значительнымъ образомъ затрудняетъ процессъ дыханія (опытъ тринадцатый и четырнадцатый). Въ этомъ случаѣ тоже происходитъ одурѣніе, но оно сопровождается другими явленіями, нежели при вдыханіи эоирныхъ паровъ (съ тоскливымъ крикомъ и прочее). Если при такомъ опытѣ въ венную кровь попадетъ вмѣстѣ съ

шарами нѣсколько эфирной жидкости, то животное внезапно умираетъ (опытъ шестнадцатый). По введеніи эфирныхъ паровъ, смѣшанныхъ съ атмосфернымъ воздухомъ, въ окружный (*периферическій*) конецъ бедренной артеріи, животное не умираетъ; однакожъ послѣ нѣкоторыхъ довольно замѣчательныхъ явленій] въ задней конечности (опытъ осмнадцатый), оно постепенно наркотизируется; въ выдыхаемомъ имъ воздухѣ бываетъ слышенъ запахъ эфира, а въ тканн легкихъ замѣчаются тѣже измѣненія, какъ и послѣ вдыханія эфирныхъ паровъ (опытъ осмнадцатый), или послѣ введенія въ кровь другой какой-нибудь жидкости. Какъ бы ни былъ, впущенный въ периферическій конецъ артеріи, эфирный паръ тонко раздѣленъ въ волосной трубчатой сѣткѣ конечности, все-таки кровь, напитанная этимъ паромъ, будетъ застаиваться въ волосныхъ сосудахъ и выступать изъ нихъ въ мякоть органовъ. Это доказывается: 1) постояннымъ измѣненіемъ легочной ткани: при вскрытіи животныхъ, подвергнутыхъ дѣйствию эфирныхъ паровъ, постоянно замѣчаются, преимущественно на заднемъ краю легкихъ, темнокрасныя, нѣсколько зеленымъ цвѣтомъ отливающія пятна и эмфизематозные пузырьки подъ легочной плевою; 2) измѣненіями въ мышцахъ, опухолью и выступленіемъ крови (экхимозомъ) въ мышечныхъ волокнахъ той части, черезъ артерію которой были впущены эфирные пары. Этими анатомическими измѣненіями можно объяснить также и разницу въ результатахъ опытовъ введенія паровъ эфира въ периферическій конецъ бедренной (опытъ пятнадцатый) и шейноголовной артеріи (опытъ шестнадцатый); въ послѣднемъ случаѣ смерть происходитъ отъ застоя крови въ волосныхъ трубчаткахъ мозга, застоя сопровождающагося явленіями раздраженія и сдавленія мозга.

Если для произведенія одурѣнія необходимо, чтобы наэпированная кровь прошла въ систему волосныхъ трубочекъ, то ясно, что оно можетъ-быть произведено тремя способами; прохожденіемъ наэпированной крови: 1) чрезъ волосную систему легкихъ, 2) чрезъ периферическую волосную систему и 3) чрезъ волосную систему печени. Но изъ моихъ опытовъ слѣдуетъ, что, какая бы изъ этихъ трехъ системъ ни была выбрана для введенія въ кровь шаровъ эфира, то есть, ввели ли бы мы пары эфира чрезъ окружный конецъ бедренной артеріи или чрезъ прямую кишку животного или наконецъ чрезъ центральный конецъ воротной или бедренной вены, всегда явленія наркотизаціи будутъ обнаружены.

ваться тогда только, когда кровь, насыщенная этимъ паромъ, пройдетъ черезъ легкія; но не прежде; такимъ образомъ что присутствіе эоира въ выдыхаемомъ воздухѣ всегда будетъ составлять вѣрнѣйшій признакъ приближающагося одурнія. Это наблюденіе показываетъ намъ, что одурніе и потеря чувствительности происходитъ не прежде какъ по вступленіи эоира въ артеріальную кровь.

Слѣдовательно, артеріальная кровь разноситъ съ собою эоирный паръ по всему тѣлу и сообщаетъ его одуряющее свойство нервной системѣ.

Не смотря однако же на присутствіе значительнаго количества эоирныхъ паровъ въ артеріальной крови, физическія ея качества, кромѣ можетъ быть увеличенія объема, остаются неизмѣненными: она удерживаетъ свой алый цвѣтъ (опытъ тридцать шестой), и только тогда дѣлается болѣе или менѣе темною, когда, при введеніи пара въ массу крови, другая какая-нибудь причина будетъ затруднять дыханіе (опытъ тридцать-шестой); ни створаживанія крови, ни микроскопическаго измѣненія въ наружномъ видѣ кровяныхъ шариковъ не замѣчается отъ введенія въ нее паровъ эоира (опытъ тридцатый). Если въ нѣкоторыхъ физиологическихъ сочиненіяхъ и упоминаютъ объ измѣненіи цвѣта, плотности и формы кровяныхъ шариковъ отъ дѣйствія эоира, то очевидно, что подъ этимъ подразумѣвается дѣйствіе его въ жидкомъ видѣ, а не въ видѣ паровъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро выѣстъ съ парамъ въ массу крови попадетъ нѣсколько капель этой жидкости (напримѣръ при впрыскиваніи въ сердечный конецъ вены), то сейчасъ замѣчается быстрое сжатіе и сморщиваніе шариковъ, усиленное створаживаніе и выѣстъ съ этимъ потемнѣніе цвѣта самой крови.

Исключая мѣстнаго приложенія эоира въ жидкомъ видѣ къ животнымъ тканямъ, во всѣхъ прочихъ способахъ эоирования, чрезъ выханіе и прямую кишку, на животную экономію дѣйствуютъ только эоирные пары, потому что эоиръ кипитъ при 33—35° Р. Даже, въ жидкомъ видѣ, приходя въ соприкосновеніе съ большою отдѣляющею поверхностью, какъ напримѣръ съ слизистой оболочкою дыхательнаго горла или толстыхъ кишекъ эоиръ все-таки поступитъ въ кровь посредствомъ эндосмоса, въ видѣ пара. Если же въ этомъ послѣднемъ случаѣ (когда жидкость будетъ находиться въ прикосновеніи въ отдѣляющую поверхность) припадки значительно отличаются отъ явленій эоирова-

нія посредствомъ пара, то это можно объяснить слишкомъ быстрымъ превращеніемъ жидкости въ пары и насильственнымъ растяженіемъ органовъ, которое, естественно, должно сопровождаться разстройствомъ ихъ отправленій (опытъ двадцать пятый и двадцать четвертый). Слѣдовательно, скорость и безвредность дѣйствія эопера на организмъ въ обѣихъ методахъ эопирования (черезъ вдыханіе и прямую кишку) очевидно зависятъ: 1) отъ парообразной формы поступившаго въ кровь эопера и 2) отъ тончайшаго раздѣленія этого пара, и проникновенія его по законамъ эдосмоса, въ волосную кровопосную систему. Какъ скоро эопирный паръ при этихъ условіяхъ поступитъ въ артеріальную кровь, то дѣйствіе его на пинервацію, въ большей части случаевъ, обнаруживается тотчасъ. Какъ большее число извѣстныхъ до сихъ поръ опытовъ надъ эопированіемъ произведено было черезъ дыхательные органы, то очень естественно было думать, будто на весь процессъ эопирования десятая пара нервовъ имѣетъ непосредственное вліяніе. Два первые опыта мои надъ животными (опытъ двадцать второй и двадцать пятый), дѣйствительно говорили въ пользу этого предположенія: по перерѣзаніи легочножелудочныхъ нервовъ, наркотизація послѣ вдыханія эопирныхъ паровъ или совсѣмъ не появлялась (опытъ двадцать четвертый) или обнаруживалась гораздо медленнѣе. Повторивъ эти опыты, я убѣдился въ томъ, что такое различіе зависѣло отъ какой-нибудь случайной причины, на примѣръ отъ несовершенства аппарата и прочее, опыты же двадцать шестой и двадцать седьмой, доказали мнѣ что эопированіе и слѣдующее за нимъ одуряющее послѣ перерѣзанія десятой пары такъ-же легко происходитъ какъ и при нормальномъ состояніи этихъ нервовъ, слѣдовательно я убѣдился также въ томъ что и вхожденіе эопирнаго пара въ артеріальную систему явленіе чисто физическое, нисколько не зависящее отъ дѣйствія нервной системы.

II. Наконецъ, я приступаю къ рѣшенію вопроса, который по своей сущности необходимо долженъ повести насъ въ область гипотезъ. Я постараюсь, впрочемъ, не слишкомъ заблуждаться въ лабиринтѣ физиологическихъ умствованій, и потому коснусь только фактической стороны вопроса, именно: *механизма дѣйствія насыщенной эопромъ крови на нервную систему?*

Чрезвычайно быстрое дѣйствіе паровъ эопера и другихъ наркотическихъ веществъ на головную спящую нервную систему могло заставить думать, будто одуряющее начало, находящееся во всѣхъ

звѣтъ вѣществовать, доходить до общаго чувствительна не чрезъ кровь, но чрезъ нервы, потому что нервное вещество, приближающееся по своимъ свойствамъ къ такъ-называемымъ «невсоимымъ», должно двигаться несравненно быстрее, нежели кровь. Но кромѣ-того уже, что быстрое, менѣе чѣмъ въ минуту, совершающееся появленіе эопра въ выдыхаемомъ воздухѣ, при эопрорваніи чрезъ прямую кишку, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что эопрный паръ можетъ съ немовѣрною скоростью проникнуть посредствомъ эндосмоза въ кровь, мы имѣемъ еще въ дѣйствіи эопра, мѣстно приложенномъ на нервный стволъ, фактъ доказывающій, что эопрные пары этимъ путемъ не доходятъ до центральныхъ органовъ головно-спинной нервной системы. И дѣйствительно, мы видимъ, что обнаженный нервный стволъ, намоченный эопромъ, теряетъ на вѣкоторое время свою двигательную и чувствительную способность, но не замѣчаемъ ни малѣйшаго признака общей наркотизаціи; часть такого нерва, лежащая выше эопрорваннаго мѣста, остается по-прежнему чувствительною къ раздраженіямъ (опытъ девятый). То же самое замѣчается послѣ приложенія губки съ эопромъ на мозгъ спинной (опытъ первый), на головной мозгъ (опытъ шестой) и на луковцу обонятельнаго нерва (опытъ четвертый). Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе эопра остается чисто мѣстнымъ. У кролика (въ шестомъ опытѣ) наркотизація послѣ приложенія эопра на обнаженный мозгъ наступила не прежде какъ въ то время, когда въ выдыхаемомъ воздухѣ послышался запахъ эопра, слѣдовательно, когда эопрные пары проникли въ кровь чрезъ обнаженные и вскрытыя вены твердой оболочки мозга.

Дѣйствуетъ ли эопрорванная кровь на всю нервную систему, то есть и на центральные органы и на периферическія ихъ части, или вліяніе ея сосредоточивается на томъ или другомъ отдѣлѣ этой системы? Какъ наркотическое начало разносится вмѣстѣ съ кровью по всему тѣлу, то этотъ вопросъ могъ бы показаться излишнимъ; допуская въ различныхъ частяхъ нервной системы различную степень воспримчивости къ дѣйствію этого начала, мы можемъ допустить и то, что наэопрорванная кровь дѣйствуетъ на мозгъ первичнымъ, а на другія части нервной системы вторичнымъ образомъ, и такъ далѣе. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, что эопрные пары, обращаясь въ тѣлѣ вмѣстѣ съ артеріальною кровью, обнаруживаютъ свое одуряющее вліяніе сначала на мозгъ. Послѣ ускоренія пульса и появленія эопрнаго запаха въ выдыхаемомъ

воздухѣ, первые признаки энопрованія обнаруживаются въ органахъ чувствъ расширеніемъ зрачковъ, особеннымъ блескомъ глазъ, звономъ въ ушахъ, безпокойствомъ и прочее: только послѣ этого мало-по-малу притупляется чувствительность въ периферическихъ частяхъ и уже вслѣдъ за нею начинаютъ слабѣть и произвольныя движенія. Двигательная сила нервовъ сопротивляется наркотическому дѣйствію зонра однако жъ долѣе, нежели чувствительность. Это намъ доказываетъ седьмой опытъ, въ которомъ послѣ совершеннаго уничтоженія чувствительности отъ энопрованія, механическія раздраженія обнаженнаго спиннаго мозга и нервовъ производили еще сильныя подергиванія въ мышцахъ. Наблюденіе надъ людьми показываетъ намъ тоже самое: во многихъ случаяхъ послѣ энопрованія замѣчались еще автоматическія движенія.

Какъ опытъ показываетъ намъ, что эноръ, приложенный непосредственно на нервный стволъ, уничтожаетъ въ немъ двигательную и чувство-передающую способность, то натурально можно а priori представить себѣ и такой случай, гдѣ наэнопрованная кровь, обращаясь въ тѣлѣ, прежде уничтожить чувствительность въ периферическихъ частяхъ, а послѣ уже произведетъ одурѣніе мозга и потерю самосвѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ я слыхалъ о такихъ случаяхъ: мнѣ, напримѣръ, рассказывали, что при вырѣзываніи маленькой кисты, больной, въ продолженіи цѣлой операціи, находился въ совершенной памяти, говорилъ, отвѣчалъ на вопросы, не чувствуя ни малѣйшей боли. Однако жъ, какъ до-сихъ-поръ мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго, ни на людяхъ, ни на животныхъ (случаи, описанные мною выше, не относятся къ этой категоріи), то я и считаю такой случай рѣдкимъ и индивидуальнымъ исключеніемъ.

Поэтому, я принимаю, что какъ при энопрованіи такъ и при дѣйствіи другихъ наркотическихъ веществъ одурѣніе и потеря сознанія предшествуютъ потерѣ чувствительности и степень безчувственности всегда находится въ прямомъ содержаніи къ потерѣ сознанія.

Дѣйствіе энорныхъ паровъ кажется тѣмъ только и отличается отъ дѣйствія другихъ наркотическихъ веществъ, что при энопрованіи потеря чувствительности наступаетъ при менѣе значительной степени одурѣнія, нежели послѣ употребленія опія, табаку и тому подобнаго.

Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о различіи явленій, со-

проводящихъ зэированіе, мы должны непремѣнно принять слѣдующія степени въ дѣйствіи его на животный организмъ :

1) Въ первой степени зэирный паръ дѣйствуетъ только на кровообращеніе и дыхательные органы, пока онъ содержится болѣею частью въ венозной кровп и не успѣлъ еще насытить въ достаточной степени артеріальную кровь.

2) Во второй степени зэирный паръ обнаруживаетъ свое дѣйствіе на мозгъ, какъ на главный органъ сознательной чувствительности, воли и произвольно-правильныхъ движеній; напротивъ, спинной мозгъ, въ которомъ мы, для объясненія нѣкоторыхъ явленій, напримѣръ рефлексивныхъ движеній, должны принять несознательную чувствительность, остается еще непораженнымъ. Отправленія переднихъ и заднихъ его пучковъ продолжаются, такъ, что механическое и галваническое раздраженія обнаруживаютъ на нихъ еще сильное вліяніе (опытъ седьмой). Когда чувствительность уже почти совсѣмъ угаснетъ, такъ, что самая болѣзненная операція, какъ напримѣръ вскрытіе позвоночнаго столба у животного, не сопровождается уже ни малѣйшимъ признакомъ боли, отраженныя (рефлексивныя) движенія (опытъ двадцать-шестой) и *тонъ* мышечнаго волокна бываютъ еще вполне развиты.

3) Въ болѣе высокой степени зэирования исчезаетъ и эта несознательная чувствительность спиннаго мозга, обыкновенно вмѣстѣ съ отраженными (рефлексивными) движеніями и *тономъ* мышечнаго волокна: въ это время можно подвергать обнаженный спинной мозгъ различнымъ механическимъ раздраженіямъ, не производя ни какого движенія или однихъ слабыхъ сокращеній въ мышцахъ. Одинъ только галанизмъ продолжаетъ еще обнаруживать свое дѣйствіе, такъ, что малѣйшее прикосновеніе къ становой жилѣ обонми полюсами индукціоннаго снаряда въ то же мгновеніе производитъ сильныя сокращенія даже въ самыхъ отдаленныхъ мышцахъ.

4) Наконецъ, когда дѣйствіе зэирнаго пара на нервную систему достигаетъ самой высшей степени, животное дѣлается не только безчувственнымъ и недвижнымъ, но и становая жила перестаетъ оживлять ослабленное мышечное волокно. Тогда и отраженныя движенія и даже *тонъ* мышечной системы совершенно прекращаются и наступаетъ то замѣчательное состояніе тѣла, которое мы наблюдали въ тридцать-пятомъ опытѣ; въ это время лишь ускоренное біеніе сердца (отъ ста осьмидесяти до двухъ-сотъ десяти ударовъ) доказываетъ, что тѣло еще живетъ; непо-

дѣйствіе глаза съ расширенными зрачками, выступаютъ почти изъ орбиты; самыя сильныя раздраженія роговой оболочки не производятъ ни малѣйшаго сжатія вѣкъ; отверстіе нижняго прохода бываетъ открыто и палецъ безъ всякаго сопротивленія входитъ въ полость прямой кишки; дыхательныя движенія почти совсѣмъ непримѣтны; все тѣло, какъ мѣшокъ набитый хлопчатой бумагой, можно согнуть, разгибать, поворачивать въ разные стороны и приводить во всѣ возможные положенія. Вся жизненная дѣятельность тогда сосредоточивается только въ одномъ ограниченномъ пространствѣ — въ продолговатомъ мозгѣ, управляющемъ дыханіемъ; алый цвѣтъ артеріальной крови доказываетъ что это отправление еще продолжается, хотя и непримѣтнымъ для насъ образомъ (опытъ тридцать шестой). Но, несмотря на чрезвычайное ослабленіе мышцъ, онѣ еще сохраняютъ воспримчивость къ гальваническому раздраженію и, что всего удивительнѣе, спинной мозгъ остается по прежнему воспримчивымъ къ гальваническимъ и даже въ извѣстной степени къ механическимъ раздраженіямъ, какъ это видно изъ опыта сорокъ-четвертаго. Этотъ опытъ показываетъ намъ также, что гальванизированіе продолговатаго мозга оказываетъ сильное вліяніе на сокращенія сердца.

Собственно механизмъ дѣйствія наэпированной крови на нервную систему остается для насъ непостижимымъ. Мы даже не можемъ съ достовѣрностью сказать, подобнымъ ли образомъ притупляетъ наэпированная кровь нервную дѣятельность (иннервацию), какъ и зѣбрь въ жидкомъ видѣ, непосредственно приложенный на нервную ткань (смотри опытъ девятый); еще менѣе мы знаемъ, какимъ образомъ это мѣстное приложеніе зѣбра притупляетъ въ нервныхъ путяхъ двигательную и чувство-передающую способность. Убѣждаясь однако жъ микроскопическими изслѣдованіями надъ строеніемъ первичныхъ нервныхъ волоконъ, что ихъ наружная оболочка и содержащаяся въ нихъ мякоть, очень вліяются какъ отъ простаго давленія, такъ и отъ химическаго дѣйствія различныхъ веществъ, я думаю, что для объясненія дѣйствія паровъ зѣбра на нервную систему можно принять двѣ слѣдующія гипотезы: или зѣбрныя пары, содержащіяся въ крови трубчатой сѣти, окружающей нервную ткань, сдавливаютъ нервныя волокна, — отчасти непосредственно, увеличивая своимъ растяженіемъ объемъ крови, — отчасти же поступая изъ крови въ головно-спинную жидкость; или зѣбрныя пары дѣйствуютъ хи-

мически на первое волокно. Что пары зэпра изъ волосной со- судистой сѣтки очень легко могутъ проникнуть въ головно-спин- ную жидкость, это не требуетъ особенныхъ доказательствъ; что эта жидкость, наптанная газомъ, можетъ производить давленіе на центральные органы нервной системы, и тѣмъ лишать животное чувствительности и движеній, это доказываютъ намъ опыты второй, третій и осьмой; что наконецъ мозговья волокна гораздо легче и скорѣе могутъ подвергаться этому давленію, не-жели волокна нервныхъ стволовъ, это доказываетъ намъ ихъ микроскопическое устройство и анатомическое расположеніе сильно развитой волосной системы мозга. Что касается до химическаго вліянія зэпра на нервную ткань, то я былъ очень удивленъ, за- мѣтивъ подъ микроскопомъ, что первичныя нервныя волокна, под- вергнутыя дѣйствию зэпра, сохраняютъ долгое время свой двой- ной контуръ, и что центральная часть ихъ почти безъ всякаго измѣненія удерживаетъ свою прозрачность (смотри фигуру чет- вертую); несмотря на значительное количество зэпра, которымъ я впродолженіи болѣе получасу поливалъ предметное стекло. Какъ скоро жиръ, содержащійся въ нервной мякоти, растворит- ся зэпромъ, то, разумѣется, необходимо должно перемѣниться и относительное смѣшеніе этого вещества (жира) съ бѣлкомъ, на- ходящимся также въ нервной мякоти; при быстромъ испареніи зэпра, улетаютъ растворенныя въ немъ атомы, а вмѣстѣ съ нимъ испаряется и плазма, увлажяющая всѣ органическія ткани; отъ этого нервная ткань должна сдѣлаться суше и принять другую степень теплоты. Какъ бы то ни было, по мнѣнію моему, мѣст- ное дѣйствіе зэпра на нервныя волокна сходно съ дѣйствіемъ холода и нѣкоторыхъ летучихъ веществъ, напримѣръ амміака (опытъ двадцать-седьмой), которыя тоже уптотожаютъ на время въ первомъ волокнѣ чувствительную и двигательную силу. Дол-жно также думать, что первое волокно, подвергнутое дѣйствию зэпра, теряетъ, чрезъ перемѣщеніе составляющихъ его атомовъ, только на извѣстное время и для нѣкоторыхъ только раздра- женій способность проводить нервный токъ чрезъ назэпровоанное мѣсто, оставаясь однако же еще хорошимъ проводникомъ для гал- ванческаго раздраженія. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательенъ опытъ девятый, который намъ показываетъ, какъ различно дѣй- ствуютъ на первое волокно три различнаго рода возбужденія: воля, механическое раздраженіе и галванизмъ. На первое во- локно, которое давно уже перестало быть проводникомъ воли, еще

сильно дѣйствуетъ механическое раздраженіе, и потому, когда самое сильное сжатіе пинцетомъ нервнаго ствола не возбуждаетъ ни боли въ наэированномъ мѣстѣ, ни сокращеній въ мышцахъ, гальванизированіе той части нерва, которая была почти раздавлена пинцетомъ, производитъ еще очень значительныя боли и судороги.

Хотя мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, дѣйствуетъ ли кровь, напитанная парами зѣбра, на нервныя волокна подобнымъ образомъ, какъ и зѣбрь въ жидкомъ видѣ, непосредственно къ нимъ приложенный, однако шестой опытъ ясно показываетъ, что одурѣніе появляется тогда только, когда зѣрные пары поступаютъ въ кровь, а не послѣ непосредственнаго приложенія зѣрной жидкости на обнаженный мозгъ. Впрочемъ, можетъ-быть, зѣбрь налитый на бѣлую мякоть мозга и произвелъ бы явленія одурѣнія, но я не дѣлалъ этого опыта, потому что не надѣялся получить точныхъ результатовъ. Наконецъ, мы видимъ изъ четвертаго опыта, что непосредственное приложеніе зѣбра на нервы чувствъ уничтожаетъ специфическую ихъ чувствительность: послѣ наэированія луковицы обонятельнаго нерва у собаки, слизистая оболочка носа потеряла совершенно воспримчивость къ раздраженіямъ.

Сообразивъ все сказанное мною о дѣйствіи зѣбра, можно извлечь изъ нашихъ опытовъ слѣдующіе результаты:

1) Одурающее дѣйствіе зѣбра на нервную систему производится чрезъ артеріальную кровь, въ которую зѣрные пары (при обыкновенныхъ способахъ зѣирования) поступаютъ изъ венъ чрезъ волосную систему легкихъ.

2) Артеріальная кровь, насыщенная парами зѣбра, производитъ одурѣніе, измѣняя физически или механически первоначальныя волокна мозга. Это одурѣніе отличается отъ дѣйствія другихъ наркотическихъ веществъ тѣмъ, что наступаетъ, достигаетъ высшей степени и исчезаетъ несравненно скорѣе ихъ.

3) Опыты, произведенные мною надъ животными, не говорятъ въ пользу мнѣнія Лонже и другихъ физиологовъ объ отравленіи переднихъ и заднихъ пучковъ спиннаго мозга. При совершенной безчувственности животнаго, легчайшее дотрогиваніе до заднихъ пучковъ производитъ весьма ясныя подергиванія въ около-лежащихъ мышцахъ.

4) Хотя зѣбрь, въ жидкомъ видѣ приложенный непосредственно на нервы, обладаетъ способностью уничтожать въ нихъ чувствительную и двигательную силу, но обыкновенные способы

эоировація (черезъ легкія и прямую кишку) притупляютъ чувствительность не иначе, какъ уничтоживъ сначала сознаніе.

5) Движенія произвольныя и отраженныя исчезаютъ при эоированіи только тогда, когда чувствительность уже совершенно исчезаетъ; но и тогда

6) Нервное волокно, лишенное уже чувствительно-двигательной способности, остается еще воспримчивымъ къ сильному гальваническому раздраженію.

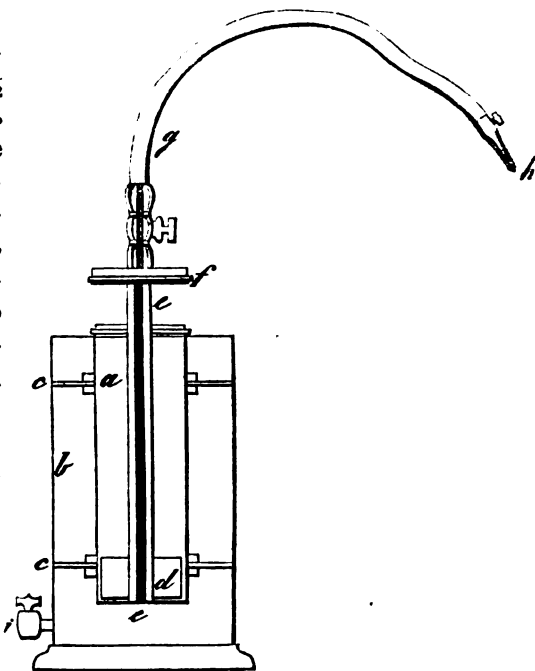
ОБЪ ЭОИРОВАНІИ ЧЕРЕЗЪ ПРЯМУЮ КИШКУ.

Мажанди, кажется, первому удалось привести животное въ ошьявѣніе посредствомъ впрыскиванія жидкаго эоира въ прямую кишку.—Удивительно, что хирурги, принявшіе съ энтузіазмомъ вдыханіе эоирныхъ паровъ, до сихъ поръ такъ мало обратили вниманія на эти опыты Мажанди.

Первый опытъ, который я сдѣлалъ надъ собакою, впрыскивая ей жидкій эоиръ въ прямую кишку—не удался: я истратилъ почти четыре унціи эоиру, онъ быстро превратился въ паръ, сильно раздулъ нижнюю часть кишечнаго канала и вышелъ обратно черезъ заднепроходное отверстіе съ большимъ стремленіемъ.— Это мнѣ дало мысль воспрепятствовать *этому быстрому превращенію эоира въ пары*, впусканіемъ въ прямую кишку эоира, уже превращеннаго въ пары. Успѣхъ вполнѣ соответствовалъ моему ожиданію: наркотизація каждый разъ появлялась скоро и проходила безъ всякихъ худыхъ послѣдствій, если только прямая кишка была предварительно хорошо очищена посредствомъ клистира, и если въ нее попало не слишкомъ много эоиру въ жидкомъ видѣ.

Сильная боль, которую животныя обнаруживаютъ громкимъ крикомъ (опытъ тридцать третій), также чувство жженія, на которое жалуются нѣкоторые больные, показываютъ почти всегда, что въ прямую кишку вошли не одни пары эоира, а вмѣстѣ съ ними и значительное количество жидкаго эоиру; обыкновенно въ такомъ случаѣ появляются раздутіе живота съ рѣзущею болью и произвольныя испраженія низомъ, смѣшанныя съ значительнымъ количествомъ жидкаго эоиру.— У нѣкоторыхъ и особенно травоядныхъ животныхъ (кроликовъ) при поступленіи даже незначительнаго количества эоирной жидкости въ толстую кишку (опытъ тридцать четвертый) дѣлается сильная тулрапитис и слѣдуетъ очень быстрая смерть. По этому-то я совѣтую при употребленіи этого способа особенно тщательно наблю-

дать, чтобы въ конической камерѣ входили только одни пары зенра. Но выполнить это правило, какъ я убѣдился на опытѣ, не такъ то легко: зенрные пары, проходя по длинной эластической трубкѣ, въ концѣ ея охлаждаются и превращаются въ жидкость; если же трубка узка и резервуаръ нагрѣтъ неравномерно, то можетъ случиться и то еще, что зенръ, находящійся въ задней части резервуара, первый превратится въ пары и выгонитъ такимъ образомъ съ большою силою слой жидкости находящейся впереди и не превратившейся еще въ паръ. Для избѣжанія этого, я употребляю теперь приборъ, изготовленный здѣшнимъ инструментальнымъ мастеромъ Роохомъ. Вотъ какъ устроенъ этотъ приборъ: 1) металлическій сифонъ (а) заключенъ въ жестяномъ цилиндрѣ (b), такъ что между ними остается пространство въ 1 или 1½ дюйма. Въ некоторомъ отношеніи выгоднѣе эти части снаряда сдѣлать стеклянными. — Если приборъ будетъ не прозрачный, то все-го лучше устроить его въ видѣ сифона, потому что давленіемъ на раздѣленный на градусы поршень легко можно при употребленіи снаряда узнать, есть ли еще въ немъ достаточное количество зенрнаго пара. Сифонъ, устроенный Роохомъ отличается отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что онъ предста-



вляеть цилиндръ съ наглухо закрытымъ дномъ и сквознымъ полымъ поршнемъ (e, e). Зенрный паръ, слѣдовательно, долженъ выйти чрезъ каналъ находящійся въ самомъ поршнѣ.

При употребленіи прибора ему должно дать вертикальное или нѣ-

сколько косвенное положеніе, чтобы предотвратить выхождение изъ него зонра въ жидкомъ видѣ. Зонръ помещается въ сифонъ (а) или во внутренней стеклянный цилиндръ; поршень вытаскивается вверхъ, а жестяной футляръ (b) или наружный стеклянный цилиндръ наполняется горячею водою отъ 40° до 50° по Ресююру. Если употребленное количество зонра во время операции окажется недостаточнымъ для наркотизаціи, то должно отвинтить сифонъ и снова влить въ него зонру, вынуть поршень; если же понадобилось бы влить зонръ чрезъ каналъ въ поршень не вышшая его, то сначала должно выпустить изъ наружнаго цилиндра воду чрезъ кранъ (i), охладить приборъ холодною водою, и потомъ уже вливать свѣжій зонръ; иначе онъ, въ одно мгновеніе внутри нагрѣтаго резервуара, превратится въ пары и не допустить жидкости пройти чрезъ узкій каналъ поршня. 2) Вторую часть прибора составляетъ эластическая трубка (g), которая можетъ быть различной длины. Если эта трубка довольно длинна, то къ концу ея, обращенному къ заднему проходу, придѣлывается другая металлическая трубочка въ нѣсколько дюймовъ длиною, заключенная также въ жестяной коробочкѣ, которая тоже наполняется горячею водою. Такое устройство необходимо, потому что безъ него зонрный паръ, проходя чрезъ длинную трубку, — охладится и превратится въ жидкость. Следовательно, для введенія зонрныхъ паровъ въ прямую кишку должно: 1) прибору сообщить вертикальное или косвенное положеніе; 2) и безпрестанно нагрѣвать горячею водою конецъ трубки. Этотъ приборъ можно различно измѣнять: такъ его можно приспособить къ стулу, употребляемому для приставленія пиявицъ къ заднему проходу. Въ такой стулъ нужно только вставить сосудъ съ зонромъ, покрыть его воронкою, хорошо приспособленною къ краю сосуда, и конецъ воронки соединить съ эластическою трубкою введенною предварительно въ задній проходъ. Я часто употреблялъ также и анатомическій инъекціонный сифонъ; но ему не такъ легко сообщить вертикальное положеніе, какъ снаряду Рооха. Можно даже употребить обыкновенную кlistирную трубку, но она должна быть хорошо сдѣлана, иначе зонръ въ парахъ будетъ безпрестанно улетать сквозь скважины трубки, и одурѣніе или вовсе не произойдетъ, или для наркотизаціи потребуется слишкомъ много времени, да и зонру истратится напрасно большое количество. Подобное обстоятельство случилось со мною, когда я зонровалъ одну старую женщину, которая страдала перешед-

ною уже въ смертѣннѣе грѣшно: не смотря на значительное количество употребленнаго мною ээпра, пары улетали чрезъ скважины элиэтирной трубки, и больная не оэпьянѣла.

При употребленіи этого способа ээпрования должно соблюдать еще слѣдующія правила: 1) предъ операціею должно очистить нижнюю часть кишечнаго канала посредствомъ элиэтира. Я убѣдился опытами надъ животными и надъ людьми, что это правило необходимо для полнаго успѣха операціи. У одного крестьянина, которому я намѣревался вырѣзать камень изъ мочеваго пузыря, я долженъ былъ прервать ээпрование, потому что въ эластическую трубку втекали безпрестанно жидкія испражненія: больной вналь въ полное оэпьянѣніе только послѣ обильныхъ испражненій, когда толстыя кишки очистились. Въ другой разъ мнѣ не удалось вовсе наэзприть своего больного, потому что прямая кишка была раздражена, и самъ больной находился въ раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе поноса, который сдѣлался у него ночью предъ операціею. У одной женщины, у которой я хотѣлъ вырѣзать на груди ракъ, ээпрование также удалось не вполнѣ, потому что въ толстой кишкѣ скопились нечистоты. 2) Эластическую трубку должно ввести въ прямую кишку по-крайней-мѣрѣ на 2—3 дюйма. Опытъ сорокъ второй показываетъ, что ввести трубку въ прямую кишку на одинъ дюймъ недостаточно для произведенія полнаго оэпьянѣнія, потому что въ такомъ случаѣ вѣроятнo значительная часть ээпрныхъ паровъ выходитъ обратно. Стыдливымъ особамъ можно ввести трубку или подъ одѣяломъ или на стулѣ, устроенномъ какъ мною описано выше. Если эластическая трубка довольно длинна, то операторъ даже можетъ находиться въ другой комнатѣ и оттуда ээпровать своего паціента. 3) Приборъ долженъ быть приготовленъ къ операціи такъ: въ сифонѣ или внутреннемъ стеклянномъ цилиндрѣ должно находиться достаточное количество ээпра, а въ жестяной коробкѣ или наружномъ стеклянномъ цилиндрѣ горячая вода въ 40° реомюра. Приведа ээпръ въ кипѣніе, и удостовѣрившись въ томъ, что чрезъ эластическую трубку прибора выходятъ одни ээпрные пары, а не жидкость, операторъ вставляетъ конецъ этой трубки въ эластическій катетеръ, введенный предварительно въ прямую кишку. Для произведенія совершенной наркотизаціи среднимъ количествомъ ээпру не нужно болѣе двухъ унцій; я видѣлъ случаи, гдѣ достаточно было даже двухъ — четырехъ драхмъ ээпру. Но воспріимчивость къ ээпру весьма различна: между-тѣмъ какъ одного

человѣка можно привести въ сильное одурѣніе въ двѣ минуты двумя драхмами эоира, на другихъ три и даже четыре унціи въ теченіе четверти часа производить едва замѣтное дѣйствіе. У меня былъ случай, гдѣ я долженъ былъ употребить до семи унцій эоиру, чтобы привести больнаго въ совершенное одурѣніе, таковъ былъ напимѣръ одинъ крестьянинъ, которому я дѣлалъ отсѣченіе бедра, и который вѣроятно сдѣлалъ привычку къ спиртнымъ напиткамъ. Такую же разницу въ воспримчивости мы замѣтимъ и при обыкновенномъ способѣ эоирования чрезъ легкія. Для паркотизаціи одного больнаго, которому я долженъ былъ вырѣзать раковидную опухоль съ головки ствола, я употребилъ бѣлѣ двухъ унцій чрезъ заднюю кишку, и все таки не привелъ его въ опьянѣніе; я заставилъ его еще вдохнуть въ себя двѣ унціи въ теченіи четверти часа, но и тутъ онъ еще не пришелъ въ настоящее безчувствіе. Впрочемъ, при эоированіи чрезъ задній проходъ, много паровъ улетаетъ въ воздухъ. Лишь только паръ начнетъ входить въ задній проходъ, то рука держащая эластическую трубку начинаетъ ощущать журчаніе; а рука положенная на лѣвую сторону живота, въ томъ мѣстѣ гдѣ лежитъ S-образная кривизна ободочной кишки, чувствуетъ легкой шумъ; животъ вѣскольکو раздувается вѣтрами, безъ всякаго впрочемъ непріятнаго ощущенія для больнаго, исключая только тѣхъ случаевъ, когда кишечный каналъ раздраженъ или когда въ него попадетъ эоиръ въ жидкомъ видѣ. Эоирный паръ чрезвычайно быстро входитъ въ кровь и появляется въ выдыхаемомъ воздухѣ очень скоро: опыты надъ животными доказываютъ, что эоиръ введенный въ тѣло чрезъ прямую кишку появляется въ легкіяхъ такъ же скоро какъ и при введеніи эоирныхъ паровъ прямо въ вены.

Эоирные пары при эоированіи чрезъ прямую кишку входятъ въ кровь вѣроятно не только чрезъ вѣтви воротной вены, но также и чрезъ вѣтви нижней полой вены, хотя впрочемъ быстроту появленія эоирныхъ паровъ въ выдыхаемомъ воздухѣ (опытъ сорокъ третій и сорокъ пятый) можно также объяснить тѣмъ, что между воротною и нижнею полой веною существуютъ многочисленные сообщенія. У многихъ больныхъ, которыхъ я эоировалъ этимъ способомъ, уже черезъ минуту слышатъ былъ изъ рта довольно ясно запахъ эоира. Что этотъ запахъ — запахъ эоира, выступающаго въ выдыхаемый воздухъ изъ крови обращающейся въ легкіяхъ, а не того, который находится въ кишечномъ каналѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ опытъ сорокъ второй. Не

смотря на то, что при этомъ опытѣ прямая кишка была перевязана, запахъ зѳира также скоро сообщился выдыхаемому воздуху, какъ и при другихъ опытахъ. При моемъ способѣ зѳировапія черезъ прямую кишку, одурѣніе вообще дѣлается скорѣе, нежели при обыкновенномъ способѣ введенія зѳирныхъ паровъ въ легкія.

Если итъ какого-нибудь особеннаго препятствія, то большая часть большихъ опьянѣваетъ въ двѣ или три минуты. При обыкновенномъ способѣ зѳировапія, я никогда не видѣлъ такого скорого одурѣнія: напротивъ я видѣлъ нѣсколько случаевъ, гдѣ опьянѣніе, при вдыханіи зѳира, наступило только чрезъ полчаса. Одна Француженка очень раздражительнаго темперамента, которой я намѣревался вырѣзать нѣсколько переднихъ пластовъ малой берцовой кости, въ продолженіи получаса вдохнула шесть унцій слишкомъ зѳира, и не пришла въ совершенное безчувствіе; черезъ нѣсколько недель, когда мнѣ пужно было вскрыть ей два нарыва, она послѣ зѳировапія по моему способу опьянѣла въ 2 — 3 минуты. Кромѣ этого, слѣдствія обихъ способовъ зѳировапія различны между собою еще въ двухъ другихъ отношеніяхъ:

1) При зѳированіи чрезъ прямую кишку опьянѣніе наступаетъ обыкновенно безъ всякаго возбужденія, исключая тѣхъ случаевъ, когда больные бываютъ раздражены и чувствуютъ боль, или отъ скопленія нечистотъ въ кишечномъ каналѣ или отъ того, что зѳиръ попадаетъ въ прямую кишку въ жидкомъ видѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ одурѣніе обыкновенно наступало почти незамѣтно, въ видѣ спокойнаго и глубокаго сна съ закрытыми глазами, и, что весьма замѣчательно, безъ разширенія зрачка и признаковъ прилива крови къ головь. Впрочемъ, у большихъ, расположенныхъ къ приливамъ крови къ головь, краснота въ лицѣ показывалась, но вскорѣ лице ихъ блѣднѣло и опадало. — Часто предъ опьянѣніемъ выступалъ обильный потъ на лбу и на всемъ тѣлѣ. Однажды разъ я замѣтилъ красныя пятна не только на лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ. Соединительная оболочка обыкновенно не наливалась кровью; часто измѣнялось только выраженіе глазъ, цвѣтъ и блескъ радужной оболочки. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ больные имѣли сновидѣнія, но я почти никогда не замѣчалъ у нихъ настоящихъ видѣній (*visions*). Въ одномъ случаѣ у больнаго произошло быстрое, бессознательное изверженіе сѣмени. Пульсъ вначалѣ скорый, дѣлался потомъ малымъ, какъ и при обыкновенномъ способѣ зѳировапія. При зѳированіи по моему способу я еще никогда не видалъ автоматическихъ дви-

женій, которыя мѣшали бы ходу операціи. Исключая одного случая, въ которомъ была раздражена прямая кишка, большыя никогда не старались удалить отъ себя прибора.

Второе обстоятельство, заслуживающее вниманія при зэпрованіи чрезъ прямую кишку то, что *совершенное одурьніе* *появляется обыкновенно тотчасъ послѣ вынутія трубки изъ задняго прохода* и при этомъ я замѣчалъ почти у всѣхъ большыхъ, мною зэпрованныхъ, необыкновенное ослабленіе всѣхъ произвольныхъ мышцъ. Подобное ослабленіе я видѣлъ только одинъ разъ при обыкновенномъ способѣ зэпрованія. Все тѣло было такъ мягко и гибко, что ему можно было давать различное положеніе безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны пациента. Я также замѣтилъ, что опьянѣніе послѣ зэпрованія чрезъ прямую кишку продолжается долѣе, нежели послѣ зэпрованія чрезъ легкія.

Вотъ ходъ одурѣнія, замѣченный мною нѣсколько разъ при зэпрованіи чрезъ прямую кишку. Какъ-скоро запахъ зэпру появится въ выдыхаемомъ воздухѣ и S-образная кривизна толстой кишки раздуется вѣтрами, лицо большаго покраснѣетъ, пульсъ сдѣлается скорымъ, появляется звонъ въ ухахъ, глаза начинаютъ закатываться, выступаетъ потъ (иногда весьма обильный) на лбу и на всемъ тѣлѣ, и больной впадаетъ въ безчувствіе; нерѣдко безчувствію предшествуетъ непосредственно сильное изверженіе изъ задняго прохода вѣтровъ и зэпра въ паробразномъ и жидкомъ видѣ.

Слѣдовательно при моемъ способѣ зэпрованія требуется болѣе осторожности. У одной семидесятилѣтней женщины я вырѣзалъ огромную жирную опухоль изъ спины; въ окружности рана имѣла болѣе двухъ футовъ; опухоль не заключалась въ мѣшкѣ, состояла изъ чистаго жиру и плотно срослась съ кожей. Поэтому операція продолжалась долѣе двадцати минутъ, какъ я предполагалъ. Несмотря, что зэпру употреблено было не болѣе полторы унціи и что зэпрованіе продолжалось не болѣе пяти минутъ, больная оставалась въ опьянѣніи цѣлые полчаса послѣ операціи (слѣдовательно всего три четверти часа) и въ такой степени, что я уже началъ опасаться за жизнь моей старушки. Необыкновенное ослабленіе мышечной системы, при зэпрованіи по моему способу, общается ему, можетъ-быть, блистательную будущиость при леченіи застарѣлыхъ вывиховъ и ущемленныхъ грыжъ. Впрочемъ, несмотря на ослабленіе произвольныхъ мышцъ, произвольныя не теряютъ своей сократимости. У одпо-

го мужика, которому я вырѣзалъ камень, средняя часть мочеваго пузыря такъ была сжата, что я съ трудомъ могъ провести щипцы въ его заднюю часть. У этого больного также были сильно сжаты спиктеры и вѣки. Но до сихъ-поръ я еще ни разу не замѣчалъ, чтобы у людей одурѣніе чрезъ ээированіе доходило до такой степени какъ у животныхъ, то есть, до прекращенія отраженныхъ движеній.

Что касается до послѣдствій ээирования по моему методу, то онъ почти тѣже самыя какъ и при обыкновенномъ способу ээирования черезъ легкія. У нѣкоторыхъ своихъ больныхъ я замѣчалъ только обильныя испраженія низомъ. Преимущества моего способа ээирования передъ обыкновеннымъ — очевидны. Что одурѣніе наступаетъ всегда скорѣе и отъ меньшаго количества ээира, это еще незначительная выгода сравненія съ слѣдующими:

1) Дыхательные органы не раздражаются. Этимъ способомъ, слѣдовательно, устраняется одно изъ самыхъ важныхъ неудобствъ, приписываемыхъ, не безъ основанія, вдыханію ээирныхъ паровъ, противниками ээирования. Хотя послѣ ээирования чрезъ вдыханіе (по способу описанному мною выше) я никогда не замѣчалъ ни воспаленія, ни сильнаго раздраженія дыхательныхъ органовъ даже и въ тѣхъ случаяхъ когда я вливалъ въ дыхательное горло животныхъ ээиръ въ жидкомъ видѣ, однако жъ извѣстны случаи, гдѣ послѣ вдыханія ээирныхъ паровъ больные умирали отъ воспаленія легкыхъ.

2) При моемъ способу больная ослѣпѣваетъ независимо отъ своей воли. Я уже прежде замѣтилъ, что при вдыханіи ээирныхъ паровъ, результатъ зависить отъ различнаго состоянія духа и возможности дѣлать глубокія вдыханія; слѣдовательно, при этомъ способу успѣхъ очевидно зависить отъ воли больного; этого при моемъ способу ээирования быть не можетъ и потому ему должно отдать предпочтеніе, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда больные малодушны, боязливы и необразованны, когда ээируются дѣти или животныя.

3) Наконецъ, какъ при ээированіи чрезъ прямую кишку одурѣніе обыкновенно происходитъ безъ предшествующаго возбужденія, и болѣе походить на глубокий и спокойный сонъ, то при производствѣ важныхъ и деликатныхъ операцій, мой способъ выгоднѣе, нежели обыкновенный сопровождаемый иногда безпокойствомъ, автоматическими движеніями и тому подобнымъ.

Свой способъ я употребилъ въ первый разъ надъ солдатомъ, страдавшимъ полипами въ обѣихъ позряхъ. Передъ самымъ

опьянѣніемъ онъ еще говорилъ со мною и отвѣчалъ на вопросы вразумительно, но потомъ вдругъ замолчалъ. На лицѣ и тѣлѣ показались красныя пятна, глаза потускли, и чувствительность исчезла совершенно. Менѣе чѣмъ въ три минуты полторы унціи зэиру привели его въ это состояніе. Также скоро опьянѣлъ больной страдавшій почечнымъ камнемъ, ущемившимся въ мочеточникѣ. Нестерпимыя боли, мучившія его нѣсколько часовъ сряду, исчезли; камень вышелъ съ мочою вечеромъ въ тотъ же самый день. Въ другомъ случаѣ почечный камень значительной величины вышелъ послѣ двухъ зэирныхъ клистировъ; боли, мучившія больного нѣсколько дней, исчезли послѣ перваго клистира. Теперь я могу насчитать слишкомъ тридцать болѣе или менѣе важныхъ операций (ампутаций, камнеотсѣченій, вырѣзываній опухолей и прочая), въ которыхъ мой способъ зэирования почти постоянно былъ увѣнчанъ одинакимъ успѣхомъ. У больного, которому я дѣлалъ операцію камнеотсѣченія, извлечение камня продолжалось очень долго по причинѣ сжатія мочевого пузыря и необходимости раздробить камень щипцами. Больной проснувшись ничего не зналъ о сдѣланной ему операціи. Замѣчательно было также дѣйствіе зэирования въ трудныхъ родахъ: по извлеченіе плода щипцами, въ выдыхаемомъ воздухѣ поворожденнаго дитяти, уже обмытаго и перенесеннаго въ другую комнату, черезъ двадцать минутъ слышался еще запахъ зэира. Въ этомъ случаѣ по причинѣ несоразмѣрности головки младенца съ тазомъ матери, я долженъ былъ сдѣлать по крайней-мѣрѣ сорокъ и пятьдесятъ движеній щипцами. Несмотря на это, больная пробудившись не хотѣла вѣрить, чтобы она уже разрѣшилась. Матка, какъ обыкновенно бываетъ, тотчасъ же сжалась. Я зэировалъ больную посредствомъ обыкновеннаго анатомическаго слѣона впродолженіи шести минутъ и употребилъ около двухъ унцій зэира. Пузырь съ водами лопнулъ уже до зэирования и головка младенца нѣсколько часовъ находилась въ одномъ положеніи, потуги были слабы и бѣшенія въ пуповинѣ не слышны: новорожденное дитя было однако жъ совершенно здорово,

Только въ трехъ случаяхъ не удалось мнѣ произвести совершеннаго одурѣнія: причиною тому были, въ двухъ случаяхъ, порча прибора (эластическая трубка растворилась въ зэирѣ и, слѣдовательно, засорилась), а въ одномъ, раздраженное состояніе прямой кишки; въ трехъ другихъ случаяхъ зэированіе чрезъ нижнюю часть кишечнаго канала продолжалось долѣе, нежели чрезъ вдыханіе; причиною этому были отчасти калъ, скопившій-

ся въ кишкахъ, отчасти вообще малая восприимчивость большихъ: одного изъ нихъ я не могъ привести въ совершенное усыпленіе и вдыханіемъ эфирныхъ паровъ, а одного изъ нихъ я привелъ въ опьяніе чрезъ двадцать минутъ, употребивъ около семи унцій эфиру.

Я вполнѣ увѣренъ, что эфированіе чрезъ прямую кишку въ большей части случаевъ замѣнить обыкновенный способъ эфированія чрезъ легкія: не говоря уже объ операціяхъ, его можно будетъ употребить во многихъ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при спазмахъ кишечнаго канала и мочевыхъ органовъ. Когда я въ первый разъ замѣтилъ у кролика удивительное ослабленіе мышечной системы послѣ одурѣнія этимъ способомъ и увидѣлъ, что имъ можно провести тѣло въ такое положеніе, о которомъ нельзя даже и подумать при нормальномъ его состояніи, и что оно болѣе похоже на мѣшокъ набитый хлопчатою бумагою, нежели на трупъ животнаго, тогда это состояніе показалось мнѣ совершенно противоположнымъ тому, которое мы видимъ въ столбнякѣ, и мнѣ невольно пришла мысль употребить и противъ столбняка мой способъ эфированія. Для этого я производилъ у животныхъ столбнякъ стрихниномъ, но результаты опыта были очень двусмысленны. Въ одномъ только случаѣ (опытъ тридцать девятый) (стрихнинъ былъ положенъ на языкъ) не произошло столбняка послѣ одурѣнія, произведеннаго по моему способу. Но трудно рѣшить, было ли это дѣло случая или зависѣло отъ послѣдовательнаго дѣйствія эфированія. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ столбнякъ развивался или послѣ или во время эфированія (опытъ двадцать девятый). Разумѣется, впрочемъ, что эти опыты надъ искусственно произведеннымъ столбнякомъ не говорятъ еще противъ пользы эфированія чрезъ прямую кишку въ травматическомъ столбнякѣ.

Изъ всего сказаннаго мною можно заключить, что эфированіе чрезъ прямую кишку можетъ быть употреблено:

1) *Во всѣхъ значительныхъ трудныхъ и продолжительныхъ операціяхъ.* Какъ одурѣніе послѣ этого способа продолжается долѣе и обыкновенно бываетъ гораздо сильнѣе, нежели послѣ вдыханія эфира; то я ограничилъ бы употребленіе послѣдняго способа однимъ только легкими случаями, въ операціяхъ мало-значительныхъ и не долго продолжающихся. А какъ состояніе возбужденія, безпокойство, судорожныя движенія и прочее обыкновенно не замѣчаются послѣ моего способа, то изъ этого тоже само собою слѣдуетъ, что онъ преимущественно долженъ

быть употреблены въ тѣхъ трудныхъ и важныхъ операціяхъ, которыя требуютъ спокойнаго положенія тѣла (при вырѣзываніяхъ, большихъ и глубокихъ опухоляхъ, камнеисточеніяхъ, ампутаціяхъ и прочая).

2) Въ родоспозомозательныхъ операціяхъ. Само по себѣ разумѣется, что у родильницъ и безъ того уже наклонныхъ къ приливамъ крови къ головѣ и вообще мало способныхъ дѣлать глубокія вдыханія, зонированіе чрезъ легкія менѣе удобно, нежели зонированіе по моему способу. Ослабленіе мышечной системы, слѣдующее за зонированіемъ по моему способу, также болѣе способствуетъ наложенію щипцовъ, повороту и прочая.

3) Въ тѣхъ оперативныхъ случаяхъ, гдѣ нужно значительное ослабленіе мышечной системы. Въ ущемленіяхъ грыжъ и застарѣлыхъ вывихахъ.

4) Какъ терапевтическое средство въ спазмодическихъ состояніяхъ пищеварительныхъ и мочеспускательныхъ органовъ и произвольныхъ мышцъ.

5) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раздраженіе и вообще болѣзненное состояніе дыхательныхъ органовъ и наклонность къ сильнымъ приливамъ крови къ головѣ, препятствуютъ употребленію зонирования чрезъ вдыханіе.

6) Наконецъ, у дѣтей, больныхъ взрослыхъ, но малодушныхъ, болеливыхъ и въ ветеринарной практикѣ. Напротивъ, нельзя назвать зонированіе чрезъ прямую кишку при воспалительномъ или блевнорройномъ состояніи кишечнаго канала и при сильномъ накопленіи нечистотъ. Также и на полѣ сраженія (по недостатку горячей воды) можно иногда предпочесть этому способу зонированіе чрезъ дыхательные органы.

Слѣдующимъ образомъ можно объяснить разницу въ ходѣ и въ некоторыхъ явленіяхъ одурѣнія, производимаго обоними способами зонирования. При зонированіи чрезъ прямую кишку опьянѣніе наступаетъ быстрѣе и бываетъ сильнѣе и продолжительнѣе; потому что здѣсь зонрный паръ проникаетъ въ кровь въ чистомъ видѣ безъ примѣси атмосфернаго воздуха, и слѣдовательно, въ большемъ количествѣ, нежели при зонированіи чрезъ легкія. Въ обоихъ случаяхъ разница въ температурѣ зонрнаго пара, вѣроятно, также имѣетъ значительное вліяніе на ходъ наркотизаціи. Какъ при моемъ способѣ зонирования опьянѣніе наступаетъ быстрѣе, то состояніе возбужденія и безпокойства не имѣютъ времени развиться: при немъ не бываетъ и прилива крови къ головѣ, потому что дыханіе совершается безъ всякаго препятствія.

Хотя извѣстнее иннерваціи легкиихъ , какъ мы видѣли выше, не вѣдѣтъ никакого вліянія на ходъ эированія чрезъ вдыханіе (опытъ 26), однако жъ нельзя отрицать, чтобы введеніе въ кровь эюра этимъ путемъ не было соединено съ ощущеніями особеннаго рода, пріятными или непріятными, смотря по индивидуальности испытывающихъ на себѣ этотъ способъ. Эти ощущенія, вѣроятно такъ же какъ и пріятное чувство, испытываемое нами послѣ перваго вдыханія холоднаго воздуха, по выходѣ изъ жаркой бани, зависятъ отъ прикосновенія воздуха, имѣющаго другія физическія свойства, къ внутренней поверхности вѣтвей дыхательнаго горла и отъ различной степени растяженія воздушныхъ пузырьковъ легкаго. Кромѣ того чисто механическія препятствія въ дыханіи, столь сильно мѣшающія окисленію крови въ легкиихъ, имѣютъ также значительное вліяніе на наркотизацію. Оттого-то и неудивительно, что при вдыханіи воздуха, насыщеннаго парами эюра, случаются различныя прппадки, какъ напримѣръ приливы крови къ головѣ и прочая, которые не замѣчаются при моемъ способѣ эированія. Впрочемъ, я положительно не утверждаю, чтобы введеніе паровъ эюра въ кровь этимъ путемъ не могло быть соединено иногда съ безпокойствомъ и раздраженіемъ: покуда мнѣ этого не случалось еще видѣть у людей; у одной собаки однакожъ я видѣлъ совершенный приступъ бѣшенства (опытъ 33), но у нея впрочемъ одурѣніе не произошло по причинѣ скопленія въ толстыхъ кишкахъ твердаго калу.

Мнѣ остается рѣшить еще одинъ вопросъ: *имѣетъ ли эированіе вообще вліяніе на слѣдствія хирургическихъ операцій?* На это отвѣчать не легко, и при нынѣшнемъ состояніи дѣла даже невозможно. Изъ многихъ извѣстныхъ фактовъ мы можемъ только съ вѣроятностію заключить, что эированіе не влечетъ за собою ни какихъ худыхъ послѣдствій ни въ ходѣ заживленія раны, ни въ ходѣ травматическаго противудѣйствія и тому подобное. Но чтобы по всей справедливости судить объ эированіи въ этомъ отношеніи, мы должны вспомнить, что боль въ слѣдствіе сильнаго и быстраго пораженія нервной системы составляетъ одинъ изъ главныхъ припадковъ, на который мы должны обращать вниманіе при предсказаніи во всякомъ травматическомъ пораженіи. Всѣ опытные практики согласны между собою въ томъ, что сильная и продолжительная боль такъ же какъ и чрезмѣрная потеря крови, можетъ совершенно истощить иннервацію и, слѣдовательно, совершенно уничтожить жизненную дѣятельность. Какому хирургу не извѣстно, что сильное травматическое сотря-

смерть? Изъ этихъ всѣхъ извѣстныхъ фактовъ мы можемъ а priori уже съ вѣрностью заключить, что операція, произведенная безъ боли, гораздо безопаснѣе, нежели операція болѣзненная. Мы знаемъ также изъ опытовъ, что, если боль, произведенная травматическимъ раздѣленіемъ органическихъ частей, не прерываясь перейдетъ въ ту, которая зависить отъ реакціи пораженной части, то эта непрерывная продолжительность боли можетъ значительно усилить лихорадочное состояніе, слѣдующее за травматическимъ поражениемъ и даже сообщить ему другой болѣе опасный характеръ. Слѣдовательно, и это послѣдовательное возбужденіе организма послѣ эопрованія должно быть несравненно слабѣе. Будущія наблюденія покажутъ, въ какой степени справедливы мои предположенія.

Наконецъ, изъ всѣхъ сдѣланныхъ мною наблюденій можно сдѣлать заключенія.

1) Въ шести случаяхъ (изъ 60) послѣ вдыханія эопрныхъ паровъ, одурѣнія не послѣдовало, отчасти по причинѣ дурнаго устройства прибора (въ началѣ нашихъ опытовъ), отчасти же по причинѣ малаго количества эопра, вдохнутаго большими предъ операціею, отчасти, наконецъ, по причинѣ малой воспримчивости или боязни больныхъ, и оказавшихъ отвращеніе къ вдыханію паровъ. Изъ 40 случаевъ, эопрованіе по моему способу не удалось въ двухъ случаяхъ по причинѣ скопленія нечистотъ въ нижней части кишечнаго канала, въ одномъ по причинѣ засоренія трубки растворившимся въ эопрѣ каучукомъ (эти три случая были тоже въ началѣ употребленія моего способа), въ одномъ по причинѣ раздраженія прямой кишки, и въ двухъ случаяхъ безчувственность была несовершенная отчасти по причинѣ слишкомъ скорого отнятія прибора (черезъ одну минуту). Наконецъ, въ одномъ случаѣ (у истерической дамы) эопрованіе не удалось ни по моему способу, ни черезъ вдыханіе.

2) Ни въ одномъ случаѣ послѣ операціи я не замѣтилъ ни какихъ особенныхъ явленій, которыя бы можно было приписать вредному вліянію эопра.

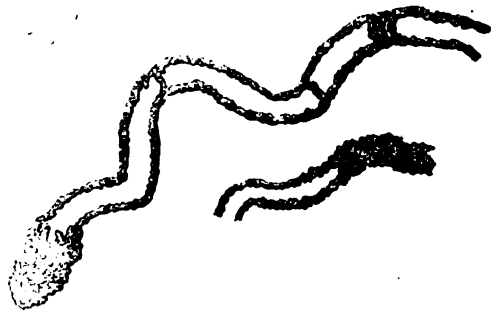
3) Въ двухъ случаяхъ камиссѣченія (въ одномъ эопрованіе было сдѣлано по моему способу, въ другомъ черезъ вдыханіе) смертельный исходъ зависѣлъ явственно отъ страданія почекъ и инфльтраціи мочи въ кѣлѣчатку таза; въ двухъ изъ семи ампутацій (ампутація бедра и плеча) произошла смерть отъ гнойнаго пораженія вены.

4) Во всѣхъ случаяхъ, и именно *послѣ ампутацій*, реакція бо-
льш операций была вообще слабѣе.

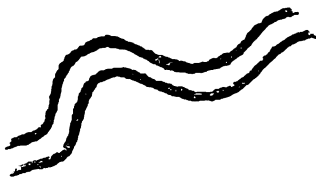
5) Въ четырехъ случаяхъ глазныхъ операций (эпированіе было
сдѣлано по моему способу) операція (косоглазія и искусственнаго
зрачка) была облегчена спокойнымъ положеніемъ глаза, а въ од-
ной операціи надъ вѣкомъ (trichiasis) была затруднена движені-
ями больного. Въ двухъ случаяхъ операціи въ полости рта и
гѣва, больной, не смотря на совершенное безчувствіе, свободно
выплювывалъ скопившуюся во рту кровь и слюну.

6) Хотя мы пока не имѣемъ еще достаточнаго числа слу-
чаевъ, изъ которыхъ могли бы вывести что-нибудь положи-
тельное о дѣйствіи эфирныхъ паровъ (особенно по моему спо-
собу) при леченіи различныхъ спазмодическихъ и нервныхъ бо-
лѣзней, однако жъ, по всей вѣроятности, можемъ ожидать, что
эфиръ, употребленный чрезъ легкія, прямую кишку или кожу, и
въ этихъ случаяхъ можетъ оказать благотворное дѣйствіе на
ходъ болѣзни.

Первичныя нервыя
волокна подъ микро-
скопомъ, взятая изъ
только-что убитаго
животнаго (собаки).
Начинающееся сгущеніе
первой жидкости,
вышедшей изъ одного
конца волокна. Двой-
ныя контуры. Мѣст-
ныя перегородочки, образовавшіяся также чрезъ сгущеніе этой
жидкости.



• Тѣже нервныя волокна, подвергнутыя дѣйствию зонра подъ микроскопомъ въ теченіи полчаса и болѣе. Контурны оставались во все это время неизмѣненными. Нервная мякоть сгущалась медленно.



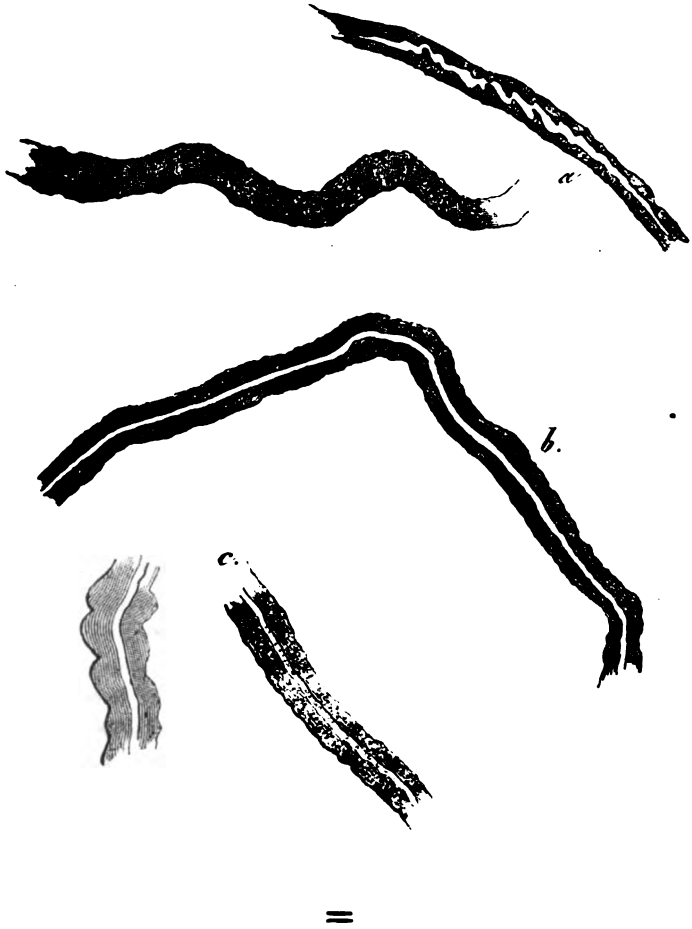
Тѣже волокна послѣ вымачиванія въ зонръ въ теченіи 24 часовъ.



Нервныя волокна послѣ вымачиванія въ спиртъ въ теченіи 24 часовъ.



Тоже послѣ вымачиванія въ холодной водѣ въ теченіи того же времени.



ПУТЕШЕСТВІЕ И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

==
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
==

Переходъ изъ Михайловскаго редута на рѣку Квишпакъ къ Нулатовской Артели.

Въ данной мнѣ инструкціи не было означено, какимъ образомъ я долженъ былъ производить свое путешествіе зимою. Въ редутѣ я могъ приобрести свору собакъ собственно для себя, какъ то дѣлали до меня нѣкоторые отрядные начальники; имѣлъ средства приготовить и нѣсколько запасныхъ провизій. Но разсудя, что успѣхъ экспедиціи наиболѣе зависить отъ примѣра начальника, я отстранилъ отъ себя всякое преимущество и удобство. Правда, я имѣлъ сначала излишекъ бѣлья, чаю, сахару и масла, взятыхъ мною изъ Ново-Архангельска, но этотъ излишекъ помогъ мнѣ впоследствии тѣмъ, что при подаркахъ туземцамъ, я не лишалъ своихъ людей опредѣленныхъ имъ единожды положеній, и обносившимся дѣлалъ какъ бы нѣкоторыя отличія различными подарками одежды и бѣлья. Съѣстные припасы поступили въ артель. Соображался съ довольствіемъ команды нулатовской артели, на время нашего туда перехода и пребыванія, я опредѣлялъ каждому по пуду сухарей въ мѣсяцъ; варю должны были

Т. LXXXIII. — Отд. III.

приобрѣтать охотой или покупкою провизій отъ туземцевъ. Изъ посуды у каждаго изъ насъ было по мѣдной вылуженной кружкѣ, обшитой кожей, и по деревянной ложкѣ; якутскіе ножи въ мѣдной оправѣ замѣняли и столовые приборы, и столярные инструменты, и книжалы въ случаѣ неожиданной рукопашной схватки. Изъ общей посуды состояли при экспедиціи мѣдный чайникъ и мѣдный котелъ, каждый въ три четверти ведра вмѣстительностью.

11 ноября мы получали чрезъ одного туземца увѣдомленіе изъ Уналаклика о выходѣ туда съ Квихпака двухъ человекъ вѣрной мѣй команды, долженствовавшихъ служить проводникамъ; но покое море отъ Квихтагука въ глубину залива и безснѣжье по тундрѣ, не дозволяя переслать оттуда собакъ ранее 1 декабря; второе употреблено было на исправленіе нартъ, третье на укладку груза.

Ѣзда на собакахъ въ колоніяхъ Россійской Американской Компаніи отлична отъ ѣзды на нихъ въ Камчаткѣ и другихъ мѣстахъ Сѣверной Сибири. До присылки, въ 1836, нарочно собачника изъ Охотска, въ Михайловскомъ редутѣ ѣздили по туземному, припрягая собакъ къ копыльямъ; съ того времени введена настоящая ѣзда припряжкою къ потягу, по двѣ въ рядъ. Со всѣмъ тѣмъ и нынче, по малосильности собакъ въ сворѣ, вощикъ не сидитъ, но или помогаетъ собакамъ иди подлѣ нихъ въ лямкѣ или толкаетъ нарту сзади. Въ Сибири лучшихъ собакъ приучаютъ ходить передомъ, то есть, иди по тому направленію, которое командою показываетъ вощикъ. Въ Михайловскомъ редутѣ при частыхъ перемѣнахъ команды, собаки не имѣютъ времени привыкнуть ни къ одному человекъ, и неопытностію самихъ ѣздоковъ сбиваются съ толку. Это обстоятельство заставляетъ управляющаго редутомъ, для долгихъ походовъ, назначать одного лишняго человекъ, который показываетъ направленіе пути, иди въ головѣ передней нарти. Видно, что при такомъ порядкѣ не возможно дѣлать большихъ переходовъ.

Устройство нартъ, употребляемыхъ Русскими въ Михайловскомъ редутѣ, во всемъ сходно съ описанными адмираломъ Врангелемъ въ путешествіи по Ледовитому Морю; онѣ весьма удобны при перевозкѣ большаго груза по льду или гладко убитой тундрѣ, по въ лѣсахъ по бездорожью и рыхлому снѣгу, самая многочисленность собакъ только увеличиваетъ трудности: въ извилинахъ между деревьями сила собакъ на длинномъ потягѣ терлется на по-

ловину, или, что случается чаще, развлекается въ противныя стороны. Если въ такомъ мѣстѣ попадетъ подъ одинъ полозъ необъемлѣтый кустъ или пенекъ, нарта опрокинута, транспортъ останавливается, люди скопляются для подъема и путаясь въ вѣтвяхъ и сами падаютъ и ломаютъ лапки. Все это привелось намъ вынести на себѣ при жестокихъ морозахъ, которые захватили насъ въ переходъ изъ Увалаклинка на Кыхпакъ.

Во времени похода команда экспедиціи измѣнилась: деньщикъ мой съ сентября лежалъ безъ погъ; Вертопраховъ, вышедшій изъ Пулато, оказался вовсе неспособнымъ къ трудамъ экспедиціи; Глазуновъ по слабости здоровья также подавалъ мало надежды; управляющій пулатовской артелью писалъ и объ оставшемся тамъ калифорнскомъ уроженцѣ Аклякѣ, что и тотъ страдаетъ ранами на ногахъ, не привыченъ къ холоду, къ ходьбѣ и не выгоденъ для корма; вмѣсто первыхъ двухъ вызвались охотниками изъ команды редута: сослуживецъ Баранова бодрый старикъ Лука Пахомовъ и Тунгусъ Григорій Шкитинъ, служившій стрѣлькомъ въ экспедиціи господина Козьмина при его описи Шавтарскихъ острововъ.

Дневники дѣйствій экспедиціи въ походахъ, я оставляю въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны на мѣстахъ ночлеговъ.

4 декабря въ девять часовъ утра, помолясь Богу, мы отправились въ путь при пяти нартахъ и двадцати семи собакахъ, изъ которыхъ три взяты были до Увалаклинка у туземцевъ на прокатъ; груза экспедиціоннаго и для пулатовской артели состояло, сверхъ отправленнаго 30 ноября на двухъ нартахъ, близъ сорока четырехъ пудовъ, считая и нѣсколько десятковъ юколовъ для корму собакъ. Выходъ пашъ былъ какъ бы на гулянье: погода пріятная, самая ходовая, минусъ 18° по Реомюру; солнце въ полдень съ небольшимъ три градуса надъ горизонтомъ, конечно не грѣло, но радовало своимъ свѣтомъ, два побочныя отраженія, величаемыя на святой Руси ушами, обѣщали постояльство морозовъ. Съ средины бухты собаки стали поднимать порки и оглядываться въ стороны; остановились осмотрѣться; опытные вскорѣ замѣтили табувъ оленей, разсыпанный по склонамъ прибрежныхъ холмовъ; собаки завывли отъ ветеранія; олени исполошились, пошли въ гору, подняли другіе табуны и всѣ пустились на утекъ. Ровно четверть часа мы смотрѣли на свѣжнюю пыль, взвѣваемую удаляющимися табунами, и не могли дождаться хвоста. Въ началѣ четвертаго часу, подвѣшлись на Палесный мысъ,

оставились для ночлега; разсолъ и несвѣчка своръ замедляли ходъ.

Развели огонь, вскипятили чайники, сварилась каша и команда наверхивала за обѣдъ; мнѣ, что называется, ничего не шло въ душу; и вправду, я былъ полонъ новостью предпринимаемой жизни. Для отдыха, мы скучились въ полуразрушенной набитой сѣвгомъ бараборѣ; спущенныя съ алыковъ собаки расположились между насъ въ промежуткахъ; ночь прошла въ ихъ дракѣ за тепленькія мѣста и въ поворотахъ каждаго изъ насъ съ боку на бокъ: оно и не мудрено; иной отвыкъ, другой еще не свыкъ съ настоящимъ своимъ положеніемъ.

5 декабря поутру — 17.5°, ввечеру — 20°. Во весь день ясно. — SW угѣренный.

Мы оканчивали послѣднія кружки чаю, какъ увидѣли четверыхъ туземцевъ съ нартою и пятью собаками. Они были посланы старшинами Кикхтагука къ намъ на встрѣчу для помощи. Такая внимательность доказываетъ, что и туземцы предупредительны въ услугахъ и поминать добро, когда видятъ ласковое съ нимъ обращеніе. Старшинами на этомъ жилѣ считаются по роду: старуха Макыганъ, во святомъ крещеніи Марія, бывшая закройщицей при окипированіи команды зимней одеждою, и по богатству и ловкости Утуктанъ, Θεовагъ, служившій толмачомъ въ экспедиціи господина Кашеварова.

Бѣглый обзоръ жила показывалъ, что насъ ожидали какъ гостей почетныхъ: прибрежные торосы сбиты, подъеиъ углажень, кажимъ вытопленъ, лавки, полы не только выметены, — вымыты, всѣ жители въ лучшей своей одеждѣ. Поднявъ нарты на вѣшла, мы расположились въ кажимѣ. Это строеніе четырехъ сажень въ квадратъ и трехъ въ вышину. Вскорѣ мы получили обыкновенные подарки, состоящіе въ толкушѣ, юколѣ, жирѣ и ягодахъ.

Туземцы приготовлялись къ потопленію въ морѣ пузырей, то есть, къ празднеству въ честь морскаго духа. По переднему фасу кажима на моржевомъ ремнѣ развѣшено было до сотни пузырей, вынутыхъ изъ внутренности животныхъ, добытыхъ стрѣлкою и раскрашенныхъ различными фантастическими изображеніями; по боковымъ сторонамъ кажима висѣли рѣзвой изъ дерева филины съ человѣческою головою, чайка изъ рода мартышекъ и двѣ куропатки; посредствомъ ниточекъ и умно придуманнаго ме-

ханезма, «иашъ хлопалъ крыльями и ворочалъ головою; чайка, втыкаясь желѣзнымъ носкомъ въ полъ, какъ бы ловила рыбу, куропатки сходясь цѣловались. Праздные туземцы во весь день не оставляли своихъ игрушекъ. Вечеру для нашего развлечения плясали.

6 декабря поутру — 21.5; ввечеру — 21°. Во весь день ясно; тихій SW.

Съ начала похода я положилъ правиломъ отправлять ежедневно краткую общественную молитву, какъ для поддержанія въ командѣ духа благочестія и бодрости, такъ и для показанія туземцамъ, что мало того, что мы исповѣдуемъ правую вѣру во имя сына Божія, но что чрезъ молитву имѣемъ къ Нему доступъ и получаемъ отъ Него все требуемое во благое. Нынѣшній день если бъ и не былъ такъ дорогъ сердцу каждаго Русскаго, то вслѣдствіи мы были бы принуждены провести его въ бездѣйствіи: съ непривычки всѣхъ насъ разломало; притомъ, не желая ослабить операций редута, отдѣленіемъ для экспедиціи собакъ собственно къ нему принадлежащихъ, я расположился достать десять штукъ покупкою отъ туземцевъ, которые никогда скоро и легкомысленно не заключаютъ своихъ торговъ. Помолясь Богу, для царскаго дня палили изъ всѣхъ бывшихъ при насъ пистолетовъ, только не на воздухъ а въ цѣль, и стариковъ угощали чаемъ съ сухарями; остальное время провели въ различныхъ играхъ, тянулись на палкѣ, поднимали двумя пальцами топоръ, кидали съ руки въ цѣль стрѣлку и приводили въ движеніе развѣшенные фигуры; вечеръ заключился какъ и вчера пляскою.

7 декабря поутру — 16.75. NO тихій; ввечеру — 14° W тихій; во весь день мало облачно; въ ночь по временамъ мелкій снѣгъ.

Усиленные четырьмя вчера купленными собаками, мы на рыскахъ перешли по недавно ставшему льду къ островкамъ, находящимся не въ далекѣ отъ мыса Ныгвыльнукъ; старикъ туземецъ, проживающій противу нихъ на материкѣ, находился въ отсутствіи; намъ не хотѣлось отгребать его зимникъ и потому для ночлега расположились въ лѣтникѣ. По условію съ его женой, которую я видѣлъ въ Кикхтагукъ, взяли въ двухъ ишкатахъ, плетеныхъ изъ травы корзинкахъ, до трехъ пудовъ мороженой вахни для себя и для собакъ.

8 декабря поутру — 14°, пасмурно, мелкій снѣгъ, ONO умѣренный; съ полудня до вечера NW тихій; въ ночь — 4.5 маловѣтріе между N и O.

Отъ островковъ до рѣки Ныгвыльнукъ, тундрой несравненно прямѣе; слѣда не было; но староста при транспортѣ увѣрялъ, что хорошо знаетъ мѣстность; пошли. Надѣвъ въ первый разъ въ жизни лыжи, я осторожно ступалъ по кочковатой почвѣ, едва закрытой снѣгомъ; опасеніе чтобъ не упасть, выбило изъ головы предосторожность, справиться о направленіи пути съ компасомъ, по которому мнѣ было извѣстно положеніе рѣки Ныгвыльнукъ; мелкій снѣгъ лѣпилъ глаза, въ десяти саженьяхъ былинка казалась кустомъ, отлогая лощина озеромъ, спускъ съ холма гладкимъ мѣстомъ; и всѣ эти обманчивости исчезали только вплоть у носа, такъ мы шли слишкомъ частъ. Отъ непривычки юксы*, лыжи рѣзали мнѣ пальцы до нестерпимости, я рѣшился отдать ихъ на нарту; къ тому подходило и время дать издышку собакамъ. Остановились, кто за прошку, кто за трубку, вдругъ вѣтеръ повернулъ съ противнаго румба; я вспомнилъ о компасѣ, глядя, мы идемъ въ глубину материка, почти по перпендикуляру отъ настоящаго пути; подозвалъ старосту, тотъ почесавъ затылокъ сознался, что самъ давно смѣкалъ, что мы идемъ не ладно, да вѣдаетъ, что перехода черезъ рѣку не минуемъ и по ней выйдемъ къ приморью. Къ устью рѣчки я взялъ румбъ на запасъ, но вскорѣ прояснело и мы пошли по настоящему направленію.

Отъ рѣчки Ныгвыльнукъ къ Толстому мысу, море покрыто было льдомъ, но дойти до мыса засвѣтло мы не успѣли, почему и остановились для ночлега на открытой лайдѣ, при устьѣ не большаго горнаго потока. Туземцы всѣмъ такимъ ручьямъ даютъ общее названіе квыкъ, то есть, рѣчка, потокъ, ручей.

9 декабря. Къ разсвѣту термометръ поднялся на — 0.5.

Крѣпкій восточный вѣтеръ, поднявшійся съ полночи къ осьми часамъ утра превратился въ пургу: попесло и сверху и снизу, закрутило—и въ четверть часа огнище, нарти, собаки превратились въ снѣжные сугробы. Въ теченіи дня промокшіе до костей отъ внутренняго испаренія и тающаго сверху снѣга, мы спасались въ кустахъ прилежащей пади, осматривая по временамъ другъ-друга, чтобъ кто заснувъ не замерзъ. Съ закатомъ солнца мятель начала утихать; въ семь часовъ вечера проглянула луна, въ десятомъ разложили огни, отгрестили собакъ и нарти и обсушившись провели ночь спокойно.

* Юксами называется ремень, которымъ лыжи привязываются къ ногамъ, или правыльге, ременная обойма, въ которую вставляется ступня.

10 декабря, поутру — 1. 5; ввечеру — 4. 5. О, тихій, облачно.

Ледъ отъ нашего стана къ Толстому мысу и далѣе взломало и отнесло въ море; подъемъ изъ пади на тундру и спускъ къ морю по другую сторону мыса заняли у насъ много времени; на протяженіи почти мили слѣдовало прорубать просѣку для вартъ, среди частаго кустарника, окаймляющаго берега горнаго ручья, извивающагося въ глубинѣ пади, которою мы спускались; въ теченіи зимы кустарники заметываются снѣгомъ и тогда спускъ бываетъ легокъ.

Вчера мы роздали собакамъ послѣднюю юколу. Не надѣясь добраться въ одинъ день съ грузомъ до Уналаклика, только что погода начала стихать, послали туда за подкрѣпленіемъ. У второй пади называемой Русскими турпанова барабора, встрѣтятся съ двумя нартами, ѣхавшими къ намъ на встрѣчу, расположились для ночлега. Горная рѣчка, извивающаяся въ этомъ мѣстѣ въ море, имѣетъ свою вершину миль въ двадцати въ приморскомъ хребтѣ. Берега ея, обросшія ельникомъ, считаются притонными мѣстами для ловли оленей петлями.

11 декабря, поутру — 5°, О тихій, облачно; ввечеру — 10°, N свѣжій.

Путь подъ утесами былъ крайне утомителенъ: мы попали во время прилива и принуждены были жаться по край лавды, загроможденной огромными жднами, выдвинутыми на берегъ октябрьскими полными водами; въ двухъ мѣстахъ обсыпи утесовъ, скатясь къ самому морю, заставили насъ отпрягать собакъ и нарты перетаскивать на рукахъ.

Въ уналакликской артели нашли все благополучно и въ исправности; сверхъ жилой избы, основанной въ поѣздку мою сюда въ августѣ, староста поставилъ пристройку въ двѣ съ половиною сажени въ квадратѣ, составляющую кухню, и сарай для собакъ, изъ тына три съ половиною сажени длины и двѣ съ половиною ширины. 12 и 13 числа исправляли собачью сбрую и много пострадавшія варты; 14 сортировали собакъ; выключая четырехъ, за старостію негодныхъ къ дальнему походу, для полного комплекта на шесть вартъ, считая по семи собакъ на варту, не доставало полной своры. Здѣшніе туземцы выручили насъ, подаря трехъ и согласясь дать остальныхъ на прокатъ, за что съ моей стороны были вознаграждены соотвѣтственно услугѣ. Со всѣми тѣми я вынужденнымъ нашелся замѣтить нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобъ они не перекупали пушныхъ промысловъ у тѣхъ торгов-

цевъ, которые нарочно выходятъ съ Квихнака для торговли съ нашей артелью.

15 декабря, поутру — 22 5, NW тихій; ввечеру — 25.5, NO тихій, ясно.

Увизывали нарты къ походу.

Тружъ на шести нартахъ состоялъ слѣдующій: товароѡ и припасовъ для нулатовской артели 4 пуда 25 фунтовъ; кладъ экспедици: товароѡ 5 пудовъ 6 фунтовъ, патроновъ въ мѣдной флягѣ 1 пудъ 23 фунта, байдарный лавтаки 2 пуда 10 фунтовъ, жиру бѣлузьяго для освѣщенiя 30 фунтовъ, палатка 1 пудъ 17 фунтовъ, чемоданъ съ астрономическими инструментами 37 фунтовъ, ящикъ съ книгами и общими бѣльемъ 1 пудъ 5 фунтовъ, два походныхъ мѣдныхъ чайника 25 фунтовъ, два мѣдныхъ кубика 24 фунта, двѣ винтовки 20 фунтовъ, двѣнадцать пистолетовъ 1 пудъ 8 фунтовъ, семь фуговъ 1 пудъ 16 фунтовъ, два дробовика собственныхъ 15 фунтовъ, грюшневыхъ крупъ и рису 2 пуда, сухарей для шести человекъ экспедици 3 пуда, сухарей для четырехъ человекъ редутской команды 4 пуда. Спальные нарты и запасная одежда команды экспедици 7 пудовъ, редутской команды 3 пуда, товароѡ и припасовъ у транспортнаго старосты 30 фунтовъ, чаю и сахару у всѣхъ насъ 24 фунта, ююлы для собакъ 24 пуда 30 фунтовъ, всего 67 пудовъ 5 фунтовъ, то есть слишкомъ по 11 пудовъ на нарту.

Изъ Ново-Архангельска отпущено было къ экспедици одна винтовка девяти камерная и двѣ тульской работы простыя; первую по сложности и тяжести я былъ вынужденъ оставить въ редутѣ и вмѣсто ее купилъ на свой счетъ англійскую у сгинувшагося управляющаго; одна изъ тульскихъ была оставлена мною тамъ же по причинѣ оказавшейся раковины. Фузелъ, которыми снабжены были мои люди, не казался мнѣ благонадежными, что вскорѣ и оправдалось на дѣлѣ; изъ семи штукъ, при экспедици я удержалъ всего двѣ, и то ради проформы; для стрѣльбы птицъ, мы наиболѣе употребляли купленные мною для себя два англійскiе капсюльные дробовика. Не стану описывать, сколь такое оружiе удобно для путешественника, въ особенности пѣшеходаго; вымокшее, полное воды не осѣкается, укладисто и надежно. Гудзонъ-байская Компанiя для потребности канадскихъ промышленниковъ — Voyageurs, привозить особаго калибра дробовики, годные для стрѣльбы звѣря и птицъ; такимъ дробовикомъ я былъ обязанъ просвѣщенной любезности господина Фреймана, который въ качествѣ агента Р. А. Компанiи сопутствовалъ въ 1841 году Сиръ Джоржъ Снмону въ обзоръ его всѣхъ англійскихъ гудзонскихъ факторiй.

При тузенной тактикѣ, основанной на дѣйстви въ распахъ, ружья не въ состоянiи принести надлежащей защиты; въ самой вещи, какую пользу

можно ожидать отъ фузей съ кремнемъ, двухъ аршинъ слишкомъ длины, при тридцати градусномъ морозѣ, или въ небольшомъ кажимъ набитомъ народомъ; въ особенности принявъ въ разсужденіе, что съ холода металлъ принимаетъ на себя влажность дотогѣ, пока не сравняется температурой съ окружающимъ его воздухомъ. Сами туземцы сознаются, что несколько не боятся нашихъ ружей, потому что за нихъ можно схватиться; это впрочетъ они и сдѣлали при вызваніи вашей артели въ Икокиютъ въ 1839; напротивъ, пистолеты заряжаемые обыкновенно картечью весьма имъ не нравятся; должно присовокупить что пистолеты, которыми снабжена была экспедиція и которые отпускаются служителямъ компаніи на время походовъ, весьма неудобны, во первыхъ съ креннями, во вторыхъ тяжелы, каждый четыре фунта, наконецъ рогагы, иначе не умно выразиться о крючьяхъ, которые прививаются къ ложѣ для зачѣканія за поясъ, что на дѣлѣ никогда не употребляется. Мохъ англійскихъ карманныхъ пистолетовъ туземцы наиболѣе боялись, потому что находясь всегда въ теплѣ они не отпачивали и были всегда на готовѣ.

Хайковая юкола заготовляемая въ Увалакликѣ вѣситъ 1 $\frac{3}{4}$ фунта, такая же юкола приготовленная въ Нулато и редутѣ Колмакова не тянотъ и фунта: морская рыба, стремясь противъ теченія къ верховью рѣкъ, худѣетъ, лохматъ, какъ выражаются въ колоніяхъ.

Я нарочно означаю здѣсь всѣ подробности груза, для того чтобъ каждому можно было судить о трудности и неудобствахъ такихъ походовъ: слишкомъ треть всего груза составлялъ кормъ собакъ, почти три съ половиною пуда оружіе, около седьмой части одежда; только по моему настоянію люди редутской команды взяли по пуду сухарей, до того каждый человекъ бралъ сухарями и пирогами по два пуда съ половиною, изъ которыхъ на половину забиралось для шнягъ-пріятелей.

16 декабря, поутру — 24. 5. NO умѣренный, облачно; ввечеру — 7. ONO умѣренный; съ четырехъ часовъ по полудни во всю ночь снѣгъ.

При собираніи собакъ ни какъ не могли отыскать одной, — послѣ нашли ее зарѣзанную волкомъ. Пока ходили на жило и уладили дѣло съ однимъ изъ туземцевъ, время подошло къ одиннадцати часамъ. Оставя Увалакликъ до ночлега по главнѣйшему направленію къ востоку, мы прошли близъ десяти миль, по если сличать всѣ изгибы рѣки, которою мы шли, то пройденное разстояніе можно считать въ пятнадцать миль. Отъ устья рѣки въ пяти миляхъ находятся такъ называемыя верхнія тони, на которыя ѣздить служители Компаніи, по проходѣ рыбы чрезъ устье. До нихъ мы шли бодро по гладкому льду, но далѣе принуждены

были навязать лапки. Лѣсъ по берегамъ рѣки начинается мѣлахъ въ полуторахъ отъ устья, сначала ольховымъ и таловымъ кустарниками, потомъ замѣняется строевою елью. Со всѣмъ тѣмъ лѣсъ отъ береговъ рѣки внутрь материка простирается не болѣе какъ на двѣсти или триста сажень далѣе тундры; яры праваго нагорнаго берега отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ футовъ высоты, подходятъ къ самой рѣкѣ въ ея изгибахъ; южный приморскій хребетъ тянется почти въ параллель рѣки въ разстояніи шести или семи миль отъ лѣваго берега. Уналакликъ или на языке Инкиликъ Улукаг-миотъ Ццыцека, въ живыхъ колѣнахъ не шире двадцати, въ другихъ болѣе семидесяти пяти сажень. Еще до расположенія нашего на ночлегъ пошелъ снѣгъ, но палатку ставить не хотѣлось, мы ее берегли для лѣта, и такъ поужинавъ съ внутреннимъ удовольствіемъ, что получаемъ легкую ходовую погоду, расположились гдѣ, кому приглянулось.

17 декабря. Поутру — 5.5; ввечеру — 5. ONO умѣренный съ порывами, облачно, до полудня снѣгъ, въ ночь проглядывали звѣзды.

Близъ четырехъ часовъ за полночь, насъ такъ завалило снѣгомъ, что часовой нашелся принужденнымъ отгрести старосту; тотъ разбудилъ команду, чтобъ отгрести нарты и меня. Услыша шумъ, я проснулся и, полагая, что время собираться въ путь, спросилъ кружку чаю. До свѣта еще далеко,—отвѣчалъ староста, да кажись, батюшка, пригожѣе было бы воротиться. — Что такъ? спросилъ я вскоча на ноги, и удивился, увидя что снѣгу напало почти на два фута.—Да весь кормъ, кормилецъ, выведемъ въ одинъ конецъ, продолжалъ староста, а изъ Нулатова, не на чемъ будетъ выгнать собаченокъ, вишь какъ засыпало; пока снѣга не окрепнутъ, замантъ насъ грѣшныхъ этотъ путь.— По картѣ, составленной Малаховымъ, отъ Уналаклика до выхода на Квихпакъ означено по прямому разстоянію сто миль, да оттуда до Нулато тридцать миль, то есть всего двѣсти-двадцать-семь верстъ. Я послушался бывалаго человѣка и рѣшился воротиться. Но впоследствии пройдя и опредѣля настоящее протяженіе переноса, увидѣлъ, что этотъ снѣгъ не помѣшалъ бы нашему ходу, и никто бы изъ насъ не вынесъ тѣхъ трудностей, которые привелось испытать при морозахъ свѣше замерзанія ртути: слѣдовало только подняться на тундру; впрочемъ, обратясь съ утра назадъ и для облегченія нартъ оставя юколу, по глубокости выпавшаго снѣга, мы въ дѣнь не могли добраться до нашей артели и провели ночь у верхнихъ тоней.

18 декабря. Поутру 4^о ONO съ крѣпкими порывами; вечером SO умеренный; съ полудня снѣгъ.

Въ ночь три собаки, почуя поворотъ, заблагоразсудили отправиться прежде насъ на знакомое мѣсто; подходя къ одиночкѣ, мы ихъ встрѣтили ведомыхъ двумя туземцами, нанатыми байдарщикомъ, который ни какъ не ожидалъ нашего возвращенія. И нынѣшній день не прошелъ намъ безъ труда: при сдѣланныхъ отшеленяхъ, вода въ рѣкѣ поднялась сверхъ льда, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстринной вывертѣло полынья; однажды всѣ нарты провалились, но къ счастью на розсыпь. Спустивъ собакъ съ потяговъ, нарты перетаскали на себѣ. Такая работа въ зимнюю пору не весьма пріятна: слѣдовало бы обсушиться, но подымавшаяся матель общала пургу и торопила къ мѣсту. Въ виду одиночки провалилась еще одна нарта на глубинѣ, однако успѣли подхватить. Прибрежный ледъ взломало и увесло въ море за горизонтъ.

20 декабря. Расположась дожидаться хорошей погоды, послѣ наступающаго новолунія, нынче послали въ редутъ двѣ нарты съ осьмнадцатью собаками, за провизіей, какъ для насъ, такъ въ особенности для команды одиночки; на двухъ другихъ нартахъ староста ѣздилъ на мѣсто оставленной юколы, для перекладки ее въ сайбу.

Сносно было въ дымной каморкѣ провести трое, четверо сутокъ, но безъ дѣла, двѣ недѣли показались бы истинною мукой. Занимаясь въ короткіе дни передъ жирникомъ, астрономическими вычисленіями, по вечеру, такъ, для пробы, крѣпка ли голова, приводилось угорать отъ каменки; наконецъ волки подали намъ развлеченіе: въ ночь съ 22 на 23, они зарѣзали лучшую передовую камчатскую собаку, привезенную въ редутъ прошлымъ лѣтомъ; съ 24 на 25 захватили разомъ трехъ собакъ; туземцы принялись разставлять свои ловушки, мы по своему караульте по ночамъ надъ падалью. Такъ прошло время до возвращенія партъ изъ редута.

29 декабря. Изготовились къ походу. Въ теченіи послѣднихъ одиннадцати сутокъ, снѣга выпали столь глубокіе, что для протапыванія дороги я рѣшился нанять двухъ туземцевъ; сверхъ условленной платы, по цѣнѣ товарами на семь бобровъ * каж-

Для любопытныхъ, именно $\frac{1}{2}$ фунта бисеру бѣлаго и краснаго, въ цѣнѣ двухъ бобровъ; топоръ енисейской въ двухъ; ножъ якутской въ одномъ;

дому мы принуждены были дать имъ изъ своей запасной одежды по паркъ и теплымъ торбасамъ: жители Уналаклика оставшихся малолѣтными сиротами, послѣ вымершихъ осною своихъ родителей, не пришли еще въ силу обзавестись всѣмъ необходимымъ для домашняго ихъ быта.

30 декабря. Поутру—22.5; ввечеру—14.75. Ясно, W тихій.

Въ девять часовъ утра, мы оставили Уналакликъ; почевали близъ складки нашей ююлы, которую пытались было попробовать лисицы и росомахи. Въ кустарникахъ я убилъ одинъ экземпляръ *Corythus maculator*, называемый Улукаг-мютами кхаюта-катакшъ, то есть малинован кхаюта. Въ теченіи двухъ-годичнаго моего пребыванія въ странахъ Квихнака, я замѣтилъ, что эта птичка прилетаетъ къ берегамъ рѣкъ предъ наступленіемъ морозовъ, лѣтомъ же, ница прохлады, удаляется въ горы.

31 декабря. Поутру—11°; маловѣтріе SW; до 11 часовъ морокъ; ввечеру—11° SW тихій; временемъ мелкій снѣгъ.

Съ половины осьмага часу утра, поднявшись на лѣвый берегъ Уналаклика, мы прошли во весь день не болѣе семи миль, по главному направленію къ востоку: собаки лѣнились, не смотря что по тундрѣ снѣгъ убить крѣпко; три переправы чрезъ узкіе крутоберегіе оврага, по дну которыхъ змѣются горные потоки, заняли у насъ довольно времени. Ночевали на жилѣ Кунххоглюкъ при рѣчкѣ того же имени; отъ Русскихъ жило прозвано Игудовскимъ, по имени Игудока, одного изъ главнѣйшихъ торговцевъ племени Улукаг-мютовъ. Всѣ жители этого заселенія по осени перешли на Квихнакъ для разторжекъ, и мы оставались полными хозяевами.

Рѣчка Кунххоглюкъ въ полумили ниже жила впадаетъ въ Уналакликъ; на устьѣ ея находятся лѣтники туземцевъ, называемые яквальхакъ; съ вершины пролегалъ переносъ на Квихнакъ къ селенію Ттутаго; имъ проходилъ Глазуновъ въ 1837 году; журнала этого его похода не имѣется въ Новó Архангельскомъ архивѣ, но какъ

два фунта табаку черкаскаго въ двухъ; пальма въ двухъ; сверхъ этого дано каждому въ придачу по огниву. Если приложить дороговизну провоза привезенныхъ мною вещей доставляемыхъ чрезъ Сибирь и сравнить съ цѣнностію, которую имѣютъ эти предметы на рынкахъ Камчатки, Колымы и во владѣніяхъ Гудзон-байской Компаніи, то явственно будетъ что Россійская Американская Компанія платитъ шедро.

самимъ Глазуновымъ, такъ и его спутниками сообщено мнѣ, что путь весьма труденъ, по причинѣ крутыхъ каменныхъ скалъ, съ которыхъ они принуждены были спускать нарты на потягахъ; можетъ быть проводники Улукаг-мюты, въ надеждѣ отвратить насъ отъ покушеній за селенія на Квихпакѣ; водили поэтому переносу нарочно не настоящимъ путемъ; во всякомъ случаѣ, переходъ отъ приморья чрезъ Кунххоглюкъ считается кратчайшимъ.

1 января 1843 года. Поутру — 12.5. малооблачно SW; ввечеру 11.6. тихо.

Взятые нами туземцы изъ Уналаклика, никогда не ходили на Квихпакъ. Староста признался, что проходя переносомъ назадъ тому года два, онъ не крѣпко помнить настоящій путь; толмачъ экспедиціи Курочкинъ сказывалъ, что мы найдемъ попутчиковъ съ Улукака, да в самому мнѣ обѣщавъ одинъ изъ туземцевъ съ того жила идти вмѣстѣ. Не зная хорошо мѣстности, мы для ночлега остановились на лѣвомъ берегу Уналаклика, пройдя или полторы за жило. Главное направленіе пути имѣли почти къ сѣверо-востоку; довольно широкій оврагъ на полпути, отъ Кунххоглюка къ Улукаку, въ глубокую зиму задуваетъ свѣгомъ; во намъ пришлось мостить чрезъ него переправу изъ хвороста. Пройденное разстояніе въ этотъ день считаю въ девять миль.

По вечеру посылали на жило дать знать о своемъ приходѣ: двое молодыхъ туземцевъ, одинъ сопутствовавшій моему толмачу при выходѣ его осенью изъ Нулато, другой, оставленный нарочно для провода транспорта Игудакомъ, являсь, просили подождать одинъ день для приготовления; имѣя въ виду дать отдыхъ собакамъ и познакомиться съ туземцами, я согласился.

2 января. Поутру—13.5 SW умеренный, облачно; ввечеру—22. 25. въ ночь вывѣздѣло.

Съ утра, въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, я ходилъ на жило; къ полудню, наличные жители въ числѣ осьмнадцати душъ обоего пола, собрались къ нашему стану; послѣ обоюдныхъ подарковъ, открылся базаръ. Все съѣдомое, какъ то: юкола, мороженые сиги и гольцы, толкуши разныхъ видовъ, было скуплено, такъ, что двое сутокъ мы могли удовольствоваться собакамъ не трогая своихъ запасовъ. Промерзая на ночлегахъ, я досталъ себѣ другую парку; себѣ и тремъ человѣкамъ команды переменялъ лапки; пришло время обѣда; по кружкѣ чаю слѣдовало предло-

жить гостямъ; изъ своего положенія пришлось удѣлить и сахару и сухарей *. Туземцы пробыли у насъ до заката: женщины предъ костромъ починивали нашу одежду и обувь; дѣти ползали у ногъ матерей, гремя подаренными колокольчиками или отогрѣваясь за ихъ спинами; мужчины ничего не дѣлали, то есть курили трубки и глазѣли, какъ камфора горѣла въ сѣту, какъ компасная стрѣлка бѣгала за концемъ ножа, и проч.

Жило Улукакъ, ** замѣтное со стороны по довольно обширной тополевой рощѣ, среди которой оно раскинуто, находится на правомъ берегу Уналакляка, и состоитъ изъ пяти зимниковъ, столькихъ же лѣтниковъ, и десятка до двухъ кормовыхъ барабровъ или кладовыхъ. Географическое положеніе Улукака, по выведенному счисленію отъ устья рѣки опредѣляется въ широтѣ 64° 59' и долготѣ 159° 47' 30" къ западу отъ Гринвича. Малаховъ 20 февраля 1838 по меридіональной высотѣ солнца вывелъ мѣстность жила въ 64° 56' 56", то есть на 2, 04" южнѣе мною принятаго, но его опредѣленіе в устья рѣки Уналакляка, почти на столько же разнится отъ наблюденій произведенныхъ мною; относительно долготы стоить упомянуть, что самый отшедшій пунктъ или исходная точка, устье Уналакляка, снѣтый Малаховымъ съ генеральной карты Ф. П. Литке, не былъ опредѣленъ астрономически, и что пройденныя разстоянія считаны имъ часами хода, полагая на каждый часъ по четыре версты, безъ вычета времени остановокъ; такимъ образомъ всѣ мѣста по долготѣ на карточкѣ, составленной имъ, показаны восточнѣе настоящихъ своихъ положеній.

Туземцы Кунххоглюка и Улукака, по послѣднему главному своему жилу, прозываемые Улукаг-мютами, принадлежатъ по язы-

* Съ самаго ознакомленія съ Русскими, туземцы Кунххоглюка приучены къ хлѣбу и чаю, то подчиваньями на счетъ Компаніи, отъ управляющихъ рудами и артелями, то частными угощеніями со стороны служителей; это крайне убыточно для отрядныхъ начальниковъ и старостъ, провождающихъ транспорты, потому что они, не получая ничего отъ Компаніи, для соблюденія приязни съ жителями, принуждены дѣлать такіа расходы изъ собственного положенія.

** Улукакъ на языкѣ приморскаго племени Чнаг-мютъ, значить *Песочка*. Жило такъ названо потому, что, до введенія въ общее употребленіе желѣза изъ близъ лежащихъ горъ, доставали серпентинъ, изъ котораго приготавливали топоры и другое оружіе: песочка загибалась у нихъ доселѣ женщины.

ку и обычаямъ къ великому семейству народа Ттынан, занимающаго, какъ кажется, всю внутренность материка Сѣверной Америки; я говорю, кажется, потому что, всё доселѣ извѣстныя намъ племена, обитающія въ мѣстахъ посѣщенныхъ мною, равно какъ и въ верховьяхъ Кенайскаго или правильнѣе Ттынайскаго залива, рѣки мѣдной и всей страны, находящейся по западную сторону Каменныхъ горъ, отъ широты 57° къ сѣверу, сходствуютъ между собою наружнымъ видомъ, нравами, обычаями и языкомъ. Но чтобъ точнѣе опредѣлить ихъ средство, потребно болѣе ознакомленія съ этими племенами. Это предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ материка. Здѣсь я только означу, что Улукаг-мюты удержали за собой прозвище Инкликовъ, данное имъ поморцами, и обыкновеніе ихъ называться по мѣстамъ жительства; сами же себя и своихъ едино-язычниковъ вообще называютъ Ттынанцы-хотона,—людьми по преимуществу.

Улукаг-мюты были изъ первыхъ вступившихъ въ торговля сношенія съ Михайловскимъ редутомъ. При первомъ управляющемъ главнѣйшіе торговцы этого племени, Мускуа, Тумаченко и Игудокъ, доставляли въ редутъ каждый отъ трехъ до пяти-сотъ бобровыхъ шкуръ въ годъ; чрезъ Улукаг-мюты мы узнали о богатствѣ странъ Квихпака пушными промыслами и о торговыхъ сѣздахъ туземцевъ въ Нулато; въ послѣдствіи, когда по распоряженію колоніальнаго начальства, предписано было осмотрѣть и основаться въ тѣхъ мѣстахъ, смѣтливые торговцы, понимая силу Русскихъ, и предвидя для себя убытки, прибѣгнули къ политикѣ Макиавеля: предложивъ свои услуги быть проводниками, они ровно четыре зимы водили наши отряды на Квихпакъ, скрывая легчайшій и ближайшій путь къ Нулато. Наконецъ, когда чрезъ одного неопытнаго мальчика, Малахову въ 1838 году удалось осмотрѣть настоящій переносъ, то и тутъ они не измѣнили своей двуличности: въ одно и тоже время, продолжая торговля связи съ редутомъ и родственныя съ служителями компаніи, подрѣзывая суммы съ товарами при слѣдованіи транспортовъ, страшая именемъ Русскихъ довѣрчивыхъ туземцевъ Квихпака и подучая своихъ соплеменниковъ Такаликсанцевъ, отдѣлаться отъ насъ вожемъ, чтобъ при неудачѣ остаться въ сторонѣ и избѣгнуть мести, подсылали переметчиковъ съ увѣдомленіемъ о такихъ покушеніяхъ.

Поселясь на путяхъ сообщеній между Квихпакомъ и приморьемъ, Улукаг-мюты естественно сдѣлались посредниками въ

сношеніяхъ Малейг-мяуть съ туземцами материка. Не занимаясь промыслами и посвящая всю жизнь торговымъ дѣламъ и побѣдамъ, они, породнившись съ береговыми жителями, заимли отъ нихъ нѣкоторые обычаи и повѣрья и, передавъ квихпакскимъ своимъ соплеменникамъ, умѣли удержать надъ ними свое превосходство то ловкостью, то сплюю. Рѣдкій изъ Улукаг-мяутовъ не шаманъ, всѣ до одного хорошіе торговцы. Не будучи разборчивы въ способахъ обогащенія, то, чего не имѣютъ возможности вышаманить и выторговать, берутъ насильственно или платятъ по произвольной цѣнѣ. Въ своихъ операціяхъ они не спускаются по Квихпаку ниже жила Важичагаты или Макаслагъ, но чрезъ протокъ Ццыцека поднимаются довольно высоко по рѣкѣ Шильтонотто, которой низовье извѣстно было намъ подъ именемъ «Чагелюка»; только однажды смѣлый Игудокъ вздумалъ было возвратиться на свое жилище Кунххоглюкъ чрезъ одно изъ устьевъ Квихпака, но задержанный болѣзнію на жилѣ Анилхтак-пакъ, принужденъ былъ оставить свое предпріятіе.

Нынѣ, по учрежденіи нами заселенія въ Уналакликъ, Улукаг-мяуты, видя, что мы сѣли на ихъ прямомъ пути сообщенія съ Малейг-мяутами, открыли сношенія съ ними чрезъ переносъ, предложенный отъ жила Кунххоглюкъ въ губу Тшахтоль. Изъ этого видно, что не столько важно занятіе удобныхъ мѣстъ, сколько правильное производство торговли: мы подчуемъ туземцовъ бисеромъ, табакомъ, кольцами, а они просятъ одежды и пищи и, видя что мы не въ состояніи удовлетворить ихъ въ этомъ отношеніи, изыскиваютъ всякіе пути для доставленія себѣ необходимыхъ жизненныхъ потребностей.

Въ пребываніе мое на Квихпакѣ и редутъ Святаго Михаила, въ различные времена я имѣлъ неоднократныя сношенія съ многими изъ Улукаг-мяутовъ. Въ 1844 году все ихъ племя, узнавъ о моемъ возвращеніи въ редутъ и о приходѣ туда священника, явилось для принятія Святаго Крещенія, безъ всякаго съ нашей стороны убѣжденія и 30-го іюня Промыслу Всевышняго угодно было, чтобъ я былъ воспріимникомъ ихъ въ жизнь вѣчную.

На память прохода экспедиціи, на мѣстѣ нашего стана, мы поставили крестъ.

3-го января. По-утру — 25,5, облачно, просіаніе ☉; вечеромъ — 26,25, во весь день SSW тилій.

Втеченіи семи часовъ свѣта, то есть, отъ начала утренней за-

ри до потушенія вечерней, мы прошли одиннадцать миль по главному направленію къ NO 36° праваго компаса, останавливаясь только для отдыха собакъ. Отъ Улукака направленіе пути пролегаетъ по тундрѣ и чрезъ небольшіе перелѣски къ замѣчательной отдѣльной сопкѣ Цыццека, по имени которой Улукака-мюты называютъ и рѣку Унакакакъ. Гору эту Русскіе прозвали «Веселюю» и она весьма примѣтна, сколько по своей высотѣ, — футъ до осьмисотъ, — столько по виду, схожему изъ-дали съ огромнымъ кирпичнымъ сараемъ или крутой домовою крышею. Западную ея подошву омываетъ рѣчка Тоукатъ или Цыццека-тойна, — малая Цыццека, протекающая отъ юго востока. По журналу Малахова 1838 года, онъ слѣдовалъ по ней до вершины, въ которой опредѣля широту 63° 53' 45" на другой день вышелъ на Квихпакъ при жилахъ Кахокго-хакать. Ширина рѣчки при подошвѣ Цыццека до сорока сажень; устье, чрезъ мелкіе тальники, видно въ полумилѣ къ сѣверо-востоку. Туземцы и спутники Малахова сказываютъ, что по ней достаточно бобровыхъ бараборъ.

Перейдя Тоукатъ, мы почевали на правомъ его берегу въ рѣдкомъ словомъ лѣсу. Всечеру соединился съ нами Улукака-мюты Мускуа, слѣдующій со своимъ семействомъ для покупки пушныхъ промысловъ по квихпакскимъ жиламъ: онъ идетъ на двухъ парточкахъ, изъ которыхъ одну тинетъ старуха, собака и мальчикъ лѣтъ тринадцати; другую — его жена съ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати; самъ Мускуа, съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за плечами и пальмой насаженной на древко въ рукѣ, помогаетъ гдѣ нужно. Годовая дѣвочка сидитъ у матери въ партѣ; два мальчика, шести и осми лѣтъ, слѣдуютъ по слѣду на лапкахъ; Мускуа везетъ пузырь бѣлужьяго жиру, шесть оленинъ и фунта три бѣлаго и краснаго бисеру, всего бобровъ на сорокъ; но онъ ловкъ и изъ извѣстнѣйшихъ шамановъ-обманщиковъ, что отъ насъ и не скрываетъ, смѣясь надъ простотою и довѣрчивостію своихъ квихпакскихъ соплеменниковъ.

Инкилики отъ племенъ приморскихъ рѣзко отличаются веселостію нрава. Передъ спомъ, пока варилась у насъ каша и семья Мускуа поджаривала на палкахъ мороженную рыбу, сопровождающіе насъ двое молодыхъ туземцовъ и мальчики нашего спутника, плясали передъ огнемъ, подъ звуки разнообразныхъ, живыхъ, воинственныхъ своихъ пѣнъ; даже малолѣтніе не отставали, несмотря что цѣлый день былъ въ ходьбѣ и, казалось, должны бы устать.

4-го января По-утру — 28,75, облачно, просіаніе ☉, N тихій; ввечеру — 28,75, тихо, ясно.

Отправясь въ путь съ семи часовъ утра, при лунномъ сіяніи, мы шли весь день мелкимъ словымъ горѣлымъ лѣсомъ, по главному направленію къ ОНО; снѣги глубоки и рыхлы; просѣки, дѣлаемыя въ чащахъ туземцами, столь узки и извилисты, что наши нарты, задѣвая за пни и кусты, часто опрокидываются; идя въ пяти отъ вчерашняго ночлега мы выходили чрезъ частый ольховникъ на лѣвый берегъ Уналаклика; отъ горы Цыцка долина, по которой пролегаетъ переносъ, миль до двадцати длины и десяти ширины, но къ перевалу постепенно суживается; подъемъ незаметенъ.

Проведя шесть сутокъ въ походѣ, я теперь въ состояніи описать порядокъ нашего слѣдованія и приваловъ на ночлегахъ. Мы были въ числѣ четырнадцати душъ, со включеніемъ четверыхъ туземцевъ-проводниковъ и топталщиковъ. Тотчасъ по остановкѣ, вошки при нартахъ, привязавъ къ палкамъ тѣхъ собакъ, которые грызли свои алыки, расходились на слѣдующія работы: дѣло старосты было разводить огонь, на что у него хранились всѣ нужные къ тому принадлежности; двое Русскихъ съ двумя туземцами разгребали снѣгъ для огня и ночлега; четверо, съ двумя другими туземцами, отряжались къ рубкѣ и носкѣ дровъ и хвоя подъ подстилку; наконецъ, остальные двое отыскивали воду, но всего чаще мы употребляли снѣговую. Утоля жажду чаемъ, всѣ отправлялись за дровами къ ночи. Съ пяти часовъ ставились часовые, по два человѣка на три часа, такъ, чтобъ каждый, простоя у нарты полтора часа, снѣвался другимъ стоявшимъ у огня. Я и транспортный староста, были изъяты отъ караула: я, потому, что безъ того не ложился прежде полуночи; староста за тѣмъ, что на немъ лежалъ общій надсмотръ. Въ семь часовъ или въ половинѣ осьмага кормили собакъ и потомъ распускали ихъ на волю; между тѣмъ носилъ каша и вторично чайникъ*; поужинавъ, каждый ладилъ себѣ мѣсто, устлая

* Чай, усвоенный какъ непрежнняя потребность Креоловъ и Русскихъ, слугащихъ Компаніи, привозится въ колоніи Англичанами изъ Кантова, самаго низкаго достоинства. Отъ Компаніи до 1843 года фунтъ продавался по рублю пятнадцати копѣекъ серебромъ. Всѣ жители колоній привыкли его пить въ самомъ бѣдномъ настоѣ, и потому рѣдкому достаетъ фунта на мѣсяцъ. У насъ, по разчисленію количества взятаго изъ Ново-

хвоей, переобувался*, вѣзалъ въ спальную парку** и ложился. Но исключая меня, котораго надоумили покрываться сложенными вдвое брезентомъ, всѣ раза по четыре въ ночь подползали къ костру отогрѣваться.

На пути топталыщники шли по два въ рядъ, обтапывая каждый кусть, въ-особенности на поворотахъ; въ числѣ ихъ находились толмачъ и я; староста и одинъ изъ Русскихъ помогали вошкамъ; особенныхъ остановокъ для отдыха собакъ не дѣлали, потому что безъ того овѣ были часты.

5-го января. Го-утру — 25,5, ясно, тихо; ввечеру — 28 75.

Въ нынѣшній день мы не прошли болѣе пяти миль, но перешли много трудностей; снѣгъ отъ морозовъ перемерзъ и разсыпается какъ песокъ; собаки безъ помощи человѣка не трогаютъ съ мѣста нарты. Главное направленіе пути было какъ и вчера къ NO 67°, между мелкаго еловаго лѣсу и горной рѣчкой, узкой, извилистой, заваленой снѣгомъ; туземцы Инкилки называютъ

Архангельска, приходилось по полу-фунту на человѣка, считая на двѣнадцать мѣсяцовъ. Чѣмъ было дополнить недостатокъ? Въ походахъ мы выкидывали изъ чайника траву два и три раза въ недѣлю: было бы вязко, да горячо; вполсѣдствіи собирали листки морошки, княженки и кипрея.

* На ходу нѣтъ возможности отморозить ноги, развѣ торбаса тѣсны или одѣльные подвертки, которыя мы употребляли до пріобрѣтенія оленьихъ шкуръ на чулки, не хорошо просушены; во время сна, въ-особенности если лечь не переобувшись, это случится непремѣнно: испарина, не пропускаемая торбасомъ, при бездѣйствіи замерзаетъ; каждый изъ насъ втеченіи двухъ или трехъ часовъ времени, отъ остановки на ночлегъ до сна, при снятіи торбасовъ, находилъ на внутренней сторонѣ подошвы на четверть дюйма снѣгу.

** Не имѣя дозволенія нѣтъ лѣсны или медвѣжьихъ одѣла, служители Мидайловскаго редута выдумали шить изъ оленьихъ шкуръ длинныя парки, которыя надѣваютъ сверхъ одежды; такія спальныя парки неудобны, въ-особенности для пѣшеходныхъ походовъ; во-первыхъ, тяжелы, моя легчайшая вѣсила четырнадцать фунтовъ; вѣсь обыкновенной, изъ двухъ съ половиною шкуръ, отъ двадцати-двухъ до двадцати-пяти фунтовъ; во-вторыхъ, во время сна ноги не закрыты и у неопытнаго или довольно безпечнаго легко могутъ быть отморожены; наконецъ, какъ ни кутайся, съ ногъ поддуваетъ и продуваетъ до озноба; мехла парки отпачиваетъ отъ дышанія, между-тѣмъ какъ просушить близъ огня, при двадцати-пяти градусномъ морозѣ, не представляется ни какой возможности.

се «Католитно»; въ ея вершинѣ, по словамъ проводниковъ, живутъ бобры; истокъ имѣеть въ Уналакликѣ.

Замѣтя, что по свѣже-протоптанному слѣду собаки идутъ весьма худо, мы распорядились такъ, чтобъ передовщики къ слѣдующему дню протантывали впередъ или три или четыре. Въ ночь пробитый слѣдъ нѣсколько крѣпнеть и поднимаетъ собакъ и нарту.

6-го января. По-утру — 28,5, ясно, тихій SSW; ввечеру — 28,75, тихо.

Главное направленіе пути нашего и въ этотъ день было къ NO 67°; самый путь пролегалъ то рѣчкою Католитной, то мелкимъ еловымъ чапыжникомъ, среди котораго попадались мѣстами куны строеваго лѣсу; въ одной изъ такихъ купъ мы сложили шестьдесятъ штукъ юколовъ для собакъ, при обратномъ ихъ спускѣ изъ Нулато; пока рубили сайбу и грѣли чайникъ, я, затевавъ толстую ель, пистолетнымъ шомполомъ выжегъ крестъ, годъ и число. Мѣстность кажется болотистою. Въ семи миляхъ отъ оставленнаго нами стана мы перешли горный потокъ Матукайнокъ, прозванный Русскими Бобровою рѣчкою, по оставленной старой бобровой бараборѣ, видной близъ пути. Матукайнокъ при переходѣ не шире трехъ сажень, берегъ крутъ, глубокъ и по быстротѣ рѣдко мерзнетъ; впадаетъ въ Уналакликъ. Ночевали при подошвѣ перевала или раздѣла водъ, пройдя въ день около девяти миль: этому переходу способствовала, миль трехъ длины, узкая, обнаженная отъ лѣсу долина, заключенная между Бобровою рѣчкою и переваломъ; съ него видна вершина Веселой сопки.

7-го января. По-утру — 30,25, N умѣренный, ясно; ввечеру ртуть замерзла.

При лунномъ сіяніи, съ половины седьмага мы тронулись въ путь. Перевалъ, на разстояніи пяти или шести миль, простирается между высокими, обнаженными горами, но направленію къ NO 50°, и состоитъ изъ трехъ холмовъ; первый безлѣсенъ, но со стороны приморья довольно крутъ; остальные два покрыты чапыжникомъ; логъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ не шире четверти мили. При подошвѣ послѣдняго холма протекаетъ горный ручей Ктугутава, принадлежащій къ водамъ княжикскаго бассейна. На берегу его, опушенномъ огромными тополями и березою, останавливался на часъ времени для чайника и отдыха собакъ: холодъ становится ощутителенъ: даже ва ходу опасно снять рукавицу. Ночевали, пройдя мили четыре отъ спуска, въ хорошемъ строевомъ еловомъ лѣсу.

8 января. Ртуть замерзла, ясно, тихо.

Съ семи часовъ и до полудня, мы прошли только то, что было проложено съ вечера; снѣгомъ какъ терпугомъ рѣжетъ полозья, морозъ и для собакъ становится невыносимъ: при каждой кочкѣ или выбоинѣ онѣ ложатся, свертываясь кольцомъ. Чтобы люди не выбились изъ силъ, въ часъ по полудни остановились на ночлегъ у вершины горнаго ручья, называемаго туземцами Митой-тойва. Собакамъ давали по двѣ юкеры. Пройденное разстояніе по главному направленію къ NO 70° считаю близъ пяти миль; путь пролегаетъ лѣсной долиной миль въ двѣ шириною.

И спутникамъ нашимъ приходится не до пляски. Правда, семейству Мусквы тепло: они совершенно раздѣвшись спасаются подъ большими оленьими одѣялами, сшитыми изъ шести шкуръ; но бѣдная старуха и ея дѣти, мальчики живущіе у этого торговца въ родѣ работниковъ, подходят на ночь къ нашему костру; нѣкоторые изъ команды снабжаютъ ихъ кой-чѣмъ изъ своей запасной одежды. Туземцы не рѣшаются пускаться въ такой походъ въ глухую зиму и съ нами пошли потому, что надѣялись на скорый выходъ.

9 января. Ртуть замерзла; ясно, тихій, но рѣзкій N.

Пройдя около двухъ миль къ NO 70° и перейдя вторично потокъ Митой-тойва, мы по направленію долины сдѣлали поворотъ къ SO 80°, и подвинулись впередъ еще миль на двѣ: намъ хотѣлось въ вышній день выйти изъ горъ, но близъ 2 часовъ за полдень, встрѣтя двухъ туземцевъ, остановились для ночлега въ мелкомъ еловомъ лѣсу. То былъ одинъ изъ родственниковъ Мусквы и Тумачугвакъ, бывший проводникомъ Малахова и Глазунова, хитрый, но умный старикъ и знатный торговецъ. Они сказывали, что зная о моемъ слѣдованіи отъ управляющаго Нудатовской артелию и услыша вой собакъ и говоръ людей, нарочно пришли познакомиться со мною. Я довольно узналъ политику туземцевъ, чтобы принимать за наличную монету такіе комплименты, но меня удивила разрѣженность воздуха, допустившая быть слышиму за осемь миль. Обогрѣвъ новыхъ знакомцевъ чаемъ, мы отпустили съ ними и обонхъ туземцевъ, взятыхъ изъ Улудака.

Несмотря на жестокой холодъ, любопытство взяло посмотреть ртуть сохраняющуюся, для опредѣленія мѣсты, въ артифициальномъ горизонтѣ: она была превращена въ густое тѣсто. При тридцати градусахъ морозу холодно, да разойдешься и согрѣешься

кажется три градуса меньше; при возрастающей температурѣ, такъ, но при пониженіи жестоко ощутительно; чуть остановился, морозъ пробираетъ до костей; не много помогаетъ и огонь, который въ такихъ случаяхъ не выскитя пламенемъ и едва обхватываетъ костеръ.

10 января. Поутру — 32, 5, N тихій, ясно; ввечеру ртуть замерзла. Тихо.

Собаки передней парты, прорѣзывая колею для слѣдующихъ, выбились изъ слѣзъ; очередному топталыщику изъ Русскихъ, я приказалъ помогать имъ въ лямкѣ, а самъ по обыкновенію пошелъ передомъ, обѣкая вѣтви. Пройдя съ милою по направленію къ востоку, мы вышли изъ горъ; вчерашній слѣдъ туземцевъ лежалъ къ NO 60° чрезъ гладкую долину около двухъ миль протяженія; за обгорѣлымъ лѣсомъ, окаймляющимъ Квихпакъ, видѣлся ея противоположный берегъ. Слыша вой собакъ, скрипъ полозьевъ и не выпуская изъ виду переднюю парту, въ сопровожденіи толмача, мы перешли долину, лѣсъ, и вышли на берегъ.

Плесо Квихпака при спускѣ не шире полумили; рѣка протекаетъ отъ NW къ SO въ одномъ руслѣ; правый берегъ до пятидесяти футъ высоты, крутойрѣ; но сѣбѣ набитый къ берегу юговосточными вѣтрами, устроилъ такой спускъ, что мы съѣхали не отпрягая собакъ. Лѣвый берегъ луговой; невысокая цѣпь холмовъ, протягивающаяся параллельно рѣкѣ, миль въ пятнадцать, представляется съ рѣки отдѣльными возвышенностями.

Собаки, почуя жилюе, пошли хорошо, и въ полдень съ переднею партою, въ числѣ четырехъ человекъ, мы пришли на жилие Хоголтаиде, расположенное на лѣвомъ берегу Квихпака. Грузъ нашъ принялъ на свое попеченіе пріятель мой Тумачугнакъ; туземцами жила были встрѣчены предупредительно. Слѣдуетъ пояснить, что съ осени дошелъ до нихъ слухъ о слѣдованіи въ Нулато русскаго настоящаго тоёна; нѣкоторые изъ молодежи были за одно съ Такааксанцами, которые въ прошлую зиму разграбили нашу юколу въ Унаалаккѣ. Туземцамъ не вразумительна была цѣль экспедиціи: ожидая возмездія, они для всякаго случая пригласили удалыхъ своихъ родственниковъ изъ Такаакса. Миѣ безъ повода, не было дѣла вспоминать прошедшее.

Вползая съ тридцати двухъ градусовъ мороза въ казимъ двухъ съ половиною сажень въ квадратѣ и слншкомъ еорокъ градусовъ

тогда, вскорѣ послѣ обращенія его изъ бани въ гостиную, набитый по крайности сорока человѣками мушкетъ, окончившихъ свой туалетъ, мнѣ захватило духъ отъ ѣдкой жидкости, которую туземцы недавно мылись, — я былъ еще новичекъ. Первое движеніе было лезть назадъ, но образумленный толмачемъ, что не найду удобнѣйшаго мѣста, просилъ открыть свѣтлый люкъ и очистить для насъ одну сторону. Тумачугнакъ, вступившій въ должность посредника, напрасно передавалъ мое желаніе сидѣвшимъ на лавкахъ Такааксанцамъ: они, какъ въ послѣдствіи смѣясь разказывали, нарочно хотѣли узнать, что за русскій тобѣй, которымъ ихъ страдали въ Нулато. Взылась нагайка * и внигъ правая сторона опустѣла. Скинувъ парки, по узкости лавокъ, мы расположились на полу и чрезъ пятнадцать минутъ Угаликъ, мальчикъ провожавшій моего толмача въ Уналакликъ, принесть согрѣтый чайникъ. Когда всѣ поуспокоились, жители Хоголтланда, одинъ за другимъ начали приносить намъ въ подарокъ свѣжей рыбы и юколы; вскорѣ набралось у насъ пять юколъ чавычи, сто тридцать хайка и тридцать штукъ мороженой рыбы, разныхъ сортовъ: налпмовъ, максуновъ, нельмъ, пуукъ и сгоговъ; — мы разбогатѣли.

Промерзши до костей въ теченіи послѣднихъ четырехъ сутокъ, когда мы нѣсколько отогрѣлись, сонъ сталъ одолевать насъ; двоимъ я позволилъ заснуть; третьяго для развлеченія послалъ варить, самъ расположился на караулѣ: нельзя было слѣпо довѣряться жителямъ, которые дважды покушались на истребленіе нашихъ отрядовъ. Такъ въ 1839 году, на этомъ жилѣ Такаак-

* Первый шагъ во всемъ и вездѣ труденъ. Въ Михайловсконъ редуѣ, изъ разказовъ о прежнихъ дѣйствіяхъ отрядовъ, мы увидѣли сколь неблагоприятно для нашего вліянія въ этомъ краѣ всегдшнее паиобратство отрядныхъ начальниковъ съ туземцами и подарки разсылаемые ими безъ разбора всѣмъ жителямъ. Улукаг-мюты прямо говорили, что русскимъ запрещено наказывать ихъ за дерзости, и что при случаѣ убійства, достаточно заплатить по 20 бобровъ за каждую русскую голову. Съ малыми средствами, которыя мы имѣли, продолжая дарить туземцевъ за каждую маловажную услугу, не далеко привелось бы уйти, и потому мы рѣшились придерживаться весьма вѣрнаго взгляда на общественный характеръ туземцевъ Ф. П. Врангелъ, который, въ инструкціи Глазунову, при первоначальномъ обозрѣніи Квихпака въ 1834 году, изъясняется такъ: «Ты, а думаю, забылъ, что когда ихъ о чемъ просишь, они не соглашаются, и потому слѣдуетъ показать твердость.»

сарцы едва не зарѣзали Дерабина, оставившись самъ трескъ, по отсутствію Малахова въ редутъ: Дерабина спасло присутствіе духа: видя, что пришедшіе подъ видомъ торговца, потянулись за пожами, онъ, не имѣя приказанія обороняться прежде дѣйствительнаго нападенія, разогналъ туземцевъ, брося нѣсколько патроновъ на тѣвшееся пепелище. Такъ въ 1842 году, единственно смѣль и отвагъ Ярославца Дмитриева одолженъ сохраненіемъ транспортъ шедшій съ товарами въ Нулато, По службѣ удавалось мнѣ не спать ночи по двѣ, и въ разѣздахъ противу вольницы Тальшинскаго Ханства и подъ берегомъ столицы нашихъ колоній, но никогда я не чувствовалъ такого изурненія. Наконецъ принесена варя, сонъ прошелъ въ тѣхъ и разборкѣ нѣкоторыхъ вещей. Вечерѣло, надобно было ладить ночникъ. Жители весь жиръ пріѣли на бывшихъ игрушкахъ. По счастью прибывшій Мускуа далъ кусочекъ бѣлужьяго. Отъ колотенца оторвали на свѣтлильну и туземцы подползли къ намъ съ разными работамъ.

Въ два часа по полудни, къ отставшимъ нартамъ мы послали на помощь пять человѣкъ туземцевъ, давъ имъ свои парки. Около пяти часовъ, одинъ изъ нихъ воротился съ ознобленнымъ носомъ. Въ половинѣ седьмаго, прибылъ къ жилю Т. Глазуновъ съ нартой. На спросъ гдѣ остальные, онъ стѣбчалъ, что разставшись въ полдень, онъ шелъ на говоръ людей и повстрѣчавъ посланныхъ намъ туземцевъ, былъ приведенъ ими. Глазуновъ ознобилъ у обѣихъ ногъ пальцы и пятки. Въ половинѣ десятаго явился Баженовъ съ увѣдомленіемъ, что собаки встали и команда, выбившись изъ сна, едва ли будетъ въ состояніи держать въ ночь огонь; у него оказались слегка познобленными кисть лѣвой руки и большіе пальцы ногъ. Баженовъ оставилъ нарты въ прибрежномъ лѣсу, стало быть не болѣе, какъ за милю до спуска. Ртуть замерзла; но туземцы не отказались отъ помощи и семь человѣкъ съ четырьмя нарточками отправился къ транспорту. Къ полночи мы все соединились. Шмаковъ поморозилъ большіе пальцы ногъ. Слѣдовало ли замѣчать старостѣ, что растянувъ транспортъ онъ подвергалъ его гибели? Испытавъ на себѣ все трудности похода, я зналъ желаніе каждаго добратся до жилаго мѣста. Въ послѣднюю ночь, все просидѣли предъ огнемъ, не имѣя возможности просушить обувь и парки; съ одной стороны жгло, на другую въ тоже время садился иней. Разпредѣля время для смѣны часовыхъ, около двухъ часовъ за полночь мы усновались.

11 января. Ясно, N тихій, ртуть замерзла.

Дневали. Вольное, но ласковое обращеніе съ проводниками и отличіе, оказываемое главнѣйшимъ торговцамъ, скоро приобрѣли мнѣ расположеніе туземцевъ; за подарки, полученные нами вчера, ны нынѣ отдарили сообразно; при этомъ случай перепало по листу табаку и гостямъ Такалкавцамъ. Ввечеру угощали нѣкоторыхъ стариковъ чаемъ съ сухарями.

Намѣреваясь, отдохнувъ въ Нулато, сдѣлать поискъ къ Котцебу-Зунду, нынѣ приобрѣли двѣ туземныя нарточьи, удобности и легкости которыхъ видѣли на самомъ дѣлѣ.

12 января. Поутру — 31,5. SW тихій, ясно; ввечеру — 20,75. Тихо.

Дневали. Утро было посвящено торговлѣ или правильнѣе мнѣнїю И у Инкилотовъ, какъ у народа Канг-юлитъ, существуетъ обыкновение дарить незнакомца, впервые посѣтившаго ихъ жили; третьяго дня мы получили подарки, нынѣ приносили для продажи. Зналъ, что въ Нулато не успѣли сдѣлать достаточныхъ запасовъ, и покупалъ все, одно для собакъ, другое для продовольствія команды. Узнавъ нашу нужду въ легкихъ ходовыхъ паркахъ, для весенняго похода, тороватые туземцы продали съ себя двѣ звращенныя и одну выхухолью.

Послѣ обѣда я посѣтилъ Тумачугнака въ его зимникѣ. Племя Инкилковъ, проживающихъ по Квихпаку отъ устья Чагелюка до Нулато, усвоивъ одежду приморцевъ, бисеровъ не носятъ. Со всѣмъ тѣмъ въ оборотахъ съ верховыми племенами, бисеръ составляетъ главнѣйшее ихъ богатство: 155 печатныхъ сажень бисера сосчитавшыя мною у Тумачугнака, по его словамъ должны доставить ему столько же бобровъ перваго сорта; это справедливо, но при основаніи постоянного нашего заселенія въ Нулато, становится трудно мѣстнымъ жителямъ сбывать свои бисера верховымъ. Вотъ главнѣйшій и единственный предлогъ неприязненности, которую питаютъ къ намъ Улукаг-мюты: отстраняя ихъ отъ торговли, мы обязаны доставить имъ, или указать другіе способы къ существованію. Отъ благосостоянія туземцевъ зависитъ процвѣтаніе самой Компаніи.

Какъ ни жалко было мнѣ разстаться съ Глазуновымъ, однимъ изъ скромнѣйшихъ и усерднѣйшихъ моихъ сподвижниковъ, вѣзтыхъ изъ Ново-Архангельска, но по слабости его здоровья прилежательнымъ нашелося дозволить ему возвратиться въ редутъ. Шиванову тоже надлежало, для излеченія ногъ, провести нѣсколь-

ко дней на мѣстѣ. Оба поручены на пропитаніе семьѣ Тумачугнака и одному изъ племянниковъ Игудока, по имени Мантака, — перчатка, — показавшему во многихъ случаяхъ особенную приверженность къ Русскимъ.

Считая это жили и Кххальтаг-Чавычье, расположенное въ милѣ къ низу, своимъ запаснымъ провіантскимъ магазиномъ, намъ слѣдовало задобрить жителей. Вечеру попли старухъ и домовитыхъ хозяекъ чаемъ съ сахаромъ и сухарями, всѣ розданные кусочки сахару спрятаны для дѣтей, которыхъ папешки и маменьки, двари, балуютъ какъ нигдѣ. Впослѣдствіи, сколько разъ мнѣ удавалось принимать лучшія пушныя промысла, за кусокъ сахару или другую какую бездѣлицу, приглававшуюся мялукѣ. Разумѣется, съ нашей стороны, сахаръ былъ только дополненіемъ того, чего стоилъ промыселъ.

Несмотря на тѣсноту, туземцы для увеселенія нашего, въ оба вечера пѣли и плясали.

13 января. По утру—25, 6. Тихо, мало облачно; вечеромъ—21; шорокъ.

Къ девяти часамъ утра мы были готовы выступить въ походъ, какъ схватились двухъ топоровъ, которые оставались на дворѣ для колки дровъ. Ни угрозы, ни просьбы не помогали къ отысканію вора. Объявивъ, что если при возвратѣ транспорта, не будетъ возвращена покража, то взыщется по цѣнности, со всѣхъ жителей поголовно, мы отправились, но не успѣли отойти четверти мили, какъ Мускуа догнавъ объявилъ, что одинъ топоръ отысканъ. Староста съ толмачомъ взяли похищенную вещь у старика, на котораго доказала жена. Другой топоръ привезенъ въ Нулато по весѣ.

Чувствуя себя не очень здоровымъ и надѣясь побывать въ Хоголтанде, для астрономическаго опредѣленія мѣста, я не замѣчалъ по компасу плесъ рѣки. Ночевали, на правомъ берегу, миляхъ въ шести отъ жила.

14 января. По утру—22,35, мало облачно, NNO, утрѣнный; вечеромъ—14 облачно, въ ночь мелкій снѣгъ.

Въ этотъ день мы прошли милю одиннадцать; ночевали также на правомъ берегу въ виду кормовыхъ бараборъ Такаликсанцевъ, проживающихъ по озерамъ, разсыпаннымъ по тундрѣ лѣвой стороны Квяхпака. Двухъ обезсилѣвшихъ собакъ принуждены были бросить на дорогѣ, но одна отдохнувъ воротилась въ Хоголтанде и была взята транспортомъ при возвратѣ, другая дотащилась

возади нарты до Нулато и впоследствии служила намъ одною изъ лучшихъ тягловыхъ собакъ.

15 января. Утро — 13 пасмурно, снѣгъ, SSW тихій, ввечеру — 21, NN тихій.

Пройдя около пяти миль отъ ночлега, мы подошли къ небольшому жиу Хуликата, прозванному отъ Русскихъ Шаманово; жители, какъ сосѣди нашего нулатовскаго заселенія, вышли къ намъ на встрѣчу и просили ночевать: туземецъ никогда не пройдетъ жида, если бы даже оно было въ виду того, съ котораго онъ отправился, — таково обыкновеніе. Нетерпѣніе окончить походъ, понуждало меня съ одной нартой отправиться далѣе, другія оставлены были для отдыха и обѣда. Отъ Хуликата къ Нулато, по приливъ частыхъ сообщеній, путь взъятый, гладкій; мы шли на рысяхъ, Около полудня, при внезапной перемѣнѣ вѣтра, снѣгъ пересталъ, выяснилось, мы увидѣли своихъ. Староста артели самъ третей оканчивалъ второй рыболовный заповрь. Обрадовались, обнялись какъ родные и въ два часа по полудни въ дышной, грязной кануркѣ байдарщика, мы оба благодарили Бога, что походъ нашъ кончился безъ важныхъ послѣдствій. Управляющій артелью Дерябинъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ Глазунова и Малахова, сказывалъ, что помнитъ только одну ночь съ такими жестокими морозамп, которыхъ намъ привелось испытать почти недѣлю сряду.

16 и 17 отдыхали, пользуясь фунтомъ съ четвертью сухарей и полуфунтомъ крупъ на человѣка. При трудностяхъ похода мы порядочно голодали. Правда, съ выхода на Квишпакъ люди довольствовались и свѣжей рыбой и юколою, но не успѣли еще, что называется, заморить выть. Роздавъ каждому по десяти фунтовъ муки сверхъ положенія, мы напекли пироговъ и вскорѣ забыли все непріятности похода.

Вмѣсто Глазунова вызвался нести труды экспедиціи, изъ числа редуточной команды, рязанскій ямщикъ Баженовъ. Десятаго числа ему прихватило морозомъ большіе пальцы у ногъ, но до Нулато онъ о томъ не сказывалъ, да и не горюетъ, отзываясь: — «То ли еще бывало!» Раны Аклаюка не закрывались, онъ просилъ увольненія. Съ своей стороны, желая имѣть только охотниковъ, я согласился. 18 января, собаки отправлены обратно къ редуту.

Зимнее пребываніе въ Нулато. Походъ къ рѣкѣ Юллячюу и къ Коцебу-Зунду.

Прежде всего слѣдовало озаботиться о способахъ продовольствія. Правда, у насъ было по фунту съ четвертью сухарей на день, четыре пуда ветчины, полтора пуда бульону и девяносто фунтовъ пемикену. Но исключая сухарей, прочіе запасы береглись на время походовъ. У нашей артели стояло два запора съ четырьмя мордами, во втеченіи шести недѣль, проведенныхъ нами въ Нулато до похода къ Коцебу-Зунду, поймано всего триста осемьдесятъ три штуки нельмъ и свговъ, наиболѣе малаго разбору, такъ что приходилось менѣе нежели по два сига въ сутки, на каждаго человѣка команды одиночки. Сверхъ-того у артели было до четырехъ-сотъ юкогъ хайба, скупленнаго по осени у туземцевъ, но то сохранялось какъ для весенняго продовольствія, такъ и для расхода на транспортъ, который въ мартѣ долженъ былъ доставить товары въ Нулато для лѣтнихъ расторжекъ. Такимъ образомъ на скудные запасы нашего заселенія мы не могли полагаться.

Чтобъ устранился отъ голодовки, — колониальное выраженіе, — мы принуждены были обратиться къ туземцамъ, предоставя покупку отъ нихъ провизіи опытности управляющаго артелью и благодаря Бога не терпѣли большой нужды. Со всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ добавить, что зачастую находились въ такомъ состояніи, что пообѣдавъ, могли обѣдать вторично. Ужиновъ во все время нашего пребыванія въ Нулато мы не знали. Главнѣйшіе похажіе товары, то есть, тѣ, на которые у туземцевъ было наиболѣе требованій, какъ-то бисера, цукки, котлы, кружки, не выпускались на провизію. Но вмѣсто-того собственно у меня оказался товаръ, на который команда прокармливалась почти всю зиму и весну. Вотъ какимъ случаемъ онъ мнѣ достался.

Въ проѣздъ мой въ російско-американскія колонія черезъ Сибирь, я заѣзжалъ на родину. Старикъ отецъ, будучи однажды въ лавкахъ, вспомня о моемъ путешествіи въ Америку, купилъ на нѣсколько десятковъ рублей, разныхъ цвѣтовъ стекляруеу, бусъ, серегъ, колець и прочаго. Отдавая мнѣ, батюшка какъ-бы предвидѣлъ будущее, сказавъ: «Это пригодится тебѣ». Признаюсь, знакомый по описаніямъ и рассказамъ сотоварищей съ состояніемъ Ново архангельска, я недоумѣвалъ, къ чему могла быть по-

лезна эта копѣчная художественность. Промысль Божій не далъ отеческимъ словамъ пропасть вступъ...

Пользуются сами насущною пищею отъ сосѣдей, для десяти собакъ оставленныхъ при экспедиціи слѣдовало поискать корму по-далѣе. Туикусъ Никитицъ и толмачъ Курочкинъ, какъ бывалые на Квихпакѣ, ѣздили на нижнія жила, и изъ Хоглотлинде, Кххальтага и Хутулькаката собрано четыреста штукъ хайковой ююлы, за расходомъ ста двадцати рыбъ употребленныхъ на прокормку собакъ во время поѣздки. Покупка этихъ провизій обошлась намъ весьма дешево, по копѣйки съ четвертью серебромъ за ююлу; но случаются годы какъ 1841 и 1843, когда не своевременныи дождями воды Квихпака поддерживаются въ июль мѣсяцѣ на такой высотѣ, что не дозволяютъ туземцамъ употреблять заповорь, единственнаго ихъ способа улова морской рыбы. Тогда ююлу, этотъ хлѣбъ сѣверныхъ жителей, прожѣиваютъ за пушные промысла или сравнительно ихъ цѣности. Впрочемъ вообще, чѣмъ выше къ верховью рѣки, тѣмъ цѣнность шкуры бобра, вовсе негоднаго для потребностей туземца, уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны на его мясо или другія провизіи увеличиваются.

Работы командъ одиночки и экспедиціи были общія: исподволь обстраивались по хозяйству, то есть, сколачивали рамы, двери, столы, лавки и прочее; осматривали черезъ ночь или черезъ двѣ запоры; ходили по лѣсу съ ружьями за тетерьками и довольно удачно ловили силками куропатокъ.

Вымѣвъ пушныхъ промысловъ шелъ своимъ чередомъ, но вообще въ это время года туземцы только по нуждѣ оставляютъ свои кажины. Съ верховья рѣки впервые шестаго февраля приходило четверо мужчинъ для расторжекъ. Привезя съ собою большую женщину на попеченіе старосты артели, они сказывали, что по рѣкѣ Юнна-ка умираетъ народъ, но какого рода болѣзнию, по неспанію языка, мы не могли узнать обстоятельно. Тотъ же слухъ подтверждалъ и проживающіи съ нами шаманъ изъ Хулуката: онъ пошелъ-было для леченія больныхъ и покупки жиру, но струсилъ и воротился.

Осмотрѣвшись въ Нулато и справясь къ походу для обозрѣнія переноса къ Коцебу Зунду, я находился въ нерѣшности, какъ исполнить это обозрѣніе: по инструкціи у меня не доставало еще опредѣленнаго числа команды. Оставаясь до февраля на жилѣ Хоглотлинде, Шмаковъ безопасно относительно опрятнаго содержанія ранъ не поправился ко времени. Вмѣсто Аклю-

ка, къ намъ еще не прибылъ человекъ изъ редута. Итти самъ-пять казалось рискованнѣе, въ-особенности при слухахъ о распространившейся болѣзни между туземцами рѣчки Юниа ка, которую мнѣ надлежало слѣдовать: страшныя слѣдствія оспы, описанной напущенію отъ Русскихъ, были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Притомъ дѣло шло не о личной безопасности экспедиціи — втроемъ легко пройти всю Сѣверо-Западную Америку, но о водвореніи дружественныхъ сношеній съ тѣми племенами, которыя не были еще намъ извѣстны. Сила должна была выказываться только въ крайнихъ случаяхъ. Наконецъ двадцать-перваго февраля я былъ обрадованъ письмомъ, полученнымъ черезъ одного туземца, возвратившагося изъ Уналаклина: поступившій къ экспедиціи, бывшій староста уналаклинской артели, Дмитріевъ, увѣдомлялъ, что явится вмѣстѣ съ транспортомъ въ первыхъ числахъ марта. Видя, что нулатовское наше заселеніе обезопасно скорымъ приходомъ подкрѣпленія, и дорожа каждымъ днемъ этого мѣсяца, я предложилъ походъ одному изъ числа команды артели Иванову и этотъ бывалый человекъ, съ согласія старосты, принялъ вызовъ. Въ проводники поступилъ къ намъ туземецъ, прозванный Русскими Волосатымъ. Вотъ его біографія, которая вмѣстѣ составитъ и историческій очеркъ нашего заселенія въ Нулато.

Помощникъ мореходства, Малаховъ, назначенный для обозрѣнія верховыхъ странъ квичпакскаго бассейна, оставилъ редутъ Святаго Михаила осьмаго февраля 1838 года. Одиннадцатаго онъ пришелъ въ Уналакликъ и двадцать-шестаго, тогоже мѣсяца, вышелъ на Квичпакъ по рѣчкѣ Кохогкохакать. Несмотря на отклоненіе со стороны мѣстныхъ жителей, которые рассказываютъ различныя страсти, Малаховъ рѣшился итти далѣе. Отправя лишнихъ собакъ съ собранными пушными промыслами въ редутъ, онъ, въ-сопровожденіи четырехъ человекъ команды, десятаго марта достигъ жила Нулагито, находившагося на правомъ берегу Квичпака, при устьѣ рѣчки Нулато. Въ немъ нашелъ онъ одиннадцать человекъ мужчинъ и осемнадцать душъ женщинъ и дѣтей, коренныхъ жителей, и семь человекъ Улукаг-мютовъ съ семьями, проживающихъ для торговли. Старшина жила, по имени Уиплу, отецъ Волосатаго, принялъ съ ласкою всю экспедицію въ свой зимникъ, угощалъ и рассказывалъ, что весною спускаются въ Нулато съ верховья множество туземцевъ для промѣна пушныхъ мѣховъ и заготовленія ююлы. Осмотря мѣстность и найдя ее выгодною для заселенія, Малаховъ ходилъ миль на пять-

десять вверху по Квихпаку, входилъ въ устье другой рѣки, которую, не зная какъ прозываютъ туземцы на своемъ родномъ языкѣ, называлъ просто «Куюкакъ», то есть, рѣкою, на приморскомъ нарѣчїи племени Чнаг-миуть. Завесновавъ, по вскрытіи рѣки третьяго мая, онъ спустился къ реду. Такимъ образомъ Малаховъ первый проплылъ Квихпакомъ отъ Нулато до взморья, но въ журналѣ его не было помѣщено ни какихъ свѣдѣній объ общности края и проживающихъ въ немъ жителей.

На слѣдующую зиму, имѣя порученіе заселить Нулато, Малаховъ оставилъ реду девятнадцатаго ноября. Оспа забирала послѣднія свои жертвы, но и въ то время оставшіяся въ живыхъ, проводникъ Малахова, Тумачугнакъ, принялъ на себя обязанность, но показалъ кратчайшаго переноса въ Нулато и вывелъ его на Квихпакъ, нижнимъ путемъ къ жлу Ттутаго. Перевоза на осьми собакахъ всѣ товары и припасы съ жиля на жили, Малаховъ успѣлъ вывѣдать направленіе настоящаго переноса къ жлу Хоголтлинде, и двадцать-осмаго марта 1839 года достигъ Нулато. Тутъ нашелъ онъ оспу въ самомъ разгарѣ: старикъ Улилу, при немъ, скроня двухъ женъ и трехъ сыновей и чувствуя свой конецъ, сжегъ собственный какинъ, два зимника и въ третьемъ задохся отъ дыму.... Три женщины съ четырьмя малолѣтними дѣтьми и Волосатымъ одолжены жизнью челоуколюбію Дерябина, находившагося при Малаховѣ приказчикомъ у товаровъ. На веспу оголодавшія собаки питались трупами своихъ хозяевъ.

Седьмаго мая тронулся ледъ на Квихпакѣ. Не находя способъ къ пропитанію и окончивъ постройку жилой избы, въ полу-верстѣ выше туземнаго заселенія, Малаховъ тридцать-перваго мая вторично оставилъ Нулато.

Съ 1839 на 1840 годъ зимовалъ въ Нулато приказчикъ Компаніи, Нордстремъ; туземное жилие оставалось впустѣ; при немъ, въ весеннюю водополь, также какъ и при Малаховѣ въ 1838 году, на нѣсколько часовъ затопляло берегъ. Нордстремъ къ жилю строенію присоединилъ кладовую и баню въ одной связи.

Тотъ же приказчикъ, отправленный пзъ Михайловскаго реду на байдарѣ въ августѣ 1840 года, заблудясь на устьѣ Квихпака, не успѣлъ дойти до Нулато и зимовалъ въ Хутулькакатѣ.

Дерябинъ, по усердію, ревности и смѣтливости, всегда употребляемый на поправленіе ошибокъ другихъ, прїйдя въ Нулато осьмаго сентября 1841 года, нашелъ всѣ компанейскія строенія сожженными; туземныя въ развалинахъ. Некогда было отыскивать

виловыхъ. Въ Нулато никто и не жилъ. Осень стояла на днюрѣ; прдвдлись за дѣло. Пайдя достаточную купу острогого лѣну; нѣсколько ниже бывшей одиночки, во избѣжаніе трудностей перетаски, построились въ медѣлю на мѣстѣ вырубленной рощи.

Два года протекло со времени ослы, туземцы поумоноклись, торговля начала развиваться. Пуждаель въ толмачѣ, Дерябинъ пригласилъ оставшагося въ живыхъ старшаго сына Ушилу, понимающаго нѣсколько приморскій языкъ. По длиннымъ волосамъ, которые имѣютъ въ обыкновеніи носить все племена народа Ттынам, далъ ему кличку «Волосатый». «Крещеное имя давать нехристямъ грѣхъ», отвѣчалъ мнѣ Дерябинъ, когда я представилъ ему о странности прозванія его приемыша. Всю зиму 1842 года держалъ его при себѣ въ бараборѣ, кормилъ на свой счетъ, одѣвалъ, занималъ работою по рыболовству и при отправленіи своемъ весною въ редуть женплъ на Такаиксанкѣ.

Татлекъ, — собака, настоящее имя туземца, — привыкъ къ Русскимъ, выучился нѣсколько языку и по прїездѣ Дерябина прошлой осенью, явился самъ съ просьбою о помощи при остройкѣ особой бараборы и онъ не отказалъ. Къ Волосатому переселился нахлѣбникомъ шаманъ изъ Хулуката. Такъ въ зиму 1843 года народонаселеніе туземцовъ въ Нулато состояло изъ двухъ мужчинъ и пяти женщинъ, — изъ которыхъ три кривыя отъ оспы, — трехъ мальчиковъ и четырехъ дѣвочекъ, малолѣтнихъ. Это было наше домашнее общество.

Проводниковъ мы положили содержать на томъ столѣ, которымъ сами пользовались и, конечно, этому правилу обязаны были всегдашнюю готовностію туземцовъ служить намъ при всякой надобности.

Двадцать-четвертаго февраля изготовились къ походу.

Команду экспедиціи составляли: Никитинъ, Пахоховъ, Курочкинъ, Баженовъ и Ивановъ. Грузу на пяти туземныхъ нарточкахъ, съ кормомъ для собакъ на двадцать-пять дней состояло двадцать-одинъ пудъ двадцать-шесть фунтовъ. Полагаю не лишнимъ упомянуть объ этомъ подробно, и потому именно: сухарей, по числу семи человекъ на мѣсяцъ, семь пудовъ; юколы четыре пуда двадцать фунтовъ; пеленку тридцать фунтовъ; бульону десять фунтовъ; чаю шесть фунтовъ; сахару двадцать-четыре фунта; соли осемь фунтовъ; впитовка семь фунтовъ; два дробовика четырнадцать фунтовъ; десять пистолетовъ одинъ пудъ; патроновъ и дроби двѣнадцать фунтовъ; чеходанъ съ астрономическими инструментами двадцать-два фунта; двѣ спальные парки двадцать-семь фунтовъ; два одѣла

идьковыи двадцать фунтовъ; брезентъ семь фунтовъ; чайникъ и котелъ сенадцать фунтовъ; три топора патьнадцать фунтовъ; двѣ палыи пять фунтовъ; табаку черкаскаго десять фунтовъ; товаровъ двѣнадцать фунтовъ, являкы и обуви всей команды два пуда.

Собственно товары состояли въ слѣдующихъ предметахъ: шестьдесятъ яхонъ бѣлаго и краснаго бисеру, вѣсомъ четыре съ половиною фунта; сто двадцать-пять штукъ иглозъ; сто-пятьдесятъ цуколь; три гребня; двѣ пары идьмныхъ зарукавныхъ колесъ; три гамзы или трубки, якутской работы; четыре дюжины серегъ, размыхъ; полторы дюжины перстевой, идьмныхъ; осемь нитокъ синяго стекларусу и провиконъ; три ножа якутскихъ и шесть топориковъ, малыхъ, подъ названіемъ «алеутскихъ».

25 февраля. По-утру + 1,5, облачно, тихо; ввечеру — 4,5.

Помолись Богу, въ половинѣ третьяго часу по полудни, иа оставили Нулато. Я съ проводникомъ пошелъ передомъ; прочіе, ииѣя впереди себя по двѣ собаки, тащили нарты ляжкой. Въ первый день съ мѣста никогда не уйдешь далеко. Такъ случилось и съ нами: то собаки, не свыкшись, тянули всторону, то нарта, отъ неправильной укладки груза, зарѣзала полозомъ; то то не такъ, то другое не ладно; впритомъ, теплою ногодою разрыхленный свѣгъ уморилъ насъ прежде времени и принудилъ остановиться до заката солнца, мняхъ въ пяти отъ нашего заселенія. Ввечеру соединились съ нами шаманъ изъ Такаакса, приглашенный лечить больнаго на одномъ изъ жиль, расположенныхъ по рѣкѣ Юнна-ка. Мы предложили ему кружку чаю и мѣсто у огня.

Въ полу-мигѣ отъ устья Нулато, по правому берегу рѣки Юн-а*, начинаются утесы и яры; крайній утесъ называется «Тлякынтытъ», горный потокъ Тляхохот-но, вытекающійся въ рѣку при этомъ утесѣ, въ лѣтнее время обсыхаетъ совершенно. Навское отъ утесовъ видѣется на лѣвой сторонѣ рѣки устье рѣчки Сундакаката, вытекающей изъ такааксанскихъ озеръ: въ нее, во время весеннихъ водополей, во множествѣ бросается разныхъ родовъ бѣлая рыба, какъ-то: щуки, сига, максуны и нельма.

26 февраля. Во весь день — 3, NO уиѣренный, облачно; вренесекъ малкій свѣгъ; ввечеру — 10, N тихій.

Въ этотъ день мы прошли рѣкою, по правому компау ** къ

* На языкѣ народа Канг-юлпъ — Квяхпакъ; на нарѣчій низовыхъ Иккильковъ — Юк-хана; верхнихъ — Юн-а, въ переводѣ означастъ одно и то же, «Большая рѣка». Я удержалъ мѣстныя названія потому, чтобъ были автвеннѣе мѣста плехепъ, обитающихъ по этой рѣкѣ.

** Склоненіе компаса въ Нулато 31° восточное.

NO 31° три мили; къ NO 86° четыре, и къ NO 35° двѣ мили. На поворотѣ, изъ перваго колѣна во второе, замѣчательный утесъ, футъ до семисотъ высоты, выдавшійся небольшоимъ мысомъ, называется Илькутляля, «каменистый»; рѣка противу него въ берегахъ менѣе полу-мили; но въ слѣдующемъ плесѣ близъ двухъ миль ширины; за то разбита тремя островами. Отъ мыса Илькутляля прибрежныя горы, отдаленныя отъ берега въ материкъ до пяти миль, подступаютъ къ рѣкѣ, въ милѣ выше жила Уныльгаттхохъ, утесомъ слишкомъ тысячу футъ вышныи: туземцы достаютъ изъ него глину для домашней своей посуды и потому называютъ Уныльгача «горшковой». Во второмъ плесѣ, въ протокѣ между островкомъ и матерымъ берегомъ, находится лѣтникъ одного туземца рѣки Юнна-ка, прозываемый «Нукхатъ».

Въ настоящее время жило Уныльгаттхохъ, на которомъ мы почевали, состоитъ изъ одного зимника и четырехъ лѣтниковъ, крытыхъ берестой бараборъ: одинъ взрослый мужчина, семь вдовъ, кривыхъ отъ оспы и болѣе дюжины дѣтей обоего полу, составляютъ его народонаселеніе. По размѣнѣ привѣтствій и обоюдныхъ подарковъ, по неотступной просьбѣ туземца, я вынужденъ нашелся отдать ему съ себя англійскую полосатую рубаху за тулупъ соболей на парку; женщины вымѣнивали на соболи синій стекларусъ и пропизки. Все купленное оставлено подъ сохраненіе самихъ жителей.

27 февраля. По утру—15, мало облачно, NNO умѣренный; ввечеру—18. NNO тихій.

Близъ устья рѣки Юнна-ка, «Куюкакъ Малахова» отстоящаго отъ жила Уныльгаттхохъ въ трехъ миляхъ, насъ встрѣтилъ молодой туземецъ, знакомый Татлѣку. Сказывая, что путь отъ его жилья къ верховью рѣки пролегаетъ ѣзженный и ближайшій, онъ убѣдительно приглашалъ къ себѣ. Я согласился. Войдя въ устье рѣки мы повернули въ первый протокъ на право, и пройдя около двухъ миль къ востоку пришли на жило Токхакатъ, состоящее изъ одного зимника. Трое мужчинъ, двѣ женщины и трое дѣтей составляютъ все народонаселеніе этого мѣста. Радужный приемъ туземцевъ заставилъ насъ провести съ ними остатокъ дня. Всѣ они исправные торговцы. Къ отдыху побуждала меня и опухоль ноги, случающаяся отъ тяжести лапокъ или отвычки на нихъ въ ходьбѣ. Послѣдствія такой опухоли остаются верѣдко на вѣкъ пятнами или небольшоими желваками; къ перенесенію этой мучительной боли два средства: покой и терпѣ-

ніе; первое не всегда можетъ быть приложено къ дѣлу, а послѣднимъ запасаются все посвящающіе себя скитальческой жизни. Впрочемъ, туземцы умѣряютъ боль, накалывая по примѣру Алеутовъ больное мѣсто туземнымъ ланцетомъ, то есть заостреннымъ гвоздемъ, или кускомъ обсидіана.

Благопріятная погода дозволила намъ для ночлега предпочесть открытый воздухъ дымной непріятной бараборѣ. Для опредѣленія долготы мѣста взято нѣсколько разстояній луны отъ солнца.

28 февраля. По-утру — 16, мало облачно, N тихій; ввечеру — 10,5, облачно.

Дневали. По меридіальной высотѣ солнца опредѣлена широта жила 64°, 53' 03", долгота по взятымъ вчера разстояніямъ. 157° 03' 13" къ западу отъ Гринвича.

1 марта. По-утру — 10°, облачно, временемъ мелкій свѣтъ, NNO тихій; ввечеру — 8. 5. NNO умѣренный съ порывами. Свѣтъ.

Миль семь, отъ жила Токхакать, мы шли по главному направленію къ сѣверу, по убитому слѣду, протокомъ шириною до пятнадцати сажень; потомъ, подвѣвшись на берегъ, при раздѣленіи протока къ NO и SW, и пройдя близъ миль по тому же направленію, чрезъ чашу ольховника и березника, вышли на лѣвый берегъ Юнна-ка прямо противъ жила Нокхакать. Лѣвый берегъ рѣки, футъ до двѣнадцати высоты, луговой, и замѣтно понижаемый въ водополь: Правый, на которомъ расположено жилище, нагорный. Ширина рѣки до ста сажень. При подходѣ нашемъ къ селенію, жители высыпали на встрѣчу, съ обыкновеннымъ приглашеніемъ на ночлегъ, но какъ было только часъ за полдень, то, не желая напрасно терять время, я не соглашался. Малаховъ при обзорѣннн устья рѣки Юнна-ка не доходилъ до этого жила. Со всемъ тѣмъ нѣкоторые жители въ двѣ послѣдующія зимы посѣщали по торговымъ дѣламъ Нулато и достаточно ознакомились съ Русскими. Будучи хорошими торговцами, они поняли цѣль экспедиціи, и не желая допустить насъ до сношеній съ верховыми племенами, вздумали было отклонять Татлѣка и страшать насъ. Впослѣдствіи отъ всехъ туземцевъ, проживающихъ по этой рѣкѣ, мы слышали о непріязненности и враждебномъ къ намъ расположеніи Малейг-мютъ, но въ первый разъ слышать объ этомъ было странно. Проводникъ началъ колебаться. Видя пробитый слѣдъ вверхъ по рѣкѣ я объявилъ ему, что въ немъ много не нуждается и сами найдемъ дорогу, но что, если онъ вернется безъ насъ въ Нулато, то не получить условенной на-

грады и до нашего возвращенія староста артели не выдастъ ему жены. Прибытка и жены стало жаль Татлѣку и мы пошли, одаря туземцевъ бездѣланцами.

Чукчи почти силою окуривъ Белинга и его спутниковъ. Этого средства не рѣшились приложить къ намъ жители Нокхаката, но опасаясь, чтобъ при сообщеніи съ Русскими не получить другой какой болѣзни, подобной оспѣ, они ухитрились очистить насъ, разложивъ огонь на дорогѣ, предъ самымъ выходомъ изъ лѣса на берегъ. Это была выдумка знакомца нашего шамана Отозонота, «самъ ходитъ», который обогналъ насъ, во время нашей дневки на жилѣ Токханатъ.

Въ трехъ зимникахъ жила Нокхакатъ, проживаетъ слишкомъ пятьдесятъ душъ обоюга пола. Изъ нихъ взрослыхъ мужчинъ, то есть, промышленниковъ или торговцевъ, одиннадцать человѣкъ.

Отъ жила всего съ полмили мы шли рѣчкой; поднявшись на правый берегъ и подвинувшись къ сѣверу еще мили на полторы, нашли принужденными остановиться на ночлегъ до определеннаго на то времени: снѣгъ лѣпилъ глаза. Брезентъ раскинутый между деревьями защищалъ насъ совершенно и отъ вѣтра и отъ непогоды. Замѣчаю: для зимнихъ пѣшеходныхъ походовъ, слѣдуетъ брать преимущественно передъ палаткой, сажени полторы ширины и соразмѣрной съ числомъ команды длины брезента. Палатка какъ бы ни была мала, сравнительно тяжелѣ полсти и лишая возможности сидѣть у огня, не столь удобна; само собою разумѣется, что въ пургу брезентъ, да и палатка не спасеете; но въ лѣсистыхъ мѣстахъ, самый лѣсъ защищаетъ отъ непогоды, а на открытой тундрѣ вужда научаетъ и въ снѣгу счастливо отспживаться.

3 марта. По-утру — 12, N, умѣренный малооблачно; ввечеру—20, NNN умѣренный.

Съ утра пройдя лѣсомъ и узкими озерками по главному направленію къ сѣверу близъ пяти миль, мы вышли на берегъ Юннака, которую перейдя наискось по румбу NN 68° на разстояніи полумили, поднялись на лѣвый берегъ. Дни столько прибавились, что дозволяли посвящать часъ на обѣдъ и отдохновеніе; пользуясь этимъ временемъ, я получилъ по обсервации широту мѣста 65° 05' 10". Рѣка въ этомъ пунктѣ шириною близъ ста сажень, протекаетъ въ большомъ плесѣ отъ запада къ востоку. Высота видимыхъ отдаленныхъ пиковъ припорекаго хребта, пре-

вынаетъ тысячу футовъ ; ближайшіе къ рѣкѣ въ половину ниже и покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Приррые, футовъ въ осмнадцать берега Юнна-ка, свидѣлствуютъ о быстротѣ ея теченія. После обѣда до почлега мы прошли по главному направленію къ NN 24° миль до осьми. Къ избранному предмету, туземцы прокладываютъ свои пути по прямому румбу довольно вѣрно, со рѣшкѣ тѣмъ мы проходимъ милю или двѣ болѣе того нежели означается мною по главному направленію. Вчерашнимъ снѣгомъ слѣдъ занесло и мы весь день шли по палкѣ, то есть, ощупью.

3 марта. Въ шесть часовъ утра — 30. Ясно, N утренній; вѣчеру—17 N утренній.

Отъ мѣста почлега, потому же направленію къ NN 24°, мы шли три мили чапыжникомъ и небольшими озерками къ не высокимъ холмамъ, протгивающимся отъ OSO къ WNN; отъ подошвы которыхъ, повернувъ къ NW 45° и пройдя близъ мили по открытой тундрѣ, вышли на лѣвый берегъ Юнна-ка. Рѣка, въ этомъ мѣстѣ до осмидесяти саженъ ширины, протекаетъ отъ запада по компасу плесомъ миль двухъ съ половиною длины; въ глубинѣ колѣна, при устьѣ рѣчки Каляляхтна, расположено туземное жило Какхляхлякакатъ. Широта его по полуденной высотѣ солнца опредѣлена 65° 15' 00". Рѣчка Каляляхтна, по словамъ туземцевъ, вытекаетъ отъ WSW изъ приморскихъ горъ и вершиною близко подходитъ къ Нулато, но существуетъ ли съ нея переносъ въ заливъ Нортонъ, я не могъ получить удовлетворительныхъ свѣдѣній отъ единственной старухи, которую мы застали на жилѣ. Другая женщина съ выращеннымъ черною краскою лицомъ и подъ ровдужнымъ въ родѣ армянской чадры покрываломъ, имѣя *menstruatio*, осмѣлилась подойти къ намъ тогда только, когда были предложены ей небольшіе подарки.

Жило состоитъ изъ двухъ зимниковъ и двадцать шесть чело-вѣкъ жителей обоого пола, изъ которыхъ семеро промышленниковъ: эти давныя получены нами впоследствии при свиданіи, весною, съ туземцами. Лѣтники ихъ и кормовыя бараборы находятся на небольшомъ возвышенномъ лѣсветомъ островкѣ, прямо противъ рѣчки Каляляхтна.

Въ милѣ отъ жила къ сѣверу, чрезъ неширокую падь, туземцы ходятъ въ горы для промысла оленей. Близъ этого мѣста мы встрѣтили женщину съ партой мяса. Вначалѣ она испугалась, потомъ удивилась, наконецъ обрадовалась, когда мы за оленій задъ

предложили ей двѣ сажени бисеру и дюжину мелкихъ цуклей. Это по истинѣ высокая цѣна, но не выдавъ съ осони мяса, намъ не хотѣлось упустить случая разговѣться. Ночевали на правомъ берегу рѣчки въ милѣ отъ пада.

4 марта. По-утру — 20° NNW утренний; ясно; ввечеру — 10,5 WNW утренний.

Отправясь съ восходомъ солнца по главному направленію къ NW 3°, на разстояніи пяти миль, мы дважды переходили рѣку при жилахъ Цоногохляхтенъ и Цогляхтенъ. На послѣднемъ встрѣтили одного молодого туземца съ тремя малолѣтними дѣтьми, отъ которыхъ получили нѣсколькихъ куропатокъ. Прочіе жители находятся въ горахъ для добычи оленей загонами. На каждомъ изъ этихъ жилъ, или вѣрнѣе одиночекъ, по одному зимнику. Жителей обоого пола, со словъ туземца, на первомъ однадцать, на второмъ семь душъ. Широта одиночки Цогляхтенъ по полуденной высотѣ солнца опредѣлена 65° 23' 33". Послѣ объѣда, пройдя по свѣжему слѣду туземцевъ лѣсомъ и озерками семь съ половиною миль къ NW 24°, достигли въ сумеркахъ жила Хотыль-какатъ, предѣлъ, до котораго доходилъ нашъ проводникъ будучи мальчикомъ. До этого мѣста, нигдѣ не встрѣчали насъ съ такимъ радушіемъ, какъ на этомъ жилѣ. Предоставя въ полное наше распоряженіе нежилой кажимъ, обрадованные туземцы таскали дрова, разводили огонь, помогали разгружать нарты и, когда мы нѣсколько поубрались, всѣ отъ мала до велика явились съ подарками. Вечеромъ, бесѣдуя со стариками, я желалъ узнать, за чтò, какъ сказывали намъ, на жилѣ Нокхакатъ, верховые жители хотѣли насъ встрѣтить непріятельски. Мнѣ единодушно отвѣчали, что то было намъ говорено о Налейг-мютахъ.

5 марта. Въ день пасмурно ±0, NO крѣпкій, пурга; ввечеру—2,5; NO тихій; свѣгъ.

Оставались на мѣстѣ. Жило Хотылькакатъ расположено на лѣвомъ берегу Ювна-қа и состоитъ изъ трехъ жилыхъ зимниковъ и кажима, слишкомъ трехъ сажень въ квадратѣ; жителей обоого пола шестьдесятъ пять душъ, изъ которыхъ девятнадцать человекъ взрослыхъ промышленниковъ. Противу селенія съ нагорной стороны находится устье рѣчки Хотыльно, протекающей отъ запада.

Вотъ главнѣйшія, свѣдѣнія полученные мною относительно переноса къ Котцебу-Зунду, пролегающаго отъ этого жила, но я обязанъ пояснить, что здѣсь помѣщается только то, чтò про-

вѣрною собственнымъ опытомъ и сходственными показаніями туземцевъ другихъ жилъ, съ которыми въ послѣдствіи мы имѣли многочисленныя сношенія.

Рѣчку Хотылькѣ и надыи между невысокихъ горъ, четыре или шесть зимнихъ дней хода до перевала, съ котораго столько же пологотъ до налейг-мютскаго селенія *Акишдак-кхи-кунно* * находящагося при рѣчкѣ Коцохотана, «Буканда» Налеиг-мюты восточнѣшаго пребыванія на жилѣ Акшадакъ не имѣютъ. Приходятъ же къ нему съ приморья также въ четверо сутокъ. Общія сходки племень бывають въ исходѣ января и февралѣ. Годомъ и Налеиг-мюты въ небольшомъ числѣ посѣщаютъ жило Хотыль-какатъ. Для нихъ-то выстроены и кажимъ, потому что Икилики, племени Юннака-хатана, не имѣютъ обыкновенія париться въ баняхъ.

Туземцы рѣки Юнна-ка передають Налеиг-мютамъ множество соболей и въ довольномъ количествѣ шкуры росомахъ, выдръ, бобровъ и лисицъ. Въ замѣнъ получаютъ моржовыя и китовыя жиры, моржовыя ремни и подошвы, узорчатые чукотскія паркы, табакъ и, въ маломъ количествѣ и по дорогой цѣнѣ, якутскія съ мѣдною насѣчкой копья и другія желѣзныя вещи.

6 марта. Весь день + 3, пасмурно, мокрый снѣгъ, SO свѣжій.

Не смотря на предупредительное обращеніе жителей, я ни какими обѣщаніями не успѣлъ склонить ни одного изъ нихъ, проводить насъ до жила Акшадакъ. Общій отзывъ былъ слѣдующій: «Снѣга глубоки и рыхлы; настала пора промысла оленей; семьи наши и мы умремъ съ голоду, если не будемъ участвовать въ охотѣ. Приходите будущей зимою, и мы всё будемъ вашими проводниками и охранителями. Васъ мало и Налеиг-мюты убьютъ васъ, за то что вы убили у нихъ одного изъ главнѣйшихъ старшинъ. Они и насъ просятъ выжечь селеніе ваше въ Нулато, но мы отказываемся, потому что вы даете намъ бисера, цукли и котлы». И точно, послѣ полдень, невзирая на не погоду, всё мужичины отправились въ горы, за исключеніемъ одного старика, по имени Кидыкака, «сорока», пользующагося, по богатству и многочисленному семейству, особеннымъ уваженіемъ у соплеменниковъ.

7 марта. Во всё сутки + 3, пасмурно, SO тихій.

Трогаться съ мѣста въ оттепель, для обозрѣнія страны неизвѣстной, значило безъ пользы изнурять себя и собакъ, а потому и этотъ день провели на жилѣ.

* Отъ словъ Акшадакъ «Тальникъ», Кунно «жило», барабора.

Слѣдующія свѣдѣнія о странѣ, орошаемой рѣкою Юнна-ка, могутъ быть полезны при будущихъ изысканіяхъ.

Вверхъ по этой рѣкѣ, исключая одной небольшой одишечки, находящейся на полдня ходу отъ жила Хотылькакатъ, на большое разстояніе нѣтъ жителей, но въ верховьяхъ рѣки, состоящей изъ многихъ притоковъ, туземцевъ довольно. Они также принадлежатъ къ семейству народа Тышан. Совсѣмъ тѣмъ отъ низовыхъ своихъ соплеменниковъ отличаются нарѣчіемъ и не принимаютъ занятыхъ послѣдними отъ приморцевъ разныхъ обынновеній, — не употребляютъ жировъ; не имѣютъ шамановъ; живутъ наиболѣе отдѣльными семьями въ горахъ, гдѣ занимаютъ промысломъ оленей, соболей, росомахъ и лисицъ. Бобровъ и выдръ въ странѣ ихъ не весьма изобильно. Для промѣна мѣховъ на табакъ, бисеръ и желѣзные издѣлья, они каждую весну спускаются съ верховья партіями къ жилу Хотылькакатъ и къ устью Юнна-ка. Возвращаясь нѣкоторые предпочитаютъ, подымаясь вверхъ по Юн-а*. Рѣка по берегамъ олушена до самыхъ вершинъ крупнымъ строевымъ и подѣлочнымъ лѣсомъ.

Старикъ Кицыкака сказывалъ намъ о сѣвернѣйшей рѣкѣ Тутльёка-хотана или Тыньс-ка-хотана, которой верховые жители имѣютъ непосредственное сношеніе съ Налейг-мютами. Приморцы южнаго берега Нортопова залива, кажется, называютъ эту рѣку Чыливикъ.

Туземцы не имѣютъ еще споровки дѣйствовать нашимъ шести-фунтовымъ топоромъ, и потому очень рѣдко пользуются крупнымъ лѣсомъ съ корня. По просьбѣ старика, мы для его лѣтника срубили четыре огромныя ели, и изъ пня одной изъ нихъ обдѣлали столбъ, на которомъ вырѣзаемъ крестъ, годъ и число посѣщенія этого мѣста экспедиціею.

8 марта. По утру \pm 0; маловѣтріе SW, свѣтъ и просіяніе солнца; ввечеру 3°; тихій W.

* Это требуетъ подтвержденія. Статся можетъ, что вершины рѣкъ Юн-а и Юнна-ка не въ дальнемъ между собою разстояніи, но въ лѣтній нашъ походъ по Юн-а нѣтъ не удалось слышать ничего подобнаго, мы не встрѣчали также ни одного туземца съ верховья Юнна-ка. Впрочемъ, съ вѣроятностію предполагаемъ, что намъ не удалось дойти до тѣхъ туземцевъ рѣки Юн-а, которые могли бы сообщить объ этомъ переносѣ обстоятельныя свѣдѣнія. Трудное сношеніе пантоминами и чрезъ посредство трехъ толмачей, часто не разумѣющихъ другъ друга, заставляли насъ ограничиваться наиболѣе вопросами о видныхъ предметахъ.

Убѣдясь на опытѣ, что старый ѣзженный слѣдъ, можно удобно находить по палкѣ, я рѣшился осмотрѣть безъ особыхъ проводниковъ часть переносовъ къ Котцебу-Зунду, съ направлеиѣмъ котораго мы достаточно ознакомились и по рассказамъ и по чертежамъ туземцевъ Хотылькаката. Старикъ Кицыкака, собравшійся нынѣ съ оставшимися женщинами въ горы, обѣщаль указать отдѣленіе пути. Пройдя, по рѣчкѣ Хотыльно, слѣдомъ туземцевъ, ушедшихъ за оленями, около Солумли къ юго-западу, и рѣдкимъ еловымъ лѣсомъ около трехъ съ половиною миль къ западу, мы подошли къ двумъ раздѣляющимся слѣдамъ. Первый, свѣжій, хорошо убитый, велъ на западъ; второй, занесенный снѣгомъ, по достаточно примѣтнѣй для глаза, лежалъ, чрезъ довольно крутой холмъ къ NW 25°. Кицыкака съ своимъ обозомъ отсталъ. Мы не ошиблись въ выборѣ должнаго направлеиія: поднявшись на холмъ увидѣли себя въ долинѣ миль пяти ширины, имѣющей протяженіе къ NW 50°. Широкий ѣзженный путь оказывался мѣстами въ рѣдкомъ лѣсѣ. На открытыхъ полянахъ мы не сбивались съ него, идя по палкѣ. Заломамы верхушекъ небольшихъ деревьевъ также служили намъ руководителями. Миляхъ въ трехъ отъ подъема, прошли мимо походныхъ шалашей туземцевъ, какіе они обыкновенно городяты при ночлегахъ въ непогоду: свѣжая рубка карбасника, незавянувшая хвоя и обгорѣлыя полѣнья явно доказывали становья каравана нынѣшней зимы. Ночлегъ свой мы расположили въ купѣ крупнаго еловаго лѣсу, слишкомъ въ милѣ за станомъ туземцевъ.

9 марта. Поутру — 5; до 10 часовъ туманъ; послѣ мало облачно, W тихій; въ 2 часа по полудни + 2, 75. ввечеру — 6, SW тихій.

По видимому незначущее происшествіе едва не прекратило дѣйствій экспедиціи и не лишило меня глаза. При остановкахъ на ночлеги, не приводилось мнѣ оставаться празднымъ: мое дѣло было разгребать снѣгъ, рубить и устилать хвоею. Вчера ввечеру остановясь подъ вѣтвистой елюю, слѣдовало срубить одинъ сукъ, который намъ мѣшалъ. Ударивъ по дереву топоромъ, чтобъ отряхнуть снѣгъ, я почувствовалъ, что засорилъ глазъ. Въ ночь глазъ заплылъ опухолью. Дѣлать было нечего, пошелъ съ утра назадъ, но пройдя около полуторы мили, я совершенно измучился отъ нестерпимой рѣзни. Еслибъ и возможно было ѣхать на нартѣ, то на открытомъ воздухѣ это не принесло бы облегченія. Возобновленные операции яняюшкиныхъ вылизываній не помогали. Наконецъ, Тунгусу пришло въ голову попробовать

достать сорянку концемъ ремня и опытъ увѣнчался успѣхомъ, только осталась небольшая царапинка, да одинъ глазъ отказался въ вѣрности при обсерваціяхъ. Отдохнувъ съ часъ на мѣстѣ, не захотѣлось оставить переносъ безъ нѣкотораго утвердительнаго обзорѣнія. Поворотили обратно и на мѣсто ночлега пришли къ обѣду. Тутъ подъ охраненіемъ двухъ человекъ оставя три нарты, я съ остальными пошелъ на легкѣ, взявъ на два дня провизію.

Путь нашъ шелъ три мили доливой къ NW 50°, потомъ пять миль рѣчкою Хотыльнѣ, которая на этомъ разстояніи дѣлаетъ осемь колѣпъ между румбами SW, W и NW. Горы, обставляющія долину, не превышаютъ трехъ-сотъ футовъ, имѣютъ овальный видъ и обнаженныя отъ лѣсовъ вершины. Пройдя еще одно свѣжее становище туземцевъ, мы почевали въ купѣ строеваго еловаго лѣса на лѣвомъ берегу Хотыльнѣ. Природа сѣвера знаменовала приближеніе весны: *garrulus canadensis* сопутствовали намъ въ крутую зиму; нынѣ впервые видѣли *Linaria minor*, Ray и добыли два экземпляра *Corythus enucleator*. На припекахъ у тальниковъ распустилась верба.

10 марта. Поутру—3; облачно и просіяніе солнца; маловѣтріе SW; вечеру—7, NO тихій.

Пройдя узкую долину на разстояніи пяти миль къ SW 60°, мы подошли къ небольшому протоку, впадающему въ Хотыльнѣ. Долина съ этого мѣста изгибается къ NW 58° миль на осемь; у ручья находится третій станъ туземцевъ.. Опредѣля въ полдень обсерваціей! широту мѣста 65° 35' 46" и убѣдясь въ дѣйствительныхъ сношеніяхъ туземцевъ рѣки Юнна-ка съ проживающими по берегамъ Кутцебу-Зуида, я рѣшился воротиться, потому что не имѣлъ ни времени ни способовъ обслѣдовать самое побережье. Въ девять часовъ вечера, послѣ довольно утомительнаго перехода, мы соединились съ остававшимися на первомъ нашемъ станѣ.

Рѣчка Хотыльнѣ не шире 15 и 20 сажень, по берегамъ окаймлена тальниками и топольниками, но по долинѣ и у подошвъ горъ довольно еловаго лѣсу. Въ рѣчкѣ весною и осенью туземцы ловятъ достаточно харюсовъ. Бобровыхъ бараборъ мы не видали, но слѣдовъ соболей, лисецъ, выдръ, росомакъ — во множествѣ.

11 марта, поутру — 2; NO утѣренный, пасмурно; вечеру ± 0; SO свѣжій, свѣгъ

Дорожа утренниками, мы поднялись съ шести часовъ. Отъ жи-ла Хотылькакать бывшія мятелы застлали нашъ слѣдъ, такъ, что мы принуждены нашлись итти по палкѣ. Ночевали на одиночкѣ Цоглихтенъ въ единственномъ, небольшомъ грязномъ зимникѣ, за что и положили нѣсколько листовъ табаку и бронзовыя сережки.

12 марта, во весь день + 3, пасмурно, S умѣренный, мокрый свѣгъ; ввечеру + 2, S свѣжій съ порывами, временемъ свѣгъ и дождь.

У насъ оставалось всего на шесть дней собачьяго корму. Намъ также было извѣстно, что на нижнихъ жилахъ не застанемъ жителей и не найдемъ ни одной кости, и потому не взирая на весьма дурную погоду слѣдовало поспѣшать. Къ счастью, пройдя жило Цовогохлахтенъ, мы напали на свѣжій слѣдъ нарты. Я съ проводникомъ прибавилъ шагу и чрезъ часъ догналъ одну женщину. Послѣ перваго испугу, она объявила, что отвезла на пройденную вами одиночку нарту олеины и возвращается въ горы. Подаря ей мѣдное колечко и сережки, я предувѣдомилъ, что намѣреваюсь почевать на жилѣ Кахляхлякакать. Она повяла и общала увѣдомить охотниковъ. Подошли нарты, поспѣлъ нашъ обѣдъ, то есть чай. Кружку предложили новой знакомкѣ. Она съ удовольствіемъ пила сладкую воду, но не знала, что дѣлать съ сухаремъ. Татлѣкъ толковалъ ей, что это пища, касяка, и назвалъ сухари, по-русски. «Сухани, повторила женщина, я слыхала объ нихъ отъ мужа и отнесу ему». Я далъ еще горсть.

Не желая подыматься съ нартами по крутому подъему къ жилу Кахляхлякакать, мы расположились въ берестяномъ лѣтникѣ на островкѣ. Женщина сдержала свое слово: въ сумерки мы увидѣли шесть человекъ, впуски обгонявшихъ другъ друга. Молодой, видный туземецъ и хорошій торговецъ съ нашей артелью въ Нулато, какъ мы узнали по веснѣ, опередивъ другихъ нѣсколькими десятками сажень, прямо бросился въ одну изъ кормовыхъ бараборъ, потомъ въ другую, досталъ всю имѣвшуюся въ нихъ олеину, бѣгомъ принесъ къ намъ и показывалъ на цукли, торчавшія у него вмѣсто усовъ въ проймѣ носоваго хряща, и на бисеръ перевивавшій косу нашего проводника. Условія съ обѣихъ сторонъ были заключены прежде нежели подоспѣли остальные: это были трое мужчинъ и двѣ молодыя женщины съ грудными дѣтьми. Узнавъ, что у товарища мы купили за дорогой для нихъ товаръ оленья мясо, онѣ вскорѣ натащили его до шести пудовъ и мы все откупили, зная, что не найдемъ изобилія въ Нулато. Почти вся ночь прошла въ разговорахъ и я

весьма сожалѣю, что въ первое мое посѣщеніе этого жила не засталъ жителей. Первый приходшій туземецъ говорилъ, что онъ бы пошелъ со мною. Прочіе удивлялись, что мы ходимъ въ такомъ малолюдствѣ; рассказывали о коварствѣ Налейг-миуть, которые не рѣдко силою отбираютъ у нихъ промысла, и подтверждали сказанное намъ въ Хотылькакатѣ о подушеніи жителей рѣки Юна-ка уничтожить наше нулатовское заселеніе.

13 марта, во весь день + 3, 5; пасмурно, S крѣпкій; слякоть; въ ночь —, 25 SSW свѣжій, временемъ проглядывали звѣзды.

Снѣга распустились; капель выжила насъ изъ шалаша и принудила перебраться на жило. Такими погодями сопровождалось весеннее равноденствіе и новолуніе. Туземцы, не желая пропустить благоприятнаго времени для загона оленей, съ утра обратились въ горы.

14 марта, по утру \pm 0; S свѣжій, облачно, временемъ просіяніе солнца; ввечеру пасмурно, — 1, S свѣжій.

Въ теченіи трехъ послѣднихъ сутокъ мы перемочили и одежду и грузъ, и потому для приведенія всего въ порядокъ оставались нынѣ на мѣстѣ. Стоитъ ли описывать, какъ случаются подобные казусы съ людьми, у которыхъ покровъ твердь небесная? Очень просто, дождь или снѣгъ вымочатъ, солнце и вѣтеръ обсушатъ. Нынче проглядывало солнышко.

15 марта, по утру — 0,5; облачно и просіяніе солнца, S умѣренный; ввечеру + 1, тихо.

Утренникъ продолжался до девяти часовъ, потомъ обогрѣло и изъ снѣга сдѣлало кашу. Трудность хода въ такую погоду понимаетъ только бывалый: ему знакома и эта боль ногъ, и расслабленіе всего тѣла, и туманъ въ глазахъ, и обмороки отъ изнеможенія, и неутолимая ничѣмъ жажда, и многое мучительное въ свое время, но съ отстраненіемъ причинъ легко забываемое. Для ищущаго фактовъ привожу слѣдующій: тяжесть лапокъ противу первоначальнаго ихъ вѣса, трехъ съ половиною фунтовъ, увеличивается въ четверо отъ непрестаннаго къ нимъ прилипанія мокраго снѣгу.

16 марта, во весь день + 3, SO свѣжій съ порывами, временно снѣгъ, временно просіяніе солнца; ввечеру + 1,5, снѣгъ, SO свѣжій.

На обратномъ походѣ не останавливаются безъ особыхъ причинъ. Мы еще были довольно счастливы, что солнце не постоянно палило насъ своимъ губительнымъ для глазъ яркимъ мартовскимъ свѣтомъ: очки сдѣланные изъ чернаго волосянаго сита, не

много помогали. Съ жила Нокхакать мы расположились выйти чрезъ устье Юнна-ка, и потому дойдя по старому пути до раздѣленія протока, свернули къ юго-западу и шли около полуторы мили до развѣтвленія его на многіе другіе. Проводникъ запомнилъ настоящій и вскорѣ мы очутились въ затопѣ или въ узкомъ рѣчномъ заливѣ. Ворочаться не хотѣлось, пошли по солнышку чрезъ чащу тальниковаго кустарника и къ закату, выбравшись на лѣвый берегъ Юнна-ка, почевали.

17 марта, весь день + 3, S свѣжій съ порывами, пасмурно, временно снѣгъ; ввечеру — 1°, S утѣренный.

Не находя важнымъ кружить по извилистымъ колѣнамъ Юнна-ка, предъ соединеніемъ ея съ Квихпакомъ, мы взяли румбъ чрезъ лѣсъ прямо къ ея устью, для обѣда заходили на жило Уныльгачтхохъ, на которомъ не было ни души туземцевъ. Почевали на лѣвомъ берегу Юн-а противу утесовъ Илукталяя.

На пройденномъ нами разстояніи до жила Хотылькакатъ, рѣка Юнна-ка протекаетъ по обширной равнинѣ въ руслѣ, котораго ширина не превышаетъ ста сажень. Правый берегъ должно считать нагорнымъ; со всѣмъ тѣмъ только невысокіе утесы облегаютъ его близъ жилъ Нокхакать и Кахлахлякакатъ. Крупныя еловые, березовыя и тополевые лѣса окаймляютъ рѣку на всемъ ея протяженіи, уступая тальникамъ выдавшіеся низменные мысы и косы. Сколько намъ удалось замѣтить, Юнна-ка довольно изобильна бѣлой рыбой, которую въ зимнее время туземцы добываютъ запорами, но для запасовъ юколы, они по большей части принуждены бывають выѣзжать на Квихпакъ. По ихъ словамъ, быстрота рѣки причиною, что въ нее мало заходитъ морской рыбы.

Лѣса и тундра перекрещены слѣдами различныхъ животныхъ: здѣсь снѣгъ утопанъ скачками кроликовъ, тамъ видны легкіе отпечатки поступи соболя и разныхъ породъ лисицъ, тяжелый шагъ росомахи и широкая лента оставляемая выдрой примѣтны въ перелѣскахъ, окаймляющихъ озера. Широкіе розмахи оленя и гонящихся за ними волковъ, глубокими полосами пролегають по мѣстамъ открытымъ. Туземцы предлагали намъ до пяти сотъ бобровъ и выдръ, которые промыслены ими осенью, по протокамъ и небольшимъ рѣчкамъ, имѣющимъ вершины въ приморскомъ хребтѣ. Изъ лисицъ мы видѣли отличные черныя сорты. Многія озерки лѣвой стороны рѣки изобильны выхухолью. Еврашки въ достаточномъ количествѣ добываются на высокихъ горахъ

къ западу отъ жила Нокхакать. Торбаганы и нюники или джеобразы, получаются отъ верховыхъ племенъ.

18 марта, по утру — 2, морокъ, SSW умирный; ввечеру — 4, SSW тихий.

Около трехъ часовъ по полудни мы возвратились въ Нулато благополучно.

Вотъ примѣръ робости характера туземцевъ: намъ съ проводникомъ вздумалось явиться въ одиночку печаянно. Но какъ, подходя съ рѣки, невозможно было того сдѣлать, не будучи примѣчену изъ туземной бараборы, то обойдя утесъ Тлякыптыть, мы подвялись на берегъ въ лѣсъ. Однако и этотъ маневръ былъ замѣченъ дѣтьми. Они увѣдомили матерей. Тѣ сочтя насъ по такому странному поступку за Налеиг-иють, схватили, что попало подъ руки, и бросились подъ защиту байдарщика. Тотъ не вѣрилъ нападению, но для ободренія ихъ вышелъ на дворъ и команду свою поставилъ въ ружье. Такимъ образомъ мы нашли все въ исправности и были встрѣчены съ почетомъ.

==

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О ПРЯДИЛЬНЫХЪ И МАСЛЯНЫХЪ РАСТЕНИЯХЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Между продуктами русскаго земледѣлія первое мѣсто, послѣ хлѣба, занимаютъ два растенія, ленъ и конопля, которыя оба принадлежатъ къ прядильнымъ и къ маслянымъ растеніямъ, потому что воздѣлываются какъ для волокна, такъ и для масла. Сверхъ значительнаго расхода внутри государства, большія количества этихъ продуктовъ вывозятся за границу. Россія отпускаетъ въ иностранныя земли льна, пеньки, льнянаго и коноплянаго сѣмянн и масла, ежегодно, на сумму не менѣе двадцати-пяти-милліоновъ рублей серебромъ. Ленъ и пенька требуются преимущественно въ мануфактурныя государства. Изъ нихъ Великобританія наиболѣе нуждается въ привозѣ этихъ матеріаловъ и снабжается ими почти исключительно изъ русскихъ портовъ. Она получаетъ также изъ Россіи большое количество льнянаго сѣмянн для своихъ маслобойныхъ заводовъ. Льняное сѣмя, год-

ное на битье масла, вывозится и въ другія страны западной Европы, а посѣвное требуется во Францію, Бельгію, Голландію, Ирландію и Германію, гдѣ наиболѣе распространилось льняное производство. Конопля, для добыванія изъ нея пеньки, воздѣлывается болѣею частию во Франціи, Германіи, Венгріи и Италіи. Во всѣхъ странахъ, производящихъ ленъ и пеньку, эти продукты расходятся на внутреннее потребленіе, а за границу сбываются только въ небольшомъ количествѣ, пенька французская, венгерская и италіянская, ленъ бельгійскій и голландскій, преимущественно высокнхъ сортовъ, которые не производятся въ Россіи. При воздѣлываніи этихъ продуктовъ у насъ обыкновенно стараются получить, кромѣ волокна, какъ можно болѣе сѣмянъ, дающихъ масло. Но отъ этого волокно выходитъ грубо. Въ иностранныхъ земляхъ болѣе вниманія обращаютъ на высшее качество волокна и не дорожатъ сѣмянемъ, потому что въ тамошнихъ хозяйствахъ воздѣлываютъ для масла разныя другія масляныя растенія. Напротивъ того, у насъ разведеніе ихъ очень маловажно: конопля и ленъ суть главные наши продукты, какъ для волокна, такъ и для масла, получаемого изъ сѣмянъ. Обширное развитіе этой отрасли сельскаго хозяйства во многихъ краяхъ Россіи, доставляетъ ей возможность отпускать за море большое количество льна и пеньки. Иностранцы покупаютъ ихъ преимущественно у насъ, потому что нашъ матеріалъ, по своей добротѣ и дешевизнѣ, необходимъ для употребительнѣйшихъ издѣлій, низкой и средней руки. Оттого нашъ ленъ, наша пенька привозятся даже въ тѣ иностранныя земли, которыя сами производятъ эти продукты, обращая собственный матеріалъ болѣею частию на выдѣлку издѣлій лучшаго разбора. Значительный расходъ сѣмяннаго масла за границею поддерживаетъ также вывозъ сѣмянъ изъ Россіи. Мы отпускаемъ льнянаго сѣмянъ гораздо болѣе, нежели коноплянаго, но меньшій отпускъ послѣдняго вознаграждается вывозомъ коноплянаго масла, тогда какъ льняное масло почти вовсе не требуется въ иностранныя земли, гдѣ добываютъ его изъ сѣмянъ, которымъ Россія снабжаетъ тамошніе маслобойные заводы.

При недостаткѣ статистическихъ данныхъ, по которымъ можно бы было оцѣнить важность нашей льняной и пеньковой промышленности, ограничимся здѣсь указаніемъ хотя только на заграничный отпускъ льняныхъ и конопляныхъ произведеній, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ разнообразно и обширно употребленіе трудовъ и капиталовъ въ этой отрасли русской про-

мышлености. Средній вывозъ этихъ произведеній, въ сыромъ и обработанномъ видѣ, по пяти-лѣтней сложности, съ 1841 по 1845 годъ включительно, составлялъ слѣдующія суммы:

Отпущено:	Количество.	Цѣнность.
Льна и льняной пакли.	3,715,965 пуд.	9,774,095 руб. сер.
Пеньки и пеньковой пакли. . .	2,781,246 —	6,708,538 — —
Сѣмяна льнянаго.	1,135,667 четв.	8,310,949 — —
» » коноплянаго.	118,915 —	643,225 — —
Масла коноплянаго и льнянаго.	137,235 —	347,072 — —
Пряжи льняной.	— — —	102,097 — —
» » пеньковой.	— — —	19,464 — —
Веревокъ и канатовъ.	339,697 —	671,269 — —
Льняныхъ и пеньковыхъ тканей всякаго рода.	— — —	2,283,672 — —
И того.		28,860,380 — —

Средняя цѣнность вывезенныхъ въ это пятилѣтіе льняныхъ и конопляныхъ произведеній нашихъ, простиралась слишкомъ на двадцать восемь милліоновъ рублей серебромъ, въ томъ числѣ издѣлій было только на три милліона, а сыраго матеріала на двадцать пять милліоновъ рублей серебромъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Ленъ и пенька, льняныя и пеньковыя издѣлія*, напечатанной въ февральской книжкѣ Библиотеки для Чтенія 1847 года, помѣщенъ статистическій обзоръ нынѣшняго состоянія льняной и пеньковой промышленности Россіи и другихъ государствъ, и подробно разсмотрѣны обстоятельства заграничнаго сбыта этихъ произведеній. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту статью, по тѣсной связи ея съ изслѣдованіями о производствѣ льна и пеньки въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, составляющими главный предметъ статьи, которой посвященъ нынѣ отдѣлъ «Промышленности» въ нашемъ журналѣ. Въ русскихъ хозяйственныхъ періодическихъ изданіяхъ: Земледѣльческомъ Журналѣ, Земледѣльческой Газетѣ, Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, разсѣяно много статей объ этомъ важномъ предметѣ *. Однако, до сихъ поръ, даже въ

* Не исчисляя ихъ всѣхъ, укажемъ преимущественно на тѣ источники, которыми мы воспользовались для помѣщаемой здѣсь статьи «О прядильныхъ и масляныхъ растеніяхъ», а именно: Земледѣльческаго Журнала № 5, 1839 года, О воздѣлываніи льна въ псковской губерніи, № 2, 1843 года, Объ улучшеніи льна и льняныхъ издѣлій въ ярославской губерніи:

отдѣльныхъ хозяйственныхъ руководствахъ, на русскомъ языкѣ изданныхъ, добываніе льна и конопли не было рассмотрѣно во всей подробности, начиная отъ воздѣлыванія этихъ продуктовъ до обработки ихъ на продажу. Это побудило насъ собрать, сколько возможно, полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о состояніи столь обширной и разнообразной отрасли русскаго земледѣлія, чтобы въ систематическомъ порядкѣ обзрѣть настоящій ходъ земледѣльческихъ работъ, необходимыхъ въ производствѣ льна и конопли и показать, въ чемъ именно наши способы воздѣлыванія и обработки этихъ продуктовъ отличаются отъ способовъ, употребляемыхъ въ иностранныхъ хозяйствахъ.

1. Ленъ.

Это растеніе доставляетъ самый лучшій матеріалъ для выдѣлки необходимой въ домашнемъ быту ткани, и сверхъ того, даетъ значительное количество сѣмянъ, служащихъ къ добыванію изъ нихъ масла, которое употребляется на освѣщеніе, на приготовленіе мыла, лаковъ, красокъ и прочаго. Воздѣлываніе льна довольно обширно въ нѣкоторыхъ краяхъ западной Европы, но тамъ, по недостатку свободныхъ земель и по изобилію рукъ, занимаются производствомъ льна преимущественно для полученія лучшаго волокна и обдѣлываютъ его въ совершеннѣйшемъ видѣ, не заботясь объ извлеченіи выгодъ отъ сѣмянъ, которое, при такомъ производствѣ льна собирается въ маломъ количествѣ и низкаго качества. Напротивъ того, въ Россіи, изобиліе земли во многихъ краяхъ, при недостаткѣ рукъ и краткости времени для полевыхъ работъ, доставляетъ возможность производить ленъ, какъ для волокна, такъ и для сѣмянъ, но первое выходитъ оттого грубѣе и не такъ тщательно обдѣлывается, какъ за границею, потому что требуетъ много трудовъ и времени для обработки его, зато, сѣмя получается въ большомъ количествѣ и лучшей доброты. Въ сѣверной полосѣ Россіи, ленъ воздѣлывается для внутренняго употребленія, на выдѣлку полотень и для сбыта волокна и сѣмянъ въ иностранныя земли. Въ губерніяхъ средней и восточной полосы ленъ обращается болѣею частію на домашнее употреб-

Земледѣльческой Газеты 1837 года, № 23—27, О воздѣлываніи и приготовленіи льна; Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ; 1843 года, № 6, О сельскомъ хозяйствѣ въ Повороссійскомъ краѣ; 1844 года № 6, О сельскомъ хозяйствѣ въ Суражскомъ уѣздѣ черниговской губерніи; 1846 годъ № 9, О разведеніи фабричныхъ растеній.

леніе, а сѣмя идетъ на продажу и закупаются тамъ для отпуска. Въ новороссійскомъ краѣ вовсе не занимаются обработкою льна и воздѣлываютъ этотъ продуктъ единственно для сѣмянн, которое изъ тамошнихъ портовъ вывозится за границу. Отсюда видно, что воздѣлываніе этого продукта въ Россіи находится въ обстоятельствахъ, совершенно различныхъ отъ положенія этой промышленности въ чужихъ краяхъ, и потому льняное производство представляетъ у насъ множество особенностей, которыя бываютъ различны, смотря по цѣли разведенія льна и по способамъ обработки этого растенія.

Ленъ любитъ умѣренный, влажный климатъ, обильный росами и туманами. Близость водъ, болотъ, лѣсовъ и низменная мѣстность, защищенная отъ вѣтровъ, благопріятствуютъ воздѣлыванію льна. Онъ родится всего лучше на почвѣ плодородной отъ природы, не требуя земель, изобильныхъ черноземомъ. Поэтому новы весьма благопріятствуютъ разведенію льна. Въ Новороссійскомъ краѣ обыкновенно воздѣлываютъ его на вновь поднятыхъ земляхъ и онъ тамъ хорошо родится, хотя бы первая вспашка не была произведена такъ тщательно, какъ слѣдуетъ. Часто можно видѣть въ степи, что сѣютъ ленъ безъ всякихъ приготовительныхъ работъ, прямо по весенней вспашкѣ нови, оттого происходитъ перовносуе въ ростѣ, такъ что часть растеній уже цвѣтеть въ то время, когда другая не достигла половины роста первой. Послѣ такого несовершеннаго посѣва, если не было дождей, часть сѣмянъ вовсе не всходитъ: всходятъ только тѣ, которыя могли пайти нѣсколько влажности. Когда новъ была вспахана съ осени въ такую погоду, которая позволила совершить эту работу въ возможной степени совершенства, тогда земля бываетъ довольно ровна; однако, для того чтобы верхній ея слой, принимающій въ себя сѣмяна, былъ совершенно разрыхленъ, пужно боронить нѣсколько разъ. Ровность вехода и роста много зависитъ отъ хорошаго выполненія этой приготовительной работы, особенно въ годы, необычные влажностью. Въ сѣверныхъ губерніяхъ также сѣютъ много льна на новяхъ съ двоякою цѣлью: чтобы воздѣлать ленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить обработку земли къ послѣдующимъ зерновымъ посѣвамъ, а иногда собственно для воздѣлыванія льна. Въ послѣднемъ случаѣ поднимаются мѣста новыя, покосныя или залежи, единственно для посѣва льна и эти новы не удобряются, но имъ даютъ трехъ, четырехъ или пяти-лѣтній отдыхъ послѣ каждаго посѣву. Известно, впрочемъ, что ленъ сильно цетощаетъ

землю и что онъ не любитъ возвращаться на прежнее мѣсто ранѣе пяти или шести лѣтъ. На новяхъ высѣвають ленъ отъ пяти до пяти съ половиной четвериковъ на хозяйственную десятину, если онъ разводится для волокна и для сѣмян. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ единственная цѣль воздѣлыванія льна состоитъ въ полученіи наибольшаго количества сѣмянъ, дѣлаютъ на новяхъ очень рѣдкій посѣвъ: тамъ считается весьма достаточнымъ высѣвать до трехъ четвериковъ на десятину, а если земля хорошо обработана бороною, то довольно сѣять два съ половиною или даже два четверика. Чѣмъ рѣже сдѣланъ посѣвъ, тѣмъ сильнѣе вѣтвится, растеніе: волокно его выходитъ короткое и грубое, но зато сѣмянныхъ головокъ получается болѣе.

Для посѣва льна на пахатныхъ земляхъ, предпочитаютъ ровныя, черноземныя мѣста съ глинистою подпочвою, или глинисто-песчаная. На песчаной почвѣ, онъ родится тогда только, когда она сыра и содержитъ въ себѣ черноземъ или остатки прежняго удобренія. Слишкомъ сырая почва хотя можетъ служить къ посѣву льна скорѣе нежели сухая, однако и на ней онъ рѣдко хорошо родится, особенно въ мокрое лѣто: онъ отмокаетъ, забивается травою и выходитъ слабъ волокномъ. Ленъ не выносить также слишкомъ жирную землю: онъ зарастаетъ травою и ложится на корню, и потому предпочтительно назначаютъ подъ ленъ земли ровныя, средней тучности, потныя, но не мокрыя, и съ теплою почвою. Такія земли называются льяными.

Это растеніе любитъ почву хорошо обработаную. Землю подъ него пашутъ въ первый разъ осенью, а во второй весною, но когда съ осени поле не поднимается, тогда пашутъ весною два раза. Удобренія, на льяныя земли никогда не кладутъ. Если же сѣютъ ленъ на другихъ почвахъ, то выбираютъ для него удобренныя полосы. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ брать навозъ перепрѣлый, вывозить его въ поле съ осени и запахивать поравнѣ въ землю, чтобы къ посѣву онъ успѣлъ въ ней достаточно разложиться. Послѣ весенней вспашки боронятъ пашню, потомъ сѣется ленъ и боронуется легкими боронами, но если земля слишкомъ размокнетъ отъ сильныхъ дождей, то посѣянные сѣмяна оставляются не забороненными. Когда пашня залется дождемъ послѣ бороненія и оттого поверхность ея заскорузнетъ, тогда слѣдовало бы слегка проборонить ее, но этого обыкновенно не дѣлаютъ изъ опасенія повредить росткамъ. Если земля высохнетъ и окажутся глыбы, ихъ разбиваютъ ручными колотушками, стараюсь сколько возможно болѣе разрыхлить почву.

Льняныя сѣмена, выбираемыя для посѣву, должны быть совершенно зрѣлы, здоровы и очищены отъ сѣмянъ сорныхъ травъ. Для испытанія доброты зеренъ, ихъ кладутъ въ мокрую тряпку и въ теплое мѣсто, или между двухъ дернинъ, а всего вѣрнѣе на открытомъ воздухѣ, въ рыхлую землю, прикрывъ сѣмя тряпкою и, помачивая водою, наблюдаютъ, сколько сѣмянъ взойдетъ. Доброту ихъ можно узнать и другими способами, которые не такъ вѣрны, напримѣръ: извѣстно, что хорошія сѣмена скоро тонуть въ водѣ, а худыя остаются на ея поверхности. Если первыя положить на серебряную ложку и держать ее надъ огнемъ, то онѣ лопаются съ трескомъ; на раскаленныхъ угляхъ онѣ скоро загораются. Внѣшніе признаки хорошаго сѣмени слѣдующіе: оно должно быть темно-желтаго цвѣту, гладкое, лоснящееся, продолговатое, толстое, съ острымъ загнутымъ концомъ, сѣмяна плоскія и широкія обыкновенно бываютъ черноватаго цвѣту, сухи и худо пускаютъ ростки. По наблюденіямъ хозяевъ, вѣтъ разницы высѣвать молодыя или старыя сѣмена, лишь бы онѣ были зрѣлы и здоровы. Отъ постоянного сѣва недозрѣвшихъ сѣмянъ ленъ мало-по-малу вырождается, то есть, годъ-отъ-году будетъ слабѣть и дурнѣть въ своихъ качествахъ. Такъ какъ сѣмяна льна, разводимаго для волокна, никогда не допускаются до полного созрѣванія на корнѣ, то на выборъ ихъ для посѣва необходимо обращать особенное вниманіе. Въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ ленъ воздѣлывается исключительно для волокна, почти вовсе не употребляютъ собственныхъ сѣмянъ, а покупаютъ русскія, извѣстныя въ заграничной торговлѣ подъ названіемъ рижскихъ, либавскихъ и виндавскихъ. Это происходитъ отъ вырожденія сѣмянъ, причина котораго заключается именно въ томъ, что ленъ, разводимый для волокна, никогда не оставляютъ въ полѣ, пока сѣмяна его созрѣютъ, а потомъ эти незрѣлыя сѣмяна обращаются на посѣвъ.

Ленъ, какъ однолѣтнее растеніе, высѣвается весною, но въ различную пору. Въ чужихъ краяхъ сѣютъ его съ апрѣля даже до конца іюня и оттого различаютъ тамъ ранніе и поздніе сорты льна. Въ Россіи онъ сѣется обыкновенно не ранѣе начала и не позже половины мая.

Посѣвъ льна бываетъ различенъ, смотря потому, съ какою цѣлью разводится это растеніе. Если ленъ сѣется для волокна, то посѣвъ его долженъ быть произведенъ сколько возможно гуще, потому что въ такомъ случаѣ растенія не могутъ ни вѣтвиться, ни куститься, а вытягиваются длиннымъ стеблемъ, изъ

котораго получается пѣжное и тонкое волокно. Въ чужихъ краяхъ высѣвають съ этою цѣлью до двухъ четвертей сѣмяна на десятину. Напротивъ того, чѣмъ рѣже посѣяны ленъ, тѣмъ сильнѣе развивается растеніе, даетъ много вѣтвей и, получая изобильную пищу, производитъ болѣе сѣмянъ, но волокна отличаются крѣпостью и грубостью. Въ сѣверной Россіи, гдѣ ленъ воздѣлывается какъ для волокна, такъ и для сѣмяна, обыкновенно высѣвають около четверти зеренъ на десятину. Самою выгодною пропорціею для посѣва въ псковской губерніи, производящей большое количество льна, считаютъ отъ шести до семи четвертковъ хорошихъ сѣмянъ на десятину пахатной земли: такой посѣвъ даетъ волокно хорошаго качества и сѣмянъ выходитъ меньше. Въ Новороссійскомъ краѣ, какъ мы видѣли выше, пропорція посѣва вдвое и даже втрое менѣе, потому что ленъ воздѣлывается тамъ только для сѣмяна.

Если земля хорошо обработана и высѣвныя сѣмяна очищены отъ постороннихъ зеренъ, то ленъ, выростая очень густо, заглушаетъ всходы сорныхъ травъ. Въ противномъ случаѣ сорная трава такъ сильно расплождается между нимъ, что причиняетъ сильный вредъ не только количеству урожая, но даже качеству самаго продукта.

Кромѣ сорныхъ травъ, льну очень вредитъ засуха, составляющая главную причину частыхъ неурожаевъ этого растенія. Иногда на молодые всходы его нападаютъ земляныя блохи и также вредятъ ему. Въ Новороссійскомъ краѣ, опустошаетъ льняныя поля гусеница, которая просверливаетъ сѣмянные головки льна и выѣдаетъ ихъ внутренность.

Ленъ поспѣваетъ черезъ три мѣсяца и не позже трехъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ посѣву. Время уборки этого растенія зависятъ отъ того, что составляетъ главную цѣль его разведенія, волокна или сѣмяна. Наступленіе этой поры узнается по слѣдующимъ примѣтамъ: все льняное поле принимаетъ желтоватый видъ; узкіе листики на нижней части стебля совершенно опадаютъ или по-крайней-мѣрѣ высыхаютъ; сѣмянные головки вполне образуются, желтѣютъ, на видъ кажутся зрѣлыми; сѣмяна въ нихъ, хотя еще бываютъ зелены, однако уже довольно тверды и совершенно образовались. Если снать ленъ прежде нежели сѣмянные головки достигнутъ этой степени зрѣлости, то волокно получится тонкое и мягкое, посѣмяна будутъ не годны. Въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ жертвуютъ сѣмянемъ для волокна, обыкновенно убираютъ ленъ, пока еще сѣмянные головки не стали

созрѣвать. Для полученія хорошаго волокна, у насъ также не допускаютъ ихъ до совершенно бурога (темно-желтаго) цвѣту, потому что есть средство отъ едва пожелтѣвшихъ головокъ получить спѣлое сѣмя, посредствомъ просушки ихъ на «островьяхъ», какъ увидимъ ниже. Если оставить ленъ на полѣ долѣ означенной поры, то волокно грубѣетъ, стебель начинаетъ сохнуть и на немъ показываются бурый или черныя пятна, уменьшающія доброту льна, потому что около нихъ волокна портятся и легко рвутся. Наконецъ, если дать сѣмянамъ совершенно созрѣть въ полѣ, то надобно уже отказаться отъ полученія хорошаго льна. Въ Новороссійскомъ краѣ, хотя не обрабатываютъ волокна, однако не находятъ выгоднымъ оставлять дозрѣлый ленъ на корнѣ, потому что если пойдетъ дождь и за нимъ пастанетъ теплая погода, то сѣмянные головки раскрываются и сѣмя изъ нихъ высыпается.

Ленъ убираютъ обыкновенно выдергиваніемъ его съ корнями, чтобы получить волокна какъ-можно длиннѣе, наблюдая, чтобы при связкѣ въ снопы или пучки онъ нисколько не путался и чтобы головки ложились вмѣстѣ какъ-можно ровнѣе, потому что въ такомъ случаѣ удобнѣе собирать ихъ. Въ южной Россіи, гдѣ ленъ воздѣлывается только для сѣмянц, употребляютъ косу съ особенными грабельками и скошенный ленъ вяжутъ въ снопы.

Отъ выдернутыхъ льняныхъ стеблей отдѣляютъ сѣмянные головки различными способами: ихъ «рыбятъ», то есть, отбиваютъ объ гребень съ желѣзными зубьями, или стесываютъ гребнями, или срѣзываютъ косою или же околачиваютъ колотушками. При отдѣленіи головокъ вообще нужно стараться получить наиболѣе сѣмянъ и, въ то же время, сколько-можно менѣе повредить самому волокну.

Гребень употребляемый для отбиванія, «рыбленія» головокъ, состоитъ изъ длиннаго бруса съ желѣзными зубьями, верхка въ два длины и на разстояніи полу-дюйма одинъ отъ другаго. Этотъ брусъ прибиваютъ или къ стѣнѣ, или къ колодѣ на гумнѣ, или къ телегѣ, когда хотятъ «рыбить» въ полѣ. Рыбленныя головки мечатся въ однокъ, который образуется жердями (островьями *), длиною въ сажень, вбитыми одна отъ другой, по прямой линіи на разстояніи шести вершковъ. Между «островьями» вбиваются въ землю «смычпы» (плахи съ тремя или че-

* У этихъ жердей сучья обрубаютъ на два верхка отъ ихъ основанія.

тырными суками), которые возвышаются вершка на два отъ поверхности. На эти смычницы, по длинѣ одѣнка, кладутся доски, устилаемые соломою или сѣномъ. На эту настелку раскладываютъ горстями головки, слоемъ въ пол-вершка толщиной; потомъ опять прокладываютъ сѣномъ и вновь головками, такимъ же слоемъ, и такъ далѣе до трехъ четвертей аршина высоты отъ досокъ. Эту стѣнку подпираютъ съ обѣихъ сторонъ колышками, чтобы слѣдующій рядъ головокъ не одавливалъ нижняго. Дальнѣйшіе ряды непрерывно подпираютъ колыями. На половинѣ высоты одѣнка подставляютъ «сахирн»*, которыми поддерживаются съ обѣихъ сторонъ, служащія къ отдѣленію верхней половинны отъ нижней. Такимъ же образомъ продолжаютъ метать выше и, наконецъ, верхъ прикрывается соломою.

Эта система островинъ, подпоръ и сахирей можетъ показаться очень сложною, между-тѣмъ какъ на дѣлѣ она очень проста и при малѣйшемъ навыкѣ исполняется хорошо всякимъ работникомъ: она не требуетъ никакого особаго строенія и ухода. Когда головки сметаны въ одѣнокъ, тогда никакая погода не вредитъ. Ихъ убираютъ въ свободное время, разумѣется, въ сухомъ состояніи, а не при дождѣ. Головки, подвергнутыя такимъ образомъ влиянію солнца и вѣтру, дозрѣютъ и высохнутъ такъ, что одѣнокъ сдѣлается совершенно прозрачнымъ. Этимъ способомъ, то есть, «рыбленіемъ», точно также какъ и «чесаніемъ», получается болѣе сѣмянъ, но маковки соломинъ обдираются и при метаніи головокъ въ одѣнки, ложатся плотно одна къ другой, отчего иногда могутъ слезаться, особенно когда сѣно попадетъ не совсемъ сухое или прокладку сѣномъ сдѣлаютъ не довольно часто. Сверхъ-того, вмѣстѣ со спѣлыми отбиваются и всѣ не спѣлыя головки, которые вредятъ первымъ, и цвѣтъ сѣмянн выходитъ темноватымъ.

При счесываніи головокъ гребнемъ, дѣлаютъ рогатки на ножкахъ, въ которыя кладутъ снопы и заземливаютъ ихъ бревномъ, чтобы соломинны не выдергивались при чесаніи, потому чешутъ гребнями (деревяннымъ брускомъ съ семью или осьюю желѣзными зубьями и съ рукояткою). Этотъ способъ почти одинаковъ съ первымъ, только нѣсколько мѣшкотнѣе.

Третій способъ состоитъ въ слѣдующемъ: работникъ подвозитъ телѣгу къ бабкамъ, беретъ въ одну руку снопы, а въ дру-

* Такъ называется жердь, имѣющая при вершинѣ сукъ, которыми поддерживаются горизонтальныя жерди.

гую косу, окрученную съ одного конца тряпкою; этотъ конецъ у него въ рукѣ, а другимъ онъ срѣзываетъ головки, пуская косу вскользь по маковкамъ и разворачивая середину снопа, однако не разрѣзываетъ его. Такимъ образомъ головки срѣзываются большею частью со стебельками, но если снопъ связанъ не ровно, то стебли отрѣзываются далеко отъ маковокъ, что слишкомъ укорачиваетъ ленъ. Какъ въ снопѣ нѣкоторыя головки бываютъ такъ зелены, что нельзя ожидать отъ нихъ сѣмянъ, то, при срѣзываніи головокъ, работникъ старается захватывать косою болѣе тамъ, гдѣ онѣ спѣлы, и менѣе тамъ, гдѣ онѣ зелены. Этотъ способъ не выгоденъ тѣмъ, что доставляетъ менѣе сѣмянъ; головки не могутъ лечь такъ ровно въ снопъ, чтобы можно было срѣзать ихъ всѣ, не укоротивъ льна, а потому обыкновенно срѣзываютъ только самыя верхнія, которыя всегда спѣлы, а другія на половину остаются въ снопѣ. Срѣзанныя такимъ образомъ головки съ коротенькими стебельками мечатся въ такіе же одѣйки, о которыхъ упомянуто выше, но не перекадываются сѣномъ. Преимущество этого способа состоитъ въ томъ, что головки, срѣзанныя со стебельками, ложатся рыхло въ одѣйку, требуютъ меньше подпоръ, никогда не слеживаются и вырѣваются гораздо лучше. Сѣмя отъ нихъ продается дороже; притомъ работа идетъ несравненно поспѣшнѣе, чѣмъ при отбиваніи гребнемъ.

Околачиваніе головокъ колотушками производится въ полѣ. Для того кладутъ на телѣгу или сани доску; работникъ одною рукою кладетъ на доску снопъ головками, а другою бьетъ по нимъ колотушками; онѣ отрываются, дробятся и летятъ въ сани; тутъ спѣлыя и не спѣлыя отбиваются вмѣстѣ и раздавливаются. Такія головки нельзя уже метать въ одѣю, потому что онѣ раздроблены и влажны такъ, что согрѣлись бы и испортились; ихъ разстилаютъ на полу, подъ крышей, тонкимъ слоемъ и даютъ сохнуть, непрерывно расшевеливая лопатой. Это требуетъ много хлопотъ и мѣста и притомъ сѣмя нисколько не дозрѣваетъ, а только просыхаетъ; слѣдовательно, хотя сѣмяни получается больше, однако оно выходитъ низшей доброты.

Всѣ описанные здѣсь способы отдѣленія сѣмянныхъ головокъ употребляются въ псковской губерніи, гдѣ обращаютъ особенное вниманіе на производство какъ волокна, такъ и сѣмянъ, которыя въ значительномъ количествѣ вывозятся оттуда въ чужіе края и во внутреннія губерніи, наиболѣе въ ярославскую, гдѣ ленъ воздѣлывается преимущественно для волокна. Тамъ высѣ-

ваютъ сѣмянъ, на десятину гораздо болѣе нежели въ псковской губерніи и вытеребляютъ ленъ, лишь-только сѣмя палется и окрѣпнеть, а потомъ ставятъ собранный ленъ, въ пучкахъ, на полѣ, на нѣсколько недѣль, до тѣхъ-поръ, пока сѣмяна вызрѣютъ. Если погода очень суха, то пучки околачиваютъ, не сажая на риги, а при сырой погодѣ подсушиваютъ въ ригахъ и послѣ того отдѣляютъ сѣмя. При употребленіи для посѣву сѣмянъ получаемыхъ этимъ способомъ, ленъ выраживается и оттого въ ярославской губерніи хозіева находятъ весьма выгоднымъ употреблять на посѣвъ псковское сѣмя.

Въ лифляндской губерніи, гдѣ производство льна также очень значительно и льняное сѣмя составляетъ важную статью торговли, способъ добыванія сѣмянъ сходствуетъ съ употребляемымъ въ псковской губерніи. Сѣмяныя головки срѣзываютъ также острою косою или длиннымъ пожомъ, или обрубаютъ топоромъ, или ударяя куклою (связкою) объ острое лезвіе косы, воткнутое въ столбъ; но какъ въ послѣднемъ случаѣ почти половина сѣмянныхъ головокъ остается въ куклѣ, то куклы съ отбитыми головками чешутъ еще на гребняхъ съ желѣзными или деревянными гвоздями или иглами. Для сушенія отбитыхъ или срѣзанныхъ сѣмянныхъ головокъ, употребляется въ большихъ хозяйствахъ слѣдующій способъ: берутъ двѣ довольно толстыя жерди, у которыхъ сучья оставлены такой длины, чтобы можно было положить на нихъ тонкія жерди; ставятъ ихъ цопарно, верхними концами вмѣстѣ, подобно стропиламъ, одну пару отъ другой въ разстояніи на два или три аршина; наверхъ кладутъ жердь, которую привязываютъ къ стропиламъ соломой, либо ввовыми прутьями, а по откоснымъ бокамъ, на подрубленные сучья, раскладываютъ поперегъ жерди по-топѣе, верхковъ на семь или десять одну отъ другой и также привязываютъ соломой или прутьями. Сѣмянныя головки кладутъ стебельками промежъ поперечныхъ жердей рыхло, слоемъ верхковъ въ семь толщину. Укладки начинаютъ снизу, верхка на четыре или на семь отъ земли, и продолжаютъ въ косвенномъ направленіи до самаго верху, гдѣ сѣмянныя головки, положенныя съ обѣихъ боковъ стропиль, придется вмѣстѣ подъ верхнею жердью. Потомъ кладутъ рыхло на бокъ и наверхъ столько сѣмянныхъ головокъ, сколько будетъ держаться и покрываютъ верхъ соломой, согнутою по-поламъ, чтобы дождь могъ стекать съ обѣихъ сторонъ, а бока не покрываются. На нижнія поперечныя жерди обѣихъ откосныхъ боковъ, до положенія сѣмянныхъ головокъ,

стелют поперег солому. Если строила широки ввизу, то кладутъ въ середнiй жердь, для лучшаго поддержанiя пошлаиной соломы. Это дѣлается для того, чтобы падающiя съ сушильни внутри, сѣмянныя головки упадали не на землю, а на солому: на нее можно также складывать головки, которыя остаются на землѣ, послѣ укладки и потомъ сгребаются вмѣстѣ.

Черезъ мѣсяць, сѣмянныя головки дозрѣваютъ и высохнутъ дотого, что можно ихъ молотить: онѣ становятся снаружи бурыми и бываютъ сухи такъ, что при погруженiи въ нихъ руки, производятъ шорохъ. Если вскрыть головку, то бурое, гладкое, лоснящее сѣмя выскакиваетъ само собою. Спятыя съ сушильни головки отвозятъ въ овинъ и высушиваютъ ихъ тамъ при легкомъ теплѣ, для того только, чтобы облегчить молоченiе.

Высыпавъ ихъ на токъ, молотятъ лошадьми, которыхъ гоняютъ скоро и долго, пока онѣ все порядкомъ истолчутъ и головки отдѣлятся отъ стебельковъ; потомъ бьютъ по головкамъ цѣпами, чтобы сѣмя опустылись внизъ, а мякиша поднялась наверхъ. Отобравъ мякишу, снова пускаютъ лошадей на токъ, топтать головки и снова бьютъ цѣпами и высеятъ мякишу, повторяя это до тѣхъ-поръ, пока всѣ головки будутъ растоптаны и мякиша вся отдѣлится. Для вымолоченiя сѣмянъ съ болѣею пользою можно употреблять молотильный катокъ, потому что онъ ускоряетъ работу. Послѣ нѣсколькихъ пробѣздовъ каткомъ, сѣмяна бываютъ выдавлены изъ головокъ и сами нѣсколько не повреждаются.

Послѣ молотбы сѣмяна сгребаютъ, провѣиваютъ и для очищенiя отъ сорныхъ травъ просѣиваютъ сквозь чистилки, состоящiя изъ наклоненнаго желѣзнаго листа, пробитаго дырочками трехъ видовъ: въ одномъ отдѣленiи мелкiя круглыя, въ другомъ круглыя же, но крупнѣе, а въ третьемъ продолговатыя. Зерна сыплются на листъ и, отъ сотрясенiя прыгая по немъ, проходятъ первое и второе отдѣленiя, а въ послѣднемъ, очищенныя уже отъ сорныхъ зеренъ, проходятъ сквозь продолговатыя дырочки въ мѣшокъ или въ какую-нибудь посуду.

Главная сорная трава, расплывающаяся наиболѣе между льняными посѣвами въ сѣверной Россiи, есть рыжикъ, сѣмя котораго легко отдѣляется на такихъ рѣшетахъ. Въ Новороссiйскомъ краѣ ленъ часто подвергается засоренiю павиликой, чуждымъ растенiемъ, котораго бѣловатые и гибкiе стебли вырастаютъ вмѣстѣ со льномъ и заглушаютъ его. Также сильно размножаются въ тамошнемъ льнѣ рыжикъ и свирѣя, которая очень много-

плодна. Чтобы избавиться от посторонних травъ, лучшее средство состоитъ въ просѣваніи льняныхъ сѣмянъ, назначенныхъ для посѣва. Чтò же касается до выдѣлки льнянаго масла, то при- мѣсь масличныхъ сѣмянъ, каковы рыжикъ и свирѣпа, не вредитъ качеству продукта, добываемаго изъ льнянаго сѣмени, въ которомъ эти сѣмена находятся.

По отдѣленіи сѣмянныхъ головокъ, ленъ въ кулакахъ (связкахъ) подвергается мочкѣ, росомъ или въ водѣ, для того, чтобы разло- жить смолистое вещество, которое связываетъ волокна и тѣмъ облегчить отдѣленіе ихъ отъ кòстрики, не уменьшая ихъ крѣп- сти. Въ первомъ случаѣ ленъ разстилаютъ на лугахъ, а въ по- слѣднемъ устраиваютъ мочила различнымъ образомъ.

Ленъ, обработанный по первому способу, называется стлан- цемъ. Срѣзавъ сѣмянныя головки, ставятъ льняныя связки стой- мя на лугахъ близъ воды, или развязываютъ ихъ и разстилаютъ стебли, предоставляя ихъ дѣйствию дождя, тумана и росы. Для этого пужно переворачивать ленъ и въ засуху поливать его, по- ка онъ окажется достаточно вымоченнымъ. Въ сырую и теплую погоду, мочка этимъ способомъ требуетъ менѣе времени чѣмъ въ холодную и сухую, но не всегда успѣваютъ вымочить стлан- цецъ какъ должно, потому что въ мокрую осень онъ гниетъ, а въ сухую попадаетъ подъ снѣгъ. Напримѣръ, въ ярославской гу- берніи, гдѣ обыкновенно готовится стланецъ, крестьяне, по накопленію работъ и по большому количеству собираемаго льна, разстилаютъ его не прежде какъ въ концѣ августа или въ сентябрѣ, когда наступаютъ морозы, или идутъ сильные дож- дя, такъ, что ленъ при ведренной погодѣ и частыхъ морозахъ не долежитъ и его заноситъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго съ боль- шимъ трудомъ вытаскиваютъ его, послѣ чего онъ худо выдѣлыва- ется, бываетъ очень жестокъ и при трѣпкѣ осѣкается. Напро- тивъ-того, въ ненастье, когда нельзя поднимать ленъ, онъ пере- лежитъ и въ такомъ случаѣ волокно выходитъ слабое. Рѣдкій годъ случается, чтобы ленъ повсемѣстно былъ поднятъ со стлан- цъ въ удовлетворительномъ видѣ. Сверхъ-того, тамъ нѣтъ обычая переворачивать ленъ на стланцахъ, и оттого воздухъ, дождь, ро- са, солнце не одинаково дѣйствуютъ на лицевую и исподнюю сторону льняныхъ стеблей. По этой причинѣ выходитъ ленъ раз- личный цвѣтомъ и добротой. Переворачиваніе льна, если дѣла- ется съ умѣньемъ, не путаетъ льняныхъ стеблей и занимаетъ не много времени, а между-тѣмъ волокно выдѣлывается лучше и про- лезней не бываетъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случается ранняя зи-

на, хозяева разстилают ленъ по снѣгу, или по стальнн его вѣсною, и большею частью такой ленъ выходитъ превосходнаго качества,—напримѣръ, въ вологодской губерніи зажиточные крестьяне иногда берегаютъ его до слѣдующаго лѣта, потому что въ иной годъ при поздней уборкѣ и наступленіи ранней зимы, ленъ, разостланный на лугахъ, покрывается снѣгомъ и въ такомъ случаѣ почти весь пропадаетъ.

Изготовившійся на стлнщѣ ленъ узнается тѣмъ, что волокно при высыханіи стягиваясь болѣе чѣмъ самый стебель или кострика, отпрыгиваетъ отъ нея мѣстами и сгибаетъ ее дугою. Это дѣйствіе оказывается тѣмъ болѣе, чѣмъ здоровѣе и крупнѣе ленъ. Въ тонкомъ и слабомъ оно не всегда бываетъ замѣтно и потому всего вѣрнѣе брать пробы, сушить и выминать обыкновеннымъ способомъ и по нимъ дѣлать заключеніе.

Ленъ со стлнщъ поднимаютъ граблями, сгребая осторожно въ небольшія кучки, чтобы не перепутать; потомъ складываютъ въ пуки, перевязывая ихъ соломою.

Иные утверждаютъ, что стланецъ даетъ волокно крѣпче и для тонкой пряжи способнѣе нежели моченецъ; но несомнительность этого мнѣнія доказывается добротою псковскаго, лопляндскаго и прочаго льна, приготовляемаго посредствомъ мочки въ водѣ. Ленъ на стлнщѣ подверженъ у насъ столькимъ случайностямъ и переменамъ погоды, что хозяинъ, у котораго онъ выросъ очень хорошо на нивѣ, ни какъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что у него будетъ въ выдѣлкѣ хорошій ленъ. Моченіе льна въ водѣ, конечно, увеличиваетъ трудъ, но зато чрезвычайно сокращается время выложки и, при навыкѣ къ этому способу, получается волокно отъ моченаго льна гораздо лучше нежели отъ стланца.

Въ псковской губерніи, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ленъ хорошо родится, обыкновенно его подвергаютъ мочкѣ. Стланецъ въ употребленіи только тамъ, гдѣ ленъ родится дурно и оттого на продажу не готовится.

Мочила устрояются различнымъ образомъ: въ озерахъ, въ рѣкахъ или въ заводахъ и въ копанцахъ. Въ озерахъ выбираютъ для мочила мелкое мѣсто къ берегу съ ровнымъ дномъ около него. Потомъ, смотря по количеству льна, околачиваютъ назначенное пространство кольями и заплетаютъ прутьями, чтобы ленъ при натискѣ не раздвинулъ ихъ. Въ рѣкахъ на струѣ дѣлаютъ то же самое, только противъ теченія колья забиваются чаще и

заплетаются иногда до самого дна, чтобы притокъ свѣжей воды менѣе дѣйствовалъ на ленъ, особенно въ погодливое время. Въ заводяхъ эта предосторожность не нужна, потому что нѣтъ теченія. Копанцы дѣлаются: во первыхъ, на ровныхъ сухихъ мѣстахъ и питаются дождевою водою, но преимущественно выбираются низменные болотистыя мѣста, гдѣ вода рѣже пересыхаетъ; во-вторыхъ, на мхахъ всякаго роду и, наконецъ, въ-третьихъ, на низкихъ заливныхъ берегахъ около рѣкъ и наполняются проводимою изъ рѣки водою. Мочила обдѣлываютъ иногда деревянными стѣнками, чтобы земля не осыпалась.

Для мочки льна необходимо имѣть свѣтлую, чистую и мягкую воду; только съ этимъ условіемъ можно получить прибыльный ленъ. Въ хорошемъ мочилѣ онъ принимаетъ бѣлый сизоватый цвѣтъ и даетъ шелковистую пряду. Если мочило слишкомъ долго не чищено и наплывъ велика, то цвѣтъ льна бываетъ иногда темно-сизый, даже черный, но и тогда ленъ не теряетъ своего достоинства и цѣны, если только пряда не попорчена. Напротивъ-того, красноватый ленъ всегда избѣгается, потому что земли, придающія ему этотъ цвѣтъ, портятъ волокно и дѣлаютъ его непрочнымъ въ дальнѣйшей обдѣлкѣ. Главное преимущество копанцевъ, въ-сравненіи съ другими мочилами, состоитъ въ томъ, что пряда дѣлается мягче и жирнѣе и на вѣсъ тяжеле. Озерный ленъ отличается бѣлизною и вѣсомъ отъ рѣчнаго, но и послѣдній можетъ быть такъ же бѣлъ какъ и озерный, если во время мочки все благопріятствовало, однако онъ никогда не бываетъ такъ прядистъ и сизокъ какъ озерный или моченый въ копанцахъ, развѣ когда нѣкоторое пространство въ рѣкѣ запружено такъ, чтобы свѣжей воды туда нисколько не затѣкало.

Для мочки принято устроить большую часть копанцы на низменныхъ мѣстахъ и въ болотахъ, а если ихъ нѣтъ, то и на возвышенныхъ, ровныхъ мѣстахъ, для того, чтобы вода въ нихъ не пересыхала.

Качество грунта, въ которомъ роется мочило, имѣетъ большое вліяніе на волокно: отъ него зависятъ цвѣтъ, мягкость и вѣсъ пряди. Трудно опредѣлить достоинство мочила, не испробавъ его на дѣлѣ: по-крайней-мѣрѣ большую часть роютъ на удачу и потомъ по льну судятъ о его достоинствѣ. Однако есть нѣкоторыя правила, которыми руководствуются по-навыку, напримѣръ: извѣстно, что ключеватое, ржавое мѣсто не годится для мочила; что красный песокъ и красная глина даютъ льну красноватый цвѣтъ, который портитъ его достоинство; что хрящъ, сыпучій

песок или «подзолъ» переѣдаютъ прядь; что черноземъ всего болѣе свойственъ для дѣланія копанцевъ. Въ глубокихъ мхахъ копанцы «бываютъ хорошаго свойства: въ нихъ обыкновенно ленъ очень долго мокнетъ и его можно безопасно оставлять до совершенной вымочки, такъ, чтобы послѣ разостлать только для просушки. Въ болотахъ, гдѣ подпочва состоитъ изъ бѣлой или синей глины или еще лучше изъ бѣлаго пловатаго песку, мочила бываютъ очень хороши; для нихъ также свойственъ напывной грунтъ, есаи только онъ довольно глубоко, чтобы вырыть въ немъ копанецъ. Чѣмъ старѣе мочило, тѣмъ оно лучше: вновь вырытое никогда не слѣдуетъ употреблять въ первый годъ, а въ случаѣ необходимости, нужно, за нѣсколько недѣль, подостлать соломой или сѣнъ навозу на дно, чтобы предохранить ленъ отъ вреднаго вліянія на него свѣжей земли. Если за немнѣніемъ достаточнаго числа мочилъ понадобится погружать ленъ одинъ за другимъ сряду въ одно и то же мочило, то при второй мочкѣ ленъ рѣдко удастся, обыкновенно мокнетъ очень долго и не домогается; притомъ получаетъ сѣроватый или красноватый цвѣтъ, потому что вода, послѣ первой мочки, становится слишкомъ грязною.

Размѣры мочилъ бываютъ различныя, но при заготовленіи ихъ необходимо наблюдать: во-первыхъ, чтобы глубина мочила была не выше двухъ аршинъ, потому что въ противномъ случаѣ ленъ приходитъ въ броженіе неравномѣрно: въ теплое время верхніе слои закисаютъ прежде нижнихъ, а въ холодное — позже: слѣдовательно, чѣмъ глубже мочило, тѣмъ болѣе будетъ разности въ степени вымочки верхнихъ и нижнихъ слоевъ*. Во-вторыхъ, чтобы ширина мочила допускала работника удобно накидывать и доставать багромъ каждый снопокъ: слѣдовательно, она должна быть около двухъ сажень, не болѣе. Въ-третьихъ, чтобы объемъ мочила соответствовалъ количеству суточной работы, то есть, чтобы хозяинъ могъ въ одинъ день наполнить мочило льномъ, въ одинъ день вынуть его, когда вымокнетъ, и не замедлитъ развозкою на стланище.

Ленъ подвозятъ къ мочиламъ по сортамъ, стараюсь сколько возможно, чтобы каждое мочило вмѣщало въ себя одинаково крупный и одинаково сѣмый ленъ, для равномѣрной вымочки. Потомъ кладутъ снопы рядами, плотно одинъ къ другому. Устлавъ

* Если необходимость заставить мочить ленъ въ глубокомъ мѣстѣ, то погружаютъ его не до самаго дна.

первый слой, накладываютъ второй, потомъ третій, и такъ далѣе. Когда нижній слой достаточно погрузится, тогда по верхнему настилаютъ ометья во все мочило и на нихъ накладываютъ натски.

Въ водахъ съ чистымъ дномъ изъ песку, камня или травы, погружаютъ льняныя связки просто, безъ подстилки, а если дно болотное, землистое, то необходимо положить въ воду хворостъ съ соломой или безъ нея, и класть на него льняныя связки.

Натски бываютъ различныя: при малыхъ мочилахъ употребляютъ камень или какой-нибудь ломъ. Если мочила большія, то накатываютъ бревна или кладутъ особо приготовленныя рамы и на нихъ наваливаютъ камень, пока верхній слой весь погрузится въ воду.

Черезъ одну, двѣ или три ночи, смотря по температурѣ воды и качеству волокна, ленъ приходитъ въ броженіе, начинаетъ пучиться и верхніе слои его поднимаются изъ воды; тогда немедленно прибавляютъ къ натскамъ столько груза, сколько нужно, чтобы весь ленъ опять погрузился въ воду. Безъ этой предосторожности, верхнія льняныя связки, особенно на солницѣ, высыхаютъ прежде нежели достаточно вымокли, принимаютъ красный цвѣтъ, который потомъ не сходитъ, и отъ того даютъ дурное волокно. Если поднявшійся ленъ будетъ снова погруженъ, то онъ едва ли поднимется во второй разъ, и, до окончанія мочки, останется въ одинаковомъ положеніи.

Время, потребное для мочки льна, весьма различно, — отъ шести до десяти дней, — смотря по качеству воды и по погодѣ. Въ холодное время броженіе происходитъ медленно и ленъ не поднимается иногда недѣлю и болѣе, а въ копанцахъ — до двухъ недѣль. Въ мягкой теплой водѣ и въ теплую или дождливую погоду, нужно менѣе времени для мочки. Если ленъ пересохъ отъ сухаго гѣта и волокномъ очень тощъ, то можетъ пролежать до самой вымочки и не подняться, даже когда снимутъ съ него натски.

Ленъ-только броженіе усилится, нужно наблюдать за степенью вымочки льна: тутъ требуется большой навыкъ и предусмотрительность хозяина, чтобы опредѣлить время вытаскиванія льна изъ воды: одна ночь менѣе или болѣе можетъ значительно повдѣйствовать на качество волокна, особенно въ проточной водѣ или въ теплую погоду, когда броженіе быстро увеличивается. Поэтому, на пятый или шестой день нужно вытаскивать изъ во-

ды, въ разныхъ мѣстахъ, по связкѣ льна, чтобы не унестить времени, когда онъ довольно перстгнолся.

Достаточно вымоченный ленъ узнается по слѣдующимъ признакамъ: льняная связка на ошупь мягка и слизка и имѣетъ противный запахъ, оттого что уже начала приходить въ гніеніе; нѣкоторые, не многіе, стебли мѣстами бѣловаты, то есть тамъ, гдѣ зеленоватое волокно отдѣлилось отъ кюстрики; почти всѣ оставшіяся во льнѣ сѣменные головки вскрываются, и частью спадываютъ, частью легко снимаются. Изъ связки выдергиваютъ стеблей двадцать и обвиваютъ ихъ вокругъ пальца: если ленъ готовъ, то большая часть стеблей должна при этомъ ломаться. Сверхъ-того, цѣлое волокно во всю длину льна легко отдѣляется отъ кюстрики. Нужно пробовать ленъ, такимъ образомъ, въ среднѣ стебля, потому что близъ корня онъ ломается легче, а на верхнемъ концѣ почти вовсе не ломается.

Кромѣ этихъ общихъ признаковъ, принимаютъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, относящіяся до каждаго сорта льна въ особенности: во-первыхъ, каковъ онъ былъ на корнѣ, здоровъ ли тощъ? Здоровый ленъ, когда кюстрика его ломится выше средины, можно вынимать изъ мочила, потому что на стлицѣ онъ скоро доходить, хотя не много и не домоченъ. Если онъ былъ тощъ на корнѣ, то оставляютъ его въ мочилѣ нѣсколько долѣе, пока будетъ ломаться ближе къ маковкамъ, потому что броженіе въ немъ происходитъ медленнѣе*. Во-вторыхъ, скоро ли помоченъ послѣ того какъ вытянутъ изъ земли? Если скоро, то скорѣе вымокнетъ и скорѣе вылежитъ на стлицѣ: слѣдовательно, такой ленъ опасно нѣсколько недомочить**. Ленъ, долго простоявшій въ снопахъ, на полѣ, но притомъ здоровый, мокнетъ долѣе и приходитъ въ броженіе медленнѣе, а потому нужно дать ему вымокнуть хорошо. Въ-третьихъ, не попорченъ ли ржавчиною? Ржавый ленъ, если не перестоялъ на корнѣ и не пересохъ въ снопахъ, еще можетъ быть удаченъ, если только не пропуститъ времени, когда волокна будутъ достаточно отставать отъ кюстрики, а черныя пятна—отъ волокна. Въ такомъ случаѣ, часто пол-сутокъ дѣлаютъ большую разницу: если не домочить, то волонно

* Лишняя ночь для мочилы тощаго льна не дѣлаетъ такой разницы, какъ въ жирномъ льнѣ.

** Впрочемъ, вообще надобно стараться домачивать ленъ, а не много недомачивать можно только въ случаѣ опасенія перемочить его.

будетъ худо отставать отъ кострики и ржавчина не будетъ сходиться съ волокна; если же перемочить, то волокно пропадетъ, потому что гдѣ есть пятно, тамъ волокно подъ нимъ слабо. Чѣмъ лежъ круциѣе, тѣмъ толще волокна и ржавчина менѣе дѣйствуетъ на него. Въ четвертыхъ, не пересохъ ли ленъ отъ продолжительной засухи, во время росту его? Въ такомъ случаѣ, онъ бываетъ очень тощъ, такъ, что при вымочкѣ нельзя дожидаться, чтобы кострика стала ломаться и волокно начало отдѣляться, какъ слѣдуетъ: тогда не должно уже обращать вниманія на это, а надобно соображаться только съ температурою воды и качествомъ мочилы, и, по опыту, опредѣлять время вымочки.

Лишь - только наступить пора для выниманія льна изъ воды, тотчасъ снимаютъ съ него натиски, и вынутый ленъ разстилаютъ на полѣ, для сушенія, развязавъ льняныя связки. По вынутіи ихъ изъ воды, если снопы были не рыблены, а обрѣзаны, ихъ околачиваютъ на берегу и тогда легко отдѣляются оставшіяся въ снопѣ сѣменные головки; но въ рыбленномъ и счесанномъ лнѣ остается такъ мало головокъ, что не стоить околачивать снопы.

Продолжительность сушенія или бѣленія зависитъ отъ состоянія погоды и отъ того, до какой степени ленъ былъ вымоченъ. Время уборки его со стланищъ узнается почти по тѣмъ же признакамъ, по которымъ судятъ о хорошей вымочкѣ льна, а именно: если въ горети стеблей, взятыхъ съ разныхъ мѣстъ, волокна у большей части стеблей начинаютъ отдѣляться отъ кострики, или отдѣленные отъ нее въ срединѣ или на одномъ концѣ стебли, свободно снимаются съ остальной части его. Можно также, особенно въ сухую погоду, взять нѣсколько стеблей, переломить ихъ въ срединѣ и тереть другъ объ друга: если кострика отдѣляется при этомъ маленькими кусками, и волокна остаются почти совершенно чистыми, то ленъ готовъ. Иногда пробуютъ его на мялицѣ, высушивъ нѣсколько горстей возлѣ печи: если кострика отдѣляется и волокна выходятъ чисты, то пора убирать сушимый ленъ. Въ этомъ случаѣ волокно должно отдѣляться отъ кострики непременно во всѣхъ мѣстахъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ усиліемъ. Хорошія волокна крѣпки, такъ, что трудно разорвать ихъ, гладки, имѣютъ лоскъ и полную длину, а шириною съ узкія ленты; волокна каждаго стебля держатся вмѣстѣ, и горсть ихъ довольно тяжела.

Цвѣтъ вымоченныхъ льняныхъ стеблей, сначала зеленоватый,

мало-по-малу, во время сушки, переходитъ въ бѣлый, и наконецъ, если ленъ былъ моченъ въ весьма чистой водѣ, тотчасъ по осушеніи становится совершенно бѣлымъ съ лоскомъ (блестящій); напротивъ того, если вынутый изъ воды ленъ сѣраго или красноватаго цвѣта, то и при продолжительномъ сушеніи его нельзя совершенно выбѣлить.

Когда ленъ былъ въ мочкѣ сколько нужно или хотя нѣсколько долѣе, тогда означенные признаки окажутся черезъ пять или шесть дней, какъ скоро ленъ совершенно высохнетъ и побѣлѣетъ; и тогда можно убирать его. Оставлять долѣе можно только въ ясную, сухую погоду, чтобы ленъ сталъ бѣлѣе, но если погода переменчива и сыра, то надобно спѣшить уборкою: иначе онъ перегонится отъ излишней мокроты и долгаго лежанія. Недостаточно вымоченный ленъ, то есть, тотъ, у котораго волокна отдѣляются отъ кострики только мѣстами и притомъ рвутся, можно оставлять разостланнымъ нѣсколько недѣль, чтобы онъ подвергнулся дѣйствию дождя, исключая того, когда онъ, при сырой погодѣ, скорѣе поспѣетъ. Какъ-скоро волокна слишкомъ легко отдѣляются отъ кострики, легко рвутся, даютъ много пакли и съ одного стебля не держатся вмѣстѣ, то это доказываетъ, что ленъ моченъ или бѣленъ слишкомъ долго и тогда нужно немедленно убрать его.

Какъ при мочкѣ, такъ и при сушкѣ льна, очень важно улучшить надлежащее для уборки время. Для этого надобно заранѣе и чаще осматривать ленъ и брать въ разныхъ мѣстахъ стебли для испытанія. Въ дождливую погоду нужно умѣть пользоваться благоприятною минутою, хотя бы ленъ и не былъ еще совершенно готовъ, потому что этому можно пособить зимою, разостлавъ его по сѣгу и оставивъ ленъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока можно будетъ мять его.

Въ мокрую осень, когда дожди мѣшаютъ убрать готовый ленъ со стлщъ, его поднимаютъ и ставятъ въ бабки или прислоняютъ къ жердямъ, чтобы при первой благоприятной погодѣ можно было ему скоро провѣтриться.

Высушенный ленъ сгребаютъ осторожно въ небольшія кучки, чтобы не перепутать его, потомъ складываютъ въ пукки, перевязывая ихъ соломою, и, по мѣрѣ возможности, дѣлаютъ связки изъ стеблей одинаковой длины, въсомъ обыкновенно отъ двадцати-двухъ до двадцати пяти фунтовъ, чтобы удобнѣе было исчислять количество полученнаго льна. При этомъ нужно наблюдать, что-

бы льняные стебли были совершенно сухи, потому что ленъ, сложенный сырымъ, легко портится.

Послѣ бѣленія льна на стлнщахъ, онъ снова напнтьвается влагою и становится мягкимъ, такъ, что нельзя мять и трепать его, для очищенія отъ кострики. Поэтому, предварнтельно сушатъ ленъ въ овинахъ, баняхъ или избахъ, слегка вытопленныхъ *. При сушенн, всегда уменьшается вѣсъ льна и тѣмъ болѣе, чѣмъ сырѣе погода и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ. Это уменьшенн простирается обыкновенно отъ двадцати до тридцати процентовъ, то есть въ сложности на четвертую долю.

При температурѣ отъ пятнадцати до осемнадцати градусовъ по Реомюру, ленъ въ одну ночь высохнетъ въ овинѣ такъ, что можно мять его, и только въ такомъ случаѣ, когда послѣ бѣленія онъ промокъ отъ дожда или снѣгу, можно оставлять его въ овинѣ на двѣ ночи.

Отъ сушенія въ сильномъ жару, ленъ, какъ бы хорошо ни былъ вымоченъ или выбѣленъ, становится хрупкимъ и слабымъ. Если онъ не довольно сухъ, то волокна, даже съ усиленн, не отдѣляются отъ кострики. Впрочемъ, отдѣленн ихъ не должно происходить слишкомъ легко, что случается, когда ленъ пересушенъ, отъ сильнаго жару, во время сушенія въ овинѣ, либо перегноенъ во время мочки или бѣленія; такой ленъ походитъ на паклю, легко рвется и не имѣетъ никакого лоску. Если ленъ достаточно высушенъ, но не отдѣляется отъ кострики, то это доказываетъ, что онъ не былъ довольно вымоченъ, и потому нужно выставить его, на нѣсколько дней, на воздухъ, чтобы онъ подвергнулся дѣйствию сырой погоды или снѣгу.

Къ сушенн, мятю и трѣпкѣ льна обыкновенно приступаютъ, когда прекратятся почти всѣ полевая работы.

Безъ сушенія льна, предъ мятень, можно было бы обойтись только въ такомъ случаѣ, когда стали бы мять ленъ тотчасъ послѣ бѣленія, пока онъ не успѣлъ еще напнтиться влагою, но какъ въ эту пору крестьяне бывають заняты уборкою хлѣба, то и невозможно начать мятю и трѣпку льна ранѣе осени.

Этимъ работамъ всего болѣе благоприятствуетъ дождливая и сырая погода, какая обыкновенно стоитъ въ концѣ осени, потому что тогда ленъ бывастъ гибче; напротивъ, въ холодную по-

* Для этого употребляютъ преимущественно осиновыя дрова: смолистыя даютъ льну красноватый цвѣтъ, а березовыя коптятъ его.

году или въ морозъ онъ бываетъ хрупче и тогда эти работы сопряжены съ большою потерей.

По просушкѣ льна, тотчасъ начинаютъ мять его, для отдѣленія волокна отъ деревянистой части стебля или кострики. Оно производится ручною мялицею, которая, кажется, почти повсюду имѣетъ одинаковое устройство. Мятье требуетъ навыку и силы. Льняные стебли берутъ горстями, осаживаютъ, ударяя стоймя обѣими копчами, мнутъ и очищаютъ отъ кострики, свачала одинъ конѣцъ, потомъ другой. Ленъ нужно держать крѣпко въ рукѣ, чтобы, какъ-можно меньшее количество его оставалось въ мялицѣ и смѣшивалось съ кострикою. Для отдѣленія кострики надобно не только ударять биломъ по льну, но также сколько возможно болѣе продергивать стебли. Мять ленъ нужно до тѣхъ поръ, пока волокно очистится отъ кострики, такъ, чтобы окончательное и совершенное отдѣленіе ея посредствомъ трепанія, требовало весьма малаго труда.

Мятый ленъ должно тотчасъ трепать: если къ этой работѣ приступить спустя нѣсколько времени послѣ мятья, то кострика, особенно въ сырую погоду, прилипаетъ къ волокнамъ, такъ, что уже нельзя бываетъ совершенно отдѣлать ее.

Трепало обыкновенно имѣетъ видъ широкаго ножа, отъ семи до четырнадцати вершковъ длиною и отъ полутора до трехъ вершковъ шириною, при соотвѣтственной толщинѣ; лезвее островатое. Ленъ держать одною рукою, а другою ударяютъ по немъ трепаломъ, положивъ на колѣни или на доску, и потомъ продергиваютъ его подъ трепаломъ, чтобы содрать кострику и паклю; вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно часто переворачивать ленъ, перебирать и отдѣлять въ рукахъ волокна. Хорошіе трепцы употребляютъ прялку или скамью, состоящую изъ наклонной доски, вышиною до пояса человѣка, вдѣланную въ деревянный отрубокъ, служащій опованіемъ. Работникъ, окрутивъ одинъ конѣцъ повѣсьма около лѣвой кисти, кладетъ другой на прялку и пускаетъ трепало вскользь. Женщины и неискусные работники треплютъ просто на колѣнѣ, либо держать ленъ за одинъ конѣцъ отвѣсно и бьютъ трепаломъ поперегъ повѣсьма. При этомъ, кострика отдѣляется очень чисто, но отбиваются концы пряди и отъ того происходитъ значительная потеря.

При трепаніи, какъ и при мятьѣ льна, нужно обращать вниманіе на то, чтобы очищаемыя волокна не разрывались и не попадали въ паклю. Поэтому выгоднѣе употреблять большое трепало

до: оно тяжеле и, слѣдовательно, работникъ не станетъ безпрерывно ударять имъ по льну, а будетъ болѣе продергивать его. При маломъ трепалѣ, получается болѣе пакли.

Нельзя опредѣлить въ точности, сколько выходитъ чистаго волокна изъ извѣстнаго количества льняныхъ стеблей: это зависитъ отъ свойства почвы, отъ состоянія погоды и росту льна и отъ способовъ ухода за нимъ. Сорокъ фунтовъ сушеныхъ льняныхъ стеблей даютъ отъ четырехъ до двѣнадцати, рѣдко четырнадцать фунтовъ чистаго льна.

Ленъ готовится трепаніемъ на продажу, въ трехъ видахъ: *сырецомъ, чистою*, такъ называемою *бульиною* и *чистою на биржевой бракъ*.

Сырецъ или подтрепаный ленъ вяжется въ пучки такъ, что прядь видна только до половины отъ комлей. Искусный трепецъ не только выговяетъ кострику изъ комлевой части повѣсьма, но умѣетъ вогнать ее къ маковкамъ, гдѣ собираютъ и всѣ охлопья, отдѣляющіеся отъ волокна, такъ, что пакли уже ни сколько не выходитъ. Натрепавъ такимъ образомъ двадцать фунтовъ, онъ вяжетъ ихъ въ куклу; потомъ, искусно расправляя повѣсьма и сортируя ихъ по чистотѣ, пивы вытянетъ внизъ, другія спрячетъ къ верху, и товаръ получить такой видъ, что самъ хозяинъ не узнаетъ. Куклы вяжутъ слѣдующимъ образомъ: жгутомъ, скрученнымъ изъ пакли или того же льна, охватываютъ прежде отъ маковки верхковъ на пять ниже, потомъ вторую перевязь дѣлаютъ въ разстояніи на два или три вершка отъ первой; эти перевязи образуютъ шейку; самую маковку облаживаютъ и сверху закручиваютъ маленькимъ пучкомъ. Въ этихъ-то мѣстахъ скрываются грѣхи трепца. Перевязи дѣлаются такъ крѣпко, что въ нихъ нельзя продѣть булавки. Чѣмъ головка менѣе и шейка тонѣе, тѣмъ менѣе покупатель ожидаетъ найти кострику и охлопьевъ. Хорошія повѣсьма спускаются внизъ до самой нижней перевязи и крѣпко стягиваются ею за самые кончики, такъ что никакъ нельзя выдернуть; оттого ленъ кажется вполтора раза длиннѣе. Гдѣ болѣе воздѣлываютъ льна, тамъ лучше умѣютъ и вязать его.

Бульиною чистою называютъ такую отдѣлку льна, которою занимаются бульини или мелкіе торговцы. Они скупаютъ ленъ сырецъ у земледѣльцевъ, передѣлываютъ и продаютъ его купцамъ, отъ которыхъ товаръ, окончательно изготовленный, поступаетъ въ громаду на биржахъ.

На биржевый брак передѣлывается лень у главныхъ торговцевъ, которые, при отдѣлкѣ его, принимаютъ къ правиламъ, установленнымъ для брака въ портахъ, куда этотъ товаръ доставляется къ заграничному отпуску.

Лень, назначенный для пряжи, чешутъ гребнями, либо щетками. Для чесанія тонкаго и мелкаго льна не выгодно употреблять щетки, потому что прядь его такъ вѣжна, что вся пошла бы подъ щетку. Напротивъ того, длинный и толстый лень неудобно чесать гребнемъ и имъ нельзя такъ хорошо очистить жилку, какъ щетками. Въ псковской губерніи, гдѣ производится лень этого рода въ большомъ количествѣ, употребляютъ, для чесанія, круглую щетинную щетку съ рукояткой: работница въ одной рукѣ, держитъ конецъ повѣсьма, а въ другой щетку, которую пускаетъ вдоль по волокну. Сперва отдѣляются самыя грубыя нити, идущія на грубую пряжу, или *верховые*; вторымъ чесаніемъ отдѣляютъ лучшія нити, называемыя *пачесами*. Послѣ этого чесанія остается чистая жилка, изъ которой готовится тонкая пряжа; если хотять получить нити еще вѣжнѣе, то чешутъ три или четыре раза.

Ческою льна занимаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ поступаетъ на выдѣлку пряжи. Въ торговлѣ, чесаный лень мало обращается и для заморскаго отпуску не покупаютъ его въ Россіи: иностранцы вывозятъ изъ нашихъ портовъ только трепаный лень.

Описывая воздѣлываніе и приготовленіе льна по обычаямъ, существующимъ въ отечественномъ земледѣліи, мы не останавливались на сравненіи ихъ съ иностранными, для того чтобы не прерывать это описаніе частыми отступленіями. Ознакомивъ читателя съ воздѣлываніемъ и приготовленіемъ льна въ Россіи, считаемъ не бесполезнымъ сообщить теперь нѣкоторыя замѣчанія объ иностранномъ льняномъ производствѣ, которое, во многихъ отношеніяхъ, существенно разнится отъ нашего. Въ Западной Европѣ, Бельгія есть отечество льнянаго промысла: эта страна производитъ превосходнѣйшій лень. Наши псковскіе остзейскіе и другіе льны, почитаемые лучшими по длинѣ и другимъ хорошимъ качествамъ ихъ, вообще не имѣютъ ни мягкости, ни бѣлизны и тонкости, ни шелковистаго блеску бельгійскихъ льновъ, которые издавна славятся своею добротою и поступаютъ на выдѣлку лучшихъ полотень. Эти качества приобрѣтаются льномъ отъ способовъ воздѣлыванія и приготовленія его въ Бельгіи,

которые могут быть, въ некоторыхъ отношеніяхъ, применены и къ нашей льняной промышленности *.

Въ Россіи лёнъ сѣется болѣею частію или на рѣзкахъ или въ яровомъ полѣ. Первый способъ чрезвычайно истощаетъ почву, хотя и добывается такимъ образомъ хорошее сѣмя, чему много способствуетъ также рѣдкій посѣвъ, употребительный въ этомъ случаѣ, но волокно бываетъ всегда грубо. При большомъ изобиліи земли, такой способъ посѣва льна еще можно оправдывать, особенно если новъ поднимается для воздѣлыванія на ней, потомъ, другихъ полевыхъ растений, и если она не оставляется безъ удобренія. Но когда бросаютъ ее на нѣсколько лѣтъ, чтобы впоследствии снова засѣять льномъ, какъ это не рѣдко дѣлается, тогда почва совершенно истощается и не доставляя даже хорошаго выгона въ промежуткахъ времени, становится вскорѣ почти негодною, такъ, что уже трудно бываетъ исправить такую истощенную залежь. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лёнъ сѣется въ яровомъ полѣ, остается только лучше удобрять въ послѣдующемъ году ржаную полосу и стараться назначить для льна другой участокъ, чтобы не давать ему возвращаться, на одно и то же мѣсто, ранѣе шестаго года. Въ нашемъ трехпольномъ сѣвооборотѣ нерѣдко случается, что посѣвъ льна на томъ же мѣстѣ производится на третій годъ.

Въ Бельгіи, лёнъ входитъ въ сѣвообороты вмѣстѣ съ хлѣбомъ, картофелемъ и кормовыми растеніями и возвращается на то же мѣсто не ранѣе, какъ на седьмой, осьмой, девятый или десятый годъ. Въ этомъ отношеніи, бельгійское хозяйство находится въ особенныхъ условіяхъ, которыя не могутъ служить общимъ примѣромъ. Земля и продукты ея цѣнятся тамъ весьма высоко; для прокормленія многочисленнаго народонаселенія, необходимо засѣвать малыя пространства земли хлѣбными, либо торговыми, растеніями, которыя имѣютъ вѣрный сбытъ; при избыткѣ рабочихъ рукъ, тамъ возможна садовая обработка полей; земледѣлецъ имѣетъ возможность пользоваться искусственными туками ** и оттого почти подъ каждое растеніе пашня удобряется или

* Смотри въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1846 года № 2 и 3, статью господина Лоде объ обработкѣ льна по бельгійскому способу.

** Приготовленіе навозной жижи, которая продается на рынкахъ мѣрою, какъ товаръ, и сплавляется по каналамъ, составляетъ въ Бельгіи особую отрасль промышленности.

навозомъ, или жижею, или масляными выжимками или золою и известью. Такимъ образомъ, не удивительно, что въ Бельгii снимають три или четыре хлѣба сряду.

Непосредственно подъ лень тамъ никогда не кладутъ удобренiя, потому что онъ вредитъ ему, а за недѣлю до посѣва, лишь-только земля вскроется, удобряють поле жижею, въ которой распущены масляныя выжимки; стараются разливать ее, какъ-можно ровнѣе, особымъ черпаломъ, въ сырую дождевую погоду или по влажной землѣ, чтобы тѣмъ умѣрить горячительное свойство жижи и, по-возможности, уравнивать ея дѣйствiе.

Землю къ посѣву льна готовятъ осенью вспашкою, чтобы высѣвать его ранѣе весною, имѣя притомъ въ виду удержатъ въ почвѣ влажность отъ зимнихъ снѣговъ, что, при сухихъ и жаркихъ весеннихъ дняхъ, весьма важно для льна, и упрочиваетъ хорошiй и сильный ростъ его. Весною, когда поле совершенно высохнетъ, размельчаютъ землю какъ-можно болѣе сильно и частою бороньбою *. Глубокое разрыхленiе почвы подъ лень считается въ Бельгii столь важнымъ условiемъ, что въ бороздѣ, проведенной плугомъ, не рѣдко перекапываютъ нижнiй слой пахатной земли лопатами.

Въ Бельгii къ посѣву льна приступаютъ уже въ первой половинѣ марта и смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, сѣютъ его въ продолженiи всего апрѣля. Послѣ посѣва, слегка боронятъ и потомъ укатываютъ поле легкимъ каткомъ; иногда замѣняютъ дѣйствiе его притаптыванiемъ **. Если вскорѣ послѣ посѣва случится сильный дождь, отъ котораго на вныхъ почвахъ образуется родъ коры, то, когда поле снова просохнетъ, по немъ вторично проѣзжаютъ каткомъ.

Количество сѣмянъ, высѣваемыхъ на десятину, полагается отъ

* Кромѣ бороны, употребляется волокуша изъ сучьевъ, которая замѣняетъ медленное и трудное разбиванiе глыбъ колотушками. Она какъ-бы растираетъ въ мелчайшiя части всѣ даже небольшiе комья, ускользающiе отъ зубьевъ самой лучшей бороны. Это орудiе, по своей простотѣ и дешевизнѣ, доступно каждому крестьянину. Волокуша, будучи сама по себѣ очень легка, должна быть достаточно нагружена для борошенiя, и потому обыкновенно работникъ становится на нее, что дѣлается и съ бороною, особенно при первомъ разѣ.

** Довольно странную картину для чужеземца представляютъ тогда двадцать или тридцать человекъ, которые, стоя одинъ возлѣ другаго, притаптываютъ, въ тактъ, цѣлый участокъ, засѣянный льномъ.

двѣнадцати до тринадцати четвериковъ, то есть вдвое болѣе нежели въ Россіи: оттого ленъ, всходя чаще и плотнѣе, родится гораздо тонѣе, нѣжнѣе, и даетъ богатѣйшій урожай волоконъ, которое по количеству и качеству своему вознаграждаетъ за труды и расходы. Частый посѣвъ полезенъ еще тѣмъ, что противодействуетъ размноженію сорныхъ травъ.

Когда ленъ выростетъ на два или три вершка, его обыкновенно полютъ въ первый разъ, что производится женщиной и дѣтьми съ большимъ раченіемъ и осторожностью. На указную десятину нужно для того около ста работниковъ въ день. Въ случаѣ необходимости, этотъ трудъ повторяется во второй разъ, когда ростъ льна достигнетъ пяти или шести вершковъ *.

На лучшихъ участкахъ, обѣщающихъ ленъ особенной доброты, его прислопляютъ къ жердямъ, чтобы предупредить полеганіе. Для того, на обѣихъ сторонахъ льнянаго поля, вбиваются колья, вверху раздвоенные или вилы, вышиною въ полтора фута, служащія подпорою для положенныхъ на нихъ тонкихъ жердей, на которыя пакдываютъ небольшіе сучья и легкій хворостъ. Ленъ проростая сквозь такую сѣтку, прислопленный со всѣхъ сторонъ, уже не можетъ полечь, какъ бы силенъ ни былъ ростъ его. Это дѣлается, когда ленъ бываетъ вышиною въ шесть или семь вершковъ.

Уборка льна начинается лишь только небольшая часть сѣмянныхъ головокъ станеть созрѣвать или принимать буроватый цвѣтъ.

Такъ какъ въ Бельгіи обыкновенно мочать и обдѣлываютъ ленъ весною и, слѣдовательно, на зиму должно складывать его въ магазины или въ сараи, то онъ убирается съ поля не иначе какъ въ совершенно сухомъ видѣ. Для того, чтобы собранный ленъ могъ хорошо просохнуть на полюсѣ (при чемъ и сѣмя доспѣваетъ), и чтобы волокно какъ-можно менѣе пострадало отъ могущихъ случиться дождей, ставятъ ленъ въ бабки, такъ, чтобы образовалась крыша: отъ того, дождевая вода, не пропкая въ средину, свободно стекаетъ съ верхней части ихъ. Обыкно-

Въ Россіи вообще у крестьянъ нѣтъ обычая полоть ленъ, однако въ некоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ новгородской губерніи, тщательнѣе вышалаываютъ его, для очищенія отъ сорныхъ травъ. Въ псковской, вологодской, ярославской и другихъ губерніяхъ, гдѣ воздѣлываніе льна весьма обширно, эта работа, по обширности льняныхъ заводовъ, требовала бы много рукъ.

венно ихъ разставляютъ въ длину отъ двѣнадцати до четырнадцати футовъ. Для полученія хорошаго волокна считается важнымъ условіемъ то, чтобы ленъ, до составленія крыши, не былъ смоченъ ни дождемъ, ни росой, а потому не вытягиваютъ его болѣе того, сколько могутъ за ночь поставить какъ слѣдуетъ.

Когда ленъ выстоптается на полосѣ, что, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, совершается въ седьмой или десятый день, его убираютъ съ поля и отдѣляютъ сѣмянные головки отъ стеблей, употребляя для того родъ желѣзнаго гребня. По отбитіи головокъ, ихъ просушиваютъ, и вымолотивъ сѣмя, тщательно просѣиваютъ на рѣсетахъ, чтобы отдѣлить незрѣлыя сѣмяна и зерна сорныхъ травъ отъ льнянаго сѣмянн, назначеннаго для посѣву.

Льняные стебли связываютъ въ пучки на обонхъ концахъ, наблюдая, чтобы половина комлевыхъ концевъ была обращена въ одну сторону, а остальная половинка въ другую; отъ того пучки выходятъ одинаковаго размѣра въ обонхъ концахъ: это нужно для плотной установки льняныхъ связокъ въ рѣшетчатыхъ ящикахъ, употребляемыхъ для моченія льна.

Въ Бельгій, отдѣленіе волокна производится предпочтительно посредствомъ моченія льна въ озерахъ и проточныхъ водахъ, либо въ нарочно вырытыхъ ямахъ, тамъ, гдѣ нѣтъ другой воды. Ящикъ съ рѣшетчатымъ дномъ и бокамъ, въ который вода можетъ пропикать со всѣхъ сторонъ, ставится на отлогомъ мѣстѣ, на берегу рѣки или озера. По бокамъ ящика раскладываютъ, съ внутренней стороны, стоймя; слой соломы, потомъ устанавливаютъ, также стоймя, одну связку льна подлѣ другой, какъ можно плотнѣе. Когда весь ящикъ наполнится, загибаютъ концы соломы въ середину на установленный ленъ и покрываютъ всю поверхность его слоемъ соломы, толщиною до трехъ вершковъ. Нагруженный ящикъ спускаютъ въ воду и кладутъ на него настилки, которые увеличиваютъ или убавляютъ, смотря по надобности, наблюдая, чтобы верхніе края ящика были постоянно покрыты водою вершка на два или на три.

Лишь-только по испытанію окажется, что ленъ достаточно вымоченъ, его вынимаютъ изъ воды и предварительно ставятъ стоймя въ небольшія кучи, чтобы дать ему провянуть съ часъ времени, а потомъ отвозятъ на стлеще. Льняныя связки, привезенныя на избранное мѣсто разставляются въ видѣ конусовъ, и ленъ въ такомъ положеніи совершенно просыхаетъ, при неболь-

шомъ вѣтрѣ, въ часъ или въ два. Послѣ того, приступаютъ къ растилкѣ, льна, прямыми рядами, такъ чтобы стебли лежали, по возможности, ровно, другъ подлѣ друга, въ одномъ направленіи. Когда онъ окажется достаточно выбѣленнымъ, его оборачиваютъ на другую сторону, что производится очень скоро посредствомъ длинныхъ и тонкихъ палокъ, которыя подкладываютъ подъ каждый рядъ, опрокидывая такимъ образомъ всѣ ряды одинъ за другимъ. Черезъ двѣ или три недѣли, ленъ обыкновенно вылежится на стлщѣ и тогда въ сухую погоду убираютъ его, связывая въ пучки.

Убравъ ленъ со стлщъ, приступаютъ мять его ступнею, которая, въ Бельгій, употребляется почти исключительно вмѣсто обыкновенной ручной млялицы. Этотъ способъ предпочитаютъ, потому что нѣжный, тонкій, стебель тамошняго льна пострадалъ бы болѣе отъ млялицы. Отъ мятя ступнею, ленъ разбивается на мельчайшія волокна и выходитъ несравненно мягче.

Когда почти вся кострика отдѣлится отъ волокна, начинаютъ трепать ленъ ручнымъ трепаломъ.

Ленъ, вытрепанный какъ-можно чище, поступаетъ къ чесальщикамъ. Ленъ чешутъ гребнями, состоящими изъ длинныхъ стальныхъ зубьевъ, вставленныхъ, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, въ деревянную доску. Лучшаго качества ленъ, послѣ чесанія, обыкновенно еще обколачивается деревяннымъ молоткомъ на гладкой доскѣ, что придаетъ ему много мягкости и блеску. Потомъ его чешутъ щетками и вьжутъ въ куклы.

Въ Россіи, ленъ становится продажнымъ товаромъ не ранѣе, какъ по изготовленіи его, мятьемъ и трепаніемъ, хотя въ несовершенномъ видѣ: въ такомъ случаѣ онъ называется «сырцомъ». Напротивъ того, въ Бельгій ленъ продается на корнѣ, когда начинается цвѣсти, или убранный съ поля и просохшій въ бабахъ, или же вымоченный и вылежавшійся на стлщѣ. Тамъ есть особый классъ промышленниковъ, которыхъ единственное занятіе состоитъ въ приготовленіи льна для продажи. Они распоряжаются моченіемъ и стлавіемъ льна, другіе мятьемъ, трепкою и чесаніемъ. Такое раздѣленіе работъ въ технической обработкѣ льна должно, конечно, способствовать приготовленію его въ совершеннѣйшемъ видѣ: какъ бы ни былъ привыченъ къ обработкѣ этого растенія крестьянинъ, занимающійся льнянымъ производствомъ, однако очевидно, что онъ не можетъ быть такъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ, какъ промышленникъ, который исключительно и постоянно обращается со льномъ.

Весьма важное различіе между нашимъ и бельгійскимъ способомъ обработки льна состоитъ еще въ томъ, что Бельгійцы мочатъ ленъ въ водѣ и бѣлятъ его на стлищѣ обыкновенно весною, а у насъ эти работы производятся осенью, и потому нужно просушивать ленъ въ овинахъ, для отдѣленія волокна отъ кострики. Для моченія льна самое лучшее время то, когда вода тепла. Въ Бельгій, гдѣ почти весь ленъ мочатъ весною, эта работа идетъ успѣшнѣе и ленъ выходитъ несравненно лучшаго качества, нежели у насъ, потому что въ холодную осеннюю погоду вода не можетъ быть такъ хороша для моченія льна. Русскіе крестьяне обыкновенно мочатъ ленъ въ томъ же году, когда онъ снятъ съ поля. Но въ такомъ случаѣ, ленъ никогда не бываетъ цвѣтомъ такъ хорошъ и чистъ и притомъ менѣе крѣпокъ, нежели тотъ, который мочится въ слѣдующіе годы. Бѣленіе льна на стлищахъ производится у насъ въ самое неудобное время: въ холодную погоду, осенью, когда солнце показывается изрѣдка и не долго, или непрерывно идетъ дождь или же снѣгъ внезапно покрываетъ разостланный ленъ. Напротивъ того, въ Бельгій, раскладываютъ ленъ на стлищахъ весною, когда длинные теплые дни, обильныя росами ночи, и сильно дѣйствующіе лучи весенняго солнца помогаютъ приготовленію льна. На стлищѣ онъ получаетъ въ это время ту бѣлизну, которою отличаются бельгійскія полотна.

Моченіе и стлание льна весною трудно соединить съ другими сельскими работами, при нынѣшнемъ порядкѣ нашего хозяйства. Кратковременное лѣто и поздняя весна, втеченіи которой скопляются у насъ многія работы: обработка яровыхъ полей, вывозка навоза, посѣвъ и прочее, не позволяютъ прибавить къ нимъ еще и обдѣлки льна. Въ этомъ отношеніи, Бельгій имѣетъ существенныя преимущества: тамъ весна начинается ранѣе и лѣто продолжительнѣе; яровыя поля обрабатываются съ осени и это облегчается тѣмъ, что большая часть яровыхъ посѣвовъ производится послѣ плугораспашныхъ растений, которыя оставляютъ землю, почти приготовленную. При плодосмѣнной многопольной системѣ тамошняго хозяйства, работы никогда не скопляются къ одному времени, какъ въ нашемъ трехпольномъ хозяйствѣ. Обработкою льна большею частью занимаются тамъ старики, женщины и дѣти. Сверхъ того, обычай готовить ленъ къ пряжѣ въ весеннее время облегчается въ Бельгій тѣмъ, что это занятіе составляетъ особый промыселъ жителей, посвятившихъ себя исключительно обработкѣ льна, независимо отъ воз-

дѣлыванія его, которое предоставлено тамъ собственно крестьянамъ.

Въ отношеніи къ самому производству льна должно замѣтить, что намъ нельзя подражать Бельгійцамъ: мы не можемъ располагать такимъ большимъ количествомъ рукъ, такую растительную силу въ землѣ, скопленною вѣковыми трудами и богатымъ удобреніемъ; притомъ засѣваемъ слишкомъ большія пространства. Поэтому, невозможно требовать, чтобы нашъ земледѣлецъ, подобно Бельгійцу, два раза пологъ свои обширные льняные засѣвы, или прислонялъ бы лень жердями и такъ далѣе. Но тамошніе способы мочки, мятя и трепки и потребныя для того орудія такъ просты, что могутъ быть безъ затрудненія введены въ крестьянскомъ хозяйствѣ и послужили бы къ улучшенію качества нашего льна, для выдѣлки тонкихъ полотень.

И.

=

О ПРЯДИЛЬНЫХЪ И МАСЛЯНЫХЪ РАСТЕНІЯХЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Русскій ленъ, по своей природѣ весьма хорошаго качества, но для самыхъ тонкихъ тканей волокно его выходитъ грубо и оттого онъ цѣнится гораздо ниже улучшеннаго иностраннаго льна, который, впрочемъ, родится отъ сѣмянъ, привозимыхъ изъ Россіи. Такая разность въ достоинствахъ льна происходитъ отъ различія способовъ воздѣлыванія и обработки этого продукта. Въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ процвѣтаетъ фабрикація льняныхъ издѣлій, производится ленъ высшаго разбора, какъ-то : въ Нидерландахъ, Силезіи, Вестфалии, Ирландіи и Сѣверной Франціи. Въ 1839 году, на санктпетербургской выставкѣ отечественныхъ произведеній, находились образцы иностраннаго льна, по которымъ можно было видѣть, до какой степени совершенства доведена тамъ эта промышленность и какъ дорого цѣнится высокая доброта этого матеріала. Цѣны льна сырца въ этихъ образцахъ, показаны отъ семидесяти-пяти до девяноста-пяти копѣекъ фунтъ, что составляетъ отъ тридцати до сорока рублей за пудъ, тогда какъ на санктпетербургской биржѣ нашъ ленъ стоитъ почти вполонину дешевле. Самый высокій сортъ льна, употребляемаго на выдѣлку батистовъ, цѣнится несравненно дороже : образцы его, находив-

шіеся на выставкѣ, оцѣнены въ одинъ рубль осемьдесятъ копѣекъ и два рубля пятьдесятъ копѣекъ фунтъ, слѣдовательно пудъ такого льна обходится во сто рублей ассигнаціями.

Чтобы очевиднѣе показать разность въ цѣнахъ на ленъ, происходящую отъ различія его доброты, сообщаемъ здѣсь таблицу среднихъ цѣнъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ главнѣйшихъ фабрикантовъ въ Лидсѣ, Манчестерѣ и Престонѣ. Эта таблица напечатана въ одномъ англійскомъ хозяйственномъ журналѣ *, въ статьѣ «О важности воздѣлыванія льна въ Великобританіи и въ Ирландіи».

Среднія цѣны на ленъ разныхъ кражей, одного сорта, за тонъ (въ шестьдесятъ три пуда) фунтами стерлинговъ **.

	Риж- скій.	Голланд- скій.	Фламанд- скій.	Куртрей- скій.	Ирланд- скій.
Въ 1830 году	45	76	98	100	65
— 1831 —	43	85	90	95	70
— 1832 —	46	80	85	100	72
— 1833 —	48	75	98	97	70
— 1834 —	46	85	99	103	77
— 1835 —	45	92	120	104	78
— 1836 —	43	90	101	110	75
— 1837 —	38	65	80	85	70
— 1838 —	36	63	75	83	63
— 1839 —	42	87	102	118	74
— 1840 —	38	80	97	130	70
— 1841 —	41	87	114	150	75
— 1842 —	45	80	110	140	70
— 1843 —	43	65	95	145	60
— 1844 —	40	65	120	140	62
— 1845 —	44	85	95	140	70
— 1846 —	42	85	105	150	70
— 1847 —	48	75	—	—	75

Изъ этой раздѣлки льна, по разнымъ кражамъ, видно, что куртрейскій ленъ имѣетъ высшую цѣнность, которая въ нѣвые годы доходила до ста-сорока и ста-пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за тонъ; за нимъ слѣдуетъ фламандскій ленъ, цѣною

* United Gardiners and Landstewards Journal.

** Фунтъ стерлинговъ считается круглымъ числомъ въ шесть рублей серебромъ.

отъ семидесяти-пяти до ста-двадцати фунтовъ стерлинговъ; потомъ голландскій, отъ шестидесяти-пяти до девяноста фунтовъ стерлинговъ; ирландскій, отъ шестидесяти до семидесяти-пяти фунтовъ стерлинговъ и наконецъ ниже всѣхъ стоитъ рижскій ленъ, отъ тридцати шести до сорока осьми фунтовъ стерлинговъ.

Сравненіе цѣвъ иностраннаго и нашего льна, кажется, достаточно показываетъ, какія важныя выгоды могла бы приобрести Россія отъ улучшенія качества этого матеріала.

Около двадцати лѣтъ тому, положено у насъ начало усовершенствованію льняной промышленности въ Лифляндіи и съ тѣхъ поръ, улучшенная обработка льна распространилась во многихъ остзейскихъ помѣстьяхъ. Въ 1829 году баронъ А. К. Мейендорфъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми лифляндскими помѣщиками, вынисалъ изъ Фландріи колонію, состоявшую изъ двухъ семействъ земледѣльцевъ, нѣсколькихъ женщинъ для приготовленія, чесанія и пряденія льна, нѣсколькихъ ткачей для тканья голландскихъ полотень и двухъ мастеровъ для бѣленія и аппретуры. Эта колонія водворена въ Лифляндіи, на мызѣ Клейвъ-Роопъ, принадлежащей барону Мейендорфу. Улучшенія, по производу льна, введенныя тамъ фламандскою колонією, состоятъ въ слѣдующемъ: по фламандскому способу, ленъ сѣется мѣсяцемъ ранѣе той поры, въ которую обыкновенно производится посѣвъ его въ Лифляндіи; сѣмянъ высѣвають слишкомъ вдвое болѣе противъ употребительной тамъ пропорціи; ленъ поляютъ одинъ или два раза руками; ему не даютъ созрѣть на корнѣ, а собранный ленъ оставляютъ дозрѣвать въ полѣ, на солнцѣ. Всѣ эти работы оканчиваются до половины іюля и потому, если почва хороша, можно въ томъ же году сѣять рожь на льняной землѣ, тѣмъ-болѣе, что она не истощается сильно, когда ленъ убранъ прежде нежели сѣменные головки его дозрѣли. Тщательная мочка и дальнѣйшая обработка льна, по фламандскому способу, возвышаютъ качество этого матеріала. Для мятья и трепанія льна употребляютъ орудія, которыя облегчаютъ работу, уменьшаютъ трату волокна и улучшаютъ его достоинство. Клейвъ-роопское заведеніе, представивъ на сапктпетербургскую выставку 1839 года, образцы своего льна, доказало на дѣлѣ, что нашъ ленъ, будучи обработанъ по усовершенствованнымъ способамъ, можетъ быть употребляемъ, подобно иностранному, для самыхъ тонкихъ полотень.

Не менѣе важныхъ послѣдствій для улучшенія льняной промышленности можно ожидать отъ основанія такого же заведенія

въ ярославской губерніи, гдѣ, съ незапамятныхъ временъ, производятся ленъ, пряжа и полотно въ значительномъ количествѣ. Помѣщикъ Е. С. Карновичъ, — владѣлецъ села «Гора Пятницкая», находящагося между Ярославлемъ и Ростовомъ, — желая распространить въ окрестностяхъ Великаго Села, средоточія тамошней льняной промышленности, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, иностранныя улучшенія по обработкѣ льна, выписалъ, въ началѣ 1837 года, изъ клейнъ-роопской колоніи фламандское земледѣльческое семейство, искусное въ воздѣлываніи, обработкѣ и пряденіи льна, съ тѣмъ чтобы оно образовало учениковъ обоюго пола, которые будутъ доставлены къ нему отъ помѣщиковъ, желающихъ улучшить въ своихъ имѣніяхъ производство льна и пряжи. Это заведеніе открыто съ весны 1837 года. Образцы льна, приготовленнаго по фламандскому способу, были доставлены господиномъ Карновичемъ на Императорскую Александровскую Мануфактуру и по наружному пхъ виду найдено, что лучшіе сорта могутъ идти на пряжу до номера 120, тогда какъ изъ лучшихъ русскихъ льновъ получалась пряжа только до номера 90 и рѣдко до номера 100, а выше этого номера производилась пряжа изъ иностраннаго, преимущественно фламандскаго льна. Господинъ Карновичъ представилъ также на санктпетербургскую выставку отечественныхъ произведеній, въ 1839 году, ленъ сырецъ, воздѣланный и обработанный по фламандскому способу, цѣною въ двадцать-два рубля ассигнаціями за пудъ.

На той же выставкѣ находился улучшенный ленъ свободнаго хлѣбопашца Николая Григорьева Тиханова, изъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, деревни Воробилова. Этотъ ленъ заслуживалъ особеннаго вниманія, какъ произведеніе поселянина, пріобрѣтателя котораго обѣщали возбудить подражаніе и соревнованіе между крестьянами, занимающимися воздѣлываніемъ льна въ ярославской губерніи. Для усовершенствованія обработки его, Тихановъ долго испытывалъ различные способы, руководствуясь наставленіями господина директора Александровской Мануфактуры, генерала Вильсона, и собственными опытами. Сначала онъ не имѣлъ желаемаго успѣха и потерпѣлъ значительные убытки, но не оставлялъ своего предпріятія и, стремясь постоянно къ предположенной цѣли, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, слишкомъ ощутительныхъ въ его состояніи, достигъ наконецъ успѣха. Въ 1838 году, послѣ первой удачной обработки льна, Тихановъ поставилъ на Александровскую Мануфактуру болѣе 100 пудовъ и удостоился весьма лестнаго одобренія: ленъ его былъ

признанъ годнымъ не только для выдѣлки тонкаго столоваго бѣлья, но и полотень, подобныхъ лучшимъ нрландскимъ и голландскимъ, потому что тонина пряжи изъ его льна далеко превосходитъ нумеръ 100. Въ 1839 году Тихановъ поставилъ также на Александровскую Мануфактуру тысячу пудовъ льна превосходнѣйшаго качества, судя по мягкости, шелковистости, бѣлизнѣ, крѣпости и длинѣ волокна. Для полной оцѣнки достоинства этого льна, Тихановъ, въ томъ же году, представилъ на выставку образцы льна сырца, трепаного и чесаного и льняной пряжи разныхъ сортовъ отъ нумера 80 до 160.

Къ чести этого трудолюбиваго поселянина должно сказать, что онъ, предпочитая общую пользу собственной, не желалъ скрывать изобрѣтеннаго имъ способа усовершенствованной обработки льна. Сообщаемъ краткое описаніе этого способа, по собственному объясненію изобрѣтателя. Ленъ покупается имъ у разныхъ крестьянъ, когда находится еще на корнѣ, не въ совершенномъ возрастѣ, и лишь только онъ начнетъ цвѣсти, нужно выдергивать его изъ земли и разставлять стоймя въ маленькихъ кучкахъ, чтобы высохъ на воздухѣ; потомъ разстлавъ ленъ на нѣсколько дней на лугу и не допуская совершенно долежаться, должно собирать его, высушивать вторично на воздухѣ, вязать въ пучки и складывать подъ крышу или въ большія покрытыя кучи. Затѣмъ, въ зимнее время, обмакивая ленъ въ проточной водѣ, надлежитъ выставлять его стоймя, слабо расправя, и вымораживать въ ясную погоду. Когда ленъ высохнетъ, то обмакнувъ его опять въ воду, выставлять такимъ же образомъ, продолжая это нѣсколько недѣль и предохраняя ленъ отъ мокрой погоды: иначе онъ можетъ ослабѣть. Послѣ того, истопивъ сушильню, которая должна быть съ трубою, нужно разставлять въ ней ленъ на парахъ, слабо, одну связку подлѣ другой, и по высушкѣ въ вольномъ жару, мять ленъ въ деревянныхъ мякахъ и окончательно обдѣлывать его, очищая деревяннымъ трепаломъ. Въ весеннее теплое время, ленъ можно сушить и на солнцѣ. Вотъ вся операція обработки льна, придуманная крестьяниномъ Тихановымъ, который съ помощью этихъ простыхъ приѣмовъ, не требующихъ ни большаго числа рукъ, ни особенныхъ расходовъ, сталъ готовить ленъ лучшаго качества.

Правительство, воплотивъ оцѣнивая важность льняной промышленности въ Россіи, не оставило безъ поощренія полезныя труды, предпринятыя у насъ для улучшенія первоначальной обработки льна: свободному хлѣбопашцу ростовскаго уѣзда Николаю

Григорьеву Тиханову и клейнъ-роопскому колонисту Ванъ-Штейнкпсте, за представленные ими образцы льна, пожалована серебряная медаль съ подписью: «за полезное» для ношенія на шеѣ на анппнской лентѣ, а заведеніе господина Карновича удостоено малой золотой медали за ленъ отличнаго качества, воздѣланный и обработанный по фламандскому способу. Въ 1841, году по представленію господина министра финансовъ въ Комитетъ господъ министровъ, Государь Императоръ, въ осмнадцатый день марта, Высочайше повелѣтъ сонзволплтъ, для поощренія сельскихъ жителей къ улучшенному воздѣлыванію и обработкѣ льна, предоставить министру финансовъ раздать тысячу рублей серебромъ въ премію тѣмъ крестьянамъ, которые въ разныхъ губерніяхъ начнутъ воздѣлывать ленъ по улучшенному фламандскому способу, именно по мѣрѣ представленія о томъ надлежащихъ удосто-вѣреній, четыремъ первымъ по сту рублей, слѣдующимъ затѣмъ четверымъ по пятидесяти рублей и десятерымъ по сорока рублей. Для выдачи этихъ премій опредѣлены съ утвержденія министра финансовъ, слѣдующія правила:

«1) На полученіе премій имѣютъ право всѣ вообще крестьяне и сельскіе жители, занимающіеся земледѣіемъ, но болѣе одной преміи никто получить не можетъ.

«2) Желаящій получить премію, долженъ представить въ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, чрезъ начальство или помѣщика, не менѣе десяти фунтовъ совершенно очищеннаго льна, съ надлежащимъ удостовѣреніемъ, что ленъ этотъ дѣйствительно выращенъ на его полѣ и обработанъ имъ по улучшеннымъ способамъ, съ показаніемъ притомъ количества произведеннаго имъ такового льна.

«3) Ленъ этотъ долженъ имѣть всѣ качества сорта извѣстнаго въ бракѣ подъ названіемъ «крона», и сверхъ-того совершенно очищенъ отъ кострипки; онъ долженъ имѣть одинаковую обработку по всей длинѣ волокна и, кромѣ крѣпости и мягкости, свойственной крону, особенную тонкость, чтобы въ одномъ и томъ же объемѣ представлялъ большое число волоконъ, что составляетъ пышность льна, которою этотъ сортъ и отличается отъ всѣхъ прочихъ.

«4) Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, разсмотрѣвъ присланный ленъ, сообразно съ этими признаками, представитъ о немъ свое заключеніе на утвержденіе господина министра финансовъ и, въ случаѣ одобренія льна, испроситъ разрѣ-

женія на выдачу преміи, какая по установленному порядку будетъ слѣдовать».

Намъ неизвѣстно, какой успѣхъ имѣли эти поощрительныя преміи и до какой степени распространилась улучшенная обработка льна въ Россіи, по фламандскому способу, уже введенному въ двѣнадцатой и ярославской губерніяхъ. Судя, впрочемъ, по ограниченному у насъ производству тонкихъ полотенецъ, требованіе на ленъ высокаго качества должно быть незначительно. Это обстоятельство есть одно изъ главныхъ препятствій къ улучшенію обработки льна. Для открытія выгоднѣйшаго сбыта русскому льну высшихъ сортовъ, нужно бы ознакомить съ нимъ иностранцевъ, которые охотно станутъ платить за него цѣну, соотвѣтственную его добротѣ, потому что за границею такой ленъ требуется для разнообразныхъ издѣлій, вырабатываемыхъ въ большомъ количествѣ, тогда какъ у насъ онъ еще не имѣетъ настоящей цѣны, которая вознаграждала бы за труды и расходы, потребныя для обработки льна въ лучшемъ видѣ. Господинъ Карновичъ, убѣдившись въ затрудненіи доставить внутри Россіи выгодный сбытъ льну высшихъ сортовъ, уже въ 1843 году намѣревался послать въ Лондонъ партію льна, обработаннаго по фламандскому способу, съ тѣмъ, чтобы поручить этотъ товаръ русскому консулу для продажи и, при содѣйствіи его, собрать отъ тамошнихъ торговцевъ свѣдѣнія, могущія послужить руководствомъ къ приготовленію улучшеннаго льна въ томъ видѣ, въ какомъ онъ требуется фабрикантамъ. Любопытно было бы знать о послѣдствіяхъ этого предположенія. Должно падѣяться, что сбытъ нашего улучшеннаго льна въ Англіи не ограничится однимъ опытомъ. Въ случаѣ ихъ успѣха, конечно, установится постоянное требованіе на лучшіе сорта этого матеріала для вывоза ихъ изъ Россіи. Оно поощритъ къ воздѣлыванію и къ обработкѣ льна по улучшеннымъ способамъ и распространитъ у насъ производство тѣхъ сортовъ его, которые, сверхъ заграничнаго отпуска, могутъ найти со временемъ выгодный сбытъ внутри государства, когда для нашихъ льняныхъ издѣлій потребуетъся въ большомъ количествѣ матеріалъ высшаго разбора.

Въ то время какъ у насъ, при обширномъ воздѣлываніи льна, улучшеніе обработки его затрудняется недостаткомъ внутренняго сбыта для высокыхъ сортовъ этого матеріала, льняная промышленность усиливается и совершенствуется въ Ирландіи, подъ вліяніемъ успѣховъ машиннаго пряденія. Оно способствовало значительному превращенію тамошней фабрикаціи льняныхъ тканей

и возбудило потребность въ улучшеніи производства льна. Замѣчательно, что въ Ирландіи гораздо позже нежели у насъ обращено вниманіе на фламандскій способъ воздѣлыванія и обработки льна. Но принятыя тамъ дѣятельныя мѣры къ введенію этого способа, вскорѣ распространили его во многихъ хозяйствахъ, потому что для улучшеннаго льна открылся выгодный сбытъ на внутреннихъ фабрикахъ. Обработка льна въ Ирландіи, до новѣйшаго времени, производилась очень небрежно и вообще далеко отставала отъ высокой степени совершенства, до которой она доведена въ Бельгіи, въ сѣверной Франціи и въ разныхъ краяхъ Германіи. Улучшенное воздѣлываніе льна въ Ирландіи обѣщало этой странѣ значительныя выгоды, при возраставшемъ тамъ производствѣ машинной пряжи и льняныхъ тканей, для которыхъ надлежало выписывать матеріалъ изъ-за границы. Общественное мнѣніе вскорѣ оцѣнило всю важность этой отрасли промышленности для ирландскаго земледѣлія. Богатые помѣшники, фабриканты, льняные торговцы, фермеры, поселяне, кушцы и ученые, словомъ — люди всякаго званія и состоянія, — соединились къ одной цѣли и составили между собою, въ Бельфаствѣ, общество для поощренія и улучшенія производства льна въ Ирландіи. Иной вносилъ большую, другой малую сумму, отъ одного до двадцати-пяти и до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ, смотря по достатку и пріемлемому участию въ этомъ предпріятіи, но всѣ были убѣждены въ полезной цѣли, — поддержать и распространить эту промышленность, — оттого въ выборѣ средствъ дѣйствовали совѣстливо и безпристрастно, не увлекаясь частными и мелочными видами.

Это общество обыкновенно называемое Flax-Society, ежегодно издающее въ свѣтъ свои отчеты, приняло къ достиженію своей цѣли слѣдующія мѣры, которымъ почти исключительно должно приписать успѣхи льняной промышленности, потому что прежніи правительственныя мѣры по этой части, состояція въ возвратѣ пошлинъ и въ выдачѣ отпускныхъ премій, имѣли слабое дѣйствіе и оттого отиѣнены. Равнымъ образомъ патриотическія усилія другихъ учреждений, какъ напримѣръ Old linen board, повидимому, не произвели важныхъ результатовъ.

Общество въ началѣ отправило свѣдущихъ и дѣятельныхъ хозяевъ въ Бельгію, Германію и во всѣ мѣста, гдѣ производится отличный ленъ, для подробнаго изученія употребляемыхъ тамъ способовъ. Оно опредѣлило этимъ лицамъ жалованье и приняло на свой счетъ путевыя издержки ихъ. Собранныя ими свѣдѣнія

были подвергнуты изслѣдованіямъ общества и членовъ его въ частности, при чемъ произведены съ величайшею точностью практическіе опыты, какъ въ отношеніи къ выгоднѣйшему для льна сѣвообороту, особенному приготовленію почвы, посѣву, выдерживанію льна и отбивки головокъ, такъ и въ отношеніи къ лучшимъ способамъ мочки, бѣленія, сушки, трепанія и чески, до малѣйшихъ подробностей, по каждому роду этихъ работъ, для полученія сколько возможно большаго урожая и отличнѣйшаго качества льна; равнымъ образомъ обращено вниманіе на выгоднѣйшій способъ уборки льна, чтобы, сверхъ достиженія главной цѣли, получить сколько возможно болѣе хорошихъ сѣмянъ для посѣва.

Для распространенія извѣстности и подражанія этимъ опытамъ, общество обнародовало описаніе ихъ; отправило на свой счетъ возвратившихся изъ-за границы агентовъ во внутреннія мѣста для надзора за обработкою льна и къ хозяевамъ, изъявившимъ желаніе получить личныя наставленія ихъ, при введеніи улучшенныхъ способовъ.

Общество опредѣляло значительныя преміи за изобрѣтеніе лучшихъ орудій и машинъ для выгоднѣйшаго исполненія той или другой работы, какъ при воздѣлываніи льна, такъ и при дальнѣйшей обработкѣ его и приобрѣтало модели этихъ снарядовъ для распространенія ихъ извѣстности и пользы.

Сверхъ-того, общество ежегодно раздаетъ постепенныя призы, денежныя преміи, почетныя медали и свидѣтельства, слѣдующимъ порядкомъ:

а) Двадцать фунтовъ стерлинговъ (сто-двадцать рублей серебромъ) за центнеръ * самаго лучшаго льна, если представлено будетъ надлежащее удостовѣреніе, что это количество составляетъ часть урожая по-крайней-мѣрѣ съ двадцати акровъ, который предъ-явителемъ приобрѣтенъ на корпѣ, собранъ и приготовленъ на продажу; пятнадцать фунтовъ стерлинговъ, если составляетъ часть урожая по-крайней-мѣрѣ съ пятнадцати акровъ и такъ далѣе на каждый акръ по одному фунту стерлинговъ и притомъ почетная медаль.

б) Пять фунтовъ стерлинговъ за центнеръ или большая медаль за наибольшее количество льна съ сѣмянными головками, воздѣланнаго по куртрейскому способу, — признаваемому особенно

* Сто двадцать-пять русскихъ фунтовъ.

выгоднымъ, — съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую весну вымочить и обработать таковой ленъ.

с) Пять призовъ въ пять, три, два, полтора и одинъ фунтъ стерлинговъ, или вмѣсто того медали или свидѣтельства отъ общества за центнеръ лучшаго льна, расчесаннаго на машинѣ, смотря по достоинству представленныхъ образцовъ.

д) Два приза: большая и малая медаль, за центнеръ самаго чистаго, наилучшимъ образомъ обдѣланнаго и на машинѣ расчесаннаго льна.

е) Пять премій: въ пять, два съ половиною, два, полтора и полъ-фунта стерлинговъ, за шестнадцать фунтовъ лучшаго руками чесаннаго льна, смотря по добротѣ.

ф) За бушель (одинъ съ третью четверикъ) самаго лучшаго льнянаго сѣмяннаго собственнаго произведенія, годнаго на посѣвъ, три преміи: три фунта стерлинговъ или большая медаль, два фунта стерлинговъ или малая медаль, одинъ фунтъ стерлинговъ или свидѣтельство.

г) h) i) Пять фунтовъ стерлинговъ или большая медаль за шестнадцать фунтовъ самаго лучшаго льна, представленнаго изъ трехъ провинцій Ирландіи: Лейстера, Мюнстера и Коннаута.

к) Для машинной пряжи, выпряденной въ Ирландіи изъ тамошняго льна большая медаль отъ общества за самыя лучшія тальки пряжи въ пятьдесятъ пасмъ по сто-шестидесяти, сто-сорока и по сту нитокъ на фунтъ.

l) Для ручной пряжи, выпряденной изъ ирландскаго льна, на обыкновенномъ веретенѣ:

1) За четыре тальки, въ двадцать-пять пасмъ каждая, по-крайней-мѣрѣ въ триста нитокъ на фунтъ, — за самыя лучшія два фунта стерлинговъ, за лучшія одинъ фунтъ стерлинговъ.

2) За четыре тальки въ пятнадцать пасмъ, по-крайней-мѣрѣ въ сто-осемьдесятъ нитокъ на фунтъ, — за самыя лучшія полтора фунта стерлинговъ, за лучшія одинъ фунтъ стерлинговъ пятнадцать шиллинговъ.

3) За четыре тальки въ осемь съ половиною пасмъ, по-крайней-мѣрѣ въ сто нитокъ на фунтъ, — за самыя лучшія двадцать-пять шиллинговъ, за лучшія двѣнадцать съ половиною шиллинговъ.

m) Для ирландскихъ тканей изъ ирландскаго льна: 1) за самый лучшій, по ткани и узору, кусокъ небѣленаго двойнаго камчатнаго столоваго полотна, большая медаль, а за лучшій — малая медаль; 2) за самый лучшій кусокъ такого же полотна шесть

четвертей ширины и двѣнадцать футовъ длины — первая медаль, а за лучшій — вторая медаль; 3) за самую лучшую дюжину небѣленныхъ салфетокъ — первая, а за лучшую — вторая серебряная медаль; 4) за самый лучшій кусокъ небѣленого батиста; 5) за самые лучшіе куски небѣленныхъ носовыхъ платковъ; 6) за самую лучшую ткань небѣленого полотна; во всѣхъ трехъ случаяхъ — первая медаль, а за лучшія издѣлія означеннаго рода — вторая медаль.

На полученіе премій имѣютъ право только ирландскія издѣлія изъ тамошней льняной пряжи, представленныя секретарю общества и внесенныя въ списки за недѣлю до открытія выставки и присужденія премій въ ноябрѣ мѣсяцѣ каждаго года.

На подобномъ же основаніи Королевское Дублинское Общество и Королевское Общество Усовершенствованія Земледѣлія, равно какъ нѣкоторые другія общества въ Ирландіи, выдаютъ призы, состоящіе изъ денежныхъ премій, и медалей, но, кажется, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ.

Денежные способы общества состоятъ единственно изъ добровольныхъ вкладовъ, поступающихъ отъ членовъ. Ежегодный доходъ бельфастскаго общества (Flax-Society) простирается отъ шести до осьмисотъ фунтовъ стерлинговъ (отъ трехъ-тысячъ-шестисотъ до четырехъ-тысячъ-осмисотъ рублей серебромъ). Большая часть этой суммы употребляется на покрытіе расходовъ по управленію, на жалованье и путевыя издержки секретаря и агентовъ, путешествующихъ за границею и въ Ирландіи, для собранія и доставленія нужныхъ свѣдѣній. Но до-сихъ-поръ малая сумма обращалась на моделн машинъ и орудій и на выдачу премій и призовъ. Несмотря на то, послѣдствія этихъ патріотическихъ усилій обнаруживаются изъ слѣдующихъ фактовъ:

1) До 1841 года, то есть до открытія дѣйствій этого общества, въ Ирландію привозилось льна изъ Россіи и другихъ странъ Европы ежегодно около осьми-тысячъ тоннъ (пятьсотъ тысячъ пудовъ), а въ самой Ирландіи собиралось не болѣе двадцати-пяти тысячъ тоннъ; обработка льна была хуже чѣмъ на европейскомъ материкѣ и этотъ матеріалъ обходился очень дорого.

2) Въ концѣ 1843 года собрано въ Ирландіи льна тридцать-шесть-тысячъ-пятьсотъ тоннъ, около одиннадцати-тысячъ-пяти-сотъ тоннъ болѣе чѣмъ въ 1841 году, и притомъ воздѣльваніе и дальнѣйшая обработка его усовершенствовались такъ, что нынѣ Ирландія производитъ самый лучшій ленъ и самую тонкую льняную пряжу.

3) По третьему отчету упомянутого общества оказывается, что отъ приращенія производства и улучшенія качества льна, Ирландія приобрѣла, къ исходу 1843 года, слишкомъ шесть-сотъ-тысячъ фунтовъ стерлинговъ (три-милліона-шесть-сотъ-тысячъ рублей серебромъ) прибыли и что, въ тоже время, ея доходъ отъ воздѣлыванія льна оцѣнивался въ два-милліона фунтовъ стерлинговъ (около двѣнадцати-милліоновъ рублей серебромъ), не считая выгодъ, приобретаемыхъ отъ дальнѣйшей обработки льна и выделки изъ него пряжи, тканей и прочаго.

Слѣдующій фактъ можетъ служить примѣромъ успѣха, достигнутаго посредствомъ улучшенныхъ способовъ воздѣлыванія льна по наставленію общества, равно какъ доказательствомъ важности улучшеннаго матеріала въ отношеніи къ заработкамъ, приобретаемымъ отъ превращенія его въ издѣлія.

Фермеръ Вильямъ Блакн, близъ Варрингстоуна, продалъ извѣстнымъ тамошнимъ фабрикантамъ, Муррею и Геннигу, по пятнадцати шиллинговъ за шестнадцать фунтовъ (около одиннадцати съ четвертью рублей серебромъ за пудъ) ленъ на корнѣ, воздѣланный по наставленіямъ общества и оказавшійся, по словамъ покупателей, такого отличнаго качества, какого имъ никогда не случалось видѣть, — даже превосходише иностраннаго льна, за который должно было прежде платить до тридцати-шести шиллинговъ за шестнадцать фунтовъ (около двадцати-семи рублей серебромъ за пудъ). По уборкѣ и приготовленіи нѣкоторой части такого льна, исчислено, что со всего занятаго имъ пространства трехъ акровъ (двѣ-тысячи-шесть-сотъ-шестьдесятъ-семь квадратныхъ сажень), получится по-крайней-мѣрѣ тысяча-шестьсотъ, а вѣроятно до одной-тысячи-девяти-сотъ-двадцати фунтовъ, слѣдовательно валовой доходъ хозяина составитъ отъ семидесяти-пяти до девяноста фунтовъ стерлинговъ (отъ четырехъ-сотъ-пятидесяти до пятисотъ-сорока рублей серебромъ), изъ которыхъ онъ долженъ вычесть только издержки на посѣвъ и воздѣлываніе до сбора, потому что самый сборъ, какъ и дальнѣйшая обработка льна, при продажѣ его на корнѣ, обращаются на счетъ покупателя. Такой обычай основанъ на опытѣ, доказавшемъ, что покупатель можетъ употребить болѣе времени и старанія на уборку и обработку льна, нежели поселянинъ, который въ тоже время бываетъ озабоченъ другими полевыми работами, и по этой причинѣ, покупатель можетъ съ меньшими издержками приготовить ленъ лучшей доброты.

Упомянутый ленъ назначался для выдѣлки батистовыхъ носовыхъ платковъ, потому что, по его тонинѣ, можно было выпрять изъ него ручной пряжи до тридцати пасмъ (hanks) на фунтъ. Такимъ образомъ, все собранное количество льна для выдѣлки изъ него пряжи, должно занять до ста-тридцати-двухъ женщинъ втеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ. Столько же времени должны употребить осьмнадцать ткачей на выработку батиста и сорокъ женщинъ на обрубиваніе носовыхъ платковъ. Батиста получится двѣсти-десять кусковъ, въ каждомъ по пяти дюжинъ платковъ, цѣною по сороку шиллинговъ (около двѣнадцати рублей серебромъ) за дюжину, всего на двѣ-тысячи-сто фунтовъ стерлинговъ (около двѣдцати-тысячъ-шести-сотъ рублей серебромъ) и сто-девяносто человекъ приобрѣтутъ себѣ заработокъ втеченіи цѣлаго года.

Успѣхи воздѣлыванія льна въ Ирландіи служатъ доказательствомъ благотворнаго вліянія мануфактуръ на земледѣліе. Съ тѣхъ-поръ какъ въ этой странѣ размножились льнопрядильныя машины, фабрикація полотенъ чрезвычайно усилилась, машинное пряденіе удешевило и улучшило ихъ выдѣлку, потому что машинная пряжа обходится дешевле ручной и превосходитъ ее доброю. Въ прежнее время, въ Ирландіи, выдѣлка льняной пряжи принадлежала къ сельскимъ рукодѣліямъ, вмѣстѣ съ ткачествомъ полотенъ; нынче ручная пряжа замѣнена машинною, которую фабриканты раздаютъ ткачамъ, а сотканное издѣліе поступаетъ на особыя бѣлильныя и апретурныя заведенія. Ткачество осталось тамъ, по прежнему, сельскимъ рукодѣліемъ, но выдѣлка пряжи перешла на обширныя мануфактуры, снабженныя льнопрядильными машинами. Окончательная обработка полотенъ отдѣлилась также отъ сельской промышленности, которая, по своимъ ограниченнымъ способамъ, не въ состояніи доводить эти издѣлія до желаемой степени совершенства. При такомъ раздѣленіи работъ, соединенномъ съ машиннымъ пряденіемъ льна, фабрикація льняныхъ издѣлій, поддерживаемая значительными капиталами, быстро распространилась и усовершенствовалась; сбытъ ирландскихъ полотенъ значительно усилился на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ. Чрезвычайное развитіе этой фабрикаціи поощрило сельскихъ хозяевъ къ умноженію производства льна и къ улучшенію его качества. Они имѣютъ теперь возможность удобно и выгодно сбывать свой ленъ на фабрики, основанныя въ мѣстахъ, ближайшихъ къ округамъ, гдѣ водворилась эта отрасль земледѣлія. Воздѣлываніе льна, съ обращеніемъ внутренняго сбыта, усиливается въ

Ирландіи, такъ, что со временемъ, она, конечно, будетъ въ состояніи обходиться безъ привоза этого матеріала изъ-за границы.

Между-тѣмъ, какъ въ Ирландіи льняная промышленность, подъ вліяніемъ машиннаго пряденія, болѣе и болѣе возвышается, Бельгія, долго удерживавшая за собою первенство въ фабрикаціи льняныхъ издѣлій, испытываетъ теперь тяжкія послѣдствія переворота, происшедшаго въ этой фабрикаціи отъ распространенія льнопрядильныхъ машинъ въ Великобританіи и въ Ирландіи. Упадокъ сбыта бельгійскихъ полотень, вырабатываемыхъ большею частью изъ ручной пряжи, уже привелъ въ крайнее разстройство всѣ отрасли льняной промышленности, принадлежащей къ важнѣйшимъ источникамъ богатства въ этой странѣ. При стѣсненномъ положеніи тамошней фабрикаціи льняныхъ издѣлій, терпится воздѣлываніе льна, доведенное въ Бельгіи до высокаго совершенства, въ эпоху процвѣтанія тамъ этой отрасли руководъльной промышленности. Кромѣ уменьшенія внутренняго сбыта, бельгійскому льну угрожаетъ прекращеніе отпуска его въ Великобританію, когда улучшенная обработка этого матеріала распространится въ Ирландіи, гдѣ уже неусыпно заботятся объ усовершенствованіи этой отрасли земледѣлія. Бельгійское правительство, удивившись въ необходимости поддержать льняную промышленность умноженіемъ сбыта ея издѣлій, недавно поручило бельгійскому генеральному консулу Моксе (Moxhet) осмотрѣть, въ Великобританіи и въ Ирландіи, тѣ фабрики, на которыхъ приготавлиются полотна, вывозимыя въ большомъ количествѣ въ Америку. Моксе представилъ своему правительству, въ прошломъ 1846 году, любопытный отчетъ о нынѣшнемъ состояніи полотняной фабрикаціи въ Ирландіи, гдѣ преимущественно выдѣлываются полотна для отпуска въ сѣверо-американскіе Соединенные Штаты; вывозъ туда ирландскихъ полотень простирается ежегодно на четыре съ половиною до пяти милліоновъ рублей серебромъ. Мы приведемъ выписку изъ этого отчета, чтобы, со словъ очевидца, подробнѣе объяснить настоящія причины успѣховъ, совершенныхъ льняною промышленностью въ этой странѣ, успѣховъ, заслуживающихъ вниманія тѣмъ болѣе, что въ новѣйшее время вопросъ объ улучшеніи производства льна въ Россіи сдѣлался предметомъ особенной заботливости правительства и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ хозяевъ.

«Льняная промышленность въ Ирландіи, говоритъ господинъ Моксе, приобрѣла, посредствомъ механическаго пряденія и нѣкоторыхъ другихъ усовершенствованій, въ послѣдніе годы, такое

развитіе, о которомъ едва ли имѣютъ понятіе за границею. Чтобы судить о дѣйствительномъ положеніи этой промышленности, не должно полагаться на извѣстія объ ней, распространенныя съ нѣкоторыхъ поръ чрезъ газеты, извѣстія, которыя относятся только къ современнымъ ея обстоятельствамъ и заключаютъ въ себѣ указанія на случайное въ ней разстройство. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ: въ 1845 году, въ графствахъ Доунъ и Антримъ, считалось двадцать-пять паровыхъ прядильнь, находившихся въ дѣйствіи; нынче число ихъ возросло до пятидесяти; большая часть ихъ находится въ Бельфаствѣ и окрестныхъ мѣстахъ, три въ Дерри, двѣ въ Армагъ и пять, которыя еще устрояются, не считая многихъ мелкихъ вододѣйствующихъ прядильнь. Всѣ паровыя прядильни имѣютъ около двухъ сотъ осмидесяти тысячъ веретенъ для выдѣлки льняной и паклевой пряжи. Заложенный въ нихъ капиталъ считается въ пятьдесятъ-милліоновъ франковъ, оборотный составляетъ до пятнадцати-милліоновъ. На этихъ фабрикахъ занято около пятнадцати-тысячъ рабочихъ, ежегодно расходуется до ста-тысячъ тоннъ каменнаго угля, и ежегодно обращается въ пряжу до осмидесяти-тысячъ тоннъ (около одного-милліона-ста-тридцати-четыре-тысячъ пудовъ) льна.

«Ручное пряденіе, не смотря на дешевизну поденной платы и на множество свободныхъ рукъ въ этихъ графствахъ, совершенно прекратилось, исключая только выдѣлку тончайшей пряжи отъ пятнадцати до двадцати-пяти пазъ на фунтъ. Въ Ирландіи ручная пряжа не обращается болѣе въ торговлѣ, кромѣ тонкой пряжи, привозимой болѣею частью изъ Вестфалии, для выдѣлки тонкихъ батистовъ, приготовляемыхъ въ графствѣ Армагъ, около Варрингстоуна и Лургана. На батисты употребляютъ машинную пряжу для основы, а ручную для утка. Ежегодный привозъ вестфальской ручной пряжи простирается на милліонъ франковъ.

«Если сравнить это положеніе съ настоящимъ ходомъ льняной промышленности въ Бельгіи, то противоположность и значительныя перемѣны, совершившіяся не далѣе какъ въ послѣднія пять лѣтъ, представляются очевиднымъ образомъ. Посредствомъ машиннаго пряденія, льняная промышленность достигла чрезвычайнаго развитія во Франціи, въ Ирландіи и другихъ краяхъ Великобританіи; производство въ Ирландіи увеличилось болѣе нежели вдвое; тамошнія издѣлія расходятся во всѣхъ странахъ свѣта, тогда какъ сбытъ нашихъ (бельгійскихъ) годъ отъ году упа-

дасть, несмотря на всё попеченіе объ немъ со стороны правительства. Я онаясь, что отнукъ нашихъ (бельгійскихъ) полотень, можетъ-быть, совсѣмъ прекратится, черезъ два или три года, когда устрояемая во Франціи новыя прядильни будутъ приведены въ дѣйствіе.

«При всемъ томъ, ни какая страна не пользуется такими удобствами для льняной промышленности, какъ Бельгія. Еще въ недавнемъ времени наши фламандскія полотна славилась повсемѣстно и вездѣ были предпочтительны. Матеріалъ производится у насъ въ изобиліи и лучшей доброты. Наше воздѣлываніе льна приводитъ въ удивленіе всѣхъ иностранцевъ и всего болѣе Ирландцевъ, о чемъ приведу здѣсь слѣдующіе весьма любопытные факты.

«Въ 1840 году, основалось въ Бельгасть, подъ предѣлательствомъ маркиза Доунмейра, общество для усовершенствованія воздѣлыванія льна въ Ирландіи, и на собственный счетъ отправило многихъ молодыхъ людей въ Бельгію, чтобы изучить особенности, которыми отличается у насъ производство льна. Досихъ-поръ, сколько мнѣ извѣстно, двадцать-осемъ человекъ окончили такимъ образомъ свое обученіе у насъ и занимаются теперь въ Ирландіи сообщеніемъ своего знанія производителямъ льна, преимущественно въ большихъ помѣстьяхъ. Я читалъ тамъ отчетъ о приобретенныхъ ими у насъ свѣдѣніяхъ; они говорятъ съ изумленіемъ о нашемъ способѣ воздѣлыванія льна и нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ даже, что прежде своей поѣздки въ Бельгію вовсе не знали, чего требуетъ воздѣлываніе и обработка льна. Но не смотря на всѣ эти преимущества наша льняная промышленность болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ.

«Хотя упомянутое общество оказало Ирландіи великія услуги, поощривъ успѣхи воздѣлыванія льна, въ отношеніи къ количеству и добротѣ, однако ирландскіе фабриканты еще употребляютъ много иностраннаго льна, въ томъ числѣ и бельгійскій. Статистическія таблицы, изданныя въ Лондонѣ отъ департамента торговли, показываютъ общій привозъ въ Великобританское королевство, не отдѣляя Ирландіи. Съ 1840 года привезено:

Въ 1840	году	62,649	тонновъ.
— 1841	—	67,368	— —
— 1842	—	55,113	— —
— 1843	—	71,857	— —
— 1844	—	79,424	— —

«Большая часть льна привозится изъ Россіи. Бельгійскій составляетъ въ этихъ количествахъ малую пропорцію.

«Изъ ирландскихъ прядильныхъ фабрикантовъ, нѣкоторые, смотря по обстоятельствамъ, распоряжаются ткачествомъ и даже бѣленіемъ, на собственный счетъ. Такъ поступаютъ значительнѣйшіе производители. Первая забота ихъ состоитъ въ томъ, чтобы продать пряжу, но лишь только накопятся запасы и требованіе на пряжу слабо, они отдаютъ на свой счетъ ткачамъ нѣкоторое ея количество. Если суровое полотно при сдачѣ его ткачамъ, найдетъ покупателей, то оно продается имъ въ этомъ видѣ; въ противномъ случаѣ, фабриканты отдаютъ его выбѣлить и даже отправляютъ его на продажу на собственный счетъ. Такимъ образомъ, въ Ирландіи есть прядильни, дающія работу ткачамъ, и владѣльцы этихъ заведеній распоряжаются въ одно время пряденіемъ, ткачествомъ и торговлею.

«Наибольшее количество пряжи продается, впрочемъ, прядильщиками фабрикантамъ, которые отдаютъ ее ткачамъ по условленной цѣнѣ. Изъ фабрикантовъ этого рода нѣкоторые продаютъ суровыя полотна бѣльщикамъ, другіе же отдаютъ ихъ въ бѣленіе на свой счетъ и потомъ разсылаютъ на продажу. Первый случай — самый обыкновенный. Содержатели бѣильныхъ заведеній въ Ирландіи — большею частію первоклассные купцы; они имѣютъ связи повсемѣстно и чрезъ нихъ и на ихъ счетъ производится большая часть заграничнаго отпуска.

«Такая промышленная и коммерческая организація имѣетъ слѣдствіемъ то, что ирландскій ткачъ получаетъ работу отъ двухъ различныхъ классовъ производителей, отъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикантовъ. Онъ работаетъ за условленную плату, а не на свой счетъ, то есть ему даютъ пряжу и онъ впередъ знаетъ, сколько получить за свой трудъ. Ткачи вырабатываютъ на свой счетъ весьма малое количество полотентъ; равнымъ образомъ очень незначительны такъ называемыя полотняныя ярмарки. Въ Ирландіи, какъ и въ Бельгій, ткачествомъ вообще занимаются мелкіе фермеры и поселяне въ досужное отъ хозяйственныхъ работъ время. По этому, весной и при жатвѣ, когда сельскіе жители заняты своимъ хозяйствомъ, фабриканты получаютъ гораздо менѣе полотентъ. Ткачество рабочими на фабрикахъ составляетъ незначительную часть въ общемъ производствѣ.

«Ткачи вообще употребляютъ самолетный стаяковъ. Употребленіе техническихъ станковъ (Power looms) съ 1840 года не рас-

пространилось: напротив, оно уменьшилось, такъ, что эти станки можно считать теперь почти вовсе оставленными. Въ странѣ, гдѣ ручная работа изобильна и дешева, употребленіе ихъ не можетъ быть выгодно.

«Прежде, когда машинная пряжа не была еще введена въ большомъ видѣ, ирландскіе ткачи работали на свой счетъ, подобно бельгійскимъ, и продавали свои суровыя полотна, на рынкахъ, бѣльицкимъ. Нынче количество полотенъ, доставляемыхъ на рынки, какъ выше замѣчено, очень не значительно. Эта перемѣна совершилась въ послѣднія пять лѣтъ и полотняная торговля сосредоточилась въ Бельфаствѣ и окрестныхъ мѣстахъ. Дублинъ, имѣвшій прежде значительную ярмарку, сдѣлался неважнымъ мѣстомъ для торга полотнами.

«Въ Ирландіи, гдѣ это производство чрезвычайно распространилось и улучшилось, бѣльицкіе фабриканты составляютъ классъ производителей, которыхъ я считаю столько же важными, какъ прядильныхъ фабрикантовъ.

Тамъ есть много бѣльицкихъ заведеній, устроенныхъ въ обширномъ размѣрѣ и занимающихся апертурою всякаго рода. Я осматривалъ эти заведенія, гдѣ всѣ работы производятся съ помощію паровой силы и гдѣ вдругъ обрабатываютъ до милліона кусковъ.

«На ирландскихъ бѣльицкихъ, химическій способъ соединенъ съ бѣленіемъ на лугахъ. Такой способъ былъ испытанъ въ Бельгіи, но какъ онъ требуетъ особенныхъ свѣдѣній, то не всегда удавался и до-сихъ-поръ существуетъ предубѣжденіе противъ него. Судя по послѣдствіямъ этого способа въ коммерческомъ отношеніи, онъ долженъ быть рѣшительно предпочтенъ старой методѣ. Ирландскія полотна уважаются повсемѣстно и цѣнятся въ особенности за чистоту и глянецъ ихъ бѣлизны.

«Отпуская торговля полотнами, въ Ирландіи, производится большею частію бѣльицкими фабрикантами. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ по заказамъ, а другіе только на свой счетъ. Они покупаютъ суровыя полотна, бѣлятъ и апертуютъ ихъ, смотря по требованіямъ разныхъ мѣстъ, куда отправляютъ ихъ отъ себя, для продажи. Они имѣютъ агентовъ повсюду, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Мексикѣ, въ Чили и другихъ мѣстахъ. Эти производители пользуются важнымъ значеніемъ и располагаютъ большими капиталами.»

Мы не будемъ повторять здѣсь всего того, что говоритъ господинъ Моксе о мѣрахъ, необходимыхъ, въ настоящее время, для

поддержанія льняной промышленности въ Бельгiи. Она находитъ, что при нынѣшнихъ успѣхахъ машиннаго пряденія льна, эта промышленность должна подвергнуться совершенному преобразованiю: ей нужны большiя фабрики, съ льнопрядильными машинами, и фабриканты, которые, покупая машинную пряжу, раздавали бы ее ткачамъ, а для отдѣлки полотенеъ на продажу пужны большiя бѣльшныя и апретурныя заведенiя. Вотъ существенныя условiя, безъ которыхъ нельзя ожидать успѣха въ полотняной фабрикацiи, и всѣ старанiя къ улучшенiю прежнихъ ея способовъ будутъ оставаться тщетными при возрастающемъ соперничествѣ мануфактуръ, которыя, съ помощiю машинъ и большихъ капиталовъ, производятъ льняныя издѣлiя превосходной доброты, по сходнѣйшимъ цѣнамъ.

Примѣнивъ эти выводы къ настоящему положенiю русской льняной промышленности, легко можно усмотрѣть причины, останавливающiя ея развитiе. Выдѣлка пряжи и тканей изъ льна принадлежитъ у насъ къ сельскимъ ремесламъ и, оставаясь безъ руководства къ необходимымъ въ ней улучшенiямъ, производится по предаiю, чуждому усовершенствованiю, издавна введенныхъ за границею. Но если даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ это производство гораздо болѣе усовершенствовано нежели въ Россiи, признаютъ уже невозможнымъ поддерживать прежнюю организацiю его, то тѣмъ менѣе можно ожидать возвышенiя нашей льняной промышленности, при нынѣшнихъ ея способахъ. Къ сожалѣнiю, значительныя капиталы употреблены у насъ на бумагопрядильную фабрикацiю, тогда какъ, по примѣру Ирландiи, лучше было бы обратить ихъ на выдѣлку машинной пряжи изъ льна, употребляя собственный матерiалъ. При развитiи этого производства, водворилось бы и раздѣленiе работъ по ткачеству, бѣленiю и апретурѣ полотенеъ, подобное тому, какое теперь существуетъ у насъ въ фабрикацiи бумажныхъ тканей. Очевидно, что такое направленiе льняной промышленности должно послужить въ пользу мануфактурамъ, сельскимъ рукодѣлiямъ и земледѣлiю. Тогда, съ обращенiемъ внутренняго и заграничнаго сбыта нашихъ полотенеъ, увеличатся требованiе на ленъ для собственныхъ фабрикъ и возбудится потребность въ улучшенiи его качества, какъ это видимъ въ Ирландiи. Но пока выдѣлка льняныхъ издѣлiй будетъ оставаться у насъ въ нынѣшнемъ положенiи, нельзя ожидать большихъ успѣховъ въ усовершенствованной обработкѣ льна. Это доказывается тѣмъ, что до сихъ поръ она еще очень мало распространялась въ нашихъ хозяйствахъ: тѣ производствъ, ко-

торые заплись улучшеніемъ льна, не находятъ выгодъ приготавливать его въ большомъ количествѣ, потому что такой ленъ еще не имѣетъ у насъ цѣны, соразмѣрной съ его добротой, по ограниченному требованію на него внутри государства. Онъ можетъ найти выгоднѣйшій сбытъ въ иностранныхъ земляхъ, если будетъ обходиться дешевле тамошняго льна, не уступая ему въ добротѣ. Введеніе улучшенной обработки этого матеріала, въ видахъ на заграничный отпускъ его, могло бы по-крайней-мѣрѣ положить у насъ прочное начало къ распространенію этой отрасли сельскаго хозяйства, а со временемъ, дальнѣйшее ея развитіе приобрѣло бы новыя силы, прочнѣйшую опору, когда, съ усовершенствованіемъ внутренней фабрикаціи льняныхъ издѣлій, увеличилось бы потребленіе улучшеннаго льна внутри государства.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ находится у насъ и пеньковая промышленность: изъ пеньки выдѣлываютъ веревки, канаты, грубые холсты и парусину, употребляя ручную пряжу, но тонкихъ полотень для одежды служащихъ, не дѣлаютъ, потому что наша пенька слишкомъ груба для издѣлій этого рода. Выдѣлка ихъ требуетъ, чтобы этотъ матеріалъ соединялъ въ себѣ качества, до которыхъ можно довести его у насъ не иначе, какъ измѣнивъ обыкновенный способъ воздѣлыванія конопил и улучшивъ обработку получаемой изъ нея пеньки. Должно замѣтить при томъ, что употребленіе пенькопрядильныхъ машинъ, почти вовсе не извѣстныхъ въ Россіи, много способствовало усовершенствованію фабрикаціи пеньковыхъ издѣлій въ иностранныхъ земляхъ, особенно въ Великобританіи, такъ, что сбытъ тамошнихъ пеньковыхъ полотень значительно усилился въ новѣйшее время.

Для успѣшнѣйшаго развитія этой фабрикаціи въ Россіи, необходимы тѣ же условія, какія требуются для усовершенствованія выдѣлки нашихъ льняныхъ издѣлій. Равнымъ образомъ, улучшенная обработка пеньки встрѣчаетъ у насъ тѣ же препятствія, какія выше указаны въ отношеніи къ льну. Сколько намъ извѣстно, до-сихъ-поръ русскіе хозяева еще не обращали вниманія на иностранные способы производства пеньки, вѣроятно, потому что высшіе сорта ея, по нетребованію ихъ во внутренней торговлѣ, не могутъ имѣть у насъ настоящей цѣны. Напротивъ того, имъ открылся бы выгоднѣйшій сбытъ за границею, гдѣ производится пеньковыя издѣлія разнообразныхъ родовъ изъ машинной пряжи, которая возвышаетъ ихъ качество и способствуетъ къ ихъ деш-

Въ этомъ предположеніи, мы рассмотримъ здѣсь воздѣлываніе конопли, сравнивая наши способы съ иностранными и указывая на недостатки, которыхъ нужно избѣгать для полученія пеньки лучшаго качества. Нѣкоторыя улучшенія могутъ быть введены у насъ, безъ перемѣны коренныхъ условій этого производства, которое доставляетъ возможность получать изъ конопли пеньку, уважаемую по крѣпости ея волоконъ.

Конопля воздѣлывается въ Россіи повсемѣстно, гдѣ только климатъ и почва благопріятствуютъ этому растенію, весьма важному въ хозяйствѣ, потому что оно даетъ волокна, необходимыя для выдѣлки веревокъ и тканей разнаго рода, а изъ сѣмянъ доставляетъ масло, годное для простой пищи, на освѣщеніе, мыловареніе и прочее. Хотя конопля принадлежитъ у насъ къ обыкновеннѣйшимъ хозяйственнымъ растеніямъ, однако большею частью она воздѣлывается для домашнихъ надобностей и только въ губерніяхъ средней полосы производится въ значительнѣйшемъ количествѣ, для сбыта пеньки, сѣмени и масла.

Это растеніе хорошо родится въ умѣренномъ климатѣ, но требуетъ плодороднѣйшаго грунта. Подъ коноплю должны быть выбираемы самыя глубокія, весьма изобильныя черноземомъ почвы, глинистыя или песчавыя, лишь бы только онѣ не были слишкомъ вязки или рыхлы. Кромѣ степныхъ черноземныхъ земель, для конопли особенно благопріятны низкія мѣста, лежація между возвышеніями, защищаемыя отъ вѣтровъ, и сыроватая, также мѣста, бывшія подъ прудами, гдѣ вода оставила толстый плавательный осадокъ. На такихъ мѣстахъ конопля растетъ весьма хорошо послѣ всѣхъ растеній, такъ, что въ сѣвооборотахъ можно назначать ей мѣсто по произволу. Но въ особенности она успѣваетъ послѣ корнеплодныхъ растеній и клевера, а послѣ нея, какъ хлѣба, такъ и всѣ другія хозяйственные растенія даютъ хорошіе урожан. Конопля принадлежитъ къ продуктамъ, наиболѣе истощающимъ почву, и потому требуетъ отъ нея большой плодотворной силы. Если это растеніе принято въ сѣвооборотъ, то поля должны быть каждый годъ изобильно удобряемы. Навозы сильныя и скородѣйствующіе особенно хороши для конопли.

Въ Россіи, коноплю обыкновенно сѣютъ не на поляхъ, а на особенныхъ мѣстахъ, называемыхъ коноплянками: большая часть ихъ засѣвается коноплею постоянно, въ теченіи многихъ лѣтъ, и она родится на одномъ и томъ же мѣстѣ весьма хорошо, да еще лучше, чѣмъ послѣ другихъ растеній. Это объясняется тѣмъ, что сильное истощеніе почвы вознаграждается удобреніемъ

коноплянокъ, каждыя два или три года; тѣмъ, что сорныя травы на хорошемъ конопляникѣ никогда не появляются, потому что конопля, сильнымъ ростомъ своимъ, совершенно заглушаетъ ихъ, и, наконецъ, тѣмъ, что выдергиваніе конопли съ корнями и тщательное паханіе совершенно чистой почвы превосходно разрыхляютъ ее.

Земля подъ коноплю обыкновенно пашется весною, не менѣе двухъ разъ, какъ можно глубже, и разбивается бороною; послѣ второй бороны, когда чужжо, удобряется навозомъ, преимущественно конскимъ; въ тотъ же день подпахивается, засѣвается коноплею и заборонивается не глубоко, чтобы прикрыть сѣмена землею. Совѣтуютъ, впрочемъ, приготовить поле съ осени, такъ, чтобы весною, предъ посѣвомъ, нужно было вспахать его только одинъ разъ, не глубоко, и потомъ разрыхлить поверхность земли частымъ бороненіемъ.

Посѣвъ конопли производится обыкновенно, не ранѣе конца мая и не позже начала іюля. Смотря по тому, желаютъ ли вырастить коноплю не такъ высокую, но толкую и густую, или же высокую, толстую, но не густую, берутъ для посѣву различное количество сѣмянъ: въ первомъ случаѣ двѣ четверти, а въ послѣднемъ менѣе полторы четверти на указную десятину. При рѣдкомъ посѣвѣ головка съ зернами конопли бываетъ больше и стволъ толще; при весьма рѣдкомъ конопля можетъ даже вѣтвиться и сборъ сѣмянъ былъ бы еще обильнѣе; но за то потерялась бы доброта пеньки, потому что ея волокно съ толстаго ствола вышло бы грубо, а вѣтвистый стволъ далъ бы грубое и прерывистое волокно. Поэтому, успѣхъ много зависитъ отъ приличнаго посѣва.

При теплой и влажной погодѣ конопля развивается чрезвычайно скоро и заглушаетъ всѣ сорныя травы, вмѣстѣ съ нею взшедшія, и потому не требуетъ ни какого ухода. Она часто повреждается отъ сильныхъ вѣтровъ, которые ее путаютъ и ломаютъ. Проливные дожди вредятъ ей молодымъ всходамъ, забывая ихъ въ землю. Градь, часто безвредный для другихъ растеній, легко ломаетъ и совершенно уничтожаетъ ея хрупкой стволъ. Сверхъ того на нее иногда нападаетъ червь, который протачиваетъ середину ствола и производитъ много опустошенія.

Извѣстно, что конопля есть двудомное растеніе: мужскіе цвѣта, не приносящіе плода, произрастаютъ, перемѣшанно съ женскими, отъ однихъ и тѣхъ же сѣмянъ, и оплодотворяютъ коноплю своею пылью. Вскорѣ послѣ цвѣтенія, одна часть конопли,

мужское растеніе, называемое «посконью», начинаетъ желтѣть и мало-по-малу увядаетъ, а другая часть, растеніе женское или собственно «конопля», остается еще нѣсколько времени зеленою и употребляетъ свои соки на образованіе сѣмянъ. Если оставить посконь стоять въ полѣ до тѣхъ поръ, пока созреютъ сѣмена на коноплѣ, то какъ та, такъ и другая, дадутъ одинаково грубыя волокна; если же собрать посконь раньше конопли, немедленно послѣ цвѣтенія, то первая даетъ волокна нѣжные. На этомъ основаніи, обыкновенно въ началѣ августа, приступаютъ къ выдергиванію поскони, по закраннамъ огородахъ, сколько достуниться и достать ее можно, безъ поврежденія конопли. Для того, чтобы, при этой работѣ, имѣть болѣе доступа внутрь поля, совѣтуютъ располагать посѣвъ длинными, но узкими, градами, между которыми борозды могутъ служить дорожками для прохода. Конопля, по выдерганіи поскони, получивъ болѣе простора и болѣе притокъ воздуха и свѣта, скорѣе приносить зрѣлыя сѣмена, и выдергивается недѣли три спустя.

Посконь, выдернутую прежде конопли, мочатъ, выстилаютъ и обрабатывая какъ ленъ, получаютъ изъ нея изрядный холстъ. Такая посконь называется бѣлою, отъ того, что ее волокно выходитъ довольно бѣло, по обработкѣ. Оставшаяся внутри конопли, посконь собирается, если нужно, по снятіи конопли и обрабатывается такимъ же образомъ, какъ и первая, но волокно ее бываетъ темно-сѣроватое. Она называется синею посконью. Холстъ изъ нее выходитъ низкой доброты. Посконь, оставшаяся неубранною, называется «суволокою», сгребается въ кучи и употребляется для зимней защиты скотныхъ сараевъ, либо сжигается на огородахъ.

Конопля обрабатывается въ Россіи не вездѣ одинаковымъ образомъ, и по различію способовъ обработки этого растенія, получаемая изъ него пенька бываетъ двухъ родовъ: *сѣчка* и *молочанка*.

«Сѣчкою» называется пенька, добываемая изъ конопли, у которой, кромѣ корней (лапокъ), отдѣляются также верхушки (головки). Ихъ сушатъ особо, для полученія содержащихся въ нихъ сѣмянъ.

«Молочанка» есть пенька, получаемая изъ цѣльной конопли, высушенной большею частью на овинѣ и потомъ молочной цѣпамн.

Для внутренней продажи и для заморскаго отпуска, готовятъ сѣчку въ губерніяхъ черниговской, московской, и смо-

ленской и въ уѣздахъ брянскомъ и трубчевскомъ, орловской губерніи, а въ остальной части этой губерніи, равно какъ въ калужской, шуйской, тамбовской и воронежской приготавливаютъ молочанку. Послѣдняя добротою гораздо ниже первой и отъ того всегда цѣнится дешевле.

Приготовление молочанки невыгодно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Доставка цѣлыхъ пучковъ конопли, для сушки на огонь, затруднительна для крестьянина.

2) Сушка цѣльной конопли въ овниѣ требуетъ гораздо болѣе дровъ и времени, нежели сушка однихъ головокъ, занимающихъ мѣста гораздо менѣе.

3) При сушкѣ цѣльной конопли, особенно въ овнахъ, корка ея, содержащая въ себѣ пеньку, крѣпко присыхаетъ, такъ что конопля, такимъ образомъ высушенная, должна послѣ, для отмачиванія, лежать въ водѣ гораздо долѣе той, которую мочать, безъ предварительнаго сушенія въ овниѣ, обрѣзавъ у нея верхушки и корни для того, чтобы вода удобно проникла чрезъ концы такой конопли.

4) При молотьбѣ сушеной конопли цѣпами, которыми отдѣляютъ сѣмечныя головки, волокна пеньки ломаются и путаются.

5) Какъ молочанка для мочки должна долго лежать въ водѣ, то часто застываетъ въ ней осенними морозами, такъ что бываетъ трудно вынимать коноплю изъ подъ льда. Оставаясь въ водѣ лишнее время, она начинаетъ портиться и гнить. Напротивъ того, несущеная сѣчка поспѣваетъ такъ скоро, что часто еще можно мять ее осенью.

6) У головокъ конопли, кострика крѣпко пристааетъ къ волокнамъ, оттого молочанка треплется труднѣе сѣчки, у которой кострика сходитъ вся послѣ нѣсколькихъ ударовъ трепаломъ. По этой причинѣ, трепаніе молочанки обходится дороже.

7) Волокна, отдѣляющіяся отъ верхушекъ, гдѣ много вѣточекъ и стебельковъ, не прямы, а волнисты; отъ того, онѣ зацѣпляются другъ за друга и при трепаніи, особенно же при послѣдующемъ чесаніи, большая часть ихъ идетъ въ паклю.

и 8) Такимъ образомъ, не смотря на то, что у молочанки головки не отрѣзаны, она выходитъ, послѣ трепанія, короче и легче сѣчки, и ущербъ, при дальнѣйшей обработкѣ, также гораздо значительнѣе.

По всемъ этимъ причинамъ, нельзя не отдать преимущества сѣчкѣ предъ молочанкою. Приготовление сѣчки гораздо удобнѣе и выгоднѣе, въ сравненіи съ обработкою молочанки: оно не тре-

бусть ни какого особеннаго искусства и легко можетъ быть введено во всякомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Для дѣланія сѣчки, коноплю, при выдергиваніи съ корнями, набираютъ такъ, чтобы стебли, въ каждомъ пукѣ, были, сколько возможно, одинаковой длины, и чтобы нижнія части головокъ у всѣхъ стеблей лежали въ пукѣ на совершенно равной высотѣ; по наборѣ конопли въ пуки, отсѣкаютъ у нея лапки или корни и сѣменные головки у самаго ихъ начала, наблюдая, чтобы насколько не было отсѣчено гладкой части стебля, содержащаго въ себѣ пеньку. Обрѣзанные такимъ образомъ, съ обонхъ концевъ, стебли конопли, кладутъ въ воду для мочки, не теряя времени, чтобы отдѣлать волокно отъ кострики.

Въ черниговской губерніи, гдѣ обыкновенно готовятъ сѣчку, обработка конопли производится слѣдующимъ образомъ:

Къ уборкѣ конопли приступаютъ въ началѣ сентября: выдергивая ее съ корнемъ, подбираютъ стебли по росту и связываютъ ихъ въ пуки въ двухъ мѣстахъ; выбранная конопля ставится кучами, пукъ къ пуку, корнями внизъ и покрывается по головкамъ суволокою, для предохраненія отъ птицъ. Сѣменные головки отдѣляютъ очень простымъ способомъ: телѣга высоко огораживается лубками или дранью, либо ставится на нее высокій коробъ; мальчикъ или женщина беретъ пукъ конопли и подаетъ головками стоящему на ней работнику, который, обхвативъ головки лѣвою рукою и прижавъ къ себѣ, отрѣзываетъ ихъ серпомъ снизу вверхъ, выше верхняго вязама; такимъ образомъ, головки упадаютъ въ телѣгу, а конопля, съ обѣими переперевязками или вязьмами, остается въ рукахъ подающаго, и ставится на оградѣ корнями вверхъ, для того, чтобы приставшая къ нимъ, при выдергиваніи, земля обсохла и обсыпалась. Срѣзанные головки отвозятся на овняцъ для сушки и потомъ ихъ молятъ. Вымолоченныя изъ нихъ сѣмена поступаютъ на посѣвъ и въ продажу.

Конопля остается на огородѣ, пока корни обсохнутъ, и затѣмъ приступаютъ къ моченію ся. Оно производится обыкновенно въ стоячей водѣ, въ прудахъ, либо въ устроенныхъ копаняхъ или сажалкахъ, которыя выкапываются на низменныхъ мѣстахъ, отъ двухъ до трехъ аршинъ глубиною. Въ нихъ скопляется вода дождевая, либо напускная изъ ближайшаго ручья. Для погруженія туда конопли, ее связываютъ въ видѣ плота, прикрѣпляютъ къ жердямъ въ два или три слоя, смотря по глубинѣ

мѣста, и потомъ кладутъ ватиски: колоды, куски дерева или камня, такъ, чтобы вода покрывала всю поверхность плота. Смотря по высшей или низшей степени теплоты воды, время мочения конопли бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, отъ двухъ до шести недѣль. Оно опредѣляется пробой: вынутый изъ воды и высушенный пукъ пеньки мнется, и если костричка отдѣляется свободно, то не нужно болѣе мочить: въ противномъ случаѣ, ее оставляютъ въ водѣ, и потомъ, спустя нѣсколько времени, берутъ другую или третью пробу, сколько понадобится.

Когда конопля довольно вымокла, плоть разсѣкаютъ, коноплю достаютъ изъ воды и ставятъ близъ «сажалки» стоймя, пока вода съ нея стечетъ; потомъ перевозятъ къ жильямъ и ставятъ къ заборамъ и строеніямъ рядами, свободно. Въ такомъ положеніи, она остается до весны. Въ началѣ апрѣля коноплю мнутъ, для отдѣленія пеньки отъ кострички. Этотъ обычай существуетъ въ черниговской губерніи. Въ смежной съ нею, могилевской губерніи, гдѣ также готовятъ сѣчку, равно какъ въ другихъ краяхъ Россіи, гдѣ дѣлаютъ молочанку, обыкновенно мнутъ коноплю вскорѣ послѣ вымочки: для того, подсушиваютъ ее въ баняхъ или овнахъ, и хотя пенька выходитъ, цвѣтомъ, иногда не такъ красива, однако предпочитается покупателями по крѣпости ея волокна, и, кажется, еще потому, что купивъ ее зимою, они успѣваютъ обработать и сплавить ее къ порту весною, тогда какъ пенька, кушленная въ маѣ, поспѣетъ къ сплаву не прежде, какъ въ слѣдующую весну. Сверхъ того пенька, снятая съ овна или съ бани зимою, имѣетъ для продавца ту выгоду, что по своему объему, тяжеле весенней пеньки. Должно замѣтить, впрочемъ, что послѣдняя выходитъ часто добротою лучше зимней, потому что при сушкѣ въ овнахъ или баняхъ, не всегда наблюдаютъ, чтобы жаръ былъ умѣренный, и отъ того иногда волокна бываютъ пересушены.

Для мятья конопли употребляется мялца очень простаго устройства. Этотъ снарядъ состоитъ изъ бревна длиною въ три аршина и толщиною вершка въ три, съ двумя подставками на одномъ концѣ, а другимъ оно упирается въ землю; въ верхней части его, въ двѣ трети длины, сдѣланъ пазъ, въ который прилаженъ брусь, обдѣланный въ видѣ ножа, входящаго въ этотъ пазъ остриемъ; одинъ конецъ его укрѣпленъ внизу на деревянномъ шарнирѣ, а другой обдѣланъ въ видѣ рукоятки. Просушенный пукъ конопли берется обѣими руками и со всего размаху

калится объ мялку; оттого на него дѣлаются многіе изломы. Потомъ онъ обхватывается лѣвою рукою и подкладывается подъ деревянный ножъ или мяло, которое правою рукою поднимается и сильно ударяетъ на подложенный пукъ конопля. Частымиъ повтореніемъ такихъ ударовъ по разнымъ мѣстамъ его, при чемъ подвигаютъ пукъ лѣвою рукою въ ту и въ другую сторону, вся кистрика измельчается и потомъ отбивается трепаніемъ объ тотъ же самый ножъ. Изъ конопля, смятой такимъ образомъ, выходитъ довольно чистое волокно, которое поступаетъ въ продажу подъ названіемъ *пеньки сырца*.

Купленная торговцами пенька сырецъ перечищается у нихъ въ особыхъ заведеніяхъ, ручными трепалами, сортируется и вяжется въ бунты, при чемъ торговцы примѣняются по возможности, къ правиламъ биржеваго брака, установленнаго въ портахъ для разбора пеньки по сортамъ. У насъ, кажется, еще нигдѣ не введены трепальныя машины, изобрѣтенныя во Франціи, которыя придаютъ пенькѣ мягкость и шелковистость. По этимъ качествамъ она цѣнится гораздо дороже трепаной рукою, хотя механическое трепаніе обходится дешевле и производится скорѣе ручнаго.

До превращенія пеньки въ пряжу для тканей, умягчаютъ ея волокна и освобождаютъ отъ остальной кистрики съ помощью колотушекъ, которыми бьютъ пеньку въ деревянныхъ ступкахъ. Эта работа продолжительна, тягостна и требуетъ большой осторожности, чтобы не спутать волокна. Въ иностранныхъ земляхъ мятъ пеньки производится на мьяльныхъ мельницахъ, либо посредствомъ мьяльной машины, состоящей изъ деревянныхъ большихъ пестовъ, которые мнутъ и расплющиваютъ волокна, разбивая все, что есть въ нихъ еще твердаго, и частыми ударами возбуждаютъ въ пенькѣ теплоту, отъ которой волокна еще болѣе умягчаются.

Чесаніе пеньки производится различными гребнями и болѣе или менѣе тщательно, смотря по роду издѣлія, для котораго она назначается. Въ Россіи эта работа соединена съ ручнымъ пряденіемъ пеньки для канатовъ, парусины и грубаго холста, и не требуетъ особеннаго искусства потому что изъ этого матеріала у насъ не готовятъ ткани для одежды служащихъ. Напротивъ-того, въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ выдѣлка ихъ весьма усовершенствована, пенька, посредствомъ мятъ и чесанья, обрабатывается такъ, что изъ нея дѣлаютъ ткани довольно близко

подходяща, въ тонкѣ, къ обыкновеннымъ машиннымъ полотнамъ. Впрочемъ, пенька годна на такія издѣлія, получаютъ тамъ и въ конопля, которая, при частомъ ея посѣвѣ, даетъ длинное и тонкое прядиво.

Во Франціи, которая, послѣ Россіи, есть главнѣйшая въ Европѣ страна по производству пеньки, конопляные посѣвы дѣлаются различно, смотря по качеству почвы и по роду издѣлій, на которыя идетъ этотъ матеріалъ. Въ почвѣ рыхлой и нестачной сѣютъ чаще, нежели въ сырой и тучной; но вообще обыкновенною мѣрою для полученія хорошаго урожая полагается до тринадцати четвериковъ на десятину, а тамъ, гдѣ воздѣлываютъ предпочтительно длинную и тонкую пеньку, количество коноплянаго сѣмени, высѣваемаго на десятину, доходитъ до сорока и сорокапяти четвериковъ. Наименьшій посѣвъ его считается отъ двенадцати до шестнадцати четвериковъ на десятину. Последняя пропорція употребляется и въ Россіи, но при такомъ посѣвѣ конопля даетъ хорошее волокно только для канатовъ, парусины и тому подобнаго, а для лучшихъ тканей оно не годится.

Моченіе конопли требуетъ навыка, большаго вниманія и постоянного присмотра. Во Франціи, почти вездѣ занимаются этимъ дѣломъ особенные мастера, оттого вымочка конопли усѣннѣе производится ими нежели земледѣльцами, которые не всегда бываетъ довольно опыты въ обращеніи съ нею, и, будучи заняты другими работами, не имѣютъ достаточнаго на то досугу. Коноплю мочатъ предпочтительно въ удобной текучей водѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ ея, устриваютъ мочила въ копаняхъ съ стоячею водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мочатъ коноплю на стлнцахъ, предоставляя ее дѣйствию росы и дождя. Последній способъ въ Россіи, кажется, нигдѣ не употребляютъ.

Для моченія конопли, нужно выбирать воду чистую, не имѣющую слишкомъ быстрого теченія, которое препятствуетъ броженію, и наблюдать, чтобы вода и грунтъ мочила не содержали въ себѣ желѣзныхъ или другихъ металлическихъ частицъ, могущихъ сообщить пенькѣ дурной цвѣтъ, отъ котораго впоследствии нельзя освободить ее. Моченіе въ текучей водѣ выгоднѣе, нежели въ копаняхъ съ стоячею водою, проводимую въ нихъ изъ ближайшихъ ключей, протоковъ, озеръ, либо накопляемую отъ дождей. Для сохраненія чистоты въ мочилѣ, пужно его очищать и наполнять свѣжею водою, особенно когда оно нѣсколько разъ служило для моченія конопли. Въ текучей водѣ, конопля выма-

чрезвычайно медленна, зависят въ стоячей и притомъ продолжаться моченія зависить отъ температуры воды. Въ теплую погоду, когда текущая вода сильно нагревается, довольно иногда пяти и рѣдко нужно болѣе осьми дней, для окончательной вымочки. Напротивъ-того, осенью, когда вода холодна, моченіе продолжается до двухъ недель. Когда мочить коноплю въ стоячей водѣ, то въ первые три дня нужно только наблюдать за тѣмъ, чтобы пучки были постоянно покрыты водою, но черезъ четыре или пять дней, особенно въ теплую погоду, начинаютъ показываться пузырьки на поверхности воды, и когда число ихъ станетъ примѣтно уменьшаться, тогда нужно, по временамъ чаще брать пробы изъ середины, чтобы удостовѣриться, успѣла ли конопля. Если волокно легко отдѣляется отъ кострички по всей длинѣ стебля и она довольно ломка, то вымочку можно считать окончательною, и тогда, не тратя времени, вынимать коноплю, потому что въ противномъ случаѣ, она начнетъ гнить и волокна ея повреждаются. Дурная мочка обнаруживается въ дальнѣйшей обработкѣ ихъ. Перемокшая пенька сбѣтается при мятіи, волокно ея слабеет и не гладко, при ческѣ даетъ много пакли и траты, худо придется и издѣлія изъ такого матеріала бываютъ не прочны.

Для успѣшнаго моченія, кромѣ выбора мочилъ и рачительнаго присмотра за мочкою, наблюдаются еще нѣкоторыя правила при самой укладкѣ конопляныхъ пучковъ въ мочилу: 1) коноплю нужно убирать съ поля въ сухое время, потому что, въ противномъ случаѣ, она покрывается пятнами, отъ которыхъ нельзя освободить ее; 2) стебли ея должны быть, сколько возможно, одного цвѣта, иначе, во время мочки, волокно покроется пятнами, которые при бѣленіи не сходятъ; 3) конопля, погружаемая въ мочилу, должна быть одинаковой зрѣлости, чтобы получить волокно ровной доброты; 4) стебли должны вазать въ пучки, сколько возможно, одинаковой длины и толщины, наблюдая, чтобы конопля не была замочана и перепутана, а ложилась бы прямо и ровно. Стебли, которые толще, вымачиваются долѣ тонкихъ; послѣдніе могутъ испортиться, если будутъ сложены въ мочилу вмѣстѣ съ первыми и останутся въ немъ слишкомъ долго.

Сверхъ-того, для сохраненія чистоты и хорошаго цвѣта волокна, надобно избѣгать, чтобы конопля не прикасалась къ бокамъ и ко дну мочила, въ которомъ ея мочатъ. Во Франціи кладутъ длятого конопляные пучки въ деревянные кѣтки, которые предохраняютъ ихъ отъ грязи, наплывающей въ проточ-

ныхъ водахъ восною, и отъ земли обвѣтывающей въ конюшнѣ. Въ Россіи эта предосторожность не наблюдается; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небреженіе о рачительной вымочкѣ конопли доходитъ до того, что наврѣмѣрь въ орловской губерніи (гдѣ приготавливаютъ ежегодно до полутора милліона пудовъ пеньки), существуетъ обычай прикрывать землю конопляныя пуки, погружаемыя въ воду. Земля, растворяясь, сообщаетъ пенькѣ дурной цвѣтъ и вредитъ ея крѣпости. Оттого изъ самой чистой воды выходитъ грязная пенька. Въмѣсто земли, гораздо лучше употреблять для натиска, камни или по-крайней-мѣрѣ деревянныя колоды и тому подобное, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ.

Крѣпость волоконъ есть конечно важнѣйшее достоинство въ матеріалѣ, служащемъ для такихъ издѣлій, въ которыхъ прочность есть главное качество. Поэтому вымочка составляетъ весьма важную операцію въ обработкѣ конопли: слабость и ломкость волоконъ всегда бывають слѣдствіемъ дурнаго моченія.

Цвѣтъ пеньки зависитъ отъ качества воды въ мочилѣ. Лучшею пенькою почитается та, которая имѣетъ бѣлый или, точнѣе сказать, блѣдно-желтый цвѣтъ; впрочемъ, нельзя почитать его несомнѣннымъ признакомъ отличнаго качества пеньки. Такого цвѣту пенька получается при вымочкѣ конопли въ текучей водѣ. Конопля, моченая въ стоячихъ водахъ, даетъ волокно сѣроватое, желтоватое, а иногда зеленоватое. Изъ конопли, хорошо моченой на росѣ, волокно выходитъ сѣроватое. Пенька сѣроватая нисколько не уступаетъ въ добротѣ бѣлой пенькѣ, если только вымочена съ надлежащимъ раченіемъ. Темно-сѣрый цвѣтъ означаетъ слишкомъ продолжительное моченіе, начало гнилости или отсырѣніе. Всего хуже когда волокно неодинаково цвѣтеть, имѣетъ отбѣлки и пятна: это есть явный признакъ дурной мочки, неравной зрѣлости стеблей, нерадиваго или недостаточнаго сушенія.

Пенька хорошаго качества всегда имѣетъ крѣпкій, проникающій запахъ, а поврежденная, сырая, пахнетъ гнилью и прѣлостью. Таковую пеньку нужно хранить особо, потому что выходящія изъ нея испаренія могутъ попортить хорошій товаръ.

Сырость въ пенькѣ остается, когда конопля, послѣ вымочки, не была достаточно высушена. Это, впрочемъ, можетъ случиться только съ ковошлею, которую сушатъ на открытомъ воздухѣ, на пожняхъ или лугахъ. Такое сушеніе требуетъ большой осторожности, чтобы пенькѣ не повредила сырость, отъ которой во-

лохна могутъ получить бурый цвѣтъ, а иногда и пятна. Коноплю можно убирать съ поля не прежде, какъ по совершенномъ осушеніи ея стеблей: малѣйшая сырость въ нихъ можетъ причинить броженіе. Ихъ можно считать совершенно сухими, когда волокно отстаетъ отъ кострика при одномъ треніи между пальцами и когда кострика ломается и гнется при малѣйшемъ усилии.

Конопля, сушеная на солнцѣ, даетъ прядево лучше той, которую высушиваютъ искусственными средствами; но послѣднія употребляются для ускоренія работы, особенно тамъ, гдѣ мочать и мнутъ коноплю въ осеннее время, когда рѣдко стоитъ ясная и теплая погода, необходимая при сушеніи конопли на открытомъ воздухѣ. Въ иностранныхъ земляхъ сушатъ коноплю въ сушильняхъ, собственно для нее устроенныхъ, наблюдая, чтобы жаръ въ нихъ былъ довольно умѣренный. Эта предосторожность нужна и у насъ при сушкѣ въ овнахъ, гдѣ обыкновенно конопля сушится послѣ вымочки предъ мятьемъ и трепаніемъ. Если пенька пересушена, то цвѣтъ ея становится бурымъ; при мятіи она ломается и много волоконъ пропадаетъ; прядево теряетъ блескъ и силу, дѣлается черствымъ и хрупкимъ; присушенныя волокна не могутъ быть отдѣлены трепаніемъ и ческою; въ дѣлѣ онѣ рвутся и портятъ работу.

Всѣ недостатки, случающіеся въ первоначальной обработкѣ конопли, обнаруживаются при обдѣлкѣ пеньки мятьемъ, трепаніемъ и ческою, но уже не могутъ быть исправлены этими работами, которыя только освобождаютъ пеньку отъ нечистотъ и пыли, отнимаютъ у волоконъ свойственную имъ твердость, отдѣляютъ отъ нихъ паклю и готовятъ пеньку къ пряжѣ, раздѣляя волокна, смотря по крѣпости, мягкости и тоннѣ ихъ.

Торговцы, приготовляющіе пеньку на продажу, наблюдаютъ собственно за сортировкой и чистотою товара, то есть, чтобы въ каждомъ сортѣ пенька была по возможности одинакова ростомъ, цвѣтомъ и добротою, и чтобы вообще она была чисто выскреблена и освобождена отъ костры, лапы и пакли. Но существенное качество пеньки, крѣпость ея волоконъ — зависитъ, какъ мы видѣли выше, отъ степени вымочки и сушки: эти операціи требуютъ особеннаго раченія и всего лучше производятся тамъ, гдѣ онѣ составляютъ особый промыселъ.

Въ Россіи, напротивъ-того, сами производители, воздѣлывающіе коноплю, занимаются не только всею обработкою ея для получе-

нїи пеньки, но и выдѣлываютъ изъ нея, какъ для собственнаго употребленїя такъ и на продажу, грубые холсты, веревки, и тому подобное. За исключенїемъ пеньки, продаваемой на выдѣлку канатной и парусной пряжи, которая требуется для внутреннихъ фабрикъ, значительное количество этого матерїала скупается торговцами для перепродажи купцамъ, торгующимъ при портахъ: вся обработка пеньки, назначаемой къ заграничному отпуску, состоитъ въ томъ, что пеньку окончательно очищаютъ и разбираютъ на сорты, по принятымъ въ торговлѣ обычаямъ.

Г. И — Ъ.

=

V.

К Р И Т И К А.

=

ОЧЕРКЪ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *Сочиненіе Томаса Ша.*
(*Outlines of the English Literature; for the use of the Imperial Alexander Lyceum. By Thomas B. Shaw, adjunct-professor. St.-Petersburg, 1847.*)

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Есть заглавія, истертыя временемъ и злоупотребленіемъ, уроненныя въ мнѣніи читателей бездарностью и педантствомъ: отъ нихъ не ожидаешь ничего хорошаго: одинъ видъ ихъ уже поселяетъ въ васъ равнодушіе къ книгѣ. Справедливо или несправедливо, къ числу такихъ заглавій принадлежатъ слова *Очеркъ*, *Esquisse*, *Outlines*, и тому подобныя. Несмотря на свое неблагополучное заглавіе, книга господина Ша составлена такъ искусно, написана такъ умно, основательно, пріятно, что мы находимъ въ ней только одинъ непростительный недостатокъ, а именно— что она написана не на русскомъ языкѣ. Книга, такая какъ *Outlines* господина Ша, необходима въ нашей словесности: она была бы благодѣяніемъ для русскихъ читателей, которые до-сихъ-

поръ, во всемъ множествѣ книгъ, изданныхъ на отечественномъ языкѣ, не находятъ ничего порядочнаго о предметѣ самомъ важномъ для образованности и умственного развитія, — объ англійской литературѣ. Нельзя не знать, не помнить, и не сознаться при всемъ пристрастіи русскаго человѣка къ французскому уму и французскимъ книгамъ, что англійская литература — первая литература въ мірѣ, что въ одной только этой литературѣ умъ человѣческой явился въ полномъ величіи и блескѣ, что по всѣмъ отраслямъ искусства мыслить и писать, одна она представляетъ творенія, выше и великолѣпнѣе которыхъ ничего не было и нѣтъ на землѣ. После возрожденія наукъ и словесностей, всѣ великія идеи, всѣ величественныя открытія ума, всѣ знаменитыя мысли, всѣ плодovitыя ученія, всѣ неподражаемые образцы, вышли изъ этого околдованнаго острова, безспорно самой свѣтлой, самой ярко-блестящей точки Земнаго Шара: народы твердой земли только развивали эти геніальныя сѣмена великаго и прекраснаго, создавшіяся на землѣ Великобританіи. Въ наукахъ и въ словесности, въ политическихъ ученіяхъ и промышленной дѣятельности, Англійи всегда суждено было производить перевороты и давать направленія: всеобщее тяготѣніе, обращеніе крови, коровья оспа, политическая экономія, паровые двигатели: какія идеи! какія открытія! не говоря уже о сотнѣ другихъ. Чтò можетъ, въ идеяхъ и открытіяхъ Твердой Земли, сравниться съ этимъ? Вся ученая, политическая и промышленная Европа держится этими пятью статьями. Ньютонъ, Беконъ, Гарви, Джитеръ, Смитъ, Ваттъ и Стефенсонъ преобразовали міръ и его знаніе. Всѣ великія открытія или примѣненія химіи родились также въ ихъ отечествѣ. Самое даже электричество, эта душа мелкой, потѣшной науки, разлилось изъ Англійи. Въ литературѣ, Шекспиръ, Мильтонъ, Юмъ, Гиббонъ, Свифтъ, Ричардсонъ, Стернъ, Скоттъ, Байронъ: какія имена! какіе образцы! Кто не знаетъ, кто не чувствуетъ непрерывнаго вліянія этихъ колоссальныхъ умовъ или талантовъ на все, чтò ни дѣлается въ европейскихъ литературахъ. Вліяніе это началось поздно, — съ половины прошлаго столѣтія, — уже послѣ того

какъ англійская литература перешла сама черезъ разныя вліянія, — латинское, греческое, италіянское, испанское, французское, — но зато какое могущественное, постоянное дѣйствіе оказываетъ она съ тѣхъ поръ на умственную дѣятельность Твердой Земли! Самолюбіе разныхъ народовъ по временамъ старается скрывать или не признавать этого дѣйствія: не менѣе того, писанія ихъ подчиняются ему неуклопно. Нынѣшняя литературная Европа — что она такое?... воспитанница Байрона и Скотта! Неистовая словесность, пѣскольکو измѣнившая въ послѣднее время свой характеръ, — продолженіе горькой школы, наконецъ угасшей въ Англии: да и самое измѣненіе это — результатъ ученій, перевезенныхъ тайно черезъ Пролівъ и выдаваемыхъ за что-то собственное, доморощенное. Англія, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — источникъ и всѣхъ свѣтлыхъ началъ и всѣхъ вздорныхъ мечтъ, одушевляющихъ или волнующихъ умы въ новѣйшей Европѣ.

Англійская литература началась, собственно, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, вмѣстѣ съ италіянскою. Джеффри Часеръ (Chaucer) былъ ея Ломоносовымъ. Данте умеръ за семь лѣтъ до его рожденія, а Петрарка и Бокаччо были современниками Часера. Обширныя вліянія, давшія направленіе генію англійскаго поэта, были: новая италіянская поэзія, возникшая какъ Паллада изъ мозга Юпитера, полная и совершенная въ своей дѣвственной силѣ и красотѣ; романская или провансальская поэзія, уже приходившая въ упадокъ, и ученія реформаціи, которыя въ ту пору только-что начинали волновать умы. Виклейфъ, переводчикъ Библіи, родившійся за четыре года до Часера, въ 1324, безъ-сомнѣнія, сообщилъ поэту свои смѣлыя мнѣнія. На политическомъ попришѣ оба они преданы были партіи знаменитаго Іоанна Гентскаго и пользовались дружбой и покровительствомъ этого могущественнаго герцога. Впослѣдствіи Часеръ сдѣлался даже родственникомъ своего патрона, женившись на сестрѣ его жены: съ этой поры судьба поэта тѣсно связана со всѣми превратностями въ бурной жизни Іоанна Гентскаго.

Начинающая литература всегда бываетъ подражательною,

перводною, и англійская въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія. Часеръ былъ неутомимымъ переводчикомъ: всѣ его произведенія носятъ несомнѣнные признаки подражанія различнымъ чужеземнымъ образцамъ. Онъ былъ поэтическимъ воспитанникомъ Гоуэра, но далеко превзошелъ своего учителя.

Первыя сочиненія Часера сильно пропитаны манерною изысканностью и приторнымъ жеманствомъ его времени. Въ нихъ больше аллегорическихъ картинъ чѣмъ въ послѣднихъ произведеніяхъ этого свѣтлаго и сильнаго ума; они отличаются схоластическою напыщенностью, туманными любовными бреднями и вмѣстѣ метафизическимъ мистицизмомъ, то есть, всеми недостатками, которыми проникнуты послѣднія провансальскія стихотворенія, достигшія въ этомъ отношеніи верху фантастическихъ нелѣпостей. Въ подтвержденіе довольно указать на его «Сонъ», аллегорическую картину, сочиненную по поводу бракосочетанія его патрона, Іоанна Гентскаго, съ Бланкою, ланкастерскою наслѣдницею. Часеръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ свѣтскій человекъ. Онъ служилъ украшеніемъ двухъ самыхъ блистательныхъ дворовъ, какіе только встрѣчаются въ лѣтописяхъ Англіи, дворовъ Эдуарда-Третьяго, и наслѣдника его, Ричарда-Второго. Онъ сопровождалъ Эдуарда въ его французскую экспедицію и былъ взятъ въ плѣнъ въ 359 году, при осадѣ Реттера.

Отличившись на военномъ, придворномъ и ученомъ поприщѣ, Часеръ отправленъ былъ членомъ посольства къ блистательному двору Генуи. Въ это время онъ познакомился съ Петраркой и Бокаччо. Перваго изъ этихъ поэтовъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ лично: въ «Кентерберійскихъ разсказахъ» Часеръ говоритъ между прочимъ, что онъ слышалъ въ Италіи отъ вѣчнаго поэта прекрасную и страстную повесть о «Страждущей Гризельдѣ».

Путешествуя по Италіи и Франціи, Часеръ черпалъ изъ самаго источника всѣ эти заимствованія изъ тосканской и провансальной Иппокрены, которая струится во всѣхъ его сочиненіяхъ. Извѣстно, что онъ ввелъ въ англійскій языкъ

множество чисто французскихъ словъ, и это не позволяло ему придать грубымъ звукамъ роднаго нарѣчія ту удивительную гармонію и музыкальность, до которой не многіе достигаютъ и въ новѣйшее время.

Около 1389 года, Часеръ сдѣланъ былъ правителемъ дѣлъ (Clerk of the works) въ Вестминстеръ. Здѣсь спокойно провелъ онъ вечеръ своей дѣятельной жизни, и здѣсь же написалъ свои удивительные «Кентерберійскіе рассказы». Хотя это произведеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, не самое лучшее и характеристическое между многими и блистательными его поэмами, однако жъ имъ преимущественно Часеръ сдѣлался извѣстнымъ и оно передало его имя будущимъ поколѣніямъ, какъ великолѣпное начало отечественной литературы. При почтенномъ имени Часера, Англичанинъ невольно представляетъ себѣ «Кентерберійскіе рассказы» и приходитъ въ восторгъ отъ этого произведенія. Удивительно-вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, свѣжесть и живость описаній внѣшней природы, глубокое познаніе человѣческой жизни въ обрисовкѣ характеровъ и, что всего важнѣе, всеобъемлющая любовь къ человѣку: вотъ неотъемлемыя достоинства отца англійской литературы. Остроуміе Часера неистощимо, но его остроты никогда не переходятъ въ горькіе сарказмы и не обижаютъ никого.

Англійская поэзія началась, и, такъ сказать, кончилась романомъ въ стихахъ, «Романомъ о Розѣ», Часера, и романомъ о донъ-Жуанѣ Байрона. Roman de la Rose началъ Лоррисъ, умершій въ 1260 году, и окончилъ, въ 1310, Жанъ де-Мэнъ, умный сатирическій писатель и вмѣстѣ свѣтскій человѣкъ, отличавшійся при великолѣпномъ дворѣ Карла Красиваго.

Часеръ перевелъ все дополненіе Мэна, передѣлывая текстъ, гдѣ считалъ нужнымъ, и передавая буквально мысль автора, если она согласовалась съ собственнымъ его направленіемъ. Буквальное содержаніе поэмы — трудности и опасности, встрѣчаемыя любовникомъ при достиженіи цѣли своихъ желаній. Эта мысль скрыта подъ аллегоріей розы, которую любовникъ, послѣ безчисленныхъ препятствій, наконецъ отыскиваетъ и скрываетъ въ прелестномъ саду. Онъ

перепрыгиваетъ черезъ глубокіе рвы, възгромождается на высокія стѣны, разбиваетъ ворота крѣпкихъ замковъ. Въ этихъ очарованныхъ твердыняхъ живутъ различныя божества, покровительствующія или враждебныя любовнику. Англійская поэма, какъ и французскій оригиналъ, написана осьмисложными рифмованными куплетами: этотъ размѣръ вообще принятый труверами, по своей текучести, очень удобенъ для эпического роду.

Въ другой поэмѣ, «Троиль и Крессейда», также дѣло идетъ о любви. Содержаніе основано на одной изъ самыхъ любимыхъ легендъ, повторявшихся въ средніе вѣка. Впослѣдствіи этой же легендой воспользовался Шекспиръ для одной изъ своихъ драмъ. Сцены рыцарской любви Часеръ переноситъ здѣсь въ Троянскую Войну, но этотъ анахронизмъ выкупается у него мастерскимъ изображеніемъ природы и удивительнымъ разнообразіемъ характеровъ. Во многихъ мѣстахъ замѣтно подражаніе провансальскимъ поэтамъ. Размѣръ употребленъ десяти-сложный рифмованный, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ Часера.

Поэма «Храмъ славы» — великолѣпная аллегорія, «пылающая жемчугомъ и златомъ» готическаго воображенія. Происхожденіе ея вѣроятно провансальское, но оригиналъ, переведенный Часеромъ, теперь затерянъ.

Но мы должны особенно говорить здѣсь о «Кентерберійскихъ разсказахъ, Canterbury Tales», которые отличаются самыми разнообразными и противоположными достоинствами. Это самая полная, совершенно законченная картина противоположныхъ страстей и характеровъ, взятыхъ изъ современной жизни, картина, наполненная такими фигурами, которыхъ очертанія не стираются временемъ, не перемѣняютъ положеній и никогда не могутъ сдѣлаться слабыми, отжившими. «Пильгримы» Часера прожили четыре съ половиною вѣка, а между-тѣмъ платье ихъ не износилось, обувь не обветшала и колоритъ картины всё такой же, какъ впервые вышелъ изъ рукъ геніяльнаго художника. Кромѣ живаго и вѣрнаго изображенія характеровъ, читателя всего болѣе поражаютъ драматическія положенія дѣйствующихъ лицъ, изъ

которыхъ каждое говоритъ своимъ оригинальнымъ языкомъ, в поступаютъ вездѣ сообразно съ своими наклонностями. Самые рассказы, раздѣленные между пилигримами, во всѣхъ отношеніяхъ могутъ служить образцами остроумія, паюса и удивительнаго интересу.

Въ Прологъ къ этой поэмѣ Часеръ рассказываетъ, что разъ, когда онъ отправился въ Кентербери на поклоненіе знаменитой ракъ Святаго Томы Бекета, случилось ему ночевать въ гостиницѣ «Fabarde». Къ-вечеру наѣхала сюда цѣлая толпа пилигримовъ, въ числѣ двадцати девяти человекъ. Обрадованный такой встрѣчей, поэтъ поспѣшилъ познакомиться со всей компаніей. При этомъ случай онъ подробно описываетъ одежду, лошадей, наружный видъ и обращеніе каждаго путешественника. Прежде всего выступаетъ на сцену рыцарь, «храбрый въ битвѣ, мудрый въ совѣтѣ», вѣжливый, важный, набожный, богатый опытами жизни. Онъ ѣздилъ сражаться за вѣру въ далекія страны, въ Александрію, въ Россію. Въ немъ соединены всѣ рыцарскія добродѣтели. Конь у него добрый, хотя не казистый. Одѣтъ онъ въ простой гірон или узкую тунику, характеристически раскрашенную, но полинялую отъ тренія его латы. Съ этимъ храбрымъ и скромнымъ джентльменомъ ѣдетъ его сынъ, прекрасный юноша, совершеннѣйшій «*damoiseau*» своего времени, ловкій, граціозный, обожатель красоты. Его музыкальныя способности, короткая вышитая мантия съ длинными широкими рукавами, мастерское умѣнье ѣздить верхомъ, искусство сочинять пѣсни, рисовать и писать. наконецъ его пламенная, полная сладкихъ надеждъ и вмѣстѣ меланхолическая любовь къ «дамѣ своего сердца», — ничто не опущено въ этомъ подробномъ и въ высшей степени характеристическомъ описаніи. За этой привлекательной парой слѣдуетъ *Вой* или *ратникъ*, совершеннѣйшій типъ одного изъ тѣхъ смѣлыхъ и дюжихъ стрѣлковъ, которыхъ порода и теперь сохранилась между англійскими крестьянами.

На ряду съ этими типами въ, превосходномъ контрастѣ стоитъ «*grande dame religieuse*,» католическая игуменья, дама благороднаго происхожденія и деликатнаго поведенія, ис-

полненная сладких нѣжностей и таинственныхъ чувствованій. Зовутъ ее мадамъ Эглантина. Въ ея костюмѣ и обращеніи — странная смѣсь мірской суетности и совершеннаго незнанія свѣтскихъ приличій. Она чувствуетъ видимое затрудненіе всякій разъ, какъ принимаетъ на себя видъ знатной дамы, и однако жъ барская спѣсь не оставляетъ ее ни на минуту. Уборъ ея совершенно соответствуетъ такому настроенію. На рукѣ ея висятъ бисерины изъ мелкаго кораллу и въ-добавокъ золотая цѣпь съ нѣжнымъ девизомъ: «А подъ короной» и надписью: *Amor omnia vincit*. При этой дамѣ находятся послушница и три духовника. За этой группой слѣдуетъ типъ католическаго монаха. Это — забавный весельчакъ и волокита, который знать не хочетъ строгихъ, обветшалыхъ правилъ своего ордена. Платье на немъ щегольское. Его рукава обшиты богатымъ мѣхомъ; на капорѣ, ниже подбородка любовный узелъ, приколотый золотой булавкой; его глаза глубоко погребены въ жирныхъ розовыхъ щекахъ, обнаруживающихъ большую любовь къ богатымъ обѣдамъ и крепкимъ напиткамъ. При всемъ томъ, этотъ типъ животной чувственности отнюдь не производитъ въ душѣ отвращенія или презрѣнія.

Далѣе слѣдуетъ *Mendicat Frigar*, нищенствующій братъ католическаго запада: онъ особенно мастеръ исповѣдывать и при этомъ случаѣ выманывать деньги и подарки у духовныхъ чадъ своихъ. Эту черту поэтъ изобразилъ съ неподражаемымъ юморомъ. Нищенствующій братъ всегда носитъ съ собой цѣлую коллекцію ножей, булавокъ и другихъ бездѣлюшекъ, которыя щедро раздаетъ духовнымъ своимъ дичерлмъ; онъ отлично знакомъ съ трактирами и рѣдко посѣщаетъ дома Лазаря или больницы. За нимъ слѣдуетъ важная и степенная особа, — купецъ. Во всѣхъ его поступкахъ какая-то торжественность, величавость, осмотрительность. Онъ говоритъ не иначе какъ о своихъ барышахъ и о важности торговли. На немъ пестрое платье и фландрская бобровая шляпа. Конь у него рослый, смиренный и столько же степенный какъ хозяинъ. Въ поразительномъ контрастѣ съ купцомъ поставле на ученая бѣдность оксфордскаго дьяка (литератора). Онъ и

его кляча отъ постыпической жизни согнулись въ кочергу; платье на немъ въ лохмотьяхъ; на покупку любимыхъ книгъ онъ не шалитъ ничего и жертвуетъ для этого всеми деньгами, какія по-временамъ добываетъ отъ своихъ пріятелей и патроновъ; онъ усердно молится за души всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь содѣйствуетъ ему къ продолженію ученыхъ занятій. Этотъ характеръ очерченъ съ поразительною вѣрностью. Смѣсь педанства и застѣнчивости, церемонная въжливость въ языкъ и оригинальный тонъ нравственныхъ сентенцій, — все это какъ-нельзя лучше характеризуетъ ученаго труженника.

Затѣмъ выступаетъ на сцену типъ законника, *Serjeant of the Law*. Это умный и ученый судья, богатый, однако неукорызенный, дѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова, въ совершенствѣ знакомый со всеми статутами. Должно впрочемъ замѣтить, что у Часера типъ этотъ гораздо лучше чѣмъ въ натурѣ. За этимъ жрецомъ Фемиды рѣзко выдается фигура богатаго сельскаго помѣщика, радушнаго и гостепріимнаго до расточительности. Все въ его домѣ есть и пьетъ напропалую и эта эпикурейская роскошь описана съ неподражаемымъ искусствомъ.

Слѣдуютъ потомъ нѣсколько мѣщанскихъ типовъ, изображенныхъ въ одной общей картинѣ, а за ними буйный, взбалмошный морякъ, очерченный съ ногъ до головы съ самою мелочною подробностью. Его крѣпкое тѣлосложеніе, смуглый цвѣтъ лица, грубое и сварливое обращеніе, страсть къ торговымъ сдѣлкамъ, барышническія уловки, — ничто не забыто въ этомъ превосходномъ очеркѣ. За морякомъ идетъ докторъ физики, врачъ, великій астрологъ и знатокъ натуральной магіи, глубоко изучившій толстые томы Иппократа, Галена, Рависа, Аверроэса и всѣхъ арабскихъ врачей. Онъ безпрестанно толкуетъ о воздержаніи, о діетѣ, но кушаетъ отлично, и столъ у него богатый. Ученый мужъ до страсти любитъ деньги, и эта нѣжная привязанность представлена въ самыхъ юмористическихъ чертахъ. За глубокомысленнымъ, роскошнымъ и не совсемъ православнымъ докторомъ выходитъ на сцену «сторожка бани» *wife of bath*, одинъ изъ мѣщанскихъ типовъ Часерова времени. На ней, не безъ нѣкотораго кокет-

ства, навьючены разнаго роду драгоценности, способныя производить эффектъ; характеръ у нея веселый, смѣлый и не всегда строгій; она старается, далекими и частыми странствованіями, загладить кое-какіе грѣшки своей молодости. Она первая является на всѣ церковные праздники и такъ ревнива на этотъ счетъ, что готова возненавидѣть отъ всей души самую близкую пріятельницу, если бы той у. алось поспѣть прежде ея. За этою дамою слѣдуютъ два прекрасные, трогательные типа: смиренный сельскій священникъ и его братъ по евангельской простотѣ, земледѣлецъ. Изъ этихъ характеровъ и особенно изъ разсказа, вложеннаго въ уста священника, ясно открывается сочувствіе Часера къ религіозной реформѣ. Этимъ образамъ смиренія, любви и самоотверженія Часеръ, съ остроумною колкостью, противопоставляетъ католическихъ монаховъ и нищенствующихъ братій.

Далѣе слѣдуютъ деревенскій судья, мельникъ, приставъ въ церковныхъ судахъ, прощальщикъ и наконецъ самъ Часеръ, какъ членъ почтенной компаніи пильгримовъ.

Прощальщикомъ названъ продавецъ римскихъ индульгенцій. Онъ идетъ вмѣстѣ съ приставомъ и распѣваетъ псню: «Come hither, love, to me, — прійди ко мнѣ, любовь». Волосы у прощальщика, желтые какъ воскъ, гладкіе и рѣдкіе, разбросаны по плечамъ; онъ не носитъ кобука, «приличія ради», то есть, чтобы казаться моднымъ. Глаза у него большіе и вышучены какъ у зайца, голосъ пискливый какъ у козла, бороды нѣтъ. Потомъ Часеръ исчисляетъ различныя статьи въ офиціальному бюджету отпускающаго грѣховъ.

Исчисливъ пильгримовъ, поэтъ описываетъ ихъ сборы въ дорогу на слѣдующее утро. Передъ отъездомъ, обязательный содержатель гостинницы дѣлаетъ предложеніе почтенному собранію. Онъ вызывается провожать пильгримовъ, съ условіемъ, чтобы они поручили ему распорядиться обѣдами во время путешествія. При этомъ ему приходитъ въ голову, какъ бы весело и пріятно честная компанія могла провести время, если бы каждый членъ потрудился разсказать какую-нибудь исторію. На обратномъ пути странники всѣ вмѣстѣ должны ужинать въ его гостинницѣ, и тотъ изъ нихъ,

кто расскажетъ лучшую, занимательнѣйшую исторію, будетъ угощенъ на общій счетъ. Предложеніе приято единодушно. Планъ «Кентерберійскихъ разсказовъ» тотъ же, какъ и планъ Декамерона, но достоинство поэмы, въ цѣломъ, несравненно выше. Передъ началомъ каждаго разсказа, поэтъ продолжаетъ описывать дѣйствія, разговоръ и отъѣздъ своихъ пильгримовъ, и ничто не можетъ быть точнѣе и остроумнѣе замчаній, какія дѣлаютъ они по поводу каждаго разсказа.

Эти мѣста, названныя прелюдами къ различнымъ разсказамъ, придаютъ невыразимую живость и движеніе цѣлому сочиненію. Излагать содержаніе каждой повѣсти, хотя бы въ бѣгломъ очеркѣ, здѣсь невозможно: мы должны ограничиться главнѣйшими. Лучшій между всеми, безспорно, — «Разсказъ Рыцаря» о любопытныхъ приключеніяхъ Паломона и Арциты. Содержаніе взято изъ Тезеиды Бокаччо, но неизвѣстно, есть ли это оригинальная повѣсть италіянскаго поэта, или, что гораздо вѣроятнѣе, самъ онъ подражалъ здѣсь какому-нибудь изъ безчисленныхъ переводовъ «благородной исторіи» о Тезеѣ, распространенныхъ въ средніе вѣка. Поэма представляетъ странную смѣсь временъ и обычаевъ: рыцарскій и героическій вѣка идутъ рука объ руку. Но такова сила воображенія, раскрытая въ этомъ безсмертномъ произведеніи, такъ богато оно великолѣпными картинами, патетическими вымыслами и отличной обрисовкой характеровъ, что читатель невольно увлекается этимъ свѣжимъ потокомъ рыцарской любви и фантастическихъ приключеній. Взявъ ее въ руки, непременно дочитаешь до конца и потомъ перечитываешь нѣсколько разъ съ новымъ насажденіемъ. Она производитъ на васъ такое же впечатлѣніе, какъ пышныя ткани вызолоченныхъ обоевъ въ старинныхъ англійскихъ замкахъ: здѣсь и турниры и сраженія, заточенные рыцари и геральдическія знамена, готическіе храмы Марса и Венеры, тюрьмы, сады, фонтаны, бесѣдки, роши, освѣщенныя луной. Особенное искусство Часера обрисовывать характеръ и наружный видъ немногими быстрыми и мастерскими чертами, замѣтно какъ здѣсь, такъ и въ прологъ къ разсказамъ. Выходъ короля на турниръ — самый живой и яркій образчикъ живописи,

какой когда-либо производила сильная кисть средне-вѣковаго искусства. Въ отношеніи къ граціозности и простотѣ, что можетъ сравниться съ одной описательной чертою, какой обрисована красота Эмилиі?

«Up rose the sun, and up rose Emiliel»

Встало солнце, встала и Эмилиі!»

Другая поэма важнаго содержанія есть «Разсказъ конюшгаго». Мильтонъ до того проникнутъ былъ увлеченіемъ къ этой повѣсти, что ею только характеризуетъ Часера, когда исчисляетъ великихъ людей различныхъ вѣковъ. Мѣсто дѣйствія и предметъ поэмы носятъ очевидные слѣды арабскаго вліянія, отразившагося въ поэзіи среднихъ вѣковъ, и которое, вѣроятно, послѣ крестовыхъ походовъ, уже начинало дѣйствовать на литературу Западной Европы. Не мудрено, что Мильтонъ, при глубокомъ сочувствіи къ фантастическимъ вымысламъ восточной литературы, приходилъ въ восторгъ преимущественно отъ этой повѣсти. Въ примѣрѣ восторженнаго паюса, доведеннаго до крайней степени, мы можемъ привести исторію, которую разсказываетъ у Часера оксфордскій дьякъ, грамотѣй. Героиня трогательной повѣсти, страждущая Гривельда, образецъ женской и супружеской покорности. Мужъ подвергаетъ несчастную женщину самымъ варварскимъ истязаніямъ, пыткамъ, и однако жъ она все переноситъ безъ ропоту и побѣдоносно выходитъ изъ мучительной борьбы съ нѣжными привязанностями сердца. Прекрасный, ангельскій образъ страждущей женщины въ этой повѣсти напоминаетъ превосходныя статуи дѣвъ мученицъ, которыя, съ поднятыми руками и умоляющимъ взоромъ, стоятъ въ изваянныхъ нишахъ готическихъ соборовъ. Эту народную италіанскую повѣсть, какъ извѣстно, написалъ Бокаччо. Петрарка такъ пораженъ былъ ея красотами, что рѣшился перевести ее на латинскій языкъ и уже этимъ латинскимъ переводомъ пользовался Часеръ. Дѣйствительно, англійскому поэту оригиналъ Бокаччо былъ повидимому не извѣстенъ: дьякъ, разсказывающій приключенія, говоритъ, что слышалъ эту повѣсть «отъ Франциска Петрарка, вѣнчаннаго поэта». Часеръ написалъ эту поэму италіанскими стансами.

Изъ комическихъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ этого сочиненія, особенно замѣчательны: «Разсказъ духовника Дъвичьяго Монастыря о пѣтихъ и лисицѣ». Нѣкоторыя подробности въ этомъ апологѣ довольно страшны и нелѣпы, но въ цѣломъ они въ совершенствѣ выкупаются мастерскимъ изображеніемъ характеровъ: читатель забываетъ, что дѣйствующія лица въ этой маленькой драмѣ—животныя, и еочувствуетъ имъ какъ разумнымъ существамъ. «Повѣсть Купца» не совсѣмъ скромная и деликатная, проникнута однако жъ неподдѣльною веселостію и юморомъ. Староста и другіе пильгримы разсказываютъ тоже очень забавно. Но вънецъ и перлъ Часерова остроумія есть, безъ-сомнѣнія, «Разсказъ Мельника»: характеры дѣйствующихъ лицъ изображены здѣсь съ неподражаемою вѣрностію, и ругательно-смѣшная катастрофа, гдѣ все они гибнутъ, какъ жертвы своего безумія, есть верхъ совершенства. Въ огромной сокровищницѣ древнихъ и новыхъ юмористическихъ сочиненій, безъ-сомнѣнія нѣтъ ни одного, которое въ одно и то же время было бы столько остроумно и вполне сообразно съ дѣйствительностію. Правда, содержаніе повѣсти не совсѣмъ удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ дѣвственной морали, но, при всей грубости и прямогъ изложенія, Часеръ никогда не дѣлается порочнымъ или развратнымъ: его неприличія и нескромныя картины скорѣе плодъ грубаго вѣка, въ которомъ онъ жилъ, скорѣе кипучіе взрывы богатаго и дѣятельнаго воображенія, чѣмъ тотъ холодный, анализирующій, ученый развратъ, который въ настоящее время оскверняетъ большую часть произведеній самыхъ образованныхъ литературъ и особенно французской. Замѣчательно, что все повѣсти изложены стихами, за исключеніемъ только двухъ, изъ которыхъ одну, между пильгримами, разсказываетъ самъ Часеръ. Это требуетъ объясненія. Когда поэтъ приглашенъ разсказать исторію, онъ заводитъ длинную, сбивчивую, фантастическую рыцарскую повѣсть, разсказывая о чудодѣйственныхъ приключеніяхъ какого-то странствующаго рыцаря и о томъ, какъ путешествовалъ онъ въ невѣдомыя страны царицы фей. Эта часть разсказа, наполненная

различными нелѣпостями и путаницами, написана особымъ размѣромъ, принятымъ у Труверовъ. Между-тѣмъ какъ вы ожидали, что поэтъ, повидимому, расходившійся не на шутку, въ припадкѣ рыцарскаго витійства, совершенно замучитъ васъ, этой высокопарной галиматеей, потому что онъ далъ обѣщаніе вездѣ подражать слогу рыцарскихъ сочиненій,—вдругъ почтенный содержатель гостинницы, играющій между пилигримами роль распорядителя, покорнѣе проситъ оратора остановиться, уволить слушателей «отъ скучной риемованной мудрости» и рассказать что-нибудь попроче. Тогда поэтъ вызывается говорить прозой, и рассказываетъ аллегорическую повѣсть о Мелибеи и о женѣ его, Пациенціи. Ясно, что Часеръ, вполне понимавшій невзырмное превосходство вновь оживающей классической литературы надъ варварскимъ и уже совершенно истощеннымъ изобрѣтеніемъ романическихъ поэтовъ, выбралъ этотъ остроумный способъ осмѣять общія мѣста надутыхъ рыцарскихъ повѣстей, но иронія его въ этомъ мѣстѣ такъ серьезна, поддѣлка подъ тонъ романскихъ стихотворцевъ такъ естественна, что многіе ученые критики сочли «Повѣсть о рыцарѣ» вовсе не шуточнымъ сочиненіемъ и отъ души жалѣли, что авторъ не продолжалъ отрывка.

Другую повѣсть въ прозѣ рассказываетъ у поэта священникъ, представленный образцомъ христіанскаго смиренія, мудрости и благочестія. Впрочемъ, въ этомъ рассказѣ нѣтъ ни событій, ни дѣйствующихъ лицъ. Это собственно не рассказъ, а проповѣдь о семи смертныхъ грѣхахъ, со множествомъ раздѣленій и подраздѣленій по правиламъ схоластическаго богословія. Здѣсь встрѣчаются довольно любопытныя подробности относительно домашней жизни, нравовъ, обычаевъ и даже повареннаго искусства въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Нѣкоторые критики думали, что Часеръ прибавилъ эту проповѣдь къ концу своихъ рассказовъ по совѣту своихъ духовниковъ, съ тѣмъ, чтобы благочестивымъ назиданіемъ загладить отчасти безнравственный тонъ другихъ сочиненій, но это предположеніе, ничѣмъ не доказанное, противо-

рѣчь самому характеру священника, который вездѣ представляется образцомъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Языкъ Часера есть народное англо-саксонское нарѣчіе, съ огромной примѣсью норманно-французскихъ словъ. Читатъ его вовсе не такъ трудно, какъ многіе воображаютъ: при умѣренномъ знакомствѣ съ италіанскимъ и французскимъ нарѣчіями четырнадцатаго вѣка, можно въ совершенствѣ понимать англійскаго поэта и восхищаться его произведеніями. Трудъ, употребленный на такое изученіе, съ избыткомъ будетъ вознагражденъ. «Онъ поведетъ васъ, по прекрасному выраженію Мильтона, на самый верхъ горы. Трудны, конечно, будутъ первыя ступени, но по-мѣрѣ восхожденія, васъ окружаютъ прекрасныя виды и вы со всѣхъ сторонъ услышите мелодическіе звуки, очаровательнѣе которыхъ не могла быть и Орфеева арфа».

Какъ всѣ гениальные писатели и художники, Часеръ сталъ на долгое время образцомъ для подражающей посредственности, источникомъ понятій для цѣлыхъ поколѣній, наставникомъ въ изящномъ вкусѣ, главою школы, въ которой многія, нынѣ забытыя имена, пріобрѣтали мимолетную знаменитость. Броженіе религиозныхъ идей и богословскіе споры вскорѣ пріостановили движеніе. Снова оно вспыхнуло съ сильнымъ взрывомъ и необыкновеннымъ блескомъ уже въ вѣкъ Елисаветы, два вѣка спустя послѣ Часера, вслѣдъ за окончательнымъ утвержденіемъ протестантства. Тогда Беконъ и Муръ, Сидни и Спенсеръ, Марло и Шекспиръ и вскорѣ потомъ Мильтонъ, Бутлеръ и Драйденъ дали другое направленіе разуму и искусству, сдѣлались основателями новыхъ школъ. Страсть къ литературѣ Грековъ и Римлянъ, рабское удивленіе классическимъ образцамъ, преданность древней формѣ и презрѣніе къ тому, что стали называть «варварскимъ» или «готскимъ», дошли уже до высшей степени во всей грамотной Европѣ. Смѣлая, самопроизвольная и оригинальная походка поэтовъ среднихъ вѣковъ была оставлена в, — странное дѣло! — *возрожденный* разумъ поэтическій избралъ для себя въ классическихъ формахъ самую манерную, самую приторную форму, идиллію, порожденіе вре-

мень паденія вкусу и искусства, последнее усиліе древняго міра произвести что-нибудь особенное. Восточная аллегорія, осуществленная въ «Романъ о Розѣ», и породившая «Божественную комедію», и восточная сложная сказка «Тысяча и Одной Ночи», съ своей необузданной фантазіей, дикой, суевѣрной, богатырской, трогательной, насмѣшливой, послужившая образцомъ или поводомъ къ «Декамерону» и «Кентерберійскимъ рассказамъ», были, безспорно, художественнѣе, ближе къ сердцу и къ дѣлу и даже правдоподобнѣе, чѣмъ мечты о пастушескомъ мірѣ и блаженствѣ идеальной «первобытной природы». Что такое Иліада и Одиссея, какъ не романы въ стихахъ, гдѣ суевѣрія времени, теплая вѣра, религіозная нравственность, богатырство, народная сказка, несбыточная фантазія, дѣйствительная жизнь и глубокія страсти сердца перемѣшиваются съ искусствомъ волшебнаго безпорядку въ бойкомъ рассказѣ пѣвца-простолюдина. Средніе вѣка были въ высшей степени вѣка гомерическіе, хоть, собственно, и не произвели ни одного Гомера, потому что Данте, питомецъ восточной аллегоріи, чловѣкъ среднихъ вѣковъ по преимуществу, къ-несчастью своему, читалъ шестую книгу Энеиды, и этимъ однимъ лишился чести быть великимъ, самостоятельнымъ рапсодомъ своего времени: при такой силѣ поэтическаго повѣствовательнаго генія, останся онъ вѣрнымъ тогдашнему роману въ стихахъ, безъ подражанія классическому подражателю, выдумкъ другаго міра, другой вѣры и другой образованности, онъ былъ бы Гомеромъ героическаго христіанства. Утопія и идиллія принадлежать къ одному и тому же роду понятій: это, напротивъ, плодъ ученой ипохондріи, порожденіе нервовъ, разстроенныхъ философіей и созерцаніемъ. Вѣкъ возрожденія представляетъ разительное умственное сходство съ вѣкомъ Птолемеевъ, начавшимся уже со времени Филиппа-Македонскаго и Александра-Великаго, и утопія съ идилліей, по необходимости, должны были повториться въ немъ, какъ естественныя формы фантазіи при такомъ состояніи общества и образованности. Муръ, Сидни и Спенсеръ явились ихъ представителями, лишь-только усмиренныя рели-

грозныхъ бури дозволяли литературной мысли просіать свободу. Но, къ-счастію, несмотря на истребленіе рыцарскихъ нравовъ и переѣму литературныхъ вліяній, школа Часера не угасла еще при Елисаветъ. Какъ Сидни такъ и Спенсеръ, при всемъ идилическомъ расположеніи духа, со славою поддерживали восточную аллегорію среднихъ вѣковъ, и прелесть «Кентерберійскихъ разсказовъ», столь живыхъ, свободныхъ, разнообразныхъ, столь трогательно-насмѣшливыхъ, была еще такъ сильна для умовъ хорошо созданныхъ, что ею рѣшился отличительный характеръ Шекспировой драмы. Величайшая заслуга англійской литературы, ея безспорное преимущество передъ всеми новѣйшими и весь секретъ ея неподражаемой оригинальности, состоятъ въ томъ, что одна она спасла отъ гибели поэтическую фантазію среднихъ вѣковъ, настоящую поэзію героической Европы христіанской: какъ Сидни и Спенсеръ, послѣдователи Теокрита, были, однако жъ, среди «Аркадіи», пастушковъ и пастушекъ, *сумопутныхъ* и *морскихъ*, для которыхъ Спенсеръ написалъ даже «Календарь», питомцами Часерова «Романа о Розѣ», такъ точно Шекспиръ образовался и возмужалъ подъ фантастическимъ вліяніемъ другаго Часерова романа въ стихахъ—«Кентерберійскихъ разсказовъ». Драма Шекспира собственно не что иное какъ романъ драматизированный, — романъ, эта коренная, отличительная форма поэзіи героической Европы, — романъ, новѣйшая эпопея. Вся англійская литература, гдѣ только она самостоятельна, не искажена подражаніемъ классическимъ образцамъ, приводится къ одной общей формѣ: *романъ* — романъ въ стихахъ — или романъ въ прозѣ — романъ повѣствовательный или романъ въ разговорахъ — и, благодаря глубокому народному чувству этой самобытной формы, счастливо сохраненной со времени среднихъ вѣковъ, даровитые Англичане всегда были и будутъ самыми неподражаемыми романистами. Одни только англійскіе великіе романы не умираютъ скоропостижно. На Твердой Землѣ нельзя указать, за исключеніемъ «Донъ-Кихота», родившагося еще отъ фантазіи среднихъ вѣковъ, ни на одинъ значительный романъ, кото-

рый бы еще оставался въ-живыхъ послѣ болѣе или менѣе кратковременной знаменитости. Почему? Да потому что все они — потомство безъ родословной, чада не наследственной благородной крови, подражанія или коверканія первобытной поэтической формы христіанской фантазіи, предпринятыя съ усиліемъ, съ напряженіемъ, послѣ полного забвенія поэзіи среднихъ вѣковъ, среди потѣхъ ложнаго и неудавшагося классицизма. Пристрастіе Англичанъ къ преданіямъ старины, такимъ образомъ, было для нихъ полезно, не только въ политическомъ, но даже въ литературномъ отношеніи.

=

ОЦЕРКЪ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *Сочиненіе Томаса Ша.*
(*Outlines of the English Literature; for the use of the Imperial Alexander Lyceum. By Thomas B. Shaw, adjunct-professor. St.-Petersburg, 1847.*)

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Сэръ Филиппъ Сидди въ высокой степени соединяетъ въ себя все совершенство, все доблести, какія только могутъ украшать и облагороживать челоѣчество. Онъ былъ вмѣстѣ герой и поэтъ, оставившій послѣ себя безсмертную память: каждый Британецъ вспоминаетъ о немъ не иначе какъ съ удивленіемъ, сожалѣніемъ и гордостью. Благородное происхожденіе, прекрасная наружность, величавость пріемовъ и великодушіе, храбрость почти сверхъестественная, мудрость въ совѣтахъ, личная образованность и могущественное покровительство просвѣщенію, словомъ, все прочнѣйшія дарованія соединялись въ немъ съ прекраснѣйшими душевными и тѣлесными качествами. Польская королева готова была озарить новымъ блескомъ этого необыкновеннаго челоѣка; но ревнивое къ нему расположеніе Елисаветы, не желавшей, какъ она говорила, потерять этотъ «драгоценный перлъ своего двора» — удалило его отъ престола. Непродолжитель-

но было сіяніе этой славной звѣзды, но блистательный закатъ ея вполне достоинъ восхожденія и полного блеску: зуткенское поле было свидѣтелемъ тѣхъ знаменитыхъ словъ Елисаветы, словъ, которыя достойны стать на ряду съ важнѣйшими подвигами героизма древней и новой исторіи: «Этотъ человекъ нуженъ для свѣта, чѣмъ я.»

Немного великихъ произведеній, которыхъ характеръ и значеніе такъ унижены певъжествомъ и односторонней критикою, какъ романъ Сидни, «Аркадія».

Д'Израэли, знаменитый англійскій критикъ, соединившій въ себя обширное и глубокое изученіе отечественной литературы съ просвѣщенной любовью къ своему предмету и мастерскимъ умънемъ цѣнить прекрасное, собралъ въ своихъ *Amenities of Literature* много критическихъ статей, написанныхъ разными лицами по поводу «Аркадіи». Вальполь называетъ это произведеніе «скучнымъ, сантиментальнымъ, педантскимъ пастушескимъ романомъ». Джиффордъ говоритъ, что «содержаніе его бѣдно, происшествія избиты, слогъ натянутъ». Дэнлопъ жалуется на его «чрезвычайную утомительность», забывая, что этотъ романъ былъ любимымъ чтеніемъ англійской публики Шекспирова времени.

Д'Израэли доказываетъ также, и весьма основательно, что новѣйшіе критики, обманутые несчастнымъ заглавіемъ романа, которое Сидни взялъ у Санназара, разбирали его не читая и принимали на-обумъ за пастушескую повѣсть въ-родѣ сочиненій, расплодившихся въ безчисленномъ множествѣ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, вслѣдъ за «Галатеей» гениальнаго Сервантеса! Но дѣло въ томъ, что «аркадскія» или пастушескія сцены, въ произведеніи Сидни, составляютъ не существенную часть повѣсти, а только дополненія въ-родѣ интермедій, приданныя къ концу каждой книги, гдѣ авторъ выводитъ пастуховъ и пастушекъ, заставляя ихъ пѣть и читать стихи. Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія и чувства, описанныя такимъ очаровательнымъ, живописнымъ языкомъ, почерпнуты изъ рыцарской жизни самого Сидни и внушены его собственнымъ благороднымъ, героическимъ сердцемъ.

Кромѣ этого романа, вполне поэтическаго, хотя написаннаго не стихами, Сидни оставилъ еще много советовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Защита поэзіи», вполне соответствующимъ содержанію. Красота языка въ этомъ произведеніи равняется глубокому поэтическому чувству, и здѣсь, такъ же какъ въ Аркадіи, каждая строка заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ Купера, который, удивляясь достоинствамъ сэра Филиппа, назвалъ его пѣвцомъ въ поэтической прозѣ:

«Sidney, warbler of poetic prose.»

Сидни былъ смертельно раненъ изъ мушкетона въ лѣвую ногу, въ сраженіи при Зутфенѣ, двадцать-второго сентября 1586, и умеръ на тридцать-второмъ году отъ рожденія.

Величайшій послѣ Часера англійскій поэтъ, Эдмондъ Спенсеръ, родился въ Лондонѣ, въ 1553 году, за годъ до рожденія Сидни. По выходѣ изъ университета, Спенсеръ издалъ свое первое произведеніе, обратившее на него вниманіе публики. Это былъ «Пастушескій календарь», большая поэма въ двѣнадцать частяхъ или мѣсяцахъ, состоящая изъ діалоговъ идиллическаго и любовнаго содержанія. Италіанскій вкусъ, который въ то время господствовалъ въ Европѣ и наводнялъ всѣ литературы болѣе или менѣе холодными подражаніями сантиментальнымъ пасторалямъ Гварини и Санназара, замѣтенъ въ Спенсерѣ гораздо болѣе чѣмъ въ другихъ писателяхъ вѣка Елисаветы. Его пастухи столько же уродливы и лишены всякаго правдоподобія, какъ идиллическіе любовники виргиліевыхъ эклогъ, или замаскированные педанты италіанской школы. Это произведеніе надѣлало въ свое время много шума, и между прочимъ доставило своему автору дружеское расположеніе ученаго Габріеля Гарви, который, хотя отличался манернымъ вкусомъ въ литературѣ и увлекалъ иногда Спенсера своимъ энтузіазмомъ къ необдуманнѣмъ предпріятіямъ, — однако былъ очень полезенъ своему скромному и чувствительному другу. Это необдуманное предпріятіе, на которое мы сейчасъ указали, было введеніе силлабическаго стихосложенія въ англійскую поэзію: онъ оставилъ нѣсколько дактиличе-

сихъ отрывковъ и амбическихъ метровъ, которые служатъ неоспоримымъ доказательствомъ очевидной вельности этого нововведенія.

Несмотря на то, что Елисавета осыпала поэта милостями, жизнь его при дворѣ была непрерывною цѣпью оскорбленій и непріятностей. Искреннее расположеніе графа Лейстера, при всемъ могуществѣ этого вельможи, не могло быть все-сильнымъ, и въ уопительномъ придворномъ воздухѣ, какъ въ волшебной сказкѣ, оружіе, данное волшебникомъ странствующему рыцарю, часто обнаруживало свое свойство при столкновеніи съ враждебнымъ чародѣемъ. Благоволеніе и покровительство Лейстера должно было навлечь на Спенсера ненависть и подозрѣніе государственнаго канцлера, лорда Бурла, бывшаго тогда въ большой милости у Елисаветы. Впрочемъ, Спенсеръ получилъ наконецъ мѣсто секретаря при лордѣ Граѣ, съ которымъ и отправился въ Ирландію. Изъ этой должности онъ отличился, кажется, какъ дѣловой человѣкъ, потому что вскорѣ правительство наградило его значительнымъ помѣстьемъ въ коркскомъ графствѣ. Спенсеръ поселился въ старинномъ килькольменскомъ замкѣ, построенномъ въ прекрасной, но безлюдной странѣ, и тамъ-то написалъ онъ безсмертное свое произведеніе, поэму «Царица волшебницъ».

Здѣсь постигъ его Іосифъ Рели, тогда еще молодой человѣкъ, только-что начинавшій, въ чинѣ гвардейскаго капитана, ту необыкновенную, блестящую карьеру, которая поставила его имя на ряду съ людьми самыми учеными и предприимчивыми. Спенсеръ открылъ умному Рели всѣ свои литературные планы и прочелъ первыя пѣсни царицы волшебницъ, «Морской пастухъ» — какъ называлъ Спенсеръ Рели, — успѣлъ отчасти вознаградить невозвратную потерю, нанесенную барду преждевременною смертью Сидни, и облегчить нѣсколько жесточайшій ударъ, причиненный чувствительному сердцу поэта. Въ 1590 году Спенсеръ поднесъ Елисаветѣ первую часть «Царицы волшебницъ», и какъ ни была эта королева взыскательна насчетъ похвалъ и поэтической лести, однако изящная дань Спенсеровой музы совер-

шенно удовлетворила ее: вся образоваиность, весь гений этого замѣчательнаго вѣка, истощены были на то, чтобъ на облакахъ роскошнаго поэтическаго куренія вознести монархиню-дѣву, и, конечно, ни одинъ изъ поклонниковъ этого божества не былъ такъ вабожно преданъ ему и такъ даровать, какъ Спенсеръ.

Если бъ эта поэма была кончена, англійская литература обогатилась бы однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведений романтической фантазїи, въ которой рыцарство рѣшаетъ приговоры Мудрости. Судя по неоконченной части этого «Храма Чести», можно представить величественный эффектъ всего чудеснаго созданія. Поэма начинается тѣмъ, что Царица волшебницъ является во снѣ принцу Артуру и тотъ, пробудясь страстно влюбленнымъ, рѣшается отъискивать свою неземную возлюбленную въ волшебной землѣ. Поэтъ описываетъ далѣе годовой торжественный праздникъ Царицы волшебницъ. Праздникъ этотъ продолжается сряду двѣнадцать дней и въ каждый изъ нихъ Царица даетъ какое-нибудь опасное порученіе одному изъ своихъ рыцарей. Въ каждомъ изъ этихъ двѣнадцати рыцарей олицетворена какая-нибудь добродѣтель.

«Царица волшебницъ» написана особымъ размѣромъ, который можно назвать *спенсеровскими стансами*. Это не что иное какъ итальянскія ottava rima, или осьмистопныя строфы, къ которымъ Спенсеръ прибавилъ только девятую стопу. Несмотря на то, что этотъ размѣръ такъ же труденъ для англійскаго языка, какъ легокъ для итальянскаго, гибкаго и богатаго рѣзками, Спенсеръ владѣлъ этимъ многосложнымъ оружіемъ съ такимъ совершеннымъ искусствомъ и прелестью, что цѣнстощимое богатство мелодїи его стихосложенія даже обременяетъ слухъ роскошнымъ обиліемъ гармонїи. «Подобно сладостному волненію тропическаго моря, говоритъ господинъ Ша, эта рѣчь погружаетъ читателя въ дремоту легкимъ колебаніемъ волнъ, волшебными островами, сіяющими и веселыми, сказочными царствами, и утонувшими старыми городами, которые спятъ въ глубинѣ моря при полуночномъ сіяніи луны.»

Геній Спенсера преимущественно живописный. Едва-ли какой великій живописецъ изображалъ веселыя или страшныя сцены съ такою поразительною истиной. Впрочемъ, должно замѣтить, «Царица волшебницъ» отличается недостаткомъ человѣческаго интересу и событія драмы часто не имѣютъ между собою видимой связи и отношенія къ общей завязкѣ. Сверхъ-того, между многими пѣснями нѣтъ существеннаго отношенія: онѣ похожи на отдѣльныя приключенія, въ которыхъ участвуютъ всё разныя лица, сталкивающіяся другъ съ другомъ только по приказанію Глоріаны. Артуръ только по одному имени герой поэмы: читатель скоро забываетъ его, и появленіе этого лица, въ концѣ сочиненія нужно только для того, чтобъ связать разнородныя приключенія, разбросанныя въ похожденияхъ двѣнадцати рыцарей.

Произведеніе Спенсера наполнено множествомъ аллегорій, — и онѣ часто поражаютъ насъ своими подробностями, точно такъ же, какъ эмблематическія гравюры Отто Веніуса, гдѣ каждая эмблема, олицетворяющая какое-нибудь нравственное качество, такъ темна, что ее невозможно понять безъ объясненія. Кто знакомъ съ произведеніями Рубенса, ученика Веніуса, съ которымъ Кэмбл такъ удачно сравнилъ Спенсера, тотъ очень хорошо пойметъ этотъ упрекъ.

Одно изъ самыхъ неблагородныхъ качествъ чловѣка, качество общее ему съ обезьяной, именно, *способность и склонность передразнивать*, подражая движеніямъ и ужимкамъ себѣ подобныхъ, при развитіи разума, сдѣлалось источникомъ одного изъ возвышеннѣйшихъ наслажденій образованнаго общества, одного изъ могущественнѣйшихъ родовъ поэзіи. Драматическія представленія, физическое слѣдствіе этой живописной склонности, сами собою рождаются повсюду, гдѣ только толпа людей можетъ собраться для торжественнаго увеселенія. Зрѣлища этого роду отнюдь не изобрѣтеніе Грековъ, какъ благоволятъ утверждать исторіи литературъ. Драматическія представленія были у Египтянъ. Ориентализмъ нашель драмы у Китайцевъ и Индвйцевъ. У нынѣшнихъ Персіанъ, которые вовсе не знаютъ ни о греческой, ни объ

индѣйской драмѣ, подражательное представленіе негибели Хусейна создано добровольно въ такое время, когда рѣшительно нельзя было обвинить никого въ драматургическомъ наущеніи этихъ пѣтговъ. Путешественники недавно съ удивленіемъ открыли драмы у Алеутовъ русской Америки. Мысль, отнестн возрожденіе драмы въ Европѣ къ желанію подражать поэтическому примѣру Грековъ и Римлянъ, не основана ни на чемъ правдоподобномъ и противна фактамъ не только исторіи, но и человѣческой природы. После уничтоженія усердіемъ торжествующаго христіанства драматическихъ представленій древности, какъ связанныхъ съ обрядами и догматами языческой вѣры, послѣ совершеннаго забвенія этого рода потѣхъ, онѣ должны были немзбѣжно возродиться у христіанъ сами собою, вслѣдствіе законовъ природы, на основаніи непреложныхъ инстинктовъ человечества. И доказательство того, что онѣ именно такъ возродились, находится въ томъ обстоятельстве, что первыя драматическія представленія у христіанъ европейскихъ были точно такія же, какъ и первыя представленія у давно забытыхъ язычниковъ: здѣсь и тамъ, сюжетами служили догматы вѣры или преданія; здѣсь и тамъ онѣ сначала составляли только дополненіе къ религіознымъ торжествамъ и храмовымъ обрядамъ. Такъ точно драма рождалась теперь и у Персіанъ, при нашихъ глазахъ.

Религіозныя драмы среднихъ вѣковъ были олицетвореніемъ христіанскихъ идей, какъ являлись онѣ незатѣйливому воображенію этихъ грубыхъ временъ. Часто въ нихъ просто рассказывалась какая-нибудь библейская легенда, или драматизировалось какое-нибудь чудо и авторъ по большей части поддѣлывался подъ формы библейскаго языка. Нерѣдко сюжеты для такихъ драмъ доставляли пилигримы, возвращавшіеся на родину послѣ продолжительныхъ странствованій по далекимъ и неизвѣстнымъ странамъ, съ обильнымъ запасомъ всякаго роду чудесъ. Во время крестовыхъ походовъ, можно представить себѣ, какой огромный интересъ могли имѣть рассказы воиновъ, подвизавшихся въ Палестинѣ: всѣ классы общества, всѣ сословія съ жадностью

слушали рассказы малолетки: благородная дама спышшла осведомиться о подвигахъ своего брата или любовника; простодушнѣ хотѣлъ знать какъ отличаются его земляки; духовная особа находила большой интересъ въ описаніи чудесъ, храмовъ, мошей. Нѣтъ ничего мудренаго, что всѣ эти чудные рассказы могли современемъ принять драматическую форму. Римская Церковь, съ своей стороны, находила крайне выгоднымъ поощрять возникавшую склонность къ религиознымъ драмамъ, видя въ нихъ одно изъ могущественныхъ средствъ утвердить свое вліаніе на современное общество.

Отсюда ясно можно видѣть поразительное сходство между греческой трагедіею и религиозными представленіями среднихъ вѣковъ. Обѣ драмы родились на религиозной почвѣ, обѣ заимствовали содержаніе изъ того, что считалось самымъ священнымъ для народа, обѣ представлялись глазамъ зрителей со всевозможнымъ великолѣпіемъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, духъ патриотизма и религіи, возбуждавшій Грековъ на ихъ театрѣ, въ сущности былъ ниже простодушнаго благоговѣнія, съ какимъ грубые католики должны были слушать великія мистеріи своей религіи. Самое имя, данное этимъ драмамъ, какъ нельзя лучше выражаетъ ихъ значеніе: ихъ называли «Мистеріями», или просто «Чудесами».

Странная невнимательность старинныхъ живописцевъ къ костюму или хронологической правильности, безъ-сомнѣнія, объясняется преобладаніемъ въ ихъ время этихъ религиозныхъ спектаклей. Находя, напримѣръ, въ произведеніяхъ великихъ художниковъ, библейскія лица въ христіанскомъ церковномъ облаченіи, мы торопимся вывести заключеніе, что живописецъ не зналъ исторіи. Но должно вспомнить, что народъ, для котораго назначались ихъ безсмертныя произведенія, привыкъ, на своемъ грубомъ театрѣ, видѣть эти лица именно въ такомъ облаченіи, и что измѣнить этотъ костюмъ значило бы идти наперекоръ утвердившимся привычкамъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ, какимъ образомъ сочинители этихъ произведеній осмѣливались вводить смѣшные и комическіе фарсы въ такія драмы,

которыхъ главное дѣйствіе было такъ торжественно и сверхъестественно. Между-тѣмъ, смѣшныя сцены были необходимы: нельзя же было простому народу, по цѣлымъ часамъ выслушивать отвлеченныя нравственныя понятія. И вотъ на театрѣ появился *дьяволъ*, неистощимый источникъ смѣшныхъ и забавныхъ продѣлокъ, и его выводили на сцену всякій разъ, гдѣ свойство мистеріи допускало возможность шутовскихъ фарсовъ. Такимъ образомъ дьяволъ занялъ мѣсто шута или паяса, и его представляли въ ужасномъ и отвратительномъ видѣ. Какъ-скоро бѣсъ становился искусителемъ, въ драмѣ необходимъ былъ искушаемый, и эта роль присвоивалась злодѣямъ или грѣшникамъ, которые вмѣстѣ съ дьяволомъ потѣшали благочестивую публику. Такъ въ мистеріи «Избіеніе младенцевъ», послы Ирода, названные здѣсь *рыцарями* іудейскаго царя, должны были возбуждать въ зрителяхъ громкій смѣхъ и вмѣстѣ презрѣніе. Они между прочимъ являются къ «Магунду» или Магомету, и лже-пророкъ првпимасть отъ нихъ присягу въ вѣрноподданствѣ. Впрочемъ сочинители этихъ старинныхъ драмъ не пренебрегали также общими сатирическими предметами, взятыми изъ обыкновенной жизни. Супружескія ссоры и бѣдствія обманутыхъ мужей во все времена и у всехъ народовъ могли служить предметомъ неистощимаго комизма, и нѣтъ сомнѣнія, сварливыя жены существовали еще до потопа. Но юморъ пьесъ изъ такихъ сюжетовъ слишкомъ не затѣяльвъ и вовсе не остроумень: напротивъ, патетическія мѣста, въ нѣкоторыхъ мистеріяхъ, достигаютъ высокаго достоинства. Такъ въ англійской мистеріи «Жертвоприношеніе Авраама», сцена между отцомъ и сыномъ, исполнена необыкновенной нѣжности и красоты; особенно выразителемъ здѣсь и трогателемъ языкъ Исаака.

Съ теченіемъ времени, мистеріи, совершенно религіозныя по своему происхожденію, переродились въ такъ-называемыя «Нравоученія», составляющія переходъ къ олицетворенію воображаемыхъ лицъ. Въ этихъ пьесахъ историческіе и богословскіе характеры, взятые изъ Библии, замѣнены олицетворенными понятіями добродѣтели, порока и страстей

человеческой природы. Въ «Нравоученіи», дѣйствующія лица правосудіе, награда, умеренность, глупость, обжорство и порокъ. Этотъ послѣдній характеръ, которому всегда придается смѣшной языкъ и костюмъ, входитъ въ составъ нравоученія, какъ шутъ или паясъ. Впрочемъ не должно думать; чтобы дьяволъ, послѣ такого изображенія, получилъ отставку: большая часть комическихкихъ сценъ въ нравоученіяхъ состоятъ изъ разговоровъ между сатаной и порокомъ, который, по обыкновенію, бьетъ своего адскаго противника. Зато и дьяволъ иной разъ жестоко отмщаетъ за эту обиду, увлекая порокъ къ концу пьесы. Арлекинъ и другой италіанскій шутъ, Пульчинелла, всеобщій типъ народной шутки и сатиры, ведутъ свою родословную отъ нравоученій среднихъ вѣковъ.

Изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій этого рода, дошедшихъ на англійскомъ языкѣ до настоящаго времени, мы приведемъ здѣсь только заглавія двухъ или трехъ, потому что, на этотъ разъ, самое имя пьесы даетъ почти совершенное понятіе о ея содержаніи. *Lusty Juventus*, «Веселая Юность». Герой этого нравоученія—олицетвореніе отвлеченнаго понятія юности. Страсти и пороки соблазняютъ ее и стараются совратить съ прямой дороги; различныя добродѣтели покровительствуютъ ей и снова обращаютъ на истинный путь. Другія заглавія: «Гвоздь, вбитый въ голову», «Нетерпѣливая бѣдность», «Свинья потеряла жемчужину», и прочая, и прочая. Изъ этихъ нравоученій незамѣтно образовался другой видъ драмы, не столько заносчивый въ своей постройкѣ, не столько правильнѣй въ планѣ и расположеніи частей, но допускающій болѣе остроумія и фарсовъ. Это коротенькія веселыя пьесы, называемыя «интермедіями», которыя составляли любимую забаву англійскаго общества въ царствованіе Генриха Осьмаго. Болѣе другихъ извѣстный и замѣчательный сочинитель интермедій—Джонъ Гейвудъ, придворный шутъ Генриха: фарсы его, при всей грубости и дикости, обнаруживаютъ необыкновенную силу юмора и остроумія. Гейвудъ былъ самымъ ревностнымъ католикомъ и его грубыя драмы носятъ безчисленные слѣды той великой полемической вой-

ны, которая предшествовала реформациі. Во времена религиозных несогласій, каждая область литературы, даже всего меньше способная сдѣлаться сценой религиозной войны, наводнена бываетъ богословскими спорами, и можно было бы составить цѣлую коллекцію интермедій и правоученій, гдѣ, съ одной стороны, защищаютъ свои мнѣнія католики, съ другой протестанты, бросая другъ въ друга полновѣсные залпы смѣху и ругательствамъ. Интермедія, какъ показываетъ самое названіе, есть, собственно, небольшая драматическая сцена, назначенная къ представленію въ промежуткахъ какого-нибудь большаго церемоніала или торжества. Сначала давали интермедію во время остановокъ, неизбѣжно встрѣчавшихся при разыгрываніи торжественнаго *правоученія*, или она сама была *антрактомъ* на большихъ пиршествахъ, которыя по обыкновенію, въ средніе вѣка тянулись очень долго. Такъ у Китайцевъ и теперь драматическія представленія назначены именно для оживленія гостей на ихъ безконечныхъ пирахъ. У Англичанъ, встарину, въ знатныхъ домахъ, на большихъ балахъ давались интермедіи.

Таково было состояніе англійскій драмы еще не задолго до Шекспира. Когда этотъ великій гений явился, трагедія сохранила еще всю первобытную грубость свою, несмотря на нѣкоторыя удачныя попытки. Комедія сдѣлала болѣе успѣховъ. Но вообще та и другая находились въ жалкомъ положеніи, хотя англійская литература уже вытѣла у себя одного знаменитаго драматическаго писателя. Этимъ писателемъ былъ Христофоръ Марло (Marlow), имя едва-ли кому изъ русскихъ читателей извѣстное, хотя Марло первый написалъ «Фауста», который впоследствии прославилъ великаго Гёте.

Марло родился въ Кентербери, около 1562 года, и получилъ ученое образованіе въ Кембриджъ, гдѣ написалъ свой первый драматическій опытъ, трагедію «*Tamburlaine*». Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ въ званіе актера, которое впрочемъ вскорѣ долженъ былъ оставить, переломивъ на сценѣ ногу во время представленія одной бѣшеной пьесы. Съ этой поры онъ ревностно началъ трудиться на драматическомъ поприщѣ, давая полную волю природной наклонно-

сти къ чудовищнымъ преувеличеніямъ и страшной надутости въ образъ выраженія. Эсхилъ англійскаго театра, какъ и его великій образецъ, возбуждалъ восторженное удивленіе современниковъ къ своему возвышенному и неправильному гению. Дѣйствительно, величіе, огромность и сила всего болѣе способны поражать воображеніе публики въ такое время, когда искусство находится еще въ младенческомъ состояніи. Чудовищные образы и картины, которымъ нѣтъ ничего соответствующаго въ природѣ, высокопарность, надутость, напыщенность составляютъ въ ту пору вѣрный признакъ поэтическаго таланта, между-тѣмъ какъ въ эпоху зрѣлости искусства, когда холодной анализъ разсудка заступаетъ мѣсто смѣлыхъ порывовъ необузданной фантазіи, эти же самыя свойства справедливо считаются въ писателѣ непростительнымъ недостаткомъ. Такъ Аристофанъ безъ пошлости осмѣивалъ Эсхила за его напыщенность и надутость; Шекспиръ въ свою очередь немилосердно смѣялся надъ Марло и его чудовищными драмами. Лучшими произведеніями Марло англійская литература признаетъ его «Фауста» и «Мальтійскаго Жида», драму, написанную около 1593 года. Мы должны здѣсь особенно упомянуть о Фаустѣ, такъ какъ Гёте заимствовалъ отсюда нѣкоторыя мѣста, въ чемъ однако же никогда не признавался. Какъ и у Гёте, Фаустъ Марло есть виттенбергскій ученый, сознавшій пустоту и бесполезность науки, за которую прославился по всей Германіи. Онъ вступаетъ въ договоръ съ чортомъ, который въ замѣнъ вѣчнаго загробнаго блаженства, обязывается доставить ему временныя наслажденія молодостью и красотой. Величіе и обширные размеры сатиры надъ человѣческими слабостями, нѣжныя патетическія сцены, чудное изображеніе характера Маргариты, мечтающей такъ сладко на краю адской бездны грѣха, готовою поглотить ее, и особенно творческое созданіе Мефистофеля, — вотъ высокія достоинства безсмертнаго произведенія Гёте, и во всемъ этомъ показалъ онъ обширность идеала, до котораго далеко не могъ достигнуть старинный англійскій поэтъ. Но въ картинахъ ужасу, отчаянію, бесполезнаго угрызенія совѣсти, особенно въ страшной сценѣ, гдѣ

Фаустъ ожидаетъ демона, который идетъ привести въ исполненіе ужасный договоръ, здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ Марло несравненно выше веймарскаго поэта. «Мальтійскій Жидъ» есть изображеніе мшвенія и ненависти, олицетворенное въ общемъ типѣ еврейскаго характера, ужаснаго, ненавистнаго и презрѣннаго, то есть такого, какимъ онъ представлялся въ ту пору народному воображенію. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нельзя не удивляться необыкновенной проникательности Шекспира. Живя въ такое время, когда Жидовъ безъ пощады преслѣдовали во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, когда народъ слѣпо вѣрилъ клеветамъ среднихъ вѣковъ, будто Еврей рѣжутъ на Пасху христіанскихъ младенцевъ, будто они занимаются магіей и некромантіей, Шекспиръ стоялъ выше всѣхъ этихъ предразсудковъ, отъ которыхъ не свободны были и ученые люди его времени, какъ напримѣръ Марло. Въ своемъ «Шейлокѣ» Шекспиръ представилъ не химерическій, а дѣйствительный портретъ живаго человѣка. Его Жидъ не отвратительное пугало, какимъ представляли его на театрѣ королевы Елисаветы, съ краснымъ носомъ, съ фантастическимъ богатствомъ и еще болѣе съ фантастическими злодѣйствами, но дѣйствительный человѣкъ, жестокій, правда, и мстительный, но не кровожадный по инстинкту и безъ всякаго разумнаго основанія: Шейлокъ мститъ по извѣстной причинѣ, въ глазахъ его основательной, и въ этомъ отношеніи онъ столько же Еврей, какъ и вообще человѣкъ.

Говорить, по этому случаю, о произведеніяхъ Шекспира, о которыхъ столько уже было говорено и въ этомъ журналѣ, и въ тысячи другихъ книгъ, значило бы повторять извѣстное всякому. Но, кромѣ Шекспира, овладѣвшаго всѣмъ нашимъ удивленіемъ, о другихъ англійскихъ драматургахъ мы почти ничего не знаемъ, или не помнимъ. Между-тѣмъ и вѣкъ и школа того необыкновеннаго генія представляютъ многія имена, увѣщанныя славою, которыя соотечественники произносятъ съ почтеніемъ и восторгомъ.

Первое изъ этихъ знаменитыхъ именъ — Бенъ Джонсонъ, талантъ сильный и могущественный, котораго драмы носятъ

отпечатокъ возмужалаго искусства и самой тщательной обработки. Этой последней чертою онъ резко отличаются от легкой безпечности и необдуманнаго обшлѣя, которое характеризуетъ англійскую драму этого времени. Джонсонъ родился въ 1574 году, десять лѣтъ спустя послѣ Шекспира, который почтительно его тѣсною дружбой и заслуженнымъ покровительствомъ. Онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего вѣка и никто изъ его современниковъ не владѣлъ такими познаніями, какія онъ обнаружилъ во многихъ своихъ произведеніяхъ. Окончивъ образованіе въ Кембриджѣ, Джонсонъ поступилъ на сцену двадцати лѣтъ отъ роду, уже обогащенный познаніемъ свѣта и опытами жизни, пріобрѣтенными какъ въ университетѣ, такъ и въ военномъ лагерѣ, потому что онъ служилъ съ отличнымъ мужествомъ въ нидерландской войнѣ. На поприщѣ актера онъ не оказалъ большихъ успѣховъ, но въ литературныхъ занятіяхъ онъ началъ въ это время обнаруживать то гибкое и основательное дарованіе, которое поставило его имя на ряду съ великими писателями. Сначала Джонсонъ, подобно всѣмъ современнымъ драматургамъ, только поправлялъ и передѣлывалъ для сцены старинныя пьесы, но въ 1596 году появилась его первая оригинальная комедія и *Every Man in his Humour*, *У всякаго свои причуды*, представившая несомнѣнное доказательство, что англійскій театръ пріобрѣлъ новаго даровитаго писателя. Эта комедія въ первый разъ представлена была на театрѣ въ 1598 году, съ значительными впрочемъ передѣлками Шекспира, который игралъ въ ней главную роль. Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что Джонсонъ проложилъ себѣ новую дорогу на драматическомъ поприщѣ, и въ короткое время онъ пріобрѣлъ самую громкую славу, которую навсегда удержалъ за собою. Въ самомъ дѣлѣ, Джонсонъ во всю жизнь занималъ блистательное положеніе перваго драматурга своего времени и считался даже выше самаго Шекспира. Это не удивительно. Достоинства Джонсоновой драмы такого рода, что понять ихъ и оцѣнить несравненно легче, чѣмъ глубокія, всеобъемлющія произведенія великаго генія, который требуетъ отъ своего критика обширныхъ свѣдѣній, тонкихъ соображеній и раз-

борчиваго вкусу. Всѣ, напротивъ, могли удивляться въ Джонсонъ его чудному познанію дѣйствительной жизни, обширному и точному наблюденію человѣческихъ слабостей и пороковъ, его нѣсколько грубой, но прямой и сильной обрисовкѣ характеровъ, и наконецъ его сжатому эпиграмматическому слогу, вооруженному классической риторикой и украшенному блестками школьной учености. Словомъ, Джонсонъ былъ великій комикъ, и хотя онъ написалъ еще двѣ трагедіи, однако въ нихъ нравится исключительно то, что подходитъ къ комическому роду: Собственно трагическимъ талантомъ, то есть, искусствомъ изображать страсти и глубокія чувствованія сердца, Джонсонъ не отличался никогда. Особенное достоинство этого великаго драматурга состоитъ въ изображеніи слабостей и смѣшныхъ сторонъ въ общественной и семейной жизни,—въ изображеніи того, что Англичане называютъ «humours», слово, означающее ту уродливую нравственную физиономію, которою природа заклепила нѣкоторые характеры въ образованныхъ обществахъ, придавъ имъ суетность и тщеславіе, обнаруживающееся въ ихъ поступкахъ и образъ мыслей. При обрисовкѣ такихъ неправильностей въ характеръ, Джонсонъ поступалъ философически, даже можно сказать, ученымъ образомъ: онъ повидимому анатомировалъ напередъ съ величайшимъ стараніемъ всѣ вообще глупости и слабости человѣческой природы и потомъ, съ удивительнымъ искусствомъ, вставлялъ въ свои сатирическія картины всѣ черты, всѣ принадлежности извѣстнаго пороку. Сдѣлавъ такимъ образомъ строгую систематическую классификацію глупостей, онъ часто соединялъ въ одномъ характерѣ не только всѣ нравственные феномены, дополнявшіе его собственныя наблюденія, но сюда же включалъ и все то, что могъ отыскать въ нравственныхъ портретахъ древнихъ историковъ и сатириковъ.

Дѣйствительно, его римскія драмы «Катилина» и «Сеянъ», тѣ двѣ трагедіи, о которыхъ мы говорили, и комедію «Стиходѣй», можно, въ строгомъ смыслѣ, считать мозаикой языка и различныхъ характеристическихъ чертъ, извлеченныхъ изъ сочиненій Тацита, Саллюстія, Ювенала, Горация, сло-

вѣшь, *квинтъ-эссенцію* римской литературы. И однако жъ такъ велико искусство Джонсона, такъ совершенна гармонія между созданнымъ имъ римскимъ характеромъ и духомъ литературы, которую онъ такъ глубоко изучилъ, что эта мозаика, несмотря на многочисленность частей, вошедшихъ въ ее составъ, имѣетъ видъ самаго стройнаго пѣлаго, проникнутаго единствомъ мысли и дѣйствія. Этого мало. Джонсонъ тоже самое сдѣлалъ въ комедіяхъ, гдѣ содержаніе взято изъ современной жизни: изображая смѣшныя стороны въ гражданской жизни Англичанъ шестнадцатаго вѣка, онъ вводилъ юмористическія черты изъ римскихъ характеровъ, нарисованныхъ великими сатирическими артистами времени цезарей! Нѣтъ сомнѣнія, надобно владѣть необыкновеннымъ искусствомъ, чтобы въ такихъ случаяхъ дѣлать употребленіе изъ матеріаловъ, которые, съ перваго взгляду, должны казаться болѣе обременительными, чѣмъ полезными. Впрочемъ и то правда, характеры Джонсона по болѣеи части слишкомъ выработаны, слишкомъ учены и завалены такими подробностями, которыя, въ дѣйствительной жизни, никогда не могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Справедливо обвиняли его, что онъ рисовалъ не мужчинъ и женщинъ, а ихъ глупости и пороки. Если въ этомъ отношеніи сравнивать Шекспира и Джонсона, преимущество всегда останется за первымъ. Тотъ и другой оставили чудные портреты, напримеръ, хвастуновъ, самохваловъ, глупцовъ и волокитъ, но между-тѣмъ какъ Шекспировы картины изображаютъ дѣйствительныхъ мужчинъ и женщинъ съ ихъ индивидуальными особенностями, комическіе характеры Джонсона не могутъ быть отдѣлены отъ преобладающей слабости, которую онъ осмѣиваетъ.

Относительно постройки плана своихъ пьесъ, Джонсонъ стоитъ несравненно выше всѣхъ современныхъ ему поэтовъ. Вполнѣ понимая высокую цѣль искусства и собственнаго назначенія, ученый драматургъ, гордый отъ природы и совершенно доврчивый къ своимъ силамъ, съ презрѣніемъ отвергъ избитое обыкновеніе брать для своихъ драмъ содержаніе изъ пошлыхъ италіанскихъ новеллъ или изъ легендъ

среднихъ вѣковъ. Поэтому мы не находимъ у него той невѣроятности приключеній, невыдержанности характеровъ и особенно той скороспѣлости въ развитіи, которая составляетъ коренной недостатокъ даже лучшихъ произведеній этого времени,—такой недостатокъ, отъ котораго самъ Шекспиръ отнюдь не былъ свободенъ. Джонсонъ всегда изобрѣталъ самъ содержаніе для своихъ комедій, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ совершенные образцы правильной и во всѣхъ отношеніяхъ естественной интриги. Комедіи «Молчаливая женщина» и «Алхимикъ» неподражаемы, какъ стройный рядъ естественныхъ приключеній, одно другаго любопытнѣе, и которыя постепенно ведутъ къ развязкѣ, въ высокой степени вѣроятной и вмѣстѣ неожиданной.

Языкъ великаго драматурга чрезвычайно силенъ, живописенъ и выразителенъ. Правда, въ немъ нѣтъ той сладкой и текучей гармоніи, той живой и свѣтлой граціозности, которая дѣлаетъ стихи Шекспира такъ пріятными и очаровательными, но тѣмъ не менѣе онъ становится подъ его перомъ сильнымъ и гибкимъ средствомъ къ мастерскому изображенію характеровъ, и хотя вообще онъ не слишкомъ возвышается надъ уровнемъ полновѣсной прозы, однако жъ восходитъ иногда на значительную высоту риторическаго блеску. Въ сочиненіяхъ Джонсона нѣтъ того глубокаго сочувствія къ человѣческой природѣ, которая составляетъ истинный источникъ прелести языка и нѣжности чувствъ; но зато часто замѣтна въ его рѣчи какая-то удалая развязность, смѣлое великолѣпіе вымысловъ, какъ у его великаго образца, Ювенала, съ гениемъ котораго литературный характеръ Джонсона имѣетъ многія точки соприкосновенія. Тотъ и другой описываютъ глупости и злодѣйства своихъ современниковъ болѣе въ презрительномъ, чѣмъ саркастическомъ тонѣ, оба, повидимому, имѣли не столько сочувствія къ добродѣтели, сколько отвращенія къ пороку, и наконецъ оба смотрѣли хладнокровно, если не съ презрѣніемъ, на прелесть и красоту женскихъ характеровъ: явный признакъ очерствѣлости сердца. Двѣ римскія трагедіи Джонсона, «Катиллина» и «Сеняъ», основаны конечно на исторіи: первая почерпнута

изъ Саллюстія, послѣдняя изъ Тацита. Хотя въ нихъ представляются вѣрныя кошіи страшныхъ оригиналовъ, однако можно сказать, что такіе презрѣнные характеры отнюдь не годятся для высокаго трагическаго искусства. Сцена севата и характеръ Тиберія въ «Сеявъ», собраніе заговорщиковъ, описаніе сраженія и смерти Катилины въ послѣдней пьесѣ, все эти мѣста выполнены превосходно и считаются образцовыми въ англійской поэзіи. Обѣ драмы написаны стихами.

Лучшія комедія Джонсона въ отношеніи къ богатому развитію характеровъ: «У всякаго свои причуды» (дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ), «Волокита» и «Алхимикъ». Въ первой пьесѣ очень много характеровъ и каждый обрисованъ въ совершенствѣ. Интересъ второй основанъ на отчаянномъ разгулѣ и любовныхъ похиженіяхъ главнаго героя. Въ «Алхимикъ» съ удивительнымъ искусствомъ изображены противоположныя черты народнаго плутовства и обманутыхъ ожиданій. Мы уже говорили о превосходномъ плапѣ въ комедіи «Молчаливая женщина», но характеръ главнаго лица здѣсь слишкомъ утрированъ и несообразенъ съ дѣйствительностью. Въ «Варѣоломеевой ярмаркѣ» много жизни и движенія, хотя пьеса для иностранцевъ не можетъ имѣть большаго интереса, какъ сатира на нуританъ. Другія пьесы, напримѣръ: «Стиходвѣи», «Пиры Цинтіи», «Сказка о Бовѣ королевичѣ», не что иное какъ мѣстные и временныя сатиры, направленныя противъ извѣстныхъ лицъ. Нѣкоторыя комедіи написаны стихами, другія и прозой и стихами вмѣстѣ.

Послѣ Джонсона, Бьюмонтъ (Beaumont) и Флечеръ (Fletcher) болѣе всѣхъ шекспиристовъ приближаются къ манерѣ великаго учителя. Въ планѣ пьесъ у нихъ болѣе правильности нежели у Шекспира; разговоръ дѣйствующихъ лицъ исполненъ одушевленія и разнообразія, театральные эффекты блестящи, сильны, поразительны. Но здѣсь-то и источникъ главныхъ погрѣшностей ихъ твореній: стремясь къ Шекспировымъ эффектамъ, эти два даровитые подражателя очень часто попирали законы правдоподобія и не заботились

вовсе о выдерживаніи характеровъ, которые у нихъ крайне неровны и причудливы. У Бьюмонта замѣчаютъ болѣе возвышенности, у Флечера болѣе живости. Дарованіе перваго было преимущественно трагическое; второй особенно превосходитъ въ комическихъ предметахъ. Лучшею изъ Флечеровыхъ комедій сльветъ «Rule a Wife».

Массингеръ, Чарменъ, Мидльтонъ, Марстонъ, Фордъ, Ширли явили также отличныя дарованія на поприщѣ, открытомъ Шекспиромъ,—Фордъ въ-особенности: послѣ Флечера, онъ едва-ли не самый замѣчательный изъ учениковъ Шекспира. Но обзоръ ихъ безчисленныхъ произведеній не можетъ найти здѣсь мѣста.

ОЧЕРКЪ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *Schizmae Thomasi Ma.*
(Outlines of the English Literature; for the use of the Imperial
Alexander Lyceum. By Thomas B. Shaw, adjunct-professor. St.-
Peterburg, 1847.)

СТАТЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи англійская поэзія озаряется новымъ необыкновеннымъ блескомъ. Величайшій изъ новѣйшихъ эпиковъ, Мильтонъ, поэтъ съ чудными способностями, стихотворецъ несравненный, является Гомеромъ Реформациіи. Выборъ предмета показываетъ въ немъ инстинктъ совершенно гениальный: ученое честолюбіе требовало отъ новѣйшаго гениа поэмы колоссальной, по примѣру Илиады, и Мильтонъ счастливо постигъ ту истину, что у христіанскаго народа сюжетъ настоящей эпопеи въ родъ греческой можетъ быть заимствованъ, не изъ лѣтописей страны, — потому что вышшія понятія объ исторіи противятся всякому поэтическому преувеличенію, — но только изъ Священнаго Писанія. Слава «Потеряннаго Рая» всемірна; удивленіе этой величественной поэмы превратилось почти въ обязанность. Но если бы намъ позволено было управляться своимъ умомъ, то мы не избрали бы себѣ мѣста въ безконечномъ ряду ея обожателей: самое уже желаніе произвестъ съ умысломъ эпопею, чтобы поровняться съ классическою древностію, не правится въ этомъ величественномъ поэтическомъ предпріятіи. Эпопея — не дѣло новѣйшаго Европейца, потомка среднихъ вѣковъ. Его природное, естественное дѣло — романъ. Форма греческой эпопеи слишкомъ тяжела для насъ. Въ длинной поэмы, томъ однообразной торжественности, при всемъ возможномъ

величій предмета, невыносимъ въ языкахъ, слагающихъ стихи безъ метрическаго искусства, безъ квантитативной просодіи, безъ соблюденія музыкальнаго тѣла. Это въчное безтактное протяжное пѣніе усыпительно. Никакая человеческая восторженность не можетъ вынести его безъ утомленія, будь она даже восторженность Мильтонова. Сужденіемъ эскимъ ни сколько не нарушаются безчисленныя, первоклассныя красота величій поэмы Мильтонова: мы говоримъ только о формѣ, а форма ея ложная, не европейская, несвойственная ни обстоятельствамъ времени, ни разуму повѣйшаго человѣка.

Бутлеръ и Драйденъ (Dryden) прославились въ томъ же вѣкѣ какъ поэты и, по нашему мнѣнію, они были ближе къ духу коренной европейской поэзіи. Критика старается сравнивать знаменитую поэму Бутлера, «Hudibras», съ «Донъ-Кихотомъ» Сервантеса. Сравненіе неумѣстное: между испанскимъ романистомъ и англійскимъ сатирическимъ поэтомъ нѣтъ ни какого сродства; Сервантесъ пересмѣливалъ нравы уже несуществовавшіе, воображаемые, между-тѣмъ какъ Бутлеръ писалъ пародіи на ту же неумѣренную религіозную восторженность, которая произвела Мильтона и которая у значительной части народа доходила до сумасбродства.

Драйденъ, въ этой эпохѣ, представляется намъ самымъ интереснымъ поэтомъ: относительно къ роду ума и таланта, къ тону рѣчи, даже къ личному характеру, мы видимъ поразительное сходство между нимъ и нашимъ Пушкинымъ, и потому желаемъ поговорить объ немъ подробно. Драйденъ и Пушкинъ писали совсемъ различныя поэмы; формою, сюжетами, твореніями ихъ не сходствуютъ между собою, но если бы Драйденъ писалъ въ эпоху байронизма, онъ, конечно, былъ бы Пушкинымъ, какъ Пушкинъ былъ бы Драйденомъ, если бы находился въ обстоятельствахъ англійскаго поэта: у того и у другаго — собственной творческой силы было пемного; тотъ и другой равно заимствовали вдохновеніи изъ разныхъ источниковъ, особенно изъ современныхъ литературныхъ явленій, не будучи однако жъ подражателями: потому что оба умѣли такъ глубоко усвоить себѣ чужую идею, что она становилась ихъ собственною; тотъ и

Другие были: вѣсть и Лирическіе и сатирическіе поэты — и Ликіе живописцы — злыя остряки — сердца пылкія, благородныя, но мало сочувствующія съ человечествомъ и больше склонныя, то къ восторгу, то къ сарказму, чѣмъ къ трогательному интересу, хотя и тому и другому случалось порой сильно трогать читателей; тотъ и другой, наконецъ, въ высшей степени обладали искусствомъ стиха, гармоническою рѣчью, сильнымъ и изящнымъ выраженіемъ; владея каждый своимъ отечественнымъ языкомъ какъ никто изъ современниковъ. Драйдену принадлежитъ знаменитое изрѣченіе, которое, по невѣжеству, Французы приписывали въ наше время Таллераву: *даръ словъ данъ человеку на то чтобы скрывать свои мысли*. Оно рѣзко знаменуетъ родъ остроумія этого поэта и, если бы не было произнесено Драйденомъ, могло бы, право, идти за одно изъ пушкинскихъ изрѣченій.

Джонъ Драйденъ родился въ 1631 году, и происходилъ отъ древней благородной фамиліи. Въ эту эпоху политическаго и литературнаго переворота, онъ былъ преимущественно поэтъ общественной жизни, поэтъ социальный. Но какъ театръ, въ его время, былъ самымъ моднымъ и весьма выгоднымъ поприщемъ для литературныхъ честолюбій, то Драйденъ началъ сперва работать для театра и сдѣлался очень усерднымъ кандидатомъ драматической славы. Однакожь талантъ его былъ отнюдь не драматическій. Въ его комедіяхъ вовсе нѣтъ живаго неподдельнаго юмора, игривой и непринужденной веселости, а трагедіи совершенно лишены того глубокаго чувства, безъ котораго трагедія становится надутой декламациею въ разговорахъ. Дѣйствительнымъ назначеніемъ, настоящею сферой Драйдена была лирическая и преимущественно сатирическая поэзія: въ этихъ обоихъ родахъ онъ сталъ на такую высоту, до которой впоследствии не достигалъ ни одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, и быть можетъ никто не сравнится съ нимъ въ отношеніи къ необыкновенной силѣ выраженія и звучности стиха. Въ 1667 году онъ издалъ «*Annus Mirabilis, Чудный Годъ*», длинную поэму, написанную въ воспоминаніе событій истекшаго года, ознаменованнаго бывшимъ лондонскимъ пожаромъ и отчаян-

иметь столкновение англійскаго флота съ голландскими. Поэма написана героическими рифмованными стансами и, употребивъ этотъ размеръ, Драйденъ впервые обнаружилъ мастерское искусство владеть языкомъ и выражать самыя обыкновенныя мысли разнообразными и великолѣпными стихами. При всѣхъ недостаткахъ со стороны содержанія, надолженнаго надутой лестью, недостойною великаго челоука, это произведеніе имѣетъ многія неотъемлемыя достоинства и навсегда удержитъ въ англійской литературѣ высокое значеніе. Немедленно послѣ изданія «Чуждаго Гола», Драйденъ занялъ первое мѣсто въ ряду современныхъ поэтовъ и заслужилъ всеобщее удивленіе. Но къ несчастію онъ скоро былъ завлеченъ въ мелкія ссоры и непріязненныя столкновенія съ другими литераторами, и однимъ изъ отчаянныхъ враговъ его явился преимущественно Эдмундъ Сеттлѣ, ничтожный современникъ писака, котораго противопоставляли Драйдену частію по испорченности вкуса, частію по ненависти остроумнаго и развратнаго Рочестера. Эти литературныя дразги отравляли жизнь великаго поэта и хотя мы обязаны имъ многими превосходными сатирами Драйдена, однакожь нельзя не жалеть, что столько энергическаго таланта и времени потрачено единственно на то, чтобы передать потомству ничтожныя имена, которыя безъ того давно были бы забыты.

Въ 1681 году Драйденъ издалъ великолѣпную сатирическую поэму «Авессаломъ и Ахитофелъ». Здѣсь, подъ тонкимъ и прозрачнымъ покровомъ библейскихъ именъ и событій, поэтъ изобразилъ политическія интриги герцога Монмутскаго и его партіи и художественно очертилъ характеры главныхъ общественныхъ дѣятелей этого времени. При такомъ историческомъ значеніи, поэма никогда не утратитъ своего высокаго достоинства. Ни въ изящной галлерей гораціевыхъ сатиръ, ни въ мрачныхъ и ужасныхъ картинахъ Ювенала, нельзя найти такихъ художественныхъ очерковъ, которые бы, по своей силѣ и живости, могли сравниться съ богатымъ и великолѣпнымъ собраніемъ портретовъ, представленныхъ въ «Авессаломъ и Ахитофелъ». Многіе изъ нихъ неизгладимо вързаываются въ память читателя. Въ первой части особенно

замѣчательны характеры герцога Букингамскаго, графа Шестесберн и отвратительнаго Оата, а во второй мастерски изображены Элкама Сеттель и Шедуаль, личные враги и литературные соперники поэта, представленные здѣсь подъ именами Дога и Ога. Должно впрочемъ замѣтить, что вторую часть этой прекрасной поэмы Драйденъ написалъ не самъ, а сотрудникъ его Тэтъ, и участіе автора въ этомъ отдѣлѣ ограничилось только двумя послѣдними характерами.

Въ революцію 1688 года, Драйденъ потерялъ свое мѣсто при дворѣ и остальная жизнь его протекла въ неуспѣшнѣйшихъ трудахъ. При всѣхъ несчастіяхъ, испытанныхъ на пути общественной дѣятельности, великія способности его души, не смотря на приближавшуюся старость, не только не утратили своей живости, но, казалось, приобрѣли съ лѣтами новую силу: Изъ послѣднихъ его сочиненій особенно замѣчательна «Ода въ день Святой Цециліи», самое возвышенное и выработанное лирическое произведеніе, которое, по своему характеру, болѣе подходитъ къ духу древней лирической поэзіи, чѣмъ къ повѣйшимъ гимнамъ. Идея сочиненія — могущественное вліяніе музыки на душу человѣка. Поэтъ выводитъ на сцену Александра Македонскаго, празднующаго свои побѣды въ Персеполю. Художникъ Тимотей беретъ арфу, и силою своего искусства возбуждаетъ въ душѣ побѣдителя самыя разнообразныя ощущенія и страсти. Гордость, радость, сожалѣніе, любовь, ужасъ и мщеніе попеременно волнуютъ его сердце и быстро сменяются подобно солнцу и тѣни въ загорной сторонѣ. Правда, не всѣ эти страсти изображены съ одинаковою отчетливостію или вкусомъ, но если тутъ встрѣчаются какіе-нибудь недостатки, ихъ легко забыть при величественномъ движеніи драйденской версификаціи. Возвышенная рѣчь поэта напоминаетъ читателю одинъ изъ тѣхъ великихъ и выработанныхъ бетховенскихъ концертовъ, въ которыхъ самыя важныя аріи и многосложная гармонія быстро сменяются дикими взрывами бурной музыки и восторженными проявленіями печали или радости, какъ стованіе или торжество могущественнаго народа. Драйденъ написалъ еще оду или надгробную элегію на смерть Анны Кил-

дугу, но здесь мало истиннаго чувства, для чувства и мно-
гя натянуты, вычурныя мѣста, обезображиваютъ это про-
изведеніе.

Подъ конецъ жизни Драйденъ написалъ нѣсколько подвѣ-
ствовательныхъ и романическихъ поэмъ подъ общимъ загла-
віемъ «Басень». Содержаніе ихъ болышею частію взято изъ
Часера или Бокаччо. Здесь геніи поэта является во всей пол-
нотѣ, во всемъ великолѣпнѣ. Драйденъ въ совершенствѣ
овладѣлъ механизмомъ языка и трудностями версификаціи и
вигдѣ такъ рѣзко, такъ поразительно не обнаружилъ онъ
гордаго сознанія собственныхъ силъ и могучаго таланта,
какъ въ этомъ послѣднемъ произведеніи своего пера. Новѣй-
шая англійская литература одолжена ему глубокимъ чувст-
вомъ благодарности за то, что онъ впервые обратилъ внима-
ніе соотечественниковъ на богатые матеріалы для поэзіи въ
обветшалыхъ и забытыхъ страницахъ Часера, и такимъ об-
разомъ первый положилъ начало изученію превосходныхъ
произведеній старинныхъ писателей. Если бы Драйденъ ни-
чего болѣе не сдѣлалъ, заслуга его была бы незабвенна для
отечественной литературы. Однакожъ нельзя считать этихъ
поэмъ совершеннымъ, слѣпымъ подражаніемъ Часеру: онъ
имѣютъ собственныя неоспоримыя достоинства, свойствен-
ныя только поэтическому генію Драйдена. Обширность плана,
разнообразіе выраженія и богатство версификаціи исклю-
чительно принадлежатъ ему, хотя въ то же время Часеръ безъ
сомнѣнія превосходитъ его въ нѣжности чувства и въ глу-
бокой симпатіи къ человѣчеству. Лучшія изъ этихъ поэмъ:
Паламонъ и Арцита, Кимонъ и Ифигенія, Январь и Маъ, Те-
одоръ и Гонорія.

Прозаическій языкъ Драйдена небреженъ, шероховатъ, не-
обработанъ, но въ высокой степени силенъ и оригиналенъ.
Его проза у него болышею частію написана только посвяще-
нія и предисловія. Въ то время, когда литература, на лѣст-
вицѣ общественной жизни, занимала весьма не высокое мѣ-
сто, посвященія составляли необходимое введеніе въ каждую
книгу. Дедикаціи Драйдена могутъ служить образцами этого
рода сочиненій. Его предисловія не что иное какъ рассужде-

ния о различныхъ стиляхъ поэзи, или критическіе анализы характеристикъ различныхъ поэтовъ. Здѣсь онъ является не только сильнымъ и оригинальнымъ читателемъ въ прозѣ, но также первымъ основателемъ и строгимъ критикомъ въ отечественной литературѣ.

Драйденъ пытался также переводить: онъ оставилъ переводы, или скорѣе, парафразы виргиліевой Энеиды, сатиры Ювенала и Персія и подражанія письмамъ Горация. Но онъ не могъ быть для своей литературы представителемъ этихъ писателей. Декламаторская смѣлость, соединенная съ саркастическимъ юморомъ, риторическая важность и вмѣстѣ игривая веселость, неистощимое богатство колкаго остроумія и въ тоже время серьезный тонъ нравственныхъ сентенцій — вотъ характерическія основныя черты поэтическаго гевія самого Драйдена и онъ не могъ не оставаться вѣрнымъ самому себѣ, когда переводилъ или парафразировалъ латинскихъ поэтовъ. Изъ собственныхъ сатиръ его замѣчательнѣе другихъ: «Mac Fleckno». Это быть можетъ самая сильная, богатая и разнообразная ругательная пьеса, какая когда либо была внушена личною ненавистью и презрѣніемъ. Сатира главнымъ образомъ направлена противъ Шедуэля, котораго поэтъ, въ псевдо-героической аллегоріи, представляетъ счастливымъ кандидатомъ въ начальники глушцовъ на вакантное мѣсто послѣ Флеккно, жалкаго современнаго стиходѣя. Высокое личной сатиры доведено здѣсь до возможнаго совершенства: язвительная колкость неотразимо поражаетъ противника и остроуміе брызжетъ изъ каждаго стиха, какъ потокъ лавы, вырывающійся изъ кратера волкана.

Но пора поспѣшить къ эпохѣ «великихъ романистовъ», самой интересной части сочиненія господина Ша, которою мы и заключимъ бѣглый и самый неполный обзоръ содержанія этой богатой книги. Романы въ прозѣ — тоже одинъ изъ самыхъ блестящихъ лучей свѣтлаго вѣнца славы англійской литературы. Эпоха эта начинается собственно съ Іонаана Свифта, благочиннаго соборной церкви свѣтлаго Патрікія, родившагося въ Дублинѣ, въ 1667 году. Это былъ человекъ съ дѣтскимъ и могучимъ умомъ, съ обширными и разнооб-

решимыи сдѣланымъ, съ жадною волей, дѣятельностью и настойчивостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ безъ сердца; безъ всякой любви къ человечеству, злостно въ самой высокой степени. Честолюбіе его не знало границъ, но это было мелкое, низкое честолюбіе. Онъ поставилъ для себя задачей: приобрести во что бы ни стало и всеми возможными средствами политическую извѣстность и значеніе. Вотъ, что говорилъ онъ самъ о себѣ: «Съ самаго младенчества я началъ выбиваться изъ всехъ силъ, чтобы отличиться и выдти изъ ничтожества, бывшаго мнѣ уделомъ по рожденію: единственною моею цѣлью было — добиться громкихъ титуловъ и нажить огромное богатство, чтобы, подобно лорду, полною горстью бросать деньги последователямъ и защитникамъ моихъ мнѣній, — справедливы они или нѣтъ, до этого нѣтъ дѣла». Эта задушевная цѣль была достигнута съ полнымъ успѣхомъ и Свифтъ въ продолженіи жизни игралъ весьма важную роль въ политической драмѣ своего отечества. Какъ писатель, онъ занялъ одно изъ самыхъ блистательныхъ мѣстъ между классическими прозаиками своего времени. Многія бурныя политическія брошюры, памфлеты, книги, имъ изданныя, сдѣлали его любимцемъ публики и опаснымъ противникомъ властей. Наконецъ въ 1726 году появился его сатирическій романъ «Путешествія Гулливера», величайшій и безъ сомнѣній самый прочный памятникъ его славы. Какъ всеобщая сатира, Гулливеръ не утратитъ своего значенія до той поры, пока его неистощимая иронія будетъ находить примѣненіе къ общей испорченности человеческого рода, и если даже наступитъ время, когда люди, свободные отъ безчисленныхъ глупостей и сдѣланій, не будутъ больше нуждаться въ ѣдкою и горькомъ лекарствѣ сатиры, романъ Юзаана Свифта всё-таки не утратитъ своего значенія, потому что литературное его достоинство возведено на высокую степень совершенства. Авторъ обнаружилъ здѣсь чудное богатство изобрѣтенія и особенно мастерское умѣнье рассказывать самыя странныя небылицы съ такимъ правдоподобіемъ, что читатель невольно приходитъ въ заблужденіе и наперекоръ своему разуму, готовъ вѣрить всему этому

чужеземца, осматривающаго фантастическія странствованія фантастическаго героя. Известный «Le Diable Boiteux», до воюсъ превознесенный французскими критиками, какъ образцовое классическое произведеніе въ фантастическомъ родѣ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ уступаетъ англійскому роману. Содержаніе Гуливера безъ сомнѣнія известно нашимъ читателямъ и мы не будемъ повторять здѣсь мастерскаго изложенія, сдѣланнаго госпожиной Ша.

Англичане однако жъ не причисляютъ «Гуливера» къ романахъ и Свифта относятъ обыкновенно къ разряду *Опытщиковъ, Essayists*, вмѣстѣ съ Аддиссономъ, Стилемъ и Джонсономъ, авторомъ знаменитой повѣсти «Расласъ»: такъ называютъ они моралистовъ, сочинителей бывшихъ тогда въ модѣ «Философскихъ Опытовъ», *Essays*, о предметахъ, нравственныхъ или литературныхъ. Первымъ, по времени, великимъ романистомъ въ прозѣ, *novellist*, почитается у нихъ Дефо и первымъ романомъ «Робинсонъ Крузо». По времени, онъ въ самомъ дѣлѣ старше «Гуливера» шестью годами: первая часть «Робинсона Крузо» явилась въ 1719 году. Безъ сомнѣнія это одинъ изъ совершеннѣйшихъ, истинно гениальныхъ и въ высокой степени оригинальныхъ вымысловъ, какіе только встрѣчаются въ древней и новѣйшей литературѣ. Онъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, и почти вездѣ даютъ его въ руки маленькимъ читателямъ. Жадность, съ какою въ дѣтскомъ возрастѣ пробѣгаютъ страницы этого романа, непреложное постоянство, съ какимъ его главные сцены, событія и характеры вѣтываются въ дѣтскую память, препятствуютъ обыкновенно въ зрѣломъ возрастѣ еще разъ обратиться къ этой книгѣ и подвергнуть строгому критическому суду увлекательный вымыселъ, приводившій насъ въ восторгъ въ раннюю эпоху жизни. Но и въ сомнѣнія, Робинсонъ въ состояніи выдержать самую строгую критику, и почтенное имя Дефо всегда будетъ произноситься съ благодарностію и уваженіемъ.

Были однако жъ попытки лишить Дефо славы изобрѣтателя приключеній, описанныхъ въ Робинсонѣ, и нѣкоторые даже увѣряли, будто онъ только распространилъ повѣсть

Александр Селькирк, шотландскаго моряка, оставленнаго своимъ товарищами на острову Хуана-Фернандеса, гдѣ онъ пробылъ очень долгое время въ совершенномъ уединеніи и велъ почти такой же образъ жизни какъ Робинзонъ Крузо. Но Селькиркъ описалъ истинное происшествіе, весьма обыкновенное между моряками, и въ его повѣсти нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ изобрѣтенія. Если сравнить этотъ простой, незатѣйливый разсказъ съ очаровательнымъ вымысломъ Дефо, разница будетъ такая же, какъ между сухимъ, безжизненнымъ изложеніемъ фактовъ и могущественною силою творческаго гениа.

Вторая часть романа Дефо вообще считается несравненно ниже первой. Здѣсь островъ превращенъ въ колонію: ссоры и работы англійскихъ и испанскихъ матросовъ, ихъ сраженія съ дикими и другія подробности, описаны весьма просто, сильно и съ большимъ олушевленіемъ, но все это далеко не такъ интересно, какъ уединенная жизнь Робинсона на необитаемомъ острову, Заключеніе романа, гдѣ описано путешествіе и возвращеніе Робинсона въ Англію, сравнительно также не очень любопытно, хотя нѣкоторые эпизоды и сцены выполнены съ мастерскимъ искусствомъ, напримѣръ: пожаръ на корабль, страшная сцена экипажа, умирающаго съ голоду, нападеніе волковъ и такъ далѣе. Вообще эта часть сочиненія Дефо похожа на извлеченіе изъ путевыхъ записокъ старинныхъ морскихъ путешественниковъ, сдѣланное однако жъ весьма отчетливо и съ большою добросовѣстностію.

Ричардсонъ выступилъ на литературное поприще уже пятидесяти лѣтъ отъ роду. Два книгопродавца просили его написать собраніе писемъ для молодыхъ людей. Взвѣсивъ за этотъ трудъ, Ричардсонъ разсчелъ, что письма будутъ гораздо интереснѣе, паидательнѣе и забавнѣе, если разсказать въ нихъ какую нибудь исторію. Плодомъ такого разсчета была «Памела», прекрасная оригинальная повѣсть, доставившая автору славу народнаго писателя, и вмѣстѣ уничтожившая авторитетъ тѣхъ неестественныхъ, натянутыхъ романовъ, которые до той поры составляли единственную забаву англій-

ской, чуждой, циничной. Авторъ написалъ Памелу въ три мѣсяца, и въ одинъ годъ (1741) разошлось ея пять изданій. Дѣйствительно, эта повѣсть, характеризующая простымъ, повседневыя явленія дѣйствительной жизни, стоитъ ненамного выше цитронныхъ и до крайности скучныхъ произведеній, расплывшихся въ безчисленномъ множествѣ съ легкой руки мадамъ де Сюдери, которая и въ Англіи имѣла усердныхъ приверженцевъ и подражателей. Ричардсонъ рассказываетъ въ письмахъ, — отъ этой формы изложенія онъ не отступалъ и впослѣдствіи, — страданія своей прекрасной героини, дѣвушки служанки, подверженной на каждомъ шагѣ самымъ неприятнымъ искушеніямъ; но добродѣтель ея торжествуетъ надъ всеми врагами и она выходитъ наконецъ замужъ за своего господина, который неустойчиво ее преслѣдовалъ. Ничто не можетъ быть проще, незыскательнѣе, обыкновеннѣе этой канвы, но авторъ обнаружилъ здѣсь превосходное познаніе человѣческаго сердца, особенно сердца женщины, и въ этомъ заключается вся тайна его необыкновенныхъ успѣховъ.

Выступивъ такъ неожиданно, такъ случайно на литературное поприще, Ричардсонъ уже не останавливался, и въ 1749 году появился его новый романъ «Кларисса Гарло». Планъ его почти такой же какъ въ Памелѣ, но здѣсь уже выведены на сцену лица, принадлежащія къ высшему обществу. Клариссу перевели на всѣ европейскіе языки, расхвалили во всѣхъ литературахъ и авторъ этимъ произведеніемъ упрочилъ за собой громкую европейскую извѣстность, которой безъ сомнѣнія вполне былъ достоинъ, какъ глубокой психологъ, читавшій въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ человеческой души. Въ Клариссѣ, Ричардсонъ мастерскою, художественною кистью обрисовалъ характеръ мужчины съ блистательными талантами, привлекательною наружностью, но безъ всякой нравственности, безъ всякаго чувства чести. Милліонамъ читателей извѣстенъ Ловласъ какъ совершеннѣйшій типъ подлости и разврата, владѣющій неотразимыми средствами оболъщенія. Должно впрочемъ замѣтить, Ричардсонъ почти всегда счастливѣе былъ въ изображеніи жен-

скихъ чинъ мужскихъ характеровъ. При разныхъ отличительныхъ чертахъ, обрисовывающихъ личность каждаго героя, его мужчины живутъ исключительно въ женской атмосферѣ, дышать воздухомъ дамскихъ буденъ и читатель знакомится съ ними только въ обществѣ женщинъ: въ этой сферѣ они утрачиваютъ свое значеніе и становятся безжизненными. Страшную развязку въ *Клариссѣ Гарло* можно поставить на ряду съ лучшими патетическими сценами въ *Скоттѣ*, *Шекспирѣ* и въ греческихъ трагикахъ.

Черезъ четыре года послѣ изданія *Клариссы*, *Ричардсонъ* подарилъ свѣту новое и уже послѣднее произведеніе своей неутомимой дѣятельности. Это былъ «*Сэръ Чарльзъ Грандсонъ*». Въ этомъ романѣ *Ричардсонъ* поставилъ для себя цѣлью — соединить въ одномъ лицѣ совершеннѣйшій идеалъ христіанина и свѣтскаго чловека, но его «*Сэръ Чарльзъ*», представитель этой идеи — до крайности скученъ и весь пропитанъ педантизмомъ, а героиня романа, миссъ *Герриетъ Биронъ*, представительница той же идеи, ужасно холодна, безжизненна и безъ малѣйшаго интересу. По обыкновенію, *Ричардсонъ* начинаетъ исчисленіемъ самыхъ мелочныхъ подробностей въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, и читатель мало-по-малу увлекается живымъ потокомъ его разсказа, но здѣсь, въ этомъ послѣднемъ романѣ, авторъ уже слишкомъ во зло употребляетъ терпѣніе читателя, растягивая свои описанія безъ всякой нужды и безпрестанно повторяя одно и то же. Характеръ *Клементины*, пораженной отчаяніемъ и страшнымъ безуміемъ, выполненъ очень удачно, но самъ *Сэръ Чарльзъ*, своими вѣчными поклонами и приторными поцѣлуями, наводитъ нестерпимую скуку. Притомъ, автору незнакомо повидимому условіе и приемы аристократическаго общества и мѣщанскій тонъ слишкомъ рѣзко пробивается въ его стиль. Несмотря на все эти недостатки, *Ричардсонъ* справедливо считается великимъ, творческимъ, въ высшей степени оригинальнымъ гениемъ, посвятившимъ свои дарованія святому дѣлу чести и высокой нравственности.

Генрихъ Фильдингъ отличался самымъ привлекательнымъ и любезнымъ характеромъ. Какъ писатель, онъ былъ въ-

гтъ блистательнымъ дополненіемъ и поразительнымъ контрастомъ Ричардсона. Онъ родился въ 1707 году и происходилъ отъ древней знаменитой аристократической фамиліи. Отецъ его былъ генералъ Фильдингъ, а дядя—графъ Донбъ. При веселомъ, беззаботномъ характерѣ и странныхъ привычкахъ, храбрый генералъ въ короткое время прожилъ все состояніе, и семейство, послѣ ранней его смерти, осталось въ самомъ затруднительномъ положеніи. Генрихъ получилъ очень несовершенное воспитаніе, сперва въ итонской школѣ, а потомъ въ лейденскомъ университетѣ, гдѣ его занятія нечаянно были прерваны и онъ принужденъ былъ воротиться домой безъ копейки въ карманѣ. Наслѣдство послѣ матери и приданое жены отчасти поправили его дѣла. Фильдингъ женился на миссъ Крадоукъ, прекрасной образованной дѣвушкѣ, которую любилъ со всемъ увлеченіемъ пылкой страсти. Но онъ въ то же время до безумія любилъ удовольствія, разсыпанную жизнь и вовсе не былъ созданъ для экономическихъ расчетовъ. Не думая сводить концовъ съ концами, онъ прожилъ въ три года, все что у него было, и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ эту пору онъ началъ писать для театра и пробавлялся скудными доходами отъ своихъ пьесъ. Драматическія произведенія составляютъ третью часть полнаго собранія его сочиненій. Но не на этомъ поприщѣ ему суждено было обезсмертить свое имя.

Въ это время производила большой шумъ ричардсонова Памела и Фильдингъ лучше всѣхъ умѣлъ оцѣнить смѣшныя стороны сентиментальнаго романа, читавшагося съ большою жадностію. Веселый модный молодой человекъ, посвященный во всѣ тайны свѣтской жизни, Фильдингъ естественно смотрѣлъ на эту книгу, какъ на смѣшной шутовской фарсъ съ безразсудными претензіями на исправленіе нравовъ. Ричардсонъ былъ сперва наборщикомъ, а потомъ типографшикомъ. Его выборъ скромной геронни, вульгарный слогъ, безпрестанныя нравственные назиданія, мѣщанская манера, атмосфера сентиментальной меланхолии и выработанная картина страданій женскаго сердца—все это внушило Фильдингу смѣлую мысль написать пародію на Памелу, и въ непро-

должительномъ времени, какъ спятъ на "голову", явился въ свѣтъ его каррикатурный романъ «Джозефъ Андрусъ». Осмысливъ самымъ колкимъ образомъ моднаго романиста, Фильдингъ этимъ сочиненіемъ открылъ въ тоже время новую отрасль литературы, новый источникъ умственного наслажденія. Герой пародіи, Андрусъ, представляетъ цѣломудреннаго брата Памелы, который побѣдоносно сопротивляется соблазнамъ и искушеніямъ своей бабки, леди Буби. Эта картина торжествующей невинности въ молодомъ ладкѣ проникнута неотразимымъ комизмомъ, а поблѣдующія приключенія Андруса, путешествующаго по Англии съ своимъ присно-памятнымъ другомъ, Фарсономъ Адамсомъ, обнаруживаютъ удивительную плодovitость, свѣжесть и силу поэтическаго вымысла. Ничто не можетъ быть противоположнѣе этихъ двухъ великихъ писателей. Читая одного, вы дышите въ тѣсной и жаркой атмосферѣ дамскихъ будоваровъ; въ другомъ — вы, кривикій, дюжій пѣшеходъ, выходите на большую англійскую дорогу, вдыхаете свѣжій, здоровый, прохладный воздухъ, встречаете разнообразныя пестрыя группы путешественниковъ, смѣтаетесь до упаду въ веселой палаткѣ лисьяго охотника, или присутствуете на разгульной пирушкѣ беззаботныхъ весельчаковъ. Въ Ричардсонѣ слухъ вашъ безпрестанно поражается шумомъ женскаго платья; въ Фильдингѣ — громкою игрою отважныхъ и буиныхъ искателей приключеній. Характеръ Адамса очерченъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Необыкновенная доброта сердца, бдѣность, ученость, совершенное незнаніе свѣта, соединенное съ храбростію, скромностію и множествомъ самыхъ забавныхъ странностей, составляютъ этотъ типъ на ряду съ превосходнымъ портретомъ Санхо-Пансы.

Въ 1749 году вышелъ въ свѣтъ лучший его романъ «Томъ Джонсъ», переведенный на все европейскіе языки. Быть можетъ ни въ одномъ произведеніи нѣтъ такого разнообразія происшествій, занимательныхъ и въ высокой степени правдоподобныхъ, которыя все дружно и неизбежно ведутъ къ одной общей развязкѣ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ романахъ Фильдинга, приключенія болѣею частью происходятъ

въ трагедіяхъ и на большой дорогѣ. Отсюда языкъ по необходимости наполненъ множествомъ простонародныхъ, плещадныхъ выраженій и слоги нѣсколько шероховатъ, хотя въ тоже время силенъ и чрезвычайно выразителенъ. Байронъ и зывается Фильдинга Гомеромъ въ прозѣ и такой прѣговоръ не совсѣмъ преувеличенъ. Обильный и животворный потокъ свѣтлыхъ мыслей и чувствованій, совершенное познаніе свѣта и людей, почерпнутое изъ книгъ и собственнаго опыта, неистощимое остроуміе и юморъ — вотъ тѣ высоты достоинства, которыя даютъ ему неоспоримое право занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду великихъ писателей Англій.

Смерть жены погрузила на время благородное, любящее сердце Фильдинга въ глубокое отчаяніе, которое однако жъ не могло быть продолжительнымъ при его непостоянномъ, подвижномъ характерѣ. Фильдингъ вскорѣ утѣшился, женившись на любимой дѣвушкѣ покойной супруги, на фавориткѣ, которая облегчала его горе, ошалаивая вмѣстѣ съ нимъ «забвеннаго милаго ангела, отлетѣвшаго на небеса». Спустя нѣсколько времени, огорченный и утѣшенный супругъ, въ воспоминаніе первой жены, воздвигъ великолѣпный литературный памятникъ, вполне достойный его гениа, вдохновленнаго любовью и глубокимъ чувствомъ понесенной потери. Это былъ романъ «Амелія», въ которомъ превосходная художественная картина супружеской добродѣтели, очаровательныя достоинства героини, ея характеръ, семейныя ссоры, даже неутрость обоихъ супруговъ, и множество другихъ мелкихъ подробностей и приключеній, очевидно списаны съ натуры, и нѣтъ сомнѣній, скопированы съ его собственной исторіи. «Амелія» очень трогательное и прелестное произведеніе. Весь интересъ романа основанъ на подробностяхъ семейной жизни и хотя нѣтъ здѣсь той веселости и живости движеній, которыя отличаютъ прежній произведенія Фильдинга, зато на всѣхъ страницахъ «Амелія» господствуетъ умилятельная пѣжность и спокойствіе, животворно дѣйствующее на сердце. Характеры обрисованы съ удивительнымъ искусствомъ. «Полковникъ Батъ» есть мастерски со-

данный типъ, и въ некоторой степени, импортиръ въ Россію, требованіе къ суду, приключенія къ торговлѣ и прочее, описаны съ обыкновеннымъ остроуміемъ Фильдинга.

Дессе, Ричардсонъ и Фильдингъ съ блистательнымъ успехомъ воздѣлывали плодотворную почву англійской прозы, и приготовили обильную жатву для своихъ послѣдователей. Ближайшимъ ихъ преемникомъ былъ Товія Смоллетъ, писатель въ высокой степени народный и во многихъ отношеніяхъ не уступавшій своимъ великимъ предшественникамъ. Онъ родился въ Шотландіи, въ 1721 году, и былъ сперва ученикомъ у одного аптекаря въ Глазговѣ, откуда, девятнадцати лѣтъ отъ роду, пришелъ въ Лондонъ. Выдержавъ здѣсь экзаменъ на подлекаря, онъ отправился, въ должности фельдшера, при несчастной экспедиціи въ Картагену. Это странствованіе впоследствии послужило матеріаломъ для одного изъ лучшихъ его романовъ. «Приключенія Родерика Рандома» были изданы въ 1748 году, и англійская литература увидѣла новаго оригинальнаго романиста, способнаго отнять пальму первенства у самого Фильдинга. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, Фильдингъ принадлежалъ къ художникамъ гораздо высшаго разряда. Его планы, строгіе и отчетливые, выполнены всегда съ удивительнымъ искусствомъ, между тѣмъ какъ у Смоллета едва ли даже были какіе нибудь планы: его произведенія представляютъ наборъ разнообразныхъ приключеній безъ всякой внутренней связи, и герой, по обыкновенію, идетъ на удачу, подверженный капризамъ слѣпago случая. Можно думать, что Смоллетъ, начиная романъ, не зналъ и самъ, чѣмъ и какъ его окончить. Писатель вполне юмористическій, онъ повидному жертвовалъ всемъ для эффекта, для остроты и комическихъ сценъ. Одинъ и тотъ же герой, въ разныхъ случаяхъ и при различныхъ обстоятельствахъ, являлся у него и образцомъ честности и первостатейнымъ плутомъ со всеми принадлежностями желкаго труса. Если судить по сочиненіямъ, Смоллетъ, повидному, не имѣлъ утѣшительнаго и возвышеннаго взгляда на жизнь: всѣ дѣйствующія лица съ благороднымъ образомъ мыслей и чувствованій представлены у него въ

самомъ смѣшномъ, каррикатурномъ свѣтѣ, какъ напримѣръ вѣрный и честный Страпъ, который обнаруживаетъ гораздо болѣе благородства, чѣмъ его безчувственный и неблагодарный господинъ. Если правда, что въ Родерикъ Рандомъ» олицетворены лондонскія воспоминаванія самого Смоллета и характеръ Страпа списанъ съ натуры, то авторъ взвелъ на себя обвиненіе въ ужасномъ эгоизмѣ, обвиненіе, которое однако жъ не подтверждается примѣрами его жизни. Литературное достоинство Смоллета состоитъ въ живой и всегда новой обрисовкѣ комическихъ сценъ и забавныхъ странностей въ тѣхъ многочисленныхъ характерахъ, или правильнѣе, карриатурахъ, которыя гнѣздятся въ различныхъ слояхъ общественной жизни. Особенно съ удивительнымъ искусствомъ обрисовалъ онъ странности матросовъ и въ этомъ отношеніи едва ли есть у него соперники. Собственный опытъ на кораблѣ привелъ Смоллета въ соприкосновеніе съ этими людьми и онъ съ рѣдкимъ успѣхомъ разработалъ эту новую плодотворную почву оригинальныхъ нравовъ и обычаевъ. Грубая доброта сердца, вѣрность, презрѣніе къ деньгамъ, совершенное незнаніе свѣта, храбрость, суевѣріе, всѣ привычки англійскихъ моряковъ, описаны въ двѣнадцати различныхъ формахъ съ такою силой и одушевленіемъ, которое доставляетъ читателю величайшее наслажденіе. Лейтенантъ Боулинъ съ своей дубиной, бѣшенный и вспыльчивый Экъ-Морганъ съ своей фамильной гордостью и поджареннымъ сыркомъ, адмиралъ Тренциопъ съ своей свадебной экспедиціей и скромный, остроумный Пипсъ, — все это превосходные типы, неизгладимо врезывающіеся въ память.

Въ непродолжительномъ времени Смоллетъ издалъ свой переро въ Донъ-Кихота и напечаталъ новый романъ «Приключенія Фердинанда графа Фенгома». По плану и выполненію, этотъ послѣдній романъ во многомъ схожъ съ «Родерикомъ Рандомомъ», съ тою однако жъ замѣчательною разностию, что авторъ уже не имѣлъ здѣсь въ виду потѣшать своихъ читателей смѣшными странностями, а представилъ поразительную картину нравственнаго униженія и постепеннаго разврата въ молодомъ челоувѣкѣ, забывающемъ обязанности благо-

родства и чести. Это сочиненіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дополнительная картина къ Фильдингову Ионаану Вилдуду, но Фетомъ гораздо любопытнѣе Фильдингова героя, не по своему личному интересу, — онъ такой-же плуть какъ и Вильдъ, — но по своей ловкости, удалству и разнообразію замысловатыхъ проделокъ. Это самый безсовѣстный, отвѣленный бездѣльникъ, который сдѣлавшись шулеромъ и «chevalier d'industrie», послѣ многихъ похорожденій умираетъ въ позорной бѣдности и отчаяніи. Несмотря на мрачный и унылый тонъ, господствующій въ цѣлой картинѣ, нѣкоторыя сцены выполнены съ обыкновенной живостью и остроуміемъ Смоллета: такова напримѣръ сцена въ французскомъ игорномъ домѣ, гдѣ Фетомъ обманываетъ болѣе ловкій мошенникъ, притворившійся необтесаннымъ глупцомъ.

Подъ конецъ жизни, Смоллетъ, пробывъ годъ въ Италіи, издалъ свой послѣдній романъ «Гомфри Клинкеръ», богатую, вполне художественную картину англійскихъ обычаевъ, какая когда-либо начертана была кистью великаго мастера. Въ романѣ ведутъ переписку члены двухъ, совершенно непохожихъ одно на другое семействъ, пріѣхавшихъ на модныя теплыя воды лечить свой сплинъ. Здѣсь очень много сцень, проникнутыхъ совершеннѣйшимъ комизмомъ, но читатель, помирая со смѣху, иной разъ проливаетъ невольныя слезы при нѣкоторыхъ патетическихъ мѣстахъ. Раздражительный, но добрый характеръ Брембелл, — портретъ самого Смоллета, — съ его пылкимъ и живымъ воображеніемъ, удивительныя странности мистриссъ Тавиды, старой дѣвки, и Ванифреда Дженкинса, простосердечіе Гомфри Клинкера и наконецъ художественно обрисованныя причуды Лисмагга, — все это превосходныя мѣста, обличающія высокое поэтическое дарованіе.

Немного великихъ именъ въ литературѣ съ такими несообразностями и странностями въ умственномъ и личномъ характерѣ, какъ встрѣчаются въ жизни и сочиненіяхъ Лоренса Стерна. Какъ человекъ и писатель, онъ соединяетъ въ себѣ такія противорѣчающія, несовмѣстимыя достоинства и недостатки, что вся система нравственного и умственного умозрѣ-

нiя опрокидывается вверхъ дномъ, если примѣнить ее къ этому удивительному оригиналу.

Стернъ родился въ 1713 году, въ Клонмелъ, въ Ирландiи, и былъ сынъ армейскаго поручика. Будущiй авторъ «Чувствительнаго путешествiя» очень неблагоклонно былъ встрѣченъ еудбой прiя появленiя на свѣтъ. Родители его не имѣли никакого состоянiя и не могли доставить ему порядочнаго образованiя. По родственнымъ связямъ матери, ему удалось поступить въ иезуитскую школу, въ Кембриджъ, гдѣ онъ приготовилъ себя къ духовному званiю, къ которому однако жъ всего менѣе былъ способенъ отъ природы. Веселость, остроумiе, истинный комизмъ, чувствительность почти болѣзненная, составляютъ отличительный характеръ его сочиненiй; между-тѣмъ какъ въ практической жизни, онъ крайне жестоко поступалъ съ женой, безпрестанно ссорился съ своимъ братомъ и вообще отличался такими свойствами, которыя отнюдь несомвѣстны съ достоинствомъ смиреннаго пастыря церкви.

Въ 1759 году вышли въ Лондонъ первые два тома «Тристрама Шенди», возбудившiе въ публикѣ такой энтузиазмъ, что со всѣхъ сторонъ просили автора скорѣе продолжать сочиненiе, и въ короткое время онъ прiобрѣлъ самую громкую извѣстность. Последнiе томы написаны были въ 1762 году. Почти такое же нетерпѣнiе англiйская публика обнаружила, когда вышла въ свѣтъ ричардсонова «Клариса»: лондонскiя дамы также осаждали автора просьбами поскорѣе кончить любопытную повѣсть: имъ непремѣнно хотѣлось знать судьбу несчастной дѣвушки, въ которой они приняли живѣйшее участiе. Но блистательный успѣхъ «Тристрама Шенди» и пламенное желанiе видѣть продолженiе этого сочиненiя происекали вовсе не изъ того же источника. Здѣсь не было надобности знать развязку событiя: авторъ не рассказываетъ ни какой исторiи, не выполняетъ ни одного изъ аристотелевскихъ требованiй и въ его романъ, собственно говоря, нѣтъ ни начала, ни середины, ни конца. Все очарованiе состоитъ въ легкомъ, плавномъ, текучемъ слогѣ, въ удивительномъ остроумiи и пафосѣ, которые быстро смѣняются на каждой

страницъ, въ оригинальной фамилярности между читателемъ и самимъ фантастическимъ авторомъ и, что всего важнѣе, въ мастерской обрисовкѣ нѣкоторыхъ художественно созданныхъ характеровъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Стернъ имѣеть нѣкоторыя общія черты съ шекспировскою манерой: такъ же какъ и Шекспиръ, онъ обрисовываетъ характеры больше дѣлами, чѣмъ словами больше безсознательнымъ невольнымъ само-обличеніемъ чѣмъ выработанными описаніями и такъ же наконецъ, какъ Шекспиръ, придаетъ каждому лицу оригинальныя особенности, которыми оно самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ прочихъ лицъ. Но безпрестанныя отступленія, эпизоды и перерывы, встречаемые въ этомъ романѣ, при всей оригинальности, относь не принадлежатъ къ достоинствамъ Стерна: все это производитъ въ читателя крайне непріятное впечатлѣніе и почти выводитъ его изъ терпѣнія. Его право, если не на безсмертіе, по крайней-мѣрѣ на продолжительную жизнь въ потомствѣ, основывается преимущественно на безчисленныхъ обнаруженіяхъ истиннаго паюса и на превосходномъ разсказѣ о простыхъ и трогательныхъ событіяхъ въ обыкновенной жизни. Въ два различные пріема Стернъ путешествовалъ по Европѣ и ему не стоило ни какихъ трудовъ присоединить свои путевыя впечатлѣнія къ расчлѣннымъ страницамъ «Тристрама Шенди». Эти впечатлѣнія часто, въ маленькомъ томикѣ, издаются особенно, подъ заглавіемъ: «Чувствительное путешествіе».

Оливеръ Гольдсмитъ, въ высокой степени, олицетворяетъ въ себѣ идеаль истиннаго артистическаго характера. Съумазбродство и великодушіе, совершенное незнаніе свѣта, дѣтское тщеславіе и философское благоразуміе— вотъ отличительныя свойства этого поэта, котораго жизнь, ознаменованная и славой и стыдомъ, наполнена самыми романтическими приключеніями. Многія черты въ его характерѣ, безъ сомнѣнія, объясняются его ирландскимъ происхожденіемъ. Трудно представить себѣ контрастъ поразительнѣе того, какой обнаружился въ жизни и характерахъ двухъ знаменитыхъ друзей, бывшихъ, въ свое время, представителями англійской литературы,—контрастъ между Джонсономъ, авторомъ известна-

го «Рассла», и между Гольдсмитомъ, авторомъ «Гекфильдскаго Священника». Одинъ былъ совершеннѣйшимъ олицетвореніемъ Англичанина; другой—истиннымъ типомъ Ирландца. Оба, съ самаго ранняго возраста, боролись, на пути жизни, съ безчисленными препятствіями: Джонсонъ выбился «изъ тревоженій моря житейскаго» собственной силой умственнаго и нравственнаго характера; Гольдсмитъ, по тѣмъ же волнамъ, носился съ врожденной безпечностію и самымъ счастливымъ спокойствіемъ; одинъ былъ сильнымъ кормчимъ, другой—беззаботнымъ пловцомъ на утломъ челнокѣ. Гольдсмитъ родился въ 1728 году. Отецъ его былъ бѣдный ирландскій пасторъ безъ всякихъ средствъ содержать всю многочисленную семью. По ходатайству дяди, Оливеръ поступилъ въ дублинскій университетъ, гдѣ въ короткое время отличился самымъ забавнымъ проказами, показывающими въ молодомъ человѣкѣ невѣроятное отсутствіе благоразумія и здраваго смысла, и которыя вмѣстѣ обнаруживаютъ романтическое великодушіе его сердца. Выгнанный позорно изъ университета, Гольдсмитъ, послѣ многихъ хлопотъ, поступилъ туда опять, получилъ прощеніе за шалости и, избравъ спеціальнымъ предметомъ своихъ занятій медицину, отправился доучиваться въ Лейденъ. Отсюда, черезъ нѣсколько времени, онъ, съ посохомъ въ рукѣ и котомкой за плечами, собрался въ дорогу и обошелъ пѣшкомъ почти всю Европу, добывая насушный хлѣбъ игрою на флейтѣ. Эта бродячая, цыганская жизнь въ совершенствѣ согласовалась съ его эксцентрическимъ характеромъ и была впоследствии чрезвычайно полезна для литературной его дѣятельности.

По возвращеніи въ Англію въ 1756 году, Гольдсмитъ началъ писать для книгопродавцевъ и получалъ скудное содержаніе отъ сотрудничества при «Monthly Review». При нѣкоторой умѣренности и предусмотрительности, онъ могъ бы очень рано упрочить свою карьеру, какъ писатель, владѣющій легкимъ и бойкимъ перомъ, но умѣренность и предусмотрительность были словами, непонятными для бѣднаго Оливера, и его ирландское сердце, *сострадательное ко всякому ближнему*, протягивавшему руку въ его карманъ, ни какъ не могло

въ тоже время устоять противъ соблазнительныхъ удовольствій. Гораціевское «Сагре діеш» было его постояннымъ правиломъ, отъ котораго онъ не отступалъ во всю свою жизнь. По милости этого правила, Гольдсмитъ никогда не выходилъ изъ долговъ, и послѣ блистательной славы, пріобрѣтенной на литературномъ поприщѣ, подъ старость не имѣлъ почти никакихъ средствъ къ существованію.

Въ 1766 году появился превосходный романъ Гольдсмита «Векфильдскій Священникъ», въ совершенствѣ знакомый всѣмъ образованнымъ литературамъ. Въ прошломъ году онъ былъ изданъ и на русскомъ языкѣ господиномъ Яковомъ Гердомъ. За русскимъ переводомъ, какъ видно по всему, трудились двѣ руки, и первая половина романа передана весьма удовлетворительно, между-тѣмъ какъ во второй немилосердно искажены и оригиналь и русскій языкъ. Содержаніе «Векфильдскаго священника» не представляетъ большаго интересу. Почтенный сельскій пасторъ, обремененный большимъ семействомъ, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, терпитъ нѣкоторыя семейныя огорченія, но потомъ опять поправляетъ свои дѣла, — вотъ и все. Но очаровательный характеръ самого героя, его жены, дочерей, художественно обрисованныя подробности скромной семейной жизни, теплое и нѣжное чувство, растворенное игривой веселостью, — все это дѣлаетъ книгу до того увлекательною, что читаешь ее съ истиннымъ наслажденіемъ.

Послѣ «Векфильдскаго Священника» у Гольдсмита особенно замѣчательны «Китайскія письма», романъ, известный также подъ другимъ заглавіемъ «Граждане міра». Ничто не можетъ сравниться съ чистотой и легкостью слога, какимъ нарисованы здѣсь многіе очень любопытные характеры, и господинъ Ша не совсѣмъ преувеличиваетъ дѣло, когда говоритъ, что языкъ Оливера Гольдсмита — «само совершенствѣ».

О послѣднемъ и величавѣмъ изъ романтистовъ нѣтъ нужды говорить. Последнимъ былъ Вальтеръ-Скоттъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=
І Ю Н Ъ.
=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

СТАРИННАЯ ПОСЛОВИЦА ВО ВѢКЪ НЕ СЛОМНЕТСЯ. *Опытныя основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія. Въ двухъ частяхъ. (Харьковъ, 1847, въ-8., стр. 67.)*

Кто бы подумалъ, что въ этомъ небольшомъ сочиненіи подъ непонятнымъ заглавіемъ выступаетъ на сцену русскій Санхо-Панса? « Слово въ-время и кстати сильнѣе письма и печати, по-
« тому что старинная пословица не мимо молвится: глупая же
« рѣчь не пословица, а старая пословица во вѣкъ не сломится.
« Мужикъ за поговоркой до Москвы шель.— Языкъ тѣлу якорь.
« Лишнее слово досаду наноситъ и до стыда доводитъ; что на
« умѣ, то и на языкѣ; красно поле рожью, а рѣчь красна ложью:
« но слово не воробей, вылетитъ, не поймашь,— слово не стрѣ-
« ла, а пуще стрѣлы. Языкъ малъ, да всѣмъ тѣломъ владѣть.
« Старый говоритъ о томъ, что дѣлалъ,— молодой, что будетъ дѣ-
« лать, а глупый, что дѣлаетъ: сычь, сычь, какъ бы не твой
« языкъ. Но что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; а Богъ
« далъ два уха и одинъ языкъ, чтобъ мы больше слушали, а
« меньше говорили. Впрочемъ, не всяко лыко въ строку; ошибка

« въ словѣ не споръ; на чужой ротъ не надѣлаешься воротъ. На
 « чужой ротокъ не набросишь платокъ: одинъ языкъ перемелет-
 « ся, другой переболтается,— копъ о четырехъ погахъ, да спо-
 « тыкается. Оно-то со лжи люди не мрутъ, да впередъ имъ вѣ-
 « ры неймутъ; кто охочъ лгать, того нельзя за друга принять:
 « лгать, такъ людей убѣгать. Молодому лгать стыдно, а старому
 « не потребно; между-тѣмъ, люди ложь, и мы тожъ: но всякая
 « неправда грѣхъ. Конечно иногда шутки ходятъ въ шубкахъ,
 « шутя, люди медъ пьютъ; однако, шутки шутя, а людьми не
 « мутя, — шутя, да и оглядывайся, — шутя до тѣхъ поръ, пока
 « краска въ лицѣ не войдетъ. Въ напрасливѣ, что въ дѣлѣ люди
 « погибаютъ, коли къ нимъ грѣхъ чужой прикладываютъ: но
 « иной для краснаго словца не пожалѣетъ и отца. Языкъ дово-
 « дить до Кіева и до кія. Гдѣ много словъ, тамъ мало дѣлъ.
 « Ъшь пирога съ грибами, да держи языкъ за зубами. Хорошо,
 « что хоть ваушника никто не почитаетъ, а лукаваго всякъ бра-
 « нить, и кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ то чести. До-
 « брое же слово лучше мягкаго пирога; ласково слово не труд-
 « но, да споро—ласково слово пуше дубины подгонитъ къ дѣлу.
 « У Русскаго, что рѣчь, то поговорка и пословица; что шуточ-
 « ка, то прибауточка. » Такъ писана вся эта книжка. Она со-
 « вершенно безъ содержанія. Авторъ требуетъ на нее *просвѣщен-*
наго суда: какъ-будто такой языкъ и такое твореніе относятся
 чѣмъ-нибудь къ просвѣщенію! Изъ всего этого видно только то,
 что сочинитель ея опоздалъ рожденіемъ своимъ на свѣтъ слиш-
 комъ два столѣтія. Родись онъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, въ вѣкѣ
балагурства, которое сыпало пословицами и поговорками, онъ
 прослылъ бы остроумнѣйшимъ человѣкомъ на всемъ сѣверѣ и
 самъ Сервантесъ принужденъ былъ бы снѣть передъ нимъ шля-
 пу и сказать: « Умной что староста губней—всякъ его бонтоя и
 почитаетъ, да на уши мотааетъ, умомъ-разумомъ смѣкаетъ. » Этотъ
 родъ юмору... но я забываю, что Михайло Николаевичъ Заго-
 ский запрещаетъ употреблять слово юморъ, предпочитая ему
 слово *балагурство*: впрочемъ мы съ нимъ не правы оба, онъ,
 въ томъ, что татарское слово считаетъ болѣе изящнымъ или бо-
 лѣе русскимъ чѣмъ англійское, я, въ томъ, что прибѣгаю здѣсь
 къ слову юморъ, тогда какъ рѣчь идетъ просто о *балагурствѣ*,
 то есть, объ искусствѣ назваться умнымъ и веселымъ посред-
 ствомъ пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, словомъ того, что ав-
 торъ называетъ *народными мудрословіями*. Выраженіе это наивѣд-
 ное означаетъ—*философію* народа. Но авторъ ошибается: фило-

сеи́н тутъ нѣтъ ни какой, и я съ умысломъ называю разговоръ шловопцами, поговорками и прибаутками, или балагурствомъ, искусствомъ *казаться* умнымъ и веселымъ. Въ самомъ дѣлѣ, пословицы, поговорки и прибаутки—вовсе не умъ и не веселость, а только стереотипныя формы ума и веселости, и въ точности соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ *готовымъ фразамъ*, *phrases faites*, французскаго языка, которыми въ обществѣ, да и нерѣдко въ книгахъ, замѣняютъ образованность и остроуміе люди чуждые и природнаго остроумія и настоящей образованности. Между *балагурствомъ* и *юморомъ* — разница неизмѣримая: то живетъ готовыми изрѣченіями, приводимыми болѣе или менѣе кстатъ; другое, напротивъ, состоитъ въ мгновенномъ вдохновеніи добродушнаго парадокса, въ беззаботномъ и странномъ взглядѣ ума наивнаго, кроткаго, по въ то же время тонкаго и насмѣшливаго. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ книжки, изъ которой я привелъ одну страничку—отличный *балагуръ*: у Татаръ онъ былъ бы Вольтеромъ. Въ Самаркандѣ, супругъ Шехерзады сдѣлалъ бы его своимъ визиремъ. Турецкій султанъ хоть сейчасъ пожалуетъ ему красную почетную шубу, въ восхищеніи отъ такого рѣдкаго балагурства, потому что этотъ родъ остро словія и донынѣ въ славѣ у восточныхъ. Но юмористъ ли онъ? Фильдингъ ли это? Стерилъ ли? Ноокелъ ли?... Въ балагурствѣ не требуется даже смысла; въ юморѣ... Боже мой! можно ли принять за юморъ, напримеръ, слѣдующую выходку: «Тертый калачъ вкуснѣе, быва-
 « лый чело́вѣкъ искуснѣе; русскій народъ перенимчивъ: прошедши
 « всю Европу, всего мы посмотрѣлись, всё смякнули, все своими
 « глазами повѣрили,—свои собственныя силы измѣрили, а я на-
 « шептывалъ всѣмъ и каждому:—«Это перенимайте, а того избѣ-
 « гайте!» — Бранился, а на миръ слово оставляю; добрые люди
 « бранятся на миръ, и, побратавшись, сойдутся на добренькой
 « миръ; сходишься-бранишься, расходишься-миришься. Такъ и сдѣлано. Ко-
 « гда же мы возвращались, то всѣ за нами увивались, какъ ла-
 « сточки-касаточки. Повинную же голову и мечъ не счѣтъ;
 « вамъ-то хотѣли отсѣчь, а мы и другимъ приставили отсѣчен-
 « ную. Виноватаго кровь — вода, а невиннаго—бѣда. Но кто старое
 « помянетъ, тому глазъ вонъ. Вольному воля, а спасенному рай; всѣ
 « живутъ у насъ, припѣваючи. Кто за чѣмъ пошелъ, тотъ то и на-
 « шелъ. У насъ не Польша, есть и больше; выше два уха не растутъ;
 « кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется. Живи себѣ ни
 « шатко, ни валко, ни на сторону, съ молитвою въ устахъ и съ
 « работою въ рукахъ; а коли пойдетъ вкось, да врозь, такъ и дѣ-

«ло брось! Гдѣ худо, оттуда бѣгутъ добрые люди; а нашего поля прибыло: знать у насъ не дурно! Кто изъ захожихъ къ намъ не можетъ сказать: къ Соли иду — ничего не несу, отъ Соли иду — полную пазуху несу. Да! Матушка Россія — чаша, какъ море Соловецкое: пьютъ изъ нея про здоровье молодецкое! Вятка всему богатству жатка, Сибирь золотое дно, а доброе братство милѣе богатства. Всѣмъ добро, никому не зло, то законное житье. Все минется, одна правда останется. Кто смиреннѣе себя украшаетъ, тотъ честностью укрѣпляетъ. Гдѣ видѣть путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой! Слово законъ, держись за него, какъ за копь.» Похоже ли это на юморъ?... Погляди вы, о чемъ почтенный балагуръ изволилъ балагурить?... Между тѣмъ, для любителей балагурства, онъ балагуритъ превосходно.

Послѣ этого опыту въ старинномъ остроуміи, автору остается только выучиться по-испански и приняться за переводъ «Донъ-Кихота». Никто не переведетъ лучше его, навѣрное. И это — единственное употребленіе, какое можетъ онъ въ наше время сдѣлать съ пользою и со славою изъ своихъ глубокихъ познаній въ народномъ *мудрословіи*.

есть ли конецъ свѣту? *Сочиненіе И. Данилевскаго и А. Оссовскаго. (СП.-бургъ, 1847, въ-12, стр. 159.)*

Сочинителя этой книги балагурятъ также, но гораздо умѣреннѣе. Никто не воображаетъ, что подъ этимъ страннымъ заглавіемъ скрывается «первая часть *перваго курса чтеній о географіи*». Интересно знать, кому остроумные сочинители читаютъ курсъ географіи такимъ языкомъ:

«Любопытные никогда не останавливаются ни на какомъ дѣлѣ. Разрѣшивши одно, они приступаютъ къ другому, къ третьему — и такъ безъ конца. Такъ и тутъ: дознавшись о распределеніи теплоты по земному шару, люди стали доискиваться — отчего солнце не всегда ходитъ по одной линіи, отчего полгода оно немного уклоняется на одну сторону жаркой полосы, а въ другое полгода — на другую?... Конечно ходитъ не Солнце кругомъ нашего Свѣта, а напротивъ, Свѣтъ нашъ оборачивается на оси, то, при этомъ оборотѣ, думали, не *покачивается* ли какъ-нибудь шаръ земной отъ сѣвера къ югу и отъ юга къ сѣверу?... Въ такомъ случаѣ конечно представлялось бы, что солнце отклоняется отъ середины жаркой полосы — то къ сѣверу, то къ югу, и жаркая полоса то къ одному полюсу подвигалась бы, то къ другому, именно — куда Солнце, туда и она. Однако, начавши гадать объ этомъ, скоро и оставили и

• стали дознаваться изъ чего звѣзды — что онѣ не боятся ника-
 • кихъ переворотовъ въ свѣтѣ, такъ ярко горятъ — и никогда
 • ни одна не погаснетъ....

• Только тутъ случилось странное и дивное дѣло: люди уви-
 • дѣли на небѣ то, чего тамъ и не думали искать: именно нитъ
 • тутъ открылось — отчего жаркая полоса не лежитъ неподвиж-
 • но на одномъ мѣстѣ, на среднѣй Земнаго Шара. Съ давнихъ
 • поръ уже, разсматривая каждую звѣздочку порознь, астрономы
 • замѣтили, что нивы не такъ ярки и что эти нивы, какъ уга-
 • дывалъ и Коперникъ, не сами по себѣ ясны, а освѣщены соли-
 • цемъ такъ же, какъ и луна: теперь примѣтили, что эти не та-
 • кія яркія звѣздочки а такіе жъ шары, какъ нашъ земной шаръ.»
 • Можно подумать, что кафедра, съ которой господа Данилевскій
 • в Осовскій читаютъ свой курсъ географіи, стоитъ въ Гости-
 • номъ Дворѣ, между Шелковымъ и Первыми Рядами, и окруже-
 • на многочисленной толпою приказчиковъ, зазовщиковъ, збитеньщи-
 • ковъ и взвозчиковъ, которымъ хочется узнать, гдѣ «конецъ свѣ-
 • ту». Но и тутъ, и въ этой невинной аудиторіи, наши преподава-
 • тели географической мудрости находятся въ опасности встрѣтить
 • строгихъ критиковъ въ господахъ Шелковаго Ряду, которые ма-
 • ракують уже по-французски и на російскомъ языкѣ изъясняютъ
 • гораздо изящнѣе этого. Главный недостатокъ прибауточного
 • слогу — многословіе и неизбѣжная при этомъ неточность выра-
 • женій. Въ немногихъ строкахъ, выписанныхъ наудачу изъ кни-
 • ги господъ Данилевскаго и Осовскаго, при всей основательности
 • мысли можно сказать, нѣтъ ни одного выраженія вѣрнаго; всѣ
 • фразы существенно важныя отъ первой *любопытныя никогда не*
останавливаются ни на какомъ дѣлѣ — до послѣдней — эти не
такія яркія звѣздочки такіе же шары (планеты) какъ и нашъ
земной шаръ: ученые балагуры забываютъ, что Венера ярче всѣхъ
 • извѣстныхъ звѣздъ, а Юпитеръ принадлежитъ къ числу самыхъ
 • яркихъ и самыхъ красивыхъ. Вотъ какъ они описываютъ ком-
 • пась: « На каждомъ кораблѣ, который ходитъ по морю, есть
 • ящичекъ, просто, съ волшебной стрѣлкой. Ящичекъ этотъ—просто
 • круглая табакерка, со стекломъ вмѣсто крышки. На днѣ этой та-
 • бакерки, на самой серединѣ, вбитъ маленькій шпилекъ, а на этомъ
 • шпилькѣ, самой серединой, выгнутою кверху колпачкомъ, поло-
 • жена тоненькая стальная пластинка. Вотъ это и *Компась*.
 • Стальная пластинка, надѣтая колпачкомъ на шпилекъ, какъ-бы
 • виситъ на вершинѣ шпильки, и чуть тронешь ее или дунешь,
 • она зыблется и повертывается въ разныя стороны. Когда эта

« пластинка намагничена, то есть, когда она потерта о камень
« магнитъ, она становится удвительною и непостижимою. Въ ко-
« торую сторону ни повернешь ее на шпилькѣ, она покачивается
« и двигается; но, остававившаяся, всегда станетъ — однимъ ком-
« помъ на полдень, или югъ, другимъ на сѣверъ, или полночь.

« Отчего такъ дѣлается съ этой стрѣлкой, отчего эта простая
« пластинка стали всегда какъ-будто знаетъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ
« югъ, и что ей за охота всегда глядѣть непремѣнно въ эти сто-
« роны свѣта, къ полюсамъ, до-сихъ-поръ хорошенько не узнали
« еще. Но, главное, придумали къ чему ее употребить.... На морѣ,
« кругомъ, видны только вода и небо, — такъ какъ тамъ узнать
« дорогу? Положимъ, я знаю, что на какой-нибудь островъ дале-
« кій надобно ѣхать на полдень: а зная гдѣ полдень, могу приѣ-
« хать и къ этому острову. Случись же ночь, или хоть и день,
« да тучами затянуло все небо, — какъ я могу знать, въ которую
« сторону надобно ѣхать? Тутъ какъ-разъ собьешься съ пути,
« и, вмѣсто острова, попадешь Богъ-знаетъ куда ». Такое *чтеніе*
о компасѣ предполагаетъ слушателей съ самою незавидною ст-
пенью умственнаго развитія: всякой приказчикъ игрушечной лав-
ки, въ которой продаются дѣтскіе компасы, объясняетъ дѣйствіе
и назначеніе магнитной стрѣлки тономъ болѣе образованнымъ и
языкомъ болѣе изящнымъ. Но хотя тонъ и языкъ этой книги,
совершенно нелитературные, приводятъ читателя въ недоумѣніе,
справедливость однако жъ требуетъ сказать, что книга сама по
себѣ хороша и полезна: ни желать ни найти невозможно болѣе
простаго, яснаго и завлекательнаго изложенія предварительныхъ
свѣдѣній, необходимыхъ тому, кто приступаетъ къ изученію гео-
графіи. Книга господъ Данилевскаго и Оссовскаго можетъ быть
читана дѣтьми, которые не подвергаются опасности свыкнуться
съ дурнымъ тономъ рѣчи, и простолюдинамъ, съ несомнѣнною
пользою. Сочинителя однако жъ поступать очевъ мудро, если въ
слѣдующихъ частяхъ своего *курса чтенія* перемѣнять тонъ.

НА ЧЕРТАНІЕ РУССКАГО СИНТАКСИСА, *изданное* Петромъ Пе-
релевльскимъ. (Москва, 1847, вѣ-12., стр. 192.)

« Учителя русскаго языка, говорятъ авторъ этой книги, имѣютъ
« дѣло съ дѣтьми, частью съ такими, которые не знаютъ ника-
« кого синтаксиса, но современемъ должны будутъ изучать син-
« таксисы другихъ языковъ, а частью съ такими (особенно въ до-
« машнемъ воспитаніи), которые знаютъ синтаксисъ французской
« (и рѣже нѣмецкой) прежде русскаго. Ктому же многіе учи-
« теля французскаго и нѣмецкаго языковъ — по-крайней-мѣрѣ

« мнѣ случилось видѣть не одного — слишкомъ заботливо хлопочуть о томъ, « что такое подлежащее и сказуемое и т. под., « когда дѣло дойдетъ до этихъ §§ въ грамматикѣ. Время потерянное! Зачѣмъ, выражусь словами русской пословицы, « *про одни дрожжи говорить троюнди?* Чтобы облегчить ученикамъ уразумѣніе общихъ понятій синтаксическихъ, а учителей иностранныхъ языковъ избавить отъ напрасныхъ усилій растолковывать понятія, уже давно извѣстныя ихъ ученикамъ изъ русскаго синтаксиса, — я счелъ за нужное къ техническимъ терминамъ русскимъ присоединить техническіе термины другихъ языковъ, преимущественно въ гимназіи изучаемыхъ.»

Должно сознаться, что тѣ, которые учатъ насъ писать правильно на русскомъ языкѣ, вообще пишутъ сами такъ, что одно только забвеніе ихъ правилъ и ихъ примѣру можетъ спасти насъ отъ конечной безграмотности. Мужъ ученый, филологъ въ книжномъ дѣлѣ искусный, свѣтло будущихъ поэтовъ и прозаиковъ, приступая къ изложению началъ устройства изящной и толковой фразы своего роднаго языка — посмотрите только, какъ онъ пишетъ самъ на этомъ языкѣ! какъ правильно, какъ плавно, какъ просто и ясно расположены у него слова и предложенія! какое правописаніе! какіе знаки препинанія! какой вкусъ во всемъ!... даже въ этихъ іероглифахъ (§§) и въ самыхъ этихъ сокращеніяхъ (я т. под.), такъ возвышенно литературныхъ! Если бы послѣ этой страницы, которая сама по себѣ — смертный приговоръ книгѣ, нуженъ еще былъ разборъ «Пачертанія русскаго синтаксиса», сочинитель навѣрное удивлялся бы самъ своему сочиненію. Не говоря уже о выборѣ примѣровъ изъ печатныхъ книгъ, въ которыхъ онъ, съ непостижимымъ искусствомъ, умѣетъ отыскивать все безвкусное или бессмысленное, чтобы предложить это въ образцы правильнаго и изящнаго употребленія дара слова, довольно только замѣтить, что пословицы и поговорки, орудіе балагурства, языкъ, ломанный смѣху ради, кажутся ему нормою языка, коренными оборотами русской рѣчи, *не знающей иноземнаго вліянія*. Такія понятія объ искусствѣ въ еостояніи доведуть до отчаянія. Послѣ этого остается только провозгласить, что суздальская живопись, какъ не знающая иноземнаго вліянія, должна служить образцомъ настоящей русской живописи. И замѣтите, какія пословицы по вкусу нашему Квинтиліану!... *про одни дрожжи говорить троюнди....* (подлинный оборотъ русской рѣчи, не знающей иностраннаго вліянія).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪРОУЧЕНІЯ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ, относящіяся къ двѣнадцатому столѣтію. Переводъ съ армянскаго, Александра Худобашева. Сп.-бурзь, 1847, въ-8, стр. XI и 295.

Армянская Церковь — отрасль великой Восточной Церкви, но, среди политическихъ переворотовъ и богословскихъ споровъ, пылкость греческихъ писателей распространила съ пятого столѣтія въ христіанствѣ разныя предубѣжденія и обильные вымыслы насчетъ ученія и священныхъ обрядовъ вѣры Армянъ. Ложныя понятія перешли отчасти и въ Россію и донныя принимаются многими за правду, потому что никто не принимаетъ труда подвергнуть ихъ безпристрастному переслѣдованію. Господиизъ Худобашевъ счелъ за лучшее средство къ опроверженію неосновательныхъ толковъ — представить русскимъ читателямъ въ вѣрномъ переводѣ соборное посланіе патріарха Нерсеса Клаэнскаго къ армянскому народу и переписку армянскаго престола съ императоромъ Мавуиломъ Комненомъ и Соборомъ Константинопольской Церкви, — документъ весьма важный въ догматическомъ отношеніи. Нерсесъ Клаэнскій, святитель двѣнадцатаго вѣка, по прозванію «Благодатный», славился своей мудростью, благочестіемъ и краснорѣчіемъ. Онъ былъ вмѣстѣ превосходный писатель въ прозѣ и отличнѣйшій армянскій поэтъ, котораго соотчичи его ставятъ на ряду съ великими поэтами Греціи и Рима. По сказанію Четин-миней армянскихъ: «Слухъ о великой мудрости и учености патріарха Нерсеса Клаэнскаго дошелъ до греческаго императора Мавуила. Сей, отправивъ пословъ, просилъ отъ него вѣры армянской Церкви, и святой Нерсесъ написалъ оное въ истинныхъ, открытыхъ и изящныхъ выраженіяхъ. Прочитавъ это исповѣданіе, царь, патріархъ и всѣ греческіе ученые признали его согласнымъ съ православіемъ, и много удивлялись изяществу изложенія. Ища болѣе полнаго сближенія, послали они къ святителю Нерсесунѣ коего философа (то есть, монаха), который послѣ долгихъ собесѣдованій, возвратившись къ царю, возвѣстивъ о мудрости и добродѣтели армянскаго святителя, говоря: «Сей мужъ въ Арменіи истинно богоглаголивъ и золотыя уста у него есть.» Греческій императоръ и патріархъ возымѣли особенную любовь и благоволеніе къ святому первосвященнику Нерсесу, и, во второй разъ, послали нѣкоторыхъ почтенныхъ мужей, чтобы возстановить согласіе и любовь между двумя народами, раздѣленными враждою.» Отчего это дѣло не состоялось, видно въ самомъ повѣствованіи, пере-

веденномъ господиномъ Худобашевымъ. Но Армяне сошлись наконецъ въ существенныхъ пунктахъ вѣры съ Греками.

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ въ императорскомъ санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февраля 1847 года. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 300.)

Собраніе рѣчей, читанныхъ въ торжественномъ засѣданіи членами здѣшняго университета, вступающаго въ тридцатый годъ своего существованія, и въ которомъ считается нынче до семисотъ слушателей. Отчетъ господина ректора въ прошлогоднихъ дѣйствіяхъ и событіяхъ занимаетъ первое здѣсь мѣсто. Среди административныхъ подробностей въ этомъ должностномъ трудѣ П. А. Плетнева находятся біографіи двухъ почетныхъ членовъ университета, графа Головкина и адмирала Крузенштерна, скончавшихся въ послѣднее время. Мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы, изъ словъ ученаго профессора, сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько строкъ о жизни и поприщѣ знаменитаго русскаго мореплавателя.

« Адмиралъ Иванъ Оедоровичъ Крузенштерцъ собственнымъ дарованіямъ и личнымъ заслугамъ обязанъ своею славою. Онъ родился шестаго ноября 1770 года, въ Эстляндіи, гдѣ и скончался двѣнадцатаго августа 1846 года, прослуживъ отечеству въ царствованіе четырехъ Вѣнценосцевъ пятьдесятъ лѣтъ. Обстоятельства жизни немного позволили ему заимствовать знаній изъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ находился. И свидѣніи ми своимъ онъ себѣ обязанъ. Бывъ одиннадцати лѣтъ, поступилъ онъ въ ревельское дворянское училище, въ которомъ оставался только три года. Слѣдовавшіе затѣмъ два года съ половиною провелъ онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, находившемся еще въ Кровштатѣ. Непріязвенныя дѣйствія шведскаго короля Густава Третьяго, начатыя въ 1788 году неожиданно, побудили Императрицу Екатерину Вторую приказать отправить на службу тѣхъ воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, которые были уже въ походѣ гардемаринами, хотя бы они и не кончили всего курса ученія. Въ числѣ ихъ состоялъ и семнадцатилѣтній Крузенштерцъ. Два событія знаменательны при поступленіи его въ мичманы на корабль «Метиславъ». Русскій флотъ въ это самое время лишился знаменитаго Грейга, скончавшагося въ Ревелѣ, гдѣ зимовалъ и корабль «Метиславъ». Великому для Россіи этому имени судьба въ наслѣдство тутъ же повидимому приготовила другое. Корабль, на которомъ Крузенштерцу пришлось начать службу, назнеча-

« онъ былъ Императрицею въ путешествіе кругомъ свѣта , и
 « только война удержала его въ Балтійскомъ Морѣ , а соверше-
 « ніе великой мысли предоставлено было младшему изъ офице-
 « ровъ , здѣсь находившемуся . На другой день этой компаніи , по-
 « слѣ блокады шведскаго флота въ Выборгскомъ Заливѣ , Кру-
 « зенштерцъ очутился въ жаркомъ сраженіи , когда русская эска-
 « дра преслѣдовала непріятельскіе корабли , бывшіе подъ лич-
 « нымъ начальствомъ короля . Въ знакъ отличія за неустраши-
 « мость , ему поручено доставить на «Мстиславѣ» флагъ побѣж-
 « деннаго шведскаго корабля и сопровождать туда сдавшихся ад-
 « мирала и капитана . Сверхъ-того онъ произведенъ въ лейтенан-
 « ты . Три года послѣ того Крузенштерцъ оставался въ тяже-
 « ломъ для него бездѣйствіи . Его мысли и желанія стремились
 « въ Англію , туда , гдѣ море человеку знакомѣе и покорнѣе су-
 « ши . Участникомъ въ юпошескихъ его мечтаніяхъ былъ моло-
 « дой офицеръ Бернигъ , внукъ прославившагося у насъ морепла-
 « вателя . И въ этомъ сближеніи нельзя не признать какого-то пре-
 « допредѣленія . Къ-счастью , въ 1793 году повелѣно было отпра-
 « вить на нѣсколько лѣтъ въ англійскую службу двѣнадцать Рус-
 « скихъ офицеровъ — и друзья включены были въ это число . Пер-
 « вые три года Крузенштерцъ провелъ сперва у береговъ Сѣвер-
 « ной Америки , дѣйствуя противъ Французовъ , а потомъ въ За-
 « падной Индіи . Онъ въ это время познакомился съ Вашингто-
 « номъ — и до послѣднихъ дней сохранилъ о немъ вриятнѣйшее
 « воспоминаніе . На слѣдующіе три года онъ пустился въ Восточ-
 « ную Индію . Тамъ наблюденія и соображенія обратили мысли
 « его на тѣ выгоды , которыми могла бы пользоваться Россія ,
 « если бы ея произведенія доставляемы были моремъ прямо въ
 « Кантонъ . И вотъ онъ почувствовалъ неодолимое желаніе видѣть
 « Китай . Удовлетворивъ себя и убѣдившись , что предположенія
 « его не только удобоисполнимы , но и во всѣхъ отношеніяхъ
 « для Россіи важны , онъ поспѣшилъ возвратиться въ Англію ,
 « откуда , не теряя времени , отправился въ отечество , и при-
 « былъ въ Санктпетербургъ 1799 года . Подробный планъ путе-
 « шествія кругомъ свѣта , представленный имъ морскому началь-
 « ству , оставался нѣсколько лѣтъ безъ исполненія . Наконецъ въ
 « 1803 году онъ былъ осуществленъ . Можно вообразить , съ ка-
 « кимъ чувствомъ мореходецъ нашъ пустился въ это странство-
 « ваніе . Ему тогда было тридцать два года . Счастіе увѣчиало его
 « отважное предпріятіе . По истеченіи трехъ лѣтъ , Крузенштерцъ
 « и всѣ отбывшіе съ нимъ благополучно возвратились въ Крон-

« штатѣ. Государство, въ-отношеніи къ торговлѣ и управленію
« владѣній нашихъ въ Сѣверо-Западной Америкѣ и Сѣверо-Во-
« сточной Азій, приобрѣло неисчислимыя выгоды. Русскій флагъ
« прославился на всѣхъ моряхъ. Всѣ отрасли наукъ, которыхъ
« успѣхи зависятъ единственно отъ наблюденій образованныхъ
« мореплавателей, обязаны Крузенштерну своими важными попол-
« неніями и исправленіями. Это путешествіе послужило какъ-бы
« указаніемъ для новыхъ ученыхъ экспедицій, послѣ въ такомъ
« количествѣ совершенныхъ Русскими кругомъ свѣта. Описаніе
« путешествія, изданное Крузенштерномъ, принадлежитъ къ чи-
« слу тѣхъ книгъ, которыя по занимательности и пользѣ своей
« приобрѣтаютъ повсемѣстную извѣстность. Авторъ готовилъ его
« со всею тщательностью художника и съ вниманіемъ ученаго, зани-
« маясь имъ нѣсколько времени на свободѣ въ деревнѣ. Печатаніе
« его на русскомъ языкѣ началось въ 1809, а на нѣмецкомъ въ
« слѣдующемъ году. Переводы этого знаменитаго произведенія,
« одинъ послѣ другаго, явились на языкахъ англійскомъ, фран-
« цузскомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ и италіянскомъ.
« Въ Берлинѣ изъ него составили даже особую книгу для что-
« нія юношества. Такъ благотворное вліяніе дѣятельнаго высша-
« го ума обнимаетъ человѣчество и властительно покоряетъ его
« святыни истины. Страстное влеченіе Крузенштерна къ уче-
« нымъ открытіямъ и усовершенствованію мореплаванія въ Рос-
« сій побудило его какъ собственнымъ дѣломъ заняться экспеди-
« ціею Коцебу, снаряженною канцлеромъ графомъ Румянцевымъ.
« Онъ начерталъ ея планъ и инструкцію молодому путешествен-
« нику, нарочно съѣздивши въ Англію, чтобы снабдить ее всѣми
« пособиями для надлежащаго исполненія столь важнаго предпрі-
« ятія. Между-тѣмъ его же опытностію и знаніями пользовались
« будущіе наши мореходцы, воспитанники Морскаго Кадетскаго
« Корпуса, гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ. Настоятельная
« потребность въ совершенной свободѣ для составленія замыш-
« леннаго имъ «Атласа Южнаго Океана» съ подробными гидро-
« графическими записками, которыя должны были еще болѣе
« освѣтить науку мореплаванія и географію, побудили Крузен-
« штерна оставить на время службу. Но Государь Императоръ
« Александръ Павловичъ позволилъ ему только взять безрочный
« отпускъ для жительства въ деревнѣ, а во флотѣ сохранять при-
« надлежащее ему мѣсто. Съ 1815 по 1822 годъ Крузенштернъ
« неутомимо трудился надъ этимъ великимъ дѣломъ, которое въ
« глазахъ просвѣщенной Европы такъ возвысило и Россію и

« ея знаменитаго мореходца. Возвратившись снова въ Санктпетербургъ, онъ получилъ званіе члена ученаго комитета морскаго министерства, адмиралтействъ-совѣта, главнаго правленія училищъ и комитета по устройству гражданскихъ учебныхъ заведеній. Благополучно царствующій Императоръ по восшествіи своемъ на престолъ, изволилъ назначить его директоромъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. Въ этой должности, для которой какъ бы приготовленіемъ была вся жизнь его, онъ оставался до конца 1842 года. Здѣсь празднованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей службы его, для украшенія котораго Провидѣніе сохранило дни трехъ его спутниковъ плаванія кругомъ свѣта. Только преклопность лѣтъ и слабость здоровья заставили его сойти съ поприща, на которомъ привнесъ онъ столько пользы. Но вѣщеносный Читатель истинныхъ заслугъ приготавлилъ Кружевштерну назначеніе достойное его славы — состоять непосредственно при Особѣ Его Императорскаго Величества. Еще въ 1829 году нашъ университетъ избралъ его въ почетные члены. До двадцати-пяти разныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ съ полнымъ достоинствомъ знатока разсматривалъ предметы, естественно связывающіеся съ его главнымъ дѣломъ, доставили ему несомнѣнное уваженіе всѣхъ ученыхъ учреждений въ Европѣ. Память о немъ сохранится навсегда, какъ польза и слава его умственныхъ подвиговъ».

Господинъ профессоръ Шиховскій помѣстилъ въ этой книгѣ занимательный рассказъ о жизни и трудахъ отца науки, которою самъ онъ занимается съ усердіемъ и отличіемъ.

« Былъ человекъ не знатнаго происхожденія, но по особенному слиянію счастливыхъ обстоятельствъ, достигшій величія первостепенныхъ людей и славы генія въ сосѣдственной съ нашимъ отечествомъ державѣ на сѣверѣ—безсмертный въ лѣтописяхъ ботаникъ — Линней, который съ неменьшимъ успѣхомъ и пользою для науки дѣйствовалъ — и какъ членъ и даже президентъ академіи наукъ, писатель классическихъ законодательныхъ, такъ сказать, сочиненій въ ботаникѣ, и какъ профессоръ, излагатель науки живою, увлекающею, чарующею слушателей рѣчью. Извѣстно, что успѣхъ его и въ томъ и въ другомъ отношеніи былъ изумительный!

« Посѣтить страну, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ этотъ великій учитель моихъ учителей, видѣть свѣжіе и до нынѣ слѣды его дѣятельности въ Упсалѣ, было издавна завѣтнымъ моимъ желаніемъ — и въ лѣтніе мѣсяцы истекшаго года имѣлъ я наконецъ

« счастье видѣть мѣста, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Линней сперва
 « въ качествѣ флотскаго врача, а потомъ президента академіи
 « наукъ, считающей и нынѣ въ числѣ членовъ своихъ первѣй-
 « шія знаменитости въ ученomъ мѣрѣ. Я пробылъ нѣсколько вре-
 « мени въ Упсалѣ, гдѣ Линней былъ и студентъ демонстрато-
 « ромъ растений въ ботаническомъ саду и впоследствии профес-
 « соромъ ботаники столь знаменитымъ, что иностранцы съѣзжа-
 « лись слушать его уроки и удивляться ему. Былъ я также и
 « въ Фалувѣ, гдѣ еще болѣе развился учительскій талантъ мо-
 « лодаго Линнея, и гдѣ возшла звѣзда путеводительница всего
 « будущаго, славнаго его поприща.

« Но Упсала, какъ мѣсто, гдѣ съ такою славою и пользою для
 « науки началъ Линней свое ученое поприще и дѣйствовалъ до
 « конца долготѣней жизни болѣе тридцати пяти лѣтъ, и какъ
 « мѣсто, гдѣ со славою дѣйствовалъ ученикъ и преемникъ его
 « Карлъ Петръ Тунбергъ и дѣйствуютъ еще до нынѣ преемни-
 « ки, нынѣшніе знаменитые профессора Валенбергъ и Фришъ,
 « Упсала привлекала особенное мое вниманіе. Я посѣщалъ тамъ
 « и старыя линнеевскія и нынѣшнія академическія ботаническіе
 « сады, посѣщалъ бібліотеку университета и мѣсто обитанія и
 « лекцій Линнея лѣтомъ во время продолжительныхъ ваканцій—
 « Гаммарби и столько видѣлъ еще живыхъ памятниковъ его дѣ-
 « ятельности, что живо проникнутый воспоминаніемъ объ этомъ
 « гениальномъ учителѣ, хочу сказать нѣсколько словъ о немъ и
 « его послѣдователяхъ, чтобы дать идею о состояніи ботаники
 « въ Швеціи при жизни Линнея и въ наше время.

« Оставляя, занимательныя впрочемъ, подробности домашней жи-
 « зни знаменитаго шведскаго натуралиста и его послѣдователей,
 « позвольте мнѣ обратять вниманіе ваше, только на тѣ обстоя-
 « тельства, которыя, по моему мнѣнію, имѣли значительное влія-
 « ніе на содѣланіе Линнея тѣмъ, чѣмъ онъ былъ впоследствии,
 « на зависимость самаго направленія ботаники отъ личнаго ха-
 « рактера этого великаго человѣка и на продолженіе этого на-
 « правленія въ его преемникахъ почти безъ всякаго измѣненія
 « до нашего времени.

« Въ полу-ротондѣ ботанической аудиторіи въ самомъ ботани-
 « ческомъ нынѣшнемъ саду Упсалы—первый представляющійся
 « взору входящаго посѣтителя предметъ — изящно изваянная изъ
 « чистаго карарскаго мрамора знаменитымъ шведскимъ художни-
 « комъ Бистромъ (въ 1827 году), въ естественной величинѣ, си-
 « дящая статуя Линнея — по моему мнѣнію вполне выражаетъ

« его значеніе въ исторіи ботаники. Линней представленъ (чрезъ
 « вычайно сходно съ натурою) стройнымъ, красивымъ молодымъ
 « человѣкомъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ раскрытую книгу и въ
 « поэтическомъ упоеніи взирающимъ на положенный въ ней
 « экземпляръ единственнаго доселѣ найденнаго въ растительномъ
 « царствѣ растенія, посвященнаго безсмертному его имени! Фер-
 « двандъ Фонтъ-Галль весьма ошибается, говоря, что « статуя
 « эта представляетъ юношу, который съ любопытствомъ читаетъ
 « книгу и удивляется чему-то, найденному въ этой книгѣ и для
 « него неизвѣстному». Онъ не замѣтилъ, что на лѣвой сторонѣ
 « этой книги художникъ чрезвычайно вѣрно изобразилъ въ релье-
 « фѣ Сѣверную Линнею, предметъ не удивленія, а самодоволь-
 « наго восторга этого гениальнаго ботаниста. Гениальный худож-
 « никъ, знакомый, какъ и всѣ образованные люди въ его оте-
 « чествѣ, съ ботаникою — и не менѣе того хорошо изучившій
 « жизнь и заслуги въ наукѣ изображеннаго имъ Линнея, по мое-
 « му мнѣнію, весьма хорошо выразилъ все это въ своемъ назва-
 « нии.

« Въ наше время уже всякому извѣстно, что не только физиче-
 « скія свойства тѣлосложенія, дородности, темперамента и прочее,
 « но и самыя душевныя способности и особенно сильныя стра-
 « сти, болѣе или менѣе передаются по наслѣдству отъ родите-
 « лей къ дѣтямъ. Линней, подавшій весьма поучительный при-
 « мѣръ и въ собственномъ жизнеописаніи своемъ, упоминаетъ о
 « неважномъ повидимому обстоятельстве, что у отца его, бед-
 « наго пастора въ Смоландіи, по любви его къ цвѣтамъ, былъ
 « небольшой цвѣтникъ, какіе и нынѣ имѣются у всѣхъ болѣе
 « или менѣе зажиточныхъ обитателей Швеціи, и что мать его,
 « желая унять плачь предоставленнаго самому себѣ младенца,
 « клала ему въ колыбель цвѣты, которые будущій великій на-
 « блюдатель и классификаторъ и тогда уже разсматривалъ съ удо-
 « вольствіемъ.

« Еще болѣе замѣтное вліяніе и предрасположенія Линнея къ
 « ботаникѣ и благопріятствовавшихъ къ тому обстоятельствъ,
 « видимъ мы къ отроческомъ его возрастѣ, когда онъ, будучи
 « десятилѣтнимъ мальчикомъ, ходилъ черезъ рощи и поляны въ
 « элементарную школу въ Векшѣ, и занимаясь разсматриваніемъ
 « растеній, часто опаздывалъ приходомъ, а иногда и вовсе не
 « являлся въ училище, но всегда почти возвращался домой съ
 « живыми дикорастущими произведеніями отечественной флоры,
 « которыя пересаживалъ онъ въ садикъ отца своего, делавъ

• ихъ, и узнавъ, что отецъ его не звалъ наименованій нѣкото-
• рыхъ изъ нихъ, отрокъ Линней давалъ уже имъ собственныя
• свои названія. Вотъ гдѣ начало удивительной, сдѣлавшей впо-
• слѣдствіи етоль счастливый переворотъ въ наукѣ номенкла-
• туры! Поступивъ, чрезъ семь лѣтъ потомъ, въ Векшіосскую
• гимназію, Линней, семнадцатилѣтній юноша, увлекаемый своимъ
• врожденнымъ стремленіемъ къ наблюденію природы — не соот-
• вѣтствовалъ желанію отца своего, надѣявшагося имѣть въ немъ
• преемника своего духовнаго сана. Извѣстно также, изъ собствен-
• ной поручной біографіи Линнея, что отецъ его, раздраженный сла-
• быми увѣхами сына въ необходимыхъ для пасторскаго званія
• древнихъ языкахъ, отдалъ было его въ науку столярнаго или
• портнаго ремесла — и если бы не проникательность доктора
• Ротмана, бывшаго въ той гимназіи лекторомъ физики — и умѣ-
• шаго замѣтить въ Линней рѣдкія вообще способности наблю-
• дательныя, то изъ великаго человѣка вышелъ бы можетъ быть
• весьма плохой ремесленникъ. Естественно, что и самые учите-
• ля и даже ректоръ гимназіи, въ которой единственнымъ идеа-
• ломъ высшаго образованія ученаго почиталось званіе древнихъ
• языковъ, не постигли генія Линнея и дали ему такое свидѣ-
• тельство для поступленія (въ 1727 году) въ число студентовъ
• лундской академіи, которое онъ самъ стыдился показать та-
• мошнему ректору. Можетъ быть это самое обстоятельство, а
• еще болѣе, слава многихъ замѣчательныхъ тогдашнихъ про-
• фессоровъ въ Упсалѣ, побудили молодого Линнея перейти (въ
• 1728 году) въ университетъ упсальскій, гдѣ будучи вскорѣ при-
• званъ за гонимляго юношу профессоромъ Цельсомъ, онъ вско-
• рѣ былъ представленъ профессору Рудбекку - младшему, кото-
• рый былъ его третьимъ благодѣтелемъ — ибо *первыми* должны
• мы почитать доктора Ротмана, постигшаго геній Линнея и
• давашаго ему настоящее его направленіе, вторымъ доктора и
• профессора въ Лундѣ Штобеуса — у котораго жилъ онъ въ домѣ
• и сверхъ университетскихъ лекцій пользовался приватными
• наставленіями и богатою бібліотекою. Рудбеккъ также вскорѣ
• сдѣлалъ Линнея своимъ домашнимъ человѣкомъ, также дозво-
• лилъ пользоваться своею бібліотекою и, чрезъ два года потомъ
• (въ 1730 и 1731 году), сдѣлалъ его замѣняющимъ (викариумъ)
• преподавателемъ ботаники въ упсальскомъ, нынѣ такъ называе-
• момъ старомъ или линнеевскомъ ботаническомъ саду. Здѣсь,
• на двадцать четвертомъ году своей жизни издалъ онъ первый
• ученый трудъ свой — садъ ушландскій. Не говори уже о приват-

«ныхъ его преподаваніяхъ въ Упсалѣ, доставившихъ ему сред-
«ства безбѣднаго существованія, здѣсь началъ онъ уже въ это
«время замышлять о преобразованіи ботаники и по ночамъ тру-
«дился надъ новою своею пологою системою и писать вскорѣ
«послѣ того прославившія его сочиненія: бібліотеку ботаниче-
«скую, классы растений, критику ботаническую и роды расте-
«ній. Въ 1732 году по ходатайству секретаря ученаго Общества
«Упсалы Магнуса Андрея Цельса, Линней совершилъ ученое путе-
«шествіе въ Лапландію, которое продолжалось шесть мѣсяцевъ,
«съ мая до ноября 1732 года, и результаты котораго, описа-
«ныя въ трудахъ ученаго шведскаго Общества, были впослед-
«ствіи новымъ средствомъ прославленія его въ чужихъ краяхъ.»

Остальныя двѣ трети этой книги заняты обширнымъ и весьма ученымъ разсужденіемъ «Объ успѣхахъ межеванія въ Россіи до времепъ Императрицы Екатерины Второй», безъ подписи и безъ означенія имени автора.

1. о гальвано-магнитномъ леченіи. *Болезни, излечиваемыя посредствомъ гальваническихъ токовъ.* Фр. Бѣлявскаго. (Москва, 1846, вѣ-12.)

2. народная хирургія, или Ясное изложеніе средствъ для скорѣйшаго вспоможенія при ранахъ, прорубахъ, прорывахъ, кровотеченіяхъ, переломахъ костей и прочая, составлено докторомъ Матіасомъ Майоромъ. (Москва, 1847, вѣ-12.)

Вторая изъ этихъ двухъ книжекъ несомнѣнно хороша: она полезна всякому; каждый долженъ болѣе или менѣе знать ежедневную, домашнюю хирургію. Но первая?... о гальвано-магнитномъ леченіи!... какъ же это? господинъ докторъ Бѣлявскій оставилъ водоленіе и принялся за гальвано-магнитность?... Такъ вода и воды, которыя онъ прежде проповѣдывалъ, никуда не годятся? Гомеопатія не годится тоже?... Надо лечить всѣ болѣзни гальвано-магнитностью?... Какой переворотъ въ медицинѣ! *Постоянныя опыты и наблюденія, произведенныя господиномъ Бѣлявскимъ въ послѣдніе три года надъ дѣйствіемъ гальванизма, убѣдили его въ томъ, 1) что, коротко и ясно сказать, — потому что господинъ Бѣлявскій говоритъ все это длинно и высокопарно, — гальванизмъ открытъ докторомъ Алонзіемъ Гальвани; 2) что гальванизма никто не понимаетъ; 3) что, слѣдовательно, сила гальваническая есть жизненная сила, vis vitalis; 4) что, ergo, философскій камень открытъ—сила жизни поймана—и ею можно починивать всякую жизнь, лечить всѣ болѣзни. По постояннымъ опытамъ и наблюденіямъ господина Бѣлявскаго въ три послѣд-*

нѣ года, гальванизмомъ вылечиваются радикально семьдесятъ семь смертельныхъ болѣзней, начиная съ чахотки, и семьдесятъ семь случайныхъ, которыя проходятъ сами собою. Ученый врачъ прилагаетъ списокъ, латинскій и русскій, этихъ семидесяти-семи болѣзней, которыя, по его постояннымъ опытамъ и наблюденіямъ въ три послѣдніе года искореняются совершенно гальваническимъ токомъ, или жизненною силою, *vis vitalis*.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА, содержащая въ себѣ тысячу тридцать девять наставленій, въ пятнадцати отдѣленіяхъ, составленная обществомъ опытныхъ хозяекъ. (Москва, 1847, въ-12, стр. 570.)

Сочиненіе — слишкомъ техническое, — не по силамъ нашей учености. Критику творенія ученаго «Общества опытныхъ хозяекъ» напишутъ общими силами опытные кухарки.

НОВЫЯ ВРОШЬОРЫ.

1. КАРАМЗИНЪ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ. *Разсужденіе* А. Селина. (СПб., 1847.) — 2. О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-словенскаго языка, и преимущественно о грамматикахъ сего нарѣчія. *Разсужденіе* Николая Вышнеградскаго. (СПб., 1847.) — О химическомъ процессѣ приготовленія сыровъ. *Разсужденіе* Павла Ильенкова. (СПб., 1847.) — Три академическія разсужденія для полученія степени магистра, написанныя кандидатами здѣшняго университета. Въ ряду этихъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ въ учености, слѣдуетъ отличить особеннымъ вниманіемъ разсужденіе господина Ильенкова о химическомъ процессѣ, происходящемъ во время приготовленія сыровъ — таковъ предметъ этого разсужденія и такъ собственно слѣдовало назвать его. Господинъ Ильенковъ самъ производилъ опыты — онъ выбралъ для нихъ часть, неизслѣдованную донынѣ химиками — вывелъ новыя формулы, которыя останутся въ наукѣ — и, слѣдовательно, трудъ его, не въ примѣръ другимъ подобнымъ сочиненіямъ, представляетъ самобытное ученое достоинство. Судя по этому счастливому началу, со временемъ господинъ Ильенковъ вѣроятно прославитъ свое имя въ лѣтописяхъ химіи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Самая свѣжая и пріятная изъ послѣднихъ новостей — «Опытъ о народномъ богатствѣ, или О началахъ политической экономіи». сочиненіе Александра Бутовскаго, съ эниграфомъ изъ Гумбольдта, — «Законы природы должны быть не изобрѣтаемы а priori, Т. LXXXIII. — Отд. VI.

а открываемы наблюдениемъ,» — эпитафюмъ, который доказываетъ, что господинъ Бутовскій намѣренъ представить намъ объ этомъ въ высшей степени интересномъ предметѣ не одни свои умозрѣнія, съ придачею чужихъ умозрѣній же, а рациональную теорію государственнаго хозяйства, основанную на хорошо извѣданныхъ явленіяхъ, на фактахъ. Вотъ, что самъ онъ говоритъ въ короткомъ предисловіи: «Цѣлю автора было представить въ « сколько возможно яснымъ и простымъ изложеніи естественные « законы производства, обращенія, распредѣленія и потребленія « народнаго богатства и тѣ логическія условія этого движенія, « отъ которыхъ наиболѣе зависитъ степень общественнаго бла- « госостоянія. Для выполненія этого плана онъ руководился не « только уроками ученыхъ, которымъ наука политической эконо- « номіи обязана своимъ существованіемъ и своими успѣхами, но « старался повѣрить ихъ на дѣлѣ собственными наблюденіями и « вездѣ изложенію предшествовало убѣжденіе.» До-сихъ-поръ вы- шелъ только первый томъ. Всѣхъ обѣщано три.

=

І Ю Л Ь.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

кольцо. *Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе М. Дрейгарфена.*
(Москва 1847, съ-12.)

Противъ стиховъ лѣтотпись негодуешь, а безъ стиховъ, право, скучно. Совѣшь другое расположеніе духа — когда прочитаешь поэму!

«Въ полденный жаръ, въ тѣни деревь,
Надъ тиховодьемъ москворѣцкимъ
Звенѣлъ игривый голосъ дѣвъ.
Для мнѣ....

Да! именно *для мнѣ*, а не *мнѣ*, чужда была печаль. Струю кидали. Сибѣлись. Скакали вдоль рѣки. На колѣни вдругъ бросались. Въ водѣ пускали пузырки. Ловили рыбку, и плескались....
Теперь, философическое разсужденіе:

«О! вы, забавы нѣжныхъ лѣтъ
Въ кружкѣ невинности веселой,
Остановилъ бы вашъ полеть
Въ предѣлы опытности зрѣлой.
Рѣзвитесь юные, пока
Законовъ времени, природы
Неумолимая рука,
На всемъ быу, замѣнитъ годы.

Счастливъ, кто мудрый между васъ,
И, приготовиться умѣя,
Безстрашно встрѣтитъ каждый часъ.»

Авторъ «Кольца» разсуждаетъ въ стихахъ превосходно: полетъ логики его такъ высокъ, что исчезаетъ изъ виду — видишь что-то — что-то есть — да ничего не разгадаешь. Въ томъ-то и состоитъ «высокое»!

Надо знать что эти *дѣвы*, которыя на москворѣцкомъ тиховодѣ струю кидали — скакали вдоль рѣки — на колѣни бросались — пузырьки пускали — рыбку ловили — плескались — были *знатныя* московскія барышни, *купавшіяся* противъ Нескучнаго. Съ террасы дворца видъ на эти невинныя потѣхи знатныхъ дѣвъ, конечно, былъ весьма интересный. Изъ таковыхъ одна, дѣва Агвея, сунувъ руку въ дно рѣки, вдругъ почувствовала, что на пальчикъ ея надѣлось золотое кольцо. Этого она такъ перепугалась, что съ тѣхъ поръ оставила купанья и, грустная, задумчивая, на всѣхъ наводитъ скуку —

«Сидитъ всегда въ кругу старухъ
И нѣжно жметъ въ морщинахъ руку.»

Какъ вы видите, она влюблена въ невѣстнаго автора кольца, именно, въ москѣ Леона: имя это было вырѣзано на кольцѣ.

Между-тѣмъ, противъ Нескучнаго же, живетъ святой старецъ, отшельникъ, пнокъ, и у него — послушникъ, юноша, который, по древнему обыкновенію всѣхъ юношей, спать не можетъ; нѣкогда, лѣтъ десять тому назадъ, онъ отказался отъ міра, отъ суеты, отъ дѣвъ и, идучи къ старцу, на послушаніе, бросилъ въ рѣку свое золотое кольцо — съ тѣхъ поръ онъ забылъ, существуетъ ли міръ или нѣтъ — но, съ нѣкотораго времени, всякую ночь, въ полночь, ходитъ на колокольню дѣва чудная и манитъ его къ міру.... Отшельникъ говоритъ послушнику, что это — вздоръ, чепуха, поэзія — что этому не слѣдуетъ вѣрить. Едва усовѣстивъ онъ суевѣрнаго послушника, какъ приходитъ къ старцу *пришлица* и начинаетъ свою исторію: кольцо, надѣвшееся само собою на ея палецъ въ москворѣцкомъ песку, ей тоже мѣшаетъ спать, — тоска — скука — смерть. Отшельникъ и ее увѣряетъ, что это — пустяки, поэзія. Пришлица благополучно удалась. Но вдругъ вздумалось ей отправиться ночью на кладбище. И, вдругъ, та же самая счастливая мысль пришла въ го-

лову послушнику. Темно. Кругомъ гробы. Агнеса идетъ одна и мечтаетъ.

«Агнеса къ розовымъ устамъ
 Сухую руку прижимала;
 Она упала бы къ ногамъ,
 Но длань смиренная держала.
 Ея духъ сильно возмущенъ;
 Она проходить на кладбище.
 Къ вечернямъ заунывный звонъ,
 И мертвыхъ мрачное жилище
 Съ души тоскливости недугъ
 Согнать ни мало не способны:
 Кресты могильные во-кругъ;
 Вездѣ одинъ привѣтъ надгробный.
 Но думы, посреди гробовъ,
 Не заглушали отъ Агнесы
 Ударовъ тихихъ, отъ шаговъ,
 Такъ близко *ставшая предъ нею*,
 Что вздохъ глубокой изъ груди
 Коснулся блондовой вуали;
 Въ глазахъ, свѣтлѣвшихъ впереди,
 Агнеса видимо мелькала.
 И встрѣчный сталъ среди тропы,
 Забывши какъ узка дорожка.
 Направить мимо ли стопы?
 Но эта маленькая ножка
 Лишь для того сотворена,
 Чтобъ по цвѣтамъ порхать ей лѣтомъ,
 И мотылькомъ скользить она
 По лакированнымъ паркетамъ:
 Искусство лазить по гробамъ
 И пыль стряхать археологу,
 И нестрашливымъ мужикамъ
 Спускать въ могилу твердо ногу,
 Съ желѣзнымъ заступомъ своимъ,
 И кости бить рукой проворной.»

Ставший предъ нею вдругъ, въ темнотѣ почвой, начинаетъ къ ней рѣчь стихами:

«Пускай я вамъ кажусь смѣшнымъ,
 Но страшень мнѣ поступокъ черный.
 Что цѣпишь очень высоко,

Гордятся нѣмъ не родословной, —
 Она падеть не далеко,
 И это все, минутой ровно,
 Утратить грустно, тяжело.
 Святая правда — завѣщанье
 Моемъ родныхъ въ глуби легло:
 Легѣяль это достоянье
 Отъ самой юности моей.
 Оно утѣхой, усладеньемъ
 Мнѣ было въ пору тяжкихъ дней —
 И гдѣ жъ оно, въ одно мгновенье?
 Чья жизнь была всегда чиста;
 Кто не танлъ свой вѣкъ чужова;
 Не знали лжи его уста
 И слухъ заповѣднаго слова,
 Украдкой нынче слушалъ васъ.
 Смущень злодѣемъ смертныхъ роду.
 Преступникъ этотъ, въ первый разъ,
 Тотъ самый, кто забросилъ въ воду
 Свое любимое съ руки.
 Но что должно быть сохранимо,
 Извлечено со дна рѣки.
 Все намъ темно, непостижимо:
 Но ничего безъ цѣли нѣтъ:
 Отъ насъ сокрыты къ ней проводы:
 Но насъ невидимо ведетъ.
 Порядокъ вѣченъ для природы —
 Нѣтъ измѣненій, внѣ чудесь.
 Въ поступкахъ нравственныхъ свободны:
 Данъ произволъ намъ отъ небесъ,
 Рабомъ быть Господу угоднымъ.
 Иль духу злобному слугой;
 Но естеству даны предѣлы.
 Съ краевъ поверхности земной
 Разъ встрѣтятся люди, точно цѣлый
 Вѣкъ знакомы и коротки;
 Съ другимъ живете не различно,
 И безотчетно далеки:
 Обнимъ вамъ другъ съ другомъ скучно.
 Любить умѣемъ и страдать;
 Но выше всякаго искусства
 Языкъ любви истолковать,
 Поставить грани нашимъ чувствамъ.

Сочувствію послушный звукъ
 Струнь сердца раздался: честь, слава,
 И все заглушено имъ вдругъ.
 Любовь затопить все какъ лава,
 И поражаетъ все какъ громъ.
 Ключъ простъ, какъ ни хитра загадка.
 Зачѣмъ раздумье надъ кольцомъ,
 Не взглядъ простой на вещь украдкой?
 Зачѣмъ, давно забывшій свѣтъ,
 Идетъ чужія слушать рѣчи —
 Свою въ нихъ тайну узнаеть,
 И, не красѣвши, ницетъ встрѣчи?
 Не узнаеть себя Леонъ.
 Вопросы нѣтъ; но есть отвѣты.
 Священный храмъ, въ которомъ онъ
 За часъ, готовъ былъ дать обѣты;
 Приюты крайніе людей,
 И самыхъ близкихъ сердцу гробы —
 Свидѣтели какихъ рѣчей?
 Но сихъ жильцовъ земной утробы,
 Быть можетъ, слышенъ вопль вдали;
 Но чернорясецъ бородатый
 Смѣшенъ живущимъ на земли,
 Ременнымъ поясомъ объятый,
 Спустивши волоса до плечъ,
 Сухой какъ смерть, въ стану могильномъ,
 Къ прекрасной обращая рѣчь.
 — Леонъ и твердый, и безсильный;
 Слѣпецъ, и ясные глаза;
 И все предъ нимъ его смѣшное,
 И каплетъ кружная слеза,
 И живо въ памяти святое.
 Не знала ты меня сестра....
 И я зову тебя сестрою?
 Одна ли это словъ игра?
 Но коротокъ я сталъ съ тобою,
 Дерзнувши тайно заглянуть
 Въ тайникъ души твоей прекрасной.
 Леона помни, иль забудь....
 Счастливецъ онъ, или несчастный?

Сказавши это, онъ удалился такъ скоро, что Агнелъ едва могла
 промашести: Леонъ!....

«Его остановить не смѣя.»

Она себя не помнила. Голова у ней шла кругомъ. Вообразите, что эта умная рѣчь плѣнила ее!.... Если бы не самъ господинъ Дрейгаренъ говорилъ это, можно было бы сомнѣваться въ основательности извѣстія. Мамзель Агнесъ, плѣтившись этой умной рѣчью, убѣжала домой и легла въ постель.

Что же случилось съ послушникомъ? Увы! въ немъ всю ночь шипѣлъ air-fixe! Онъ былъ полонъ того —

«..... .. пылакаго стремленья,
Того кипучаго огня,
Который бьетъ въ каждой жилкѣ,
Какъ подъ смолой эрфикъ въ бутылкѣ.»

На другой день, однако жъ, онъ пришелъ въ себя и отправился къ отшельнику — принесъ покаяніе — признался, что лукавый искусилъ его: онъ *послѣдовалъ на мѣръ кладбища* — произнесъ тамъ умную, плѣнительную рѣчь!.... Эта поэзія жестоко огорчила добраго старца, но — дѣлать было нечего — плѣнительная рѣчь произнесена — онъ простилъ послушника, наставилъ, просвѣтилъ, и, въ заключеніе, сказалъ:

«Иди, куда указанъ путь;
Но всюду запасись смиреньемъ.
Опять, уставши отдохнуть
Придешь, принять благословенья.
Укроетъ странника стѣна,
И не однажды здѣсь проглянетъ
Къ нему прекрасная весна;
Здѣсь, при тебѣ, не разъ увянетъ
И оживетъ ея цвѣтокъ.»

Теперь угадайте, что случилось послѣ этого?.... Ничего, ничего не случилось. Случился *конецъ*. Надо же умѣть выдумать такую *повѣсть въ стихахъ!*

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ, или *Науки Изыщнаго*. Сочиненіе Гегеля. Перевелъ Василій Модестовъ. СПб.-бургъ, 1847, въ-8., двѣ части, стр. 217 — 332.

Слушайте! слушайте со вниманіемъ! великая тайна прекраснаго раскроется передъ вами. А вы знаете, что такое — *прекрасное*, или, какъ господинъ Модестовъ увѣряетъ, *изыщное*. Прекрасное, это — самое простое и самое ясное — не обремененное ничѣмъ

личнымъ — не искаженное ничѣмъ вычурнымъ, неправильнымъ, туманнымъ, темнымъ. Посмотрите только, какъ это просто и ясно :

« Ничто не имѣетъ достоинства въ себѣ, что не есть произведеніе моего — Я. Я должно остаться верховнымъ владыкомъ и повелителемъ всего и надъ всѣмъ, во всѣхъ сферахъ бытія. Я — недѣлимое, живое и дѣятельное, и жизнь его состоитъ въ осуществленіи себя и въ развитіи себя. Развиваться какъ творецъ искусство и изящное — вотъ что называется жить артистомъ. И такъ, согласно съ началомъ, я буду жить какъ артистъ, когда всѣ мои дѣйствія, все мое ви́шнее, останется для меня чисто кажущимся, пустою наружностью, которую я могу разнообразить, измѣнять и уничтожать по собственной волѣ. Однимъ словомъ, нѣтъ ничего серьезнаго ни въ ихъ цѣли, ни въ ихъ проявленіи. Правда, для другихъ мои дѣйствія могутъ имѣть что-то серьезное, потому что они воображаютъ, что я дѣйствую серьезно; — но это бѣдные, ограниченные умы, безъ смысла и способности понимать и имѣть высокій взглядъ, который я имѣю.

« Теперь, эта виртуозность жизни артиста принимается какъ что-то божественно *гениальное*, для котораго все существующее, есть пустое твореніе; — съ нимъ творецъ не соединяется и можетъ уничтожить его какъ свое твореніе. Слѣдовательно, недѣлимое, живущее какъ артистъ, сохраняетъ свои отношенія и свой образъ жизни съ подобными и близкими себѣ; но какъ гений, оно смотритъ на всѣ эти отношенія и на всю совокупность человѣческихъ дѣлъ, какъ на что-то глубоко незначительное. Оно трактуетъ все это проницательно.

« Пустота и ничтожность всѣхъ вещей, исключая меня — вотъ первая сторона нроніи. Но съ другой стороны, я — можетъ не находить довольства въ этомъ внутреннемъ наслажденіи, которое оно почерпаетъ въ себѣ, и чувствовать потребность выйти изъ пустоты и того одиночества, которое оно сотворило вокругъ себя сосредоточеніемъ въ самомъ себѣ. Тогда оно впадаетъ въ изнеможеніе и расслабленіе, куда, какъ видѣли, ведетъ также философія Фихте. Эта невозможность, въ которой находится недѣлимое, удовлетворить себя среди тишины окружающаго его ничтожества, когда не смѣешь пошевелиться, дабы не возмутить внутренней гармоніи, это желаніе дѣятельнаго и отрѣшеннаго, которое не можетъ быть наполнено,

« пораждаетъ несчастіе въ пѣдрѣ благоволюща, и зачинаетъ родъ красоты, большой въ своемъ счастьи. »

Поняли ли что-нибудь въ этомъ бреду больного ума, воспламеннаго бѣлою горячкою пантензма?... Цѣлые два тома науки прекраснаго писаны такимъ прекраснымъ языкомъ, такимъ простымъ и яснымъ слогомъ. Удивительно терпѣніе господина Модестова — переносить въ потъ чела на русскій языкъ эти груды софистическихкихъ сумасбродствъ, этотъ соръ человѣческаго разума! Но вотъ что значитъ привычка думать чужими мыслями: онъ и не примѣтилъ, что въ нихъ нѣтъ смысла!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ-ПЕРВАГО. *Сочиненіе Н. Устрялова.* (СП.-бургъ, 1847, вѣ-8., стр. 170.)

Каждый новый трудъ ученаго русскаго профессора и трудолюбиваго историка въ правѣ возбуждать вниманіе и любопытство русской читающей публики, по этотъ послѣдній представляетъ еще особенный и чрезвычайно живой интересъ. Дѣло современное — предметы такъ тѣсно связаны съ читателями — главное дѣйствующее Лицо такъ дорого и такъ свяшенно русскому сердцу. Господинъ Устряловъ исполнилъ трудное дѣло свое съ достоинствомъ, съ приличіемъ и съ уваженіемъ къ исторической истинѣ. Книга раздѣлена на три части: въ первой части авторъ рассказываетъ о вступленіи на престолъ, аккерманской конвенціи, войнахъ персидской и турецкой, дѣлахъ египетскихъ, о всѣхъ блестящихъ и славныхъ событіяхъ царствованія; во второй, о внутреннихъ бѣдствіяхъ, — польскомъ мятежѣ и холерѣ; третья часть посвящена двумъ великимъ мирнымъ подвигамъ, приведенію законовъ въ правильную систему и прекращенію Уніи, — и заключается обозрѣніемъ политическаго положенія Имперіи, вѣшняго и внутренняго, вооруженной силы, управленія, промышленности и средствъ къ народному просвѣщенію и общественной образованности. Авторъ оканчиваетъ трудъ свои слѣдующими словами, исполненными спокойной умѣренности историка и строгаго приличія: « Будущее извѣстно одному Богу. Если одна-ко жъ образованіе всеобщее, основательное, можетъ служить надежнымъ залогомъ грядущаго, въ чемъ едва-ли кто нынѣ сомнѣвается, то Россію ожидаетъ судьба утѣшительная. »

Книгою этою дополняется рядъ постепенно изданныхъ томовъ « Русской исторіи » господина профессора Устрялова. Google

СФОРМИРОВАТЬ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗЪ», издаваемой О. Н. Константиновымъ. Годъ 1846. (Тифлисъ, 1847, въ 8. дѣй части).

Газета «Кавказъ», издаваемая въ Тифлисъ, почти неизвѣстна внутри и на сѣверѣ Россіи, но этимъ собраніемъ примѣчательнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ ней втеченіи 1846 года, доказывается неоспоримо, что «Кавказъ» — газета весьма интересная. Страницы ея — обильный источникъ любопытныхъ и, перѣдко, драгоценныхъ свѣдѣній обо всемъ что касается до того края. Конечно, не всѣ статьи «сборника» — заслуживали сохраненія: по крайней мѣрѣ половина ихъ — особенно повѣсти — могли быть преданы забвенію безъ ущерба занимательности или пользы, но и, при самомъ строгомъ выборѣ, масса хорошихъ матеріаловъ и интересъ книги были бы еще огромнѣе. Мы и приведемъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ любопытныя подробности объ остаткахъ христіанства у за-кубанскихъ народовъ.

« Преданія и рассказы старожиловъ убѣждаютъ, что Черкесы, не болѣе, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приняли магометанскую вѣру. А разсматривая ихъ обычаи, видимъ, что они были христіане. Различныя обстоятельства начали ослаблять въ нихъ вѣру Христа, а заблужденія, вкрадываясь мало-по-малу, наконецъ приблизили ихъ къ совершенному идолопоклонству.

« До обращенія въ магометанство, Черкесы, при молитвахъ обращались къ востоку, зажигали въ домахъ восковые свѣчи, курили ладанъ и клали земные поклоны. Испрашивая у Неба миръ, благополучіе, изобиліе плодовъ земныхъ и во всѣхъ добрыхъ случаяхъ, собирались подъ тѣнь нѣкоторыхъ огромныхъ деревьевъ, привязывали къ сучьямъ кресты, совершали жертвоприношенія и заключали угощеніемъ. Это называлось *ташь*, богоугодная жертва, или молебень. За немѣніемъ священниковъ, избирали какого-нибудь старика, облачали его въ бѣлую войлочную мантию (*ямычи*) и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу, подобную причастной, наполнивъ ее виномъ, а за немѣніемъ его, водкою, или бузою, — обращался лицомъ къ востоку, и стоя среди народа, читалъ молитву обычную, а часто импровизированную на мѣстѣ. Потомъ обращая къ народу, призывалъ на него милость и благословеніе небесъ и желалъ ему исполненія того, что было поводомъ молебствія. Все это заключалось пиршествомъ.

« Въ началѣ каждаго года, въ первыхъ числахъ января, постились цѣлую недѣлю, питаясь одними лишь бобами, и этотъ

« постъ назывался у нихъ, и теперь еще называется, *тлеумсикъ* (мясопустъ). Послѣ этого, праздновали Рождество Христово, то же цѣлую недѣлю, проводя время въ играхъ и забавахъ.

« *Созерешъ*, или Срѣтеніе Господне торжествовали слѣдующими обрядами: наканунѣ, въ вѣчернюю пору, въ домъ ихъ молитвѣ входила одна новобрачная молодая женщина, богато убранная, съ зажженною свѣчей въ рукѣ—остаткомъ отъ прошлогодняго праздника, и ею зажигала другія свѣчи, и освѣтила домъ, становилась у запертыхъ дверей, но во все время пребыванія въ молитвенномъ домѣ не должна была отвертывать лица отъ востока. Тѣмъ временемъ у дверей собирался народъ. Хромой старикъ, съ палкой усаженной восковыми свѣчами, подходилъ къ той двери и говорилъ: *ай созерешъ, пчерухи тхо-чашъ*, что значитъ: отверзай намъ двери. Народъ единогласно повторялъ эти слова, и когда молодая женщина отворяла двери, тогда старикъ со всѣмъ народомъ входилъ въ домъ, зажигалъ на палкѣ свѣчи и читалъ молитвы. Потомъ, въ молитвенномъ домѣ и влѣ его раскладывали костры, народъ расходился по своимъ жилищамъ съ зажженными свѣчами и ими каждый зажигалъ у себя свой костеръ.

« Еще имѣли праздникъ называвшійся *Шечаръ*, передъ которымъ постились цѣлую недѣлю, а нѣкоторые вовсе ничего не ѣли. Во все это время, при молитвахъ, каждый осыпалъ себя руки мукою. Въ концѣ поста праздновали память Святаго Сергія и недѣлю эту называли *Абиетлабиетсутъ*, что значитъ храбрые воины или мужественные сподвижники.

« Масляницу называли *Угагъ*, а великій постъ *Угыгъ*. Последний продолжался у нихъ сорокъ осемь дней. Вербный день называли *Гушгахъ*, что значитъ: воскресеніе мертвыхъ. Въ слѣдующее воскресеніе праздновали Пасху—*Удышигъ*. Въ продолженіи всего поста собирали яйца, не употребляя ихъ ни для какой нужды, и разбить яйцо почитали преступленіемъ.

« Наканунѣ Пасхи красили яйца и ими сперва разговлялись, а послѣ уже другими яствами. Говорятъ, что даже и теперь во многихъ мѣстахъ, въ горахъ, соблюдаютъ эти обряды.

« Въ день воскресенія мертвыхъ, *гушгахъ*, всякій отправлялся на кладбище и поминалъ предковъ своихъ молитвами, яствами и разными благотвореніями.

« Ежегодно, въ седьмой день Апрѣля, праздновали *Нагыматахъ*, что значитъ: подарить свѣжими цвѣтами. Этотъ обычай

« сохранился и поныне. Въ этотъ день дѣвцы и молодыя женщины толпами идутъ въ поле, собираютъ цвѣты и дарятъ ими другъ другу. На вопросъ о причинѣ такого обыкновенія, старицы мнѣ сказывали, что это перешло къ нимъ отъ предковъ, въ ознаменованіе того, что Ангелъ при Благовѣщеніи Святой Маріи принесть цвѣтокъ.

« Праздновали день Вознесенія Господня—*отбекъ* (жребій). Въ этотъ день, въ первый разъ приносили въ жертву ягненокъ, приготавливали изъ него обѣдъ и съ того дня разрешалось употребленіе мяса.

« Еще былъ праздникъ называвшійся *Тгагреныхъ*, что значитъ Божья дочь, или Господня дѣва. Въ этотъ день, каждая дѣвица относила по пыленку въ домъ молитвы, тамъ приготовляли кушанья, народъ собирался на этотъ дѣвичій обѣдъ, послѣ котораго онѣ поздравляли своихъ гостей съ заговѣниемъ Богородицы. Слѣдующую недѣлю постились, а въ воскресенье затѣмъ, торжествовали праздникъ Богородицы, что называлось *Ташхольнъ*, то есть Матерь Божья. Въ этотъ день пѣли всенародно слѣдующую пѣсню въ честь Богородицы: *Ташхольне миріамшхо, меріемнефъ тиефжанъ дыхрзынашъ мазе зыпшахъ*, что значитъ великаго Бога Мать-великая Марія, свѣтлая Марія, облаченная въ золото бѣлое, на челѣ имѣетъ луну, а вокругъ себя солнце. Подобныхъ хвалебныхъ пѣсень во славу Божьей Матери много, и Пресвятая Дѣва до сихъ поръ въ особенномъ почтеніи у Горцевъ.

« Праздникъ *Исуткъ*, или день окропленія водою, сопровождается веселыми играми народа, который окропляетъ всякаго водою.

« Есть еще много соблюдающихъ и исполняющихъ до сихъ поръ всѣ эти праздники и обычаи, въ особенности наканунѣ праздниковъ святаго великомученика Георгія и святаго Якова.

« При жертвоприношеніяхъ рога животного украшаютъ зажженными восковыми свѣчами, кормятъ ихъ солью, а при закланіи жертвъ—обращаются къ востоку.

« Что народъ этотъ былъ некогда Христіанскимъ, это даже доказываютъ названія вѣкоторыхъ дней недѣли. Такъ напримѣръ: воскресенье на ихъ языкѣ *Тхавмахъ*, то есть день Божій; среда—*Параскеже*, то есть меньшій постъ; пятница—*Падашмишо*, то есть большой постъ. Поэтому видно, что воскрес-

• ный день, въ древности, у нихъ былъ посвященъ Господу, а
• среда и пятница были постные.

• Въ горахъ, во многихъ мѣстахъ сохранились Христианскіе
• храмы и въ нѣкоторыхъ, говорятъ, есть церковныя утвари и
• книги.

• Преданіе повѣствуетъ, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ,
• Шапсугскіе Черкесы, видя въ Анапѣ, на степяхъ когайскихъ
• и въ Кабардѣ распространеніе магометанства, и сами рѣши-
• лись принять законъ мединаскаго пророка. Они построили
• мечети и стали молиться на югъ, а Натухуайцы остались при
• прежней религіи, продолжая поклоняться Распятію и молиться
• на востокъ. Шапсуги, въ большомъ числѣ напали на нихъ, со-
• брали все кресты и сожгли ихъ. Натухуайцы незамедлительно
• платили имъ разрушеніемъ и сожженіемъ ихъ мечетей и такимъ
• образомъ возникшее междуусобіе продолжалось двадцать лѣтъ.
• При перемиріяхъ, Натухуайцы брали всегда верхъ надъ Шап-
• сугами: вы, говорили они послѣднимъ, — наши братья, измѣ-
• нили закону предковъ, приняли новый, но мы не можемъ со-
• гласиться, чтобы вы послѣдовали Магомету и требуемъ: воз-
• вратитесь къ старому закону.

• Тѣ и другіе неоднократно обращались съ жалобами къ Анап-
• скимъ пашамъ, одни требуя удовлетворенія за истребленіе кре-
• стовъ, другіе, за разрушеніе мечетей. Напрасно паши старались
• склонить Натухуайцевъ къ принятію магометанства: они
• были непреклонны и утверждали, что поклоненіе распятію ста-
• рѣе было временемъ магометанству, что все горцы нераздѣльно
• исповѣдывали Христа и Шапсуги, отложившись отъ закона
• предковъ, первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйстви-
• ямъ, оскверненіемъ святыни. Паша, по долгому разсмотрѣніи
• обстоятельствъ междуусобной ихъ распри, отдалъ справедли-
• вость Натухуайцамъ и съ большимъ усиліемъ примирилъ оба
• клана.

• Шапсугская мечеть, разоренная назадъ тому сорокъ лѣтъ,
• находилась въ Абинѣ, гдѣ теперь Русское Абинское укрѣпленіе
• и Православная церковь.

• Въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія, Гасанъ-Паша,
• принявъ въ управленіе Анапу, съ многочисленнымъ войскомъ
• вступилъ въ земли Черкесовъ и, то угрозами, то богатыми по-
• дарками склонилъ ихъ согласиться принять магометанство.
• Горцы принуждены были дать присягу въ вѣрномъ соблюде-

« *вн правилъ Корова и принять наставниковъ въ новой вѣрѣ.*
 « Такимъ образомъ водворилось магометанство во всей Черкесіи.

« Черкесы, отъ смѣси различныхъ вѣръ, имѣютъ множество
 « вѣрованій и предрасудковъ свойственныхъ народу дикому, съ
 « пламеннымъ воображеніемъ, легкомысленному, склонному вѣро-
 « вать во все чудесное и сверхъестественное. По этому, заговоры,
 « колдуны и колдуньи, гаданія, заповѣдныя лѣса, рѣки и пеще-
 « ры—дѣйствуютъ въ полной силѣ. Въ особенности важную роль
 « играютъ колдуны. Если кто заболѣетъ, или случится въ домѣ
 « какое-нибудь несчастье, то это приписываютъ дѣлу злыхъ лю-
 « дей и по одной лишь догадкѣ хватаютъ подозрѣваемыхъ, свя-
 « зываютъ, кладутъ между двухъ зажженныхъ костровъ и нулла,
 « при стеченіи парада, допытываетъ у него имена сорока чертей,
 « съ которыми обвиненный, какъ колдунъ, долженъ быть въ со-
 « юзѣ. Обыкновенно старухи и преимущественно такія, которыя
 « уже были въ подобной огненной передѣлкѣ, служатъ доноси-
 « цами, указываютъ мѣста, гдѣ подложены злымъ челоуѣкомъ
 « предметы, имѣвшіе силу чаръ, по большей части разноцвѣтныя
 « нитки связанныя въ узелки, потомъ лечатъ больныхъ, совѣ-
 « туютъ принять мѣры противъ причипеннаго зла и тому подоб-
 « ное. Гаданіе па бараньей лопаткѣ тоже въ большой силѣ и ни
 « одно важное предпріятіе не обойдется безъ того, чтобъ не по-
 « совѣтоваться съ этою костью. Множество лѣсовъ считается не-
 « прикосновенными, куда никто не ходитъ, не пускаютъ скоти-
 « ны, не берутъ и прутика, а посмѣявшійся падъ поверьемъ на-
 « роднымъ и нарушившій святыню прикосновеніемъ къ ней, не-
 « премѣнно будетъ наказанъ хромотою, слѣпотою, или другою
 « какою-нибудь болѣзнію, семейнымъ несчастьемъ и тому по-
 « добнымъ. Если же во время военное, непріятель, незнающій
 « силы заповѣданнаго лѣса, тронетъ его, то быть ему разбитымъ,
 « и потому, всѣ неудачи воевавшихъ съ Черкесами, приписаны
 « подобной причинѣ и объ этихъ случаяхъ ходятъ въ народѣ
 « множество странныхъ и смѣшныхъ сказокъ. Повѣріе говоритъ,
 « что эти лѣса заключаютъ въ себѣ могилы святыхъ и угодни-
 « ковъ Божіихъ. Такъ напримѣръ, въ лѣсу называемомъ *Гучал-*
 « *це Гавашхъ* есть могила *Глебихъ*, усыпанная кругомъ желѣз-
 « ными опилками, въ ней покоится кузнецъ кончившій жизнь въ
 « святости. Подобныхъ могилъ въ Черкесіи очень много, гдѣ въ
 « дни праздничные собирается народъ и по своимъ древнимъ

« обрядамъ совершаетъ *Тапш* — богослуженіе — и эти праздни-
« называются у нихъ *тапшовыми* днями.»

Ремесленное устройство Грузинъ также достойно замѣчанія. Сочинитель статьи вѣрнѣе, кажется, мѣстному преданію, кото-
рое приписываетъ грузинскимъ царямъ основаніе и законодатель-
ство ремесленныхъ сословій, братствъ или цеховъ, но такой же
порядокъ управы существуетъ на всемъ магометанскомъ Востоку,
бывшемъ некогда подъ владычествомъ Грековъ и Римлянъ. По-
рядокъ этотъ восходитъ до глубокой древности и, поэтому, онъ
еще любопытнѣе. « Въ каждомъ мастерствѣ есть выборный, или
« голова мастеровъ, *уста-баши*, и мало того, что каждое ре-
« месло имѣетъ своего *уста-баши*, но и виды всякаго ма-
« естерства подчиняются отдѣльно своему старшицѣ, какъ-то:
« портные русскихъ платьевъ, портные черкесокъ, чохъ и про-
« чей туземной одежды; сапожники, башмачники, оружейники
« огнестрѣльнаго и оружейники холоднаго оружія; водоносы-
« кувшинники, водовозы - бурдюрчанки и прочіе. При этомъ, не
« различается нація.

« Выборъ *уста-баши* обыкновенно производится возлѣ извѣст-
« ной церкви, съ общаго согласія избирающаго круга, большин-
« ствомъ голосовъ, изъ мастеровыхъ своего ремесла, человека
« почтеннаго, извѣстнаго своею справедливостію, умомъ и опыт-
« ностію. Въ помощь ему назначаютъ двухъ опытныхъ масте-
« ровъ, подъ названіемъ *Иштъ-башъ* и *Ахъ-сахкаль*. Избиратели
« этихъ лицъ даютъ имъ подписку, что свято будутъ исполнять
« ихъ приказанія и довольствоваться ихъ рѣшеніемъ, потомъ цѣ-
« луютъ имъ руки и поздравляютъ съ должностію; причемъ каж-
« дый мастеръ даритъ *уста-башъ* яблоко, начиненное мелкими
« деньгами, соразмѣрно своему состоянію.

« Этотъ глава цеха — отецъ семейства ремесленниковъ: онъ
« бережетъ миръ и согласіе между ними, смотритъ за точнымъ
« исполненіемъ ихъ обязанностей, творитъ судъ и расправу; съ
« виновныхъ, по усмотрѣнію, взыскиваетъ штрафы, на ослуш-
« ныхъ налагаетъ запрещенія, запираетъ ихъ лавки на два и на
« три дня, но тѣлесно наказывать не имѣетъ права; а при ца-
« ряхъ, *уста-баши* были неограничены. Кромѣ того, они собира-
« ютъ подати и другія казенныя повинности. Власть *уста-баши*
« такъ велика, что никто не смѣетъ его послушаться и рѣшеніе
« его по ссорѣ или дѣлу всегда безпрекословно исполняется. По-
« добное посредство предупреждаетъ тяжбы, наслія; обиды и

« злоупотребленія. И если вамъ случится имѣть дѣло съ несправедливыми мастеравыми, то прямо обращайтесь къ ихъ уста-башѣ; въ справедливой жалобѣ, тотчасъ же получите удовлетвореніе. Когда же вы обманете ремесленника, то его уста-баша горою станетъ за обиды, нанесенныя его подчиненному, и чрезъ полицію или другія власти будетъ просить о законномъ взыскаііи съ виновнаго и добьется удовлетворенія обиженному.

« Кто желаетъ отдать сына своего въ обученіе кому-нибудь изъ ремесленниковъ, тотъ долженъ сперва предупредить о томъ уста-башу того общества, потомъ заключить условіе съ мастеромъ, на сколько лѣтъ отдастъ ему мальчика и на какихъ условіяхъ. По истеченіи условеннаго срока уста-баша съ двумя своими помощниками испытываетъ ученика въ ремеслѣ, которому онъ обучался, и если онъ окажется знающимъ и хозяинъ засвидѣтельствуетъ хорошее его поведеніе, то посвящаетъ его въ мастера. Обыкновенно лѣтомъ, по окончаніи испытанія нѣсколькихъ учениковъ, взимають съ каждаго изъ нихъ отъ десяти до двадцати пяти рублей серебромъ, смотря по состоянію, собирають все свое общество и на эти деньги приготавливаютъ пиръ въ садахъ, за городомъ. Туда приглашаютъ и священника того прихода, къ которому принадлежатъ ученики. Передъ обѣдомъ, ученики становятся на колѣни, священникъ читаетъ Евангеліе, потомъ даетъ имъ благословеніе на добрыя дѣла и наставленіе, исполнять ремесло свое честно, жить со всѣми въ мирѣ. Послѣ того, они подходятъ къ уста-башѣ, тотъ въ свою очередь желаетъ имъ всякаго успѣха на новомъ поприщѣ и совѣтуетъ быть достойнымъ высокаго званія мастера. Всѣ ремесленники общества тутъ присутствующіе, заключаютъ наставленія возгласомъ: *Аминь!* Тогда уста-баша, призвавъ на помощь Святую Троицу, бьетъ рукою три раза по щекамъ каждаго изъ посвящаемыхъ и, наконецъ, опоясываетъ ихъ шелковыми кушаками или платками. Посвященные носятъ эти пояса три дни, въ знакъ, что удостоились званія мастера. По окончаніи обряда опоясыванія, они цѣлуютъ руку уста-башы и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ, и начинается веселый пиръ.

« Въ день Новаго Года, каждый мастеръ поздравляя своего уста-башу, даетъ ему яблоко начиненное мелкими децъгами, а

« уста-баша, взамиъ подарка, угощать еруктами и водкой. Въ
« этотъ день всѣ ремесленники обѣдаютъ у своихъ уста-башей.

« Въ дни высокаторжественные, уста баша чрезъ своихъ шить-
« башей оновѣщаютъ всѣхъ ремесленниковъ, чтобы они присут-
« ствовали въ церквахъ при совершеніи молебствій.

« Въ случаѣ ссоры между мастеровыми, уста-баша призываетъ
« ихъ чрезъ своего шить башу, разбираетъ дѣло, присуждаетъ
« удовлетвореніе и съ виновнаго взыскиваетъ денежную пеню въ
« пользу кассы общества. Если же осужденный задумаетъ не по-
« виноваться, тогда, какъ напримѣръ, между сапожниками, баш-
« начниками и кожевниками, уста баша посылаетъ чрезъ своего
« шить башу, яблоко къ уста-башѣ тѣхъ ремесленниковъ, у ко-
« торыхъ непослушный покупаетъ товаръ для своей работы или
« къ тѣмъ, которые у него берутъ товаръ и свѣтъ извѣщаетъ,
« что такой-то мастеръ ему не повинуется и потому просить
« строго воспретить подвѣдомственнымъ мастерамъ продавать то-
« му, если онъ кожевникъ, то мясникамъ, сырую кожу, а сапож-
« никамъ выдѣланную кожу; а если онъ сапожникъ, то кожен-
« никамъ давать ему товаръ. Такимъ образомъ, стѣсненный со
« всѣхъ сторонъ, принужденъ бываетъ явиться къ своему уста-
« башѣ съ покорностію, просить прощенія и платить штрафъ
« по назначенію, и тогда уже уста-баша увѣдомляетъ чрезъ шить-
« башу, что такой-то, повинившись, свободенъ отъ запрещенія и
« можетъ покупать и продавать.»

Одна изъ самыхъ важныхъ статей «Сборника» — свѣдѣнія о
сектѣ Ъзидовъ, или *Чортовихъ сыновъ*, въ Закавказскомъ Краѣ,
но мы предпочитаемъ обратитъ вниманіе читателей на подземный
«Дворецъ Тамары», статью болѣе короткую.

« Въ пятидесяти четырехъ верстахъ отъ Ахалцыха, и въ двухъ-
« стахъ-пятидесяти-осми отъ Тифлиса, по теченію Куры, на скалѣ
« надъ самою рѣкой, расположенъ дворецъ, замѣчательный по своей
« древности и мѣстности. Дворецъ этотъ высѣченъ въ камень, въ ко-
« торомъ я насчиталъ до двадцати большихъ и тридцати малыхъ
« комнатъ, соединенныхъ между собою отверстіями, наподобіе дзе-
« рей; въ серединѣ его церковь, въ которой удобно могутъ по-
« мѣститься до двухъсотъ-пятидесяти человѣкъ. Пещеры эти, какъ
« должно предполагать, были натуральныя, но поправлены и об-
« дѣланы Грузиннами (въ царствованіе Тамары, какъ говоритъ

« преданіе), которые находили въ нихъ убѣжище спокойное и совершенно безопасное, во время непріятельскихъ нападений. Церковь, или какъ Грузины говорятъ монастырь, называется « *Вардзіа*.

« Въ прошломъ году, говоритъ господинъ Переваленко, я былъ « въ этомъ дворцѣ; вожатый мой, Грузинъ, преклонныхъ лѣтъ, « зная кое-какъ по-русски, рассказалъ мнѣ слышанное имъ, быть « можетъ отъ дѣда, что этотъ дворецъ былъ любимѣйшимъ « цари Тамары. Она часто его посѣщала и проживала въ немъ « съ своею свитой по нѣскольку мѣсяцевъ. Одна изъ горницъ, « болѣе просторная и лучше прочихъ была, какъ объяснилъ « Грузинъ, пріемною залой Тамары. Въ этой комнатѣ замѣтны « слѣды истертой надписи. Мой вожатый могъ только прочесть: « «Великая Тамара!» Недалекъ отъ этого зданія, надъ самою « рѣкою, протекающею въ Аспиндзи, есть тепло-сѣрные воды « и въ настоящемъ году, изъ Ахалцыха выѣзжало къ нимъ нѣ- « сколько семействъ.

« Описаніе этого подземнаго дворца Тамары, даетъ намъ « поводъ сказать нѣсколько словъ о всѣхъ вообще постройкахъ, « приписываемыхъ этой знаменитой царицѣ. Грузія, до начала « настоящаго столѣтія, постоянно испытывала страшныя поли- « тическія бури; внутреннія вражды расторгали государство на « части самостоятельныя, а каждая изъ нихъ сама по себѣ, дѣ- « лалась на вассальства. Внѣшніе же враги отвоевывали провин- « ции, заставляли присвоенныхъ жителей измѣнять вѣру, или « угоняли во внутрь своихъ государствъ. Последняя причина бы- « ла поводомъ къ переселенію жителей съ равнинъ въ непри- « ступныя горы и непроходимые лѣса, гдѣ донынѣ видимъ раз- « шатаны не только церкви, но и большихъ городовъ. Подоб- « нымъ же пещеры, какъ описанныя, близъ Ахалцыха, или *Унлес-* « *джи* близъ *Горіи*, и въ другихъ мѣстахъ, были начальнымъ « жилищемъ этихъ переселенцевъ. Впоследствии же они строили « города, а можетъ-быть и начинали всегда съ церкви, какъ « единственной сѣни защищавшей, какъ въ духовной, такъ и фи- « зической жизни, потому что церкви очень часто служили въ убѣ- « жищемъ или крѣпостью въ случаѣ нападенія враговъ. При- « томъ, постройка ихъ ничего не стоила строившимъ царямъ и « князьямъ. Храмы воздвигались народною повинностію по на-

«ряду, ближайшіе жители доставляли матеріалы, а отдаленнѣй-
 «шіе, вносили деньги на плату мастерамъ — Грекамъ. Отъ это-
 «го всё почти храмы древней Грузіи обширны, прекрасной ра-
 «боты и изъ удивительныхъ матеріаловъ. Малѣйшій случай, ни-
 «кута спокойствія царства или удѣла, были поводомъ къ созда-
 «нію какого-нибудь храма благодарнымъ и богобоязненнымъ на-
 «родомъ или владѣтелемъ. Множество подобныхъ случаевъ, соз-
 «дали множество и церквей или жертвъ благодарности Спасите-
 «лю. Если бъ знающій антикварій порылся въ этихъ развали-
 «нахъ и прослѣдилъ бы на стѣнахъ полуистертыя надписи, то
 «и онъ бы подтвердилъ это правдоподобное заключеніе. Между-
 «тѣмъ невѣжество народа, утратившаго не только исторію, но и
 «преданія о прошедшей своей жизни приписываетъ сооруженіе
 «всѣхъ видимыхъ памятниковъ — имени, которое одно только,
 «или по-крайней-мѣрѣ рѣче другихъ врезалось въ его памяти и
 «такимъ образомъ по всему Кавказу, всѣ уцѣлѣвшія церкви и
 «замки, по его словамъ, строены царицею Тамарою. Безчислен-
 «ное множество замковъ, свидѣтельствуютъ только о бурномъ,
 «несчастномъ времени страны, когда всякій, кто только имѣлъ
 «возможность, устранивалъ себя на недоступной скалѣ замокъ —
 «орлиное гнѣздо, для защиты отъ ближнихъ и дальнихъ вра-
 «говъ, отъ собрата и хищника-пришлеца. Человѣкъ не имѣвшій
 «своей крѣпости, ничего не значилъ. Это свидѣтельствуетъ
 «одинъ замокъ въ Имеретіи, посвящій названію *приди и посмотри*.
 «Одинъ молодой князь, изъ первѣйшей фамиліи въ Имеретіи, сва-
 «талъ княжну, равную ему родомъ. Отецъ дѣвушки отказалъ ему,
 «сказавъ: какъ же ты хочешь, чтобы я выдалъ за тебя дочь
 «свою, когда не имѣешь крѣпости для ея охраненія! Молодой
 «князь, въ ту же минуту избралъ неприступную скалу, увѣнчалъ
 «ее башнями и стѣнами и по окончаніи работъ послалъ сказать
 «отцу княжны: *приди и посмотри!* — Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ
 «и выдалъ дочь.

«Удивительно ли, что послѣ этого, на всякомъ шагу встрѣ-
 «чаются развалины замковъ, а между-тѣмъ, молва народная и нѣ-
 «къ приписываетъ Тамарѣ.»

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ ДЛЯ КУПЕ-
 «ЛЕЦТВА, составленный Евграфомъ Колоколовымъ. (Москва, 1847,
 «вз-8., стр. 500).

Полное собраніе существующихъ законовъ и постановленій о

правахъ лицъ купеческаго званія и правахъ другихъ лицъ на торговлю и по торговлѣ, объ условіяхъ и контрактахъ, о векселяхъ и маклерскихъ дѣлахъ, о таможенныхъ и банкахъ, о подрядахъ, залогахъ, фабрикахъ, банкротствахъ, мюлетѣ, и о прочемъ. Изложеніе узаконенныхъ правилъ обогащено оглавленіями и афористичными указателями. Книга составлена дѣльно.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

О ЖИЗНИ И ТВОРЕНІЯХЪ СЕМИ ЗНАМЕНЫТѢЙШИХЪ ОЦЕВЪ ЦЕРКВИ, составленное для Военно-учебныхъ Заведеній. (СП.-бургъ, 1847). — Авторъ этого краткаго, но превосходнаго очерка — ученый протоіерей Раевскій. Въ сжатой формѣ ясно и удовлетворительно изложены здѣсь благочестивые труды Святыхъ Афанасія-Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, Василія-Великаго, Григорія Богослова, Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина.

О ИСТИННОМЪ СЕРДЕЧНОМЪ ПОКАЯНІИ на основаніи Слова Божія. (Москва, 1847). — Очень хорошее изложеніе евангельскаго ученія о сущности сердечнаго покаянія. Переводъ не извѣстно съ какого языка.

О ПЛУГѢ И ПЛУГАХЪ въ механическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Эрвста Рудольфа. (СП.-бургъ, 1847). — Авторъ этой книжечки извѣстенъ нашей земледѣльческой публикѣ какъ ученый агрономъ и какъ сочинитель «Земледѣльческаго календаря». Книжечка заключаетъ въ себѣ много дѣльныхъ замѣчаній о главномъ орудіи земледѣлія и написана хорошо.

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СНОШЕНІЙ НОВАГОРОДА съ Готландомъ и Любекомъ. Разсужденіе М. Славянскаго. (СП.-бургъ, 1847). — 2. EUMENIDUM NOTIO secundum tres Græcorum tragicos. Conscriptit V. Jarotzkjus. (СП.-бургъ, 1847). — 3. ANTIQUITATES GRAECAE LOCA QUAE DAM e Russorum moribus illu-

strata. Auctore J. F. Steinmanno. (СП.-бургъ, 1847). — Три академическія разсужденія кандидатовъ и магистровъ здѣшняго университета: первое изъ нихъ замѣчательно какъ собраніе указаній на матеріалы, относящіяся къ предмету донынѣ не приведенному въ надлежащую ясность, несмотря на важность его для исторіи Сѣвера.

=

VII.

С М Ъ С Ъ .

=

О НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ФАРЕДЕ. «Давно уже раздѣлялъ я, говорить знаменитый англійскій физикъ, со многими естествоиспытателями мнѣніе, что различныя виды, подъ которыми обнаруживаются намъ силы дѣйствующія въ веществѣ, происходятъ изъ одного общаго начала, или, другими словами, они находятся въ такомъ прямомъ соотношеніи и въ такой взаимности, что могутъ быть обращаемы одинъ въ другой и имѣютъ нѣкоторую однозначительность въ способѣ проявленія. Въ новѣйшее время представлено уже довольно доказательствъ такого обращенія (convertibility), и положено начало опредѣленію равнозначительности. Съ этими убѣжденіями были разсматриваемы явленія свѣта и сдѣланы усилія открыть прямыя отношенія между свѣтомъ и электричествомъ и ихъ взаимное дѣйствіе на тѣла, подверженныя вліянію этихъ обонхъ силъ, но послѣ многыхъ усилій нельзя еще было достигнуть до какихъ-нибудь положительныхъ заключеній. Подобныя неудачи однако жъ не могли поколебать моего сильнаго убѣжденія, основаннаго на философскихъ соображеніяхъ, и я снова пришелъ точнымъ путемъ опытности къ изысканію, которое показало наконецъ возможность магнетизированія или электризованія лучей свѣта и освѣщенія линій магнетизма дѣйствія.»

Эти слова составляютъ какъ-бы введеніе въ первый изъ трехъ замѣчательныхъ мемуаровъ, изданныхъ въ 1846 году, господиномъ Фаредѣмъ подъ заглавіемъ: *Experimental Researches in Electricity;— On magnetization of Light and the Illumination of Magnetic Lines*

of Force;—On new Magnetic Actione, and on the Magnetic Condition of all Matter.

Мы постараемся вкратцѣ познакомить нашихъ читателей съ главными слѣдствіями этихъ ученыхъ изысканій, и для бѣльшей ясности сдѣлаемъ нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Известно, что лучъ свѣту, идущій прямо отъ свѣтящагося предмета, отразившись однажды отъ какой нибудь поверхности, можетъ отражаться потомъ и отъ другой поверхности, и безпрепятственно проходить черезъ какое-нибудь прозрачное тѣло. Эти явленія случаются обыкновенно, или въ бѣльшей части случаевъ. Но если лучъ отразится подъ нѣкоторымъ угломъ, различнымъ для различныхъ отражающихъ тѣлъ, или, если лучъ проходя черезъ особаго роду прозрачныя тѣла, называемыя кристаллами, вступаетъ туда по нѣкоторому опредѣленному направленію, то онъ теряетъ возможность отражаться въ другой разъ, или отражается не иначе какъ только при нѣкоторыхъ углахъ. Онъ терлетъ также возможность вновь переходить черезъ прозрачныя тѣла, или переходить только исключительно по нѣкоторымъ особеннымъ направленіямъ. Черезъ такое отраженіе и пропусканіе свѣту черезъ прозрачныя кристаллы, лучъ получаетъ новыя свойства, и это измѣненіе называется поляризациею, а самый лучъ претерпѣвшій измѣненіе—поляризованнымъ лучомъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ Фаредѣ старался показать отношеніе явленій магнетизма къ поляризованному свѣту. Снарядъ, употребленный этимъ остроумнымъ физикомъ, состоялъ изъ сильнаго электромагнита, или большой полосы мягкаго желѣза, согнутой въ видѣ подковы, на которую навивается въ нѣсколько рядовъ по одному направленію проволока красной мѣди, обмотанная шелкомъ и проводящая гальванической токъ, то есть соединенная съ концами гальванической батареей. Какъ, скоро батарея приходитъ въ дѣйствіе, мягкое желѣзо получаетъ сильный магнетизмъ, такъ что оно въ состояніи бываетъ поддерживать весьма тяжелые куски желѣза. Но стоить только прекратить въ проволоку движеніе гальваническаго току, то есть, разобщить ее съ батареею, и тотчасъ магнетизмъ окруженнаго проволокою желѣза уничтожается. Между концами подковообразной полосы электромагнита помѣщалось вещество, черезъ которое долженъ былъ проходить поляризованный свѣтъ и совершаться на него вліяніе силы магнетизма. Для этой цѣли можно было выбрать много различныхъ веществъ, но ни одно изъ нихъ не представляетъ желаемыхъ явленій въ такой ясности, какъ стѣкло описан-

ное господиномъ Фаредѣ, за семнадцать лѣтъ назадъ и заключающее въ своемъ составѣ нѣсколько свинцу. Лучъ свѣту Аргантовой лампы поляризованъ былъ въ горизонтальной плоскости черезъ отраженіе отъ стекляннаго зеркала, и пропущенъ потомъ черезъ такъ-называемую глазную Николеву трубку (Nichol's eye piece), или трубку, заключающую въ себѣ двѣ призмы двояко преломляющаго известковаго шпату, которыя приличнымъ образомъ отшлифованы и склеены между собою помощію прозрачнаго канадскаго бальзаму. Концы электромагнита были раздѣлены между собою почти на два дюйма и такъ расположены, что направленіе поляризованнаго луча, идущаго по днѣ стекла, совпало съ направленіемъ дѣйствія магнитной силы. Глазная трубка поворачивалась около горизонтальной оси и чрезъ нее легко было разсматривать явленія свѣту, совершающіяся вдоль стекла, заключеннаго между концами электромагнита.

До тѣхъ поръ пока не возбуждался магнетизмъ, ничего особеннаго не представлялось, и казалось всё-равно, проходилъ ли лучъ черезъ стекло, или черезъ воздухъ, воду и другое какое-нибудь подобное прозрачное вещество, такъ, что если глазная трубка первоначально приведена была въ такое положеніе, при которомъ поляризованный свѣтъ уничтожается, или при которомъ производимое имъ изображеніе становится невидимымъ, то при этомъ не замѣчалось ни какой разности, оставалось ли стекло между концами электромагнита, или было отнимасемо прочь. Но какъ-скоро возбуждался магнетизмъ, исчезнувшее изображеніе становилось замѣтнымъ, и его можно было видѣть во все время, въ которое сила магнетизма поддерживалась. Съ уничтоженіемъ же этой силы и самое изображеніе исчезало. Такія явленія можно было повторять по произволу и они всегда сопровождались въ такой послѣдовательности, въ какой находятся причина съ ея дѣйствіями. При тѣхъ же обстоятельствахъ стоило только повернуть глазную трубку около ея оси на нѣкоторый уголъ, чтобъ исчезнушія изображенія вновь показались, и на оборотъ. Что касается до зависимости между упомянутыми явленіями, то Фаредѣ замѣчаетъ, что вліяніе магнетизма тогда только чувствительно, когда направленіе полярнаго свѣту параллельно съ линіями, по которымъ дѣйствуетъ магнитная сила, но когда эти направленія между собою перпендикулярны, тогда ничего не обнаруживается.

Не входя въ дальнѣйшія разсмотрѣнія этихъ явленій, скажемъ только, что они въ высшей степени занимательны для физиковъ.

Спрашивается однако жъ, въ самомъ ли дѣлѣ представляется намъ непосредственное вліяніе магнитной силы на явленія свѣту? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ физиковъ, говорившихъ объ открытіи Фарадѣ, полагаютъ, и кажется съ большою вѣроятностію, что измѣненія, претерпѣваемые въ этомъ случаѣ поляризованнымъ свѣтомъ, скорѣе зависятъ отъ нѣкоторой перемѣны въ расположеніи частицъ матеріи стекла, подобной, напримѣръ, той перемѣнѣ, которая замѣчается, когда стеклу черезъ сжиманіе, или накалываніе и быстрое охлажденіе сообщаютъ разную плотность по различнымъ направленіямъ. Черезъ это стекло получаетъ также свойство оказывать замѣтное вліяніе на проходящій чрезъ него полярный свѣтъ.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ нами трехъ записокъ великаго англійскаго физика, онъ изслѣдываетъ новыя магнитныя дѣйствія и говоритъ о магнитномъ состояніи всякаго вещества. Здѣсь встрѣчаемъ множество превосходныхъ опытовъ, но множество также и предположеній, хотя очень остроумныхъ, однако еще не доказанныхъ. Честь и слава тому, кто въ этихъ трудныхъ задачахъ достигаетъ по крайней мѣрѣ къ заключеніямъ достойнымъ вѣроятія.

НЕСОВЕРШЕННОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ГЛАЗА. *Замѣчанія, сообщенныя парижской академіи наукъ господиномъ Матиссеномъ.* Мы привыкли думать, что нашъ глазъ есть во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣйшій между оптическими сваядами, и это вообще справедливо. Въ глазѣ есть однако жъ недостатокъ, который оптики всячески стараются устранять въ приготовляемыхъ ими зрительныхъ трубахъ. Безъ сомнѣнія, теперь никто не захочетъ купить микроскопъ или трубу, которые представляли бы разсматриваемые предметы, окруженными посторонними для нихъ полосами различныхъ радужныхъ цвѣтовъ. Трубы, не имѣющія такого недостатку, называются «ахроматическими». Можетъ-быть, многимъ покажется очень странно, если скажемъ, что нашъ глазъ заключаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, или, другими словами, не есть ахроматическій. Справедливость этого заключенія не подлежитъ сомнѣнію, и опыты господина Матиссена подтверждаютъ только-то, что уже давно было извѣстно; надобно однако жъ прибавить, что этотъ недостатокъ нашего глаза такъ мало значителенъ, что въ большей части онъ вовсе не можетъ быть замѣтнымъ и открывается только при стеченіи рѣдкихъ благоприятныхъ обстоятельствъ.

Знакомые съ исторіею наукъ, знаютъ, что Ньютонъ полагалъ устройство ахроматическихъ трубъ совершенно невозможнымъ. Это положеніе опровергъ Эйлеръ, и если первоначальное его соображеніе, допускавшее полный ахроматизмъ глаза, не совсѣмъ точно, то тѣмъ не менѣе изслѣдованія его, увѣнчавшіяся изобрѣтеніемъ совершеннѣйшихъ зрительныхъ трубъ, были чрезвычайно благодѣтельны для многихъ наукъ.

Даламберъ первый изъявилъ сомнѣнія о несовершенномъ ахроматизмѣ глаза. Вскорѣ послѣ того докторъ Жюрѣнъ (Jurin) сдѣлалъ замѣчаніе, что нельзя съ ясностію разсматривать, въ одинакихъ отъ глаза разстояніяхъ, тонкія нити, подкрашенные различными цвѣтами, такъ, напримѣръ, надобно держать красныя нити далѣе отъ глаза, нежели синія или фіолетовыя, а это показываетъ, что разнаго цвѣту лучи, вошедши въ глазъ, собираются въ точкахъ, различно отстоящихъ отъ зрачка. Наблюденія Вульстена (Wollaston), Юнга и Матиссена еще опредѣлительнѣе доказываютъ недостатки глаза. Въ послѣднее время господня Матиссенъ придумалъ снарядъ, который долженъ уничтожать это несовершенство. Снарядъ состоитъ изъ двухъ извѣстныхъ стеколъ: одно изъ нихъ есть такъ-называемый «кроуль-гласъ», а другое «флинтъ-гласъ». Наружнымъ поверхностямъ этихъ двухъ стеколъ даютъ такой видъ, чтобы разсматриваемые черезъ соединеніе этихъ обѣихъ кусковъ посторонніе предметы не казались намъ въ увеличенномъ или уменьшенномъ видѣ. Внутреннимъ же поверхностямъ стеколъ, которыми они соприкасаются, даютъ такія кривизны, чтобы, при прохожденіи блага луча свѣту черезъ оба стекла, происходило разложеніе этого луча на цвѣтныя полосы равное и противоположное тому, которое происходитъ въ человѣческомъ глазѣ. Такимъ образомъ получится снарядъ, который, будучи приспособленъ къ зрѣнію, даетъ намъ удалить предметы съ точностію, ни по-крайней-мѣрѣ независимо отъ недостатковъ въ ахроматизмѣ глаза. Надобно однако жъ замѣтить, что устройство снаряда господина Матиссена должно быть сопряжено съ большими трудностями, что уже можно изъ того заключить, что изъ трехъ-сотъ образчиковъ стеколъ, шлифованныхъ по заказу господина Матиссена, едва одно найдено удовлетворительнымъ.

баронъ дамоассо. Въ прошломъ году науки лишились многихъ знаменитостей и въ томъ числѣ знаменитаго французскаго астронома, барона Дамоассе, который принадлежалъ къ искуснѣйшимъ французскимъ астрономамъ-вычислителямъ. Одно изъ

самыхъ отличныхъ его сочиненій заключается въ обширной запискѣ «О теоріи Луны», представленной парижской академіи въ 1824 и напечатанной въ 1827 году. (*Mémoires des Savans étrangers.*) Въ этомъ важномъ трудѣ вообще онъ слѣдовалъ способамъ Лапласа, но распространилъ ихъ нѣсколько далѣе. Онъ издалъ также въ 1824 году превосходныя таблицы движенія Луны, основанныя единственно на теоріи всеобщаго тяготѣнія, такъ, что изъ наблюденій заимствованы были только немногія данныя, опредѣляющія массы солнца, земли и луны, а также элементы путей, описываемыхъ этими двумя послѣдними тѣлами. Нынче таблицы Дамоассе въ большомъ употребленіи и ими пользуются граничскіе астрономы для вычисленія лунныхъ наблюденій.

Не менѣе замѣчательны его таблицы юпитеровыхъ спутниковъ, таблицы, которыя до-сихъ-поръ считаются лучшими. Многія вычисленія кометъ и разныя сочиненія, полезныя для астрономіи, вмѣстѣ съ упомянутыми трудами, упрочили ему очень почетное мѣсто между отличнѣйшими европейскими учеными. Дамоассе былъ глубокой знатокъ математическаго анализа, трудолюбивый и точный вычислитель. Ему преимущественно мы обязаны многими успѣхами, сдѣланными послѣ Лапласа въ изслѣдованіи лунныхъ движеній.

О ВУДУЩЕМЪ Появленіи вольшой кометы 1264 и 1556 годахъ. *Замѣчанія господина Гинда (Hinde).* Извѣстный англійскій астрономъ, Гиндъ, въ засѣданіи лондонскаго королевскаго астрономическаго общества сообщилъ недавно свои изслѣданія о славной кометѣ, которая видна была въ 1264 и 1556 годахъ. О появленіи этой кометы писали уже давно Дюкторнъ и Пингрѣ. По словамъ послѣдняго, объ ней упоминали европейскіе историки тринадцатаго вѣка, и китайскіе астрономы дѣлали надъ нею наблюденія. Огромный хвостъ кометы, простиравшійся до ста градусовъ, представлялъ въ 1264 году поразительное зрѣлище. Наружный блескъ и величина кометы были чрезвычайны, и современные писатели, полные суевѣрныхъ предразсудковъ, считали ее предвѣстницею смерти папы Урбана-Четвертаго, и многіе изъ нихъ говорятъ, что папа умеръ въ ту самую ночь, когда комета скрылась (второго октября). Вотъ слова одного повѣствователя:

«Quo (Urbano) moriente, velut mortem cognosceret ejus
Apparens minime stella cometa fuit».

Вѣроятно, что въ 1556 году появлялась та же самая комета.

Она была не столь блестяща какъ въ 1264 году, однако жъ довольно ярка для того, чтобъ историки дали ей эпитетъ «огненной и свѣтлой звѣзды» (*ingens et lucidum sidus*). Ее наблюдалъ Павелъ Фабрицій, математикъ императора Карла-Пятаго. Къ-сожалѣнію, ни Пингрѣ, ни господинъ Гиндъ не могли достать издавнаго Фабриціемъ сочиненія, въ которомъ содержатся его наблюденія и о которомъ упоминаетъ Лалаандъ въ своей кометографіи. Если бы тождество кометъ 1264 и 1556 годовъ было доказано, то въ скоромъ времени можно было бы ожидать новаго появленія кометы. Произведенныя однако жъ доселѣ вычисленія довольно опредѣлительны, чтобъ можно было сказать что-нибудь положительное. Кажется, что, основываясь даже на этихъ вычисленіяхъ, она пройдетъ въ такомъ большомъ разстояніи отъ солнца и земли, что надежда на открытіе ея должна быть очень мала.

НОВЫЙ СЧИСЛИТЕЛЬ, ИЗОБРЕТЕННЫЙ ГОСПОДИНОМЪ КУММЕРОМЪ. Много придумано было механическихъ средствъ для облегченія численныхъ сложений и вычитаній. Русскіе счѣты до-сихъ-поръ были однако жъ самымъ удобнымъ для этого снарядомъ, какъ по дешевизнѣ, такъ и по легкости въ употребленіи. Несмотря на весьма остроумную машину господина Сломинскаго, которая заслужила общее вниманіе, къ-сожалѣнію, дороговизна и невыгодный форматъ препятствовали къ ея распространенію. Основываясь вообще на однихъ началахъ съ Сломинскимъ, господинъ Куммеръ успѣлъ устранить неудобства прежней машины и сдѣлать нѣкоторыя полезныя улучшенія. Новый счислитель величиною не болѣе шестнадцатой доли листа. Его можно носить въ карманѣ и приложенное къ этому снаряду печатное наставленіе показываетъ его употребленіе всякому, кто будетъ пользоваться этимъ снарядомъ. Въ-особенности рекомендуемъ его для дамъ и особъ занимающихся хозяйственными счетами. Съ нѣкоторымъ навыкомъ, который скоро пріобрѣтается, можно съ помощію этого счислителя быстро производить сложения и вычитанія, а отчасти также умноженія и дѣленія. Замѣтимъ еще, что самое устройство снаряда устраняетъ возможность ошибокъ въ вычисленіяхъ. Наша Академія Наукъ признала счислитель господина Куммера волиѣ соответствующимъ его цѣли.

АЛМАЗЪ, ПРЕВРАЩЕННЫЙ ВЪ УГОЛЬ. *Опыты господина Жаклена.* Однородность составу алмаза и угля—истина уже неподверженная сомнѣнію. Алмазь, сильно нагрѣтый, горитъ въ свѣтлосиневенія съ кислородомъ и, слѣдовательно, такъ же какъ и самый простой кусокъ угля даетъ угольную кислоту. Олѣ

такъ же какъ и уголь, обладаетъ свойствомъ сваривать желѣзо и происходящая отъ этого сталь ничѣмъ не отличается отъ другой стали. Лавозьё, Гюнтонъ, де-Морвё, Деви, Теннанъ и многіе другіе представили на этотъ счетъ самыя убѣдительныя доказательства и отъ нихъ мы знаемъ, что легкій, черный, мягкій порошокъ, называемый сажею, и алмазь столько примѣчательный по своей твердости, прозрачности и блеску—одно и то же вещество. И то же самое вещество, хотя въ еще менѣе чистомъ видѣ, мы встрѣчаемъ въ обыкновенномъ древесномъ углѣ, въ каменномъ углѣ, въ таящемся въ вѣдрахъ земли антрацитѣ и въ графитѣ, изъ котораго дѣлаютъ карандаши и плавильные горшки. Словомъ, это тѣло истинный Протей: оно является то сѣрымъ, то чернымъ, то свѣтлымъ какъ ключевая вода, то легкимъ какъ перо, то грузнымъ какъ металлъ. Здѣсь оно блестяще, твердо, звонко, легко пропускаетъ теплоту и электричество; тамъ оно оказываетъ свойства совершенно противоположныя.

Подъ этими разнообразными формами химикъ видитъ всё одно и то же вещество, потому что сгораніе этого вещества въ кислородѣ всегда даетъ угольную кислоту, углеродъ. Поэтому легко представить себѣ, сколько было употреблено усилий, чтобы непосредственно обратить углеродъ изъ одного состоянія въ другое. Многія изъ этихъ превращеній совершаются иногда передъ нашими глазами. Древесный уголь, положенный въ плавильную печь, при очень высокой температурѣ, приобретаетъ твердость и становится проводникомъ теплоты и электричества. Этотъ уголь въ соприкосновеніи съ плавленнымъ желѣзомъ растворяется, а по охлажденіи опять отдѣляется блестками и образуетъ искусственный графитъ. Самый алмазь уже и прежде жгли, но не умѣли лишить его блеску, прозрачности, твердости, словомъ, всѣхъ его превосходныхъ качествъ, чтобы посредствомъ простаго физическаго дѣйствія съ очевидностью показать настоящее его происхожденіе.

Чтобы измѣнить расположеніе атомовъ, составляющее алмазь, надобно было прибѣгнуть къ великимъ средствамъ, — надобно было употребить самое могущественное орудіе повѣйшей физики, — вольтовъ столбъ. Да, этотъ столбъ, который отрываетъ одно отъ другаго тѣло, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ, — который разрушаетъ, громитъ, ослѣпляетъ, — который плавитъ и растворяетъ металлы и мгновенно бросаетъ вѣсти съ одного края свѣта на другой, — этотъ столбъ, если вамъ угодно, превра-

титъ въ угли самое пышное ожерелье, самый блестящій потокъ брилліантовъ: за это вамъ ручается господинъ Жаклѣвъ, уже известный химикъ, который дѣлалъ опыты, и господинъ Дюма, который представилъ парижской академіи наукъ записку объ этомъ вмѣстѣ съ образчиками превращенныхъ въ уголь алмазовъ.

Посредствомъ сильной гальванической струи, безъ всякихъ особенныхъ приборовъ, господинъ Жаклѣвъ раскаливаетъ и вы сами можете раскалить алмазъ такъ, что онъ увеличится въ объемѣ, почернѣетъ и по охлажденіи, — тотчасъ по устраненіи изъподъ вліянія гальванической струи, — приметъ видъ угля или кокса, совершенно потерявъ свою прозрачность, значительную часть плотности и почти пѣлую треть вѣсу.

Эти результаты вѣскольکو противорѣчатъ понятіямъ, какія были составлены объ образованіи алмаза. Когда нашли невозможнымъ произвести химическую реакцію, способную изолировать углеродъ въ кристаллизованномъ видѣ, избавились отъ хлопотъ, сказавъ, что алмазъ долженъ быть происхожденія огненного, — предположили температуру, способную расплавить углеродъ и заключили, что этотъ расплавленный углеродъ, постепенно охлаждаясь, пріянялъ форму кристалла. Теперь это объясненіе становится уже по-крайней-мѣрѣ недостаточнымъ и господинъ Жаклѣвъ, напротивъ, соображая небольшое количество алмазовъ въ природѣ и незначительные ихъ размѣры, полагаетъ, что это тѣло скорее происходитъ отъ медленнаго дѣйствія какого-нибудь металла на какой-нибудь составъ или видъ углероду, дѣйствія, которое изолируя это вещество даетъ ему постепенно приобрѣсть прозрачность и плотность.

Этотъ способъ воззрѣнія, если утвердится, можетъ снова возбудить надежды и попытки искусственно производить настоящія алмазы.

СУДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ЖИВОТНЫМЪ. Юридическія лѣтописи среднихъ вѣковъ представляютъ множество примѣровъ судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ подсудимыми были животныя, подвергнутыя слѣдствіямъ, допросамъ и приговорамъ по всей формѣ законовъ. Въ этомъ странномъ обычаѣ большая часть историковъ видѣла только признаки варварства и суевѣрія. Но историки часто слишкомъ бываютъ расположены осуждать такимъ образомъ учрежденія, которыхъ смыслу и относительной пользы въ свое время они не понимаютъ. Акты эти первоначально составляли только родъ символовъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы водворять

чувство справедливости въ народахъ, которые не знали ниаго права кромѣ кулачнаго, ни ниаго закона кромѣ закона устрашенія и насилія. Посреди общественнаго растлѣвія, которое предшествовало водворенію феодалнаго правленія, Церковь, тогда единственная хранительница зародышей просвѣщенія и гражданственности, употребляла немовѣрныя усилія, чтобы уладить безпорядокъ или по-крайней-мѣрѣ смягчить его гибельныя дѣйствія, пробуждая нѣкоторыя понятія о правосудіи въ полудинкомъ народѣ и въ полудиякихъ его властителяхъ. Судебныя слѣдствія надъ животными были однимъ изъ этихъ средствъ. Помощію ихъ старались показать, что законъ и правду слѣдуетъ уважать не только въ отношеніи къ человѣку, но и въ отношеніи къ безсловеснымъ тварямъ, и что животныя также имѣютъ свои права на пользованіе благами природы. Религіозныя церемоніи, которыми сопровождался подобные случаи, дѣйствовали на воображеніе зрителей, смягчали сердца, побуждали ихъ къ раскѣпленію и напоминали имъ, что они все подъ Богомъ. Можно и должно предположить по-крайней мѣрѣ, что таковы были основанія обычая, который безъ этого не имѣетъ ни какого смыслу и въ которомъ однако жъ строго наблюдалось, чтобы подсудимымъ предоставлены были все средства къ оправданію. Вообще дѣло производилось по формамъ гражданского суда и часто оканчивалось полюбовною сдѣлкой. Такъ въ хроникѣ города Хуръ, въ Швейцаріи, разсказывается, какъ жуки произвели на окрестныхъ поляхъ такое опустошеніе, что испуганные поселяне не нашли лучшаго средства, какъ подать жалобу въ судъ. Свирѣпыхъ насѣкомыхъ потребовали въ провинціальный магистратъ. Крошечныя бестіи не явились къ назначенному дню. Судья, принявъ въ соображеніе ихъ молодость и слабость сложенія, разсудилъ, что жуки имѣютъ право воспользоваться льготами, какія законъ даруетъ несовершеннолѣтнимъ, и назначилъ куратора или свидка, которому было поставлено въ обязанность защищать отвѣтчиковъ. Началось правильное слѣдствіе, въ которомъ кураторъ успѣлъ доказать, что кліенты его, будучи *тварями Божьими* и находясь съ незапамятныхъ временъ во владѣніи означенными въ жалобѣ поселаямъ землями, могутъ быть лишены этого владѣнія не иначе какъ съ приличнымъ вознагражденіемъ какимъ-нибудь определеннымъ участкомъ, которымъ бы они могли пользоваться невозбранно. И нынче еще жители этого кантона заключаютъ полюбовную сдѣлку съ потомками тѣхъ жуковъ и предоставляютъ

нмъ въ распоряженіе извѣстные участки, которыми пастѣкомыя довольствуются и за предѣлы которыхъ, говорятъ, не выходятъ.

Такого же роду тѣжба была заведена сень-жульенскою общиной въ Морпигенѣ, въ Ганноверѣ, съ червемъ, который разорялъ ея виноградники. Это любопытное дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, потому что адвокатъ, повѣренный червя, отвергалъ предложенный на мировую участокъ, считая его недостаточнымъ для прокормленія его тяжущейся стороны.

Въ Отѣпѣ, въ Бургундіи, знаменитый впоследствии юрисконсулъ Бартелеми Шассанѣ, положилъ начало своей славы служа адвокатомъ тамошнимъ крысамъ. Хотя крысы уже были позваны въ судъ, однако жъ юрисконсулъ требовалъ, чтобы кліенты его снова были извѣщены все, черезъ пасторовъ каждаго прихода, потому, говорилъ онъ, что дѣло касается всехъ крысъ, слѣдовательно все должны знать, что имъ угрожаетъ. Добившись этого, адвокатъ сталъ доказывать, что срокъ явки, данный крысамъ, недостаточенъ, — что въ соображеніе нужно принять не только разстоянія, но и трудности путешествія, трудности, увеличенныя опасностью отъ кошекъ, которыя занимаютъ все проходы и подстерегаютъ несчастныхъ путниковъ.

Разсказываютъ также нѣсколько случаевъ относительно къ уголовнымъ дѣламъ о животныхъ, повпншихъ въ преступленія, за которыя закономъ постановлена смертная казнь. «Если скоты не только увѣчат и вредъ причиняютъ, но и убиваютъ или съѣдаютъ людей, какъ, напримѣръ, свиньи дѣтей, — говоритъ одинъ юрисконсулъ того времени, — то за тѣмъ слѣдуетъ смерть преступныхъ, — ихъ приговариваютъ къ задушенію петлей на висѣлицѣ, дабы лишились памяти объ огромномъ злодѣяніи.»

Все эти любопытныя вещи разсказываетъ господинъ Леонъ Менабреа, который для любителей историческихъ изслѣдованій собралъ множество драгоценныхъ документовъ по этому предмету и издалъ въ видѣ небольшой книжки подъ заглавіемъ: *De l'origine, de la forme et de l'esprit des jugements rendus au moyen âge contre les animaux.*

ЦАРІИ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ИСПАНІИ. Во множествѣ задачъ, какія представляетъ изученіе исторіи, одна изъ самыхъ любопытныхъ, конечно — существованіе племенъ, втеченіи вѣковъ подвергавшихся презрѣнію и ненависти народовъ, среди которыхъ были разсѣяны. Причину этихъ предрасудковъ нѣкоторыя легко объясняютъ религіозными или національными враждами, но для многихъ она остается необъяснимою загадкой. Такъ *Аготы* въ

Наварръ, *Каготы* въ южной Франціи, *Марроны* въ Озернѣхъ, *Каку* въ Бретани, всё — прозванія, означающія касту, которой участь долгое время равнялась участи индѣйскихъ паріевъ, хотя нѣтъ возможности удовлетворительнымъ образомъ указать происхожденіе этого отверженія, которое перешло изъ вѣка въ вѣкъ и, несмотря на успѣхи образованности, до-сихъ-поръ не совсѣмъ изгладилось. Если законы и не позволяютъ уже угнетать эти отверженные племена, то всё-таки въ правахъ остаются еще старинныя предразсудки и народное преданіе сохраняетъ ихъ наперекоръ учрежденіямъ. Они, конечно, ослабляются мало-по-малу, но въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ-особенности въ удаленныхъ отъ центровъ образованности, еще не скоро послѣдуетъ совершенное уничтоженіе ихъ.

Бывало, съ Кагатами обращались почти такъ же какъ съ Жидами: въ городахъ имъ назначали особенныя кварталы, въ церквяхъ они имѣли свое особенное хранилище святой воды; отправление почти всѣхъ ремеслъ возбранялось имъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ низкихъ, и исключеніе доходило до того, что имъ указывали даже особый колодець, чтобы они своимъ прикосновеніемъ не запятнали сосѣдей. Имъ также позволялось вступать въ бракъ не иначе какъ въ своей кастѣ: отецъ скорѣе убилъ бы свою дочь, чѣмъ отдалъ бы Каготу. Между-тѣмъ, ни въ ихъ обычаяхъ, ни въ религиозныхъ обрядахъ не было ничего такого, что оправдывало бы эти несправедливыя предубѣжденія. Они были христіане и образъ жизни ихъ во всемъ походилъ на образъ жизни другой черни. Но народное воображеніе приписывало имъ разные странныя недостатки или уродства и пороки: такъ, напримѣръ, говорили, что у нихъ зловонное дыханіе, что они до крайности сладострастны, что они рождаются съ длинными хвостами, что всё они колдунѣи, водятся съ нечистою силой, и такъ далѣе. Словомъ, какъ и на всякое племя, подверженное общему презрѣнію, на нихъ возводили всевозможныя клеветы. За скромное плотничье ремесло, которымъ они большею частью занимаются, на нихъ смотрѣли нѣкоторое время какъ на потомковъ тѣхъ плотниковъ, что сколотили и воздвигли крестъ на Голгофѣ. Плачевна была бы исторія страданій, какія втеченіи вѣковъ перенесли эти бѣдныя жертвы смѣшныхъ и жестокихъ предразсудковъ. Но поколѣнія ихъ слѣдовали одинъ за другимъ, вынося постоянныя пытки, и же оставляли по себѣ ни какихъ памятниконъ, кромѣ ругательныхъ пѣсень, сложенныхъ ихъ же притѣснителями. Единственный до-

воду, какой можно привести въ ихъ пользу, состоитъ въ томъ, что нынче по-крайней-мѣрѣ ни наружный ихъ видъ, ни нравственныя свойства не оправдываютъ до-сихъ-поръ существующаго противъ нихъ предубѣжденія. Напротивъ, это—вообще племя людей статныхъ, сильныхъ, дѣятельныхъ и понятливыхъ. Довольно основательно, кажется, можно заключить, что оно и прежде такъ было, потому что презрѣніе и угнетеніе, которыхъ они были жертвами, болѣе должно было бы испортить чѣмъ улучшить и облагородить ихъ. Насчетъ причины этихъ предубѣжденій историкъ составилъ множество различныхъ предположеній, которыя господинъ Мишель, авторъ недавно изданной въ Парижѣ «Исторіи отверженныхъ племенъ во Франціи и въ Испаніи», излагаетъ одинъ за другимъ и подвергаетъ очень пропичательной критикѣ. Онъ доказываетъ ничтожность основаній большей части изъ нихъ и оставившася на томъ, которое кажется ему самымъ правдоподобнымъ, то есть, что Каготы — потомки больныхъ проказою, которыхъ средневѣковыя суровыя гражданскія постановленія изгоняли изъ общества людей, какъ-будто заклеянныхъ позоромъ. Эта гипотеза по-крайней-мѣрѣ заслуживаетъ довольно много вѣроятія. Она объясняетъ единеніе, на которое были осуждены Каготы, и которое во всѣхъ отношеніяхъ подобно отчужденію прокаженныхъ. Трудно, правда, понять продолженіе этого отчужденія по минованіи болѣзни, которая служила къ тому поводомъ, но предразсудки, однажды вкоренившіеся, удивительно живучи и легче возрастаютъ чѣмъ истребляются. Господинъ Мишель хотя не разрѣшилъ вопроса окончательно, однако жъ бросилъ много свѣту на этотъ любопытный предметъ и проложилъ дорогу другимъ изслѣдователямъ.

замѣчанія литтрова о россиѣ. Фонъ Литтровъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни былъ директоромъ императорской вѣнской обсерваторіи. Онъ былъ человекъ съ обширными, глубокими познаніями, неутомимый и чрезвычайно простой. О его достоинствахъ, какъ астронома, свидѣлствуетъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ, писанномъ къ нему въ 1820 году сэръ Джономъ Гершелемъ: «Я воспользовался тою частію вашей книги о теоретической и практической астрономіи, въ которой вы излагаете теорію кометъ, и которая написана особенно ясно и хорошо,» и прочая. Въ молодости, фонъ Литтровъ семь лѣтъ былъ профессоромъ астрономіи въ Казани. Въ книгѣ, изданной въ прошедшемъ году, сыномъ его, — *Littrow's Vermischte Schriften*, — мы встрѣчаемъ множество прекрасныхъ описаній о характерѣ нашего престола народ

«Добродушіе—одна изъ главныхъ чертъ русскаго народа, говоритъ Литтровъ: иностранецъ можетъ быть увѣренъ, что гдѣ бы то ни было, въ незнакомой ли улицѣ города, на большой ли дорогѣ, въ степи ли, онъ всегда встрѣтитъ челоуѣка, который не только укажетъ ему путь, но даже проводитъ его, куда нужно. Ему нечего бояться, что, въ случаѣ несчастія, онъ будетъ окруженъ толпою равнодушныхъ зрителей: каждый изъ нихъ поспѣшитъ къ нему на помощь, даже подвергая себя личной опасности. Если челоуѣкъ упадетъ воду, къ нему бросатся на помощь незнакомые мужики, которые для спасенія его часто рискуютъ своею жизнію. Вытащивъ его изъ воды, они простятся съ нимъ и уйдутъ, вовсе не думая о томъ, что сдѣлали необыкновенное дѣло, и никогда не попросятъ награды. Какъ часто случилось мнѣ быть свидѣтелемъ, что бѣдные, даже нищіе, дѣлались нѣсколькими копѣйками съ людьми, которые были бѣднѣе ихъ. Если же они не могли этого сдѣлать, то наполняли по-крайней-мѣрѣ его тавлинку своимъ табакомъ, чтобы онъ не ушелъ безъ нѣкоторой отрады. Не менѣе замѣчательную черту въ характерѣ Русскихъ составляетъ ихъ необыкновенно пѣжная привязанность къ дѣтямъ, не только своимъ, но и къ чужимъ: очень часто люди высшихъ круговъ общества останавливаются на улицахъ, посмотрѣть на играющихъ дѣтей, берутъ ихъ на руки, цѣлуютъ и отпускаютъ съ какою-нибудь подаркомъ. Всѣмъ извѣстная вѣротерпимость Русскихъ и ихъ истинно восточное гостепримство въ-отношеніи къ иностранцамъ, берутъ свое начало въ томъ же благородномъ корнѣ—въ снисходительности къ ближнему.

Вотъ нѣсколько случаевъ, въ дѣйствительности которыхъ я учаюсъ и которые могутъ послужить доказательствомъ тому, что я сказалъ о народномъ характерѣ Русскихъ. Одинъ русскій турьинскій купецъ пожертвовалъ большую часть своего состоянія на учрежденіе больницы въ городѣ, гдѣ родился. Императоръ Александръ пожаловалъ ему за это орденъ Святаго Владимира. Несмотря на высокую почесть, которую доставлялъ ему этотъ орденъ, онъ обратился къ Государю съ просьбою передать этотъ знакъ высшаго благоволенія его старому отцу, которому, какъ онъ писалъ, онъ обязанъ всѣмъ что имѣетъ, даже со-вѣтомъ учредить больницу. Императоръ соизволилъ уважить эту просьбу и пожаловалъ тотъ же орденъ отцу, не лишивъ того же и почтительнаго сына. Оба они еще жили, когда я въ 1816 году проѣзжалъ черезъ Турьинскъ. У одной богатой помѣщицы, въ

1808 году, сгорѣла большая деревня. Я видѣлъ письмо, которое она писала къ своимъ крестьянамъ. Она утѣшала ихъ и давала обѣщаніе выстроить ихъ избы на собственный счетъ, дать хлѣба на посѣвъ и не требовать оброка втеченіи девяти лѣтъ. Доброта души, какова бы то ни была, всегда приноситъ свои плоды: благородныя чувства этой барыни проникли въ сердца жителей ея деревни. Одинъ изъ ея крестьянъ, за нѣсколько времени до пожара завялъ у одного купца тысячу рублей для распространенія своей торговли рыбою и кожами. Деньги находились въ домѣ, въ то время когда онъ загорался и крестьянину удалось спасти ихъ. Онъ честно выплатилъ долгъ, несмотря на то, что могъ обмануть своего кредитора, подъ предлогомъ, что лишился всего своего имущества отъ пожара.

Я не могу не уважать народа, между которымъ подобнаго роду поступки не составляютъ исключенія изъ обыкновеннаго порядка вещей. Желаю только, чтобъ достоинства его были оценены, какъ слѣдуетъ, другими народами. Я знаю, что иностранцы имѣютъ о Русскихъ совершенно иное понятіе, и не безъ причины, потому что оно основано на наблюденіяхъ путешественниковъ. Но гдѣ собирались эти наблюденія? На большихъ дорогахъ, соединяющихъ наиболѣе населенные города, въ самыхъ городахъ, и, наконецъ, въ высшихъ обществахъ. Но извѣстно, что это — самыя неспособныя мѣста, для того чтобъ знакомиться съ народомъ. Народонаселеніе городовъ, лежащихъ на большихъ дорогахъ, болѣею частію бываетъ испорчено и совершенно лишено своего первоначальнаго характера, вслѣдствіе столкновенія съ иностранцами и обольщеній роскоши. Путешественникъ можетъ во всякое время, днемъ и ночью, проѣхать черезъ всю Россію безъ всякаго оружія, даже безъ столоваго ножа, но приближаясь къ главнымъ городамъ, онъ долженъ брать нѣкоторыя предосторожности отъ воровъ, хотя должно сказать, что русскіе воры далеко уступаютъ въ жестокости и дерзости своимъ собратамъ въ другихъ государствахъ. Подъѣзжая къ Москвѣ, зимою, въ 1807 году, я услышалъ шумъ позади моей повозки. Остановивъ извозчика, я вскорѣ открылъ причину этого шума: воры разрѣзали веревки, которыми былъ привязанъ къ задѣ повозки небольшой ящикъ, но такимъ образомъ, что при малѣйшемъ толчкѣ, ящикъ долженъ бы упасть на дорогу самъ собою. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ способъ красть всего чаще употребляется ворами, которые такимъ образомъ избавляютъ себя отъ опасности открытаго нападенія. Подъ утро они выходятъ на дорогу

посмотрѣть, не уронилъ ли чего путешественникъ. Все что найдутъ, они берутъ съ спокойною совѣстію, потому что нельзя сказать, что они крадутъ. Моему ямщику эти распоряженія однажды не понравились: ругаясь немилосердо, онъ отирегъ одну лошади и поскакалъ отъѣскивать потерянный ящикъ. Мнѣ вовсе не было пріятно оставаться одному ночью на большой дорогѣ, въ такомъ опасномъ мѣстѣ. Черезъ часъ онъ воротился и привезъ съ собою мой сундукъ. Мы ѣхали очень веселые и когда прибыли на станцію, я предложилъ ямщику небольшую награду, за оказанную мнѣ услугу, но онъ отказался взять все, что я давалъ ему, увѣряя меня что этого много. Станціонный смотритель говорилъ мнѣ, что Иванъ «очень добрый человекъ, имѣетъ десятерыхъ дѣтей, и, что большая рѣдкость, не пьетъ водки».

Слѣдующее происшествіе фонъ-Литтровъ рассказываетъ со словъ одного своего пріятеля, жившаго въ Петербургѣ.

Одинъ слѣпой нищій имѣлъ обыкновеніе становиться на известномъ мѣстѣ и просить милостивы. Проходящіе клали свои подаянія въ старую шляпу, которая была прикрѣплена къ груди бѣднаго слѣпца. Многіе изъ простаго народа часто клали въ шляпу пятакъ, и брали оттуда три или четыре копѣйки, увѣдомляя нищаго сколько прибавилось къ его сбору. Пріятель мой, котораго дѣла заставляли по нѣскольку разъ въ день проходить по этой улицѣ, замѣчалъ, что капиталъ бѣдняка увеличивался съ каждымъ часомъ, но никогда не видалъ, чтобы нищій употреблялъ свои руки для повѣрки честности своихъ благодѣтелей, и чтобы онъ клалъ часть собранной суммы въ карманъ. Мнѣ кажется, что такая честность съ одной стороны и довѣрчивость съ другой, говорятъ болѣе въ пользу характера народа, нежели слова. Во многихъ столицахъ образованной Европы, нищій, который положился бы такимъ образомъ на честность своихъ согражданъ, легко могъ бы воротиться домой съ пустою шляпой.

«Меня особенно поразили двѣ черты въ характерѣ Русскихъ, говорилъ фонъ-Литтровъ: первое—это состраданіе, можно сказать, даже почтеніе простаго народу къ людямъ пьянымъ. Добродушный отъ природы, русскій простолудинъ спѣшитъ подать руку помощи всякому съ кѣмъ случилось несчастіе на улицѣ. Если упадетъ карета, онъ быть-можетъ остановился бы на минуту изъ любопытства, и потомъ пошелъ бы далѣе, но если пьяный человекъ упадетъ на улицѣ, каждый спѣшитъ помочь ему. Очень обыкновенная вещь, что какой-нибудь прохожій водвинетъ та-

кого несчастнаго и, шатаясь вмѣстѣ съ нимъ, доводитъ его до дому.

Другая особенность характера русскихъ простолюдиновъ, которую очень трудно объяснить, это—веселое расположеніе духа и любезность хмѣльныхъ людей. То, что въ другихъ странахъ дѣлаетъ человѣка сумасшедшимъ и даже преступнымъ, производитъ на Русскихъ совершенно противное дѣйствіе. Люди задорные и грубые, напившись до пьяна, становятся самоею кротостью. Несмотря на то, что пьянство — вещь очень обыкновенная между простымъ народомъ, ссоры и драки между пьяными случаются очень рѣдко. Опьяненіе у Русскихъ болѣею частью обнаруживается слѣдующимъ образомъ: сначала они дѣлаются молчаливы и тихи, потомъ головы ихъ разгорячаются, языки раздвигаются мужики начинаютъ говорить языкомъ вѣжливымъ, исполненнымъ уменьшительныхъ именъ, которыя Русскій всегда употребляетъ, когда хочетъ выразить свое удовольствіе. Слово мошенникъ въ устахъ пьянаго становится равносильнымъ слову «добрый малый». За словами слѣдуетъ движеніе: пьяные начинаютъ обнимать, ласкать, цѣловать другъ друга, просятъ одинъ у другаго прощенія въ обидахъ, даютъ себѣ взаимно обѣщаніе быть вѣчно друзьями и клянутся, что ничего не пожелаютъ другъ для друга. Избытокъ чувствъ наконецъ изливается слезами: они плачутъ, какъ дѣти, снова обнимаются, цѣлуются и, наконецъ, расходятся въ разные стороны.

Вслѣдствіе удобства и дешевизны путешествія въ Россіи, между русскими простолюдинами часто находятя такіе, которые видали болѣе иностранныхъ земель и чужеземныхъ обычаевъ, нежели многіе люди слывшіе у насъ записными путешественниками. Въ Казани при моемъ домѣ былъ дворникъ, который прожилъ у меня болѣе году, прежде нежели я узналъ, что онъ видалъ Божій свѣтъ почти столько же какъ Нибуръ или Гумбольтъ. Я однажды проходилъ по двору въ то время, когда они складывали на сѣновалѣ купленную на зпму солому. — «Кто бы подумалъ, сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ, что въ Китаѣ дѣлаютъ бумагу, да еще какую, изъ такой соломы, какъ эта?» — А ты почему знаешь? спросилъ я. — «Я? отвѣчалъ дворникъ: да я тамъ прожилъ долгонько съ братомъ. Я пріѣхалъ въ Охотскъ, прожилъ тамъ три года и потомъ получилъ мѣсто на службѣ въ Американской Компаніи. Здѣсь онъ имѣлъ случай посѣтить Курильскіе и Алеутскіе Острова, потомъ пріѣхалъ на ярмарку въ Ирбитъ, от-

Т. LXXXIII. — Отд. VII.

сюда прибылъ въ Иркутскъ, часто бывалъ на Кяхтѣ и нѣсколь-
ко разъ ѣзжалъ въ Китай.

«Русскіе, по увѣренію господина Литтрова, имѣютъ нѣсколько
предразсудковъ въ отношеніи къ лихорадкѣ. Они принимаютъ ее
за женщину, которая ходя по домамъ выбираетъ себѣ жертвы.
Вотъ, что, если вѣрить господину Литтрову, рассказывалъ ему
одинъ достойный довѣренности сановникъ.

«Двадцати лѣтъ отъ-роду, я былъ секретаремъ при одномъ
духовномъ лицѣ въ Сибирскѣ. Однажды вечеромъ, на масляни-
цѣ, я услышалъ веселые звуки музыки и танцевъ въ сосѣднемъ
домѣ. Хотя обязанности запрещали мнѣ выходить изъ дому, од-
нако жъ я рѣшился выйти и посмотреть, что дѣлается въ баль-
ной комнатѣ. Удовольствіе мое продолжалось не долго, потому
что лишь-только я взглянулъ на веселую толпу, какъ изъ нея
отдѣлилась высокая, тонкая женщина и подошла къ окошку, на
которое я взобрался. Какое-то чувство тотчасъ же сказала мнѣ,
что это лихорадка, описаніе которой мнѣ часто удавалось слы-
шать. Въ ужасѣ отъ этой мысли, я отскочилъ отъ окна и воро-
тился домой. На другой день я проснулся въ лихорадкѣ: она ме-
ня мучила около пяти недѣль. Къ концу этого времени я прика-
залъ челоуѣку, покрыть меня старою волчьей шубою. На слѣдую-
щую ночь я видѣлъ лихорадку во снѣ, если только это былъ
въ аномъ дѣлъ сонъ. Она имѣла тотъ же видъ и была въ той-
же одеждѣ какъ и въ первый разъ, когда ко мнѣ явилась.
Она медленными шагами подошла къ моей кровати, погрозила
мнѣ рукою, потомъ закрыла ею себѣ лицо, засмѣялась и сказа-
ла: «Фу, какъ эта шуба скверно пахнетъ! Не могу вынести боль-
ше, пойду къ Есипову». Есиповъ былъ служка въ монастырѣ,
человѣкъ молодой и здоровый, который ходилъ за мною во
время моей болѣзни. Я рассказалъ этотъ сонъ своему начальнику,
который утромъ пришелъ навѣстить меня. Онъ сказалъ мнѣ,
что болѣзнь моя миновала и что я скоро выздоровѣю. Забѣ-
тивъ у меня улыбку сомнѣнія, онъ разсердился и сталъ увѣрять,
что лихорадка болѣе не воротится, подкрѣпляя свое предска-
заніе многими подобными примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, я выздо-
ровѣлъ, а бѣдный Есиповъ захворалъ и умеръ въ началѣ зимы.»

ЦЕРЕМОНИАЛЬ ПО СЛУЧАЮ ПОХОРОНЪ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ.
Китайская императрица Тунъ-цзы, супруга нынѣ царствующаго
императора Дао-Гуана, умерла 16 іюня 1833 года. Пекинская га-
зета того времени, заключаетъ въ себѣ замѣчательныя подроб-
ности, относящіяся до этого событія.

По существующему обычаю, императорскій указъ, который дается въ подобномъ случаѣ, всегда начинается слѣдующимъ образомъ: «Повелѣнія его величества нижеяше были выслушаны. Сегодня, въ четыре часа по полудни, послѣдовала кончина и окончательное отправленіе императрицы.» Потомъ излагая подробно исторію Тунъ-цзы, императоръ объявляетъ, что, въ тринадцатый годъ царствованія его отца, Цзы-Цзинна, онъ получилъ отъ него повелѣніе на ней жениться, и что двѣнадцать лѣтъ спустя, мать его передала ему священное свое приказаніе утвердить за княжною титулъ императрицы, то есть первой особы въ серединномъ гаремѣ. Далѣе императоръ прибавляетъ: «Нѣтъ никого во всемъ гаремѣ или императорскомъ дворцѣ, кто бы не зналъ, что впродолженіи двадцати-шести-лѣтняго нашего союза, императрица была образцомъ вѣжности, покорности и послушанія.

«Съ недавняго времени ее постигли припадки застарѣлаго ослабляющаго недуга, и она преставилась. Я потерялъ свою семейную опору. Это событіе поразило меня такою скорбію, которую я не въ силахъ выразить.»

Императоръ предписываетъ своему брату, царю Минъ-хай, и зятю Хинъ-аню, начальнику императорскаго дворца, и еще двумъ другимъ сановникамъ: члену императорской палаты исповѣданій и члену палаты публичныхъ работъ, наблюдать за похороннымъ церемоніаломъ.

Черезъ недѣлю появилась въ газетахъ статья, наполненная громкими похвалами добродѣтелямъ императрицы Тунъ-цзы, и многочисленнымъ благодѣяніямъ, излитымъ ею на землю съ того времени какъ она соединилась съ Сыномъ Неба. Эта статья заключается приказомъ училищу Ханъ-линь, заняться разсужденіями о назначеніи прозвища, которымъ нарекутъ императрицу по ея смерти.

Черезъ двѣнадцать дней послѣ этого явились новыя статья, относящіяся до вопроса о народномъ траурѣ. Четверо сановниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не согласны были съ мнѣніемъ императора насчетъ разныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ о томъ, сколько времени должно продолжаться запрещеніе жителямъ Небесной Имперіи брить волосы; на сколько времени запрещается имъ празднованіе свадебъ, увеселенія, праздники, музыка, и такъ далѣе. Различныя доказательства, въ подкрѣпленіе каждаго мнѣнія, излагались подробно и подкрѣплялись изреченіями изъ классиковъ и примѣрами изъ исторіи императоровъ, на-

тиная со времени императора Лю, который царствовалъ за четыре тысячи лѣтъ до Цзы-Цзина.

Царь Минь хай и его сотоварищи, думая, что трауръ по императрицѣ долженъ продолжаться по крайней мѣрѣ столько же, сколько назначено сыну скорбѣть по смерти матери, и желая періодъ, въ продолженіи котораго запрещено было народу брить головы и предаваться увеселеніямъ, слишкомъ короткимъ, предложили скорбѣть сто дней.

Императоръ передалъ дѣло въ совѣтъ министровъ, подъ председательствомъ князя Хань-Линя, съ приказаніемъ свестись съ предвѣстниками своими, которые бы могли рѣшительно пояснить это недоумѣніе.

Ихъ отзвѣвъ утвердилъ императора въ первоначальномъ его мнѣніи, въ силу котораго запрещалось народу и войску брить голову цѣлый мѣсяцъ, а увеселенія запрещались въ продолженіи ста дней.

Минь-хай и Хинь-ань, погруженные въ глубокую скорбь, узнавъ объ этомъ разногласіи мнѣній, отправились къ императору въ садъ Юань-Минь-Юань, съ просьбою объ отмѣненіи отданнаго приказа. Императоръ принялъ ихъ сурово и отвѣчалъ, что уже намѣревался наказать ихъ за неуваженіе къ императорской волѣ; что это преступленіе могло имъ стоить жизни; что, изъ состраданія, онъ однако жъ ограничится преданіемъ ихъ суду, и что они должны почитать это милостію, а не наказаніемъ.

— Вотъ вамъ мой указъ, сказалъ императоръ: возвѣстите его повсюду, какъ внѣ, такъ и внутри, то есть во дворцѣ и во всей имперіи. Уважайте мою волю.

Послѣдующимъ повелѣніемъ возбранялось Минь-хаю и Хинь-аню являться на глаза къ императору. Первый изъ этихъ вельможъ приговоренъ былъ къ лишенію половины своего жалованья въ продолженіи двадцати лѣтъ: другая часть оставлена ему для удовлетворенія нуждъ. Второй же, котораго сестра принадлежала къ императорскому гарему, отправленъ, въ качествѣ императорскаго комиссара, наказать горцевъ за набѣги: это назначеніе равнялось ссылке.

Въ такомъ государствѣ, какъ Китай, гдѣ все постановленія опредѣляются въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ съ величайшею точностію, довольно странно видѣть подобную неопредѣлительность указаній церемоній по случаю кончины императрицы. Въ Кантонѣ были обнародованы три различныя повелѣнія. Последнее заключало въ себѣ слѣдующія распоряженія:

«Впродолженіи ста дней никто изъ высшихъ сановниковъ не долженъ брить себѣ голову; вступленіе въ бракъ впродолженіи двадцати-семи дней запрещается какъ имъ, такъ и ихъ семействамъ и всѣ обязаны лишать себя всякихъ пировъ, музыки и театральныхъ представленій втеченіи цѣлаго года; войску и народу запрещается бриться впродолженіи одного мѣсяца; браки запрещены на семь дней, а увеселенія на сто дней.» Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ предписано было, въ знакъ глубокаго траура, употреблять сивія чернила во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обыкновенно употребляются красныя, и должностные люди обязаны были спороть красную обшивку, украшающую ихъ шляпы. Въ прибавленіи къ дневнику императорскаго двора заключался приказъ палаты исповѣданій о порядкѣ церемоній, при принятіи императорскаго указа, и повелѣніе объ общемъ объявленіи и о возложеніи траура по случаю кончины императрицы.

Когда судно, на которомъ привезли въ Кантонъ императорскій указъ, написанный на желтой бумагѣ, вошло въ рѣку, изъ города немедленно отправился военный чиновникъ, чтобы принять и хранить указъ на императорской пристани. Впереди этого чиновника шелъ церемоніймейстеръ, который указывалъ, какъ должно принять императорскій указъ на суднѣ. Его должно принять, поднявъ обѣ руки надъ головою, и потомъ съ большою осторожностью класть и развертывать на колесницу дракона, влекомую тридцатью двумя сановниками. Весь поѣздъ, состоящій изъ чиновъ гражданскихъ и военныхъ, въ парадной одеждѣ, становится рядами на колѣни и остается въ такомъ почтительномъ положеніи до тѣхъ-поръ, пока указъ пронесутъ мимо.

Послѣ этого всѣ встаютъ и процессія отправляется къ главнымъ воротамъ Экзаменнаго двора, проходитъ въ большую публичную палату и опять становится на колѣни, — гражданскіе чиновники на восточной сторонѣ, а военные на западной. Они встаютъ не прежде, какъ по проѣздѣ колесницы дракона въ палату Сѣзвѣздія Куай. Тамъ императорскій указъ кладется на столъ, покрытый желтымъ ковромъ и уставленный вокругъ урнами, въ которыхъ жгутъ благовонія. Когда всѣ войдутъ, церемоніймейстеръ громко провозглашаетъ:

«Стройтесь! падите трижды на колѣни, бейте въ землю челою девять разъ! — Вставайте.» По требованію церемоніймейстера, глашатай беретъ императорскій указъ и поднимаетъ надъ головою, для прочтенія.

Въ эту минуту церемоніймейстеръ провозглашаетъ «Сановники

императорскіе, на колѣни! внимайте рѣчи его величества.» Когда чтеніе кончено, онъ говоритъ: «Вставайте и плачте!» Какъ всѣ прочія приказанія этого страннаго церемоніала, такъ и это въ точности исполняется.

Когда плачь оконченъ, глшатай кладетъ указъ опять на желтый столъ, а церемоніймейстеръ восклицаетъ: «Передайте указъ императорскій!»

Подходитъ сановникъ къ желтому столу, поднимаетъ указъ надъ головою и вручаетъ губернатору, становясь передъ его превосходительствомъ на колѣни. Губернаторъ принимаетъ бумагу также на колѣняхъ, потомъ встаетъ и передаетъ чиновнику, называемому фу-чинъ-цзы который уже передаетъ его своему главному секретарю. Всѣ эти передачи изъ рукъ въ руки между чиновниками совершаются на колѣняхъ.

Секретарь относитъ указъ въ залу Тзы-Вэй, въ департаментъ фу-чинъ-дзи, гдѣ его переписываютъ и печатаютъ на желтой бумагѣ.

По окончаніи церемоніи, церемоніймейстеръ приказываетъ чиновникамъ птти и облечься въ трауръ. Они уходятъ, и когда переодѣнутся, церемоніймейстеръ опять сзываетъ ихъ и отдаетъ имъ слѣдующій приказъ:

«Стройтесь! — падите на колѣни три раза! — бѣйте въ землю челомъ девять разъ! — Вставайте и плачте! — Теперь ступайте кушать!...»

Тогда всѣ выходятъ изъ комнаты воздержанія и отправляются въ другую, гдѣ ихъ ожидаютъ уже приготовленные столы и гдѣ они ѣдятъ мало, помѣщаясь такъ же какъ и прежде, — гражданскіе чиновники на восточной сторонѣ, а военные на западной.

По приказанію церемоніймейстера всѣ уходятъ въ общественныя палаты. Вечеромъ начинаютъ опять тѣ же церемоніи, только съ легкими измѣненіями. Чиновникамъ запрещается расходиться по домамъ и они должны вочевать въ публичныхъ палатахъ. Тѣ же церемоніи повторяются утромъ и вечеромъ въ продолженіи двухъ дней, по истеченіи которыхъ дозволяется возвратиться домой и продолжать отправленіе своихъ должностей.

Когда императорскій указъ переписанъ, одному изъ чиновниковъ поручается опять положить его на желтый столъ въ залѣ Созвѣздія Куай, а другому хранить и кадить въ продолженіи двадцатидней. По минованіи этого срока, указъ снова передается чиновнику Фу-чинъ цзы, который кладетъ его въ палату исповѣданій.

Въ двадцать-седьмой день чиновники опять собираются и, по совершении тѣхъ же обрядовъ, церемониймейстеръ приказываетъ имъ снять траурное платье, надѣть свое обыкновенное, возвратиться домой и объявить, что всѣ обряды траура по императрицѣ кончены.

РЕЙНСКІЕ РАЗБОЙНИКИ. Всѣ большія рѣки были прославлены какимъ-нибудь знаменитымъ разбойникомъ, а нѣкоторые считали даже по нѣскольку покровителей. Циска довыиѣ поэтизируетъ берега Дуная и Молдавы; по обомъ берегамъ Ганга живутъ фансегары; Хозе Марія служитъ представителемъ виѣ общественныхъ нравовъ Таго и Эбро; Тибръ имѣетъ своихъ «Затибрцевъ», Транстеверіанъ; Нилъ—своихъ Бедуиновъ; Днѣпръ—своихъ Татаръ; Донъ и Волга—своихъ сказочныхъ богатырей. Рейнъ также не могъ остаться безъ блеску громкихъ злодѣяній и именъ интересныхъ душегубцевъ.

Былъ холодный осенній день, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1803 года, когда Шиндерганнесь, рейнскій разбойникъ, гроза Гундсбрюка, окруженный конвоемъ, съ отцомъ, женою, малолѣтнимъ сыномъ осьмьюдесятью человеками своей шайки проходилъ черезъ городъ Майпцъ, среди безчисленной толпы, сбѣжавшей съ обѣихъ береговъ Рейна, насладиться зрѣлищемъ развязки фантастической его жизни. Шиндерганнесь былъ молодой человекъ, статный, ловкій, съ лицомъ довольно привлекательнымъ, съ бѣлокурыми волосами, съ живыми, выразительными глазами, въ которыхъ любопытныя дѣвушки не находили ничего страшнаго, а напротивъ, съ пріятнымъ трепетомъ и нѣгою угадывали сердце, искусное въ любви. Знаменитый разбойникъ шелъ очень безопасно, одною рукой поддерживая жену, а другою ведя ребенка, и улыбался тѣмъ, которые плакали объ немъ.

Образованіе шайки рейнскихъ разбойниковъ было отчасти слѣдствіемъ войнъ Французовъ въ Голландіи, Бельгіи и мелкихъ государствъ, которыя составляютъ нынче великія герцогства нижне-рейнскія и гессенское. Первоначальное ея основаніе принадлежитъ одному жидовскому семейству изъ Вивдсмута, близъ Гронингена, въ Голландіи. Изъ атамановъ ея славятся Моисей, Авраамъ, Пикаръ, Жикъ-Жакъ, Бозбекъ, Мерсепъ, Кревельтъ, Лагетто, Фетцеръ, Петръ Черный, и, наконецъ, Шиндерганнесь, послѣдній и знаменитѣйшій.

Послѣ его смерти разбойники исчезли: не стало болѣе слышно ни объ удушенныхъ Жидохъ, ни о разоренныхъ замкахъ, ни о городахъ взятыхъ приступомъ: крестьянки изъ Таунуса спокой-

но отправлялись въ Висбаденъ и Франкфуртъ, безопасно продавали лица жителей Бергъ-Штрассе и величественный Рейнъ не развѣрзалъ божье свѣтъ воли для поглощенія мертвыхъ тѣлъ, низвергнутыхъ съ высотъ Лорха и Фалькенбурга.

Шайка разбойниковъ состояла, повидимому, изъ меньшаго числа людей нежели могла имѣть въ случаѣ надобности. Гдѣ же скрывалось это множество разбойниковъ, которые распространяли такой ужасъ по всей странѣ, — которые осаждали и громили города и съ ножомъ въ рукахъ требовали выкупу за плѣнныхъ? Они были тайно и очень искусно разбѣяны по всей окрестности, они жили не по одиночкѣ; и не по нѣскольку, а просто цѣлыми семействами, въ уединенныхъ хижинахъ, плохихъ гостиницахъ, въ предѣлѣхъ, подъ самыми крѣпостными пушками. Они въ городахъ занимались ремеслами честныхъ людей, но по условленному знаку во всякую пору готовы были бросить свое ремесло, женъ и дѣтей, и слѣдовать за атаманомъ. Связанные съ шайкою ужасными клятвами, они напередъ знали, что невидимый кнѣжалъ виситъ надъ головою клятвопреступника. Одинъ изъ новичковъ, попавшійся въ руки полиціи и брошенный въ темницу, изъ страху объявилъ мѣстопробываніе своего атамана, знаменитаго Пикара.

Въ слѣдующую ночь, онъ слышитъ что его зовутъ, и рука показывается сквозь рѣшетку окна.

— Кто ты? спросилъ разбойникъ.

— Твой повелитель.... Пикаръ: съ опасностію жизни, и по долгу, я рѣшился спасти тебя.

Въ нѣсколько минутъ цѣпи падаютъ и рѣшетка окна отваливается. Узникъ слѣдуетъ за проводникомъ. Онъ спасенъ. Шайка ожидала ихъ въ лѣсу, стоя въ полукружій, въ глубокомъ молчаніи и подъ ружьемъ.

— Шлейхенеръ, ты измѣнникъ! сказалъ атаманъ, обратясь вдругъ къ бывшему узнику: неужели ты думалъ, что твой низкій доносъ намъ неспзвѣстенъ? Приготовляйся къ смерти.

— Прости! прости! вопль несчастный, чувствуя дуло пистолета надъ своимъ ухомъ: если ужъ суждено мнѣ умереть, то дозволю по-крайней-мѣрѣ умереть въ глазахъ непріятеля!

— Нѣтъ, отвѣчалъ хладнокровно Пикаръ: ты недостойнъ смерти храбрыхъ. Какъ вы думаете? прибавилъ онъ обратясь къ шайкѣ.

— Нѣтъ!... глухо отвѣчалъ подручный.

И это нѣтъ какъ эхо пролетѣло по рядамъ разбойниковъ. Пикаръ спустилъ курокъ....

Въ частной жизни, повнучи не могли сходиться вмѣстѣ болѣе четырехъ человекъ. Въ случаѣ нарушенія этого правила, строгій взглядъ собрата тотчасъ разгонялъ ихъ. Ничего важнаго не предпринималось безъ совѣта шпионовъ изъ Жидовъ, называвшихся на языкѣ разбойниковъ — *бальдоверами*. Эти бальдоверы прежде чѣмъ указать добычу, всегда предлагали атаману условія, а какъ условія эти были иногда чрезвычайно полновѣсны, то для оправданія ихъ, жадные сыны Израиля часто лгали, зато часто кровь шпионовъ была платою за обманутую надежду разбойника. Бальдоверъ разыгрывалъ также роль укрывателя.

Члены шайки обыкновенно созываемые чрезъ довѣренное лицо, или самимъ атаманомъ, отправлялись на мѣсто свиданія иногда по одному иногда по-двое, но никогда болѣе трехъ. Всякій путешествовалъ смотря по привычкамъ и мѣсту занимаемому въ обществѣ, кто верхомъ, кто на телѣжкѣ, кто пѣшкомъ. Какъ путь обыкновенно былъ дологъ и часто перерѣзывался лѣсами и оврагами, то первый отдыхъ путешественникамъ назначался въ мѣстѣ довольно вѣсѣмъ извѣстномъ, гдѣ каждая группа послѣдовательно искала глазами путеводныхъ знаковъ поставленныхъ атаманами. Эти знаки, оставленные на перекресткахъ многихъ дорогъ, состояли часто въ одной линіи проведенной на пути, по которому надлежало слѣдовать. И всякій, проходя мимо, перерѣзывалъ эту линію другою, поперечною, такъ что всѣ разбойники видѣли не только путь къ мѣсту свиданія, но и число товарищей, которые уже прошли. Когда требовалось болѣе предосторожности, то бросали, какъ-будто нечаянно, на дорогу древесную вѣтвь, которой оконечность, болѣе снабженную листьями, поворачивали на ту тропу, куда должно было идти. Часто путешествіе совершалось ночью и тогда сигналами служили поддѣльные крики совъ и другихъ ночныхъ птицъ. Когда всѣ разбойники достигали до назначеннаго мѣста, атаманъ осматривалъ оружіе; заряжались пистолеты, отдавались лозунги какъ для нападенія, такъ и для отступленія; факелы, которые слѣдовало зажигать не иначе какъ всѣ вдругъ. Наконецъ колонна отправлялась въ глубокой тишинѣ.

Атаманъ, вооруженный палицею, шелъ впереди.

За нимъ тащили таранъ, — бревно длиною футовъ въ двѣнадцать — машину, которую употребляли для проломленія дверей и стѣнъ. Потомъ слѣдовали другіе чины съ другими необходимыми инструментами и, наконецъ, простые разбойники, вооружен-

ные съ головы до ногъ. Чтобы не быть узнаанными они пачкали себѣ лица сажею.

Достигнувъ конца деревни или жилья, гдѣ, предположивъ, находится домъ, служащій цѣлью нападенія, знающіе мѣстность тотчасъ овладѣвали колоколами и караульными собаками, потомъ окружали домъ военнымъ кордономъ и ужасный крикъ вдругъ возбуждалъ о присутствіи и намѣреніи непріятеля. Зажженные факелы мгновенно вспыхивали какъ пожаръ и стѣболомъ пушентъ въ главную дверь при ружейномъ залпѣ по окнамъ.

Этотъ первый приступъ оглушалъ владѣльцевъ осажденнаго дому, между-тѣмъ какъ сосѣдніе жители заваливали свои двери, тушили огни и прятались въ погреба.

Рѣдкая дверь выдерживаетъ болѣе одного удару. Мужчины, женщины и дѣти, связаны и покрыты тюфяками и коврами. Весь домъ съ чердака до погреба освѣщенъ и грабежъ начинается.

Горе ограбленнымъ, если добыча обманывала ожиданія разбойниковъ. Ни клятвы, ни увѣренія не могли убѣдить ихъ, что мнимыя сокровища существовали только въ злобномъ воображеніи Жида. Окончивъ бой, атаманъ собиралъ добычу и сзывалъ разбойниковъ.

Равенныхъ убивали, изъ предосторожности, чтобъ они не проболтались. Если разбойникамъ удавалось безъ помѣхи окончить побѣду, они зажигали факелы и удалялись съ пѣснями и криками, но по возвращеніи къ назначенному мѣсту гасили огонь. Тогда настаивала мертвая тишина, разбойники раздѣлялись толпами и исчезали во мракѣ ночи, какъ подземныя привидѣнія.

Фетцеръ, который былъ атаманомъ шайки въ Нейсѣ, не такъ дѣйствовалъ. Въ ночную пору заблудшій путешественникъ или бѣдная дѣвушка, вѣжливѣе и серебристымъ голосомъ умоляла черезъ замочную скважину какого-нибудь корчмаря продать немного вина для большой ея матери и когда дверь отворилась, домъ тотчасъ же наполнялся вооруженными людьми, которые брали все, что могли. Фетцеръ былъ даже такъ любезенъ и вѣжливъ, что принуждалъ жертвы свои праздновать съ нимъ до зари. Фетцеръ казненъ въ Кельнѣ.

Виродженіи шести лѣтъ Шнидерганнесъ былъ четыре раза пойманъ и четыре раза освобожденъ. Онъ разбивалъ цѣлыя полки и несказанно надѣлалъ жандармамъ.

Возвратясь домой, Шнидерганнесъ наслаждался жизнью: онъ иначе не засыпалъ, какъ окруженный часовыми, которые стоя

въ подкружин у его изголовья держали зажженные факелы. Онъ самъ не грабилъ пѣшеходовъ, а назначалъ на это своихъ подручныхъ или сотниковъ. Обѣзжая замки по берегамъ Рейна, отъ Таунуса до Кёльна, онъ жилъ и проваля въ нихъ какъ палачъ или баронъ съ своею подругою и короткими пріятелями, — пилъ рейнвейнъ, декламировалъ стихи и читалъ романы или раздавалъ паспорта, за которые ему платили по десяти флориновъ. Исторія мадамъ Шиндерганнесъ стоить жизни ея мужа.

Посѣщая Гундсрюкъ, мрачное ущелье, со сводомъ изъ вѣковыхъ елей, нависшихъ съ Громовой Горы, рейнскій разбойникъ встрѣтилъ Юлію Блазіусъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Она покинула отцовскій домъ, бѣжала съ своимъ возлюбленнымъ, надѣла мужское платье и пустилась рыскать верхомъ на лошади по лѣсамъ и драться съ жандармами. Потомъ принявъ титулъ и манеры графини, она предписывала законы моды посѣтителямъ Висбадена, сорила деньгами и въ гостивыхъ выдавала Шиндерганнеса за шведскаго барона. На другой день, въ гусарской шапкѣ и съ карабиномъ за спиной, она легко пробиралась по высотамъ и оврагамъ и усыпала путь свой древесными вѣтвями, которыя служили указателями шайкѣ ея мужа.

Шиндерганнесъ родился въ 1779, въ Нейштадтенѣ, въ семьѣ неизвѣстной и бѣдной. Въ дѣтствѣ онъ былъ публично высѣченъ и это наказаніе, которое изъ Русса сдѣлало великаго писателя, дотога раздражило молодого Бельгіяца, что онъ рѣшился отмстить за понесенный срамъ непримиримою войною всему обществу людей. Обстоятельства его поимки возбудилъ тѣмъ болѣе живое участіе, что въ это самое время поддѣлка вѣнскихъ банковыхъ билетовъ, предпринятая однимъ обществомъ Жидовъ, распространила ужасъ между негоціантами всей сѣверной Германіи. Рейнскаго разбойника схватили во Франкфуртѣ, въ домѣ одного хирурга, въ то время, какъ онъ пришелъ, чтобы перевязать рану отъ укушенія собаки. Хозяинъ собаки, котораго домъ былъ опустошенъ разбойниками, преслѣдуя ихъ, замѣтилъ, что его собака укусила въ руку атамана, въ которомъ онъ узналъ Шиндерганнеса, и тотчасъ объявилъ это бургомистру. Всѣмъ городскимъ хирургамъ отдали предписаніе, немедленно довести магистрату о всякомъ, кто потребууетъ ихъ пособія для исцѣленія раны на рукѣ.

Слѣдствіемъ поимки Шиндерганнеса было задержаніе ста-стидесяти-трехъ человекъ изъ его шайки, но самыя отчаянныя бѣжали на верховья Рейна, гдѣ увеличили свое скопище бѣглеца-

ни въ австрійской арміи и присоединились къ нургенскимъ разбойникамъ, которыхъ слава и донынѣ гремѣтъ въ горахъ Шварцвальдскихъ.

Шиндерганнесь въ продолженіи суда очень грустилъ объ участи Юліи Блазіусъ и своего ребенка. Любовь, которою онъ окружалъ этихъ двухъ невольныхъ сообщниковъ своихъ злодѣвій, тронула судей и народъ, который съ самаго его заточенія оказывалъ бандиту необыкновенное состраданіе. Юлія была приговорена къ двухъ-лѣтнему заключенію, сына рейнскаго разбойника одинъ майнцскій сапожникъ, съ дозволенія правительства, принялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе. Чтѣ же касается до Шиндерганнеса, при всѣхъ допросахъ и передъ казнью онъ поддерживалъ въ себѣ бодрость духа только огромными поношками табаку.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Robert Bruce, *Робертъ Брюсъ*, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господина *Боваллѣ*.

Эднѣ Лорнъ—невѣста лорда острововъ, Рональда, частыя отлучки котораго возбуждаютъ ея ревность. Нѣкогда Рональду предстояло жениться на сестрѣ Роберта Брюса, теперь изгнаннаго, отлученнаго отъ Церкви. Война Англіи съ Корсикой разстроила свадьбу, а потомъ Рональдъ, прельщенный красотою Эднѣ, забылъ свои клятвы и черезъ это вовлеченъ Лорномъ, братомъ Эднѣ и смертельнымъ врагомъ Брюса, въ партію Эдуарда Англійскаго. Лорнъ — честолюбецъ: ему хочется престола.

Женщины легко прощаютъ измѣны, сдѣланныя въ ихъ пользу. Эднѣ довольна Рональдомъ, все идетъ хорошо, но вдругъ однѣ неожиданное обстоятельство запутываетъ все дѣло. На озерѣ поднялась буря. Она выбрасываетъ на берегъ лодку. Разставленные по берегу часовые спасаютъ пассажировъ и приводятъ къ Лорну и Рональду, и въ числѣ ихъ — Роберта Брюса и сестру его, Изабеллу. Эднѣ, которой свѣтитъ ревность, по нѣкоторому движенію дѣвушки при имени Рональда, угадываетъ, что эта дѣвушка — Изабелла, а ея братъ — Робертъ Брюсъ.

Изабелла умоляетъ Рональда спасти Брюса. Рональдъ готовъ уважить эту просьбу и права гостя, но опасается Лорна и ревности Эднѣ. Въ замѣшательствѣ онъ призываетъ на помощь тѣни своихъ предковъ. Тѣни являются и совѣтуютъ потому поступить, какъ слѣдуетъ честному рыцарю. Рональдъ рѣшился: онъ не хочетъ быть предателемъ, хотя бы пришлось прервать всякое сношеніе съ Лорномъ и его сестрой. Изабелла подслушала это призваніе духовъ и возвращаетъ Рональду когда-то данное

ей обручальное кольцо, объявляетъ, что намѣрена провести остатокъ печальныхъ дней въ монастырѣ. Лорнъ провѣдалъ, что Рональдъ скрываетъ Роберта Брюса, и требуетъ выдачи. Рональдъ отказывается. Лорнъ притворно уступаетъ необходимости, но тайно отдаетъ приказаніе умертвить Брюса и выкидываетъ на башнѣ флагъ, которымъ созываетъ шотландскіе кланы.

Предводителямъ горцевъ, которые обвиняютъ его за медлительность и полумѣры, Лорнъ отвѣчаетъ, что Роберта Брюса уже нечего опасаться: онъ убитъ. И въ самомъ дѣлѣ, Робертъ былъ бы убитъ, если бъ не великодушное самопожертвованіе Ловгвилля, который погибъ защищая своего короля. Рональдъ, взбѣшенный низкою измѣной, вбѣгаетъ и осыпаетъ Лорна упреками, но въ то же время входитъ и Робертъ Брюсъ, спокойный и твердый. Онъ обнажаетъ грудь передъ шпагами и говоритъ: « Кто изъ васъ осмѣлится поразить своего короля! » Лорнъ подстрекаетъ своихъ партизановъ противъ Роберта, Изабелла умоляетъ Эднѣ, Эднѣ проситъ своего брата, но въ сумятицѣ женщину не слушаютъ. Кровь полетѣла.... Но тутъ является священникъ, которому слѣдовало совершить обрядъ бракосочетанія Эднѣ: онъ останавливаетъ раздраженныхъ и клинки опущены. Въ то же время онъ узнаетъ отлученнаго отъ Церкви Роберта Брюса и готовится проклясть его, какъ-вдругъ вдохновеніе свыше превращаетъ анаэму на языкѣ его въ благословеніе: онъ предсказываетъ Роберту торжество и славу.

Предсказанія исполняются, счастье улыбается Брюсу. Эднѣ, отверженная свирѣпымъ Лорномъ, въ монастырѣ, куда заключилась Изабелла, дожидается конца сраженія, которое должно поставить Роберта Брюса на престолъ шотландскій. Побѣда одержана и Рональдъ бѣжитъ съ этою вѣстью къ Эднѣ. Онъ успѣлъ уклониться отъ Лорна, который въ сраженіи преслѣдовалъ его. Онъ не хочетъ запятнать руки кровью человѣка, на сестрѣ котораго намѣревается жениться. Робертъ Брюсъ далъ свое согласіе на этотъ бракъ. Но.... между краемъ чаши и губами еще много мѣста для бѣды, какъ говоритъ восточная пословица. Бракъ не состоится. Лорнъ вызываетъ Рональда на поединокъ и оскорбляетъ такъ, что тотъ уже не можетъ уклониться отъ боя; и прежде чѣмъ успѣли разнять противниковъ, они нанесли другъ-другу по смертельному удару и оба умираютъ. Эднѣ ничего больше не остается, какъ заключиться въ монастырь съ Изабеллой.... или подождать другаго жениха. Она заключается въ монастырь.

Эта искусно составленная и правильными лександрійскимъ сти-

хамъ написанная трагедія имѣеть только одинъ недостатокъ: она смертельно скучна. Но знатоки увѣряють, что въ трагедіи это еще не порокъ.

2. *Le Chevalier de Saint-Remy, Кавалеръ де-Сенъ-Ремі*, драма въ пяти актахъ, господь *Варнера* и *Жюль де-Премарэ*.

Дядя-Паскаль, который подаетъ видъ, будто въ самомъ дѣлѣ стругаетъ доски своимъ столярнымъ инструментомъ, — вовсе не столяръ, а баронъ де-Бревалъ, вѣкогда осужденный на смертную казнь за душегубство: его обвинили, будто онъ убилъ мужа женщины, которую любилъ. Баронъ бѣжалъ за границу, потомъ воротился и укрылся подъ личиною дяди-Паскаля. У него есть красавица дочка, мамзель Луиза, которую одинъ негодяй, по имени Ламбертъ, управитель виконта д'Оврѣ, похищаетъ для своего господина, пресыщеннаго волокиты. Къ-счастію, она находитъ покровительницу въ лицѣ тѣтки виконта. Эта тѣтка — мать Луизы, жена маркиза, того мужа, котораго будто бы убилъ баронъ. Любовники узнають другъ друга, но молчатъ. Ламбертъ, который тоже не то, чѣмъ кажется, то есть не Ламбертъ, а кавалеръ де-Сенъ-Ремі, провѣдываетъ тайну и просить у маркизы руки Луизы. Маркиза для избавленія отъ этого затруднительнаго для нея требованія, не находитъ лучшаго средства, какъ отравиться. Когда она умретъ, у Луизы не будетъ приданаго и Сенъ-Ремі оставить свои корыстныя преслѣдованія. Сенъ-Ремі, чтобы дополнить недостатокъ духовной, наряжается старухой и самъ диктуетъ нотаріусу завѣщаніе въ свою пользу. Но маркиза не совсѣмъ отравилась и не совсѣмъ умерла. Она встаетъ и изобличаетъ Сенъ-Ремі. Сенъ-Ремі, чтобы отомстить, въ свою очередь изобличаетъ дядю-Паскаля, или барона Бревалъ, въ убійствѣ и бѣдный баронъ чуть-чуть не попадаетъ на висѣлицу. Но, къ-счастію его, является какой-то поселянинъ, очевидецъ убійства, и окончательно изобличаетъ Ламберта, кавалера де-Сенъ-Ремі, какъ подлиннаго убійцу, который, слѣдовательно, отправляется на висѣлицу и — баста.

Драма со всѣми принадлежностями, однимъ словомъ, настоящая драма.

3. *La Comtesse Lolotte, Графиня Лолотта*, водевиль въ трехъ актахъ, господь *Балра* и *Дюмапюара*.

Мамзель Лолотта — очень миленькая *магазинщица*, или *магазинщица*, — какъ говорятъ у насъ, въ Петербургѣ. Мамзель Лолотта, въ тысяча семьсотъ такомъ-то году, кружить головы всему двору и всему Парижу: къ триумфальной колесницѣ ея при-

ковано не менѣе пяти вздыхателей: три знатныхъ барина, — графъ Моранжі, виконтъ д'Эрувиль, командоръ Три-звѣздочки, — потомъ бездомный искатель приключеній, кавалеръ Танкредъ, тайный сынъ одной знатной барыни, которая пожелала остаться неизвѣстною, — и, наконецъ, простой каретникъ Ламбрекенъ. Умная, скромная и очень ловкая мамзель Лолотта умѣетъ сбегать всѣ сердца: она всякому оставляетъ по крошкѣ надежды. Между-тѣмъ она сама уже не вольна выбирать: она любитъ д'Эрувиля. Наконецъ обстоятельства принуждаютъ ее произнести рѣшеніе: сегодня доншанское гулянье. Всѣ обожатели предлагаютъ ей экипажи, — три знатныхъ барина свои собственныя; Танкредъ взятую у кого-то на-прокатъ; каретникъ одну изъ тридцати-осьми, которыя стоятъ у него въ сараяхъ. Лолотта не знаетъ, на что рѣшиться. — Нечего колебаться, сударыня: вы должны ѣхать въ каретѣ вашего жениха, говоритъ д'Эрувиль. И вотъ у Лолотты — четыре врага. На гуляньѣ, на экипажѣ ея обратили вниманіе, случилась исторія: полиція остановила его и потребовала, чтобы модистка изволила стереть дворянскіе гербы. Пристыженная, убитая, виконтесса Лолотта возвращается домой, жалуется бывшимъ своимъ поклонникамъ, но тѣ, злодѣи, первые осмѣиваютъ несчастную. Одна старая знатная барыня, — маркиза д'Эрувиль, тѣтка виконта, — прыщеть огнемъ и искрами: она прибѣгаетъ къ посредству парламента, чтобы изгнать племянника и разлучить его съ модисткой, — ее ужасаетъ униженіе такимъ неравнымъ бракомъ. Глава фамиліи, графъ де-Моранжі тоже страшно горячится, — тѣмъ страшнѣе, что онъ самъ влюбленъ въ Лолотту. Но Лолотта такъ ловка и такъ очаровательна, что постепенно задобряетъ всѣхъ своихъ враговъ и поклонниковъ, и прежде всего Танкреда, которому возвращаетъ деньги за нанятую карету. Танкредъ отправляется отъискивать д'Эрувиля. Лолотта не теряетъ времени: она привлекаетъ на свою сторону одну молоденькую герцогиню, очень влюбленную въ графа де-Моранжі, котораго нѣсколькими пріятными словами укрощаютъ. Потомъ Лолотта унимаетъ командора Три-звѣздочки и наконецъ маркиза д'Эрувиль принуждена положить оружіе, потому что де-Моранжі самъ погрозился жениться на Лолоттѣ, а Лолотта, сверхъ-того, еще владѣетъ тайной: за маркизой, въ свое время, водились кое-какіе грѣшки и кавалеръ Танкредъ служитъ живымъ документомъ. Коротко сказать, графиня Лолотта одерживаетъ побѣду по всей линіи. Вотъ, что значитъ быть ловкою *магазейщицей!*

4. *Père et Portier, Отецъ и дворникъ*, водевиль въ двухъ актахъ, господь *Балра и Вернера*.

Дюмарто — образецъ дворниковъ и сверхъ-того портной. Онъ стережетъ домъ, мететь улицу и чинить всему сосѣдству старое платье, а на своего домохозяина шьетъ даже новое. У дворника Дюмарто есть сынъ и наследникъ, котораго однако жъ такое наследство, какъ швальный столъ въ дворницкой, ни мало не прельщаетъ. Адольфъ не туда смотритъ: онъ покинулъ отцовскій очагъ и иголку и опредѣлился писцомъ къ полицейскому комиссару. Выродоженіи дня онъ хлопочетъ о поимкѣ плохихъ плательщиковъ, а вечеромъ надѣваетъ черный фракъ, лакированные сапоги и лайковыя перчатки и разыгрываетъ роль барона Дюмарто, сына генералъ-лейтенанта, пера Франціи и кавалера большого креста почетнаго легіона, — въ домъ графини Вандертромпъ, у которой есть дочь-невеста, съ двадцатью-пятью тысячами доходу, и которая принимаетъ его какъ-нельзя ласковѣе, — какъ жениха. Старикъ Дюмарто открываетъ продѣлки сына и, однажды, вечеромъ, какъ свѣгъ на-голову, явился у графини. Онъ намѣренъ все открыть и разразитъ сына стыдомъ. Но Дюмарто хотя и дворникъ, однако жъ отецъ: пуншъ, пирожки, мороженное, локеры и *глазки* графини-матери дотого очаровываютъ его, что онъ соглашается слыть барономъ, генералъ-лейтенантомъ, перомъ Франціи и кавалеромъ большого креста почетнаго легіона. Въ этомъ качествѣ онъ соглашается даже жениться на графинѣ Вандертромпъ и женить сына на ея дочери. Большаго неравенства въ томъ не оказывается, потому что графиня Вандертромпъ — торговка, и промышляетъ сыромъ.

5. *Les Trois Portiers, Три дворника*, водевиль въ двухъ актахъ, господь *Вандербурха и Дюпети*.

Дворникъ Жозефъ стережетъ домъ въ такой улицѣ, гдѣ живутъ только люди бѣдные, слѣдовательно, и самъ—дворникъ изъ бѣдныхъ. Но у него знатная родня, — одинъ двоюродный братъ швейцаръ въ барскомъ домѣ, другой сторожъ въ казенномъ заведеніи. У котораго-то изъ нихъ есть сынъ, а у бѣднаго Жозефа дочь, оба влюбленные другъ въ друга. Но отецъ и дядя молодого человѣка — аристократы: они не хотятъ дозволить ему жениться на нищѣ. Бѣднякъ обругалъ гордыхъ братцевъ аристократами и принялся утѣшать дочку. Но вдругъ на бѣдняка съ неба сваливаются шестьдесятъ тысячъ и аристократы, напередъ провѣдавъ о благополучіи, прибѣжали задобривать оскорбленнаго, суетятся, услуживаютъ. Когда же загадка объясняетъ

ся, разбогатѣвшій бѣднякъ, черный дворникъ, самъ становится на ходули и хочетъ выдать дочку не иначе какъ за герцога. Потомъ, разумѣется, дѣло улаживается, какъ слѣдуетъ.

6. *Le Mousquetaire gris*, *Пѣлный мушкетеръ*, водевилъ въ двухъ актахъ, господина *Rozès*.

О томъ какъ два пріятеля, одинъ виконтъ и одинъ капитанъ мушкетеровъ, привуждены, съ отчаянія, или утопиться или застрѣлиться, потому что ни за того ни за другаго не выдаютъ невѣсть, — у одного много долговъ, другой слишкомъ громко прозвалъ тѣтку своей возлюбленной «старою сумой», — и о томъ, какъ пріятели, раздумавъ стрѣлиться, другъ друга выручаютъ. Поэтому случаю капитанъ мушкетеровъ передъ тѣткой, прозванной «старою сумой», разыгрываетъ старую роль пьянаго. Дѣло завершается двумя или тремя свадьбами.

Послѣ всего этого мы, конечно, могли бы рѣшиться рассказать и содержаніе —

7. *Un Père d'occasion*, *Отецъ по случаю*, комедія въ одномъ актѣ, съ куплетами, господь *Coiffinac'a* в *Поль-де-Кока* —

Поль-де-Кока, неувядаемаго, вѣнстошнямаго, стараго и вѣчноюнаго, безсмертнаго Поль-де-Кока... но мы удерживаемся.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ одномъ иностранномъ журналѣ было недавно напечатано очень любопытное письмо о состояніи музыки въ Парижѣ, извѣстнаго брюссельскаго профессора и музыкальнаго писателя, Эдуарда Фетиса. Письмо это должно представлять тѣмъ болѣе интересу нашимъ читателямъ, что авторъ подмѣтилъ въ парижской музыкальной жизни много такихъ чертъ, которыя представляютъ разительное сходство съ нашею петербургскою музыкальною жизнію. Поэтому мы и рѣшились сообщить это письмо вполнѣ:

«Не стану вамъ говорить, что опера въ музыкальномъ отношеніи гибнетъ: вы это уже сами давно замѣтили, но не могу не высказать моего удивленія равнодушію, съ которымъ въ Парижѣ смотрятъ на упадокъ сценическихъ представлений, составлявшихъ нѣкогда славу Фравціи. Я думаю, что если бы закрыть вашъ первый лирическій театръ, это едва-ли произвело бы сильное ощущеніе. *Вмѣсто того, чтобы ходить въ оперу, стали бы ходить въ циркъ или въ гипподромъ!* Я самъ, хотя, благодаря Бога, еще не сѣдой старикъ, помню время, когда такое событіе возбуждало бы всеобщее возстаніе. Опера была тѣмъ-то въ родѣ палладиума столицы. Парижъ скорѣе отказался бы и отъ бульваровъ, и отъ

лучшихъ своихъ зданій тѣмъ отъ опернаго театра, который онъ съ гордостью провозглашалъ первымъ въ мірѣ.

«Не прискорбно ли, что королевская музыкальная академія отдала первое мѣсто въ ряду вашихъ оперныхъ театровъ Компчесской Оперѣ? Дѣло не въ числѣ лицъ, содѣйствующихъ исполненію, а въ исполненіи. Хорошо исполненный квартетъ доставитъ гораздо болѣе удовольствія, нежели плохо сыгранная симфонія. Признаюсь, что представленіе «Молніи» произвело на меня гораздо пріятнѣйшее впечатлѣніе нежели «Лучія», видѣнная много наканунѣ. Если правда, что многочисленное войско всегда одержитъ верхъ надъ малочисленнѣйшимъ, то ужъ никакъ не въ музыкѣ. Съ артистами, подобными Рожѣ и Герману-Леону и Гранв-Лавуа и Гриммъ, комическая опера можетъ обѣщать французскимъ композиторамъ исполненіе, достойное ихъ лучшихъ произведеній. Мнѣ кажется, что они не довольно пользуются этимъ, и что число ихъ произведеній ни сколько не показываетъ потребности третьяго театра.

«Въ одномъ письмѣ къ вамъ по случаю исполненія въ Брюсселѣ «Пустыни Давида», я высказывалъ, помнится, опасеніе чтобы неумѣренные похвалы, которыми осыпано было это произведеніе, не имѣли пагубнаго вліянія на будущность Фелсіена Давида. Энтузіазмъ, возбужденный въ публикѣ разными торговыми продѣлками, долженъ былъ, по моему, породить такія требованія, что автору оставалось только или писать вѣковыя произведенія, или подвергнуться жестокому разочарованію. Вы сами знаете, какъ послѣдствія оправдали мои предположенія. Вторая ода-симфонія Давида была принята съ холодностью, которая не могла не огорчить его. Оправился ли онъ отъ этого удара своимъ «Христофоромъ Колумбомъ»? Не смѣю отвѣчать утвердительно. Я нисколько не отвергаю достоинства этого произведенія: достоинство его неоспоримо, однако вовсе не таково, какъ бы можно заключать изъ слишкомъ доброжелательныхъ отчетовъ, и въ особенности не таково, чтобы оно могло вполне оправдать хвалы, которыми осыпали молодого композитора неосторожные пріатели. Три первые части слушаются разсѣянно: въ нихъ есть удачныя мѣста, но ничто не поражаетъ слушателя, не останавливаетъ его вниманія. Только въ четвертой части, далеко превосходящей прочія, композиторъ овладѣваетъ имъ, и производитъ тѣ невольныя, сильныя впечатлѣнія, которые приводятъ всю публику въ волненіе. Признаюсь, прочитавъ нѣкоторые разборы «Христофора Ко-

лумба», я ожидалъ отъ него болѣе красотъ и сильнѣйшаго впечатлѣнія.

«Не согласны ли вы со мною въ томъ, что Фелисиенъ Давидъ, для своей же пользы, долженъ бы писать не одиѣ оды-симфоніи; что онъ долженъ бы показать, что можетъ произвести, придерживаясь болѣе общепотребительныхъ формъ музыки. Такъ какъ онъ стремится за драматическимъ колоритомъ и дѣйствительно одаренъ чувствомъ драматизма, то что бы ему взятыя за оперу? Это поприще гораздо обширнѣе, и представляетъ болѣе средствъ воображенію. Однако жъ друзья его увѣряютъ, что онъ не намѣренъ писать оперу, что онъ хочетъ остаться вѣренъ избранному имъ *спеціальному роду*. Я не понимаю такой ограниченной спеціальности въ искусствѣ, развѣ только, когда заступнику ихъ не хватаетъ силъ на что другое. Мало ли найдется, напримѣръ, сочинителей романсовъ, которымъ никакъ не написать десяти тактовъ симфоніи. Такимъ людямъ позволено писать одни романсы. Но съ музыкальнымъ образованіемъ Давида не слѣдовало бы ему заключаться въ предѣлы одного рода. Еще пусть бы этотъ родъ былъ созданъ имъ! Но не забудьте, что не онъ творецъ его; что Берлиозъ еще задолго до него писалъ инструментальныя пьесы съ хорами; что авторъ «Пустыни» не имѣлъ даже чести закрыть за собою это поприще, ибо мы видимъ, что господинъ Дуэ въ свою очередь пошелъ по той же стезѣ.

«Сколько дорогъ и уважительна истинная оригинальность, столько же непріятна оригинальность изысканная и разсчитанная. Но въ наше время каждый хочетъ отличаться отъ другихъ: болѣе всего мы боимся походить на сосѣда. Если бы эта слабость не была отличительною чертою теперешняго парижскаго общества, то сталъ ли бы господинъ Дуэ писать философическую, историческую и легендарную музыку? Никогда; онъ просто сочинялъ бы музыку какъ музыку. Сочиненія его не были бы отъ того ни лучше ни хуже, и онъ избѣжалъ бы осмѣянія, которое навлекъ на себя изысканными названіями, придуманными вѣроятно затѣмъ, чтобы не отставать отъ вѣка.

«Дивлюсь вамъ, какъ у васъ стаеъ терпѣнія слушать всю эту музыкальную галиматью, которою кормятъ васъ въ Парижѣ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ; дивлюсь, какъ стаеъ вамъ мужества являться на такую бездну концертовъ и давать объ нихъ отчеты. Я былъ на нѣсколькихъ такихъ многохваленыхъ и торжественно объявленныхъ сходбищахъ и, право, если бы я не былъ такъ воздерженъ въ посѣщеніи ихъ, они скоро внушили бы мнѣ рѣ-

шительное отвращеніе къ музыкѣ. Неужели артисты не придумаютъ другаго способу для достиженія той же денежной цѣли? Вы лучше меня знаете, что изъ ста концертовъ не насчитается и одного, на который было бы раскуплено *добровольно* десять билетовъ. Это средство, придуманное гостившими пѣвцами и музыкантами, заставить слушателей въ концѣ года платить имъ за то, что они благоволяли играть или пѣть *даромъ* въ извѣстномъ числѣ домовъ. Положимъ, на примѣръ, что артистъ игралъ или пѣлъ три раза въ домѣ зажиточнаго человѣка; онъ⁴ посылаетъ ему двѣнадцать концертныхъ билетовъ по десяти франковъ; изъ нихъ шесть удерживаются, а остальные шесть отсылаются обратно. Это составитъ шестьдесятъ франковъ, т. е. по двадцати франковъ за каждый изъ вечеровъ, одолженныхъ артисту частью своего блеску. И артистъ принимаетъ эти двадцать франковъ ради косвенности платежа, между-тѣмъ какъ прямо онъ постыдился бы взять менѣе двухъ сотъ франковъ. Артисты лучше бы согласили свои выгоды съ своимъ достоинствомъ, если бы положили себѣ никогда не пѣть и не играть безвозмездно на частныхъ вечерахъ, но и плату брали бы болѣе соразмѣрную большей части средствъ. Писатель продаетъ свои сочиненія, живописецъ продаетъ свои картины, врачъ продаетъ свое знаніе; почему же пѣвцу не продавать своего голоса, а музыканту звуковъ своего инструмента? Это было бы гораздо согласнѣе съ ихъ достоинствомъ, нежели торгъ концертными билетами въ концѣ сезона. Мы вѣдь нечего вамъ говорить, что изъ двадцати посѣщаемыхъ вами концертовъ, въ девятнадцати вѣтъ и въ поминѣ искусства. Вы слишкомъ близко видите концерты, чтобы не знать всѣхъ ихъ тайнъ. Вы знаете, съ какимъ презрѣніемъ къ своимъ средствамъ и къ публикѣ артисты готовятся къ нимъ. Никто даже не притворяется вѣрующимъ; каждый думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе съ плечъ долой скучную обязанность, и даже не заботится скрыть, какъ она ему надоѣла. Уже пора бы прекратить это лицемѣріе, которому никто уже не вѣритъ.

«Не слѣдовало ли бы также во имя искусства возстать противъ участія господина Левассёра въ серіозныхъ концертахъ? Господина Левассёръ прекрасный водевильный комикъ, но увѣрять, будто онъ пѣвецъ—по-моему, самый отчаянный изъ парадоксовъ. Непостижимо, какъ въ странѣ имѣющей притязанія на образованный вкусъ, вздумали ставить пѣсенки господина Левассёра рядомъ съ произведеніями первыхъ композиторовъ, исполненными первыми пѣвцами, и знаменитѣйшими музыкантами. Я ни сколько

не унижаю таланта актера, въ которомъ признаю рѣдкій умъ, и котораго люблю видѣть въ его званіи; я только утверждаю, и сомнѣваюсь, чтобы кто-либо могъ спорить со мною, что мѣсто его на театрѣ Пале-рояля, а совѣтъ не рядомъ съ госпожами Даморѣ, Дорюсъ, и съ господами Попшаромъ и Жеральди. Если мнѣ скажутъ, что виновата публика, и что принимаемая такъ радушно господина Левассѣра каждый разъ, какъ онъ является въ концерты съ своими пѣсенками, она одобряетъ эту нелѣпость, я отвѣчу, что это плохое оправданіе. Публику нельзя вклинить въ безвкусіе, когда тѣ, на которыхъ возложена обязанность руководить вкусу ея, повинуются ея прихоти. Слѣдуя этой системѣ до послѣднихъ ея результатовъ, придетъ наконецъ утверждать, что участіе въ концертѣ искусства фокусника—дѣло дозволятельное и весьма естественное, какъ скоро публикѣ пріятно будетъ смотрѣть на его фокусы между арією Моцарта и дуэтомъ Россини. Надо полагать, что артисты, прибѣгающіе къ содѣйствію господина Левассѣра надѣлены притворною скромностью, когда они рѣшаются поставить съ собою рядомъ знаменитаго комика пале-рояльскаго театра, и уступать ему большую половину восторговъ публики. Сколько разъ въ Парижѣ посмѣивались надъ вкусомъ Англичанъ въ музыкѣ; нынче Парижане едва ли имѣютъ право трунить надъ ними, потому что далеко опередили ихъ въ самыхъ смѣлыхъ артистическихъ причудахъ. Къ чести Англичанъ должно сказать, что въ концертахъ ихъ, въ Лондонѣ, часто услышишь произведенія Генделя, Гайдна, Бетховена, между-тѣмъ, какъ имена этихъ великихъ художниковъ вовсе не знакомы парижскимъ программамъ. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что это у нихъ дѣло моды, и что они часто аплодируютъ произведеніямъ, которыхъ не понимаютъ. Но какъ бы то ни было, нѣтъ всё-таки остается заслуга, что они умѣютъ оказывать великимъ гениямъ должное уваженіе.

«Я знаю, что если въ Парижѣ услышишь много плохой музыки, то никогда не услышишь образцовыхъ произведеній искусства, исполненныхъ съ такою отчетливостью какъ въ Парижѣ; знаю, что нигдѣ не найдется такого собранія талантовъ, и талантовъ первостепенныхъ. Стоитъ только вспомнить о концертахъ консерваторіи, о концертахъ господъ Галле, Алара, Днаклъ и Фрашона, доставившихъ истиннымъ любителямъ столько незабвенныхъ наслажденій. Знаю, что въ Парижѣ много даровитыхъ художниковъ, сохраняющихъ и соблюдающихъ благоговѣніе къ священнымъ преданіямъ! Потому именно, что у васъ находятся эти

драгоценные элементы, я и счелъ обязанностью обратить вниманіе ваше на злоупотребленія, противъ которыхъ всѣ здравомыслящіе умы скоро увидятъ необходимость возстать общими силами.»

— Два самые замѣчательные пункта въ музыкальномъ мірѣ въ настоящее время, куда обращены всѣ взоры — Лондонъ, съ своимъ двумя италіанскимп операмп, и Кёльнъ, съ своимъ музыкальнымъ торжествомъ.

Изъ Лондона, вотъ что пишетъ намъ одинъ бывшій членъ нашего петербургскаго оркестра, ангажированный теперь въ оркестръ лондонскаго королевскаго театра.

«У насъ почти каждую недѣлю дается новая опера, не обращающая вниманія на то, правится ли она или нѣтъ, а затѣмъ только, чтобы отличиться передъ коventгарденскимъ театромъ, дающимъ всё одиъ и тѣ же, старыя, истертыя пьесы, «Семиприиду», «Италіанку», «Цирюльпика» и развѣ изрѣдко «Донъ-Жуана». Альбони, къ крайней досадѣ Гриси, въ чрезвычайной чести. На нашемъ театрѣ (Queen's theatre) первое мѣсто занимаетъ старикъ Лаблашъ, съ своимъ громовымъ голосомъ. Онъ по-прежнему хорошъ, полонъ благородства и силы живаго, веселаго юмора, несмотря на чрезмѣрную свою дородность. Подлѣ него Штаудигль, несмотря на свой прекрасный голосъ, вялъ и бездушенъ. У Колетти голосъ прелестный, отмѣнно мягкій и нѣжный, манера его прекрасна и исполнена одушевленія; по моему мнѣнію, это лучшій въ наше время баритонъ, не исключая Тамбурини и Колинни. Хороши также и два наши первые тенора Гардонни и Фраскини, можно бы однако желать и лучшаго: у послѣдняго изъ нихъ много силы, а у перваго голосъ обработаннѣе. Но при фурорѣ, возбуждаемомъ въ коventгарденскомъ театрѣ госпожей Альбони, мы съ недѣли на недѣлю откладываемъ дебютъ нашей контральто Виетти. Монтенегро уже не молода и старанія ея пѣть правильно — неудачны. Сотхюли была очень хороша до прибытія Кастеллапъ, которая въ свою очередь тоже казалась превосходною до прибытія Липдъ. Но прежде чѣмъ я выскажу вамъ мое мнѣніе о послѣдней, позвольте сообщить мнѣніе здѣшней публики.

Здѣсь пѣтъ ни одного человѣка и ни одного журнала, которые бы отличались своимъ мнѣніемъ объ этой артисткѣ; всѣ единодушно признаютъ ее величайшею пѣвицей, какая когда либо существовала, и почти столь же великою актрисою. Тысячью различными способами изображаютъ портретъ ея (на носовыхъ

платкахъ, на перчаткахъ и тому подобное); многіе театры даютъ пьесы подъ названіемъ: «Дженни Линдъ», и объявляютъ, что сегодня вечеромъ она будетъ у нихъ пѣть (само собою разумѣется, что все это только пуфъ). Въ одной изъ такихъ пьесъ поетъ (подражательная) Линдъ. Вдругъ является Гризп (тоже подражательная) и приведенная въ непостоянство безпримѣрнымъ успѣхомъ своей соперницы, наноситъ ей одно изъ тѣхъ оскорбленій, которыя всегда оканчиваются дуэлью между мужчинами. Въ другой изъ этихъ пародій излагаютъ извѣстный процессъ, который она скоро будетъ имѣть съ директоромъ дрюплинскаго театра (процессъ этотъ долженъ начаться въ іюлѣ мѣсяцѣ). Директоръ, желая позабыться на ея счетъ, недавно объявилъ, что теперь Дженни Линдъ дѣйствительно вступаетъ въ его театръ. Что же вышло?... на сценѣ явился огромный слонъ, котораго онъ называлъ Дженни Линдъ. Тотъ же директоръ давалъ въ видѣ драмы «Пустыню», Федясіена Давида. При этомъ представленіи выведены были на сцену два слона, шесть верблюдовъ, осемьдесятъ лошадей и такъ далѣе. А за нѣсколько дней предъ этимъ всѣхъ этихъ животныхъ водили по лондонскимъ улицамъ, гдѣ они везли великолѣпныя колесницы, усаженныя хорошенькими дѣвушками.

Только на вѣсь золота или съ опасностью жизни можно пріобрѣсти мѣсто для представленій Линдъ. Тѣ, которые хотятъ взять мѣсто въ партерѣ или на галлерей (билеты выдаются заранѣе въ кассѣ) толпятся у дверей отъ четырехъ часовъ и до восьми. Цѣны слѣдующія:

Ложи перваго яруса въ четыре мѣста.	12	гпней	или	84	руб.	сер.
Бенуары или ложи втораго яруса въ четыре мѣста.....	10	—	—	70	—	—
Ложи третьяго яруса въ четыре мѣста.	8	—	—	56	—	—
Ложи четвертаго яруса въ четыре же мѣста.....	6	—	—	42	—	—

Въ пятомъ ярусѣ и въ партерѣ прежнія цѣны.

До-сихъ-поръ Англичане не имѣли ни какого понятія о фурорѣ, который теперь постоянно возбуждаетъ у нихъ Дженни Линдъ. Это походитъ даже отчасти на петербургскій успѣхъ. Публика, вся публика привѣтствуетъ пѣвицу громкимъ крикомъ, машетъ шляпами и носовыми платками, бросаетъ на сцену букеты; самый оркестръ даже принимаетъ участіе въ общемъ восторгѣ, стучитъ и гремитъ своими инструментами. Капельмейстеръ Бальфъ до того въжливъ, что почти каждый разъ ломаетъ

свою палочку, которою бьетъ тактъ; наконецъ и изъ королевскихъ ложъ, гдѣ всегда находятся герцоги Веймарскій, Лейпцигскій, Брауншвейгскій, Кембриджскій, Веллингтонъ и много другихъ, вѣрѣно летятъ на сцену букеты.

Что касается до меня, вотъ мое мнѣнiе:

Конечно, я убѣренъ, что бывали голоса лучше, и обработаннѣе, и актрисы совершеннѣе нежели наша Линдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ, что въ настоящее время это величайшая артистка, — а это не бездѣлица. Ея голосъ силенъ, холоденъ и атлетиченъ, онъ простирается отъ одновязной с до трехъ-вязной *des*, покрывается самое сильное *fortissimo* оркестра и обладаетъ при этомъ такимъ *sotto voce*, какой мы слышали развѣ только у одной Зонтагъ. Правда, что иногда и въ ея пѣнiи слышится какъ-будто легкiй сиповатый отголосокъ, однако она всегда умѣетъ преодолѣть его и это нисколько не препятствуетъ ей пѣть чисто и звучно. Это явленiе, впрочемъ, столь незамѣтное, что оно ускользаетъ въ первый разъ даже и отъ самаго строгаго критика. Она напоминаетъ мнѣ превосходныя скрипки Страдиокріуса, изъ которыхъ даже легкое прикосновение извлекаетъ самые чудные звуки. Среднiе тоны у нея удивительно хороши; метода превосходна; но высокiе тоны стоятъ ей, кажется, большихъ усилiй, хотя она употребляетъ ихъ очень часто, въ особенности въ капацахъ. Пассажи ея блестящи, капацы изящны и исполнены вкосу, трели во всѣхъ тонахъ одинаково совершенны, игра жива, естественна и поразительна. Прекрасно выдержанный тонъ, начинающійся самымъ легкимъ *pianissimo*, достигаетъ наконецъ до самаго сильнаго *fortissimo*, покрывающаго весь оркестръ. Чудная соловьиная трель, начинающаяся сильно, звучно и отчетливо, переливается въ самый легкiй, едва слышимый *pianissimo*, однимъ словомъ, я никогда еще не слыживалъ ничего прекраснѣе и совершеннѣе этого и многого въ этомъ же родѣ. Линдъ поетъ съ глубокимъ чувствомъ Нѣмки и съ страстнымъ выраженiемъ Итальянки.

Нѣтъ сомнѣнiя, что современемъ она еще лучше будетъ пѣть кантальное аллегро въ *Sonnambula*, но теперь нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе адажіо, которое она поетъ передъ этимъ. По моему мнѣнiю, ни одна пѣвица не сравнилась еще дослѣхъ-поръ съ госпожею Линдъ въ образѣ выраженiя этого адажіо. Старикъ Лаблашъ, который въ свою жизнь слыжалъ-таки хорошее пѣнiе, не пропускаетъ ни одной репетиціи Линдъ и, слушая въ первый разъ ея адажіо въ *Sonnambula*, плакалъ

какъ ребенокъ. Но нѣтъ возможности описать это адажіо и ея классическую игру при этомъ: это надобно видѣть и слышать! Съ какою грустью снимаетъ она съ груди своей цвѣты, этотъ послѣдній залогъ любви ея возлюбленнаго, съ какой любовью цѣлуетъ и потомъ медленно обрываетъ и наконецъ подвигаетъ къ небу руки, въ которыхъ еще видимъ эти цвѣты, а голосъ ея звучитъ всё слабѣе и слабѣе и наконецъ замираетъ совершенно въ то время, какъ и послѣдній цвѣтокъ упадетъ на землю. Все это поражаетъ самую сильную душу. Сценическое искусство никогда еще не достигало до такой высоты.

Линдъ причиною, что всѣ другіе театры и въ-особенности концерты, теперь почти совершенно забыты: самые даже знаменитые артисты, какъ напримѣръ Вьѣтанъ, не смѣютъ теперь дать собственнаго концерта. Ихъ даже рѣдко приглашаютъ участвовать и въ концертахъ, даваемыхъ здѣшними артистами и музыкальными обществами, которыя имѣютъ еще свою публику и платятъ довольно хорошо иностраннымъ артистамъ, участвующимъ въ ихъ концертахъ.

Въ концертѣ одного здѣшняго піаниста я слышалъ славную въ Вѣнѣ Дженин Люцеръ. Давно не слыхалъ я такого противнаго пѣнія. Какое сравненіе съ другою Дженин! Въ другомъ концертѣ, — замѣтите, что здѣсь они непремѣнно состоятъ изъ 30 и до 40 музыкальныхъ пьесъ, — слышалъ я госпожу Эйхталь. Это прекрасная артистка на арфѣ, исполняющая даже и фортепьянные сочиненія Тальберга, очень хорошо приспособленныя къ ея инструменту, причемъ она удачно воспользовалась эффектами флажолетныхъ тоновъ. Чрезвычайно нравятся въ концертахъ Лавини, нашъ первый гобоистъ. Какъ опъ еще въ нынѣшнемъ же году думаетъ отправиться въ Петербургъ и давать тамъ концерты, то я заранѣе рекомендую его вамъ, какъ лучшаго гобоиста нашего времени. Звукъ его прекрасенъ, ясенъ и чистъ; манера изящна и благородна.

Возвращаюсь оиять къ нашей Оперѣ и скажу вамъ, что она даетъ еженедѣльно по три представленія, состоящія всегда изъ одной оперы и одного балета и продолжающіяся отъ осьми часовъ и до втораго часу. Для каждой новой оперы мы дѣлаемъ по двѣ репетиціи, для балетовъ по одной, но для *Roberto Diavolo* мы сдѣлали исключеніе и сдѣлали четыре репетиціи. Несмотря на то, эта трудная опера, какъ въ оркестрѣ, такъ и на сценѣ шла довольно вале. Мендельсонъ, который какъ нарочно былъ здѣсь въ это время, для дирижированія своего «Иліа», составилъ себѣ, я думаю,

плохое понятіе о нашемъ оркестрѣ, который впрочемъ очень плохъ. Однако жъ, публика, никогда еще не слыхавшая лучшаго выполненія Роберта, осталась довольною. На самомъ-то дѣлѣ только Ливдъ была прекрасна въ своей роли. Каstellапъ, не понявшая своихъ мелодій, пѣла нечисто и неправильно; Фраскиннъ игралъ Роберта тяжело и принужденно; Штаудпгль, представлявшій Бертрама, кажется мнѣ, пѣвецъ преимущественно для ораторіи.

Въ балетѣ Эльслеръ совершенно побѣждена госпожею Дюмилатръ, и не хочетъ уже болѣе оставаться, если соперница ея будетъ продолжать играть. Карлотта Гриси, Розатти и Тальони (шестнадцатилѣтняя дочь берлинскаго балетмейстера) очень нравятся; но Люсилъ Гранъ не такъ счастлива. Госпожи Черпто и Сень-Леонъ, два особенно яркія свѣтила на горизонтѣ нашего балета. Нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе, очаровательнѣе и граціознѣе этой танцующей пары: онѣ оставили теперь далеко за собою всѣхъ собранныхъ здѣсь знаменитыхъ танцоровъ. У госпожи Черпто и Сень-Леонъ видимъ дѣйствительно нѣчто новое, а не всё одни и тѣ же прыжки, повороты, позы и кадансы, которые являлись такъ часто и при каждомъ удобномъ случаѣ и теряютъ наконецъ ту небольшую характерность, которая можетъ-быть и дѣйствительно въ нихъ скрывается.

— Кѣльнское музыкальное торжество было очень блистательно. Вотъ, что пишетъ о немъ очевидецъ, Э. Фетисъ, тотъ самый, у котораго мы заисствовали такой мѣткій очеркъ парижской музыкальной жизни:

«Слава прирейнской Германіи, учредившей эти музыкальныя торжества, на которыхъ произведенія первыхъ художниковъ исполняются исполнительскими оркестрами, и съ примѣрною твердостью стремящейся къ осуществленію этой плодотворной мысли. Вотъ уже прошло двадцать девять лѣтъ съ перваго праздника Рейнскаго Союза. Сколько учрежденій съ тѣхъ поръ возникало и умирало во Франціи! Сколько прозектовъ, умершихъ при самомъ рожденіи, сколько предпріятій, которымъ прочли долгую жизнь и которые не дожили даже до другаго дня. А между-тѣмъ союзные города, Кѣльнъ, Ахенъ и Дюссельдорфъ ни разу и не подумали о возможности нарушить союзъ. Каждый готовъ на исполненіе условія, какъ-скоро приходитъ его чередъ быть мѣстопробываніемъ музыкальнаго конгресса. Не всегда, можетъ-быть, успѣхъ праздника соответствовалъ ожиданіямъ учредителей, одинъ городъ можетъ-быть затмилъ другой искусствомъ солистовъ, выбо-

ромъ капельмейстера, или составомъ программы; другому можетъ быть, счастье неблагопріятствовало. Въ другомъ мѣстѣ, изъ этого неравенства успѣху родилась бы непременно зависть, раздоры и союзъ наконецъ рушился бы. Нѣмецкія области не допустили этого мелкаго самолюбія: онѣ другой цѣли не знаютъ, кромѣ искусства, и успѣхъ торжества радуется всѣхъ членовъ Союза, въ какомъ бы городѣ ни происходило состязаніе.

«Временемъ этихъ ежегодныхъ собраній назначенъ Троицынъ День. Нынешній годъ ему приходилось быть въ Кѣльцѣ. Пріѣхавъ наканунѣ перваго праздника, я засталъ городъ въ приготовленіяхъ. За исключеніемъ времени, употребленнаго на самое прозаическое, но необходимое занятіе, обѣдъ, съ осью часовъ утра до десяти вечера или репетиціи. Исполнители уже съѣхались за нѣсколько дней и добросовѣстно занимались изученіемъ программы. Въ Германіи, когда дѣло идетъ о музыкѣ, ничто не дѣлается вполонву. Тамъ не понимаютъ музыки безъ единства, и вѣрятъ, что только множество репетицій можетъ упрочить успѣхъ.

«Дирижеромъ на этотъ годъ былъ избранъ кѣльвскій капельмейстеръ Дорнъ. Обязанность директора рейпскихъ музыкальныхъ празднествъ всегда возлагалась на извѣстныхъ композиторовъ, Риса, Шпора, Мендельсона. Слѣдовательно, Союзъ, избравъ Дорна, сдѣлалъ ему почестъ, которой онъ, впрочемъ, оказался достойнымъ по искусству и усердію, съ какими выполнилъ это дѣло.

«Первый концертъ былъ 23 мая, въ пять часовъ вечера. Выборъ времени показался бы страннымъ въ Парижѣ: но въ Германіи еще обѣдаютъ въ часъ, и ужинаютъ въ девять; такимъ образомъ это время очень удобно для всѣхъ. Парижъ можетъ похвалиться болѣе изящными концертными залами, нежели та, въ которой были описываемые мною концерты, но такой огромной въ немъ не найдется. Въ этой залѣ, называемой Gurgenich, можетъ помѣститься до трехъ тысячъ человѣкъ, кромѣ исполнителей, находящихся на обширной эстрадѣ. Въ ней не разъ собирались сѣмьи и нѣмецкое дворянство танцовало тутъ на великолѣпныхъ празднествахъ императора Максимиліана.

«Эстрада артистовъ образовала высокій амфитеатръ. На ней было размѣшено около осьмисотъ человѣкъ исполнителей, пѣвцовъ и музыкантовъ. Хоръ состоялъ изъ шестисотъ-двадцатидвухъ голосовъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ: стопятьдесятъ-осемь дискантовъ, сто-тридцать-шесть альтовъ, сто-сорокъ теноровъ и сто-осемьдесятъ-осемь басовъ. Оркестръ состоялъ изъ ста-шестидесяти-четыреухъ человѣкъ: шестидесяти-четыреухъ скри-

покъ, двадцати-четырехъ альтовъ, двадцати-четырехъ віолончелей, двадцати контрабасовъ, четырехъ флейтъ, четырехъ гобоевъ, четырехъ кларнетовъ, четырехъ фаготовъ, восьми валторнъ, четырехъ трубъ, трехъ тромбонновъ, и одного офикледа. Всею этою толпою управлялъ Дорнъ. Иногда выбираютъ двухъ дирижеровъ, одного для оркестра, другаго для хора. По-моему съ однимъ дирижеромъ лучше. Въ музыкѣ, какъ и въ управленіи, централизація власти предпочтительна коллегіальной системѣ. Ничто не замѣнитъ единства возрѣнія и воли.

«Программу перваго концерта составляли «Мессія» Генделя, и новая симфонія Ондлова. Рѣдко можно имѣть счастье слышать Мессію вполнѣ, потому что его вообще считаютъ слишкомъ серьезною музыкою для толпы и только развѣ изрѣдка, въ необыкновенныхъ случаяхъ играютъ изъ него отрывки. Тѣмъ рѣже еще можно его слышать исполненнымъ такъ, какъ онъ былъ исполненъ здѣсь, средствами вполнѣ достойными генія композитора, и съ знаніемъ его стиля, которое одни Нѣмцы сохранили по предаію.

«Согласіе хоровъ Рейнскаго Союза истинно изумительно. Невозможно не восхищаться этими чистыми, свѣжими голосами, ихъ вѣрностью и смѣлостью въ приступѣ. Можно смѣло сказать, что нигдѣ хоровая музыка не подходитъ къ нѣмецкимъ музыкальнымъ празднествамъ. Парижъ не можетъ дать о томъ и понятія. Здѣшнія дамы не боятся немощно искривить ротъ произнося лветвенно ноты и слова. Въ басахъ и тенорахъ есть какая-то рѣзкость, которой недостаетъ французскимъ голосамъ и которая чрезвычайно идетъ къ сильнымъ тѣнямъ хорового пѣнія. Въ Парижѣ, какъ-скоро любители вздумаютъ составить концертъ, тотчасъ пробивается мелкое самолюбіе. Каждый хочетъ блеснуть каждый хочетъ быть замѣченъ. Никто не довольствуется успѣхомъ, каждый лѣзетъ впередъ, каждый иѣтитъ въ солісты. Въ Германіи всѣ одушевлены одною мыслію: любовью къ искусству. Всѣ успія устремлены къ одной цѣли, и цѣль эта—хорошее исполненіе. Нетолько никто не требуетъ болѣе приходящейся ему доли успѣху, но никто даже не думаетъ о своемъ успѣхѣ: каждый думаетъ о томъ только, чтобы какъ-можно лучше исполнить свою партію и тѣмъ содѣйствовать достоинству исполненія цѣлаго.

«Хоры Мессія исполнены въ совершенствѣ, вѣрно, точно, смѣло, отчетливо. Самый строгій критикъ не могъ бы ничего осудить. Соло были бы далеко не такъ удовлетворительны, какъ

хоры, если бы не помогъ счастливый, неожиданный случай. Басовую партію, играющую такую важную роль въ Мессіи, долженъ былъ пѣть нѣкто Дюмонъ, артистъ вовсе неизвѣстный, и не заслуживающій извѣстности. Его недостаточность замѣтили, когда уже было слишкомъ поздно замѣнить другимъ. По счастливому случаю Пшекъ, первый басистъ въ Германіи, проѣзжалъ черезъ Кѣльпъ, на пути въ Лондонъ. Его удержали и онъ волею неволею принужденъ былъ принять на себя эту партію. Онъ пропѣлъ ее чуднымъ голосомъ и съ глубокимъ художническимъ чувствомъ. Дискантовая партія также исполнена превосходно молодою дрезденскою артисткою, дѣвицею Бобничъ окончившею свое образованіе въ Парижѣ: она кажется, должна со временемъ, стать въ ряду лучшихъ пѣвицъ своего отечества. Кѣльвская пѣвица, дѣвица Шлоссъ, очень хорошо спѣла альтовую партію. Но теноръ, къ несчастію, былъ жалокъ до нѣльзя.

«Чтобы почтить композиторскій талантъ Овслова, его пригласили самого дирижировать свою симфонію, написанную нарочно для этого торжества. Лестный приемъ, сдѣланный ему публикою, должно считать данью уваженія къ самому композитору и къ школѣ, которой онъ былъ представителемъ на кѣльвскихъ торжествахъ. При появленіи своемъ на капельмейстерскомъ мѣстѣ, онъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями и трубами. Это повторилось по окончаніи симфоніи и сопровождалось градомъ цвѣтовъ и букетовъ. Надо замѣтить, что цвѣты еще не испошлились въ Германіи такъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, и имѣютъ дѣйствительное значеніе. Цвѣты сыпались вокругъ его въ такомъ изобиліи, что солисты, стоявшіе на той же части эстрады, были ими осыпаны, и что я того только и ждалъ, что Пшекъ попроситъ зонтика, чтобы защититься отъ этого вихря.

«Слѣдующій день, понедѣльникъ, былъ еще болѣе занятъ музыкою: утромъ репетировали цѣлое дѣйствіе «Олимпіа», Спонтини, а вечеромъ былъ второй концертъ. Я считаю утреннюю репетицію въ числѣ музыкальныхъ празднествъ, потому что она, по обыкновенію, была публична, и любопытные могли присутствовать при ней, платя за билеты какъ и въ самый концертъ.

«Программу второго концерта составляли симфонія, а-дуг Бетховена, псаломъ Мендельсона, увертюра Фрейшютца и второе дѣйствіе «Олимпіа», Спонтини. Оркестръ, подъ управленіемъ Дорна, превосходно выполнилъ симфонію. Надо однако же сказать правду, что въ исполненіи оркестра парижской консерваторіи болѣе тонкости. Правда, съ другой стороны, и то, что при огромномъ

числѣ исполнителей трудно требовать чрезвычайной тонкости въ тѣняхъ. Сдѣлаю еще замѣчаніе о мѣстѣ капельмейстера въ оркестрѣ, въ нѣмецкихъ музыкальныхъ собраніяхъ. Онъ стоитъ спиною къ оркестру, слѣдовательно не можетъ переговаривать съ музыкантами взорами, что перѣдко производитъ дѣвное одушевленіе въ оркестрѣ.

«Псаломъ Мендельсона сочиненіе, превосходно написанное для хора и оркестра. Въ немъ встрѣчаются могучіе эффекты, которые были переданы хоромъ, будто однимъ исполнителемъ голосомъ».

«Нельзя довольно похвалить оркестръ за исполненіе увертюры изъ «Фрейшютца». Оно было вполне достойно произведенія. Веберова музыка до-сихъ-поръ болѣе всякой другой возбуждаетъ сочувствія въ Германіи: она всѣхъ болѣе соотвѣтствуетъ понятіямъ мечтательныхъ жителей Рейвскихъ береговъ. Зато увертюра изъ Фрейшютца принята съ невыразимымъ энтузіазмомъ, между-тѣмъ какъ симфонія Бетховена удостоилась только умѣреннаго одобренія».

«Спонтини, который, бывъ капельмейстеромъ короля прусскаго, привыкъ мастерски управлять оркестромъ, дирижировалъ свою увертюру изъ «Олимпіи»; но для самой оперы онъ передалъ жезлъ Дорну. Я не буду говорить объ этомъ произведеніи: оно довольно извѣстно; скажу только, что многія мѣста были горячо аплодированы. Соло Олимпіи и Статиры или госпожи Бабнихъ и Шлосъ; соло тенора и двухъ басовъ исполнены самымъ жалкимъ образомъ. Въ одномъ только можно упрекнуть директора праздника, что онъ не пригласилъ лучшихъ исполнителей на эти партіи. Пишекъ утромъ отправился въ Лондонъ, гдѣ его ждали къ слѣдующему дню, и слѣдовательно не могъ помочь Олимпіи, какъ помогъ накануне Мессіѣ. Какъ бы то ни бы, но Спонтини принять такъ же лестно, какъ и Онслоуъ. Онъ также осыпая рукоплесканіями и цвѣтами. Сверхъ того, молодая дѣвушка вышла на эстраду, и возложила ему на голову вѣнокъ. Въ то же время другая дѣвушка возложила вѣнокъ на голову Дорну, который, въ своей нѣмецкой скромности, казался чрезвычайно смущенъ такою нежданою почестью».

«Во вторникъ утромъ былъ еще дополнительный концертъ. Онъ состоялъ не изъ большихъ произведеній, какъ предшествовавшіе концерты, а изъ отрывковъ. Дѣвица Бабнихъ спѣла въ немъ каватину Пачини, а дѣвица Шлосъ арію изъ «Лессонды» Шпора. Господинъ Дейхманъ, молодой кѣльнскій скрипачъ, воспитанникъ

Брюссельской консерваторіи, очень удачно сыгралъ каприччіо Вьѣтапа. Оркестровую и хоровую часть этого концерта составили псаломъ Мендельсона, увертюра изъ «Олимпіа», и части симфоніи Опслова.

«Вечеромъ былъ концертъ и балъ въ Брюлѣ, королевскомъ загородномъ замкѣ, между Кельвомъ и Бонномъ, въ получасѣ ѣзды отъ того и другаго города. Комитетъ выпросилъ позволеніе воспользоваться этимъ дворцомъ, чтобы заключить въ немъ собраніе Союза блестящимъ праздникомъ. Въ пять часовъ особый поѣздъ повезъ приглашенныхъ по желѣзной дорогѣ въ Брюль. Дорогою все время игралъ духовой оркестръ, посаженный въ открытый вагонъ. Множество народу пріѣхало въ Брюль раньше по желѣзной дорогѣ, или съѣхалось съ окрестныхъ дачъ. По прибытіи почетнаго поѣзда, приглашенные построились и вошли торжественно въ паркъ.

«Музыкѣ суждено было наполнять весь день. Два оркестра, поставленные по концамъ террасы дворца, играли по очередно смѣняясь иногда мужскимъ хоромъ, пропѣвшимъ нѣсколько пьесъ безъ аккомпанимента, подъ управленіемъ Дорна. Въ великолѣпномъ дворцѣ, отдѣланномъ во вкусъ вѣка Людовика Пятнадцатаго, ждали гостей новыя музыкальныя наслажденія. Госпожа Бабнихъ спѣла въ залѣ главнаго подъѣзда нѣмецкую національную пѣсню Спортни, съ хоромъ и полковымъ оркестромъ; потомъ она же и госпожа Шлосъ спѣли нѣсколько пѣсень и романсовъ съ фортепіано, для небольшого круга охотниковъ, собравшихся около нихъ. Признаюсь, что надо имѣть сильныя слуховыя нервы, чтобы выдержать столько инструментальныхъ и вокальных сотрясеній. Чтò же касается до меня, я уже начиналъ чувствовать утомленіе.

«Ночью въ паркѣ была иллюминація и фейерверкъ, потомъ въ заключеніе, блистательный балъ, продолжавшійся до утра. Но все это уже не мое дѣло. Я взялся только описать музыкальное торжество, и исполнивъ свою обязанность, кладу перо.»

— Музыкальный міръ лишился одного изъ лучшихъ своихъ украшеній. Четырнадцатаго мая скончалась въ Берлинѣ отъ удара Фанни Генсель, жена придворнаго живописца Генселя, сестра Мендельсона-Бартольди. Она была отличная піанистка и издала нѣсколько прелестныхъ пьесъ для пѣнія и фортепіано.

— Спортни, говорятъ, кончилъ свой «Потерянный рай», начатый имъ еще въ Берлинѣ. Текстъ написалъ по Мильтону докторъ Зобергеймъ.

— Госпожа Віардо-Гарсія производитъ въ Дрезденѣ такой же фуроръ, какъ производила въ Берлинѣ. Она ангажирована на нѣсколько представлений во Франкфуртѣ.

Бенефиция ея въ Берлинѣ, пятого мая, былъ необыкновенно блистателенъ. Она являлась въ третьемъ и четвертомъ дѣйствіяхъ «Роберта» и въ четвертомъ дѣйствіи «Гугенотовъ». Послѣ дуэта съ Марселемъ, она была вызвана. Представленіе сопровождалось безконечными рукоплесканіями и радостными криками. Въ заключеніе представленія дано второе дѣйствіе «Сонамбулы», послѣ котораго бенефициантка снова вызвана и осыпана цвѣтами.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина, госпожа Віардо участвовала также въ придворномъ концертѣ, данномъ въ Потсдамѣ, подъ руководствомъ Мейербера. Кромѣ госпожи Віардо въ концертѣ участвовали всѣ замѣчательнѣйшіе артисты, бывшіе въ то время въ Берлинѣ: сестры Неруда, Ронци и Монари. Госпожа Віардо пѣла съ обыкновеннымъ своимъ талантомъ арію изъ «Сусанны» Генделя, финалъ изъ «Сонамбулы» и съ господиномъ Ронци прелестный дуэтино «Mira la blanca luna». Ронци и Монари пропѣли извѣстный дуэтъ «У Marinari». Сестры Неруда имѣли такой же успѣхъ какъ и во всѣхъ своихъ концертахъ.

— Въ тантьемахъ берлинскихъ театровъ послѣдовали нѣкоторыя измѣненія. За пьесу, наполняющую цѣлый вечеръ дается автору семь процентовъ (прежде было десять процентовъ); если дается нѣсколько пьесъ, то за главную пьесу авторъ получаетъ четыре съ половиною процента (прежде шесть процентовъ), а за меньшую полтора процента (по-прежнему); если обѣ пьесы почти равны, за каждую дается по два процента (прежде три процента). Съ оперъ прежде композиторъ получалъ двѣ трети тантьема, а остальная треть принадлежала либреттисту, теперь же весь тантьемъ принадлежитъ композитору, а либреттисту предоставлено условливаться съ нимъ на этотъ счетъ.

— Здѣсь представлена двадцать четвертаго мая, опера герцога Эрста Саксенъ-Кобургскаго, «Заира». Она имѣла здѣсь такой же успѣхъ, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Державный композиторъ пожаловалъ орденъ капельмейстеру Тауберту, ставившему ее на здѣшней сценѣ. Вѣроятно и прочіе капельмейстеры Германіи поспѣшатъ послѣдовать его примѣру, ставятъ эту оперу на своихъ театрахъ.

— Знаменитая *Шредеръ-Девриентъ*, тридцать-перваго мая оставила дрезденскую сцену, на которой являлась болѣе двадцати лѣтъ.

— Принцесса Прусская подарила Листу полное собраніе сочиненій принца Людвигъ Фердинанда Прусскаго. Листъ написалъ алегію на выбранныя изъ нихъ нотныя и посвятилъ принцессѣ.

— Листъ даетъ концерты въ Лембергѣ, въ Галиціи. Нѣтъ нужды говорить, что онъ тутъ является такою же лучезарною звездой, какъ и вездѣ. Изъ Лемберга онъ, кажется, собирается въ Англію. Впрочемъ, нѣкоторые утверждаютъ, будто онъ ѣдетъ въ Константинополь и будто парижскій фортепیانнныи мастеръ Эраръ уже послалъ ему туда приглашеніе.

— Турецкій султанъ, его семейство и дворъ страстные охотники до музыки. Канцеляръ-наша построилъ въ гаремѣ театръ, на которомъ дѣются итальянскія оперы въ присутствіи матери султана и одамъннхъ. Особенно нравится имъ «Донъ Паскуале».

— Домъ, принадлежавшій Шиллеру въ Веймарѣ, продается за пять тысячъ талеровъ, и никакъ не находится на него покупателей.

— Носится слухъ, будто герцога Унгеръ-Сабатья, знаменитая вѣкогда пѣвица, жившая до слуха-пора во Флеренціи, замѣрена снова вступить на сцену, и будто она ангажирована: на нѣсколько предстарелій въ Дрезденѣ.

— Извѣстный піанистъ Пруданъ получилъ отъ прусскаго короля большую медаль за искусства и науки. Онъ посвятилъ ему свою фантазію на Жидвану.

— Домъ, въ которомъ родился Иосифъ Гайднъ, и братъ его Михалъ Гайднъ, въ австрійскомъ городишкѣ Рауэ, на восточной границѣ, сгорѣлъ во время пожара, истребившаго большую часть города.

— Недавно умеръ отличный скрипачъ Реммерсъ. Онъ родился двѣнадцатаго января 1805 года въ Леварѣ, въ салембургскомъ герцогствѣ, и получалъ первое свое образованіе отъ отца, большаго тамъ канцельмейстеромъ, потомъ учился у Ритца въ Берлинѣ, поступилъ въ берлинскую капеллу, потомъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ придворнымъ скрипачомъ, и окончилъ свое образованіе во Франціи. Онъ объѣхалъ почти всю Европу, былъ даже въ Венгріи и въ Валахіи. Последнее путешествіе его было въ Голландію, гдѣ онъ и умеръ, въ Гагѣ, двадцать-осьмаго января 1847 года.

— Тальбергъ въ Консгагенѣ; онъ игралъ во дворцѣ и очаровалъ королевскую фамилію и всѣхъ присутствовавшихъ. Незавѣстно еще какой былъ результатъ его публичныхъ концертовъ, но газеты пишутъ, что всѣ ждуть ихъ съ нетерпѣніемъ.

— Въ Парижѣ производятъ фуроръ два молодые пианиста, Альфредъ Жамъ (Jaeh) и Вильнеръ. Первый еще ребенкомъ, тринадцати лѣтъ, однако обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ, и со временемъ станетъ въ ряду первыхъ артистовъ. Зраръ въ знакъ уваженія къ его таланту, подарилъ ему превосходный рояль. Онъ собирается въ Брюссель, а потомъ въ Германію и Италію. Второй, Вильнеръ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстенъ публикѣ, какъ талантливый пианистъ и замысловатый фортепьянный композиторъ. Онъ съ особеннымъ успѣхомъ играетъ пѣсни своей родной стороны, Даніи.

— Дѣсеръ не такъ счастливъ; его концерты приняты довольно холодно; онъ ѣдетъ въ Венецію, ставить оперу, назначенную имъ для театра Фениксъ. Она должна быть представлена въ сентябрѣ.

— Но красу парижскихъ концертовъ составлялъ, въ нынѣшній сезонъ, Вьѣтанъ. Онъ давалъ два концерта и произвелъ фуроръ, какого почти никто не запомнитъ. Онъ соединяетъ съ талантомъ исполнителя весьма замѣчательное композиторское дарованіе, что въ нынѣшнихъ исполнителяхъ довольно рѣдко. Изъ Парижа онъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ его вѣроятно ожидаетъ такой же блестящій пріемъ.

— Третій Оперный Театръ (національный), въ Парижѣ, долженъ открыться перваго сентября. Для открытія дадутъ сначала прологъ, къ которому музыку должны написать Оберъ, Галевъ, Карача и Адольфъ Адашъ; потомъ первое представленіе оперы въ трехъ дѣйствіяхъ Мальера, на текстъ Дебри, и возобновленіе «Алны», Бертонъ.

— Здоровье Донидетти вѣдѣ еще въ самомъ жалкомъ положеніи. Но неуслышнымъ просьбамъ племянника его, Андрея Донидетти, прѣбывающаго изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ капельмейстеромъ, нарочито для попеченія о больномъ, начальство позволю освободить его изъ дома ума лишенныхъ, въ Иври, гдѣ онъ содержится съ «сирала» иѣсяца, и отдать на руки племяннику, который будетъ держать его при себѣ, въ Парижѣ.

— Рашель въ Гагѣ. Для перваго дебюта она являлась въ «Горасъ» Корнелъ; для втораго дебюта назначена «Федра».

— Извѣстный скрипачъ Гисъ даетъ концерты въ провинціальныхъ городахъ Франціи. Въ Нантѣ его приняли съ невыразимымъ энтузіазмомъ.

— Ковентгарденскій театръ, въ Лондонѣ, поставилъ «Марію ди Роганъ», Донидетти. Альбони играла роль Арманди ди

Тенда, съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Она рѣшительно *солнце* коVENTгарденской оперы.

— Извѣстный нѣмецкій баритонистъ, Пинекъ, уже вѣскольکو ведѣлъ живущій въ Лондонѣ, посѣтилъ разные города Ирландіи, и имѣлъ полный успѣхъ, и въ художническомъ и въ финансовомъ смыслѣ, несмотря на нищету этой несчастной страны.

— Театръ учрежденный въ Алжирѣ, и котораго управленіе на будущій годъ принялъ на себя Вольнисъ, обогатился приобрѣтеніемъ молодаго Араба, который, никогда не учившись пѣнію, поетъ такъ, какъ можетъ пѣть только первостепенный теноръ. Онъ дебютировалъ въ «Фавориткѣ». Изъ Алжира пишутъ, что онъ поетъ и играетъ съ такимъ одушевленіемъ и искусствомъ, что пѣвцы, исполнявшіе прочія роли и прежде правившіеся публикѣ, съ появленіемъ его показались слабы и жалки.

— Гаванская труппа, дающая италіянскія оперы въ Бостонѣ, такъ правится публикѣ, что ложи и мѣста въ партерѣ продаются съ молотка. До сихъ-поръ играли «Эрнани» и «Линду-ди-Шамуни».

— Изъ Вальпарайсо (въ Чили) пишутъ отъ двадцати-осьмаго января: «Въ нашемъ городѣ, не имѣвшемъ до-сихъ-поръ никакого театра, завелась италіянская опера. Она открыла сезонъ «Робертомъ дьяволомъ». Это дивное произведеніе имѣло у насъ ту же участь, какъ и въ Европѣ, то есть принято съ энтузіазмомъ. Публика наградила госпожу Кариччи, исполнявшую роль Алисы, по италіянскому обычаю, спустя въ залу штукъ двадцать бѣлыхъ голубей. Толпа народу проводила ее отъ театра до дому съ пѣснями въ честь ея.

— Въ неапольской газетѣ «Омнибусъ» напечатано слѣдующее объявленіе: «Никола Кориди, изъ Корфу, пишетъ на заказъ: комедію въ двадцать четыре часа; трагедію или оперное либретто въ сорокъ восемь часовъ, и въ семьдесятъ два часа, повѣсть въ стихахъ, строками по шести стиховъ, съ исключеніемъ любой буквы алфавита. Жительство имѣетъ въ гостинницѣ Лондонъ, въ улицѣ Гваптарн, No 22, въ Неаполѣ.»

— Музыка въ наше время такъ распространилась, что трудно узнать границу, на которой она перестаетъ быть условіемъ образованности, и дѣлается искусствомъ. Ей учатъ въ школахъ; ею занимаются въ кругу семейства; она играетъ большую роль во всѣхъ событіяхъ, и радостныхъ и печальныхъ, и вообще такъ сроднилась со всѣми эпохами жизни, что даже люди, не чувствующіе къ ней врожденной склонности, если хотя бы считались

образованными, должны необходимо удѣлить ей часть своего вниманія. Нѣтъ инструмента, который бы былъ въ большомъ ходу, тѣмъ фортепіано. Оно находится почти въ каждомъ домѣ, иногда служитъ для акомпанимента пѣнію, иногда представляетъ оркестръ, по большей же части является самостоятельнымъ инструментомъ, обладающимъ самою богатою, самою разнообразною сокровищницею гениальныхъ произведеній. Исчерпавъ всю эту сокровищницу — вотъ единственная мысль каждаго старика и юноши, богатаго и бѣднаго, ученика и виртуоза. Фортепіано, бывшее за сто лѣтъ такимъ бѣднымъ, ничтожнымъ инструментомъ, стадо гордымъ космополитомъ и пользуется уваженіемъ и любовью всего міра. Листъ и Тальбергъ съ торжествомъ объѣхали весь свѣтъ. Даже и не такимъ піанистамъ открыты всѣ двери, и сколькіе, если бы соединяли съ талантомъ по-болше ловкости и практическаго ума, могли бы достигъ почестей и богатства.

Но мало городовъ въ Европѣ, гдѣ бы такъ много и такъ успѣшно занимались фортепіаномъ, какъ въ Петербургѣ. Вкусъ здѣшній, правда, направленъ преимущественно къ сочиненіямъ новой школы. Бетховенъ, а тѣмъ болѣе Бахъ, гораздо менѣе найдутъ здѣсь почитателей, тѣмъ въ любомъ мелкомъ городишкѣ Германіи. Зато между здѣшними дилеттантами можно насчитать такое множество истинныхъ виртуозовъ, что ими хотѣ бы населить цѣлый городъ. Чтобы достигъ той степени искусства, какаѣ нынче требуется отъ виртуоза, надо такъ рано приняться за ученіе, что по настоящему не слѣдовало бы вовсе удивляться гѣтамъ-виртуозамъ, или такъ называемымъ «удивительнымъ дѣтямъ.»

Однако же признаюсь откровенно, я и самъ имѣлъ слабость удивиться прелестному бѣлокурому мальчику, въ самомъ цвѣтѣ виртуозскихъ лѣтъ, то есть лѣтъ четырехъ или пяти, котораго мнѣ недавно представляли. Этотъ будущій Листъ сыгралъ своими муравьиными пальчиками маршъ изъ Веберова *Concertstück*, и нѣсколько другихъ пьесокъ, и такъ хорошо, что любо было смотрѣть и слушать. Все это было въ порядкѣ вещей. Но потомъ мнѣ предложили заставить его сыграть тѣ же пьесы въ другихъ тонахъ. «Постой! подумалъ я: попадешься!» и назначилъ *cis-dur*, въ полной увѣренности, что герой мой убится семи діезовъ. Не тутъ-то было! Съ плутовскою улыбкою, которая сдѣлала бы честь кокетливой скромности величайшаго артиста, смѣло онъ пустился по волнамъ труднаго тона и тѣшился на нихъ какъ

рыбка въ водѣ. Это уже выходило изъ обыкновеннаго порядку. Послѣ перваго опыта мнѣ уже мало оставалось надежды поддѣть его, однако жъ я продолжалъ свои испытанія и по очереди предлагалъ ему *gis-dur, h-dur, as-dur*; результатъ былъ всё тотъ же. Малютка, почти не задумываясь, переносилъ пьесу въ назначенный тонъ и смотрѣлъ на меня съ такою усмѣшкою, будто говорилъ мнѣ: «Продолжай, продолжай, не поддѣнешь».... Нѣтъ сомнѣнiя, ребенокъ гениальный! Богъ знаетъ, что онъ будетъ въ осьмнадцать лѣтъ! Но и метода преподаванiя, дающая подобные результаты, должна безспорно стать рядомъ съ величайшими изобрѣтенiями нашего времени, съ гремучею бумагою, съ сѣрымъ эвпроитъ, и невскими омнибусами. Въ Англии въ-особенности можно бы обогатиться этою методой, по-крайней-мѣрѣ если судить по одному случаю, бывшему со мною нѣсколько лѣтъ назадъ, и который я приведу здѣсь для контраста.

Въ 1836 году я провелъ часть лѣта въ Висбаденѣ, и далъ нѣсколько концертовъ, въ которыхъ особенно милостиво принята была публикою фантазiя на темы изъ «Пирата», мой тогдашнiй конекъ. Послѣ одного концерта явился ко мнѣ, сухой Англичанинъ, лѣтъ сорока, съ короткими, свѣтлыми волосами, низкимъ лбомъ, косыми глазами, румянымъ лицомъ, въ длинномъ желтовато-бѣломъ сюртукѣ, застегнутомъ до верьху и въ сапогахъ сверхъ панталонъ.

— Я хочу брать у васъ уроки, сказалъ онъ, ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ: хочу играть вашу фантазiю изъ «Пирата»! Чудесная пьеса, чудесная!

— Очень лестно, отвѣчалъ я: вы, вѣроятно, уже хорошо играете?

— No, sir, no! Я вовсе хорошо не играю.

— Вы любите Тальберга?

— Тальберга.... No, sir, я не знаю Тальберга.

— Такъ вы предпочитаете сочиненiя Герца и Черни?

— Я не играю ихъ сочиненiй.

— А, понимаю! Вы любите классическую музыку, держитесь Моцарта и Бетховена.

— Классическую музыку? воскликнулъ онъ, смягчившись, и потомъ прибавилъ съ гордымъ видомъ: я не держусь Моцарта и Бетховена.

— Вы, вѣроятно, прошли школы Крамера и Клемента?

— Школы?... Нѣтъ сударь, я не проходилъ ни какихъ школъ, кромѣ боксерской и верховой школы.

— Да скажите же мнѣ, ради Бога, что вы до-сихъ-поръ играли, чтобы я могъ начертить себѣ планъ дальнѣйшаго преподаванія, сказалъ я наконецъ съ нетерпѣніемъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ съ непостижимою олегмою.

— Если бы я уже игралъ и могъ играть, то не нуждался бы въ вашихъ урокахъ. Я никогда не игралъ на фортепіано, но видя, что вы своею фантазією изъ «Пирата» можете въ одно мгновение возбудить такое удивленіе въ такомъ множествѣ народу, я хочу выучить эту фантазію!

— Это невозможно!

— Я вамъ заплачу, что хотите.

— Да поймите же, что невозможно начать съ такой трудной пьесы, когда еще ничего не играли!

— Такъ вы выучите меня играть сперва половину вашей фантазіи, а въ другой разъ остальное.

— Увѣрю васъ, это невозможно.

— Но я хочу выучить вашу фантазію, заплачу вамъ сколько угодно, вы должны учить меня!

Всѣ мои увѣренія ни къ чему не послужили. Я былъ наконецъ принужденъ согласиться на самое странное преподаваніе, какое когда-либо видаво. Я съигралъ ему начало фантазіи медленно, такту за тактою; онъ слѣдовалъ механически и размѣщеніемъ пальцевъ въ аккордахъ, за движеніями ихъ въ пассажахъ съ неутомимымъ усердіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ, достойнымъ лучшаго предпріятія. Съ этой поры его стало не видать ни на гуляньяхъ, ни въ публичныхъ мѣстахъ, ни въ театрѣ, ни за городомъ; зато онъ приводилъ сосѣдей въ отчаяніе почти непрерывною игрою на фортепіано, и днемъ и ночью; такъ что мнѣ, невинному вповивку этого зла, становилось безпокойно и почти страшно.

Въ четыре недѣли меломанъ мой успѣлъ усвоить себѣ первыя четыре такты моей пьесы. Эти такты, заключавшіяся въ нѣсколькихъ смѣлыхъ аккордахъ и длинномъ арпеджіо, раскидывавшемся по всей клавиатурѣ, онъ игралъ съ бойкостью, показывавшею нѣкоторый талантъ. Но время шло, я долженъ былъ оставить Высбадепъ, простился дружески съ оригиналомъ-ученикомъ, поѣхалъ въ Мангеймъ, въ Гейдельбергъ, и уже осенью возвратился на постоянное свое мѣсто жительства, во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Разумѣется, первый мой визитъ былъ прежнему моему учителю, Фердинанду Ризу. Въ разговорѣ онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «Кстати, у васъ недавно былъ какой-то Англичанинъ,

отличный пианистъ и жаркій почитатель вашихъ сочиненій. Вы, вѣроятно, встрѣчались съ нимъ въ Висбаденѣ. И онъ называлъ моего ученика.

— Вы его слышали? спросилъ я.

— Только нѣсколько тактовъ. Фортепіано было не совсѣмъ чисто настроено и онъ не хотѣлъ продолжать. Удивительно, что за чувствительныя уши у этихъ Англичанъ.

Я улыбнулся, но не хотѣлъ выдать тайны своего ученика. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда я послѣ того и во многихъ другихъ домахъ слышалъ о своемъ Англичанинѣ, какъ объ отличномъ пианистѣ. Онъ вездѣ игралъ, но вездѣ игралъ нѣсколько тактовъ, — то инструментъ былъ плохо, то разстроено, то онъ самъ былъ нерасположенъ. Несмотря на то, многіе, называвшіе себя его друзьями, увѣрили, что много разъ слышали его, и что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ, гениальныхъ пианистовъ. Отъ такого безпристрастнаго сужденія апеллировать нельзя: число друзей моего художника примѣтно возрастало и скоро тотъ, кто осмѣлился бы усомниться въ талантѣ англійскаго пианиста и композитора, прослылъ бы гнуснымъ завистникомъ.

Такимъ образомъ ученикъ мой, четырьмя тактами моей фантазіи достигъ того, чего я бы не надѣялся добиться со всею пьесою, славы превосходнаго пианиста. Такъ какъ на все должна быть воля Божья, то я сталъ смотрѣть на своего Англичанина, въ которомъ до-тѣхъ-поръ видѣлъ только чудака, какъ на великаго, и вполнѣ современнаго художника, и рѣшился идти къ нему въ ученье, и приобрести отъ него малую толику недостающаго мнѣ искусства, съ небольшимъ талантомъ достигать огромнаго эффекта, или, въ другихъ словахъ, пускать людямъ пыль въ глаза. Къ сожалѣнію, однако же, я вигаѣ уже не встрѣчался съ моимъ чудачкомъ. Впрочемъ я еще не совсѣмъ потерялъ надежду: съ-тѣхъ-поръ я видѣлъ много отличныхъ художниковъ, очевидно вышедшихъ изъ его школы, — слѣдовательно, онъ еще живъ! Можетъ-быть я гдѣ-нибудь еще натолкнусь на него и поучусь этому необходимому въ наше время искусству.

Однако жъ я слишкомъ удалился отъ моего предмета. Возвратимся къ Петербургу и петербургскимъ пианистамъ, между которыми можно кое-гдѣ встрѣтить учениковъ моего Англичанина.

Солдату необходимо оружіе и амуниція, пианисту также необходимы инструментъ и ноты. Ни въ томъ ни въ другомъ въ

Петербургъ, благодаря Бога, нѣтъ недостатка: мастеровъ здѣсь почти столько же, сколько дней въ году, и магазиновъ придется по-крайней-мѣрѣ по одному на каждый мѣсяць. Но изъ этого множества мастеровъ только трое дѣлаютъ дѣйствительно превосходные флигели. Виртъ, Лихтенталь и Бекеръ. Трудно кому-нибудь изъ нихъ отдать существенное преимущество: всѣ трое дѣлаютъ превосходные инструменты, но у каждого своя особенность. Виртовы отличаются чистотою, пѣвучестью тона и ровностью и плавностью; Лихтенталева необыкновенною силою, блескомъ и полнотою тона; Бекеровы продолжительностью тона и прочностью механизма. Каждый можетъ выбирать по вкусу и по направленію своему въ искусствѣ. Я думаю, Гальбергеръ отдастъ преимущество Вирту, Листъ — Лихтенталю, а Мендельсонъ-Бартольдъ — Бекеру.

Музыкальная торговля въ Россіи, конечно, совсѣмъ не то, что за границую. Тамъ каждый магазинъ получаетъ всѣ новыя пьесы, немедленно по выходы ихъ, и имѣетъ право возвратитъ ихъ издателямъ, если онѣ не будутъ раскуплены втеченіи извѣстнаго срока. Если кто желаетъ пьесы, не находящейся въ магазинѣ, она можетъ быть въ самомъ скоромъ времени выписана изъ генеральнаго депо, въ Лейпцигѣ, а какъ почти каждый содержатель магазина самъ издатель, то онъ получаетъ пьесы изданныя другими, чрезъ промѣнъ, и слѣдовательно можетъ дѣлать покупателямъ значительную уступку.

У насъ, напротивъ, новости получаютъ немного разъ въ годъ, когда ихъ накопится достаточно для покрытія издержекъ на пересылку. О возвращеніи нераскупающихся пьесъ не можетъ быть и рѣчи: что магазинъ получилъ, за все онъ долженъ платитъ наличными деньгами, хотя бы ничего продалъ. Мѣняться здѣшніе магазины также не могутъ, потому что право издателя прекратилось у границъ. Здѣшніе магазины пользуются послѣднимъ обстоятельствомъ, перепечатывая сочиненія выходящія за границую, составляя изъ нихъ даже постоянные журналы, которые могутъ отдавать за самую умѣренную цѣну. Эти журналы, которыхъ число довольно значительно, составляютъ характеристическую, но не совсѣмъ похвальную черту русской нотной торговли. Въ последнее время, съ-тѣхъ-поръ какъ новый законъ обезпечилъ право изданія сочиненій композиторовъ, пребывающихъ въ Россіи, перепечатаніе нѣсколько уменьшилось въ журналахъ, и они ставятъ себѣ за честь печатать оригинальныя сочиненія замѣчательныхъ художниковъ. Только таинствъ образомъ можетъ жур-

намъ жить дѣйствительное достоинство, живой интересъ, представляли абсолюту что-нибудь действительно новое, чего онъ еще не имѣетъ въ другомъ изданіи. Публика не оставила этого безъ вниманія и «Нувелистъ» издаваемый Бернартомъ, обязанъ огромнымъ числомъ подписчиковъ не изяществу изданія, не литографіи и не литературному прибавленію, а преимущественно превосходнымъ оригинальнымъ сочиненіямъ Гензельта, Делера, Карла Майера, Аиста и другихъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ журналовъ, «Нувелистъ» самый значительный и богатый содержаніемъ.

Обратился къ новымъ музыкальнымъ пьесамъ, полученнымъ въ магазинѣ Бернара.

Самая интересная изъ новыхъ пьесъ *Безъ сомнѣнія*, изданный Брейткопфомъ и Гертелемъ въ Лейпцигѣ концертъ Гензельта, ор. 46. Гензельтъ, самый тщательный, самый добросовѣстный композиторъ, какого я когда-либо зналъ. Сочиненія его по большей части плоды долгаго размышленія, и являются въ свѣтъ, только послѣ неоднократныхъ испытаній и измѣненій, когда сочинитель считаетъ ихъ достойными печати. Вновь изданный концертъ—плодъ многолѣтняго труда. Когда Гензельтъ былъ еще въ Германіи, онъ игралъ въ Дрезденѣ, если не ошибаюсь, первую часть этого сочиненія, и уже нѣсколько лѣтъ лица, имѣющія случай слушать его по воскресеньямъ у него самого, восхищаются этимъ твореніемъ, самымъ значительнымъ изъ всего, что онъ до сихъ поръ написалъ. За-прошлую зиму извѣстная піанистка, госпожа Шуманъ, играла этотъ концертъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, но не производила имъ такого ощущенія, какое произвела здѣсь прошлую зиму дѣвица *Болговская*.

Отъ сочиненія такъ долго и такъ тщательно отдѣланнаго, должно, разумѣется, ждать чего-то превосходнаго и ожиданія эти вполне оправдываются. Концертъ Гензельта, представляющій много новаго и небывалаго въ формѣ (напримѣръ хоральный мотивъ въ первой части), написанъ въ строгомъ классическомъ духѣ, и, въ отношеніи къ подробностямъ, связи пассажей и гармоническимъ комбинаціямъ отдѣланъ съ такимъ умомъ и вкусомъ, что играющій прикованъ къ пьесѣ, и ему гораздо менѣе нужно терпѣнія для изученія этой трудной пьесы, нежели для изученія многихъ, болѣе легкихъ, но и гораздо менѣе занимательныхъ произведеній новѣйшей школы. Анданте не только лучшая часть концерта, но и лучшее, что Гензельтъ написалъ до сихъ поръ. Почитателей превосходнаго художника, вѣроятно, порадуетъ, что онъ

такимъ блестящимъ образомъ отвѣчаетъ на утвержденіе противниковъ, будто гений его притупился на мелкихъ, отрывочныхъ сочиненіяхъ въ формѣ этюдъ и не способенъ уже создавать большія сочиненія, требующія продолжительнаго вдохновенія. Это сочиненіе будетъ вѣщомъ славы, доставленной ему дивными этюдами и другими мелкими пьесами.

Кромѣ этого концерта, въ числѣ новыхъ пьесъ укажемъ на нѣсколько прелестныхъ мелкихъ сочиненій Гензельта, въ родѣ прежнихъ: нѣсколько «Romances sans paroles» 2-me Impromptu (изданныя Бернаромъ и принадлежащія ему); эти сочиненія, не слишкомъ трудныя, вѣроятно, порадуютъ всѣхъ любителей вокальной музыки.

Другой замѣчательный нашъ пѣвистъ, Карлъ Майеръ, котораго талантъ уже полтора года такъ восхваляютъ Европу, воротился въ Петербургъ, но пробывъ у одну недѣлю, опять оставилъ насъ. Говорятъ, опъ намѣренъ поселиться въ Дрезденъ. Любители его сочиненій, найдутъ въ магазинѣ Бернара:

Souvenir de Vienne, 2-me grande valse, op. 98; это живая пьеса, средней трудности, то въ родѣ Шопена, то въ родѣ Герца.

Douze études mélodiques, op. 93, прекрасныя, полезныя пьесы въ родѣ прежнихъ его этюдовъ.

Его же Air varié sur un thème original, op. 96, хорошая и ловко написанная пьеска; но длинный рядъ варіацій, не представляющихъ никакого существеннаго различія, въ наше время не много устарѣлъ. Мы требуемъ не одного внѣшняго блеску, а преимущественно *внутренняго содержанія*, для котораго форма варіацій слишкомъ тѣсна.

Въ-особенности рекомендуемъ мы читателямъ Une promenade en gondole, Nocturne par Th. Doehler, op. 64, изданную Бернаромъ. Если новую школу можно справедливо упрекнуть въ пренебреженіи серьезными, важными формами искусства, то надо сознаться, что обработывая мелкія tableaux de genre, введенныя Шопеномъ и Мендельсономъ, они создали новую форму, которой мы обязаны многими восхитительными, пѣвучими и одушевленными цоктюрами или пѣснями безъ словъ. Приведенное сочиненіе Дёлера принадлежитъ къ удачѣйшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ, и скоро, вѣроятно, сдѣлается любимою пьесою пѣвистовъ. Она вовсе не трудна.

В. ДАМКЕ.

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- BADON.** Gingères ou Lyon en 1793. Bruxelles 1847. 3 vol. in-18. 9 fr. 1 r. 80 c.
- BALZAC.** La cousine Bette. Bruxelles 1847. 3 vol. in-18. 9 fr. 1 r. 80 c.
- BIOT.** Essai sur l'histoire de l'instruction publique en Chine. Paris 1846 et 1847. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r. 30 c.
- CAILLAT.** Application à l'agriculture des éléments de physique, de chimie et de géologie. Paris 1847. 4 vol. in-12. 16 fr. 4 r. 55 c.
- CAMUS.** L'art de tremper les fers et les aciers. Paris 1846. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- CAPEFIGURE.** Le congrès de Vienne dans ses rapports avec la circonscription actuelle de l'Europe. Bruxelles 1847. 1 vol. in-18. 3 fr. 60 c.
- CAVOS.** Traité de la construction des théâtres. Paris 1847. 1 vol. in-4. avec Atlas in-fol. 30 fr. 8 r. 55 c.
- CHARLES.** Olivier Cromwell. Paris 1847. 1 vol. in-12. 3 fr. 50 c. 1 r.
- CHENU.** Leçons élémentaires d'histoire naturelle, comprenant un aperçu sur toute la zoologie et un traité de conchyliologie. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. avec figures. 15 fr. 4 r. 30 c.
- CHEVREAU-LMERCIER.** Petites histoires pour les enfants des salles d'asile. Paris 1847. 1 vol. in-18. 1 fr. 50 c. 45 c.
- CIVIALE.** Traité pratique et historique de la Lithotritie. Paris 1847. 1 vol. in-8. avec 7 planches. 8 fr. 2 r. 30 c.
- COOPER.** Le porte-chaine. Bruxelles 1847. 2 vol. in-18. 6 fr. 1 r. 20 c.
- COURNOT.** De l'origine et des limites de la correspondance entre l'algèbre et la géométrie. Paris 1847. 1 vol. in-8. 8 fr. 2 r. 30 c.
- CZYNSKI.** Kopernik et ses travaux. Paris 1847. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- DICKENS.** Martin Chuzzlewit. Bruxelles 1846. 6 vol. in-18. 18 fr. 3 r. 60 c.
- DUMAS (M.).** Précis de l'art de la teinture. Paris 1846. 6 fr. 1 r. 70 c.
- DUMAS (A.).** Les deux Diane. Bruxelles 1846—1847. T. 1—4. chaque volume à 3 fr. 60 c.
- DUPONT-WHITE.** De la suppression de l'impôt du sel et de l'octroi. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 fr. 60 c.
- Essai sur l'économie politique de l'Angleterre.** Bruxelles 1846. 1 vol. in-8. 2 fr. 50 c. 75 c.
- GAUTIER.** Miltona. Bruxelles 1847. 1 vol. in-18. 3 fr. 60 c.
- HUGUENET.** Considérations générales sur l'origine et la formation des asphaltes. Paris 1847. 1 vol. in-8. 3 fr. 50 c. 1 r.

- LAVERGNE.** La circassienne. Bruxelles 1847. 1 vol. in-18. 6 fr. 1 r. 20 c.
- LOCARD.** Cours de dessin linéaire. Paris 1847. 1 vol. in-8. et atlas in-fol. 18 fr. 5 r. 15 c.
- LONGET.** Expériences relatives aux effets de l'inhalation de l'éther sulfurique sur le système nerveux. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 fr. 60 c.
- MAGNE.** Hygiène de la vue. Paris 1847. 1 vol. in-8. 5 fr. 1 r. 45 c.
- MARGUERITE.** Le cordon bleu; nouvelle cuisinière bourgeoise. Paris 1847. 1 vol. in-18. 1 fr. 30 c.
- MASSON.** Les incendiaires. Bruxelles 1847. 3 vol. in-18. 9 fr. 1 r. 80 c.
- MILLON et REISET.** Annuaire de chimie pour 1847. Paris 1847. 1 vol. in-8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.
- MOLINARI.** Les fers et les bouilles. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 fr. 60 c.
- OLIVIER.** De la cause du déraillement des wagons sur les courbes des chemins de fer. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 fr. 60 c.
- PERRIN (duc de Bellune).** Mémoires, mis en ordre par son fils aîné. Paris 1847. T. 1. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- PLESSON.** Les mondes ou essai philosophique sur les conditions d'existence des êtres organisés dans notre système planétaire. Paris 1847. 1 vol. in-12. 3 fr. 50 c. 1 r.
- POLONCEAU.** Note sur les débordements des fleuves et des rivières. Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 fr. 20 c. 35 c.
- POUJOLAT.** Etudes africaines. Paris 1847. 2 vol. in-8. 16 fr. 4 r. 60 c.
- RAPOU.** Histoire de la doctrine médicale homœopathique. Paris 1847. 2 vol. in-8. orné d'un portrait de Hahnemann. 15 fr. 4 r. 30 c.
- RICHARD et QUESTIN.** Manuel complet du voyageur en Allemagne. Paris 1847. 1 vol. in-18. avec une belle carte routière. 9 fr. 2 r. 55 c.
- SAY.** Paris, son octroi et ses emprunts. Paris 1847. in-8. 25 c.
- SCHLIPP.** Manuel populaire d'agriculture, traduit de l'allemand par Nicklès. Paris 1846. 1 vol. in-8. 4 fr. 1 r. 15 c.
- SUE.** Martin, l'enfant trouvé. Bruxelles 1846. 8 vol. in-18. 24 fr. 4 r. 80 c.
- THORE.** Etudes sur les maladies incidentes des aliénés. Paris 1847. 1 vol. in-8. 5 fr. 1 r. 45 c.



НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проеспектѣ, противъ Малой Морской, въ доухъ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

ALARD. Fantaisie sur Gopéra: Maria Padilla pour le violon avec Orchestre. op. 17 (7 r. 72 c.), La même avec piano. op. 17 (2 r. 15 c.).

- BÉRIOT.** 5e Concerto avec Orchestre. op. 55 (5 r. 15 c.). Le même concerto avec piano. op. 55 (2 r. 85 c.).
- BOTT.** Quatre morceaux de salon pour violon avec piano. op. 1 (2 r. 85 c.).
- 1r Concertino pour violon avec Orchestre. op. 2 (8 r.). Le même avec piano. op. 2 (3 r. 15 c.).
- HESSE.** Romance sans paroles pour violon avec piano. op. 79 (72 c.).
- JANSA.** Der junge Opernfreund. Ausgewählte Mélodien für die Violine mit Begleitung des Piano. № 21, Templario. № 22, Alessandro Stradella. № 23, La bohémienne. № 24, Euryanthe. № 25, Ernani, chaque (85 c.).
- KAYSER.** Les délices des amateurs pour piano et violon sur des motifs favoris. op. 12. № 2, Les Huguenots de Meyerbeer (1 r.). № 3, La fille du régiment (1 r.). № 4, Cenerentola (1 r.). № 5, Robert le diable (1 r.).
- Fantaisie de salon sur des motifs de l'opéra: les Huguenots, pour piano et violon. op. 16 (1 r. 15 c.).
- Duos faciles et agréables sur des thèmes favoris des opéras, pour deux violons, liv. 10 (1 r.).
- LÉONARD.** Fantaisie sur des thèmes russes pour le violon avec piano. op. 3 (1 r. 15 c.).
- MAZAS.** Six duos brillans pour deux violons. op. 84, liv. 1. 2. 3, chaque (1 r. 72 c.).
- MOLIQUE.** Fantaisie sur des airs nationales Souabes pour le violon avec Orchestre. op. 32 (4 r. 85 c.). La même avec piano. op. 32 (3 r. 15 c.).
- SCHUBERTH.** 1r Quintetto pour deux violons, alto et deux violoncelles. op. 15 (4 r.).
- OPÉRAS ITALIENS** de Bellini, Donizetti, Verdi etc. Choix d'airs et romances pour le violon seul. Liv. 5, Nabusodonosor (1 r.). Liv. 6, Ernani (1 r.).
- PANOFKA.** Fantaisie brillante sur les Mousquetaires. op. 57 (1 r. 72 c.).
- PRUME.** Fantaisie et variations sur un thème d'Hérold pour violon avec Orchestre. op. 9 (4 r. 29 c.). La même avec piano (2 r.).
- VIEUXTEMPS.** Deuxième morceau de salon pour le violon avec piano. op. 22. № 2 (1 r. 72 c.).
- La nuit. Thème de l'ode-symphonique: le désert, transcrit pour l'alto-violon avec piano (85 c.).

Русскія пьесы для фортепiano.

- АЗАРЕВИЧЪ.** Фантазія и вариаций на Цыганскую пьесу: Коса (1 r.).
- BEYER.** Trois airs russes variés (60 c.).

- BERNARD.** Variations sur l'air bohémien «Ты не повѣршишь» (75 с.).
- Вариаций на пѣснь Русскихъ «Боже Царя храни» (75 с.).
- Variations brillantes sur la romance «Черный Цѣтъ» (1 г.).
- Variations faciles sur l'air russe favori: Тройка (58 с.).
- Собрание русскихъ народныхъ пѣсень съ вариациями. № 1, Во саду ли, въ огородѣ. — Дружно братцы веселую (58 с.). № 2, Чемъ тебя я огорчила (58 с.). № 3, Не будите меня молodu. — Ахъ скучно мнѣ на чужой сторонѣ (58 с.). № 4, Кто могъ любить такъ страстно. — Хожу я по улицѣ (58 с.). № 5, Среди огня ровный. — Жду красотку я мою (58 с.). № 6, Лучина, Лучинушка. — Пирушка будетъ (58 с.). № 7, Возлѣ рѣчки возлѣ моста. — По улицѣ мостовой (58 с.).
- Выборъ нынѣшнихъ русскихъ романсовъ и пѣсень, аранжированные для фортепiano безъ пѣнія, 5 тетрадей, каждая (58 с.).
- Сто русскихъ народныхъ пѣсень. Часть I. (3 г.). Сто русскихъ пѣсень. Часть II. Сія коллекція содержитъ избранныя велико-россійскія и мало-россійскія пѣсни (3 г.).
- «Красный сарафанъ» air russe favori varié (85 с.)
- DAMSCHE.** Arabesque sur un air russe favori, op. 27 (1 г.). Arabesque sur un air de l'opéra «Olga» de M. Bernard. op. 28 (1 г.).
- DOENLER.** Trio de l'opéra: «Жизнь за Царя» de M. Glinka, varié. op. 60. № 1 (85 с.).
- Соловей. Air russe d'Alabieff, varié. op. 60. № 2 (85 с.).
- Бывало. Romance favorite du Cte M. Wiclhorsky, variée. op. 68. № 3 (85 с.).
- DUVERNOY.** Variations et Final sur la romance favorite «Я вольный гость мира» (85 с.).
- ELKAMP.** Romance «Не говори любовь пройдетъ» de M. Glinka, transcrite (60 с.).
- GLINKA.** «Соловей мой соловей» air russe d'Alabieff, varié (1 г.).
- HENSELT.** Deux romances du Comte M. Wiclhorsky, transcrites. Nouvelle édition (1 г.).
- MERZ.** «Сарафанъ» air russe varié (60 с.).
- LANGER.** Chaut bohémien «За Уразою» transcrit et varié. op. 12 (75 с.).
- LISZT.** Соловей. Air russe d'Alabieff, transcrite. Troisième édition (85 с.).
- Соловей. Edition facilité par J. Tscherslitzky (60 с.).
- MEYER.** Airs russes variés. op. 43 (1 г. 15 с.).
- Air bohémien russe varié. op. 45 (75 с.).
- SCHILLER.** «Не былъ сѣтъ» Air russe varié (1 г.).

VOLLEWETTER. — Любила я. — Romance du Comte M. Wiedborshy, française (75 с.)

(Выписывающіе нотъ на сушну не менше трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кроми того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгоды этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія. Какъ бы они ни были издавы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла седьмая тетрадь «Музелиста», которая содержитъ въ себѣ: Litloff, Souvenir de l'opéra Lucia di Lammermoor. Fantaisie. — Stückrad, Sur le lac. — Gloria. Mude. — Reissiger, Mélodie aérienne. — Wallersteiu, Champagner-Polka. — Lesarpen-tior, Bagatelle sur le Stabat Mater de Rossini. — Hünten, La Sérénade. Thème de Bellini, varié. — Дяльбевъ. Романсъ. — David, Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Головая цѣна подписки 10 руб. серебр., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебр.)

МОДЫ.

Моды теперь очень разнообразны. Всего болѣе носятъ прозрачныя легкія матеріи, барежи, гренадины. Платья убираются воланами. На шелковое кладутъ два или три волана, а на легкомъ доходятъ даже до осьми. Корсажи клѣтчатыхъ платьевъ дѣлаются изъ прямого куска, потому что клѣтки, вкось взятыя, очень утолщаютъ талію. Эти корсажи болѣею частію носятъ сборчатые и очень открытые, и поверхъ надѣваютъ кружевную шелеринку или къ концу обшитую кружевомъ и убранныю лентами подъ цвѣтъ платья. Рукава предпочитаютъ для шелковыхъ платьевъ узкіе, для прозрачныхъ по-шире, только по обшивкѣ въ обхватъ. На кисейныхъ и барежевыхъ платьяхъ носятъ очень широкій и длинный кушакъ, безъ пряжки: вмѣсто ее употребляютъ бантъ изъ такихъ же лентъ, а на шелковое надѣваютъ кушакъ съ пряжкой изъ той же матеріи.

Для фуляровыхъ, барежевыхъ и кисейныхъ платьевъ изобрѣтены пуговицы новаго рода, называемыя, boutons catalans и пуговицы marquises.

Форма шляпокъ нѣсколько измѣнилась: дѣлается совершенно овальною въ ширину, — верхняя часть ровень со лбомъ, — такъ, что все лицо открыто. Но въ жаркій день ничего не можетъ быть удобнѣе шляпки-пастушки. Прежде ихъ носили только малютки, нынче начинаютъ носить и взрослые красавицы. Но только нужно быть красавицей: это первое условіе. Шляпки эти соединяютъ въ себѣ все — удобство, легкость, красивую форму; они даже замѣняютъ зонтики. Ихъ носятъ болѣе итальянскія и бастовыя. Поля обшиваются кружевами и убираются лентами, кокардами или полевыми цвѣтами. Итальянскія шляпки обыкновенной формы нѣтъ болѣе не убираются какъ перьями или лентами, но отнюдь не цвѣтами.

Для бастовыхъ шляпокъ изъ самой басты вырѣзываютъ перья и прикалываютъ на бокъ.

Мантилью дѣлаютъ одного цвѣту съ платьемъ, убирая такъ же, какъ платье, — кружевами, аграмантами, бахромою и высьчкою. Въ большой модѣ также креповые вышитые платки. Грунту видно мало, потому что весь платокъ изшитъ пестрыми узорами. Особенно хороши бѣлые креповые платки, шитые розовымъ шелкомъ.

Для верховаго наряду нѣтъ ничего лучше соломенной круглой шляпы, съ загнутыми полями. Она иногда убирается полевыми цвѣтами и надѣвается на бокъ. Къ этому — желтый нанковый корсажъ, вышитый бѣлою бумагой; фалды очень длинныя, подбитыя голубою таетой, собираются сборками или складками на бокахъ. Воротнички и маншеты батистовыя. На шеѣ маленькій голубой платочекъ; юбка изъ бѣлаго кашмиру, застегивается спереди бѣлыми пугачами.

На кружева опять новая мода: рисунокъ ихъ состоитъ изъ дубовой или лавровой вѣтви, которой листья образуютъ бордюръ кружева и замѣняютъ фесконы. Ихъ не собираютъ, а лавиваютъ вгладь, что очень эффектно.

Зонтики носятъ безъ бахромы, однако не маркмы, употребляемые въ экипажахъ. Ихъ обшиваютъ тоже кружевами. Ручки дѣлаютъ изъ розоваго или кипариснаго дерева, съ большими золотыми набалдашниками, въ которыхъ вставляютъ какой-нибудь дорогой камень.

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ (ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ) ПЛАНЕТЫ. Господинъ Генже, извѣстный уже открытіемъ Астреи, нашелъ опять новую планету. Вотъ чтò онъ самъ пишетъ о своемъ замѣчательномъ открытіи. «Наблюдая въ Дрезенѣ, перваго іюля новаго стиля около десяти съ половиною часовъ вечера, примѣтилъ я звѣзду почти девятой величины, въ $257^{\circ} 6'7$ прямого восхожденія и $3^{\circ}42'5$ южнаго склоненія, въ такой точкѣ неба, въ которой прежде, по моимъ изслѣдованіямъ, не было ни какой звѣзды. Третьяго іюля, около полуночи, это мѣсто оказалось совершенно пустымъ, но нѣскольکو отъ него на западъ, и именно въ $256^{\circ} 40'$ прямого восхожденія и $3^{\circ}51'5$ южнаго склоненія, увидѣлъ я прежнюю звѣздочку и опять на такомъ мѣстѣ, которое прежде было пусто. Двѣ звѣзды, изъ которыхъ одна осмой, а другая десятой величины довольно хорошо означаютъ это мѣсто неба, такъ, что нельзя дозрѣвать значительной ошибки въ моихъ наблюденіяхъ, основанныхъ на глазомѣрѣ. Сверхъ того, въ Берлинскихъ небесныхъ картахъ, составленныхъ для этой полосы неба докторомъ Бремкеромъ, не означено въ упомянутыхъ точкахъ ни какой звѣзды. Поэтому весьма вѣроятно, что я открылъ новую изъ малыхъ планетъ движущихся между Марсомъ и юпитеромъ. Въ теченіи двухъ дней она обратнымъ движеніемъ описала почти двадцать девять минутъ и приближалась къ звѣздѣ осмой величины. Эта послѣдняя имѣетъ 17 часовъ $4' 3''$ прямого восхожденія и $4^{\circ} 15' 5''$ южнаго склоненія; ее наблюдали Лавандъ и Бессель и приписали ей девятую величину, но въ теченіи нѣсколькихъ годовъ, въ которые я эту звѣзду наблю-

« далъ, она мнѣ всегда казалась нѣсколько ярче и именно ось-
 « мой величины. Астрономическія таблицы показываютъ, что
 « въ это время другія, извѣстныя уже пять малыхъ планетъ,
 « находились въ другихъ мѣстахъ неба, и слѣдовательно нельзя
 « было смѣшать съ ними новую планету. Приведенныя мною ви-
 « димыя ея положенія относятся къ точкѣ весенняго равноден-
 « ствія 1800 года, для котораго даны мѣста звѣздъ въ берлин-
 « скихъ картахъ, и потому съ помощію этихъ картъ (въ XVII часѣ)
 « не трудно будетъ отыскать новую гостью.»

По вычисленіямъ нашего академика Петерса выходитъ, что найденная планета движется по пути наклоненному подъ четырнадцатію градусами къ эклиптикѣ и заключающемуся между планетами Вестою и Астреею; подобно послѣдней, она также почти въ два съ половиною раза далѣе отстоитъ отъ солнца нежели земля, и оканчиваетъ полный оборотъ свой около солнца почти въ три года осемь мѣсяцевъ и двадцать дней.

СЕМНАДЦАТОЕ СОВРАНИЕ БРИТАНСКАГО ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ НАУКЪ, въ Оксфордѣ, въ іюль 1847 года. Нынѣшній сѣздъ ученыхъ, въ Оксфордѣ, былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ какъ по множеству туземныхъ знаменитостей, такъ и по числу извѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ общества, между которыми въ особенности замѣчены были Леверрье, В. Струве, директоръ пулковской обсерваторіи, принцъ Кавино, Эренбергъ, фонъ-деръ-Гевенъ, Лагерь и Готье.

Въ рѣчи нынѣшняго президента, Сира Инглиса, прекрасно изложены успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣланы въ математическихъ и естественныхъ наукахъ. На первомъ планѣ поставлены блестящія открытія Леверрье и Адамса, а также не менѣе важныя, глубокомысленныя изысканія германскаго астронома, господина Ганзена, о неравенствахъ въ движеніи луны, зависящихъ отъ дѣйствія планеты Венеры. Далѣе упоминаютъ о любопытномъ результатѣ метеорологическихъ наблюденій произведенныхъ на островѣ Святой Елены, изъ которыхъ по изслѣдованіямъ полковника Себина (Sebine) выходитъ, что луна причиняетъ въ пашей атмосферѣ приливы и отливы, подобно приливамъ и отливамъ водъ океана, но только они гораздо труднѣе могутъ быть замѣчены, нежели эти послѣдніе.

По физиологій однимъ изъ занимательнѣйшихъ трудовъ признаны опыты господина Матеуччи (Matteucci) о происхожденіи гальваническаго тока въ животныхъ, доказавшіе дѣйствительное

существованіе, хотя чрезвычайно слабого тока, между внутренними и наружными частями мускуловъ; объ этомъ можно найти подробнѣйшія свѣдѣнія въ сочиненіи знаменитаго итальянскаго ученаго, изданномъ подъ заглавіемъ, *Leçons sur les phénomènes physiques des corps vivants*, 1847. Съ особеннымъ жаромъ говоритъ Сиръ Инглисъ объ употребленіи сѣрнаго зѣвѣра въ хирургіи и называетъ американскаго доктора Карла Джаксона, который первый обратилъ на это вниманіе, однимъ изъ благодѣтелей рода человѣческаго.

Весьма почетное мѣсто въ рѣчи президента занимаетъ повѣствованіе о физическихъ занятіяхъ профессора Овена (Owen), котораго онъ называетъ британскимъ Кювье.

Микроскопическая анатомія обогатилась новыми свѣдѣніями объ устройствѣ нервныхъ и мозговыхъ фибръ, и мы обязаны этимъ господамъ Эренбергу, Ремаку и доктору Мартину Барри. Познанія наши о сѣтчатой плевѣ глаза и о различныхъ влагахъ его наполняющихъ весьма расширились помощію усовершенствованной микроскоповъ. Прекрасныя открытія Сира Давида Брюстера (Brewster) вполне подтвердились, и много найдено примѣчательныхъ особенностей въ устройствѣ кристалловиднаго тѣла въ глазахъ разныхъ животныхъ. Самый блестящій успѣхъ въ микроскопическихъ изысканіяхъ состоитъ въ дѣйствительномъ наблюденіи перехода крови изъ артерій въ вены, и въ этомъ мы находимъ окончательное подтвержденіе несомнѣннаго впрочемъ ученія Гарвея о кровообращеніи. Предѣлы нашего извлеченія не позволяютъ намъ далѣе слѣдовать за подробнымъ изчисленіемъ открытій и наблюденій въ разныхъ и обширныхъ областяхъ естественной исторіи.

Ученый президентъ говоритъ еще о важности электрическихъ телеграфовъ, которые очень распространены въ сѣверной Америкѣ: они тамъ учреждены въ большомъ размѣрѣ профессоромъ Морсомъ, въ 1844 году, и нынѣ находятся въ такомъ состояніи, что когда, въ январѣ 1847 года, пароходъ «Гибернія» пришелъ въ Бостонъ съ извѣстіемъ о недостаткѣ хлѣба въ Англіи и другихъ западныхъ странахъ Европы, тотъ же часъ объ этомъ увѣдомлены были помощію такихъ телеграфовъ владѣльцы внутреннихъ Штатовъ, которые и приняли заблаговременно свои мѣры для отправленія хлѣба. Между разнаго рода телеграфовъ, замѣчательнѣе одинъ, недавно построенный въ Лондонѣ, который самъ печатаетъ извѣстія.

Изъ предпріятій оконченныхъ уже обществомъ и стоявшихъ

значительныхъ издержекъ, мы упоминаемъ объ изданіи звѣздныхъ Каталоговъ Лаланда и Лакаля. Извѣстно что въ концѣ прошлаго столѣтія опредѣлено Лаландомъ около 52,000 звѣздъ, и астрономы весьма часто пользовались этимъ огромнымъ собраніемъ наблюденій, которыя однакожъ никогда не были вполне вычислены. Этотъ трудъ совершенъ теперь въ Англій подъ надзоромъ знаменитѣйшихъ тамошнихъ ученыхъ. Предполагается также распространить и усилить систему наблюденій надъ приливомъ и отливомъ моря въ различныхъ англійскихъ колоніяхъ. Господину Вьюлю (Whewel) поручено между прочимъ рассмотретьъ наблюденія надъ приливами, собранныя капитаномъ Россомъ въ южныхъ странахъ.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ общества говорили разные иностранные ученые, и между прочимъ господа Струве и Лавреръ. Этотъ послѣдній, въ сказанномъ имъ привѣтствіи, отдаетъ полную справедливость заслугамъ Адамса и обращается къ нему съ самыми дружескими выраженіями. Утѣшительно видѣть, что между этими знаменитыми учеными господствуетъ чувство взаимнаго уваженія, которое достойно ихъ талантовъ.

Много было читано ученыхъ записокъ, но въ короткихъ словахъ трудно дать достаточное объ нихъ понятіе. Скажемъ только, что усилія общества, нещадающаго издержекъ для пользы наукъ, принесли уже значительные плоды и заслужили признательность всѣхъ любителей просвѣщенія.

важная находка для филологовъ. Многого не достаетъ намъ изъ сочиненій древнихъ классиковъ, дошедшихъ до насъ. Поиски въ Геркуланѣ и Помпѣй оказались въ этомъ отношеніи весьма неудовлетворительными, но зато знаменитый Мой показалъ намъ, что въ старинныхъ собраніяхъ пергаментовъ можно еще найти нѣкоторыя остатки древнихъ твореній. Въ среднія варварскія времена книги Грековъ и Римлянъ мало цѣнились: не рѣдко тогда соскабливали драгоценныя для насъ рукописи, для того чтобы писать на нихъ какую-нибудь нелѣпую легенду, или употребляли пергаменты для другихъ маловажныхъ цѣлей. Къ счастью одинъ изъ уцѣлѣвшихъ пергаментовъ попался теперь въ хорошія руки. Докторъ Гейне осматривавшій долгое время важнѣйшія въ Испаніи бібліотеки, по возвращеніи своемъ въ Берлинъ подарилъ тамошней королевской бібліотекѣ многіе купленные имъ пергаменты у одного испанскаго переплетчика. Очистивъ и рассмотрѣвъ ихъ внимательно, старшій бібліотекаръ, господинъ Перцъ, нашелъ, что одинъ изъ этихъ листовъ (цалимпсестъ) за-

ключаетъ въ себѣ отрывокъ изъ потерянныхъ книгъ Ливія, вѣроятно отрывокъ изъ 98 книги. Объ этой любопытной находкѣ господинъ Перцъ читалъ записку въ берлинской академіи наукъ, и академія рѣшилась выгравировать на мѣди найденный отрывокъ, въ которомъ содержится много любопытнаго для римской исторіи. Въ рукописи замѣтны слѣды глубокой древности. Можетъ-быть, она относится даже къ первому вѣку по Рождествѣ Христовѣ и, слѣдовательно, къ тому столѣтію, въ которомъ жилъ Ливій.

ВОЕННАЯ СИЛА И УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКАГО СОЮЗА. Послѣ перваго занятія Парижа, тридцатаго марта 1814 года, первостепенныя государства Германіи убѣдились въ необходимости заключить тѣсный государственный и военный союзъ, въ видѣ оплота противу всякой угрожающей Германіи опасности. Но едва они успѣли согласиться въ главныхъ основаніяхъ такого союза, какъ уже война 1815 года прервала происходившія по этому предмету совѣщанія, и въ то же время убѣдила всѣхъ, что, достигнувъ мира, немедленно должно дать германскому государствному союзу и форму и законъ, составить оборонительный уставъ Германіи по правиламъ взаимности, — одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного, — и опредѣлить мѣру участія въ немъ cadaго отдѣльнаго государства. Такимъ образомъ произошелъ Германскій государственный Союзъ.

Въ Германскомъ Союзѣ, — по союзному акту, 8 іюня 1815, и по вѣвскимъ постановленіямъ, 20 сентября 1819 и 15 мая 1820, — участвуютъ всѣ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя государства вмѣстѣ съ вольными городами. Каждое государство, какъ въ мирное время, такъ и въ случаѣ войны, содержитъ воинскій *контингентъ* по соразмѣрности своего народонаселенія, что и образуетъ составъ *германскаго союзаго войска*. Но это войско существуетъ не для завоеваній. По словамъ союзнаго акта, назначеніе его состоитъ въ сохраненіи самостоятельности и вѣвней безопасности Германіи, или въ защитѣ независимости и неприкосновенности отдѣльныхъ союзныхъ державъ: слѣдственно оно служитъ къ достиженію только германскихъ, а отнюдь не чуждыхъ Германіи предположеній.

Этотъ величественный, во всемірной исторіи безпримѣрный, истинно оборонительный и наступательный союзъ состоитъ подъ надзоромъ и управленіемъ Союзнаго Сейма, — все то, что относится собственно къ войску, зависитъ отъ военной комиссіи, имѣющей пребываніе свое во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и состоящей изъ шести

генераловъ или штабъ-офицеровъ различныхъ государствъ. Хотя всѣ государства имѣютъ равные голоса, однако въ дѣлопроизводствѣ предсѣдательствуетъ уполномоченный австрійскій.

Къ Союзу принадлежатъ тридцать-два болѣе или менѣе значительныя германскія государства, четыре вольные германскіе города и германскіе участки двухъ постороннихъ государствъ, — Данія и Нидерланды, — всѣ вмѣстѣ имѣютъ одиннадцать-тысячъ шестьсотъ-осемьдесятъ-два квадратныхъ миль и тридцать-девять миллионовъ-семьсотъ-семьдесятъ-тысячъ-шестьсотъ-двадцать-одного жителя. Притомъ, впрочемъ, должно замѣтить, что Австрія и Пруссія участвуютъ въ Союзѣ съ тѣми только провинціями, которыя принадлежали къ составу бывшей германской имперіи.

По союзной матрикулѣ, возобновленной 5 сентября 1839 года, на всякую сотню жителей приходится по одному вооруженному, что и составляетъ «первый» или «обыкновенный» контингентъ. Кроме того, со всякихъ шестисотъ жителей одинъ принадлежитъ къ войску запасному (для пополненія убыли людей) и со всякихъ трехсотъ еще одинъ къ резерву, такъ, что на всякую сотню жителей, предполагая даже чрезвычайныя потери въ военное время, не должно приходится болѣе двухъ человекъ. И такъ, круглымъ числомъ, съ самаго начала, могли бы вступить въ походъ триста-тысячъ человекъ, а полтораста-тысячъ составляли бы запасъ и резервъ. Подробности и родъ войска можно усмотрѣть изъ слѣдующаго :

Роды войскъ.	Первый контингентъ.	Второй контингентъ.	
Пѣхота	238,721	119,455	} Всего 455,260 человекъ съ 890 орудіями.
Кавалерія	40,754	20,364	
Артиллерія	21,103	10,510	
Піонеры	2,915	1,438	
Итого	303,493	151,767	
Орудій	592	298	

Двадцатая часть пѣхоты должна состоять изъ егерей или стрѣлковъ; кавалерія должна составлять седьмую часть всего войска; артиллеріи считается по два орудія на каждую тысячу человекъ прочихъ войскъ въ первой линіи и по одному для резерва. Пятая часть должна состоять изъ конной артиллеріи и каждыя четыре орудія должны состоять изъ одной двѣнадцати-фунтовой, двухъ шести-фунтовыхъ пушекъ и одной гаубицы. Для перваго

контингента пѣхоты и кавалеріи заготовляется двойной комплектъ патроновъ отъ ста-двадцати до ста-тридцати на человѣка; для артиллеріи круглымъ числомъ по триста зарядовъ на каждое орудіе. Кромѣ-того, половина этого количества находится въ подвижныхъ депо. Притомъ для союзнаго войска образуется осадный паркъ, состоящій изъ двухъ-сотъ тяжелыхъ орудій (ста пушекъ, тридцати гаубицъ и семидесяти мортиръ), боевые припасы котораго состоятъ изъ двухъ-сотъ-сорока-четырнадцати-тысячъ-шестисотъ зарядовъ всѣхъ родовъ и къ нимъ числится около десяти-тысячъ центнеровъ пороху. Наконецъ, болѣе значительныя союзныя государства поставляютъ, по мѣрѣ надобности, понтоны: словомъ, все устроено съ мудрою предусмотрительностью, такъ, что въ случаѣ войны не только ни въ чемъ не будетъ недостатку, но Германія можетъ встрѣчать ее съ спокойствіемъ и упованіемъ въ справедливомъ своемъ дѣлѣ.

Ч Л Е Н Ы С О Ю З А :

Одна имперія : Австрія ;

Пять королевствъ : Пруссія , Баварія , Ганноверъ , Саксонія и Виртембергъ ;

Одно куръиршество : Гессенъ-Кассель ;

Семь великихъ герцогствъ : Баденъ , Гессенъ-Дармштадтъ , Мекленбургъ-Шверинъ и Стрелицъ , Ольденбургъ , Саксенъ-Веймаръ , Люксембургъ и герцогство Лимбургъ ;

Девять герцогствъ : Ангальтъ-Бернбургъ , Кётенъ , Дессау , Брауншвейгъ , Нассау , Саксенъ-Кобургъ-Гота , Мейнингенъ-Гильдбурггаузенъ , Альтенбургъ , Гольштейнъ-Лауэнбургъ ;

Одиннадцать княжествъ : Гессенъ-Гомбургъ , Гогенцоллернъ-Гехвингенъ , Зигмарингенъ , Липпе-Детмольдъ , Шаумбургъ , Лихтенштейнъ , Рейсъ , — старшая и младшая линіи , — Шварцбургъ-Рудольфштадтъ , Зондерсгаузенъ , Вальдекъ ;

Четыре вольные города : Гамбургъ , Бременъ , Любекъ и Франкфуртъ .

Союзное войско раздѣляется на десять корпусовъ и одну резервную дивизію. Первые семь корпусовъ поставляютъ Австрія , Пруссія и Баварія ; прочіе три корпуса сборные, то есть , въ нихъ содѣляются контингенты нѣсколькихъ государствъ ; резервная дивизія составлена изъ осемнадцати менѣе значительныхъ государствъ и изъ контингента франкфуртскаго ; люксембургъ-либургскій контингентъ назначается на усиліе гарнизона крѣпости того же имени.

Каждый корпус состоитъ изъ двухъ дивизій (одна только осмой изъ трехъ); каждая дивизія обыкновенно состоитъ изъ двухъ бригадъ, имѣющихъ по два полка, — пѣхоты и кавалеріи; каждый пѣхотный полкъ изъ двухъ или трехъ баталіоновъ, — не менѣе осмисотъ человекъ на баталіонъ и среднимъ числомъ четыре роты; каждый кавалерійскій полкъ изъ шестисотъ до семисотъ-пятидесяти лошадей (въ четырехъ или шести эскадронахъ); каждая баттарей имѣетъ не менѣе шести и не болѣе осми орудій; зарядные ящики и другія повозки. Кромѣ-того сюда же принадлежатъ извѣстное число піонеровъ и понтоверовъ; соразмѣрное число лицъ врачебныхъ и необходимыхъ для содержанія войска вещей и обоза.

Хотя Австрія и состоитъ изъ двѣнадцати-тысячъ квадратныхъ миль и почти тридцати-семи миллионѣвъ жителей, но въ Германскомъ Союзѣ она участвуетъ только съ 12.317,052 душами (по союзной матрикулѣ только съ 9,482,227) на пространствѣ трехъ тысячъ пятисотъ-семидесяти-девяи квадратныхъ миль, потому что Венгрія, Галиція, Ломбардія, и такъ далѣе, къ Союзу не принадлежатъ: сюда относятся только собственно Австрія, Богемія, Штирія, Каринтія и Карниоля; австрійскій Фриауль съ Триестомъ, также Графство Тирольское съ Форъ-Арльбергомъ и, наконецъ, Моравія и Австрійская Силезія.

Австрія поставляетъ союзному войску три корпуса (I, II, III), изъ которыхъ каждый состоитъ изъ двухъ дивизій, именно: пѣхоты 73,501 человекъ, кавалеріи 13,546, артиллеріи 6,827, піонеровъ и такъ далѣе 948, всего, какъ первый контингентъ, 94,822 человекъ съ 192 орудіями. Сюда же принадлежатъ 47,414 человекъ для составленія запаса и резерва (36,750 человекъ пѣхоты, 6,773 кавалеріи, 3,414 артиллеріи съ девяноста-шестью орудіями и 474 піонера), слѣдовательно, всего 142,233 человекъ строевыхъ съ 288 орудіями.

Какія именно дивизіи, бригады и другія части войскъ вообще будутъ избраны изъ многочисленнаго и могущественнаго австрійскаго войска для присоединенія ихъ къ союзной арміи — предоставляется Австріи и совершится, конечно, сообразно тому, съ которой стороны Германіи будетъ угрожать опасность. Слѣдовательно подробнаго состава австрійскаго союзнаго контингента впередъ опредѣлить невозможно.

Отношеніе Пруссіи къ Германскому Союзу подобно австрійскому. Изъ пятнадцати миллионѣвъ жителей принадлежатъ къ Союзу только одянадцать-милліонѣвъ-триста шестьдесятъ-три тыся-

чи-шестьдесятъ-девять (по союзной матрикулѣ только 7,918,439, а изъ пяти тысячъ семидесяти-семи квадратныхъ миль только три-тысячи-триста-шестьдесятъ-три. Въ союзную армію Пруссіи обязана поставить три корпуса (IV, V, VI), выбираемые изъ всѣхъ девяти корпусовъ, составляющихъ прусскую армію, какъ и въ Австріи, по усмотрѣнію монарха, сообразно съ театромъ войны. Изъ всѣхъ осьми главныхъ провинцій прусскаго государства принадлежатъ къ Союзу: Померанія, Маркъ-Бранденбургъ, Саксонія, Силезія, Вестфалія и Рейнская Провинція.

Составъ поставляемаго Пруссіею союзнаго контингента будетъ слѣдующій: пѣхоты 61,629 человекъ, кавалеріи 11,355, артиллеріи 5,705, піонеровъ и такъ далѣе 795, всего какъ первый контингентъ 79,484 человекъ со сто шестидесятью орудіями. Сюда же принадлежатъ тридцать-девять тысячъ семьсотъ сорокъ-два человекъ для запаса и резерва (30,881 человекъ пѣхоты, 5,660 кавалеріи, 2,852 артиллеріи съ осмьюдесятью орудіями и 396 піонеровъ). Слѣдовательно, всего 119,226 человекъ строевыхъ съ двумя-стами-сорока орудіями.

Послѣ Австріи и Пруссіи — Баварія самое могущественное союзное государство. Оно состоитъ изъ тысячи-четырехъ-сотъ-семидесяти-семи квадратныхъ миль и четырехъ милліоновъ четырехъ-сотъ тысячъ жителей (по союзной же матрикулѣ только изъ 3,560,000 жителей) обязанныхъ въ Союзѣ участвовать. Баварія поставляетъ въ союзное войско двѣ дивизіи (VII), а именно: пѣхоты 27,566 человекъ, кавалеріи 5,086, артиллеріи 2,592, піонеровъ 356, всего какъ первый контингентъ, 35,600 человекъ съ 82 орудіями. Сюда же принадлежатъ 17,800 человекъ для запаса и резерва (пѣхоты 13,793, кавалеріи 2,543, артиллеріи 1,286 съ тридцати-шестью орудіями, піонеровъ 178). Слѣдовательно всего 53,400 человекъ строевыхъ съ 108 орудіями.

Но баварская армія гораздо многочисленнѣе. Она состоитъ изъ четырехъ самостоятельныхъ дивизій, изъ которыхъ каждая содержитъ двѣ пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады. Къ пѣхотѣ принадлежатъ тридцать-два линейныхъ баталіона, состоящіе изъ одной стрѣлковой и четырехъ фузелерныхъ ротъ въ шестнадцати полкахъ; четырехъ баталіоновъ егерей, состоящихъ изъ одной карабинерной и пяти егерскихъ ротъ, — все вмѣстѣ составляетъ воинскую силу въ сорокъ-двѣ-тысячи-сто-осемьдесятъ-осемь человекъ. Кавалерія состоитъ изъ двухъ кирасирскихъ и шести легкихъ конныхъ полковъ, содержащихъ по шести эскадроновъ, — слѣдовательно, всего изъ осьми-тысячъ четырехъ-сотъ-трехъ че-

ловѣкъ и осемь тысячъ шестнадцать лошадей. Артиллерія состоитъ изъ двухъ полковъ, одной понтонной и одной мастеровой роты — всего изъ пяти тысячъ семисотъ тридцати-двухъ человекъ. Кроме-того, армія имѣетъ корпусъ инженеровъ, три роты саперовъ и минеровъ и тому подобное, такъ, что вся воинская сила баварской арміи простирается до пятидесяти-семи-тысячъ человекъ, слѣдовательно двадцатью тысячами болѣе чѣмъ союзный контингентъ Баваріи.

Цвѣтъ мундировъ баварской пѣхоты — синій, какъ верхняго такъ и нижняго суконнаго платья; линейные баталіоны носятъ каски, егерскіе кивера; кожаная амуниція первыхъ бѣлая, послѣднихъ черная. Вооруженіе всей пѣхоты состоитъ изъ ружей съ гладкими стволами и съ приспособленіемъ ударныхъ замковъ; часть же стрѣлковъ и карабинерныхъ ротъ имѣетъ винтовки. Въ кавалеріи кирасиры носятъ синіе куртки и рейтузы, желѣзные шлемы, двойныя кирасы и бѣлую кожаную амуницію; притомъ збрѹя вѣмецкая, палаши, пистолеты, но безъ карабиновъ. Легко-конные полки носятъ темно-зеленыя куртки и рейтузы, каски съ выпушками, бѣлую кожаную амуницію, сабли, карабины и пистолеты; притомъ венгерская збрѹя и чепраки изъ бѣлаго бараньяго мѣху. Артиллерія носитъ мундиры синіе и каски на подобіе легко-конныхъ полковъ; амуниція бѣлая. Для возки артиллеріи устроенъ особенный артиллерійскій фурштадтъ. Полевые орудія состоятъ изъ шести и двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, легкихъ и тяжелыхъ семи-фунтовыхъ (длинныхъ) гаубицъ. Матеріальная часть устроена по системѣ Цоллеро, причемъ прислугу сажаютъ частію на передки, частію на зарядные ящики (Munitionswagen). Собственно конной артиллеріи Баварія не имѣетъ.

Осьмой союзный корпусъ состоитъ изъ контингентовъ виртембергскаго, баденскаго и рейнъ-гессенскаго, изъ которыхъ каждый образуетъ одну дивизію въ корпусѣ. Пространство и число жителей этихъ государствъ можно усмотрѣть изъ слѣдующаго:

Государства.	Квадрат- ныя мли.	Жители.
Виртембергъ	360	1,649,839
Бадень	287	1,277,703
Гессенъ	177	811,400
Итого	824	3,738,942

СОСТАВЪ ОСЬМАГО СОЮЗНАГО КОРПУСА.

Части войска.	Виртем- бергъ.	Бадень.	Гессенъ.
Пѣхотныхъ дивизій	2	1	1
или бригадами	4	2	2
полками	8	5	4
баталіонами	16	11	8
или гренадерскими ротами	—	11	—
стрѣлковыми ротами	—	11	8
фузелерными ротами	64	44	32
Кавалерійскихъ дивизій	1	—	—
или бригадами	2	1	—
полками	4	3	1
а именно :			
Драгунскихъ	4	3	—
Легко-конныхъ	—	—	1
или эскадронами	16	12	6
Артиллеріи :			
Конно-артиллерійскихъ ротъ	3	1	$\frac{1}{2}$
Пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ	3	3	2
Фурштадтскихъ ротъ	2	—	1
Пионерныхъ и тому подобныхъ ротъ	1	1	1

Слѣдовательно государства, составляющія осьмой корпусъ, имѣютъ всего тридцать-вять баталіоновъ пѣхоты, тридцать-четыре эскадрона кавалеріи и двѣнадцать съ половиною ротъ артиллеріи.

СОЮЗНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ОСЬМАГО КОРПУСА:

Первый контингентъ.	Кавале- Артил- Пионе-				Итого	Орудіа.
	Пѣхота.	рія.	лерія и	ры.		
Виртембергъ	10,816	1,994	1,005	140	13,955	28
Вадень	7,751	1,429	720	100	10,000	20
Гессенъ	4,802	885	446	62	6,195	12
<hr/>						
Стрелевыхъ	23,369	4,308	2,171	302	30,150	60

Сюда же принадлежит резервный контингентъ изъ 15,075 человекъ: (пѣхоты 11,685, кавалеріи 2,154, артиллеріи 1,085, съ 32 орудіями; и 151 пионеръ): такъ что все выставяемое число

строевыхъ людей составляетъ 45,225 человекъ, съ 92 орудіями.

Изъ всего сказаннаго видно, что осьмой корпусъ устроенъ вовсе не однообразно, и что многого въ немъ остается желать. Пѣхота виртембергская сформирована по образцу прусской, то есть по четыре роты въ баталіонѣ; баденская по шести; гессенская по пяти, кавалерійскіе полки первыхъ двухъ государствъ состоятъ изъ четырехъ эскадроновъ, какъ и въ Пруссіи; гессенскій полкъ изъ шести и такъ далѣе. Въ артиллерію хотя приняты во всемъ корпусѣ шести и двѣнадцати фунтовыя пушки, одного въ виртембергской употребляютъ десяти-фунтовыя, а въ баденской и гессенской семи-фунтовыя гаубицы.

Обмундированіе корпуса также не однообразно. Въ Виртембергѣ, напримѣръ, цвѣтъ одежды голубой; мундиры у пѣхоты просты, кавалеріи блестящіе; у артиллеріи съ большимъ вкусомъ; кивера же устроены сообразно съ цѣлю. Баденскія войска весьма походятъ на прусскія: одни только суконные брюки не сѣрые, а синіе; кивера удобно устроены. Кавалерія (драгуны) одѣта въ голубой цвѣтъ и имѣетъ весьма красивые шлемы съ желтыми гребнями; мундиры гессенскіе синіе, но напоминаютъ покроемъ французскій. Легко-конные полки носятъ темно-зеленыя куртки и каски съ выпушками; артиллерія одѣта въ синій цвѣтъ съ бѣлыми пуговицами.

Вооруженіе — ружья (въ Виртембергѣ и Гессенѣ по образцу французскому; въ Баденѣ по прусскому); всѣ большею частию съ пистонами. Кавалерія имѣетъ карабины, пистолеты и сабли; виртембергская (за исключеніемъ пяти стрѣлковыхъ взводовъ) также и пики; збруя венгерская. Кавалерія вообще имѣетъ хорошихъ, гессенская даже очень хорошихъ лошадей.

Девятый союзный корпусъ состоитъ изъ двухъ дивизій, которыхъ одну составляетъ Саксонія, другую Куръ-Гессенъ и Нассау.

Государства.	Квадратныя мил.	Жители.
Саксонія . . .	273	1.709,880
Куръ-Гессенъ	209	704,700
Нассау	82	382,984
Итого . . .	564	2.797,564

СОСТАВЪ ДЕВЯТАГО СОЮЗНАГО КОРПУСА.

Части Войскъ.	Саксонія.	Куръ-Гессенъ.	Нассау.
Пѣхотныхъ дивизій	1	1	—
или бригадами	2	2	1
полками	4	4	2
баталіонами	12	8	6
Стрѣлковыхъ (егерскихъ) баталіоновъ . .	3	2	—
или ливейными ротами	48	32	24
Стрѣлковыми ротами	12	8	—
Кавалерійскихъ бригадъ	1	1	—
или полками	3	2½	—
А именно:			
Драгуновъ	—	2	—
Легкихъ полковъ	3	—	—
Эскадронами	18	10	—
Артиллеріи:			
Конно-артиллерійскихъ ротъ	2	1	—
Пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ	10	2	2
Фурштадтскихъ бригадъ	1	—	—
Саперныхъ и понтонерныхъ ротъ	1	½	½

Слѣдственно всего тридцать одинъ баталіонъ пѣхоты, двадцать осемь эскадроновъ кавалеріи и семь ротъ артиллеріи.

СОЮЗНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ДЕВЯТАГО КОРПУСА.

Первый контингентъ.	Пѣхота.	Кавалерія.	Артилле- рія и фур- штатъ.	Пионеры.	Итого	Орудія.
Саксонія	9,302,	1,714	864	120	12,000	24
Куръ-Гессенъ	4,402	811	409	57	5,679	12
Нассау	3,721	—	281	37	4,039	8
Стрѣловыхъ	17,425	2,525	1,554	214	21,718	44

Сюда же принадлежитъ еще резервный контингентъ, состоящій изъ 10,858 человекъ, (8,712 пѣхоты, 1,263 кавалеріи, 780 артиллеріи, и 103 пионера), такъ что сумма выставляемыхъ стрѣловыхъ состоитъ изъ 32,756 человекъ, съ 66 орудіями.

Къ девятому корпусу принадлежитъ еще люксембургско-лимбургскій контингентъ (сто-осемь квадратныхъ миль съ 258,583 жителями, состоящій изъ 2,536 человекъ, (пѣхоты 1,869 кавалеріи 362; артиллеріи 280 съ шестью орудіями и 25 пионеровъ); присоединяя сюда же еще половину всего этого войска въ видѣ

резервнаго контингента 1,278 человекъ съ тремя орудіями); войска эти, какъ уже сказано, назначены на усиленіе гарнизона луксембургскаго и принадлежать къ составу королевско-нидерландской арміи.

Устройство девятаго корпуса довольно однообразно. Въ пѣхотѣ всѣ баталіоны состоятъ изъ четырехъ ротъ; кавалерійскіе полки саксонскіе изъ шести; гессенскіе изъ четырехъ эскадроновъ. Войска гессенскія и нассаускія вообще сохранили устройство прусское; Саксонія напротивъ по прежнему свое собственное. Въ артиллеріи употребляются шести и двѣнадцати-фунтовыя пушки; въ Гессенѣ и Нассау семи-фунтовыя гаубицы; въ Саксоніи же осьми-фунтовыя, такъ называемыя *гранатныя орудія*. Саксонскія батареи состоятъ изъ шести, гессенскія и нассаускія изъ осьми орудій. Саксонія сохранила артиллерійскій обозъ по образцу французскому вмѣстѣ съ старою саксонскою системою орудій; Гессенъ удержалъ старую прусскую систему; Нассау улучшенную англійскую.

Обмундированіе девятаго корпуса весьма разнообразно. Цвѣтъ мундировъ саксонской пѣхоты и артиллеріи темнозеленый; въ кавалеріи же и артиллеріи голубой цвѣтъ суконныхъ брюкъ; въ стрѣлковыхъ баталіонахъ и въ артиллеріи сѣрый, въ прочихъ войскахъ голубой; кивера прежней французской Гормы; въ кавалеріи весьма красивые шлемы съ желтыми гребнями. Пѣхота, кавалерія и обозъ имѣютъ аммуницію бѣлую; стрѣлки черную; артиллерія желтую. Пѣхотныя ружья, винтовки и карабинъ кавалерійскій съ пистонами. Збруя кавалеріи венгерская. Куръ-гессенскій корпусъ обмундированъ совершенно по настоящему образцу прусскому; одна только артиллерія носитъ темнозеленый цвѣтъ, какъ русская гвардія въ прусскомъ вкусѣ и со шлемами; всѣ прочія войска носятъ кивера. Аммуниція вообще бѣлая, у егерей же и у стрѣлковъ черная. Пѣхотныя ружья и винтовки съ пистонами. у Збруя *garde du corps* нѣмецкая, у драгуновъ венгерская. Нассаускія войска носятъ темнозеленые мундиры съ цвѣтными погонами; брюки зеленыя, у артиллеріи же и у всѣхъ офицеровъ сѣрыя. У всѣхъ кивера. Аммуниція желтая по историческому преданію прежнихъ войскъ. Саксонская и гессенская кавалеріи вообще снабжены хорошими лошадьми; также и нассауская-артиллерія, которая во всѣхъ отношеніяхъ отлично устроена.

Десятый союзный корпусъ изъ всѣхъ сборныхъ корпусовъ самый сложный, потому что онъ состоитъ изъ девяти разныхъ контингентовъ, изъ которыхъ Ганноверъ и Брауншвейгъ состав-

ляютъ первую дивизию; Голштинія, оба Мекленбурга, Ольденбургъ и вольные города: Гамбургъ, Бременъ и Любекъ вторую.

Государства	Квадратныя мли.	Жители.
Ганноверъ	695	1.722,107
Брауншвейгъ	73	251,000
Голштинія	175	471,276
Мекленбургъ { Шверинъ	228	494,530
{ Стреланцъ	36	89,528
Ольденбургъ	114	262,372
Вольные города	19	245.500
<hr/>		
Итого	1,340	3.536,313

СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ ДЕСЯТАГО СОЮЗНАГО КОРПУСА.

Части войскъ.	Мекленбургъ.								
	Ганноверъ.	Брауншвейгъ.	Голштейнъ.	Шверинъ.	Стреланцъ.	Ольденбургъ.	Гамбургъ.	Бременъ.	Любекъ.
Пѣхотныхъ дивизій	2	—	—	—	—	—	—	—	—
бригадами	5	1	1	1	—	1	—	—	—
полками	8	1	—	—	—	2	—	—	—
Линейными баталіонами	16	3	3	3	1	6	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
легкихъ	4	1	1	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—
Линейныхъ ротъ	64	12	12	12	4	24	6	2	2
легкихъ	16	4	4	2	—	—	$\frac{1}{4}$	—	—
Кавалерійскихъ дивизій	2	—	—	—	—	—	—	—	—
бригадами	4	—	—	—	—	—	—	—	—
полками	8	1	1	1	—	—	—	—	—
Эскадроновъ:									
Кирасирскихъ	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Драгунскихъ	12	—	4	4	—	—	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
Гусарскихъ	6	3	—	—	—	—	—	—	—
Артиллеріи:									
Конныхъ ротъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Пѣшихъ	7	1	—	1	—	1	—	—	—
Ѣдущихъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Обозныхъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Мастеровыхъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Пионерныхъ	2	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—

СОЮЗНЫЙ КОНТИНГЕНТЪ ДЕСЯТАГО КОРПУСА.

Первый контингентъ.	Пѣхота.	Кавалерія.	Артилле- рія в обозъ.	Пионеры.	Итого	Ору- дія.
Ганноверъ	10,118	1,865	940	131	13,054	29
Брауншвейгъ . . .	1,625	299	151	21	2,096	4
Голштинія	2,791	514	259	36	3,600	8
Оба Мекленбурга .	3,363	582	310	43	4,298	10
Ольденбургъ . . .	2,650	—	157	22	2,829	8
Вольные города . .	1,699	312	157	22	2,190	—
Стрелевыхъ	22,246	3,572	1,974	275	28,067	58

Сюда же принадлежит резервный контингентъ, состоящій изъ 14,019 человекъ (11,107 пѣхоты; 1,788 кавалеріи; 988 артиллеріи съ 29 орудіями; 136 пионеровъ), такъ что число строевыхъ девятого корпуса простирается до 42,086 человекъ съ 87 орудіями.

Разнообразію контингентовъ соотвѣтствуетъ разнообразіе ихъ устройства. Хотя въ пѣхотѣ баталіоны и состоятъ изъ четырехъ ротъ (за исключеніемъ гамбургской, имѣющей по шести), однако полки ганноверской кавалеріи имѣютъ только по три эскадрона, что даже противно союзнымъ постановленіямъ. Въ ганноверской артиллеріи батарея состоитъ изъ шести орудій (шести, девяти или двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ и пяти съ половиною-вершковыхъ гаубицъ); въ брауншвейской изъ четырехъ и шести фунтовыхъ пушекъ; (резервъ изъ двѣнадцати фунтовыхъ гаубицъ), все по системѣ англійской. Голштинія употребляетъ шесть шести-фунтовыхъ пушекъ и два двѣнадцати-фунтовыхъ гранатныя орудія на однострунныхъ лафетахъ; изъ всѣхъ контингентовъ одна только употребляетъ чугуныя полевыя орудія. Ольденбургскія и Мекленбургскія батареи устроены по образцу прусскому, — послѣдняя съ саксонскими лафетами.

Обмундированіе десятого корпуса представляетъ еще большую смѣсь нежели составъ его. Ганноверъ столь вѣрно послѣдовалъ формѣ Пруссіи, что между ними почти не существуетъ различія; въ скоромъ времени будутъ приняты казакины, мундиры и шлемы прусскіе. Брауншвейгскій пѣхотный полкъ одѣтъ по прусски, егерскій же (лейбъ) баталіонъ имѣетъ одежду черную въ память, какъ знаменитаго похода мужественнаго герцога Фридриха Вильгельма въ Германію (1809), такъ и походовъ въ Испанію. Гусарскій полкъ походитъ на прусскій гвардейскій. Голштинскій контингентъ будучи составною частію королевско-дат-

своей арміи, одѣтъ въ мундиры красные съ голубыми бляхами, (егеря въ зеленые мундиры); пѣхота и артиллерія носятъ шиньеры, драгуны—шлемы съ желтыми гребнями. Мекленбургскія войска наружностію очень походятъ на прусскія и драгуны едва различаются отъ драгуновъ прусскихъ гвардейскихъ. Ольденбургскія войска обмундированы также по образцу прусскому; артиллерія даже имѣетъ уже шлемы и казакивы; брюки синія. Пѣхота вольныхъ городовъ имѣетъ зеленые мундиры, сѣрые брюки и кивера; кавалерія живо напоминаетъ русскихъ драгуновъ.

Въ земляхъ принадлежащихъ къ десятому корпусу процвѣтаетъ коннозаводство, поэтому какъ кавалерія, такъ и артиллерія ихъ снабжена превосходными, въ сравненіи съ другими, лошадьми. Тяжелыя войска носятъ амуницію бѣлую; легкія же черную; збруя венгерская, и только у ганноверскихъ кирасировъ нѣмецкая.

Всѣ ружья и винтовки десятаго корпуса съ пистолями. Ганноверскіе стрѣлки и вся брауншвейгская пѣхота снабжены новыми ружьями (съ двумя плоскими нартзами въ стволѣ и овальными пулями). Ганноверская кавалерія вооружена по образцу прусскому; брауншвейгскіе гусары палашами; голштинскіе драгуны длинными незначительно согнутыми саблями; мекленбургскіе совершенно по-пруски. Кромѣ того вся кавалерія имѣетъ карабины и пистолеты (безъ пистоновъ); пикъ не водится.

Новѣйшимъ лишь постановленіемъ (11 декабря 1840 года) контингенты осмнадцати менѣе значительныхъ германскихъ государствъ и вольнаго города Франкфурта соединены въ одну резервную роту. Государства эти слѣдующія:

Четыре саксонскія (Веймаръ, Альтенбургъ, Кобургъ-Гота и Мейнингенъ); три ангальтскія (Дессау, Бернбургъ и Кѣтенъ); два шварцбургскія (Зондерсгаузенъ и Рудольштадтъ); два гоенцоллернскія (Гехингенъ и Зигмарингенъ); Лихтенштейнъ; Рейсъ-старшая и младшая линіи; Липпе и Шаумбургъ-Липпе; Гессенъ-Гомбургъ; наконецъ городъ Франкфуртъ. Всѣ вмѣстѣ составляютъ 366 квадратныхъ миль съ 1,340,421 жителемъ и составляютъ первымъ контингентомъ 11,116; резервомъ же 5,584 человека, всего 16,700 человекъ пѣхоты.

Первый контингентъ (11,116 человекъ) раздѣленъ на тринадцать баталіоновъ и назначается на усиленіе гарнизоновъ союзныхъ крѣпостей въ военное время. Эти тринадцать баталіоновъ имѣютъ всего пятьдесятъ-четыре роты, включая туда же

и второе число стрѣлковъ. Кромѣ того при дивизіи состоятъ еще двѣ егерскія или стрѣлковыя роты.

Что касается до обмундировки, то двѣнадцать контингентовъ одѣты въ двѣтъ темнозеленый; гогенцоллернскій, гомбургскій, люксембургскій и франкфуртскій — въ синій (последній почти совершенно по-французски). Войска рейсскія носятъ бѣлыя мундиры, только семь контингентовъ вооружены пистонными ружьями и винтовками.

Слѣдующая таблица показываетъ общее обзорнѣе всего союзнаго войска:

Корпуса.	Пѣхота.	Кавале- ріа.	Артиллерія и обозъ.	Пионеры.	Итого.	Орудія.
I. II. III. Австрія	73,501	13,516	6,827	938	91,822	192.
IV. V. VI. Пруссія.	61,629	11,355	5,705	795	79,484	160.
VII. Баварія.	27,566	5,086	2,593	356	35,600	72.
VIII. Корпусъ.	23,369	4,308	2,171	302	30,150	60.
IX. Корпусъ.	17,425	2,525	1,154	214	21,718	44.
Люксембургъ.	1,869	362	280	25	2,536	6.
X. Корпусъ.	22,246	3,572	1,974	275	28,067	58.
Резервная дивизія	11,116	—	—	—	11,116	—
Перв. контингентъ.	235,721	40,754	21,103	2,915	303,493	592.
Запасъ и резервъ.	119,755	20,364	10,510	1,438	151,767	298.
Итого строевыхъ.	358,176	61,118	31,613	4,353	455,260	890.

Впрочемъ, числа эти не должно считать неизмѣнными, потому что не только каждое государство въ состояніи поставить болѣе войска чѣмъ требуетъ Союзъ но и каждый членъ Союза одушевленный любовью къ отечеству, безъ сомнѣнія, употребитъ всѣ усилія, чтобы бороться противъ общаго врага со всею возможною силою, что и подтверждается отчасти уже самымъ военнымъ устройствомъ тѣхъ союзныхъ государствъ, которыя, какъ Австрія, Пруссія и Баварія, обязаны поставлять цѣлые корпуса. Такъ напримѣръ, Пруссія обязана поставить три корпуса, прусскій корпусъ же состоитъ (въ военное время) изъ тридцати-двухъ тысячъ человекъ съ девяносто-шестью орудіями; первый контингентъ Пруссіи состоялъ бы изъ девяносто-шести-тысячъ съ двумя-осмьюдесятью-осмью орудіями, что и составляло бы шестнадцать-тысячъ человекъ и двѣсти-осемдесятъ-осемь орудій болѣе, чѣмъ по Союзу установлено. Подобныя обстоятельства должны

случиться и въ Австріи и Баваріи, даже въ Виртембергѣ и въ которыхъ другихъ союзныхъ государствахъ, такъ, что можно безъ преувеличенія сказать, что союзное войско при открытіи войны можетъ состоять изъ четырехъ-сотъ-тысячъ человѣкъ съ осмьюстами орудіями.

Общая постановленія: 1) Союзное войско, въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ устроено и приготовлено такъ, что можетъ двинуться въ походъ при первомъ воззваніи.

2) Распоряженія союзныхъ государствъ таковы, что посредствомъ востребованія отпускныхъ и резервовъ они въ мирное время немедленно могутъ поставить войска на походную ногу и въ надлежащемъ числѣ, не имѣя притомъ надобности выступать въ походъ съ недоучеными солдатами или рекрутами.

3) Всѣ потребности для приведенія войскъ въ военное положеніе всегда и даже въ мирное время содержатся въ готовности въ надлежащемъ состояніи.

4) Выступление войска въ походъ повсюду приготовлено такъ, что можетъ совершиться въ самое короткое время.

5) Выступление въ походъ всего союзаго войска или только въ которыхъ частей его опредѣляется особыми союзными постановленіями.

6) Всѣ созныя войска составляютъ одну армію, поступающую подъ начальство главнокомандующаго, избираемаго Союзомъ. Дѣйствія его прекращаются съ возстановленіемъ мирныхъ сношеній. Кромѣ-того каждый корпусъ имѣетъ своего особеннаго командира.

7) Главнокомандующій за дѣйствія свои лично отвѣчаетъ Союзу и можетъ быть преданъ военному суду.

8) Военныя упражненія и постановленія въ главныхъ пунктахъ должны быть основаны на однихъ и тѣхъ же правилахъ.

9) Чтобы убѣдиться во всегдашней годности всѣхъ военныхъ потребностей, Союзъ установилъ взаимные смотры контингентовъ, которые касаются не только до вооруженія, снаряженія и одежды, но и до тактическаго и строеваго образованія войскъ.

10) Наконецъ, ради согласія и взаимнаго довѣрія, по основному закону о равенствѣ правъ и обязанностей касательно начальствованія, избѣгается всякая тѣнь преимущества одного союзаго государства передъ другимъ.

Союзныя крѣпости: 1) Майнцъ. Противъ впаденія Майна въ Рейнъ съ укрѣпленіемъ лежащимъ на правомъ берегу Рейна. Го-

родъ принадлежитъ къ великому герцогству Гессенскому и имѣетъ двадцать-шесть-тысячъ жителей. Въ мирное время гарнизонъ состоитъ изъ шести тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ-сотъ кавалеріи австрійскихъ и прусскихъ войскъ, и кромѣ-того изъ одного баталіона пѣхоты гессенской; въ военное время гарнизонъ долженъ состоять по меньшей мѣрѣ изъ двѣнадцати тысячъ; полное же число изъ двадцати-тысячъ-шести-сотъ-осемьдесяти-двухъ человѣкъ пѣхоты и шести-сотъ человѣкъ кавалеріи. Въ этомъ случаѣ Австрія и Пруссія поставляютъ по шести тысячъ семисотъ человѣкъ пѣхоты и триста человѣкъ кавалеріи. Остальные шесть тысячъ шестьсотъ осемьдесятъ-два берутся изъ резервной пѣхотной дивизіи союзнаго войска.

Губернаторъ и комендантъ назначаются каждые пять лѣтъ поочередно Австрією и Пруссією. Ежегодныя издержки на содержаніе этой важной крѣпости составляютъ осемьдесятъ-тысячъ флориновъ или сорокъ-пять-тысячъ талеровъ.

2) Ландау. Городъ въ Рейнской Баваріи, при рѣкѣ Квейхѣ, съ пятью тысячами пятьюстами жителей, въ мирное время имѣетъ гарнизонъ и коменданта баварскихъ. Въ военное время гарнизонъ состоитъ изъ семи тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ-сотъ человѣкъ кавалеріи, изъ которыхъ Баварія поставляетъ пять-тысячъ-семьсотъ-девять человѣкъ пѣхоты и кавалеріи; прочіе же двѣ-тысячи-двѣсти-девяносто одого человѣка пѣхоты поставляетъ резервная дивизія союзнаго войска. Ежегодныя издержки на содержаніе — двадцать-пять-тысячъ флориновъ или четырнадцать-тысячъ-триста талеровъ.

3) Луксембургъ. Главный городъ луксембургскаго великаго герцогства, при рѣкѣ Алцетѣ, съ десятью тысячами жителей. Комендантъ, губернаторъ и гарнизонъ прусскіе. Гарнизонъ состоитъ изъ семи-тысячъ человѣкъ пѣхоты и двухъ-сотъ человѣкъ кавалеріи, изъ которыхъ луксембургъ-лимбургскій контингентъ поставляетъ двѣ-тысячи-пятьсотъ-тридцать-шесть; резервная дивизія тысяча-четыреста-пятьдесятъ человѣкъ, Пруссія же остальное войско. Ежегодныя издержки на содержаніе этой знаменитой горной крѣпости—сорокъ тысячъ флориновъ или двадцать-двѣ-тысячи-осемьсотъ-пятьдесятъ талеровъ.

4) Ульмъ. Главный городъ Дунайскаго округа въ королевствѣ Виртембергскомъ, при впаденіи рѣки Иллера въ Дунай, съ пятнадцатью-тысячами жителей.

5) Раштатъ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, при впаде-

внѣ рѣки Мурга въ Рейнъ, съ четырьмя-тысячами-пятьюстами жителей.

Переименованіе этихъ двухъ городовъ въ союзныя крѣпости и главные сборныя мѣста южной Германіи состоялось уже въ 1841 году, со стороны Союза, и приготовленія къ постройкамъ съ того времени уже начались. Суммы къ совершенію постройки давно уже готовы. Ближайшія опредѣленія будущихъ гарнизоновъ въ мирное и въ военное время донынѣ еще неизвѣстны.

Походные значки германскихъ союзныхъ государствъ: у Пруссіи и обѣихъ Гогенцолернъ-Лихтенштейновъ — черное съ бѣлымъ; у Австріи — черное съ желтымъ; у Нассау — черное; у Баваріи и обѣихъ Шварцбурговъ — бѣлое съ синимъ; у обѣихъ Гессенъ-Гомбурговъ и у четырехъ вольныхъ городовъ — бѣлое съ краснымъ; у всѣхъ саксонскихъ и ангальтскихъ земель, у обѣихъ Липпе и у Вальдекъ — бѣлое съ зеленымъ; у Виртемберга — красное съ чернымъ; у Бадена — красное съ желтымъ; у Ганновера — желтое съ бѣлымъ; у Брауншвейга — голубое съ желтымъ; у Веймара — зелено-черно-желтое; у обѣихъ Мекленбурговъ — красно-желто-голубое; у Ольденбурга — сине-красно-желтое; у обѣихъ Рейсовъ — желто-красно-черное.

Изъ этого краткаго изображенія видно, какъ успѣшно и мудро соображены всѣ многоразличные политическіе, статистическіе и финансовыя интересы отдѣльныхъ государствъ при составленіи прочнаго устройства Союза. Хотя Союзъ втеченіи тридцати-лѣтняго своего существованія и не подвергался ни какому важному испытанію, однако съ достовѣрностію можно предполагать, что онъ не устрашится самаго сильнаго. Три обстоятельства въ-особенности имѣли самое счастливое и оживляющее вліяніе на существованіе Союза, а именно: большія всеобщія военныя упражненія, обоюдныя смотры и германскій таможенный союзъ, — первыя два непосредственнымъ, послѣднее посредственнымъ образомъ. Изъ трехъ сборныхъ корпусовъ два соединялись уже для большихъ маневровъ: осьмой подъ Гейльброномъ въ 1840 году; десятый подъ Люнебургомъ въ 1843 году. Польза этихъ маневровъ несомнѣнна, хотя и менѣе въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ въ политическомъ и нравственномъ. Войска и предводители ихъ познакомились и возымѣли другъ къ другу уваженіе, любовь и довѣріе. Истинный духъ воодушевилъ эти упражненія; контингенты, встрѣтившись пезнакомцами, разстались друзьями

и братьями. Маневры эти сдѣлались важными для всей войсковой жизни Германіи. Кромѣ-того въ матеріальномъ отношеніи они произвели убѣжденіе, что въ уставахъ и тактическихъ формахъ господствуютъ еще различія, которыя по осьмому параграфу общихъ постановленій непремѣнно должны быть уравнены, чтобы произвести необходимое воинское единство. Не должно смѣшивать согласіе и единство: первое можетъ существовать и существуетъ въ благороднѣйшемъ значеніи слова, но тѣмъ не менѣе можетъ-быть недостатокъ въ другомъ, въ единствѣ основныхъ правилъ, котораго требуетъ осьмой параграфъ.

Но повсюду проявившаяся ревность и твердость наблюдающаго союзнаго начальства, безъ сомнѣнія, побѣдятъ и эти препятствія.

Что касается до обоюдныхъ смотровъ, то они вездѣ оказались удовлетворительными. Истинная же польза ихъ состоитъ въ томъ, что много было замѣчено такого, что имѣетъ вліяніе на будущія приготовленія; далѣе, что не успѣвшіе въ чемъ-либо ободрились къ болѣе успѣшному дѣйствію, наконецъ, что каждый офицеръ, каждый солдатъ даже въ контингентахъ самыхъ небольшихъ государствъ, видятъ въ себѣ дѣятельное звѣно въ большой цѣпи Союза, — убѣжденіе, существовавшее дониндѣ только на бумагѣ.

Къ посредственнымъ точкамъ опоры союза должно причислить большой таможенный союзъ (Zollverein). Онъ есть главный камень могущественнаго свода германскаго согласія, потому что онъ сдѣлался основаніемъ болѣе тѣснаго братскаго соединенія Германцевъ и можетъ ожидать большаго увеличенія въ будущемъ времени. Распространеніемъ этого гигантскаго дѣла по всей Германіи она облана покойному королю Фридриху-Вильгельму Третьему.

К. Шторхъ.

МАДРИТЬ И нынѣшнее испанское общество. Было холодно и мрачно когда, въ прошедшемъ году, вечеромъ, я вѣхалъ въ Мадридъ. Во время быстрого переѣзду черезъ ущелья Гипускоа и голыя возвышенныя поля Кастиліи мы перенесли всѣ возможные переибы температуры съ тѣхъ-поръ какъ переправились черезъ знаменитый источникъ Бидассоа. Гигантскій проходъ Сомо-Сиерра, какъ-будто для послѣдняго испытанія, поберегъ для насъ порывъ самаго сильнаго вѣтру. Намъ оставалось еще вдохнуть въ себя холодныя, вредныя испаренія, когда нѣсколько часовъ спустя, мы вѣхали въ заставу Бильбао. Городъ, казалось намъ, былъ покрытъ инеемъ. На другой день хотя ничто не возмѣщало

перемѣны погоды, однако тѣмъ не менѣе всё ожидали ея, потому что въ этой странѣ перемѣны температуры чрезвычайно внезапны. Солнце снова загорѣлось во всемъ своемъ блескѣ и сіяло какъ огненный шаръ въ прозрачной и темной лазурѣ. Небо снова покрывлось лучезарнымъ блескомъ, прозрачнымъ, успокоительнымъ, тихимъ и неизъяснимымъ свѣтомъ, который умоляетъ взоръ и вѣжить душу на югѣ.

Мадритъ, съ перваго взгляду, не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Подъѣзжая къ нему, вы не увидите ничего величественнаго, возбѣщающаго о важности, большомъ городѣ, или еще больше, о столицѣ виверин. Скорѣе кажется, что проникаешь въ разоренную страну: взору представлялась голая, безлюдная, мрачная равнина; насылу, изрѣдка увидишь нѣсколько бѣдныхъ деревень, которыя, кажется, готовы развалиться въ прахъ, такъ солнце сожгло эти дурно и бѣдно-построенные дома. Кабрера осталась у меня въ памяти какъ типъ тѣхъ предметій, что походятъ на развалины и гдѣ между-тѣмъ есть народонаселеніе: но это-то самое народонаселеніе выказываетъ такую нищету, которая наводитъ тоску на сердце. Если что удивляетъ, посреди всего этого разрушенія, такъ это столическая покорность, величественная гордость, не покидающая Кастильца даже въ нищетѣ. Чѣмъ ближе къ Мадриту, тѣмъ грустнѣе природа: растеній почти нѣтъ; у самыхъ воротъ города. — пустырь Даже съ площадки дворца, взоръ свободно можетъ обнять обширныя и высохшія поля, которыя исчезаютъ на горизонтѣ; только цѣпь Гвадарамскихъ горъ останавливаетъ вдалькѣ любопытный взоръ: верхи Гвадарамы, покрытые бѣлыми, снѣговыми саванами, возвышались до облаковъ, оледеняють вѣтеръ, перелетающій чрезъ цѣпь ея и несущійся на Мадритъ. Въ этомъ промежуткѣ нѣтъ ни одного дерева, ни одного зеленого оазиса, доказывающаго богатство страны или плодородіе почвы; ничто не радуетъ взора, ни что не оживляетъ деревенской картинны. Вотъ, почему первое впечатлѣніе наводитъ неизъяснимую грусть.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ Мадритъ, по невыгодному своему положенію, не имѣлъ достоинствъ столицы, назначенной быть главою страны. Мысль эта можетъ прийти на минуту, но не можетъ удержаться противъ простаго вопросу: какой другой городъ могла бы выбрать Испанія для своей столицы? Мадритъ не окруженъ садами, какъ Валенсія; онъ не можетъ создать могущественной торговли и распространить ее, какъ Кадисъ,

не жаждет шиковатьея дѣлательство своею мануфактурою, какъ избрительная Барселона; не имѣетъ историческихъ продажъ Бургоса и Кордовы, ни монументальнаго блеска Севилли, или Гренады: какъ многого ему недостаетъ! И не считая на-то, Мадридъ есть и всегда будетъ настоящею столицею Испаніи. Основанный почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Пиреней и Гибралтара, отъ Валенсіи и Португаліи, онъ—настоящій центръ Испаніи. Если Мадридъ не имѣетъ достоинства и оригинальности городовъ, о которыхъ мы упоминали, зато у него нѣтъ и въ исключительнаго характера. Мадридъ не имѣетъ ни какихъ выгодъ владѣть ея провинціями: напротивъ, благосостояніе его зависитъ отъ ихъ благосостоянія: чѣмъ болѣе онѣ процвѣтають, тѣмъ болѣе власть его укореняется и распространяется. Центральное положеніе Мадрига заставляетъ его быть повелителемъ стальныхъ стѣнъ, враждующихъ между собою въ этой несчастной странѣ. Впрочемъ, въ самомъ характерѣ жителей есть качества, которыя помогаютъ имъ разыгрывать роль примирителей. Мадридѣцъ не имѣетъ молчаливой важности стараго Кастильца, ни самоадѣянной претензіи Андалузца, ни безпокойной живости Каталонца, ни грубости Галиційца и Астурійца, ни упрямой гордости Наварца: умъ его свободенъ, онъ разговариваетъ, открываетъ, можетъ-быть не глубокомысленъ, но зато не зараженъ предразсудками мѣста; онъ легко привыкаетъ ко всѣмъ привычкамъ и входитъ во всѣ вкусы. Мадридѣцъ имѣетъ это превосходство, исключительную черту столичнаго пародонаселенія. Если политическая связь, соединяющая разные части Испаніи, часто кажется такою слабою, если внутренняя власть кажется воображаемой, не думайте, чтобъ причиною тому былъ случай, который бросилъ въ пустыню Новой-Кастиліи метрополию, не умѣющую заставить уважать себя: на это есть другая причина, гораздо могущественнѣе, вотъ она: независимость провинцій слишкомъ древняя, слишкомъ укоренилась въ Испаніи, чтобъ можно было уничтожить ее въ одну минуту; не такъ легко укротить и подвести подъ одинъ законъ столько волнующихся страстей, которыя обязаны своимъ рожденіемъ столькимъ историческимъ явленіямъ и которыхъ дурное правительство оставило впоследствии безъ управленія. Слабость Мадрига на этотъ счетъ происходитъ не отъ него самаго, а отъ общаго положенія страны. Въ матеріальномъ отношеніи Мадридъ уже въ осьмнадцатомъ вѣкѣ очень распространился, увеличился подъ вліяніемъ

прекраснѣйшихъ, образованныхъ государей. Мадридъ есть область въ которой много зданій и монументовъ, но перемѣль дворцовъ и палатъ величественныхъ, великодушныхъ триумфальныхъ воротъ у востана Алакады, таможеню, почтамтовъ, богатѣйшихъ садовъ, прекрасныхъ музеевъ Прадо, которое хотя было свидѣтельствомъ столичныхъ вельможъ, очаровательныхъ пирриговъ, составляло прежде не что иное какъ перовный, необработанный комокъ земли. Слѣдовало бы упомянуть и о другихъ работахъ и улучшеніяхъ, которыя возобновляютъ, перерождаютъ городъ, и о попыткахъ сдѣланныхъ, чтобъ удобрить, сдѣлать плодородными окружающія поля и деревни, но въ особенности замѣтно съ нѣкотораго времени, что энзимонія Мадрида перемѣнилась: достаточно прожить нѣсколько дней въ его стѣнахъ, чтобъ быть поражену объективнымъ движеніемъ, доказывающимъ, что жители стремятся къ матеріальному и умственному улучшенію, желаютъ даже перемѣнить застарѣлыя привычки. Зрѣлище это такъ полно жизни и дѣятельности, что оно изглаживаетъ грустныя чувства, которыя возбуждаютъ въ путешественникѣ безотрадные мысли объѣхъ Кастиліи.

Чѣмъ теперь Мадридъ въ самомъ дѣлѣ отличается, и что безъ сомнѣнія объясняетъ разочарованіе, неудовольствіе многихъ туристовъ, жаждущихъ поэзіи, такъ это то, что столица Испаніи дѣлается европейскимъ, свѣтскимъ городомъ. Чѣмъ далѣе ѣдешь, тѣмъ болѣе эта черта обозначается. Правда, что на счетъ многого, прошедшее еще очень живо и могущественно, но съ каждымъ днемъ оно замѣтно исчезаетъ. Пройдитесь по Мадриду во время ясной погоды, и вы увидите всѣ признаки перерожденія. Подлѣ нѣкоторыхъ дворцовъ испанскихъ грандовъ, которые устояли съ своими гербами и вельможнымъ величіемъ, возвышается уже бездна выпѣшаныхъ, модныхъ зданій: блестящая роскошь нашего времени встала подлѣ строгой и величественной роскоши старины. Открыты новыя улицы, старыя увеличены, расширены, улучшены, поправлены. Уничтоженіе монастырей много способствовало къ матеріальному перерожденію, къ улучшенію Мадрида, но за то поэзія много потеряла. Правительство употребило монастырскія зданія на публичныя заведенія и присутственные мѣста. Сенатъ помѣстился въ бывшемъ монастырѣ Доны Маріи Арагонской, а на мѣстѣ монастыря Святаго-Духа хотѣтъ построить палаты конгресса.

Въ Мадридѣ есть теперь кварталы, которые съ каждымъ днемъ

становится лучше и красивѣе и могутъ соотвѣтствовать съ примѣчательнѣйшими и красивѣйшими кварталами другихъ столицъ, какъ примѣръ Алькадская улица, идущая отъ Прадо къ заставѣ Солнца и составляющая съ улицей Майоръ, которая за нею слѣдуетъ, главную жилу Мадрита. Параллельно съ улицей Алькады улица Санъ-Херонимо, прекрасная и огромная Аточская улица. Обѣ онѣ ведутъ къ Прадо, которое надъ ними возвышается, и вы можете представить себѣ главную и примѣчательную часть города. Тутъ жизнь и движеніе; это свѣтлая сторона медали. Если вы хотите перевернуть ее, вамъ стоитъ только заглянуть на минуту въ Лаваніезскій кварталъ, гдѣ ветхіе дома скрываютъ страшную бѣдность и гдѣ испанская нищета выказывается во всей своей наготѣ.

Впрочемъ не во всѣхъ ли городахъ, гдѣ народонаселеніе многочисленно, бываетъ эта ужасная противоположность? Здѣсь богатство! тутъ нищета! Роскошь имѣетъ свои кварталы, а бѣдность свои. Прибавлю одно замѣчаніе. Въ Мадритѣ нѣтъ середины, тамъ двѣ крайности: или излишняя роскошь или совершенная нищета; тамъ рѣдко увидишь чистыя, хорошо-устроенныя и спокойныя жилища, которые почти вездѣ доказываютъ благосостояніе средняго класса людей. Только не надо судить по наружности, которая иногда бываетъ обманчива: войдите на минуту въ какой-нибудь домъ, который принадлежитъ мѣщанину или купцу, и вы увидите, что входъ всегда загроможденъ бочками, кадками или инструментами ремесленника. Взойдите по ступенямъ дурно построенной и часто грязной и темной лѣстницы и вы увидите въ каждомъ этажѣ толстую дверь съ желѣзными болтами и которую не растворяютъ, не разспросивши васъ черезъ отверстіе, кто вы таковы и кого вамъ надо. Кажется, что правительство, по своей слабости и неумѣнью защищать своихъ гражданъ, съ давнихъ поръ уже представило имъ самимъ заботиться о своемъ самохраненіи и безопасности. Внутренность домовъ соотвѣтствуетъ ихъ наружности. По большей части комнаты пусты, голы и выбѣлены известкой; на стѣнахъ висятъ картинки изображающія Повятовскаго бросающагося въ Эльетеръ; кругомъ стоятъ дрянныя соломенные стулья. На полу лежитъ тоже соломенный, разноцвѣтный коверъ, сплетенный съ большимъ искусствомъ. Это единственная роскошь этихъ комнатъ, убранныхъ съ патріархальною простотою. Зшиною, классическое *braserо* завершаетъ скромную ихъ меблировку. Всѣ знаютъ, что за Шре-

нейши *бразеро* — національная вещь. Признаюсь, что, не смотря на такое достоинство, я ничего болѣе не вижу въ этой маленькой горсти огня, который тлѣетъ посреди огромной комнаты, какъ желаніе увѣрить, что и въ Испаніи грѣются. Все это не представляетъ большого комфорта. Между тѣмъ надо сказать, что если въ Испаніи есть еще много домовъ построенныхъ и убранныхъ по этому образчику, за то есть уже и такіе, гдѣ видѣнъ вкусъ, опрятность и благоустройство: только это исключенія, заставляющія сильнѣе чувствовать отсутствие общаго благосостоянія въ этомъ классѣ людей.

Изъ этого я заключаю, что въ Испаніи теперь только, и то съ болѣющимъ трудомъ, составляется средній классъ. Испанское мѣшанство не довольно еще укоренилось, чтобъ его вкусъ, нужды и привычки нѣгли время выказаться въ матеріальной жизни. Ктому же, народная промышленность еще не довольно развита, чтобъ доставить ему, по его средствамъ и состоянію, достаточное, домашнее довольство и спокойствіе, такъ, что досихъ-поръ одни только извѣстные богачи могутъ пользоваться комфортомъ, которому такъ завидуютъ въ другихъ странахъ: они одни могутъ купить себѣ спокойствіе за границей, не разчитывая денегъ и не боясь дороговизны.

Не смотря на то, Мадритъ всё-еще кажется страннымъ и поэтическимъ съ своими выдавшимися балконами, съ опущенными непроницаемыми рѣшетками и перекрестками, украшенными красивыми фонтанами, бронзовыми львами, мраморными дельфинами, извергающими чистую, свѣжую и прозрачную воду. Особенно балконы, которыми украшены почти всё дома, хотя подъ предлогомъ мѣстности и сдѣлались немного смѣшными черезъ романсы и мелодрамы, но всё-таки сохранили въ себѣ что-то таинственное, прелестное. Они говорятъ воображенію, пробуждаютъ бездну воспоминаній нѣжлости, поэзіи и любви, какъ-будто бы еще до сихъ-поръ, когда настанетъ вечеръ, звукъ гитары вызываетъ милыя видѣнія. Зданія построенныя болѣе во вкусѣ нашего вѣка, тоже очень эффектны. *Глоріента-дель-Ориенте*, которая примыкаетъ ко дворцу, сдѣлается со временемъ мѣстомъ удивительной красоты и роскоши, когда посаженныя тамъ деревья вырастутъ; когда садъ, который начали теперь разводить, достигнетъ всей своей красоты и когда на зеленомъ грунтѣ деревья обрисуются бѣлыя статуи древнихъ кастильскихъ королей, окружающихъ чудесную конную статую Филиппа Четвертаго. Что

же касаетося до заставы Солнца, что не слышать о ней какъ о центрѣ мадритской жизни? Кто изъ путешественниковъ, прѣѣхавъ въ Мадридъ и слѣдуя за толпою, не очутился у заставы Солнца и самъ того не вѣдая? Между тѣмъ сюда привлекаетъ не поэтическая сторона. Застава Солнца построена безъ вкуса: въ ней нѣтъ тѣни искусства; это даже не застава и я, право, не знаю, кто надѣлилъ ее такимъ звонкимъ названіемъ. Это просто перекрестокъ, гдѣ соединяются пять самыхъ лучшихъ улицъ города и гдѣ съ одной стороны примыкаетъ почтамтъ; но перекрестокъ этотъ лучшее мѣсто въ Мадридѣ. Тамъ можно видѣть всевозможные народные костюмы Испаніи, начиная съ бархатнаго камзола и остроконечной шапки Андалуза до шерстянаго коричневаго платья Галега (Галиційца), который прикрываетъ голову маленькою круглою шляпою, украшенною чернымъ перомъ. Особенно тамъ много Галеговъ: это очень понятно, потому что почти все Мадридскіе слуги приходятъ изъ Галиціи. По немногу и по мѣрѣ того какъ день приближается, застава Солнца наполняется народомъ и не перестаетъ быть центромъ движенія и дѣятельности. Дѣятельности! можетъ-быть я ошибаюсь, потому что это главное мѣсто свиданія всехъ тѣхъ кому нечего дѣлать, а число ихъ легіонъ. Праздные, любопытные, рыцари бутылки и воровства, недовольные чиновники, все толпятся въ этомъ узкомъ пространствѣ и жаждутъ новостей и извѣстій. Если случится какой-нибудь переломъ въ министерствѣ или какое-нибудь пронувсіаменто разразится въ провинціяхъ, первыя восклицанія и первый ропотъ слышатся всегда у заставы Солнца. Между тѣмъ, странная вещь! въ этой толпѣ, которая ходитъ, говоритъ, движется, всегда царствуетъ какая-то тишина, или по-крайней мѣрѣ шумъ безъ крику, безъ восклицаній, движеніе безъ волненій. Впрочемъ это можно замѣтить почти во всехъ публичныхъ испанскихъ собраніяхъ. Въ конгрессѣ та же тишина, то же спокойствіе. Когда страсти заговорятъ и послышится ропотъ и восклицанія, тогда будьте увѣрены, что переворотъ уже конченъ. Въ театрѣ мало смѣются, мало разговариваютъ; всегдашняя тишина бываетъ прерываема только кашлемъ, очень обыкновеннымъ въ Мадридѣ при господствѣ вѣтровъ. Я знаю одно только зрѣлище приводящее Испанца въ восторгъ, зрѣлище, гдѣ онъ съ громкими восклицаніями высказываетъ свою радость и удовольствіе: это — бой быковъ. Тамъ не жалѣютъ возгласовъ, рукоплесканій, когда смѣлый и ловкій тореро удивляетъ зрителей неожиданною

отвагою, или когда несчастный и робкій быкъ отъказывается отъ боя и возбуждаетъ негодованіе въ присутствующихъ. Но вообще, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, тишина и безмолвіе Испанцевъ тѣмъ болѣе поражаютъ иностранца, что отъ южныхъ народовъ требуется болѣе жизни, дѣятельности и движенія.

У заставы Солнца, гдѣ бываетъ такъ много народу, то же молчаніе похожее на восточное: между гуляющими завернутыми въ плащи и выпускающими клубки дыму, который исчезаетъ въ лучахъ солнца, слышенъ только голосъ агвадора, который каждую минуту кричитъ «Агва! агва!», и голосъ торговки съ апельсинами, которая не жалѣя своихъ легкихъ, по совѣсти разхваливаетъ свои золотые плоды. Тамъ-то, у заставы Солнца начинаешь привычать и подсматривать тайны мадритскихъ привычекъ. Если вамъ вздумается побродить по городу, вы непременно очутитесь у заставы Солнца. Но за то здѣсь центръ, гдѣ ничто не останавливается, гдѣ все проходитъ и исчезаетъ: любопытство скорѣе возбуждено, чѣмъ удовлетворено. Мадритъ возобновляется, перерождается физически и морально. Черезъ десять лѣтъ трудно будетъ узнать его, это будетъ другой городъ, съ другими правами и обычаями. Съ одной стороны видно успѣшное ослабленіе старинныхъ нравовъ, которые сами по себѣ незаметно исчезаютъ; каждый день уноситъ по немногу ихъ оригинальность, оставляя только грубую или смѣшную сторону. Даже въ самомъ народѣ первобытныя типы, о которыхъ такъ много говорилъ и писалъ, не существуютъ болѣе. Отъ манолы осталось только одно названіе: это не чтò иное какъ простая дѣвушка, съ смѣлыми взглядами и жестами, довольно смѣшно одѣтая и нисколько не похожая на тотъ поэтическій типъ, подъ которымъ ее разумѣютъ.

Иностранцые обычаи проникаютъ во все сословія и въ особенности въ высшій классъ. Старинный бытъ замѣняется новымъ черезъ видимое вліяніе Франціи и Англіи, особенно Франціи, и подражаніе это не должно удивлять, потому что рѣдко встрѣтите знатнаго Испанца, который бы по собственной волѣ или по политической службѣ не бывалъ въ Парижѣ или Лондонѣ. За то мадритское общество идетъ по стопамъ французскаго: оно всѣми мѣрами старается укоренить за Пиренеями французскій вкусъ и привычки. Только, какъ прошедшее не исчезаетъ въ одинъ день, — въ Испаніи медленно чѣмъ гдѣнибудь. Какъ общество въ своемъ составѣ, во всехъ степеняхъ не

фактъ скоро перемѣняется какъ театральная декорация, то неизбѣжно должны произойти страшныя явленія прежде чѣмъ новѣйшее образованіе совершенно пересоздастъ нравы его. Въ періодѣ такихъ переворотовъ умъ на каждомъ шагѣ останавливается и удивляется страннымъ и неизъяснимымъ, по наружности, происшествіямъ, которыя рождаются отъ столкновенія прошедшаго съ настоящимъ. Минуту тому назадъ, вы были окружены всѣмъ, что можетъ только напоминать, говорить о нашемъ вѣкѣ; посмотрите подлѣ, и, читая на стѣлахъ почтамта нѣсколько написанныхъ объявленій, черезъ которыя студентъ, недавно пріѣхавшій въ Мадридъ, проситъ мѣста камердинера, вы невольно вспомните Жиль-Блаза. Бѣдный претендентъ на докторское достоинство преванно умоляетъ почтеннѣйшую публику не смѣяться надъ его легковѣріемъ, не заставлять бѣгать напрасно и тратить время попусту: каждый день онъ ходитъ спрашивать, нѣтъ ли отвѣта или адреса подъ его объявленіемъ и просьбою. Однажды, вечеромъ, я въ оцепененіи былъ пораженъ дѣйствиемъ такихъ противоположностей. Я былъ въ премиломъ, очень образованномъ собраніи, исполненномъ блеску и прелести. Тамъ танцовали, играли въ карты какъ въ Парижѣ. Цвѣтъ мадритскаго общества расхаживалъ по великолѣпно убраннымъ заламъ. Тамъ были дамы, чья красота еще болѣе оживлялась нарядами наканунѣ выписанными изъ Парижа. Даже нѣкоторые Испанцы охотно говорили по-французски: однимъ словомъ, легко можно было забыть, что находишься въ Мадридѣ, если судить только по окружающимъ предметамъ. Только что я вышелъ на улицу, какъ вдругъ послышался важный и звонкій голосъ *собреро*, который возвѣщалъ всѣмъ счастливымъ и страждущимъ, о скоротечности времени и о перемѣнѣ погоды. Это — храбрый бдитель почнаго порядка, который впрочемъ не имѣетъ ничего поэтическаго въ своей круглой шляпѣ съ огромными полями, съ длинной въ рукѣ палкой и съ фонаремъ: если хотите, онъ пожалуй проводитъ васъ за нѣсколько реаловъ и предохранитъ отъ опасныхъ встрѣчъ. *Собреро* явился мнѣ въ эту минуту какъ живой символъ старины: голосъ его, казалось, выходилъ изъ глубины древней католической Испаніи. Достаточно было переступить черезъ порогъ, чтобы очутиться въ другомъ мірѣ.

Вечеръ, начатый посреди всѣхъ утонченностей, которыя Мадридъ заимствуетъ отъ болѣе просвѣщенныхъ странъ, кончился

заумывавшигъ нагнѣшомъ *sereno*, — голосъ, который, замирая въ отдаленныхъ улицахъ, казался торжественнымъ эхомъ, пришедшимъ отъ другаго вѣка, чтобъ извѣстить юныя поколения о неизбѣжной, неуловимой быстротѣ времени.

Не надо однако останавливаться на этихъ противорѣчащихъ чертахъ, которыя производятъ иногда на поверхности странное смѣшеніе. Откиньте перемѣчивое покрывало, проникните во внутренность испанскаго общества и вы будете поражены оригинальными, прочными качествами, подающими большую надежду на будущность Испаніи; разорвите тройное покрывало, тогда увидите, что національный характеръ, тѣмъ короче вы его узнаете, тѣмъ болѣе выиграетъ въ вашемъ мнѣніи. Вообще въ домашней испанской жизни есть несказанная прелесть: трудно себѣ представить откровенность, непринужденность и радостіе Испанца; самая искренняя пріязнь царствуетъ во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ. Они скоро знакомятся и скоро сближаются. Иногда случается, что варваръ парижскихъ или лондонскихъ салоновъ, перенесенный въ мадритское тертулію, крайне удивляется, что мужчины и женщины называютъ другъ друга полу-именемъ, хотя по большей части это еще не служитъ доказательствомъ тѣсной дружбы, какъ легко можно подуматъ съ перваго разу. Привычка эта придаетъ необыкновенную прелесть мадритскимъ собраніямъ: она доказываетъ пріязнь, одушевляющую этотъ кругъ знакомыхъ. Выходите изъ избранной среды салона и посмотрите на народъ: вы найдете въ обхожденіи Испанцевъ между собою, свободу, непринужденность, не существующую въ такой степени въ другихъ странахъ. Даже сама нищета, эта ужасная, оборванная, грязная испанская нищета не такъ привязчива какъ повсюду: она не преслѣдуетъ васъ своими жалобами, стенаніями; но старается внушить въ васъ состраданіе, вырвать что-нибудь, дѣтя вашему самолюбію. Она важно проситъ милостыню, какъ должнаго себѣ пособія. Чему приписать это народное достоинство, которое бываеъ попеременно важно, странно, или прелестно, смотря по обстоятельствамъ? Безъ сомнѣнія это плодъ могущественнаго, возвышеннаго чувства національной гордости, которая отражается во всѣхъ привычкахъ народа. Часто случается, что самый бѣдный человѣкъ, покрытый рубищемъ, преспокойно подходитъ къ испанскому гранду и безъ церемоніи зажигаетъ объ его сигару свою табачную пыль, обернутую въ клочекъ бумаги, подъ названіемъ *cigarito*. Особенно въ церквахъ,

въ Мадридѣ какъ и во всей Испаніи, равенство это удивляетъ: тамъ нѣтъ той разницы, которая часто бываетъ въ другихъ европейскихъ храмахъ между богатымъ, который можетъ платить и бѣднымъ, который не можетъ. Тамъ для одного не отводятъ спокойнаго мѣста, у самаго алтара, гдѣ онъ садится на бархатныя кресла, между тѣмъ какъ другой стоитъ у дверей храма на сырой и холодной плитѣ: всѣ безъ различія становятся на колѣни. Въ этомъ отношеніи Испанія походитъ на Россію, гдѣ богатые и бѣдные, всѣ стоятъ въ церквахъ, безъ различія.

Нельзя сказать однако, чтобъ отъ этого всѣ сословія были снѣшаны; напротивъ, нигдѣ нѣтъ болѣе разницы между знатью и чернью чѣмъ въ Испаніи: только подлѣ всегда есть энергическое чувство моральнаго равенства, которое наполняетъ ямы, вырытыя неравенствомъ званія и состоянія и мѣшаетъ двумъ различнымъ кастамъ ненавидѣть другъ друга. Возьмите двѣ крайности: посмотрите на этого ободраннаго, грязнаго, блѣднаго, и худаго нищаго. У него нѣтъ помѣстій, дворцовъ, даже никогда и дома не будетъ, — чтобъ пріобрѣсти его, ему надо будетъ трудиться, а онъ не знаетъ, что такое трудъ; его ремесло — просить милостыню, и онъ дорожитъ этимъ ремесломъ какъ испанскій грандъ своимъ вельможнымъ достоинствомъ. Онъ съ покорностью переноситъ свою бѣдность, не чувствуя ни малѣйшей зависти или несправедливости къ тѣмъ, кому судьба болѣе улыбается. Но протягивалъ руку, онъ все еще чувствуетъ свое достоинство человѣка; чувствуетъ что онъ Испанецъ, такъ же какъ и всякій знатный баринъ. Рубище не унижаетъ его въ его собственныхъ глазахъ.

Этому же чувству эту можно приписать любовь, уваженіе и свободное обращеніе народа съ монархомъ. Часто королева выходитъ изъ дворца и толпа окружаетъ ее съ привѣтомъ. Во всѣхъ, кто проходитъ мимо или останавливается, не видно ни любопытства, ни удивленія, только искрення пріязнь, почтеніе и важная вѣжливость. Это спокойный пріемъ гордаго народа, который уважаетъ свою королеву и самого себя по истинкту своего величія. Съ другой стороны, посмотрите на высшій кругъ Испаніи: онъ обходится вѣжливо и привѣтливо съ своими соотечественниками; у тамошнихъ вельможъ нѣтъ надменной, заносчивой дерзости или пренебреженія одной касты къ другой, какъ это предполагаютъ очень часто. Гордость ихъ, вошедшая въ пословицу, болѣе относится къ иностранцамъ чѣмъ къ землякамъ, которые

всѣ горды въ извѣстной степени. Испанское дворянство имѣетъ титула, привилегіи, огромныя помѣстья, что составляетъ его силу, но оно сближается съ народомъ воспоминаніями прошедшаго и одинакимъ происхожденіемъ побѣдителей Мавровъ: оно смѣшивается съ нимъ разными случаями, особенно благотворительностью, которая дѣлается въ Испаніи безъ хвастовства, тайно и съ такою деликатностію, какъ-будто бы богатые хотятъ вознаградить бѣдныхъ за то, что они не пользуются тѣми выгодами и пріятностями жизни, какъ они сами. Въ ихъ нравахъ есть особенныя странности, доказывающія врожденное великодушіе испанскаго характера и въ то же время всю силу почтенія къ человѣчеству. Не рѣдко случается, что дитя, покинутое ночью на порогѣ дворца какого-нибудь испанскаго графа, бываетъ имъ усыновлено. Бѣдное и слабое твореніе, родившееся можетъ-быть въ нищетѣ, находитъ такимъ образомъ пристанище и даже почти родныхъ. Въ бытность мою въ Мадридѣ я слышалъ, что одна особа очень знатнаго происхожденія, воспитала такимъ образомъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ сдѣлался инженернымъ офицеромъ, другой докторомъ, третій адвокатомъ. Въ обыкновенныхъ сношеніяхъ и въ домашнемъ быту Испанца вы замѣтите такое возвышенное благородство, милый привѣтъ, въ которомъ нѣтъ тѣни жеманства и притворства. Вотъ что можетъ сказать иностранецъ, выходя въ задумчивости изъ мадритскаго *terrapio*.

Въ Мадридѣ есть мѣсто, гдѣ лучше чѣмъ на какомъ-нибудь вечерѣ можно видѣть и рассмотреть все испанское общество: это Прадо, которое одно могло бы прославить городъ. Прадо, по своему живописному положенію, одно изъ самыхъ лучшихъ гулявій, какое можно себѣ вообразить. Оно лежитъ на западной сторонѣ Мадрида между двухъ пригорковъ, какъ-будто не хочетъ потерять весною ни одного солнечнаго луча. Прадо простирается отъ заставы Реколетовъ до Аточской. Съ одной стороны великолѣпныя дворцы, какъ напримѣръ Буэнь-Ретпро, музеумъ и роскошный ботаническій садъ; а на противоположной разбросаны улицы Алькады, Санъ-Херонимо и Аточа. Все Прадо перерѣзано густыми аллеями, въ концѣ которыхъ возвышаются чудныя фонтаны Аполлона, Цибелы и Нептуна. Прадо въ Мадридѣ то же самое, что Елисейскія Поля въ Парижѣ. Если тамъ мѣтѣ величія, за то можетъ быть болѣе прелести. Всѣ знаютъ, что мода своенравна и съумасбродна. Кто управляетъ ея

вкусомъ — этого никто не знаетъ; особенно въ нашъ вѣкъ ей нравятся несообразность, противоположность и во всемъ крайности. Такъ, мадритская мода хочетъ, чтобъ гуляющіе собирались на самомъ худшемъ мѣстѣ Прадо, въ аллеѣ, ведущей къ аточской церкви. Мнѣ кажется, что главное достоинство этой аллеи состоитъ въ ея длинѣ и ширинѣ, что позволяетъ мадритскимъ денди рисоваться и парадировать верхомъ. Любопытно смотрѣть не на денди, а на ихъ лошадей. Всѣ почти настоящей испанской породы и между ними бываютъ восхитительныя: головка блеститъ понятливостью; тонкія ноги, мощной быстроты, бѣгутъ не касаясь почти земли; кожа такъ тонка, шерсть такъ гладка и блестяща, что подъ волнами какъ смола черной гривы видно какъ по жиламъ бѣжитъ южная, горячая кровь Испаніи, въ которой солнце, отражаясь, золотитъ ее своими лучами, а когда онѣ поведутся, то метутъ землю своимъ распушеннымъ, густымъ и тщательно расчесаннымъ хвостомъ. Вотъ что можетъ остановить на минуту въ аточской аллеѣ, но въ самомъ дѣлѣ лучшая часть Прадо та, куда невольно стремишься и гдѣ непременно отчужишься, по какой бы аллеѣ ни пошелъ, называется «Саломомъ», родъ широкой, усыпанной пескомъ площадки, посреди деревьевъ окружающихъ ее. Саломъ — мѣсто свиданія всего Мадрита. Въ нѣсколько часовъ, сколько взоровъ раздѣляются въ Прадо! сколько прерванныхъ рѣчей! сколько улыбокъ, выглядывающихъ изъ-за вѣера и понятныхъ только тому, кто знаетъ тайну сердца! Тамъ, въ Прадо, настоящее поприще и жизнь мадритскихъ дамъ. Только надо отказаться отъ того блѣднаго и пламеннаго типа красоты, которымъ вѣчно падѣляютъ испанскихъ красавицъ. Обитательницы береговъ Мансанареса совсемъ въ другомъ родѣ: черты ихъ прекрасны, правильны, это правда, но вся прелесть лица состоитъ въ выраженіи, которое дышитъ жизнью, умомъ и остроуміемъ. Глаза ихъ, исполненные огня, останавливаются на васъ смѣло и свободно, но не заставляютъ мечтать, не возбуждаютъ мрачныхъ и трагическихъ страстей. У нихъ есть какая-то живость, которую называютъ *la sal espanola*, то есть, откровенное, свободное обхожденіе. Онѣ ходятъ скоро, даже въ самомъ отдохновеніи есть какая-то дѣятельность, живость и милая рѣзвость. Умъ ихъ, можетъ-быть, мало обработанный, питается всѣми вдохновеніями, доступными сердцу и воображенію. Испанки имѣютъ необыкновенный даръ управлять вѣтромъ, который гораздо болѣе идетъ къ нимъ маленькимъ, искус-

вымъ ручкамъ, чѣмъ кивалъ за поясомъ. Удивительно, съ какою ловкостью и быстротою онѣ умѣютъ во время спрятаться или выглянуть изъ за вѣера. Въ Мадридѣ много еще носятъ мантильи. эту народную и красивую одежду, которая такъ идетъ къ ихъ красотѣ и такъ граціозно обрисовываетъ ихъ лица кружевомъ и шелкомъ. Трудно понять однако, отчего эта часть испанскаго костюма тоже начинаетъ исчезать: она уступаетъ мѣсто шляпѣ, отнимающей у головы свободу и граціозность движеній. Контрасты, происходящіе отъ такой перемены въ народной одеждѣ, дѣлають Прадо довольно страшнымъ. Тогда невольно думаешь о временахъ, когда садъ этотъ начиналъ входить въ славу, и о тѣхъ, которые, помѣстивъ тамъ дѣйствіе нѣкоторыхъ своихъ безсмертныхъ комедій, прославили его, какъ напримѣръ Кальдеронъ, Лопесъ и Марето. Прадо было любимымъ мѣстомъ поэтовъ, которые только срисовывали съ природы, описывая въ своихъ твореніяхъ весь этотъ рой блестящихъ вельможъ, юношей, искателей приключеній, дѣвъ съ упительною улыбкою и огненнымъ взоромъ, которыя, забывая все, связывали узлы таинственной любви. Теперь однако, если что-нибудь и осталось отъ этой жажды къ удовольствіямъ, нравы мѣняются и замѣтно исчезаютъ. Я очутился тамъ, читая, въ воспоминаніе прошедшаго, «Апрѣльскія и майскія ўтра». Надо ли признаться? Прелестное это твореніе Кальдерона казалось мнѣ страннымъ. Я увлекался этой бѣшеной интригой, гдѣ фантазія поэта дивно описываетъ всю прелесть, очарованіе и гармонию юной любви съ тихимъ сіяніемъ утренней зари и въ то же время свѣтская жизнь обхватывала меня со всѣхъ сторонъ; передъ глазами у меня было настоящее.

Хотя толпа каждый день бываетъ также многочисленна въ Прадо, однако общество это уже не такъ смотритъ на вещи, чтобъ ему могла нравиться единственно поэтическая праздность, въ которой оно прежде исключительно проводило свое время. Оттого-то надо глядѣть на мадритскую жизнь съ другой точки зрѣнія. Менѣе чѣмъ полвѣка, даже не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, это испанское общество было одушевлено однимъ только удовольствіемъ. Оно предавалось ему безусловно, безумно, доходило даже до разврата: оно было вѣтренно и не имѣло другой цѣли кромѣ волокитства. Нынче у него возродились новыя мысли, новыя нужды, потребности, другія занятія, которыя неизбежно должны имѣть вліяніе на нравы и напечатлѣть на нихъ болѣе серіозный характеръ. Въ Мадридѣ еще нѣтъ политическихъ нравовъ,

по гражданскія дѣла занимають уже всѣхъ безъ исключенія. Если Мадритцы мало дѣйствуютъ, зато много говорятъ. Политика въ Мадритѣ сдѣлалась общею заботою: всѣ хлопочуть, говорятъ; переворотъ министерства есть драма, за дѣйствіями которой слѣдуютъ каждый день, каждый часъ, съ пламеннымъ участіемъ, это неисчерпаемый источникъ, пища для любопытства народа, потому что нѣтъ страпы, гдѣ бы кабинеты чаще ссорились и легче мирились какъ въ Испаніи, а на другой день снова прикипаются за старое. Въ гостинныхъ мало говорятъ о политикѣ: на это есть казино, какъ на примѣръ Атеней, гдѣ собирается вся знать и всѣ знаменитости города, депутаты, генералы, публицисты и писатели. Собранія эти начинаются поздно и продолжаются до утра.

Въ Мадритѣ, всѣ вообще имѣють привычку жить по почамъ: не только свѣтскіе люди, которымъ не на что болѣе тратить своей дѣятельности, какъ на разговоры, но даже и офиціальныи міръ слѣдуетъ ихъ примѣру. Есть министры, которые во время дня почти не показываются въ своихъ министерствахъ: ихъ можно тамъ застать только въ часъ ночи. Дѣла самыя важныя обсуживаются ночью; сама королева подписываетъ бумаги, имѣющія какое-нибудь значеніе, тоже ночью. Мадритъ засыпаетъ иногда съ предчувствіемъ перелома въ министерствѣ или другаго какого-нибудь важнаго происшествія, а на другой день, когда просыпается, все уже кончено; новый кабинетъ наследовалъ прежнему, переворотъ совершился.

Кругъ Атеней совѣтъ въ другомъ родѣ; онъ составленъ изъ избранныхъ людей.

Въ 1835 году, когда основался, Атеней началъ свое поприще благороднымъ стремленіемъ, установилъ курсы наукъ, учредилъ кафедры политики, законодательства, національной и иностранной словесности, лингвистики, и открылъ такимъ образомъ поле для ума и образованія. Иные приготовлялись тамъ къ важнымъ ролямъ; другіе же утомленные политической дѣятельностью приходять сюда отдыхать отъ обманутыхъ ожиданій и разочарованій. Лучшіе испанскіе писатели перешли туда и попеременно читали по собственному желанію лекціи. Тамъ слушали курсы исторіи, административной науки и политической экономіи Морона, Лосано и Бенавидеса. Серафимъ Кальдеронъ, который подъ именемъ del Solitario, (Пустынника) прелестно описалъ хита-

посовъ (цыганъ), съ большимъ талантомъ читалъ тамъ лекціи арабскаго языка. Курсъ исторіи испанской цивилизаціи Пидала къ несчастію былъ прекращенъ.

Господинъ Алькада Галиано, одинъ изъ извѣстѣйшихъ публицистовъ и ораторовъ высшей Испаніи, занимаетъ въ Атенѣхъ кафедру политики. Онъ много видѣлъ и много читалъ: за то нѣтъ человѣка, у котораго память была бы болѣе наполнена анекдотами, который бы лучше его зналъ иностранную литературу и болѣе его подходилъ къ французскимъ или англійскимъ ораторамъ и писателямъ.

Господинъ Галиано имѣетъ удивительный даръ слова: никто не говоритъ лучше и больше его. Онъ постигъ и усовершенствовалъ знаніе заставить звучать и дрожать этотъ чудный испанскій языкъ. Зато онъ и не перестаетъ говорить. Рядомъ съ Галиано должно поставить Донозо Кортеса и Пачеко.

Профессоръ Донозо Кортесъ еще молодъ, но возбуждаетъ всеобщій восторгъ. Въ немъ иногда встрѣчаешь такую возвышенность чувствъ и мыслей, такіе величественные образы, достойные Босюэта, что заставило сказать Испанцевъ, что краспорѣчіе его пашло бы истинную пищу въ религиозныхъ диспутахъ и рѣчахъ, но пламенный ораторъ принадлежитъ своему вѣку. Донозо Кортесъ могъ бы быть испанскимъ доктринеромъ, еслибъ у него не было такого сильнаго и роскошнаго воображенія, которое переходитъ за назначенныя и строгія границы какого бы то ни было ученія: подъ публицистомъ скрывается поэтъ,—поэтъ, который поочередно увлекается глубокимъ чувствомъ прошедшаго и вкусомъ къ моднымъ вещамъ. За то въ его лекціяхъ высказываются иногда эти два стремленія съ необыкновеннымъ краспорѣчіемъ. Даже голосъ и произношеніе его производятъ странное дѣйствіе: голосъ у него возвышается повелительно и каждую минуту раздражается какъ гимнъ, какъ будто-бы желаетъ сбросить себя законы и правила, самими на себя возложенные. Чтò восхищаетъ, увлекаетъ въ его лекціяхъ и изданныхъ имъ опытахъ объ исторіи, философіи и словесности, это смѣлость, съ какою воспринимчивый и пламенный этотъ умъ разрѣшаетъ все вопросы, отдѣляя отъ мелочныхъ подробностей. Послѣ этого можно-ли удивляться, что Донозо Кортесъ сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей Испаніи, однимъ изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ ей честь своимъ умомъ и познаніями?

Талантъ господина Пачеко отличается другими качествами. Глубокомысленный авторъ *Исторіи регентства Маріи-Кристины*, стоитъ высоко какъ государственный человѣкъ. Пачеко теперь министръ. Только трудами публициста, рѣчами депутата и преподавателемъ лекцій профессора Атеней онъ достигъ этого важнаго сана. Господинъ Пачеко говоритъ ясно, просто, твердо и логически. Въ его словахъ нѣтъ ничего, что могло бы затмить, удивить, поразить. Сравненіи съ многими другими испанскими ораторами, Пачеко кажется холоднымъ, безцвѣтнымъ, между-тѣмъ онъ только простъ, ясенъ и опредѣлителенъ: онъ говоритъ болѣе разуму, чѣмъ воображенію. Говоря объ исторіи, законодательствѣ, правахъ и обычаяхъ, онъ не замесится, не терается въ мечтахъ, но выражается ясно и отчетливо. Слушая такой простой языкъ, невольно чувствуешь обдуманное и сильное убѣжденіе. Таковъ былъ характеръ курса господина Пачеко въ Атеней.

Направьте теперь шаги ваши къ дворцу королевы. Подлѣ Глоріеты возвышается большое, массивное зданіе, дурной архитектуры: въ немъ былъ сперва театръ Оріенты: тамъ собирается теперь временно конгрессъ. Къ-печасности, внутренность его отзывается своимъ первобытнымъ назначеніемъ: въ убраствѣ залы видно болѣе великолѣпія, чѣмъ величія и достоинства; зеркала, бархатные обои, жирандоли, все это такъ роскошно, кокетливо, театрально, что вовсе не соответствуетъ важности парламента. Ктому же, швейцары одѣтые въ яркіе и необыкновенные костюмы, съ перьями на головѣ, прибавляютъ къ странности эффекта. Въ присутствіи испанскаго конгресса нѣтъ той живости, которую, можетъ-быть, воображаютъ: на него глядишь какъ на великолѣпное видѣніе, которое оставляетъ человѣка въ смутной неизвѣстности. Тамъ нѣтъ, какъ въ Англіи, въ палатѣ перовъ или депутатовъ, этихъ сильныхъ диспутовъ, преній, плодовъ долгой опытности въ великихъ, важныхъ дѣлахъ; тамъ нѣтъ, какъ во Франціи, этой живости впечатлѣній, скорости въ отбѣтахъ, этихъ словъ, сказанныхъ кстатя, этого ума, находчивости въ нападеніи и оборонѣ, этой бездны молвіи, страстныхъ порывовъ, шуму и восклицаній, которые дѣлаютъ изъ засѣданія французскихъ палатъ такую драматическую и иногда такую потрясающую картину. Въ испанскомъ конгрессѣ замѣтна нѣкоторая неопытность въ преніяхъ. Ораторы, которые смѣняютъ другъ друга не вставая съ мѣстъ, говорятъ съ удивительною живостью,

какъ-будто бы упиваются собственными словами, и, судя по молчанію царствующему въ конгрессѣ можно подумать, что члены собранія уважаютъ это упоеніе. Нельзя сказать, чтобъ конгрессу недоставало краснорѣчія, но у него нѣтъ парламентскаго такту, искусства назначать, обхватить, сократить пренія, предложить ясно и твердо политическій вопросъ; нѣтъ дара начинать преній, которыя продолжаются цѣлые два дня, гдѣ важными дѣлами занимаютъ менѣе чѣмъ мечтательными теоріями, упреками, ссорами съ людьми и партіями. Видя это, легко поймешь, что ораторскія пренія не занимаютъ Испаніи, которая страдаетъ и не получаетъ никакого облегченія отъ такого множества словъ.

Въ Испаніи почти всегда частныя дѣла берутъ верхъ надъ государственными, потому что каждый членъ конгресса хлопочетъ за самого себя и за свою партію. Каждая партія, достигнувъ власти, которой добывалась только посредствомъ наслія, разрушала труды своей предшественницы и подвергала Испанію новымъ опытамъ, перемѣняла законы, провозглашала новую систему, устраивала государство для своего собственнаго спокойствія, чтобъ одной быть владычицей, царствовать исключительно, и это продолжалось до-тѣхъ-поръ пока новый переворотъ отдавалъ власть противной партіи. Предположите теперь нѣсколько такого рода перемѣнъ: вы поймете тогда, какъ трудно установиться регулярному правленію въ Испаніи и обхватить всю націю. Отъ такой нерѣшительности произошли ужасныя смуты, разслабленіе государства, вкоренившаяся привычка къ беспорядкамъ, развитіе всѣхъ анархическихъ склонностей, которыя вкрадываются въ самое правительство и продолжаютъ его немощь. Такимъ образомъ Испанія уже пятнадцать лѣтъ вертится въ порочной сѣрѣ: государственныя учрежденія колеблются, чувство закона слабо и ничтожно, желаніе пользы отечеству боязливо и лѣнливо, потому что власти недостаетъ величія, силы, достоинства, мощнаго и твердаго одушевленія. Съ другой стороны, правительство такъ слабо, что слабость его вошла въ пословицу.

Смуты эти благопріятствуютъ чувству индивидуальной независимости, столь могущественному въ Испаніи. Индивидуализмъ, себялюбіе, есть древняя черта испанскаго характера, которая выказалась здѣсь съ новою силой. Иногда вы хотите узнать при-

чину мгновенно возгорѣшагося волненія и воображаете, что дѣло идетъ о государствѣ, о какомъ-нибудь политическомъ переворотѣ... ничуть не бывало. Въ Испаніи каждая вспышка, возмущеніе, происшедшее отъ политической причины, скоро превращается въ приватную ссору; каждый дѣйствуетъ для самого себя, увлекаясь своимъ самолюбіемъ и выгодами. Вездѣ человѣкъ перевѣшиваетъ законъ и общую пользу. Индивидуализмъ поражаетъ, ослабляетъ Испанію. Онъ проглядываетъ не въ однихъ только ежедневныхъ смутахъ, глухихъ, вредныхъ заговорахъ, куда бросается обманутое, ненасытное честолюбіе, но даже пропикаетъ и въ образованнѣйшій міръ, въ міръ, гдѣ часто говорятъ о пользѣ отечества, о благородной цѣли и гдѣ, кажется, государственныя дѣла должны имѣть всю важность, все величіе. Итъ ничего труднѣе въ Мадридѣ какъ собрать пять или шесть человѣкъ, чтобъ составить совѣтъ. Побѣдивъ это затрудненіе, остается еще большее, то есть, сохранить миръ между этими различными, на минуту столкнувшимися волями, чего можетъ-быть никогда не видали въ Испаніи. Слово «кризисъ, переломъ» сдѣлалось настоящимъ народнымъ словомъ; есть министерства, которыя были въ кризисѣ все время, пока управляли. Разумѣется, что имѣя разное мнѣніе, люди не могутъ сойтись, но тутъ примѣшивается самолюбіе одного, зависть и честолюбіе другаго, безпреставное и дѣятельное соперничество, которое раздражается при малѣйшемъ словѣ, привязывается къ бездѣлицамъ и поселяетъ раздоръ въ совѣтахъ. Отчего? Оттого, что тѣмъ, которые временно управляютъ государствомъ, недостаетъ твердости, присутствія духа; оттого, что въ испанскомъ характерѣ есть что-то строптивое, непреклонное: онъ не хочетъ покориться постановленіямъ, безъ которыхъ государство не можетъ существовать. Зато замѣтите, какъ мало, въ этихъ перѣшительныхъ, колеблющихся обстоятельствахъ образовалось истинно великихъ характеровъ! Къ-несчастью, тутъ нельзя предпочесть одну партію другой: умѣренные и прогрессивы, равно показываютъ свое легкомысліе. Политическій умъ! Да найдется ли онъ въ Испаніи? Политическаго ума, въ полномъ смыслѣ этого слова нѣтъ ни у генерала Нарваэса, истиннаго Андалузца, съ кипучимъ и бѣшеннымъ характеромъ, который въ прошедшемъ году, по своей ошибкѣ, потерялъ выгодное положеніе и погубилъ вѣранныхъ ему людей; ни у генерала Серано, хотя онъ былъ одно время, въ 1843 году, первымъ министромъ и сдѣлался съ-тѣхъ-поръ надеждою оппозиціи. Правда,

что генералъ Серано храбрый воинъ, но и только. Опытный этотъ солдатъ не заслуживаетъ, чтобъ его дѣлали смѣшнымъ, переряжая въ начальника партіи.

Даже тѣ, которые пользуются нѣкоторою славою государственныхъ людей, таковы ли они въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не Мартинесъ ли де-ла-Роза, съ своими вѣчно блестящими и вѣчно пустыми рѣчами на счетъ порядка и свободы? Какіе слѣды оставило въ высшей политикѣ Испаніи временное управленіе дѣлами Истуриса? Какое великое событіе соединяется съ именами Мирафлореса, и Каса-Ирухо, не смотря на достоинство этихъ важныхъ особъ? Не выберутъ ли въ министры Лопеса, этого краснорѣчиваго трибуна, который является на сценѣ только во время смуть и который тогда бываетъ такъ наввно смущенъ и удивленъ своею властью, что спѣшитъ отъ нея отдѣлаться? Не выберутъ-ли Мендисабала, человѣка самаго обильнаго насчетъ программъ, такъ, что въ цѣлой Европѣ не найдешь ему подобнаго; владѣльца этой знаменитой тайны, долженствовавшей десять лѣтъ тому назадъ примирить и успокоить Испанію, и которая, надо признаться, и до сихъ-поръ хорошо сохранилась? Кортинна краснорѣчивый адвокатъ, однако не искусный политикъ. Въ Мадритѣ есть министры, которые передаютъ другъ другу власть; тамъ есть возвышенные умы занимающіеся общественными дѣлами; особенно въ Испаніи есть люди всегда готовые слѣпо броситься въ какую-нибудь борьбу; есть также люди одушевленные храбрымъ самоотверженіемъ, которые въ порывахъ страсти вызываютъ опасность, шутятъ жизнью, встрѣчаютъ смерть съ улыбкою. Что же касается до серьезныхъ качествъ, до глубокомыслія, практическаго соображенія, старанія найти такую систему управленія, которая соотвѣтствовала бы нравамъ и обычаямъ страны,—не ищите, это будетъ напрасно. У Испанцевъ есть однако жъ слово *estadista*, государственный человѣкъ. Оно соотвѣтствуетъ англійскому *statesman*. Въ ожиданіи предмета у нихъ есть по-крайней-мѣрѣ названіе.

Взглянемъ теперь на домашнюю жизнь Испанцевъ. Тутъ мы увидимъ другаго роду смѣшеніе: никто не заботится посѣлать въ народѣ желанія пріобрѣтеній, выгодъ; никто не думаетъ поддержать въ народѣ дѣятельность, и отвлечь его отъ своеволія и буйства. Трудъ есть важная, необходимая стихія современнаго образованія, а Испанецъ не знаетъ его. Духъ дѣя-

тельности и изобрѣтеній не проникъ въ его нравы. Национальная безопасность имѣеть даже отъ него отвращеніе.

Испанецъ любитъ мечтать, наслаждаться солнцемъ, по ихъ собственному выраженію; онъ имѣеть какое-то пренебреженіе къ обыкновеннымъ заботамъ. Увлеченный страстью, онъ скоръ въ своихъ дѣйствіяхъ, но въ практическихъ дѣлахъ, матеріальныхъ сношеніяхъ вовсе не находчивъ. Онъ съ радостью отдѣляется отъ какого нибудь спѣшнаго дѣла и впадаетъ въ восточную недвижимость. Испанская лѣнь выражается словомъ *malana*, завтра. Слово *маньяна* относится ко всему: это обыкновенный ихъ отвѣтъ, на который надо всегда надѣяться. Иногда какое-нибудь ничтожное дѣло тянется изодня въ день цѣлый годъ, а часто и совсѣмъ не кончается. *Маньяна* избавляетъ Испанца отъ настоящаго труда, за то испанская безопасность такъ ему благодарна. Лѣнь ихъ имѣеть глубокое уваженіе ко всему что уже существуетъ, и не старается улучшить, особенно если придется потрудиться. Въ осьмнадцатомъ столѣтіи хотѣли приступить къ работамъ, чтобъ сдѣлать Таго судоходною рѣчкой. Назначили комиссію. Она переважно отвѣчала, что еслибъ Богъ, которому все возможно, захотѣлъ сдѣлать изъ этой рѣчки судоходную, Ему бы это ничего не стоило; если же онъ этого не сдѣлалъ, то надо изъ этого заключить, что Таго долженъ остаться, какъ есть. Если теперь не говорятъ такихъ вещей, зато, можетъ-быть, думаютъ. Странная вещь! желаніе приобрѣтеній, барыша, столь сильное въ другихъ странахъ, вовсе не понятно Испанцу. Даже въ самомъ Мадридѣ случается иногда, что купецъ велитъ вамъ прійти завтра, если у него нѣтъ подъ рукою требуемаго товару. Даже у себя дома, онъ не встанетъ съ мѣста, если сидитъ за столомъ или чѣмъ нибудь забавляется. Въ деревняхъ, каждый работаетъ для того только чтобъ существовать; чтобъ избавиться труда, довольствуются малымъ; зато, объѣзжая Испанію, встрѣчаешь обширныя, необработанныя поля: не смотря на естественное плодородіе почвы, онѣ бесплодны, потому что недостаетъ рукъ для ихъ удобренія. Бѣдный охотно остается въ своей нищетѣ, утѣшая себя необыкновенною умеренностью, къ которой онъ привыкъ. Есть одно обстоятельство выказывающее во всей силѣ національную лѣнь, это—лѣнь, съ которою они пользуются всѣми случаями отдохнуть отъ ненавистнаго еще труда. Иногда, просыпаясь, съ удивленіемъ видишь, что всѣ лавки и магазины закрыты. Это значитъ, что на

дворѣ какой-нибудь, праздникъ, существованія котораго никто вакануѣ не подозрѣвалъ. Испанскій календарь пзобилуетъ праздниками всѣхъ родовъ, постановленія которыхъ свято исполняютъ: въ эти дни нельзя и подумать купить себѣ что нибудь: все прекращается; остается время только на спокойствіе и веселье. Право, можно подумать, что испанскій народъ тогда только работаетъ, когда ему нечего больше дѣлать.

Впрочемъ, народъ не совсѣмъ виноватъ. Его лѣнь происходитъ также отъ обстоятельствъ: ему недостаетъ покровительства, спокойствія. Несчастныя, смутныя времена укоренили въ народѣ наклонность къ праздности. Разсмотримъ только одинъ пунктъ: въ большей части Испаніи почва земли удивительно плодородна, она съ избыткомъ бы отдала человѣку за его труды. Увы! плодородіе это часто бесполезно, земля напрасно производитъ. По недостатку средствъ сообщенія, жатвы нѣсколькихъ лѣтъ пропадаютъ даромъ.

Кчему же тогда работать? Гдѣ ободреніе, возбуждающее народную дѣятельность? гдѣ источники благосостоянія? Гдѣ смуты, тамъ не можетъ быть дѣятельности и изъ нея истекающаго благосостоянія. Несчастныя, которымъ нечего терять и которые не заражены еще лѣнью, покидаютъ свое отечество въ надеждѣ приобрести, потому что въ Испаніи трудъ бесполезенъ. Эмиграція грозитъ теперь серіозною опасностью Испаніи: каждый годъ безчисленное множество эмигрантовъ отправляется въ южную Америку, другіе же переходятъ съ береговъ Альмеріи въ Африку: въ эту минуту сорокъ тысячъ Испанцевъ рассыпался по Алжиру. Странно! Испанцы покидаютъ свое отечество, когда оно могло бы прокормить въ двое болѣе людей чѣмъ теперь кормитъ!

Чего жъ не доставало за Пиренеями? Трудолюбія и мира.

Но знаютъ ли, что внушаетъ болѣе довѣрія, подаетъ надежду на будущее благосостояніе Испаніи? Это — основаніе нѣкоторыхъ полезныхъ общественныхъ заведеній. Я видѣлъ въ Мадридѣ образчикъ одного недавно основаннаго для преступниковъ заведенія, гдѣ учатъ писать, читать и работать. Благодарствіемъ слѣдствія вознаграждаютъ уже благотворительное общество, члены котораго основали его на собственное иждивеніе. Всѣ благотворительныя заведенія дѣлаютъ большіе успѣхи и отличаются опрятностью и порядкомъ. Надо прибавить, что большая часть

содержится на счетъ частныхъ благотворителей. Во-первыхъ, я назову большой и прекрасный Аточкiй Госпиталь, который можетъ равняться съ лучшими заведенiями этого рода.

Другое заведенiе доставляетъ мнѣ статистическiя подробности, любопытныя и занимательныя въ моральномъ отношенiи: это воспитательный домъ. Въ короткое время сдѣлалось такое замѣтное улучшение, что нельзя не удивляться. Нѣкоторыя числа достаточно въ томъ удостовѣряють. Въ 1837 году, въ Мадридѣ было около тысячи пятисотъ подкинутыхъ дѣтей; изъ нихъ погибло болѣе тысячи ста. Въ 1845 и 1846 годахъ число подкинутыхъ простиралось немного болѣе тысячи трехъ-сотъ; погибло только четыреста, а девятьсотъ остались въ-живыхъ. Подробности эти нельзя оставить безъ вниманiя, потому что онѣ доказываютъ въ одно и то же время улучшенiе массъ въ нравственномъ отношенiи и успѣхи въ управленiи благотворительными домами и общественными заведенiями. Теперь взглянемъ на другое заведенiе, на дѣтскiе приюты, которые называютъ *escuelas de parvulos*. Несмотря на благiя намѣренiя правительства, оно до-сихъ-поръ не могло еще совершенно устроить публичныхъ школъ, особенно школы для обученiя народа. Ему главнаго не доставало: учителей и денегъ. Приюты были основаны частными людьми. Въ 1838 году составилось общество, великодушное намѣренiе котораго было *улучшить и распространить* народное воспитанiе. Общество это содержитъ и удовлетворяетъ всѣ нужды приютовъ посредствомъ единовременныхъ приношенiй и ежегодной подписки по двадцати реаловъ съ каждаго члена благонамѣреннаго общества. Первая школа, основанная въ Мадридѣ, была Вирiо; потомъ были открыты школы Санта-Крусъ, Монтезано, Повтехосъ и Ариосъ. Школы эти, съ приютомъ устроеннымъ на табачной фабрикѣ, даютъ теперь пристанище семи-стамъ дѣтямъ, отнятымъ у нищеты и бродяжничества. Одна половина воспитывается даромъ, а другая платитъ самую ничтожную сумму. Надо замѣтить, что метода ученья необыкновенно хорошо приспособлена и облегчена для понятiя дѣтей, воспитываемыхъ съ большимъ старанiемъ. Все придумано, приспособлено съ умомъ и тщанiемъ. «Общество улучшенiя народнаго воспитанiя» не довольствуется учрежденiемъ школъ въ одномъ Мадридѣ; оно съ жалостью смотрѣло тоже и на провинцiи и вызвалось основать школы, подобныя училищамъ Сегови, Кордовы, Барселоны, Пампелуны и Сорiо. Въ Мадридѣ основали

школу для образованія учителей, которыхъ будутъ разсылать по провинціямъ. Тутъ цѣлая реформа, обязавшая своимъ началомъ великодушію нѣкоторыхъ особъ. Человѣкъ, который можетъ-быть больше всѣхъ занимался учрежденіемъ испанскихъ пріютовъ и имя котораго вовсе неизвѣстно, вѣроятно отъ того только, что онъ сдѣлалъ полезную вещь и Испанецъ не слишкомъ дорожитъ вещами такого рода, называется Матео Сеоане. Это одинъ изъ извѣстныхъ докторовъ въ Мадридѣ. Онъ былъ депутатомъ въ 1820 году, участвовалъ въ эмиграціи, которая вскорѣ распространилась въ Европѣ. Съ-тѣхъ-поръ онъ не разыгрывалъ политической роли, а довольствовался смотрѣніемъ, наблюденіемъ, и пока его соотечественники потрясали и смущали общество, онъ приготовлялъ новые запасы, которые могли бы ему служить основаніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вниманіе его устремилось на образованіе и особенно на воспитаніе народа. Сеоане, съ самаго основанія пріютовъ, былъ секретаремъ «общества для улучшенія народнаго воспитанія». Онъ трудится съ неутомимымъ рвеніемъ и стараніемъ. Этого мало, что онъ каждый годъ дѣлаетъ описаніе состоянія общества: онъ слѣдуетъ за своимъ твореніемъ съ непрерывнымъ попеченіемъ. Съ удовольствіемъ, котораго не можетъ скрыть, смотритъ онъ на успѣхи правдивности въ бѣдномъ классѣ народа. Я ѣздилъ съ Сеоане въ школу Вирію, находящуюся въ Аточской Улицѣ. Только-что мы переступили порогъ, какъ всѣ дѣти, движимые влеченіемъ сердца, бросились навстрѣчу къ своему благодѣтелю, повѣсили на него, окружили со всѣхъ сторонъ и стали кричать: «Amigo! amigo!» (другъ). Казалось, что онъ былъ посреди огромнаго семейства, въ которомъ его боготворили. Разумѣется, что слава имѣетъ много прелести. Есть что-то упонтельное для человѣка въ шумѣ произведенномъ его именемъ, однако, много ли найдется такихъ похвалъ, такихъ оиміамовъ, стоящихъ этого простодушнаго и благодарнаго восклицанія «amigo», вырвавшагося съ восторгомъ изъ свѣжихъ, дѣтскихъ ротиковъ, въ бѣдной школѣ, при видѣ человѣка, наиболѣе содѣйствовавшаго къ учрежденію этихъ благодѣтельныхъ пріютовъ. Много ли такихъ звучныхъ похвалъ, которыя даютъ душѣ такую чистую радость и ясно доказываютъ добродѣтельному человѣку, что старанія его приносятъ пользу. Послѣ перваго восторгу, маленькіе ученики, изъ которыхъ нѣкоторые могли ходить, сѣли по мѣстамъ и при насъ продолжали свои уроки. Если глядѣть со вниманіемъ, то нельзя не замѣтить, какъ много

было бы въ Испанцахъ ума и способностей, если бѣ первоначальное ихъ воспитаніе было развернуто съ большимъ тщаніемъ. Если огромное предпріятіе «общества для улучшенія народнаго воспитанія» распространится какъ ему слѣдуетъ, въ испанскомъ государствѣ можетъ произойти великая нравственная перемена. Это одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, могущихъ имѣть вліяніе на будущность Испаніи. Только посредствомъ благодѣтельнаго просвѣщенія народъ, до-сихъ-поръ погрязшій въ невѣжествѣ и лѣни, можетъ снова воскреснуть. Слѣдовало бы совершенно пересоздать Испанію въ нравственномъ отношеніи, даже помочь ей на этотъ счетъ. За то Сеоане справедливо говоритъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ годовыхъ отчетовъ: «Кто можетъ опровергать, что самыя свѣтыя вѣрованія не ослабли въ душѣ Испанца и, если не невозможно, то по-крайней-мѣрѣ очень трудно ихъ снова воскресить для общественнаго блага въ юномъ поколѣніи, которое родилось, воспитывалось, жило и еще живетъ посреди всего, что можетъ только внушать равнодушіе, сомнѣніе и отвращеніе? Если ослабленіе вѣрованій и мнѣній не можетъ быть отвергнуто; если, смотря на такое положеніе, признаешь необходимость скораго и дѣйствительнаго лекарства, какое средство можетъ быть вѣрнѣе воспитанія новаго поколѣнія въ религіи, нравственности и приученія его къ труду и порядку?»

Можетъ-быть мы слишкомъ долго останавливались на безпорядкахъ, терзающихъ Испанію. Но вотъ, что хорошо, что волненіе это не отбрасываетъ темнаго, грустнаго свѣту на обыкновенную жизнь Мадридцевъ. Нѣтъ страны, гдѣ бы самая кровь скорѣе исчезала чѣмъ въ Испаніи. Политическіе перевороты не мѣшаютъ жителямъ Мадрида прогуливаться во время ясной погоды по очаровательному Прадо, или восхищаться Монте-сомъ и Шиклаверо на Площади Быковъ, подлѣ Аточской Заставы,—особенно когда какая-нибудь прелестная Норида должна прибавить однимъ эпизодомъ болѣе къ тавромахической хроникѣ,—или вечеромъ искать въ театрахъ другихъ впечатлѣній, хотя не столь потрясающихъ, за то болѣе пріятныхъ. Такимъ образомъ Мадридъ имѣетъ разнаго роду удовольствія. Что же касается до Прадо, то я старался какъ можно подробнѣе описать этотъ чудный и знаменитый уголокъ, достойный парода, панболѣе влюбленнаго въ приключенія и похождения. Я не стану говорить о боѣ быковъ, имѣющемъ даръ волновать кровь, потому что объ немъ такъ много писали и говорили небывлицъ, что я считаю

лишнимъ повторять за другими. Ктому же мнѣ невозможно видѣть всю Испанію въ одномъ циркѣ. Театры имѣютъ болѣе литературнаго интересу: они предвѣщаютъ по-крайней-мѣрѣ развитіе нѣкотораго любознанія и мысли. Теперь есть въ Мадридѣ пять или шесть театровъ: de la Cruz, du Principe, du Circo, de l'Instituto, de las Variedades. Два послѣдвіе нисколько не лучше самыхъ худшихъ бульварныхъ театровъ въ Парижѣ. La Cruz и Circo — лирическіе театры, гдѣ царствуетъ италянская музыка, и это происходитъ по довольно достаточной причинѣ: тамъ нѣтъ испанской музыки. Въ Испаніи нѣтъ лирическихъ сочиненій, дающихъ понятіе о народномъ искусствѣ. Довольно любопытно было бы узнать, отъ чего двѣ южныя націи, — Італія и Испанія, — такъ различны въ музыкальномъ отношеніи: одна произвела такъ много музыкальныхъ богатствъ, а другая совершенно лишена этого дара. Въ прошедшемъ году, однако, играли въ Circo испанскую оперу, *le Diablo predicador*, «Чортъ-гадальщикъ», музыка — сочиненія дона Базилио Базили, а слова дона Вентура де-ла-Вега. Такимъ образомъ въ Мадридѣ остается только одинъ театръ для литературы и поэзіи: это Principe. Нельзя сказать, чтобъ Principe былъ очень хорошъ и имѣлъ тотъ блескъ, котораго можно было бы отъ него ожидать; только это единственный театръ, который можно назвать литературнымъ.

Есть три необходимыя для театра условія: зрители, актеры и авторы. Посмотримъ, каковы они въ Мадридѣ: они здѣсь, какъ и вездѣ, тѣсно связаны и дѣйствуютъ одинъ на другаго.

Впродолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ вкусъ къ драматическому искусству и литературѣ замѣтно развернулся, образовался и улучшился въ Испаніи. Есть однако одно обстоятельство заставляющее думать, что публика цѣпитъ болѣе число пиесъ, чѣмъ ихъ достоинство: драмы и комедіи самыя интересныя, имѣющія наиболѣе успѣху, не долго восхищаютъ публику. Если пиеса была представлена двадцать разъ, то достигла уже высшей степени театральнаго счастья. Отъ этого происходитъ ужасное поглощеніе пиесъ всѣхъ родовъ и большая трудность въ выборѣ. Смѣшеніе это замѣтно въ актерахъ, которые должны играть разныя роли. Не знаю, право, что сказалъ бы парижскій актеръ, если бъ его заставили играть два раза въ одинъ и тотъ же день; между тѣмъ это случается довольно часто въ Мадридѣ, гдѣ по воскресеньямъ и праздникамъ бываетъ по два представленія въ день. Исключая того, надо, чтобъ артистъ поддѣлывался ко всѣмъ ролямъ, все-

лымъ, мрачнымъ, комическимъ и трагическимъ, отчего въ головѣ его дѣлается такое смѣшеніе что отнимаетъ всю оригинальность таланта, если онъ только есть у артиста. Principe славится двумя артистами, которыхъ бы вездѣ замѣтили, — допъ Юліанъ Ромео и Матильда Діесъ. Ромео, будучи самъ поэтъ, въ совершенствѣ понимаетъ авторовъ. Онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ видно истинное достоинство. Онъ хорошъ и въ трагедіи, потому что у него есть много такту, но настоящая его сфера — комедія. Не страдаетъ ли онъ отъ такого принужденія? Матильда Діесъ страстная, восторженная артистка; Я слышалъ ее въ «Guzman el Bueno», Жюля и Царитѣ. Она умѣла найти звуки, вылетающіе изъ глубины сердца, потрясающіе душу. Матильда обладаетъ въ высшей степени даромъ приводить въ умленіе, исторгать слезы, а между-тѣмъ она часто должна играть въ комедіяхъ, гдѣ немного плаксивый тонъ ея не слишкомъ-то нравится.

Что бы тамъ ни было, я знаю только, что современные поэты обязаны своими успѣхами таланту этихъ двухъ артистовъ, Юліана Ромео и Матильды Діесъ. Наибольшая часть новыхъ твореній была представлена въ Причипѣ. Тамъ играли потрясающую драму «Les Amans de Ternel», сочиненіе Хартценбуша, «Карла-Второго», Жюля и Царетѣ, «Дона Альвара» герцога Риваса, «Сапожника и Короля», Цориля, «Трवादоръ» Гарсія Гутиреса и «Тѣнь Миццо», комедію, въ которой Вентура де-ла-Вега впечатлѣвъ глубокую мысль, умѣлъ сдѣлать ее серьезною и забавною; описалъ чловѣка, который въ молодости всѣхъ обманывалъ и который достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, не знаетъ, какъ ему отдѣлаться отъ преслѣдующаго его видѣнія: ему кажется, что тѣ, которыхъ онъ обманывалъ, окружаютъ его и угрожаютъ отмстить за себя тѣмъ же. Новая драма, «Донъ Фернандо де-Антеквера», была представлена съ большимъ успѣхомъ на томъ же театрѣ. Сочинитель ея Вега былъ осыпанъ громкими похвалами и рукоплесканіями. Я потому называю Причипе литературнымъ театромъ, что тамъ болѣею частью играютъ драмы и трагедіи.

Одна изъ любопытнѣйшихъ вещей въ Причипе не та, что видѣть публика. За сценою существуетъ самый гостепріимный и почти прославленный уголокъ Мадрита: это маленькая, особенная комнатка, смежная съ уборною Юліана Ромео. Салонъ Ромео, какъ всѣ его называютъ, не отличается убранствомъ: главная

роскошь состоятъ въ двухъ бюстахъ. Правда, что это бюсты Кальдерона и Майкеа (Maquez), славнѣйшаго актера въ Испаніи. Тамъ-то каждый вечеръ собираются почти все испанскіе писатели, поэты и даже политики; тамъ видали и президента совѣта. Это именно одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ тратится наиболѣе ума. Тамъ встрѣтитъ васъ самый радушный пріемъ, особенно если вы имѣете нѣкоторую привязанность къ литературѣ. Вы можете увидѣть въ салонѣ Ромео скромнаго и простаго Харцвенбуша, одного изъ рѣдкихъ испанскихъ писателей, которые знаютъ, что такое хорошій слогъ; блестящаго, вѣтреннаго какъ дѣтя Царила, такого поэта, какимъ можно только быть въ Испаніи, то есть, исключительно преданнаго своему призванію, не знакомаго съ заботой ни о чемъ иномъ; Бретона де-лосъ-Геррероса, мрачное лицо котораго освѣщается иногда лучами той восторженности, какая видна въ его комедіяхъ; Вентура де-ла-Вега, челоѣка съ такимъ возвышеннымъ умомъ, роскошнымъ воображеніемъ, который въ одно и то же время превосходный актеръ и поэтъ, и честнаго, добраго, пламеннаго Эскасура, который былъ всѣмъ, чѣмъ только можно быть,—артиллерійскимъ офицеромъ, начальникомъ партіи, помощникомъ статсъ-секретаря, журналистомъ, поэтомъ, академикомъ,—присутствуя повсюду съ своею дѣятельностью и энергіею. И сколькихъ другихъ можно бы было еще назвать! Мадритскіе литераторы собираются тамъ каждый вечеръ, и милый пріивѣтъ, которымъ васъ тамъ встрѣчаютъ, заставляетъ забыть на минуту, чего недостаетъ. Причине касательно другихъ предметовъ.

Если, въ этой сферѣ душевныхъ удовольствій, Испанія остается еще много чего создать, исполнить, то литература по-крайней-мѣрѣ пробудилась и пробужденіе это было довольно блестящее: она доказала свое одушевленіе и силу. Нельзя сказать того же про другія искусства, несмотря на дарованіе, стараніе и усиліе нѣкоторыхъ знаменитыхъ своимъ талантомъ людей, какъ напримеръ Мадрасо, Эспинель. Живопись наслу стала приподниматься послѣ своего совершеннаго паденія. Въ новыхъ произведеніяхъ мало характеру и оригинальности: ихъ можно было бы отнести къ французскимъ школамъ. Правда, что Мадритъ обладаетъ другаго рода живописнымъ сокровищемъ: можетъ-быть во всей вселенной нѣтъ такихъ картинныхъ галерей древней живописи какъ въ Мадритѣ. Исключая коллекцій академіи Санъ-Фернандо и Тринидада, Королевскій Музей можно

назвать истинными восточными славы, во всѣхъ родахъ живописи. Въ страны, въ которыхъ искусство изло блестящій полетъ, могутъ такъ видѣть свои лучшія произведенія. Еще недавно всѣ эти картины были разбросаны по разнымъ дворцамъ, въ Арагуазъ, Эскуриалъ и Прадо. Въ музей собрано теперь около двухъ-сотъ картинъ, всѣхъ возможныхъ школъ и самыхъ великихъ мастеровъ. Каждая зала можетъ назваться отдѣльнымъ музеемъ. Здѣсь Испанія, тамъ Италия, Франція, Фландрія, Голландія, Германія. Каждая зала заключаетъ въ себя школу или скорѣе посвящена какой-нибудь странѣ. Въ иезритскомъ музей находится нѣкоторыя изъ самыхъ лучшихъ произведеній Рафаэля, — *Мадонна съ рыбою*, *Мадонна*, извѣстная подъ названіемъ *Перлы*, *Спаситель*, — картина, которая въ высшей степени выражаетъ всю горестъ Христа Спасителя и изображаетъ его восходящаго на Голгофу, изнемогающаго подъ бременемъ креста, между-тѣмъ какъ жены иривосицы, со слезами упилися на глазахъ, движимыя глубокимъ состраданіемъ, обтираютъ съ лица Его кровь и потъ. Художники, которые бы могли видѣть въ одно и то же время творенія Мурильо, Веласкеса, Рибейры, Зурбарана, Алонса Кина, подлѣ твореній Рафаэля, Тиціана, Тинторета, Веронеза и Рубенса, пашли бы наслажденіе одивакое съ поэтомъ, когда онъ слычатъ Гомера съ Дантѣ, Кальдерона съ Шекспиромъ, Тасса съ Виргилиемъ. Одно сильно поражаетъ въ испанской живописи, это — вѣрность, съ которою она изображаетъ природу, даже самую ужасную, самую отвратительную. Человѣкъ въ ней всегда остается человѣкомъ: она не старается преобразить его. Съ какимъ страннымъ, необыкновеннымъ могуществомъ, даже почти съ предпочтеніемъ, всѣ испанскіе живописцы изображаютъ нищету, рубище. Если хотите, возьмите другіе предметы. Между героями древняго міра, какое лицо болѣе Прометеева годится для изображенія всѣхъ страстей? Въ картинѣ Рибейры лицо Прометея не выражаетъ однако той непокорности и смѣлости, съ которою онъ похищаетъ небесный огонь и гордо сноситъ свое наказаніе: это — огромный, пригвожденный къ скалѣ гигантъ; воронъ гложетъ его истерзанное и окровавленное сердце; мускулы тѣла страшно сжимаются; кажется, что изъ усть его готовъ вылетѣть раздражающій крикъ, такъ лицо его искажено страданіями. Посмотрите теперь на картины другаго рода, на *Мадоннъ* Мурильо: въ нихъ тоже вѣтъ той идеальной, чистой, дивной, божественной граціи,

какія видна въ Рафаэлевыхъ ; красота ихъ земная, свѣжесть и формы тѣла напоминаютъ что-то человеческое, еще болѣе замѣтное въ бѣлыхъ и розовыхъ облакахъ, которыми онъ обыкновенно окружаетъ ихъ. Особенно удивляетъ, восхищаетъ въ картинахъ Мюррильо блескъ колорита. Съ какою искусствомъ живописецъ набрасываетъ роскошную и разноцвѣтную тѣнь, съ какою опытностью и умѣньемъ онъ разливаетъ свѣтъ по своей картинѣ! Веласкесъ еще болѣе чѣмъ Мюррильо придерживается истины, сущности.

Его *Barrachos*, *Пьяницы*, служатъ тому доказательствомъ. Эта картина неподражаемо изображаетъ грубыя оргіи, въ которыхъ человекъ превращается въ животное. Это грубая и смѣшная эпопея пьянства. Изъ произведеній Веласкеса въ первомъ ряду стоятъ *Reddicion de Breda* и «Вулканова кузница».

Я говорилъ только о нѣкоторыхъ людяхъ и нѣкоторыхъ твореніяхъ, а тутъ слѣдовало бы написать цѣлую исторію, чтобы дать понятіе объ этомъ огромномъ собраніи художественныхъ чудесъ. Мадридскій музей есть одно изъ тѣхъ твореній, которыми гордится цѣлая страна. Зато ему посвященъ великолѣпный дворецъ, въ самой лучшей части города, — въ Прадо. Мнѣ оставалось пробить въ Мадридѣ еще нѣсколько часовъ. Одинъ изъ нихъ я провелъ въ музеѣ. Медленно возвращаясь черезъ Прадо и улицу Санъ-Херонимо, я невольно думалъ, что народъ имѣющій такое блестящее прошедшее, долженъ имѣть такую же будущность, если не хочетъ потерять своего достоинства. Такииъ образомъ я снова возвратился къ вопросамъ, неразрѣшеннымъ въ Испаніи, потому что все на свѣтѣ зависитъ одно отъ другаго, а искусство до-тѣхъ-поръ не засіяетъ своимъ прежнимъ блескомъ въ Испаніи, пока она сама не воскреснетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ нравственности.

Прощаясь съ Мадритомъ, удаляясь отъ центра испанской жизни, я старался дать себѣ отчетъ и спрашивалъ себя: какое впечатлѣніе сдѣлало на меня все, что прошло мимо моихъ глазъ, — нравы, политика, литература, искусство, древнее величіе и настоящая нищета? Несмотря ни на что, Мадридъ сдѣлалъ на меня странное и довольно пріятное впечатлѣніе, потому что въ Испаніи нѣтъ ничего слишкомъ обыкновеннаго. Ктому же вы на каждомъ шагѣ встрѣчаете тамъ надежду на будущее благосостояніе, потому что въ характерѣ народа есть много прекраснаго и въ нѣдрахъ самой земли находятся сѣ-

мена, которыми стоитъ только развернуться, раздѣсть.... но, я сказалъ уже, чего недостаетъ этой колеблющейся и нерѣшительной странѣ: — немного спокойствія, чтобы все прекрасное успѣло укорениться, чтобы нравственность и матеріальное благосостояніе могли вмѣстѣ развернуться и укрѣпиться, наконецъ чтобы изъ этого хаоса вышла какая-нибудь высокая, свѣтлая мысль, которая покорила бы человѣческія страсти и повелительно наложила бы на нихъ законъ. Слѣдовало бы прекратить всю эту суматоху, которая превращаетъ политику въ азартную игру, и лишаетъ общаго уваженія какъ правительство такъ и гражданъ. Только тогда Испанія стала бы наравнѣ съ другими европейскими государствами.

МАРОНИТЫ. *Ливанскія сцены. Статья Жерара де-Невала.* Бейрутъ, если смотрѣть только на пространство, заключенное въ его укрѣпленіяхъ, плохо соответствуетъ понятію, какое Европейцы составляютъ себѣ о столицѣ Ливана. Къ этимъ укрѣпленіямъ нужно присоединить тысячи домовъ съ садами, которые расположены въ видѣ обширнаго амфитеатра вокругъ своего центра, высокой каменной башни замка Факардина. Бейрутъ еще сохраняетъ фizioномію арабскаго города эпохи Крестовыхъ Походовъ. Европейское вліяніе обнаруживается только во множествѣ матъ съ флагами на консульскихъ домахъ, а Турки здѣсь, какъ и вездѣ, въ своихъ владѣніяхъ, придаютъ ей свою особенность, нерѣдко довольно странную. Пашѣ вздумалось скрыть часть городской стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ замку Факардина, чтобы построить деревянный кіоскъ, раскрашенный по константинопольской модѣ. Турки предпочитаютъ такіе кіоски самымъ великолѣпнымъ каменнымъ и мраморнымъ палатамъ. Самъ султанъ строитъ себѣ дворцы съ мраморными колоннами и достаточными стѣнами, для того, чтобы домъ не переживалъ своего хозяина: домъ для Турка — походный шатеръ, минутный пріютъ, въ которомъ человѣку не слѣдуетъ бороться съ предопредѣленіемъ, не должно увѣковѣчивать своихъ слѣдовъ.

Я бродилъ по городу въ такую пору, когда, по выраженію Итальянцевъ, на улицѣ никого нѣтъ кромѣ gli cani e gli Francesi, «собакъ и Французовъ», — то есть въ полдень. Впрочемъ эта поговорка всегда казалась мнѣ несправедливою въ отношеніи къ собакамъ, которыя въ часы сіесты и кейфа очень хорошо умѣютъ находить себѣ укромные уголки въ тѣни и спать ни тутъ ни хуже Турковъ и Итальянцевъ.

Замокъ Факардина образуетъ уголъ, за поворотомъ котораго открываются городскія ворота, съ темнымъ прохладнымъ проходомъ, гдѣ можно нѣсколько освѣжиться отъ зноя солнечныхъ лучей, несчетное число разъ отраженныхъ пескомъ равнины, которую вы прошли. Прекрасный мраморный фонтанъ, осѣненный великолѣпнымъ сикоморомъ; сѣрый куполъ мечети съ красивыми минаретами; новая баня, недавно выстроенная въ мавританскомъ вкусѣ, — вотъ, что представляется вамъ съ перваго взгляду при входѣ въ Бейрутъ, какъ обѣщаніе пріюта мирнаго и веселаго. Далѣе, впрочемъ, стѣны возвышаются и принимаютъ фантомную мрачную и монастырскую.

При взглядѣ на баню я подумалъ, что не худо бы было мнѣ укрыться отъ зною, вмѣсто-того чтобы бродить по пустыннымъ улицамъ, но синій занавѣсъ на дверяхъ показывалъ, что пора была такая, когда баня занята женщинами. Мужчины пользуются ею только утромъ и вечеромъ.

Я никогда не бывалъ въ Бейрутѣ въ такой необычной часъ и походилъ на героя «Тысячи и одной ночи», прибывшаго въ заколдованный городъ, въ которомъ все народонаселеніе обращено въ камень. Все спало глубокимъ сномъ, — часовые подъ воротами, погонщики посреди улицы, продавцы плодовъ и шербетовъ подлѣ колодцевъ, кафеджи со всѣми своими посѣтителями въ своихъ лавкахъ; албанскій караулъ передъ сералемъ пашы, — все дремало или храпѣло.

Въ такой именно часъ, во время такого всеобщаго усыпленія, однажды три сотни Друзовъ овладѣли Дамаскомъ. Для этого имъ достаточно было въ разсыпную забраться въ городъ, вмѣшаться въ толпу поселянъ, которыми по утрамъ наполняются базары и площади, притвориться уснувшимъ вмѣстѣ съ другими и потомъ, въ условленную минуту, овладѣть главными постами, ограбить богатые базары и зажечь. Внезапно пробужденные жители вообразили, что имѣютъ дѣло съ цѣлою арміею и заперлись въ своихъ домахъ, какъ кто могъ. Солдаты точно также поступили въ своихъ казармахъ, такъ, что въ часъ времени хищники съ добычей благополучно укрывшись въ своихъ неприступныхъ убѣжищахъ на Ливанѣ.

Однако жъ европейская колонія въ Бейрутѣ не вся предается наслажденію полуденнаго отдыха. Поворотивъ на-право, я скоро примѣтилъ нѣкоторыя движенія въ улицѣ, которая выходитъ на площадь. Проницательный запахъ жаренаго обнаружилъ

валъ близкое сосѣдство трактира и направилъ мое вниманіе на выѣску знаменитаго Баттисты, единственнаго и потому самаго лучшаго франкскаго трактирщика въ Бейрутѣ. Англичане на всекъ Востокѣ испортили эти заведенія, обыкновенно болѣе умѣренныя въ столѣ чѣмъ въ цѣнахъ. Однако жъ, какъ выбирать было не изъ чего, а голодному бродить скучно, то я и рѣшился воспользоваться табль-д'отомъ снѣзора Баттисты.

Столъ былъ накрытъ на террасѣ подъ широкимъ полосатымъ паруснинымъ навѣсомъ. Накрытъ онъ былъ по-европейски и обставленъ стульями, которые почти все были опрокинуты въ знакъ, что мѣста еще не заняты. Въ глубинѣ террасы, надъ дверьми въ поконъ, я прочиталъ надпись:

«Здѣсь платятъ по шестидесяти піастровъ за день.»

На террасѣ сидѣло нѣсколько Англичанъ съ сигарами въ зубахъ, въ ожиданіи звонка. Скоро вышли двѣ дамы и мы сѣли за столъ. Подлѣ меня помѣстился господинъ очень почтенной наружности, которому служилъ молодой человекъ изъ краснокожихъ, въ бѣломъ канфасномъ костюмѣ и въ серебряныхъ серьгахъ. Почтенный господинъ не замедлилъ обратиться ко мнѣ и завелъ разговоръ, что немножко удивило меня, потому что Англичане никогда не разговариваютъ съ незнакомцамъ, но мой сосѣдъ составлялъ исключеніе: это былъ миссіонеръ лондонскаго евангелическаго общества, посланный для обращенія всехъ и каждаго на всехъ концахъ свѣта въ англканское исповѣданіе. Онъ только-что прибылъ съ Горы и я обрадовался случаю попользоваться нѣкоторыми извѣстіями, прежде нежели отправлюсь туда самъ. Я спросилъ его о тревогѣ, которая не задолго передъ тѣмъ случилась въ Бейрутѣ.

— Ничего, такъ, копчилось ни чѣмъ, отвѣчалъ онъ.

— Но что же тамъ происходило?

— Въ смѣшанныхъ деревняхъ Марониты съ Друзами подрались-было.

— И вы застали эту драку?

— Да, я ходилъ мрить. Я обязанъ былъ сдѣлать это, потому что Англія имѣетъ многихъ друзей на Ливанѣ.

— Кто же эти друзья Англіи? Друзы?

— Да. Эти бѣдные люди очень несчастны: ихъ убиваютъ, жгутъ, потрошатъ ихъ женъ, истребляютъ сады и жатвы!

— Позвольте.... извините.... но мы въ Европѣ напротивъ представляемъ себѣ, что они, Друзы, притѣсняютъ христіанъ.

— Ахъ, Боже мой! вѣсело нѣтъ; это несчастныя, бѣдные воедѣльцы, которые никому не дѣлаютъ зла. Но ваши кануцны, ваши езуиты, ваши лазаристы разжигаютъ войну, возбуждаютъ противъ нихъ Маронитовъ, которые тамъ гораздо многочисленнѣе. Друзы защищаются какъ могутъ, и безъ Англіи ихъ давно бы истребили. Англія всегда стоитъ за слабѣйшаго, за того, который страдаетъ.

— О! безъ сомнѣнія. Англія очень великодушная нація... Такъ вы помпрли враждующихъ?

— Разумѣется. Намъ тамъ было нѣсколько человѣкъ Англичанъ. Мы сказали Друзамъ, что Англія не оставитъ ихъ, разсудить дѣло по правдѣ. Они подожгли маронитскую деревню и спокойно разошлись по своимъ домамъ. Они приняли слишкомъ триста библій и мы многихъ изъ нихъ обратили.

— Въ какое же исповѣданіе?

— Разумѣется въ англиканское.

— Но я полагаю, что для англиканскаго исповѣданія нужно быть Англичаниномъ.

— О! совсѣмъ нѣтъ. Вы можете принадлежать къ евангелическому обществу и Англія будетъ вамъ покровительствовать, но Англичаниномъ сдѣлаться, разумѣется, не можете.

— Стало-быть и Турки и Эфіюпы могутъ быть англиканцами?

— Разумѣется.

Между-тѣмъ какъ мы разговаривали, послышалась громкая военная музыка. Я спросилъ у почтеннаго сосѣда, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ:

— Сегодня паша принимаетъ депутацію маронитскихъ шейховъ, которые пришли съ жалобами. Этотъ народъ вѣчно жалуется, но паша крѣпкокъ на-ухо.

— Да, это видно и по его музыкѣ, замѣтилъ я: такого грома и треску я еще никогда не слыхивалъ.

— Однако жъ эти музыканты исполняютъ вашъ національный марсельскій маршъ.

— Можетъ ли быть!

— Увѣряю васъ, вслушайтесь. Я слышу эту музыку каждое утро и каждый вечеръ и мнѣ сказали, что это марсельскій.

Я сталъ внимательно вслушиваться и отличилъ нѣсколько знакомыхъ нотъ, потопленныхъ впрочемъ въ морѣ звуковъ истинно-турецкихъ.

Городъ начиналъ пробуждаться. Морской вѣтерокъ слегка ко-

дѣлалъ шарасиванскій павильонъ на террасѣ. Я раскланялся съ англичаниномъ-миссіонеромъ, который удивилъ меня своею привѣтливостію. Но еще больше я удивился, когда сеньоръ Баттиста потребовалъ съ меня за обѣдъ только десять піастровъ (два съ половиною франка). Онъ отвелъ меня къ створамъ и сдѣлалъ дружескій упрекъ, зачѣмъ я не совсѣмъ остановился у него. Я указалъ ему на надпись, въ которой было сказано о шестидесяти піастрахъ, что оставило бы тысячу-осемьсотъ піастровъ въ мѣсяцъ, издержку для меня вовсе не экономическую.

— О, помилуйте! возразилъ сеньоръ Баттиста: это только для Англичанъ, для еретиковъ: у нихъ много денегъ. Но для Французовъ и для другихъ Римлянъ содержаніе впродолженіи цѣлаго дня у меня стѣитъ только пять франковъ.

Сеньоръ Баттиста довершилъ свой подвигъ великодушія общаіемъ добыть мнѣ лошадь для другаго дня. Успокоенному съ этой стороны, мнѣ оставалось только отправиться гулять по городу и я пошелъ посмотреть, что дѣлается у пашы. Тамъ собралась большая толпа, черезъ которую маронитскіе шейхи колонною, по двое въ рядъ, пробрались во внутренній дворъ къ замка. Ихъ большія чалмы, красныя и клѣтчатыя; кафтаны, обшитыя серебряными и золотыми галунами; блестящее оружіе, — вся вышняя роскошь, которая въ другихъ восточныхъ краяхъ составляетъ исключительную принадлежность Турковъ, придавала этой процессіи видъ очень пышный и важный. Я примкнулъ къ Маронитамъ и мнѣ удалось проникнуть во дворецъ, гдѣ музыканты съ ожесточеніемъ, во всю силу дудокъ, треугольниковъ, мѣдныхъ тарелокъ и барабановъ, продолжали искажать марсельскій маршъ.

Дворъ образованъ стѣною стариннаго Факардинова дворца. На ней еще видны слѣды стили «возрожденія», къ которому этотъ князь Друзовъ привязался во время своего путешествія по Европѣ. Не должно удивляться, если повсюду въ этомъ краѣ слышишь повтореніе имени Факардина: это герой Ливана и первый азіатскій государь, удостоившій побывать на сѣверѣ. При дворѣ Медичей его встрѣтилъ тогда, какъ неслыханное открытіе: черезъ него узнали, что въ землѣ Саррациновъ существуетъ народъ, преданный Европѣ частію по вѣрѣ, частію по сочувствію. Во Флоренціи Факардина почитали философомъ, наслѣдникомъ греческой византійской науки, сохраненной арабскими преданіями, которыя спасли столько драгоценныхъ книгъ и передали

намъ ихъ благодѣянія. И Факардинъ не отрицался отъ этого званія, потому что ему нужно было содѣйствіе Европы въ борьбѣ его съ султаномъ. Владѣя всѣми берегами древней Финикіи и Палестины, онъ пытался обратить всю Сирію въ независимое государство, однако жъ не успѣлъ, потому что не нашелъ достаточной помощи у европейскихъ государей. Теперь воспоминаніе объ немъ сохраняется на Ливанѣ какъ идеалъ славы и могущества. Развалины его построекъ, разрушенныхъ болѣе войною чѣмъ временемъ, соперничаютъ съ древними работами Римлянъ, Италіянское искусство, которое онъ призывалъ для украшенія своихъ дворцовъ и городовъ, кое-гдѣ набросало орнаментовъ, статуй и колоннадъ, которыя Турки, пришедшіе побѣдителями, успѣли уничтожить и замѣнить своими досчатыми кіосками.

Марониты выстроились на дворѣ, подъ окнами дворца, въ ожиданіи милостиваго вниманія паша. Когда дверь въ сѣни отворилась, я примѣтилъ между чиновниками правителя одного стариннаго знаконца, Армянина, съ которымъ прежде встрѣчался въ Египтѣ. На поясѣ его богатаго кафтана висѣла длинная серебряная чернильница, а въ рукахъ онъ держалъ свертокъ бумаги и нѣсколько брошюръ. Я немножко удивился преобразованію этого господина, потому что въ Египтѣ видѣлъ его въ болѣе нежели скромномъ чинѣ вишаго бродяги. Но на востокѣ не рѣдкость — встрѣтить человѣка втеченіи нѣсколькихъ недѣль и даже дней въ самыхъ противоположныхъ положеніяхъ. Армянинъ также узналъ меня и, по видимому, былъ восхищенъ встрѣчей. Онъ разсказалъ мнѣ, что служить у наши переводчикомъ и что ему поручено между прочимъ перевести книгу Монтескье «О духѣ законовъ» и руководство парижской національной гвардіи. Последнюю работу онъ находилъ довольно трудною и просилъ растолковать нѣсколько выраженій, которыхъ не понималъ. Паша предполагалъ создать въ Бейрутѣ національную гвардію, какая впрочемъ нынче уже существуетъ въ Каирѣ и во многихъ другихъ городахъ на востокѣ. Чтò касается до «Духа законовъ», то эту книгу выбрали по заглавію, полагая, что она содержитъ въ себѣ полицейскіе регламенты, годные къ приложенію во всякой землѣ. У Армянина уже была переведена нѣкоторая часть и онъ находилъ, что книга написана пріятнымъ слогомъ, который, какъ онъ надѣялся, не много утратитъ своей прелести въ его переводѣ.

Я спросилъ, не можетъ ли онъ доставить мнѣ удовольствіе видѣть пріемъ Маронитовъ у наши, но онъ отвѣчалъ, что для

этого непременно нужно имѣть особенное дозволеніе. Сами Марониты снабжены каждый предварительно испрошеннымъ свидѣтельствомъ для пропуску. Маронитскіе и друзскіе шейхи не имѣютъ права входить даже въ городъ Бейрутъ. Вассалы ихъ входить безпрепятственно, но для нихъ самихъ запретъ очень строгъ. Турки онасаются ихъ вліянія на народъ и стычекъ, которыя могутъ произойти на улицахъ между этими предводителями, всегда вооруженными и окруженными многочисленною свитой, готовой драться, за что ни попало. Впрочемъ, Армянинъ разсказалъ мнѣ потомъ, что обыкновенно происходитъ въ подобномъ собраніи. Маронитовъ приглашаютъ сѣсть, каждому подають по трубкѣ и по чашкѣ кофе. Потомъ паша выслушиваетъ ихъ жалобы и непременно каждый разъ отвѣчаетъ, что противники ихъ уже были у него съ жалобами точно такого же содержанія; что онъ зрѣло размыслить и разсудить, на которой сторонѣ правда, и что они вполне могутъ положиться на отеческое правленіе, передъ лицомъ котораго всѣ исповѣданія и всѣ племена пользуются одинаковыми правами.

Выйдя изъ дворца, я пошелъ по темнымъ улицамъ между высокими бейрутскимиъ домовъ, построенныхъ большею частию въ видѣ крѣпостей, и нашелъ населеніе въ движеніи, которое было оставлено полуденнымъ отдыхомъ. Движеніе это особенно замѣтно въ гавани. Всѣ гавани въ этомъ отношеніи, разумѣется, похожи одна на другую, но бейрутская, по множеству разнообразныхъ живописныхъ костюмовъ всѣхъ племенъ и нарѣчій, одна изъ самыхъ картишныхъ.

Неподалеку отъ гавани, во рву, который тянется вокругъ городской стѣны, я опять услышалъ музыку, — инструментальную и вокальную, — и также очень восточную. По веселому характеру ея, я подумалъ, что это должна быть свадьба, но оказалось напротивъ: я увидѣлъ толпу мусульманъ, которые махали флагами или значками; за ними шли другіе, которые несли на плечахъ тѣло въ ящикѣ, въ родѣ гроба; потомъ слѣдовала толпа женщинъ, которыя страшно вопли, потомъ опять толпа мужчинъ съ флагами и древеснымъ вѣтвями и наконецъ зрители, которые провожали всю эту процессію на кладбище. Одинъ италявскій купецъ сказалъ мнѣ, что это не простой покойникъ, а угодникъ, долгое время жившій въ Бейрутѣ, гдѣ Франки считали его съумасшедшимъ, а мусульмане святымъ. Въ послѣднее время онъ обиталъ въ гротѣ, подъ террасою, въ одномъ изъ городскихъ садовъ. Тамъ онъ сидѣлъ совершенно нагой и прии-

наль почитателей, которые со всѣхъ сторонъ приходили къ нему за совѣтами. Иногда онъ проказывался по городу и бралъ въ лавкахъ у купцовъ все, что приглянется, даромъ. Турки были ему очень благодарны за эту честь, потому что онъ черезъ это приносилъ имъ счастье, но Еврейцы не находили этого, пожаловались пашѣ и юродивому запретили входить въ его грота. Турки, не очень многочисленные въ Бейрутѣ, не воспротивились этой мѣрѣ и стали содержать своего юродиваго приношеніями. Когда же онъ умеръ, они принялись праздновать его погребеніе весельемъ, потому что о смерти турецкихъ святыхъ не плачутъ, какъ о смерти обыкновенныхъ людей. Прежде въ подобныхъ случаяхъ давались даже большіе шеры, съ плясками и представленіями. На кладбищѣ провожатые отворили дверь небольшой четырехугольной будки съ куполомъ, которая должна была служить юродивому гробницей. Дервиши понесли его туда, но, подошедши къ двери, вдругъ попятались назадъ и опрокинулись на землю, какъ-будто оттолкнутые невидимою силой. Все собраніе вскрикнуло отъ изумленія. Дервиши съ гнѣвомъ обратились къ толпѣ и замѣтили, что плакальщицы и пѣвцы не исправно поютъ и плачутъ, оттого угодникъ не идетъ въ гробницу. Хоръ гаркнулъ отъ всего усердія, угодника снова понесли, но опять неудачно: дервиши опять опрокинулись наземь. Тогда старики заговорили. Они объяснили, что угодникъ не желаетъ войти въ гробницу ногами впередъ: нужно внести головою. Покойника поворотили.... опять тоже самое. Стали совѣщаться. «Это, быть-можетъ, оттого что угоднику не нравится гробница: нужно построить болѣе достойную». — Нѣтъ, нѣтъ, возразили другіе: покойникъ всегда былъ съ поровомъ. Это онъ ломается просто такъ, не изъ-чего. Нужно поставить его въ эту гробницу. А воть, послѣ повратится. А нѣтъ, такъ еще успѣемъ перенести въ другую. — «Но какъ же его поставить?» спросили дервиши. — Нужно завертѣть, закружить его и, не давъ опомниться, разомъ всадить.

Совѣтъ понравился. Дервиши взяли гробъ за концы, быстро закружились съ нимъ и потомъ вдругъ вскочили въ дверь. Народъ со страхомъ выжидалъ слѣдствій этого маневра: опасались за дервишей, чтобы они не сдѣлались жертвами своей отважности, — чтобы гробница не обрушилась надъ ихъ головами. Но они скоро вышли съ торжествомъ и объявили, что угодникъ послѣ нѣкоторыхъ сопротивленій укротился и лежитъ смирно. Толпа закричала отъ радости и разошлась.

Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе одного маронитскаго шейха или эмира, который звалъ меня въ свое помѣстье, на Ливанъ. Какъ отправиться должно было на другой же день утромъ, то мнѣ оставалось только воротиться тотчасъ же въ гостиницу сньюора Баттисты и позаботиться о наймѣ лошади, которую мнѣ обѣщали достать. Меня проводили въ конюшню, гдѣ было нѣсколько лошадей, все очень тощихъ, очень высокнхъ, съ острыми хребтами какъ у рыбъ, но мнѣ сказали, что это самыя лучшія и самыя способныя для ѣзды по горамъ. Я указалъ на одну, на выдержку, и мнѣ обѣщали къ утру привести ее къ крыльцу. Въ проводники мнѣ дали мальчика, по имени Мусса (Моисей), который очень порядочно говорил по-италіянски.

Пригласившій меня ливанскій эмиръ самъ тоже пріѣхалъ за мною со всею своею свитой. Мы отправились въ путь и я удивлялся бойкости и самоувѣренности, съ какою моя сухонарая кляча шагала по острымъ и подвижнымъ камнямъ, взбиралась на крутизны и спускалась въ овраги.

Въ полдень мы остановились на перепутьѣ въ деревнѣ Бетмеріи, на плоской возвышенности, съ которой видъ въ одну сторону открывался на заливъ, а въ другую на глубокую долину, на горизонтѣ загороженную синими въ туманѣ горами. Мы отправились къ шейху. Его не было дома, однакожъ жена его приняла насъ и угостила простоквашей и плодами. Неподалеку отъ шейхова жилища стоялъ большой домъ съ обвалпвшеюся крышей и обгорѣлыми стѣнами. Мой пріятель, эмиръ, рассказалъ мнѣ, что этотъ домъ подожгли Друзы, въ такое время, когда многія маронитскія семейства праздновали въ немъ свадьбу. Къ-счастью, гости успѣли разбѣжаться.

Бетмерія принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ смѣшанныхъ деревень. Въ ней жителей считается около полуторастадушъ Маронитовъ и около шестидесяти Друзовъ. Дома послѣднихъ стоятъ поодаль отъ маронитскихъ, — шаговъ на двѣсти. Въ-слѣдствіе поджогу произошла кровопролитная драка и паша, въ качествѣ примирителя, поставилъ между двумя партіями деревни небольшою отрядъ Албанцевъ, которые и живутъ насчетъ враждующихъ соперниковъ.

Мы оканчивали нашъ завтракъ, когда шейхъ воротился домой. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ завелъ продолжительный разговоръ съ моимъ пріятелемъ, горько жаловался на присутствіе Албанцевъ и на всеобщее обезоруженіе его области. Повременамъ шейхи шептались между собою, а я, чтобы не мѣшать, вы-

шелъ посмотрѣть на окрестности. Марониты провинціи Эль-Гарбъ, въ которой мы находились, незадолго до того выгнаны изгнать Друзовъ, разсѣянныхъ по многимъ деревнямъ, а тѣ призывали на помощь своихъ за-ливанскихъ единоверцевъ. Маронитами, какъ извѣстно, называются ливанскіе католики, а религія Друзовъ состоитъ изъ пестрой смѣси всѣхъ возможныхъ вѣрованій. Они ходятъ въ магометанскія мечети и въ христіянскіе храмы, однако жъ имѣютъ своихъ жрецовъ и свои священныя книги. Сила Маронитовъ заключается въ провинціи Кезруанъ, а Друзы всего многочисленнѣе на пространствѣ отъ Бейрута до Сентъ-Жанъ-д'Акра. Бетмерійскій шейхъ, вѣроятно, жаловался моему пріятелю также на то, что въ попыткѣ, о которой я упомянулъ, Кезруанцы не приняли участія. Но они не успѣли, потому что Турки вступились на этотъ разъ съ необыкновенною расторопностью. Дѣло въ томъ, что тревога поднялась въ такую пору, когда слѣдовало собирать подать. — Заплатите сперва, голубри Турки, потомъ можете драться, сколько вамъ угодно. И въ самомъ дѣлѣ, прошу покорно собирать подати съ людей, которые взаимно разоряютъ себя и уничтожаютъ другъ у друга жатву на корнѣ! Между-тѣмъ поводомъ почти ко всѣмъ подобнымъ стычкамъ служитъ то, что Друзы не хотятъ вносить подати черезъ Маронитовъ, а въ другихъ деревняхъ, гдѣ Друзовъ больше, Марониты не хотятъ подчиняться Друзамъ.

Отдохнувъ въ Бетмеріи мы, часу въ третьемъ въ исходѣ, сѣли на коней и стали спускаться въ долину, на днѣ которой протекаетъ небольшая рѣчка Наръ-эль-Кельбъ, то есть, Песовая, — древній Lycus. По берегамъ ея и по всей долинѣ разбросаны деревни и множество монастырей, греческихъ, моронитскихъ и лазаревскихъ. Если описать эту долину подробно, выйдетъ картина списанная съ Апениновъ или съ Нижнихъ-Альповъ, картина, которая становится тѣмъ поразительнѣе, когда вспомнишь, что находишься въ мусульманской землѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дамасской пустыни и отъ пыльных развалинъ Балбека. Ливанъ тѣмъ болѣе походитъ на Европу, что и климатъ тамъ умѣреннѣе и народъ оттого дѣятельнѣе, живѣе, промышленнѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ разслабленной зноемъ Азіи.

Къ ночи мы прибыли во владѣніе моего пріятеля, эмира. Жилище его стоитъ на крутомъ холмѣ и чрезвычайно похоже на готическій замокъ. На обширномъ дворѣ, обведенномъ галлерейми на колоннахъ, насъ окружила толпа слугъ и негровъ, которые тотчасъ приняли лошадей. Меня ввелъ въ большой покой,

мобилизованный дивизион. Хозяинъ приказалъ подать ужины, но ешь не остался; выпилъ только стаканъ вина и извинившись, что такъ поздно не можетъ представить мнѣ своему семейству, ушелъ.

Утромъ меня разбудилъ шумъ на дворѣ, поднятый слугами, которые хлопотали около лошадей. Пришло также нѣсколько горцевъ съ съѣстными припасами и нѣсколько маронитскихъ монаховъ. Вскорѣ явился и эмиръ. Онъ повелъ меня въ садъ, расположенный на подобіе террасы между стѣнами замка съ открытымъ въ одну сторону видомъ на долину и на рѣчку Наръ-эль-Кельбъ. Въ саду росли банановыя, пальмовыя, лимонныя и другія деревья, которыя на этихъ высотахъ становятся уже рѣдкостью и роскошью. Эмиръ много говорилъ мнѣ о своемъ семействѣ, о своихъ путешествіяхъ. Онъ выражался очень хорошо по-италіянски, какъ и большая часть ливанскихъ эмировъ и шейховъ. Дѣдъ его бывалъ въ Европѣ и самъ онъ не прочь отъ такого путешествія.

Въ обѣденный часъ, то есть, въ полдень, меня привели на высокую галлерію, открытую на дворѣ. Въ глубинѣ этой галлерей находился альковъ, уставленный диванами и тамъ сидѣли двѣ женщины, поджавъ ноги по-турецки. Маленькая дѣвочка подошла и поцѣловала мою руку, — вѣроятно, по обычаю. Я охотно исполнилъ бы то же самое въ-отношеніи къ дамамъ, но боялся погрѣшить противъ требованій мѣстныхъ нравовъ и ограничился поклономъ. Хозяинъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ за столъ, уставленный множествомъ яствъ. Та же дѣвочка подала мнѣ бѣлое полотенце, вышитое по концамъ серебромъ. Дамы впродолженіи стола оставались въ своемъ альковѣ въ неподвижномъ положеніи, какъ идолы. Когда столъ убрали, мы подошли и сѣли противъ нихъ. Тогда старшая изъ нихъ приказала подать намъ кальяны.

Дамы были одѣты со всею господствующею въ Сиріи роскошью. Ихъ костюмъ — нѣчто въ родѣ жилета, широкіе шальвары и поверхъ этого широкій полосатый халатъ или капоть; тяжелая золотая цѣпь вмѣсто пояса, алмазныя и яхонтовыя ожерелья и на головѣ высокій эмалевый острый, загнутый впередъ рогъ, къ которому прикрѣплено тонкое покрывало. При каждомъ движеніи рогъ, утвержденный въ прическѣ, покачивается, отчего полы покрывала волнуются и лицо то скрывается, то выглядываетъ какъ луна въ облакахъ. Въ волосахъ, упдающихъ на плеча, были вплетены наизнанную па нитки золотыя монеты.

Дамы много разспрашивали о Европѣ и рассказывали о путе-

шественикахъ, которыхъ видѣли. Въ короткое время я совершенно освоился съ семействомъ эмира и съ удовольствіемъ примѣтилъ, что оно откинуло этикетъ перваго дня. Дамы на другой же день одѣлись очень просто и занялись работами своихъ людей. Младшая пошла съ дѣвушками къ колодцу какъ библейская Ревекка и гомсеровская Навенкая. Миѣ показали также шелковое производство, которымъ въ ту пору было занято почти все населеніе, подъ присмотромъ и управленіемъ жены эмира.

На третій день миѣ предложили отправиться на охоту. Я сталъ-было извиняться насчетъ моей неопытности въ этомъ ремеслѣ, чтобы въ глазахъ горцевъ не уронить достоинства Европейца, но дѣло шло просто о соколиной охотѣ. Обычай и предразсудки позволяютъ восточнымъ охотиться только за вредными дикими звѣрьми и потому для охоты за птицами употребляютъ соколовъ, на которыхъ и падаетъ пролитая кровь. Подвели лошадей, принесли соколовъ. Мы отправились въ долину, на берегъ Наръ-аль-Кельба и остановились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка образуетъ колѣно и широкой разливъ, болъшею частію скрытый травомъ и камышемъ. Двѣ цапли, преслѣдуя свою добычу, бродили и повременамъ перелетали съ мѣста на мѣсто по болоту. Мы дали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, чтобы испугнуть скрытыхъ въ камышѣ птицъ. Но ихъ только и оказалась пара. Когда цапли поднялись, спустили двухъ соколовъ, поощряя ихъ криками. Цапли сначала защищались очень отважно, но скоро одна скрылась въ рошу, а другая понеслась въ высь и тогда наступилъ настоящій интересъ охоты. Напрасно цапля уносилась на такую высоту, что пропадала у насъ изъ виду: соколы видѣли ее и не считали даже нужнымъ подниматься на такую же высоту, а дожидались, пока она опять спустится изъ слоя рѣдкаго воздуха, въ которомъ и птицѣ трудно дышать. Дождавшись своей жертвы, оба сокола разомъ напали. Всѣ три птицы съ крикомъ завертѣлись бѣлымъ клубкомъ на лазури неба и черезъ минуту вмѣстѣ упали въ камышъ, гдѣ охотники довольно долго искали ихъ. Цапля была избита, однако жъ еще жила. Ее закололи, чтобы прекратить страданія. Соколамъ дали по куску потрохи и цаплю съ торжествомъ повезли домой. Эмиръ разсказывалъ миѣ объ охотѣ за газелями, на которой также употребляютъ соколовъ, и вызывался устроить такую охоту, но я не пожелалъ видѣть, какъ обученные для этой охоты соколы садятся газелямъ на голову и выклеиваютъ несчастнымъ глаза.

Вечеромъ того дня былъ большой пиръ, на который собралось много сосѣдей, и добытая на охотѣ цапля составляла главное украшеніе стола. Основаніе кухни у обитателей Ливана составляетъ барабанъ, пилавъ съ корицей и шафраномъ, вареная рыба и разные овощи. Вина пьютъ довольно много и женщины уходятъ не дожидаясь окончанія стола, такъ же какъ у Англичанъ.

На другой день послѣ этого мы ходили въ маронитскій монастырь Автуру. Это довольно обширное зданіе, расположенное на высокомъ холмѣ, такъ, что господствуетъ надъ всею окрестностью. Подножіе его окружено большою апельсиною рощей. Черезъ дворъ и устроенный посреди его водоемъ протскаетъ горный ручей. Церковь построена вѣ монастырской стѣны, которою окружены келліи. Монахи занимаются преимущественно винодѣліемъ и добываніемъ деревяннаго масла. У нихъ есть школа для дѣтей окрестныхъ жителей; бібліотека ихъ заключаетъ въ себѣ много книгъ, напечатанныхъ тамъ же, въ горахъ, потому что въ вѣкоторыхъ монастыряхъ есть и типографія. Я видѣлъ даже журналъ подъ заглавіемъ «Горный отшельникъ», который однако уже не издается. Мы слышали, что первая типографія на Ливанѣ заведена сто лѣтъ тому назадъ, въ Маръ-Ганиѣ, алексинѣ монахомъ, который самъ рѣзалъ и отплавлялъ литеры. Вообще ливанскіе монахи занимаются всякими ремеслами и въ тунеядствѣ ихъ упрекнуть нельзя. Есть также много женскихъ монастырей, которые большею частію посвящены воспитанію дѣтей.

Эмиръ провожалъ меня въ нѣсколькихъ прогулкахъ по провинціи Кезруанъ. Главный городъ ея, Газиръ, имѣетъ пять церквей и шесть тысячъ жителей и служитъ мѣстопребываніемъ фамиліи Гобейшъ, одной изъ трехъ знатнѣйшихъ между Маронитами. Остальные двѣ зовутся Аваки и Хозенъ. Потомки этихъ трехъ домовъ считаются сотнями и какъ на Ливанѣ господствуетъ обычай раздѣлять наслѣдство по-ровну между всѣми сыновьями, то имѣнія, естественно, раздробились и оттого есть много такихъ, которыхъ въ насмѣшку называютъ «князьями оливки и творогу», намекая на скудные ихъ средства къ пропитанію. Самыя обширныя владѣнія принадлежатъ фамиліи Казенъ. Кезруанъ раздѣляется на Кезруанъ-Газиръ и Кезруанъ-Бекфаилъ, которые опять подраздѣляются первая на пять, послѣдняя на три области. Въ каждой области есть свое главное мѣстечко или городъ, подъ управленіемъ своего эмира, и около дюжины деревень, управле-

ныхъ шейхами. Всѣ они вмѣстѣ подчиняются эмиру провинціи, который получаетъ свою власть отъ великаго эмира, проживающаго въ Деиръ-Хамаръ. Послѣдній нынче находится въ плѣну у Турковъ и власть его поручена двоимъ каймаканамъ или губернаторамъ, одному изъ Маронитовъ, другому изъ Друзовъ, которые оба подчиняются пашѣ. Отъ этого распоряженія поддерживаются соперничество и вражда, которыхъ не было между Маронитами и Друзами, когда они жили подъ управленіемъ одной главы. У эмира Факардина была великая мысль смѣшать эти племена и уничтожить различія расы и вѣрованій, а теперь поступаютъ наоборотъ, создаютъ изъ двухъ племенъ два различныхъ и враждебныхъ одинъ другому народа.

Можно спросить, какимъ образомъ прежде управлялись ливанскіе владѣтели; какъ они пріобрѣтали расположеніе и вѣрность этихъ различныхъ племенъ. На этотъ вопросъ мой хозяинъ отвѣчалъ, что эмиръ Беширъ былъ христіанинъ по крещенію, Турокъ по жизни и Друзъ по кончинѣ, потому что Друзы съ незапамятныхъ временъ пользуются исключительнымъ правомъ хоронить ливанскихъ властелиновъ. Мой хозяинъ разсказалъ мнѣ по этому поводу еще слѣдующій анекдотъ, за достовѣрность котораго однако жъ, кажется, не совсѣмъ можно поручиться. Одинъ Друзъ и одинъ Маронитъ, идя вмѣстѣ по дорогѣ, спрашивали другъ у друга: — Да какой же вѣры нашъ эмиръ? — Онъ христіанинъ, отвѣчаетъ одинъ. — Нѣтъ, онъ Друзъ, возражаетъ другой. Къ этому спору подоспѣлъ прохожій Турокъ, который сказалъ: — Врете вы оба: онъ мусульманинъ. Такимъ образомъ вопросъ запутался пуще прежняго и спорящіе рѣшились пойти къ самому эмиру, чтобы тотъ рѣшилъ. Эмиръ-Беширъ внимательно выслушалъ просьбу и потому обратившись къ своему визарю, сказалъ: «Вотъ любопытный народъ! Снять имъ головы всѣмъ троемъ!» Если дѣло, можетъ-быть, и не совсѣмъ такъ было, то разсказъ по-крайней-мѣрѣ характеризуетъ всегдашнюю политику ливанскихъ эмировъ.

Я собирался уже простяться съ моимъ гостепрѣимнымъ хозяиномъ, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, разпеселась вѣсть, которая подняла тревогу: изъ сосѣднихъ монастырей прибѣжали испуганные монахи; разсказывали о Друзахъ, которые будто-бы напали въ большомъ числѣ на обезоруженныя бейрутскимъ пашею деревни. Кезруанъ, принадлежащій къ триполійскому пашалыку сохранилъ свое оружіе и слѣдовательно долженъ итти выручать

беззащитныхъ единовѣрцевъ. Вооруженные горцы собрались въ деревнѣ и съ восторженнымъ ждали предводителя и повелѣнія перейти за Наръ-эль-Кельбъ, границу двухъ провинцій, истинный Рубиконъ, за который переступали только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Всадники скакали изъ деревни въ деревню съ военнымъ криками.

Эмиръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Не знаю, что это такое: можетъ-быть намъ принесли очень преувеличенныя вѣсти, но мы всё-таки должны приготовиться къ защитѣ нашихъ сосѣдей. Помощь наши приходитъ обыкновенно уже тогда, когда зло сдѣлано. Вы хорошо сдѣлаете, если укроетесь въ монастырь Антуру или отправитесь моремъ въ Бейрутъ.

Но мнѣ хотѣлось посмотрѣть, чѣмъ кончится война, и я остался. Я даже вызвался принять въ ней участіе и подѣлался, если не пасть на полъ чести, такъ по-крайней мѣрѣ стяжать славу героя. Ночь я провелъ въ мечтахъ о великихъ подвигахъ, которые откроютъ мнѣ новый блестящій путь въ потомство. На зарѣ, когда эмиръ сѣлся на коня, я располагалъ послѣдовать его примѣру, но Мусса рѣшительно не далъ мнѣ лошади, нанятой въ Бейрутѣ только для прѣзда, а не для войны. Противъ этого нечего было возражать и я сѣлъ на лошадь, которую мнѣ одолжилъ эмиръ. Насъ было человекъ двѣнадцать всадниковъ и около трехъ-сотъ человекъ пѣшихъ.

Мы перешли черезъ рѣку и, часа черезъ четыре ходу, остановились у монастыря Маръ-Ганна, гдѣ къ намъ присоединился еще отрядъ горцевъ. Монахи угостили насъ завтракомъ, но по ихъ мнѣнію слѣдовало подождать: ничто еще не показывало, чтобы Друзы произвели нашествіе на область. Между тѣмъ новоприбывающіе утверждали противное и мы рѣшились продолжать походъ. Подъ вечеръ, проходя лѣсомъ, мы вдругъ услышали тревогу и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Я до этого нѣсколько отдѣлился отъ эмира и взобрался на утесистый пригорокъ, чтобы достигнуть деревни, которая видѣлась изъ за вершинъ деревьевъ, и съ нѣсколькими горцами очутился у широкой лѣстницы изъ террасъ обработанной земли. Горцы столпились и принялись атаковать изгородь изъ кактусовъ. Полагая, что дѣло идетъ о томъ, чтобы проникнуть до сидящаго въ засадѣ непріятеля, я также храбро принялся работать ятаганомъ и сочные листья кактуса полетѣли не хуже непріятельскихъ головъ. Скоро образовалась брешь. Товарищи мои ворвались въ

огородъ и, не находя живаго человѣка, съ яростью напали на шелковичныя и оливковыя деревья, рубили и ломали безпощадно. Это безполезное буйство досаждало мнѣ, но я ничего не могъ сдѣлать. Къ большому еще огорченію моему, я увидѣлъ, что мы находимся въ той самой деревнѣ Бетмеріи, гдѣ, за нѣсколько дней, меня такъ гостепріимно принимали. Къ счастью, главный корпусъ арміи приближался. Я поспѣшилъ къ эмиру, чтобы спросить, неужели мы будемъ сражаться только съ кактусами и шелковницами, но онъ жалѣлъ о случившемся и отдалъ приказанія, чтобы тотчасъ перестали разорять сады и не смѣли бы поджигать домовъ, какъ нѣкоторые уже располагались.

— Друзы сдѣлали это у насъ, отвѣчали недовольные Марониты: теперъ мы сильны, наша очередь — отплатить имъ!

Эмиръ нѣсколько смѣшался при этихъ словахъ, потому что право возмездія священно у горцевъ. Тогда я замѣтилъ ему, что Марониты уже испортили кактусовую изгородь и срубали нѣсколько деревьевъ и что это можетъ служить возмездіемъ. Но онъ нашелъ еще болѣе убѣдительный доводъ.

— Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ, что пожаръ могутъ увидѣть изъ Бейрута? Опять пришлютъ Албанцевъ!

Это замѣчаніе совершенно успокоило умы.

Во всей деревнѣ мы нашли только одного человѣка, старика шейха, у котораго я останавливался. Старый Другъ держался очень спокойно и, подошедши къ маронитскому эмиру, сказалъ:

— Миръ съ тобою, Миранъ! Зачѣмъ ты пришелъ на нашу землю?

— Гдѣ твои братья? спросилъ Миранъ: они, вѣроятно, бѣжали, когда завидѣли насъ.

— Ты знаешь, что они не привыкли бѣгать, возразилъ старикъ: но они увидѣли, что ихъ всего горсть противъ твоего народа, и они увели своихъ женъ и дѣтей подальше. Я одинъ хотѣлъ остаться.

— Намъ сказали, что вы призвали вашихъ единовѣрцевъ изъ сосѣдней области и что васъ много.

— Вамъ сказали неправду. Вы послушались недобрыхъ людей, иноземцевъ какихъ-нибудь, которымъ весело смотрѣть, какъ мы рѣжемся между собою:

Старикъ во время этого объясненія стоялъ.

— Развѣ ты полагаешь, что мы беремъ тебя въ плѣнъ? спросилъ маронитскій шейхъ, у котораго происходило свиданіе: мы прежде были друзьями. Зачѣмъ ты не сядишься?

— Затѣмъ что ты въ моемъ домѣ принимаешь меня.

— Ну, полно; забудемъ обо всемъ этомъ. Садись, я велю подать трубки и кофе.

— Развѣ ты не знаешь, что Друзь никогда ничего не принимаетъ ни отъ Турковъ ни отъ друзей ихъ.

— Я Туркамъ вовсе не другъ.

— Какъ же это? Вѣдь они тебя сдѣлали эмиромъ, тогда какъ во времена Ибрагима я здѣсь былъ головою. Тогда твое и мое племя жили въ мирѣ. И не ты ли нынче ходилъ жаловаться на шѣ на дѣло пѣсколькихъ буяновъ, за подоженный домъ, за ссору, которую мы какъ сосѣди уладилъ бы между собою?

Шейхъ потушилъ голову и не отвѣчалъ. Эмиръ прервалъ объясненія, взявъ стараго Друза за руку и вывелъ его изъ дому.

— Со мною ты можешь раздѣлить кофе и трубку, сказалъ онъ располагаясь сѣсть подъ деревьями и подавъ знакъ слугамъ: я ничего не принималъ отъ Турковъ.

— Мы водили дружбу съ твоимъ отцомъ, отвѣчалъ старикъ, и тогда все Друзы и Марониты жили въ мирѣ.

И они долго бесѣдовали о временахъ, когда оба племени были соединены подъ управленіемъ фамиліи Шебабъ и не подвергались произволу пашей.

Согласились, чтобы эмиръ удался со своими людьми, а Друзы воротились бы въ свои дома и не призывали сосѣдей на помощь, уже не вужную. Разореніе, произведенное въ саду, положено считать достаточнымъ возмездіемъ за подоженный домъ и тѣмъ кончилась страшная экспедиція, въ которой я надѣялся прославиться воинскими подвигами.

Не все, конечно, ссоры въ смѣшанныхъ деревняхъ находятъ такихъ миролюбивыхъ посредниковъ, каковъ эмиръ Абу-Миранъ, однако жъ надобно замѣтить, что они вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ одиночныхъ убійствъ, рѣдко бываютъ очень кровопролитны. Эти междуусобныя войны немножко походятъ на испанскія, въ которыхъ непріатели преслѣдуютъ другъ друга въ горахъ, никогда не настигая, потому что, когда одна партія сильна, другая прячется. Кричатъ много, рубятъ деревья, поджигаютъ дома, а убитыхъ считаютъ только сочинители реляцій, которые находятъ въ томъ свою выгоду.

Въ основаніи эти племена уважаютъ одно другое и не могутъ забыть узъ, которыя прежде соединяли ихъ. Тревожные, раздражаемые миссіонерами, монахами, Турками и Европейцами, они иногда схватываются, однако жъ не зло и не надолго. Монахи

вредѣдуютъ, — нужно же взяться за оружіе; англійскіе миссіонеры ораторствуютъ и платятъ деньги, — нужно же явиться храбрыми. Но подо всѣмъ этымъ кроется сомнѣніе и уныніе. Теперь на Ливанѣ, съ цѣлью примиренія будто бы враждующихъ, производится обмѣнъ поземельной собственности, чтобы Друзы ничѣмъ не владѣли на маронитской землѣ, а Марониты не ничѣмъ бы ничего у Друзовъ. Тогда, конечно, можетъ-быть, прекратятся междоусобія, но за то изъ одного народа выйдетъ два.

Мнѣ пора была проститься съ эмпромъ Абу-Мираномъ и я жалѣлъ только, что не видалъ на Ливанѣ битвъ болѣе гомерическихкихъ. Однако жъ слава бетмерійскаго дѣла росла на моемъ пути, благодаря пламенному воображенію италіянскихъ монаховъ, которые изъ вобовща съ кактусами и шелковницами скоро сдѣлали крестовый походъ, и, кто-знаетъ, можетъ-быть, я всё-таки еще буду великимъ полководцемъ и завоевателемъ въ потомствѣ.

МЕКСИКАНСКІЕ ВОДОЛАЗЫ. *Статья Габріеля Ферри.* Во время, когда западная Индія еще признавала верховную власть Испаніи, гавань Санъ-Бласъ, лежащая при входѣ въ Калпфорнійскій Заливъ, служила складочнымъ мѣстомъ для Филиппинскихъ Острововъ. На рейдѣ ея тѣснились корабли съ богатымъ грузомъ китайскихъ шелковыхъ товаровъ и съ привносами Востока; улицы наполняло дѣятельное пародопаселеніе; хорошо вооруженные арсеналы и всегда занятые верфи ставили Санъ-Бласъ на степень самаго важнаго пункта на южномъ берегу. Нынче весь этотъ блескъ угасть: остался только воспоминанія и живописное мѣстоположеніе.

Городъ раздѣляется на двѣ части, верхнюю и нижнюю, — вышгородъ и подоль. Съ арокъ генераль-комендантства, построенныхъ на вершинѣ крутой скалы, взору представляется одинъ изъ самыхъ грустныхъ и вмѣстѣ самыхъ привлекательныхъ видовъ. Съ одной стороны высится молчаливый опустѣлый городъ, угрюмый и печальный какъ все, что упадаетъ и разрушается послѣ временнаго могущества; съ другой частый лѣсъ зелеными вышками, какъ волнами, заливаешь подножіе зданія комендантства и уступами спускается къ морскому берегу. Извилистая дорога то исчезаетъ, то снова появляется между деревьями и также уходитъ на взморье. Тамъ, на песчаномъ берегу, между купами пальмъ, банановъ и кокосовъ, разбросаны живописные бамбуковые шалаши, а за ними лежитъ гладкое блестящее лазоревое зеркало моря, на которомъ мѣстами зеленѣютъ и цвѣтутъ на солнцѣ островки, какъ плавающіе кусты водяныхъ растеній;

Большія скалы торчатъ нпрямидами и рыбацкія лодки съ бѣлыми треугольными парусами какъ чайки скользятъ въ отдаленіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я находился въ Санъ-Бласѣ. Дѣла призывали меня въ Калифорнію и я недѣли двѣ дожидаясь какого нибудь каботажнаго судна, которое бы отправилось въ ту сторону. Наконецъ я нашелъ небольшою гальотъ «Гвадалупу», который шелъ въ Пичилинъ. Условія съ Каталонцемъ, капитаномъ, скоро были порѣшены и я перебрался на бортъ.

На палубѣ были навалены горы вкуснаго крупнаго сашъ бласкаго луку, тыквъ и бабаповъ, которыя съ моимъ чемоданомъ составляли почти весь грузъ гальота. Капитанъ донъ Рамонъ Панипо командовалъ однимъ французскимъ матросомъ, бѣжавшимъ съ китоловнаго судна; однимъ Мексиканцемъ, который имѣлъ претензію на чинъ лейтенанта, на гальотѣ; однимъ Канакомъ, или Сандвичаниномъ; однимъ Китайцемъ, который съ одинаковымъ отвращеніемъ переходилъ отъ поварской должности къ матросской, и обратно, и наконецъ двумя молодыми Апачами, дикарями изъ непокоренныхъ племенъ, обитающихъ на сѣврѣ отъ Соворы. Послѣдніе служили юнгами.

Капитанъ, когда не возился съ матросами, которые очень плохо слушались его, прогуливался по палубѣ, курилъ или производилъ инспекторскій смотръ своимъ луковницамъ и тыквамъ. Французъ присвоилъ себѣ должность кормчаго и изволилъ пребывать у руля, то есть почью спокойно спать, а днемъ дремалъ или болталъ и доказывалъ, что онъ Парижанинъ. Мексиканецъ, въ пріятной увѣренности что онъ на суднѣ офицеръ, цѣлый день лежалъ въ челнѣ и бречалъ на мандолинѣ, съ которою никогда не разставался. Китаецъ, ссылаясь на двойную службу, въ кухнѣ и на палубѣ, ничего не дѣлалъ ни въ кухнѣ ни на палубѣ. За него и за многихъ другихъ работалъ Канакъ, который за то и получалъ, какъ обыкновенно, меньше всѣхъ жалованья и награды. Юнги Апачи проводили время какъ настоящіе дикари, въ упражненіяхъ съ ножами. Они по нѣскольку часовъ сряду сядѣли другъ противъ друга, выставивъ каждый свою голую ногу и медленно повертывая ножъ между пальцами. Кто кого успѣетъ ранить, быстро уронивъ ножъ, тотъ и выигралъ. Противникъ, разумѣется, старался еще проворнѣе отдернуть ногу. Это пріятное развлеченіе часто подавало поводъ къ забавнымъ кувырканьямъ и почти всегда оканчивалось лужею крови на палубѣ.

Анархію на палубѣ «Гвадалупы» не должно считать исключе-

ніемъ: я могъ бы привести множество примѣровъ такой невѣроятной слабости мексиканскихъ мореходовъ. Отеутствіе законовъ и страхъ лишиться матросовъ, которыхъ вербовать трудно, не позволяютъ капитанамъ прибѣгать къ исправительнымъ мѣрамъ, которыя одни способны поддержать дисциплину на кораблѣ. Впрочемъ, донъ Рамонъ спосилъ свою участь съ примѣрнымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ.

Прошло двѣ недѣли, съ-тѣхъ-поръ какъ мы подняли якорь, а мы всё-еще полагали, что до Пичилина далеко. Вода въ бурдюкахъ попортилась подъ отвѣсными лучами солнца, ризъ я возненавидѣлъ, вяленое мясо наскучило мнѣ до смерти. Я отъ всей души желалъ увидѣть конецъ плаванію, когда однажды, на закатѣ солнца, Парижанинъ кормчій сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ къ нему.

— Посмотрите, сказалъ онъ, указывая на отдаленную чуть-примѣтную точку: посмотрите-ка! вѣдь это Черальбо, за которымъ лежитъ Эспириту-Санто!

— Чтò же это значить? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Это значить, что мы миновали Пичилинъ миль на шестьдесятъ, а капитанъ полагаетъ, что мы шестьдесятъ не дошли, значить, итого, промахнулись на сто-двадцать миль. Это еще не очень много, когда всёхъ слѣдовало пройти двѣсти-сорокъ.

— Вѣрно ли это, что мы миновали Пичилинъ?

— Это такъ вѣрно какъ то, что французскій капитанъ умеръ бы съ досады отъ такой прорухи, а донъ Рамонъ и усомъ не поведетъ.... Капитанъ! берегъ!

— О! ну, тѣмъ лучше, отвѣчалъ капитанъ: я полагалъ, что еще далеко.

Онъ всмотрѣлся въ даль, примѣтилъ свою двойную ошибку и, всколко не теряя веселаго расположенія духа, сказалъ мнѣ:

— Мы немножко подалее зашли. Счастье еще, что не на сто миль: вѣдь мнѣ же пришлось бы кормить васъ! Нечего дѣлать, отдохнемъ на Черальбо, а потомъ воротимся, я васъ доставлю въ Пичилинъ.

Солнце уже спускалось на горизонтъ, когда указанные острова стали явственны. Оно стало заходить, когда мы подошли къ проливу, который отдѣляетъ Черальбо отъ Эспириту-Санто. Ничего нѣтъ печальнѣе виду этихъ двухъ острововъ, съ крутыми, черными скалистыми берегами, о которые волны разбиваются въ мелкую бѣлую пыль. Эти острова бываютъ населены только

впродолженіи двухъ мѣсяцевъ въ году, въ іюлѣ и въ іюлѣ, когда производится ловля жемчугу. Мы прибыли въ концы іюля.

Мы стали различать временныя шалаши промышленниковъ и людей, заведенныя между скалами у береговъ, какъ вдругъ отъ острова Черальбо по направленію къ сосѣднему понеслись двѣ лодки. Въ каждой было по одному гребцу, изъ которыхъ одинъ, по видимому, преслѣдовалъ другаго. Крики на берегу доказывали, что тамъ принимаютъ живое участіе въ этомъ приключеніи. Лодки, состязаясь въ быстротѣ, летѣли по волнамъ, которыя къ ночи начинали стихать. Мало-по-малу выгода клонилась на сторону преслѣдователя. Нашъ экипажъ изволновался отъ этого зрѣлища: матросы и юнги полѣзли на снасти, капитанъ вооружился зрительною трубой и, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Онъ погибъ!

— Кто? спросилъ я.

— Тотъ, который утекаетъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— Потому что его преслѣдуетъ Хозе-Хуанъ.

Это имя еще ничего не объясняло мнѣ, но я счелъ бесполезнымъ новыми распросами тревожить капитана, который очевидно принималъ живое участіе въ слѣдствіяхъ погони. Я сталъ также внимательно наблюдать, что будетъ. Гальотъ все подвигался и разстояніе наше отъ пловцовъ постепенно сокращалось, такъ, что мы уже удобно могли видѣть движенія борьбы.

Преслѣдуемый старался достигнуть небольшой губы, единственнаго мѣста, гдѣ можно было причалить къ острову Эспириту-Санто. Онъ шелъ по прямой линіи къ этой губѣ. Хозе-Хуанъ сначала, по-видимому, не догадывался объ этомъ намѣреніи и какъ-будто отходилъ всторону, поднимался вверхъ по проливу. Преслѣдуемый со страхомъ оглядывался на него и удвоявалъ напряженіе, но, вѣроятно, ему приходилось бороться съ стремительнымъ теченіемъ, потому что лодка его подвигалась очень медленно. Хозе Хуанъ, напротивъ, поднявшись на известное разстояніе, вдругъ поворотилъ и сталъ спускаться по діагонали съ видимою легкостью, такъ, что долженъ былъ достигнуть губы раньше бѣглеца.

— Ну, чего онъ, глупый, напрасно надрывается на веслахъ! сказалъ капитанъ: пора ему сдаться.

И действительно, отъ унынія ли, или отъ усталости, бѣглець сталъ гребти медленно. По-временамъ онъ оглядывался на свое-

го преслѣдователя и, когда тотъ сталъ подходить очень близко, онъ вдругъ какъ-будто рѣшился, бросилъ весла, всталъ на носъ лодки и устремилъ глаза въ воду.

— Стумасшедшій! закричалъ капитанъ: онъ думаетъ въ водѣ уйти отъ перваго пловца и водолаза по всѣмъ окрестнымъ берегамъ!

Между-тѣмъ другаго спасенія не оставалось. Наступала ночь; вода темнѣла. Еще нѣсколько минутъ и несчастный можетъ укрыться отъ преслѣдователя, если предположить, что причина побѣгу довольно важна, длятого чтобы подвергнуться встрѣчѣ съ акулами. Хозе-Хуанъ еще нѣсколько разъ ударилъ веслами, лодка его стукнулась о бортъ съ лодкою бѣглеца и тотъ нырнулъ. Вода всалеснула, взволновалась и опять выровнилась. Пришла Хозе-Хуанова очередь. Онъ спокойно положилъ весла и также всталъ на носъ своей лодки. Въ одной рукѣ у него была сѣть, въ которой водолазы выносятъ жемчужныя раковины, въ другой довольно длинная веревка. На мгновеніе онъ оставался въ нерѣшимости, потомъ бросилъ сѣть, подобралъ веревку и исчезъ въ водѣ, между-тѣмъ какъ двѣ лодки, предоставленныя теченію, качаясь, толкались одна о другую.

Прибрежныя скалы острова Черальбо были усыяны зрителями, которые со страхомъ и любопытствомъ слѣдили за этимъ страннымъ зрѣлищемъ. Экипажъ «Гвадалупы» былъ въ восторгѣ. Канака не могъ безъ упонительнаго трепету смотрѣть на потѣху или борьбу, которая напоминала ему родные его острова; Апачи, цѣпляясь за снасти, какъ обезьяны, визжали отъ удовольствія.

Черезъ минуту на поверхности воды показалась голова. То былъ бѣглець. Онъ плылъ къ Эспириту-Санто со всею силою отчаянія, но вдругъ какъ-будто могучій водоворотъ втянулъ его и поглотилъ. Онъ исчезъ и только легкая цѣна убѣжала струи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ окупнулся. Очевидно было, что подъ водою происходитъ борьба, но съ кѣмъ? съ Хозе-Хуаномъ или съ однимъ изъ тѣхъ свирѣпыхъ чудовищъ, отъ одного виду которыхъ дрожь пробѣгаетъ по жиламъ? Между-тѣмъ цѣна все бѣлѣлась и не окрашивалась кровью. Это успокоило зрителей. Накопецъ вода снова раздалась; показалась голова, потомъ другая. Одинъ былъ Хозе-Хуанъ, другой — бѣглець, который уже держался на водѣ только работою ногъ: руки были связаны. Эта удивительно ловкая штука, исполненная подъ водою, произ-

вела на галютѣ и на берегу громъ рукоплесканій и криковъ :
— Viva José Juan! que viva!

— Не говоривъ ли я вамъ, что тотъ погибшій человекъ, за кѣмъ гонится Хозе-Хуанъ! сказалъ, обращаясь ко мнѣ, капитанъ донъ Рамонъ.

Темнота быстро наступавшей ночи скрыла отъ насъ развязку этой необыкновенной сцены, но черезъ нѣсколько минутъ мы услышали на берегу жалобные стоны, перемѣшанные съ насмѣшливымъ хохотомъ, и глухой ропотъ одного человека въ борьбѣ противъ многихъ. Потомъ все смолкло.

«Гвадалупа» стала на якорь въ полувыстрѣлѣ отъ берега Черальбо, гдѣ водолазы, вымывальщики и промышленники, послѣ тяжкихъ трудовъ и опасностей, предались отдыху. Луна своими блѣдными лучами озаряла медленную зыбь моря. Длинные гряды волпъ съ однообразнымъ плескомъ разбивались о берегъ, заваленный перломутровыми раковинами. На острову было такъ тихо и темно, что его можно было считать необитаемымъ.

Острова Черальбо и Эспириту-Санто несконн славятся въ Калифорнійскомъ Заливѣ своими банками жемчужныхъ раковинъ и обиліемъ черепахъ. Первый открылъ здѣсь клады (placer) жемчужныхъ раковинъ одинъ испанскій солдатъ. Онъ въ одно мѣсто нашелъ триста-тысячъ франковъ. Съ тѣхъ-поръ промышленники ежегодно разрабатываютъ этотъ источникъ втеченіи іюня и іюля мѣсяца. Добываніе жемчуга составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей промышленности и торговли Мексики. Счастливый случай привелъ меня на одинъ изъ главнѣйшихъ театровъ этой промышленности и я рѣшился воспользоваться имъ. Меня въ особенности занимали двѣ вещи: во-первыхъ, состояніе самой ловли жемчуга; во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось знать причину и слѣдствія странной сцены, которую я видѣлъ.

Когда случай или изслѣдованія открываютъ въ Мексикѣ золотую или серебряную руду, объ этомъ тотчасъ доносятъ правителю, который разрѣшаетъ разработку всякому, кромѣ иностранцевъ, солдатовъ и духовныхъ. Разработка должна быть начата втеченіи одного года и одного дня со дня объявленія: въ противномъ случаѣ найденное становится тотчасъ же государственною собственностью. Почти тѣ же самыя формы соблюдаются и въ отношеніи къ ловлѣ жемчужинъ.

Владѣльцы *кладовъ*, или подводныхъ скалъ съ жемчужными раковинами, набираютъ между туземными индѣйскими племенами нужное число *бузосовъ*, или водолазовъ, которые, такъ же какъ и

рудожены, слушать изъ доли. Какъ скоро ловля начинается, они становятся предметомъ неуслышнаго надзора и украсть значительную жемчужину имъ труднѣе нежели, можетъ-быть, кажется. Надзоръ этотъ поручается *капатасу*, или десятнику, котораго власть неограниченна и который всегда отличается правдивностью и физическою силой, способною внушить дикарямъ-работникамъ уваженіе и страхъ.

Водолазъ отправляется на промыселъ со всею своимъ семействомъ и сверхъ того за нимъ тащется колдунья, старуха, которая въ свою очередь промышляетъ насчетъ легковѣрія Индѣйцевъ. Колдунья заговариваетъ акулъ. Это ремесло въ жемчужномъ промыслѣ, быть-можетъ, одно изъ самыхъ спокойныхъ и самыхъ доходныхъ. Потомъ слѣдуютъ барышники, скупающіе у водолазовъ ихъ заработки, выплачиваемые жемчугомъ. Потомъ разные другіе мелкіе торговцы и промышленники, содержатели кабаковъ, игорныхъ домовъ, или шалашей (*casas de partida*). Какъ пора жемчужной ловли совпадаетъ съ порою ловли черепахъ, которая также привлекаетъ къ Черальбо и Эспириту-Санто многочисленныя флотиліи промышленниковъ, то эти острова, пустынные втеченіи десяти мѣсяцевъ, вдругъ на два мѣсяца, чрезвычайно оживляются.

Водолазы ныряютъ съ лодокъ. На каждой лодкѣ ихъ двое, одинъ въ водѣ, другой отдыхаетъ. Для того чтобы легче доставать дно, они бросаются въ воду на веревкѣ съ камнемъ, который у привязи держатъ пальцами ногъ. По этой же веревкѣ они поднимаются, когда наберутъ въ обвязавшую въ видѣ передника сѣтку достаточное число раковинъ, оторванныхъ отъ скалъ въ десяти и двѣнадцатп-саженной глубинѣ. Водолазъ перѣдко остается подъ водою до четырехъ минутъ, зато почти всегда выходитъ измученный усталостью. Такимъ образомъ они ныряютъ разъ сорокъ или пятьдесятъ въ день. Лучшими водолазами почитаются Индѣйцы Гіаки, живущіе по берегамъ рѣки того же имени, близъ Гуаймаса.

Около жемчужныхъ ловель постоянно и въ большомъ числѣ ходятъ акулы и Гіаки ныряютъ въ этомъ страшномъ сосѣдствѣ съ такою отважностью, что нельзя смотрѣть безъ содроганія, особенно, когда подумаешь о единственномъ оружіи, какое они имѣютъ при себѣ: это—коротенькая деревянная палка, заостренная и для крѣпости обожженная съ концовъ. Она называется *эстака* и носится у пояса кожаныхъ штановъ.

Извѣстно, что акула, по образованію верхней своей челюсти,

принуждена оборачиваться брызгами шверта, чтобы схватить свою добычу. Эту-то минуту водолазы подбирают, чтобы захватить свою палку въ пасть чудовищу, такъ, чтобы оно не могло уже стиснуть зубовъ. Таки боится только одной породы акулъ, называемой *tinogega*, на которую смотреть съ такимъ же ужасомъ какъ непривычныя на обыкновенныхъ акулъ.

Вечеромъ добытыя раковины выгружаются изъ лодокъ и складываются кучами на берегу, гдѣ они подъ особенныхъ при-смотромъ капатасовъ гниютъ на солнцѣ и вскрываются. Потомъ приступаютъ къ промывкѣ въ большихъ деревянныхъ локанитъ; съ жадностью роются въ отвратительной напѣ, которая распро-страняетъ вонь на всю окрестность, и выбираютъ драгоценныя перлы.

Добываемый такимъ образомъ жемчугъ по всему берегу Калифорніи и въ Лорето вообще не отличается бѣлизною и чистотою блеска, какъ индѣйскій жемчугъ: цвѣтъ его болѣею частью сивеватый. Самый крупный бываетъ съ темно-сіюетовыми отли-вами. Форма его болѣею частью грушевидная.

По окончаніи лова, все кочующее населеніе острововъ снова садится на лодки; Индѣйцы возвращаются въ города, занимать-ся на другія работы; барышники пускаются въ странствіе по домамъ, продавать свой товаръ; промышленники и капатасы ве-зуть свою добычу главнымъ владѣльцамъ и распорядителямъ промысла; острова пустѣютъ, до новой поры. Виродолженіи это-го промежутка таинственная работа, производящая жемчужины, снова совершается, подводныя скалы снова усеиваются ракови-нами.

Вскрытыя, опорожниныя раковины прежде отдавались на европейскіе корабли въ видѣ балласта съ придачею преміи или платы; впоследствии мѣстное правительство обратило ихъ въ предметъ спекуляціи и стало продавать. Изъ нихъ какъ извѣст-но, добывается перломутръ.

Я уже говорилъ, что прибылъ къ Черальбо и Эспириту-Санто въ пору самой живой дѣятельности жемчужныхъ промышленни-ковъ. На утро, когда я вышелъ на палубу, глазамъ моимъ пред-ставилась удивительная картина: множество лодокъ съ разноцвѣт-ными флагами покрывали поверхность моря, — одніе сновали крестъ-на-крестъ, другіе стояли неподвижно: одни водолазы ки-дались въ воду, другіе отдыхали и грѣлись на солнцѣ или смывали кровь, которая шла у нихъ носомъ и ушами отъ про-должительнаго давленія воды на грудь; третьи, у береговъ,

сферами лавки черепахъ. Повременамъ на вышнихъ прибрежныхъ утесахъ появлялись оборванные страшныя старухи, которыя, проткнувъ руки надъ водою, съ разными крикливыми проносами волшебныя заклинанія. Вся эта живописная картина, постоянный плескъ воды отъ множества вырывающихся водолазовъ, крики сигналовъ, ненуждой, брани, шумъ на землѣ съ шумомъ на морѣ, таинственное пѣніе заклинальщицъ и повременамъ появленіе на водѣ хребта или хвоста акулы, — всё эти страшныя и разнообразныя сцены составляли для Европейца зрѣлище въ высшей степени занимательное.

Капитанъ донъ-Рапонъ далъ мнѣ лодку и я отправился на берегъ. Островъ Черальбо самъ по себѣ съ перваго взгляду не представляетъ ничего пріятнаго. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега находится пѣлая деревня, или нѣсколько деревень, состоящихъ изъ шалашей, которые построены изъ досокъ, обломковъ лодокъ, бамбуковаго тростнику и пальмовыхъ листьевъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ шалашей находятся промывальни, гдѣ повременамъ раздаются радостныя крики при находкѣ крупной жемчужины. Въ другихъ мѣстахъ несчастныя черепахи живьемъ жарятся на огнѣ въ собственныхъ черепахъ и корчались, страдали ужасно. Этими способомъ съ нихъ снимаютъ черепъ. Въ иныхъ мѣстахъ плели или чинили сѣти, приготовляли эстакасы или точили остроги, — словомъ, дѣятельность на землѣ равнялась дѣятельности на морѣ.

Мнѣ нужно было найти себѣ пріютъ на ночь, потому что я желалъ ознакомиться съ островомъ какъ-можно ближе, но всё шалаша съ виду такъ жалки и грязны, что трудно было рѣшиться.

Вдругъ глухой шумъ, поднявшійся съ моря, положилъ копецъ моему колебанію. Водолазы спѣшили на лодки и оттуда, вытянувъ шею, внимательно и со страхомъ смотрѣли на одно мѣсто, на водѣ; колдуны удвоили вопли и заклинанія. Черезъ нѣсколько времени на поверхности воды показалось страшное лицо, описало нѣсколько большихъ круговъ и опять стало медленно погружаться. Водолазы и всё промышленники подняли провозительный крикъ, чтобы испугать его.

— Это тинторера, сказалъ мнѣ одинъ Мексиканецъ, который находился въ числѣ зрителей: въ водѣ теперь остался только одинъ водолазь, но этому тинторера — то же, что намъ съ вами какая-нибудь мелкая рыбаца!

— Какъ! неужели теперь съесть кто-нибудь подъ водою? вскричалъ я.

— Есть, — Хозе-Хуанъ.

Мнѣ во второй разъ втеченіи однихъ сутокъ отвѣчали этимъ именемъ съ такимъ лаконизмомъ, изъ котораго слѣдовало заключить, что всѣ подробнѣйшія объясненія не нужны. На этотъ разъ, едва Мексиканецъ произнесъ имя, и самъ носящій его появился на поверхности воды и съ необыкновенной быстротой и ловкостью вскочилъ въ лодку. Черезъ секунду потомъ взвился конецъ перерѣзанной веревки. Точно такъ же и самъ водолазъ могъ бы быть перерѣзанъ зубами акулы. При появленіи его на лодкѣ отовсюду раздались радостные крики и рукоплесканія.

Хозе-Хуанъ принялъ ихъ какъ заслуженную, но всё-таки пріятную дань, сколько можно было судить по гордому презрѣнію, съ какимъ онъ провожалъ уходящаго непріятеля глазами.

Но Мексиканецъ вздохнулъ и сказалъ мнѣ съ сожалѣніемъ:

— Годъ тому назадъ, вы увидѣли бы зрѣлище позанимательнѣе. Хозе Хуанъ непремѣнно схватился бы съ этою акулою и не упустилъ бы живую. Онъ, правда, и теперь не трусь, но онъ умелъ для жены, которая стоитъ вонъ тамъ, на берегу, и до-сихъ-поръ опомниться не можетъ. Еще въ прошломъ году онъ убилъ тинтореру, чтобы спасти своего друга.... Хотите, я вамъ расскажу эту исторію?...

— Нѣтъ, благодарю. Я лучше самого Хозе-Хуана попрошу, чтобы рассказалъ. Я располагаю попроситься къ нему на ночлегъ.

Нерѣшимость моя кончилась. Шалашъ, въ которомъ жилъ такой человекъ, не могъ казаться мнѣ грязнымъ или неприютнымъ.

Шалашъ отважнаго водолаза стоялъ на довольно значительномъ разстояніи отъ другихъ и почти на краю острова Черальбо. Онъ былъ прислоненъ къ утесу, въ расщелинахъ котораго росли кактусы. Съ порога открывался видъ на взморье и на крутые берега противоположнаго острова, откуда долетали звуки прибоя.

Хозе-Хуанъ принялъ меня очень радушно и вѣжливо. Онъ метсъ, то есть сыпь Индѣйца и бѣлой. Мѣдиопѣтливое лицо его не представляетъ ничего особенно примѣчательнаго. Росту онъ средняго, руки почти вѣжны, но широкія мускулистыя плечи доказываютъ необыкновенную силу, а тонкія ноги — проворство.

Въ шалашѣ я нашелъ его молодую жену. Она готовила ужинъ. Онъ состоялъ въ печеной черепахѣ, обильно приправленной ли-

моннымъ сокомъ, гвоздикой и индейскимъ перцемъ. Пробывъ двѣ недѣли нахлѣбникомъ у капитана донъ Рамона, я нашелъ это блюдо удивительно вкуснымъ, а Хозѣ-Хуану изрядно понравилась бутылка водки, которую я принесъ съ корабля.

Наступила ночь. Свѣтильникъ съ черепашинымъ саломъ распространялъ мало свѣту и много копоти. Молодая женщина слушала нашъ разговоръ, сидя съ нами на землѣ. Черезъ отворенную дверь видно было, какъ блестящія волны набѣгаютъ на песчаный берегъ; небо занеслось звѣздами. Мѣсто и время, все благоприятствовало любопытнымъ и страшнымъ разговорамъ и я рѣшительно приступилъ къ дѣлу.

— Признаюсь, сивьоръ Хозѣ-Хуанъ, если что-нибудь подстрекаетъ здѣсь мое любопытство, такъ это вы сами, сказалъ я.

Хозѣ-Хуанъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Два странныя обстоятельства, въ которыхъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ, и все, что я потомъ слышалъ, конечно, оправдываютъ мое любопытство и я надѣюсь, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго.

— Вы говорите о типторерѣ, которая чуть не перекусила меня на двое? Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: это у насъ случается довольно часто.

— Согласенъ. Но что вамъ сдѣлалъ несчастный, котораго вы преслѣдовали и потомъ потащили на арканѣ?

— Мнѣ лично — ничего. Зато я и ловилъ его безъ всякаго озлобленія, отвѣчалъ Хозѣ-Хуанъ со смѣхомъ: но, по должности капатаса, я обязанъ былъ заставить его отдать дорогую жемчужину, которую онъ проглотилъ и намѣревался благополучно сварить у своихъ друзей на Эспириту-Санто.

— Какъ же вы заставляли его отдать? Это, кажется, не легко.

— Нѣтъ ничего легче. Влили въ горлю хорошій приемъ черепашняго сала, тотчасъ же отдалъ. Это тоже довольно часто случается.

— Но вы согласитесь по крайней мѣрѣ, что не всякій день можно встрѣтить людей, которые сражаются съ акулами, чтобы спасти друга, какъ вы, говорить, сдѣлали, сказалъ я допивая хозяину стаканъ.

При этихъ словахъ молодая хозяйка страшно поблѣднѣла и я догадался, что безъ намѣренія пробудилъ тягостное воспоминаніе о какой-нибудь семейной драмѣ. Однако жъ Хозѣ-Хуанъ оставался спокоенъ и, отвѣчая суровымъ взглядомъ на умоляющій взглядъ жены, повелительнымъ жестомъ заставилъ ее выйти.

Когда дверь шалаша затворилась за нею, лицо Хозе-Хуана просіяло дикою гордостью.

— Не знаю, отчего, сказалъ онъ, но я никогда еще не чувствовалъ такого раеположенія къ откровенности.... Вы сказали, что завтра отправляетесь?

— Завтра, на зарѣ.

— Ну, хорошо, я расскажу вамъ мою исторію.

Я наполнилъ ему еще стаканъ водки, которой, вѣроятно, должно приписать явленіе необыкновенной откровенности, и Хозе-Хуанъ началъ рассказъ.

— Въ началѣ прошлаго лова у насъ былъ человѣкъ, котораго я встрѣчалъ всюду. Онъ былъ водолазъ такъ же какъ и я. Его звали Рафазлемъ. На промывкѣ, подъ водою, на берегу, — всюду мы встрѣчались и оттого подружился, тѣмъ болѣе, что онъ былъ первымъ моимъ соперникомъ по ловкости, силѣ и отважности. Сверхъ того онъ всегда былъ веселымъ товарищемъ.

Мы жили всегда мирно. Но вдругъ, однажды утромъ, отправляясь на работу, я встрѣтился съ одною изъ тѣхъ старухъ, которыхъ вы видѣли на берегу и которыя увѣряютъ насъ, что обладаютъ силою прогонять и укрощать акулъ. Старуха сидѣла не далеко отъ моего шалаша и, казалось, поджидала меня.

— Здравствуй, Хозе-Хуанъ! сказала она, когда я поровнялся съ нею.

— Здравствуй, матушка, отвѣчалъ я располагая пройти мимо.

Но старуха не отставала.

— Выслушай, голубчикъ, продолжала она: я скажу тебѣ важную вещь.

— Чтѣ такое?

— Ты, конечно, не запрешься, что сердце твое живетъ на Эспириту-Санто и что ты каждую ночь переплываешь черезъ проливъ, чтобы повидаться со своею милою.

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Я знаю, и довольно. Слушай же Хозе, этотъ путь вдвойнѣ опасенъ тебѣ. Акулы, заговоренныя только на день, ночью свободно могутъ подстерегать и ловить неосторожныхъ, а на берегу про тебя найдется врагъ еще болѣе опасный, такой, на котораго и пашп заклинанія не дѣйствуютъ. Противъ всѣхъ этихъ опасностей я хочу предложить тебѣ помощь.

Въ отвѣтъ на это я расхохотался. У старухи глаза засверкали отъ гнѣву.

— Ты не вѣришь въ мое могущество? вскричала она: ну, ладно, зато другіе вѣрятъ. Вотъ посмотри....

И говоря это, колдунья показала мнѣ большую очень замѣтную жемчужину, которую я подарилъ Хесуситѣ, молодой дѣвушкѣ, на которую старуха намекала.

— Кто тебѣ далъ это? вскричалъ я.

— Кто! самъ знаешь. Спроси лучше, за чтѣ и для кого.

— За чтѣ же? для кого? закричалъ я въ бѣшенствѣ.

— За то, чтобы я заговорила акулъ, чтобы не съѣли любовника одной очень миленькой дѣвушки, которую ты знаешь.... да только любовникъ-то не ты, а другой, сказала колдунья съ злобынъ смѣхомъ.

Въ первую минуту мнѣ очень хотѣлось раздавить, растоптать ногами проклятую. Но чтобы не потѣшить ея еще больше моимъ раздраженіемъ, я принялъ спокойный видъ и сказалъ:

— Ступай, ступай, матушка; ты лжешь.

И я поспѣшилъ на работу.

Съ нетерпѣніемъ дождавшись вечера, я по обыкновенію отправился вплавъ на Эспириту-Санто, гдѣ жила Хесусита, моя невеста. Ея видъ, ея пріемъ, совершенно разсѣяли мои подозрѣнія, всё таки пробужденныя навѣтами колдуни.

Прошла недѣля, я совсѣмъ забылъ о колдуньѣ, какъ вдругъ, однажды, возвращаясь въ темную ночь домой, я примѣтилъ, что навстрѣчу мнѣ плыветъ чтѣ-то похожее на человѣка. Мнѣ живо представилось все, чтѣ говорила старая вѣдьма, и сердце у меня судорожно сжалось. Врагъ мнѣ былъ ни почемъ, но соперника я ужасался.

Чтобы узнать пловца, я поплылъ къ нему подъ водою и, рассчитавъ разстояніе, вынырнулъ. Отъ прилива въ голову, въ глазахъ у меня было темно, такъ, что я сначала ничего не могъ разглядѣть, однако жъ продолжалъ плыть почти рядомъ. Черезъ минуту я узналъ Рафаэля....

Я видѣлъ, продолжалъ съ мрачнымъ выраженіемъ Хозе-Хуанъ: я видѣлъ какъ онъ доплылъ, выбрался на берегъ и пошелъ къ хижинѣ, изъ которой я только что вышелъ. Была минута когда мнѣ хотѣлось окликнуть его, остановить, но я самъ не знаю почему я не сдѣлалъ этого. Потомъ мнѣ показалось, что я слышу насмѣшливый хохотъ колдуньи и вижу, какъ она своею костлявою рукой указываетъ на хижну моей невѣрной невесты. Я выхватилъ ножъ изъ-за пояса и бросился по слѣдамъ соперника.

Въ нѣсколько мгновений я очутился у дверей хижины и сталъ прислушиваться. Тамъ разговаривали, но до меня доходилъ только неважный шопоть. Я рѣшился непременно избавиться отъ соперника, однакожь столько собрался съ духомъ и хладнокровіемъ, что обдумалъ средство избѣгнуть суда.

Не очень давно у насъ обнародованъ законъ, который всѣмъ водолазамъ и рыбакамъ предписываетъ употреблять въ работѣ ножи съ притупленными концами и который наказываетъ смертию всякаго, кто заколетъ или только нанесетъ отвѣсную рану. Послѣ обнародованія этого закона, одинъ изъ нашихъ, поссорившись съ товарищемъ, распоролъ ему брюхо поперекъ, горизонтально. Его схватили, стали судить и алькадь уже рѣшилъ-было, что тутъ долго толковать нечего, казнить убійцу, да и конецъ. Но тотъ оперся на законъ и говоритъ, что ножъ у него былъ съ притупленнымъ концомъ и рана нанесена поперечная, горизонтальная, а не отвѣсная. Замѣчаніе показалось алькадѣ очень справедливымъ. Онъ пожурилъ подсудимаго за запальчивость и отпустилъ, потому что въ законѣ ничего не сказано о ранахъ, нанесенныхъ вожемъ съ притупленнымъ концомъ.

Я очень кстати вспомнилъ объ этомъ случаѣ въ ту самую минуту, когда обнажилъ свой ножъ. Я вспомнилъ также, что ножъ у меня съ острымъ концомъ и хотѣлъ притупить его, но ударилъ о камень такъ неосторожно, что переломилъ клинокъ у самой рукоятки.

Лишенный единственнаго оружія къ мщенію, я поспѣшилъ воротиться за другимъ. Прибѣжалъ на берегъ, отвязалъ чужую лодку и поплылъ. Бѣшенство придавало мнѣ силы. Я скоро достигъ своей хижины, взялъ другой ножъ и, на этотъ разъ уже не думая объ остромъ концѣ, опять пустился къ Эспириту-Санто.

Начинала подниматься непогода. Въ темнотѣ ночи волны искрились фосфорическимъ огнемъ и къ вою вѣтра по временамъ примѣшивались плачевные крики морскихъ птицъ. И вдругъ меня поразилъ еще крикъ изъ самаго моря. Я вслушался, но порывъ вѣтру скоро заглушилъ этотъ крикъ и мнѣ показалось, что я ошибся. Черезъ минуту крикъ послышался еще явственнѣе. На этотъ разъ нельзя-было ошибиться: то былъ призывъ на помощь, крикъ ужаса и отчаянія. Какъ онъ слышался со стороны Эспириту-Санто, то я безъ труда догадался, что это Рафаэль звалъ на помощь. Я всталъ на носъ лодки, чтобы еще разъ убѣдиться, не ошибаюсь ли, но я напрасно взглядывалъ въ воду: ночь

была такъ темна, что я не могъ ничего различить. Тутъ я услышалъ крикъ очень близко :

— Лодку! лодку! ради Бога, лодку!

Это былъ голосъ Рафаэля....

Тутъ Хозе-Хуанъ остановился на минуту и съ безпокойствомъ спросилъ:

— Вы слышали?... кажется кто-то вздохнулъ?

Мы прислушались, но только прибой волнъ и отдаленный крикъ морскихъ птицъ нарушали глубокую тишину ночи.

— Вѣроятно, вы примѣтили блѣдность Хесуситы, продолжалъ водолазъ: и вы догадываетесь, что дѣло шло объ ней. Я, правда, поклялся убить моего врага, я ненавидѣлъ его смертельно, но когда, въ темную бурную ночь, голосъ его раздался среди моря, населеннаго чудовищами, онъ подѣйствовалъ на меня съ таинственною, непостижимою силой. Я не могъ удержаться отъ трепету. Впрочемъ, это чувство было непродолжительно. Я принялся за весла и направилъ лодку въ ту сторону, гдѣ слышалъ крикъ. Скоро я увидѣлъ искристую пѣну, среди которой бился Рафаэль. Но меня поразило обстоятельство, что онъ неподвигается впередъ, а держится на одномъ мѣстѣ.

Скоро я разгадалъ причину. На нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на поверхности воды двигалась свѣтлая полоса. То была тинторера. Въ два удара веслами я подошелъ къ Рафаэлю. Онъ узналъ меня и вскрикнулъ, однако жъ говорить не могъ: страхъ и утомленіе отняли у него языкъ. Онъ съ отчаяннымъ усиліемъ ухватился за бортъ моей лодки, но руки были слишкомъ слабы: онъ не могъ вылезти изъ воды. Я схватилъ его за руки и.... крѣпко прижалъ къ борту.... Я не могъ вытащить: мнѣ нужно было всмотрѣться въ лицо, чтобы узнать, точно ли это Рафаэль. Тинторера между-тѣмъ приближалась. У меня сердце сильно забилось и въ глазахъ стало темнѣть. Вдругъ Рафаэль страшно вскрикнулъ и опрокинулъ голову. Туловище его отшатнулось въ сторону, кровь хлынула и я отпустилъ руки. Тинторера перекусила его на двое.

— И вы не успѣли вытащить его?

— Не успѣлъ, отвѣчалъ водолазъ. Можетъ-быть, я недостаточно успѣшилъ.... можетъ-быть, я слишкомъ крѣпко придавилъ ему руки къ борту....

— И вы никогда не рассказали въ этомъ?

— Мнѣ жаль было, что я лишился друга... Но я лишился его гораздо прежде. Что касается до его смерти, алякадъ не имѣлъ

ни какого права придаться ко мнѣ, потому что въ законѣ ничего не сказано объ акулахъ. Но погодите, продолжайте водолзать; я еще не кончилъ моей исторіи. Когда Рафаэль исчезъ въ волнахъ, я бросился туда же.

— Это для чего жь?

— Я поступилъ такъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, нужно было наказать акулу за дерзость; во-вторыхъ, эта самая акула могла скоро прійти опять; наконецъ, алькадь, конечно, не могъ обвинить меня, когда я убилъ акулу, которая растерзала моего товарища.

Акулы никогда не бываютъ такъ свирѣпы, какъ въ бурную ночь, подобную той, когда погибъ Рафаэль. Свѣтящаяся матерія выходящая изъ поръ вокругъ морды этого чудовища, разливается по всей кожѣ и дѣлаетъ ее блестящею, какъ у свѣтящихся червячковъ. По этому свѣту ихъ легко можно видѣть ночью и тѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ болѣе они блестятъ и тѣмъ менѣе они видятъ сами. Прибавьте къ тому, что они могутъ схватить ловкаго пловца не иначе какъ оборотившись брюхомъ вверху, и вы поймете, что и съ этимъ чудовищемъ еще можно совладать.

Я не опускался глубоко въ воду, чтобы животное не могло всплыть выше меня: тогда ему не нужно было бы оборачиваться, а на этотъ оборотъ я только и могъ рассчитывать. Надъ головой у меня бушевали волны, но въ глубинѣ все было спокойно и тихо. Вдругъ меня толкнула въ бокъ какая-то черная масса. Это была половина Рафаэлева тѣла. Мнѣ уже суждено было всюду встрѣчаться съ нимъ! Можно было полагать, что и акула не далеко ушла. И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи скоро показалось свѣтлое пятно, которое быстро выростало. Тинторера плыла прямо ко мнѣ и мѣтила въ тоже время подняться выше. Мнѣ стоило промедлить полъ-минуты и я подвергся бы участи Рафаэля. Я также поднялся выше и скоро акула подошла такъ близко, что я рассмотрѣлъ ея мутные полуоткрытые глаза. Я быстро вынырнулъ на поверхность, акула оборотившаяся и серебристое брюхо ея на минуту блеснуло подъ лучами луны; страшная пасть съ острыми, бѣлыми зубами отворилась.... Въ то же самое мгновеніе я во весь размахъ руки распоролъ чудовищу брюхо ножемъ, который приготовилъ для соевршенія. Раненное на смерть чудовище высоко вспрыгнуло и снова ушло, два раза ударивъ хвостомъ по водѣ. Къ счастью, я не попалъ подъ эти удары. Меня только на минуту ослѣпили брызги

пѣны и волны, которыми мнѣ обдало все лицо. Потомъ, увидѣвъ, что типоторера плыветъ какъ бревно и только вода клокочетъ, вливаясь въ широкую рану, я съ торжествомъ вскрикнулъ такъ, что голосъ мой услышали на берегу, несмотря на бушующій вѣтеръ и сильный прибой.

Заря начала заниматься когда я подъѣхалъ къ берегу. Рыбаки выходили на работу. Вслѣдъ за тѣмъ волны выбросили на песокъ типоторера и остатокъ Рафаэлева тѣла. Никто не сомнѣвался, что я имѣлъ намѣреніе спасти товарища. Болтуны восхваляли мой подвигъ, а я, разумеется, молчалъ. Только одна женщина подозрѣвала истину. Эта женщина..... вы видѣли, какъ она блѣднѣла..... Она не любитъ вспоминать объ этой ночи и я самъ никому объ этомъ не разказывалъ. Но вы вѣдь не здѣшній и завтра же уйдете.

Водолазъ замолчалъ и задумался. Я тоже. Черезъ нѣсколько минутъ Хозе - Хуанъ вспомнилъ объ обязанностяхъ кованна и, призвавъ жену, приготовилъ мнѣ постель изъ цыновокъ. Но я не могъ заснуть всю ночь. Я почти расказался, что не остался почевать на гальотѣ.

На другой день, къ вечеру, мы бросили якорь у Пичилина. На этотъ разъ капитацъ донъ-Рамонъ уже не ошибся.

Музыкальныя новости. Давно обѣщанная новая опера Адольфа Адама «Наѣточница», La bouquetière, наконецъ явилась на Парижскомъ театрѣ большой оперы. Господинъ Ипполитъ Люка долго не задумывался надъ сюжетомъ своего либретто. Извѣстно, что Дюфрени былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ мотовъ XVII столѣтія. Плохой поэтъ, плохой живописецъ, плохой музыкантъ, Дюфрени имѣлъ по-крайней-мѣрѣ честь быть совершеннѣйшимъ кутлой, какого память хранится въ лѣтописяхъ мотовства и невоздержности. Никогда не умѣлъ онъ ничего беречь, не сберечь даже сюжета «Игрока», который у него уралъ Ревьяръ, и на который онъ имѣлъ болѣе права чѣмъ кто-либо. Людовикъ Четырнадцатый хотѣлъ было составить ему состояніе, но не могъ: онъ одѣлалъ его своимъ камердинеромъ, смотрителемъ за королевскими садами, отдалъ ему въ содержаніе зеркальную мануфактуру, изъ которой любой промышленникъ въ наше время навлекъ бы горы золота и которую Дюфрени продалъ за грошь; далъ ему привилегію «Меркурія», которую онъ проглотилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ проглотилъ бы все придворныя жалованья. Въ этомъ состояніи царской щедроты съ мотовствомъ кутлы, не-

побѣдимый Людовикъ былъ побѣжденъ не разъ, а двадцать разъ. Въ одинъ день безденежья, такихъ у Дюфрена бывало чуть не триста шестьдесятъ въ году, пришла его прачка, просить расчета; накопивъ пятьдесятъ лундоровъ, она хотѣла купить ивѣннице, и доживать свой вѣкъ въ покоѣ. «А! у тебя есть пятьдесятъ лундоровъ! воскликнулъ должникъ; ладно, я жениюсь на тебѣ, и мы поквитаемся!» Глупая согласилась безъ оглядки.

Очевидно, что прачку неловко бы вывести на помость большой оперы; развѣ только подъ чертами царицы Навсикая, которую Гомеръ описываетъ, моющею бѣлыми ручками свое приданое. По этому господинъ Люка не дерзнулъ на историческую точность. Прачка обратилась въ цѣточницу, Нанетту, и счетъ бѣлью и стирки, превратился въ счетъ букетамъ, поставленнымъ Нанетою маркизу Куртенё. Маркизъ хорошъ собою, ловокъ, человекъ бывалый и въ дѣлахъ и въ любовныхъ продѣлкахъ; онъ прокутилъ свое состояніе, по уши въ долгахъ, бѣгаетъ отъ кредиторовъ съ одного берега Сены на другой; словомъ самый классическій маркизъ, распорядившійся своими дѣлами такимъ образомъ, чтобы наследникамъ его осталось только удовольствіе похоронить его на общій счетъ. Съѣвъ капиталъ виѣтъ съ процентами, онъ доходитъ наконецъ до того, что у него остается въ карманѣ всего двадцать су. Куда съ ними дѣваться? Маркизъ мужественно покоряется своей судьбѣ, покупаетъ на послѣднее свое богатство лотерейный билетъ и записывается въ милицію; но такъ какъ прежде всего надо разсчитаться съ Нанетою, то онъ и отдаетъ ей этотъ клочекъ бумаги, который черезъ четверть часа, обращается въ двадцать тысячъ экю; билетъ беретъ главный выигрышъ. Но Нанета честная дѣвушка, она не хочетъ принимать такихъ процентовъ. Мало того, она выкупаетъ маркиза, онъ волею итти на всѣ четыре стороны и слова приняться за кутежъ, игру и волокитство. Тутъ же кстати узнаетъ онъ, что какой то старый дядя, богатый какъ набобъ, изволилъ скончаться въ Остѣ-Индіи, и оставилъ ему миллионъ хоть на десятокъ Скрибовыхъ развязокъ. Вотъ кутнемъ, чортъ возьми! взорвемъ всѣ банки, разольемъ вино рѣками, вскружимъ голову всѣмъ красавицамъ въ мірѣ, думаете вы. Какъ бы не такъ? ошиблись; голубые глазки Нанеты остепенили маркиза;

Jadis trop volage,
Avec femme sage,
Je veux en ménage

Goûter le bonheur.
 A mon existence
 Sourit la constance,
 Sa douce influence
 Pénètre en mon cœur, —

говорить онъ, стихами господина Люка. Кто говоритъ такимъ языкомъ, годится только въ поваренки, въ конфектные стихотворцы, или въ прекрасные мужья: Буртенё избираетъ послѣднее, онъ кладетъ къ ногамъ Нанеты свое достоинство и свои миллионы, во славу нравственности и цвѣточнаго ряда.

Эта черезъ чуръ легкая основа, казалось бы, не допускала большого музыкальнаго богатства, но Адольфъ Адамъ судилъ еенисходительнѣе, видѣлъ въ ней нѣчто серьезное, чуть не драматическое. Интродукція увертюры мѣтнѣе на одушевленіе и лиризмъ, до которыхъ никакъ не могъ восходить сюжетъ оперы. Въсто тучи цвѣтовъ, господинъ Адамъ подчуеъ букетомъ пальмъ и ливанскихъ кедровъ; что, признаться, не совсѣмъ похоже на розы и бархатцы Нанеты. Но писать музыку шумную гораздо легче чѣмъ граціозную. Это неуваженіе къ либретто вовлекло композитора, съ первой же сцены, въ невѣжливость къ господину Люка: въ хорѣ цвѣточницъ болтовня ихъ между собою и съ покупателями замѣнены громомъ и трескомъ оркестра, за которыми не слышать ни одного слова либретта, что должно быть тѣмъ обиднѣе для господина Люка, что онъ, вѣроятно, не мало потратилъ ума и труда на стихи подобные, напримѣръ, слѣдующему разговору:

- On ne sait, ma foi, que faire!
- Prenez mes oreilles d'ours?
- *Mais j'en ai déjà, ma chère.*
- Monsieur, prenez les toujours.

Мы увѣрены, что господинъ Люка никогда уже не отдастъ своихъ либретто немилосердому господину Адаму.

Партитура «Цвѣточницы» ничего не прибавить къ славѣ автора «Швейцарской хижины». Въ ней есть, пожалуй, и мысли, и жизнь; оркестровка, съ небольшими исключеніями, вообще гибка и бойка; но опера слишкомъ тянется за блескомъ и эффектностью, а эта напыщенность чуть ли не хуже наивной пошлости.

Исполненіе не дурно. Поншаръ довольно хорошъ и развязенъ въ роли маркиза; Бремонтъ очень забавенъ въ роли зрителя рынка, представляющаго комическій элементъ оперы; госпожа

Нау была бы очень хороша въ Наметь, еслибы не придавала ей такой гуманности. Вообще же усѣхъ оперы — ни то, ни се.

— Давно уже всё жалуется на упадокъ музыки въ странѣ, бывшей нѣкогда по преимуществу странною искусствъ, въ Италиі. Въ одной французской газетѣ напечатано слѣдующее письмо изъ Болоньи, которое читатели наши вѣроятно прочтутъ не безъ участія.

«Вотъ я опять въ Болоньѣ, нѣкогда слывшей ученою, а нынче сохранившей только заслуженное прозваніе Жирной, не по плодородности почвы, какъ толковали нѣкоторые, а благодаря справедливой славѣ ея вкусныхъ mortadella и сорре, которымъ подобныхъ не найти ни гдѣ. Не знаю, съ тѣхъ поръ какъ я былъ въ Парижѣ, ваши колбасники не привялись ли за эту важную отрасль своего искусства, о которой въ то время они не имѣли понятія; стыдно бы, если бы ваша столица, величающая себя столицею міра, отставала на этомъ важномъ поприщѣ. Въ Болоньѣ, если музыка въ послѣднее время очень упала, то мудрецъ утѣшится тѣмъ, что поваренное искусство цвѣтетъ не хуже прежняго.

«По всей Церковной Области театры закрыты во время великаго поста, и весна обыкновенно проходитъ безъ музыки. Поэтому здѣсь одинъ только прозаическій театръ. Это названіе очень удачно дано пышнѣшимъ италіанскимъ драматическимъ театрамъ, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ трагедій Альфieri, въ которыхъ встрѣчаются подъчасъ предикіе стихи, и немногихъ мертво-рожденныхъ новыхъ трагедій, на нихъ слышится по большей части одна плохая проза. Жаль, что въ Болоньѣ нѣтъ постоянной оперной труппы, потому что самый театръ здѣсь превосходенъ. Онъ называется городскимъ театромъ; другаго названія нельзя было придумать; вѣдь бываютъ театры городскіе, національные, императорскіе, королевскіе, но какъ представить себѣ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, нашій театръ? Правда, что для этого театра нуженъ сильный голосъ, и что желающіе являться на немъ, должны такъ распорядиться, чтобы быть въ совершенномъ здоровьѣ осенью, потому что это единственное время, когда Болонскій театръ становится театромъ di gran cartello, то есть имѣетъ оперную труппу, набранную изъ самыхъ знаменитыхъ пѣвцовъ.

«Было время, когда такая труппа образовалась въ Болоньѣ самою собою, потому что этотъ городъ много лѣтъ, и съ той самой поры какъ стали подниматься прочіе лирическіе театры въ Ита-

ли, былъ центромъ, изъ котораго пѣвцы и пѣвицы направляли свой путь въ ту или другую сторону, смотря по распоряженіямъ корреспондентовъ дирекціи, имѣвшихъ здѣсь главное свое мѣсто-пробываніе. Но уже лѣтъ двадцать или тридцать, какъ Миланъ перебилъ у Болоньи честь быть мѣстомъ съѣзда выступающихъ, несчастныхъ и право или не право непризнанныхъ талантовъ. Но за то, въ оправданіе всѣхъ поклонниковъ системы вознагражденія, взамѣнъ этой чести, жирный городъ приобрѣлъ другую честь: онъ сдѣлался мѣстомъ успокоенія талантовъ признанныхъ, не скажу уже справедливо или несправедливо, потому что они всѣ люди богатые, и въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, кто богатъ тотъ и правъ. Пѣвцы, сдѣлавшись добрыми хозяевами, знающими цѣну деньгамъ во всѣхъ мѣстахъ, предпочитаютъ для окончательнаго поселенія Болонью; покупаютъ здѣсь заранѣе имѣніе, обновляютъ его и приводятъ въ порядокъ; такимъ образомъ лучшіе дворцы въ городѣ всѣ перешли въ ихъ руки. Вотъ навримеръ громадное зданіе тяжелой но великолѣпной архитектуры,—это палаццо Дондзелли, въ которомъ Россини, съ тѣхъ поръ какъ продалъ дворецъ, который началъ-было строить для себя, занимаетъ квартиру. Скромнымъ семействамъ артистовъ не куда дѣваться съ такими огромными домами, строеными для вельможъ, и потому они большую часть отдають въ паймы. Вотъ фасадъ длиннѣе иной улицы, съ затѣйливыми рѣзными колонами,—это палаццо Педрацци; далѣе старыи монастырь, который нынче называется палаццо Сальви; далѣе палаццо Цукелли, палаццо Иванова и прочая и прочая: всѣ пересчитывать, такъ и конца не будетъ. Встарину эти дворцы принадлежали знатымъ домамъ и хозяевамъ для владѣній ими стоило только родиться на свѣтъ. Теперь имъ надо еще кромѣ того пропѣть: всё-таки шагъ впередъ! Эти отставные пѣвцы даютъ много пріятности болонскимъ обществамъ, въ которыхъ они охотно поютъ, будучи увѣрены что ихъ ждутъ одни восторги и пріятныя воспоминанія.

•Кстати, надо сказать, что съ нѣкоторыхъ поръ въ болонскомъ обществѣ зародилось какое-то музыкальное движеніе. Лѣтъ семь или десять назадъ, кромѣ нѣсколькихъ знатныхъ домовъ, Сампьери, Герколани, Дельи Антони и дома одной превосходной учительницы пѣнія, бывшей пѣвицы Бертикотти-Рикоти, нигдѣ не слыхать было музыки, а гдѣ бывала музыка, то только развѣ рядъ арій и дуэтовъ изъ модныхъ оперъ; теперь же вездѣ занимаются музыкою, и верѣдно исполняютъ хоры, ансамбли, вообще пьесы кантатныя. Объ инструментальной музыкѣ не бы-

вало и въ поминѣ, развѣ только являлись новыя фортепьянныя варіаціи или фантазія для отдыха между каватинами и кабалеттами; нынче во многихъ домахъ обратились къ глубокимъ квартетамъ. И знаете, кто всему этому виною? Не отгадаете: *Stabat mater* Россіи. Это произведеніе, исполненное, безъ всякаго участія композитора, который вообще не любитъ мѣшаться въ исполненіе своихъ сочиненій, имѣло здѣсь такой успѣхъ, какъ нигдѣ: всѣ захотѣли пѣть изъ него не только соло, но и хоры. Для этого нужно было сходиться, сговариваться, дѣлать пробы; въ результатѣ все это обратилось въ пользу искусства.

«Необходимо было чтобы любители старались знакомить общество съ хорошею музыкою; потому что въ церквахъ, за немногими исключеніями, услышишь только плохую или по-крайней-мѣрѣ дурно исполненную. Во-первыхъ, надо вамъ сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ мѣстъ, нигдѣ не водятся такія длинныя литургіи какъ въ Боловнѣ: это цѣлые ряды соло, дуэтовъ, терцетовъ, хоровъ, не имѣющихъ между собою ни какого сродства, ни по характеру, ни по тонамъ. Отсюда безконечныя инструментальныя ригурнели, иногда даже цѣлые концертанты, флейты съ гобоемъ или кларнета съ фаготомъ. Чтобы дать вамъ понятіе о нелѣпыхъ затѣяхъ здѣшнихъ сочинителей литургій, скажу, что напримѣръ *Gloria in excelsis* начинается хоромъ, который прерывается соло на слова *Et in terra pax*, послѣ чего опять хоръ. Далѣе второе соло на два слова *Laudamus te*, третье на два же слова *Benedicimus te*, четвертое на *Adoramus te*, пятое *Glorificamus te*, и такъ далѣе. Одинъ первый номеръ длиннѣе цѣлаго обыкновеннаго *Gloria*. И драматическій писатель, если бы вздумалъ представить слушателямъ такой рядъ пьесъ одинаковаго покроя, несмотря даже на интересъ драмы, непременно бы наскучилъ; какъ же церковному композитору не вывести этимъ слушателей изъ терпѣнія? Терпѣніе, правда, христіанская добродѣтель, но я не слыхалъ, чтобы евангеліе предписывало композиторамъ искушать терпѣніе своихъ ближнихъ посѣщающихъ храмъ молитвы.

И то ли одно здѣсь можетъ вывести изъ терпѣнія самаго смирнаго человѣка? Какъ не бѣситься, когда видишь какъ исполняются здѣсь нѣкоторые законы! Въ такомъ неограниченномъ государствѣ, казалось бы, всѣ головы должны преклоняться передъ папскимъ декретомъ. И дѣйствительно, онѣ всѣ преклоняются, но мало-по-малу опять поднимаются, или, пожалуй, остаются преклоненными, но самые декреты оттого исполняются ни

чуть не лучше. Вотъ примѣръ: нѣсколько лѣтъ назадъ, блаженной памяти папа Григорій-Шестнадцатый, издалъ буллу, запрещавшую въ церквахъ инструментальную музыку. Въ этой буллѣ было впрочемъ довольно несообразностей, потому что кромѣ органа, котораго никто не думалъ исключать, она допускала и нѣкоторые другіе инструменты, напримѣръ, трубы и тромбоны; съ другой же стороны, въ числѣ инструментовъ, запрещавшихся съ особою строгостью, была арфа, инструментъ царя Давида, изображаемый живописцами въ рукахъ всѣхъ небесныхъ пѣвцовъ! Всѣ стали восхищаться премудростью папы, многіе журналы воспѣли гниль благодарности: настало, дескать, время возрожденія эпохи Палестрины; нечестивые звуки на вѣки изгнаны изъ священныхъ храмовъ, и прочая, и прочая. Вотъ, какъ исполнились всѣ эти надежды. Въ городкѣ Палестринѣ не явилось новаго Пьерлуиджи, долженствовавшаго возродить церковную музыку; булла осталась безъ исполненія и все пошло по-прежнему. Въ буллѣ, видите, была лазейка, за которую всѣ ухватились съ успѣхомъ. Духовному начальству предоставлялось, въ случаѣ нужды, разрѣшать введеніе въ литургію и другихъ инструментовъ; разрѣшенія эти давались безъ всякаго затрудненія, стоило только просить, а скоро и просить перестали. Пріѣзжайте въ Болонью и вы опять можете полюбоваться забавными церковными оркестрами, въ которыхъ съ начала до конца переговариваются трубы, тромбоны, кларнеты, флейточки и другіе такіе же религіозные инструменты и въ самомъ нерелигіозномъ стилѣ. По-прежнему посмѣйтесь музыкантамъ соборнаго оркестра, когда они вынимаютъ изъ кармана засаленную, толстую полотнянную рубаху и въ этомъ странномъ нарядѣ вооружаются скрипками и контробасами. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ кажется, что это крайне смѣшно и непристойно. Если хотять, чтобы музыканты, играющіе въ церкви, надѣвали пѣвческое платье, то пускай уже носятъ его какъ слѣдуетъ.

Вы скажете, что я довольно непочтительно отозвался о болонскихъ церковныхъ композиторахъ. Желалъ бы я быть повѣжливей къ тѣмъ, которые занимаютъ здѣсь теорію и исторію музыки, но это едва-ли возможно. Куда дѣвалось то время, когда катедру музыки въ болонскомъ университетѣ занимали Ромосы, Спадари, Ботттригори, Артузи? Когда къ отцу Мартини въ его кельѣ, въ французскомъ монастырѣ, безпрестанно являлись со всѣхъ сторонъ то изустныя, то письменныя просьбы о разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ музыки? Когда вспомнишь до-

бродуше и скромность прифтливаго монаха, его глубокія познанія въ исторіи и теоріи музыки и сравниши съ настоящимъ? Вообразите, что съ вѣкоторыхъ поръ многіе Болонцы на томъ основаніи, вѣроятво, что между ними пребываетъ Россіини, воображали, что они призваны возродить, переозодать музыку. Недавно, напримѣръ, какой-то господишъ Малаголи нависалъ книгу, въ которой доказываетъ, что до него никто не умѣлъ учить пѣнію? Другой, гитарный учитель, Чезаре Ормандини, оскорбляясь общимъ пренебреженіемъ къ его инструменту и считая себя рожденнымъ, подобно своему ооимяннику, первому римскому императору, на великіе подвиги, рѣшился своею оособою замѣнить всѣхъ прежавшихъ учителей и возсодать новую науку гармоніи, для чего и написалъ книжицу, исполненную нагльностей и голословной болтовни, которой, вѣроятво, и самъ не понимаетъ, со множествомъ ссылокъ на книги, которыхъ, очевидно, никогда не читалъ.

Такіе люди, впрочемъ, водятся не въ одной Болоньи. И въ другихъ мѣстахъ, пожалуй, найдутся члены здѣшняго филармоническаго общества? потому что кто не членъ его? Развѣ тотъ только, кто не принадлежитъ равво ни къ какому обществу. Впрочемъ, это общество довольно любопытно въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ: президентъ его носить титулъ *principe*. Оно основано знатнымъ домомъ Карати, поручившимъ его съ самаго начала покровительству Святаго Антонія; выборъ патрона довольно страшенъ, потому что всѣмъ извѣстна любовь его къ вѣкоторому животному, вовсе не отлпчающемуся ни музыкальнымъ ухомъ, ни голосомъ. Какъ бы то ни было, общество даетъ дипломы и кто не былъ принятъ въ члены его, не можетъ быть здѣсь капельмейстеромъ.

«То же филармоническое общество назначаетъ профессоръ въ лицей на конкурсахъ, то есть когда конкурсъ дѣйствительно бываетъ. Лѣтъ семь тому назадъ, напримѣръ, по смерти профессора-контрапункта, Пилотти, контрапунктисты всѣхъ странъ были приглашены на конкурсъ для сонсканія вакантной каведры. Кажется приглашеніе сдѣлано съ условіемъ, чтобы никто не явился. Обществу очень не хотѣлось, чтобы онъ состоялся; наконецъ онъ отсроченъ на неопредѣленное время и каведра отдана временно профессору, занимающему ее временно же до сихъ поръ. Впрочемъ, болонскій лицей, основанный во время французскаго владычества, учрежденъ на большую погу тѣмъ флорентійскимъ: въ немъ преподають игру на виолончель, гобои, флейты, клар-

метъ и другихъ инструментахъ. Чентрони — гобонистъ, Ливерати — кларнетистъ и Голинелли — пианистъ, слывуть хорошими учителями. Послѣдній написалъ нѣсколько хорошихъ сочиненій для своего инструмента. Скривичные классы сдѣлали большіе успѣхи съ тѣхъ-поръ, какъ Россини занялся нѣсколько этимъ заведеніемъ, угрожавшимъ совершеннымъ упадкомъ. Въ числѣ профессоровъ я долженъ упомянуть о прекрасномъ виолончелистѣ Паризини, главной опорѣ болонскихъ инструментальныхъ квартетовъ. Лицей обладаетъ важнымъ сокровищемъ, который, впрочемъ, очень мало обращаетъ на себя его вниманіе. Это библіотека отца Мартини; она нынче принадлежитъ лицей, но ею почти никто не пользуется, несмотря на то что каталогъ ея наконецъ конченъ.

«Вы можетъ-быть удивитесь, что я, находясь въ Болоньѣ, не говорю ни слова о знаменитомъ композиторѣ, о которомъ можно бы сказать, словами Тацита, что сочиненія его тѣмъ ярче блистаютъ, что онъ уже не пишетъ. Но я намѣренъ поговорить о немъ въ слѣдующемъ письмѣ.

«Въ заключеніе же настоящаго, сообщаю вамъ извѣстіе, только-что полученное мною, и которое разрѣшаю вамъ трубить вездѣ и отвсюду хоть съ Монтъ-Блана или Чимборае, только бы телосъ вашъ долеталъ въ самые далекіе концы стараго и новаго свѣта. Это извѣстіе — папа отпустилъ бороду! *Evviva Pio papa!* Онъ этимъ доказываетъ, что онъ также поборникъ цивилизаціи и прогресса. Какой переворотъ! еще нѣтъ двухъ лѣтъ, какъ меня въ Римѣ призвали къ духовному начальству и сдѣлали мнѣ важный выговоръ, за то, что я осмѣлился дирижировать миссу, не выбривши предварительно бороды. Нынче, почтенные мои собратья канцельмейстеры могутъ безъ опасенія отпустить бороды, по примѣру святѣйшаго отца, которому, вѣроятно, послѣдуетъ и все духовенство. Это извѣстіе привело въ восторгъ Римъ и всю церковную область».

— Жении Линдъ наконецъ явилась въ «Нормѣ». Тотъ спектакль заранѣе привелъ въ волненіе весь Лондонъ; за нѣсколько дней еще было объявлено, что эта опера дается по собственному приказанію королевы. Дѣйствительно, королева, принцъ Альбертъ, и весь дворъ торжественно прибыли въ театръ, и были встрѣчены директоромъ, господиномъ Лумлеемъ. По прибытіи королевы, всѣ зрители встали и вся труппа пропѣла на сценѣ «*God save the queen*»; затѣмъ началось представленіе. Жени Линдъ была очевидно въ сильномъ волненіи, которое очень замѣтно было въ первомъ рецитативѣ и арии «*Casta diva*». Несмотря на то, она была вызвана

три раза и осыпана рукоплесканіями. Въ прочихъ частяхъ оперы она вполнѣ явила свой рѣдкій талантъ, несмотря на слабость артистки исполнявшей партію Адальгизы. Надо однако жъ сознаться, что эта роль ей не такъ идетъ, какъ прочія роли, въ которыхъ она являлась до-сихъ поръ, — за чтò ея нельзя винить. Норма, какъ ее обыкновенно изображаютъ, богатырь-баба, въ которой нѣтъ ничего женскаго и которая доводитъ силу чувства и голоса до крайности. Женя Линдъ напротивъ милая дѣвушка, пѣвчая и чувствительная. Этимъ именно она такъ хороша въ Алясъ и въ Амвнѣ. Въ Нормѣ эти качества не помогутъ: и она въ этой роли такъ же не у мѣста, какъ былъ Рубини въ Отелло, чтò однако же не мѣшало Рубини быть первымъ пѣвцомъ своего времени. Женя Линдъ утѣшится въ томъ, что не умѣетъ кричать и бѣситься подобно нѣкоторымъ другимъ актрисамъ, тѣмъ, что поетъ лучше всѣхъ. Довольно у насъ мужественныхъ пѣвицъ; отрадво видѣть хоть одну, которая довольствовалась бы достоинствомъ женщины, и не выходила изъ своей сферы. Лаблашъ въ роли Оровеза былъ превосходенъ, какъ всегда; Фраскинн, въ роли Поліона, былъ не много холоденъ и слабъ. Желая показать свое безпристрастіе, королева и принцъ Албертъ смотрѣли «Норму» и на Ковентгарденскомъ театрѣ, гдѣ эту роль исполняетъ госпожа Гриси, которую публика вызываетъ каждый разъ по пяти и шести разъ.

— Фанни Эльснеръ имѣла тоже большой успѣхъ въ балетѣ «Манонъ Леско».

— Придворная газета рассказываетъ любопытный анекдотъ, которому подали поводъ интриги противъ Женя Линдъ. Знаменитая пѣвица была приглашена въ Букингамскій дворецъ, пѣть въ присутствіи королевы и знатнѣйшаго общества; тутъ же были италіанскія пѣвицы Гриси, Альбони. Программа была очевидно составлена недоброжелателями шведской артистки. Мало того, въ одномъ соло, господинъ Коста, аккомпанировавшій ей на фортепіано, потому ли что не привыкъ къ ней, или почему другому, стѣснялъ ее. Королева замѣтила это обстоятельство, встала, подошла къ пѣвицѣ и позволила выбрать пьесу не назначенную въ программѣ и самой аккомпанировать себя. Женя Линдъ, пользуясь дозволеніемъ, съѣла за фортепіано и пропѣла нѣсколько шведскихъ мелодій, которыя привели всѣхъ слушателей въ восторгъ. Когда она кончила, Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ и герцогиня Кембриджская просили королеву пригласить ее спѣть еще чтò-нибудь. Пѣвица испол-

шла это съ неимовѣрнымъ успѣхомъ. Этотъ вечеръ былъ самымъ блестящимъ ея торжествомъ и все благодаря господину Костѣ. Этотъ случай напоминаетъ остроумную пьесу Скриба «Концертъ при дворѣ».

— Директоръ Дрюиленскаго театра, господинъ Бѣннъ, хотѣлъ, кажется, поправить свои дѣла процессомъ съ Женни Линдъ. Онъ требуетъ трехъ-сотъ тысячъ франковъ вознагражденія. Но рѣшеніе дѣла будетъ отложено на нѣкоторое время, потому что повѣренный Женни Линдъ просилъ отсрочки, для выслушанія свидѣтелей своей довѣрительницы. Между ними являются знатнѣйшія имена англійской аристократіи, графы, маркизы, герцоги и даже великобританскій посланникъ въ Берлинѣ.

— На выставкѣ тюльпановъ извѣстнаго лондонскаго садовника Грума, между тюльпанами «Леди Пиль», «Викторія Регина», былъ выставленъ и новый родъ тюльпана по имени «Женни Линдъ» который цвѣтомъ напоминаетъ бѣлокурые волосы молодой артистки.

— По закрытіи королевскаго театра Женни Линдъ намѣрена дать нѣсколько концертовъ въ Бирмингамѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Ее приглашали въ Дублинъ и предлагали тысячу фунтовъ стерлинговъ за два представленія, но она отказалась.

— Королевскій театръ ставитъ лирическую драму «Буря». Либрето передѣлано изъ Шекспировой «Бури» Скрибомъ; музыка Мендельсона-Бартольди. Женни Линдъ будетъ играть роль Миранды, Лаблашъ — Просперо, Гардонъ — Фернандо, Штаудигль — Калибана. Скоро собираются также ставить балетъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта Гейнриха Гейне.

— Мы уже говорили объ успѣхахъ госпожи Виардѣ-Гарсін въ Дрезденѣ, въ роляхъ Валентины, въ «Гугенотахъ», и донны Анны въ «Донъ-Жуанѣ». То же самое повторилось во Франкфуртѣ на-Майнѣ, куда она была приглашена на нѣсколько представленій: она являлась здѣсь въ роляхъ Валентины и Нормы. Теперь она отдыхаетъ въ своей виллѣ близъ Парижа. Еще неизвѣстно, гдѣ она будетъ ангажирована на зиму, въ Парижѣ или въ Лондонѣ?

— Кстати о Женни Линдъ и о госпожѣ Виардѣ-Гарсін, извѣстный Берлинскій композиторъ и критикъ, Трунъ, печаталъ въ одномъ журналѣ любопытное сравненіе обихъ пѣвицъ. «Какъ актрису, говоритъ онъ, узнали мы госпожу Виардѣ-Гарсіню только въ нынѣшній сезонъ». Уже первую свою роль, Амину, въ «Сон-намбулѣ», она представила гораздо опредѣлительнѣе, чемъ

Женни-Линдъ, которою такъ восхищались въ этой роли, и которая въ ней дѣйствительно превосходна, по своему.

«Линдъ великая лирическая пѣвица; у нея богатый, поэтический талантъ; кругъ ея ролей ограниченъ, но она ихъ исполняетъ превосходно. Госпожа Виардó-Гарсиа гениальная драматическая пѣвица, полная смѣлости и энергіи; нельзя не удивляться ей, когда она одерживаетъ самыя блестящія побѣды, въ сферѣ, которая съ перваго взгляду кажется вовсе чуждою ея индивидуальности. Въ комедіи она проста, естественна, жива, изображаетъ предметы красками яркими и бойкими, но не слишкомъ рѣзкими, и не преувеличенными. Ея колоритъ въ пѣніи и въ игрѣ напоминаетъ картины великаго живописца ея отечества, Эстебана Мурильо, между-тѣмъ какъ краски Женни Линдъ болѣе похожи на нѣжную Дюссельдорфскую фиинеть. Въ Соннамбулѣ, напримѣръ, Линдъ была превосходна во всѣхъ сценахъ, гдѣ Амнна является подъ вліяніемъ своей душевной болѣзни, въ сценахъ соннамбулизма, когда она ходитъ и поетъ во снѣ; пробужденіе же ея и восторженная кабалета въ концѣ оперы была самою слабою частію созданной ею роли. Виардó гораздо болѣе выражаетъ простое, чувствительное, но ничуть не сентиментальное сердце крестьянки, такъ что мы почти забываемъ, что вся роль, и опера вообще, вертится на болѣзни. Она придаетъ особенную цѣну дѣвственной, религіозной сторонѣ роли, и въ то же время выражаетъ еще сильнѣе Линдъ любовь къ жениху и къ матери. Состояніе соннамбулизма намъ кажется, психологически, гораздо вѣрнѣе, въ этой драматической формѣ, то есть, когда онъ является намъ мистическимъ раскрытіемъ чистой души, полной вѣры въ Бога и любви. Съ этимъ таинственнымъ соннамбулизмомъ прекрасно гармонируетъ кипучая страсть, горячая любовь къ жениху, и эта любовь не можетъ уже оскорблять наше эстетическое чувство, когда мы во снѣ совершенно проникли чистую дѣвственную душу Амнны. Такимъ же образомъ, оцѣщая моменты бодрствованія пламеннымъ колоритомъ южнаго солнца, а моменты соннамбулизма отставляя въ мистическій полусвѣтъ, Виардó, съ помощью этого рѣзкаго контраста, даетъ роли болѣе психологической дѣйствительности и истины; между-тѣмъ, какъ Линдъ, подергивая всю роль, и на яву и во снѣ, нѣжнымъ полусвѣтомъ, представляетъ все время грустный образъ болѣзни, дающій названіе самой оперѣ.

«Мы безспорно принадлежимъ къ числу самыхъ ревностныхъ почитателей поэтической шведской пѣвицы, но не тѣхъ слѣзныхъ

энтузіастовъ, которые безусловно дивятся въ ней и тому, что несомнѣнно доказывается ея неспособность къ драматическому пѣнію. Впрочемъ успѣхъ Віардò въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ на нѣсколько только мѣсяцевъ передъ тѣмъ являлась у насъ Линдъ, лучшей масштабъ для оцѣнки ихъ. «Норма» и «Соннамбула» при игрѣ госпожѣ Віардò, повторялись въ продолженіе трехъ мѣсячнаго италіянскаго сезона, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ, который по-крайней-мѣрѣ былъ равенъ успѣхамъ Жени Линдъ.

«Сколько упомянемъ, Віардò пѣла въ италіянской оперѣ четыре роли: Норму, Соннамбулу, Адину и Норину (въ Допъ Паскуале). О комическомъ ея талантѣ мы имѣемъ уже нѣкоторое понятіе изъ отрывковъ «Севильскаго Цырюльника», изъ ея испанскихъ пѣсней, изъ ея глазъ, игры фзіономіи, и живаго остроумія. Но никогда мы не ожидали, чтобы она могла въ первый разъ явить намъ полное понятіе о потрясающемъ, трагическомъ величій Беллипéвой Нормы. Роль Норины была одна изъ очаровательнѣйшихъ ролей оперы буффы: Віардò пѣла и играла ее съ невыразимою живостью и прелестью. Арію Бальфа, вставленную въ концѣ пьесы, она принуждена была каждый разъ повторять.

«Окончивъ свои представленія въ италіянской оперѣ Соннамбулою, она явилась перваго января, на королевскомъ театрѣ пѣмеккою пѣвицею, хотя и въ италіянской партіи, въ роли Розины въ Севильскомъ Цырюльничкѣ. Эта роль, въ которой она являлась нѣсколько разъ, давала ей случай пѣть пѣмецкія, французскія и испанскія пѣсня. Жаль, что она не присоединила къ нимъ англійскихъ и русскихъ: намъ извѣстно, что она владѣетъ англійскимъ языкомъ, такъ, что даже намѣрена пѣть на англійской сценѣ будущею осенью.

«На пѣмецкомъ языкѣ госпожа Віардò пѣла съ перваго января партіи Розины, Дездемоны, Валентины, Изабеллы и Алисы, Рейхи (въ Жидовкѣ), Донны Анны, Ифгеніи въ Тавридѣ; сверхъ того она являлась въ нѣсколькихъ драматическихъ концертахъ, что можетъ также считаться ролями.

«Трудно рѣшить, которая изъ этихъ ролей въ большемъ совершенствѣ выказала талантъ дивной пѣвицы и актрисы. Кромѣ того, даже люди не занимающіеся съ предметомъ, должны были съ удивленіемъ замѣтить, съ какимъ искусствомъ и съ какою бойкостью, она, послѣ такого непродолжительнаго упражненія, владѣетъ въ пѣніи пѣмецкимъ языкомъ. Правда, что она давно при-

выкла къ самымъ разнообразнымъ формамъ языковъ, но почтенный нѣмецкій языкъ и нѣмецкимъ пѣвцамъ представляетъ не малое число трудностей и весьма немногіе нѣмецкіе пѣвцы ясно и въ то же время красиво выговариваютъ слова: сама знаменитая Шредеръ-Девриентъ никакъ не умѣла выговаривать какъ слѣдуетъ самую важную въ пѣвнн согласную букву, Р. Госпожа Виардо-Гарсія выговариваетъ нѣмецкій текстъ не только ясно и правильно, но даже изящно.

«Но еще болѣе этой рѣдкой способности поддѣлываться къ формамъ всѣхъ языковъ, принаровляя ихъ къ пѣвнн, должны мы были дивиться гораздо высшей способности, благодаря которой госпожа Виардо, выросшая на Итальянской музыкѣ, такъ скоро и такъ мѣтко схватываетъ выраженіе, требуемое произведеніями нѣмецкой или французской школы, произведеніями новѣйшими и прошедшаго столѣтія. Она безспорно самый всесторонній музыкально-драматическій талантъ. Однако же мы должны сознаться, что всё-таки предпочитаемъ ее когда она поетъ по итальянски.

«Прекрасною мыслью было, въ третьемъ дѣйствіи Дездемоны (такъ должна бы называться опера, когда ней въ поѣтъ госпожа Виардо-Гарсія) пѣть грустную пѣсню «Assisa al piè d'un salice» на итальянскомъ языкѣ. Совсѣмъ другіе звуки, мягкіе, полные, чудные звуки!

«Но какую роль назвать лучшею, совершеннѣйшею. Всего болѣе поразила она насъ въ Ифигеніи: въ ней одержала она самую блистательную побѣду духа надъ матеріальною природою. Многое противилось ея успѣху.

«Ифигенія написана на высокой сопрано, и тѣмъ выше, что нынѣшній строй тремя-четвертями тона выше строя временъ Глука. У госпожи Виардо меццо-сопрано. Партія Ифигеніи требуетъ широкихъ, сильныхъ, выдержанныхъ нотъ въ сопрановомъ регистрѣ, тамъ, гдѣ у меццо-сопрано бываетъ обыкновенно перерывъ голоса, переходъ регистровъ, и гдѣ отъ него можно требовать только меццавоче. Далѣе неблагоприятны были ей ея южный, живой, юмористическій характеръ, ея станъ и движенія, болѣе нѣжныя, гибкія, быстрыя, нежели вслнчественныя, и наконецъ воспоминаніе объ Ифигеніи, оставленное въ Берлинѣ Анною Мильдеръ,—словомъ, ей предстояли всѣ возможныя внутреннія и въ особенности внѣшнія препятствія. Но драматическое вдохновеніе ея генія соединилось съ врожденнымъ ей смысломъ пластички и вкусомъ; и такимъ образомъ она не только какъ пѣвица, но и какъ актриса, побѣдила всѣ препятствія до такой степени, что, съ

точки зрѣнія поэтической критики, стала выше всѣхъ своихъ предшественницъ.

«Особенно оригинально и умно представила она также Донну Анну, идеализировавъ ее по своему и создавъ изъ нея слегка набросаннаго характера опредѣленный, оконченный образъ. Слишкомъ далеко завелъ бы насъ разборъ всѣхъ идей, руководствовавшихъ повидному гениальную художницу. Замѣтимъ только одну черту, въ которой, какъ намъ кажется, находится ключъ къ созданному ею характеру. Послѣ перваго бурнаго, пламеннаго воззванія къ мести, надъ трупомъ отца, ея донна Анна съ каждою сценою становится печальнѣе и задумчивѣе. Въ секстеттѣ втораго дѣйствія, когда думаютъ что Донъ Жуанъ схваченъ, между-тѣмъ, какъ это только Лепорелло въ его шляпѣ и плащѣ, невольная, тайная дрожь проходитъ по душѣ донны Анны, когда Донъ Жуанъ падаетъ на колѣни между толпою вельможъ и крестьянъ, и проситъ помилованія. Когда же Лепорелло открывается, гордая улыбка удовольствія пробѣгаетъ по блѣднымъ, печальнымъ ея чертамъ.

«Какъ пѣвица, госпожа Виардъ-Гарсія въ особенности въ послѣдней аріи донны Анны передъ вторымъ финаломъ, вознеслась на высшую степень искусства. Она была выраженіемъ совершеннаго отреченія отъ всякаго счастія на землѣ и въ здѣшней жизни. Ларгетто звучало грустнымъ прощаніемъ съ землею и съ наслажденіемъ жизни, а рондо, и въ особенности его конецъ, былъ улыбкою среди слезъ; завѣса подаетъ, лучъ надежды проглянулъ изъ замогильнаго міра въ помраченную душу донны Анны; надшій ангелъ возвращается на небесею родину!»

— Знаменитая оперная царица, госпожа Штольцъ уѣхала въ Италію; но не для того, чтобъ тамъ пѣть, а только чтобы отдохнуть и поправить здоровье, разстроенное трудомъ и заботами. Врачи рѣшительно запретили ей пѣть.

— Итальянскія газеты очень хвалятъ молодую пѣвицу, Аделанду Кортези, дочь пзвѣстнаго хореографа, дебютировавшую на театрѣ Пергола, во Флоренціи, въ Доницеттѣевой оперѣ «Габріелла ди Вержи». Въ ней ожидаютъ увидѣть первоклассную пѣвицу.

— Варней, капельмейстеръ историческаго театра, основаннаго Александромъ Дюма, посвятилъ герцогу Монпансье написанный имъ маршъ изъ «Королевы Марго»; герцогъ въ знакъ удовольствія подарилъ ему превосходный карандашникъ. Варней ищетъ по порученію дирекціи историческаго театра большое со-

чищеніе въ родѣ одъ симфоній, подъ названіемъ «Атала». Либретто написалъ Александръ Дюма.

— Уже два года назадъ, Берлинскіе ремесленники составили между собою филармоническое общество, и собираются постоянно по два раза въ недѣлю для упражненія въ пѣніи подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ. Этотъ примѣръ, поощряемый городскимъ начальствомъ, нашелъ послѣдователей и въ другихъ городахъ. Число такихъ обществъ постепенно возрасло до тридцати дѣлѣ. Они испросили себѣ позволеніе дать общій музыкальный праздникъ въ будущемъ мѣсяцѣ, въ Нейштадтъ-Эберсвальде. Этотъ праздникъ долженъ продолжаться два дня; исполнителей будетъ до двухъ тысячъ пятисотъ человекъ. Нейштадтъ-Эберсвальдское городское начальство обѣщало отвѣстимъ для этого праздника большую залу въ городской ратушѣ.

— «Фаустъ» Берліоза, былъ исполненъ въ Берлинѣ подъ управленіемъ самаго композитора, но не имѣлъ большаго успѣха.

— Въ Берлинѣ прибылъ капельмейстеръ и первый скрипачъ глазговскаго театра, Ольвудъ, съ обществомъ шотландскихъ музыкантовъ. Они намѣрены посѣтить важнѣйшіе города Европы, исполняя одни шотландскія сочиненія, увертюры, пѣсни, танцы, и прочая. Всѣ они или члены шотландскихъ оркестровъ, или горныхъ военныхъ хоровъ, и носятъ свое народное платье.

— Комическая оперетта Шпейдера, «Театральный директоръ», съ музыкою Моцарта, поставленная уже на нѣсколькихъ театрахъ, имѣетъ огромный успѣхъ въ Мангеймѣ.

— «Брейтингъ» уѣзжаетъ изъ Дармштадта, и ѣдетъ въ Ригу, откуда послѣ нѣсколькихъ представленій, намѣренъ отправиться въ Петербургъ, въ надеждѣ, что здѣсь опять образуется нѣмецкая опера.

— Музыкальный міръ утратилъ еще двухъ знаменитыхъ артистовъ. Въ Мюнхенѣ скончался отъ удара знаменитый кларнетистъ «Берманъ», семидесяти-трехъ лѣтъ, а въ Бреславѣ, одинъ изъ первыхъ органистовъ въ Германіи, «Эрнстъ Келеръ», сорока осьми лѣтъ.

— Извѣстный скрипачъ «Гисъ», собирается опять посѣтить Петербургъ.

— Горестный случай постигъ извѣстнаго пианиста Калькбрера. Наканунѣ дня, въ который онъ думалъ отправиться въ Лондонъ, возвращаясь домой, онъ поскользнулся, и вывихнулъ себѣ ногу. Съ тѣхъ поръ онъ не можетъ встать съ постели.

— Госпожа Джули-Борси, по возвращеніи изъ Петербурга во

Францію, была приглашена герцогомъ Казильяво принять участіе въ чрезвычайномъ представленіи, которое устроивается въ Флоренціи въ большой залѣ Стараго дворца, въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Князь Іосифъ Понятовскій пишетъ на этотъ случай новую оперу, подъ названіемъ Эсмемалда. Въ ней будутъ пѣть, кромѣ госпожи Джули-Борси, князя Карлъ и Іосифъ Понятовскіе.

— Въ Вѣнѣ скоро исчезнетъ домъ, въ которомъ жилъ Моцартъ, въ которомъ онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій, и въ которомъ онъ умеръ. Владѣтель его, богатый италіецъ Джеливино собирается сломать, его вмѣстѣ съ двумя смежными домами и построить тутъ дворецъ. Но въ память бессмертнаго обитателя дома, онъ хочетъ поставить среди двора бронзовый колоссальный бюстъ Моцарта, на мраморномъ пьедесталѣ. Этотъ домъ, еще при жизни Моцарта назывался *Божьимъ глазомъ*, потому что на этомъ мѣстѣ была когда-то больница, носившая это названіе.

— Носится слухъ, будто лордъ Баргертъ, братъ графа Вестморланда, извѣстнаго композитора и англійскаго посланника въ Берлинѣ, просилъ руки Женни Линдъ, но будто она очень вѣжливо уклонилась отъ этой чести подѣ предлогомъ, что рука ея уже не свободна.

— Въ одномъ Парижскомъ журналѣ (*Revue des deux mondes*) напечатана статья о сочиненіи симфоніи во Франціи, которую, не раздѣляя всѣхъ ея мнѣній, сообщаемъ читателямъ, потому что въ ней много дѣльныхъ замѣчаній, и болѣе какъ образецъ тона парижской критики.

«Іосифу Гайдну принадлежитъ честь быть творцомъ великой инструментальной поэмы, которую мы называемъ симфоніею, говоритъ господняъ P. S.: въ составъ симфоніи входятъ обыкновенно пять большихъ эпизодовъ, подраздѣленныхъ на множество второстепенныхъ идей. Коротенькая интродукція торжественнаго характера вводитъ аллегро, которое начинается и завязываетъ дѣйствіе; за нимъ слѣдуетъ кантабиле, потомъ болѣе или менѣе живое скерцо и пьеса копчается одушевленнымъ, могучимъ финаломъ. Вотъ простая основа, которую Гайднъ наполнилъ дивными красотами, и изъ которой онъ сдѣлалъ чудо искусства. Моцартъ, не расширяя рамъ симфоніи, придалъ ей какую-то прелесть, болѣе проникающую въ сердце; Бетховенъ внесъ въ нее безпорядокъ и величіе своего гевія. Симфонія у Гайдна является картиною фламандской школы, замысловатое изображеніе спокойной и стройной дѣйствительности. Симфонія Моцарта

моксима на ландшафтъ Клодь-Леррена, съ меланхолическими горизонтами, на которомъ издали видѣется прекрасный замокъ въ ослѣпѣннѣмъ возрожденіи, или какая нибудь несчастная, снѣгающая дѣва Эльвира; симфонія Бетговена — напоминаетъ ландшафтъ Сальватора Розы, взрытый и величественный....»

Неможно дерзко ставить симфоніи Моцарта выше Гайдн-овыхъ. Гений Моцарта преимущественно клонился къ драмѣ. Въ операхъ своихъ самое ничтожное положеніе возводитъ онъ на такую степень лирическаго и драматическаго могущества, до которой ни какой другой композиторъ не достигалъ, или если достигалъ, то только на самое короткое мгновеніе. Въ инструментальныхъ сочиненіяхъ, напротивъ, онъ не такъ свободенъ; болѣе тѣсныя предѣлы этого рода музыки повидному стѣсняютъ его. Можетъ быть, если бы онъ нашелъ симфонію въ тѣхъ великихъ формахъ, какія далъ ей впоследствии Бетговенъ, или самъ попыталъ бы ихъ расширить, то онъ также великъ былъ бы и на этомъ поприщѣ. Но его симфоніи далеко уступаютъ его же квартетамъ, и не могутъ сравниться съ симфоніями Гайдна, (котораго гений клонился преимущественно къ инструментальной музыкѣ), если не въ отношеніи къ изобрѣтенію мотивовъ, то по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ свободѣ движенія и стройности развитія.

«Въ то самое время, продолжаетъ P. S., какъ Гайднъ создавалъ и доводилъ до такой степени симфонію въ Германіи, Госсекъ пытался создать ее во Франціи, но она на томъ и остановилась. Серьезныя попытки писать симфоніи возобновились уже только въ послѣдніе двадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ частое и превосходное исполненіе симфоній, квартетовъ и сонатъ Гайдна, Моцарта и Бетговена концертнымъ обществомъ при Консерваторіи, внушили французской публикѣ любовь къ инструментальной музыкѣ и вызвали нѣсколько талантовъ, о которыхъ мы и намѣрены поговорить. Ихъ можно раздѣлить на два разряда: къ одному причислимъ тѣхъ, которые довольствовались тѣмъ, что съ успѣхомъ шли по слѣдамъ учителей, а къ другому тѣхъ смѣлыхъ гениевъ, которые пытались присоединить къ симфоніи драму; хотѣли слить въ одной картинѣ изображеніе страстей, восторги лирической поэзіи и прихоти воображенія.

«Во главѣ перваго разряда французскихъ симфонистовъ должно поставить Онслова. Родившись въ незавѣнномъ положеніи, живя почти постоянно въ уединеніи, среди богатства и умственныхъ наслажденій, Онсловъ изучилъ музыку какъ искусство доставляющее удовольствіе и довершающее образованіе порядочнаго чело-

нѣка. Съ напряженіемъ болѣе размысливающей нежали чувствительной организаціи, онъ подъ руководствомъ разныхъ учителей, преимущественно Дюссака и Крамера, по еще болѣе чтеніемъ классическихъ произведеній, изучалъ сначала тѣ общія основанія гармоніи и композиціи, которыя остаются только пустыми отвлеченностями, и дѣломъ памяти для каждаго, кто не приучается съ раннихъ лѣтъ оживотворять ихъ приложеніемъ. Впослѣдствіи, чувствуя потребность болѣе пояснить свои понятія, и глубже вникнуть въ механизмъ композиціи, Онслоуъ обратился къ наставленіямъ Рейха, съ помощью котораго дѣйствительно достигъ желанной цѣли. Онслоуъ издалъ нѣсколько квартетовъ, пользующихся общимъ уваженіемъ въ Германіи, Англіи и Россіи, но которыя не ввели бы его во Франціи въ институтъ, если бы онъ не приобрѣлъ права на эту честь тремя комическими операми, въ трехъ дѣйствіяхъ, которыя были представлены, но безъ успѣха: «Алькадъ де ла Вега», представленный въ 1837 году, «Водоносъ», въ 1827, и «Герцогъ Гизъ»,—лучшая изъ всѣхъ,—въ 1837. Во Франціи инструментальная музыка стоитъ такъ низко въ общемъ мнѣніи, что Палестрина не былъ бы допущенъ въ академію, въ которой за сѣдаетъ Адольфъ Адамъ. Статуты ея требуютъ отъ желающаго быть ея членомъ, чтобы онъ поставилъ на сцену по-крайней мѣрѣ одну оперу въ одномъ дѣйствіи. Что касается до симфоній Онслоуа, онѣ отличаются стройностью плана, умѣньемъ владѣть эффектами и вообще прекрасною фактурою. Онслоуъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые, трудомъ и хорошимъ употребленіемъ своихъ способностей, успѣвають составить себѣ почетное имя въ искусствѣ, живущемъ по преимуществу вдохновеніемъ, и къ которому слѣдовательно природа ихъ вовсе не назначала. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ ободрительнымъ примѣрамъ, на которые должно указывать ученикамъ въ доказательство, чего можно достигнуть посредствомъ труда и изученія великихъ образцовъ. Высшее выраженіе такого достоинства и доказательство могущества школы представляетъ Керубини.

•Рядомъ съ Онслоуомъ мы поставимъ Ребера, извѣстнаго многими легкими произведеніями необыкновенно изящнаго стиля, остроумнымъ, живымъ балетомъ въ одномъ дѣйствіи, «Влюбленный бѣсъ», и въ особенности множествомъ сонатъ, тріо и симфоній, снискавшихъ ему уваженіе всѣхъ истинныхъ знатоковъ. Реберъ ученый музыкантъ, глубоко знакомый съ классическими произведеніями, страстный почитатель историческихъ достопа-

мятностей своего искусства, которыми онъ такъ наполнилъ себя память, что онъ подчасъ ускользаетъ отъ его бдительности и влетаетъ въ собственные его мысли. Съ особеннымъ стараніемъ изучилъ онъ старыхъ композиторовъ французской школы, Люлли, Рамо, Куперена; онъ любитъ употреблять ихъ наивные обороты и немного устарѣлыя «форматы»; но наивность — стыдливая дѣва, которая краснѣетъ отъ одного взгляду и пугается любопытства ума, какъ Психея любопытства Амура. Кто собираясь разсказать дивную повѣсть любви, дышущую фантазією и чувствомъ, откроетъ ветхую книжцу и насупитъ брови, тотъ заранѣе обдаетъ слушателя холодомъ: онъ не поэтъ, а только ученый. Почти такое же впечатлѣніе производитъ неоспоримый впрочемъ талантъ Ребера. Музыка его представляетъ сліяніе граціи и добродушія, невинности и жеманства; въ ней будто недостаетъ размаху, живости, страсти и свободы молодости; оркестровка его напоминаетъ Гайднову — своею ясностью и искуснымъ размѣщеніемъ эффектовъ. Реберъ занимается въ настоящее время сочиненіемъ комической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ. Можетъ быть, онъ собирается опровергнуть ею наше сужденіе о характерѣ его музыки. Мы этого желаемъ отъ души.

«Теперь спрашивается: Опловъ и Реберъ поняли ли вполне условія симфоніи? Разумѣется нѣтъ: они сжали эту раму, столь благоприятную всѣмъ порывамъ хоризма, въ слишкомъ тѣсныя предѣлы. Остается разсмотрѣть другой разрядъ французскихъ симфонистовъ ближе ли подошелъ къ идеалу, поставленному Гайдновомъ и Бетговепомъ?»

«Во главѣ нововводителей, задумавшихъ открыть музыку блестящую будущность и дать ей участіе въ движеніи современнаго общества, является Берліозъ. Эстетическія идеи Берліоза, набросанныя имъ мимоходомъ въ разныхъ сочиненіяхъ, и представленныя въ бѣльшей связи въ его книгѣ «Traité de l'instrumentation», могутъ быть приведены къ слѣдующимъ пунктамъ: изображать, посредствомъ симфоніи, сопровождаемой лирической декламациєю, различныя ощущенія человѣческой природы; соединять кровавыя перипетіи драмы съ восторгами созерцанія, ярость страсти съ очаровательными затѣямъ фантазій и божественною нѣгою раздумья; возбуждать поочередно смѣхъ и слезы; соединять всѣ роды въ одной обширной картинѣ; словомъ, изображать рѣку жизни, то взволнованную бурей, то отражающую въ своемъ чистомъ зеркалѣ очаровательную красу береговъ; передать отѣнками инструментовки безчисленные звуки, сіяніе, безконечную

гармонію ви́шняго міра. Эта теорія, выраженная здѣсь съ точностью, которой она никогда не достигала въ умѣ Берліоза, можетъ-быть допущена въ музыкѣ, но съ тѣмъ, чтобы значеніе ея было понято вполне.

«Всѣ искусства начались болѣе или менѣе вѣрнымъ подражаніемъ видимымъ предметамъ и явленіямъ природы. Таковъ процессъ дѣтства человѣческаго ума, и мы можемъ его каждый день изучать около себя. Живопись, скульптура, архитектура и даже поэзія сначала пытались возсоздать грубый образъ ви́шняго міра, въ которомъ художникъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ матеріальной истины. Только съ теченіемъ времени, когда человѣкъ вышелъ изъ наивнаго удивленія, внутренняго первымъ воззрѣніемъ на міръ, когда онъ освоился и усовершенствовалъ орудія своей мысли, только тогда сталъ онъ при изображеніи природы очищать формы ея, просвѣтлять ее, пропитать ее дохновеніемъ своей внутренней жизни. Таковъ былъ ходъ всѣхъ искусствъ вообще. Ви́шняя природа не имѣетъ никакого значенія ни опредѣленныхъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы придаемъ ей; нашъ глазъ измѣряетъ ея объемъ и облакаетъ ее въ различные цвѣта; слухъ нашъ отгѣняетъ ея разнообразныя звуки, и соединяетъ ихъ въ гармоническое цѣлое; она дышетъ, живетъ, говоритъ только нашею жизнью, нашимъ дыханіемъ, нашимъ мышленіемъ.

«Это особенно справедливо въ отношеніи къ музыкѣ, столь ограниченной въ своихъ средствахъ подражанія. Однако же она также подчинилась общему закону и заплатила дань этому любопытству ви́шнихъ чувствъ, отличающему дѣтство. Еще въ концѣ шестнадцатаго вѣка, когда ритмъ едва начиналъ выпутываться изъ протяжныхъ нотъ стараго церковнаго пѣнія, музыканты уже пытались изображать нѣкоторыя звуковыя явленія природы. Въ мадригалахъ шестнадцатаго вѣка часто встрѣчаются грубыя подражанія журчанію ручья, щебетанію птицъ, свисту вѣтра между деревьевъ. Эти подражанія бывають еще въ каптатахъ Скарлати и Порпоры. По мѣрѣ успѣховъ инструментовки и развитія средствъ оркестра увеличались и притязанія живописательной музыки. Композиторы стали наперерывъ изображать громъ и пушки, крики разныхъ животныхъ, пѣніе птицъ, журчаніе воды, и прочая....»

Одинъ нѣмецкій композиторъ тѣхъ временъ пытался изобразить звуками радугу; для этого онъ написалъ семиголосную пьесу, въ которой всѣ инструменты постепенно отъ самыхъ низкихъ, до самыхъ высокихъ и обратно, каждый на нѣсколько

такъ; въ партитурѣ это мѣсто составило полдвухъ, и онъ она написалъ семью разными чернилами, всѣхъ цвѣтовъ радуги.

«Такія подражанія, продолжаетъ P. S., иногда весьма наивныя, часто встрѣчаются въ операхъ Клавдія Монтеверде и его преемниковъ, въ операхъ Люлли, Рамо, Глука, Гретри и во всѣхъ новѣйшихъ большихъ партитурахъ. Изъ значительныхъ сочиненій, въ которыхъ изображеніе матеріальныхъ явленій природы посредствомъ музыки является въ огромныхъ размѣрахъ, назовемъ «Сотвореніе міра» и «Времена года» Гайдна, увертюру изъ «Генриха-Четвертого» Мегюля, «Героическую симфонію» Бетговена, и въ-особенности его же «Сельскую симфонію», благодарственную пѣснь, прославляющую повидному союзъ человѣческаго духа съ природою.

«Но не должно упускать изъ виду, что изображеніе нѣкоторыхъ явленій внѣшней природы можетъ занимать только самое небольшое мѣсто въ искусствѣ, долженствующемъ прежде всего трогать сердце и увлекать воображеніе. Это только вспомогательное средство обстановки, которому не должно придавать слишкомъ большой важности. Музыка, это тайное арифметическое дѣйствіе души, какъ опредѣляетъ ее Лейбницъ, должна избѣгать мелкихъ подробностей, которыя унижаютъ ее и показываютъ ее безсиліе: она должна довольствоваться значеніемъ таинственнаго и высокого языка чувства.

«Свѣтъ, не упускавшій случая надъ чѣмъ-нибудь посмѣяться, не оставилъ безъ вниманія и описательной музыки. Онъ сочинилъ слова кантаты и послалъ ее другу своему, доктору Эккму, прося его положить ее на музыку и изобразить въ ней рысь, фырканіе и галопъ Пегаса. Берліозъ пытался сдѣлать то же самое въ своемъ послѣднемъ произведеніи, драмъ-симфоніи «Фаустъ», единственномъ изъ его произведеній, о которомъ мы думаемъ сказать нѣсколько словъ, потому что въ немъ вполне проявляются всѣ достоинства и недостатки композитора. Уже давно Берліозъ пристрастился къ великому творенію Гёте; потому что симфонія, исполненная нынѣшнею зимою, и выданная за новое сочиненіе, написана и даже напечатана уже тому лѣтъ пятнадцать. При первомъ своемъ появленіи она произвела такое слабое впечатлѣніе на избранныхъ, приглашенныхъ прослушать ее, что Берліозу видно, показалось весьма удобнымъ выдать ее, въ 1847 году, за послѣдній плодъ своего вдохновенія. Но и на этотъ разъ сужденіе публики было неблагопріятно. «Фаустъ», исполненный не-

редъ многочисленнымъ собраніемъ, имѣлъ такой же слабый успѣхъ, какъ Бенвенуто Челлини и Реквиемъ. Только небольшое число избранныхъ видѣло сокровенныя красоты этого великаго произведенія...

Первымъ сочиненіемъ Берліоза была музыка въ сценѣ вѣдьмъ изъ Гётева «Фауста», которую онъ посвящалъ великому поэту, и о которой не разъ упоминается въ перепискѣ Гёте съ Цельтеромъ. Въ послѣдствіи Берліозъ истребилъ это произведеніе, какъ незрѣлый плодъ юности, и вмѣсто его поднесъ Гёте увертюру къ Веверлею. «Проклятіе Фауста» не имѣетъ ничего общаго съ этимъ первымъ опытомъ. Сцены вѣдьмъ въ этомъ сочиненіи вовсе выкинуты, а прочія адскія сцены (балеты эльфовъ, пляска блудящихъ огней, поѣздъ въ адъ, и прочее) также мало замѣствованы изъ него, какъ и прочіе вокальные и инструментальные нумеры, которые и по формѣ и по идеямъ несомнѣнно принадлежатъ новѣйшему направленію Берліоза. Слѣдовательно обвиненіе, будто Берліозъ выдаетъ старое сочиненіе за новое, неосновательно и несправедливо.

Реквиемъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ и въ Парижѣ, и вездѣ, гдѣ только былъ исполняемъ. Въ особенности поражающъ всѣхъ нумеръ *Tuba mirum*, и даже самые враги Берліоза должны были признать его достоинство. Этотъ нумеръ дѣйствительно принадлежитъ къ самымъ сильнымъ и могучимъ созданіямъ, когда либо дѣлавшимся въ музыкѣ.

«Либретто «Фауста» дѣлится на четыре части. Въ первой Фаустъ прогуливается одинъ въ раздумьи, въ Венгрію. Затѣмъ онъ попалъ въ Венгрію, о которой нѣтъ и помину ни въ легендѣ, ни въ драмѣ Гёте? Развѣ затѣмъ только, что Берліозъ хотѣлъ употребить въ дѣло музыкальную идею, найденную имъ въ своихъ путешествіяхъ и извѣстную въ Венгрію подъ именемъ «марша Раноци». Во второй части: Фаустъ, одинъ въ своемъ кабинетѣ, размышляетъ о превратностяхъ судьбы человѣческой. Неразлучный другъ его, Мефистофель, (Мефистофель — другъ Фауста?) является къ нему и, заключивъ роковой союзъ, оба пускаются въ галопъ и отправляются странствовать по Германіи. (Они вовсе не пускаются въ галопъ, а летятъ по воздуху, на плащѣ Фауста. Господинъ P. S. такъ часто ошибается, что можно почти считать его ошибки умышленными). Они останавливаются на время въ Лейпцигѣ, чтобы выслушать сказку «О чудесной блохѣ». Въ третьей части:—начало и развитіе любви Фауста и Маргариты; въ

четвертой — развязка драмы смертью Маргариты и проклятіе Фауста.

«Какъ ни недостаточно это либретто, въ немъ однако же довольно контрастовъ и драматическихъ элементовъ, чтобы вдохновить композитора, у котораго хватить идей и умѣнья выразить ихъ. У Берліоза же, съ одной стороны, по большей части вѣсто идей,—непонятное пѣніе; съ другой стороны, онъ недовольно изучилъ искусство композиціи, потому что когда счастливый случай наведетъ его на слѣдъ какой-нибудь мелодіи, онъ тотчасъ портитъ ее своимъ незнаніемъ существенныхъ законовъ этого искусства. Никогда онъ не высказываетъ своей мысли ясно, никогда не оканчиваетъ удовлетворительнымъ образомъ начатаго предложенія. Неумовѣрныя усилія его выразить неопредѣленные мечты своего воображенія разгорячаютъ его и убѣждаютъ, что онъ сотворилъ чудо. А холодный пріемъ со стороны публики и судей дѣла, не только не выводитъ его изъ заблужденія, но, напротивъ, еще возбуждаютъ его къ сопротивленію. За недостаткомъ идей онъ бросается въ неумѣренное усиліе звуковъ, возстаетъ противъ основныхъ элементовъ музыки, ритма, симметріи фразъ, періодичности ферматъ и разрушаетъ ихъ логическую экономію, столь необходимую каждому творенію для того, чтобы оно могло привлекать умъ человѣческой...»

Правда, что въ сочиненіяхъ Берліоза часто встрѣчаются жесткія гармоническія встрѣчи и неожиданное отпаденіе отъ темы, чѣмъ прерывается теченіе идей. Но изъ этого нельзя еще заключить, что Берліозъ не изучилъ искусства развивать музыкальное предложеніе. Напротивъ, онъ слишкомъ часто даетъ примѣры своего теоретическаго знанія! Если бы Берліозъ былъ пианистъ и могъ предварительно прослушивать смѣлыя комбинаціи своего ума, онъ избѣгалъ бы много жесткихъ и непріятныхъ столкновеній, которыхъ не замѣчаетъ, пробуя свои сочиненія на гитарѣ. Какую помощь можетъ доставить гитара какому-нибудь Берліозу при сочиненіи его смѣлыхъ симфоній?

«Если въ цѣломъ это странное произведеніе не можетъ быть анализировано, продолжаетъ P. S, то нѣкоторыя части по-крайней-мѣрѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. При открытіи первой части, Фаустъ, прогуливаясь по обширной равнинѣ въ Венгріи, выражаетъ чувства, возбуждаемыя въ немъ спокойною красотой природы. Въ оркестровомъ нумерѣ, слѣдующемъ за этимъ довольно безхарактернымъ речитативомъ, Берліозъ хотѣлъ изобразить различныя явленія природы и оживить инструментальною ри-

судокъ, начертанный ему поэзією, но ему не хватило знанія: гонясь за вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, онъ слишкомъ останавливался на ребяческихъ мелочахъ и написалъ неловкій эскизъ изъ предмета внушившаго Бетговену «Сельскую симфонію». Пляска крестьянъ, по нашему мнѣнію, гораздо лучше: это хоро-водъ весьма недурнаго мелодическаго покроя. Въ выраженіи общаго веселья есть сила и полнота, но этотъ номеръ слишкомъ коротокъ, заключеніе его слишкомъ быстро. Что же касается до венгерскаго марша, которымъ заключается первая часть и котораго тема принадлежитъ не Берліозу, это бѣшеный взрывъ всѣхъ инструментовъ и всѣхъ родовъ звучности въ рѣзко обозначенномъ ритмѣ. Главная идея дурно приготовлена, дурно ведена и слишкомъ часто возвращается; «стретта», составляющая заключеніе марша, неумѣреннымъ наборомъ самыхъ странныхъ звуковъ напоминаетъ походъ какой-нибудь дикой орды. А между-тѣмъ, какъ все это далеко отъ турецкаго марша въ «Развалинахъ Аонія» Бетговена.

«Вторая часть открывается хоромъ христіанъ, славящихъ Свѣтлое Воскресеніе. Здѣсь Берліозъ, какъ и вездѣ, гдѣ приходится развѣивать мотивъ топкими отгѣнками, пришелъ въ недоумѣніе и его можно развѣ похвалить только за доброе желаніе, но нельзя не удивиться тому, что онъ, такой страстный любитель фантастическаго, встрѣтилъ рѣшительную неудачу въ знаменитыхъ пѣсняхъ «О крысѣ» и «О блохѣ». Тутъ нѣтъ ни круглоты, ни веселья, ни живости; Берліозъ рѣшительно упустилъ случай написать образецъ каррикатуры. Гораздо лучше удался ему оркестровый номеръ, изображающій колыханіе духовъ воздуха, вызванныхъ Мефистофелемъ надъ спящимъ Фаустомъ. Въ немъ много прелестныхъ подробностей, умирающіе звуки арфы наводятъ сладкую задумчивость. Жаль только, что мелодія, поддерживающая эти очаровательныя музыкальныя арабески, заимствована изъ хора «Нины» Паззіелло: *Dormi, o safo*. Мы не будемъ долго останавливаться на третьей части, въ которой сносится только коротенькій менуэтъ, который слыфы пляшутъ передъ домомъ Маргариты, и порывъ оркестра, означающій волшебіе Фауста, когда онъ входитъ ночью въ комнату своей возлюбленной. Пѣсня царя тудейскаго представляетъ что-то странное: она вертится все время на самыхъ высокихъ и пискливыхъ нотахъ дисканта и въ какомъ-то рубленомъ ритмѣ, отъ котораго и французскій языкъ дѣлается особеннымъ языкомъ, свойственнымъ одному Берліозу.

(Францъ Шубертъ написалъ эту пѣсню въ такомъ же родѣ, стараясь придать какой-то колоритъ среднихъ вѣковъ).

• Четвертая часть начинается знаменитою пѣснью Маргариты, которую слова Гетѣ и музыка Шуберта обезсмертили и сдѣлали народною. Балада Берліоза никогда не доживетъ ни до такой чести, ни до такого поруганія. Можно упомянуть только о первомъ кушетѣ, очень хорошо приготовленномъ ритуалью англійскаго рожка: остальные не заслуживаютъ никакого вниманія. Драма достойно заключается адскимъ галопомъ, въ которомъ композиторъ пресерьозно хотѣлъ изобразить тепоть двухъ веронихъ коней, несущихъ Фауста и кредитора его Мефистофеля.

• Таково сочиненіе, въ которомъ Берліозъ обезобразилъ одно изъ величайшихъ созданій новѣйшей поэзіи. Онъ вовсе не поваль этой драмы ума и чувства, въ которой Фаустъ, доведенный до сьумасшествія гордостью знанія и уединеніемъ надменнаго разума, находитъ минуту счастья только покоя горящую голову на чистомъ, дѣвственномъ сердцѣ Маргариты. Онъ обратилъ эту прелестную дѣву, идеаль любви, скромности и вѣжной грусти, въ пошлую героиню, выбалтывающую тайну своей души въ преувеличенныхъ мелодраматическихъ ловавіяхъ. Берліозъ придалъ важность нѣкоторымъ довольно ребяческимъ странностямъ, которыя поэтъ разсыпалъ тамъ-п-сямъ по своей картинѣ, чтобы лучше отгнать нѣмецкое общество шестнадцатаго столѣтія, въ которомъ совершаются событія его «Божественную комедію». Едва ли когда союзъ драмы и симфоніи бывалъ неудачнѣе. Берліозъ не только не умѣетъ писать для человѣческаго голоса, но даже оркестровка его одинокъ сборъ звуковыхъ странностей, безъ содержанія и безъ развитія.

• Манера и недостатки Берліоза породили, какъ должно было ожидать, ревностныхъ подражателей. Изъ нихъ замѣчательны Ж. М. Жосъ, представившій, въ прошломъ году, фантастическую фантазію въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Пустынный, или Искушеніе», въ которой есть хорошіе нумера; Дуэ, котораго фантастическая симфонія «Королевская охота Генриха Четвертаго», подавала надежды, нисколько не оправданныя послѣднимъ его произведеніемъ, музыкальною трилогіею «Юанна д'Аркъ»; Л. Лаконъ, написавшій драматическую симфонію «Манфредъ», не чуждую перwokлассныхъ достоинствъ, и наконецъ Фелпсенъ Давидъ, котораго громкая слава заслуживаетъ болѣе внимательной оцѣнки.

• Подобно многимъ современнымъ художникамъ, Фелпсенъ Давидъ долго колебался и искалъ себѣ пути. Мелкія произведенія,

хоры, гимны, инструментальныя пьески, писанныя для соеини-
нствовъ, къ которымъ онъ присоединился, доставили ему уже
нѣкоторую славу между друзьями и небольшимъ числомъ люби-
телей, когда обстоятельства безпокойной и трудной жизни побу-
дили его ѣхать въ Египеть. Тамъ, пораженный красотами рос-
кошной природы, съ помощью своего друга, Колена, онъ задумалъ
написать небольшую эпопею, въ которую могъ бы вставить
музыкальныя идеи, темно являвшіяся его воображенію, и нѣсколь-
ко народныхъ мелодій, собранныхъ имъ въ путешествіяхъ и по-
разившихъ его своимъ страннымъ складомъ. Караванъ, переке-
дящій необъятную степь, со всѣми случайностями такого дол-
гаго и опаснаго странствія, показался ему предметомъ вполне
согласнымъ съ его талантомъ и могущимъ снискать хорошій
пріемъ восторгомъ парижской публики. Таково происхожденіе
этого творенія, вдругъ доставившаго Давиду такую обольститель-
ную, но въ то же время опасную славу.

«Ода-симфонія «Пустыня» начинается глухимъ ропотомъ стру-
ныхъ инструментовъ, продолжительною оркестровою ферматою,
выражающею идеи безконечности, какую возбуждаетъ въ насъ
видъ необъятной равнины. Нѣсколько стиховъ, продекламирован-
ныхъ на этомъ основномъ басѣ, точнѣе опредѣляютъ мысль ком-
позитора. За тѣмъ весь караванъ поетъ хоромъ молитву, которой
голоса группированы со вкусомъ все на той же педаль, упорно
продолжающейся, какъ основная мысль поэмы :

Quel est ce point noir dans l'espace
Qui se montre et fuit tour à tour?
A l'horizon la caravane passe....

«За этой строфой, декламированной на античный ладъ, кор-
феемъ, изображающимъ повидимому лицо поэта, который слиш-
комъ охотно вводитъ свою фантазію въ ходъ драмы, слѣдуетъ
прелестный оркестровый номеръ, въ которомъ флейта, кларнетъ
и гобой играютъ и переговариваютъ между собою, какъ влюблен-
ные силы. Наконецъ караванъ съ пріемомъ продолжаетъ свой
путь. Опять строфа, декламированная корфеемъ, возвѣщаетъ слу-
шателю приближеніе самума, бурнаго, жгучаго вихря, который
мигомъ распространяется по степи и воздымаетъ облака песку.
Композиторъ собралъ всѣ свои силы для описанія этого явленія
и смятенія, производимаго имъ въ ухахъ странниковъ, которыхъ
крики долетаютъ издали. Онъ написалъ превосходную пьесу, но
слишкомъ короткую, и лишнюю того разнообразія эпизодовъ,

которое дѣлаетъ бурю въ пастушеской симфоніи чудомъ искусства. Буря стихаетъ, снова раздается хоръ каравана, и послѣдніе замирающіе его акорды заключаютъ первую часть симфоніи.

«Источенный караванъ останавливается среди ночнаго мраку, обнимающаго всю степь. Одинъ голосъ отдѣляется отъ толпы странниковъ и выражаетъ общее блаженство гимномъ къ ночи. Это нѣжная мелодія съ затѣйливымъ, изысканнымъ аккомпаниментомъ. На рисунокѣ основнаго баса, слѣдующемъ за нею, какъ тѣнь, флейта, кларнетъ и гобой поочередно набрасываютъ прелестныя подражанія, наполняющія душу слушателя сладостною нѣгой. Объ «Арабской фантазій» скажемъ только, что ея страшный характеръ и сомнительность тона ясно изобличаютъ ея восточное происхождение, по слѣдующая за нею пляска альмей полна кокетства, и прелести въ подробностяхъ. Въ особенности поражаетъ въ немъ двойная восходящая и нисходящая гамма, исполняемая въ терцахъ гобоємъ и кларнетомъ: она напоминаетъ огненную спираль, бороздящую горизонтъ, бенгальскій огонь, пересѣкающую темноту ночи. «Вечерняя дума», которой мотивъ не собственного изобрѣтенія Давида, мелодія нѣжная, и неопредѣленная, очень удачно заключаетъ вторую часть симфоніи.

«Третья и послѣдняя часть начинается восходомъ солнца, описательною пьесой, которой достоинства и новизна были слишкомъ неумѣренно превозносимы. Скрипки подъ сурдинами начинаютъ на самыхъ высшихъ нотахъ своей скалы, едва замѣтное тремоло, колеблющее воздухъ, какъ стая порхающихъ бабочекъ. Надъ этимъ постепенно усиливающимся тремоло духовые инструменты набрасываютъ тамъ и сямъ нѣсколько жалобныхъ нотъ, точно какъ на картинѣ Гверчина Аврора усыпаетъ землю утренними цвѣтами. Скрипки поочередно и мало-по-малу оставляютъ сурдины и весь оркестръ издаетъ громовое тутти, оглушающее своею силою и блескомъ. Эта прогрессія занимающая только тридцать пять тактъ, довольно удачно изображаетъ быстрое явленіе свѣта въ тропическихъ странахъ. Но тутъ всего удобнѣе можно понять безплодность подражательной музыки, когда она не вѣшній отголосокъ душевнаго чувства, а просто, матеріальный отголосокъ окружающей насъ жизни. Прослушавъ этотъ фокусъ инструментальной музыки, слушатель остается совершенно холоденъ, потому что онъ не приготовленъ и не приведенъ ни какимъ внутреннимъ чувствомъ; между-тѣмъ, какъ каждый готовъ вскрикнуть отъ радости въ первомъ дѣйствіи Россиніева «Моисей», при по-

явленіи дивной модуляціи, сопровождающей желанное возвращеніе дневнаго свѣту.

«Послѣ этого изображенія восхода, остается только пѣснь муззина, съ арабскими словами, и нѣсколько хоровъ, слышанныхъ уже въ первой и второй части.

«Когда «Пустыню» исполнили въ первый разъ, въ Парижѣ, тому назадъ два года, поверхностная критика, не руководствующаяся постоянными правилами, попала въ располкъ и растерялась. Со всѣхъ сторонъ посыпались самыя неумѣренныя, самыя безразсудныя хвалы, до того, что нѣкоторые лица осмѣливались ставить имя Давида рядомъ съ именами Моцарта, Бетговена и Россини. Не болѣе было бы противно истинѣ и здравому смыслу если бы кто вздумалъ автора «Маріи» сравнивать съ Гомеромъ, или живописца, написавшаго крошечную картинку *de genre* съ творцомъ великой эпопеи «Страшнаго Суда». Немногіе здравые умы возстали противъ всеобщаго пристрастія и съ большею умѣренностью оцѣнили произведеніе и дарованіе Давида. Довольно коротенькія, но граціозныя идеи, акомпанированныя со вкусомъ; нѣжное, задумчивое воображеніе, любящее отражать свѣтлые образы вѣшней природы; непринужденная фантазія; нѣсколько оригинальныхъ мелодій, ловко подобранныхъ и вставленныхъ въ общую раму; новостъ предмета, вполне соответствующаго способностямъ композитора; легкая, свѣтлая, замысловатая инструментовка, безъ грубыхъ и честолюбивыхъ эффектовъ, такъ часто встрѣчающихся въ симфоніяхъ Берліоза, — вотъ достоинства, доставившія такой успѣхъ творенію Давида. Но въ этомъ прелестномъ ландшафтѣ, въ этомъ свѣжемъ оазисѣ, который волшебная сила поэта создала среди необъятной степи, воздухъ пропитанъ какою-то однообразною изнѣженностью, изобличающею въ музыкантѣ натуру ограниченную, хотя и чувствительную, натуру не плодовитую и почти неспособную выражать энергію и разнообразіе драматическихъ чувствъ.

«Пріемъ, найденный въ слѣдующемъ году его драматическою симфоніею «Моисей», могъ бы дать Давиду понятіе о настоящемъ значеніи его. Увлеченный своимъ успѣхомъ, несмотря на неоднократныя уропы понесенныя во время путешествія по Германіи и Италіи, онъ схватился за величайшій предметъ, какой можетъ избрать художникъ. Его «Моисей», исполненный одинъ только разъ на театрѣ большой оперы, передъ безчисленнымъ, скучающимъ собраніемъ, поколебалъ славу его даже въ

глазахъ самыхъ неистовыхъ его поклонниковъ. Ода-симфонія «Христофоръ Колумбъ» явила ли дарованіе Давида съ новой стороны? Вотъ, о чемъ остается намъ сказать нѣсколько словъ.

«Драматическая симфонія «Христофоръ Колумбъ» дѣлится на четыре части: «Отъѣздъ», «Ночь подъ тропиками», «Мятежъ», «Новый свѣтъ». Послѣ немногихъ тактъ интродукціи, изъ самыхъ ничтожныхъ, оркестръ беретъ низкую педаль, — средство, уже употребленное въ «Пустынь». На этой педали корифей декламируетъ воззваніе къ Океану и за тѣмъ начинается драма. Готовясь отправиться на славное открытіе, сознавая все величіе своего назначенія, Колумбъ, одинъ передъ моремъ, выражаетъ темныя надежды своего генія, въ арии изъ самыхъ посредственныхъ на самые пошлые стихи. Не лучше удался и слѣдующій за тѣмъ разговоръ Колумба съ хоромъ матросовъ; дуэтъ двухъ любовниковъ, разлучающихся можетъ быть навѣки, заслуживаетъ вниманія только нѣкоторыми подробностями акомпанимента. Вообще въ первой части замѣчательно только оркестровое колѣно, изображающее отплытіе эскадры. Оно начинается сильнымъ кресчендо струнныхъ инструментовъ, къ которому присоединяются смѣлые звуки трубъ. Надъ громкимъ тремоло скрипокъ, какъ въ «Восходѣ солнца» въ — «Пустынь», — раздаются рѣзкіе звуки флейточки и на противоположной оконечности — періодическіе глухіе удары, изображающіе громъ пушки и затихающіе въ дали. Этотъ эффектъ былъ бы довольно величественъ, еслибъ былъ лучше приготовленъ, болѣе разнообразенъ мелодическими подробностями и не такъ коротокъ.

«Вторая часть открывается оркестровымъ нумеромъ нѣжнаго характера, располагающимъ душу къ задумчивости подъ мѣрный плескъ волнъ. Молодой юнга, пользуясь роздыхомъ доставленнымъ ему штилемъ и ясностью вѣчи, поетъ наивную, довольно короткую мелодію, напоминающую старинныя поэмы. За тѣмъ оркестръ слагается изобразить отдаленный ропотъ таинственныхъ духовъ, возстающихъ въ изумленіи на лонѣ океана. Эта музыкальная картина очень неудачна, а хоръ матросовъ, служащій ему дополненіемъ, написанный накладною гармоніею, какъ и всѣ хоры въ «Пустынь», ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ премилыхъ подробностей въ акомпаниментѣ, такъ напримѣръ, есть въ немъ очаровательная арабеска гобоя, напоминающая перелеты ласточки, когда она колыхается въ высотѣ надъ своимъ гнѣздомъ. «Сторожевая пѣсня» довольно скучный и однообразный романсъ матроса, и ни сколько не отражаетъ голу-

баго неба Испаніи и прозрачности морей, въ которыхъ плещется солнце, и скорѣе сбиваетъ на гимнъ суровой Бретани. Баллада моряковъ и слѣдующіе за нею хоры также не отличаются ни замысловатостью, ни новостью: это ослабленное повтореніе мелодическихъ складовъ и фигуръ акомпанимента употребленныхъ уже композиторомъ въ первой его симфоніи.

«Что касается до третьей части, всѣ согласны въ ея крайней слабости, а между тѣмъ это единственная часть всего произведенія, представляющая истинно драматическое положеніе. Нельзя ничего себѣ представить слабѣе и безцвѣтнѣе хора возмущенія экипажа, речитативовъ и ариі Колумба, въ которыхъ онъ слится усмирить это непокорное, грубое скопище, могущее остановить его на половинѣ чудесной поѣздки. Не припоминая даже подобной сцены въ «Фернандъ Кортесъ» Спонтини, нельзя не согласиться въ крайней ничтожности музыки Давида. А какую дивную эпическую музыку могъ бы написать на монологъ Колумба, вызывающаго къ гевію своему среди безмолвія ночи и океана, композиторъ одаренный тою энергіею, тѣмъ разнообразіемъ мыслей, которыхъ недостаетъ Давиду!

«Четвертая часть, «Новый свѣтъ», заключаетъ всѣ лучшія нумера симфоніи Давида. Слушатель тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ пристаеетъ къ новому берегу, что рейсъ былъ довольно продолжителенъ. Нѣсколько стиховъ, декламированныхъ на обычной оркестровой ферматѣ, къ которой Давидъ прибѣгаетъ слишкомъ часто, немедленно переводятся и поясняются прелестнымъ оркестровымъ номеромъ. Духовые инструменты переговариваютъ между собою, подъ тихое журчаніе акомпанимента; они радуются и щебечутъ, будто стая птицъ въ роскошномъ саду. Прелестныя подражанія, отдѣляющіяся отъ общей картины, будто приносятъ, ароматную струю воздуха съ обѣтованной земли. «Пляска дикихъ» которой тема, если не ошибаемся, не Давидова, весьма мало и искусно оркестрована: скрипки подъ сурдинами, рисуютъ тему, между-тѣмъ какъ басы означаютъ сильные темпы и существенныя ноты гармоніи. Флейточка и кларнетъ премило играютъ и спорятъ между собою, будто два пастуха виргиліевой элоги. Все это чрезвычайно замысловато. Элегія бѣдной Индіанки надъ колыбелью дитяти — пѣжная, сладкая мелодія, немного короткая, полная трогательной задумчивости. Наконецъ горячее воззваніе Колумба къ непокорнымъ спутникамъ заключаетъ симфонію.

«Христофоръ Колумбъ» несравненно слабѣе «Пустыни»: въ немъ

нѣтъ той прелести и того единства; притомъ въ немъ повторяются лучшія ея мысли, не оживленныя новыми, болѣе глубокими формами. Въ немъ всѣ тѣ же достоинства, ослабленныя своимъ разсвѣяніемъ въ рамкѣ слишкомъ обширной для силъ Давида; тоже безсиліе въ выраженіи энергіи драматическихъ страстей. Идеи Давида не отличаются ни глубиною, ни плодovitостью, ни разнообразіемъ. Всегдашняя, немного нарумяненная граціозность его мелодій, наконецъ надоѣдаетъ; его задумчивость таетъ, таетъ, и наконецъ обращается въ полусонъ, тяготящій глаза и умъ. Давидъ не великій композиторъ, онъ только милый, счастливо надѣленный природою музыкантъ, который однажды, перебирая заветныя воспоминанія своей бурной жизни, нашель, подобно нѣкоторымъ свѣтскимъ женщинамъ, матеріалъ на замѣтельную повѣсть, на хорошенкій романъ, и разсказалъ его міру умно и мило Но станетъ ли его на другой?

•Что же заключить теперь изъ достойныхъ уваженія успій Оясова и Ребера и болѣе честолюбивыхъ попытокъ Берліоза и Фелисьева Давида? Что во Франціи нѣтъ еще симфоній, могущей сравниться съ образцами нѣмецкой школы, но что успѣхи музыкальнаго образованія, бѣльшая свобода вкуса, болѣе тонкое чувство, приготовили хорошій пріемъ первому великому художнику, который съумѣетъ своимъ гениемъ оживить дивную форму инструментальной симфоніи. Что же касается до оды-симфоніи, этого соединенія множества различныхъ элементовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, не сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, въ которомъ эпическій разсказъ безпрестанно сталкивается съ драмою, не проникая ея, это ложный родъ, который никогда не утвердится въ искусствѣ. Описательная музыка, которую она силится развить, должна остаться просто вспомогательнымъ средствомъ драматической музыки. Есть у васъ нѣжность и веселость? пишите комическія оперы, подобно Герольду и Оберу. Чувствуете вы стремленіе къ высокой лирикѣ и страсти? пишите трагедіи, подобныя Вильгельму Теллю или Роберту-Дьяволу. Если же вы предпочитаете чисто инструментальную музыку, то сочиняйте сопеты, квартеты, квинтеты, симфоніи, подобно Гайдну, Моцарту, Бетговету, или даже Мендельзону, достойному ученику этихъ великихъ мастеровъ. Драматическая же симфонія, не дававшаяся и самому Бетговету, должна исчезнуть, какъ соглашеніе противоположныхъ идей, какъ временная мѣра, ненужная, когда скоро завоевана свобода.»

Возраженія автора этой статьи противъ музыки Берліоза вооб-

ще справедливы и основательны, но онѣ выражены языкомъ, отличающимся непримиримую личную вражду къ Берліозу, и потому ихъ нельзя принять за безпристрастное и основательное сужденіе. Обширныя, всестороннія познанія Берліоза несомнѣнны и, не одобряя даже его направленія, нельзя не признавать и не уважать его серьезнаго, великаго стремленія. Зачѣмъ же, вмѣсто того, чтобы спокойно показывать его ошибки и благородно отдавать справедливость великимъ и достойнымъ его заслугамъ (а ихъ не мало), зачѣмъ это презрѣніе, это осмѣяніе, которое уничтожаетъ даже хвалу, вынужденную у автора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи?

Повторяемъ, мы сообщаемъ эту статью не только потому, что въ ней много истиннаго и занимательнаго, но и зачѣмъ, чтобы показать, какъ Парижскіе критики обращаются съ своими противниками.

Сужденіе о Фелисьенѣ Давидѣ гораздо безпристрастнѣе. Поэтому мы и оставимъ его безъ всякихъ замѣчаній.

В. ДАШКЕ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петналя, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- ANDERSON. L'improvisatore ou la vie en Italie; traduit par Lebrun. Paris 1847. 2 vol. in-12. 2 r.
- Annuaire pour l'an 1847, présenté au Roi par le bureau des longitudes. Paris 1846. 1 vol. in-18. 30 c.
- Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1847. Paris 1847. 1 vol. in-18. 75 c.
- ARNAULD. Oeuvres philosophiques, publiées avec des notes et une introduction par Jourdain. Paris 1843. 1 vol. in-12. 1 r.
- Atlas des principales batailles de la République et du Consulat, gravé par ordre de Napoléon. 2e édition. Paris 1846. 1 vol. in fol. 6 r.
- AUDIN. Histoire de Henri VIII et du Schisme d'Angleterre. Paris 1847. 2 vol. in-8. avec le portrait de Henri VIII. 4 r. 30 c.

- BESCHERELLE et LARCHER.** La femme jugée par les grands écrivains des deux sexes. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. avec gravures. 4 r.
- BONNECHOSE.** Les réformateurs avant la réforme; Jean Hus et le concile de Coustance. 2e édition. Bruxelles 1846. 2 vol. in-12. 2 r. 25 c.
- BRETON.** Monuments de tous les peuples. 2e édition. Paris 1846. 2 vol. gr. in-8. 7 r. 15 c.
- BRITZ.** Code de l'ancien droit Belgique. Bruxelles 1847. 2 vol. in-4. 6 r. 85 c.
- BRUYÈRES.** La phrénologie, le geste et la physionomie démontrés par 120 portraits. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. 5 r. 70 c.
- CAILLAT.** Application à l'agriculture des éléments de physique, de chimie, et de géologie. Paris 1847. 4 vol. in-12. 4 r. 55 c.
- CAPEFIGURE.** Le congrès de Vienne dans ses rapports avec la circonscription actuelle de l'Europe. Bruxelles 1846. 1 vol. in-18. 60 c.
- CAYOS.** Traité de la construction des théâtres. Paris 1847. 1 vol. in-4. avec un atlas in fol. 8 r. 55 c.
- Chants religieux des Israélites, publiés par Naumbourg.** Paris 1846. 1 vol. in fol. 7 r. 15 c.
- CHABLES.** Olivier Cromwell. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r.
- CONDORCET.** Oeuvres complètes sur les manuscrits originaux. publiées par Condorcet O'Connor et Arago. Paris 1847. 12 vol. in-8. 24 r.
- COOPER.** Le porte-haïne. Bruxelles 1847 2 vol. in-18. 1 r. 20 c.
- COSTE.** Manuel de dissection. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 30 c.
- DASCH.** Mademoiselle de la Tour du Pin. Bruxelles 1847. 2 vol. in-18. 1 r. 20 c.
- Dictionnaire des arts et manufactures, description des procédés de l'industrie française et étrangère.** Paris 1846. 2 vol. gr. in-8. avec 2500 gravures sur bois. 18 r.
- DUBRUEIL.** Des anomalies artérielles. Paris 1847. 1 vol. in-8. et atlas in-4. 5 r. 70 c.
- DU POTET.** Manuel de l'étudiant magnétiseur. Paris 1846. 1 vol. in-12. 1 r.
- Essai sur l'économie politique d'Angleterre.** Bruxelles 1846. 1 vol. in-8. 75 c.
- ETIENNE.** Oeuvres, avec notes et éclaircissements. Paris 1846. Tome 1. in-8. 1 r. 45 c.
- FOA (Mm.).** Le livre de la jeunesse. Paris 1846. 2 vol. in-12. 1 r.
- GALUPPI.** Lettres philosophiques sur les vicissitudes de la philosophie; traduit de l'italien par Peisse. Paris 1844. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- GRANDVILLE.** Les fleurs animées, avec introductions par Karr, et texte par Delord. Paris 1847. 2 vol. gr. in-8. 5 r. 70 c.

- GRISIER.** Les armes et le duel; ouvrage agrée par S. M. l'Empereur de Russie. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. 3 r.
- HOUDETOT.** Le chasseur rustique. Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- Jérusalem ancienne et moderne.** Londres 1847. 1 vol. in fol. avec gravures et plans. 12 r. 85 c.
- le même ouvrages, figures coloriées. 17 r. 15 c.
- JURIEN DE LA GRAVIÈRE.** Guerres maritimes sous la République et Empire. Paris 1847. 2 vol. in-12. 1 r. 70 c.
- LARROQUE.** Traité de la fièvre typhoïde. Paris 1847. 2 vols. in-8, 3 r. 45 c.
- LAMERT.** La préservation personnelle, traduit de l'anglais. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r. 45 c.
- Manuel complet du teinturier.** Paris 1847. 1 vol. in-18. 55 c.
- MALTHUS.** Principes d'économie politique. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. 2 r. 85 c.
- MOREAU DE JONNES.** Eléments de statistique. Paris 1847. 2 vol. in-12. 1 r.
- OLIVIER.** Applications de la géométrie descriptive aux nombres, à la perspective, à la gnomonique et aux engrenages. Paris 1847. 1 vol. in-4. et Atlas in-4. 7 r. 15 c.
- PARDESSUS.** Us et coutumes de la mer. Paris 1847. 2 vols. in-4. 10 r.
- PATRIA.** La France ancienne et moderne ou collection de tous les faits relatifs à l'histoire de la France. Paris 1847. Tome 1e en deux parties. 2 vol. in-12. 5 r. 15 c.
- PECLET.** Traité élémentaire de physique, 4e édition. Paris 1847. 2 vol. in-8. et atlas. 4 r. 30 c.
- PHILIPON DE LA MADELEINE.** L'Orléannais, histoire des ducs et du duché d'Orléans. Paris 1845. 1 vol. gr. in-8, avec gravures. 3 r. 80 c.
- PINARD.** Tableau des principaux objets faits par les serruriers, avec une note descriptive pour chaque chose. Paris. 1 feuille. 85 r.
- PITRE-CHEVALIER.** Bretagne et Vendée, ouvrage illustré. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8. 5 r. 70 c.
- PONCELET.** Traité de mécanique appliqué aux machines. Bruxelles 1845. 1 vol. gr. in-8. 3 r.
- RATTIER.** Cours complet de philosophie. Paris 1843. 3 vol. in-12. 3 r.
- REMIUS FRESNIUS.** Précis d'analyse chimique quantitative. Paris 1847. 1 vol. in-12. orné de gravures. 1 r. 45 c.
- SANDEAU.** Valcreuse. Paris 1847. 3 vol. in-8. 6 r.
- TURQUIE (la).** Mœurs et usages des orientaux au XIXe siècle, scènes de leur vie intérieure et publique, ouvrage illustré par Rogier, avec une introduction par Gautier, et un texte descriptif. Paris 1847, livraisons 1—3, chaque livraison à 5 r. 60 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для виолончели.

- BOECKMUEHL.** Fantaisie brillante et dramatique sur des motifs de l'opéra Norma de Bellini pour violoncelle avec piano. op. 51 (2 r.).
- Caprice et variations sur deux thèmes Ecossais et Russe. op. 52 (2 r.).
- DOTZAUER.** Douze Duettinos pour violoncelle avec piano. Liv. 2 (1 r.).
- KUMMER.** Reminiscences à F. Schubert. Ave Maria et la Sérénade transcrites pour le violoncelle avec piano. op. 89 (1 r. 15 c.).
- Pièce caractéristique de Salon. Romance et marche de l'opéra: les Mousquetaires de la Reine pour le violoncelle avec piano. op. 91 (1 r. 15 c.).
- LASEEK.** Mélodie pour le cor (ou violoncelle) avec piano (la partie de violoncelle arr. par F. A. Kummer) (72 c.).
- LEB.** Souvenir du Lac des quatre Cantons. Barcarolle pour le violoncelle avec piano. op. 45 (1 r.). Divertissement sur des motifs de l'opéra: Luisa Strozzi, pour violoncelle avec piano. op. 46 (1 r.).
- MENTER.** Thème avec variations pour violoncelle avec piano. op. 4 (1 r. 15 c.). Fantaisie avec piano. op. 5 (1 r. 72 c.).
- SARONI.** Nectarne pour violoncelle avec piano (1 r. 15 c.).
- SCHUBERTH.** Tarantelle pour violoncelle avec orchestre. op. 16 (3 r. 85 c.). avec piano (2 r.).
- Adieu et revoir. Adagio et Mazurka avec piano. op. 17 (1 r. 15 c.).
- Mystification. Morceau de Salon avec piano. op. 18 (1 r. 15 c.).
- SELIGMANN.** Reminiscences d'Halévy. Grande fantaisie avec piano. op. 46 (1 r. 72 c.).
- STRANSKY.** Pièces de Salon avec piano. op. 10. liv. 3 (1 r. 15 c.).

Пьесы для флейты.

DIABELLI. Productionen im häuslichen Freundschafts - Zirkel für die

- Flöte mit Begleitung des Piano. *M* 72. Schwedische Volkslieder, gesungen von Mlle. Jenny Lind (85 c.).
- Der musikalische Gesellschafter. Periodisches Werk für eine Flöte. *M* 80. La fille du régiment (1 r. 15 c.).
- FRISCH.** Souvenir à Weber. Fantaisie et variations brillantes pour la flûte avec piano. op. 20 (1 r. 72 c.).
- HOFFMANN et MUELLER.** Six duos concertants pour flûte et violon sur des motifs des opéras de Rossini, Auber et Herold. Liv. 1. 2. 3 (chaque 1 r. 43 c.).
- KUMMER.** Vingt-sept pièces de musique très faciles et progressives pour deux flûtes. op. 114 (2 r. 29 c.).
- Trois duos faciles et concertants pour deux flûtes. op. 116 (3 r. 43 c.).
- LINDPAINTNER.** Souvenir d'Appenzell. Fantaisie brillante avec piano. op. 120 (1 r. 72 c.).
- SIDNEY - PRATTEN.** Fantaisie brillante sur la cavatine de Pacini «Il soave e bel contento» avec piano (2 r.).
- L'espérance. Fantaisie sur un motif de l'opéra: L'eclair de Halevy avec accomp. de piano (1 r. 15 c.).
- WALCKIERS.** Deux fantaisies sur les Mousquetaires de la Reine de F. Halevy pour la flûte seule. op. 95 (1 r. 15 c.)
-

Пьесы для фортепиано съ акомпаниментомъ.

- HENSELT.** Concerto pour le piano avec accompagnement d'orchestre. op. 16 (9 r. 72 c.).
- MAYER.** Concerto symphonique pour le piano avec accompagnement d'orchestre. op. 89 (12 r. 58 c.).
- ONSLow.** Quintetto pour piano, violon, alto, violoncelle et contrebasse. op. 70 (6 r. 29 c.).
- OSBORNE.** Trio pour piano, violon et violoncelle. op. 52 (4 r.).
- BEISSIGER.** 4e Trio facile et brillant pour piano, violon et violoncelle. op. 156 (3 r. 85 c.).
- SKRAUP.** Trio facile pour piano, violon et violoncelle. op. 38 (2 r. 85 c.).
-

Пьесы для фортепиано.

- BEYER.** Les nouveautés. Morceaux agréables sur les motifs favoris. op. 91. liv. 1—6 (chaque 1 r.).

- BERNARD.** Souvenir d'Ernst. Le carnaval de Venise, variations burlesques, transcrites pour le piano (avec portrait de Mr. Ernst) (85 c.).
- DOEHLER.** La suppliante. Ballade. op. 65 (75 c.). Une promenade en gondole. Nocturne (75 c.).
- GORIA.** Надежда. Mazurka originale (50 c.).
- HENSELT.** Concerto op. 16 (3 r. 72 c.). 2^e Impromptu (75 c.). Quatre romances sans paroles (1 r.). Deux romances du Comte M. Wielhorsky transcrites Nouvelle édition (1 r.).
- HERZ.** Les entraînantes. Nouveau quadrille varié. op. 155 (1 r. 43 c.). Grande fantaisie sur des airs nations américains. op. 158 (1 r. 72 c.).
- HUENTEN.** Le retour du Chalet. Air national varié op. 144 (1 r.). Mélodie bohémienne variée op. 145 (1 r.). Le désir du pays. Air allemand varié. op. 147 (1 r.). Une fleur. Valse brillante (1 r.).
- KALKBRENNER.** Quatre toccatas. op. 182 (1 r. 43 c.).
- MAYER.** Douze études. op. 93, Cah. 1. 2 (chaque 1 r. 29 c.).
- ROSELLEN.** Les illustrations de la scène italienne. Cinq fantaisies élégantes. op. 88. № 1. Fantaisie sur des mélodies de Rossini (85 c.). № 2. Fantaisie sur la fille du régiment (85 c.). № 3. Fantaisie sur l'opéra: Nabucodonosor (85 c.). № 4. Fantaisie sur des mélodies de Mercadante (85 c.). № 5. Fantaisie sur l'opéra: Linda di Chamounix (85 c.).
- THALBERG.** Airs hongrois variés. op. 65 (1 r. 15 c.).
- VOSS.** Wiederhall. 2^e Nocturne. op. 81 (1 r.). La sentimentale. Cantilène. op. 83 (1 r.).

Танцы для фортепиано.

- BEYEB.** La pervenche. Valse (50 c.).
- BERNARD.** Quadrille sur l'opéra: i Lombardi (60 c.).
- BOERS.** Igeuner-Leben, Tänze: № 1. Gitana-Walzer (30 c.). № 2. Gitana-Galop (30 c.). № 3. Gitana-Polka (30 c.). № 4. Zigeuner-Marsch (30 c.).
- Tänze aus der Oper Ernani: № 2. Ernani-Galop (30 c.). № 4. Ernani-Marsch (30 c.). № 4. Ernani-Polonaise (30 c.).
- BURGMUELLER.** La reveuse. Valse (58 c.).
- GUNG'L.** Wiener Sperr-Lustklänge. Walzer. op. 60 (85 c.). Grazien-Polka. op. 61 (43 c.). Elite-Quadrille. op. 62 (58 c.). Venus-Reigen-Walzer. op. 63 (85 c.).

- LABITZKY.** Tunnel-Fest-Walzer. op. 132 (85 c.). Cambridge-Walzer. op. 132 (85 c.). Gruss an London. Drei Polkas. op. 134 (85 c.).
 — Seraphinen-Quadrille. op. 135 (85 c.). Victoria-Walzer. op. 136 (85 c.). Chinesen-Galop. op. 137 (43 c.).
- LEVITZKY.** Polka tremblante (30 c.).
- МЕССИНГЪ.** Москва Чаривникъ. Полька (40 c.).
- NAVOCOFF.** Les quatre mendians. Polka (30 c.).
- OSSIPOFF.** Les charmes de l'opéra. Quadrille (60 c.). A la guerre. Quadrille militaire (60 c.).
- STRAUSS.** Epionen-Tänze. Walzer (85 c.). Bouquets-Walzer. op. 197 (85 c.). Ländlich, sittlich! Walzer. op. 199 (85 c.). Neujahrs-Polka op. 199 (40 c.). Themis-Klänge. Walzer. op. 201 (85 c.). Eisele- und Beisele-Sprünge. Polka. op. 202 (40 c.).
- WALLBRSTEIN.** Amoretten-Polka (30 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ тѣхъ же магазинѣ вышла восьмая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Döhler, Quintetto de l'opéra Sonnambula transcrit. — Kullak, Adieu à la mer. Barcarolle. — Frackmann, Chanson d'automne de Mendelssohn - Bartholdy transcrit. — Alkan, Fantasia alla moresca. — Damerke, Minnie, Réverie. — Prüller, Souvenir de la petite Russie. Polka. — Rosellen, Pas des fleurs. Divertissement. — Beyer, Fantaisie sur l'opéra Othello. — Всеволоженіи, Душѣ, слова Губера. — Masini, Huit ans ou la prière sur le rivage. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.)



МОДЫ.

Въ области моды совершилась огромная контръ-революція: юбки снова стали носить совершенно гладкія спереди, безъ сборокъ и безъ складокъ,—до боковъ: съ боковъ только начинаются сборки. Чтобы юбки эти хорошо сидѣли, должно срѣзать полотнища

сверху клиньями, такъ, чтобы подолъ былъ въ пять разъ шире верху юбки. Это дѣлается преимущественно для капотовъ, которые застегиваются огромными круглыми пуговицами. Внизу лифа, на сборкахъ, накладывается маленькая баскина. Очень милы кисейныя платья, вышитыя бумагой.

— Въ большомъ ходу тафта цвѣту пыльной смородины (*roussière et groseille*). Платья эти убираютъ пятью или шестью фалборами, которыя обшиваются аграмантами того же цвѣту. Лифъ высокій, рукава полукороткіе, подъ которые подшиваютъ тюлевые, съ кружевами или буфами.

— На дачахъ носятъ тафтяные пеньюары, покрытые тюлевыми. Рукава тафтяного пеньюара коротки, лифъ очень вырѣзанъ, а тюлевый лифъ, напротивъ, очень высокъ и рукава длинны и широки.

— Шляпки тѣ же, что и въ прошломъ мѣсяцѣ, только ихъ нынче убираютъ яблочнымъ цвѣтомъ.

— Чепчики, очень маленькіе, носятъ почти совсѣмъ на затылкѣ.

— Еще великій переворотъ: львы, при встрѣчѣ съ чѣмъ нибудь достойнымъ ихъ вниманія, перемѣняютъ нынче положеніе лицеваго угла противъ прежняго; покидаютъ устарѣлую гримасу и замѣняютъ ее новою: вмѣсто одного стекла, которое прежде вставлялось въ который-нибудь глазъ, заземляютъ носъ въ трубку «новозобрѣтеннаго» двойнаго лорнета. Это гораздо удобнѣе и по-крайней-мѣрѣ столько же мило.

— Если ни зонтики, ни кружевные капюшоны, ни шляпки безъ полей, однимъ словомъ, ни что не защититъ нашихъ прекрасныхъ читательницъ отъ загару, то мы имъ советуемъ унываться водою *Rangier, samphrier-rose*, — водою, которая, говорятъ, выводитъ не только загаръ и веснушки, но и морщины уничтожаетъ совершенно. Мы еще не пробовали этой воды, но весь Парижъ уже вымылся ею и морщины тамъ прошли совсѣмъ, такъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ нужно будетъ снова изобрѣсть и пустить въ моду, какъ теперь *изобрѣтенъ* двойной лорнетъ, торчавшій на ученыхъ носачъ осьмнадцатаго вѣка, потомъ перешедшій въ богачьи и донынѣ извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ *Nasenklemmer*.

